

Виталий
СЕРТАКОВ

ЧЕТЫРЕ ЛУЧШИХ РОМАНА
КУЛЬТОВОЙ СЕРИИ
В ОДНОЙ КНИГЕ!

ПРОСНУВШИЙСЯ
ДЕМОН

Виталий СЕРТАКОВ

ЧЕТЫРЕ ЛУЧШИХ РОМАНА
КУЛЬТОВОЙ СЕРИИ В ОДНОЙ КНИГЕ!

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

ВИТАЛИЙ СЕРТАКОВ

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

БРАТСТВО КРЕСТА

ПО СЛЕДАМ БОЛЬШОЙ СМЕРТИ

ДЕМОН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Художники обложки: *С. Григорьев, В. Коробейников*

Сертаков, В.

С33 Проснувшийся демон: Проснувшийся демон. Братство креста. По следам Большой смерти. Демон против Халифата / Виталий Сертаков.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2011.— 1113 с.

ISBN 978-5-17-072890-9 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1992-7 (ООО «Астрель-СПб»)

Он проснулся и понял, что произошла планетарная катастрофа. Его мира больше нет. Есть мир чужой, где правят банды и колдуны, а чудовищные мутанты охотятся на людей даже при солнечном свете. Его, человека из прошлого, звали Кузнецом, его звали Клинком. Но те, кто верил, что он может изменить судьбу этого страшного мира, называли его Проснувшимся Демоном.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 14.10.10.
Формат 70 x 100 1/16. Усл. печ. л. 90,3
Тираж 3000¹⁶ Заказ № 5540

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Глаза открылись, и человек закричал.

То есть хотел закричать, но сразу же начал задыхаться оттого, что рот распирали широкий резиновый загубник. От загубника в глубину гортани тянулся упругий захват, не дававший возможности шевельнуть языком. Человек понял, что не может не только крикнуть, но даже свободно сглотнуть. Конструкция, раздвигающая губы, позволяла лишь с натугой дышать. Воздух, попадавший в легкие, был очень холодный и отдавал кислинкой.

Он еще раз сморгнул и понял, что его так напугало.

Серая тварь.

Прямо напротив его глаз из голубоватого стекла смотрела адская харя с торчащими из раздутых ноздрей трубками и круглыми резиновыми нащепками на выбритых висках. Вместо нормального человеческого рта у серокожего чудища торчало спереди нечто вроде хоккейного забрала, куда уходил голубой гофрированный шланг и две красные трубки, потоньше. Макушку укрывала свободная полупрозрачная шапочка вроде тех, что надевают в душ дамы, берегущие прическу. С глазами тоже что-то было не в порядке. Шапочка крепилась ко лбу широкой мягкой банданой, из нее к каждому глазу тянулся тонкий розовый волосок. По поверхности волосков перекачивались еле заметные капельки жидкости.

Глаза моргнули; человек вынужден был признать, что видит собственное отражение. Мозг попытался унять нарастающую панику и прислушаться к телу. И руки, и ноги оставались на своих местах. Человек лежал на спине и почти не мог шевелиться. Голову что-то удерживало повернутой в правую сторону. То, что он принял за зеркало, оказалось узким прозрачным окошком. Слабый рассеянный свет шел откуда-то сзади, а за окошком было темно, поэтому он видел только себя. Распах-

нутые от ужаса глаза, капли пота на лбу под эластичной повязкой, бьющаяся на шее вена.

Он попробовал пошевелить пальцами и сделал несколько открытий. При нажатии указательным пальцем на невидимую кнопку прямо перед глазами, в нижней части «иллюминатора» заиграл целый ряд зеленых цифр и букв. Буквы шли латинские, но он их легко прочел. Одни цифры постоянно менялись, другие оставались неподвижными. «Давление», «Пульс», «Частота дыхания»... Некоторые слова он узнавал, но никак не мог припомнить, что они означают, например «Лейкоциты». Всего шестнадцать параметров. Он увлекся изучением зеленой панели и тут же понял, что не имело смысла с таким напряжением втягивать кислород. Механизм, пленником которого он оказался, сам исправно подавал воздух в шланг. Человек попытался задержать дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздался щелчок, и поверх зеленых цифр побежала красная надпись: «Принудительная вентиляция. Профилактика системы через пять секунд».

Он не стал дожидаться выполнения угрозы и снова задышал. Красные буквы исчезли. Уже хорошо! По крайней мере, эта штука не пытается его убить. Возможно, он попал в аварию и находится в барокамере?

Легкое движение средним пальцем. Новая картинка. «Мышечный тренинг. Уровень нагрузки — 4. Частота — 120 минут. Задайте другой режим».

Он пошевелил подушечкой безымянного пальца. Еще одна зеленая сетка с цифрами. «Температура реагента», «Скорость циркуляции протектора», «Давление среды»... Нет, это не барокамера и не реанимация. Не может такого быть, чтобы больной сам регулировал параметры жизнеобеспечения.

Человек обрадовался, что не потерял способности трезво мыслить. Кроме того, его не затрудняли сложные слова. Поскольку этот узкий гроб способен выполнять команды изнутри, значит, появляется возможность выбраться отсюда. Он подвигал бедрами, пытаясь определить на ощупь наличие одежды. Согнул колено и тут же уперся ногой в стенку. Действительно, похоже на гроб. Было еще что-то, жутко его раздражавшее. Сразу он не понял, но теперь, когда первый страх отступил, возник тревожный вопрос: как давно я тут лежу? Он явственно ощущал мягкую помеху в районе заднего прохода и еще какую-то конструкцию, фиксирующую член. Сколько времени надо проваляться в забытии, чтобы в зад воткнули клизму? Нет, не клизму.

Он вспомнил слово. Катетер.

Предплечье левой руки стягивали как минимум две повязки, зато правая была почти свободна. Ничего страшного, сказал он себе. Ничего страшного. Раз я очнулся, это должны заметить те, кто снаружи,

врач или сестра. Сейчас кто-нибудь подойдет и заговорит со мной, все встанет на свои места. Так бывает после аварий: провалы в памяти, и все такое прочее...

Человек честно подождал, считая до тысячи. Никто не появлялся, и свет по ту сторону окна так и не зажегся. Он напрягал слух, но, кроме тихого шипения воздуха в шланге, не доносилось ни звука. Присмиривший было страх зашевелился липкими змеиными кольцами в области сердца. Спокойно, повторил человек, надо вспомнить, как меня зовут. Я думаю, а значит, и говорю на русском. Стало быть, и имя у меня должно быть русское. Я жив, и уже не умру. А раз ко мне никто не подходит, наверное, так и надо. Вероятно, врачи заняты другими пациентами или у них собрание. Или сейчас ночь... Как же меня зовут? Как страшно, оказывается, забыть собственное имя.

Под правой кистью оставались неизученными две кнопки. По сигналу мизинца перед носом вспыхнули электронные часы. Минута четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

Обратный отсчет! Правее единички ровно светились десять нулей. Какое-то время он беспомощно глядел на смену цифр. Итак, напрашивалось объяснение, что часы показывали как раз полторы минуты, прошедшие с момента, как он очнулся. А зачем тогда столько нулей справа? А вдруг он космонавт и летит с катетером в заднице к далекой планете? И будет лететь еще несколько тысяч лет? Он изо всех сил напряг память, но ничего, даже отдаленно связанного с космонавтикой, на ум не приходило. Он понятия не имел, чем занимался до того, как угодил в гроб с окошком, но явно не исследованиями космоса.

«...Американцы еще не слетали к Марсу». Ух ты, возникла связанная мысль, первое отчетливое воспоминание! Отголосок телепередачи или газетной статьи. Он так увлекся этой идеей, что не сразу заметил произошедшие на экране изменения. Поверх линии нулей пульсировала голубоватая надпись: «Процесс завершен. Преждевременная разгерметизация. Нарушение температурного режима. Состояние организма стабильное. Ручное управление — код 110».

Как набрать этот чертов код? Внутри него шевельнулось воспоминание. Так и есть, под неподвижной ладонью левой руки располагалась миниатюрная клавиатура. На ощупь он набрал нужную комбинацию.

«Подтверждение любой клавишей». Человек напряг пальцы, готовясь ввести это самое подтверждение, но в последний миг задержался. Почему «преждевременная разгерметизация»? Что может быть не в порядке снаружи? Потоп? Радиация? Змея страха снова шевельнула кольцами, на спине проступил пот. Теперь он вполне чувствовал собственное тело. Он лежал совсем голый, а по всей длине туловища под ним перекачивались тугие подвижные валики, вроде массажера. Это и есть

массажер, сказал он себе. Анатомическая массажная лежанка для капсулы полужидкого типа... Черт возьми, из каких закоулков мозга он выкопал подобную тарабарщину?

Воспринимая височной костью оглушительные удары сердца, он опустил левую ладонь на клавиатуру. Раздался протяжный чмокающий звук, словно воздух вырвался из-под неплотно пригнутой крышки на банке домашних консервов, и голубое оконце плавно скользнуло вверх. Человек скосил глаза и увидел белую крышку капсулы, вставшую на попа, в ногах лежанки. Крышка была огромна, не менее двух метров длиной, полна проводов и всяких непонятных приспособлений. Окошек оказалось два, слева и справа от головы лежащего человека. В процессе мышечного тренинга затылочный захват должен был менять положение головы, чтобы голова не оставалась запрокинутой...

Черт подери, для пациента он слишком подкован! Неужели кто-то способен добровольно забраться в этот напичканный проводами футляр? Он предпринял попытку сесть, вытащил изо рта загубник, из носа шланги, освободил язык. Воздух снаружи ему сразу не понравился. В отличие от свежего морского запаха в камере в «палате» стояла жуткая духота, и плюс к тому пробивался еще какой-то противный запах. Больница, твердил он, сражаясь с браслетами на левой руке. В больнице всегда неприятный запах, ничего удивительного.

Но идея насчет больницы казалась ему все менее убедительной. Ни в одной больнице, даже ночью, не должна стоять такая мертвая тишина. И вдобавок к тишине — абсолютный мрак! Единственным источником света оставался круглый плафончик светильника в головах лежанки. Человек резко потянул с макушки полиэтиленовый берет и чуть не завопил от боли. На его полностью выбритой голове крепились десятки тончайших проводков. Он стиснул зубы и принялся отдиравать их по одному, точно Гулливер, вырывающийся из веревок лилипутов. Вдобавок к проводам голову и лицо покрывал слой неприятного на ощупь мельчайшего порошка, вроде талька.

Наконец он освободился от всего, что его держало, и принял сидячее положение. Из правого металлического бортика капсулы, похожей снаружи на овальную джакузи, выступали три огромные сенсорные клавиши: «Вызов дежурного», «Вызов врача» и «Пожарная тревога». На сей раз все на русском языке. Он нажал на «врача», затем подождал и перепробовал все три. Безрезультатно. Никто не спешил на помощь к пациенту. И ни единый звук не достигал ушей.

Человек ухватился за влажный бортик, напомнивший ему уплотнительную резину на дверце холодильника, и перебросил наружу левую ногу. Почти сразу нащупал подошвой рифленый резиновый коврик. Почему-то это придало ему уверенности; еще не дотянувшись ступней

до пола, он уже знал, что встретит резину. Влажными были не только податливые борта капсулы. Все тело, казалось, недавно изваляли в прокисшем студне.

— Эй! — негромко сказал он.

Звук растворился в холодном безмолвии. Только теперь он ощутил царящий вокруг мороз, по голой коже поползли мурашки.

— Так и заболеть недолго! — вслух пожаловался он. — Есть тут кто живой?

Молчание.

Он перебросил через край вторую ногу, сделал попытку встать и чуть не растянулся на твердом резиновом полу. Мышцы дрожали, точно у древнего старика. Может, я и есть старик, подумал он, успокаивая дыхание. Он ощупал себя в темноте. Нет, с телом все в порядке, ему... Ему тридцать один год. Замечательно... Раз вспомнился возраст, так и до имени недалеко. Вероятно, он здорово ослаб за время лечения. А вдруг был сломан позвоночник и он пролежал несколько месяцев на вытяжке?

Спустя минуту человек поднялся, и, опираясь одной рукой о спасительный борт капсулы, предпринял отважную вылазку в сторону стоящей вертикально крышки. С каждым шагом к нему возвращалось чувство равновесия. За крышкой его поджидало новое открытие: три ступеньки вверх, широкий полукруглый пульт и кресло. Поеживаясь от холода, он опустился на невидимое во мраке кожаное сиденье, бегло ощупал консоль. Его руки помнили невидимые ряды выключателей! Над головой находились какие-то агрегаты, в слабом свете фонаря он различал свисавшие с потолка шланги, отдельные фрагменты подъемного механизма крышки.

«Аварийное питание. Капсула 1. Капсула 2. Капсула 3». Ему пришлось встать на колени и приблизить лицо вплотную к прозрачному щитку, чтобы разглядеть показания приборов. Все циферблаты были давно мертвы. Аварийное питание... Это означало, что в больнице или в том месте, которое он принял за больницу, что-то произошло со светом. Видимо, все побежали устранять аварию?..

Но где-то же должна находиться стена, а значит, и дверь! Нет, дверь должна быть сзади! В этот момент он совершенно отчетливо вспомнил, как выглядит и каким образом отпирается дверь у него за спиной. Внешний противосейсмический каркас и внутри титановый шлюз с пневматической доводкой... Черт! Человек схватился за голову, уткнулся горячим лбом в приборную доску. Прямо перед глазами прочитал: «Ответственный за противопожарное состояние поста Денисов А. К.».

Денисов, прошептал он. Ну конечно, Толик Денисов. Если его тут нет, должен быть Мирзоян. Но Мирзояна тоже нет, а такого просто не может быть, потому что... Провал.

Он выставил руки перед собой и почти сразу обнаружил выход. Дверь была огромна, потому что именно через нее завозили по утопленным в полу рельсам собранные капсулы... Он отключил мозг и позволил ладоням самостоятельно нащупать колесо. Конечно, раз не светится огонек на магнитном замке, придется крутить вручную. Человек всей тяжестью навалился на железный обруч. Неужели он так ослаб? Колесо не поддавалось, а ведь еще вчера запор снимался одним пальцем!

Он сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. Одеревеневшие руки не желали слушаться. Наконец показалось, что колесо поддается. Он нащупал голой пяткой косяк, уперся, скрипя зубами от напряжения. Вчера? Кто сказал, что эту махину трогали вчера? Ему в голову закралось подозрение, что, возможно, счет его болезни идет не на месяцы, а на годы. Ведь была же статья о женщине, перевернувшейся в автомобиле и пролежавшей в коме около четырех лет!

Внутри запора что-то гулко звякнуло, каучуковые направляющие закрипели под полом, и титановая махина, обитая трехслойной звукоизоляцией, чуть отошла в сторону. Образовавшейся щели ему оказалось достаточно, чтобы понять — в институте случилось кое-что похлеще сбоя на подстанции. В институте?! Он решил не заострять внимания. Чем меньше он станет себя мучить, тем быстрее вернется память. Надо быстрее осмотреться и желательно найти хоть какую-то одежду!

От внезапного света человек был вынужден прищуриться. Плавающий мостик сейсмотамбура выглядел вполне обыденно, но следующая дверь стояла открытой, что нарушало все инструкции... Обдирая бока, он протиснулся в щель. Здесь дышалось гораздо легче, зато из-под ног взметнулось целое облако пыли. На первый взгляд помещение напоминало внутренности огромной трансформаторной будки или телефонной станции. Ряды серых высоченных шкафов с выдвижными модулями внутри, батарея рубильников, закрытые щиты с изображением молнии и пирамидами запасных плавких вставок. Грубый резиновый пол, дохлые мухи, дохлые пауки. Он никак не мог понять, откуда идет свет. С высокого потолка свисали десятки ламп, все заросшие паутиной и выглядевшие так, будто к ним никогда не прикасалась тряпка уборщицы. Заглядывая в сумрачные закоулки между шкафами, он прошлепал до поворота. И здесь встретил окно.

Точнее, не окно, а нижний краешек окна, сантиметров двадцать. Под самым потолком, метрах в трех от пола, забранный стальной двойной сеткой, за которой просматривались толстые прутья решетки. Стекло было невероятно грязным, но как раз сейчас сквозь заросли паутины наотмашь бил тугой солнечный луч. Теперь человек знал, что очнулся днем, и не на поверхности земли, а в глубоком подвале. Поэтому здесь так холодно. Гигантское подвальное помещение изгибалось под

прямым углом. За поворотом силового оборудования больше не встречалось, проход сужался метров до пяти в ширину. Коридор снизу доверху рассекала решетка с двустворчатыми воротами, и сразу за ней — толстое стекло. За преградой, метрах в пяти впереди, различались точно такое же громадное стекло и следующая решетка. Слева от сквозных, приоткрытых сейчас ворот на «нейтральной полосе» находилась стеклянная кабинка, в которой стояло серое от пыли кресло и такого же цвета — монитор компьютера. По другую сторону от резиновой дорожки человек заметил шкафчики для одежды и белую дверцу со значком душевой. Он подумал об одежде, но, шагнув в проход, тут же забыл обо всем.

2

ПОДЗЕМЕЛЬЕ МЕРТВЕЦОВ

Напротив будки проходной, уткнувшись лицом в канавку для мытья обуви, лежал труп мужчины в желтом комбинезоне. Труп лежал здесь не просто давно, он почти полностью мумифицировался. Все, что осталось от контролера, — это голые кости, обтянутые коричневым пергаментом, и комбинезон.

Человек резко оглянулся. Показалось, что сзади кто-то стоит. Пусто. Это солнце за мутным окошком спряталось за тучку, отчего по дальним углам подвала метнулись длинные тени.

Мотор на двери бездействовал. Его это уже не удивило. Здесь не функционировала ни одна система, за исключением абсолютно автономного «спального блока». Стоп! Он замер с поднятой ногой. Спальный блок? Ну да, конечно, он ведь спал... Сколько же способен человек, черт возьми, проспать, если мертвец успел разложиться, а никто так и не пришел его проведать? Человек протиснулся между застывшими стеклянными створками, но, прежде чем дотронуться до трупа, направился вправо, к своему шкафчику. Рукоятка привычно повернулась и тут же переломилась пополам. Хозяин шкафчика отшатнулся. Створка открылась с пронзительным скрипом, повиснув на одной петле. Из глубины на него смотрел голый широкоплечий парень с налысо обритым синим черепом, весь живот и ноги в противных зеленоватых потеках. Он потер кулаком заплесневевшую табличку и ощупью, как слепой, прочитал подушечками пальцев: «Коваль. Мирзоян». Пять шкафчиков с одной стороны прохода, пять с другой. Два без табличек. Итого шест-

надцать человек. Да, их было шестнадцать человек, четыре смены. Но он без сомнения шагнул именно к этому, третьему слева, шкафчику.

— Моя фамилия Коваль,— сообщил он отражению.

Осипший голос опять повис, точно запутался в свисающей отовсюду паутине. Человек снова закашлялся, в горле першило, словно перед этим он кричал на футбольном матче. Остаточное действие реагента... Внутри шкафчика висела одежда, но стоило ему протянуть руку, как стало ясно, что подобрать здесь гардероб будет крайне сложно. Светло-синие джинсы почти истлели на сгибах и развалились на части при попытке взять их с полки. Шерстяной свитер при первом же прикосновении рассыпался трухой. По сути дела, это был уже не свитер, а массовое захоронение моли. Внизу стояли две пары обуви. Рассохшиеся, почерневшие кроссовки. Он потянул одну из них, сгнившая подошва осталась на полу. Вторая пара выглядела попроще. Короткие резиновые сапожки от костюма химзащиты. Он вытряхнул из них остатки истлевших стелек и натянул на ноги.

За дверью душевой рука привычно потянулась к выключателю. Нулевой эффект. Неясный ответ из коридора сюда почти не доходил, но под потолком имелась такая же оконная щель. Ему показалось, что в глубине комнаты что-то лежит.

Или кто-то. Сердце отбивало не меньше сотни ударов. Можно было закрыть дверь и уйти. Уйти и продолжать бояться. Слава богу, те, кто оборудовал душевую, не удосужились намертво замазать окно.

Коваль бочком ступил на порог. В сапогах он чувствовал себя увереннее, хотя все время хотелось присесть и отдохнуть. Малейшие нагрузки давались с трудом. Я подхватил инфекцию, отстраненно подумал он, разглядывая второй найденный труп, у меня одышка от каждого шага. Прошло невероятно много времени, возможно, лет десять. В институте все погибли, затем снаружи ввели карантин, забили наглухо двери и забыли меня здесь. И я все забыл, болезнь съела мой мозг.

Второй мертвец выглядел не намного лучше первого. Мужчина был полностью укутан в белый комбинезон из прочной немнущейся ткани, и на высохшем черепе болталась такая же прозрачная шапочка, которую Коваль оставил в капсуле. Мертвец сидел в позе мыслителя, сжимая в кулачке шприц, подпирая спиной следующую дверь с едва заметной надписью: «Дезинфекция». За этой дверью Коваль сделал первую удачную находку. Точно такие же, как на трупе, висящие в ряд белые комбинезоны. Он вытащил их наружу, целую грудую, и принялся перебирать, поднимая повыше к свету. Костюм с вышитой фамилией «Коваль» на нагрудном кармане пришелся ему идеально впору. От материи разило затхлостью и мышами, пластами осыпался грязно-белый порошок,

но серьезных повреждений не наблюдалось. Под фамилией на кармане более мелким шрифтом значилось имя. Боясь ошибиться, он вернулся в машинный зал, на солнечную сторону.

— Меня зовут Артур Коваль,— едва ли не плачущим голосом повторил он в пустоту.

Связки сели окончательно, хватило трех слов, чтобы охрипнуть. Коваль вернулся в помещение душевой, зашел в первую попавшуюся кабинку и повернул кран. Что-то хрустнуло, и смеситель вместе со штангой душа остался у него в руке. Вот так, мечту о помывке придется отложить до лучших времен.

С минуту он стоял в задумчивости, трогая носком сапога желтый комбинезон контролера. Переворачивать труп не хотелось. Артур поднялся в будку, где стоял компьютер. Мокрый бетонный пол покрывал ковер бледного мха, где-то неторопливо капала вода. От ватной гнетущей тишины начинало звенеть в ушах. Кроме того, внезапной дикой болью свело желудок. Сколько времени я не ел? И что я вообще ел, пока лежал в капсуле? Нет ответов. Он не без труда выдвинул четыре насквозь проржавевших ящичка в металлическом столе. Внутри лежали какие-то бумаги, но стоило притронуться, как они рассыпались скользкими лохмотьями. Зато он нашел спички. Первые три не зажглись, но четвертая внезапно вспыхнула, испугав его. Спички — это замечательно, осталось найти, из чего сделать факел.

Слева находились стеклянные воротца, через которые он пришел, а справа, за пределами «нейтральной полосы», Артур еще не был. За правыми воротами висела плотная чернильная темнота, хотя Коваль подозревал, что как раз там находится выход наверх. «Запретная зона. Доступ только для персонала пятого отдела!» — прочел он задом наперед надпись на дверях.

Он нашел, из чего сделать факел. Между шкафами «телефонной станции» обнаружился старинный покосившийся стеллаж, битком набитый технической документацией. Здешние бумаги изготавливались, очевидно, из какого-то особого состава и сохранились почти идеально. Артур не стал портить глаза, изучая чертежи, хотя ему почему-то показалось, что он обязательно бы в них разобрался. Он работал в пятом отделе и, следовательно, не мог не знать, чем тут занимаются. Возможно, он был не самым худшим инженером до того, как... уснул. Уснул?! Да, он именно так подумал, именно это слово. Но если он уснул, то куда делись остальные тринадцать человек? Лежат где-то мертвые?

Поджигая один пучок бумаг от другого, он ринулся в запретную зону. На сей раз пришлось изрядно повозиться с замком. Только повиснув всем телом на рычаге электропривода и оторвав его «с мясом», он сумел отодвинуть тяжелую створку.

Уходящий в непроглядную темень широкий коридор. Склизкие стены в бурых разводах. Европанели, здесь всюду были приличные панели, механически отметил Коваль. Артур поджег новую связку газет, ступил шаг, другой. Под ногами чавкнула вонючая грязь. Он поскользнулся и еле сумел удержать равновесие. Импровизированный факел нещадно чадил в поисках кислорода. В судорожных сполохах Коваль успел заметить бескрайнюю лужу, в которой плавали неясные обломки, покосившийся пожарный щиток и решетку старинного лифта напротив. Факел рассыпался багровыми искрами, и вновь спустилась темень. Артур затаил дыхание. Издалека доносился ритмичный шорох, точно некрупный зверек скребся когтями по металлу. Минуту Коваль постоял, прислушиваясь и чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Ему вспомнился голливудский фильм о мутировавших в канализации гигантских муравьях. Крыс тут быть и не могло, жратвы никакой, а воды по колено.

— Никаких гигантских муравьев не бывает! — твердо заявил Коваль и на ощупь двинулся туда, где раньше заметил пожарный щит. Сапоги по щиколотку погрузились в ледяную воду. Внезапно что-то мягкое коснулось его ноги. Артур сжал зубы, чтобы не закричать. Крюки, на которых когда-то висел инструмент, давно сгнили, от топора ничего не осталось, но лом он нашупал.

— Так-то лучше! — угрожающе сообщил он невидимым обитателям подземелья. — Теперь мы вернемся и кое-что проверим...

Где-то наверху тучи окончательно закрыли солнце. Пока он отсутствовал, в силовой стало значительно темнее. Если не выбраться отсюда до вечера, придется коротать ночь наедине с двумя трупами... и с теми, кто скребет когтями во мраке. Артур, старательно сдерживаясь, чтобы не обернуться, спокойным шагом пересек проходную пятого отдела, прислонил свое орудие к стене и свернул еще несколько факелов. Пока Артур распахивал их по карманам, его настиг очередной желудочный спазм, значительно сильнее предыдущего. Хоть бы сухарик какой найти, подвывая от боли, мечтал он. На кухне должна быть еда, всегда была...

Кухня. Он безошибочно свернул в щель между одинаковыми железными шкафами, нашупал узкую дверцу. Кухней они любовно называли созданный из бывшей лаборатории химреактивов уютный буфетик. Мгновенная вспышка в мозгу... Он вспомнил, как сам набивал по стенам вагонку и мастерил подобие барной стойки. Буфетик соединялся смежным проходом с «нижним» кабинетом профессора Телешева... Он вспомнил, куда ведет коридор за пределами запретной зоны. Это был вовсе не коридор, а продолжение подземного пандуса для грузовиков. Дальше, за поворотом, там, куда ему очень не хотелось идти, обязаны были находиться раздвижные ворота и пост охраны. А рядом с решеткой грузового лифта, если она также не обвалилась, должна начинать-

ся узкая металлическая лестница наверх, в наземные помещения пятого отдела. Он выберется, но сначала...

— Меня зовут Артур Коваль,— шепотом повторил он.— Я старший научный сотрудник отдела, кандидат наук, и работаю в институте...

Провал. И черт с ним! Артур израсходовал еще три спички, пока новый факел не занялся, и толкнул дверь кухни. В нос ему ударил застоявшийся болотный смрад. От вагонки, самодельной деревянной мебели и бара осталась кучка трухи. Штукатурка со стен обвалилась, обнажив кирпичные своды конца девятнадцатого века. Потолок в двух местах треснул, из черных дыр сочилась ржавая вода. Стараясь не наступать в скопления белесых грибов, Артур поджег следующий факел и заглянул в кабинет шефа.

Профессор Телешев был здесь. Коваль ни за что бы не признал в кучке тряпья своего шефа, но никто, кроме профессора, не осмеливался сесть на его место, за угловой стол. Мебель для «нижнего» кабинета подбирали из новомодного пластика, под цвет офисной оргтехники, поэтому сильно пострадали только стены и шкафы с книгами. Очевидно, за стенкой в буфете лопнул радиатор, и кипяток хлестал до тех пор, пока не опустели батареи на всех шести этажах...

Телешев сидел за столом, положив голову на руки. Сквозь истлевший рукав костюма желтела кость. Напрашивалось лишь одно объяснение. Пока он спал, институт охватил неведомый вирус, но с родимым пятым отделом это никак не могло быть связано. Возможно, во втором или в третьем что-то перехимичили? Но, в таком случае, о чем думает начальство наверху, почему никто не спустится похоронить людей? Факел горел все хуже. Артур уже собрался уходить, но тут заметил напротив стола квадратную дверцу сейфа из нержавеющей стали. Ключ торчал в замке, но Ковалю показалось, что сейф не заперт.

Бумаги и диски на нижней полке слиплись в сплошной пористый комок. Зато на верхней полочке Артур обнаружил кое-что любопытное — завернутый в многочисленные слои полиэтилена картонный журнал и там же дискету. Он смахнул перчаткой слой плесени, опустил факел ниже.

«Тем, кто выживет!»

У Артура остался последний сверток листов. Он вытащил из сейфа пакет и заспешил в силовую. Живот пока не давал о себе знать. Возможно, что он не болен, возможно, что зараза миновала его. За несколько минут, в поте лица орудуя ломом, он сумел отодвинуть дверь сейсмотамбура достаточно, чтобы туманный свет достиг самых дальних закоулков камеры. Затем, в три захода, перенес внутрь всю оставшуюся сухую макулатуру, разделил ее на несколько частей и поджег. Как он и догадывался, помимо капсулы номер один вдоль задней стенки, опутанные проводами, стояли еще две пустые титановые «усыпальницы» с

опущенными крышками. Ни одна система не отвечала на запрос, экраны оставались пустыми и темными.

Читать он не разучился. Дотлевала на резиновом полу последняя кучка бумаги, но Артур ни на что уже не обращал внимания.

«Журнал наблюдений. Начат семнадцатого февраля две тысячи шестого года. Пост дежурного инженера пятого отдела.

Камера глубокого анабиоза.

Произведена загрузка капсулы номер два, сроком на восемь суток.

Тип реагента — полужидкий азотный, криопротектор четвертой серии. Испытуемый — Мирзоян Александр, возраст тридцать два года. Комбинированное охлаждение по схеме профессора Телешева. Скорость достижения расчетного давления среды — три часа семнадцать минут.

Двадцать пятое февраля две тысячи шестого года.

Процесс выхода прошел успешно. Скорость — два часа пятьдесят минут. Состояние испытуемого хорошее. Кристаллизация отдельных капилляров. Моторика в пределах нормы. Отправлен в медицинский блок.

Шестое марта две тысячи шестого года.

Произведена загрузка капсулы номер один, сроком на тридцать дней... Испытуемый — Денисов Анатолий...

Процесс выхода прошел успешно...»

Артур сглотнул.

Третье июня. Установлена последняя капсула. Загружены сразу две, сроком на два и три месяца соответственно. Применен новый тип реагента, испытанный ранее на собаках. Артур вдруг явственно увидел себя двумя этажами выше возле самой первой, газовой капсулы, доставленной из Америки. Алик Мирзоян держит барбосу пасть, отвлекает его косточкой, пока Лида выстригает шерсть на затылке, чтобы прикрепить электроды. Телешев стучит по клавишам компьютера, Артур с Толиком таскают баллоны с газом... Сумасшедшее времечко...

Коваль подышал на слипшиеся страницы.

Одиннадцатое сентября того же года. Испытуемый впервые ложится в капсулу сроком на целый год. Артур вспомнил. Именно тогда было принято решение о полном переходе на отечественный реагент. Возникла опасность нарушений в работе синапсов, отвечающих за кратковременную память. И еще, были подписаны контракты на участие западных ученых в испытаниях. Схема Телешева признана самой успешной.

Дальше, когда же дойдет очередь до него? Ага! Десятого января две тысячи седьмого Коваль испытывает на себе третью капсулу высокого

давления, с массажной лежанкой и новым типом мышечной стимуляции. Недолгое погружение, три недели... Нет, не то. Ага, вот оно! Седьмое октября две тысячи седьмого года. Капсула номер три. Красовецкая Елена, срок три года. Капсула номер два. Дэвид Паунти. Сроком на четыре года. Стоит пометка: оплачено британской стороной. В первую капсулу ложится Коваль. Лену Красовецкую Артур смутно помнил, фамилия Паунти ему ничего не сказала.

Так, Коваль Артур... Он замер. Не может быть! Нет, здесь какая-то ошибка. Он захлопнул журнал. Остальное дочитаем позже.

Первая капсула была загружена на двадцать лет.

3

ГОЛУБОГЛАЗАЯ СМЕРТЬ

Он выбрался на карниз через окно третьего этажа. На первых двух этажах, в пятом и четвертом отделах, царил полный разгром. Мебель лежала перевернутой, компьютеры разбиты, пол устилал хрустящий ковер из остатков лабораторного оборудования. И везде заросли, залежи пыли. Окна первых этажей всегда закрашивались снизу на три четверти и оборудовались двойными решетками, посему Артуру хватало освещения, но бросить взгляд во двор он не мог. Парадный вход, где обычно сидела охрана, как и калитка во двор, оказались забиты снаружи. Причем именно грубо забиты; он подошел и потрогал торчащие внутрь сквозь мореный дуб блестящие острия гвоздей. В институте не было ни воды, ни электричества. Сначала у Ковалья создалось впечатление, что в корпусе побывала шайка взбесившихся вандалов, но, зайдя в медицинский блок, он изменил мнение. Какими бы безумцами ни родились те, кто вывернул наизнанку сейфы и вырвал из полов ценнейший старинный паркет, к медицинскому оборудованию они явно относились иначе. Здесь также порядочно пошуровали, но не сломали, а вынесли содержимое лечебницы куда-то наружу.

Постепенно он заметил еще несколько странностей. Лампы дневного света, пусть и бездействующие, оставались на местах, но не встретилось ни одной целой лампочки накаливания. Будто кто-то шел и бережно собирал их, точно грибы. Также пропал весь инструмент с пожарных щитов, кроме баллонов. Большая столовая больше всего походила на стенд для испытания боевых гранат; среди груд разбитой фарфоровой посуды Артур засек несколько самых обычных крыс, разбежавшихся

при его появлении. Но нигде он не встретил ни одной кастрюли или обломка алюминиевой вилки. На еду для себя он больше не надеялся. Оставалось уповать, что за пределами института простирается не радиоактивная безжизненная пустыня, а родной любимый город.

У Артура в трех местах кровоточили ладони, перчатки комбинезона он изорвал в хлам, когда пробирался вверх по лифтовой шахте. Тяжелый люк черной лестницы одолеть так и не сумел, это была одна из тех могучих железок, что устанавливали в брежневские годы на случай ядерной атаки. Пришлось расширить проем в решетке шахты и карабкаться в полной темноте по шатким мокрым крюкам, вбитым в кирпичную кладку. Дважды крюки сгибались под его тяжестью, и Коваль, мокрый от ужаса, повисал над черной бездной. Наконец над головой сквозь решетку первого этажа забрезжил слабый отсвет. Почти сразу Артур увидел и лифт. Многотонная громада застряла, перекосившись, между первым и вторым этажами. Прямо в лицо Артуру целилась огромная ржавая пятка амортизатора.

Затаив дыхание, стараясь не раскачивать опасно скрипящие ступени, человек выбрался на узкий порожек. К счастью, раздвижную секцию кто-то выломал до него. Не понадобился и лом, который Коваль кое-как прикрутил за спиной куском провода. Целлофановый пакет из кабинета шефа он сунул за шиворот, прямо на голое тело. Внизу его больше ничего не интересовало, и Артур не испытывал малейшего желания посетить подвал вторично. Когда он только начинал подъем, догорел последний факел, спички кончились, и ему показалось, что в темноте под ногами, совсем рядом, что-то пробежало. Что-то приличных размеров.

Явно не крыса.

Теперь он отсасывал кровь из царапин, сплевывал и размышлял, где бы раздобыть хоть огрызок пластыря. Из санчасти исчезло все, даже такие никогда не используемые предметы, как кислородная подушка и костыли. Артур стоял, сплевывая кровь, и прислушивался к зданию. Людей не было и здесь, испарился весь персонал, около пятисот человек. Он слышал только ровный посвист ветра в вентиляции и еще какой-то странный монотонный звук, вроде шуршания домашнего ткацкого станка.

Шит-та, шит-та, шит-та...

Был момент, когда он склонялся к мысли о срочной эвакуации. Тогда объяснялась бы забитая гвоздями дверь. Но даже при самом паническом бегстве инженеры не стали бы уродовать собственные рабочие места. Артур видел оставленную дорогостоящую электронику, микроскопы, лазерные принтеры, которые в случае пожара следовало выносить в первую очередь. Вандалы не тронули электромоторы, но поснимали с приводов резиновые ремни.

На площадке второго этажа Артур нашел еще два трупа. Таскать ржавый лом давно надоело, он оставил его где-то в столовой в надежде подыскать более компактное и удобное средство обороны. Но, натолкнувшись на мертвецов, понял, что с разоружением поторопился. Женский труп полусидел на лестнице, прислонившись спиной к перилам, и сжимал в засохшей ладони упаковку одноразовых шприцев. Перед смертью женщина носила длинное кожаное пальто, почти в целости сохранившееся, поэтому Коваль не мог видеть, что произошло с туловищем. Зато он хорошо рассмотрел, во что превратились ее ноги и голова. Череп женщины с редкими ошметками волос на затылке валялся тремя ступеньками ниже, весь покрытый следами зубов. Левая плюсна и кусок берцовой кости, обернутые в остатки лакированного сапога, также послужили кому-то источником питания. Одного взгляда на следы укусов Артуру хватило, чтобы опознать собачьи зубы.

Или ему почудилось, или роль сыграли натянутые до предела нервы. Где-то вдали, сквозь бесконечное «шит-та», прозвучали легкие шаги. Коваль резко обернулся.

Никого. Полутемный коридор, ряд прямоугольников света, падающих на противоположную стену из покрашенных окон. Анфилада душных, пустынных залов. Артур вдруг обратил внимание, что на окнах отсутствуют тяжелые бархатные портьеры, гордость директорского этажа. Действительно, в левом крыле второго этажа размещалось начальство, и погром носил тут более утонченные, причудливые формы. Грабители не тронули стойки с видеоаппаратурой, но скатали и унесли ковровые дорожки. На плоском экране огромного японского телевизора в кабинете зама по науке кто-то оставил пальцем еле заметную надпись. Более свежие слои пыли почти скрыли послание, и Артур прошел бы мимо, если бы не остановился заглянуть в вывернутый из стены сейф. Дверцу, очевидно, выдернули «с мясом», а потом опять захлопнули. На дне сейфа лежало несколько банковских пачек по пятьсот и тысяче рублей. Здесь, в закрытом стальном ящике, не было сырости, крыс и насекомых, и банкноты сохранились прекрасно. Двадцать лет, ошарашенно повторил Артур, или десять, или пять. Он вскрыл верхнюю пачку. Пальцы дрожали. В тот момент, когда он рвал бумагу, ему снова почудился посторонний звук, гораздо ближе. словно легкий топоток двухлетнего ребенка по толстому ковру...

Он замер, затем резко оглянулся. Нет, ничего. Легкое облачко пыли. Шит-та, шит-та, шит-та...

Самая свежая купюра была датирована две тысячи двадцать шестым годом. Нет, что-то здесь не то! Коваль присмотрелся к деньгам внимательнее. Да, в «его время» пятисотрублевка выглядела несколько иначе. Добавились две горизонтальные полоски, на просвет профиль Петра чередовался

с двуглавым орлом, и, кроме того, деньги стали заметно крупнее. Если купюра выпущена всего год назад, сказал себе Артур, то это означает, что институт покинут совсем недавно. Но мертвецы явно пролежали в подвале не год, а гораздо дольше! И одежда успела развалиться, и ни следа запаха. А пыль, а пауки? Да в жизни, даже за три года, неросло бы столько грязи! Он выпустил пачку из рук, деньги веером разлетелись по кабинету.

Может быть, он перележал, переспал лишнего в капсуле? Нет, это невозможно, аппаратура совсем недавно убедительно продемонстрировала, что программа прошла без малейшего сбоя. Ему даже не понадобился дежурный инженер, чтобы самостоятельно покинуть лежанку. Артур поднял глаза от сейфа к настенному телевизору и тут рассмотрел на сером экране остатки каракулей.

Неведомый писатель оставил надпись на немецком языке. Артура приятно удивило, что, оказывается, он понимает немецкий. «Где кончается философия, там начинается биология».

Занятные интеллектуальные потуги для того, кто грабит сейфы! Артур уже шагнул в холл, туда, где раньше заметил второй труп, но внезапно его пронзила самая противная за сегодняшний вечер мысль. Три мертвых тела внизу — это крайне неприятно. Здесь еще два, к тому же после смерти обглоданные собакой или волком. Скорее, собакой... Но нетронутые грабителями десятки тысяч рублей — это гораздо серьезнее десятка трупов. Если людям стали по какой-то причине безразличны деньги, это...

Напрашивающийся вывод обещал лишить его остатков рассудка. Лучше пока заняться чем-то более конкретным.

Второй безголовый труп принадлежал мужчине и находился примерно в таком же состоянии, что и женский. Человек, когда его застигла смерть, сидел, непринужденно развалясь в кресле, в холле перед кабинетом одного из замов. Он так и умер, положив ногу на ногу. У несчастного отсутствовали обе кисти. Оставляя после себя в пыли рифленые следы, Артур подошел к мертвецу и потихоньку опустился на корточки. Возле левой ноги лежало что-то блестящее. Не сводя глаз с мумии, Коваль потянул на себя пластмассовый предмет, похожий на узкую клетку для яиц или на ячеистую внутренность конфетной коробки. Из десяти ячеек семь были свободны, а в трех покоились полные ампулы с мутной жидкостью внутри. Артур перевернул упаковку, сдул приставшие к пластике пылинки. Значительная часть этикетки отсутствовала; то, что ему удалось прочитать, не добавило ясности. «Вакцина № 3/1. Препарат комбинированного... активен против штаммов... блокирует синтез... Режим дозирования: 4 раза в сутки...»

Так. Шприц-тюбик у охранника в подвале, у тетки на лестнице, а у этого кадра целая батарея ампул. Очень похоже, что все они страдали и

умерли от одной и той же болячки. То ли не сумели вовремя принять лекарство, то ли вакцина № 3 перестала действовать?

Добравшись до третьего этажа, Артур был вынужден присесть на подоконник, чтобы немножко перевести дух. Он не помнил наверняка, но вряд ли на тридцать первом году жизни страдал одышкой и аритмией. Путешествие по мертвому институту его доконало. Очевидно, двадцать лет в капсуле не прошли даром. Организм наверняка нуждался в поддерживающей терапии, в укрепляющих лекарствах. Если бы он мог хоть что-то вспомнить из этой области! Внешне мускулатура выглядела прекрасно, но с каждым шагом он все больше слабел. Хотя Коваль и помнил, где оставил лом, на то, чтобы вскрыть парадный вход, сил ему не хватит. Нечего и думать. Придется уходить через окно. Напротив окон курилки раньше находилась крохотная площадка пожарной лестницы, по ней можно было бы спуститься во двор. Как же найти нужный кабинет? По-стариковски кряхтя, Артур поднялся и зашаркал по коридору.

За четвертой дверью справа ему встретилось окно без решеток и краски, правда, невероятно грязное. Но за потеками грязи просматривалась сварная трубчатая конструкция, а дальше — до боли знакомый облезлый колодец двора. Рамные шпингалеты буквально вросли в древесину. Артур пересек пустую курилку, подергал ставни. Придется разбить стекло. Ничего подходящего под рукой не валялось, кроме пластов штукатурки, насквозь проросшей грибом.

Снова этот шелестящий звук, еле уловимое царапанье, буквально рядом, за стенкой. Точно двое или трое маленьких детей пробежали на цыпочках по лакированному паркету. Маленькие дети или... большие собаки. Артур заозирался в поисках оружия. Дверь в коридор оставалась распахнутой. Ему почудилось или там действительно промелькнула тень? Дикое животное на третьем этаже закрытого учреждения, практически в центре Петербурга, возможно, подверженное бешенству. Нормальная собака не станет кидаться на людей, даже мертвых. Совершенно невероятно, но не более невероятно, чем открытый сейф с деньгами.

Его мечущийся взгляд упал на лопнувшую батарею отопления. Лед, взломавший когда-то чугун изнутри, давно превратился в воду, вытек и испарился. Под весом батареи дюймовая труба, уходящая в потолок, оторвалась и болталась в проржавевшей насквозь муфте. Коваль ухватился за трубу обеими руками, приготовился рвануть, но усилий не понадобилось. Железяка отвалилась неожиданно легко, и Артур сразу почувствовал себя увереннее. Не винтовка, конечно, но и на том спасибо. Теперь он мог разбить стекло, не опасаясь пораниться. Коваль поднял трубу над головой, замахнулся, но в последний момент что-то его удержало от удара. Он не позволит пустым страхам взять над собой верх! Если он сейчас, в собственном институте, где проработал не менее

пяти лет, боится выйти из курилки, то что он будет делать дальше, на улицах?

Шит-та, шит-та, шит-та...

Ни звука человеческого голоса, ни гудков машин, ни малейшего намека на город с четырехмиллионным населением, только надоедливый шепот таинственного агрегата за окном. Коваль перехватил трубу покрепче, выставив впереди тяжелый зазубренный конец, и, выдохнув, шагнул в коридор.

В коридоре его поджидала лысая собака.

Артур остановился, точно лбом налетел на невидимое препятствие. Он не испытывал страха перед меньшими братьями, но подобную тварь даже представить было непросто. Пес воплощал худшие сны наркомана. Очень отдаленно, толстыми подушками лап, он напоминал добермана, но голова скорее принадлежала неблизкому родственнику колли. Но не отсутствие породы вызывало дрожь, и даже не то, что зверь разгуливал по закрытому «ящику». В конце концов, вахтеры вечно подкармливали дворняг. Артур внутренне усмехнулся, точно наблюдая себя со стороны. Его мозг, защищаясь от безумия, мерил действительность категориями нормального мира. Но ничего нормального в мире за двадцать лет, похоже, не осталось. На собаке практически не росла шерсть; морщинистую, почти черную кожу покрывал слой коросты. На Ковалья смотрели пронзительно-голубые глаза.

Пес переступил с лапы на лапу и издал короткое ворчание. В холке зверь едва достигал половины метра, и Артур уже прикидывал, что легко сумеет отогнать больное животное, тем более что бешенством здесь и не пахло. Но в эту секунду пес сделал неуловимое движение и мгновенно очутился на два метра ближе. Артур даже не успел сообразить, как это получилось; наверное, он сморгнул или случайно отвлекся. Теперь со зверем их разделяло не более семи метров усеянного мусором коридора. Было в собаке еще что-то неправильное, но в полумраке Артур никак не мог разглядеть, что именно ему не нравится.

Следующий прыжок он почти успел засечь. Артуру почудилось еле заметное движение за спиной; еще не начав оборачиваться, он отметил, как вздулись мышцы на лапах собаки. Он осознал ошибку слишком поздно, его внимание каким-то образом отвлекли.

Черт, ему внушили, что позади кто-то есть! Позади никого не оказалось — пустой коридор и три закрытые двери. Но лысый пес приблизился еще на два метра и снова застыл, как изваяние. Теперь на его облезлую морду падал свет из окна, и Коваль разглядел так раздражавшую его деталь. Под торчащими подвижными ушами животного раздувались влажные жаберные щели.

— Хорошая собачка, — одобрительно пробурчал Артур, делая мелкий шагок назад, по направлению к курилке. — Просто замечательная

собачка. Теперь слушай меня, кусок шланга! — Он попытался взять угрожающий тон, но осипшие голосовые связки предательски срываются на фальцет. — Если заеду по зубам патрубком, мало не покажется!..

Он не задумывался, слышит его лысая тварь или нет. Вполне вероятно, что где-то водятся собачки с голубыми глазами, но не с жабрами! Артур вдруг совершенно отчетливо понял, что, если эта пакость на него сейчас бросится, он вряд ли сумеет отбиться даже с трубой в руках, слишком уж она шустрая. Действия собаки чем-то напоминали поведение удава. Две льдинки, не моргая, уставились в глаза человеку. Коваль почувствовал, как крупные капли пота стекают по вискам. Псина гипнотизировала его, совершенно очевидно она ждала, чтобы он на долю мгновения ослабил внимание. Артур, не прекращая буравить противника взглядом, сделал еще шаг к спасительной двери. Теперь ему оставалось запрыгнуть внутрь и запереться изнутри. А потом он разобьет окно и спустится во двор, спустится, даже если лестница давно сгнила!

Его спасла от опрометчивого поступка вторая собака. Много позже он будет заново переживать свой первый день и будет поражаться, как ему крупно повезло и каким чудом было то, что он не повернулся в тот момент спиной. Вторая собака походила на первую примерно как потомственный борец сумо похож на гимнастку. У нее тоже присутствовали четыре конечности и голубые глаза. На этом сходство заканчивалось. Свою широкую пасть пес не мог закрыть по определению: мешал тройной ряд зубов. Верхние клыки росли один над другим, заканчиваясь ниже обвислых брылей. Возможно, прабабка ходячего кошмара согрешила с мастиффом. Так же, как и первый, пес не страдал от наличия жабер и отсутствия шерсти, но вдобавок располагал кожистыми перепонками на коротких кривых лапах. Рыхлой комплекцией зверь отдаленно напоминал бассет-хаунда, если возможно представить бассета с телом полутораметровой длины. Наверное, из-за неудачного телосложения ему было так трудно преодолевать ступеньки. Собака, высунув язык, вырулила с лестничной клетки и коротким тьявканьем дала о себе знать товарищу. Или спросила, почему товарищ до сих пор не позавтракал этим сероголовым бритым придурком. Коваль понятия не имел, что означает тьявканье, но готов был дать голову на отсечение, что между псами на короткое время возникло бурное общение. Правнук колли молча повернулся к собрату и молча смотрел на него секунды две...

Морок рассеялся. Артуру хватило времени, чтобы задом пересечь порог и захлопнуть дверь.

Коваль упер один конец трубы под дверную ручку, а другой, острый, с силой загнал между разошедшимися паркетинами. Затем ноги его подогнулись, и старший научный сотрудник плюхнулся на пол, прижимая дверь спиной. Но курительную комнату никто не пытался взять штур-

мом. За тонким слоем пластика стояла полная тишина. Артур проверил, крепко ли держится импровизированный запор, затем, пошатываясь, добрался до окна. По пути он поднял с пола кусок штукатурки.

Грохот от разлетающихся осколков его оглушил. Артур расчистил перчаткой подоконник и вылез на карниз. Теплый и удивительно свежий воздух ворвался в легкие. Слишком свежий для Петроградской стороны, невесело констатировал он, пробуя на крепость пожарную лестницу. Надо же, он вспомнил, где находится институт! Осталось вспомнить, где он сам живет, точнее, жил. Артур потерял уже второе средство самообороны, но о том, чтобы вернуться в комнату и забрать трубу, не могло идти и речи. Скорее он кинется вниз, чем опять повстречается с этой сухопутной акулой!

4

ГОРОД ЛЫСЫХ ПСОВ

Двор почти не изменился. Такой же узкий мрачноватый колодец, пирамида нераспакованных ящиков на асфальте, неприветливые окна второго корпуса напротив. Артур подвигал пальцами, разгоняя кровь, и решительно начал спускаться. Насколько ему смутно припоминалось, из двора на улицу можно было выбраться двумя способами. Либо преодолеть двойные ворота в грузовой подворотне с натянутой поверх кольев колючей проволокой, либо через второй корпус. Уже на уровне второго этажа он увидел, что черный вход во второй корпус стоит распахнутый, и внутри — хоть глаз выколи. Нет, сказал он, только не это. Все что угодно, но в здание он больше не войдет. Хотя собаки ведь могли поджидать его и на улице!

Он чуть не заплакал от безысходности. На уровне трех метров от земли лестница обрывалась, дальше предстояло прыгать. Коваль помедлил, прислушиваясь, жадно вбирая ноздрями немыслимо чистый воздух. Стояло лето, тополиный летний вечер, градусов двадцать тепла. Пух залетал откуда-то сверху, кружился сказочными водоворотами над крышей, оседал невесомыми сугробами на карнизах. В голубом квадрате неба черными точками мелькали птицы. Артур задрал голову и увидел то, что производило такой странный шум.

Шит-та, шит-та...

Над крышей второго корпуса, видимо в следующем проходном дворе, неторопливо махали лопастями четыре ветряные мельницы. Еще две завалились набок, потеряв лопасти. Определенно, такие новшества Артур бы запомнил, стало быть, ветряки установили уже после его «по-

гружения». Очень возможно, подумал он, эти трехлопастные гиганты спасли его жизнь. Откуда взялась энергия для отвода реагента в капсуле, для поднятия температуры? Для запуска программы мышечной стимуляции, вентиляции легких и еще множества тонких операций, обеспечивающих выход из анабиоза? Дизель, предназначенный для дубляжа подстанции, в случае перебоев с током наверняка давным-давно вырабатал запас топлива. И вот Коваль спасен и висит на последней перекладине лестницы, боясь прыгнуть на асфальт, потому что там его могут подкараулить лысые собаки. Вместо цветов и оркестра.

Ему сразу понадобится оружие. Артур осмотрелся и заметил, как ему показалось, подходящую вещицу. Возле открытого канализационного колодца валялся кусок оконной решетки — три заостренных прута, прихваченные сваркой к закругляющемуся фрагменту узора. Вполне приличные прутья, почти не ржавые. Он разжал руки и полетел вниз. От хлопка его падения по двору пронеслось протяжное звонкое эхо, но никто не выскочил ни из люка, ни из дверей соседнего корпуса. Морщась от боли в пятке, Артур заковылял к своему новому оружию. Два метровых прутка отделились легко; он подумал и взял оба с собой. Очевидно, до погружения в сон он не только занимался иностранными языками, но отличался завидной бережливостью, потому что моток проволоки, на которой поднимал из подвала лом, Артур сохранил в кармане комбинезона. Кусок провода он повесил через плечо и закрепил один прут за спиной, соорудив подобие ножен.

Теперь он был готов к выходу в город. Но перед тем как направиться к воротам, он зачем-то подошел к открытому люку и заглянул внутрь. Артур не смог бы объяснить, какая муха его укусила, — ну люк и люк. Так нет ведь, поперся. Гораздо позже он научился всем своим внезапным порывам находить объяснения: очевидно, в минуты крайней опасности активизировались какие-то подспудные чувствительные центры в мозгу. Если бы не эти озарения, не дожить бы до следующего утра!

В люке, вверх ногами, застрял человек. Артур отшатнулся: по ботинкам трупа ползала крыса. Первым позывом было немедленно повернуться и бежать к воротам, но он себя пересилил. Потому что это был свежий труп. Относительно свежий; возможно, мужик провисел вверх ногами в люке дня два, но никак не годы. И умер он явно не из-за отсутствия вакцины. На человеке был надет серый костюм военного покроя, вроде полевой милицейской формы, вполне привычная офицерская портупея, брюки заправлены в высокие шнурованные ботинки.

В спине убитого Коваль насчитал четыре дырки, скорее всего, от пуль. Провалиться дальше, в шахту люка, телу мешал торчащий из глубины вентиль. Лица убитого Артур рассмотреть не мог. Физиономию мертвеца закрывал противогаз, плотно схваченный ремнями на русом

затылке. Тело уже начинало разлагаться, живот мертвеца вздулся, но, как ни странно, не наблюдалось и следа от крысиных или собачьих зубов. Зато с портупей свешивались сразу две кобуры. Одна пустовала, зато в прорези другой Артур совершенно четко видел рукоятку пистолета.

Такой возможности могло больше не представиться. Коваль еще раз внимательно осмотрелся, прут положил рядом, сам опустился на живот. В глубине колодца, в метре от висящей головы мертвеца, вильнула хвостом крыса. Почему же они все-таки его не едят? Чтобы не было так страшно, Артур пытался отвлекать себя всякими глупыми вопросами. Черт, как далеко, не дотянуться! Он задрал голову над потрескавшимся асфальтом — показалось, что в спину уперся недобрый остановившийся взгляд. Мигом перекатился на спину, держа перед собой заостренный конец прута.

Никого. Слепые, серые от копоти окна безразлично окружали пространство двора. Артур успокоил дыхание и вытащил тело из люка почти до пояса. Потом свалился рядом, обливаясь потом и чувствуя, как в животе назревает новый спазм.

Затем он поднял глаза и увидел перед собой лысых псов. Сразу троих. Эти здорово отличались от предыдущих, были гораздо тщедушнее, но излишним миролюбием явно не страдали. Псы разделились и наступали на Артура сразу с трех сторон. Три пары голубых глаз на голых, пятнистых, как у гиен, мордах. Центральной, очевидно, командовал в стае, с большой натяжкой его можно было принять за бульдога, если бы не широкий и плоский, как у выдры, хвост.

Не смотреть им в глаза, главное — не смотреть! Артур расстегнул кобуру на боку мертвеца и достал тяжелый пистолет. Ощутив в ладони рифленый пластик рукоятки, он почти сразу вспомнил, как стрелял на военной кафедре института. Боже, как это было давно! На собак оружие произвело ошеломляющее действие. Артур даже не успел сообразить, как снять пистолет с предохранителя, а псов словно ветром сдуло. С ума сойти, проклятые твари понимали, что именно человек держал в руках и какую угрозу им это несло...

Коваль слегка повеселел, он даже не успел в этот раз толком испугаться. Осмотрел пистолет; на ладони лежал не привычный армейский «макаров», а какая-то неизвестная импортная модель, возможно, выпущенная гораздо позже седьмого года. Полный магазин на четырнадцать патронов, еще один запасной в кармашке кобуры. Морщась от отвращения, Коваль расстегнул на убитом портупею. Работать приходилось вслепую, постоянно обшаривая глазами двор. Лысые гады могли вернуться с подкреплением, но без портупей некуда сунуть оружие. Перепоясавшись, он хотел уже подняться с колен, но тут заметил в глубине колодца рюкзак. Несколько секунд Артур боролся с желанием плюнуть на все и спешно смыться. Он нисколько не сомневался, что за ним наблюдают. Псы прита-

ились за пирамидой ящиков, сваленных в дальнем конце двора. Спускаться в люк рядом с трупом было равносильно самоубийству, а чтобы дотянуться рукой до кожаных лямок, не хватало каких-то тридцати сантиметров. Наконец он придумал. Засунул конец железного прута в канавку люка и соорудил что-то вроде крючка. Затем, одной рукой поводя из стороны в сторону пистолетом, опустил крюк в яму.

Рюкзак весил килограммов десять, не меньше. Как и хозяина, его не тронули зубы хищников. От поклажи мертвеца исходила слабая, но устойчивая горьковатая вонь. Артур принюхался и обнаружил, что точно так же пахли брюки убитого и портупея, которую он реквизирует. Это меньше всего походило на запахи гниющей плоти, скорее создавалось впечатление, что вещи пропитаны специальным составом. Артур решил, что исследует содержимое находки попозже. Пусть даже там окажется кусок другого трупа — оставаться здесь он больше не мог. Обитатели подвалов ждали случая, чтобы напасть.

Еще не дойдя до ворот, Артур понял, как сюда попал малый в противогазе. Оба гидравлических привода отсутствовали, створки свободно покачивались на сквозняке. Видимо, парень забежал во двор по глупости, спасаясь от погони, заметался в четырех стенах и не нашел ничего лучшего, как спрятаться в люке. Тут его и застрелили. В спину. Коваль передернуло. Что происходит в Питере, черт возьми?

Действительность превзошла самые кошмарные прогнозы. Жители покинули город...

Скрепя сердце Артур вынужден был признать очевидный факт: даже за двадцать лет асфальт бы не сдался под натиском зелени. Что-то произошло со временем. Или с капсулой. Узкий переулок, обсаженный редкими тополями, превратился в неухоженную лесную просеку. Асфальт вздыбился, раскрошился на куски, порой Артуру приходилось искать место, куда поставить ногу. Под лопнувшим уличным покрытием змеились корни деревьев, кое-где образовались каверны глубиной в несколько метров, отовсюду лезла трава, достигавшая метровой высоты. Тополя, осины, ели, даже клены и дубы сплетались в вышине, загораживая небо. Деревья прорвали линии электропередачи, лезли ветвями в разбитые окна. Артур заметил бетонный столб, вырванный из земли и повисший на проводах как нелепое украшение могучего тополя.

Этот парень в люке... Если несчастье, поразившее людей внутри института, случилось так давно, почему убитый разгуливал в противогазе? Неужели зараза жива до сих пор?

Коваль, сжимая в руке пистолет, пробирался вдоль стены здания, тут ему казалось спокойнее. Метров через двести, он знал, переулок свернет направо, а там рукой подать до Каменноостровского проспекта. В тенистой листве голосили птицы. Артуру показалось, что в траве про-

мелькнуло мелкое животное, возможно, кошка, или, чем черт не шутит, заяц. Один раз он совершенно отчетливо расслышал в ветвях заунывное мяуканье, но кошка к нему не спустилась. Другой раз, он мог поручиться, из чащи прозвучало козлиное блеяние.

За поворотом он опять вдали увидел псов, штук восемь. Судя по всему, стая охотилась, но явно не на него, или преследовала какое-то крупное животное. Издалека слышался яростный лай, затем все стихло. Здания дореволюционной постройки, вдоль которых он брел до сих пор, кое-как держались, но открывшийся за поворотом вид заставил Коваль охнуть. Вдоль бывшего теперь Каменноостровского парковалось когда-то множество автомобилей. Теперь от них остались, в лучшем случае, истончившиеся ржавые скелеты. На проезжей части кое-где сохранялась разметка, но мостовую во всех направлениях пересекали глубокие трещины, заросшие диким кустарником. Большинство новых домов на противоположной стороне проспекта частично обрушилось, первые этажи зияли провалами разбитых витрин. У семизэтажной стеклянной призмы выпала на тротуар вся фасадная стена, обнажив торчащие пеньки перекрытий. Тысячи ласточек сновали сквозь бесчисленные щели в стенах. У многих зданий проломились крыши, и через окна верхних этажей Коваль различал нежное вечернее небо. Впереди, метра на три над землей, вертикально вздыбился обломок бетонной лестницы с перилами. Артур постоял минуту над жерлом облицованного мрамором тоннеля.

«Метрополитен. Станция «Австрийская площадь». Половина букв с гранитной стенки осыпалась. Любопытно, при нем эту станцию еще не построили. Очевидно, совершенно новая ветка, по которой он почти наверняка никогда уже не проедет. Возле ступеней Коваль наткнулся на полустершуюся металлическую табличку: «Внимание! Зона карантина! Проход только по пропускам!»

После станции метро он прошел мимо двух роскошных магазинов. То есть они давно не могли называться роскошными, но отголоски бывшего величия сохранились. Продуктовый супермаркет, весь в зеркалах, был буквально вывернут наизнанку, точно внутри потопталось стадо слонов. Зато следующий магазин напомнил Коваль пыльные купюры из сейфа института. Артур стоял перед ювелирной лавкой. От уличных стеклянных витрин ровным счетом ничего не осталось, зато в глубине помещения, на прилавках, аккуратными рядами поблескивал благородный металл. Он намеревался зайти внутрь, как вдруг обострившееся чувство опасности заставило его обернуться.

Дорогу перебегала огромная серая кошка, держащая в пасти только что убитого, еще трепыхавшегося голубя. А возможно, это была совсем и не кошка: разве у кошек торчат наружу нижние клыки, как у кабанов? Как ни странно, голубь напомнил Артуру о еде. Он чувствовал, что восприятие

потихоньку притупляется или измученный мозг, защищаясь, возводит своеобразную преграду между сознанием и внешним миром. Артур зашел в ювелирный и расстегнул молнию на дурно пахнущем рюкзаке.

В обоих отделениях не встретилось ничего протухшего. Несколько кусков вяленого мяса, кулек с окаменевшим обломком сероватого сахара, огромная телефонная трубка, похожая на первые изыски «Форы». Фляга с водой, порядочный кусок хлеба, пузырек с маслянистой желтоватой жидкостью внутри и самое тяжелое — железный ящик. Первым делом Артур впился зубами в хлеб и не мог остановиться, пока не сожрал половину краюхи. Вода во фляге обладала потрясающим вкусом... Совершенно точно, что не водопроводная.

Ужиная, он не прекращал следить за обстановкой на улице. Один раз в дебрях кустарника скользнуло что-то черное, но Коваль не успел разглядеть. Ему крупно повезло проснуться не лютой зимой, а в период белых ночей. Но ночь, пусть и белую, проводить под открытым небом недопустимо. Ему необходимо найти убежище. Он заметил, что начал рассуждать, как заправский индеец. И с едой он поступил соответственно, половину хлеба и мясо оставил на потом. Артур решил, что дойдет до Невы, и если никого не встретит, то придется срочно определяться с ночлегом. Убирая остатки ужина, он замер с протянутой рукой. Издалека донесся тоскливый, ледящий кровь вой.

Да, нужно срочно найти ночлег...

Коваль вскрыл плотно притертую крышку стеклянного флакончика, и в нос тут же ударила многократно усиленная волна того самого горького запаха, что пропитал все вещи. Возможно, это лекарство или средство от насекомых, выкидывать не стоит. Железный ящик оказался на поверку термосом. Внутри корпуса находилась колба с широким горлом, а внутри нее, переложенные тряпочками, стояли плотно закупоренные пробирки. Температура в термосе давно выровнялась с температурой снаружи, и содержимое пробирок, вне сомнения, испортилось, но, следуя странному наитию, Артур закрыл термос и снова сунул его в рюкзак.

Метров через пятьдесят, там, где раньше располагалась резиденция «Ленфильма», он наткнулся на баррикаду. Причем не самодельную, а построенную по всем правилам военного искусства. Проспект перегораживали грамотно уложенные противотанковые ежи, дальше в несколько рядов тянулись разные виды колючей проволоки, мешки с песком, над которыми прищурились бойницами долговременные огневые точки. Четыре дота были построены на славу, из подручных материалов, но щедро облиты цементом, и походили на торчащие из асфальта серые фурункулы. Сейчас цемент раскрошился, в трещинах росли полевые цветы, порывевшую колючую проволоку разметало ветром. Коваль, тщательно глядя под ноги, поднялся на бруствер из мешков, оглянулся в обе сторо-

ны. От кого держали оборону строители баррикады? Ясно лишь одно: ее воздвигли, чтобы не пропустить врага в центр города, на Троицкий мост.

Проспект расстился, словно забытая в лесу взлетная полоса... Ни взорванных танков, ни останков пехоты на подступах к ежам. Спускаясь с верхотуры, Артур заметил на песке множество следов. Некоторые принадлежали собакам, но имелись тут и следы копыт, и даже отпечатки голой ступни человека. За последним дотом он набрел на полностью разложившийся труп лошади под седлом, а дальше лежали четыре собачьих трупа. У двоих псов в лобных костях зияли аккуратные отверстия.

Коваль хотел пройти мимо, но вдруг затормозил. У этих собак с шерстью было все в порядке, и, насколько он разглядел, не наблюдалось никаких отклонений. Он заставил себя подойти вплотную, достал из-за спины прут и потыкал в серую шкуру ближайшего зверя.

— Сдохнуть мне, если ты не волк! — сообщил Артур оскаленной челюсти. — Где же тот, кто тебя пристрелил?

Возможно, стоя взяла человека на лошади в кольцо, он отстреливался, а потом бросил лошадку волкам и бежал пешком? Нет ответа. Артуру последнее открытие совсем не понравилось. Лесные хищники в центре Петроградской стороны; ладно бы еще где-нибудь в новостройках... Начиная смеркаться, солнце закатилось за крыши; он прибавил ходу, держа курс на мечеть. Издалека он различал полосатый шлагбаум и новый ряд песочных укреплений, прямо под минаретами. Над шлагбаумом полоскался на ветру железный щит с белыми выцветшими буквами. Артур изо всех сил напрягал зрение, пытаясь прочесть, что же там написано. Он уже не прятался в тени домов; дважды, прямо на глазах, сверху падали куски лепных украшений и фрагменты водосточных труб. Теперь он выбрал другую тактику — шел прямо по центру проспекта, далеко обходя препятствия, за которыми могли спрятаться собаки или другие хищники.

Надпись на плакате стала вполне различимой. Коваль сложил разрозненные буквы в слова, перечитал снова и снова, не доверяя собственному зрению, и тут его впервые серьезно отвлекли.

5

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ, ИЛИ О ВАЖНОСТИ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ

Зелень возле метро «Горьковская» меньше всего походила на аккуратный садик. По правую руку от Артура переливался всеми оттенками зеленого настоящий бурелом, точно вид с картины Шишкина. Чашоба

выползла на проезжую часть, раскроила остатки булыжной мостовой, вырвала из земли рельсы. Но плотную стену леса разрежала выжженная широкая, метров пяти, просека, ведущая к ступеням метрополитена. Видимо, дорожку неоднократно поливали каким-то горючим веществом, чтобы преградить путь растениям, поэтому поверхность земли покрылась толстым слоем золы. Артур обогнул лежащий на боку, проросший шиповником остов автобуса и увидел первых живых людей.

От счастья у него чуть не остановилось сердце. Несколько раз Артур разевал рот, но так и не смог выговорить ни слова. А когда к нему наконец вернулась речь, выяснилось, что люди находятся в серьезной беде. Двое парней, по виду совсем молодые ребята, держали круговую оборону как раз посередине просеки, между облезлой тумбой метрополитена и выходом на проспект. Один из них был ранен и не мог уже стоять на ногах. Привалившись спиной к ноге товарища, парнишка натягивал зубами конец бинта, обмотанный вокруг левого предплечья. В правой руке, уперев ложе в колено, парень держал спортивный арбалет. По левой, разодранной, штанине растекалось темное пятно. Буквально в трех шагах, наспигованные стрелами, подышали три лысые собаки. Еще несколько тварей, прижимаясь к земле, кружили поодаль. Напарник раненого держал друга за шкуру и рывками тянул в сторону станции подземки. Одежду парней составляли грубые брезентовые куртки и такие же штаны, словно скроенные из палаточной ткани. На затылках у обоих болтались на ремнях респираторы. За спиной у стоящего на ногах крестнакрест висел охотничий дробовик с пистолетной рукояткой и длинный тесак в самодельных ножнах, в свободной руке обороняющийся сжимал еще какое-то оружие.

Парочка, несомненно, пыталась пробиться к метро, но путь к ступеням преграждали еще не менее десятка собак. По сравнению со стаей в институтском дворе эти, видимо, гораздо лучше питались в детстве и выросли, как на подбор, до размеров крупной овчарки. Впрочем, с такой внешностью размеры теряли значение. У самого мелкого между лопатками просматривались два позвоночника, другого отличала полная асимметрия, словно его слепили из двух разных собак. Один кобель валялся на спине с выжженной в боку дырой, еще один крутился волчком, наматывая на лапы собственные кишки. При этом никто не лаял и не рычал, слышалось лишь шумное дыхание. Парень водил оружием из стороны в сторону, дергая за собой ослабевшего товарища; псы перемещались, не решаясь напасть, но все время сужали кольцо. Либо у оборонявшегося кончились патроны, либо он берег последний, но Артур был уверен, что стрельбу бы он услышал издалека.

Еще минута, и обоим ребятам конец! Артур скинул с плеча лямку рюкзака, проверил в кармане запасную обойму и, не скрываясь, побе-

жал через улицу. Перепрыгивая трещину в асфальте, он заметил на рыхлой сырой земле четкий отпечаток огромной когтистой лапы. Здесь не так давно прошла кошка, скорее всего, из тех кошек, что оглашают ревом африканские саванны. Почти не испытывая удивления, он вспомнил о находящемся поблизости зоопарке.

— Эй! — что было силы завопил Артур. — А ну стой!

Псы, атаковавшие раненого, его услышали и мгновенно обернулись. Глаза ближайшего зверя покрывала белесая пленка катаракты, но шириной грудной клетки он мог бы поспорить с лучшим ротвейлером. Для собак картина боя резко поменялась, четверо из них теперь сами оказались в окружении. В стороны разбежаться они тоже не могли. Загородив зверям выход на проспект, Артур понял, почему обуглившаяся аллея не уступала зарослям жасмина, наседающего с обеих сторон. По обочинам были вкопаны в землю и связаны между собой куски двухметровой железной огады.

Людей появление подмоги поразило не меньше, чем собак. Артур не ошибся, парни были совсем молодыми, хоть и заросли бородами.

— Ты подземник? — хрипло выкрикнул раненый. Он глядел на Артура округлившимися глазами и, забыв о своей ране, выронил изо рта бинт. — Где твоя маска? Даляр, ты взгляни, он ходит без маски!

Тот, кого звали Даляром, чуть отодвинулся в сторону, и Артур понял, почему он не отвечает и почему не было слышно стрельбы. В зубах бородатый Даляр сжимал длинный узкий кортик, а в свободной руке — сигнальную ракетницу.

— Я не подземник! — покачал головой Коваль. — Как их прогнать?

— Стреляй! — немедленно откликнулся раненый.

— Я могу попасть в вас! Я плохо стреляю! — пожаловался Коваль.

Точно разгадав, о чем он говорит, собаки выстроились на одной линии между людьми. Теперь Коваль действительно не мог стрелять без риска зацепить ребят.

— Сзади! — выкрикнул вдруг раненый.

Артур крутанулся на пятке, и очень вовремя. Длинными плавными прыжками к нему приближались еще две огромные собаки. До первой оставалось не более трех метров, когда он перехватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил. Отдача толкнула Артура назад с такой силой, что он споткнулся и упал на одно колено.

С деревьев вспорхнули сотни пернатых, город откликнулся пистолету громоподобным эхом. Первые два выстрела не причинили никому вреда, ствол пистолета сразу же задрался вверх. Но пес уже летел, готовясь вцепиться Ковалю в горло, и сам наткнулся на пулю. Вторая собака передумала атаковать и рывком ушла в сторону, в метровые заросли крапивы.

В ту же секунду четверка окруженных за спиной Артура сделала попытку прорвать кольцо. Они оставили в покое раненого и гуськом понеслись вдоль ограды.

— Убей их! — вопил парень.

Артур, не вставая с колена, повернулся и совсем близко от лица увидел безжалостные голубые глаза и распахнутую розовую пасть. Пуля угодила псу в глотку и отшвырнула его назад, на бегущих следом приятелей. Даяр отпустил воротник раненого, взмахнул кинжалом и одновременно разрядил ракетницу.

Один из лысых мутантов, пронзительно скуля, отлетел к ступеням метро, ракета с шипением воткнулась ему в бок и продолжала гореть, разбрызгивая оранжевые искры. Другие развернулись и бросились бежать, протискиваясь в щель под покосившейся оградой. Раненый опрокинулся на спину, но успел выпустить стрелу, затем аккуратно отложил арбалет в сторону и метнул в убегающих врагов два ножа. И стрела, и ножи достигли своих целей. Отдаленный потомок черного терьера тоненько завизжал, зашатался и рухнул. Стрела пробила ему затылок и вышла под горлом.

Ножи перебили сухожилия на задних лапах следующему беглецу, но он упорно ковылял прямо на Артура. Коваль слышал собственный крик и продолжал давить на спусковой крючок, пока мускулистое черное мезиво перед ним не прекратило шевелиться.

Люди выиграли бой. Одиннадцать собак погибло, остальные бежали. Даяр как ни в чем не бывало ходил от одного трупа к другому и при помощи кинжала извлекал ножи и арбалетные стрелы. Раненый парнишка забинтовал наконец руку и занялся прокушенной ногой. Артур устал так, словно целый день разгружал угольную баржу, он мог только сидеть и дышать ртом. Тошнотворный запах паленого мяса забивал ноздри. Даяр закончил собирать стрелы, вернул их напарнику, извлек из подсумка шприцы и трижды уколол его в ногу и руку. Только после этого он обратил внимание на Артура:

— Что у тебя с головой? Ты из Чухни?

— Нет, я местный. Я долго спал... — Коваль впервые осознал, что не сможет внятно объяснить, откуда появился. У него крепло понимание, что эти люди понятия не имеют об анабиозе. — Я ученый, из института...

— Ученый? — Парни переглянулись. — Ты из южного каравана?

— Нет, я же говорю — я местный. А голова обработана специальным составом, чтобы не росли волосы.

— Где твоя маска? Маска, не понятно? — Даяр тронул ремень респиратора. — Ты что, ковбой?

При этих словах раненый бородач звонко расхохотался:

— Какой из него ковбой! Он стреляет, как мамаша Рубенс. Выпустил двенадцать пуль, и только три в цель. Дружище, у тебя патроны растут на грядке? Кто учил тебя стрелять?

Коваль слегка обалдел от такого напора.

— Ты не подземник, не ковбой и не пришел с караваном! — подытожил Даяр, поигрывая кинжалом. — Ты не из команды губернатора, иначе стрелял бы, прежде чем поднимать крик. И ты не из портовых, те не ходят без клинков. Без маски гуляют заразные или дураки. Лучше тебе оказаться дураком, приятель! Как тебя зовут?

— Вы могли хотя бы сказать спасибо! — запоздало обиделся Коваль. — Меня зовут Артур.

— Извини Даяра, дружище! — вступился раненый. — Он злится, потому что израсходовал на меня всю столбнячную сыворотку. Меня зовут Людовик.

— Много болтаешь! — окрылся Даяр. — Ладно, Лю прав. Спасибо тебе. Дыши! — Он достал из кармана тонкую пачку бумажек, оторвал одну и положил в двух шагах от Коваля. — Ты что, не понял? Дыши!

Артур потянулся за крохотным розовым листочком и только тут заметил, что Людовик вполне серьезно целится ему в лицо из арбалета. Артур поднес листок ко рту, старательно подышал. Ничего не произошло, но парни облегченно вздохнули.

— Порядок! — сказал Даяр. — Ты тоже шел в подземку?

— А эти собаки... — Артур покосился на трупы. — Они могут вернуться?

— Он точно не питерский. — Людовик, опираясь на плечо товарища, поднялся на ноги. — Ты встречал хоть одного местного, кто не знает повадок булей?

Даяр задумчиво покачал головой, не спуская глаз с притихшей улицы:

— Они вернутся, когда уйдешь ты. Були не выносят огнестрельного и портовых клинков. Но если ты собираешься и дальше бродить здесь один, то лучше отдай пистолет мне. Через час появятся летуны и волки, они не боятся пороха.

— Я не хочу тут оставаться! — подскочил Артур. — Возьмите меня с собой, пожалуйста. Возьмите меня к людям.

— Все люди разные! — философски улыбнулся Людовик. — К каким людям ты хочешь попасть?

Теперь они оба выжидающе глядели на Коваля. Артур понял, что, если он сейчас скажет что-то неправильно, как-то неверно себя поведет, парни просто бросят его здесь, наедине с волками. Он зря надеялся на их благодарность. Точнее, на благодарность он и не рассчитывал, он сломя голову кинулся на помощь, просто потому, что его так воспитали... Кто меня воспитал, спросил он у спящей памяти? Кто мои родите-

ли? Нет, с капсулой явно что-то случилось, раз я не могу даже вспомнить, как выглядели самые близкие люди!

— Я хочу попасть к людям, — осторожно произнес Коваль, — которые следуют законам.

— Законом? — усмехнулся Людовик. — Как ты считаешь, Даля, папа Рубенс следует законам? Знаешь, дружище, если у тебя есть чем заплатить подземникам, можешь отправиться с нами к папе, и сам ему задашь вопрос.

— Мне нужно забрать рюкзак!

Артура охватило невыразимое облегчение. Опасаясь, что новые друзья передумают, он чуть ли не бегом вернулся за своей поклажей. Парни ждали его на ступеньках. Если они собираются спуститься в метро, подумал Коваль, то я пас. Пешком топать по тоннелям — ничего страшнее не придумаешь.

— Почему вы зовете Рубенса папой? — спросил Артур.

— Обычно спрашивают, почему папу зовут Рубенс! — скупой улыбнулся Даляр.

Оказалось, что у него тоже имелся багаж, просто во время сражения два длинных баула валялись в стороне. Теперь Людовик не мог нести свою поклажу, и Артур вызвался помочь. Баул был не столько тяжелым, сколько неудобным, и казалось, что набит внутри травой.

— Он папа, потому что папа! — Людовик протянул Ковалю старинный портсигар, заполненный вручную скатанными папиросами. — Там, откуда ты появился, иначе называют людей, способных иметь детей?

— Эээ... Вот я, например, вполне способен иметь детей, но никто не зовет меня папой. — Артур бросил эту вполне невинную фразу, подтягивая лямки вещмешка, и потому не сразу заметил повисшее вокруг тяжелое молчание. Он в испуге поднял глаза. Неужели все-таки сморозил какую-то оскорбительную глупость? Оба попутчика находились в явном замешательстве.

— Откуда ты знаешь, что можешь иметь детей? — К Даляру вернулось обычное недоверие.

— Ну, видишь ли... — Артур замялся. — Так получилось, что моя девушка дважды от меня... беременела.

Ну конечно! Как он мог забыть... Наташка. В мозгу Коваля словно что-то перевернулось, он скривился, сжав руками виски. Мгновенно все стало на свои места. Он жил с Натальей, на папкиной даче под Сестро-рецком, а родители последние два года осваивали новую квартиру на Ржевке. Он вспомнил мать и отца, вспомнил до мельчайших подробностей, как они с папашей закладывали фундамент и как Наталья отказалась жить вместе с его предками... Господи, что с ними со всеми? Где сейчас Наташа?

— Это такая шутка, приятель? — Даляр положил руку на рукоятку кинжала. Артур впервые обратил внимание на холодное оружие своего визави. И кинжал, и внушительный ятаган за спиной Даляра были настоящими произведениями искусства. Затеяливая резьба покрывала сталь, на гарде переливались грозди драгоценных камней. — Ты хочешь сказать, что дважды выигрывал маму? Или в вашем городе избыток рождающихся женщин?

— Это не шутка! — заторопился Артур. — Я все объясню. Просто до того, как я уснул, мы жили вдвоем с моей девушкой...

Вечернюю тишину прорезал далекий рев. Людовик встрепенулся и не дал Артуру закончить фразу. В который раз бородатый весельчак разрядил обстановку:

— Даля, надо спешить! Приятель помог нам, а остальное подождет!

— Ты прав! — Даляр оставался мрачен, но руку с оружия убрал. — Уходим! — Он повернулся и первым направился к пандусу.

Коваль мысленно перекрестился. Чтобы остаться в живых, ему придется теперь взвешивать каждую фразу! А еще предстояло выяснить, какой же идет на самом деле год?

Вместо стеклянных дверей все входы и выходы из метро ошетились грубой каменной кладкой. Только в одном из проемов вместо камня блестел металл. Даляр первым зашел в узкую нишу, приподнялся на цыпочки, и в руке у него оказался старинный эбонитовый телефон с ручкой и переговорным рожком. Таким аппаратом пользовался еще Ленин в фильме про революцию. Даляр осторожно размотал провод, сделал несколько вращательных движений. Артур глядел, затаив дыхание. Человечество откатилось назад как минимум на сотню лет! Только сейчас он всерьез поверил в происходящее. Из трубки аппарата раздался треск, затем мужской голос отчетливо произнес: «Горьковская».

— Три человека на «Адмиралтейскую», — словно речь шла о вызове такси, отозвался Даляр. — Мы из Эрмитажа.

— Пароль? — скучно спросил голос.

— Минога.

Даляр передал трубку Людовику, скинул рюкзак и, на ходу вытаскивая кинжал, ринулся вниз по ступенькам. Артур напрягся, хватаясь за пистолет, но ничего опасного не предвиделось. Один из тех псов, которых поразил Людовик из арбалета, каким-то чудом выжил и медленно отползал в кусты. Даляр нагнулся и легким движением перерезал собаке горло. Затем не поленился проверить остальных. Коваль снова ощутил тошноту.

— Так обязательно поступать? — тихо спросил он у Людовика, ожидающего у трубки.

— Раненый буль не умирает! — просто ответил бородач, и тут трубка разразилась длинной тирадой. — Хорошо! — ответил кому-то Людовик и вернул телефон в железный ящик, крепившийся на косяке. — Ждать минут двадцать. Слышишь, Даля?

Налетевший порыв ветра принес запах большой воды. Артур вдруг заметил, что жутко натер ноги в резиновых сапогах. Он ощупал себя и убедился, что пакет с журналом не потерян, а только соскользнул на спину. Людовик присел, вытянул забинтованную ногу и принялся чистить арбалет. Даляр хмуро пыхтел папироской, быстро скользя глазами по окрестностям. Живых собак не было видно, на каркас лежащего автобуса с громким хлопанием крыльев приземлились два баклана.

Где-то вдали раздавалось заунывное мяуканье, но низкий рык больше не повторялся. Артуру показалось, что в густеющей синеве над кронами деревьев кружатся несколько хищных птиц.

— Скажите, — осмелился он, — эта надпись, она давно там висит?

— Какая надпись? — не понял Даляр.

— Вон там, возле мечети. Насчет захоронения.

В который раз он вызвал своим поведением замешательство.

— Ты владеешь письмом? — почти с уважением осведомился Людовик. — Тогда прочти нам.

— Там написано... — Артур откашлялся. Наорался он за последний час, а связки все никак не окрепнут. — Там написано: «Зона строгой изоляции. Захоронение номер шесть. Въезд по пропускам!»

— Это было всегда! — непонятно отозвался Даляр, катая в зубах воющую папиросу.

— Отчего умерли эти люди? — решился Артур.

— С какого острова ты приплыл, приятель? — Даляр выплюнул окурок, подхватил с гранитных ступеней вещмешок. За нержавеющей дверью метро кто-то гремел засовами. — Только не говори, что научился читать в лесу!

— Но я и правда не знаю! — взмолился Артур. — Мой папа об этом не рассказывал! — на ходу сочинил он.

Дверь с противным скрежетом поползла вбок. Изнутри ударил поток настоящего электрического света. И в этом волшебном сиянии, словно ангел, преграждающий смертным доступ в рай, стоял огромный мужик с пулеметом Дегтярева наизготовку.

Людовик, придерживая кровоточащий локоть, уколол ухо Ковалю усами:

— Все люди передохли от болезни СПИД, дружище! И если на твоём острове не знают, что это такое, да еще и раздают девок, клянусь мамой Рубенс, я хоть завтра отправлюсь туда!

6

ПЛЕННИК ЭРМИТАЖА

В вестибюле станции, кроме волосатого громила с пулеметом, Коваль, впервые с момента пробуждения, встретил женщину. Оба сотрудника подземки одевались так, словно готовился авангардный показ мод. Но если амбал просто ограничился потертым лисьим полушубком и расклешенными штанами из портьерного бархата, то на женщине под меховой накидкой поблескивало атласное платье, а голову венчал восточный головной убор с остатками роскошного плюмажа. Они разбирают одежду из музеев, вскользь подумал Коваль. У женщины было простое круглое лицо и почти не портящие ее тяжелые очки с бифокальными линзами. В руках она держала внушительный грессбух.

— Проездные предъявлять в открытом виде! — Громила добродушно ощерился, указывая на табличку со знакомым текстом, висящую над останками турникетов.

Людовик открыл подсумок и передал женщине несколько мелких предметов; та ссыпала их в металлический ящик с петлями, затем навесила на петли замок и сделала запись в журнале. Тут оба подземника разглядели лысую голову Артура и удивленно замерли.

— Он без маски! — пророкотал великан. — Даяр, вам надоело жить?

— Я его проверил, он чист, — парировал бородатый.

— Чем заплатишь, красавчик? — деловито осведомилась женщина, занеся над грессбухом перьевую ручку.

Коваль нерешительно открыл рюкзак и показал содержимое. Людовик присвистнул, Даяр поболтал на свету пузырек с вонючей жидкостью и покачал головой.

— Ты прикончил кого-то из людей губернатора? — очень спокойно поинтересовался громила с пулеметом. Артур обратил внимание, что у мужика не хватало трех пальцев на правой руке. — Ладно, мазь меня устроит. Пошли!

— Зато нас не устроит, — холодно сказал Даяр. — Запиши на него трудодни.

Подземники переглянулись.

— Нам все равно, — хмыкнула женщина. — Но мы его не знаем. Я запишу трудодни на тебя.

— Годится! — кивнул Даяр и опустил пузырек к себе в карман.

После чего великан снял с плеча пулемет и вернул железную дверь на место. Женщина подняла свой переносной сейф и исчезла в боковом проходе, там, где еще читались полустершиеся буквы: «Линейный отдел милиции».

— Вперед,— сказал подземник и первым шагнул в наклонную шахту.

В эту секунду Ковалю стало ясно, куда девались лампочки из института. Одна свисала на длинном шнуре, освещая круглый зал станции, другая неярко горела примерно посередине шахты, следующая угадывалась внизу, в вестибюле.

Они спустились пешком, на замершем эскалаторе кое-где не хватало ступенек. В нижнем вестибюле Артур понял, зачем подземники напяливали на себя мех. Если наверху гостило лето, то на станции не выветрился промозглый застоявшийся холод. Свет одинокой лампы не достигал жерла тоннеля, почти на уровне рельсов плескалась маслянистая вода. Сквозь бурый налет лишайников на осыпающемся кафеле угадывался веселый рекламный щит: сочная блондинка приглашала посетить турецкие курорты. Мужик с пулеметом не делал попыток спуститься в тоннель, остальные тоже чего-то ждали.

И дождались. Сначала раздался стук, потом из мрака, лязгая и скрипя, выкатилась платформа поезда, без стен и крыши, зато с двумя рядами сидений и прилично сохранившейся кабиной машиниста. За сиденьями, в сетчатом коробе, оглушительно ревел дизельный движок. Водитель дрезины, всклокоченный рыжий субъект в тулупе, лихо затормозил напротив группы новых пассажиров. Кроме него на платформе кутались в меха еще четверо. Их лиц Коваль так и не сумел разглядеть.

Путешествие в подземке он запомнил, как сплошную пляску зубов. Когда дрезина разогналась под горку, передние фары достаточно разгорелись, освещая бесконечные лужи и струящиеся по бетонным сводам ручейки. В самом глубоком месте дрезина выскочила на ярко освещенный пятачок. Коваль успел заметить десятка два рабочих, копошащихся возле насоса. Другие закидывали лопатами цемент в бетономешалку. Говорить не было никакой возможности, в узком пространстве тоннеля рев двигателя заглушал все звуки, от запаха солярки слезились глаза, но, когда дрезина вылетела к платформе «Невского проспекта», Артур решился задать вопрос:

— Зачем они цементируют стыки? Это же бесполезно. Под давлением породы кольца расходятся, потому что проржавела арматура!

— Если подземники перестанут затыкать дыры, их зальет водой! — пожал плечами Даярь. — Ты можешь предложить что-то поумнее?

— Следовало бы сначала укрепить кольца,— осторожно настаивал Артур. — Можно было бы изнутри вбить клинья, а затем наварить жесткую конструкцию... То есть, я хотел сказать, если, конечно, имеется сварочный аппарат...

— Сварка у нас есть,— отозвался вдруг рыжий машинист. — Но сейчас нет никого, кто умеет работать с газом. А ты что, инженер? Ты справишься с аргоном?

Все пассажиры вагона прекратили курить и разом уставились на Ковалья. Он почувствовал себя крайне неуютно, черт его потянул за язык! Дрезина неподвижно зависла посреди полутемных аркад «Невского проспекта», дизель постукивал на малых оборотах. Двое мужчин вышли, обменявшись рукопожатием с водителем, зато добавилось сразу четверо вооруженных до зубов парней, и с ними маленькая женская фигурка, с головы до ног закутанная в меха. Машинист не трогал с места, очевидно, ждал кого-то еще.

— Да, я инженер! — ответил Коваль, гадая про себя, хорошо это или плохо. — И думаю, что сумел бы запустить аргоновый аппарат. Но не в одиночку, конечно...

— Даяр, твой приятель москвич? — почтительно осведомился машинист. От волнения он даже вспотел, на чумазом лице сверкали зубы и слезящиеся белки глаз. — Дружище, я не поверю, что ты музейщик. Даяр, давай я отвезу его к полковнику, и если он не врет насчет сварки...

— Парнишка, если ты инженер, так, может, и моторы перематывать умеешь? — обернулся к Артуру другой подземник, из тех, что сели на дрезину раньше его, — кряжистый мужик, закутанный в облезлый тулуп.

Артур чуть не ответил, что для замены обмотки совершенно не требуется инженерное образование, но тут Людовик довольно сильно пихнул его в бок.

— Он едет с нами к папе Рубенсу! — пресекая дальнейшие расспросы, отрубил Даяр. — Если полковник захочет получить инженера, пусть сначала договорится о цене!

Подземники не стали возражать. Артур потихоньку пришел к двум любопытным выводам. Во-первых, он научился отличать служащих метро от пассажиров. Абсолютно все, кто работал внизу, одевались в мех, невзирая на лето. Иначе, видимо, сырость и холод, а также полное отсутствие вентиляции легко приводили человека к простудам и ревматизму. А во-вторых, Артур почувствовал, что его не особо глубокие, базовые знания могут сослужить неплохую службу, возможно, даже сделать его большой шишкой... Из полумрака на перрон вышли еще трое пассажиров, одетых точно так же, как мертвец, с которого Коваль снял портупею. Сердце екнуло у него в груди, но мужчины не обратили на соседей ни малейшего внимания, уселись впереди и разом задымили. Дрезина тронулась с места. Перед погружением в тоннель в самом конце станции на проволочной растяжке висели сразу два мигающих фонаря. Под фонарями на мраморной стене Коваль прочел крупные буквы, отпечатанные трафаретом: «Нахождение в метро без средств индивидуальной защиты карается смертью! Военный комендант...»

Метров через триста водитель виртуозно притормозил прямо напротив очередной лампы, снял с петли на стене телефонную трубку:

— Диспетчер? Это шестой экспресс. Я на Невском, ухожу по кольцу на «Адмиралтейскую», затем вернусь обратно.

— Правый путь свободен! — прохрипела трубка. — Будешь возвращаться, пропусти одиннадцатый!

— Принято! — ответил машинист, затем скинул тулуп, нашарил под сиденьем монтировку и прыгнул в невидимую лужу.

Оказалось, что до пояса он на нем охотничьи сапоги. Перекинув стрелку, рыжий вернулся на свое место, и платформа, громокая, устремила в боковой тоннель. Из всех пассажиров только люди губернатора, одетые в серые комбинезоны, обладали сносным огнестрельным арсеналом и настоящими противогазами. Четверо угрюмых мужчин, вошедших вместе с дамой, даже здесь не разомкнули кольцо вокруг нее. Артуру показалось, что за спиной у каждого из них торчат тонкие блестящие полосы напоподобие длинных шашлычных шампуров, но спрашивать Людовика он не рискнул.

На «Адмиралтейской» машинист соскочил со своего сиденья, чтобы лично попрощаться с Артуром. Людовик при этом раздувался от гордости. Даяр недовольно сопел и с нарочитой озабоченностью затягивал на спине инженера лямки вещмешка, демонстрируя, кто здесь хозяин. К счастью, станция оказалась неглубокая, наверху короткой лестницы троицу поджидал коротко стриженный дед в изгрызенном молю собольем палантине. Обязанности кассира исполняла высокая тощая девица в чернобурке, с обрезом за спиной. Людовик послал ей воздушный поцелуй. Кассирша фыркнула и отвернулась с нарочитым безразличием, но, когда бородач проходил мимо, охнула и потребовала показать ей раны. Дед отодвинул тяжелые засовы и выглянул наружу, держа наизготовку потертый «калашников». Даяр нетерпеливо постукивал ногой, Людовик с театральным удовольствием показывал девушке следы укусов. Наконец раненый получил в подарок чистый бинт, короткий поцелуй в щеку, и подземка осталась позади.

● На брусчатке Дворцовой площади Ковалю вновь охватило чувство полной нереальности происходящего. Он прихрамывал в арьергарде, оберегая натертую пятку, и вертел головой. Оба его провожатых решительно двигались к парадному входу в Зимний дворец, несколько не отвлекаясь на красоту летнего вечера. Едва покинув подземку, Даяр шумно втянул ноздрями воздух и вытащил из ножен осыпанный алмазами ятаган. Людовик натянул тетиву арбалета. По площади среди холмов мусора ветер катал целые океаны тополиного пуха. Ни единого прохожего не встретилось им навстречу, но на горбу Дворцового моста, возле костра, Коваль разглядел три малюсенькие фигурки всадников. Начало пустынного Невского перегораживала еще более внушительная баррикада, чем на Петроградской. Между покосившихся

пулеметных гнезд из залежей песка торчал спаренный хобот корабельной зенитки. Вдоль Александровского сада змеился глубокий ров с размытыми краями и остатками колючей проволоки. В разбитых окнах бывшего морского училища гнездились сотни чаек, окаменевшие сосульки птичьего помета свисали с карнизов. Шестерка коней на арке Главного штаба находилась на месте, но половина скульптур с карнизов Зимнего осыпалась вниз. Или их столкнули, мрачно подумал Коваль... Зато на крыше крутились десятка два ветряков и стоял непонятно как туда взлетевший вполне целый троллейбус без колес. На подступах к царскому крыльцу начиналась гораздо более свежая линия обороны, построенная по иному принципу.

Из булыжной мостовой торчали два ряда наклонных деревянных кольев, а далее дворец окружала густая сеть колючей проволоки разной конструкции. Артур не видел, что происходит на набережной, но со стороны Мойки ограда достигала здания Эрмитажного театра и терялась в сумраке Миллионной. По углам здания и возле мостика, держа под прицелом площадь, замерли три бронетранспортера. Стены до второго этажа превратились в сплошные жестяные заплатки. Судя по выбоинам, Зимний неоднократно обстреливали. Выше защитники музея ограничились решетками, во многих окнах горел свет. Из узкой бойницы, прямо над Каретным въездом, в лицо Артуру нацелились стволы пушек. Между рядами колючки оставался проход в виде сложного лабиринта, так что путники шли сначала влево, а затем вправо, по очереди подставляя бока наблюдающим снайперам. Снайперов Коваль заметил, уже когда к Даляру вышел часовой. Как минимум трое, посверкивая прицелами винтовок, дежурили на крыше. Очевидно, если бы Артур шел во дворец один, то не добрался бы живым и до Александровской колонны. Музейщики, повторял он про себя, музейщики. Банда, захватившая Эрмитаж во главе с папой Рубенсом, который знает, что такое законы. Звучит. Впрочем, он мог бы остаться в метро; судя по всему, тамошний полковник ничем не хуже и любит инженеров. ●

Часовой перекинулся с Даляром парой слов, затем кивнул и исчез за маленькой дверцей. Внутри товарищи Артура сняли с него мешок, и Людовик отправился в госпиталь. Больным он не выглядел, но раны требовали более серьезной обработки. В последний момент, перед тем как захлопнулась калитка, Артур невольно оглянулся на площадь. Со стороны Адмиралтейского проспекта, разрывая тишину дробным цокотом, рысила, запряженная цугом, четверка лошадей. Длинный закрытый экипаж на колесах размером в рост человека мягко покачивался на рессорах. Кучер сидел в закрытой будочке, а выше, из люка в крыше, по пояс торчала девушка в каске и бронежилете. Из-под уродливого головного убора выбивались длинные светлые локоны. Лица девушки Артур

так и не увидел, его закрывал бронированный щиток. Стрелок медленно вращался, опершись рукой о крышку люка. При появлении дилижанса из бронетранспортера выскочили четверо парней и потянули в стороны ажурные створки тяжелых ворот. Еще двое спешно организовали проход в колючей проволоке. Не снижая темпа, кучер заложил вираж, и копыта лошадей загрохотали во внутреннем дворе. Артуру вспомнился мультфильм про маленького муравья, который во что бы то ни стало стремился засветло достичь родного муравейника.

Над равнодушным ангелом поднимался бледный серп луны. Голодный ветер свистел над безлюдным городом, где-то далеко, на пределе слышимости, раздалось несколько выстрелов и конское ржание. Затем, один за другим, раздалось десять ударов колокола. По периметру площади шел человек с факелом и разжигал огонь в железных бочках. Языки пламени с гудением лизали прохладный воздух наступающей белой ночи. Во дворе фыркали лошади, пахло сеном и жареным мясом.

— Артур! — позвал Даяр. — Тебя зовет папа Рубенс.

Часовой выкинул наружу окурочек и захлопнул калитку. У него не было огнестрельного оружия, но грудь перепоясывал патронташ, в гнездах которого вместо патронов торчали узкие метательные ножи. Не менее десятка. На роскошной плечевой перевязи висел тяжелый казацкий палаш. Но не стальной голубоватый лед клинка напугал Ковалю больше всего. В глубине вестибюля, на изысканной восточной оттоманке, увешанной золочеными кистями, царапая когтями древнюю парчу, дремало создание, словно сошедшее со страниц «Тысяча и одной ночи». Впрочем, сказками тут и не пахло. Артуру хотелось ущипнуть себя за ногу.

Лысые собаки, по сравнению с полутораметровым монстром, оседлавшим бесценную кушетку, представлялись невинными ягнятами. Животное ни в коем случае нельзя было назвать безобразным, скорее наоборот, оно обладало воистину дьявольской грацией. Коваль вспомнил, что он когда-то читал о тигре-альбиносе. Безусловно, зверь принадлежал к отряду кошачьих, к густой белой шерсти хотелось прижаться щекой и запустить в нее руки. Все четыре ненормально длинные конечности, в отличие от присущих кошкам подушечек, заканчивались вполне оформленными пятипалыми кистями. Громадная голова «тигра» росла из необычайно вытянутой, складчатой, как у мастиффа, шеи, и дремал он, откинув ее на спину, на манер африканского фламинго. Зубы под усатой губой ничем особым не выделялись, зубы как зубы, как у нормального взрослого тигра. Словно почувствовав внимание, зверь поднял веки и потянулся.

Артур встретился с ним глазами и понял, что по своей воле он из дворца не выйдет.

7

СЕМЕЙКА РУБЕНС

Поспевая за своим молчаливым провожатым, Коваль уже не сомневался: в Зимнем проживало гораздо больше народу, чем в бытность российских императоров. Дворец превратился изнутри в настоящий мегаполис, скорее, даже в гигантский табор. Почти весь первый этаж и подвалы занимали производства. Здесь располагались пекарня, слесарный и столярный цеха, конюшня, автоцех, мастерская экипажей, сапожники и даже маленький пивной завод. Впрочем, далеко не все делалось лишь в целях собственного потребления; проходя, например, мимо стеклодувного цеха, Артур успел заметить целые штабеля остывающих бутылок, проложенных соломой, словно предназначенные к отправке.

Ценнейшие паркетные полы почти нигде не сохранились, на месте снятых гобеленов тянулись километры телефонных проводов. Сантехники, дробя античную мозаику, вбивали крепежные крюки для прокладки водопровода, по мраморным лестницам волокушами поднимали дрова. От зеркал остались одни рамы, зато картины и скульптуры не сильно пострадали от нашествия людей. Большинство наиболее дорогих произведений искусства было когда-то давно, еще до эпохи папы Рубенса, отправлено в подвал и заперто под замок. Чего нельзя было сказать о драгоценностях. Уничтожению, разборке, распилу подверглись все без исключения предметы из золота и прочих драгметаллов. Точно так же люди растащили все холодное оружие и пригодную для бытовых нужд посуду. Музей преобразился в колоссальное общежитие, где каждый метр пространства поклонялся богу функциональности.

Большинство залов второго этажа разделялись на секции, двери запирались, и жизнь за дверями во многом напоминала коммунальное сосуществование. Даляр показал Артуру пятачок, где орудовали жилищные маклеры; наиболее ценными считались «квартиры» с исправными каминами и действующей канализацией. Туалеты и водопровод проводить начали буквально пару лет назад и дотянули еще не везде, сантехники как раз заканчивали монтаж насосной станции. Остро не хватало людей, способных производить элементарные инженерные расчеты. Старшего водопроводчика, по словам Даляра, купили на три месяца в Москве и отдали за него четырех дойных коров и два ящика патронов к пистолетам, не считая оплаты труда. Коваль хотел спросить, какой валютой рассчитались с инженером, но тут путь преградила забавная процессия.

Люди сновали во всех направлениях, поодиночке и группами; после заброшенных переулков Петроградки Артур снова, почти с наслажде-

нием, ощущал себя городским жителем. Внезапно Даяр рванул гостя за рукав, увлекая в сторону. Шедшие впереди женщины также прижались к стене. По лестнице, раздвигая толпу, поднимались шестеро мордоворотов в мотоциклетных шлемах. Первый непрерывно дул в свисток, замыкающий прикрывал спину широким плексигласовым щитом. А между ними, почти незаметные на фоне огромных охранников, взявшись за руки, почти бежали шестеро детей — четыре мальчика и две девочки. Кавалькада с топотом пронеслась по коридору, свист постепенно удалялся, а прохожие как ни в чем не бывало возвращались к своим маршрутам. Встреченным детишкам было от пяти до десяти лет, и до Артура вдруг дошло, что ни одного свободно гуляющего ребенка во дворце не встретилось. Раза два он видел подростков лет четырнадцати, и то исключительно в сопровождении взрослых...

На момент пробуждения Ковалья в Зимнем проживало более четырех тысяч человек, но точную цифру Даяр назвать затруднился. Артуру хотелось о многом спросить, но, верный своей мрачноватой манере, Даяр неохотно раскрывал рот. За позолоченной дверью с табличкой «Санчасть» Ковалья встретила черноглазая женщина в зеленом халате, респираторе и резиновых перчатках. Не успел Коваль осмотреться, как с него стянули одежду, в вену воткнули иглу, довольно грубо обследовали рот, уши и отправили в душ. Вода! Господи, какое счастье, оказывается, всего лишь окатиться двумя ведрами горячей воды. Больше двух ведер ему не предоставили, и мыло в санчасти оказалось какое-то черное, вонючее, но и этого убожества хватило, чтобы вернуть коже естественный цвет.

Едва одолев приемную папы, Коваль понял, откуда взялись такие нерусские фамилии. Стены канцелярии украшал полный набор картин одофамильца. Искусство Фландрии немного потеснили, заняв пространство вдоль стен шкафами, но в целом зал остался прежним, добавочный интерьер поражал вакхическим размахом. Очевидно, папе нравились женщины известного телосложения; Коваль не стал уточнять. В приемной к ним присоединился перебинтованный заново и сменивший одежду Людовик. Переодевался он, без сомнения, в большой спешке, исполосованные шрамами руки по локоть торчали из французского парадного камзола восемнадцатого века.

Двое охранников, вооруженных «калашами», вторично заставили Артура раздеться и развязать мешок. Пистолет и железные прутья пришлось оставить на ответственное хранение. Кроме папы, в кабинете толпилась уйма народу. Артур не сразу понял, к кому подходить представляться. Возле огромной раскрашенной карты Питера суетились с мелкими два старичка в военной форме без знаков отличия. Девушка в кожанке кормила сквозь решетку сидящих в клетке волчат. Она сидела на пятках, держа на коленях миску с мясом, и обернулась на шум. Ковалья встретили распах-

нутые карие глаза, чуть вздернутый нос и запачканные сажей румяные щеки. Несмотря на то что локоны она спрятала под кепку, Артур моментально узнал пулеметчицу с дилижанса. Он улыбнулся и кивнул как можно приветливее, но ответной улыбки не дождался. Девушка опять отвернулась к визжащим от нетерпения молодым волкам.

За грандиозным письменным столом, заваленным бумагами, оживленно беседовали четверо. У Артура мелькнула мысль, что дубовым ма-стодонтом вполне могли пользоваться российские самодержцы. Следовало отдать должное «скромности» нынешних владельцев Зимнего. Коваль наметил толстого усача, но папой оказался совсем другой человек, поджарый сухопарый дядька с сигарой в зубах. Папа ухитрился разговаривать сразу по двум телефонам, но, заметив Даляра, приглашающе помахал рукой:

— Я слушаю.

Следующие двадцать минут Коваль никто не перебивал. У папы Рубенса дважды гасла сигара, и дважды он наклонялся к тлеющей жаровне с торчащими оттуда палочками благовоний. Девушка в кепке разожгла старинный примус и поставила сверху простенький трехлитровый чайник, украшенный вензелями с императорской короной. Несколько раз, поочередно и вместе, тарахтели телефоны; трубку брал либо смуглый усатый толстяк в кашемировом свитере, либо другой сосед, хмурый, чернявый, похожий на кавказца. Коваль не сразу заметил, что в кабинете появилась еще одна женщина, рослая, пышнотелая, настоящая русская красавица. Ее спокойную, уверенную красоту не портил даже шрам на щеке. Мама Рубенс не стала садиться в кожаное кресло, которое ей подвинул кто-то из мужчин, вместо этого она, бесшумно двигаясь, расставила на ломберном столике чашки немецкого фарфора, розеточки под варенье и серебряное блюдо на львиных лапах, полное орехов и сухофруктов.

Чем дольше Артур говорил, тем понятнее ему становилось, что папа Рубенс не зря занимает свой пост. Зрочки главаря музейщиков кололи собеседника, как лезвия стилетов. На его худошавом скуластом лице не отражалась ни одна эмоция. Когда Артур выдохся и замолчал, в канцелярии установилась гробовая тишина; лишь волчата возились в клетке, и задумчиво посвистывал чайник. Никто не проронил ни слова, пока не подал голос папаша Рубенс:

— Еще раз назови адрес, где ты нашел убитого.

Старичок в военном френче быстро сверился с картой.

— Это не территория мэрии, папа. Район слева от Каменноостровского держат ребята мамы Кэт.

— Идиоты,— процедил кавказец.— Мама Кэт хочет войны с мэром?

— Это был человек губернатора! — Папа кивнул на открытый термос с пробирками.— И мы знаем, что это такое, не так ли, Сапер?

Сапером звали длинного худого человека, одетого в шелковый халат и убийственно похожего на артиста Басова.

— Если это вытяжка, значит, губернатор опять заигрывает с колдунами!

— Но он не дошел? Почему вытяжку не забрали? — спросил усатый.

— А может, его прикончили случайно? Дикари?

— Мама Кэт не жалует убийц в своем районе. Дикари бы не решились...

— Я имел в виду желтых дикарей.

Коваль вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл разговора.

— А кто у вас главнее — мэр или губернатор? — спросил он Людовика. За все это время Людовик и Даляр не произнесли ни слова. Вежливо слушали старших.

— У губернатора больше солдат, — откликнулся папа Рубенс. — Но мэр контролирует электростанцию и водит дружбу с нефтяниками. Предоставь нам разобраться с твоей находкой. Ты сказал, что был инженером? Умеешь работать со сваркой?

— Да. Хотя я давно не пробовал...

— Электродвигатели?

— В принципе...

— Понимаешь схемы проводки?

— Думаю, что справлюсь.

— Подземникам ты сказал, что справишься наверняка.

— Справлюсь, если хоть немного почитать...

— Впрочем, насильно тебя здесь никто не держит. Можешь переночевать и отправляться куда угодно. Можешь прожить у нас неделю. Вот это... — Папа покрутил в руке пузырек с желтой мазью. — Это лучшее доказательство, что ты не врешь. Один флакон мази против булей стоит дороже месяца работы любого инженера. Ты мог использовать мазь, и були бы тебя не тронули. Ты никудышный солдат, но бросился на помощь нашим людям. Они заслуживают взыскания. Ходили покупать у ковбоев лечебные травы и не взяли достаточного количества патронов...

Даляр и Людовик понурились.

— Его могли снабдить колдуны! — возразила мама Рубенс.

Впервые Артур услышал ее низкий мелодичный голос и тут же понял, что этой женщины, возможно, следует бояться больше, чем ее мужа.

— Колдуны не станут нарушать соглашения с губернатором, — осторожно возразил Сапер.

— Я не хочу никуда уходить! — твердо заявил Артур. — И я не встречал ни одного колдуна!

— Тогда чего ты хочешь? — Папа Рубенс, не мигая, буравил его иглами зрачков. — Мы не дикари. Назови цену. Что ты хочешь за мазь, вытяжку и пистолет?

— Мне ничего не надо! — разозлился Артур. — Я не знаю, сколько я проспал. Я не знаю, какой сейчас год. Я только недавно вспомнил, кто мои родители и моя жена...

— Жена? — хором воскликнули старички у карты.

— Жена? — словно эхо, откликнулась мама Рубенс.

— Ну да, жена... Ну, не официальная, гражданская жена. — До Артура запоздало дошло, что он сморозил очередную глупость.

Даляр кашлянул и поднял руку, словно школьник за партой:

— Разреши, папа! Я не успел доложить. Он читает на двух языках и говорит, что женщина дважды понесла от него ребенка.

Вот теперь в канцелярии повисла не просто тишина, а общее немое изумление.

— Он утверждает, что способен быть папой?

— Да что тут такого необычного? — взорвался Артур.

— Мы проверим! — шепотом произнесла мамаша Рубенс, но ее услышали все. Мамаша покосилась на белокурую девушку в кепке. Та сидела на краешке широкого подоконника и, заметив взгляд мамы Рубенс, скривила губы. — Мы проверим. Миша, если приятель не врет, то отпустить его нельзя.

— Да я и сам не хочу уходить! — У Артура немного отлегло от сердца.

— Когда я еще был ребенком, — папа в очередной раз разжег сигару. Ни Артуру, ни остальным соратникам курить он так и не предложил, — полвека назад, я слышал истории о том, что на Кавказе сохранились деревни, где почти каждый мужчина мог делать живых детей...

— Сколько лет назад? — жалобно переспросил Коваль, но Рубенс его не услышал. Или сделал вид, что не слышит.

— Вот что, Артур, — перебил главарь сам себя. — Завтра уходит большой караван в Москву, нам будет не до тебя. Остановимся пока на трех моментах. Ты становишься музейщиком. Согласен?

Артур кивнул.

— Когда караван уйдет, ты проводишь моих людей в свой институт, и мы заберем ветряные электростанции. Странно, что мама Кэт их проглядела...

— Их тяжело заметить... — вставил Коваль, но Людовик уже пихнул его ногой, призывая заткнуться.

— Второе! — невозмутимо продолжал папа. — Я повторяюсь. Мы не дикари. Это значит, что у нас все работают. Недельку можешь отдыхать, мазь того стоит. Затем найдешь Сапера, он распределяет трудодни и командует производством. Примешь присягу. Если захочешь уйти после присяги, тебя найдут и убьют. И последнее. Твой случай уникален. Мы не слышали ничего подобного. Если ты можешь быть отцом, ценность твоей личности резко возрастает. Никогда и никому больше об этом не

говори, если не хочешь, чтобы тебя выкрали. Даляр, заберете его к себе. Охраняйте его жизнь, как он охранял вашу.

— Мы поняли, папа!

— Для остальных сочиним сказку. Пусть все думают, что ты пришел с караваном ковбоев из Риги. Никто не сможет это проверить, ковбои не нанимают охрану в городе. Всем понятно? Я спрашиваю, все поняли, что Артур пришел с ковбоями из Риги? — Михаил оглядел присутствующих немигающим стеклянным взглядом. Ковалю показалось, что по залу пронеслась, шевеля волосы на макушках, невидимая секира.

— Поняли, папа...

— Понятно...

— Отлично! — сменил тон Рубенс. — Лидия, налей нам чаю. Ближайшие дни я буду занят, нам не удастся поболтать. Так что пользуйся чаепитием, задавай вопросы. Я вижу, ты чувствуешь себя неловко в нашем обществе?

— Да нет, все нормально. Просто я...

— Меня зовут Чарли! — подал руку толстяк. — Я старшина Торговой палаты Питера и веду в Эрмитаже коммерческий отдел. Надумаешь что-нибудь купить, сперва посоветуйся со мной.

— Чарли в курсе всех сделок от Чухни до Кавказа! — рассмеялась Лидия, наливая Артуру заварку. — Он знает цены на товар раньше, чем его привозят на торги. А это Руслан, — представила она черноволосого кавказца. — Наш министр обороны.

— Рад познакомиться! — Рукопожатие Руслана больше походило на стальной зажим. — Перед тем как выйти в город, проведешь недельку в тире. Даляр тебя проводит. Хочешь жить — научись метать ножи.

Кроме Сапера в чаепитии приняли участие и оба похожих друг на друга старичка. Впрочем, они на проверку оказались братьями. Лев возглавлял учебный процесс для детей и курсы ликбеза для оболтусов вроде Людовика, а заодно отвечал за перепись книг и библиотечный обмен с другими колониями в городе и за его пределами. Аркадий ведал строительством и в текущий момент исполнял обязанности главного инженера, но признавал, что знаний у него для этого недостаточно. Недаром Чарли Рокотов был вынужден с согласия папы выписать из Москвы толкового сантехника. Зато у Аркадия имелся потрясающий нюх на нужные для коммуны приспособления и инструменты. Как понял Артур из разговора, не так давно Аркадий доложил папе, что по заброшенным домам собрано достаточно материалов для строительства новой котельной. Подключив новую котельную, музейщики могли бы попытаться протопить корпус Генерального штаба и до зимы переселить часть людей туда. Если верить Людовику, население дворца прирастало, разными путями, человек на десять в месяц. Кто-то приходил от ковбоев,

иначе говоря, обычных фермеров, кто-то откупался из других коммун или соглашался продаться навсегда, прельщенный лучшими условиями содержания. Лев не строил оптимистичных прогнозов относительно роста населения; никто толком не понимал, становится людей больше или нет. Артуру эти упоминания о мягкой «работоторговле» немного резали слух, но постепенно он привык. Выяснилось, что торговцы, такие как Чарли, участвуют от имени своих коммун в постоянных «ярмарках вакансий», и для специалиста совершенно незастенчиво стоит сотню верховых лошадей или двадцать подвод с картофелем.

Оставался еще один член Совета, мама Рона, строгая черноглазая женщина средних лет в зеленом халате, что брала у Коваля кровь. Она появилась на несколько минут, во всеуслышание поздравила Артура с успешным прохождением экспресс-теста и удалилась, сославшись на тяжелых пациентов. Ковалю объяснили, что медики уровня мамы Роны представляли собой колоссальную редкость; и даже когда ее покупали на время чужаки, папа посылал вместе с ней четверых телохранителей. Неделя работы мамы Роны в чужом госпитале и обучение тамошнего персонала стоили покупателям пяти ящиков дефицитнейших патронов, или тонны овечьей шерсти, или сотни пар первоклассных кирзовых сапог. Дороже медиков, сказал Чарли, стоят только мамы. Но главную головную боль для мамы Роны во дворце представляли не обычные больные, пострадавшие от укусов хищников или подхватившие лихорадку.

Главной заботой был детский сад. Теперь Артуру стало ясно, почему жители Зимнего прижимались к стенкам, освобождая путь телохранителям, ведущим детей в санчасть на прививку. Детский сад прятали в самой надежно охраняемой части здания. Очень давно, еще при прежнем папе, специально заколотили окна в висающие сады, чтобы создать малышам возможность без опаски гулять на свежем воздухе. Под детским садом понимались и ясли, и школа, где преподавал Лев,— все возрастные категории от грудного возраста до двенадцати лет, когда детям разрешалось опять жить с родителями и вместе со старшими впервые покидать дворец. Никто из членов Совета не мог припомнить, кем и когда был установлен такой порядок, но все сошлись во мнении, что изоляция обеспечивает для маленьких жителей наибольшую безопасность. Там, где детей не охраняли, процент гибели был намного выше.

И последней, кого представили Артуру, была та самая нахохлившаяся пулеметчица в кепке. Арина, третья дочь Лидии и приемная дочь папаши Рубенса. Девушка так и не оттаяла, напротив, отозвав мать в угол, несколько минут с ней о чем-то шепотом пререкалась и вернулась красная и еще более злая. Тем не менее кабинет она не покинула, осталась до конца трапезы. Артур сначала думал, что Арина просто пользуется служебным положением отчима и не имеет к Совету никакого отношения, и был

крайне удивлен, узнав правду. Скорее из вежливости к столу пригласили Даляра и Людовика, которые вели себя тише предметов обстановки.

Арина в свои двадцать четыре года возглавляла Стражу караванов. Было бы естественным предположить, что она подчиняется «министру обороны» Руслану, но ситуация оказалась намного тоньше. Девушка обладала какими-то чрезвычайно редкими способностями, позволявшими ей заранее чувствовать опасность. Она сопровождала дальние экспедиции с двенадцати лет и своим присутствием спасла не одну сотню жизней, не говоря уже о товарах. Одной коммерческой ловкости Чарли для ведения дел было недостаточно, а статус начальника стражи ставил Арину наравне с членами Совета.

Папа ясно дал понять, что не хочет распространяться на эту тему, и Артур сдержал любопытство. Судя по тому, что папа Рубенс, несмотря на явные заслуги, не освободил незадачливых сборщиков трав от наказания, никакой демократией в Зимнем не пахло. Людовику и Даляру предстояло по пять лишних дней отработать на заготовке дров.

В течение ужина Коваль имел неоднократную возможность убедиться в организаторских талантах и непреклонной воле Михаила. Раз десять в дверь стучали, приходили люди с различными донесениями и просьбами. Папа молниеносно решал вопросы, звонил кому-то, иногда посылал курьера. Но чаще не сходя с места переадресовывал проблемы подчиненным, подчеркивая, что приемные часы Совета длятся круглые сутки. Возражений он не слушал, просто стоял и смотрел на собеседника или молчал в трубку. Первым, допив чай, ушел Руслан, сославшись на проверку караулов. Затем отклонялись Чарли с Сапером и отправились готовить караван. Коваль хотел покинуть канцелярию вместе с парнями, но хозяин кабинета остановил его движением руки. Наконец в зале осталось семейство Рубенс и «министр образования».

Как выяснилось, семья не ограничивалась мамой, папой и дочкой. Лидия, помимо Арины, родила еще троих дочерей и двоих сыновей. Из всех детей лишь младшая дочь оказалась мамой и принесла, начиная с семнадцати лет, Рубенсам уже троих внуков. Первый муж Лидии, отец Арины, погиб, когда дочери исполнился год. Михаил Рубенс трижды выигрывал Лидию в честном состязании, заслужив право на постоянную семью с ней. При этом он со спокойным лицом сообщил Артуру о том, что Лидия уже в браке родила двоих детей от других мужчин, и эти дети по договору были отправлены к отцам: сын — в Москву, а дочь — в Хельсинки. За каждого из этих «незаконных» детей мама получила порядочный выкуп, что моментально сделало ее состоятельной женщиной. Финны заплатили стадом в двести голов скота, а богатые московские подземники рассчитались пятью сотнями доз антибиотика. Не так давно на одном из фармацевтических предприятий бывшей столицы

удалось восстановить производство пенициллина. Но такие выкупы действительно могли себе позволить только богатые коммуны.

Мама Рубенс тоже совершенно не тяготилась изменами, настолько редким даром стало материнство. Артур сначала понял так, что Михаил трижды дрался за Лидию в буквальном смысле слова, но опять не угадал. Среди дикарей так и происходит, подтвердил Лев, потому они и не могут десятилетиями создать устойчивых коммун. Самый сильный там получает маму, и прекрасно, если он не может стать отцом. Потому что его неминуемо прибудут из-за угла, и общество лишится будущих детей, которых и так чрезвычайно мало. В цивилизованном обществе все иначе. Женщина, способная рожать, а таких около десяти процентов, не вольна жить где и с кем захочет. Она не может быть одна, но может взять в мужья сразу троих, ее право, лишь бы они были папами. Во всех питерских коммунах таких женщин брали на полное содержание и требовали от них только одного — рожать как можно больше и, по возможности, от разных мужчин. Реальных производителей мужского пола появлялось на свет еще меньше, чем потенциальных рожениц. Лев сказал, что виной всему последние вакцины, использовавшиеся во время разгара пандемии.

Михаил не дрался за Лидию на ножах, просто редкие заезжие конкуренты, даже предлагавшие невесте целые состояния, не выдерживали беспристрастного отбора. Кто-то баловался наркотиками, кто-то имел явные признаки мутаций, кто-то был неизлечимо болен. В этом месте рассказа Артура подкараулило очередное потрясение. Отбором занималась не невеста, а отдельный независимый орган — Совет врачей. Медики, вроде мамы Роны, съезжались для консилиумов со всего города и принимали решения. Естественно, той качественной диагностики, какой она была до массовых смертей, не существовало, но в среде лекарей находились люди, подобные Арине, умевшие предугадывать отклонения в развитии плода. Совет врачей не мог допустить, чтобы мама потеряла два-три года жизни на вынашивание больного ребенка. Посему лишь спустя двенадцать лет отыскались двое здоровых, которым Лидия родила детей.

Теперь-то Ковалю стало ясно, почему все так переполошились, узнав о его «редких» способностях. Здорового папу могли, конечно, выкрасть, но проще было его купить на время, так что Рубенс несколько сгущал краски. В то же время мамаш берегли как зеницу ока. На сегодняшний день в Эрмитаже на тысячу двести женщин приходилось сорок восемь здоровых рожениц, а большой караван, уходящий утром в Москву, вез на продажу четырех будущих молоденьких мамаш. Девушки стоили больше, чем все остальные товары, вместе взятые.

Артур какое-то время сидел, совершенно оглушенный от полученной информации. Он даже не сразу придумал, о чем еще можно спросить.

— А этот зверь, внизу?..

— Подарок с Урала,— улыбнулся Михаил.— У нас их несколько. Понятно, что тебя так напугало. И тигр, и були, и многие другие новые виды, которые появляются постоянно, еще не самое страшное. Були, например, возникли именно здесь, на берегах Балтики. Мой отец рассказывал, что во времена его молодости их еще не было. Поэтому нам и нужен толковый сантехник, чтобы обезопасить водозабор...

— Я читал в старых газетах,— добавил Лева, почесывая редкую бородку,— что в Балтике растворяется огромное количество вредной химии, сброшенной туда во время прежних войн. Кроме того, в год Большой смерти испортились очистные сооружения, а спустя десять лет умерли леса на юге, там, где стоит брошенная ядерная станция. Птицы, собаки и другие звери пили эту воду и пьют до сих пор. Тебе повезло, что не встретил летунов или болотных котов. Впрочем, они редко заходят в город или днем сидят в подвалах... Тигр очень тихий, по сравнению с тем, что можно встретить, скажем, на правом берегу...

— И по сравнению с людьми, Лева! — уточнил Рубенс.— Понимаешь, Артур, Лева среди нас, музейщиков, самый образованный человек. Не так давно он выдвинул одну теорию, и я склонен считать, что он прав.

— Он перетаскал сюда всю Публичную библиотеку. Даже в коммуне соборников нет столько книг. И он прав, иначе этот бред не объяснить! — Лидия ласково погладила мужа по плечу и подлила ему кипятку в чашку.— Лева, расскажи!

Лев покраснел от смущения, но было видно, что ему очень льстят похвалы начальства.

— Идея абсолютно не нова. Но, приняв ее на веру, мы почти сразу получаем объяснения многим странностям, которые происходят последние годы, а для вас, Артур, они, очевидно, покажутся чудесами...

— Вот что! — Папа Рубенс поднялся. На высокой спинке его резного кресла красовался двуглавый орел со скипетром и висел облезлый горностаевый палантин.— Лева, забирай Артура с собой, там поболтаете, а я вынужден вас покинуть. Или после долгого сна тебе не терпится поспать, дружище?

— Так сколько же я проспал? — Шутка Рубенса вернула Ковалю на грешную землю. О самом главном он так и не выяснил!

Мама Рубенс мягко потрепала его по плечу, Лев сделал вид, что ищет что-то в своей кружке, Арина отвернулась к волчатам.

— Идет две тысячи сто двадцать седьмой год от Рождества Христова, приятель.— Михаил обогнул ломберный столик, испытующе глядя Артуру в глаза.— Соборники, хранящие время, не ошибаются. Ты проспал в холоде сто двадцать лет!

8

НОВАЯ РУССКАЯ НЕЧИСТЬ

Несмотря на преклонный возраст, Лева проскакивал сумрачные повороты Зимнего с резвостью теннисного мячика. Даляр заступал в ночной караул, а раны Людовика не очень понравились маме Роне, и она забрала юношу в госпиталь. Остаться одному после последнего известия Артуру совсем не улыбалось, лучше провести ночь в обществе книжника. Коваль внезапно осознал, что означает срок в сто двадцать лет. Даже если бы не случилось массовых смертей, за век растворились в земле все, кого он знал. Он не найдет даже детей и внуков своих друзей... Он не найдет даже могилы матери и могилы жены.

— На мой взгляд, слово «нечисть» не годится! С мифологией указанные явления не имеют ничего общего...

— Простите? — Артур помотал головой. Оказывается, Лева давно что-то говорил, а он прослушал самое интересное.

— Я повторяю. Нечисть существовала в сказках. Ни один сказочный персонаж не встречается в реальной жизни. Осторожно, ступеньки!

«Министр образования» уверенно спускался по спиральной лесенке. Коваль уже позабыл, насколько Эрмитаж огромен. Кроме того, Лев вел его закоулками, недоступными простым экскурсантам двадцать первого века. Здесь не так пахло горелым деревом, дымом и уборной, как в жилых помещениях

— Идея состоит в следующем! — Чувствовалось, что библиотекаря безумно тянет с кем-нибудь поделиться. Лидеры коммуны, по горло занятые бытовыми проблемами, слишком редко уделяли время отвлеченным теориям. Это безнадежно, вскользь подумал Артур, люди деградируют, и процесс не остановить, пока не восстановится нормальный прирост населения... — Идея состоит в том, что с падением численности людей возникают... как бы это сказать... Держите свечу, здесь темно! Я надеюсь, вы читали книги? Ах, о чем я спрашиваю? Все люди до года Большой смерти читали... Большой смертью мы называем две тысячи двадцать шестой год.

И что я заметил? Максимум так называемых чудес пришелся на незапамятные библейские времена. А если мы коснемся национальной сказочной традиции? Русские ведуны, волхвы прекрасно себя чувствовали, пока во всей Древней Руси проживало не более десятка миллионов человек. А змеи горынычи, кикиморы, лешие и прочая нечисть? Я ничего не утверждаю, но то, что происходит последние десять лет... Вы меня понимаете? Поставьте свечку сюда. Сейчас я разожгу камин...

— А что происходит?

Артур осмотрелся. Лева действительно перетаскал в Эрмитаж значительную часть Публички. В центре уставленной книжными шкафами залы на потертом персидском ковре покоился огромный глобус в человеческий рост. На глобусе, свесив лапы, дремала здоровенная летучая мышь.

— Может быть, ничего не происходит. — Лева присел на корточки перед мраморным зевом камина, достал из-за уха плачущего Купидона лупинку. — Может быть, все это было и раньше, но умело хорошо прятаться. Но, вероятнее всего, мы стоим на пороге совершенно новой эры, эры возрождения альтернативного разума. И альтернативных форм неразумной жизни. Такое впечатление, что вернулся прежний вакуум, агрессия человечества на планете прервалась, и вакуум стремится заполниться... Понимаете? Судя по Питеру, людей на планете осталось немного. В городе постоянно живет не более сорока тысяч человек. Шесть больших коммун и десятка три мелких банд. Одиночки погибают. Насколько нам известно, то же самое в других крупных городах. Здоровые мамы рождаются слишком редко, молодежь не учится грамоте, их заставляют с двенадцати лет работать. Отсюда и суеверия... Взгляните, это летун! — Лев пощелкал пальцами перед носом летучей мыши.

Зверек расправил крылья, приподнял узкую морду и вдруг одним прыжком переместился на подставленный книжником локоть. Коваль невольно сделал шаг назад. В позе охотничьего сокола ночной хищник достигал размеров взрослого гуся. Но помимо двух когтистых лап, обнявших руку библиотекаря, мышь имела еще одну точку опоры. Метровой длины голый крысиный хвост продолжал обвиваться вокруг круглого набалдашника, которым заканчивалась ось глобуса. Последние десять сантиметров хвоста были плотно зашиты в кожаный мешочек.

— Это летун, и если с ним себя правильно вести, то в доме не страшны никакие грызуны. Даже були их побаиваются. Но в некоторых коммунах уже расцветает мракобесие, люди всерьез приписывают летунам волшебные способности. Что я могу сделать один? Еще двадцать лет, и вырастут сегодняшние дети. Мы сами готовим почву для нечисти, понимаете? Я тридцать раз ходил с караванами на юг, на запад и на восток. На пути караванов встречаются немыслимые создания. Но мы не дикари, пока не дикари. Мы понимаем, что эти создания — не оборотни, не вампиры. Возможно, последствия аварий после года Большой смерти. Но поймут ли это наши дети? Не я один храню знания, но передавать их малышам все труднее. Еще пара поколений, и суеверия захлестнут мир!

— Я тоже сперва испугался булей. В них есть что-то... Что-то сверхъестественное.

— Ни в малейшей степени. Они способны к примитивному гипнозу, регенерируют ткани, дышат под водой и дьявольски изворотливы. Но

вам простительно... Бог мой, до сих пор не могу поверить, что говорю с человеком, родившимся до Большой смерти. Слушайте, неужели вы понимаете латинское письмо?

— Английский и немного немецкий.

— Потрясающе! Если вы не выберете инженерную должность, я буду на коленях просить папу оставить вас моим преемником. Английский, подумать только! — Лева нежным движением вернул вампира на верхушку глобуса. — Но мы отвлеклись. До последнего времени я был уверен, что все природные чудеса можно объяснить вредной химией. До последнего времени. Пока не понял, что возник вакуум разума.

— И кто же его хочет заполнить? — В колеблющемся свете камина Артуру почудилось, что тени на лепном потолке движутся как-то не так. Он громко откашлялся, отгоняя наваждение. — Колдуны? Вы сами сказали, что чудес не бывает...

— Колдуны — всего лишь люди, родившиеся под Красной луной. Не вздумайте болтать об этом во дворце, но... — Лев заговорщицки поманил Ковалю к себе. — Например, Арина. Если бы она родилась не здесь, а в лесных колониях или в Озерках, то стала бы самым настоящим колдуном. Она возит с собой в караване мальчишку; ему всего тринадцать, но парень уже слышит зло. Мы отдали за него соборникам четыре тонны масла и сорок свиней. Соборники поклоняются Христу, но Христос их не выручил...

Хе-хе! Дураки, они продешевили. Колдуны из Озерков опоздали, мы первыми явились за парнем. Колдуны рождаются, когда стоит полная луна, а свет заката наполняет ее кровью. Они рыщут повсюду, отыскивая детей, родившихся под Красной луной. Но два года назад на один из сборных караванов губернатора под заброшенным городом Тверь — ты слышал о таком? — напала банда. Там заправляли колдуны, которые научились переделывать обычных детей. Понимаете, к чему это ведет? Мы стараемся сохранить цивилизацию, а они еще хуже соборников, они тянут человечество не к Богу, который покинул нас, они тянут нас в леса. Смотрите!

Лева подхватил со стола тяжелый серебряный подсвечник, поманил Ковалю за собой. На стене, за стеллажами, висели две огромные карты — города и страны.

Артур пригляделся. Год издания две тысячи двадцатый. За шесть лет до Большой смерти. Карта города была разлинована разноцветными мелками, из карты России, в европейской части страны, торчало несколько флажков.

— Здесь наша территория, от Дворцового моста до Лавры, оттуда вниз, до набережной Робеспьера, а на юге, как видите, до синего собора. А здесь — маршруты караванов...

— Погодите! Я встретил Даляра на Петроградской.

— Мама Кэт гарантирует нам безопасность. Мы лечим ее людей. Вы же видели, у нас сохранилась прекрасная лаборатория и лучший больничный комплекс в городе. За это они снабжают нас бумагой, тканями и выделяют солдат для охраны сборных караванов. Мама Кэт контролирует дорогу на Чухню, до старой крепости.

— Там, наверно, в стенах следы обстрелов.

— Войны в городе давно закончились. Если мелкая шайка совершит убийство, против нее объединятся все. Их уничтожат, как бешеных волков.

— Как булей?

— Не путайте. Булей нельзя уничтожить. Разве можно уничтожить вид, который потеснил крыс?

— Зачем же тогда пушки, колючая проволока и караулы? Кто на вас нападает?

В танцующем пламени свечей печальное Левино лицо походило на сморщенную мордочку лесного гнома. Он помолчал, разглядывая что-то на потолке, затем тяжело вздохнул:

— Об этом я вам и говорю. Суеверия, которые могут оказаться не совсем суевериями. Два месяца назад не вернулись наши голуби из Гатчины. Там жила сильная коммуна ковбоев. Причинить вред ковбоям считается страшным преступлением, понимаете? Они откармливают скот, пекут хлеб.

Лев перевел дух. Извлек из кармана кусок вяленого мяса, не глядя швырнул летуну. Вампир, секунду назад казавшийся воплощением сна, рванул вперёд и молниеносно щелкнул челюстями.

— И что случилось с ковбоями? — Коваль облизнул губы. Он вспомнил, что придется в одиночку возвращаться назад по неосвещенным потайным переходам Зимнего и разыскивать холостяцкое жильё Даляра.

— Случилось нечто непонятное. Коров и свиней охватило бешенство, даже домашнюю птицу пришлось уничтожить. Много людей пострадало... Это надо видеть, сложно описать. Вам покажется невероятным, но существуют силы, способные управлять растениями. Ковбоев никто не трогает, они умеют постоять за себя. Даже мелкие банды выделяют им людей на трудодни. Идут слухи, что возле города видели Качальщиков. Тех, кто раскачивает землю,— Библиотекарь понизил голос.— Месяц назад собиралась Дума, пришли даже колдуны из Озерков и Рыбацкого. Раньше они игнорировали Думу, но после того как Качальщики стерли город Вологду...

— Как это «стерли»?!

— Там не было жителей. Но караваны, идущие к Северному морю, останавливались там на отдых. Пять недель назад город Вологда исчез, растворился в лесу. Качальщики умеют делать такие штуки, но счита-

лось, что они не появляются ближе Уральского хребта. Многие вообще полагали, что их не существует.

— Как они могли растворить в лесу целый город, пусть и заброшенный? — Подлаживаясь под тон старика, Артур тоже понизил голос.

Где-то вдали раскатисто ударил колокол, ему ответил другой, повыше тоном, и опять все стихло. Вампир на глобусе поскреб когтями по лакированному дереву, и Артур вспомнил очень похожий звук, что он слышал в подвале института. Летуны с ядовитыми колючками на хвостах, одним ударом парализующие взрослого волка. Летуны, предпочитающие для дневного сна сырые подвалы старого города...

— Качальщики — не совсем люди. — Лев смотрел без тени иронии. — Если не сказать хуже. Очень непросто описать то, чего сам никогда не видел. Эти... существа умеют находить слабые точки мироздания и раскачивают Землю... Они могут настроить природу враждебно к человеку. По сути дела, они считают, что Бог недоделал свою работу в год Большой смерти. Но кроме них есть и другие. Шептуны, дети Чингисхана, это дикие банды на лошадях. Они жуют дурман и становятся неуправляемыми. Это дети тех, кто до катастрофы жил в деревнях, в крови у них зависть, в их легендах поет ненависть. Некоторые банды скатились до уровня первобытных племен, от русского языка у них остался один мат, а шептуны из-за дурмана рано теряют голос и даже матерятся шепотом.

Когда нам приходится идти с ними на контакт, мы специально гоним для них дурную водку, потому что только водку они уважают. Если они попадают в дома, то любят испражняться прямо в комнатах, где едят, но при этом им нравится жить в тепле и иметь горячую воду. Но они хотят все сразу и бесплатно. Иногда прорываются в город, воруют женщин. Вы видели охрану на мосту? Пока работает подземка, с севера мы защищены, но Нарвская коммуна дважды подвергалась разграблению. Но я не это хотел показать. Видите черные флажки с датами? Это места, где исчезли караваны.

— На них напали?

— Вероятно. Еще двадцать лет назад мы торговали с Екатеринбург, Нижним и Пермью, а прежний мэр отправлял товары даже в Новосибирск и Красноярск. Сначала пришлось забыть о сибирских маршрутах, хотя там есть многое, чего нам не хватает. Потом, как видите, перестали ходить и на Урал.

— А железные дороги не сохранились? Караваны идут пешком?

— Железные дороги? А, вы о паровиках! В Москве пытаются наладить сообщение. А еще я встречал паровиков из Новосибирска. Они приезжали в Нарвскую коммуна, специально насчет покупки паровозов. На территории нарвских есть целый музей древних машин, но нет угля. Угля полно на Урале и в Кемерово...

— И что? — Коваль понял, что знает ответ.

— И ничего. Они ушли назад с караваном бывшего мэра Черняка, и больше не вернулись. Караван тоже исчез. Хотите печенья?

— Нет, благодарю... — Артур ощущал настоятельную потребность вырваться на свежий воздух. Казалось, что книжные шкафы кружатся вокруг, затопляя воздух миазмами плесени и смерти. Миллионы мертвых слов, которые никто не читает, кроме несчастного старика. Они — как миллионы погибших людей, прах которых порождает теперь чудовищ... — А тот караван, что идет завтра? Он тоже сборный? Если на дорогах так опасно...

— На Московской трассе шептуны и чингисы нам не страшны. Арина слышит их за десять километров, понимаете? А серьезную угрозу представляют только они. Торговлю нельзя останавливать...

— Я помню. Либо мы строим цивилизацию, либо уходим в лес.

— Именно. Караван не сборный, но охраны достаточно. Мы наняли ковбоев и людей мамы Кэт.

— А дикари могут от кого-нибудь узнать заранее о караване? О товарах?

— Дело не в товарах, но они нападут наверняка, если узнают, что мы везем женщин.

— А сколько стоит нанять солдата со стороны?

— Недешево. Спросите лучше у Чарли, это его стихия. Но Рубенс вынужден нанимать чужих, мы же не можем оголить караульную службу. А еще Руслан обязан выставлять людей в городские патрули...

У Ковалья родилась отчаянная идея:

— Папа сказал, что мне придется целую неделю толкаться без дела, пока я не приму присягу. Может, мне заменить одного из наемников и поехать с караваном? Я чувствую себя обязанным. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен в дороге?

— На самом-то деле вас обидело, что Рубенс запретил вам покидать музей? — Лева улыбнулся, снова напомнив Артуру детские книжки про хитрых гномов. — Здоровый папа слишком ценен для коммуны. Вы можете получить максимум благ, вообще не закрывая трудодней.

— Я так не смогу. В любом случае я буду работать. Наверное, из меня плохой солдат, но что-то я умею... — Артур хотел показать Лева ту часть рабочего журнала Телешева, из-за которой он так стремился попасть в караван. Но что-то его остановило.

— Не сомневаюсь. Уже знание английского дает преимущество. Нам не придется нанимать у соборников толмача на переговорах с финнами и шведами.

— Значит, меня не отпустят с караваном?

Библиотекарь удивленно покачал головой:

— Артур, вы меня неверно поняли. Никто не может вами командовать до присяги. Я уверен, что папа сочтет ваше предложение благородным. Скажу по секрету: вы уже за один вечер заслужили у Михаила репутацию. А он не из тех, кто легко доверяется чужим.

— Это я заметил... А что будет со мной после присяги? Я буду обязан ходить на цыпочках? Он пользуется здесь царской властью?

— Конечно.— Лева был чрезвычайно серьезен.— Абсолютной властью. До следующих выборов.

— Слава богу! Я уж думал, он у вас пожизненно.

— Гм! Вот у мамыши Кэт власть пожизненная, но это их внутреннее дело. Выборы проходят раз в год, тайным всеобщим голосованием.

— Всеобщим?

— А как же? Не я один читаю старые газеты, Артур. Нам известно, как выбирали своих лидеров до года Большой смерти. Перед толпами дураков разыгрывали целые представления, молодым было на все наплевать, а старики голосовали за тех, кто обещал им кусок хлеба и новые вставные зубы. Потом бумажки с подписями кидали в отхожее место, и у власти оставались те же воры. Пока нас мало, Артур, мы можем позволить себе тайное всеобщее голосование. За месяц до выборов кандидаты пишут свое имя в вестибюле. Потом они могут два раза выступить перед людьми. Папу выбирают все члены коммуны с двенадцати лет. Голоса подсчитывают прилюдно, на большом Совете. Впрочем, закон действует не так давно. Лет тридцать назад даже у нас голосовали криком, за год могли смениться четверо старейшин. Тогда коммуна чуть не погибла...

— Подождите, Лева! — Артур понял, что ему не давало покоя.— Выходит, что музейщики живут и работают как одна артель? У вас нет частной собственности? В таком случае напряженность неизбежна!

— Одному не выжить. Можете попытаться.

— А что произойдет, если папа?..

— Вы хотите сказать, если папа попытается узурпировать власть? Присядем!

Лев опустился в бархатное кресло, погладил ладонями золоченых грифонов на ручках. Коваль осторожно разместился напротив. Мебель императорского двора жалобно скрипнула. Вампир на глобусе приподнял одно сморщенное веко и снова погрузился в свои охотничьи мечты. Дрова в камине горели ярко и ровно, распространяя несравненный аромат деревенского уюта. На фоне этого домашнего тепла Артур почувствовал вдруг, каким промозглым холодом тянет по ногам.

Книжник придал осанке торжественность:

— Во время ужина вы спросили о законах. Перед вами человек, которому доверено их сохранять и укреплять. После меня этим займется мой преемник. Папа Рубенс не зря пропустил ваш вопрос мимо ушей, это моя обязанность просветить новичка. Принципиальных законов в коммуне

музейщиков немного, и написаны они давно, когда я еще был ребенком. Все очень просто. Воровство, насилие, предательство, убийство караются виселицей. Драка, пьянство, трусость в бою, отказ от работы, оскорбление любого жителя музея, неподчинение приказам Совета влечет за собой год работ в подземке или высылку. Большинство провинившихся предпочитают подземку.

— У вас настолько хорошо живется?

— Вы напрасно иронизируете. Между коммунами поддерживается постоянная связь. В лучшем случае, у преступника есть слабый шанс примкнуть к заводским бандам. Даже соборники в Лавре, хоть и кричат о гуманизме, не возьмут к себе вора.

— Значит, оступившийся человек обречен?

— Артур, Эрмитаж никого не держит силой. Если человек ничего не должен коммуне, он волен забрать свою долю в любом виде и поселиться где угодно. Он может даже нанять стражу для переезда, скажем, в Хельсинки или Стокгольм. А потом вернуться назад и вторично принять присягу. Но вас, насколько мне помнится, интересовал вопрос силового захвата власти. Так вот, коммуна Эрмитажа существует уже семьдесят лет, она имеет самую устойчивую традицию, заведенную еще мамой Ксенией, мир ее праху. Поэтому мы живы, а других давно нет. Выбранный папа клянется на могиле Ксении служить своему народу. Он может ошибаться, как любой человек. Совет заседает без папы каждую неделю и каждую неделю спрашивает у меня, хранителя законов, не сделал ли папа что-то сознательно против интересов музейщиков.— Лев выразительно помолчал.

— И если такое произойдет, вы отправите Михаила в отставку? — с легким сарказмом осведомился Коваль.

— Михаил у власти уже шестой год, и пока люди выбирают его,— невозмутимо ответил библиотекарь.— Но такие решения на моей памяти Совет принимал дважды. Это тяжелые решения, потому что они грозят бунтом... Артур, я вам ясно прочел, что гласит закон. За предательство полагается смерть. Никакого суда. К отцу, предавшему народ, немедленно пошлют палача.

9

КАРАВАН

Московский караван выглядел более чем внушительно. Вымершая ночью, Дворцовая площадь походила с раннего утра на раздольную деревенскую ярмарку. Грохот колес, звон железа, хохот, лай собак, раз-

ноголосое пение сливались в оглушительный озабоченный хор. В распоряжении музейщиков было несколько вполне работоспособных тягачей и достаточный запас солярки, пополняемый коммунной нефтяников, но осилить развалившийся тракт могли лишь повозки на конской тяге и тяжелые тракторы.

Впереди обычно ехал тот самый запряженный шестеркой броневик, встретившийся Артуру вечером, причем лошадей тоже укрывали защитными попонами. Вооружение броневика составляли два пулемета, снятые с танков, и скорострельная пушка с патрульного пограничного катера. За броневиком шел «Кировец» с поднятым ковшом — на случай дорожных завалов. Позади кабины тракториста мастерские оборудовали вращающееся «рабочее место» стрелка. Следом построились восемнадцать обитых металлом «вагонов» на базах многоосных прицепов. Только колеса на осях крепились весьма специфические, — широкие — утыканные самодельными шипами, способные преодолеть любые ямы. Каждую платформу также волокла четверка тяжеловозов. Для заболевших лошадей и фуража выделялся отдельный «вагон». Далее катился спальный дилижанс для пассажиров и домик для отдыха свободной смены охраны. Замыкающим шел еще один трактор, он тащил на лебедке настоящий, почти не гнилой «Урал» с прицепом. В крытом кузове грузовика умещалась легкая зенитная установка, а в прицепе, на платформе, — пушка с противолодочного крейсера. Пушку для каравана любезно смонтировали портовые в обмен на все тот же остродефицитный пенициллин. Дополнительно на крыше каждого грузового фургона размещался пулеметчик, и десятка два конных охранников с ружьями скакали по сторонам.

Коваль разглядывал маленькую армию в безмолвном удивлении. Он с трудом представлял себе, каким безрассудством надо обладать, чтобы схлестнуться с подобной мощью — либо на вооружении у дикарей, в валдайских лесах, имелся танковый корпус. Словно отвечая его тревогам, мимо прошли четверо солдат, пригибаясь под тяжестью армейских минометов. Еще двое катили тележку с гранатами. Возле каравана суетились не менее сотни человек. Грузчики, построившись змейкой, передавали в чрево фургонов мешки с тканями, вязанки сапог, закатывали бочки с соленой рыбой и ягодой, вязанки волчьих шкур и свиных кож. На носилках бережно поднимали переложенные соломой ящики со спиртным. По волокушам канатами втягивали грубые стальные болванки. Верещала в клетках племенная птица, рвались с поводков собаки, ржали лошади. Наконец-то Артур встретил обыкновенных собак. Их привели ковбои — меднолицые заросшие дядьки на конях. Они же предоставили Эрмитажу недостающих лошадей. В счет оплаты Чарли Рокотов брал с собой троих пассажиров из фермерской команды.

Всего пассажиров, не считая мамаш, набралось семнадцать человек, из них четыре женщины. Мама Рона отправляла в Москву одну из своих подручных учиться новым приемам в стоматологии. Под присмотром Руслана из дворца показалась шестерка дюжих «гвардейцев», сопровождавших сундук с дорожной казной. Золото вернулось в свои права, и Артур лишний раз поразился дальновидности давно почившей мамы Ксении, мир ее праху, занявшей под колонию именно Эрмитаж. Как оказалось, мэр печатал на Монетном дворе некоторое количество золотых денег, но весовые обломки из запасников дворца обеспечивали музейщиков «твердой валютой» на десятилетия вперед.

Своей должности шеф безопасности соответствовал идеально. Несмотря на сутолоку и постоянный приток народа, Руслан обеспечивал на площади идеальный порядок. По периметру, никого не пропуская, стояли цепью солдаты с собаками и ручными волками на длинных поводках. Еще дальше, встречая гостей, носился покореженный военный джип с автоматчиками. Стрелки на обитых железом тачанках держали под прицелом Мойку и Адмиралтейский проспект. Руслан сам подошел поздороваться. Артур испытывал перед ним некоторую неловкость, потому что от его услуг в качестве охранника отказались. Папа, однако, нашел хитрый выход и придумал для дополнительного пассажира особое поручение. Еще с раннего утра люди Рубенса стогнали к мамаше Кэт и заявили права на ветряные мельницы, обнаруженные Ковалем. Полный комплект отбить не удалось, но и две штуки стали знатной добычей, что дополнительно подняло рейтинг Артура. Заглянувший после ночного караула Даляр пожал Артуру руку и подарил прекрасный охотничий нож.

— Жаль, что Лю огорчится! — скупое усмехнулся солдат. — Он ведь поверил, что ты с рыбацких островов, где не прошла Большая смерть.

Коваль получил еще одно доказательство того, что папа Рубенс ничего не забывает. И сержант Даляр, и Людовик были сняты с караулов и вместо других солдат приписаны к каравану. Наказание теперь ждало их по возвращении. Папа Рубенс вручил Артуру рекомендательное письмо для главы московской коммуны паровиков. Но еще сильнее, чем железная дорога, Михаила вдохновил проект радиосвязи между столицами. Коваль ничего не обещал, но высказался в том духе, что если ему отыщут два прилично сохранившихся телеграфных аппарата, то он попробует что-нибудь наладить. О проводной связи пока никто и не мечтал; большинство столбов по дорогам давно попадали, потянув за собой кабель. С подачи Ковалья главному инженеру поручили совершить набег на Музей связи, о котором почти забыли. Артур был немного ошарашен скоростью, с которой папа принимал решения. С одной стороны, это не могло не радовать. Без такой буйной энергии удержать в кулаке дивизию разномастных граждан было бы непросто. В случае успеха проекта

Артуру светила великолепная карьера — должность начальника всей питерской дальней связи. В случае успеха...

Он особо не обольщался. В тот момент ему казалось странным, что за столько лет не нашлось никого, способного организовать элементарный телеграф. Артур никак не мог привыкнуть к мысли, что люди просто не помнили, как пользоваться техникой двадцатого столетия. Старых книг никто не читал, а технические навыки передавались практически без записей, живым примером наставников. Нефтяники хранили в танкерах море сырья, но ни одна живая душа не представляла, как запустить производство солярки. Коваль решил пока помалкивать о своих школьных знаниях, чтобы папа не передумал и не посадил его на цепь.

Между фургонами подвесили телефонные провода, охрана построилась для последнего напутственного слова, и караван начал разворот в походный порядок. Номинально старшим назначался Чарли, но на весь путь до бывшей столицы бразды правления переходили к Арине. Коваль видел, с каким почтительным вниманием слушают хрупкую девушку головорезы мамы Кэт и суровые деревенские парни, увешанные дробовиками. Всего под ее командой собралось сто двадцать бойцов и тридцать человек obsługi. Изнутри штабной дилижанс оказался половинкой купейного вагона от николаевского экспресса, и Чарли Рокотов забрал Ковалья в свое двойное купе. За перегородкой размещалась личная охрана, отборный «спецназ» Руслана и дорожная казна. В следующее купе, отделанное мехами, никто не допускался. Артур краем глаза заметил там ванну и маленькую кухню с керосиновой плиткой. Будущих мам заранее окружали комфортом.

Следующий час Артур почти безвылазно провел переходя от одной смотровой щели к другой. Караван миновал арку Генштаба, свернул на Невский, затем на Садовую и, чуть замешкавшись у баррикады в начале Московского проспекта, вышел на стартовую прямую. Не прошло и суток, а Коваль рассматривал родной город под совершенно иным углом. Не как несчастный голый беглец, а в статусе значимой персоны. Центральные районы сильнее всего пострадали от уличных боев. Артур мог только догадываться, какие вооруженные драмы разворачивались тут век назад.

У Елисеевского гастронома не хватало половины фасада, обуглившиеся аркады Гостиного двора торчали, как ребра уснувшего морского исполина. По шпилью бывшей Думы, вне сомнения, палили из пушек. Не менее страшным разрушениям подверглись и другие дома на Перинной, крыша торговых рядов рухнула, словно примятая великанской пяткой. Из выбитых окон Пассажа на всех этажах росла трава. Могучие жеребцы Клодта оставались на местах, зато особняк Белосельских-Белозерских выгорел дотла. Но за дорожным покрытием в центре присматривали, кто-то регулярно выжигал наступающие армии кустарников, по

центру проезжей части в несколько рядов были уложены бревна. Возле спуска в метро копошились десятки человеческих фигур, пара лошадей тащила по Садовой дребезжащий трамвай с понуро торчащей стрелой подъемного крана. Пропуская караван, подземники махали вслед, кто-то перекрестил трактор, две пожилые женщины в черном держали иконы.

На Московском проспекте в районе парка Победы произошла первая остановка. На стенке штабного купе висели три доисторических телефонных аппарата, по одному из них Чарли коротко поговорил и раздраженно выругался. Оказывается, банда под героическим названием «Восьмая дивизия» требовала плату за проезд. «Дивизионщики» размещались в сталинских домах, примыкавших к парку, и в здании новой Российской библиотеки. На арене бывшего стадиона они разводили скотину и содержали неплохой ипподром.

Коваль вслед за Чарли поднялся в башню над вагоном. Пассажирам категорически возбранялось покидать караван вне запланированных привалов, и Артур никак не мог увидеть, что происходит впереди. Чарли снова перекинулся парой фраз с Ариной; выяснилось, что «Восьмая дивизия» права, музейщики оставались должны по какому-то старому спору двадцать трудодней или соответствующий эквивалент в золоте. Когда вопрос был урегулирован, «Кировец» взревел, на передней карете ударили в колокол, и гигантские колеса снова загремели по деревянной мостовой.

Артур прилип к смотровой щели. Ему хотелось зажмуриться или протереть глаза. На обочинах проспекта стояли четыре танка. Гусеницы боевых машин давно прогрызли сорняки, но поворотные механизмы башен выглядели вполне исправно. Верхом на сияющих свежей краской стволах восседали молодые люди в коротких армейских дубленках на голое тело и провожали караван задумчивыми взглядами.

— Чарли! — спросил Коваль. — Эти ребята, они приносят какую-то пользу? Нам обязательно им платить?

— Как тебе сказать... — Рокотов скорчил забавную рожу, показывая, что понял иронию. — Считается, что банда охраняет южный въезд. Иногда они проводят скачки или кулачные бои и приглашают всех желающих. Здесь не так-то много развлечений.

— Они берут со всех плату за проход?

— Со всех плату взять невозможно, только с тех, кто нуждается в хорошей дороге. Любой всадник объедет их заставу по соседним дворам.

— Выходит, они не защищают город, а только собирают мзду с караванов?

— Ты прав, но не торопись с выводами! — Чарли бросил на Артура быстрый взгляд. — Питер невозможно обнести стеной. Уже много лет коммуны и банды выставляют мобильные патрули. Они надежнее

любых застав. С тех пор, как шептуны вырезали банду речников. Знаешь, где когда-то был Речной вокзал?

Артур кивнул.

— В патрулях есть особые люди, их присылают колдуны,— продолжал Рокотов.— А иногда обходимся без их помощи. У губернатора есть двое мальчишек, и у портовых тоже; их носят на носилках и охраняют надежнее, чем золото. Зато наши колдунчики помогают вылавливать шпионов, проникших в город.

— И что с ними делают? Убивают?

— Ну зачем же? — искренне опечалился главный коммерсант.— Раньше убивали сразу, потом пытались отправлять на пожизненные работы. Но дикари не любят труд. Так что теперь, если поймают живьем,— Чарли сделал паузу,— их продают другим диким племенам. Им всегда нужны рабы, а платят они хорошо.

— Как так можно? — опешил Артур.— А если человек пришел с миром? Так и меня могли продать кочевникам?

— Тебя бы не продали. Тебя видела Арина, и, кроме того, ты понравился Лапочке.

— Лапочке?

— Ну да, тигру. Это не просто сибирский кот. Он, пожалуй, поумнее некоторых людей! — Чарли заразительно захохотал и сразу стал похож на шкодливого мальчишку.— Пошли вниз, надо успеть позавтракать. Слышишь колокол?

— А куда мы опаздываем? — Коваль потеснился, уступая место пришедшему на смену новому стрелку. Прежний парнишка отсалютовал и передал сменщику подводную маску.

— Встречаются ловкачи,— объяснил Рокотов,— способные со ста шагов попасть отравленной стрелой в глаз. Угощайся, у нас с собой целая бочка прекрасной рыбы из Ладоги!

Артур отдал должное: жареная рыбка, действительно, была восхитительна.

— Мы не опаздываем.— Чарли промокнул усы вышитой льняной скатеркой.— Но скоро на нас нападут.

— Как это?

У Артура рыба застряла в горле. Он приставил глаз к дырочке в стене. Караван, набрав умопомрачительную скорость, километров пятнадцать в час, неторопливо рассекал совхозные просторы. За стенками дилижанса метров на двадцать тянулась полоса выжженной земли, а дальше сплошной стеной поднимались настоящие северные джунгли.

— Очень просто! — Рокотов с наслаждением рыгнул и похлопал себя по внушительному животу.— «Восьмая дивизия» ухаживает за доро-

гой до развилки, а дальше мы предоставлены самим себе. Ты доел? Хорошо, тогда можешь взглянуть. С другой стороны!

Коваль прильнул к смотровой щели в коридоре и мысленно поблагодарил попутчика за проявленную заботу о его аппетите. По правую сторону зарастающего шоссе в два ряда стояли виселицы. «Восьмая дивизия» наглядно демонстрировала заезжим «туристам» свое гостеприимство. Некоторые мертвецы были вполне свежими, от других остались одни кости. Под виселицами шныряли какие-то мелкие животные, но из дилижанса рассмотреть их было невозможно. Под высокими, небрежно сколоченными вышками горели костры. Часовые прятались в закрытых «скворечниках». Коваль успел заметить, как с одной из вышек взлетели два белоснежных голубя. За неимением лучшего человечество возвращалось к проверенным почтовым технологиям.

Мы обязаны возродить нормальную связь, подумал Артур. Он и сам не заметил, как употребил местоимение «мы». Музейщики постепенно становились его новой семьей...

За частоколом виселиц тянулся последний форпост цивилизации: грандиозная линия дзотов даже спустя столько лет не потеряла своего устрашающего величия. По обе стороны от шоссе, несмотря на буйную молодую поросль, угадывались остатки широкой контрольно-следовой полосы, некогда оставленной защитниками Петербурга. На том месте, где водителей встречал указатель поворота на Пушкин, сохранился пробитый множеством осколков железный щит. Под щитом, покуривая, сидели у костра несколько бородатых мужиков в тулупчиках «Восьмой дивизии». Внезапно конная охрана каравана сбила строй. Лошади под кобоями хрипели и вставали на дыбы. Ближайший наездник вынужден был спешиться и, осыпая коня градом ударов, буквально волок его за собой.

— Видишь? — равнодушным голосом спросил Рокотов. — Там, за пушкой...

Артур всмотрелся. Чуть в стороне от костра, прикрытая маскировочной сетью, несла дежурство артиллерийская батарея. Если губернатор контролировал арсенал несуществующего нынче МВД, то «восьмая» почти сплошь состояла из потомков военнотружеников. Вполне естественно, что в их распоряжении оказались значительные «осколки» военной техники, а выстрелить из пушки по прямой мог бы и debil. За сетью взгляд Артура нащупал какое-то шевеление.

— Они что, тоже ручные? — только и мог выговорить он.

— Они хуже диких!.. — прокомментировал «министр торговли».

Связанные цепями в упряжки, на привязи бесновались шесть болотных котов. Артур уже не удивлялся, что лошади испытывали такой панический ужас. На своих домашних предков серые чудовища походили не больше, чем альбинос Лапочка. Каждый размером со взрослую рысь,

только в два раза шире, с вытянутыми вперед кабаньими клыками и торчащими, как у тойтерьеров, щетинистыми ушами — настоящие исчадия ада. В стане хищников валялся обглоданный лосиный скелет. Могучие рога, как протянутые кисти рук, зывали к низким облакам.

Сразу за развилкой хорошая дорога закончилась. Шипованные колеса запрыгали в глубоких колеях. Двое дядек в полковничьих папахавручную крутили тяжелый ворот, задвигая на трассу бревно шлагбаума. На расстрелянном щите Артур не без усилий прочитал выцветшую от дождей надпись: «Водитель, стой! Въезд только для санитарного транспорта. За нарушение режима открываем огонь без предупреждения!»

С ума сойти, поехался будущий начальник связи, какой кошмар должен был происходить вокруг города, если оборону держали воинские части! А судя по разбитому в хлам центру, удержать оборону они не смогли...

В купе негромко постучали.

— Пошли! — сказал Чарли. — Тебя ждут.

В центре вагона было оборудовано нечто вроде кают-компаний с овальным столом посередине. Сейчас тут собрались все пассажиры, кроме мам, и свободная от вахт охрана. Четверых юных «невольниц», похоже, не видел никто; их провели в вагон через второй тамбур и заперли в купе.

Люди буквально стояли друг у друга на головах. Коваль невольно поехался, попав под обстрел десятков любопытных взглядов. На фоне лохматой толпы он, с едва появившимся пушком на темечке, чувствовал себя голым. Но отвертеться от пресс-конференции не удалось. Еще во дворце Чарли предупредил, что слухи разносятся быстро, и полгорода в курсе о человеке, родившемся до года Большой смерти. Легенда о парне из Риги провалилась.

— Спрашивайте! — обреченно предложил Коваль и уселся на предоставленный ему стул венецианской работы.

Последующие два часа он четырежды прикладывался к бутылке с драгоценным пшеничным пивом, чтобы промочить горло. Он никогда так долго не говорил. Артур переживал, что людей будут волновать какие-то глобальные проблемы, связанные с катастрофой, ведь об этом периоде он ничего не знал. Но большинство вопросов были заиклены на самых земных, обыденных темах.

Большой ажиотаж вызывали семейные отношения; многие попросту не верили, что женщины и мужчины могли свободно сходиться и расходиться, строить новые союзы и разрушать старые. Несколько раз откровенная беспардонность ставила Артура в тупик, он беспомощно оглядывался на Рокотова, ища его поддержки, но торговец только пожимал плечами. Ему, как и прочим, совсем не казалось бесстыдным копаться в чужом белье.

Шоком для присутствующих стали сведения о старом российском Уголовном кодексе и о свободном перемещении детей по городу.

— Как это может быть, — возмущался взъерошенный старичок в потрескавшихся очках и огромной, до колен, нейлоновой рубаше, — чтобы вор украл дважды и после этого был опять отпущен на свободу?

Кают-компания согласно загудела.

— О каком перевоспитании ты говоришь, дружище? — брызгал слюной очкарик. — Если вор уже получил год подземных работ или год рубил лес, этого вполне достаточно, чтобы воспитать любого. Следующим наказанием может быть только виселица.

Коваль не знал, что ответить. С сегодняшней точки зрения, старик был абсолютно прав...

— Как опасна была ваша жизнь! — тоненьким голоском протянула одна из женщин. — Нам читали древние газеты, но мы и поверить бы не могли, что под колесами телег тогда гибло больше людей, чем жителей в нашей общине...

У Артура комок подкатил к горлу. Он все еще не мог привыкнуть к тому, насколько неузнаваемо изменился мир. С этими недоверчивыми, заскорузлыми людьми предстояло провести неделю; вот во что превратились привычные восемь часов в ночном поезде. Расстояния снова измерялись средневековыми мерками, и если люди срочно не наладят связь и не запустят паровики, то дальше станет еще хуже. Шоссе окончательно зарастут лесом, в котором станут хозяйничать кошмарные герои сказок. А там, по логике вещей, недолго до человеческих жертвоприношений! Артур и представить себе не мог, насколько скоро сбудутся его мрачные прогнозы...

Склянка на головном броневике отбила полдень.

— Привал! — объявил Чарли, вытаскивая слегка одуревшего от жары и духоты Артура из плотного кольца любопытных. Пассажиры все никак не желали его отпускать, и пришлось пообещать, что завтра экскурс в прошлое будет продолжен.

На самом деле, невзирая на усталость, Артур был даже рад. Благодаря попутчикам он почти полностью восстановил в памяти детали последних дней. А главное, он вспомнил, как так могло случиться, что он согласился на двадцатилетнее погружение. Это замечательно, что он проснулся сейчас и здесь; в ушедшем мире ему снова бы не захотелось жить...

Тосно караван обошел стороной. Коваль спросил, почему не поехали по новой трассе, которую прокладывали еще при нем, а выбрали старую двухколейную дорогу. Рокотов сумрачно потерял усы и пообещал кое-что показать.

Фургоны организованно разворачивались в широкое кольцо посреди просторного участка земли, вытоптанного следами тысяч колес и кон-

ских копыт. В центре круга оказались обе пассажирские повозки и целый табун запасных лошадей, которых Коваль раньше не заметил. Очевидно, ковбои пригнали их позже. Броневики и «Урал» с гаубицей неторопливо барражировали снаружи, а третий, дальний, круг образовала редкая цепочка конных стражников.

Артур соскочил с подножки. От лесного чистейшего воздуха кружилась голова. Он огляделся и, к собственному удивлению, убедился, что место ему знакомо. Караван остановился на подступах к нефтебазе. Из бурьяна торчали почерневшие от времени останки автозаправки, на опушке в зарослях малины угадывались фундаменты административных зданий, а над кронами леса, словно забытые космические корабли, пузырились стационарные танкеры.

— С другой стороны! — подсказал Рокотов.

Артур сначала не понял, куда указывал толстый палец коммивояжера. Взабегающий по пологому склону лес выглядел вполне обычно. Но все же, все же...

— Черт! — выдохнул Коваль. — Но так не бывает!

10

ЗЕЛЕНАЯ АТАКА И ДЕТИ КРАСНОЙ ЛУНЫ

— Поэтому уже девять лет никто не ходит по верхней дороге. — Чарли свернул самокрутку и поднес к глазам бинокль. — На Валдае такие вещи происходили слишком часто. Там никто не хочет селиться, хотя для скота места отличные. Здесь тоже жили ковбои... — Он передал Артуру бинокль.

Коваль настроил оптику и замер.

Сначала ничего не происходило. Лес как лес.

Затем он опустил взгляд чуть ниже и убедился, что зрение его не обмануло. Ветра не было, но трава шевелилась... Совсем недавно на месте чащобы расстиралось вспаханное поле. На краю опушки, там, где дикая зелень вгрызалась в оставшиеся от стоянки авиационные плиты, еще клонились от ветра недозревшие ржаные колосья и прослеживались отчетливые следы вспаханных борозд. Но дальше, метрах в десяти от пятна бетонки, раздвигая культурные побеги, непроходимым колтуном поднимались колючие заросли. Лес шел в атаку на поле. Именно такое, шекспировское, сравнение пришло Артуру в голову. И наступление тя-

нулось не годами, что было бы нормальным, оно происходило прямо на глазах.

Словно от ветерка, чуть шевельнулись кусты боярышника, в другом месте тень от осины стала капельку длиннее. На другом конце стоянки ярко-зеленое покрывало травы чуть пригнулось, по нему прокатилась слабая волна, будто пробежали сотни полевок, и снова все замерло. Но травка стала заметно гуще и оказалась ближе к дороге. Совсем капельку, возможно, на пять сантиметров. Если не смотреть внимательно, можно и не заметить! Было в этой тихой атаке что-то непередаваемо жуткое; Артур не представлял себе, как он теперь босиком сможет пройти по лугу. Если растения обрели такую скорость роста, то что им помешает изменить и способы питания?

Полная тишина и едва заметное движение слева. Артур мигом повел окулярами. Осыпалась земля на борозде, полегло еще с десятков колосков, на их месте, откуда ни возьмись, расправлял жесткий ствол люпин. Теперь — то же самое справа. Только что там торчал продолговатый камень, а теперь его заслонила россыпь невянок. Цветы покачивались, будто их сию секунду воткнули в землю... Нет, полнейшее наваждение! Коваль мог бы поклясться, что группа молоденьких ясеней секунду назад занимала другое положение. Но ни один представитель флоры на Земле не способен в таком темпе пускать новые побеги. Исключение составлял бамбук, которого в Ленинградской области в помине не водилось, да и бамбук вел себя повежливее!

Притихший научный сотрудник вернул бинокль молча наблюдавшему за ним Рокотову.

— Они... оно сожрало поля фермеров?

— Угу. Растворило. И привело в бешенство скотину. Но дело не в посевах. За горкой — отсюда не видно — стоял большой поселок и завод. Поселок мертвый, там никто после Большой смерти не жил. Завод очень грязный, там все завалено старой резиной, целые поля старой резины. Даже земля ею пропахла. Наверное, они делали из старых колес новые, не знаю. Или просто жгли колеса. Там была труба, и вся земля в округе черная. Теперь нет ни завода, ни деревни, ничего. Но зараза поползла дальше и захватила чистые ранчо...

— И что? Ничего нельзя сделать?

— Уже делают. — Рокотов сплюнул. — Нефтяники выжгут заразу. Вторично оно не вырастет, но ковбои уже не вернутся. Они никогда не возвращаются туда, где... где собственные свиньи пожрали их детей. А ты бы вернулся? Вот именно! — Чарли хлопнул Ковалья по плечу и тяжело прыгнул в засохшую грязь. Два рослых бодигарда уже поджидали его внизу, еще двое остались в вагоне.

Артур поплелся следом, вспоминая вчерашнюю речь библиотекаря.

— Лева Книжник — самый умный человек в Совете, — тяжело сопя, покивал Чарли. — Пожалуй, даже умнее меня. Ха-ха! Но я не могу говорить его умными словами. Я умею торговаться и знаю, как не разорить коммуны. Но как остановить Тех, кто раскачивает...

— Неужели с ними нельзя договориться?

— Они не желают ни с кем договариваться. Когда им что-то надо, они приходят и берут. Иногда платят. Они не враждуют с городскими, они враждуют с городами, и никто не может их остановить... А вот и нефтяники. Наконец-то!

В просвет между фургонами с треском и грохотом вкатился удивительный экипаж, мечта воинствующего футуриста. Широкая платформа на гусеничном ходу венчалась решетчатой башней, на вершине которой в будке от подъемного крана сидел человек в водолазном шлеме и держался за ручки огнемета. То, что это именно огнемет, а не водяная пушка, Артур догадался сразу: хобот орудия и передний бампер машины почернели от копоти. Гусеницы были не «родные», а узкие, снятые с портативных немецких экскаваторов. Под башней, поверх платформы, стоял снятый с колес американский кабриолет вызывающего оранжевого цвета. В нем сидели еще двое, без шлемов, но в компании с огромным бурым медведем.

«Господи, — быстро произнес Артур, зажмуривая глаза, — Господи, не дай мне сойти с ума! Если у них собаки плавают, как акулы, то почему бы медведям не летать?»

Но медведь никуда не полетел. Лошади, спокойно жевавшие сено, забеспокоились, но мохнатый гигант вел себя удивительно мирно. На шее у зверя крепился широкий ошейник с цепью, намотанной вокруг заднего сиденья кабриолета. Позади шестиместного ландо на платформе тягача помещались баллоны с горючим для огнемета и высокая проволочная клетка. В клетке на деревянном чурбане сидел чумазый мальчишка лет десяти и играл с двумя крошечными медвежатами. Дизель последний раз взревел, заслонка на трубе поднялась, выпустив в небо струю жирного дыма, и все стихло.

Пассажиры дилижанса боязливо обступили нефтяников. С водительского места поднялся худой мужчина с обветренным смуглым лицом, в брезентовой пожарной робе. На плече у водителя, перебирая морщинистыми лапами, восседал какой-то крылатый хищник, похожий на сокола. Нефтяник окинул толпу мимолетным взглядом и безошибочно выделил Арину.

Они помахали друг другу, затем мужчина легко спрыгнул на землю. Сокол захлопал крыльями, но удержался на плече. Начальница стражи пожала приезжему руку, затем о чем-то спросила мальчика в клетке. Медведь вел себя так, будто его ничего не касалось. Чарли, увлекая за

собой Ковалю, протиснулся сквозь толпу, и Артур разглядел топыгына вблизи. Медведица-мать, несомненно, побывала не в одном сражении; под шерстью змеились десятки грубых шрамов, отсутствовали половина уха и треть нижней губы, на левой лапе когда-то неправильно срослась кость. Артур попытался представить зверя, который мог бы сломать медведице лапу, но ничего страшнее капкана не придумал.

— Привет, Рокотов! — звучно пробасила женщина с пассажирского сиденья лимузина. — Ты не научишь Андрюшу, как растолстеть? Он жрет за троих, но не может набрать и капли жира!

Андрюша захохотал так, что сокол чуть не свалился с плеча.

— Мама Луга! — Чарли церемонно поклонился, приложив ладонь к сердцу. — Это чудесная тайна моего рода, как сохранять жир в теле, и я унесу ее в могилу.

— Маме Луге нравятся заморыши вроде тебя! — Андрей обнялся с торговцем, быстрым взглядом скользнул по белому комбинезону Ковалю. — Как здоровье мамы Рубенс?

— Спасибо, нефтяник. Она сильна, как твои медведи.

— Доволен ли папа Рубенс мазутом?

— Мазут прекрасно горит. Ты получил наш металл?

— Да. Железо крепкое. Я рад тебе, торговец.

— Я рад тебе, нефтяник.

Арина Рубенс терпеливо ждала, когда церемония приветствий закончится, никак не подавая виду, что караваном командует именно она.

— Что ты скажешь нам, дочь Красной луны? — непринужденно повернулась к девушке мама Луга.

Артур вздрогнул, но остальные восприняли обращение как нечто само собой разумеющееся.

— Я слышу их за рекой, — нахмурилась девушка, поправляя каску. — А что скажешь ты, сын Медведя?

Началось, механически отметил Коваль, взрослые люди произвольно играют в индейцев. Мы тихо сползаем к тотемам, ритуальным кострам и пляскам смерти...

Сын Медведя, держа на руках пушистого медвежонка, вылез из клетки и передал сына мамаше; та немедленно начала его вылизывать. Второй медвежонок, оставшись один, жалобно повизгивал. Мальчик уселся на гусенице, болтая босыми ногами в дырявых штанах.

— Они за рекой, — подтвердил мальчик, наклонив голову к плечу, словно прислушиваясь. — Сотня конных в болоте, еще сотня в лесу, и с ними...

— Я слышу железо, — немного погодя добавила Арина.

— Пушки? — напрягся Чарли.

— Нет, не пушки. — Девушка сняла каску, наморщила лоб.

Артура сзади подергали за рукав. Он оглянулся и увидел расплывшуюся до ушей физиономию Людовика. На ноге незадачливый воин еще носил повязку, но это не освободило его от первой смены караула.

— Будет драка! — возбужденно поведал Людовик.

Он хотел еще что-то сказать, но тут сын Медведя встрепенулся:

— Дети Чингиса привели крылатых змей!

По толпе пронесся ропот. Чарли открыл и закрыл рот, Людовик икнул и перекрестился.

— Откуда, приятель, ты знаешь про крылатых змей? — грозно спросила мама Луга. — Не пугай людей сказками!

Она шевельнулась на своем сиденье, укрытая вязаной попоной, и тут Артур увидел, что мама Луга кормит грудью ребенка.

— Ты хочешь переждать день? — Главный нефтяник повернулся к Арине. С Рокотовым военные вопросы не обсуждали. — Утром, если захочешь, мы пошлем за ковбоями. Проводят вас до Вечного пожарища. Семьдесят клинков они выставят. Заплатишь всадникам золотом, а коммуне — пару коней.

— Мы не будем ждать! — поджала губы Арина, рыскнула глазами по толпе, нашла Людовика. — Солдат, ступай в мою машину, скажи, чтобы сыграли подъем. Мы выступаем!

Людовик без единого слова сорвался с места. Над стоянкой поплыл колокольный звон.

— Ты права, дочь Красной луны! — одобрительно кивнул Андрюша и погладил сокола. — Чем раньше вы переправитесь, тем меньше времени останется у дикарей на подготовку. Мы наведем понтон.

— Мы знаем, что нас ждет засада, и полезем напролом? — Коваль никак не мог воспринять такую нелепую логику.

Спешащий к вагону Чарли остановился так резко, что Артур стукнулся о живот главного торговца.

— Приятель, Арина знает, что делать. Если мы промедлим, дикари поймут, что мы боимся. А если мы боимся, у них может возникнуть мысль переплыть реку и напасть на нас тут. А если это случится, о дружбе с нефтяниками мы можем забыть!

Чарли повернулся, но Коваль схватил здоровяка за локоть:

— Подожди! Кто-то сообщил дикарям, что мы идем? Не слишком ли вовремя засуетились эти лесные братья? Возможно, я плохо стреляю, но мозги у меня в порядке. Нефтяники предлагали вам нанять фермеров, но сами умыли руки. Дикари ждут нас на том берегу, но не суются на этот. Что ты на это скажешь?

Чарли попытался вырвать руку, но Коваль держал его крепко.

— Знаешь, приятель, — нехотя огрызнулся торговец, — я ведь не верил, что ты проспал сотню лет в ледяной ванне. Я склонялся к мысли, что ты

приплыл с норвежских островов. Но теперь я тебе верю. Только идиот из прошлого может так рассуждать. Клянусь прахом мамы Ксении, тебя убьют раньше, чем ты примешь присягу, если не научишься жить среди людей!

— Я спросил тебя: почему дикари не трогают нефтяников? Мама Луга продает им горючее, ведь так?! А нас считает хорошим тоном предупредить?

Артур посторонился, пропуская бегущих минометчиков. С крыш фургонов опускали на борта дополнительные листы железа, лошадей укутывали толстыми попонами, поверх крепили кольчужные сетки.

— А если и так?! — перекикивая команды сержантов, вспылал Рокотов. — Это их дело, а не наше. Горючее нужно всем. Мама Луга не спрашивает меня, с кем я иду торговать. Она выполняет свои обязательства. На территории ее коммуны мы можем прожить хоть месяц, и ни один чингис или шептун нас не тронет. А если ее люди захотят пожить на площади перед дворцом, мы тоже умрем, но никого к ним не подпустим. На древнем языке это называется ди-пло-ма-ти-я! Ты понял, приятель? Ну, чем ты еще недоволен? Надумал остаться? Валяй! Присягу ты не принял, вольный человек. Ступай к маме Луге, она со своим караваном отправит тебя в город...

— Я-то тебя понял, уважаемый член Совета! — Вслед за телохранителями Артур поднялся в штабной вагон. — Только твоя дипломатия называется немножко иначе. Это куриная слепота.

Караван на рысях вылетел к воде. Старый мост через Тосну провалился посередине. Сотней метров ниже команда нефтяников на тросах тянула к пирсу секцию армейского понтона. Коваль позаимствовал у Рокотова бинокль, навел на противоположный берег.

Зубчатая стена деревьев, завалившаяся на бок опора передач, засыпанная сучьями нитка шоссе. Где-то вдалеке, на пределе видимости, поднимались к темнеющему небу ниточки дыма. Волнистая линия холмов подернулась туманной дымкой, четкие линии размазывались, растекались, точно неокрепшие краски на промокнушем холсте. Низкие угрюмые тучи на горизонте соединялись в сплошной свинцовый фронт и, крадучись, цепляясь мохнатыми щупальцами за кроны деревьев, ползли к реке. словно силы зла собрались там, подумал Артур, и тут же себя одернул. Не хватает еще, чтобы он начал верить в чертей и драконов! Нет и не может быть твари страшнее человека...

— Если умеешь, помолись! — серьезно посоветовал Чарли, натягивая поверх свитера мелкаячеистую кольчугу. — Здесь кончается цивилизация. Дальше до города Клин нет ни одной коммуны. Нам никто не поможет. А если ты полагаешь, что мы кого-нибудь боимся...

Он принял от помощника два снаряженных арбалета, просунул в оконную щель дуло охотничьей двустволки. На столике появились самодельные патроны, набитые мелкими гвоздями.

Нефтяники притянули понтон к железному пирсу; две каурые лошадки, повинаясь кнуту, ходили по кругу, наматывая на бобину стальной трос. Выше по берегу Артур заметил трактор с огнеметом и медведицей. Андрюша и сын Медведя сидели на капоте и передавали из рук в руки бутылку. Мама Луга кормила ребенка.

Колокол звякнул трижды. Ведущий «Кировец» выпустил облако дыма, опустил ковш и, лязгая, выполз на просевший пирс. Погонщики щелкнули бичами, и переправа началась.

11

ДРАКОНЫ ЧИНГИСОВ

Все обитатели пассажирского вагона, за исключением Рокотова с охраной и Ковалья, улеглись на пол. Всадники растянулись эскадроном и первыми вступили на доски понтонов. Арина безостановочно отдавала по телефону короткие распоряжения, сержанты отчитывались о готовности к бою.

Раскачиваясь на колдобинах, груженная колонна вползала в лес. Никто больше не трепался, доносился лишь скрип несмазанных подшипников и хруст сухих веток под колесами. Коваль сидел напротив Чарли, сжимая в руке ствол, и спрашивал себя, боится он или нет. Страха, пожалуй, не было, но нервы натянулись до предела. Далеко впереди заржала лошадь, чуть громче обычного заревел трактор. Опять все стихло. И в ту же секунду, словно по команде, воздух разорвал душераздирающий вой. Чингисы кинулись на abordаж.

По стенам вагона что-то дробно заколотило, в спертom и без того воздухе распространился жуткий смрад. Потянуло горелым. Чарли схватил в каждую руку по арбалету и ринулся в тамбур. В своем железном одеянии и мотоциклетном шлеме с надписью «вервольф» он походил на разъяренного носорога. Двое охранников с автоматами так и остались сидеть на сундуке, а двое других кинулись догонять патрона. Артур в три прыжка поднялся по лесенке в «башню». Не успел он добраться до верхней ступеньки, как в пулеметную щель влетела стрела с горячей тряпкой на конце. Вот она, ваша дипломатия, матерился Артур, затапывая пламя. По счастью, никого из четверых бойцов, лежащих у амбразур, не задело. Ближайший пулеметчик повернул красное от напряжения лицо, и Коваль узнал Даляра. Люди Арины не получили пока приказа стрелять, караван продолжал движение. Артур прильнул к свободной щели и увидел дикарей.

То, что он увидел, ему совсем не понравилось. Может, они и не читали газет, но орудовали совсем не как глупые индейцы в вестернах. Никто из чингисов не скакал вдоль поезда, подставляясь под пули. Несколько десятков всадников совершали непрерывный круг по лесу. Появляясь по одному, они выпускали горящие стрелы и сразу исчезали в чаще. Их мишенью были не крытые железом фургоны, а ноги лошадей. Несмотря на длинные, волочащиеся по земле попоны, дикари своего добились, ровный ход экипажей застопорился. Возницы не могли спуститься с козел, чтобы помочь взбесившимся от боли животным. Для перестроения в боевой порядок у фургонов не хватало места, деревья примыкали к дороге почти вплотную.

И тут на прицепе «Урала» заклокотала пушка. Ковалю показалось, что он моментально оглох. В лесу в течение нескольких секунд образовалась довольно широкая просека, в которой взлетали вверх щепки, целые кусты и окровавленные ошметки тел. Затем после непродолжительного молчания канонир перенес огонь на левый фланг. Еще пять-шесть секунд непрерывного грохота. Потери врага было трудно оценить, некоторое время из леса никто не показывался. Зато, повинуясь приказу Арины, из нижних люков фургонов посыпались стрелки и выдвинулись на обе обочины, где и залегли с арбалетами и винтовками. Сверху Коваль их прекрасно видел. Погонщики получили возможность заменить раненых животных. Ни один из пулеметчиков в «башне» так и не выстрелил. Не успел к Артуру вернуться слух, как из броневика разом шарахнули гранатометы. Четыре гранаты со свистом ушли в зенит, чтобы разорваться совсем недалеко, метрах в ста от трассы. Земля содрогнулась, и опять все стихло, но спешившихся ковбоев уже не было видно. Они обеспечили прикрытие и углубились в лес.

Ай да девчонка! Если минометчики сумели взять правильный угол, то почти наверняка их огонь достиг цели. Коваль сильно сомневался, что Арина разбирается в военном деле, но «лунный» дар позволял ей чувствовать скопление неприятеля. Звякнул колокол, и караван тронулся с места.

Минуту спустя лес начал редеть, потянулось мшистое болото, утыканное сгоревшими трупами деревьев. Из «башни» было видно, что впереди болото исчезало, сменяясь довольно сухим плоским участком, где фургоны могли бы встать кольцом. Караван набрал порядочную скорость, километров двадцать пять в час, лошади пошли рысью, сбиваясь в галоп, свистели кнуты, гортанно кричали возницы. Артур уже начал надеяться, что бой завершился, но оказалось, что все только началось.

Головной «Кировец» уткнулся в завал. Ни малейшего сомнения в том, что стволы, в два обхвата толщиной, приволокли сюда загодя! Следовало бы показать эту баррикаду «великому дипломату» Чарли, но

Рокотов наверху не появлялся. Впрочем, со своим животом он бы застрял на лесенке!

Не успела по эстафете пройти команда «Стой!», как прозвучала следующая: «Лошадям — лежать!» На глазах изумленного Артура происходили чудеса дрессуры. Закутанные в тлеющий войлок лошадки послушно подгибали колени, превращаясь в покрытые сетью холмики. Мгновением позже зазвонил телефон, и Даляр взял трубку. Еще миг спустя Коваль глянул в щель и замер.

По болоту мчались драконы.

Конечно, им было далеко до легендарных змеев горынычей, но при соответствующем уходе, лет за «цать», крылатые змеи вполне могли бы дать почву новому фольклору. Коваль как замороженный следил за приближением чешуйчатых гадов и вспоминал документальный фильм про аллигаторов. Если аллигатору повезет, то он достигнет максимальной величины к пятидесяти годам...

Не может быть, чтобы эти уродцы собирались жить так долго! Напротив, все дело в бешеной смене поколений; очевидно, мутация ускорила развитие до такой степени, что за пару десятков лет могли появиться совершенно новые адаптивные способности... Крылатые еще неважнецки летали; им требовалась возвышенность или долгий разгон. Они лупили по воздуху трехметровыми кожистыми крыльями и щелкали неприятными треугольными челюстями. Задача детей Чингиса была видна, как на ладони: запугать врага, чтобы музейщики не смели и носа высунуть из укрытий. Первая часть плана дикарям вполне удалась, защитников каравана практически парализовало от ужаса. Младшие командиры надрывали глотки, почти непрерывно звенел колокол, трещали телефоны, но приказы выполнялись плохо. Если дикари начнут выбивать музейщиков из каждой повозки поочередно, нам какую, решил Артур...

Завершить мысль ему не пришлось, потому что из мха, в двух десятках метров, поднялся юноша с кустиком на голове и выстрелил в штабной вагон из заплочной ракетной установки. В долю секунды, пока дикарь жал на курок, его горло насквозь пробила арбалетная стрела. Поэтому палец юного «ракетчика» дернулся, и снаряд угодил в стоящий спереди фургон с сеном.

У Артура появилось ощущение, словно ему врезали по обоим ушам раскаленными утюгами. Задняя половина фургона перестала существовать, а передняя горела, как нефтяной фонтан. В этом фонтане бились и заживо сгорали три раненых коня. Огромное окованное колесо взлетело в воздух и, падая, убило еще одну лошадь. Даляр кричал на подчиненных, открыл огонь одиночными, но остальные стрелки вжали головы в плечи, провожая глазами пикирующих змеев. Броситься вниз и забиться под полку парням мешала угроза петли.

Из болота поднялся еще один камикадзе со «стингером», но его уложили до выстрела, как вскочившую мишень в тире. Из соседнего вагона пытались стрелять по летающим ящерицам, которые, не причиняя особого вреда, кружились над обочиной. Две штуки подбили, еще одну срезал кто-то впереди, и тут разом затарахтели тяжелые пулеметы броневика и автоматчик в тракторе.

Мох зашатался, как поверхность студня, и десятки почти голых, перемазанных глиной людей с воем и гиканьем припустили в атаку. Почти сразу же объявился еще один «ракетчик», на сей раз слева. Он метил в грузовик с пушкой, и его снаряд достиг цели. Прицеп подпрыгнул и завалился набок, колеса беспомощно вращались в воздухе. Из упавшего прицепа, словно живой факел, вылетел канонир и, размахивая конечностями, угодил в самую гущу дикарей. Артур понимал, что со своим пистолетом он не внесет серьезных изменений в ход сражения, оставалось только крутить шеей и наблюдать. Автоматчики кое-как мобилизовались и срезали первую волну нападавших, но дикари не залегли, а продолжали неистовый бег. Затем защитники каравана получили новую команду, и в ход пошли арбалеты. Раз огнестрельное оружие не остановило врага, Арина решила экономить патроны. Из леса с саблями наголо вырвалась конница Эрмитажа и обрушилась бандитам во фланг. Бой сразу стал протекать намного тише, пока не случились два события, качнувшие чашу весов в пользу чингисов.

Сквозь кусты ломилась толпа вражеских всадников, не добытых в первой атаке. Две конные когорты схлестнулись с оглушительным лязганьем. Даяр перевел пулемет на стрельбу очередями и за полминуты опустошил магазин. После этого у него остался маленький импортный автомат. Примерно то же самое произошло и с другими стрелками.

Конница врага несла тяжелые потери, но авангард добрался до фургонов. Возниц закалывали прямо в будочки, десятки вопящих дикарей влезли на крыши, взламывали забитые окна и двери. Отдельный отряд чумазных ташил на себе бревна, которые просовывали между спицами колес, другие набрасывали на ступицы ржавые цепи.

Вдоль дороги послышалось нарастающее тарактение. Шедший впереди колонны трактор развернулся и, прыгая по кочкам, возвращался по обочине назад. Дикари облепили кабину, как муравьи сахарную голову, колотили дубинками по кожуху мотора, но тракторист упорно мчал вплотную к фургонам, сметая зазевавшихся. Стрелок за его спиной садил по нападавшим короткими очередями, ему вторили тяжелые пулеметы броневика. Но тракторист, укрывшийся за толстой обшивкой, смотрел только вперед, и не мог видеть того, что происходило сзади. А сзади из болота показалось черное дуло; чингисы подтянули артиллерию! Предупредить смельчаков не было никакой возможности,

подбитый двигатель «Кировца» ревел на пределе, из-под капота валил дым; под колеса трактора угодило не менее десятка зазевавшихся дикарей...

Пушка выстрелила.

Первый снаряд угодил в заднюю ось дилижанса охраны. Многотонная конструкция поднялась на дыбы, роняя куски брони. Всадники в волчьих шкурах, визжа, как сотня чертей, прыснули в стороны. Многие не успели отскочить и погибли вместе с защитниками дилижанса. Почему молчит наша пушка, думал Артур, что случилось? Пулемет Арины — Коваль уже узнавал его по звуку — тархтел непрерывно; дикари не смели приблизиться к передним повозкам, там их срезало, словно нож проходил сквозь масло.

Один из соседей Даляра откинулся назад, вместо глаза зияла черная дыра. В салоне визжали женщины, кто-то надсадно кашлял и матерился. Сквозь пол поднимался запах горящего мазута. Дикари снизу подождгли фургон! Десятки рук раскачивали забитые окна, срывали листы обшивки. Визг мамаш в укрепленном купе срывался в ультразвук.

— Пушка! — крикнул Артур в ухо почерневшему от копоти Даляру. — Надо зарядить пушку!

Тот, не отвечая, тер слезящиеся глаза и лихорадочно перезаряжал дробовик. В его автомате патроны тоже кончились. Коваль махнул рукой и решил спуститься вниз. Следовало что-то немедленно придумать: из лесочка к горячей колонне неслась очередная партия свежей конницы. Из-за обилия засохшей глины на лицах физиономии дикарей напоминали оскаленные красные черепа.

За всадниками, хрипя от натуги, тяжеловозы волокли по трясине еще одно орудие, на сей раз гораздо более серьезного калибра. Целый взвод чингисов, утопая по колено в грязи, помогал лошадям, но дело продвигалось медленно. Зато вторично жახнула та пушечка, что разнесла фургон стражи. Снаряд попал в трактор. Когда рассеялось облако от взрыва, на площадке «Кировца» не оказалось ни кабины, ни люльки стрелка. Мотор, как ни странно, продолжал работать, и двухметровые колеса кружились на месте, волоча за собой куски человеческих тел. Чингисов, похоже, не волновала убыль в своих рядах; вместе с трактористом разнесло на части человек восемь дикарей.

Коваль решил не дожидаться, когда пушка выстрелит в третий раз, прыгнул в проход, и, как оказалось, очень вовремя. Недоразвитые дракончики, которых он чуть не пожалел, планировали сверху на крыши вагонов. Кто-то управлял действиями гадов и людей, потому что дикари разом отхлынули от вагонов. Чарли в тамбуре издал радостный боевой клич, и двое лесных жителей, не успевших пригнуться от его стрел, повалились замертво.

Двухдюймовые когти заскребли по металлу, и почти сразу раздался душераздирающий вой. Кричали автоматчики в «башне», кричал Даяяр, сбивая с волос пламя. Треугольная чешуйчатая морда ящера просунулась в амбразуру и выпустила ревущую струю синего пламени. Вторая рептилия добралась до заколоченного досками окна и тоже дыхла огнем. Внутренняя обшивка кают-компания вспыхнула, как порох.

Люди орали и бросались в тамбур, закрывая лица, в узком проходе образовался затор из тел. Артур схватил чей-то противогаз, перекатился на боковую полку. Сверху из башенки вывалился Даяяр. Бровей у него не было, половина бороды превратилась в пепел, куртка на спине дымилась. Второй автоматчик истошно орал и катался, суча ногами. В соседних вагонах дела обстояли не лучше, организованная оборона разваливалась. Нападение с неба совершенно деморализовало музейщиков. Отовсюду слышались вопли обожженных людей, кашель и стоны. Драконы почти одновременно атаковали все отверстия и щели в обшивке; часть защитников побросала оружие и лежа молилась...

— Зенитка! — крикнул Артур. — Даяяр, как добраться до зенитки?!

— Ляг на пол и молчи! — На щеке сержанта расплывался ожог. — Если я покину фургон без приказа, меня казнят! Твое дело — доехать живым, не высовывайся!..

Никто не доедет живым, подумал Коваль, если и дальше следовать приказам. Из «башни» опускался тошнотворный запах паленого мяса. Дракон, очевидно, взлетел набраться сил. Его товарищи атаковали передние повозки, оттуда доносились нечеловеческие вопли вперемешку с беспорядочной пальбой. От забитого досками хвоста вагона надвигалась сплошная стена огня. Пожар охватил стенку купе, где ехали мамы, и подбирался к казне. Изнутри в дверь со всей силы колотили, но в общем все девушек никто не слышал. Стражники подняли в полу крышку люка и хотели пропихнуть туда кованый сундук, но пассажиры прыгали в дыру, спасая собственные жизни.

Артур сорвал с подушки наволочку, намочил водой. Затем обмотал мокрой наволочкой голову и, пригнувшись, ринулся в огонь. Дверь в купе мамаш удерживал запор с висячим замком. Коваль ощупал дужки и приказал визжащим внутри девушкам отойти влево. Вроде бы его услышали. Артуру пришлось выпустить три пули, прежде чем скоба развалилась пополам. Затем он навалился на косяк, чувствуя, как расплавленная пластмасса капает на руки.

Одна девица, наглотавшаяся дыма, лежала без движения, Коваль неловко закинул ее на плечо. Трое остальных, непрерывно визжа, вжимались в стену. Отодвигая дверь, Артур успел увидеть коричневые когти. Змея висела снаружи, отдирая доски с забитого окна. Артур выстрелил трижды, во все стороны полетели щепки, но когти разжались.

Мамочки, не дожидаясь приглашения, пряча под платками волосы, выскочили в коридор. По внутренней обшивке сидений плясали верткие алые язычки. Навстречу мамашам уже спешил амбал, охранявший казну; ему и передал Артур потерявшую сознание девушку. В последний момент мамочка очнулась и, словно не желая расставаться со своим спасителем, вцепилась Артуру в ляжку комбинезона. Совсем близко от своего лица Коваль увидел пухлые губы и огромные, залитые слезами, серые глаза. Ему почудилось...

На мгновение время для него остановилось. Девчонка была как две капли воды похожа на...

Но тут змея забарабанила в соседнее окно, и время опять потекло в бешеном темпе. Артур вылил себе на темечко остаток воды из фляги и поспешил к Чарли.

Пулеметы броневика еще огрызались, им вторили автоматчики из того трактора, что шел в арьергарде. Коваль, перехватывая руками за выступающие части, как обезьяна, под потолком рванул к передней площадке. Несколько обезумевших пассажиров разметали телохранителей Рокотова и выскочили наружу, прямо под стрелы залегших в болоте дикарей.

Обе двери стояли нараспашку. Чарли и его парни организовали своеобразный конвейер. Двое стреляли в обе стороны из арбалетов и ружей, третий, по центру, заряжал. Затем они менялись. Все трое были ранены, в кольчуге коммивояжера застряли две стрелы, плечо пропиталось кровью, но он словно не замечал этого. Стрелял Чарли метко и поворачивался удивительно шустро для своей комплекции. У подножки вагона выросла целая гора трупов; уцелевшие дикари расплзались в стороны. Те пассажиры, что в поисках чистого воздуха покинули фургон, также лежали убитыми.

— Мы сторим! — Артур пытался перекрыть бушующее за спиной пламя. — Надо вывести людей!

— Не время! — Чарли спустил тетиву, кинул арбалет заряжающему и тут же пригнулся. Прямо над его шлемом ударилась о железный лист вражеская стрела. — Они только этого и ждут, чтобы захватить пленных! Груз они тоже не тронут. Гляди, сейчас ребята мамы Кэт зададут им жару!

Коваль сначала не понял, о чем тот говорит, но выглянул в проем и застал совершенно фантастическую картину. Драконы описывали над колонной восьмерки, поднимаясь вверх и пикируя, как заправские штурмовики. Двое ящеров рвали на части застрявшую в постромках лошадь, еще несколько лошадей горели заживо, не в силах выбраться из-под кольчуг. Вдоль линии фургонов на обочине образовался сплошной завал из мертвых дикарей. Уцелевшие отошли в болото и вяло перестреливались с защитниками каравана.

Среди горелых стволов мелькала фигурка с двумя ракетными установками на плечах. У врага закончились ракеты, но длинноствольную гаубицу уже начали разворачивать к дороге. С расстояния примерно в сто пятьдесят метров бойцы Арины могли только наблюдать за приготовлениями чингисов. Снайперов в отряде не было. Внезапно доморощенные артиллеристы в третий раз выстрелили из маленькой пушки. Снаряд прошел с перелетом, но, словно дождавшись этого сигнала, из лесочка, в тыл дикарям, ударил «засадный полк». Это были те самые бойцы мамы Кэт, которых Арина отправила в лес после первого залпа минометов. Не ожидавшие подвоха дикари развернули коней, но расчет большой гаубицы уже был напрочь уничтожен. Затеялась рукопашная, «глиняные морды» отвлеклись от обстрела фургонов...

В отряде мамы Кэт народу было немного, человек двадцать, но дрались они как черти, используя тактику древних. Первая пятерка пальнула картечью из обрезов и тут же залегла. Вслед за ней отстрелялся второй эшелон.

Дикари валились, как костяшки домино, пятась, отступали к дороге, но оказаться под огнем драконов им тоже не улыбалось. Ружья у них присутствовали, но большей частью чингисы посылали стрелы или сражались холодным оружием. Коренник, тащивший гаубицу, провалился в яму, его добили ножами. Ствол орудия задрался вверх и начал медленно оседать в сторону.

— Пора! — скомандовал своим Чарли. — Комар, выводите мамочек через низ. Сначала мамы! Всех вперед, в фургон с железом, там есть место. Вратарь, смени Лося на золоте! Вратарь, ты оглох?!

Артур обернулся к притихшему Вратарю и почувствовал, как встают дыбом волосы на затылке.

12

О ПОЛЬЗЕ ПВО

Не успел громадный Комар броситься мимо Артура в пылающее нутро вагона, как его напарника постигло несчастье.

— Берегись! — завопил Коваль, но было уже поздно.

Напротив левой распахнутой двери повисла черная тень. Двухметровая крылатая тварь уцепилась когтистой лапой за косяк и сунула в тамбур уродливую голову с непропорционально большими, выпуклыми, как у коровы, буркалами. Телохранитель отшатнулся, хватаясь за нож,

и его движение спасло жизнь остальным. Змей уже разевал пасть, и Коваль видел, как из-под вздернутой верхней губы выдвигаются две дополнительные ороговевшие ноздри, точно миниатюрные ракетные сопла.

Но тут Вратарь взмахнул ножом, змей переключил внимание, вторая «куриная» лапа ударила человека в плечо и оторвала от пола. Нож застрял у змея в брюхе, охранник завизжал, Чарли бросил арбалет и потянулся за револьвером на поясе. Змей, опираясь на хвост и вторую лапу, лупил снаружи вагона крыльями и таскал обмякшего охранника по тамбуру, как куль с тряпьем. Из плеча его фонтанами била кровь, глаза закатились. Наконец ящер отшвырнул израненного солдата прямо на грудь Рокотову, тот не удержался на ногах, и они вместе повалились на пол.

Дракон зашипел, встряхивая лапой. Вся рука солдата, до плеча, осталась у него в когтях. Коваль обеими руками обхватил пистолет, уперся спиной в раскалившуюся стенку и выстрелил шесть раз, прямо в разинутую пасть.

— Делаешь успехи, дружище! — простонал Чарли. — Ах скотина! Эта скотина убила Вратаря...

Вратарю уже никто не смог бы помочь; еще до того как парень истек кровью, у него была сломана шея. Мертвого дракона отбросило наружу вместе с рукой Вратаря и куском переборки. Еще не долетев до земли, зеленое туловище гада вспыхнуло; очевидно, Коваль перебил в теле крылатого трубопровод с горючей смесью. Артур спрыгнул вниз, и почти сразу возле уха просвистела стрела. Он распластался и пополз под защиту колеса. Колеса действительно горели, но с другой стороны. Сквозь нижний люк Комар с Лосем принимали кашляющих, отплевывающихся людей. Пассажиры гуськом пробирались по направлению к фургону с металлом. Артуру предстояла прогулка в другую сторону.

— Приятель, вернись! Тебя порвут на части! — Внушительная пятерня Рокотова схватила его за шиворот.

— Я бы рад! — отозвался из канавы Коваль. — Отправь тогда людей к зенитке! Змеев надо отогнать!

— Не могу! — простонал толстяк. — Они боятся! Если ты погибнешь, папа утопит меня в Неве!

Артур чуть не рассмеялся. Историческая фраза! Даже теперь Рокотова пугал гнев Рубенса. Мгновение спустя Артура чуть не раздавила туша торговца. Они переглянулись и, не сговариваясь, поползли назад под чадающей повозкой охраны. Дилижанс, где должна была отдыхать свободная смена, выгорел почти дотла, но несущая база от седельного тягача и шасси остались целыми. Натянув маску, ежесекундно ожидая выстрела или хлопанья адских крыльев, Коваль достиг задних колес и прямо перед собой увидел изрешеченную пулями морду «Урала». Трактор стоял в стороне, скатившись на обочину, с задранной вверх ков-

шом. Мотор работал, и оба человека в кабине были живы, но остались без патронов. Стоило водителю приоткрыть дверцу, как из болота прилетала стрела и отскакивала от обшивки.

Тракторист проводил ползущего в канаве «министра торговли» застывшим взглядом и снова убрал лицо подальше от щелки. Миновав трактор, Коваль понял, почему тот не едет. Дикари намотали на заднее колесо нечто вроде рыбацкой сети с длинными крючками. Стрелок в задней люльке прикончил как минимум шестерых; чумазые дядьки в лаптях и грязных шкурах устроились в болотной траве, в затылок друг другу.

Они жуют дурман, вспомнил Артур. Они жуют дурман и перестают бояться смерти. Им приказали остановить трактор, и они пошли, прекрасно видя, что наматывать сеть придется прямо перед дулом пулемета! Лежа в глубокой колее, Артур почти ничего не видел и молил об одном: чтобы с неба не спикировала еще одна летающая паяльная лампа. Один дракон, громыхая железом, разгуливал по крыше, прямо над головой. Другой рвал на части трупы, лежащие на обочине. Рокотов шумно пыхтел за спиной. Молодец, с неожиданной теплотой подумал Коваль. Вот я лезу на рожон от безысходности, а он вообще не обязан подвергать себя риску. Мог бы переждать, но не сидится ему!

Прицеп с пушкой лежал на боку, но орудие выглядело совсем неплохо. Вражеский снаряд разбил в щепу заднюю часть платформы вместе с поворотным механизмом. Башню теперь придется крутить вручную, но сначала надо перевернуть прицеп! В кабине «Урала» кто-то громко стоял. Артур поднял голову, и кровь застыла у него в жилах. Казалось, уже ничему он сегодня не мог испугаться, но вид крылатого змея, грызущего человека сквозь пулеметную амбразуру, заставил бы любого неделю не спать.

Гад висел, опираясь широким крокодильим хвостом о капот, а единственной целой лапой вцепившись в зеркальце заднего вида. Голову и чешуйчатую шею он просунул в кабину.

— Я прикончу эту суку! — Чарли щелкнул револьвером.

— Нет! — прошептал Артур. — Не трать патроны, он и так подохнет. У него перебиты крылья и хлещет кровь. Скорее, нам надо расчехлить зенитку!

Тем не менее остаток пути под открытым небом до бампера он проделал на боку, с замирающим сердцем ожидая струи огня. Но ящер так и не прервал трапезы. Чарли прикрывал Артура, пока тот взбирался на высокий борт, затем и сам, оглядевшись, направился следом. Но опасаться им было некого. Внутри под тлеющим шерстяным пологом, утыканным стрелами, словно шкура дикобраза, остывали четыре мертвых дикаря.

Впервые Артур рассмотрел их вблизи. Несмотря на пугающую боевую раскраску, последователи Чингисхана являли довольно жалкое

зрелище. Как и расстрелянные на дороге сородичи, эти четверо также не отличались молодостью и богатырским сложением. Ничего удивительного, что они выкупают своих пленных, подумал Артур, пробираясь по трупам к зенитке, ведь у них почти нет молодежи. Нелепый способ поддержания рода — выкрасть четверых девчонок ценой сотни убитых! Нет, здесь что-то неправильно...

Боевой расчет орудия защищался до последнего. Врагов, напавших на машину, было намного больше, но остальные ушли, не найдя для себя в кузове ничего интересного. Из кабины стонов уже не доносилось, но дракон все еще был там, хрустел челюстями.

— Помоги мне их оттащить! — попросил Коваль, разрезая ножом полог на борту.

Он посмотрел на свои руки и удивился, что они практически не дрожат. А еще он сорвал ноготь, порезался, вся левая кисть была в крови и ожогах, но боли не ощущалось. Вдвоем с Чарли они вытащили зенитчиков из кресел.

— Ты умеешь из этого стрелять? — благоговейным шепотом произнес толстяк.

— Придется научиться! — Коваль снял подаренный Людовиком свитер и подстелил его на металлическое сиденье. Не хотелось усаживаться в кровавую лужу. Теперь он остался в своем привычном, но давно не белоснежном комбинезоне.

— Арина! — сказал Рокотов.

— Что «Арина»?

Коваль покрутил ручки; зенитка была древняя, как баллисты Архимеда, но механизм находился в рабочем состоянии. Интересно, сколько у него в лентах патронов?

— Пулемет молчит... — Здоровяк всхлипнул.

Тут только Артур заметил, насколько стало тихо. Оба пулемета с броневики Арины молчали.

— Откинь тряпку и ложись! — Коваль и сам не заметил, как начал отдавать приказания.

Чарли сдернул полог, откатился в сторону. В глаза ударил солнечный свет.словно по закону подлости, грозовые тучи раздвинулись, подставляя место баталии для обзора равнодушной синеве. Коваль опустил щиток целеуказателя, нащупал педаль, левая ладонь легла на рычаг горизонтального разворота. Четыре ствола послушно сместились вправо. Максимальный угол возвышения не превышал шестидесяти градусов, дальше в механике что-то заклинило. Коваль смутно догадывался, что без компьютера верную точку упреждения ему не поймать, оставалось бить прямой наводкой.

Над караваном кружили драконы; за несколько последних минут их стало еще больше. Музейщиков сковал страх, фургоны выглядели бро-

шенными, ни одна живая душа не высывалась наружу. Драконы разгуливали по крышам, пробуя на зуб башенки стрелков. Почти из всех амбразур валил жирный дым. Чадили колеса, трупы животных, и вонючее облако гари плотным одеялом расстиралось над болотом.

— Отец-Спаситель! — пробормотал Чарли, мелко крестясь.— Это все колдуны! Проклятые колдуны! Мы погибли...

— Вы не встречались с крылатыми раньше?

Рокотов повернул белое, как промокашка, лицо. Из прокушенной губы капала кровь.

— Никогда! Мы слышали о змеях, что плюются огнем, но не верили... Эту высотную пушку мы таскаем с собой против летунов, но им хватало легкой взбучки!

— Я бы тоже не поверил. Тут что-то не так... — Артур освоился с вертикалью, бросил взгляд на болото.— Чарли, у меня к тебе две большие просьбы. Ты слушаешь меня? Во-первых, подбери автомат и прикрой мою задницу!

—Уже! — Торговец быстро приходил в себя; привычный румянец возвращался к нему на щеки. В обеих руках он держал по АКМ, снятых с убитых зенитчиков.

— И второе! — добавил Коваль, устраивая пальцы на гашетке.— Обещай мне, если останешься жив, разобраться с нефтяниками!

Секунду спустя он сильно пожалел, что не снял с головы убитого стрелка пробковый шлем с наушниками. Грузовик задержался, как погибающий в агонии мамонт, трупы дикарей подпрыгивали на платформе, словно марионетки. Чарли что-то орал, раздувая щеки, еле успевая уворачиваться от летящих под ноги болванок. Коваль пытался удержать в центре визора хотя бы одну крылатую цель, но установка скакала в руках, подбрасывая его на сиденье; четыре ствола с сумасшедшей скоростью поочередно откатывались назад, выплевывая гильзы и требуя новый патрон.

Он разжал онемевшую ладонь и услышал наконец, о чем тщетно кричал Рокотов.

— Они уходят! Смотри! Эти суки испугались!

Штук пять Коваль превратил в решето; остальные змеи, не делая попытки напасть, разом взмыли вверх и, точно повинувшись неслышной команде, замахали крыльями в сторону леса.

— Ими кто-то управляет, ты понял?! — Артур все не мог прийти в себя от возбуждения.— Они расчищали дорогу пехоте! Чингисы вернутся!

Далеко на болоте «засадный полк» из ковбоев и бойцов мамы Кэт под ударами вражеской конницы нестройно откатывался к лесу. К счастью, пехота имела в болоте преимущество, лошади застревали в чавкающей грязи, но у охраны каравана, отрезанной от арсенала, кончились

патроны. Коваль оказался прав. Едва крылатые выстроились в косяк, дикари пришли в движение и снова бросились к фургонам. Мало того, впереди, там, где мох кончался и зеленел лужок, показалось еще десятка четыре всадников. Артур проверил боезапас.

— Чарли, я удержу их! Беги к Арине, к своим людям, собирай всех. Мы должны немедленно перейти в атаку, сблизиться с ними! Иначе они снова загонят нас в повозке и натравят змеев!

Рокотов прислонил к борту один из автоматов, секунду помялся, затем махнул рукой и прыгнул вниз. Коваль проводил взглядом его неловкую тучную фигуру и вернулся к обязанностям стрелка. В перекрестье прицела Артур не видел ничего смешного, но на губах его играла улыбка.

Невидимый факир, управлявший змеями, не рассчитывал, что у противника имеются средства ПВО. Коваль уже немного освоился с системой наведения и бил короткими очередями. Зенитка выплевывала в секунду не меньше полусотни снарядов. Две цепочки трассирующих огней догнали плотно летящую крылатую стаю и в одно мгновение превратили ее в фарш. Артур прошелся слева направо, затем сверху вниз. Возможно, кто-то выжил, но старшего научного сотрудника это мало интересовало. Бегущие по полю дикари тоже заметили бесславный конец своей авиации и, дико улюлюкая, сменили направление.

Господи, хоть кто-нибудь их может отвлечь? Неужели все бойцы Эрмитажа погибли? Максимум три минуты, обреченно прикинул Артур, и уроды будут здесь. Вот и напросился в Москву, сам виноват...

Он до максимума опустил стволы и с радостью убедился, что свеженький конный отряд на поляне накрыть успевает. Пехоту уже поздно, а вот конников — легко. Кстати, там были не только конные, Артуру на мгновение показалось, что вдали, за линией всадников, стоял открытый экипаж, и в нем сидел кто-то в белом... Наверное, показалось, да и какая разница, если через десять секунд от кавалерии чингисов остался мелко нарезанный гуляш.

Осинки, березы, липы переламявались пополам, как спички. На том месте, где гарцевали всадники, теперь горела земля. Вот и все, зенитка замолчала. Очень возможно, что где-нибудь лежали запасные ленты, но на перезарядку у Артура не было времени. Он спустился в кузов, подобрал автомат, посмотрел на него, как на детскую игрушку. После корабельной артиллерии старый добрый «калашников» выглядел несерьезно. Сколько же лет старичку?

Возможно, секунд сорок у него еще оставалось. Коваль осторожно высунулся и не поверил своим глазам. Чингисы исчезли, все до единого. Среди подгнивших пеньков, с трудом доставая увязающие копыта, бродили покинутые лошади. Скрипнула дверца трактора, оттуда осторож-

но выглянул солдат. Увидел мертвого ящера на капоте «Урала» и вжал голову в плечи.

Дверца штабного вагона распахнулась, на обочину, озираясь, спустились три внушительные фигуры. Коваль узнал Комара и Лося. Караван медленно возвращался к жизни, хлопали крышки люков, слышался первый смех и плач, удары топоров. По мокрым кочкам, еще не веря своему счастью, обалдело озираясь, возвращались из леса остатки бойцов мамы Кэт.

— Наше дело правое! — Артур выпустил из рук автомат и без сил привалился к кабине. — Мы победили! Я вам покажу «дипломатию»!

13

ДОРОЖНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

— Эй, ты что, оглох?

— А?.. — Визгливый голос доносился до Ковалья, словно через толстый слой ваты.

— Тебя зовет госпожа Рубенс. Пошевеливайся, приятель. Если ты не можешь идти, я тебя отнесу. — Солдат заметно смягчился, углядев, в каком состоянии находится человек, за которым его посылали.

Коваль на самом деле чувствовал себя не лучшим образом, его буквально качало от усталости. Если бы сейчас снова пришлось стрелять, он не сумел бы поднять пистолет. Ковыляя за своим провожатым в командирскую повозку, он трижды упал. Вокруг «поезда» шла вялая восстановительная работа, но люди двигались заторможенно. Солдаты не решались удаляться от обочины, при каждом громком звуке многие боязливо приседали. В стороне, среди трупов дикарей, Артур заметил раненого дракона. Упавшей лошадью придавило крыло, тварь могла только громко шипеть и бить по воздуху хвостом. Солдаты, увидев змея, попрятались за повозкой; не нашлось смельчака, который бы вышел и пристрелил его.

Плохо дело, вяло подумал Коваль, они совершенно деморализованы. Это я должен забиться в щель, а не они, профессионалы, черт возьми!

Беглого взгляда хватило, чтобы понять — Арина Рубенс тяжело ранена. Лицо девушки покрывала смертельная бледность, поперек щеки тянулся стянутый суровой ниткой шрам. Коваль бросился в глаза ворох пропитанных кровью тряпок в изножье койки. Рослый мужчина в кольчуге навалился на девушку, удерживая ее, пока лекарь извлекал

стрелы. Коваль видел только смуглую тонкую кисть с обкусанными ногтями, вцепившуюся в предплечье «санитара». В качестве антисептика лекарь использовал спирт. А еще раненой вкололи какой-то наркотик, потому что, когда наконец Арина заговорила, зрачки ее плавали и туманились, а все движения потеряли резкость.

— Мне доложили... что ты спас молодых мамаш и караван...

— Это неправда,— попробовал отбиться Коваль.— Я всего лишь на время заменил убитого стрелка.

— Не лги мне, приятель! — Арина сглотнула, в уголке ее рта проступила капля крови.

Двое бойцов из ее личной охраны придерживали начальницу в сидячем положении. Артур уже знал, что случилось. В последнем усилии, убедившись, что подчиненные окостенели в страхе, а пулемет выведен из строя, Арина перехватила поводья у кучера своего броневика и, свернув с дороги, протаранила вражескую пушку.

Расчет орудия бежал, двоих дикарей Арина пристрелила из револьвера, но дилижанс застрял в грязи. Его мог бы вытащить трактор, но трактор тоже был подбит. В дилижансе на тот момент кроме девушки находились шестеро бойцов, все отчаянные рубаки, и мальчишка, будущий колдун Эрмитажа. Никто из них, несмотря на страх перед ящерами, не прекратил стрельбу, но, когда они вылезли, чтобы извлечь броневик из грязи, затаившиеся дикари напали. Завязалось самое настоящее побоище, Арину ранили четырежды. Одного ящера старшина телохранителей Серго зарубил рыцарским мечом. Несомненно, погибли бы все, но как раз в этот момент Коваль дал первый зенитный залп, и враги разбежались.

— Серго, звони общий сбор... — Каждое слово Арине давалось с трудом, но щуплая начальница продолжала удерживать власть.

Врач непрерывно промокал ей лоб и подносил к ноздрям коробочку с белым порошком. В дверях броневика один за другим появлялись младшие командиры. Тот, кого звали Серго, горбатый крепыш с рукой на перевязи и забинтованным ухом, бросился отбивать склянки. Явился Чарли в сопровождении Комара.

— Госпожа, мы потеряли двадцать семь человек и половину лошадей. Целиком выгорело четыре повозки. Кормушка для скота, вахтовый запас спирта и кухня. Также не удалось спасти сушеную ягоду, птицу, часть кожи. Опрокинулся фургон со стеклом, развалился пополам. Автомобиль с пушкой также испорчен, не сможет ехать своим ходом. Один трактор разбит. Запас топлива не пострадал, казна в сохранности. Погибли четверо пассажиров, госпожа. Один нарвский, один соборник, двое наших. Ковбой молчат, но солдаты мамы Кэт хотят повернуть назад. Их сержант говорит, госпожа, что они возвратят двойную плату,

но не пойдут дальше. Они говорят: даже если впрячь всех коней чингисов, нам не сдвинуть караван...

— Мамы? — перебила девушка.

— Все целы, госпожа, но одной очень плохо. Мы потушили пожар и вернули их в купе. Та светленькая, Надя, дочь Авроры Ван Гог, она надышалась дыма и не приходит в себя...

Вернулся Серго, выполнявший, видимо, и обязанности начальника штаба:

— Люди боятся строиться на открытом месте, госпожа!

— Скажи им... — Арина закашлялась, выгнулась на койке. Врач и телохранители бросились поднимать свалившееся одеяло. На секунду перед Артуром мелькнули бурые от крови бинты. Всю верхнюю половину тела девушки, живот и грудь закрывала сплошная повязка. Он невольно вздрогнул, представив себе, какую боль дочке Рубенса приходилось испытывать. — Скажи им, я слышу... Чингисы ушли. Впереди чисто. На два дня пути чисто. Крылатых тоже нет, кроме двух... Двух раненых. Добейте их...

— Нет! — вклинился Артур. — Пожалуйста, госпожа! Оставь этих змеев в живых...

Сержанты переглянулись. Кроме Даляра, остальных четверых Артур не знал. Чарли пытался подавать Ковалю знаки. Арина с трудом сфокусировала на нем огромные зрачки:

— Зачем тебе жизнь демонов, приятель? Хочешь продать их в Москве?

— Госпожа, дай мне четверых солдат, — заторопился Коваль. Он ощущал ускользящее внимание девушки. — Я хочу показать всем людям, что им нечего бояться. Тогда тебе легче будет восстановить порядок. Я привяжу змеев, чтобы они бежали за повозкой, и, когда мы войдем в Москву, мальчишки будут смеяться и кидать в них камни...

— Он ненормальный, госпожа! — обратился к Арине один из командиров, рослый бугай, похожий на прибалта. — Никто не посмеет коснуться демона, плюющего огнем! Это посланцы ада, вызванные колдунами! Все знают, но никто не смеет говорить об этом громко: есть плохие места, и их все больше. Там быстрее растет трава, и рождаются птенцы о двух головах. Там светится вода в ручьях, и рыбы умеют вылезать на берег. В такие места уходят колдуны, чтобы пролить на плохую землю свое семя. И от семени их плохая земля рождает демонов — крылатых змеев и других чудовищ. Не слушай чужого, госпожа. Мы должны облить нечисть мазутом!..

Аудитория зашумела.

— Госпожа, надо вернуться к нефтяникам, купить хлеба!..

— Пусть ковбои приведут свежих лошадей!

— Собрать новый караван, вместе с губернатором!

— Вернуть угоревшую девчонку маме Роне!..

Арина, словно не замечая общей паники, задумчиво смотрела на Ковалья. Он оглянулся, ища поддержки, и внезапно обрел ее в лице вихрастого подростка с котенком на руках. Парень встретил растерянный взгляд Артура и неожиданно открыто улыбнулся. Арина с усилием подняла руку, мужчины разом примолкли.

— Тебе надо взять второе имя, приятель...

— У меня есть фамилия, госпожа. Коваль.

— Это непонятно... Что такое «коваль»?

— На украинском языке это «кузнец».

— Хорошо... — Она сделала попытку улыбнуться. — Ты работал, как настоящий кузнец... Дайте ему сказать. Этот человек проявил храбрость и достоин, чтобы его выслушали. Демоны плюются огнем. Как ты сделаешь, чтобы люди их не боялись?

Арина быстро переглянулась с Чарли и Серго. Артуру показалось, что относительно его персоны уже принято какое-то решение.

— Госпожа... — Коваль сосредоточился. — До того как уснуть долгим сном, я изучал строение животных и человека. На земле не рождается существ, способных создавать в организме горючую смесь. Не потому, что это невозможно теоретически, но любой внутренний орган отвечает тем или иным функциям питания, сохранения рода и так далее. Выработка жидкости или газа, которые способны вступить в скоростную реакцию с кислородом, не дает ничего, кроме... — Коваль почувствовал, что его не понимают. Он выражал мысли слишком заумно...

— Страх! — вдруг добавил из своего угла подросток. Мужчины устались на мальчика с нескрываемой робостью, но тот лишь снова улыбнулся, уже привычный к своему привилегированному положению. — Ты смеялся, но плакал. Потому что умный и глупый. Огонь живой и мертвый. Он для страха и смеха, верно?

Арина улыбалась, смежив веки. Шрам на ее щеке с каждой минутой все сильнее набухал.

— Ты прав... сын Красной луны! — поклонился Артур. К нему вдруг вернулось самообладание, словно мальчишка посылал по воздуху невидимые флюиды. — Пока все прятались, я разрезал ножом одного из мертвых демонов! — Он подождал, пока уляжется эффект от сказанных слов, и обратился опять исключительно к начальнице стражи: — Так вот, госпожа. Это никакой не демон, а всего лишь ящерица с измененным ДНК... Э-э-э, как же вам объяснить? Ее вывели искусственно. Я постарался изучить орган, вырабатывающий пламя. Такого органа нет.

— Как нет? — подскочил Рокотов, другие тоже заворчали. — Караван до сих пор горит!

— Такого органа нет! — повышая голос, повторил Артур. — Есть лишь устройство для хранения под давлением какого-то количества газа, воспламеняющегося при контакте с воздухом. Когда газ внутри кончается, змей превращается в большую кусачую ящерицу. Достаточно опасную, если сунуть ей руку в пасть, но неповоротливую на земле и неуклюжую при боковом ветре в воздухе. Я наблюдал, как они летели. Крылья тоже до конца не продуманы...

— Ты хочешь сказать?.. — Арина жестом подозвала лекаря, тот промокнул ей лоб и пересохшие губы тряпкой.

— Я хочу сказать, госпожа, что змеев сделали люди — инженеры-генетики. Но при этом у них отсутствовало воображение. Они сделали змеев именно такими, какими сами представляли демонов по древним книгам, накачали их горючей смесью, чтобы напугать нас. Когда горючий газ кончился, их позвали назад, чтобы «зарядить» снова. Но змеев даже не смогли научить отличать своих от чужих, они бросаются на все живое. Я сразу не обратил внимания, но теперь вспомнил, где я их видел. Жил такой художник — Иероним Босх, он рисовал...

Рев протестующих голосов заглушил его речь. Больше всех распалялись двое — татуированный дядька, с бородой, заплетенной в косички, весь в грубой свиной коже, и длинный, в матросском бушлате, с набором метательных клинков за спиной. Перекрикивая друг друга, они наперебой требовали от Арины вернуться в стан нефтяников за подмогой, а лучше — вообще отступить до Питера. На рукавах у обоих были вышиты две золотые полосы — знаки сержантской власти.

— Если мы повернем назад, — медленно выговаривая слова, Рубенс подозвала к себе мальчика с котенком, — то после нас не решится пройти ни один караван.

— Но такого никогда не было, госпожа!

— Чтобы у дикарей появились пушки и змеи!

— Они продались колдунам! Они заколдованы...

— Серго, скольких мы убили? — перебила паникеров Арина.

— Семьдесят четыре трупа, госпожа! — отрапортовал «начальник штаба». — Не считая тех, кого догнали в лесу. Не считая тех, кого убил Артур Кузнец. Слишком мелкие куски.

— Ты называешь их «заколдованными», Василий? — спросила начальница, обращаясь к татуированному громиле. — Серго, скажи им.

— Мы нашли раненого Качальщика.

Горбун извлек из-под лавки инкрустированную кавалерийскую саблю, потрогал ногтем острие и, как бы невзначай, оставил оружие на коленях.

— Что?!

Фраза Серго произвела оглушительный эффект. Даже угрюмый Даяр подпрыгнул на месте.

— Артур Кузнец стрелял по нему из зенитки. Мои люди собирали оружие и нашли двух целых коней и коляску. В коляске был Качальщик. Мы насчитали шестерых Желтых из его охраны. Все мертвые. Качальщик ранен.

— Ты уверен, что это Качальщик? — нервно спросил Рокотов.

— В коляске был тигр. И еще... кто-то. Там ничего не разобрать. Качальщик успел выстроить круг. Он защитил себя, но вокруг него сплошная каша. Кабан нашел его, кинул нож и промахнулся с пяти шагов. Ты можешь представить, Даяр, чтобы Кабан промахнулся? Это Качальщик, больше никому. Он ранен осколками, но не подпускает...

Сержанты ахнули. Живого Качальщика никто из них не встречал. У Ковалья голова шла кругом.

— Но мы никогда не теряли столько своих людей! — на грани истерики продолжал Василий. — Ты же знаешь, госпожа, я ходил с тобой восемь раз. Я дрался с шептунами у Быстрой реки, с Желтыми дикарями из Клина, с их болотными котами. Я не испугался колдунов из Ярославля, хотя они напустили на наших людей язву...

— Но сегодня ты испугался, Василий!

Мгновенно возникла тишина. Слова Арины прозвучали не как намеренное оскорбление, скорее как... приговор.

— Сегодня ты испугался! — с усилием повторила она, сплетаясь пальцами с мальчишкой-колдуном. Тот прикрыл глаза, опускаясь на колени у деревянного ложа. Между детьми луны настраивалась невидимая, неосязаемая связь. Котенок зашипел и метнулся под лавку. — Ты укрылся за броней, как трусливая старуха, вместо того чтобы поднять свой взвод в бой! А ты, Матрос, где был ты, когда Артур Кузнец, человек, не принявший присяги, один воевал с демонами? Где были твои смельчаки, кто обязан был сменить убитых возле высотной пушки? Ты лежал задом кверху под кроватью и молился?

Лицо Матроса приобрело багровый оттенок. Снаружи доносился визг пил, частые удары топоров: рабочие восстанавливали обгоревшие колеса, скрепляли оборванные телефонные провода. Внутри броневика раздавалось лишь сиплое дыхание раненой, и прыгала в клетке под толчком однокрылая синичка.

Коваль не успел заметить, настолько быстро все произошло. Серго, не вставая с железной лавки, выбросил вперед саблю. Клинок воткнулся Василию в грудь, пришив его к стене, как огромную бабочку. Один из охранников Арины перехватил руку Матроса с ножом, другой неуловимым движением перерезал сержанту горло. Артур оцепенел. Чарли, Серго, Даяр и оба оставшихся в живых командира выглядели спокойными, будто ничего и не случилось. Все были ранены по несколько раз, но правдоподобно изображали равнодушие к собственным по-

резам. Лекарь, худенький мужичок в резиновом фартуке, снял щипцами со спиртовки железную миску со шприцами.

— Христофор назвал мне еще шесть имен... — У Арины изо рта снова пошла кровь, но она не выпускала из потной руки исцарапанную грязную ладошку мальчика.— Серго, ты казнишь их перед строем. Дашь Кузнецу людей, пусть он сделает с крылатыми все, что хочет. Он прав. И если не найдется мужчины, кто посмеет убить Качальщика, это делает Кузнец. Он пройдет в круг...

— Будет сделано, госпожа!

— Теперь ты! — Раненая повернула мутные запавшие глаза к Артуру.— Я скоро умру... Я верю Христофору... Он умеет слышать людей лучше, чем я... Что бы ты сделал на моем месте? Говори!

У Артура вторично возникло чувство, будто за него заранее все решили. Как бы выступить, чтобы самому не оказаться с дыркой в животе?..

— Ты поступила верно, госпожа. Эти люди своей трусостью подвергли опасности всех. Я считаю... — Он оглянулся на Чарли, но торговец был невероятно серьезен.— Я считаю, что караван должен идти дальше. Но не только днем. Дикари знают, где караваны останавливаются на ночевки. Мне кажется, имеет смысл сбить их планы и идти ночью. Идти безостановочно. Трех надежных людей послать назад, пусть купят у нефтяников лошадей. За двойную или тройную цену. Потом они нас догонят. Трактор поставить сзади, пусть тянет сразу три фургона, самые легкие. Зенитку поставить вперед. Впереди колонны, в двух километрах, я бы послал легкую повозку с бочкой горючего и несколько конных. Чтобы шли по сторонам дороги, максимально широко, и поджигали лес. Мы создадим, таким образом, сплошную полосу огня. Получится просека, нам легче будет возвращаться... — Артур перевел дух.— Я разберусь со змеями, но позволю сохранить жизнь Тому, кто раскачивает землю...

— Ты не понимаешь! — встрял Серго.— Если мы не сожжем его, он убьет всех нас. Он снова напустит на нас крылатых. Качальщика нельзя зарубить или убить пулей, его оживит земля. Только огонь...

— Это правда? — обратился Артур к Христофору. Ему показалось, что парнишка едва заметно улыбается.— Никто не видел Качальщика, но хорошо известно, как с ним поступить.

— И правда, и неправда! — отозвался малыш, баюкая безвольную ладонь Арины.— Он виноват, но прав. Он злой, но добрый. Он мертв, но жив.

Да, к стилю этого парня еще нужно привыкнуть, подумал Артур, а вслух продолжал:

— Если он тот, кого все так боятся, то нам вдвойне важно захватить такого пленного. Девушка действительно может умереть от отравления. Если то, что я слышал о Качальщиках от Левы, правда, то мы заставим

его вылечить мамочку! Что касается остальных дикарей... Я не знаю, что вы обычно делаете с трупами?

— Бросаем волкам! — отозвался Даяр.

— Если госпожа позволит, я бы поступил иначе, как парни из «Восьмой дивизии». Не лучше ли потратить лишний час и прибить их к деревьям, вдоль дороги? Пусть те, кто придет сюда ночью, а они придут, устроятся твоего гнева...

— Нефтяники не продадут нам коней, — тихо возразил Чарли, — а пошлют к ковбоям. Мы потеряем сутки.

— Продадут, если мы сделаем так, как я предлагаю. Когда они наведут переправу, я сам перееду на ту сторону реки с пушкой и поставлю их перед выбором. Или лошади, или я подожгу нефть. Они предатели.

— Ты с ума сошел, приятель! — разинул рот незнакомый сержант.

— Помолчи, Кастет! — приказала Арина. — Ты слышал, Кузнец, что люди боятся идти. Их не собрать даже в строй походного Совета. Такое случается, не удивляйся. Нечасто двадцать человек сгорают заживо.

Очередной ребус, в отчаянии подумал Коваль. Они из меня оракула собрались сделать, что ли? Какого черта я при всех резал эту змею? Вспомнил, как лягух в институте препарировал, и не удержался от соблазна. Он бы не удивился, обнаружив в теле дракона детали искусственного механизма. Действительно, и дилетанту в физике стало бы очевидно, что при массе в двести кило подъемной силы крыльев явно недоставало для длительного полета. Драконов словно собрали из кусков, на живую нитку...

— Я не считал себя жестоким человеком, госпожа. Напротив, из меня неважный боец, но если ты спрашиваешь... — Артур вздохнул. — Сотню лет назад так никто не поступал, но сейчас я бы не стал собирать всех бойцов вместе, а попытался бы поднять дисциплину повзводно. Чарли мог бы сообщить, что выдает жалованье, чтобы взводы заходили в штабной вагон по очереди. А там мы бы спросили каждого, хочет он бежать, как крыса, или остается верен присяге. Полагаю, достаточно повесить троих-четверых, и дисциплина восстановится. Но когда соберется... Как вы это назвали? Строй походного Совета, имеет смысл расстрелять перед строем или зарезать, — он глянул на лежащего в луже крови Матроса, — тех, кто раньше пытался перечить командирам...

— Да, я снова ошиблась в тебе, Артур Кузнец! — Арина подставила лекарю вену.

Коваль внутренне сжался, ожидая нападения, но никто не шевельнулся. Христофор что-то говорил, склонясь к самому уху девушки. Даяр задумчиво покусывал ус, Чарли менял окровавленную тряпку на плече. Серго ножиком счищал грязь с сапога, его сабля так и торчала из груди убитого сержанта. Вытащить ее никто и не подумал.

— Мое решение! — Новая порция наркотика придала светловолосой атаманше сил. — Мы идем в Москву. Пока я жива, но не могу ходить, я назначаю нового начальника охраны вместо себя. Если я умру, Серго соберет Совет. Тогда вы кинете жребий. Маршал, я верно излагаю закон?

Лекарь почтительно поклонился:

— Твоя власть, госпожа.

— Чарли Рокотов, ты представляешь в караване правую руку папы Рубенса. Спроси у этого человека, Артура Кузнецца, хочет ли он принять присягу.

Особого выбора Ковалю не предоставили. Он понял, что отказаться означало нажить себе множество врагов, невзирая на боевые заслуги. И кто его за язык тянул? Ехал бы себе спокойненько дальше эконом-классом, под боком у главного торговца, кушал бы рыбку, глядишь, и до столицы бы добрался. А теперь сунут в руки меч пуда на полтора, или арбалет, и пойдет он маршировать под командованием Даляра. Маршировать — это ерунда, на военной кафедре учили, а вот как правильно махать этим самым мечом? Вот ведь вляпался!

Его поставили на колени перед построившимся каре и надрезали левую руку. Три старых члена коммуны трижды повторили вопрос, и Артур трижды ответил положительно о своем желании по гроб жизни служить папе и музею. Коваль повторял слова, словно украденные из клятвы юных пионеров, и смешивал свою кровь с кровью Чарли, Даляра и Людовика. Людовика принесли на носилках, он поминутно впадал в беспамятство от новых ран, но сам вызвался быть поручителем.

Весьма неприятной частью церемонии стал болезненный татуаж левого уха. По завершении процедуры произошло то, чего старший научный сотрудник и обладатель белого военного билета никак не мог ожидать. Он легко бы вступил в коммуну и без поручителей. Но только благодаря доверию троих чужак мог надеяться на ответственный пост. Принесли Арину, закутанную в одеяло, с лицом, будто присыпанным мелом. Христофор остался в броневице. Позже Артура посвятили в страшную подробность: в случае возможного пленения охранники были обязаны убивать детей Красной луны, но не оставлять их врагам.

— Этот человек пришел к нам недавно, но трижды показал свою преданность Эрмитажу и храбрость в бою. Он спас двоих наших солдат от своры булей, он спас от гибели наших мамаш, он не испугался крылатых змеев. Я не могу вести караван. Мое решение: старшина Абашидзе займет место начальника стражи до моей смерти. Артур Кузнец вместо Серго становится старшиной моей личной охраны. Слово Совета?

Вперед выступил Серго:

— Музейщики! Есть тут человек, кто скажет слово против Артура Кузнецца?!

Солдаты и торговцы молчали. Коваль был уверен, что кто-нибудь да возмутится, но по важным физиономиям Серго и Рокотова понял — все давно решено.

— Слушайте все! — из последних сил напрягая связки, вещала девушка. — Там, за болотом, на холме лежит раненый Качальщик! — По нестройной линии солдат прошел боязливый шорох. Пассажиры, стоящие отдельной группой, загомонили, женщины заплакали. Арина выждала, пока установится тишина. — Точнее, мы думаем, что он из этой породы. Я слышу его иначе, и Христофор слышит в нем кровь нелюдя. Вокруг него четверо наших с ружьями, но пули не берут демона... Артур Кузнец сказал, что сам пройдет в колдовской круг и возьмет Качальщика в плен. Мы везем четверых мамаш, и одна из них умирает. Артур Кузнец сказал, что уговорит Качальщика очистить девочке кровь. После этого он вернется и займет место старшины охраны.

Строй замер, полторы сотни пар глаз нацелились на человека, стоящего на коленях в центре. Даже женщины перестали голосить. Насколько Артуру помнилось, он обещал несколько другое. Коваль поднялся, отряхнул с колен налипшую траву. Отступать было поздно. Арина и ее юный помощник рассудили хитро; близкий контакт с «демоном» должен был немедленно поднять авторитет новоиспеченного начальника.

Артур вздохнул и хотел уже направиться к полянке, где истекал кровью таинственный колдун, но Серго схватил его за рукав:

— Ты не можешь просто уйти, старшина. Тебе подчиняются десять человек, это лучшие бойцы папы. Дай команду, что им делать. Назначь мне двоих новых сержантов. Четверо из тех, на кого показал Христофор, бежали в лес, но двое трусов тут. Прикажи своей охране их казнить. Можешь оставить при себе людей Арины или набери других. Строй не разойдется, пока ты не позволишь...

Да, подумал Коваль, вот оно, время власти. В прежней жизни старший научный сотрудник и кандидат наук командовал четверкой очкариков и отчасти уборщицей. Теперь неизвестно за какие заслуги ему достался десяток головорезов и четыре девицы на выданье. Совершенно некстати Артура посетило недавнее виденье. Пухлые кривящиеся губы, огромные серые глаза, слезы на полудетских щеках. И запах. От девчонки пахло сладковатым теплом, как от ребенка...

— Слушай мою команду! — Будущий старшина прочистил горло. Его маленькое войско построилось отдельно, рядом с носилками Арины. — Вы двое — остаетесь наводить порядок в броневику и ухаживать за госпожой. Смазать оружие, проверить ходовую часть. Затем вы двое — поймайте двух свежих лошадей, впрягите вместо убитых. Найдите чем покормить. Остальные до моего возвращения поступают в распоряже-

ние старшины Абашидзе. Серго, я доверяю вам назначить новых командиров взводов... — Начальник стражи одобрительно кивнул. Коваль набрал воздуха в легкие: — Разойдись!

Из люка броневика Артуру улыбался Христофор.

14

ТОТ, КТО РАСКАЧИВАЕТ ЗЕМЛЮ

Последние метры до обломков кареты Артур преодолел на подгибающихся ногах. То, что он увидел, никаким объяснениям не поддавалось. Он переступил через оторванную ногу лошади, через останки белого тигра. Артур старался не глядеть, куда ставит ногу; выделенные Рокотовым ботинки хлюпали при каждом шаге. Поляна, где поджидал исхода битвы кортеж Качальщика, превратилась в форшмак из конского и человеческого мяса. Но посреди этого кошмара в окружении четверых испуганных солдат возвышалось почти целое кожаное сиденье и кусок задней рессоры. Остальные части кареты выглядели так, будто ее перемололи в мясорубке. Среди щепок и тлеющей горы гусяного пуха, выставив кадык, лежал труп Желтого дикаря. Точнее, верхняя половина трупа. Под потеками охряной краски на щеке убитого проступала самая обычная кожа. Это иллюзии, прикрыв глаза, повторял себе Коваль. Сплошные иллюзии, атрибуты воинской чести, никакого волшебства нет!

— Ты пришел, Проснувшийся демон...

Человек в карете улыбнулся Артуру одними губами. Он должен был очень страдать. Ниже левого колена, прорвав кожу, выступал обломок кости, белая свободная хламида превратилась в грязную бахромку. Один острый осколок торчал у человека из плеча, другой распорол лоб.

Но Качальщик улыбался. Его длинные седые волосы были заплетены в безукоризненные тонкие косички. Возраст колдуна Артур бы затруднился определить, он вообще не мог сконцентрироваться на его внешности. Черты лица человека в белом будто ускользали, расплывались, стоило на секунду задержать взгляд. Четверо бугаев с ружьями нестройно читали молитвы, не решались подбираться ближе пяти метров; один держал перед собой в вытянутой руке распятие.

— Я не демон, — сказал Коваль.

Внезапно он увидел круг радиусом метра полтора, о котором говорил Серго. Внутри круга не упал ни один снаряд; даже несмотря на ранения, человек на сиденье кареты выглядел, словно спустился в ад с небес.

— Но ты проснулся.— Голос Качальщика звучал, как шепот осенних листьев.— И не бойшься магии земли. Помоги мне. Ведь ты пришел, чтобы мне помочь?

— Не подходи к нему, дружище! — истерически выкрикнул за спиной боец с распятием.— Он выпьет твою память, он найдет на тебя язву!

Остальные держали побелевшие пальцы на спусковых крючках. Стук топоров у дороги затих. Коваль обернулся. Десятки застывших лиц, видимых отсюда, с холма, как размытые пятнышки, следили за ним. Где-то там был улыбающийся Христофор.

— Ты прошел в круг, а меня боишься, Проснувшийся демон? — вновь улыбнулся обладатель африканских косичек.— У меня нет оружия, а вас — пятеро. Если ты мне не поможешь, я умру.— Качальщик левой рукой приподнял обрывки одеяния, и Коваль увидел еще одну страшную рану на правом боку, заткнутую пучками травы.— Ты хочешь, чтобы я умер, старшина?

— Я не дам тебе умереть,— решил Артур,— если ты дашь клятву, что поможешь мне!

— Точнее, не тебе, а мамочке, так? — Смех Качальщика прозвучал печально и тихо, но Коваль почувствовал, как колени снова становятся ватными.— Конечно, я спасу ее. Ведь я не меньше твоего желаю ей долгой жизни.

— Мое дело — довезти ее живой до Москвы! — не согласился Артур, потихоньку приближаясь к кругу.— Дальше меня не касается. Теперь я понял! Это ты затеял побоище. Посмотри, мерзавец, сколько людей погибло по твоей прихоти!

— «Прихоти»? — вполне искренне удивился человек в белом.— Этому сброду были нужны ваши никчемные товары, а девок бы они насильовали и держали впроголодь. В лучшем случае, родилось бы двое-трое детей, и те погибли бы от гнуса и лихорадки.

— Это ты наслал драконов?!

— Ну конечно! — нисколько не смутившись, отозвался Качальщик.— Меня интересуют только мамы. Вашему бестолковому Рубенсу не раз и не два предлагали вдвое больше золота, чем вы получите в Москве, и, заметь, без людских потерь. Я охотно поболтаю с тобой попозже, а теперь помоги мне встать. Иначе мне наступит конец и твоя девица умрет!

Коваль шагнул в круг, наклонился и сделал попытку взять Качальщика на руки. Он «нелюдя» пахло на редкость приятно, сухим сеном и цветочным чаем, совсем не так, как от немытых солдат. Сзади щелкнул затвор, охранники испустили одновременный сдавленный стон. Но ничего ужасного не произошло. Качальщик оказался легким и горячим.

— Не надо меня нести,— почти приказал он.— Просто помоги мне достать ногами землю и отгоняй этих насекомых...

Раненый небрежно махнул головой в сторону солдат и с видимым наслаждением погрузил ступни в сырую траву. Артур примостился рядом, придерживая Качальщика за плечи.

— Солдат, позови сюда лекаря и носилки. Скажи Маршалу, что здесь открытый перелом и рваная рана в подвздошной области... Впрочем, ты не запомнишь. Пусть захватит все, что есть.

— Будет сделано! — Бойцу не терпелось смыться с места происшествия.

— погоди! Передай Рокотову, чтобы маму, ту, что не дышит, тоже срочно сюда! Срочно!

— Ты делаешь успехи, Проснувшийся!

Качальщик разогрелся, как маленькая доменная печка. Несмотря на крохотный рост и потерю крови, он с удивительной силой цеплялся за Артура обеими руками. От каравана уже бежали подручные Чарли с девушкой на носилках. Артур на минутку отвлекся, а когда вновь повернулся к Качальщику, не поверил своим глазам.

Трава вокруг босых ног волшебника скукожилась и осыпалась пеплом. Кривой осколок снаряда, торчавший из плеча, исчез; рваная дыра на лбу также затянулась новой розовой кожей. Качальщик уже не держался за Артура, он скатился с сиденья, упал на бок и прижимал обе ладони к земле. Там, где легли его ладони, влажная почва трескалась, превращаясь в поверхность иссушенной зноем степи. Острые лопатки трепыхались под хламидой, как зачаточные крылья. От всего маленького тела колдуна шел настолько нестерпимый жар, что солдаты с ружьями попятились, отворачивая лица.

— Клянусь святой Ксенией, мир ее праху! — прошептал доктор, выпуская из рук металлический чемодан со своими инструментами.

Коваль кинул взгляд на Надю Ван Гог. Этот идиотизм с новыми фамилиями, позаимствованными с полотен мастеров, начал его доставать. Девушка выглядела хуже некуда. Бледный оттенок ее кожи сменился на синюшность, волосы прилипли к потному лбу. Комар и Лось мягко опустили носилки в десятке шагов, не решаясь подойти ближе. В их глазах плескался первобытный ужас. Если сейчас кто-нибудь из этих идиотов выстрелит, маме наступит капец, подумал Коваль. Выход только один. Он с хозяйским видом достал из кобуры свой пистолет и приставил к затылку распластавшегося на земле Качальщика.

— Вы все! Уберите ружья и отправляйтесь работать. Сержант скажет, что вам делать. Доктор, ближе ко мне! Лось, Комар, нечего пялиться, разойдитесь на двадцать шагов и прикрывайте нас. А ты!

Коваль схватил колдуна за шкурку и чуть не завопил от боли; на ладони моментально вспухли волдыри. Но он превозмог себя и, взяв под мышки, рывком поднял Качальщика на ноги. Тот болтался, как сломан-

ная марионетка, а на том месте, где он только что лежал, почва спеклась коричневой коркой, точно под действием напалма. Одежда на раненом «арестанте» полностью выгорела, но раненым он уже не был, скорее пребывал в подобии шаманского транса. Обнажилась худая мускулистая спина. Чудовищный порез справа, под солнечным сплетением, практически зарубцевался, малая берцовая кость непостижимым образом вернулась на место, раздувшаяся лиловая икра опала на глазах.

— Если ты немедленно не займешься женщиной, я тебя пристрелю! — пообещал Артур.— Я вытащил твою поганую задницу из круга, иначе бы ее давно нашпиговали дробью. Действуй, или я стреляю!

Предоставленный сам себе, Качальщик опять мягко сложился, точно из него вынули все кости. Коваль уже хотел пнуть его в бок или приказать облить водой, как вдруг чародей очнулся:

— Принесите ее мне. Сюда, под руки. И не угрожай мне смертью, демон.

Потом они сидели с лекарем в сторонке и ждали, вдыхая воздух через рот. Вокруг все настолько пропиталось запахом горелой плоти, что Артуру казалось невозможным хоть когда-нибудь отмыться. Он вспомнил бойцов, заживо сгоревших в башне вагона, и новая волна ненависти к голому придурку поднялась в груди. Качальщик, точно услышав чужие мысли, отвернул на секунду лицо от лежащей перед ним мамы и взглянул Артуру в глаза. Впервые он сознательно не прятал свою внешность, а словно вызывал противника на дуэль. Маршал сгорбился, прикрываясь руками, но старшине охраны не пристало бояться лесных знахарей!

Коваль отважно встретил взгляд прозрачных, как слеза, студенистых зрачков и почувствовал, будто его мозг включили в розетку. Пистолет в руке вдруг стал невероятно тяжелым, сердце застучало быстрее, затем замедлилось, вызвав по всему телу волну холодного пота.

— Она будет жить, демон. Еще раз говорю: не пытайся угрожать мне смертью, даже мысленно. Ты не рад, что она будет жить?

— Я рад, что коммуна не потеряет деньги.

— Если тебе нравится врать мне, я не могу это запретить... — Шелестящая музыка неторопливой речи колдуна струилась, как змея между мшистых камней... — Но не ври себе, Проснувшийся. Я слышу, о чем ты думаешь. Ты думаешь о том, что девчонка похожа на твою бывшую женщину, которую ты убил...

— Заткнись, подонок! — прошипел Коваль. Подняться не было сил.

— Ты думаешь, что хитрее всех остальных. Думаешь, что разгадал ее план, этой дочурки Рубенса.—Длинные бледные пальцы Качальщика плавали в сантиметре от тела неподвижно лежащей мамы, но зрачки его дрожали в унисон со зрачками Коваля.— Ты полагаешь, что доста-

точно войти в магический круг, и тебе, простофиле, не умеющему держать в руках оружие, доверят охрану? Папа Рубенс большой зазнайка и самодур, но он не идиот. Знаешь, с кем он поговорил первым делом, после того как докторица принесла ему твои анализы? С моим братом. Он послал голубя моему брату. В письме было сказано, что в Эрмитаж пришел чистый, совсем чистый человек из прошлого, о котором предупреждали Те, кто раскачивает. Ты не просто производитель. Есть надежда, что твои дети, поголовно, станут папами и мамами...

— Стало быть, я — живая легенда? — Артур вдруг заметил, что лекарь давно и крепко спит, а охранники отошли слишком далеко и ничего не слышат.

— Не перебивай! — слегка рассердился Качальщик. — Этому индюку Рубенсу мы предложили за тебя столько, что папа любой другой коммуны согласился бы не рассуждая. Но он уперся. Вместо того чтобы отдать человека, который пришел к нему случайно, папаша придумывает сотни способов, как тебя возвысить. Разве я не прав, демон? Наверняка музейщики предлагали тебе самые теплые местечки? И тут некстати подвернулся караван в Москву. Насколько мне известно, тебя готовы были посадить под арест, лишь бы ты не сбежал в другую банду. По мне, так все они одинаковы, вымирающее бездарное племя... Но в последний момент Рубенс испугался на тебя давить. Он испугался, что ты сбежишь или, того хуже, сбежишь в Москве. Он придумал для тебя все мыслимые сладкие должности...

Коваль чувствовал себя абсолютно раздавленным.

— Не переживай так сильно, ты действительно проявил храбрость в бою. В вашем караване есть трое, которые слышат меня, и я слышу их, особенно мальчишку. Это он подсказал дочери Рубенса возвысить тебя до старшины. Это большая честь по их понятиям, можешь гордиться. Девчонка обрадовалась, что таким образом может угодить отцу. Потому что, как они считают, теперь Кузнец никуда не убежит. Не обманивай себя, Проснувшийся. Ты потеряешь власть при первой же ошибке. Чтобы казнить неугодных, надо быть членом их дурацкого Совета...

— А ты-то что хочешь? Зачем ты напустил змеев?

— А мы хотим с тобой одного и того же, демон.

Качальщик показал верхний ряд зубов, общее выражение его лица по-прежнему ускользало от собеседника. Зато Коваль увидел другое.

Уже не маленький пятачок, а здоровенный круг обугленной земли, метров шесть в диаметре, окружал чародея и Надю Ван Гог. Все, что валялось в траве, в пределах круга — мертвые дикари, лошади, сбруя, — словно расплавилось, как сало на сковороде. Книжник Лева рассказывал Ковалю о таких выжженных пятнах, их называли «плевками

Сатаны». Артур обернулся к дороге. Солдаты закончили разборку завала, возницы впрягали лошадей, трактор волок по обочине прицеп с пушкой. Человек тридцать, не отрываясь, следили за манипуляциями Качальщика.

— Мы хотим одного,— повторил волшебник.— Только я не вру себе. А ты врешь. Я хочу получить женщин, и ты хочешь получить женщину, именно эту. Ты просто об этом не задумывался, но я слышу тебя. Она напоминает тебе... Ладно, не буду! — Он мягким движением погладил волосы девушке.— Твоя натура не воспринимает, как это может быть, чтобы женщин продавали на племя. Как это может быть, что женщина не принадлежит тебе безраздельно. А у питерских музейщиков, поверь мне, еще весьма мягкие взгляды в данном вопросе. Женщин не хватает, в большинстве банд их вообще ни о чем не спрашивают. Я слышу тебя, демон. Ты растерян, ты в панике. Ты не можешь поверить, что отношения вернулись к своим естественным началам. Если мы не поможем друг другу, ты обречен. О каких железных дорогах идет речь? Где вы возьмете чугун? Ты видел, что стало с рельсами? В лучшем случае, ты получишь у них двойную порцию свеклы и станешь хряком-производителем.

— Скажи мне честно... — Артур замялся.— Вы люди или нет?

— Такие же, как ты, и совсем другие. Но не путай Тех, кто раскачивает Землю, с презренными бандами колдунов, пожирателями поганок. Мой дед родился на Вечном пожарище, слышал о таких?

— Ты предлагаешь мне предательство, Качальщик?

— Я предлагаю тебе идти с теми, кто тебя ждал. Ты не найдешь в Москве тех, кого надеешься оживить.

— Откуда ты знаешь, зачем я иду в Москву?! — У Артура по спине поползли мурашки.

Надя Ван Гог открыла глаза. Секунду девушка лежала, ничего не соображая, затем согнулась пополам в припадке рвоты. Словно разбуженный ее кашлем, очнулся лекарь, попытался вскочить на ноги и тут же отпрянул назад. Подошвы его ботинок дымились. Качальщик и мамочка словно находились в эпицентре взрыва, куда никто не мог проникнуть.

— Мой дед родился на Вечном пожарище в те времена,— Качальщик легко разогнулся, повязал вокруг бедер остатки хламиды,— когда земля на пожарище еще светилась по ночам. Он был из первых, кто научился раскачивать, из первых, кто составлял Книгу. Он сказал, что Проснувшийся демон будет один. Мой дед, мир праху его, никогда не ошибался. Ты один, Артур Кузнец. Мама будет жить. А теперь можешь связать мне руки. Насекомые побоятся ко мне подойти. И помни — ты обещал мне жизнь.

15

РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ

...Меньше всего я хочу предстать старым пердуном, который обо всем догадался заранее. Никто не представлял, чем все закончится, даже деятели в Кремле, что делили прибыль от нашей смерти. Но, как всегда, интересы государства оказались у нас в стране выше интересов личности. Разве в России когда-нибудь было иначе? Если кто-то доберется до моих записок, это еще не будет означать, что болезнь отступила. Но когда она действительно отступит, тогда на обломках нашей мудрой власти появится совсем новое общество. Я надеюсь, ничего общего с тем, что сегодня, и сам смеюсь над своими надеждами. Все повторяется...

Слишком пафосно вышло, не правда ли? Но вполне простительно для человека, который знает, сколько ему осталось. Очень вас прошу — внимательно прочитайте эти строки. Так и хочется выкрикнуть: будьте бдительны! Но это не мои слова, да и призыв бесполезный. Мы никогда не научимся бдительности, наш народ слишком доверчив. Те, кто наверху, они еще лет двести бы заставляли нас ходить строем, окажись среди них хотя бы парочка толковых экономистов. Но они срезали все мясо, а мы по вечерам, на кухнях, грызли бесконечные мослы под названием «русская духовность». Очень удобное питание; тратишь уйму усилий, дабы не помереть с голоду, но отвлекает от мыслей о мясе...

Возможно, одно из самых больших заблуждений — это нелепая вера в тех, кого мы «выбрали» нами руководить. Не дайте себя обмануть тем, кто говорит, что лучше вас знает, что вам нужно. Мы дали себя обмануть в очередной раз. Наш великий народ в очередной раз сам себя засунул в петлю, а потом удивился, почему государство не хочет ему компенсировать потери. Мы так любим все получать на халяву. Только на сей раз все гораздо хуже. Дело не ограничилось Россией.

Последние месяцы я много прочел о ВИЧ и сделал несколько любопытных выводов. Собственно, я начал читать, только когда дело коснулось меня лично.

Вот вам первый вывод. Маленький человек считает, что он вправе думать только о себе, потому что обо всех нас позаботятся те, кто наверху. Это не так. Без комментариев.

Второе. Если у вас под окнами раз в месяц зарежут человека, вы начнете паниковать. Если убийства будут происходить раз в неделю, вы начнете пользоваться другим выходом, и приобретете пистолет.

А если трупы начнут находить ежедневно, вы станете спокойно перешагивать через них, спеша с утра на работу. Мы привыкли к ВИЧ-инфекции, и она перестала быть модным словечком дня. Немножко выросли продажи презервативов. Немножко чаще наркоманы стали покупать новые шприцы. Это все. СПИД растворился в рекламных роликах, как мода на атипичную пневмонию, зеленую лихорадку и птичье бешенство. Проблемы технотронного террора, аэрозольные наркотики и прочие щекочущие темы поставили СПИД в один ряд с раком и инфарктом. Конечно, от болезней сердца умирает гораздо больше людей, но когда в медицине описан инфаркт, а когда появилась эта новая напасть!

Итак, мы привыкли.

Третье и последнее. Я устал драться за науку. Они говорят, эти великие государственные мужи: что вы суетитесь? По всему миру происходит миграция ученых, это нормальный процесс!

Я не возражаю. Пусть уезжают, раз это нормально. Мы живем вроде бы в свободной стране. Тогда, говорю я, дайте нам те десять миллионов, которые вы собираетесь отдать за рубеж! Мы сделаем вакцину лучше и дешевле! Ведь те люди, которым вы платите за границей, опираются на труд моих же учеников!

Спорить с ними бесполезно. Они нанимают инофирмы для ремонта Кремля. Турки строят нам дома, итальянцы копают метро, а украинцы мостят дороги. Немцы снабжают нас материалом для зубных коронок, а финны продают нам бумагу. Это называется вход в рынок, это называется интеграция. Я спрашиваю, почему мы финансировали сто миллионов доз, завезенных из-за океана, а не построили на эти деньги новейший центр по борьбе с вирусом? Те люди, что доят страну десятилетиями, опять распорядились иначе. Им, как всегда, было наплевать, что несчастная дойная корова уже еле стоит на ногах. Им нужна международная суета, «круглые столы» и вечный «откат» в их безразмерные карманы. На эти деньги мы могли бы испытать десятки вариантов вакцины.

Возможно, я неправ, и в стране уже не осталось умов, способных одолеть проблему. Сейчас, когда подо мной трясется пол, а по улицам грохочут танки, поздно рассуждать. Но еще пять лет назад можно было спасти положение, и я об этом кричал на всех углах. Не я один, нас были сотни, и не только в России. Но кто услышит сотню старых дураков, когда страну ждет великое будущее? Ее всегда ждет великое будущее, потому что у нее великое прошлое. Жаль, что настоящее подкачало. Сегодня гремят фанфары, потому что дядя Сэм снимает торговые ограничения, великая страна входит в еврозону, получает кучу привилегий, которые никто из нас не заметит! А от России все-

го лишь требуется не упрямиться и подписать несколько долговременных пакетов!

Мы покупаем у них ферментированную курятину и униженно просим приобрести у нас немножко стали. Мы радуемся, что их «Шаттл» застрял на орбите Марса, поскольку это даст нам парочку мелких заказов на производство устаревших носителей. От Карелии до Камчатки мы развлекаем подростков и старух их телешоу, но держим на голодном пайке десятки молодых режиссеров. Они уже воротят нос от нашей нефти, но Министерство здравоохранения — с помпой! Как всенародный праздник! — объявляет о том, что мы должны купить сто миллионов доз. Для начала. А затем еще четыреста миллионов — для проведения полного курса. Потому что в России нет, видите ли, достаточных мощностей для такого производства. Потому что если не купить сегодня, то завтра будет поздно. Гениальная уловка коммивояжеров, в лучших традициях героев О'Генри!

Нас никто не собирался травить. Поверила не только Россия, поверил весь мир. Ведь испытания прошли успешно, это подтвердили ведущие медики. Весь мир увидел больных, вернувшихся к жизни. За три года были получены две Нобелевские в разделе медицины, и все в связи с победой над СПИДом. А какая атака началась на моих коллег, которые рискнули заявить, что имеются собственные разработки, ничем не хуже. Только дайте нам немного денег на оборудование, на клинические исследования, говорили они. Нам достаточно одной десятой, нет, одной двадцатой от тех сумм, что пойдут за океан и на всеобщую вакцинацию...

Их практически заклевали. Что показывали пять лет назад по телевизору, между рекламой музыкального унитаза и предложениями индивидуальных телешоу? Показывали, как счастливая голая парочка выбрасывает в окно презерватив и кидается в постель под недремлющим оком веселой медсестры с инъектором в руке! СПИД побежден, четыре укола, и вечный иммунитет гарантирован. Пять лет им казались вечностью.

Если после пожаров, которые неминуемо начнутся, выстоит библиотека, то попрошу обратить внимание на мои статьи в «Аргументах», «Красном Кресте» и «Ведомостях». Мои статьи легко обнаружить по той реакции, которую они вызвали: «Господин Профессор отказывает в жизни восьми миллионам инфицированных детей!», «Почем гуманизм для избранных, доктор Телешев?»

И так далее, огромный снежный ком, целая лавина. А я всего лишь утверждал, как и многие мои коллеги, что пять лет — совершенно недостаточный срок для того, чтобы осмелиться на поголовную вакцинацию. Лечите больных в последней стадии, но не трогайте детей!

Кто нас услышал? Нас заглушил хор несчастных матерей, и они были правы. Тысячи подростков умирали ежедневно, в две тысячи двадцатом году уже никто не мог назвать точного числа инфицированных. В африканских странах вообще прекратили подсчеты... Мало того, мне указали сверху, оттуда, где распределяют наши с вами деньги. Они сказали, что это вообще не моя профильная проблема, и посоветовали дальше замораживать своих лягушек. Иначе, тонко намекнули они, можно ведь повернуть дело и так, что на опыты с анабиозом не хватит средств в бюджете. И я вышел из игры. Те, кому надо, знали, что мы давно ушли от лягушек и получили неплохие результаты на добровольцах. Теперь я уже не боюсь сглазить, потому что для меня все закончено, я могу с гордостью сказать — результаты потрясающие! При этом никому не интересно, что кандидаты наук поочередно моют полы в отделе, потому что за подобную зарплату у нас больше месяца не задерживается ни одна техничка.

Прошло четыре года, и наркоманы вернулись к многократным уколам. Грандиозный успех вакцины, ничего не скажешь! От гепатита, правда, она не защищала, как и от венерических инфекций. А еще спустя три месяца начался этот кошмар. Оказалось, что вирус никуда не исчез, а перешел на четыре года в латентную форму и приобрел устрашающие свойства. Теперь новые штаммы не разрушались во вредных для них средах организма, а устойчиво диффундировали в слюнные железы. ВИЧ стал воздушно-капельной инфекцией, и мы никогда не узнаем, какую роль сыграла в этом пресловутая вакцина. Но я уверен, что она спровоцировала коллапс, она подтолкнула вирус к изменениям. Когда опасность заметили и оценили, начался такой хаос, который вам не представить. Инкубационный период сократился до трех месяцев. Прежний вирус был гораздо лояльнее. Думаю, вас окажется слишком мало, чтобы вообразить, как сотни тысяч людей штурмуют больницы в поисках спасения. И такие же толпы пытаются вырваться из города; у кого имеется загородная недвижимость, те надеялись отсидеться. Только отсидеться не получается. В отличие от старого доброго ВИЧ новая зараза чрезвычайно устойчива. Она сохраняется в воздухе и воде неопределенное время. Наверняка существует способ обеззараживания, но некому этим заняться.

Нельзя сказать, что американцы подкачали. Они в ускоренном темпе начали производство новых вариантов вакцины, и на сей раз раздали ее безвозмездно. Один вариант, другой и третий. Но стоило им блокировать один штамм, как появлялся следующий. Также бесплатно они поставляли миру респираторы и противогазы. Аналогичные акции начались и в других странах. К слову сказать, у нас эти абсолютно бесплатные подарки внезапно обрели стоимость. Небольшую, но

все-таки... Люди, которые знают, что нам нужно, ухитрились сделать так, что гуманитарную помощь продают на каждом углу. Они извлекают деньги даже из нашей смерти. Впрочем, на смерти делать деньги порой легче всего...

Слишком поздно. Я валюсь с ног. Нужно колоться шесть раз в сутки, строго по часам, приходится вставать ночью. Вакцина ненадолго блокирует вирус, но все мы медленно умираем. Кто забыл сделать хотя бы один укол — умирает быстро. Вчера я был наверху, жуткое зрелище. Ваши дети, если они родятся, никогда не узнают, как прекрасен был этот город белыми ночами. Они увидят лишь то, что от него осталось. Красный Крест не успевает собирать трупы. Без противогаза на улицах появляться нельзя, могут забить камнями. Примут за бешеного, из тех, кто хочет утащить за собой в могилу побольше народу. При мне люди дрались у больницы, стенка на стенку, милиция не вмешивается. Последние месяцы милиция занята исключительно защитой себя. Люди превращаются в зверей. Некоторым кажется, что, если попеременно принимать старую и новую вакцину, можно остановить заразу, но старых ампул почти не достать. Аптеки разграблены. На моих глазах убили женщину-фармацевта, которая отказалась пустить грабителей в склад. Я хотел отоварить карточки на хлеб и четыре часа простоял в очереди. Так и не дождался. Еду раздают армейские полевые кухни. После того как ввели комендантский час, на улицах стало спокойнее, но подростки подкарауливают стариков, получивших свою порцию консервов. Все время стреляют. Пьяные офицеры гоняют с девками на джипах, а солдаты стреляли по женщинам. Армию пустили в город, и теперь никто не знает, как городу от нее защититься. Целая толпа женщин отправилась к продовольственным складам. Впереди шли священники с иконами. Прошел слух, что на Бадаевских складах прячут муку. Когда я пришел отоварить свои мучные талоны, трупы кидали в грузовики. Впоевалку, как засохшие новогодние елки. Именно тогда, стоя среди розовых от крови сугробов, я понял: это конец.

В город вошла Восьмая бронетанковая дивизия, страшное дело. Им приказано поддерживать порядок. Кто осуществляет власть, не совсем понятно. Губернатора никто давно не видел. Из продовольственных магазинов вынесли все, даже соль, метро не работает. Таксисты не останавливаются, мне с трудом удалось поймать машину. Деньги водителя не интересовали, только еда. Деньги — это такие бумажки, на которые можно было поменять любой товар. Хорошо, что у меня с собой была сушеная рыба, Денисов привез. Денисов снабжает меня водой. Он и Мирзоян нашли источник, там собирается не так много народу по ночам и стоит военный патруль, так что драк почти не слу-

чается. В одни руки разрешено наливать двадцать литров, не больше, но и то замечательно. В городе могут появиться серьезные инфекции, в некоторых районах не действует канализация. Денисов говорил с танкистами. Они утверждают, что есть места, где люди ходят без масок и почти нет заразных. Какие-то деревни под Псковом, куда не доехала вакцина. Вполне вероятно, что заразились не все, но проверить это невозможно. Остается уповать на наше бездорожье; глухие деревни выживут, но в кого превратятся их обитатели? Выезд из города закрыт, поезда стоят. Денисов пытался проехать на велосипеде, но везде солдаты с собаками и стреляют в воздух.

Молодежь насильно забирают на уборку трупов. Им выдают скафандры и двойной армейский паек. Бригады вскрывают квартиры, а затем ставят на дверях кресты, если жильцов не осталось. Денисов говорит, что не мог есть свой паек после кладбища... Это не кладбище, а братская могила. Это конец. Осталось два телевизионных канала, но нам не показывают, что происходит в мире. Ходят слухи, что Останкино под контролем силовиков. Показывают одни старые фильмы и эстраду. Вечный праздник. Они опять решают за нас, что мы хотим смотреть и слушать. Полгода тому назад главный эпидемиолог Москвы предлагала проверить детские учреждения и вывезти всех здоровых детей в лагерь. Вместо этого столичный мэр устроил парад воздушных шаров. Очень красивое зрелище.

Удивительно, но электричества нам пока хватает. Благодаря нашему закрытому статусу институт запитан отдельным защищенным кабелем. Весь квартал вокруг стоит без света, а мы греемся у рефлекторов. Я стараюсь не покидать подвал, все время находится какая-то работа. Мирзоян слышал разговоры военных. Атомную электростанцию решено заглушить, но нас как военный объект это никак не коснется. Энергия будет поступать...

Теперь о главном. Слева по коридору титановая дверь. Это называется «камера анабиоза», но вам название ничего не скажет. В первой капсуле спит человек, наш сотрудник. Артур Коваль. Для того чтобы его оживить, достаточно нажать кнопку или опустить рычаг на пульте. Пройдет три часа, и он проснется. После пробуждения, если все пройдет нормально, надо достать из-под пульта бикс. Там витамины в порошках и инструкция. Человек будет нуждаться в этих порошках. Я хочу сказать... Если Артур выживет, значит, институт работал не зря. Хотя вам этого не понять.

Я виноват перед тобой, Артур. Очень виноват.

Ты ведь помнишь, как мы все были против — и научный совет, и кафе-дра. Все были против этого безумного плана — загрузиться на двадцать лет. Я пытался тебе помочь, хотя никогда не стал бы так поступать

из-за женщины. Ты сделал для нее все, что мог, ты бегал вечерами на вторую работу, ты брал переводы. Еще раз повторюсь — ты ни в чем не виноват, парень. Я не отец тебе, но теперь мне простительно высказаться, потому что все позади, и я помню тебя и твою девочку студентами. В молодости хочется брать от жизни все, я сам был таким. Однако если ты проснешься среди людей, вспомни мои слова. Семья — это гавань, а не океан, хотя в океане, вне сомнения, много интереснее...

На совете возникло множество трудностей. Никто не хотел верить, что человек добровольно согласился уйти в капсулу на двадцать лет. Ты об этом не знаешь, но Ракитский назначал две психиатрические экспертизы под видом штатного обследования. Они пытались найти причину твоего поступка и не находили. До чего мы дошли, раз не верим в то, что кто-то может пожертвовать собой ради других! В этом вся беда. Те, кто решает за нас, не верят в героизм. Они боятся, что мы вдруг можем поверить. Этого они не допустят. Верить, с их точки зрения, можно только в интерес. В «откаты»...

Поэтому, Артур, я и прошу у тебя прощения. Я обманул и тебя, и Толика, и Сашу, и всех остальных ребят. Никто бы никогда не дал разрешения на такой эксперимент. Двадцать лет. Мне пришлось пойти на большие хитрости. Для всех, кроме пятого отдела,

Первая капсула считается аварийной. Мы ежедневно, все эти годы, отслеживали, как у тебя дела. Мы не прикасаемся к твоему столу и шкафчику с одеждой. Но я виноват перед тобой дважды. А может быть, ты еще скажешь мне спасибо, если проснешься. Потому что неделю назад я перепрограммировал капсулу. После того как умерла Лена Красовецкая. После того как стало ясно, что она заразилась и наградила нас всех. Кроме меня, знает Толик Денисов. Теперь он совсем не тот Толик, с которым ты учился на одном курсе. Возможно, ты не узнал бы в лысом толстяке, отце двоих детей, своего закадычного дружка. Прошло девятнадцать лет. Денисов давно ушел от нас преподавать, но в этом месяце он вернулся. Ему просто некуда стало идти. Толик похоронил всех домашних, похоронил всех друзей на кафедре в Университете. Он пришел ко мне с собачкой на руках. После нас остаются собаки и кошки...

Денисов очень помог. Честно говоря, была у меня мыслишка и самому замерзнуть лет на двадцать. Чего скрывать, надежда-то всегда остается. А вдруг спустя двадцать лет наши друзья за океаном нащупают ту самую спасительную вакцину? Нет, конечно, нет. Некому искать лекарство, за океаном тоже все кончено. И сердце не выдержит погружения. Денисов запустил ветряки. Толик провел колоссальную работу, хотя ноги его держали все хуже. Последний день Толик кололся восемь раз за сутки... Я перепрограммировал капсулу на двести лет

сохранения. Когда упадет напряжение в городской сети, включатся наши дизеля. Затем питание камеры будет осуществляться от ветряков. Если и они сдохнут, заряда батарей хватит на расконсервацию... Артур, все данные говорят о том, что организм сохранится и сто, и двести лет в капсуле.

Конечно, лучше бы ты «залег в берлогу» на десять лет позже, потому что в Штатах появились новые криопротекторы, дающие гарантию стопроцентной однородности при охлаждении. Четвертая серия, что заменила твою кровь, безнадежно устарела. Но ткани растрескаться не должны, и давление капсула держит превосходно. Относительно мозга ничего определенного сказать не могу, огромный срок. Прежние трудности с памятью наверняка будут иметь место. В любом случае, при повышении температуры на полградуса схема циркуляции реагента сама начнет вырабатывать энергию. Эту гениальную разработку, новый тип аккумулятора, Денисов принес из военного института, где преподавал. Вроде бы мы предусмотрели все. Но не только это.

Артур, я послал Мирзояна в Москву. Через друзей в комендатуре он выбил себе пропуск. Тех, кто не является носителем, военные берут к себе в самолет. Нам понадобились все связи, чтобы отплатить Алика. Две недели назад я говорил по спецсвязи с Ракитским, сотовые операторы давно отключились. У них, в НИИ холода, лежали на тот момент в капсулах пятеро. Две супружеские пары, по семь лет каждая, и еще один мужик, ты его должен помнить аспирантом — Антонов. Он испытывает новую, «сухую», капсулу. Сухую капсулу предложили швейцарцы, уже после тебя. Якобы есть любопытные данные для онкологов. Теперь уже неважно. Важно другое.

Пришлось сказать Ракитскому о тебе, он выслушал почти спокойно. Мне кажется, я убедил его не будить этих пятерых. Кроме того, я просил его найти Патрика, созвониться с Берном. Мирзоян получил от нас с Денисовым все инструкции по сборке батарей и комплектующие. Беда в том, что связь пропала окончательно. Я не знаю, успел ли Алик перепрограммировать капсулы.

Наверное, я не имел права так поступать с тобой. Возможно, ты проснешься последним человеком, не затронутым вирусом. Но если спустя двести лет чудо произойдет, на всякий случай не забывай о пятерых в столице. И еще. Если ты встретишь женщину, которая будет ждать тебя дома и не будет ждать, когда ты отвезешь ее на курорт, вспомни мои слова.

Дамы и господа! Тем, кто найдет эти записки. Если человек в первой капсуле погиб, запишите координаты в Москве, Берне, Ганновере и Париже. Там находятся аналогичные лаборатории, но самая передовая база — в американском Институте крионики...

16

КАК ТРУДНО СТАТЬ ЧЕКИСТОМ

Ниже твердым почерком Телешева были указаны адреса и нарисованы подробные схемы проезда. Дальше текст повторялся на английском и немецком языках. С обратной стороны журнала страниц сорок занимали распечатки с результатами опытов, которые Коваль прочел раньше. Сухие цифры и графики, для непосвященного бы показавшиеся полной абракадаброй. Коваль вырвал листок с адресами. Он и сам не знал, почему не показал журнал папе Рубенсу. Что-то его остановило.

Пять человек. Две супружеские пары, что вполне естественно, и какой-то Антонов, которого он должен знать. Наверное, такой же неудачник. Или, напротив, счастливчик. Улегся и проспал всю гражданскую войну... Шанс, что они живы, ничтожен. Тем не менее он обязан без помощи всяких там пап и мам добраться до НИИ. Чтобы у Рубенса не возникло ненароком мыслишки, будто все пятеро станут его пожизненными вассалами. Если они не погибли раньше, сказал себе Артур, я сам их вытащу. Московский институт я помню. «А что ты будешь делать, если они разморозились? — спросил его ехидный голосок. — Оседлаешь коня и поскачешь в Швейцарию или в Германию? В самолет тебя никто не посадит, это точно. Или вырежешь из бревна весла и поплывешь через океан? Там не пять, в Америке все пятнадцать капсул...»

Он сидел, кутаясь в тулупчик, и воспаленными от дыма глазами следил за проплывающей цепочкой костров. Караван шел не останавливаясь и не сбиваясь с ритма. За последним фургоном, привязанные за шеи цепями, шипели и плевались в пыли два крылатых змея. Рептилии ни черта не видели в темноте, спотыкались, но неумолимые цепи волокли их за караваном. Изредка кто-нибудь из крылатых пытался плюнуть огнем, но на бегу это плохо получалось. Сидящий на платформе грузовика охранник по приказу Ковалья хлестал змея бичом, приучая к хорошим манерам. Не дожидаясь удара, твари принимались верещать, припадали на лапы, как побитые собаки. Солдаты хохотали. Именно этого Коваль и добивался — чтобы люди перестали бояться. За спиной костры разгорались, превращаясь потихоньку в неровную алую просеку. Даляр покуривал рядом, баюкая на плече автомат. Когда мы пойдем назад, подумал Коваль, ни одна сволочь не подберется к нам незаметно. Я превращу эти заросли в степь. Я буду их жечь до тех пор, пока на километр от дороги не останется ни единой травинки.

И мы дойдем до Москвы. Если дружки Качальщика попробуют нас остановить, я прикажу казнить его и повешу вверх ногами на стреле крана. А в Москве я найду Институт холода.

Это эгоизм, но человеку очень плохо, когда он один.

Коваль не мог отделаться от мысли о капсулах в столичном институте. А еще он вспоминал эту девчушку, Надю Ван Гог. Интересно, какая на самом деле у нее должна была быть фамилия? Она и вправду похожа на Наталью. Она такая, какой Наташка была в ее возрасте, лет в семнадцать. И взгляд, и жесты удивительно, до боли, напоминают обо всем. Пользуясь нынешним статусом, Артур имел право навестить мамочек, — двойная золоченая повязка открывала ему беспрепятственный доступ в купе. С ней, черт возьми, стоило поговорить, чтобы стряхнуть наваждение! Почти наверняка она окажется недалеко, заикленной на своей исключительности дурехой. Скорее всего, не умеет читать и писать и никогда не высывала носа за пределы центра города.

Какой интерес может вызывать девица, не способная внятно связать пару фраз? Достаточно этой самой пары фраз, чтобы посмеяться над собой и над ехидными пророчествами колдуна! Так Артур твердил себе и с раздражением убеждался, что наваждение не проходит...

Общим решением девушек перевели в дилижанс к Арине и выделили одну из четырех клетей. Здесь им было не так удобно, но гораздо спокойнее под неусыпным вниманием четверых подчиненных Ковалья. Несколько раз за вечер он порывался туда отправиться осведомиться о ее здоровье. И всякий раз придумывал повод, чтобы не идти. Потому что в пятом фургоне, в железном сварном баке, куда в Москве засыплют порох, трясся седой человек в ватнике на голое тело.

Арина сказала, что Качальщика ни в коем случае нельзя подпускать к земле и даже везти его в деревянной клетке. Вокруг него должен быть металл, чтобы колдун не набрался от природных материалов новой страшной силы. Когда Коваль вел связанного врага мимо фургонов, люди расступались в стороны и отворачивали лица. Качальщик улыбался и не делал малейшей попытки сбежать.

Теперь Коваль был вынужден сам носить злодею воду, потому что от еды старик отказался. И снова он лишь молча улыбался своему тюремщику из мрака железной темницы. Только один раз, когда Коваль предложил ему выйти и размять ноги среди тюков с товарами, Качальщик тихо спросил:

— Ты не забыл мои слова, демон? Мы оба хотим одного и того же. Мы оба хотим, чтобы девчонка родила тебе детишек. Ты ведь думаешь о ней, я слышу...

Когда Коваль с грохотом захлопнул тяжелую крышку люка, пальцы его дрожали. Двое солдат, стоявших возле походного «карцера» с ружьями наизготовку, отшатнулись, увидев его лицо. Коваль в последнее время чувствовал, что рядовые бойцы и в нем самом подозревают какое-то мистическое начало. Он трижды проверил вооружение броневи-

ка, познакомился с подчиненными. Затем обстоятельно выяснил у Серго свой круг обязанностей. Второй раз в жизни сел на лошадь и, нервничая под взглядами ковбоев, объехал караван. Слава богу, удержался в седле. Затем он проверял караулы и полевую кухню. Как он уже догадался, старшина личной охраны совмещал должности начальника штаба, фискального органа и исполнителя наказаний. Последнее было малоприятно, но крайне почетно. Он становился глазами и ушами Арины. Артур дал себе слово, что не станет ни на кого «стучать», его ведь могли нарочно спровоцировать, чтобы проверить лояльность. Положение главы тайной полиции во все века было крайне двусмысленным. Либо ты подозреваешь всех, либо поплатишься за доверчивость. Самым неприятным оказался момент, когда Абашидзе познакомил его со «штатными осведомителями». Круг замыкается, тоскливо размышлял Артур, выслушивая данные о череде мелких правонарушений. Легкие наркотики, поножовщина, азартные игры... Этого лишить дневного жалованья, того отправить в наряд по кухне, а задремавшего на посту вообще полагось гнать из коммуны. Или повесить. Вот тебе и возврат к честной артели! Впрочем, кто он такой, чтобы воспитывать людей?

Старшине выдали обмундирование: пару кожаных сапог и шерстяные носки. Ему полагался теперь лишний кусок вяленого мяса и сколько-то овощей, но Коваль отдавал льготное питание в общий котел. Гораздо более приятными подарками стали автомат и метательные клинки, оставшиеся от Матроса. По возвращении старшина должен был получить четыре доли золотом от жалованья рядового бойца.

Словом, Коваль провел день и ночь в бесконечных хлопотах, не позволяя себе думать о девушке в купе. И чем чаще он приказывал себе о ней не вспоминать, тем отчетливее убеждался, что попал под действие известного синдрома «белой обезьяны» Ходжи Насреддина. Он чувствовал, что стоит дать слабину, и Качальщик возьмет над ним верх. Неизвестно как, но подчинит себе. Проезжая мимо порохового погреба, Коваль невольно втягивал голову в плечи. Пленный враг улыбался ему оттуда сквозь тройную стену из дерева и металла. Руки Артура саднили от ожогов, и мази Маршала помогали мало. Он догадывался, что старый лис с косичками мог бы вылечить его гораздо быстрее, но обращаться к демону ни капельки не хотелось.

Возможно, Качальщик врал насчет Москвы. Даже наверняка врал, чтобы запутать и запугать, чтобы Артур почувствовал себя совсем одиноким. Какие-то телепатические способности у мерзавца явно имелись. Артур никому не рассказывал об их последнем коротком разговоре. Еще когда он вел связанного демона к фургону, а люди расступались в стороны и отворачивали лица, тот внезапно осклабил и тихонько сказал:

— Три цены...

— Что «три цены»? — не понял Коваль. Он был взвинчен до предела; похоже, солдаты и ему начинали приписывать магические способности. Только этого не хватало, испугался Артур, подобные страхи закончились в свое время кострами инквизиции...

— Ты думаешь о том, как выкупить девчонку, демон! — практически не разжимая губ, нашептывал Качальщик. — Тебе и за двадцать лет не скопить столько золота. Мои братья дадут за каждую из них три цены. Слышишь, три цены! А сероглазая будет твоя, я тебе обещаю. Она будет твоя... Ты только отдашь нам первых троих детей, больше мне ничего не нужно.

— Заткнись! — Коваль еле сдерживался, чтобы не ударить полуголого старика. — Торговаться будешь не со мной!

— Только с тобой, Проснувшийся, только с тобой. Вам не пройти дальше Вечного пожарища, спроси об этом сына Красной луны. Мальчишка знает... — От смеха Качальщика в животе у Артура началось брожение. — Мне нечего обсуждать с насекомыми. Они вымрут, как вымерли остальные. Пусть несут дальше свою вонючую рыбу и меняют ее на зерно. Если ты пойдешь со мной, караван останется цел, я обещаю...

У Артура тряслись поджилки, когда он захлопнул за колдуном тяжелую крышку «карцера». Возможно, ублюдок врал насчет московской лаборатории, на которую надеялся Телешев.

Но Надя Ван Гог была чертовски похожа на Наталью.

И старшину Кузнеця чертовски тянуло ее увидеть.

И все это происходило жутко не вовремя.

17

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

С первыми лучами солнца над башней броневика Ковалья четырежды ударил колокол. Новоиспеченный старшина едва ухитрился заснуть под самое утро на постоянно скачущей жесткой койке. До этого он часа полтора лежал на спине, уставясь в темноту, и решал для себя банальнейшую дилемму. Или колдун берет «на понт», или каравану действительно грозит серьезная опасность. Перебрав все варианты, ночью Коваль пошел советоваться с Христофором. Арина спала, укутанная, как бабочка перед появлением на свет, и Маршал к ней никого не подпускал.

Христофор не удивился, он словно ждал заранее, когда его разбудят. В обычной своей иносказательной манере мальчик подтвердил, что за

пожарищем большая опасность. А может, и не опасность. Качальщика следовало убить, но нельзя этого делать. Иначе будет плохо, но хорошо. Последняя мысль потрясала своей глубиной. Трактуй, как душе угодно!

А потом прискакал Серго, весь черный от копоти, потрепал обескураженного старшину по плечу и сказал, что нет ничего необычного. Мамочек постоянно пытаются перекупить в пути, и Качальщики в том числе. Только они никогда не действуют сами, это первый случай. Ни одна питерская коммуна, если ее руководство в здравом уме, не отдаст своих женщин в лес, даже за большие деньги. Кто из москвичей с ними будет после этого торговать?

Коваль так и не понял, как ему поступить. Лично его никто не обвинял в сочувствии к лесному колдуну; в конце концов, тот спас от смерти самое ценное — не рожавшую маму. Но музейщики, похоже, не верили, что поимка Качальщика сойдет с рук. Чарли — тот вообще с Артуром почти не разговаривал, вроде как сторонился.

Колокол вторично отбил четыре удара. Коваль высунулся из люка, протирая глаза, и увидел Вечное пожарище. Открывшаяся картина настолько не походила ни на один земной пейзаж, что старшине расхотелось завтракать. Нечто, вызывающее сердцебиение и одновременно завораживающее, отголосок кибернетических фантазий и череда биологических ошибок... Никакого пожара тут не было и в помине. Угрюмая равнина пепельного цвета поросла папоротником, но не целиком, а неровными участками, словно ровесники мамонтов отваливались с поверхности почвы. Проплешины покрывал колючий серебристый мох, издавдала похожий на ковер из кривых гвоздей. Изредка встречались бугры из тесно сплетенных между собой уродливых стеблей, покрытых бледным желтоватым налетом. Артур настроил бинокль. Возможно, посреди стелющегося пятнистого покрывала, которое он вначале принял за папоротник, росли совсем новые виды деревьев. Но, присмотревшись, он узнал в скрюченных, лишенных коры стволах... березы. Во всяком случае, ни на что другое эти грибообразные создания не походили. Он долго, пока на сетчатке не начали плясать мушки, вглядывался в горизонт. Над чуждым, лишенным хлорофилла ландшафтом не вспорхнула ни одна птица. Кое-где серую равнину пронизывали узкие лощинки, похожие на звериные тропки, но ни один листик не шевелился. Тот, кто протоптал ходы, не стремился к знакомству...

На память пришли рассказы библиотекаря. Мертвые леса на юге Питера, дожди, после которых с елей опадали иголки, отработавшая в закрытых технологических циклах вода, просочившаяся в почву и реки... Коваль попытался представить местность с высоты птичьего полета.

Вечное пожарище напоминало гигантский язык, протянувшийся через Новгород, через Ильмень-озеро и дальше на восток, туда, где дол-

жен был находиться городок Барановичи. Длину «языка» оценить было невозможно, а в ширину он превышал сорок километров. Караван подошел к границе «мертвой зоны» в темноте, и Серго впервые нарушил план, предложенный Артуром. Через пожарища ночью не ходили. Никто не мог припомнить, чтобы днем здесь случалась какая-либо неприятность, никогда не нападали звери или дикари. Но бывалые путешественники передавали из уст в уста веселенькую легенду. Даляр поведал эту историю без намека на улыбку; Ковалю не хотелось верить, но в этом мире редко шутили.

На другом Вечном пожарище, что пересекало мурманскую трассу, несколько лет назад потерялся конный отряд, человек в тридцать. Дикарей в тех краях практически нет, слишком холодно зимой, и движение слабое. Люди очень торопились; по слухам, они везли в Питер что-то скоропортящееся и решили не устраивать ночлега на границе «живой» травы. Через четыре дня их вышел искать другой отряд. Нашли нетронутые грузовики. Рыба, естественно, испортилась, лед растаял, но половина протухшего груза оказалась раскиданной на дороге, словно его растаскивали вручную. Затем поймали двух лошадей под седлом, точнее, животные сами вышли к людям. Потом нашли еще одну лошадь. Она стояла в стороне, метрах в десяти от дороги, понурившись, будто спала. Отыскались смельчаки, решившиеся подобраться поближе. Когда к лошади подошли вплотную, оказалось, что она не дышит и словно одеревенела. И внутри, под кожей, она была пустая, как барабан. Не падала она только потому, что ноги ее сантиметром на десять ушли в синий мох. Синий мох не просто поглотил ее ноги, он забрался лошади в уши, облепил снизу живот и даже торчал из ноздрей.

— Синий мох? — переспросил Артур и облизнул пересохшие губы.

— Синий, — спокойно подтвердил Даляр. — Там синий мох и желтые сосны. На соснах видели летунов, но не таких, как в Питере. Крупнее.

— Так это летуны? — Артур припомнил флегматичного вампира на глобусе.

— Нет. Летуны пьют кровь, но не могут высосать коня изнутри. И упыри не съели бы сорок человек, — подчеркнул сержант. — Но через пожарища ночами больше не ходят. Днем безопасно, главное — не покидать дорогу.

Лошади шагали через мертвую равнину больше семи часов. Здесь примолкли даже собаки ковбоев, над потными конями не кружили слепни, затих стрекот кузнечиков. Даже солнце светило тусклее обычного, словно задыхаясь в колышущемся жарком мареве. Волчий вой, преследовавший караван всю предыдущую ночь, остался далеко позади.

Вероятно, Сосновоборская АЭС, размышлял Коваль, вращаясь вместе с биноклем. Нет, далековато. А может, совсем другая станция, о ко-

торой он ничего не знает, также брошенная служащими. Сколько лет прошло, с тех пор как радиоактивная туча пронеслась над этим местом, и какую дозу тут можно подхватить сегодня? По идее, все давно должно улечься, но почему не видно даже насекомых? Случилась протечка в хранилище отработанной воды, или рвануло, как в Чернобыле? Неизвестно, никто уже не вспомнит.

— Старшина! — С броневиком поравнялся один из всадников «зажигательного» отряда. — Здесь ничего не горит, слишком сыро. И кони не сойдут с дороги...

Артур вглядывался в порождения мирного атома и убеждал себя, что ошибается. Возможно, с радиацией тут все в порядке, но каких масштабов тогда достигало химическое заражение? Да и какой химией без авиации можно превратить такой кусок земли в пепелище? Наверное, сюда долетали семена и споры нормальных растений и пытались укорениться в почве. То, что прижилось, хотелось обойти стороной и ни в коем случае к нему не прикасаться. Торчащие из рыхлой земли скрюченные корни, усаженные блестящими образованиями вроде гриба чаги. Только чага не колышется от ветра, будто студень... А вот здесь наверняка стояла деревня; сохранились фундаменты домов, покрытые тем же сероватым, крапчатым налетом, как и ветки прорастающих сквозь камни кустов. Между фундаментами, там, где когда-то хозяйки копались в огородах, тянулись к небу полуметровой высоты поганки. Или не поганки, а, скорее, моховики с волосатыми шляпками. Только в каком учебнике описаны моховики, у которых ножки, как у банановых пальм? Коваль отвел глаза и стал смотреть на дорогу. Покрытие здесь сохранилось даже лучше, видимо, трава погибла когда-то прямо под асфальтом. Кони стражников без приказа рысили теперь впереди броневика; животные не желали делать и шагу в сторону. Солнце вставало, разгоняя на своем пути густую пелену тумана, но в звенящем безмолвии слышался лишь рокот «Кировца» и дребезжание десятков колес. Ни один жучок, пчела или стрекоза не проснулись в отравленных папоротниках.

Однажды Артуру почудилось какое-то движение в группе искореженных березок на пригорке, метрах в пятидесяти от шоссе. Он резко повернулся и успел уловить, как что-то черное спряталось под пологом стелющейся пятнистой листвы. В кого могло превратиться животное, обитающее здесь? Старшина вспомнил слова Качальщика: «Мой дед родился, когда земля на пожарище еще светилась...» Возможно, дьявол с косичками имел в виду совсем другое пожарище. Никто ведь не считал, сколько таких же чумных языков лизнули Россию, сколько вредных производств рухнуло, источая вокруг себя смерть.

Колонна миновала длинный, держащийся на честном слове мост. Из мелкой ленивой речки торчали обломки какой-то конструкции, воз-

можно, затонувшей пристани. А на горизонте, к великому облегчению Ковалья, непроходимыми дебрями поднимался самый обыкновенный лес.

И на опушке горели костры.

18

ЗАСТАВА ШЕПТУНОВ

Передний дозорный поднял руку с желтым платком; насторожившиеся пулеметчики облегченно вздохнули. Навстречу шел другой караван. Там, где Вечное пожарище заканчивалось, на вытоптанном поле среди самой обыкновенной травы музейщиков поджидали пятнадцать фургонов. Это шли навстречу ребята из Петрозаводска. Рокотов обнялся с их главным коммивояжером, сторговал в аренду десятков свежих тяжеловозов. Толпа людей собралась вокруг привязанных драконов.

Новости разносились быстро и столь же быстро обрастали сказочными подробностями. Не прошло и десяти минут, как солдаты и торговцы стали подходить к броневикам Арины, как на экскурсию, чтобы посмотреть на Артура Кузнецца. Но после того как обнаружилось, что в пороховом танке содержится живой Качальщик, старший встречного каравана немедленно протрубил подъем. Несмотря на то что у многих нашлись старые знакомые и все были рады встрече посреди безлюдного тракта, у Артура возникло противное ощущение. Присутствие Качальщика словно сделало людей Эрмитажа изгоями, возле них теперь боялись надолго оставаться. Коваль в который раз спрашивал себя: как поступить, если стражники взбунтуются и потребуют казни демона? Кроме Христофора, похоже, один Серго понимал важность живого пленника; рядовые солдаты, да и члены торговой миссии, помощники Рокотова, носили всевозможные амулеты, обереги и искали способ, как уклониться от вахты при «карцере».

У северян имелся свой «оракул», девчонка лет семнадцати, она полагала, что на два дня пути все чисто. Христофор на это лишь покачал головой и остался при своем мнении. Арина в дебаты не влезала, весь день у нее был сильный жар.

Когда последние повозки северян растаяли в дрожащем воздухе пожарища, Коваль попытался прислушаться к собственной интуиции. Ничего хорошего интуиция не говорила. То, что представлялось мирной пасторалью для парней с Онеги, вполне могло выйти боком для музей-

щиков. Когда светило начало клониться к закату, колонна преодолела еще одну речку, и сразу за мостом дозорный выкинул красный флаг. Команда «поджигателей» уже успела сделать свою работу, поэтому в клубах расплзающегося дыма Артур не сразу заметил препятствие. Что-то там стояло, впереди на горке. Что-то блестящее.

— Шептуны,— сказал Христофор и положил в рот вареную карто-
фелину.

— Много их?

Мальчик поднял котенка и потерся носом о пушистую мордочку. Иногда Коваль спрашивал себя, на кой черт они катают с собой этого прохвоста.

Серго трижды прозвонил в колокол, давая сигнал к обороне. На сей раз вокруг дороги расстилалась ровная поляна, и возницы начали немедленное перестроение в боевой порядок. Но закончить не успели. Пока команда Артура задраивала щели и занимала места в оружейных башнях, совсем близко раздался такой забытый и такой сладкий для ушей Артура шум — неторопливое тарахтение четырехтактного мотоциклетного движка. На пару секунд Коваль словно растворился в этом рокоте. Это звучало...

Это звучало, словно отголосок колыбельной, и в то же время словно по горлу провести холодным лезвием. Этот низкий рокот возвращал его в упоительные мгновения детства и поднимал со дна души то, о чем он мечтал никогда не вспоминать. Это было то, что убило Наташку...

Артур загнал в двустволку патроны и выпрыгнул наружу. Между всадниками охраны, нарочито не замечая нацеленных стволов, в седле роскошного «харлея» развалились двое шептунов. Для своих более чем преклонных лет мотоцикл выглядел совсем неплохо. Очевидно, дикари недавно распотрошили забытый склад автоконцерна. Кроме того, у них в шайке имелся одаренный механик, виртуоз своего дела. Коваль сразу отметил «неродные», неестественно огромные амортизаторы, крепящиеся на приваренных профилях, и широченные шипованные колеса. На передней вилке вместо фары крепился пулемет со спиленным стволом.

Шептун заглушил мотор. Стало совсем тихо. Оба байкера выглядели под стать транспортному средству; скорее всего, экипировку они подобрали там же, где мотоцикл. И оба, судя по расширенным зрачкам, как следует накачались «дурью». Водитель, скуластый, похожий на башкира, сложил руки в обрезанных перчатках на руле. Сложной огранки камни переливались на его татуированных фалангах. Пассажир, смуглый, бородатый, лицо в мелких точках окалины, откинулся на спинку сиденья. Заходящее солнце отражалось в десятках заклепок на его

куртке, под коленями раздувались объемистые кожаные сумки с вышитыми орлами...

— Я слушаю,— ровно сказал Серго.

Башкир облизнул губы. Артур кинул быстрый взгляд на дорогу. В сотне метров тарахтел еще один «харлей».

— Торжок,— сиплым голосом сифилитика, никаким не шепотом произнес бородатый.— Дорожная застава.

— Это хорошо,— согласился Абашидзе.— Хорошо, если в Торжке появилась новая коммуна. Я верно тебя понял, шептун?

Башкир осклабился, обнажив черные огрызки зубов. Похоже, ему доставляло удовольствие видеть десяток направленных на него ружей. Его сосед пошевелил ногой в клепаном «казаке», медленно выпустил изо рта стукот коричневой слюны и медленно сплюнул.

— Ты врубился, городской. Забашляй, и получишь полста бычков до Твери. Прокатишься, муха не насрет.

— Звучит соблазнительно,— мягко кивнул Серго.— С охраной спокойнее. Но мы только что встретили колонну из Петрозаводска. Впереди нет ни желтых, ни чингисов. Или для нас особые правила?

— Не кроши сухарь, городской! — Шептун запалил папиросу.— У тебя четыре мамки. Толкнешь одну нам и вали.

— Ты же вроде говорил о налоге? — удивился Серго.— За женщин уже уплачено. Ты прекрасно знаешь, шептун, так дела не делаются. Застолбите место, откройте коммуны или хотя бы общину. Вступите в пакт вольных поселений. После этого торгуйте. Мы не можем продавать женщин в никуда.

— Три цены.— Бородатый опять сплюнул. От его папиросы воняло совсем не табаком.— Налог — херня. Насыплешь хавки для кобыл.

К Абашидзе бесшумно подошел сержант, пошептал что-то на ухо, затем переместился к Артуру:

— Они обходят нас по лесу, двумя колоннами, старшина. Два огнемета, человек сорок лучников, десятка два с огнестрельным.

Серго по-прежнему вел себя крайне миролюбиво, словно и не получал предупреждения.

— Ты не хочешь торговать честно, шептун? Люди — не кобылы. Я вижу, что говорю с дикарем. Мы не продаем своих людей дикарям.

Башкир не перестал улыбаться, но теперь его улыбка выглядела так, будто в рот сунули распорку.

— Кого ты называл дикарем, подвальная крыса? — Руки бородатого медленно потянулись к седельным карманам. Но он тут же спохватился и толкнул напарника в бок.

Двигатель «харлея» взревел, из-под заднего колеса полетели камни.

Серго отвернулся, что-то скомандовал подчиненным.

Мгновение спустя бородач перекинул ногу, развернулся задом наперед. Из выхлопных труб ударили жирные струи дыма.

Лошадь ближайшего всадника в испуге поднялась на дыбы. В дилижансе колокол сыграл тревогу.

Мотоцикл проехал уже метров пять, набирая скорость. Второй «харлей», на пригорке, тоже завел мотор. Музейщики, не обращая внимания на байкеров, разбегались по фургонам. Хлопнули бичи, повозки пришли в движение, готовясь замкнуть круг.

— Старшина!

Артур обернулся. Сержант махал ему, собираясь задвинуть бронированный люк.

Абашидзе вприпрыжку бежал к пушке, на ходу выкрикивая команды. Возницы выпрягали лошадей.

Хохочущий байкер на заднем сиденье «харлея» поднимал обе руки с обрезам.

Коваль вскинул двустволку, удивляясь, как медленно все происходит, и спустил курки. Он никогда в жизни не стрелял из охотничьего оружия и не додумался даже упереть приклад в плечо.

Ружье ударило его в грудь с такой силой, что старшина запнулся и при всем честном народе шлепнулся в грязь. Цель удалилась уже метров на двадцать, но дробь шептунов догнала. Бородатый дикарь принял в грудь содержимое обоих патронов, однако и башкиру хватило гвоздей. «Харлей» вылетел с дороги, словно крыльями, взмахнув кожаной бахромой на изогнутом руле. Смуглолицый тоже успел выстрелить, но запоздал самую малость. Пуля просвистела в сантиметре над головой начальника стражи.

— Я попал! — засмеялся Коваль. — Мать твою, я попал!

Все лица повернулись к нему. Серго почесал в затылке и показал Артуру большой палец. Мотоцикл, как огромный блестящий жук, крутился на боку. Вылетая из седла, дикарь выкрутил газ до предела. И сразу же, точно выстрелы Коваля послужили сигналом, по стенам фургонов заколотили пули. Артур еле успел вкатиться под спасительную защиту брони. Ружье осталось на улице. Внутри пулеметчики лязгали лентами, вопил котенок, верещали в своей комнатке мамочки, поэтому старшина не сразу расслышал слабый голосок Арины:

— Береги мам, Кузнец...

— Постараюсь! — бодро откликнулся он. — Эй, левый борт! Стрелять только одиночными! Ваш сектор от края дороги до столба. Задняя башня от поваленного столба до малинника. И только по моей команде! Не выдавать себя!

— Понял, старшина!

Справа, за пригорком, из бурьяна торчали остатки стен какого-то длинного одноэтажного строения, и первые шептуны появились именно оттуда. Ковалю хватило секунды, чтобы ощутить разницу с предыдущим противником. Эти парни вообще не стремились атаковать. Они не высывались из укрытия.

— Они ждут... — пробормотала девушка. — И это плохо...

— Плохо! — согласился жующий Христофор. — Понятно и непонятно.

— Что тебе понятно, мать твою?! — в сердцах выругался Артур. — Ты можешь хоть на минуту прекратить жрать и сказать что-нибудь вразумительное?

Мальчишка засмеялся. Вместо него ответила Рубенс:

— Они окружили нас... чтобы задержать... Они ждут... Я слышу.

В тишине зазвенел телефон. Коваль схватил трубку.

— Старшина? Это я, Серго. Посмотри вперед, на дорогу.

Артур пересек коридор. У соседней смотровой щели тяжело дышали бойцы. Каждый из этих «элитных» охранников стоил в бою как минимум пятерки дикарей. А может, и целого десятка. Они метали ножи с обеих рук в кувырке и попадали с десяти шагов в цель. Каждый из них с кинжалом мог выйти против своры булей, что являлось высшим экзаменом. О такой «спецподготовке» Коваль мог лишь мечтать. Но сейчас оба дрожали, как побитые дворняги, учуявшие волчью стаю. Артур прищурился, ломая голову, что могло так напугать его отважных подчиненных.

По центру дороги, не скрываясь, неторопливым шагом приближались три фигуры в белом. Слева шел мужчина, он держал на согнутом локте берестяное лукошко и угощал своих спутниц. Обе женщины были немолоды, с длинными седыми гривами, схваченными повязками, как конские хвосты. Поравнявшись с рокочущим мотоциклом, который так и вспахивал задним колесом воздух, крайняя женщина сделала брезгливый жест рукой, словно отгоняя от себя надоевшего комара. В мгновение ока вокруг погибших байкеров возникла ревушая стена огня. Соседи Ковалья отпрянули от щелей, сам он не мог оторвать взгляда. Еще секунда. Женщины подставили ладони, мужчина насыпал им ягод из лукошка. Пламя улеглось, словно ничего и не было, а на обочине образовалась неровная блестящая клякса, точно поверхность застывающей лавы.

— Плевок Сатаны! — выдохнул пулеметчик. — Храни нас святая Ксения!

И словно в ответ на его мольбу в железном ящике захохотал пленный Качальщик.

19

ПЧЕЛИНЫЙ ЭСКОРТ

Переговоры шли недолго, минуты две. Дабы ни у кого не осталось сомнений, одна из женщин легким взмахом руки убила четверку коней, жевавших сено. При этом она их даже не могла увидеть, все животные находились внутри сплошного кольца повозок. Затем Качальщица вызвала начальника стражи. Абашидзе шел к ней через пустой круг, образованный повозками, и, казалось, стал меньше ростом. Он даже не сделал попытки выстрелить или достать саблю. Стоял понурившись и слушал. Зато, пока Серго слушал, из кустов попытались выстрелить в него. Наверное, кто-то из шептунов надумал отомстить за смерть друзей-мотоциклистов.

Раздалась автоматная очередь, но Артур мог поклясться, что мужик с лукошком опередил ее на микроскопическую долю секунды, словно предвидел. Не оборачиваясь, продолжая закидывать в рот спелые ягоды малины, колдун пошевелил пальцами. Вокруг Серго и троицы в белом на краткий миг повисла прозрачная, почти неосязаемая завеса и вновь пропала. И в тот же момент сквозь траву, сквозь кусты и обломки коровника пронеслась тугая волна, оставляя после себя гладкий след. Точно гигантская змея проползла, сминая все на своем пути. Никто так и не увидел, что стало со стрелком. Зато минутой позже все увидели войско шептунов, улетающее со всех ног к лесу.

Переговоры закончились. Абашидзе повернулся к командирскому броневику. Сквозь бойницы на него смотрели сотни напряженных глаз.

— Кузнец! — еле слышно произнесла Арина. Она вообще ничего не могла видеть, лежала в постели, задрал к низкому потолку заострившиеся скулы. — Кузнец, они хотят тебя.

— Меня?!

— Тебя и наших мам. Они говорят, что предлагали тебе побег вместе с Надей Ван Гог, еду и свой дом в их деревне. Это правда?

— Правда, госпожа...

— Они говорят, что ты отказался. Почему ты мне не сказал?

— Не знаю... — Коваль смутился. — Я боялся, что все начнут подозревать меня... Ну, что я рано или поздно сбегу.

— Не лги мне! — Арина хрипло рассмеялась и тут же закашлялась. — Если бы ты согласился, мы потеряли бы одну маму, а нынче потеряем всех. Самое смешное, что они заплатят. Святая Ксения, мир праху ее! Никогда такого не было, чтобы я не довела караван до Москвы...

В люк постучали. На пороге стоял Серго. На него нельзя было смотреть без жалости.

— Они требуют освободить демона, госпожа.

— Ты начальник стражи,— отмахнулась Арина.

Лекарь суетился возле нее, собираясь менять повязки. Мамочки высыпали из своей каютки в узкий коридор и стояли плотной стайкой, прижавшись друг к другу. Артур поймал взгляд Нади Ван Гог. Наконец-то он смог ее увидеть, и никто не посмеет сказать, что Кузнец подстроил это свидание нарочно. Девушки выглядели даже менее испуганными, чем солдаты. Конечно, подумал Артур, они же привыкли, что их носят на руках. При любом раскладе с мамами будут обращаться не как с обычными пленными. Им до старости обеспечено содержание, даже у дикарей. Надя, закусив губу, тоже глядела на старшину. На ней было надето простое платье из грубой ткани, но Артур знал, что за каждой мамой числится несколько сундуков с приданым, а в Москве каждую ждет почти полкило золота в виде украшений.

— Они требуют выдать Кузнеца и всех мамаш. Иначе мы не пройдем.

— Твое решение, Серго?

— Я сказал им, что, если нас не пропустят, мы убьем Качальщика. На это они ответили... — Старшина тяжело вздохнул.— Они ответили, что я не могу угрожать смертью, поскольку сам не умираю.

Коваль хмыкнул. Абашидзе покосился на него и продолжал:

— Они сказали: никто не знает, что такое смерть. Может быть, сказали они, быть мертвым гораздо лучше, чем живым. Смешно угрожать добром, сказали они. Мы можем убить Качальщика, дочь Красной луны, пока он замурован в железе, но это нас не спасет. Тогда они возьмут свое силой и не заплатят. Я не могу решать один, дочь луны. Позовем Чарли. Пусть это будет решение Совета.

— У нас есть время на Совет? — Арина подставила левую руку для укола. Маршал перетянул ее плечо веревкой, растер посиневший, истерзанный локоть самогоном.

— Да, госпожа. У нас есть время, пока Те, кто раскачивает, не доели ягоды. Так они сказали.

В броневику ввалился увешанный оружием Рокотов:

— Плохо дело... Над нами пчелы.

— Пчелы? — непонимающе наморщил лоб Серго.— Какие еще пчелы?

— Дикие, мать вашу! Да поглядите сами!

Старшины бросились к двери. Едва взглянув вверх, Артуру захотелось спрятаться, и почему-то мучительно зачесалась шея. Метрах в пяти от земли, прямо над фургонами наливалось и крепло гудящее черное облако. Зрелище было одновременно жутким и завораживающим. Артур почувствовал себя кроликом, попавшим в поле зрения питона. Наверное, примерно то же самое ощутили и остальные бойцы, кто успел заметить новую опасность.

Серго вполголоса выругался по-грузински, Чарли стянул с темечка кольчужный капюшон и вытирал вспотевший лоб. Кто-то молился за плечом Артура, быстро и почти беззвучно. Туча становилась все гуще и насыщеннее, сотни и тысячи насекомых вливались в нее ежеминутно, добавляя свои тонкие голоса в общее яростное рычание.

— Их миллионы! — прошептал Рокотов. — Как такое возможно, сейчас не сезон...

— Здесь им вообще неоткуда взяться! — отозвался Серго. — Вокруг сплошной сырой лес. Демоны привели их за собой. Будь у нас тысяча ружей, это не поможет...

Ревущая туча плавно изменила очертания, превратившись в огромное пульсирующее кольцо и достигая уже десятка метров в диаметре. Затем кольцо медленно наклонилось, будто поворачиваясь на невидимой оси, и так же медленно начало сдвигаться к задравшим головы командирам. Артур представил себе, как вся эта масса, оснащенная миллионами ядовитых жал, ринется на них. Это конец, у музейщиков не оставалось выбора.

— Скажи им! — Коваль потряс Абашидзе за плечо. — Скорее, скажи им, что мы согласны! Я выпущу Качальщика и уйду с ними!

— Я не могу! — завопил Серго. — Папа утопит меня за трусость.

— Тогда ты погубишь всех! — Коваль обернулся. В просвете между бортами сдвинутых фургонов было видно, как три пожилых человека безмятежно лакомились ягодой, словно их ничего не касалось. — Ты погубишь караван. Христофор, эй, обжора! Посоветуй что-нибудь!

Мальчик вылез на подножку, сложил ладошку домиком, вглядываясь в дьявольский пчелиный хоровод. Затем закинул в рот кусок сушеной груши и сказал, ни к кому не обращаясь:

— Кто уходит, тот возвращается. Всем плохо, и всем хорошо.

На этом закончился малый полевой Совет. Освобожденный Качальщик, как ни странно, больше не злорадствовал. Он несколько раз сморгнул, привыкая к солнечному свету, затем блаженно улыбнулся, коснувшись босыми ступнями земли. С минуту покачался на пятках и ушел, не оглядываясь, к своим товарищам. Пчелы гудели, лошади фыркали и жались друг к дружке. Несколько человек уже были укушены, но никто не жаловался. По одежде Артура ползали сразу три пчелы, а на крыши фургонов они опускались тысячами, подвижными гирляндами свисали с веревок и проводов. Несколько ковбойских собак перегрызли поводки и, поджав хвосты, приседая, устремились к лесу, другие прятались под колесами машин.

Колдуны позволили мамочкам взять с собой приданое и не возражали против оружия Артура. Из-за поворота выкатился небольшой кры-

тый экипаж, запряженный четверкой серых превосходных рысаков. Стараясь не смотреть вверх, втягивая головы в плечи, торговцы покидали в багажное отделение тюки и сундуки. Кроме личных вещей, Коваль на правах старшего распорядился перенести в новое походное жилье ванну и пару самодельных «буржук» с запасом угля. Рокотов на все махнул рукой, а Качальщики были заняты неспешной беседой, точно семья воскресным вечером на травке дачного участка. Серго молчал, поглаживая саблю. Пчелиное гудение перекрывало прочие звуки, людям приходилось кричать, чтобы услышать друг друга.

Когда все было закончено, один из возниц вручил Ковалю кнут и показал, как управляться с лошадьми. Старшину понизили до кучера, не весело пошутил Даяр. Он глядел на боевого товарища, как на мертвеца. Качальщики доели ягоды и поджидали на обочине. Было заметно, что у многих так и чешутся руки открыть по ним огонь, но против мирядов маленьких убийц никто бы не устоял.

— Я был неправ, — сказал Артур Арине Рубенс на прощание. — Лучше бы мы пожертвовали одной мамой тогда...

— Нет! — отмахнулась девушка. Наркотик уже сделал свое дело, и глаза ее снова налились огнем. — Не твоя вина. Нас ждали. Посмотри, демоны поступили благородно. Это их плата.

Артур выглянул в окно и обомлел. Вдали, между каркасом поваленной водокачки и одиноко торчащей кирпичной трубой, на склоне холма копошилось что-то желтое. Коваль сначала не понял, что это может быть. Просто мозг отказывался поверить глазам.

— Один к тридцати, вполне справедливо! — нервно хохотнул Рокотов, и тут же затих под стальным взглядом Арины.

На пологом склоне лежали и сидели, связанные веревками, десятки людей, больше похожие на диких зверей, чем на представителей гомо сапиенс. Спутанные гривы волос, немытые тела в разводах краски, не одежда, а обрывки тряпок. Что-то с толпой было не так: то ли дикари нанюхались дурмана, то ли все поголовно были пьяны.

— Но... это же люди! — выдавил Артур.

— Это Желтые дикари, — без улыбки отчеканила дочь Рубенса. — Сто двадцать штук. Мы продадим их в Твери шептунам или погоним до Москвы. За тебя не дали ничего, кроме вот этого. — Она указала на небольшой ящик, укрытый тканью. — Открой, Кузнец, только осторожно. Береги пальцы, щенки опасны.

— Пусть они дикари, но они люди! — упорствовал Коваль. — Разве Эрмитаж занимается работоторговлей?

— Ты знаешь умные слова, как наш Лева! — Арина поморщилась: левкарь принялся срезать с ее плеча присохшие бинты. — Есть разные Желтые дикари. Эти — хуже волков, но могут работать. Качальщики подо-

брали их на Желтых болотах. Ты слышал про Желтые болота? Нет? Чарли, скажи ему!

— Это далеко отсюда,— толстяк махнул рукой на восток.— Там раньше, до Большой смерти, делали химию для полей. Люди умерли, а химия осталась и течет с речной водой. В тех местах рождаются уроды. С ними невозможно разговаривать, но можно заставить работать. Шептуну продадут их угольщикам, на шахты. Им там будет даже лучше. Будут кормить и дадут теплую постель.

— Это немыслимо!

Артур покачал головой, но спорить было не с кем. Хваленая демократия Эрмитажа трещала по швам. Качальщик снова оказался прав. Люди вернулись к истокам, «право сильного» больше не прикрывалось либеральными лозунгами. Артур откинул тряпку с ящика. Это оказался не ящик, а крепкая железная клетка. В ней, обнявшись, лежали два маленьких, длинношеих, белых, как пух, тигренка. Вот они, подарочки с Урала, вспомнил Артур. Вот он, дружеский привет папаше Рубенсу.

— Я не хотел говорить! — Он задержался в дверях, последний раз оглядев «командный состав». Возможно, и сейчас не следовало развязывать язык, но Артур совсем не был убежден, что встретится с музейщиками еще раз. Возможно также, что его слова приведут к смуте и брожению в коммуне. Однако сотня беззащитных связанных идиотов подействовала на него сильнее, чем сотня чингисов, которых он сам предложил повесить на деревьях. Те были врагами и погибли в бою, но узаконивать рабство — это уж слишком! — Арина, для тебя не станет новостью, что папа Рубенс предупредил Качальщиков обо мне?

— Что? — Все трое выпучили глаза.

— То самое,— устало подтвердил Коваль.— У твоего отчима на голубятне есть птицы, которые летают к братишке нашего бывшего арестанта. Не знаю насчет мамаш, но про меня Качальщики знали заранее. Выходит, папаша обменял меня на двух тигрят?

Он махнул рукой и, не дожидаясь реакции, зашагал к ожидавшему экипажу. Пчелы гудели, свиваясь в колышущуюся «восьмерку». Качальщица угощала мамочек ягодой. На козлах кареты сидел бывший «арестант». Заметив Артура, он приветливо похлопал по скамейке подле себя и тут же, как заправский возница, щелкнул кнутом.

Стоило лошадям тронуться, пчелиный рой тоже пришел в движение, сопровождая карету на солидном расстоянии, как почетный эскорт. Артур последний раз оглянулся на караван. В открытом люке броневика торчала тоненькая фигурка Христофора. Одной рукой мальчик держал яблоко, другой махал вслед Ковалю.

Кто уходит, тот возвращается, сказал маленький философ.

Но философии больше не было, осталась одна биология.

20

НАДЯ ВАН ГОГ

Артур потерял счет дням. На восьмые или девятые сутки карета вкатилась на центральную площадь провинциального городка, и Качальщики позволили провести первую ночь в постелях. До этого лошади шли беспрерывно, хотя и крайне медленно. Пчел давно отпустили, вместо них экипаж сопровождала стая волков. Звери явно шли не по своей воле, иногда начинали грызться между собой, но не отставали. Бежать при таком раскладе не было никакой возможности, да Артур и не решился бы на побег в этих глухих местах. Качальщики продвигались проселочными дорогами, почти все время на восток.

Иногда встречались участки, где колея напрочь заросла травой. Тогда Ковалю вручали длинный нож, оба колдуна также слезали на землю и помогали расчищать дорогу. Иногда карета буквально продиралась сквозь заросли, чтобы через минуту опять очутиться на тропе. Артур не представлял себе, какой надо обладать памятью, чтобы запомнить сотни развилок и поворотов. Типа с косичками, бывшего арестанта, звали Исмаил, его товарища, управлявшего волками, — Прохор. Женщины оказались сестрами, фантазия их родителей не пошла дальше Анны Первой и Анны Второй. Как понял Коваль, существовали еще Анны Третья и Четвертая. Дальше знакомства разговор не пошел. Анны кормили и купали девушек, грели воду, порой помогали мужчинам толкать застрявшую повозку, по ночам поочередно несли вахту. Хотя в вахтах особой надобности не возникало; Артур давно понял, что на Качальщиков не осмелится напасть ни одна живая тварь.

Они миновали десятки бывших поселений, иногда на горизонте возникали дымки, по ночам на склонах холмов мелькали огоньки костров. Несколько раз на пути встретились «плевики Сатаны», сгоревшие черные проплешины. Либо в этих местах кто-то из Качальщиков восстанавливал силы, либо оборонялся против врагов. Исмаил оставил прежнюю болтливость, замкнулся, а Прохор, похоже, общался исключительно с животными. Он мог часами идти впереди кареты под проливным дождем, баюкая на руках волчонка.

Наконец маленький караван добрался до приличного асфальта. Измученных волков отпустили в лес.

— Город Шарья, — коротко пояснил Исмаил. — Будете спать в гостинице. Никуда не выходить, воду не пить, ночью окна не открывать. Здесь полно... — Он подумал и не закончил фразу.

За сотню лет гостиница сохранилась совсем неплохо. Первые два этажа были разграблены и почти полностью выгорели, но выше в запертых номерах Артур нашел даже застеленные постели, а в душевых — и кусочки задубевшего мыла подле мутных зеркал. Сначала он разместил девушек. Прохор добыл где-то гвозди и молча кивнул на оконные проемы. Сквозь потеки многолетней грязи стекла почти не пропускали света, но Ковалю пришлось наглухо забить окна, разломав для этого несколько столов. Он попытался было выяснить, кого следует опасаться, но Прохор, по обыкновению, не ответил.

Сам Качальщик бродил без оружия и безбоязненно поворачивался к Артуру спиной. Когда «люди в белом» собрались вчетвером посреди площади и разожгли костер, Коваль вновь поймал себя на том, что не может ясно запомнить их лиц. Все приятели Исмаила тщательно маскировали свою внешность. Коваль следил за ними с балкона. Чего добивались эти люди или нелюди? Ради какой забавы они преодолели путь почти в тысячу километров и собирались идти еще дальше? Неужели только ради глупого предсказания? Ну, прозрел в свое время облучившийся старичок, так что теперь, из живого человека хотят сделать идола?

В дверь номера тихонько поскреблись. От многолетней сырости дерево тысячу раз разбухало, косяки перекосились, от петель остались одни воспоминания. Поэтому Артур просто прислонил дверь к проему и придвинул одну из кроватей. Для приличия. Снаружи в темном коридоре, отвергая приличия, стояла Надя Ван Гог.

— Заходи! — Хозяин пропустил гостью, широким жестом указал на брошенную на полу шубу. — На кровать лучше не садись.

— Я знаю, — кивнула девушка. — Там живут жуки. Мы тоже спим на полу.

Он отвернулся и стал смотреть в окно, как Исмаил подбрасывает сучья в огонь. Спиной он чувствовал ее взгляд. За девять дней лесных переходов Артур ни разу не заговорил с ней. Когда его просили помочь девушкам, он подходил и помогал, таскал воду, ломал ветки, делил мясо. Только он был виноват в том, что четыре мамы не добрались до Москвы. Он подвел музейщиков, подвел Чарли. Когда карета застревала, мамочки выходили и ждали. Артур, увязая по колено, вытаскивал облепленное грязью колесо и старался не оглядываться. Потому что на него смотрела Надя. А стоило ей отвернуться, как он сам впивался в нее глазами. Эта молчаливая игра продолжалась ежедневно, а вечерами он боролся с желанием подойти и сесть рядом с ней у костра.

Он подвел караван, и это было замечательно. Слишком стремительно, слишком непредсказуемо все поменялось; возможно, его ожидала кирка в угольной шахте или цепь на шее в пещере оракула... Но Надя Ван Гог не попала в столицу, и это было также замечательно.

На площади рассыпались искрами уже четыре костра, и Прохор затевал пятый. В доме напротив отеля в пустых проемах первого этажа колыхались обрывки занавесок. Словно голодный великан ползком подкрадывался к людям, быстро шевеля языком в беззубой пасти.

— Как твое имя, Кузнец?

— Артур.— С ней надо было что-то делать. Или немедленно прогнать, отгородившись грубостью, или приласкать. Девушка подошла и встала рядом, опершись коленкой о низкий подоконник. Этот, якобы произвольный, жест был ему так хорошо знаком. Вечная игра, подумал Артур, даже здесь ничего не меняется. Наверное, это здорово, но, чтобы прикоснуться к ней, мне понадобится выпивка. Надя была слишком похожа на ту, другую, которую он сам послал когда-то навстречу гибели... А если я ее прогоню, то потом не прощу себе!

Девушка оперлась кулачками о раму и чутьчку прогнулась, бессознательно повинуясь мужскому взгляду. Женственная фигурка, копна густых волос, в которые мучительно хотелось запустить руки. Она прогнулась еще капельку, и под платьем обозначились две крепкие налитые половинки.

— Это правда, что ты проспал сто двадцать лет?

— Правда.— Он заставил себя смотреть ей в глаза.— А это правда, что у тебя уже есть ребенок?

Она кивнула. В огромных серых глазах отражались пляшущие точки костров.

— Девочку увезли скобари.

— Ты скучаешь по ней? — Артур понимал, что делает ей больно, но не мог остановиться.

— Скучаю?.. Да, но так заведено. Девочку увезли по договору.— Надя дотронулась до его руки.— Я не смогла поблагодарить тебя, Артур Кузнец. Подруги сказали, что ты вынес меня из огня.

— Не за что,— Коваль пожал плечами.

Мамочка совсем недавно купалась, от ее волос пахло свежестью и горьковатым травяным настоем. Он уже знал, что самодельные шампуни отпугивают насекомых. Рокотов тоже мазал голову, но от торговца в результате нестерпимо несло чесноком.

— Почему ты сторонись меня, Артур Кузнец? Разве я не нравлюсь тебе?

— Сколько тебе лет?

— В прошлом месяце исполнилось девятнадцать.

— Ты мне очень нравишься.— Он никак не мог понять, кто за кем ухаживает. Девчонке стукнуло девятнадцать, а она уже распрощалась с собственной дочерью.— Ты пришла, чтобы переспать со мной? Тебе так велел Качальщик?

— Исмаил сказал, что ты можешь быть папой.— Она не обиделась, но и не улыбнулась.— Если бы меня продали в Москву, мне достался бы мужчина только в той коммуне. Раз все сложилось иначе, я выбираю тебя. Или тебе больше нравится Марина?

Коваль даже не помнил, кого из мам как зовут. Остальные были для него на одно лицо.

— Я не хотел бы просто переспать с тобой...

— А чего ты хочешь?

— Если нас разлучат, мне будет больно. Поверь мне, девочка, я знаю эту боль. Не хочу пережить это снова...

— А если не разлучат?

— Ты не боишься Качальщиков?

Он дотронулся до ее щеки, провел большим пальцем по бровям, по верхней приподнятой губе. Девушка чуть заметно подалась навстречу ласке, прикрыв ресницами глаза.

— Мне не сделают дурного,— просто сказала она.— Но они не хотят, чтобы люди жили в городах. Их все боятся, но колдуны страшнее. Я была еще маленькой, когда папа Рубенс вел войну с озерными колдунами. Все коммуны воевали с ними. Я помню, как мы стояли у окна и смотрели на площадь. Пойманных колдунов вешали, а потом сжигали.

— Зачем такая жестокость? — Артура передернуло. Он снова почувствовал, как они далеки. Эта юная женщина, спокойно рассуждающая о виселице, вполне могла бы быть потомком Наташи, правнучкой. Если бы он сам не убил собственных будущих детей...

— Потом с колдунами помирились. Они обещали, что не будут больше насылать болезни и насильно кормить своих рабов грибами...

Надя придвинулась еще ближе, теперь ее губы шевелились в сантиметре от его губ. Коваль взял ее левой рукой за затылок и сразу почувствовал, как спадает напряжение. Волосы на ее затылке были мокрыми после купания, и горячая спина под платьем тоже не до конца просохла.

— Тот, кто раскачивает Землю, сказал, что мы можем жить вместе, Артур Кузнец.— Она шептала Артуру в ухо, медленно двигая всем телом, отвечая поглаживаниям его рук.— Мы можем жить, сколько захотим, а потом можем уйти, когда я рожу троих детей...

— Зачем им наши дети? — Коваль поцеловал ее в шею, правая его ладонь соскользнула вниз. Мамочка Надя пришла к нему в одном платье на голое тело и пушистых шерстяных носках с помпончиками.— Я не желаю провести остаток дней в лесу...

— Они догонят тебя, котенок! — Надя потянула какую-то тесемку, и платье распахнулось у нее на спине. Затем она привстала на цыпочки, давая возможность запустить руку в жаркую ложбинку меж ягодиц, а сама уверенно просунула коленку ему между ног.— В городе скучно...

Гораздо лучше жить в сельской общине. Я родилась в семье ковбоев. Когда мне исполнилось восемь, чингисы сожгли посевы, и отец переселился к музейщикам. Он и сейчас пасет стадо на этом... как его... на Марсовом поле. М-м-м! Еще раз дотронься до меня там... Ты построишь дом, и соседи не будут орать за стенкой, как в этом жутком Эрмитаже... Ах, сильнее, еще...

— Так ты не питерская?

Артур стянул с нее платье, затем нагнулся и снял с ее ног носочки. Прошла тысяча лет с тех пор, как он хотел женщину с такой неистовой силой. Надя держалась за его плечо, послушно приподнимая одну и вторую коленку. Оставшись нагишом, она положила руки на затылок и медленно повернулась спиной. Коваль пожалел, что в мире больше нет фотоаппаратов. Вышел бы отличный снимок — изящная фигурка, утопающая по щиколотку в мехах. Чутьку полные ноги, но тяжеловатый низ лишь добавляет изящества тонкой бархатной спине. Последние закатные лучи разрезают мглу, играют на трепещущих ямочках ягодиц, на блестящих мускулистых бедрах, на приподнятых, напрягшихся икрах... Она точно извивалась под его голодным взглядом; под матовой кожей от покрытой пушком шеи до пяток пробежали мягкие, упругие волны.

— Сколько у тебя было мужчин? — Какая-то часть его «я» все еще сопротивлялась столь нахальному натиску. Оставалась вероятность, что девушку просто загипнотизировали, чтобы добиться естественной реакции самца...

— Только один... — Надя снова не обиделась, скорее удивилась. Она, не отрываясь от шубы, расставила ноги чуть шире, затем медленно оглянулась и облизнула два пальца. Так же неторопливо провела рукой у себя между ягодиц. На спине остался влажный след, Коваль не мог от него оторвать взгляд. — Ты совсем не знаешь законов, котенок. Мама может ложиться только с папой. Потрогай меня, как раньше...

— Ты любила его?

Артур скинул куртку. Теперь он каждым волоском на груди чувствовал тепло ее лопаток. Он развязал ленточки в ее волосах и зарылся губами во влажную, пахнущую травой макушку.

— Я хочу любить тебя, котенок... — Она качнулась, а затем бережно, но крепко, обеими руками, взяла его между ног. — Разве ты не хочешь лечь со мной? Я же видела, как ты смотрел. Ты ведь смотрел на меня, правда?

Правда, подумал Коваль, и это была его последняя связная мысль. Какого черта, сказал он себе, стряхивая с ног штаны! Если люди распилили все золото Эрмитажа, на которое не смели дышать сотни лет, чтобы купить коров, а коровы эти жрут траву там, где горел вечный огонь, значит, и ему не зазорно стать производителем в новом человеческом стаде.

Для своих лет Надя Ван Гог была слишком опытна, но Артуру стало наплевать на ее прошлое. Главное, что она слушалась его рук и ни разу не ошиблась, выполняя его безмолвные команды. Артур клал ей ладонь на скользкую от пота поясницу, и девушка прогибалась, оставляя зад во власти его второй руки, а плечами и грудью вдавливаясь в колючий мех. Затем он брал ее за горло, и она моментально переворачивалась, упираясь в пол лишь затылком и ступнями.

Закатив глаза, выходила в фантастически высокий мостик, но не сжимала колени, а, наоборот, раскрывалась еще шире, точно не желая отпускать его мокрые, жадные пальцы. Затем Надя оседлала его и начала дрожать всем телом и в последний миг упала Артуру на грудь, кусая его запястье. Но он тогда сдержался и заставил ее приподняться, и она послушно поднялась на корточки, занавесив запрокинутое лицо волосами. И только застонала, когда он дал ей облизнуть оба своих средних пальца и, преодолевая слабое сопротивление, завел их оба «с черного хода». Потом она расслабилась и начала слабо шевелить бедрами, пропуская его все глубже, и Артур ощущал пальцами толчки собственной плоти в глубине ее жаркого, источающего мускус тела.

И снова она падала на него лицом и до крови кусала плечо, удерживая kloчущий крик. И, едва отдышавшись, брала обе его ладони и клала себе одну на грудь, а другую — в пах, точно приглашая своего господина повелевать. И, повинуясь, моментально разворачивалась спиной, распахивая перед ним самую желанную для мужчины картину. И нетерпеливо вздрагивала на слабеющих коленках, ловя раздвинутыми до предела половинками его раскаленное, бушующее желание. А затем билась в судорогах, сплетая с ним пальцы, ухитрилась довести его почти до края, чтобы в последнюю секунду перевернуться и упасть ему на грудь, обвивая шею и подставляя поцелуям мокрое от пота горло. Артур попытался вырваться, но не сумел, его уже захлестнуло потоком и тащило сквозь искрящуюся воронку туда, где взрывались тысячи бенгальских огней...

— Я хочу, чтобы родился мальчик... — Надя прижималась к нему животом, грея дыханием ключицу. Капельки пота стекали в ложбинку ее позвоночника; Артур собирал их пальцем и облизывал. У нее был очень вкусный пот... — Качальщик сказал: если я рожу мальчика, его воспитают Хранителем равновесия...

— Это еще что за чертовщина? — Ковалю было лень разозлиться, даже присущее ученому неистовое любопытство хотело спать.

— Я не знаю, котенок! — честно призналась Надя. — Наверное, это кто-то важный в их общине.

— Неужели они не могли найти мамочку поближе? Стоило затевать бучу, переть полмесяца по лесам ради нас с тобой, чтобы воспитать из ребенка шамана?..

Надя подняла голову. Коваль не видел выражения ее лица под шапкой волос. Из потолочных трещин свисали лохмотья паутины, блики костров плясали на остатках кафеля в душевой. Где-то вдали за мертвым городом нарастал тоскливый волчий вой. Косая ухмылка полумесяца поднялась над перилами балкона.

— Качальщик сказал... — Надя помялась, лизнула Артуру сосок.— Он сказал, что Хранители рано умирают, потому что плохая наследственность.

— Наследственность?

— Да, это самое слово... Они никак не могут сделать, потому что их слишком мало, с хорошей наслед... ственностью, ага. Они не выдерживают ветра... Исмаил сказал, что если я рожу от тебя двоих чистых мальчиков и они это... удержат ветер, то третьего ребенка я смогу оставить себе.

— Да что они не могут сделать-то?! Какой ветер? — Коваль подумал, что напрасно сердится. Качальщик вряд ли что-то скрывал, у девчонки просто не хватало словарного запаса.

— Ветер... — Она смешно наморщила лоб.— Ветер, чтобы сломать равновесие. Чтобы не осталось городов.

21

ХРАНИТЕЛИ РАВНОВЕСИЯ

На второй день от скуки Артур принялся выбивать двери в свободных номерах. На третьем этаже он обнаружил несколько мертвецов и бар, набитый пыльными бутылками со спиртным. На четвертом старшие повезло. Парочка влюбленных, видимо, знавших, что смерть уже близко, устроила в комнате грандиозную попойку. Помимо обнявшихся под остатками одеяла скелетов, Коваль нашел в шкафу любимое оружие Терминатора: два короткоствольных «ремингтона» в густой смазке и несколько коробок патронов. Также присутствовали бейсбольная бита, два ржавых револьвера и АКС без патронов. Либо человек, скончавшийся в лучшей гостинице провинциального городка, был криминальным авторитетом, либо в какой-то момент оружие стало доступным каждому. Неизвестный эпикуреец прихватил с собой на тот свет сразу трех подружек.

Еще два женских трупа лежали валетом в почерневшей ванной. Перед дверью в ванную громоздилось несколько ящиков с бутылками из-

под шампанского, а на полочке среди засохшего мыла, шампуней и птичьего помета валялось пыльное зеркальце, трубочка и вскрытая пачка желтого порошка. Ласточки пробрались в номер через разбитую форточку и устроили несколько гнезд под люстрой.

Артур забрал годные стволы и вернулся к себе. Висящая над городом тишина угнетала. Качальщики третий день жгли костер и ночевали под открытым небом рядом с пасущимися скакунами. Выходить на улицу не хотелось, все это он видел еще в Питере. Руслы покинутых улиц, словно пересохшие вены, на перекрестках тромбы из автомобильных кузовов. И потрескавшаяся площадь, заросшая, красная от ржавчины, точно остановившееся сердце. Девушки тоже не вылезали из номера, они разместились все вместе и коротали вечера песнями, не желая слушать заунывные стоны ветра в прогнившей вентиляции.

Утром четвертого дня за ним пришли. У костра появились два новых персонажа. Один — такой же, как Исмаил, бледный, с косичками и плавающим, неразличимым лицом — оставался в седле. Коваль плохо разбирался в скаковых породах, но жеребец под всадником показался ему огромным, гораздо выше и крупнее всех виденных когда-либо коней. Предраассветный туман скрадывал детали, и, лишь подойдя вплотную, Коваль убедился, что это не сон. Мужчина среднего роста мог пройти под брюхом коня, почти не нагибаясь. Шкура титанического животного отливала агатовым блеском, мускулистая грудь была шириной с капот «Запорожца». Неподалеку пощипывал травку второй такой же монстр, а его хозяин жарил над огнем грибной шашлык. Над площадью поднимался тревожный, щекочущий ноздри запах. Коваль уже привык, что люди в белом ничего не делают просто так, и не стали бы зря поддерживать шесть костров. В каждый они кидали щепотки разных снадобий, и к смолистому аромату примешивался дурман колдовских добавок.

— Это и есть Проснувшийся, пощадивший моего брата? — Любитель подосиновиков поднял косматую голову. — Угощайся, демон.

Впервые Коваль встретил молодого Качальщика и сразу понял, что мужчина чем-то отличается от остальных. Не только сорокалетним возрастом. Он принадлежал к иной породе, к какой-то из восточных национальностей, возможно, кварталон от таджика. Артур примостился напротив, отдал должное грибам. В конце концов, новые хозяева не сделали ему ничего плохого, и следовало отвечать вежливостью.

— Зачем тебе столько железа? — спросил парень. Его черные глаза под густыми нахмуренными бровями смеялись. — Винтовка, пистолеты... На кого ты собрался охотиться? Оставь все это здесь. Мы с тобой немного прокатимся, — и коротко свистнул, подзывая коня.

Исполинский конь подбежал; от каждого его шага вздрагивала земля. На спине жеребца крепилось двойное седло, и свисали две пары

стремлян. Прохор подсадил Артура и отправился дальше, опорожнять над кострами свои мешочки. Исмаил запрыгнул позади второго наездника, обе Анны остались сидеть на тротуаре, взявшись за руки, в позах индийских йогов. Коваль поднял глаза. С балкона гостиницы ему махала Надя. Артур внезапно понял, что, если их надумали разлучить, он перетрет любые цепи и найдет ее, пусть даже придется идти пешком через всю страну...

В следующую секунду Качальщик дал шенкеля. Артур судорожно вцепился в луку седла, чтобы не полететь с высоты двух с половиной метров на щебенку, оставшуюся от бывшей мостовой. Отстав на два корпуса, за ними пылил второй всадник.

Черный жеребец оказался иноходцем. Покачиваясь в плавном механическом ритме, он проносился вдоль покосившихся, ушедших в землю домиков предместья. Подкованные могучие копыта, каждое размером со сковороду, высекали искры из бордюров, когда всадник срезал путь через дворы. Раскинувшись в шпагате на широкой спине, Артур чувствовал себя трехлетним мальчишкой, которого отец привел в парк показаться. Качальщик вдруг перебросил босую ногу в белых мешковатых штанах и повернулся к пленнику лицом.

— Натрись! — «Таджик» протянул Артуру баночку со знакомым желтоватым горьким содержимым. — Здесь водятся плохие кровососы. Обычно они летают ночью, но, если такой комарик укусит тебя днем, будешь долго болеть. — Он молча смотрел, как Артур втирает мазь в лицо и шею. — Оставь у себя; когда будем у воды, натрешься еще раз.

— Ты не похож на других, — сказал Коваль. — Зачем я тебе нужен? Некому оплодотворить женщин?

— Зови меня Бердер. Ты тоже не похож на других. Исмаил убил много городских, но ты не взял его жизнь. Почему?

— Он спас угоревшую маму.

— Ты мог убить его позже. Почему не убил?

Коваль растерялся. Что он мог ответить на такой вопрос? Что надеялся сделать из живого Качальщика выгодного заложника?

— Ты надеялся на ответное благородство? — угадал Бердер. — Сто лет назад все воины так поступали?

— Понятия не имею! — признался Артур. — Я не воин и никогда им не был.

— Я вижу, что ты не воин. Ты обвесился железом, но не умеешь с ним обращаться. Я просил тебя выкинуть весь металл, но ты оставил нож. Выброси! Ты книжник?

— Да... Пожалуй, я книжник. — Артур с сожалением проводил глазами улетевший в кусты десантный нож Матроса. — Ты не ответил. Зачем я вам нужен?

— Таких, как я, называют Хранителями равновесия,— улыбнулся Качальщик и что-то сделал со своим лицом, точнее, прекратил его прятать под зыбкой пленкой тумана. Он был похож на американского итальянца Сильвестра Сталлоне в молодости, губы так же кривились книзу, когда Бердер выдавливал улыбку.— Там, куда мы едем, нельзя носить железо. Железо мешает ветру.— Он еще раз пошевелил краешками губ и повернулся к Артуру спиной.

Кони пронеслись мимо облезлой, покосившейся звонницы, и город Шарья как-то разом оборвался. Кончились унылые безжизненные кварталы, провалившиеся тротуары и поросшие крапивой крылечки. У Артура захватило дух при виде открывшейся перспективы. Встающее над лесом светило окрасило туман во множество оттенков розового. Стальная поверхность реки, будто проснувшись от ласкового прикосновения солнечных лучей, подернулась рябью, вздохнула; в глубине качнулись бесчисленные пряди водорослей, серебряными искрами пронеслись стаи рыб. На высоком берегу поднимали свои золотые головки легионы одичавших подсолнухов. И под всплывающим, точно пуховая перина, речным туманом гуляли черные кони. А ниже, на обкатанной ветрами гальке, на отмели, сидели в кружок восемь мужчин в белом.

— Бердер, осталось шесть минут!

Исмаил соскочил на землю, обнялся с каждым на пляже. Все они были мужчины в возрасте, только один, крайний слева,— почти подросток. Артура завели в круг, кто-то потеснился, уступая ему место на цинковке. Как и прежде, он не чувствовал себя пленником, скорее почетным гостем. Исмаил ни разу не сказал ему «спасибо» за то, что остался жив, но остальные, несомненно, были наслышаны о приключениях каравана. Качальщики передавали из рук в руки берестяную флягу, предложили и Ковалю. Пожалуй, это была первая шутка лесных колдунов. От кислешего клюквенного морса у Артура чуть не возникло косоглазие. Он осмотрелся. Окружающие помалкивали, словно чего-то ждали. Через шесть минут должно было произойти нечто, ради чего Ковалю сюда и привели. Одно из опасных таинств, к которым он себя готовил все эти дни, и все равно оказался не готов...

Подросток положил в середину круга обломок доски, затем принес и поставил на нее высокую птичью клетку. Только вместо попугая внутри, изнемогая от тесноты, дрожал бобер. Бедное животное скребло когтями, прихватывало зубами железные прутья, но не имело возможности даже повернуться. Складывалось такое ощущение, что бобер вырос в клетке, постепенно заполняя ее собой.

— Ты долго учился, книжник Артур! — Бердер вытащил из-за пазухи скальпель в кожаном футляре.— Но все твои знания здесь ничего не стоят. Ты хочешь понять, но не поймешь, пока сам не увидишь. Ты

хочешь увидеть? — Солнечный луч плясал на отполированном острие. Бобер жалобно повизгивал в клетке.

Коваль сглотнул. На противоположном берегу реки из зарослей высокой травы высунулись две треугольные морды. Затем еще две, и еще. Целое семейство драконов со сложенными за спиной крыльями направлялось на водопой. Подслеповато щурясь на солнце, рептилии погружались в жидкую грязь, довольно отфыркивались, хлопая по воде хвостами. Два змея устроили шумную возню, не поделив дохлую рыбину. Качальщики не обратили на драконов ни малейшего внимания. Ни у кого из них не было часов, но Артур не сомневался, что время они чувствуют идеально. Девять человек ждали, замерев, точно каменные изваяния. Драконы напились и уползли. Кони щипали траву.

Нечто назревало. У Артура закололо в висках. Он сдержал себя, чтобы не оглянуться; казалось, огромная тень подкралась и дышит в затылок.

— Пора! — Старец по левую руку от Бердера потряхнул косичками.

— Пора! — подтвердил Исмаил. — Во благо равновесия!

— Во благо равновесия! — словно эхо, отозвался Бердер и кольнул бобра скальпелем.

Животное забилося и заплакало, прямо как маленький ребенок. Коваль хотел отвернуться, но сидел, точно замороженный.

— Во славу Книги! — В руке другого Качальщика также мелькнуло острие.

Грызун уже не плакал, а визжал, кровь заливала его мех и стекала наружу, на камни. Клетка чуть не упала на бок, но кто-то подхватил ее и вернул на место.

— Во славу Книги! Во благо равновесия! — Удары сыпались на беззащитного зверька со всех сторон, но ни один укол не был смертельным.

— Смотри! — Исмаил схватил Артура за локоть. — Смотри, демон, как расплавится мерзкая кучка камней!..

Артур не сразу понял, куда надо смотреть, а когда поднял глаза, забыл и про бобра, и про крокодилов на берегу Ветлуги.

Город Шарья расплавлялся. При каждом ударе скальпеля с окраинными домами происходили удивительные изменения. Маковка церкви дрогнула, накренилась и обрушилась в клубы пыли. Несколько лодочных гаражей надулись, словно их распирало изнутри, и разом взорвались. Голыши на пляже тряслись, подпрыгивали, как шкварки на сковороде; глинистый откос покрылся кавернами, корни сосен шевелились, будто гигантские разъяренные анаконды. Кирпичный забор, огибавший дюжину двухэтажных коттеджей, на которых до сих пор висели тарелки спутникового телевидения, закачался и осел. Коттеджи век назад погибших миллионеров складывались, как карточные домики.

От богатых резиденций фронт невидимой волны переместился дальше. Бесшумно, точно смятая промокашка, рухнул пятиэтажный фасад банка, фабричная труба пошла трещинами и взорвалась на миллион кусков. Наступила очередь девятиэтажек. Эти не распадались на части, а уходили под землю с низким вибрирующим гулом, словно вместо фундаментов под ними разверзлась пустота.

Коваль и не догадывался, как мало нужно, чтобы стереть с лица земли целый город. Всего лишь легкие толчки. Впрочем, в этих краях никогда не наблюдалось сейсмической активности... Какая, к черту, активность, оборвал он себя, почти оглохнув от воплей бобра. Истерзанное существо в клетке больше ничем не походило на трудолюбивого строителя запруд, теперь это был сплошной комок визжащего мяса.

Но не это оказалось самым страшным. Лес наступал на город, а впереди него катилась полоса жары. Вода у берега вскипала; там, где река плескалась о камни, поднимался пар. Голыши под доской, на которой сидел Артур, раскались, как в сауне. Сама доска начала снизу обугливаться. На крайней улочке, где еще минуту назад вздымались тучи строительной пыли, стремительно прорастала трава. Взламывая ошметки железобетонных конструкций, словно великаны, потягивающиеся после долгого сна, разворачивались ветви деревьев. Коваль мог бы поклясться, что подобные исполины никогда бы не выросли естественным путем на российском Севере. Как, впрочем, и крылатые аллигаторы. Как и лошади размером с американского бизона.

Еще до того как бобер умер, все было кончено. Огромный пласт почвы сдвинулся и сполз в реку. Тысячи тонн воды хлынули в новое русло, смывая остатки пристани и мощенного декоративной плиткой променада. Последние часовые цивилизации, бетонные фонарные столбы над прокисшей дорогой, вдруг один за другим ушли в землю, словно их засосали зыбучие пески. А потом не стало и самой дороги, по которой черный конь привез Артура на пляж. Камни остывали.

Но общество на берегу не расходилось. Мальчишка унес клетку, бросил на камни мокрую мешковину. Фляжка с морсом пошла по второму кругу. Те, кто раскачал Землю, выглядели не лучшим образом. Исмаил будто постарел лет на пять, у Бердера капала кровь из прокушенной губы, а под глазами залегли черные тени. Его сосед, старик с косичками, поднял трясущуюся руку:

— Да пребудет мир в равновесии, братья!..

Через щиколотку Ковалья скакнула лягушка, затем еще одна. Он отдернул ногу; по камням спешил целый выводок змей. За змеями последовали тучи насекомых; выше по склону, в сторону нового лесного массива, с хрустом ломилось зверье покрупнее. Несколько лосей переплыли реку и отряхиваясь вышли на берег метрах в десяти от людей. Растопырив лапки,

с ветки на ветку перелетали многочисленные беличьи семейства. Ковалю показалось, что выше по течению вдоль кромки воды пронеслась огромная кошка с торчащими кисточками на ушах.

Бердер подозвал коня.

— В городе... там остались женщины! — Артур вспомнил про Надю. К собственному удивлению он обнаружил, что образ Натальи уже не мешает ему, как раньше. И еще он обнаружил, что безумно соскучился по маленькой лохматой шалунье.

— Города больше нет! — Бердер скривил губы. — Садись на коня, книжник. Баккарди их вывел, не тревожься!

— Ты все понял, Артур Кузнец? — За спиной, опершись на плечо самого юного участника колдовства, стоял Исмаил.

— Я понял... Вы уничтожаете все, что создано человеком. Сначала вы расплавляли деревни, затем принялись за брошенные города. Я одно не возьму в толк. Какого черта ваши братишки напали на ковбоев под Тосно? Вы знаете, сколько людей остались без крова? Чем вам не угодили мирные фермеры?

— Ты меня разочаровываешь, Проснувшийся! — Оба коня шагали бок о бок по заросшей молодым ельником опушке. — Лично мне на них наплевать. Но нарушается равновесие. Никто не желал зла фермерам. Возле Тосно оставался вредный завод, и узел уже звенел, притягивая ветер. Если бы мы не поторопились, Земля бы качнулась на тысячи километров. В Шарью мы вернули равновесие тоже вовремя, теперь Слабые метки ушли...

— Равновесие, это когда домашние свиньи бросаются на детей, я правильно понял? — Что-то в Ковале непоправимо сторело за эти дни. Он никогда в прежние времена не приходил с такой скоростью в ярость. Или все еще находился под впечатлением от колдовства и не мог себя контролировать. А возможно, виной его бешенства был сладкий дым от костров...

Над всадниками тремя эшелонами летели птицы. Пернатые, подчиняясь воле людей, тоже переселялись на новые квартиры. Огненной стрелкой промелькнула впереди лисичка. Оглянувшись на людей, приподняв черную лапку, зверек на секунду замер; в зубах у лисицы, растопырив конечности, висел ее новорожденный щенок.

— Равновесие было нарушено не вчера и не в год Большой смерти. Люди нарушили порядок в те века, когда построили первый вонючий город и заявили, что законы Земли их больше не волнуют. Они придумали для себя отдельные законы, и первый, самый удобный, гласил... Знаешь, как звучит главный принцип человечества, Проснувшийся книжник? Я тебе скажу! — Исмаил нагнулся к Артуру, от него остро пахло чесноком. — Он звучит так: все, что растет, бежит, плавает и летает на этой планете, это для нашего удовольствия и наших желудков.

— В год Большой смерти,— добавил Бердер,— равновесие чуть было не восстановилось.

— Но не восстановилось! — весело подхватил Коваль.— Потому что люди выжили. Какая жалость, правда? Зато теперь шайка свихнувшихся садистов режет бобров, чтобы довести Божью кару до конца. А другая шайка заживо сжигает мирных торговцев. Это путь к равновесию, колдун?

— Совсем не обязательно бобры. Для раскачивания подойдет любое живое существо, иногда — растение. Самое сложное — это отыскать и удерживать Слабые метки, узлы натяжения. Метки рождаются там, где осталась грязь прежнего мира. Если за ними не следить, не кормить их грязью, то может родиться такая Слабая метка, с которой уже не справится никто. Тогда в мир придет иное равновесие, в котором людям не будет места... — Хранитель помолчал, вглядываясь в жаркую темноту леса.— Иногда мы справляемся втроем, иногда собирается девять братьев. Череповец расплавляли двумя общинами, день и ночь. Мне исполнилось восемь лет, но отцы взяли с собой всех, кто уже мог слышать метки. Три человека погибли, мир их праху, но ветер мы удержали... Раскачивать Землю несложно, этому мы учим обычных городских детей, а Хранителей мало. Истинными Хранителями становятся только потомки тех, кто родился на Вечных пожарищах.— Разозлить Бердера не представлялось возможным, перед Артуром сидел фанатик, истово преданный своим диким ритуалам.— Наши деды начали писать Книгу, не вашу дурацкую Библию, а настоящую Книгу нового мира. Мы закончим работу, потому что так сказано, и равновесие вернется в мир. И ты поможешь нам, Проснувшийся, так сказано в Книге!

— Вы всерьез считаете, что я помогу вам изгонять фермеров? — У Артура в голове все смешалось.— Даже если бы я умел воевать, я не стану убийцей мирных граждан. Вы меня с кем-то спутали, ребята, я самый обычный человек.

Его отважная речь не произвела на Качальщиков должного впечатления. Исмаил насыпал в ладонь Бердера горстку сухофруктов, его молчаливый спутник набивал трубку. Кони пересекли бетонную дорогу, ведущую теперь в никуда. Вместо кольцевой развязки с указателями улиц возник непроходимый частокол елей.

— Ты обычный человек, но в тебе есть забытая справедливость. Твоя справедливость отвечает трем главным узлам равновесия, но она же приписывает нам злобу и коварство. Ты дашь свое семя мамам и вырастишь Тех, кто раскачивает. Ты будешь жить в общине Хранителей и будешь учиться, пока не станешь нашим клинком. Ты получишь женщину, которую выбрал. Так сказано в Книге. А затем, когда ты поймешь нашу правоту, ты покинешь общину и сделаешь то, ради чего проснулся...

Жеребец под Артуром всхрапнул, почуяв кобылу. Впереди, на залитой солнцем полянке, из каменных плит развалившегося фундамента поднимались заросли малинника. Там же стояла знакомая карета, и Анна Первая подвешивала кобылицам на морды торбы с зерном. Мамочки собирали ягоды, повизгивая от радости, как выпускницы детского сада. С Надей ничего не случилось. Коваль прикрыл глаза, чувствуя теплую волну, прокатившуюся по сердцу. Как мало человеку надо, подумал он, иногда достаточно слышать смех женщины, с которой провел всего пару часов в постели... Черт, неужели эти маньяки запрут его на несколько лет в чашобе? Да и пусть запрут, лишь бы с ней!

— Так ради чего я, по-твоему, проснулся?

Коваль спрыгнул с коня; Надя уже бежала навстречу.

— Ты найдешь Слабые метки там, куда нам закрыт вход. В вонючем городе, где равновесие нарушено сильнее всего, где собрано все зло российской земли. Ты разрушишь Москву, Проснувшийся демон.

22

ВРАГИ И СОЮЗНИКИ

Артур потерял счет дням. Первые два месяца он делал зарубки ножом на столбах у входа в новое жилище, но потом запутался. Много раз ему приходилось покидать дом, отправляясь вместе с Качальщиками в дальние экспедиции, а вернувшись, он не мог восстановить календарь. Собственно, ему предоставили не один дом, а целых три, но большую часть из редких спокойных ночей Коваль проводил с Надей. После тридцатой зарубки он еще строил планы на побег, а после сорок второй понял, что никуда не уйдет, пока не подержит в руках будущего ребенка.

Надя Ван Гог была беременна, и еще две женщины понесли от него. Обоих Артур увидел в лесной общине впервые, их привезли из каких-то дальних уральских поселений. Единственным человеком, который испытывал стыд и неловкость при подобных обменах, был сам Артур. Если Надя и ревновала, то никак этого не показывала. В конце концов будущий отец успокоил себя тем, что после вторых родов его супруге должны были подыскать нового муженька на пару ночей. Это было дикостью, но здесь это было нормально. Женщины-Качальщицы точно так же, как городские, страдали бесплодием.

Сознание Артура притупилось, он словно плавал постоянно внутри огромного звуконепроницаемого пузыря. Неделя проходила за неде-

лей, но скучать было некогда; напротив, он с трудом урывал минуты для отдыха. Ему ни разу не напоминали о далеких стратегических планах, и постепенно Артур примирился с пленом, с тяжелым трудом и изматывающей муштрой. Он учился, прижав ухо к земле, узнавать походку лесных зверей. Он учился по запаху определять вредные промышленные зоны. Первый раз он просидел неделю на болотной кочке, пока не угадал, в каком месте Бердер зарыл ртутный термометр.

Три месяца он стонал и плакал, пока ноги не привыкли ходить босиком. А потом снова плакал, потому что пришлось босиком ходить по снегу. Дважды он едва не замерз, когда Бердер оставлял его спать в сугробе. Пока он не привык регулировать температуру тела, он передвигался вприпрыжку, поминутно растирая пальцы. Его кусали восемь раз, прежде чем он нашел общий язык со всеми собаками деревни. А после Бердер возил его вместе с другими учениками, подростками, в другие деревни, чтобы и там бросить наедине с собаками.

Когда он почувствовал себя комфортно и мог засыпать, привалившись к любому незнакомому псу, и уже считал себя лучшим кинологом всех времен и народов, Бердер перешел к волкам. Сначала, правда, к волчатам. А затем отдал Артуру на воспитание едва вылупившегося крылатого змея.

По вечерам метали ножи; Бердер полагал, что при свете дня и дурак успеет попасть в две подкиннутые глиняные плошки. Сам он сбивал, не давая долететь до земли, целых шесть штук. Ночами разыскивали заброшенные деревни и колодцы с чистой водой. Находить деревни, где не водилось вредных производств, было тяжелее всего, они почти не «пахли». Но только наострившись отделять невинные скопища домишек от источников злостной химии, можно было перейти к поиску Слабых меток...

Артур говорил себе, что никто не заставит его пойти на убийство невинных, но ничего плохого нет в том, чтобы лучше изучить общество самых загадочных, окутанных легендами жителей Урала. Никто не требовал от него присягать на верность, как папа Рубенс, и никто не проводил с ним политинформаций. Все были слишком заняты.

Артур понятия не имел, сколько сотен километров они отмахали от Шарьи по дорогам и без дорог, прежде чем достигли общины. Сначала около часа лошади рысили среди огородов и возделанных полей, затем показались первые дымки и крепкие, сбитые из цельных бревен дома. Деревня располагалась в лесу, под таким густым пологом листвы, что даже в сильные дожди капли до земли почти не долетали. Пленник так и не узнал, сколько людей проживало здесь постоянно, мамочки и детишки появлялись и исчезали. Одним краем деревня выходила на реку, по ней сплавлялись на лодках и плотах, но воду никто не пил, потому

что сразу за границей вековых елей начиналось Вечное пожарище, откуда и текла река. За пожарищем ленивыми зелеными горбами тянулся Уральский хребет.

Здесь не росли пятнистые папоротники, местная пустыня уже начала зарастать первыми здоровыми побегами, но со стороны мертвой зоны на несколько километров тянулся высокий рукотворный вал и ров с черной водой. Это был единственный забор в деревне и за ее пределами. В сезон сбора урожая Качальщики приводили издалека пленных дикарей; те помогали собирать картошку, косить на зиму сено и подсыпали вал. Затем вдоль рва проходили Хранители и рассеивали над водой черный порошок. Вряд ли это служило целям обеззараживания, зато Коваль собственными глазами видел, что лесные зверьки и отставшие от стада коровы резко поворачивали в сторону, едва учуяв преграду. Очевидно, граница сдерживала ту, другую, живность, что могла явиться со стороны пустыни...

Он навидался разных дикарей — и шептунов, и чингисов, и Желтых, и много других племен, рассеянных по забытым совхозным усадьбам и уцелевшим поселкам. Многие сохранили речь и выглядели вполне разумными, но встречались и такие, кого понуждали к работе лишь порцией дурмана. Некоторые пытались бежать. Застав пару таких попыток, Артур навсегда отказался от подобной идеи. За беглецами не отправляли стражу, да и не было среди Качальщиков вооруженных бойцов. Повинуясь приказу, над лесом взлетали крылатые змеи. Или, уткнув морды в землю, неторопливой трусцой исчезала в зарослях волчья стая.

Старшего Хранителя законов звали Прохор Второй, он жил в длинной избе на пригорке вместе с четырьмя учениками и ученицами. Там же располагалась своего рода лаборатория, где Хранители выводили новые виды. Коваль в лабораторию не приглашали; подобные умения были доступны лишь потомкам первых мутантов. Зато Прохор Второй беспрепятственно пускал его в библиотеку, хотя книги здесь оказались весьма специфические. Атласы по зоологии и анатомии, всевозможные учебники по химии и ботанике, справочники по рефлексотерапии, иглоукаливанию и прочим восточным хитростям. Помимо драконов, к первому снегу Анна Четвертая, любимая ученица Хранителя, вывела чрезвычайно полезную в хозяйстве породу двухметровых бескостных окуней. Окуни задумчиво плавали в пруду и жрали все, что им кидали.

Прохор признавал, что крылатые змеи удались не вполне, но продолжал их штамповать, скрещивая клетки жаб, пойманных на границе пожарища. В хозяйстве от драконов не было никакого толку, но в качестве средства устрашения дикарей они подходили идеально. Единственный серьезный минус — на всю зиму рептилии засыпали.

Анна Третья, дочь Первой, увлеченно занималась ночными птицами. Несколько раз, задрав голову, Коваль наблюдал, как пятнадцатилетняя девчонка, усевшись верхом на ветке, кормит сырым мясом филина, размерами не уступающего взрослому грифу. Коваль не мог отделаться от мысли, что он где-то уже все это видел. Словно наряду с волшебными способностями Качальщики впитали в кровь разрозненные обрывки сказочного фольклора. Девочки, кормящие филина, огнедышащие змеи, гигантские кони с двумя сердечными мышцами и кошачьими глазами, способные сутки напролет скакать по лесам...

Он уже знал, что существуют как минимум четыре большие общины Качальщиков, и самая крупная — на севере, в месте бывшей дислокации атомоходов. Артур смутно вспоминал, что там же, в беломорских шхерах, военные консервировали отработанное топливо с подводных лодок. С северянами поддерживалась постоянная связь без всяких голубей; именно туда и повез пленника Бердер в первую «командировку». Первые два дня пути их сопровождали трое мужчин, затем попутчики свернули. Им предстояло растворить какой-то городок, где обнаружился намек на звенящий узел. Слабые метки постоянно смещались, и служба Хранителя меток днем и ночью просиживала над картами. Когда три «плавающих» узла собирались треугольником, Качальщики ловили благоприятный момент и срывались в лес. В дом Хранителя меток Ковалья не приглашали, но и не отказывали в посещениях.

Судя по старым картам страны, к зиме сто двадцать седьмого года колдуны очистили от следов цивилизации колоссальные области. К востоку от Урала на тысячу километров не оставалось ни одной деревни. Кое-как держались крупные города, и в этом заключалась самая интересная для Артура тайна. Качальщики избегали крупных технических объектов. Исмаил не врал. Поселки, где жители восстановили промышленность, они не трогали. На европейской части страны экспансия «новых зеленых» шла медленнее, а к поясу московских пригородов ни один колдун не приближался.

Коваль научился спать в седле и не боялся уже управлять черным иноходцем. Жеребец мчался за своим собратом, не останавливаясь, с разгона переплывал реки и взбирался по кручам, а позади, отставая, чтобы полакомиться всем, что движется, мчалось звено крылатых. Когда бестолковые ящеры чересчур увлекались преследованием добычи, Бердер слезал с коня и нещадно стегал их кнутом. Коваль всякий раз вздрагивал, когда чешуйчатые твари щелкали зубами возле сапог Качальщика. Он не решился бы повторить такой опыт, для плотоядных рептилий Артур еще долго оставался чужим.

В северную общину Коваль ездил трижды и всякий раз проводил там по три недели. Местные Качальщики резко отличались от уральских, и

здесь он впервые встретил настоящих уродов. Очень многие рождались и вырастали лысыми, даже в пятом поколении. Многие страдали врожденной слепотой. Как ни странно, слепой была и Хранительница Книги.

Высокая худая женщина в длинном шерстяном пончо быстро провела ладонью по лицу Артура. За ее спиной на укрытых мехами лавках собралось все взрослое население деревни. Коваль чувствовал дьявольскую усталость после недельной гонки, но отдохнуть ему не позволили. Оглядываясь потом в прошлое, он так и не смог вспомнить ни одного праздного дня.

Он представлял себе священное писание Качальщиков в виде громоздкого тома, но книг оказалось несколько. Старые книги размножали и рассылали по общинам, а свежую заполняли прямо сейчас. По сути, история народа писалась ежедневно. Все большие и малые новости, происходящие в мире Качальщиков, находили немедленное отражение в Книге. Второй раз после пробуждения Коваль усаживали перед аудиоторией, и снова он говорил больше четырех часов. Но, в отличие от лекции в пассажирском вагоне, здесь его никто не перебивал и не задавал идиотских вопросов. Иногда вежливо просили повторить, когда трое писцов не успевали. Наконец страницы, посвященные Проснувшемуся демону, были завершены, просушены и подшиты в новую тетрадь.

Больше от пленника не требовали раскрывать рот. Три недели Артур постигал новые предметы. В пять утра он окунался в бочку с ледяной водой и разогревал ее своим телом, затем до завтрака растирал в ступке травы, учился накидывать лассо и объезжать оленей. Кормили невкусно, но до отвала. После завтрака он надевал толстые перчатки и штаны. Его тренировали обороняться против собак. На исходе второй недели он потерял килограммов пять веса, но, не допуская укусов, ломал лапы четверым, а то и пятерым зверям. После обеда ему предоставляли час на сон с одним условием: спать приходилось на тонкой ветке или лежа в колодце с полой трубочкой во рту. К концу первой «командировки» Артур засыпал по команде стоя или в любом другом положении. И просыпался тоже по команде. После «отдыха» он вместе с местными подростками учился читать следы или выходил на рыбалку.

Рыбу следовало ловить голыми руками. Добыча начинающего охотника и рыболова становилась его ужином, поэтому Коваль почти каждый вечер ложился спать на голодный желудок. В лучшем случае ему удавалось перехватить ягод или запечь парочку грибов. Охотиться он так и не научился ни на Севере, ни «дома», на Урале.

После ужина начиналось самое трудное — рукопашный бой. Представления местных «инструкторов» о самообороне значительно отличались от методик начала двадцатого века. По крайней мере, от европейских методик. Артур не обладал и малой толикой тех навыков,

которые достались мутантам по наследству. Зализывая раны, он с горьким смехом вспоминал, как обманчиво легко повязал раненого Исмаила. Артура ставили в центр круга диаметром метра два и кидались в него камушками. Сначала два, затем четыре человека обстреливали его, норовя попасть в голову. Когда он научился уклоняться, в ход пошли пращи, а круг под ногами уменьшили до размеров канализационного люка. На восьмой день Бердер несильно выстрелил в Ковалья из лука. Стрела застряла под лопаткой, и было очень больно. На одиннадцатый день ему завязали глаза и велели ловить камни. Пару штук он поймал, но едва не лишился зубов.

Когда наступала темнота, переходили к последней процедуре — игре в пятнашки. Бердер сказал, что настоящий воин не должен допустить контактной борьбы. Воин, обнявшийся с противником, подставляет под удар спину. В тесной землянке при свете масляных ламп за Артуром гонялись четверо с короткими дубинками в руках. Периодически «водящий» менялся, и Артур, в свою очередь, преследовал полуголого лысого пацана, норовя достать его палкой. Обороняющемуся было разрешено все, нападавшие могли только салить.

К финалу третьей недели Коваль мог уже продержаться почти четверть часа, не задетый дубинкой. Бердер сказал, что для начала неплохо. Большой похвалы от него Коваль за два года не услышал.

Иногда тренировки сменялись не менее захватывающими химическими опытами. Следовало запомнить запахи нескольких сотен травов, собранных от Поморья до Кубани, и безошибочно подбирать пропорции лечебных мазей. В следующий приезд на Север ему доверили подготовку ядов и наркотических препаратов. Все, что годилось для лечения, точно так же могло и убивать. Особую осторожность надо было соблюдать с растениями, собранными в зонах пожаров. Одна капля выжимки из какого-то неизвестного гриба могла остановить кровь и заживить любую порез, но две капли этого же вещества убивали человека за полсекунды. За подобные препараты городские очень хорошо платили, и Артур вспомнил найденного им во дворе института убитого курьера. Тот тоже нес в термосе выжимку...

Едва заведя дымки родной деревни, Артур ощутил в груди нарастающую радость. Он начал привыкать к своим новым соседям и не мог пока сказать, хорошо это или плохо. Человек может выжить везде, говорил он себе, обнимая ночью Надю Ван Гог. Вопрос в том, как человек видит свое предназначение. Эти суровые люди, несмотря на свои безумные теории равновесия, создали достаточно крепкое и справедливое общество. Общины удерживались артельным трудом, практически не развивая частную собственность, и в основе крепости отношений лежала великая цель. Сознание исключительности прививалось с детства,

хотя при этом же обратной стороной медали вырастал червячок ущербности. Качальщики вырастали, зная о всеобщей ненависти и страхе, зная, что путь в города им отрезан. Ссориться с сородичами было бесполезно, так и так вернешься в деревню...

Возможно, здесь ему тяжелее, чем в родном городе, но зато безумно интересно. Его не поставили, как пленного дикаря, чистить выгребные ямы или ухаживать за свиньями. К обязательным повинностям относилась работа на полях и охота, но в поисках пропитания участвовала вся деревня, не исключая старейшин. А могло ведь все оказаться иначе, и жил бы Артур не в отдельном, пусть и однокомнатном, домике, а в сыром бараке под охраной голодного крокодила. Пусть Исмаил с Бердером лелеют насчет него самые бредовые планы, главное — продержаться, а там посмотрим. Главное — пережить зиму, не забыть алфавит, не опускаться до животного...

Коваль вваливался ночью и целовал спящую жену. Во сколько бы он ни появился, за полночь или под утро, Надя поднималась и с закрытыми глазами шла доставать из печи горячие кастрюльки, закутанные в полотенца. Даже когда жена была нездорова, Артура ждала натопленная баня и свежая постель. Коваль жалел ее, пытался отговаривать, но перешибить воспитание Надиной матери так и не сумел.

Еще одна житейская мудрость. Возможно, у них с Натальей и возникало столько проблем от незанятости. Слишком много свободного времени оставалось для самокопания и взаимных упреков. Чем меньше мы рассуждаем о любви, тем крепче наши семьи, посмеивался новый многоженец. Люди вернулись к естественным отношениям, и пропала нужда в психоаналитиках, потому что, когда все заняты, нет места неврозам. Вот и она, пусть не счастлива, но вполне довольна. И носит моего ребенка, как странно... А счастлив ли я? Шут его знает. Говорить с ней особо не о чем, курорты и модные показы не появятся в ближайшую тысячу лет...

После первой поездки Коваль участвовал в семнадцати больших и сорока малых охотах, и как-то зимой, пробираясь за компанию с псами сквозь сугробы, он впервые почувствовал медвежью лежку. Это было, как внезапно понять чужой язык или научиться плавать. С того дня он начал выходить в лес один. Он перестал бояться, теперь он слышал. Он знал, как правильно прикрыть глаза и погрузить себя в состояние отрешенности, когда в ушах начинают стучать сердечки всех теплокровных в округе. Прохор Второй учил его подчинять себе любое животное. Это оказалось намного сложнее, чем уклоняться от камней. Когда по команде Артура с дерева спустилась белочка, чтобы минутку посидеть на его плече, он чуть не завопил от радости. И тут же потерял тонкую нить волевого усилия, что удерживала грызуна в повиновении. Белка укуси-

ла его и стрелой умчалась по стволу, но Коваль был счастлив. Прохор Второй улыбался в бороду.

Пока Артуру подчинился ящер, прошло еще три месяца. И прошло еще полгода, прежде чем на зов человека из бурелома вышел медведь и улегся у его ног. Кроме Прохора Второго, наибольшие проблемы Ковалью доставляла Первая Анна. Он чувствовал себя полным идиотом, сидя по четыре часа с зажатым в кулаке стебельком травы. Лучше бы я проснулся в век качественного колдовства, в век заклинаний и вредных гоблинов, жаловался супруге несостоявшийся старшина. Надя не спорила, она прекрасно пользовалась языком, но не для поддержания бесед. А травинка в кулаке оставалась сухой и холодной, потому что о колдовстве и заклинаниях Анна ничего не знала и научить не могла. Оживлять сено следовало усилием мысли.

Коваль думал об этой проклятой травинке по утрам, когда перехватывал ладонью летящие стрелы. Он вспоминал о ней по ночам, когда со связанными кистями рук убегал от вооруженных кнутах всадников. Он проклинал ее, когда учился метать пращу и добывать в сыром лесу огонь. Он тысячи раз втыкал соломинку в снег, зная, что добывается невозможного. Рядом с ним у Анны Третьей, Хранительницы в шестом поколении, посреди сугроба расцветал розовый куст. Эти детки, они были другими, в их жилах текла измененная кровь пожарищ...

Он оживил травинку в тот день, когда Надя Ван Гог родила сына. Коваль был ужасно доволен, что двух других беременных от него женщин давно увезли из деревни. Качальщики жили по своим правилам и обменивались живой силой, еще находящейся в утробе матерей.

Возле хибарки Коваля собралась вся деревня. Он трогал полустершиеся зарубки на столбе, глядел в холодное апрельское небо и слушал крики своего ребенка. Он уже не знал, кем себя чувствует,— пленником, подмастерьем или пресловутым Клинком, обещанным Книгой. За девять месяцев Артур не прикоснулся к огнестрельному оружию, ни разу не услышал оскорбления и не поймал на себе косой взгляд. Питер он вспоминал все реже, и не разрушенный Питер, где разгуливали лысые псы, а тот, прежний, где под пролетами вздыбленных мостов плавали катера, а на граните набережных целовались парочки...

На влажной весенней земле раскидали солому и поставили длинные столы. Здесь были все: и Хранительница времени, старуха Ильма, и Хранитель полей, одноглазый Борис с сыновьями, и знатоки Слабых меток, Матвей и Алина. Пришли с детьми и внуками, точно так же, как приходили и в другие дома, когда там рождались дети. Они не делали разницы между семьей Коваля и своими родичами...

Хозяйка рода, мама Клавдия, приняла роды и вынесла младенца показывать толпе. Ее появление встретил общий рев и грохот глиняных кружек.

А запутавшийся в чувствах папаша переживал на задворках избы последние пароксизмы боли. Слезы лились из его глаз, Артур смеялся и плакал, держась за живот. Его учителя явно перестарались, последние дни от мучений жены он неоднократно валился на снег, сжимая зубы, чтобы не закричать.

Черт подери! Он не женился до погружения, а эта девочка, с которой его не связывало ничего, кроме удивительного совпадения и нечастых битв в постели, девочка, которую он не видел месяцами, стала теперь его семьей. Настоящей семьей, которую надо кормить и о которой надо заботиться...

И в этот момент Ковалю попался на глаза пучок соломы. Он присел на корточки и проделал в мерзлой земле ямку. Воткнул туда засохшую травинку и обнял ее ладонями, уже не сомневаясь, что на сей раз все получится. Когда Артур, спустя четверть часа, разжал руки, глаза заливал пот, сердце колотилось, но посреди обледелого двора тянулся к солнцу зеленый росток.

— Неплохо! — сказал из-за плеча Бердер и увел ослабевшего ботаника за праздничный стол.

— Когда вы заберете ребенка? — между поздравлениями осмелился спросить Артур.

Бердер переглянулся с мамой Клавдией. Повитуха смеялась, подливая мужчинам хмельной квас.

— Сегодня ты сделал мертвое живым. Когда ты научишься делать живое мертвым, ты будешь готов уйти.

— А если я никогда не научусь? Ведь пчелы меня так и не слушаются. И невидимкой быть не получается. И дерево без пилы не могу повалить...

— Значит, мы ошибались! — пожал плечами Бердер. — И зря ловили для папашы Рубенса тигрят.

Оба улыбались, и оба понимали, что говорят не о том. Оба понимали, что говорят не о ребенке и не об ожившем пучке сена. Итальянские губы Хранителя силы кривились, за зиму Бердер еще больше поседел, и Артур вдруг представил себе, каким станет воспитатель бойцов лет через двадцать. Возможно, все останется как есть, и вы сохраните свою смехотворную лесную демократию, думал он, прихлебывая черный квас, но все ведь может пойти иначе. Вдруг ты решишь, что на правах лучшего воина тебе незачем подчиняться старейшинам и стоит потребовать самый жирный кусок мяса за риск? А вот сидит Борис, Хозяин дерева, лучший плотник, столяр, мастер. Что, если ему надоест получать общий паек наравне со скотоводами, и он потребует платы за каждый табурет? А потом начнет учить пацанов за деньги... Сколько еще продержится ваш первобытный строй? А что случится, если попробовать забрать ваших деток в большой город, которого вы так боитесь?

Вдруг никто не погибнет, как вы им внушаете, а напротив, детишкам там понравится? Не бог весть что, ни театров, ни музеев, но какие возможности для начинающих капиталистов...

— Через месяц мы снова едем в Мурманск.— Бердер поднял за шкуру крутящегося под столом волчонка.— Вместе с тобой еще три ученика. Хранительница ждет тебя, чтобы продолжить Книгу. Потом мы поговорим о Москве.— Он повелительным жестом велел Артуру замолчать.— Если у ребенка нет отца, старейшины решают, кем он вырастет.

— А если отец уходит и возвращается? — Артур понизил голос, но Хранитель силы легко угадывал слова по губам.

— Пока отец жив, никто не имеет права на его женщину и его детей.

— Ты негодай! Это называется бить «ниже пояса»! — покачал головой Коваль.— Ты говорил, что Надя должна родить еще от двоих мужчин?

— Не обязательно! — глядя Ковалю в глаза, Бердер сунул волчонку ладонь в пасть.— Мы сами пишем Книгу, Клинок. А когда мы ее потом читаем, рождаются законы. Ты поговоришь с Хранительницей и сам решишь, как тебе поступить.

Вот сволочи, подумал Коваль, принимая очередное поздравление, вот мерзавцы! Они поймали его в капкан. Теперь, когда он не побоялся бы один пройти полстраны, когда лес стал для него родным и ни одно живое существо не задержало бы его на пути в столицу, чертовы колдуны добились главного.

Теперь ему есть что терять.

23

КАК ПИСАТЬ КНИГИ

— Расскажи мне о ней.— Мама Рита курила кальян. Незрячие глаза ей заменяли сверхъестественная ориентация и слух. По звуку перьев на бумаге она моментально угадывала, кто из писцов допустил ошибку.— Ты слишком часто вспоминаешь о ней, Проснувшийся, из-за этого не можешь обрести равновесие. Расскажи, и я не буду давать тебе советов.

И неожиданно для себя Артур начал говорить. Он молчал целый год, ни с кем не делись своей застарелой болью. Ему казалось, что раз не нашлось друзей, способных понять, даже в институте, то уж всяко незачем мусолить прошлые беды со вшивыми дикарями.

— Она... Мы познакомились на моей защите. Ах, что я говорю? Как же вам объяснить... Впрочем, неважно. Я был книжником, ученым, я

работал в таком месте, где придумывали, как лечить людей холодом и как сделать, чтобы человек мог заснуть на много лет и проснуться без потерь для здоровья. Понимаете? А Наташа была студенткой, она писала диплом... Черт, опять не то!

— Не волнуйся, Клинок! — мягко перебила мама Рита. — Говори, как умеешь, не ищи слова для меня.

— Ну вот. Мы начали встречаться, а потом стали жить вместе. Все началось из-за моей матери, то есть нет, нельзя так говорить. Я один виноват. У Наташи мы жить не могли, потому что там тесно, и ее отец тогда сам недавно женился. Ее мать умерла, словом, ситуация была непростая. Мы могли бы снимать квартиру, но я пожадничал. Все, что случилось, вышло из-за моей жадности. Мои предки были, в общем-то, не против, чтобы Наталья переехала к нам, в трехкомнатную. Места бы всем хватило. Сначала мы так и сделали, месяц все было хорошо, но потом...

— Наташа не поладила с твоей матерью?

— Да, то есть нет. Все сложнее, а вообще-то такая глупость. Понимаете, моей матери стало казаться, что отец...

— Что он заигрывает с твоей женщиной? — Как хорошо, что мама Рита была слепой. Коваль бы не выдержал сейчас чужого сочувствия.

— В общем, да. Такого никогда раньше не случалось, я хочу сказать, что даже представить себе не мог. Но родители со мной эту тему не поднимали, я уходил утром и возвращался поздно вечером... Вы только не подумайте, никаких сцен не было, но однажды вечером...

Однажды вечером я пришел, а Наталья сидела во дворе, на качелях, и она была пьяна. Впервые я видел ее пьяной. Она сказала, что наверх больше не поднимется и чтобы я забрал ее вещи. Она сказала, что сейчас же уедет домой, а если я хочу строить отношения и дальше, то должен выбирать между ней и мамочкой. Она прямо-таки выплонула мне в лицо — «с мамочкой!»! Мне так и не удалось заставить ее вернуться. Когда я пришел домой, мать наглоталась сердечных капель и заперлась, не стала со мной говорить. А отец пил водку и понес такую чушь, что я уже не знал, к кому из них первому вызывать «скорую»... то есть врачей. Я отвез Наташу на такси к ее маме, отец ее был в командировке. Короче, общая истерика...

Никто мне так и не признался, в чем дело, сколько я ни бился. Вы поймите, я очень любил эту девушку и тогда бы, наверное, простил ей все. У меня не было случая ее ревновать, просто мы... Мы тогда почти нигде не бывали вместе, я работал, Наташа ухаживала за умирающей матерью, я никогда бы не стал следить за ней...

— Ты узнал, что она заигрывала с твоим отцом у тебя за спиной, так?

— Тогда я ничего не узнал. — Артур, как ни странно, начал постепенно успокаиваться. — Наташа даже презванивалась с моей мамой. Они

словно сговорились, упирали на то, будто слегка повздорили. Ну, две хозяйки на одной кухне, и все такое...

Вы понимаете? Я не стал докапываться, да и некогда было во все влезать. Теперь я думаю, что, если бы тогда настоял на своем, все пошло бы иначе. Папа пару раз пытался со мной поговорить, он видел, что я дуюсь на маму, и чувствовал свою вину. Как-то он даже выпил для храбрости и целый вечер крутился возле меня. Наверное, у меня были проблемы на работе в тот день, я уже не помню, но помню, что вернулся и нагрубил матери. Она спросила что-то вроде: «Когда ты остепенишься?», а я крикнул в ответ...

Короче, я выразился в том духе, что пытался остепениться, но из-за бабской стервозности, скорее всего, останусь холостяком. Маме стало плохо, и отец чуть было не рассказал мне все, но так и не отважился. Теперь я не понимаю, как я мог не замечать его мучений. В сущности, он не сделал ничего страшного...

— Почему вы не построили отдельный дом, Артур?

В жаркой тишине натопленной избы слышалось лишь потрескивание поленьев и скрип пера. Артур уже привык, что все слова Проснувшегося демона становились частью Книги, частью общей истории Качальщиков. Ученица разожгла для мамы Риты кальян.

— Тогда жилье было слишком дорого... — Он замялся. — Даже дом в лесу стоил больших денег.

— Кто с тебя брал золото за постройку дома в лесу?! — Мама Рита была искренне поражена.

— Государство, или владелец земли. Кроме того, стройматериалы были, мягко говоря, мне не по карману...

— Государство? — Хранительница оживилась. — Кучка старейшин, заявлявших, что реки и леса принадлежат им, так ведь?

— Ну... не совсем так, но в принципе верно. Одним словом; при той моей зарплате это было невозможно — купить квартиру или дом. Но у папы была дача в садоводстве. Э-э-э... это такой домик за городом, в котором живут только летом, там нет отопления... Глупо звучит, да? И я подумал: пока жарко, почему бы нам не пожить с Наташей на даче? Огурцами мы не занимаемся, электричка рядом, до города полчаса. Ну, лето перебьемся, а там придумаем что-нибудь. Ведь получилось нелепо, всего месяц прошел семейной жизни, и разбежались. У меня водилась монета, я подрабатывал на переводах, мог бы снять хату. Но я пожадничал, повел себя, как последний скопидом. Я так хотел скопить на новый мотоцикл... Мотоцикл — это такая машина...

— Я знаю, что такое мотоцикл. — Мама Рита выдохнула дым.

— Наташа согласилась пожить лето на даче. Мне показалось, она даже обрадовалась. И она сама нашла «харлей». Мой старый мотоцикл,

даже не мой, а отца. Это была жутко древняя модель, но исправный, на ходу. Я гонял на нем, пока учился в школе, когда приезжал на каникулы, и все пацаны мне жутко завидовали. В тот вечер мы отпраздновали... повторное начало семейной жизни, выпили немного, короче, валяли дурака. Наташка попросила ее покатать, а потом заявила, что и сама умеет ездить. Оказывается, ее бывший парень занимался в мотоклубе. Милая история, да? Если бы я не был под мухой, я ни за что бы не согласился. Да кроме того, мне бы и в голову не пришло, что «харлей» заведется, аккумулятора вообще не было...

Но он завелся с разбега, представляете? Да, эта проклятая железяка завелась, и мы часа два гоняли по дорожкам садоводства, распугивая коз и велосипедистов. Наташа меня просила дать ей самой прокатиться, но я боялся. Хотя там было пусто, и ни одной машины. Мы даже подрались тогда, в шутку, конечно... — Коваль спрятал лицо в ладонях. — А потом мы решили поехать в круглосуточный магазин, купить чего-нибудь сладкого к чаю, и еще шампанского. Я пошел в магазин, а ее оставил в седле, и мотор работал. И, как назло, представьте себе, в одиннадцать вечера в лабазе собралась очередь. Там орала музыка, и не было слышно, что происходит на улице. Когда я вышел с шампанским и с вафельным тортом, она уже уехала.

— Она была смелой женщиной...

— Да, пожалуй. Хотя я не назвал бы это смелостью. Потом, после похорон, когда мать мне все рассказала, я понял. Это называлось «попробовать в жизни все». Я ее совсем не знал, Наташу, не знал, чем она занимается без меня. Я был настолько влюблен, что не замечал очевидных вещей.

— Она упала с мотоцикла?

— Она столкнулась с грузовиком, с мусоровозом. Там, на скамеечке, сидели ребята, пили пиво, они мне потом рассказывали. Сначала она ждала меня, затем проехала пару раз по кругу, но не знала, как включить фару. Выключатель давно сломался, там следовало соединить проводки. Так она и уехала, без света. Главная аллея освещалась фонарями, но Наташка, наверное, решила проехать по кругу, как это делали мы вместе. Или просто разогналась и не успела развернуться в конце дороги, успела только свернуть. Мусоровоз сдавал задом, огни были в порядке, но шоферу бы и в голову не пришло, что кто-то влезет ему под задние колеса. Он и увидел ее уже после того как мотоцикл загорелся... — Артур налил мятного чая из огромного медного самовара.

— Ты не все рассказал.

— Почти все. Просто мама решила, что, возможно, мне будет не так больно, если я узнаю... За тот месяц, что мы прожили вместе, она дважды заставляла отца на кухне с Наташкой и один раз видела их вместе в

мороженице. То есть ничего такого, понимаете? Они кушали на кухне и хохотали, вот и все. Но мама прожила с папой много лет и заметила, что он стал тщательнее бриться и перестал носить дома тренировочный костюм. Второй раз она застала их, когда папка с Наташей пили вино и сидели почти в обнимку. А потом мать встретила их в мороженице.

— Что такое «мороженица»?

— Гм... Это такое место, куда люди приходили покушать.

— Общинная кухня?

— Нет, не совсем. Там подавали только сладкое замерзшее молоко, смешанное с ягодами и орехами.

— Это хорошая мысль. Кушать замерзшее молоко было непристойно?

— Конечно, нет. Да это и не было дорогое кафе, а так, буфет в магазине. Отец сидел с сумками, с хлебом, да он и не пытался прятаться. Наоборот, заметил маму и помахал ей. Но это... Как бы вам объяснить? Папа не сделал ничего плохого, дело было не в нем, вы понимаете?

— Думаю, да... — Хранительница задумалась. — Твоя женщина позорила твои чувства. Ты любишь ее и теперь, Клинок?

— Теперь мне легче. В те дни... В те дни мне не хотелось жить. Я никого не любил до нее. Были, конечно, увлечения, но так, несерьезно... Все девушки мне казались скучными, они норовили устроиться перед телеком с вязанием в руках. Наталья была совсем иная, с ней я никогда не скучал. В общем, когда ее не стало, я потерялся. Я ухватился за эту идею — уснуть на двадцать лет. Мы не нашли бы ни одного добровольца на такой срок, понимаете? То есть вышло так, что я смалодушничал, я спрятался от своей вины в капсуле. Вместо того чтобы заниматься наукой — а ребята во мне нуждались, — я спокойноенько уснул...

— Ты доволен семьей?

— Да, мама Рита. Я встретил добрую женщину и уже год живу с ней в согласии. Она родила мне сына. И поверьте, порой я даже благодарен Исмаилу. Если бы не он, я бы так и жил прошлым...

— Я обещала тебе не давать советов. — Сухие губы Хранительницы тронула улыбка. — Но скажу то, что думаю. Ты считаешь, что несправедливо избежал гибели в год Большой смерти. Но Хранители памяти вписали твое имя в Книгу почти семьдесят лет назад. Хранители памяти умеют видеть грядущее, но селятся отдельно. Тебе незачем с ними встречаться, — перебила она вопрос Артура. — Этим людям тяжело в сегодняшнем дне, они слышат другие времена. Ты поступил верно и проявил смелость. Твой старейшина Институт — я правильно его называю? — мог усыпить вместо тебя вора или убийцу, но ты решился испытать новое волшебство на себе. Ты благородно поступил, и оставим это.

Послушай теперь меня. Еще два года ты будешь учиться, пока твоя женщина выносит второго ребенка. Ты будешь оберегать ее от тяжелой

работы и учиться. Тебе никогда не стать таким, как наши воины, но Бердер сделает все, чтобы ты мог выжить один. В городе и в лесах. Молчи, не перебивай меня, я слышу твои мысли. Ты думаешь, почему мы не выбрали кого-то другого? Ты думаешь, мы, как ваши городские соборники, молимся на Книгу и боимся ступить шаг? Нет. Лишь два года назад Хранителям памяти открылось, что наша борьба не будет успешной, пока существует Москва. Другие города не так важны. Москва притягивает метки... Они приходят с Востока и кружат, кружат, как трупоеды, они слышат грязь. Если Хранители пропустят к Москве одну из Слабых, по-настоящему Слабых меток, что способны взрывать Землю...

Мы можем воспитать ребенка, даже двадцать или сто детей, и воспитать из них настоящие клинки, в сто раз лучше тебя. Но у нас нет столько времени ждать, пока дети вырастут. А те, кто сейчас в твоём возрасте, боятся и не пойдут в город. Туда могут пойти только горожане, но кто из них захочет служить Качальщикам? Кто из них поверит Книге?..

— А почему вы считаете, что я должен поверить? — робко осведомился Коваль. — Вы понимаете, что идете против естественного исторического пути? Промышленность неизбежно будет развиваться, и неизбежно появится государство, сколько бы вы ни старались...

— «Государство»! — фыркнула старуха. — Это слово шипит, как десяток вонючих летунов. То, что ты рассказывал здесь старейшинам про ваше государство, звучало страшно, как стон шатуна, и воняло, как гнилая вода, текущая с пожарищ. Что для тебя сделало государство? Ты не имел дома, где растить детей, ты ночами боялся отпускать свою женщину на улицу. Твой друг не хотел быть воином, но его увезли насильно, так ведь? Его увезли, и дали оружие, и заставили стрелять в мирных селян в горах. Потому что старейшинам в Москве так захотелось. Его убили, и никто не помог старикам. И тогда твой отец продал мотор, и мать продала золото, чтобы купить тебе... как это? Освобождение, так? Скажи мне: они поступили мудро?

— Я у них был единственный сын.

— Я спрашиваю: они поступили мудро или глупо?

— Это тяжелый вопрос... Наверное, в то время они поступили правильно. Они спасли меня от Чечни.

— Значит, когда простые горожане, не книжники, выкупают своих сыновей, это хорошо. А старейшины, которые правили в Московской крепости, посылали вас умирать. Эти люди в горах... Почему нельзя было поставить граничную стражу, выкопать ров вокруг их деревень и отозвать воинов? Ты говорил, что горцам принадлежало не так много земли.

— Все так запуталось... — Коваль нахмурился, подыскивая ответ. — Они этого и добивались, чтобы отсоединиться. Правительство считало, что нельзя нарушать целостность государства...

— Опять ты произносишь это слово, Клинок. Какой бы вопрос я ни задала тебе о временах до Большой смерти, выходит, что люди хотели одного, а государство всегда делало наоборот. А когда я спрашиваю тебя, чьи решения были мудрыми, ты вздыхаешь и боишься собственных ответов. Я спросила тебя, почему твоя сестра хотела жить в Петербурге и не могла наняться на работу. Что ты ответил? Ваше государство не давало ей... как это? Про-пис-ку! Потому что она приехала из азиатского города...

— Из Душанбе.

— Да. Я забываю это имя... А там твою сестру и ее мужа чуть не убили и отняли у них дом. Что сделало твое государство? Кто послал воинов, чтобы заступиться за людей? А что ты говорил о своей матери, помнишь? Она нанималась много лет, но за работу получала не золото, а бумагу. Я знаю, вы все тогда получали бумагу. Но твоя мать отдавала свои бумаги... как это?

— В банк.

— Банк! Звучит как выстрел. И что сделало государство, когда старейшины этого самого банка ничего не отдали твоей матери? Не ты ли мне рассказывал в свой прошлый приезд, что эти же старейшины опять собирают золотые бумаги и живут в богатых домах на морских островах? Почему их не повесили за ноги и не надрезали им вены, чтобы ночью их поганые глаза выедали совы? — Хранительница закашлялась. Одна из девочек поднялась и принесла маме чай. — Я не буду спорить с тобой, Клинок. Ты будешь учиться. Год, если надо, два или три. Пока не найдешь равновесие в душе. Ты верно чувствуешь справедливость, но тебя приучили быть послушным. Когда ты сумеешь жить по справедливости, а не по запретам, ты будешь готов стать Клинком.

— Но ведь я и здесь слушаюсь! — уперся Артур. — Иначе будет полная анархия. Ведь Качальщики тоже стремятся к организации, госпожа!..

Хранительница поднялась, давая понять, что аудиенция завершена.

— Ты ошибаешься в главном, Клинок. Ты слушался Бердера и других старейшин, потому что все это время боялся. Мы сделаем все, чтобы ты перестал бояться. Ты станешь свободен и поймешь, что никто тебя не держит. Ты мог бы уйти из общины в любой момент. Я хочу, чтобы тебя держал не страх, а справедливость.

— Госпожа! Только один вопрос, госпожа... — Артуру показалось, что второго такого момента не будет. — Моя жена, Надя... Это Исмаил так сделал, что я влюбился в нее?

Хранительница от души рассмеялась, закутываясь в шубу:

— Хоть мои глаза и не видят, я семь раз становилась матерью и познала пятерых мужчин. Но только одного я не могу забыть, Клинок. Он был норвежцем и не говорил по-нашему. Кожа его пахла солью, а ладони

были шершавые, как кора столетней сосны. Он исколол меня бородой, так что утром пришлось намазаться маслом. Он оставил мне синяки по всему телу, так сказала моя сестра. Пальцы его были крепкие, как волчьи капканы. Он приплывал ко мне дважды, пока не стало ясно, что я понесла. Папа Клемент отдал ему на корабль четверых оленей. Прошло тридцать лет, Артур Кузнец, глаза мои так и не открылись. Но, если ты меня спросишь, я выберу не солнечный свет, а вкус соли на языке. Если ты сам не отдашь душу злу, никто не выберет за тебя, Артур.

24

НАЧАЛО БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

Буланый рысак переступил тонкими ногами и потянулся доверчивой мордой к человеку за шлагбаумом. Кобыла отвернулась и, натянув поводок, пощипывала молодую травку в расщелинах дороги.

— Путевая скотинка! — Человек в зеленой фуражке потрепал коня по холке. — Сколько хочешь за него, мужчина?

Бородатый дикарь в седле вежливо улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Лошади не продаются, стражник. Я могу бесплатно угостить тебя и твоих друзей чистой водой, вяленным мясом и фруктами, но я ничего не продаю. Я уже сказал, что не торговец.

— Тогда кто ты такой?

Человек за шлагбаумом быстро переглянулся с обоими подчиненными. Один солдат прятался в узкой бойнице цементного бункера, другой сидел, развалившись на коляске мотоцикла, и держался за приклад автомата. Стражнику не нравилось спокойствие дикаря. Конечно, всадник был дикарем, кожа его лица обветрилась до красноты, а ступни босых ног в стременах казались вырезанными из мореного дуба. К бокам коня были приторочены набитые кожаные баулы, но ни ружья, ни арбалета у гостя не имелось. По крайней мере, на виду. И это казалось очень странным.

— Откуда ты едешь? Ты отстал от каравана?

— Нет, я один. — Бородатый почесал коня за ухом, и у стражника вдруг екнуло сердце. За обшлагом рукава незнакомца блеснула сталь. — Я еду из... скажем так, из окрестностей Екатеринбурга.

— Что?! Ты смеешься над нами, мужчина? Где твоё оружие? Ты один едешь верхом от Урала? Ты колдун?

— Не совсем один, и не колдун... — Дикарь опять улыбнулся, но улыбка его не была теплой. — Мои товарищи отстали немного. Они не хотят идти в Москву, а у меня там есть дела. Я ответил тебе, стражник? Пожалуйста, открой и пропусти меня...

— Я не стражник! — озлился обладатель военной формы. — Ты что, не видишь погон? Я капитан безопасности. Ну-ка, дыхни! — Он протянул уже знакомую дикарю розовую бумажку.

Тот послушно дыхнул. Цвет не изменился.

— Разве болезнь еще ходит? — удивился бородатый. — Мне говорили, что последнего заразного забили камнями лет десять назад... А ты действительно капитан! — вгляделся босоногий наездник. — Послушай, капитан. Я мог объехать вашу заставу полем, но не хотел терять время. По пути я проехал десятки селений, где живут люди, и, как видишь, цел. Я стою здесь и разговариваю с тобой, хотя солнце садится, а мне хотелось бы до темноты достичь Москвы. Как ты думаешь, служивый, почему я добрался досюда сквозь заставы?

Капитан кинул косой взгляд на напарника и подумал, не позвонить ли в гарнизон. Солдат на мотоцикле, одетый в железнодорожный костюм и пятнистые штаны, навел оружие на конного. Капитан вдруг понял, что ему еще в этой истории не нравится. Собаки не лаяли. Все три волкодава должны были уже рваться с поводков, но ни один даже не появился из-под навеса.

— Мне плевать, как ты ехал раньше, — сплюнул старший пограничник, — но здесь положено платить. Заплати, я тебе дам жетон, по нему тебя пустят переночевать в нашем гарнизоне. Или у тебя нечем заплатить? Тогда мы вызовем патруль и сдадим тебя майору. Он проверит, кто ты такой и откуда взялся!

Капитан взял коня под уздцы. Теперь, если будет доказано, что он поймал колдуна, а скорее всего, так оно и есть, одна из лошадок ему гарантирована...

— У меня есть чем заплатить, — не меняя тона, ответил дикарь. — Но тебе я ничего не дам, потому что платить не за что. Если сумеешь, подойди и возьми сам. — С этими словами бородатый расстегнул висевший у седла подсумок, засунул туда руку и показал целую пригоршню драгоценных камней. Затем матерчатая крышка подсумка опустилась, а дикарь вернул руку на седло.

Капитан беспомощно оглянулся на сержанта. Он не решался просто так выхватить револьвер и пристрелить наглеца. Солдат в амбразуре присвистнул; он немножко разбирался в камнях. Если это не подделки, то на майских торгах за то количество, что небрежно таскал в сумке вшивый дикарь, можно было бы купить целое стадо! Последние годы камни снова пошли в цену...

— И возьму!

Капитан кивнул сержанту. Тот, уже не скрываясь, поднял автомат. Дикарь скрестил руки на груди и отвернулся, словно речь шла не о нем. Капитан пролез под шлагбаумом и запустил руку в глубину подсумка.

Дальнейшее произошло настолько быстро, что боец в дзоте, которому судьба отпустила еще пятьдесят лет, всякий раз начинал задыхаться и махать руками, не в силах внятно описать события. У капитана кровь отхлынула от лица, он потерял фуражку и вытаращился на свою ладонь, на которой теперь не хватало трех пальцев. После этого он завopil тонким голосом, брызгая слюной, а сержант открыл стрельбу. Точнее, он передернул затвор и выпустил очередь в землю. После этого выронил оружие и схватился за левый глаз, из которого торчал метательный нож. Третий стражник располагал только арбалетами, причем последней модификации, сразу на три стрелы без перезарядки. Три стрелы он и выпустил, а затем еще три. Когда он снова поглядел в щелку, дикарь все так же неизбежно сидел на коне, а капитан валялся в пыли, прижимая к груди изуродованную кисть. Босоногий колдун поднял голову и, глядя арбалетчику в глаза через темную прорезь бойницы, выпустил из ладони шесть сломанных стрел.

— Выйди и подними бревно! — приказал колдун.

Солдат, чувствуя, что его неудержимо тянет по-большому, семенящими шагами покинул укрытие. На стенке висел телефон, и он мог бы позвонить, и должен был позвонить, но не решился послушаться жуткого гостя. А еще он мог бы спустить собак, достаточно было выдернуть крюк из железного кольца. Арбалетчик спустился на три ступеньки из цементной башенки, увидел псов и понял, что отныне он сделает все, о чем бы ни попросил пришелец. Клыкастые звери, каждый крупнее взрослого волка, повизгивали, как щенята, и, натягивая цепи, ловили кусочки мяса, которые швырял им колдун. Зажмурившись, стрелок крутанул ворот с противовесом. В руках у колдуна, как и прежде, не наблюдалось никакого оружия.

— Мои пальцы! — верещал капитан. — Эта сволочь откусила мне пальцы!

Шлагбаум поднялся, и дикарь тронул коня. Кобыла неохотно припустила следом. Арбалетчик не смел поднять взгляд, по спине его струился пот, он чувствовал, что еще немного, и он обделается, не сходя с места, на дороге. Прямо напротив его лица очутилась голая мускулистая лодыжка, вся в шрамах и ссадинах.

— Ты тоже хочешь плату? — Дикарь приоткрыл подсумок.

Боец задрожал всем телом, но любопытство пересилило. Он взглянул и, пошатнувшись, плюхнулся задом в апрельскую грязь. Из сияния драгоценностей торчала плоская треугольная голова с двойным рядом

загнутых внутрь зубов в открытой пасти. В зубах монстр перекатывал безымянный палец капитана с надетым широким железным кольцом. Кольцо, видимо, и мешало обитателю сумки проглотить добычу.

— Я не убью тебя,— сказал голос сверху,— если ты мне пообещаешь, что не пошлешь по следу других. Если за мной будет погоня, я вернусь и отдам тебя крылатому. Он еще маленький, ему требуется много мяса, чтобы вырасти. Ты веришь, что я вернусь?

Солдат закивал, истерически всхлипывая.

— Теперь послушай,— бесстрастно продолжал колдун.— Слюна Мига не позволяет крови сворачиваться. Твой капитан, скорее всего, умрет. Если ты перевяжешь ему руку, он выживет и скажет майору, что это ты поднял шлагбаум и пропустил колдуна. Он подлый человек.

— Я... я... я не трону его.

— Это твоё дело. Что такое Гарнизон? Это коммуна?

— Нет... Здесь у нас три... — Арбалетчик все еще всхлипывал.— У нас три коммуны. Гарнизон подчиняется Кремлю.

— Вот как? — Кажется, впервые дикарь удивился.— Сколько солдат в гарнизоне?

— Во... восемьдесят.

— А в коммунах нет своих бойцов? Сами они не могут защитить город?

— Им запрещено. Указ президента...

— Надо же, у вас появился президент! Я три года не был в... Москве, солдат. Кто вас, в таком случае, кормит? Коммуны?

— Нет, это тоже запрещено... — Солдат размазывал по лицу слезы.— Не три года... Прости, господин, я не хотел сказать, что ты лжешь. Но такой порядок установлен уже больше пяти лет. Коммуны платят оброк в Кремль, а уже оттуда нам присылают жалованье и еду. Гарнизоны следят, чтобы оброк уходил вовремя...

— Экономичная схема, а главное — оригинальная... Я не понял, для чего тут стоит гарнизон, солдат. Я не вижу следов боев. Кто нападает на город, солдат?

— Никто... — Арбалетчик осмелился поднять глаза.

Колдун спустился на землю, чтобы забрать автоматы стражников. Вблизи он оказался совсем не таким высоким и страшным, как казалось раньше. Длинные русые волосы, связанные в две косицы, были заправлены за ворот свободной дерюжной хламиды. И боже мой! Арбалетчик ощутил тошноту. За спиной у демона висел длинный мешок, из которого, прорвав ткань в двух местах, торчали желтые когти.

— Я люблю животных! — не оборачиваясь, сообщил колдун. Он откровенно посмотрел на корчащегося в луже крови капитана и легко запрыгнул в седло.— Значит, на город никто не нападает? Это я знаю и без тебя, солдат. На три дня пути от транспортного кольца дикарей нет уже

много лет. Тогда зачем ты здесь? Тебе нравится отнимать деньги у тех, кто слабее? Отвечай!

— Не убивай меня, господин, прошу тебя!

— Отвечай, это важно! Откуда ты родом?

— Я из тульской общины оружейников. Папа послал меня в гарнизон в год Холодной смуты... Это все отец, я не посмел послушаться. Он сказал, что солдатом безопасности быть почетно и спокойно. Безопасность не дерется с дикарями, нас все слушаются...

— Это что за чертовщина — «холодная смута»?

— Но ты сказал, что не был в Москве всего три года!

— Черт возьми, приятель! Если хочешь знать, я вообще из Питера, но политикой интересовался мало. Говори!

— Что ты хочешь узнать? Когда семь лет назад президенты начали дележку земель за Кольцевой дорогой, они договорились, что их люди будут драться на холодном оружии...

— Час от часу не легче! Так у вас тут несколько президентов?

— Было четверо, теперь осталось двое. Наш гарнизон подчиняется кремлевскому папе Ивану. Есть еще президент большой Думы, но скоро его свалят... Папа Иван — настоящий президент России, потому что только у него есть огненные грибы. — Арбалетчик ощутил легкое дрожание почвы. Он сразу понял, что это такое: грузовик вез патрули на смену, двенадцать человек. Дикарь сидел, понурившись, в седле, и долю секунды солдат колебался. Но затем он вспомнил про шесть пойманных в полете стрел:

— Господин, сюда едут. Тебе надо уходить...

— Я слышу, — отозвался колдун, задумчиво почесывая бородку. — Как ты сказал: «огненные грибы»?

— Да, господин. Папа Иван дружит с колдунами со Старой площади. По слухам, такой колдун может пожать тебе руку, и через три дня наступит страшная смерть... А еще колдуны показали папе Ивану тайную комнату, где живет страж огненных грибов. Никто не знает, что это такое, но колдуны никогда не врут...

— Все ясно! — Колдун подобрал поводья. — Я проехал полстраны и не верил тому, что мне говорили друзья. Здесь невозможно дышать, солдат. Прощай, и прими совет — уходи в коммуны, пока тебя не засало. В тебе еще есть честность.

— Спасибо тебе! — Стрелок облизнул пересохшие губы, провожая глазами маленький вьючный караван. — Спасибо, что не убил меня, господин!

У колдуна оказался превосходный слух. Он придержал коня и обернул к сидящему в грязи человеку неожиданно грустное лицо:

— Ты умрешь и без меня, приятель. И очень скоро, если не бросишь свое занятие.

— Я брошу! Я уйду, клянусь, господин!

— Вот и хорошо.— Колдун прищипорил жеребца босыми пятками.

Над столбе шлагбаума болтался щит с кривыми буквами: «Город Королев».

25

КЛИНОК И ПОРЯДОК

Следующий раз одинокого путника с двумя навьюченными лошадьми пытались задержать на Второй кольцевой дороге. Стража пропускного пункта издалека, с вышки, следила, как путник искал проход в сплошной полосе противотанковых ежей. Он медленно ехал вдоль шоссе и на ходу грыз цыпленка. Лейтенант безопасности прекрасно видел лицо дикаря в мощный армейский бинокль.

— Задержать? — лениво осведомился один из сержантов.— У него нет на шее жетона.

— Вижу, что нет. Похож на южного ковбоя, мог выйти и без жетона.

— И пешком обошел Москву? — фыркнул сержант.— Я возьму Ласку и схожу проверю, лады?

— Давай! — согласился лейтенант и занялся мозолями на ногах.

Когда спустя минуту он заметил, что внизу подозрительно тихо, то выглянул с башни и от удивления уронил на ногу кусачки. Ласка, непредсказуемая зверюга, лежала, раскинув лапы и довольно раззявив пасть. Дикарь спустился с коня, сидел рядом на травке и почесывал урчащего «азиата» по рыжему мохнатому животу. Сержант Халява лежал здесь же, лицом в землю, с руками на затылке и не делал попыток подняться. Ниже его скрещенных рук, вцепившись когтями в голую шею, восседало настолько кошмарное чудовище, что остальные стражники на башне начали немедленно творить молитвы.

— Не стоит, лейтенант! — Путник поднял глаза.— В меня вы не попадете, а парнишка умрет. Летун нервничает, когда шум... Лучше отоприте калитку.

— Не стрелять! Никому не стрелять! — выкрикнул лейтенант, как-то сразу поверив, что шесть винтовок не зацепят единственного человека.— Я калитку не открою. Не открою я, не открою!

Летун задрал мышиную морду с красными лучиками кошачьих зрачков и пронзительно зашипел. Лейтенант понял, что он ни за какие сокровища не спустится вниз.

— Гора не идет к Магомету? — непонятно спросил дикарь и исчез.

Что-то сверкнуло, шестеро бойцов в левой башенке Ярославской заставы на мгновение зажмурились, а когда лейтенант открыл глаза, посланец ада уже стоял рядом с ним. Хозяин вампира меньше чем за три секунды поднялся по вертикальной бревенчатой стене. И при этом он был босиком.

— Пощади меня, великий чародей! — Старший патруля бухнулся на колени. — Пощади, я поставлю за тебя дюжину больших свечей Блаженному!

— Не надо мне свечей. — Колдун открыл планшет, развернул на полу карту столицы. — Рисуй.

— Что рисовать, господин?

— Ты человек служивый, должен все знать. Рисуй мне границы коммун. И подписывай.

— Я... я не знаю точных границ, великий... И у нас нет коммун, в столице только гарнизоны. Я не имею права!

— Мне позвать моего друга? — Бородатый чужак внезапно схватил лейтенанта за мизинец и больно его вывернул. — Ты знаешь, как охотится летун? — Бешеные зрачки ввинчивались патрульному в мозг. — Когда он бьет хвостом, никто не успевает увернуться. Никто. У вас тут таких нет, это балтийские, северные зверушки. Он ударит тебя и отлетит. Он будет ждать. А я ждать не буду, я уйду. Летун будет ждать, пока у тебя не отнимутся ноги. Потом руки. Потом он начнет тебя есть. А поскольку он маленький, а ты большой, то трапеза затянется надолго. Ты будешь рисовать, паршивец?

Лейтенант потянулся к мелку.

— Сколько всего жителей сейчас в городе?

— Никто не считал! — буркнул лейтенант. — Говорят, что внутри кольца живет около ста двадцати тысяч.

— Скажи своим орлам, чтобы открыли ворота. Ты пойдешь со мной. Скажи, что, если за нами будет погоня, я отдам тебя летуну.

— Нет! Меня повесят за уход с поста!

Дикарь задрал подбородок. Над потолочной крестовиной башни ворковали почтовые голуби. Секунду спустя пушистые белые трупики попадали вниз. Лейтенант закрыл глаза и читал все молитвы, которые помнил.

— Мне очень жаль птиц. Я всего лишь хотел попасть в Институт холода. Я готов был заплатить за вооруженную охрану по городу. Вместо этого твой солдат спустил на меня собаку. Этот город разочаровывает меня второй раз за день. Садись на лошадь и поезжай впереди. Будешь показывать дорогу, вот адрес. И не вздумай меня запутать. Кстати, оторваться тоже не пытайся, кобыла слушает только меня. Ласка мне нравится, ее мы возьмем с собой.

Несчастный пленник в этом нисколечко не сомневался. Почти в полной темноте всадники миновали спорткомплекс «Олимпийский». Над чашей стадиона полыхали костры, оттуда доносились нестройные вопли и лязг оружия; шло какое-то состязание. На пересечении с Сухареvской всадников остановил патруль Чистопрудного гарнизона. Лейтенант показал жетон безопасности. Он мог бы закричать и броситься с лошади на землю, но на спине, в тоненьком холщовом мешке, поскрипывал зубами летун. Начальник патруля просто был не в состоянии ни о чем думать, кроме как о ядовитых шипах на хвосте упыря. Колдун с интересом поглядывал по сторонам, иногда задавал нелепые вопросы. Они довольно долго ждали на Сретенке, пока ковбои прогоняли скот. Лейтенанту показалось, что колдун рассердился, когда узнал, что стадо, клейменное квадратом, принадлежит не гарнизону, а лично папе Якову, главе Чистопрудных. Потом странный чародей долго не мог поверить, что некоторые гарнизоны открыли бордели, и женщин туда отдают за долги.

Они дворами проезжали места последних боев, где упрямы из Китай-города пытались противостоять солдатам Кремля. Ни за какие блага патрульный не осмелился бы один, в темноте, путешествовать по чужой территории, но владелец летуна был непоколебим и требовал вести коротким путем. Лейтенант с гордостью поведал, что лично выкуривал повстанцев из Ивановского монастыря. Эти глупцы не соглашались продавать своих пацанов президенту по твердым ценам. Они утверждали, видите ли, что Ярославль и Питер платят больше за будущих бойцов. Пришлось их научить порядку. Теперь главари сидят в тюрьме, самых ярых повесили, остальные отрабатывают на полях.

— Их убивают за то, что они хотят торговать по свободным ценам? — мрачно уточнил волшебник.

— Они нарушили порядок, господин. Но «китайцев» мы подмяли быстро, вот с курскими пришлось повозиться. Сказать по правде, господин, большая ярмарка собиралась на земле курских много лет. Туда вся Россия съезжалась. Но получилось как? Папа Иван, наш президент, очень добр. Он предложил курским без драки перевести большую ярмарку за Малый Каменный мост. Потому что приходят тысячи со всей страны, и никто не платит Кремлю. Курские отказались, дураки! Теперь у них нет ни ярмарки, ни гарнизона. Теперь на Курском вокзале заправляет префект президента.

— У Кремля больше всего людей?

— М-м-м... Три тысячи стволов мы можем выставить в один день, господин. Да к нам все время приходят новые люди, отовсюду...

— Значит, президент Иван заставляет другие гарнизоны продавать Кремлю товар по низким ценам?

— Почему по низким? По справедливым, господин. Вот, например, речники. Год назад они взбунтовались, потому что хотели на всех пристанях торговать рыбой по своей цене, а дальше их не касалось. Но папа Иван радуется за народ, он сказал речникам, что люди бедные и не станут больше платить за рыбку, как за свинину. Он честно предложил этим жадным гадам, что Кремль будет скупать у них все на первой пристани по хорошей цене. Они уперлись. Конечно, сотню лет наживались на нас, а теперь им прижучили хвост!

— И чем кончилось?

— Сейчас полный порядок. Мы утопили четыре баржи вместе с их главарями. Теперь все общины речников продают рыбку только Кремлю.

— А в Москве после этого не стало меньше рыбы?

— Ты прав, господин, несколько месяцев рыбы вообще не было. Как и ковбои, речники перестали ездить на ярмарки. Но потом мы послали к предателям гарнизоны, и все наладилось. Кое-кого пришлось повесить, конечно, не без этого... Мой взвод, господин, умирал шайку речников в Рублево. Четыре дня мы выкуривали этих демонов из их землянок, пока они не сдались. Полковник пожаловал мне перстень, и еще мне было позволено взять двух девок. Жаль, ни одна не оказалась мамашей...

— И что с ними? Ты живешь с ними?

— Зачем, господин?! Я отдал их в бордель. Одна, правда, померла во время черной язвы, но вторая до сих пор приносит мне доход. Она красивая и здоровая. Если господин пожелает...

Постепенно заложник успокоился: чародей не проявлял явной враждебности. Возможно, мне еще удастся его задобрить, размышлял лейтенант, я отдам серебряные браслеты, я оплачу ему девок из «Балчуга»... А может, я ему понравлюсь, и чародей возьмет меня в обучение? Вдруг он сам предложит? Ведь отказываться нельзя, егомышь сожрет меня заживо! Святой Василий, мир праху твоему, за что ты меня караешь?..

— Здесь! — сказал лейтенант, указывая на темную гранитную громаду, окруженную широкой полосой кустов. — Тот адрес, что ты искал, господин. Если позволишь зажечь фонарь, там на стене должны быть цифры, номер дома.

— Нет! — Колдун спешил. — Никакого огня. Теперь давай мешок и уходи.

— Как «уходи»? Ты меня отпускаешь?

Лейтенант двумя пальцами передал хозяину его мешок с мышкой, и только тут до него дошло, что придется возвращаться пешком через весь город. А после объяснять капитану, почему остался жив. И неожиданно для себя он проблеял:

— Позвольте мне остаться с вами, господин.

— Ты боишься темноты? — Бросив уздечку, колдун уверенным шагом продирался сквозь кусты к воротам здания. — Хотя, конечно... Как тебя зовут, лейтенант?

— Мое имя Андрей Порядок.

— Как?! — Босоногий демон расхохотался, настолько непринужденно хлопая себя руками по ляжкам, что Порядок невольно улыбнулся в ответ. — Это знаковый момент! — непонятно сказал демон.

— Я осмелюсь спросить: как твое имя?

Лейтенанту очень хотелось вытащить из голенища нож; он никогда не ходил в темноте без ножа, но при колдуне стеснялся. Тот тем временем толкнул дверь. Ласка сунула во мрак лохматую голову и коротко рывкнула.

— Зови меня Артур Клинок. Теперь запали фонарь.

— Что ты здесь ищешь, господин? Эти улицы проверены много раз, там ничего нет.

— Помолчи. Посвети здесь...

— Я боюсь спускаться, господин. Эта лестница такая старая. Видите, там над входом звезда, значит, внизу пусто! У меня всего одна бутылка масла, господин! Смотрите, великий, даже собака не хочет спускаться!

Овчарка кружилась вокруг лестничного пролета и ворчала, оскалив пасть. Что-то она унюхала там, внизу, куда не достигал ни единый луч света. В здании института пронзительно пахло мышами и гнилым деревом.

— Вот что! — Клинок нетерпеливо обернулся. — Ты служишь в безопасности и на голову выше меня, а ведешь себя не как Порядок, а наоборот. Или ты заткнешься, или подожди меня тут.

— Нет, только не тут. Я отсюда в жизни один не выберусь! Говорю тебе, господин Клинок, я знаю парней, что проверяли этот квартал. Мой бывший капитан...

Беспрерывно стелая, он ковылял вслед за колдуном. Один пролет, другой. Здесь ступени треснули и обвалились вниз, пришлось пробираться по опорному, звенящему под ногами швеллеру. Перила тоже оторвались и повисли над пропастью, словно воротничок из чугунного кружева. В неясном свете масляного фонаря по мокрым от протечек стенам ползали мокрицы и улитки. Лестница спускалась вокруг квадратной шахты. Ласка урчала, осторожно пробуя каждую ступеньку лапой. Порядок заглянул в проем шахты и на самом дне разглядел фрагменты человеческого скелета. Кого-то уже скинули вниз... Нельзя было идти ночью, в отчаянии сетовал лейтенант. Ласка никогда не боится просто так; если здесь окопались крысы с полигона, нам не жить...

— Это здесь, — сказал Коваль. Овчарка подпрыгивала, норовя лизнуть Артура в шею. Он провел ладонью по глухой бетонной стене. — Посвети мне!

Телешев не мог ошибаться, думал Артур, разглядывая вырванную из журнала страницу со схемой. Где-то здесь должен быть рубильник... И рубильник нашелся, но электроны в щитке замерли много десятилетий назад. Понадобятся гранаты, а скорее — направленный взрыв.

— Хочешь послужить великому делу порядка? — Коваль придал голосу торжественность. — И прекрати озиаться. Это всего лишь крысы.

— Я хочу послужить, господин, но это не крысы. То есть это могут быть не совсем крысы. Даже Ласка боится...

Огромная собака действительно терлась между людей, как беспомощный щенок. Коваль расслабился и перенес всю энергию восприятия на зрение. Метрах в двадцати за поворотом лестницы, по которой они спустились, копошились три живых существа. Явной угрозы они не излучали, но Коваль усилил напор. Два широких коридора крест-накрест, их пересекают два прохода поуже. Множество полузатопленных помещений, ни одного крупного животного. Дальняя часть подвала обвалилась, повсюду плескалась вода. Видимо, не так давно просело все цементное основание здания и продолжало мягко уходить в грунт. Лишь за спиной Артур чувствовал мощный титановый каркас. Несомненно, сейсмотамбур. Но входа не было.

Из бокового прохода двигалось нечто живое и, судя по вздыбившейся шерсти собаки, крайне злобное. Всего лишь крысы, но крысы очень большие, размером с фокстерьера.

— Порядок, они агрессивны?

Лейтенанта в который раз затрясло. Он почти перестал бояться своего собеседника, но теперь оживали его худшие предчувствия. Он не видел соперника и заранее готовился к смерти.

Коваль следил, для верности закрыв глаза. Две хвостатые твари, пригнувшись, продвигались вдоль стенки. Еще две исчезли. Фонарик скорее коптил, чем светил. Артур стоял на ледяном цементном полу, но тут у него мелькнула замечательная идея. Он переместился на шаг в сторону, и правая нога провалилась в лужу. Какое счастье, земля! Кольцо восприятия немедленно замкнулось, разгоняя сердце, сжигая жиры, но он сразу услышал и собаку, и лошадей, и крыс. Секунду спустя он уже знал, что их окружают минимум восемь подвальных хищников. И никто из них не подчинится воле Артура. Как и пчелы, как и прочие представители коллективного разума. Подобные штуки городскому, пусть и демону, были не по плечу.

— Если это черные крысы, господин, то не страшно. Если рыжие — их завезли с южного полигона, — то нам конец... Я видел, как одна такая крыса ела человека, хотя у нее не было задней части...

— Встань мне за спину и помолчи.

Коваль зажал зубами четыре ножа, крайне осторожно откупорил плоский флакончик в поясной сумке. Затем по очереди макнул лезвия в яд.

У него имелось тридцать клинков, понадобилось тринадцать. Бердер бы сказал: «Плохо» — дважды кидал в одного зверя. Извиняло только то, что кидал в полной темноте.

— Все,— сказал Артур, успокаивая сердце. Он срочно нуждался в глюкозе.— У тебя есть еще масло для фонаря?

— Немного, господин, и тряпка кончилась... Великий колдун, возьми меня к себе в ученики! Как ты это делаешь?! Я чуть не уделался со страху!

— Я не колдун. Возьми нож и обрежь шерсть собаке, сделай факел. Потом сходи и принеси мне тринадцать ножей. Надень перчатку и не прикасайся к лезвиям, пока не прокалишь их на огне. Для смерти достаточно малейшей капли. Я не слышу радости, Порядок? Неважный настрой для ученика.

Когда на перекошенных плитах, покрытых белесой грибницей, задымил вонючий костерок, Коваль увидел своих противников. Грызунам досталось от людских экспериментов еще больше, чем питерским булям. Темно-рыжая, в проплешинах, шерсть, голый хвост, щетинистый горб на затылке. Скакательный сустав на задних лапах развернут в обратную сторону, и вообще задняя конечность вдвое длиннее передней, как у кенгуру. Слепые бусинки глаз, точно у крота, и неправильный прикус. Нижняя челюсть выдавалась вперед, обнажая зубки, скорее подходящие доbermanу. Ласка тихо подвывала у Артура за спиной.

— Они не живут при свете, господин. Говорят, что их завезли случайно, с полигона, где добывают гранаты. Там бункеры и гнилая вода. От гнилой воды все изменяется. Комары вырастают с воробья, а крысы их ловят. Мы отслеживаем их и сжигаем, но днем. А ночью они нападают на скот. Одна крыса может задрать целое стадо свиней, просто так, будто волк...

— Пошли! — скомандовал Коваль. У него в голове забрезжила новая мысль. Если повезет, можно будет обойтись без гранат.— Нам выше этажом, но надо найти эту же точку.

Точку они искали недолго. У патрульного заметно отлегло от сердца, потому что на первом этаже в окна проникал лунный свет, и, стало быть, крысы здесь не достанут. Коваль развязал мешок, вручил Порядку топор:

— Ломай пол, приятель. Вскрывай-вскрывай, пока не дойдем до перекрытия.

Лейтенант скинул куртку и взялся за дело. Вдвоем они часа за два содрали верхний слой досок, вычерпали труху и достигли кожуха вентиляционного колодца.

— Руби железо!

Затем лейтенант спустился в дыру и на ощупь прорубил еще две металлических преграды, а также несколько сетчатых фильтров. Когда

отверстие стало достаточным, Коваль опустил в темноту веревку с горящим концом. И почти сразу увидел край анабиозной капсулы. Ласка сунула нос в дыру, но ничего подозрительного не унюхала. Лейтенант сидел на полу и дышал, как загнанная лошадь, разглядывая то, что осталось от топора. Хорошо, что я прихватил этого тяжеловеса, порадовался Коваль. Если придется вытаскивать людей через вентиляцию, один я не справлюсь...

Они сколотили из досок подобие лестницы. Высота потолка в камере превышала три с половиной метра. Затем накидали вниз топлива для костра и спустились. У Артура пересохло в горле, когда он с факелом в руках подошел к первой капсуле. Свершилось то, о чем он мечтал три года. Чудо уже то, что он сюда добрался, несмотря на препятствия. А вдвойне будет чудом, если из московской пятерки кто-то окажется живым...

Из окошка первой капсулы на Ковалю смотрела оскалившаяся мумия. Порядок охнул и забормotal молитвы. Вне сомнения, он считал, что присутствует на дьявольском обряде в заколдованном подземелье, откуда живым уже не выйдет.

— Это обычные люди! — как можно мягче сказал Артур. — Они уснули до Большой смерти, понимаешь?

Вторая и третья капсулы. То же самое. Даже не мумии, а сплошное месиво, видимо, температура реагента поднялась слишком быстро. Ковалю хотелось заорать от безысходности. Следующие два агрегата стояли пустые. Еще одна капсула, с мертвецом внутри. Порядок молился. Очевидно, он полагал, что колдун прямо сейчас оживит скелеты, и они полезут к нему обниматься.

И тут Коваль увидел слабый свет. Совсем крохотные голубые огоньки у изголовья двух последних лежанок. Та самая криобатарея, о которой писал Телешев, последняя разработка Толика Денисова. Замерев от вспыхнувшей надежды, Коваль протер иллюминаторы. Мужчина и женщина. Оба целы, хотя лиц практически не разглядеть. Маски на месте, а выше, словно застывшая слюда, сантиметровый слой реагента. Он нагнулся к пульту, но все приборы оказались мертвы. Единственным доказательством, что капсулы в режиме функционирования, оставалось бледное свечение индикатора.

Выбора нет, сказал себе Коваль, и повернул оба выключателя. Ментально пространство внутри капсул осветилось, и в окошках побежали перевернутые задом наперед зеленые цифры. Точно такие же, что встречали его три с лишним года назад. Программа реанимации запустила обратный отсчет.

— У нас три часа, лейтенант! Можешь поспать, — сказал Артур, удобнее усаживаясь на мешке.

В дыру на потолке проникал неясный лунный свет. Овчарка время от времени поднимала мохнатую голову: Ласка терпеливо дожидалась нового хозяина, ушедшего под землю.

— Я не усну, господин, тут слишком холодно! — Порядок лязгал зубами. Периодически он разжигал костер, а затем задышался от дыма. — Ты пришел в столицу, чтобы оживить этих могучих магов, господин?

Колдун долго не отвечал, и патрульный уже решил, что тот заснул.

— Не только за этим! — наконец отозвался голос из мрака. — Мои друзья, они живут далеко отсюда, просили меня узнать, как тут у вас дела... — Колдун вздохнул. — Они считают, что в Москве царит беззаконие и страдают много людей.

— Но это совсем не так! — горячо заступился за родимый край лейтенант. — Ты же заметил, господин, какой на улицах порядок. Если бы господину было угодно задержаться, я показал бы ему столицу днем. С моим жетоном безопасности, — он звякнул цепочкой, — мы пройдем везде...

— Я видел виселицы на мосту. Человек двадцать, не меньше.

— Ах эти! Это бунтовщики из Люберец, они посмели заявить, что будут сами торговать птицей с Ярославлем. Представь себе, они хотели оставить казну без оброка.

— А Ярославль? Их коммуны тоже подчиняются Кремлю?

— Пока нет, господин. Но это ненадолго! Ходят слухи, великий, — Порядок понизил голос, — что очень скоро мы выступим туда и поставим гарнизон. Они совсем обнаглели, ярославские!

— Я слышал, что у папы Ивана есть огненные грибы? — как бы незначай осведомился Коваль.

— Мой господин, об этом нельзя говорить, но... — Патрульный подобрался поближе, словно его кто-то мог подслушать. — Наш мудрый президент, мир дням его, заключил союз с колдунами из полигона, что добывают порох и гранаты. Никто не знает где, но за городом есть большие подземелья. Там стоят моторы, которые можно разбудить. А на моторах лежат железные трубы. В трубах спят огненные грибы. Есть тайные заклинания, которые могут их разбудить...

У Ковалья внезапно заломило виски. Это круто, дальше некуда, рассуждал он. Видимо, оперативно-тактические ракеты малого радиуса. А почему бы и нет? Он представил себе армаду грузовиков на деревянных колодках, законсервированных в ангаре, щедро политых маслом, и зачехленные тупые рыла боеголовков. А тайные комнаты? Забытые командные пункты, где хранятся шифры на запуск, или как у них там это называется? Возможно, что для подобной техники не нужны никакие шифры...

— Знаешь, господин, я сначала испугался, что ты из Тех, кто рассказывает... Ведь известно, что они умеют подчинять себе зверей и убивают

одним взглядом. Я так испугался, господин, но потом увидел, что ты сражаешься железом. Я уже решил, что сбывается легенда о Проснувшемся демоне...

— Как ты сказал?!

— Ну, это, конечно, сказки, но есть те, кто верит. Нам рассказывал на моление настоятель собора Святого Василия. Он хоть и колдун, но добрый человек, прямо как ты, господин. Он говорил про гадания на крови дикарей. Когда поймали и пытали мерзких колдунов с востока, что насылали язву на скот, они признались, что гадали на крови и видели, как придет в Москву Качальщик по имени Проснувшийся демон, и наступят от него великие беды и гибель... Это глупость, я понимаю, господин. Мерзкие колдуны всегда обещают погибель, когда их пытаются. Но они плохие, не такие, как ты, великий...

— Помолчи-ка! — Коваль снова почувствовал себя рыбой, поддетой на крючок. — Ты поведал мне много интересного. Раньше я склонялся к мысли, что в Москве мне делать нечего, но теперь я, пожалуй, задержусь.

— Я так счастлив, господин! — В мыслях патрульный уже представлял, как он приведет столь ценного человека к капитану. Или нет, лучше сразу к полковнику! — Ты даже можешь, господин, если захочешь, быть представленным самому президенту. И заслужишь великие богатства благодаря своим чудесным умениям. Ты увидишь, что твои друзья ошибались, и в столице полный порядок.

— Это меня больше всего и пугает! — чуть слышно отозвался колдун.

26

ХОТЕТЬ В ПАРИЖ НЕ ВРЕДНО!

Пробуждение прошло нормально. Последние минуты Артур провел, неотрывно наблюдая за процессами в капсулах. Едва загорелась надпись об успешном завершении процесса, он не стал ждать, пока человек внутри очнется, и принялся крутить подъемный винт вручную. В первой капсуле лежала женщина. Едва открыв глаза, она принялась орать, забилась в угол и глядела на Коваль с выражением пещерного ужаса. Даже электроды с головы позабыла снять. Мужчина из второй капсулы вел себя приличнее, хотя тоже здорово перетрухнул. Артур уже решил, что оба повредились мозгами, и теперь у него на руках окажется вместо соратников парочка пускающих пузыри идиотов. Он открыл мешок и кинул им одежду. Женщина осознала свою наготу и тут же прикрылась. Коваль даже не успел заметить, красива ли она. Потом

он поставил себя на место проснувшихся людей, отошел в тень и заговорил. Он употребил все свое красноречие, чтобы успокоить их страхи.

Спустя какое-то время мужчина натянул штаны и подошел представиться:

— Сергей Дробиченко. А это моя жена Людмила.

Людмила стучала зубами. Для Коваля, который давно не обращал внимания на такую ерунду, как холод, стало очевидным, что спасенные в самом скором времени попросту замерзнут. Он поднял за шкуру лежащего ничком на полу лейтенанта. Порядок тут же бухнулся на колени и принялся умолять великих колдунов сохранить ему жизнь. Как ни странно, поведение и одежда стражника подействовали на супругов Дробиченко отрезвляюще. Кое-как все четверо по самодельной лесенке выбрались наверх и, к радости Порядка, разожгли наконец нормальный костер.

При виде того, во что превратился институт, у полуголого инженера отвалилась челюсть. Коваль послал к Людмиле Ласку; женщина обхватила собаку и уставилась в огонь. Артуру очень не нравилось ее состояние, лучше бы она продолжала плакать. Искры взлетали к высокому потолку, выхватывая из темноты развороченные стеллажи и обломки оборудования. В разбитые окна стучали кусты, порывами налетал колючий ночной ветер.

— Господи! — сказал Дробиченко, вернувшись с короткой экскурсии по этажу. — Там за окошком стоит лошадь!

— Это моя! — кивнул Артур. — Не желаете подкрепиться?

Он вытащил из мешка свои запасы. Слишком хорошо Коваль помнил, как его сгибало в дугу первые часы. Убедившись, что Людмила способна самостоятельно питаться, он протянул супругам журнал Телешева. Закончив читать, Дробиченко некоторое время сидел неподвижно и шевелил губами, как двоечник, забывший у доски ответ. Он был очень смешной, лысый и тощий, с оттопыренными ушами. Людмила повязала на голове какую-то тряпку, чтобы скрыть бритую макушку. Коваль посчитал это добрым знаком: раз женщина вспомнила о мужском внимании, стало быть, оклемается...

— Выходит, Ракитский, не спросив нас, изменил режим? Но это произвол!

— Иначе вы были бы мертвы, — холодно ответил Артур.

— А остальные? Там сказано, что...

— Никто больше не выжил. Остальные капсулы повреждены. Теперь вы можете слушать? Люда, я к вам обращаюсь!

Женщина кивнула. Останавливая взгляд на костюме и черных пятках Коваля, она и теперь слегка замирала, но самообладание уже возвращалось к ней. Артура вторично кольнуло нехорошее подозрение. Ему очень не нравилось, когда люди не смотрят в глаза.

Он снова заговорил. Ученые понимали по-английски, и Коваль, насколько позволила память, объяснил им, кто такой его спутник и почему не стоит быть особо доверчивыми в его присутствии. Затем отослал лейтенанта сторожить вход, хотя в этом не было никакой надобности. Он ни слова не сказал о Качальщиках, но попытался в общих чертах передать ситуацию в Москве и за ее пределами. Дробиченко долго молчали, переваривая оглушительные новости. Только теперь до Артура дошло, что совсем не обязательно ученые его послушают и уедут в Питер. Для него раньше не возникало сомнений, что именно так следует поступить, но теперь он крепко задумался. Рядом сидели взрослые самостоятельные люди, которые, безусловно, требовали ухода и поддержки, но вполне могли отказаться от его услуг.

— Стало быть, работорговля? — опустил голову, уточнил Сергей.

— Все к тому идет.

— И фашистская клика во главе?

— Пока что скорее мафиозная структура. По крайней мере, кремлевцы строят жизнь «по понятиям». И контролируют они даже не все Подмосковье. Но замахиваются на всю страну. Один мой местный знакомец назвал это возвратом к естественным общественным отношениям.

— Ну разумеется... — Дробиченко пожевал копченую цыплячью ножку. — А что за границей?

— Примерно то же самое. В смысле плотности населения. Последние лет двадцать наладилась торговля. Про Москву не знаю, но питерские ходят караванами в Финляндию, Польшу, Литву, Швецию... Впрочем, границы теперь весьма условны.

— И что вы предлагаете нам делать? Чем лучше ваш папа Рубенс, чем новый президент? Может, лучше махнуть в эмиграцию?

— Именно это я и намеревался вам предложить. Вместе отправиться в Берн или Париж. Возможно, нам удастся разбудить коллег...

— Вы только что сказали, что нет ни поездов, ни авиации! — гневно перебила Людмила. — Вы полагаете, что мы пойдем в Париж пешком?! Больше делать нечего!

— Ты же сама хотела! — заикнулся супруг, виновато поглядывая на Коваль.

— Хотеть не вредно! — всхлинула Людмила. — Ты как всегда, Серж. Сначала бросаешься, ни с кем не посоветовавшись...

— Да, знаете ли... — нерешительно добавил Сергей. — Мы вам, конечно, верим, но хотелось бы пообщаться с кем-то из руководства...

— Руководство?! — Артур сдержал ругательство. Черт подери, с этим инженером они говорили на разных языках! Или он за три года совсем одичал? — Вы можете присоединиться к любому из столичных гарнизонов, а их более двадцати, не считая пятидесяти мелких банд.

— Позвольте! Мы похожи на людей, способных вступить в банду?

— Вам так или иначе придется кому-то подчиняться,— развел руками Артур.— Но здесь я прогнозирую бесконечную войну за сферы влияния. Папу Ивана рано или поздно грохнут, как любого тирана, может даже начаться общее восстание.

— Он действительно Иван, или претендует на лавры Грозного?

Артур посмотрел в окно. Над столицей занимался рассвет. Радуюсь первому теплему утру, в палисаднике принялись куролесить сотни пернатых.

— Не он, так другой... Ребята, нас отшвырнуло назад на тысячу лет.

— Вы сами убивали людей?

Людмила не сводила с Коваля колючего взгляда, но стоило ему повернуться, как она тут же прятала глаза. Коваль почувствовал, что начинает раздражаться, а это было совсем ни к чему.

— Иначе бы убили меня, сударыня. И вы бы навсегда остались в капсуле. Вас устраивает такой ответ?

— Секундочку! — забеспокоился Сергей.— Уж не намекаете ли вы, что и нам придется стрелять? Меня от этого увольте!

— Вы можете поехать со мной в деревню. Там вам не придется брать в руки оружия...

— В деревню?! — саркастически хмыкнула Людмила.— Для того я готовила докторскую, чтобы копаться в навозе?

Оба Дробиченко, насупившись, молчали. Артур решил смягчить разговор:

— Я предлагаю вам поехать со мной, и совсем не обязательно в Питер... Я так ждал этого дня. Я ждал, когда смогу пообщаться не с дикарями, а с современниками.— Он не находил, что еще сказать.— Но сейчас вам лучше подождать меня здесь. Я добуду вам еду и лошадей. Ни в коем случае не выходите наружу. Ласка останется и будет вас защищать...

— Мне нужно принять душ! — перебила Людмила.

— Сожалею, но здесь нет воды.

— Нет воды?! Но я же не могу ходить как...как...

— Как я, вы хотите сказать? Я уверен, что найду вам воду.

— И это! Что это за дрань? — Людмила брезгливо рассматривала кожаные штаны.— От них воняет!

— Да, одежонка слегка подкачала! — неловко рассмеялся Сергей.— И правда, воняет. Видимо, мездоровали некачественно. Кроме того... Короче, я уже распорол ногу. Вы не могли бы найти нам обувь? У меня срок второй, а у Люды тридцать седьмой размер...

— Тут же была раздевалка! — вспомнила Люда.— Там все мои вещи и косметика. Серж, сходи посмотри!..

— В раздевалку вы не попадете! — урезонил женщину Артур. — Все подвальные помещения затоплены.

— Бред какой-то! Но магазины-то работают?

Ковалю показалось, что он сходит с ума. Чтобы не нагрубить, он быстро пробормотал слова извинения и покинул комнату.

Лейтенант исчез. Сбежал, собака, подумал Артур, полной грудью вдыхая талую апрельскую свежесть. Конь обрадовался, увидев хозяина, подошел и ткнулся в ухо слюнявыми губами. Некоторое время Артур прикидывал, как лучше поступить. Вряд ли Порядок приведет подмогу, он же понимает, что его не будут здесь ждать. Да, не вышло из парня ученика чародея, ну и бог с ним. Такого все равно не перевоспитаешь. А вот с Дробиченками гораздо хуже, пройдет время, прежде чем они адаптируются. Нет, не то чтобы он разочарован, но неужели у академика Ракитского не нашлось в штате никого поумнее?..

Коваль покормил дракона и поднялся в седло. Затем долго свистел в бесшумный свисток, подзывая летуна. Наконец, сытый до неприличия вампир появился, плюхнулся в мешок и уснул, выставив раздутое пузо.

— Хорошо тебе! — сказал летуну Артур. — Ты при любой власти пожрать найдешь!

Летун открыл один глаз и сказал «Кха!» С его морды свисал пучок вороньих перьев. Коваль сверился по карте и отправился в сторону ярмарки. Если где-то и продают лошадей, то именно там. Потом он представил себе, как долго придется уговаривать Людмилу Дробиченко сесть на лошадь, и поежился.

Москва была огромна, она разрослась еще больше. Многое Артур узнавал, но за двадцать лет до катастрофы построили и кое-что новенькое. Москворецкая набережная стала двухъярусной, за Устьинским мостом появился еще один, высокий, однопролетный. У Москворецкого моста он издали заметил трехуровневую развязку, а под ней баррикаду, прогуливающихся часовых и посчитал за лучшее объехать по другой стороне реки. Прямо под опорами моста стояли на якоре четыре сцепленных между собой рыбацких баркаса. На одном из них дымилась печурка, а дядьки в ватниках готовились выбирать сети.

Не встретив больше ни одной живой души, Коваль огородами выехал к храму Георгия Победоносца, оценил размеры разрушений и свернул к Болотной набережной. Он вынужден был согласиться, что столичные улицы смотрелись лучше. Скорее всего, судя по отсутствующим перилам набережных, армейские бульдозеры в дни кризиса просто сметали в реку брошенный транспорт. Несколько таких заросших лопухами машин, точно стадо слонов, пришедших на водопой, Артур заметил у самой воды. Потом ему встретился подбитый танк. Следов тяжелой артиллерии пока не наблюдалось, но стены всех нижних этажей зданий были густо наспигованы пулями.

Навстречу проехал почти целый джип, только вместо резины на ска-тах крутились какие-то тряпки. Трое небритых парней, сидевших в машине, проводили всадника хмурыми взглядами. На борту джипа красовался аляповатый трехцветный символ. Коваль вспомнил, что уже встречал такие же на стенах домов. Принадлежность одного из гарнизонов. Они уже поделили весь город, мрачно размышлял он, везде метят территорию. Наверное, тут нигде нельзя просто так взять и вселиться в полюбившийся дом. Вот я, например, с детства мечтал пожить в исторической сталинской высотке... Высотки, кстати, остались на местах, ни одна пока не рухнула. Но помимо них, всматриваясь в рассветное марево, Коваль заметил еще целый ряд циклопических сооружений, скорее всего, на самых окраинах города. Часть из них почернела от бушевавших некогда пожаров, но кое-где на большой высоте светились огоньки.

Ярмарку он сначала унюхал, а уже потом увидел. Несмотря на ранний час, остров кишел народом. Здесь раскинулись сотни, а может, и тысячи палаток. Торговали с телег и высоких фур, запряженных быками, из сбитых на скорую руку контейнеров и прямо на земле. Всю Берсеневскую набережную занимал бесконечный ряд дощатых сходней, к которым в очередь швартовались целые флотилии рыбацких судов. С грохотом и песнями грузчики катили бочки и кидали из рук в руки товар помельче. У дальнего причала стояла длинная баржа-лесовоз; такелажники вручную разворачивали стрелу с подвешенной сетью, заполненной дровами. Со стороны Большой Полянки ржала и мычала сухопутная колонна. Стражники с жетонами Кремля на груди поднимали бревно, пропускали телеги по одной. На облучок взбирался мальчишка и, как заправский лоцман, сопровождал очередного негоцианта в отведенный ряд. Везли все подряд. В конце апреля Артур никак не ожидал встретить фрукты, но мимо прокатились три телеги, забитые ящиками с яблоками.

Свинные полутуши в мешковине, засыпанные колотым льдом, привязанные за ноги вопящие индюшки, откормленные на печень неповоротливые гусаки. Следом за гусями прошла повозка, заполненная валенками, и закрытый железный фургон с оружием. На крыше передвижного арсенала восседали четверо молодцев самого свирепого вида. Коваль отыскал коновязь, где за мелкую монету можно было оставить лошадь. В который раз он убедился, что отстал от жизни. Служитель «паркинга», вороватого вида малый в кроличьей безрукавке на голое тело, наотрез отказался принимать золотой лом. Только президентские монеты, настаивал он, стреляя глазами, но в конце концов жадность взяла верх. Артур получил медный номерок, не догадываясь еще, что совершает глупейшую ошибку. Он оставил притороченными к седлу оба тюка и подсумок.

И он оставил в подсумке дракона.

27

ЗНАКОМСТВО С ИНКВИЗИЦИЕЙ

Ярмарка производила грандиозное впечатление. Несмотря на гвалт и суету, в оптовых секторах царил полный порядок. Коваль уже понял, что все товары сначала выставлялись здесь, проходили через посредников Кремля и лишь потом разбирались мелкими торговцами. На его глазах в считанные минуты купили целый караван с медом. Главная контора, где проходили крупные сделки, находилась, очевидно, в бывшем Театре эстрады, но среди рядов тоже бродили оптовики в окружении четверых дюжих офицеров безопасности. Деньги носили в кованых неподъемных сундуках. К «обменнику» тянулась длинная очередь, начальство ярмарки разрешало к свободному хождению только местное золото и серебро. Медь принималась и посторонней чеканки, но шла по абсурдно низкому курсу, практически на вес.

Артур постоял минутку, пытаясь разобраться в хитросплетениях цифр на огромной грифельной доске. Рубли ярославские, казанские, рязанские, тамбовские... Чем дальше шли торги, тем быстрее курс менялся не в пользу провинции. При равном весе и содержании золота в монетах ни один российский рубль не достигал в цене и восьмидесяти процентов от столичного. Но самое интересное ждало Коваль на другой доске. Марка, крона, фунт... Черт подери, выходит, от евро ничего не осталось и старушка Европа возвращается к удельным княжествам?

Он заставил себя оторваться от расчетов и уже направился в сторону усыпанной песком арены, где по кругу галопировали лошади, когда все и произошло.

— Вот он! Это он! — Истошный крик перекрыл остальные звуки.

Все головы повернулись в одну сторону. Разрезая толпу, как нож режет масло, к Артуру неслась шестерка вооруженных солдат. За их спинами, прижимая к груди обмотанную окровавленным тряпьем руку, бесновался тот самый придурок, которому Артур доверил коня.

— Это он, мерзкий колдун! Это Качальщик, убейте его!!

Все стало ясно. Воришка, вместо того чтобы защищать доверенное имущество, полез в сумку с камнями и напоролся на вечно голодного Мига. Если дракончика не кормить, он бы еще долго оставался маленьким и надежным стражем карманов; последняя модификация, выведенная Прохором Вторым, позволяла замедлять рост на несколько месяцев.

— Убейте его!

В Артура, почти в упор, целились из шести ружей. То, что осталось от несчастного Мига, один из патрульных держал на острие казачьей

сабли. Толпа мигом отхлынула в стороны, освобождая круг. Коваль проклинал себя за глупость. Проехать полстраны, миновать два пожара, дважды драться с дикарями, чтобы попасться таким нелепым образом! От пули не уйти... Он расслабил дыхание, концентрируясь на обступивших его солдатах. Нет, бесполезно. Коваль мог бы их обмануть, всех шестерых, но с рынка его не выпустит толпа. Он видел, как женщины показывали пальцами на мертвого змея, как крестились старики и сжимали кулаки мужчины. Неужели они убили и коня? В крайнем случае, он мог подозвать жеребца свистом...

— Я умираю! Лекаря! Позовите лекаря! — «Парковщик» катался в пыли, безуспешно пытаясь остановить кровь.

— Ты можешь спасти его, мужчина?

Артур обернулся. На площадке перед обменным пунктом почти не осталось людей. Толпа отступала, растворяясь в щелях между повозками. Перед Ковалем стояли трое. Один — высокий, очень худой человек с желтым лицом и набрякшими мешками под глазами. В руках человек держал очки с сильными стеклами и неторопливо протирал их замшевой тряпочкой. Высокие залысины, парадная офицерская шинель без знаков различия и блестящие, как зеркало, хромовые сапожки. На шаг позади говорившего насупились двое амбалов, по виду обычные телохранители. Оба также целились в Ковалю из револьверов.

Единственным острым воспоминанием, посетившим Артура в тот критический момент, была отчетливая картинка: Надя Ван Гог стоит на пороге дома, держа за руку старшего сына. Маленькая Белочка лежит, спеленутая овечьим одеяльцем, у отца на руках. Повитуха ошиблась, вторым родился не мальчик... Он целует дочь в розовую пуговку носика и передает теплый сверток матери. Потом поворачивается и уходит не оглядываясь. Он так и не успел понять в безумном ритме лесной учебы, любит ее или нет...

— Могу... — осторожно ответил Коваль. — Могу вылечить и его, и тебя.

— Спаси его! — Человек надел очки. Он прекрасно собой владел, но от Ковалю не укрылось, что вторая часть фразы была услышана. — Возможно, я сохраню твою жизнь.

Отступать было некуда. Коваль достал из поясной сумки нужный флакончик. Бедолаге развязали руку; из обрубков пальцев хлестала кровь.

— Это все? — Очкарик оставался недвижим.

— Все! — сказал Коваль. — Рана затянется. Этот человек — вор, он пытался...

— Мне это известно. Он будет казнен, — холодно отрубил собеседник. — Ты Качальщик?

— Нет! — Артур лихорадочно продумывал линию поведения. Какое счастье, что он оставил летуна возле института, охранять кобылу! — Я просто странник из Питера и подобрал этого зверька на пожарище...

— Ты не Качальщик. — Голос очкарика звучал, как скрип несмазанного колеса. — Те не заходят в города. Ты колдун, раз сумел приручить дьявольское отродье...

— Умоляю! Пощадите, ваша святость! Пощадите, это все он, колдун! — «Парковщик» уже оправился от своей раны и теперь бился в руках двоих сержантов безопасности.

Очкарик на раненого даже не взглянул, он продолжал изучающе рассматривать Ковалю.

— Ваша святость? Ты соборник... господин? — вовремя поправился Артур.

— Я настоятель собора Святого Василия Блаженного, отец Карин. — Было видно, что Карин ожидал от Артура какой-то реакции и не смог сдержать удивления, когда реакции не последовало. — Взять его. Если у тебя есть оружие, лучше отдай сам.

В затылок Ковалю уперлись два ствола. Мгновением позже он был обыскан; отняли все ножи, отняли пращу, золото и наборы химикатов. Кое-что, впрочем, не нашли. Карин пошевелил носком сапога горку «вещественных доказательств»:

— В каземат его.

— За что? — осмелился Артур. Раз на месте не расстреляли, следовало попробовать на зуб местное законодательство. — Я не сделал ничего дурного, пришел купить лошадь.

— За что? Ты убил двух патрульных в Королеве. Ты провез в город крылатую змею. Ты похитил офицера безопасности и пытался обратить его в колдуна. Ты расплачивался кусковым золотом. За каждое из этих преступлений ты заслуживаешь казни.

У Артура все внутри опустилось. Не стоило недооценивать ищеек Кремля. Видимо, служба оповещения была поставлена здесь гораздо лучше, чем он мог предполагать. Ему заломили руки и бегом пронесли через опустевшие ряды. За пределами рынка Карина ждал обитый жестью автобус «мерседес». Ковалю втолкнули в заднюю дверь и повалили на пол железной клетки, приковав наручниками к прутьям. Он даже не мог приподняться и сесть, так и лежал всю дорогу, набивая шишки. В салоне витала чудовищная смесь запахов из отрыжки, немытых тел, горелого можжевельника и жженого сахара. С поправкой на повсеместное отсутствие асфальта, автобус мчал на бешеной скорости.

Когда Артура вытащили наружу, левый бок болел так, словно его час топтали ногами. Но ногами арестованного не били, только сунули пару раз в ребра для придания верного направления. На шею накинули за-

тяжную петлю и поволокли по низким сводчатым коридорам. Это были старые, очень старые казематы; возможно, они помнили еще крики поднятых на дыбе стрельцов. Возможно, в этих сумрачных застенках раскаленными щипцами пытали зачинщиков многочисленных русских смут...

Он видел в темноте, но смотреть было не на что. Камера едва превышала четыре квадратных метра, а разогнуться мешал мокрый кирпичный потолок. Коваль ощупал стены. Толщина их составляла не меньше метра, кроме того, застенок явно находился ниже земной поверхности. Тяжелая дверь, запертая двумя щеколдами и крюком. И, что хуже всего, слой безжалостного камня под ногами, ни клочка земли, где можно было бы почерпнуть силу. Холод его не беспокоил, а без еды Артур мог обходиться много дней. Больше, чем за себя, он волновался за супругов Дробиченко. Что с ними будет, даже если лейтенант Порядок не привел в институт солдат? Они остались без еды и пищи в промерзшем здании, где подвалы кишат крысами-людоедами...

Артур расслабился и постарался разглядеть внешние границы своей темницы. На этаже размещались еще четыре каморки и запертая снаружи дверь на лестницу. За ней человек, охранник. Как минимум еще одна железная дверь, выше этажом, за ней Коваль тоже чувствовал людей. Он так и не придумал, как себя вести. Допустим, положить тюремщика, когда тот принесет воды, не составит труда, но дальше ему не прорваться. Это только в кино злодеи покидают тюрьму, прихватив заложника. Коваль почему-то не сомневался, что Карин, не сморгнув глазом, жертвует десятком подручных.

Он заставил себя плюнуть на проснувшихся ученых, но мысли о семье отогнать не мог. Возможно, подобные чувства начинает испытывать каждый заключенный, раздувая в себе память об оставленных на воле близких. А у кого нет близких, начинают их придумывать, чтобы хоть как-то убаюкать себя, будто их кто-то ждет и помнит за пределами темницы... Он не мог с уверенностью ответить даже себе, какие чувства испытывает к матери своих детей. Привязанность? Симпатия? Уважение? Нелепые, поблекшие слова из сгинувшей эпохи, давно растерявшие смысл. Здесь понимали глагол «любить», очевидно, этот символ пребудет вечно, даже если выжившие после катастрофы перебьют друг друга и на планете останутся два последних человека...

Он так мало времени проводил с женой наедине. Двадцать дней в месяц он гонял с Бердером и другими наставниками по лесам и болотам наравне с мальчишками и девочками, как переросток Ломоносов, осваивал науку выживания и науку подчинения земли. Его прежние знания оказались не востребованными; в отличие от городских жителей Качальщики почти не интересовались техникой прошлого. И проникаясь

собственной обидной никчемностью, бывший отличник и стипендиат сильнее других вгрызался в неразрешимые, казалось, тайны. А когда пролетели три года, случилось, похоже, как в известной сказке Пушкина. Он понял, что никаких тайн не существует, но есть люди, принявшие дар общения с живым миром Земли... Он глазом не успел моргнуть, как сделал первые шаги сын и произнесла первое слово дочка.

Они так и не поженились официально и не справляли никаких обрядов. Теперь он вспоминал Надины глаза перед расставанием и корил себя, что так и не сказал ей нечто важное. Редкими ночами, когда Артур оставался дома, они неистово занимались сексом, а после он спал как убитый, чтобы вскочить в полпятого, окатиться ледяной водой и снова нестись... Но всегда под рукой оказывался узелок с едой и чистая одежда. А потом он возвращался и колот дрова, и резал вместе с мужиками скотину, и возил картошку с полей, и давил масло, и стриг овец, и опять валился замертво. Даже уходя, он не был с ней ласков...

Двадцать семь часов девятнадцать минут. Чувству времени его научил Исмаил. Спустя двадцать семь часов и девятнадцать минут за Ковалем пришли. Когда с головы сняли мешок, Артур не смог удержаться от улыбки.

— Чему ты смеешься, колдун? — Карин стоял в глубокой дверной нише, заложив руки за спину. Несмотря на жар, идущий от огромного очага, шинель он даже не расстегнул.

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Ты, должно быть, умный человек, раз достиг высокого положения, а пользуешься дешевыми эффектами.

— Ты говоришь непонятные слова. Откуда ты родом, колдун? — Карин стянул с рук перчатки и бросил их на низкий дубовый стол. По соседству с перчатками лежал полный набор «заплечного» инструмента: щипцы, клещи, гвозди и прочие малоприятные штуковины.

— Я родился в Петербурге.

— В какой коммуне?

Карин махнул солдатам. Артура прислонили спиной к металлической решетке, кисти рук замкнули в широкие стальные браслеты.

— Это была маленькая банда, Литейщики, — соврал Артур. — На Выборгской стороне. Теперь ее нет.

— Я выясню. Как твое имя?

— Меня зовут Клинок. — Артур подумал, что стоит назваться последним, сельским, именем. Если у сборника есть глаза и уши в Питере, его легко рассекретят. Люди Рубенса вряд ли позабыли своего «зенитчика». Что касается банды Литейщиков, то команда с таким именем действительно существовала и рассыпалась, по словам книжника Левы, лет двадцать назад. Пусть копают...

— У кого ты учился магии? — Карин жестом отослал подчиненных.

— Моя мать разбиралась в травах. Это все, что я умею, святой отец.— «Прости меня, мама»,— подумал Коваль. Он ведь почти и не со-
врал, мама работала в аптеке.— На самом деле я инженер.

— Вот как? — Карин прошелся по залу. Подкованные сапоги звякали о каменные плиты.— От чего ты хотел меня вылечить, инженер?

— От хронического гепатита, святой отец. Твоя печень серьезно
больна. Кроме того, у тебя почечная недостаточность и артроз.

— Не понимаю, говори проще!

— У тебя желтуха, и болят суставы, святой отец.

— В Кремле лучшие лекари не могут вылечить мою желтуху.

— Они лечат правильно, настоятель. Но ты усугубляешь болезнь. Ты
пьешь нечистую воду и слишком много самогона.

— Ты мечтаешь купить свою жизнь, Клинок?

— А ты пытаешься угрожать мне смертью, настоятель?

— Только безумцы не боятся смерти.

— Тебе ли не знать, святой отец, что смерть может оказаться благом?

— Клянусь святым Василием, это великолепно! — Карин захлопал в
ладоши. Четыре его тени от укрепленных в стенах нефтяных факелов
заметались, как попавшие в силос птицы.— Инженер, который возит
полную сумку алмазов, ручного змея, лечит желтуху и рассуждает, как
монастырский монах! Я скоро начну гордиться знакомством с тобой! —
Настоятель, кусая губы, прошелся между пыточных орудий.— Если ты
такой умный, почему не работаешь на богатого папу? Что ты искал в
Москве?

— Я уже говорил. Всего лишь хотел купить запасную лошадь.

— Вот как? А я почти поверил, что ты умный.— Настоятель дернул
за свисающую вдоль косяка веревку. Узкая стрельчатая дверь отвори-
лась, и в помещение ввели... Сергея и Людмилу Дробиченко. Оба щури-
лись, принаравливаясь к темноте, но выглядели совсем неплохо. Руки
не связаны, ни следа побоев. На груди Сергея красовалась треугольная
бляха со сложной гравировкой; из своего угла Артур не мог в деталях
ее рассмотреть.— Ты для них хотел купить лошадей? Думаю, ты опоз-
дал, колдун. Эти люди уже приняли присягу президенту, мир дням его,
целовали крест в соборе и получили рабочие места. Мужчина показал
свои знания и удостоился звания подмастерья. Возможно, он станет
мастером или даже инженером. Мы ценим умных людей, преданных ве-
ликому делу объединения России. Очень скоро мастер Сергей, если бу-
дет хорошо работать, сможет сам купить табун коней... Это он поднял
вас из волшебного сна? — Карин указал на распятого Артура.

— Да, ваша святость.— Сергей прятал глаза, Людмила с ужасом
оглядывала зал.— Это он разбудил нас.

— Он призывал вас бежать из Москвы?

— Да, ваша святость...

— Почему? — Дробиченко затих. Настоятель прошелся из угла в угол. — Если вы будете молчать, я могу подумать, что лейтенант безопасности Порядок солгал перед военным судом.

— Он не солгал! — Коваль услышал срывающийся голос Людмилы. — Лейтенант сказал правду... ваша святость. Этот человек утверждал, что в Москве у власти находятся злые люди...

За бывшими научными сотрудниками захлопнулись двери. Карин грел ладони над огнем. Сполохи пламени дрожали в его измученных бессонницей глазах.

— Мне жаль тебя, настоятель...

— Вот как? — Карин продолжал думать о чем-то своем.

— Да, мне жаль тебя. Ты поднял тяжелую ношу, и она не дает тебе спать ночами.

— Кто ты на самом деле, Артур Коваль?

— Подойди поближе, я тебе скажу.

Карин остановился напротив. Его дыхание отдавало гнилью, морщинистая щека подергивалась.

— Раз ты не хочешь вымолить для себя жизнь, как насчет свободы? Ты останешься жив, но пожалеешь об этом. Я даю тебе последнюю возможность задержать меня здесь. После этого тобой займутся мои люди, а мы не увидимся очень долго. Возможно, несколько лет.

— Я воспользуюсь твоей любезностью, святой отец. Когда-то меня звали Артур Коваль, но это в прошлом. — Артур смотрел соборнику в зрачки. Настоятеля качнуло, точно под воздействием невидимого магнита он сделал неловкий шаг вперед, затем еще один. Теперь пленник и инквизитор стояли лицом к лицу. — Меня зовут Проснувшийся демон.

28

НОВЫЕ ОПРИЧНИКИ

Карин с коротким воплем отшатнулся, но было уже поздно. Шип воткнулся ему в нижнюю губу. Артур выплюнул тонкую трубочку и аккуратно выкатил из-под языка следующую. Настоятель, дрожа всем своим длинным телом, валялся на полу. Остановившиеся глаза уставились в закопченный потолок.

— Слушай меня, Карин! Ты слышишь только меня, других звуков для тебя нет. Только мой голос, Карин, голос твоего господина. У тебя жут-

ко болит голова, у тебя раскалывается голова. Ты не можешь пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не подчиняется тебе...

Ты слышишь только меня. Твои уши готовы взорваться изнутри. Ты чувствуешь, что они вот-вот лопнут. Только я могу тебя спасти. Только я могу помочь тебе и убрать страшную боль. Только я могу помочь тебе встать. Без моей команды ты обречен на неподвижность...

Ты слышишь только меня. У тебя так шумит в ушах, ты почти оглох от боли и слышишь только мой голос. Я — твоя последняя надежда на спасение, Карин. Сейчас ты встанешь и поможешь мне освободить руки. Я случайно зацепился. Если ты не поможешь мне, головная боль убьет тебя... — Настоятель катался по полу, сжимая виски ладонями. — Только я спасу твои глаза. Если я не помогу, твои глаза зальет кровь. Ты уже чувствуешь, как кипит твой мозг. Встать!!

Со второй попытки настоятель поднялся на ноги.

Артур походил по пыточной камере, разминая затекшие руки, осторожно подергал дверь. В отличие от соборника он уже никуда не торопился. Напротив, теперь следовало поступать крайне взвешенно. Он уже поспешил вчера, слишком поспешил, и проклинать несостоявшихся докторов наук нет никакого смысла. Кафедральные ученые; он и сам был таким же когда-то. Нет, пожалуй, в чем-то он от них отличался...

Еще несколько минут, пока наркотик будет действовать, инквизитор мог сообщить немало ценного.

— Отвечай мне. Сколько человек входит в Совет президента?

— В Большом круге — шестнадцать...

— Есть еще и Малый круг? Отвечай! Иначе я верну боль в твою голову!

— В Малом круге четверо...

— Ты состоишь в Малом круге?

— Да... Я главный духовник святого войска...

— Экая каша у вас в башке, святой отец... Замполит, стало быть. Это правда, что ваши люди через отравленные перчатки убили двоих кандидатов в президенты?

— Не так... Семена Задиру отравили грибами.

— Тоже неплохо!

Коваль прислушался. Из дымохода донесся далекий низкий звук. Потом еще, снова и снова. Он насчитал одиннадцать раз. Колокола собора опережали его «внутренние» часы на две минуты.

— Сколько гарнизонов Москвы не подчиняются вам?

— Три...

— Когда вы намерены их уничтожить? Говори! Говори, иначе я запущу тебе в рот зубастого червя, и он выгрызет изнутри твои глаза. Смотри! — Коваль поднес к желтому лицу настоятеля пустую ладонь. — Видишь, какие зубы? Он очень голоден и с удовольствием полакомится тобой...

— Нет, прошу тебя, не надо!! — Карин бессильно задержался в стальных браслетах.

— Тогда отвечай! Кто еще бунтует против отца Ивана?

— Чертановские ковбои... Они не платят десятину. Выгнали кремлевский гарнизон... Туда пойдет моторный батальон с минометами...

— Что их ждет?

— Малый круг постановил забрать в Кремль только мам. Остальных молодых — в бордели...

— Можешь не продолжать. Сколько солдат у Кремля здесь и сколько в удаленных гарнизонах?

— Сорок сотен в столице и шестнадцать за Кольцевой дорогой...

— Солдаты и офицеры получают что-то еще, кроме еды и монет?

— Всем... Всем, кто честно служит, Большой круг нарезает землю.

— Ага! Земли тех гарнизонов, что вы подчинили?

— Да...

— Стало быть, вся Москва уже поделена! С ума можно сойти... Что принадлежит тебе лично, какие здания? Отвечай, или я выпущу червя!

— Мне пожалована земля между Москвой-рекой и каналом и право на сбор налогов с ярмарки и пристаней...

— А что папа Иван будет делать дальше? Когда вы подчините все малые города за Кольцевой? — Артур затаил дыхание. От ответа Карина зависело очень многое, хотя в главном сомнения уже отпали. Единжды начавшись, экспансия не закончится. Новоявленные опричники постепенно втянут всю страну в гражданскую войну.

— Малый круг будет думать, а не Иван...

— Как так? — Этого Артур не ожидал. — Разве не президент у вас главный?

— До власти все охочи, Клинок... — Похоже, Карин начал трезветь. — Сегодня один папа, завтра другой, а России крепкий кнут завсегда нужен. Иван трусоват... Третий год уж говорим, что пора ярославцев в реке топить. На Рязани-то обжегся, у них много пушек на моторах сохранилось...

— Мне говорили, вас все боятся, потому что у Ивана есть ключ от огненных грибов?

— Ключ! — Карин сдавленно хихикнул. — Вот что тебе нужно в столице... Ты никакой не демон! Не по росту шапку выбирать вздумал, колдун! Ты, дурак босоногий, хоть слышал, что такое электричество? По ночам стража зажигает сотню ламп над Кремлем, но надо в сто раз больше, чтобы справиться с ядерным оружием...

— Я не ослышался? Ты сказал «ядерное оружие»? Откуда ты знаешь это слово, настоящий?

— Я умею читать... Теперь я понял, кто ты. — Карин окончательно пришел в себя и, даже будучи связанным, попытался принять величавый

вид.— Мы думали, это байки пьяных стариков. Люди болтали, что в Питере объявлялся человек, проспавший много лет в стеклянной кровати, так же как эти... Как я сразу не понял? Так ты инженер?.. Послушай! — Настоятель перешел в наступление.— Если бы ты признался сразу, не сидел бы в каземате. Развяжи меня, я приглашаю тебя пообедать со мной! Ты получишь дом, слуг и щедрое жалованье. А главное, звание инженера! Нигде тебя не будут ценить так, как в Москве!

— Заткнись.

— Что?! — Желтое лицо настоятеля пошло пятнами.

— Ты слышал. Дай мне подумать.— На верстаке, предназначенном для выламывания суставов, Коваль нашел узелок со своими пожитками, отобранными на рынке, и очень обрадовался. Он закатал штанину и вернул в потайной карман два неиспользованных дурманных шипа.

— Забудем то, что было! — Карин взял себя в руки.— Ты нарушил закон, но тебе очень повезло, что я оказался на ярмарке. Стражники могли пристрелить тебя...

— Я ценю твою доброту, святой отец! — Коваль отцепил один из наручников, пропустил цепь через прутья решетки и опять защелкнул его на руке настоятеля.— Теперь пошли!

Коваль дернул шнурок. Снаружи раздался топот кованых сапог и лязганье засова. Еще до того как дверь отворилась, Артур учуял запах перегара. Два кряжистых опричника в форме речного флота и летных погонах, толкая друг друга, скатились по ступенькам и замерли, не успев достать оружие. Коваль держал лезвие у горла настоятеля. Минуту спустя он тщательно запер раздетых и связанных лейтенантов и продолжил путь к солнцу. Выше этажом Коваль наткнулся на некое подобие проходной. Карин плелся впереди, подбадриваемый уколами в шею, и засевший в будочке служивый вытянулся во фрунт.

Впрочем, в отличие от предыдущих алкашей этот среагировал необычайно быстро. Он попытался зарубить Артура палашом. Настоятель немедленно воспользовался моментом, свалился на пол и шустро пополз через порожек в открытую дверь. Стражник ударил трижды, два раза попал в стену, третий раз угодил в торчащий из кладки крюк и сломал клинок у самой гарды. Артур уже повернулся, намереваясь распрощаться, но услышал за спиной щелканье затвора. Неудачливый фехтовальщик поднимал карабин. Ковалю жутко не хотелось никого убивать; до сих пор, стоило закрыть глаза, он видел лицо мертвого мотоциклиста на заставе, но времени на уговоры не оставалось. Он нырнул под ствол, отводя взгляд противника левой вскинутой рукой, и коротко кольнул его в солнечное сплетение.

Настоятель за это время чуть не успел удрать, возвращать его вниз по ступенькам пришлось волоком. У Артура возникла идея навестить

остальных заключенных. В первой камере парились сразу трое. Увидев соборника, дружно повалились в ноги. Судя по офицерским регалиям, все обитатели застенка принадлежали к кремлевской армии.

— Недоимщики! — брезгливо процедил Карин. — Собирали дорожный налог в своих областях, да много от казны утаили...

— Дорожный налог — это хорошо! — согласился Артур, запирая камеру. — С ними сами разбирайтесь. А кстати! Раз дорожный налог в области берете, стало быть, новые дороги там строите?

— У себя в областях пусть сами общины и строят! — брезгливо скрипил рот святой отец. — Нам своих почти пять сотен азиатов прокормить надо, что Тверскую мостят. Москва — в первую голову!

— Это завсегда! — охотно поддакнул собеседник, поднимая очередной крюк. — Москва в первую голову, а дальше пусть все дерьмом зарастет...

В трех следующих камерах сидели:

1. Майор, незаконно оттяпавший себе кусок площади со всеми строениями в районе метро «Таганская». Причем судить его собирались не за то, что он выгнал на улицу несколько десятков человек из разоренного чужого гарнизона (за это его, наоборот, наградили), а за то, что в свою пользу трактовал земельный кадастр.

2. Пожилая, добродушная на вид мама, бывшая глава одной из бывших Люберецких шаек. Спротивляясь притязаниям законной власти, она собственноручно отравила большую часть своих родственников. Ей вменялся саботаж. Артур подумал и решил, что не хочет освобождать старушку.

3. Группа юных грабителей. Работали в столице по найму, но вкалывать оказалось тяжело и скучно. Гораздо проще оказалось нападать по ночам на загулявших торгашей. Всей четверке был прямой путь в суд большого круга, а оттуда на виселицу, не начни они при аресте выкрикивать антипрезидентские лозунги. Уголовниками радостно занялся политический сыск. Коваль поглядел на избитые таджикские хари и грустно притворил дверь.

— Негусто, — сообщил он настоятелю. — Не получилось из меня Зорро... Кстати, где мой конь?

— Я достану тебе любого коня или мотор...

Карин еле стоял на ногах; до Артура запоздало дошло, что настоящий был далеко не молод и в любой момент мог из заложника превратиться в беспомощного пациента. Вот только «скорой помощи» здесь взяться неоткуда...

— Ты хочешь мотор? — прохрипел Карин, опираясь на стенку. — Я никогда не вру и не предлагаю дважды. Я дам тебе лучший мотор и жетон безопасности. Отпусти меня, мне плохо...

— Нет, родной...— Коваль подхватил настоятеля в охапку, закинул на плечо карабин и шагнул к выходу.— Я слишком многим поверил за последние дни... Я почти отвык от вашей долбаной цивилизации. Настраивайся на долгий путь!

29

УГОЛЬ МАРКИЗА КАРАБАСА

Коня ему было жаль. Такого орловца не достать днем с огнем. Оставалась еще надежда, что патрульные не нашли Чернику, которую он привязал во дворе института. Лошадей на местный рынок, со слов того же злополучного Порядка, гнали преимущественно из Средней Азии, и ничего путного на ярмарке Артур встретить не ожидал.

За последней дверью никого не было. Вот так все просто, удивился Коваль, оглядывая загаженный Васильевский спуск, стаи ворон на мусорных кучах и непременную принадлежность крепостей — торчащие из красных зубцов самой известной стены России перекладины виселиц. Он уже понял, где находится. Над головой нависала мозаичная твердыня, спасенная двести лет назад от разрушения другой тиранией. Настоятеля пришлось переодеть в сержантскую форму. Из собора непрерывно тянулись люди, и Артур рассудил, что слишком знакомая столице фигура в шинели соберет целый полк заступников. Карин неловко брыкался, когда его лишали сапог, и отказывался от чужих растоптанных ботинок. Пришлось его несколько раз стукнуть по больной почке, а затем слегка усыпить.

Красная площадь изменилась неузнаваемым образом. ГУМ сгорел до основания; по завалам ползали фигурки в пестрых халатах и откалывали годные для будущихстроек кирпичи. Внизу стоял немецкий грейдер с прицепом, в который кирпичи бережно складывали. В дырявом чреве бэтээра стражники жгли огромный костер. Спасская башня лишилась звезды и половины циферблата. Видимо, в свое время по ней стреляли долго и безнаказанно. Вместо елок вдоль плит с урнами вождей тянулся двойной ряд бревенчатых изб. Оттуда на всю площадь разносился запах жареного мяса, звон гитар и нестройное хоровое пение.

Брусчатка исчезла под толстыми слоями прессованного мусора. В нескольких местах, там, где не оттаяли еще последние сугробы, мусорные кучи вздыбились волнами, точно курганы степных воинских захоронений. В Воскресенские ворота непрерывным потоком вливались груженные подводы. Обратный, порожний, поток, грохоча по деревян-

ным настилам, уходил по Варварке. С диким свистом пронесся поставленный на автомобильную раму паровик. В клубах дыма голые по пояс люди закидывали в топку метровые поленья.

В Мавзолее, очевидно, стреляли из крупного калибра и прямой наводкой. Усыпальница обрушилась, а в стене позади нее появились две зигзагообразные трещины. Прямо над уцелевшей гранитной плитой с буквой «Е» на веревочках сушилось белье и гуляла коза. Коза питалась остатками веников, потому что крайняя в ряду изба, судя по столбу дыма и воплям изнутри, исполняла функции бани. И отовсюду невыносимо воняло. Весна растапливала залежи отбросов, смердящие разноцветные ручейки сливались в потоки и устремлялись к реке. Коваль старался дышать ртом. Сегодня он, как никогда, понимал Качальщиков. Наверняка в Эрмитаже пахло немногим лучше, но три года, проведенные на свежем воздухе, давали себя знать. Он пожалел, что не захватил противогаз, но в столице почему-то не носили масок. Возможно, он отстал от жизни, и маски не носили уже нигде?

Он принял решение. Подхватив Карина в охапку, дождался, когда мимо пойдет длинная пустая подвода, укрытая рогожей, и рванул с места. Им встретилось несколько мужчин без знаков различия; Артур весело помахал, изображая пьяного, тянущего под мышки еще более пьяного друга. Ноги соборника волочились по земле. Когда Коваль закинул его нескладное туловище на телегу, один ботинок остался на дороге. Возница обернулся и собрался поднять крик, но Артур подскочил и мигом снял все вопросы. В карманах святого отца нашлось достаточно золота, чтобы купить экипаж вместе с кучером.

— Напился, видишь? — Артур запихал настоятеля под рогожу. Тот моментально стал черным: телега ехала с разгрузки угля. — Мужчина, не подвезешь нас?.. — Он назвал адрес, готовясь упрятать под рогожу и возницу, если тот начнет упрямиться.

Но парень не упрямился. Его ожидал еще один рейс в угольную гавань, от такого количества денег он слегка ошалел и долго подозревал какой-то подвох, пока Артур не выдумал легенду о двух питерских инженерах, подрядившихся на ремонт подземки, сорвавших солидный куш и на радостях наклюкавшихся. Артур, в свою очередь, был потрясен, когда узнал, что собеседнику едва стукнуло двадцать четыре года. Выглядел тот на все сорок. Шелушащаяся серая кожа, заеды на губах, остатки жидких волос. На жилистой, почерневшей от угольной крошки груди в разрезе ветхой рубахи кошмарной россыпью бугрились прижатые головки фурунгулов.

Когда Артур осторожно дал понять вознице, что работал у подземников по найму и теплых чувств к папе Ивану не питает, парень сразу подобрел и разговорился. Дальше пассажиру оставалось только поддакивать и

поглядывать назад. Повозка, запряженная двумя костлявыми пожилыми меринами, ползла еле-еле, и ускорить их задумчивый шаг не представлялось возможным. Оставалось уповать, что Карина не хватятся хотя бы час.

Паренька звали Маркиз, потому что в доме, где он вырос, единственная книга, не пошедшая на растопку печи, повествовала о похождениях маркиза Карабаса. Кто такой был на самом деле маркиз Карабас, юный «аристократ» не знал, а Коваль решил, что просвещать его не стоит. Детство Маркиз провел в Брянске, и, как почти всякое детство, оно оставило ему одни хорошие воспоминания. Разве что жрать было нечего. И постоянно холодно. И многие умирали, потому что иногда в городе появлялись заразные больные. Артур так и не понял, о каких болезнях шла речь — о неведомых отголосках ВИЧ или о более вероятных в такой грязи тифе и холере. Еще на общину Маркиза нападали дикари, но потом пришли колдуны и предложили защиту. Колдуны вылили в речку немножко плохой воды, совсем немножко, и сказали, чтобы никто не пил три дня. Потом в речке всплыла вся рыба, умерли те, кто не послушался и попил. А еще несколько коров. Но это ерунда, потому что умерли почти все дикари, что жили ниже по течению. Здорово, правда?

— Здорово! — согласился Артур, прикидывая после этого рассказа, где бы поскорее отмыть ноги.

Карин тихонько похрапывал под рогожей, никто за ними не гнался, и Артур уже почти поверил, что удастся добраться до лошади. Главное, найти Чернику, а дальше, ночью, он выберется...

После того как дикарей потравили, колдуны поселились в городе и брали к себе маленьких за плату. Колдуны пришли с юга, с Украины, и многие были очень страшные, но к ним привыкли и почти не боялись. Мамы к ним не шли, потому что пап среди колдунов было всего двое, но и от тех дети рождались страшные. Один такой страшный, с подогнутыми ногами и мягкой головой, родился, еще когда Маркиза не было на свете. Женщины плевались, когда видели его, но страшный вырос и потом стал самым лучшим врачом. Именно он приказал остальным колдунам сжечь за городом повозку со снадобьями, которые они когда-то привезли с Украины. Зато он умел заговаривать кровь, и к нему приносили женщин, кто не мог разродиться. Он держал их за руку, и все получалось легко и быстро, почти без крови.

Страшный первый сказал мужчинам, что на Украине есть под землей черный горячий камень, и много камня осталось в паровиках на станции Конотоп. В Москве уже давно появились деньги, и страшный сказал, что можно хорошо заработать, если возить черный камень в столицу. И топить им дома лучше, чем деревом.

Уродец оказался прав, и отец Маркиза уже в первую зиму хорошо заработал на горячем камне. Община сумела купить хороших коней, а

их было тогда совсем мало. Настолько мало, что пахать пытались на коровах и свиньях. А потом все стали возить уголь и жили хорошо, пока из Москвы не пришел гарнизон папы Ивана.

Случилось это четыре года назад. В Брянске сосуществовали четыре общины, часто дрались, но уличные бои закончились до рождения Маркиза. Поэтому, когда в городе объявился батальон солдат с автоматами, никто не почувствовал угрозы. Кроме колдунов, которые ушли заранее. Капитан похвалил брянских и сказал, что отныне Москва их будет охранять. От кого охранять-то, удивились местные? От орловских, что ли, али от калужских? Так там, почитай, половина родичей...

— А как же дикари? — разволновался капитан.

— Дак вот, — похвалились брянские, — а арсенал-то на что? Ствольов-то полно от прежних лет осталось, а патронов прикупили, потому как теперь при деньгах. Ни один дикарь не сунется.

— Патронов прикупили? — покачал головой капитан. — А кто вам разрешил незаконно приобретать и хранить? Еще с позапрошлого года президент возложил охрану вас на нас. Так что либо сдавайте все железо добровольно, либо отберем силой! — И солдаты для убедительности пальнули из пушки. По складу с углем. Понятно, чем кончилось.

— Да, кстати, насчет уголька! — вспомнил капитан, когда общинники осознали, что от восьми вагонов конотопского топлива остались одни воспоминания. — Кто тут у вас самый главный? Извольте подписать две бумаги! Торговать с Москвой вам теперь будет намного выгоднее, радуйтесь! Во-первых, вам не придется больше развозить уголь по всяким дырам вроде Калуги, все тащите к нам. Мы сами разберемся, кому сколько дать и почем. И насчет цен можете больше не беспокоиться, не придется думать, сколько удастся выручить. Как большой круг определит, такая оптовая цена и будет... А второй договорчик, так тот вообще зашибись! Согласно ему наш гарнизон будет вас круглый год охранять. То есть на Украину мы с вами не поедем, там уж вы сами, и до Москвы тоже не поедем, мало ли чего в дороге может случиться... Зато тут, в Брянске, и заставы поставим, и подорожные будем собирать, чтоб не шлялись всякие. Прикиньте, удобство какое? Не надо вам больше своих преступников судить. Сами все сделаем, по московскому закону. Не дай бог, какая сволочь от работы отлынивать будет... Ну, это я так, к слову! Так, кто главный, прошу подписать!

— Так вить... не шибко грамоте обучены! — застеснялись папы, все еще не отошедшие от гибели плодов своего двухмесячного труда.

— Это фигня! — приободрился будущий генерал-губернатор. — Я и сам, кроме слов на заборах... Но порядок есть порядок! Да, чуть не забыл. Кто откажется подписать, тот не патриот России и враг государства. Кто хочет быть врагом государства?

Старейшины посмотрели на пушку и поставили крестики на неведомых договорах. Никто не захотел быть врагом государства.

— А теперь,— повеселел капитан,— ознакомьтесь с обязанностями по договору. Обязанностей у вас всего две, мне даже стыдно о них упоминать. Первая — это полностью кормить, поить и одевать охраняющих вас парней. Дома мы себе сами выберем. А вторая повинность — будете отдавать в казну пятую часть барышей. Делиться надо, мужики!

— Как это, как это? — пискнул кто-то шибко грамотный.— В Москве оберут, ишо и тут пятую часть отдавать? Два оброка с одного барыша? Да где ж такое видано?!

Миром дело не закончилось. Горожан собралось раз в двадцать больше, и кремлевский батальон спешно отступил, оставив на поле боя десяток убитых. Москва большая, сказали старики, на хрена платить этим выскочкам? И повезли опять уголек в столицу. Только дальше Калуги подводы не прошли, наткнулись на заставу. Пришлось заплатить, не так чтоб шибко много... Но в столице их ждал серьезный удар. Никто из прежних клиентов не хотел покупать уголь. И не только уголь, но и картоху, и свеклу, и соленья... И даже меняться, как раньше бывало, отказывались. Все торги только через кремлевский рубль да через ярмарки.

— Вишь, как повернулось! — шепотом делились бывшие компаньоны.— Ивановские псы откопали в подвалах золота немеряно, что до Большой смерти страна копила. Указ издали, что у кого нержавеющей металлы найдут или стволы нарезные, тот не патриот и враг единой неделимой России. А по такой вине кара одна, известно какая... А теперича все нержавеющей рубли других городов они плавят, из них свои льют, чтобы только кремлевские ходили. А на рынках ставят свой рубль чуть не в два раза тяжелее даже питерского. Во как! И менялы все из псов безопасности.

— Так может, это, ну их, ваши ярмарки? — выдвинули гениальную идею брянские.— Давайте отъедем за город и там по-быстрому махнемся? А то у нас уже варенье на жаре киснет!

— Ехай без нас! — извинялись компаньоны.— Не то нас потом в вашем же варенье и утопят! На пять дней пути везде ихние гарнизоны! Не поймешь, кто правит. То ли старики, то ли сопливые мальчишки с автоматами...

— Да откуда ж они столько народу-то набрали, чтоб вторую власть устроить?

— А очень просто! Плотют-то им сколько? То-то! И лошади с кормом дармовым им положены! И мотоциклы от немца им завезли, во как! И любой дом для гарнизона, самый лучший в городе, могут забрать! А ишо грамоты, пустые, с подписями да печатью Малого круга, им дают! Это значит, чтоб наделы раздавать! Кого хочут, того и впишут!

— Дык земля-то общая завсегда была...

— Была, да сплыла. Плюнуть не успели, пяти лет не прошло, а на самых жирных кусках столбы с московскими бляхами. И заводы, что по железу, и нефтяные бочки... Сами-то в крепости сидят, а попробуй сунься...

— Так выходит, они сами себе все грамоты и раздают?

— Выходит, что так. Кто ж из молодых не захочет у них-то послужить? Это тебе не уголек возить, не за клюквой кверху жопой по болотам шарить! Так что везите все на рынок, нет больше правды, вместо нее — закон.

Делать нечего, не везти же все назад. Слили брянские ребята свой товар оптом. Подсчитали — прослезились. В обратный путь закупились — так чуть не разрыдались, такие цены в столице накручены. Назад приехали, а там не батальон, а войско целое стоит. И амбары с зерном горят. И самые ярые враги единой неделимой государственности развешаны на березах. Вместо капитана войсками командовал высокий человек с желтым лицом. Он не кричал и не хихикал. Он показал два подписанных договора и очень тихо объяснил, что старейшины общин нарушили закон.

Кое-кто из вновь прибывших припомнил, что договором предусматривались твердые цены, но в столице приняли топливо совсем на других условиях. Для особо непонятливых человек растолковал, что за истекший месяц изданы новые поправки к законам. И поправок будет столько, сколько пожелает Большой круг. Ибо все это в интересах народа. А кто против народа, пусть сделает шаг вперед.

Врагов народа в Брянске не нашлось.

С тех пор Маркиз гонял подводы с углем и дарами леса. Что интересно, сделки теперь оформлялись на рынке, а потом приходилось переться через весь город и выгружаться, где укажут. В Кремле — это еще хорошо, близко. Гораздо более загадочной стала система расчетов. Москвичи все охотнее брали в долг.

— Вы что, нам не верите? — удивлялись они, когда брянские просили оплатить хотя бы предыдущую партию. — Куда мы, по-вашему, денемся? Мы же представляем не частную лавку, а государство! Эх вы, темнота! Кремлю сейчас нужны ваши деньги, ненадолго. Для вашего же блага! Мы покупаем слона. Вы же хотите, чтобы в нашей великой стране был живой слон?

— Оно конечно!.. — мялись брянские, придавленные широтой столичных замыслов. — Однако нам вить налог бы надо вам же заплатить! И гвоздей бы прикупить, стекла, одежонки...

— Какое нахальство! — в сердцах восклицали оптовики. — Вы их только послушайте! Вы же сами хотели торговать со столицей. Получи-

ли самые выгодные условия. Ну где вы еще найдете такой рынок? Ну, не хотите, катитесь в Питер или в Астрахань... если живыми доберетесь.

Московский тракт теперь надежно охранялся, а до Питера или на юг пришлось бы собирать большой караван с охраной. Денег на это не было. Как не было и уверенности, что загадочный закон не запрещает торговать с Питером.

— Так что вот какие дела, господин инженер! — закончил Маркиз. — Дальше проехать не могу, вишь, разворочено все...

— Ничего, здесь уже близко. Мы дойдем.

В переулке не было видно ни единой живой души. Когда-то здесь прорвало водопроводную магистраль, размыло грунт, и огромный пласт асфальта встал на ребро, перегородив проезжую часть. Над откывшейся ямой возвышался край ледяного тороса, точно оплавившаяся сахарная голова. Крыша ближайшего особняка давно обвалилась и увлекла за собой перекрытия двух нижних этажей; в результате шикарный дом превратился в иллюстрацию для учебника по гражданской обороне. Артур предположил, что пройдет насквозь. Он нахлобучил Карину на лицо шапку, взвалил обмякшее тело на плечо.

— Эка братишку твою разморило-то... А у вас-то, в Питере, все босиком ходят или тока инженеры? — вдогонку выкрикнул возница.

— Те, кто за правду, — босиком. Кто за порядок — по-всякому! — не оборачиваясь, отозвался инженер. Увлеченный прыжками по подгнившим балкам, он не заметил, как в другом конце переулка из подворотни выкатился открытый вездеход.

— Босиком чешет! — сказал своим спутникам кудрявый, покрытый шрамами детина. — Дуло спрячь! За мертвого и десятки не дадут!

30

О ПОЛЬЗЕ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ, ИЛИ ПРОДЕЛКИ ЛЕТУНА

Коваль нашел невредимую Чернику и страшно обрадовался. Кобыла от тоски погрызла все сухие ветки во дворе, но летуну было вообще нечем поживиться. Без хозяина он даже ночью не осмелился вылезти из мешка, но из вредности изорвал в клочки свою переносную «квартиру». Теперь скалился изнутри, злой и пристыженный. Чернику бы летун ни за что не тронул, поскольку был воспитан, как сторожевой пес, и полагал ее частью хозяйского имущества. Кроме того, частью детской дресировки являлось упражнение с миской лошадиной крови. Человек

давал попробовать и тут же больно ударял по носу прутиком, пока не возникало стойкой гастрономической неприязни. А главное оружие — хвост — наливался транквилизатором лишь на второй год жизни. К счастью, на боку у не расседланной Черники оставался еще один кожаный баульчик с сушеным мясом и фруктами, так что лакомства хватило на всех.

Артур не стал заходить в институт. Если бы у парадного входа появились чужие, он бы заметил. Судя по следам, Сергей и Люда Дробиченко ушли сами, никто их не заставлял. Сначала пробирались вдоль кустов, затем свернули на подъездную аллею, ведущую к упавшим воротам. Собака ушла за ними. По пути Ласка несколько раз останавливалась и оглядывалась, не решаясь подчиняться новым хозяевам. Скорее всего, она уже вернулась на ярославскую заставу.

Артур разбудил Карина. Сначала тот не мог понять, куда его завезли, затем попросился в туалет, после сообразил, что находится в Москве, осмелел и потребовал еды. Получив отказ, надулся, но на лошадь влез без споров. Видимо, рассудил, что лучше путешествовать верхом, чем с мешком на голове поперек седла. Он предпринял единственную и последнюю попытку сбежать, пока Артур перетягивал подпругу. Отпросившись по-большому, невинно отошел в кусты, а затем тихой сапой принялся отступать за угол. Он полагал, что пробирается незаметно, но производил больше шума, чем стадо кабанов на водопое.

— Святой отец, — тихо позвал Коваль, заканчивая собственное бритье, — вернитесь, я вам что-то покажу.

Чертыхаясь, Карин побрел обратно. Безусловно, трусом он не был, но реально оценивал шансы. Против человека, который трижды почти не сходя с места уклонился от удара палаша, шансов выстоять не имелось. Карин вернулся и увидел летуна.

— Когда ты неосторожно упал на лестнице в соборе, святой отец, я вытер тебе разбитый лоб платочком и дал моему другу понюхать. — Коваль блефовал, настраивать летуна на убийство было делом опасным. — Не уходи далеко, святой отец, мой друг догонит тебя. Я смотрю, тебе знакомы его повадки?

— Да, я их встречал... — Настоятель совсем упал духом. — Только не черных, а зеленых. В детстве у меня в клетке жил один.

— Значит, правду говорят, что ты из общины колдунов?

— Я из гадалщиков.

— Здорово! Садись на лошадь, только не вздумай держаться за мою шею... — Артуру почудилось, что за зданием со стороны улицы затарахтел мотоциклетный движок. Еще один мотор проехал по параллельному переулку, где они распрощались с угольщиком Маркизом. Не слишком ли бурные потоки транспорта в квартале, где никто не живет? —

Так погадай мне, святой отец! Например, скажи... Те люди, что караулят нас за углом, начнут стрелять, зная, что могут попасть в тебя?

Карин окаменел.

— Не оборачивайся, святой отец. Двое идут сзади, но они за забором и пока нас не видят.

Артур перехватил поводья левой рукой. Стелком он как был, так и остался никудышным, именно поэтому разрядить трофейный карабин следовало в первую очередь. Чтобы не давил лишним грузом.

Черника тоже чувствовала опасность, холка ее напряглась, уши вздрагивали. Поэтому Артур так и горевал о потере жеребца; эти коники воспитывались в лесу и на чужаков реагировали враждебно.

До угла массивного здания института осталось три метра. Другого выезда из дворика не предусматривалось. Прямо по курсу — накренившаяся стена соседнего дома и узкий проход налево. Под копытами Черники хрустело бетонное крошево. Когда-то здесь поднимался грузовой пандус, но теперь ушел в землю вместе с подвалом.

Позади треснула ветка. Преследователи преодолели ограду и продирались сквозь кусты. Артур отпустил поводья и сунул левую руку под куртку. Можно было бы забраться в угловое окно и убежать коридорами первого этажа. Но лошадь не умела лазить в окна. Лошадь, которая его не бросила, как другие, а честно ждала больше суток...

— Ша, приехали! — произнес низкий прокуренный голос, и навстречу вышли четверо.

Карин втянул голову в плечи, а мгновением спустя и Артур понял — братишки не имели к кремлевской армии ни малейшего отношения. Скорее, они имели к ней серьезные претензии.

— Слазий давай! — со скучной интонацией, точно выполняя ежедневную надоевшую работу, приказал главарь. Рот у него до конца не закрывался, потому что левую щеку оттягивали вбок три или четыре уродливых шрама. Шапка каштановых кудрей на фоне перекошенной рожи выглядела нелепым париком. За его плечом, прикладом вверх, болталось богато инкрустированное ижевское ружье с обрезанным стволом.

Все четверо нарядились не по погоде и чем-то смахивали на кочаны с капустой. Скорее всего, спали, никогда не раздеваясь, в этом же сборном гардеробе выезжали на «промысел». А менять ночлег им приходилось частенько; лейтенант Порядок с большим удовольствием рассказывал Артуру, как обращается законная власть с бандами. Если разбойников находили, то квартал оцепляли с собаками или с волками, но в отличие от прежней милиции зверей отпускали с поводков.

Рыжий косоглазый парень в кожаном пиджаке без рукавов нацелил на Артура ружье:

— Винтаря сюда, жива!

— Ну, лови! — Артур послушно кинул карабин. Кинул чересчур сильно, так что бандюги малость отшатнулись. Рыжий поймал карабин за ствол, прикладом попало по плечу кучерявому.

Коваль синхронным движением выхватил из манжетных петель клинки. Разговаривать тут было не с кем.

Рыжий упал на четвереньки, хватаясь обеими руками за горло. Атаман успел дернуться, лезвие пробило ему щеку и застряло в верхней десне. Самое интересное, что применять огнестрельное оружие никто не спешил. Третий разбойник выхватил турецкий ятаган и попытался отрубить Артуру ногу. Четвертый, заросший бородой кавказец, схватил Чернику под уздцы.

Это была с его стороны непростительная ошибка. Артур шлепнул кобылу в бок, она прынула назад, готовясь встать на дыбы, и оставила на лбу и груди кавказца четкие следы от подков. После такого демарша темпераментный горец упал, и земные печали для него закончились. Карин тоненько взвизгнул и кубарем скатился на землю.

Обладатель ятагана, промахнувшийся в первый раз, снова пошел в атаку. Он исполнял для устрашения несложный, но очень эффектный трюк; Артур когда-то видел подобные представления в цирке. Лезвие крутилось вокруг кисти с такой скоростью, что сливалось в сплошной блестящий круг. Атаман ревел, пытаясь извлечь из щеки нож, рыжий норовил встать и снова падал, фонтанируя кровью из распоротого горла, Карин что-то бубнил внизу...

Коваль потянул из седельной сумки ни разу не опробованный «ремингтон» и запоздало осознал, что саблей крутили перед его носом совсем не для устрашения.

На шее затянулась петля. И сразу же рванули с такой силой, что, будь его ноги в стремях, оторвали бы голову. Но стремяна Артур уступил настоятелю; вылетая из седла, он успел сделать три вещи: щипнул летуна, разрезал веревку и спустил курок.

Летун, словно того и ждал, вырвался из мешка и вцепился в харю кудрявого главаря. На свету зверь видел плохо и реагировал на кровь. Чувствуя, что ему заживо сдирают кожу с лица, кудрявый забился в истерике и получил два удара ядовитым хвостом.

Коваль в этот момент пролетал над задыхающимся Кариным. Того тоже душили арканом, но отвлеклись на более занятные события.

Любитель фехтования, увидев, что за пакость кромсает голову коллеге, попытался голыми руками схватить летуна за крылья, но это было неправильно. Потому что, в отличие от осы, парализующей жидкости у вампира хватало на шесть ударов. Коваль кривил душой, пугая незабвенного лейтенанта Порядка медленным поеданием заживо. На самом деле паралич наступал очень быстро.

Артур упал. Веревку он перерезал лезвием, вшитым в манжет, но эти сволочи делали арканы из какой-то синтетической бечевы. Петля настолько глубоко врезалась в кожу, что остановился кровоток в сосудах; еще немного — и конец.

Он упал, но не на спину, как ожидали те четверо, а на ноги, как учил Бердер. Выстрел всех напугал, но никого не задело. Определенно, ребята привыкли заниматься своим ремеслом в тишине. Артур отшвырнул оружие, обеими ногами посылая тело в сторону, противоположное наклону головы. Гильза еще не успела упасть на землю, когда он раскрутил цепь с грузилом и, один за другим, послал два ножа. В ответ просвистел заряд дробы, но основная масса угодила в то место, где Коваль находился мигом раньше. Четыре дробины ужалили в бок, в ключицу и обожгли в двух местах плечо. Досталось и Чернике.

Бедняжка жалобно заржала и метнулась в сторону, прихватив за собой хрипящего настоящего. Его левая нога так и висела в стремени.

Двое из оставшейся четверки съежились, как бумажные фантики над пламенем свечи, баюкая свои вспоротые животы. Третий, разглядев летуна, издал вопль на грани ультразвука и помчался наутек. Он успел сделать полтора шага, когда обвившаяся вокруг шеи цепь рванула его назад, спиной на острие кинжала.

Лошадь брыкалась в тупичке, по ее глянцевої шкуре многочисленными ручейками стекала кровь, но навзничь лежащий Карин застрял между двух деревьев и не давал Чернике сбежать. Тот, что стрелял в Артура, высокий здоровяк с перебитым носом и абсолютно белыми безумными глазами, сделал еще один заход. Он отступил на шаг, переломил ствол и судорожно пытался подцепить ногтем горячий капсюль.

— Уходи! — посоветовал Коваль и вытащил из-за обшлага очередное лезвие. — Брось ружье и уходи!

Не послушав совета, грабитель одной левой защелкнул затвор, а в правой руке у него уже появился тяжелый длинноствольный пистолет. Так он и свалился, целясь из двух стволов в вечеряющее, ослепительно чистое небо... Коваль подошел и, кривясь от запаха, при помощи кинжала извлек клинки.

Его левый рукав стал горячим и мокрым, на боку тоже расплывалось пятно. Головой он мог двигать лишь с большой осторожностью. Срочно требовалось найти тихое место и залатать пробоины. Но не здесь...

Как ни удивительно, косой рыжеволосый парень был еще жив. Артур знал, что стоит вытащить нож из его горла, и все закончится. Смертельно раненный, рыжий смотрел на свою недавнюю жертву с такой мольбой в глазах, что у Артура не поднялась рука его трогать. Проверять остальных не возникало желания, тем более что летун не закончил трапезы.

— Зачем... я тебе... нужен? — проскрипел настоятель, когда к нему вернулась речь.— Или... убей меня... сейчас, или нас... убьют вместе!

— Нет уж! — возразил Артур, кое-как, наспех, накладывая шину на сломанную ногу.— Мне нужно, чтобы с тобой, святой отец, пообщались мои друзья...

— Мне нечего скрывать... Что ты хочешь, я и так расскажу, без пыток...

— Вот и прекрасно!

Артур смазывал раны Чернике. Большинство дробинок он сумел «вытянуть» руками. В своем организме он навел порядок довольно быстро, но принял решение два инородных тела пока не трогать. После, все после...

— Мне и надо, чтобы ты все рассказал, святой отец.

— Ты не вырвешься из Москвы... Это были бандиты, а не стража. Поэтому не стреляли, хотели продать нас дикарям... Совсем обнаглели, днем нападают! Но меня ищут и знают в лицо. Убьют лошадь, пешком не уйдешь...

— А мы, святой отец, дальше на лошади не поедem!

Хоть бы подвернулся навстречу приличный человек, горевал Артур, обнимая дрожащую кобылу за шею. Отдал бы тебя бесплатно, лишь бы не обижали. Еще одна подобная стычка, и Чернику застрелят. Да где тут найдешь приличных людей?..

31

БАЙКЕР ПОНЕВОЛЕ

За поворотом в тени стоял обшарпанный до невозможности вездеход без крыши, армейский жесткий вариант. Артур так и не сумел угадать его марку; складывалось впечатление, что джип собирали не так давно. А за джипом Ковалю ждал очередной кусок преследующего его наваждения. Задрав, как сорочьи хвосты, самодельные глушители, там отдыхали два спортивных байка. Коваль перенес соборника в машину, туда же покидал мешки и все пригодное оружие. Уложил Карина на заднее сиденье, закутал одеялом. Адепт малого круга выглядел хуже некуда, по лицу его крупными каплями стекал пот, и без того нездоровая кожа потемнела. У Ковалю даже мелькнуло сомнение, правильно ли он поступил, захватив столь хворого «языка»...

Затем предстояло самое тяжелое. Хрипя от натуги, Артур втолкнул через заднюю откидную дверь тяжелую двухцилиндровую «ямаку». Модель была абсолютно незнакома, и некоторые детали компоновки наводили на мысль, что машина создана уже после того, как он

«уснул». Бак мотоцикла разбойники заполнили по горловину, но, открыв его, Артур удивился, как двигатель до сих пор справлялся. Безусловно, в столице отыскался умник, восстановивший производство бензина, но пока научатся делать горючее требуемого качества, вся техника встанет. А вот переборкой движков вряд ли кто-то занимается.

Аккумулятора и ключей зажигания он не нашел, зато обнаружил торчащую сбоку в капоте ручку с тросом, как в лодочных моторах. С четвертой попытки вездеход затрясся, выплюнул черное масляное облако, из всех щелей в салон хлынули отработанные газы, а скрежет и визг вентилятора оповестили прилегающие кварталы о начале автопробега. У Артура нашлись даже зрители, двое мальчишек лет двенадцати. Он встретился с ними в третьем по счету переулке, куда пытался свернуть в поисках ровного асфальта. Когда Артур, налетая грудью на руль, сражался с подгоревшим сцеплением, дети проводили его огрызками яблок и дружеской матерщиной.

При повороте на Басманную Артур освоился и промахивал рытвины, почти не снижая скорости. Видимо, эта трасса считалась стратегической. Поверх растворившейся мостовой в три наката лежали огромные бревна, стянутые костылями и проволокой, так что Артур отважился переключить на третью передачу. Черника послушно бежала следом. На дырявом пассажирском сиденье в мешке недовольно шипел обожравшийся крови летун. Артур не позволил хищнику кусать никого, кроме главаря банды, который был заранее обречен. Настоятель подпрыгивал, скрипел зубами, но молчал.

В том месте, где раньше зеленел сад Баумана, при свете костров валили деревья, тут же обрубали сучки и волоком доставляли к дороге. Дальше, у станции подземки, улица сужалась. Здесь дорожники укладывали самую свежую мостовую, ярким пламенем в бочках горел мазут, и варились в котлах бараньи ребра. Коваль осторожно объехал толстого мужика в желтой каске и резиновом плаще, по виду — начальника работ. Толстяк стоял под полиэтиленовым навесом, там, где над столом горела электрическая переноска и ругались бригадиры. На Артура никто не посмотрел, гораздо больше внимания привлекла его породистая лошадь.

Чем дальше они продвигались к Кольцевой, тем безлюднее становились проспекты. Основная масса служивых и мастеровых переселилась ближе к центру, а граждане «независимых» гарнизонов жили компактно в своих «исторических» квартирах и в сумерках не особо разгуливали. Коваль почти не смотрел по сторонам, все внимание сосредоточивая на жутких ямах и нерастаивших сугробах. Сюда дорожники еще не добрались. Зима в этом году пришлась снежная, сточные колодцы давно забились грязью, и порой казалось, что вездеход не едет, а плывет среди бесконечных струй талой воды. Несколько раз машина застревала,

тогда Артур выходил, впрягал уставшую Чернику, и вдвоем они кое-как справлялись.

Он рассудил, что выбираться стоит там же, где вошел в город. Собственно, мегаполис простирался на многие километры и за пределами кольца, но обитали там в основном ковбои, лесорубы и охотники. Артур встречался с десятками людей из этой породы и почти не сомневался, что ярых сторонников президента среди них нет. Главное — незаметно миновать ворота...

Незаметно не получилось. Он сделал все, чтобы обойти площадь Трех вокзалов по самой большой дуге. Несколько раз, завидя впереди подозрительное движение, снова и снова забирая вправо, но на пересечении с Краснопрудной машину обстреляли. Позже Артур убеждал себя, что мог бы проехать иначе, но в тот вечер, натываясь на завалы и ряды колючей проволоки, он не решился соваться во мрак старых московских переулков. На Ярославском вокзале три года назад обитала та самая коммуна «паровиков», к которым и посылал его Рубенс. Как давно это было, поразился Артур... Он успел забыть о том горделивом, боевом настроении, который владел им тогда. Как он надеялся восстановить связь, пустить тепловозы, а там, чем черт не шутит, и электровозы! Он всерьез уверял библиотекаря Леву, что достаточно запустить пару котлов на теплоцентрали, и энергии хватит для подземки...

Он спрашивал себя: что если забрать Надю и переселиться в город?

Допустим, не сюда, пусть Качальщики разбираются с Москвой как хотят, а в Питер. И можно не к папе Рубенсу, который также поступил не совсем красиво, можно пойти к мэру. Инженеры нужны везде. Многое он подзабыл, но это не страшно, почитает. Страшно другое: он слишком привык к тому, что недалекий перевозчик угля Маркиз называл объемным словом «правда».

Вполне вероятно, что лесная демократия Качальщиков не продержится долго, и прав окажется старый книжник из Эрмитажа. Население возрастет, старые волшебники станут легендами, колдуны уже тянутся в города, и образовавшуюся брешь планетного разума опять заполнят самые обычные люди. Малые и крупные царьки с имперскими замашками и подавленным детским честолюбием. И священная борьба соратников Бердера сохранится лишь в виде Книги. Хотя вряд ли сохранится; такие люди, как Карин, обычно жгут книги из самых лучших побуждений...

От тягостных мыслей Коваль отвлек свист пуль. Палили из автомата, издав далеко, и очередь прошла высоко над головой. На севере города когда-то шли серьезные бои; он ошибался, полагая, что столицу не затронули волнения. Гостиница «Ленинградская» светилась множеством ярких огненных точек над безжизненными руинами кварталов, точно океанский лайнер среди холодной пучины океана. Коваль уже понял,

что ошибся, и надо было с самого начала уходить по Сретенке, там, по крайней мере, расчищали проезжую часть...

Еще одна очередь, и сразу же стук копыт. Их догоняли. Артур огляделся. Слева — сплошная мешанина из сгоревших станционных зданий, перевернутых вагонов, упавших железнодорожных кранов. Справа — бесконечное море тающего снега и вздыбившиеся над ним, точно вершины затонувших аттракционов, изогнутые обломки рельсов. Единственная сухая дорожка, по которой он приехал, прямиком вела к завалу. Лошадь пройдет, но для джипа оставалось слишком мало места. Коваль сам загнал себя в тупик.

Он оглянулся. Три всадника миновали полузатопленное здание депо и готовились выйти на «финишную прямую». До того, кто скакал первым, оставалось метров триста. Отступать было некуда, но после схватки с грабителями у Артура не добавилось желания драться.

— Я не вышел на моление... — глухо произнес настоятель. — Это патруль безопасности. Если ты отпустишь меня, я скажу, чтобы тебя не трогали... Ты сможешь уйти.

— Начнется стрельба — не вздумай высунуться, святой отец! — Артур пошарил в мешке, выложил на капот три булыжника. Вместе с конем он потерял значительную и лучшую часть своего арсенала. На ярмарке остались маленький арбалет и лук, и оба бумеранга, и очень удобные палочки, нечто вроде нунчаков... — Отпустил бы меня на рынке — махал бы сейчас кадилом!

— Не понимаю...

— Тогда молчи.

Трое с автоматическим оружием — это серьезно, подпускать нельзя. Артур встряхнул кистью и начал плавно раскручивать пращу.

Молоденький сержант, что было сил погонявший низкую мохнатую лошадку, ничего не успел понять. Час назад капитану позвонили по вертушке, он всех поднял по тревоге и велел прочесывать улицы. На авто приехал взмыленный посыльный из Кремля и сообщил, что из каземата малого круга сбежал опасный колдун. А после этого, озираясь, посыльный сообщил уж совсем невероятную новость, в которую никто не поверил. Якобы колдун темными чарами опутал самого настоятеля собора и утащил за собой.

Никто точно не знал, как выглядит колдун. Одни приписывали ему крылья, как у огненного змея, и раздвоенный язык длиной в метр. Другие, напротив, утверждали, что он снаружи, как человек, но пасть, как у волка, и вчера утром откусил человеку голову на рынке. Не совсем было понятно, кого и где искать, но гонцы полетели и в те гарнизоны, куда не дотягивались телефонные провода. Всех мужиков собирали с оружием, под команду свободных кремлевских офицеров.

Меднолицый человек в джипе с трусящей позади кобылой не только не остановился по приказу, но зачем-то свернул в тупик. А теперь он стоял возле машины по щиколотку в ледяной воде и крутил над головой какой-то тряпкой. Потом человек сделал непонятное движение, точно поскользнулся, а секунду спустя что-то тяжелое и твердое ударило сержанта в левый глаз, и он завалился набок. Лошадь пробежала еще немного, затем перешла на шаг и остановилась в недоумении. Солдат, скакавший следом, сам был из ковбоев, знал, что такое праща, но заметил второй бросок слишком поздно. Солдату повезло больше, камень попал в лоб, скрытый под меховой шапкой, и только на время его оглушил. Третий участник состязаний, отставший на сотню метров, дал еще одну бесполезную очередь и ускакал за подмогой.

Артур откинул одеяло. Солнце почти закатилось, но и в сумерках было заметно, что у Карина начинается сильный жар. За три года в лесу Артур, конечно, не стал первоклассным медиком, да Качальщики никого и не лечили. Единственным пациентом в деревне был он сам, и дважды в первую зиму простужалась Надя. Качальщики не лечили и не лечились, они слушали свой организм и настраивали его на дыхание Земли. Этим врожденным навыкам никто Артура учить и не пытался, зато дали с собой в путь десяток пузырьков на все случаи жизни.

— Выпей! — Он с трудом заставил святого отца разжать зубы. — Не бойся, это травяной сбор. Поможет твоей печени... Теперь выпей это, укрепляющее. Я привяжу тебя ремнем. Не вздумай за меня хвататься...

— Ты безумец... Нас уже ищет вся Москва...

Коваль сознавал, что придется бросить все. Запасную одежду, еду и, главное, Чернику. Самый лучший орловец не угонится долго за мотоциклом... Затем он помолился. Молитва его состояла из пяти слов: «Всем моим врагам таких прогулок...»

«Ямаха» завелась легко, круга три пробежался — и готово. В одном цилиндре клапаны отбивали собственный похоронный марш, другой нагло дымил, сцепление еле слушалось, но в целом доисторическое чудо откликлось на руки человека. Все управление скоростью было переброшено на ручной акселератор, что Артура вполне устроило. Он поерзал на сиденье...

Тело вспоминало. Четыре года назад, нет, сто двадцать четыре года назад он дал себе зарок не прикасаться к байку. Он не то чтобы садиться, он на них смотреть не мог. Это была абсолютная нелепость, и Коваль внутри прекрасно сознавал, что старенький «харлей» ни в чем не был виноват. Но именно оттого, что невозможно было найти виноватого и не на ком было выместить злобу, он по странной прихоти возненавидел лучшего товарища своего детства. Кроме «американца», отец покупал сыну в свое время «яву», а позже, уже после института, Артур сам собрал денег на старую «хондочку». Погонял на ней два года, затем по-

красил, подновил хром и втридорога продал пацанам из мотоклуба. Тогда по стране гуляла несусветная инфляция, а начинающий аспирант нуждался в компьютере. Наука становилась важнее любимой техники...

Он тронул с места, боясь какой-нибудь странной реакции организма, боясь, что загнанные внутрь воспоминания вырвутся наружу, но ничего такого не случилось. Машина пошла легко и мощно, заполняя тело восторгом, полузабытым чувством покорителя. На лошади совсем иначе, лошадь — это твой товарищ, напарник, иногда друг. Но когда под задницей, чаще стука сердца, взрываются порции бензина и два центнера железа готовы встать на дыбы от одного движения ладони, это вам не в «мерсе» пылать...

— Тебя убьют! — простонал в самое ухо Карин. — На всех заставах — пулеметы!

— Ты прав, но мы не поедem через северные заставы! — Артур сбросил обороты, разогнался, пробуя тормоза. — Мы двинем на юг, по Варшавскому или Каширскому тракту, там, где ночью выходят караваны.

— Генерал безопасности посадит сотню солдат на мотоциклы!..

— И все ваши солдатики гоняют с тринадцати лет? — зло рассмеялся Коваль. — Они прошли мотоклуб и байкерские тусовки? — Он отпустил сцепление и, взметая фонтаны брызг, покатил в обратном направлении. Растерявшаяся Черника запоздало бросилась следом.

Артур больше не скрывался и мчал напропалую, держась южного направления. Карту центра он представлял смутно и, чтобы не сбиться с дороги, рванул по верхнему ярусу Садового кольца. Здесь, как и в Питере, встречались остатки баррикад, но большинство из них растащили, освободив широкие проходы. По левой стороне Садового кольца сто лет назад шли танки. Скелеты многих из них, «обглоданные» новыми жителями внутри и снаружи, до сих пор «украшали» вечернюю столицу. Там, где кружились танковые колонны, от асфальта ничего не осталось.

По правой стороне приходилось двигаться галсами, чтобы не столкнуться с медленно ползущими повозками. Карин скулил от страха и боли, когда Артур укладывал байк почти параллельно земле. Но больше соборник боялся летуна в рюкзаке, который от потери ориентации прихватывал когтями спину пассажира. На двух заставах их пытались задержать. Артур замедлялся, изображая послушание, затем в последний момент поднимал машину на дыбы, и стражники успевали только отскочить. За Краснохолмским мостом за ними увязалась конная погоня, но вояки быстро отстали. Артур провел кусочек показательного выступления.

Моля Бога, чтобы не попала яма, позволил всадникам приблизиться вплотную. Они не стреляли — видимо, информация о похищении Карина прошла по официальным каналам. Дождавшись, пока рядом, слева и справа, замелькают ноги лошадей, он резко дал по тормозам, выкручи-

вая руль, упал всей массой на левую сторону, тут же поддал газу... «Яма-ху» развернуло на месте, задним колесом угодило ближайшей лошади по ногам; та взбрыкнула и упала, кувыряясь вместе со всадником. Остальные четверо кавалеристов по инерции пронеслись вперед, бестолково осаживая коней. Артур дал газу. Карин ему жутко мешал держать равновесие, но хотя бы не брыкался.

Наездник, скакавший справа, успел развернуться лишь наполовину и тут в метре от своего бока увидел неудержимо приближающееся широченное резиновое колесо. Конь от удара повалился набок, сломав наезднику в двух местах ногу о дощатую мостовую. Еще одного, усатого парня с накрученным на локоть лассо, Артур ранил метательным ножом. И тут же дал стрекача. По мосту приближался целый эскадрон.

Как только стало темно, пришлось снизить скорость, но Артур сразу получил преимущество. Теперь он видел патрули издалека и заблаговременно объезжал их. Солдаты жгли факелы и, растянувшись цепью, обшаривали дворы. Один раз Артур минут десять простоял в нише, ожидая, пока подвыпившая, хохочущая поисковая группа пройдет мимо. В подвальные окна бойцы кидали горящую паклю или фонари на палках, но сами спускаться не отваживались. Карин скрипел зубами, наблюдая такое «усердие».

— А чего ты хотел, ваша святость? — успокаивал Артур. — Тебя ж никто не любит.

В тот момент, когда вдали запылали сотни огней большой стоянки, настоятель впервые всерьез поверил, что его увозят из Москвы. Справа от Каширского тракта и до и после Кольцевой бетонки ночевали многие десятки погонщиков и бедных торговцев, у которых не было лишних денег заплатить за ночлег в гарнизонах. Утром вся эта громадная масса придет в движение, одна река подвод потечет в южные губернии, другая двинется к ярмарке — пополнять карман связанного, избитого человека, что трясся на заднем сиденье мотоцикла.

— Зачем я тебе нужен... демон? — безнадежно спросил Карин.

— Чтобы спасти Москву. — Артур полной грудью вдыхал ароматы просыпающихся от зимней спячки полей. — Ты расскажешь моим друзьям все то, что говорил мне. Как хорошо у вас жить и как все счастливы, что появилась крепкая власть. И сколько сделал для народа президент. Видишь ли, мне мои друзья не очень верят. Я им много раз говорил, что без государства никуда, они не верят. Вот я и подумал, не с пустыми же руками возвращаться, возьму тебя с собой... То, что мне было нужно для... э-э-э... работы, украли вместе с конем. Так что настраивайся спасать Москву, речь готовь.

— Да от кого? — опешил настоятель. — От кого спасать-то?

— От меня, ваша святость. От меня.

32

СПОР БЕЗ ВЫИГРЫША

— Не дергайся! — сердито повторил Исмаил. — Если будешь мешать, я сломаю тебе ребро.

Артур так и не удалил две дробины, теперь обе обросли мясом, но при беге и даже при быстрой ходьбе доставляли неудобства.

— Я виноват. Я потерял обоих коней и змея... Чернику убили просто так, представляете? Ни за что. Эти сволочи убили ее из вредности, за то, что она бежала за мной. А я ничем не мог ей помочь... — Артур лежал на широкой доске и говорил без передышки, чтобы отвлечь себя от боли. Несмотря на всю полевую анестезию, пулевые отверстия нагноились. Исмаил раскалял над огнем крючки и довольно грубо ковырялся в ранах. — Я потерял все твои приспособы для меток, учитель... Я не специально...

— Это ничего. Слабая метка может быть чем угодно. Лежи тихо...

Когда Артур покидал «базовый лагерь», Качальщиков было всего трое — Бердер, Исмаил и Анна Вторая. Расположились в заброшенной деревеньке, не доезжая Сергиевого Посада, в единственном прямо стоящем здании, маленькой церквушке. Большинство изб на обеих улицах деревни превратились в покатые холмики. Вернувшись, Артур, к немалому изумлению, застал в церкви «старшего генетика» Прохора и еще двоих незнакомых старичков из какой-то дальней общины. Мотоциклист так устал, что мог лишь смотреть и хлопать глазами. Прохор смеялся в бороду, он мало говорил. Оставалось предположить, что чародеи догнали авангард экспедиции по воздуху.

Как всегда, Те, кто раскачивает, знали о приближении любого человека заранее, и даже знали, что Коваль везет с собой пленного. Уже наготове была куча раскаленных камней, оставалось смести с них угольки, намочить веники, и следующий час Коваль провел, нежась в самой потрясающей баньке... Исмаил непрерывно окуривал всю округу таежными благовониями, но даже на таком удалении лесные жители ощущали запах столицы и никак не могли от него избавиться. Артуру, напротив, казалось, что после липкой, гнилостной атмосферы он попал в настоящий рай.

В пути Артур заправлялся дважды, по сути дела, отнимал топливо у встреченных автовладельцев. Но после второй заправки мотор застучал с перебоями, и до деревни он доехал почти на честном слове. Бердер вышел навстречу, дождался, пока Артур слезет и отстегнет от себя пребывавшего в полной отключке Карина. Артур уже знал, что последует дальше: один из тех «фамильных» трюков, которые ему не суждено было постичь.

Три секунды спустя на месте, где стояла «ямаха», бугрилась и опала раскаленная спекшаяся корка. После проведенной стерилизации плевков Сатаны просуществует две недели, а потом на его остатках еще сильнее пойдут в рост побеги.

— Зачем ты привез его с собой? — Исмаил пустил по кругу ковшик с густым пахучим отваром. — Этот жалкий колдун не сказал ничего нового.

Седой Качальщик мотнул головой в сторону лежанки, где забинтованный, словно мумия, тихо страдал настоятель. В процессе осмотра выяснилось, что у святого отца сломано два ребра, воспалились фурункулы на спине и почти отказала почка. Теперь он лежал, до ушей залитый отварами, намазанный притираниями, и редко дышал через рот. Его даже не унесли в сторонку, пусть себе слушает...

— Я поверил... — Артур чувствовал каждой клеточкой тела такую блаженную истому, что самые простые слова давались с трудом. — Мне казалось, он сумеет убедить вас...

— Убедить в чем, Проснувшийся?

— В моей правоте. Историю нельзя остановить... То, что делают эти люди, жестоко, но необходимо.

— Необходимо было бить тебя и угрожать пытками? — поднял брови Бердер.

Белые старички переглянулись и одновременно затянулись из узких лакированных трубочек. Они курили не табак, а какую-то цветочную смесь, от которой у Артура все плыло перед глазами.

— А разве ваше племя ласково обращается с врагами? Вы продаете людей, как скотину!

Артур знал, что может выплескивать из себя любые оскорбления, наставников это не трогало. Заставить их изменить принятое мнение могли не слова, а только очень серьезные обстоятельства.

— Хорошо! — сдался он. — Хорошо, попробуем иначе. Вы надеялись, что едва я вернусь в город, как тут же восплаю к нему ненавистью. Не скрою, так и случилось, но это не повод, чтобы навязывать сотням тысяч людей, как им жить. В таких решениях нет справедливости, о которой вы печетесь... Разберитесь вы, наконец, в собственных терминах! Я прожил тридцать лет в обществе, где справедливость понималась точно так же, люди были не глупее вас, но есть справедливость частная, а есть общественный интерес.

Меня забрали в тюрьму, могли пытать или даже убить. С точки зрения моей жены, это было бы жуткой дикостью и вандализмом, потому что я не сделал ничего плохого. Для большинства рыночных торговцев, я уверен, солдаты Карина тоже малосимпатичны. Подумаешь, паренек расплатился осколком от яйца Фаберже! Подумаешь, отрубил палец ворюге! Да так жулику и надо! При других обстоятельствах меня бы,

возможно, даже спрятали от патруля. Это и есть та самая правда, о которой вы так заботитесь, чистой воды анархизм. А теперь взглянем на дело иначе.

Вот вам другой пример. В восемнадцатом веке жил один неглупый мужик, он объяснял это лучше меня... Так вот: скажем, меняльная лавка, из нее когда-нибудь вырастет первый московский банк. Богатый меняла дает денежки в долг, под процент. Не понимаете? Ну, чтобы вернули больше, чем взяли. Кто занимает деньги? Бедный караванщик, скажем, из Брянска. Ему надо перекрутиться, купить-продать, оставить семье и так далее... И вот бедняга не справился, не может вернуть долги.

О чем кричит ваша «справедливость»?! Как так можно, заявляете вы, тащить доброго, ни в чем не виноватого трудягу в тюрьму, бить его плетью, продавать в рабство? И вас, конечно, поддержат сотни тысяч бедняков. Они с радостью похватают камни. И если солдаты, охраняющие менялу, не будут смельчаками и не разгонят толпу из пулеметов, можете не сомневаться: ваша «правда» возьмет верх. Конечно, это же так очевидно! Как можно давать еще больше наживаться лихоимцу, который и без того ездит на моторе и захапал себе кучу денег!

Но эти же ненавистные солдатики спасли бы рыночного воришку от расправы толпы. А торговцы, которым очень хотелось бы махнуть на прямую — ты мне сапоги, я тебе — груздей моченых, втайне рады, что появилась наконец стабильная валюта и за нее можно приобрести на рынке все. Все, что нужно, а не метаться по темным углам в поисках товара. Плюс к тому, на рынке тебя охраняют, и ближние дороги уже стали спокойны...

— Ты хочешь сказать, что доволен Москвой?

— Совсем нет,— горько улыбнулся Артур.— Но люди не были довольны и до года Большой смерти. Я просто стараюсь, в который раз, толковать, что вы заняты безнадежным делом. Вы пытаетесь отделить добро от зла, а это нереально. Не я это сказал. Мне тоже очень хотелось бы помочь забитому ковбою, которого обдирают налогами московские вояки. Мы можем прийти в его деревню и прогнать гарнизон. Мы можем заставить купца вернуть деньги тем беднякам, что брали у него в долг, а теперь проданы ему с потрохами. И чего мы добьемся? Лично я не желаю стать героем фольклора вроде Емельки Пугачева или Стеньки Разина. Эти чудовища со своим обостренным пониманием правды не принесли народу ничего, кроме многолетних страданий. Поймите же, мы можем спасти десяток обиженных, но нанесем удар по системе взаимной безопасности, по общественному интересу. Купец больше не даст денег в долг, рубль обвалится, и пострадают все! Ковбой откажется содержать солдат, и рано или поздно его дом сожгут соседи или дикари. Только никто уже не защитит его! Пусть сейчас всем плохо,

но так бывало и раньше. Либо появится сильное государство, либо по дорогам будут носиться банды шептунов...

Качальщики молчали. Незнакомые старики посасывали свои трубки, заполняя прогретую внутренность церкви сладковатым дурманом, Бердер раскладывал вокруг костра сырые поленья. Карин валялся, спеленутый, на постели из еловых лап и не подавал признаков жизни. Дым от костра поднимался к прорехам в крыше, обволакивал стены, где в вышине еще грозили пальчиками почерневшие лики православных святых. Сразу за церковью начиналось кладбище, но за век снега и дожди размыли могилы. Сквозь пролом окна Артур видел кусок решетки, изъеденную временем верхушку креста и почти вертикально торчащую из лужи крышку цинкового гроба. В таком гробу когда-то привезли из Чечни соседа Серегу... На деревьях уже набухали почки, по обломкам рухнувшей звонницы сосредоточенно вышагивали грачи, подступивший к деревне лес вздыхал, точно живой, и отряхивал на землю миллионы брызг.

— Мы не отделяем добро от зла, — медленно произнес Исмаил. — Мы слушаем Землю, а Земля для всего сущего на ней — всегда добро. До Большой смерти не было Тех, кто раскачивает. Потому что земля справлялась сама с теми ранами, что вы ей наносили. Мы читаем книги, Артур. Последнюю сотню лет до Большой смерти Земля почти не справлялась. Вы забрали у нее почти все, не спрашивая. Как нас назвал твой знакомый музейщик? Альтернативным разумом? Сложное слово, но я понимаю. Этот самый альтер... разум должен был появиться намного раньше. Но я имею в виду не Тех, кто раскачивает, совсем другое. Теперь неважно, после Большой смерти Земля качнулась, они погибли...

Ты думаешь, Проснувшийся, что Вечные пожарища — это самое печальное, что есть на планете? Это не так. Ты знаешь, что последние двадцать лет вытекает в землю из древних заводов? А такие заводы повсюду. Люди ушли, а порошки, несущие смерть, остались. Мы пытаемся их остановить, но не успеваем, нас слишком мало. Ты помнишь, я брал тебя с собой на северный берег? Помнишь кладбища птиц, целые стаи птичьих скелетов? Помнишь рыб без глаз, рыб, покрытых язвами, тысячи мертвых рыб, вмерзших в лед у берега? Они погибли от огненных грибов, что давали тепло и свет... Только Те, кто раскачивает, поняли, чем опасны огненные грибы. Они остаются внутри рукотворного камня, они больше не дают тепла, они не двигают больше подводные корабли, но они не спят... Они продолжают раскачивать Землю, а не мы.

Понимаешь? Если бы миллионы людей не умерли от болезни СПИД, Земля скинула бы их. Она уже начала раскачиваться, еще тогда, но вы не замечали!

Исмаил говорил все быстрее. Это была первая столь долгая проповедь, которую услышал от него Коваль за три года. Сейчас Качальщик

не на шутку разгорячился; на обычно безмятежном, непроницаемом лице разлился румянец, сцепленные в замок руки, напротив, побелели.

— Вспомни хорошенько, Клинок, разве не было такого в давние времена, чтобы большие рыбы сами бросались на сушу, ища себе смерть? Разве не было такого, чтобы из грязных озер навсегда улетали птицы? А сколько тысяч уродов рождалось у ваших женщин?

— Такое случалось, но...

— Просто вы не понимали, что это значит! Земля уже качалась, Слабые метки уже бродили по ее поверхности, и достаточно было самой малости... Когда мой дед был еще ребенком, он нашел на краю теплого пожарища живую траву. Это пожарище не породил мертвый завод, там сошел с пути паровик, что вез военную химию... Мой дед взял в ладонь эту травинку, она была единственной посреди пустыни. Он дотронулся до нее и понял, что нашел один из звенящих узлов. Он нашел такую Слабую метку, которая могла бы раскатать не то что Вологду или Шарью, она могла бы раскатать всю Землю между океанами. И знаешь, что он сделал, Проснувшийся?

Ты чувствуешь справедливость, ты не тронул бы этой травы, возможно, даже бы полил ее водой, но не более того. А такой человек, как Карин, он бы прошелся по ней сапогом. Просто так, без удовольствия, но наступил бы, чтобы зеленые лепестки не нарушали серого цвета смерти! И таких, как твой соборник, в городах — большинство.

Если они встретят цветок, то непременно сорвут его, чтобы выкинуть. Если в городской пруд спустится дикий лебедь, они убьют его и зажарят, как будто им не хватает еды! Они сливают свое дерьмо в реку, из которой пьют воду! Они плодят болезни вокруг своих жилищ, потому что каждый выплескивает нечистоты под дверь соседу!..

Они боятся всего, что не подчиняется их бездарному городскому колдовству, они боятся нас и запугивают детей. Они не представляют, сколько сил мы тратим, чтобы сохранить равновесие Земли. Они ненавидят нас, потому что мы раскачиваем слабые узлы, а на самом деле мы их же и спасаем! Посмотри, что ревнитель церкви носит на груди! — Хранитель расстегнул на спящем Карине рубаху, брезгливо подержал на ладони целую пригоршню амулетов и оберегов.

Чего там только не было! На веревочках вперемешку висели христианские кресты разных конфессий, полумесяц пророка и могоновид, какие-то баночки с волосяными кисточками, пожелтевший зуб тигра и даже миниатюрный костяной слон с позолоченными бивнями.

— Этим насекомым все равно, кому лизать пятки. Они будут поклоняться тому знаку, который носит их хозяин. Если папа любит объезжать коней, то они, ради того чтобы остаться при власти, тоже полюбят эту забаву! Они готовы отбить себе жирные задницы и свернуть шеи, но будут делать вид, что им нравится падать в грязь. Если старого хозяина

убьют и придет новый, покровитель холодного оружия, они специально выучатся махать саблей, лишь бы не потерять милостей новой власти. А прежнего хозяина тут же забудут и знак его силы упрячут подальше... А ты, Клинок, нахваливаешь мне их «государство»!

Мой дед был одним из первых Хранителей равновесия, он три дня пролежал возле кустика на пожарище, оберегая его своим теплом, укрывая его от ветра и насекомых. Когда шел дождь, он расстилал одежду, чтобы собрать для растения побольше воды. Там его и нашли родичи. Не все умели слышать, в те годы небо было отравлено дурным запахом смерти. Земля тогда еще не забрала кости миллионов умерших, повсюду жгли костры из человеческих тел, и запах этот мешал Хранителям. Моя прабабушка, мать моего деда, рожала его в первой лесной общине, возле пожарища, но сама она была городская, из Перми. Когда она захотела привезти сына в город, он сразу начал задыхаться. И остальные маленькие тоже. Тогда и стало понятно, что дети из Вечных пожарищ не могут вернуться в города.

И вот они, родичи, собрались вокруг моего дедушки и смотрели, как он спит на сером пепле, обняв зеленый росток. И стали они охранять этот кустик по очереди, не отлучаясь ни днем, ни ночью, ни в самые лютые холода. Охраняли его долго, пока рядом не выросла еще трава и метка не потеряла силу. Те, кто умел слышать, понимали, что дед случайно нашел огромную редкость. Слабые метки такой мощности попадают раз в двадцать лет и обычно там, где нет ничего живого... Где живое пытается вернуться, и если его убить, то Земля не выдержит и взорвется...

— Что значит «взорвется»? — Коваль уже не знал, чему верить. За три года он привык, что никакого волшебства, в смысле черной магии или говорящих котов, не существует, а нынче его снова погружали в трясину сверхъестественного.

— Взорвется — это не означает, что погибнет.— Голос Исмаила был печален, а глаза засасывали, как ледяные бездонные омуты.— Земля сметет всех нас, и ей будет все равно, что шесть поколений Хранителей отдали жизнь во имя спасения равновесия... Ты слышал о Хранителях памяти?

— Мама Рита, мир дням ее, говорила, что мне незачем с ними встречаться.

— Она права! — кивнул Исмаил.— Эти люди плохо выносят общество. Мой младший брат Кристиан один из таких, он живет у озера Валдай со своей женщиной и детьми...

— Так это ему донес Рубенс о моем появлении в музее?

— Да. Кристиан не ищет общения, но к нему ездил и Миша Рубенс, и другие питерские папы, кто хотел увидеть будущее. Но будущее предсказать не так уж сложно, потому что перед нами всегда лишь его ма-

лая часть. Время похоже на старую сосну. Далеко вверх тянется голый ствол прошлого, затем идет тонкий срез настоящего, который тут же сменяется кроной. И каждая веточка на кроне, каждая иголка — это один из путей, который ты выберешь. И Кристиан может разглядеть лишь одну из тысяч иголок...

— Это называется многовариантностью...

— Пусть так. Я не знаю умных слов. Я познакомлю тебя с Кристианом, но не ради будущего. Он покажет тебе прошлое, для него это легко. Не то прошлое, которое тебе знакомо. И не то прошлое, о котором ты читал в книгах. Он покажет тебе такое давнее прошлое, о котором не слышал ни один книжник до Большой смерти. То, что было пять миллионов лет назад. И то, что было двадцать миллионов лет назад. И шестьдесят миллионов лет назад.

— И что я должен увидеть? Процесс размножения мастодонтов? Или любовные игры диплодоков?

Исмаил укоризненно покачал головой:

— Я не знаю, кто такие диплодоки. Ты увидишь разумных, Проснувшийся.

— Твой младший брат ошибается. Миллион лет назад на планете не существовало людей.

— А разве я говорил о людях?

— Уж не хочешь ли ты сказать, что?..

— Кристиан не видит все ветки будущего, но прошлое понятно ему, как ствол сосны. Трижды на Земле появлялись разумные, и трижды они нарушали равновесие, раскачивали живую природу до предела... И всякий раз на планете начинался хоровод Слабых меток. Как гнойная сыпь, что предшествует распаду тела. Как таежные клещи, что вгрызаются под кожу и делают там норы, а затем одним ударом яда отнимают у человека жизнь. Планета терпит разумных, пока они не нарушают равновесия... — Исмаил вытер пот со лба. Коваль чувствовал, что еще немного, и он потеряет сознание. Это не было гипнозом, но от Качальщика исходила такая энергия, что спина покрылась мурашками и покалывало в подушечках пальцев. — Когда Слабых меток становится так много, уже не нужно ждать, пока соберется узловой треугольник. Взмах серпа, раздавленный под сапогом жук, пролитая в реку бутылка нефти — все что угодно!! Трижды планета рожала разумных, и трижды они несли угрозу самой жизни. И планета сметала их, как ты сметаешь с одеяла насекомых, прежде чем положить туда своего сына!

Затем пришли люди. Ты много нам рассказывал, Клинок, о том, сколько атомных станций вы построили. О том, сколько рек вы перегородили плотинами. Сколько леса вы вырубili, чтобы печатать книги. Сколько нефти вы взяли из почвы, и сколько миллионов моторов пре-

вращали эту нефть в смертельный дым. А теперь я спрошу тебя. Ты до сих пор уверен, что болезнь СПИД поразила человека случайно?

— Ну... Находились соборники, которые кричали, что это небесная кара, Божий промысел...

— Если бы на небе жил Бог,— отмахнулся Исмаил,— мой брат сказал бы мне об этом первому... Теперь послушай Прохора, он скажет тебе главное.

— Считая от года Большой смерти, никогда не плодилось столько Слабых меток... — Прохор Второй немного гнусавил: один из «экспериментальных» медведей когда-то заехал ему лапой в нос.— Мы следим за теми, что бродят вблизи древних заводов или там, где под землей спят огненные грибы. Мы расплавили тысячи поселков, и там, где мы прошли, звон прекращался, и наступало равновесие. Теперь метки уходят на запад, они стягиваются вокруг Москвы, потому что Земля чувствует здесь наибольшую угрозу. Пока еще, после Череповца и двух военных баз за Уралом, ни разу не складывался звенящий узел такой силы, как нашел дед Исмаила, но это может случиться в любой момент. Равновесие пока что держится. Как только папа Иван или кто-нибудь из его врагов, неважно кто, доберется до древнего оружия, миру наступит конец. В столице и вокруг нее слишком много опасного...

— погоди, Прохор! — Коваль плеснул себе в лицо колодезной воды, сразу стало лучше, мысли потекли ровнее.— Если я верно понял, Москву надо расплавить, чтобы выжил род людской? Но это же абсурд! Есть ведь и другие города!

— Петербург не так опасен.— Прохор достал из золы картофелину.— Сегодня там нет человека, который собирается отравить целый город.

— Господи! Да о ком это ты?!

— О президенте Иване... — Артур чуть не подпрыгнул. Вместо Прохора ответил настоятель. Дышал он через силу, но температура, по-видимому, спала, снадобья Хранителей сделали свое дело.— Папа Иван собирается отравить воду в Волге, чтобы вынудить Ярославль платить налог.

33

НОВЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ СТАРЫХ ТРЕХ

— Да это же черт знает что! — подскочил Артур.— Волга, она же длинная, так и до самой Москвы дойдет!

— Не дойдет... — Карин слабо подвигал пальцами.— Колдуны сказали, что яд разлагается быстро, у них есть книги...

— Уж не ты ли, гад, сам и предложил? — вкрадчиво осведомился Коваль. — А теперь решил под святого закосить?

— Не он! — отозвался Бердер. — Он предлагал копить силы и выступить против Ярославля большой армией на следующий год. Но в голове у нашего соборника есть задумки и похуже. Я прав, насекомое? Это место, к западу от Москвы, называется Красногорск-3. Скрытый въезд под землю, большие ворота. За воротами другие. Там стоят моторы, не меньше тридцати. Все они исправны. И на моторах уложены ракеты. Отдельно, ниже этажом, хранятся детали к этим ракетам. Без деталей они не могут взрываться. Моторы можно запустить, а ракеты нельзя, потому что ими управляло... м-м-м... стеклянный сосуд с нержавеющейми металлами внутри...

— Компьютер! — подсказал Коваль. — Там и золото, и платина...

— Эти ком... пьютеры они оживить не могут. Но люди Карина забрали с собой одну ракету и дали инженерам. Инженеры сказали, что ракету можно оживить, хотя это опасно, но внутри нее есть еще один... ко... эта самая штука, и непонятно, как ракету направить.

— Без гироскопов она начнет метаться, как заяц в капкане! — успокоил Артур. — Но скорее всего никуда без программы не улетит, взорвется на старте.

— А это неважно, где она взорвется! — сказал Бердер. — Даже если ракета не породит огненный гриб, может возникнуть та самая Слабая метка...

У Карина задергалась щека. Телепатия Качальщиков повергала его в панический ужас. Артур вспомнил, как Исмаил в день знакомства довел его до белого каления угадыванием мыслей. Он обернулся к Бердеру:

— Если вы... начнете расплавлять Москву, погибнет уйма народу!

— Я говорил тебе три года назад и сейчас повторю. По тем Слабым меткам, что бродят вокруг Москвы, нам быстро не собрать узлы. Нас слишком мало, а город огромен. Есть метки в самой Москве, в центре. Если качнуть оттуда, распад пойдет тихо...

— Очень тихо! — вставил слово Исмаил. — Люди успеют заметить и уйти.

— Мы не убийцы! — добавил Прохор Второй.

Теперь все пятеро смотрели на Артура. Просто смотрели, ничего не говоря. И снова, как ни странно, на помощь пришел Карин:

— Мы можем пойти вместе... Меня люди послушают. Я скажу им, что был у Красных колдунов, и они предсказали землетрясение.

— Ты первым делом побежишь спасать президента! — Артур пожалел, что так и не врезал святому отцу в ухо, пока тот был цел.

— Иван — трус и дурак! — скривился Карин. — Против него готовят заговор. Когда его убьют, будет трое желающих сесть на его место. Тут уж как повернется...

— Все ясно! — сказал Артур. — Тебя могут повесить за компанию... Значит, другого пути нет? — повернулся он к поджидающим Хранителям. — Нет другого пути остановить эти самые Слабые метки? Н-да... И потом! — спохватился Артур. — Я этому серому кардиналу не верю, он сдаст меня с потрохами. А если его отпустить вперед, то меня пристрелят, не доезжая до Кольцевой! Там полгорода с автоматами гуляют!

— Вы отправитесь вместе, Проснувшийся! — улыбнулся один из незнакомых дедушек.

— Ты ошибся, Качальщик! — Хохот настоятеля звучал, как воронье карканье. — Ты тоже веришь в глупые сказки? Ваш подмастерье никакой не демон! Поищите кого-нибудь понадежнее. Если бы не я, его забили бы кольями темные крестьяне на рынке!

— Это не сказки, соборник! Так написано в Книге, а наша Книга никогда не врет! — важно заявил Прохор.

— Я тоже доверял Красным колдунам, — отмахнулся Карин. — И чуть было не поверил ему, но затем кое-что вспомнил! Проснувшийся демон должен был явиться в Москву верхом на крылатом змее, а ваш Клинок приехал на кобыле. У него, правда, имелся змей, но тот вряд ли бы и зайца унес!

— Ах, вот ты о чем!

Прохор внезапно повеселел, засмеялись и старички, похожие на добрых лесных гномиков. Затем расхохотался Исмаил и, наконец, вечно неулыбчивый Бердер. Артур переводил глаза с одного на другого и никак не мог понять причину общего веселья. Он вообще никогда не видел Качальщиков смеющимися, да еще столь упоительно, разве что на праздниках рождения детей...

— Ты нам очень помог, соборник! — утирая слезы, выговорил Исмаил. — Ради одних этих слов тебя следовало сюда притащить и вылечить! Выходит, что Красные кровопийцы не всегда врут! В Книге не было этих строк, но теперь все совпало! — И старик кинулся обниматься с Бердером, что было уж совсем большой редкостью.

— Да что я такого сказал? — недоумевал Карин, не зная, то ли обидеться, то ли подхихикнуть вместе с этими непонятными Качальщиками.

Прохор Второй загадочно посмотрел на Артура, затем сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул. Сначала ничего не произошло, затем пропали голоса птиц. В наступившей тишине стало слышно, как потрескивает остывающая зола и свистит в кронах озорной весенний ветер. А потом Артур краем глаза уловил какое-то движение, оглянулся на разбитое окно и... прирос к полу.

На лужайку перед церковью величественно и неторопливо выходил крылатый змей. Этот взлетит, почему-то сразу понял Коваль и чуть не поперхнулся слюной. На сей раз Прохор постарался на славу. Любо-

пытно, как это ему удалось так долго скрывать свою последнюю разработку? Заодно стало понятно, каким образом троица генетиков догнала авангард с такой скоростью...

Это был настоящий Змей Горыныч, совсем не классический пузатый дракон из области британского фольклора. Существо, стоящее на лужайке, обладало вполне приличными аэродинамическими качествами. Поджарое тощее тело, метров шести в длину, маленькая узкая голова. Короткий мощный хвост не волочился бестолково по земле, как у прежних «моделей», а приподнимался вверх напоподобие паруса. Зато две пары крыльев за спиной. Каждое из передних, маховых, крыльев превышало длину тела. Задние, очевидно, выполняли функции рулей и, как выяснилось позже, позволяли змею зависать на месте по принципу вертолета. Лапы остались прежние, крокодильские, слишком маленькие для такого огромного туловища, отчего рептилия слегка смахивала на таксу.

— Прохор, ты превзошел себя! — прошептал Артур. — Восемь конечностей, это нереально!

Карин тоже оглянулся. Под впечатлением от увиденного вскочил на сломанную ногу и упал в костер. Если бы не Бердер, пришлось бы лечить настоятеля от ожогов.

— Я на... на этом никуда не полечу! — помертвевшим голосом заявил настоятель.

— Не правда ли, она прекрасна? — Прохор вышел на улицу, потрепал зверя по голове. Дракониha сразу потянулась к сумке, ожидая от хозяина лакомства. — Это не только моя заслуга. Семен и Марти, мы работали вместе! — Он махнул в сторону своих скромных помощников. В глазах обоих старичков светилось обожание. Они буквально боготворили свое детище.

— Из какой детской книжки ты ее вытащил?

Артур тоже вышел на воздух. На спине змея крепилась сложная упряжь. Три седла, место под багаж, даже крепления для оружия. Сложная уздечка из сыромятных ремней крепилась под крыльями и нижней челюстью, охваченной толстым металлическим намордником.

— Никакие удила не выдержат давления зубов, мы пробовали! Кроме того, она хватает птиц на лету! — любовно поглаживая зверя по жесткой зеленой чешуе, нахваливал Прохор. — Теперь самое главное, Клинок. Мальвина очень пуглива. Если этот безумный сборник будет продолжать свои вопли, девочка испугается и может перевернуться...

— Как... как ты ее назвал? — давясь от смеха, спросил Артур.

— Мальвина! — ответил маленький Семен. Он доставал из мешка и кидал в пасть дракониhe нещипанных куриц, та заглатывала, не жуя.

— Вроде бы это имя из датского фольклора! — проявил осведомленность Прохор. — Мне подсказал кто-то из детей. Слушай, Клинок, я

покажу тебе, как управлять. Запомни три вещи. По земле ее не гонять, это полетный вариант. Фруктами не кормить, будет поносить. И ни в коем случае не ругать и не замахиваться. Это тебе не лошадь, с ней надо обращаться бережно! Она лучше, чем оба твоих коня и Миг впридачу, она стоит троих старых друзей, поверь мне! Подойди, Мальвина понюхает тебя, и мы вас оставим наедине. Все как обычно, ты же знаешь. А потом посмотрите по карте, куда лететь, это в самом центре...

Установив первый ментальный контакт с драконом, Артур еще раз поразился творческому гению Прохора. Мальвина была гораздо умнее обычных змеев. И гораздо более тонко устроена, что ли...

— Ну что, милая? — спросил Артур, глядя драконихе в томные, обрамленные двойным рядом ресниц глаза. — На тебя вся надежда. Рот открой, у тебя там гадость какая-то застряла...

Мальвина послушно раззявила пасть. Артур вынул нож и вытащил застрявшую между резцов куриную лапу. Каждый зуб превосходил размерами спичечный коробок. Мощные когтистые лапы нервно скребли дерн.

Коваль оглянулся. Позади стоял Бердер. Его белая льняная рубаха раздувалась на спине, как парус.

— Ты хотел о чем-то спросить, Клинок?

— Да, учитель.

— Наш ответ: да. Если ты сделаешь все, как надо, сможешь забрать женщину и обоих детей. Можете уйти, когда захотите.

— Ты тоже хотел спросить меня, учитель? — Коваль вдруг вспомнил, как он когда-то не мог рассмотреть лиц Качальщиков. Насколько ловко они прятались от всякого чужого, и насколько родными эти фанатики стали для него теперь...

— Я уже спросил и уже получил ответ, Клинок.

А я вот не получил ответа, подумал Артур, глядя вслед учителю.

Я не уверен, что хочу возвращаться в Питер.

34

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

Коваль чуть не плакал от восторга. Даже несмотря на лютый холод, качку и встречный ветер, пробиравший до костей, ему хотелось кричать на всю округу. Мальвина махала крыльями с пугающей частотой, пока не набрала километровую высоту. Здесь она периодически отдыхала, отда-

ваясь во власть воздушных потоков, а затем под седлом снова начинали сокращаться стальные мускулы, оба седока зажмуривались и прижимались к горячей, как печка, спине. Сиденье скорее напоминало не седло, а жесткие штаны с двумя широкими ляжками, крест-накрест облегающими плечи. В противном случае никакой наездник не сумел бы удержаться; дракониха, в отличие от сказочных собратьев, рыскала из стороны в сторону, а иногда проваливалась в воздушные ямы. Лица пришлось натереть жиром и вдобавок замотать головы толстыми шарфами.

В таком виде Коваль больше походил на старую цыганку или бедуина, но зато появился повод посмеяться над иллюстраторами старых романов-фэнтези. Никто из этих ребятишек и близко не представлял, каково это — подставить рожу ветру на скорости километров двести в час, да еще на такой высоте.

Он сверился с внутренним будильником и потянул на себя вожжи. Мальвина чуть развернула левое крыло навстречу ветру и, гася скорость, начала снижение по плавной дуге. Заходящее солнце выкинуло последний отчаянный луч из темной гряды облаков, и вокруг Артура, насколько хватало глаз, развернулась панорама неопишуемой красоты. Излучина Москвы-реки полыхала всеми оттенками, от бледно-розового до глубокого ультрамарина. Прямо над головой, так близко, что казалось — протяни руку и утащишь за собой, свисали снежно-белые сталактиты облаков, небо на западе переливалось алым, а на востоке переходило в осязаемую чернильную завесу.

Гусиный клин, смешно вытягивая шеи, разворачивался чуть ниже пересекающимся курсом, а еще ниже, словно неведомые волшебные деревья, покачивались у земли тонкие колонны сонных дымков. Сверкнули в закатном мареве шпили университета; принимая переключку, откликнулись огнем армады южных небоскребов, потянули спины уставшие за день мосты, и сквозь неумолчный свист ветра докатились, наконец, перезвоны со столичных колоколен. Растянувшиеся до горизонта кварталы погружались уже в сумрак, но в центре сияли сотни огней. Влажная майская морось колыхалась над великим городом, и, точно злой вестник ночи, спускался в сияние костров восхищенный и плачущий человек, прозванный Проснувшимся демоном.

Над застывшим озером ЦПКиО Артур отважился на резкий вираж, чуть не стоивший дрожащему позади настоятелю двух передних зубов. Мальвина все команды воспринимала без задержки и, сложив крылья, камнем ринулась вниз. Затем Карин вторично стукнулся носом о спину Артура, когда захлопали задние крылья и дракониха пошла на посадку. Десятка два метров она неслась у самой поверхности земли, перебирая лапами, и казалось, что собирается с размаху врезаться в громаду Центрального Дома художников, но все обошлось.

В наступившей тишине было слышно, как перекликаются часовые на Крымском валу и тарахтит на реке простуженный дизель.

— Ступай! — сказал Коваль, высвобождая застывшего настоятеля из плена ремней. — У тебя час с небольшим. Если я узнаю, что ты пошел не в ближайший гарнизон, а в Кремль, ящерица тобой позавтракает.

Карин, опираясь на костыль, сделал два неуверенных шага. Его здоровое колено подогнулось, и настоятель плюхнулся на обломок каменной тумбы. Затем его вырвало. К счастью, в темноте Артур не видел его лица.

— Мы ведь больше не увидимся, демон? — глухо спросил из мрака Карин. — Я хотел бы как-то отплатить тебе...

— Предупреди людей. Это лучшая благодарность.

— У меня больше не болит в правом боку... И пропала кровь, когда я хожу по нужде. И что-то в ноге изменилось. Спасибо.

— Лучше бы у тебя в голове что-нибудь изменилось... Что ты будешь делать, святой отец? Вряд ли кремлевских радостно примут погостить в той же Туле или Брянске?

— Не знаю... — Карин тяжело вздохнул. — Я попробую собрать новую общину.

— Без Ивана? Опять рвешься к власти?

— Иван не доживет до утра! — Настоятель зло рассмеялся. — Я говорил ему, что нельзя трогать спящее оружие! Мои братья дважды гадали на козлиную кровь и дважды видели бездну. Я уйду на юг и соберу новую общину, из преданных людей...

— Ступай уже! Горбатого могила исправит...

Когда ковыляющая фигура настоятеля скрылась у моста, Артур привязал Мальвину к дереву. Сделал он это чисто символически; легче было бы удержать дога привязанным к одуванчику. Затем скормил ей остаток курицы и велел ящерицу притвориться корягой. Артур поймал себя на том, что бессознательно оттягивает главный момент. Самостоятельно он занимался этим первый раз и оттого немного психовал. Он не ощущал в себе морального права раскачивать, его родители не мерзли в болотах под радиоактивными дождями, не дрались за кусок хлеба, не приручали диких зверей...

Он развязал мешок и на ощупь слил в котелок жидкости из трех бутылочек. Затем добавил туда же нужные порошки. Подождал, пока разгорится огонь под котелком, и осторожно слил бурлящую вонючую похлебку в миску. Теперь предстояло действовать с предельной аккуратностью, малейшая ошибка могла погубить все дело. Он сделал короткий надрез на левом запястье и проследил, как кровь, капля за каплей, тонет в зеленоватом бульоне. Как только жидкость зашипела и окрасилась в ровный кирпичный цвет, он отдернул руку и замочил в миске заготовленные тряпки. Затем, встряхивая обожженными пальцами,

слегка отжал тряпицы и вытащил из заплочных ножен длинный кривой нож. Бердер затачивал лезвие больше часа, вода по куску грубой кожи, и малейшее неосторожное прикосновение могло нанести глубокую рану. Артур натянул длинные плотные перчатки. Из отдельного запечатанного пузырька, стараясь не капнуть на кожу, он пролил на лезвие черную, как смола, воду. Одна капля такой воды — и человека не спасет даже Анна Первая, лучшая знахарка общины. Черную воду готовили особым образом из той мертвой влаги, что сочилась в ров на краю пожарища.

Коваль искал молодые деревья, старые не годились. Он выбрал три подходящих ствола, обернул вокруг них еще горячие, остро пахнущие травами тряпки и сделал на коре по два надреза в виде косого креста. Мальвина следила за хозяином, ее глаза вспыхивали, как у огромной кошки, отражая лунный свет. Затем она улеглась на брюхо и принялась шумно устраиваться на ночлег.

Первые деревца оказались ложным следом. Артур повторил операцию, затем еще раз, отойдя подальше. Бердер не мог ошибаться...

Седьмой по счету ясень оказался именно тем, что он искал. Еще не веря собственным глазам, чувствуя предательскую дрожь в коленях, Артур подобрался к дереву вплотную. Слабая метка, вот она! Он, самый обычный человек, никому не известный инженер, только что вызвал к жизни страшную силу природы! У Артура было такое чувство, будто он активировал детонатор водородной бомбы. И почти сразу же сквозь мозг пронеслась теплая, ободряющая волна — это откликнулись разумы пятерых ожидающих его Качальщиков.

Юный трехметровый ясень колотило, как в лихорадке. Словно гигантский чокнутый крот подкопался под корни и пытался вытолкнуть дерево наружу. Артур сделал еще один надрез. Теперь раскачивался не только ясень, теперь в движение пришли как минимум шесть или семь крупных деревьев вокруг.

Мальвина подняла голову и низко заворчала. У ясеня сползала кора, скатываясь, точно засохшая змеиная кожа, одна за другой чернели и отпадали налившиеся соком почки. Затем раздался протяжный хруст, и ствол треснул пополам. Обрывки мокрых тряпок полетели на землю. В местах надрезов древесина превратилась в гниющую труху.

Артур застыл на месте, не в силах оторвать глаз. Соседний большой ясень накренился, с чавканьем из почвы показали узловатые переплетения корней. Земля под ногами вздрагивала все ощутимее.

Над парком вспорхнули сотни птиц, но не улетели, а построились в жутковатый могильный хоровод. Они не каркали, не чирикали и не курлыкали, они молча носились по кругу, и каждую секунду к ним прибывало пополнение. Внезапно Артур ощутил резкую боль в правой

лодыжке. Он нагнулся и, если бы не отточенная реакция, был бы вознагражден укусом в лицо.

Белка промахнулась самую малость, приземлилась и тут же бросилась в атаку вторично. Артур зарубил зверька в полете, почти машинально. Еще две белки прыгнули на него из темноты; их постигла та же участь. Мальвина зарычала в полный голос и поднялась на ноги. Тугой поток воздуха от взметнувшихся крыльев ударил Артура в спину. Дракониша чувствовала колебания земли гораздо острее человека и нервничала в опасном месте.

Птиц стало очень много. Коваль почти их не различал на фоне ночного неба, но чувствовал, что их уже несколько тысяч. Там кружили перелетные пернатые, не добравшиеся еще до родных водоемов, и местные, зимовавшие в Москве синицы, галки, голуби... С ужасающим грохотом отломилось сразу несколько веток у дряхлого тополя. Артур еле успел отскочить. Нападение белок его отрезвило. Хорошо, что в парке нет других, более крупных, зверей. Правда, Мальвина его защитит, если что, но против столь многочисленного воздушного противника и дракон может оказаться неважным телохранителем. Задрав оскаленную пасть к небу, дракониша тоже прислушивалась к неумолчному шелесту тысяч маленьких крыльев.

Земля уже не просто вздрагивала, она плясала под ногами. Артур чувствовал себя как на палубе катера, у которого в шторм отказал мотор. В десятке метров от него почва вздыбилась, пошла трещинами, из которых тут же хлынула вода. Несколько деревьев попадали, образовав непроходимый частокол. Обветшавшая каменная беседка на пересечении аллеек вдруг подскочила в воздух и рассыпалась на части. И тут ушей Артура достиг низкий вибрирующий гул. Он отскочил в сторону от летящей сверху ветки, обернулся и... ощутил, как встают волосы на затылке. Громада Выставочного зала медленно, но неуклонно уходила под землю. К счастью, здание не очень подходило для жизни, ни единый огонек не мелькал в черных провалах оставшихся на месте окон. Исполинская конструкция, кряхтя, расползалась, с визгом отлетали облицовочные камни, словно тонкая проволока, рвалась железная арматура...

Но зал не просто засасывало в почву, что-то происходило и с рекой. Артуру почудилось, что река приблизилась. Или часть берега вместе с набережной ушла под воду, или начался неслыханный доселе разлив. С оглушительным ревом, подобно цунами, вода заливала внутренности бетонной коробки. Рядом с погибающим Домом художников тянулись в небо какие-то легкие ажурные конструкции. Только когда они со скрежетом и звоном начали распадаться на части, Артур понял, что это такое. В парке оставался кусок американских горок, каким-то чудом продержавшихся стоймя целое столетие. И теперь эта циклопическая

«верблюжья спина» и кольцо «мертвой петли» начали неторопливое падение.

Артур кинул взгляд в сторону Крымского вала. Святой отец не подвел, на мосту нарастало движение. На фоне горящего в бочках мазута хорошо было видно, как из центра потянулся ручеек подвод и моторных транспортных средств. Слышались крики, целая толпа собралась у парапета, показывая пальцами в парк, носились всадники с факелами и газовыми фонарями. Если эпицентр находится здесь, подумал Артур, стало быть, разошлось еще не так далеко! Но сумеют ли Качальщики выполнить вторую часть плана и «погасить волну» за пределами столицы?

В эту секунду земля заходила ходуном, и в метре от Артура образовалась глубокая расщелина. Он отпрыгнул, но нога встретила пустоту. Для того чтобы вернуть равновесие, надо было найти хотя бы одну точку опоры. Артур упал, и тут же что-то острое ударило его в спину. Ворона. Коваль машинально отмахнулся, но птица спикировала второй раз. Он перекатился на спину, готовясь обороняться. Большой, отравленный ядом нож пришлось выкинуть, а вместе с ним и перчатки...

Несколько болезненных щипков вернули его к реальности. Ворона была не одна, с десятков птиц кружили, норовя заехать клювами ему в голову. Артуру показалось, что среди ворон появился какой-то хищник; мгновение назад он отчетливо видел короткий изогнутый клюв, но теперь большая птица исчезла.

Защищая локтем глаза, он поднялся на ноги и тут же услышал низкий рык Мальвины. Все что угодно, только не это! Если дракон сойдет с ума или решит переметнуться в лагерь нападавших, ему не выбраться из парка! Артур рванулся что было сил, подзывая ящера коротким свистом. Бердер просил дождаться, пока в центре не обозначится «знак отлива», иными словами, пока «волна» не уйдет дальше, оставляя пяточок спокойствия. Но, судя по поведению птиц, до спокойствия было далеко...

Он продвигался вперед, думая только о том, чтобы не упасть, и почти ничего не видя перед собой. Второй длинный кинжал остался в седле, поэтому отбиваться приходилось двумя короткими клинками. С каждым взмахом руки он рассекал одну, а то и сразу двух обезумевших птиц, стараясь не упустить момент, когда появится настоящий враг.

Он снова свистнул, но Мальвина не слышала его. В парке творилось настоящее светопреставление. Один за другим, точно костяшки домино, рушились дома, примыкающие к лесному массиву по Большой Якиманке. Они даже не рушились, а почва под ними становилась вдруг жидкой и засасывала здания, тут же сжимая их и перетирая в крошку. Грохот стоял такой, точно вблизи закрутились десятки каменных жерновов.

Из-за шума Коваль окончательно растерялся. Он не слышал, не чувствовал, где находится дракониха, вокруг громоздились сплошные

завалы, ровные аллеи превратились в ямы и кратеры, а птицы продолжали молча пикировать на голову. Слава богу, им не доставало ума падать снизу.

Обе руки Артура по локоть были покрыты стекающей кровью, лицо он опустил вниз, отбиваясь вслепую, и в подобной позе, вспоминая хич-коковский кошмар, выбрался наконец на относительно ровное место. И почти сразу ему в ногу вцепилась крыса. От неожиданности он покачнулся и чуть не упал. Привычное, выработанное годами тренировок восприятие покинуло его. Обычно хватало легкого усилия, чтобы подчинить своей воле птицу или мелкое млекопитающее, но сейчас ни одна из этих безумных тварей не проявляла признаков послушания. Вторая крыса бросилась на грудь, совсем близко от лица Коваль увидел ее ощеренную пасть. Одновременно острый клюв ударил в левое плечо, а по лицу хлестнуло мощное крыло.

Артур расслабился, высвобождая энергию боя, и тут же завертелся в диком танце. Он колот и рубил налево и направо, он кувыркался и давил их ногами, иногда не различая, где верх, где низ. Кто бы мог предположить, что в крохотном лесочке посреди города обитает такое множество мелкого зверья! Под натиском наступающей воды крысы катились бесконечным визжащим потоком, и не только крысы. Каждое животное, почуяв человека, забывало о вселенском ужасе и кидалось на него, обнажив клыки. Коваль зарезал десятка три крыс, по счастью, самого обычного размера, штук пять бакланов и кошек, без счета чаек и птиц помельче.

Его одежда превратилась в лохмотья, левую штанину по колено оторвала дикая собака, Артур сломал о врага четыре последних лезвия. Мышей, белок и прочих мелких грызунов, норовивших забраться под одежду, он давил голыми руками. Но большинство из них успевали укусить его хотя бы раз. Хуже всего была рана на локте. В горячке он не сразу заметил, что рука перестает слушаться, а затем в рукаве стало горячо, а пальцы скрутило, как у паралитика...

В тот момент, когда невидимая крупная птица схватила его когтями за шею и рассекла клювом лоб, что-то изменилось вокруг. Могучая туша дракона стремительно надвинулась из темноты и подмяла человека под себя. Испугаться у Артура не хватило сил. Он лежал на спине, почти раздавленный брюхом ящера, и сплевывал кровь. Мальвина услышала его крик и пришла на помощь. Она защищала хозяина, как защищала бы детенышей, накрыв своим телом.

Верхняя губа Мальвины приподнялась, освобождая скрытую пару ороговевших ноздрей. Миг спустя горло рептилии содрогнулось, и над трясущейся поляной пыльным фиолетовым сполохом раскрылся огненный цветок. Плотная струя огня ударила в небо, в самую гущу птиц, ми-

гом превратив их в кричащие факелы. Затем Мальвина повела головой, выжигая полукруг на поверхности земли, и опять задрала морду вверх.

Живое море хлынуло вспять, крысы и мыши на бегу превращались в скелеты, дикие кошки катались, теряя остатки шерсти. Освещая побоище, сверху падал настоящий ливень из горящих трупов птиц. Несколько облезлых псов, роняя слюну, кинулись на Мальвину сбоку и повисли на крыле. Дракониha взвыла, стараясь их скинуть, Артур освободился и кое-как встал на четвереньки.

Ему удалось усилием воли остановить кровь, но левый глаз ничего не видел. Правый локоть превратился в сплошной голый нерв. Вокруг стало светло как днем. Горело все, даже то, что не должно было гореть: сырые корни деревьев, насквозь промокший кустарник. Отвратительно воняло паленой шерстью. Мальвина каталась по земле, ударами хвоста раскидывая нападавших, но тех было слишком много даже для такого гиганта, как она. За кругом затухающего пламени Артур видел тысячи и тысячи маленьких свирепых глаз, полчища наземных и летающих живых существ, порожденных его волшебством. На земле огонь слабел, но в спутанных ветках ближайших кустарников неистово бушевал пожар. Улучив момент, когда Мальвина перекусила шею очередному псу, Коваль прыгнул в седло.

— Хоп-па! — Он дергал вожжи, но рептилия, взбешенная дракой, не реагировала.

Она крутилась на месте, делая короткие плевки. Каждый стук огня достигал цели, но сражаться против вставшей на дыбы природы они не могли. Артур понятия не имел, на сколько еще Мальвине хватит заряда. Чтобы набрать полный объем горючей смеси в мешок, расположенный между легкими, Прохор в течение недели каждый вечер поил свою питомицу особыми тайными отварами. Синтез в организме ящера заканчивался лишь на пятый день.

— Хоп-па!

Коваль завладел наконец вторым кинжалом и почувствовал себя увереннее. Дракониha ревела, приседая на вздувшихся лапах, одна из кожаных пластин крыла была располосована когтями. Под сорванной броней чешуи на боку багровели лохмотья мяса. И тут на Коваль бросилась корова. Такого поворота он никак не ожидал, корова не могла родиться в степи, она принадлежала людям. В паху буренки раскачивалось увесистое вымя, на лопатке виднелось треугольное клеймо, а на шее болтался кусок оборванной веревки. Налитые кровью глаза излучали такую свирепость, что Артур пожалел об оставленном в деревне ружье. Корова бежала, сосредоточенно выставив рожки, и ей, похоже, было наплевать, кто там впереди — дракон или болонка. Никакие метательные ножи бы ее не остановили. Мальвина как раз отвлеклась на

очередную собаку, когда корова с разбегу ударила ее рогами в бок. Такого удара чешуя не выдержала, рептилия издала сумасшедший вопль, дернулась всем телом, рога застряли, и корова тут же сломала себе шею.

— Хоп-па! — Коваль дубасил дракониху пятками и наконец поймал слабый отголосок ее возбужденного сознания. — Давай, милая, давай!! — умолял он, оттапывая головы сразу двум осатаневшим котам.

Мальвина распустила все четыре крыла и без разбега поднялась в воздух. Артур обнаружил, что забыл просунуть правую ногу в седельные «штаны», и какое-то время с риском для жизни болтался над пропастью. Подтягиваться он мог только левой рукой, правое предплечье, порванное собачьими зубами, бездействовало. Кровь уже не сочилась, рукав намертво прирос к коже, но при любом движении боль стреляла от кончиков пальцев до затылка.

Он направил дракона в сторону, иначе они угодили бы в самый центр птичьей стаи. Несколько секунд крылатый змей летел как бы между двумя живыми пульсирующими облаками. Снизу, даваясь от ярости, выпрыгивали в воздух очнувшиеся от сна сухопутные обитатели парка. Сверху, угрожающе шелестя крыльями, нависала орда еще более грозного противника...

Потом, когда Коваль понял, что опасность миновала, что они вырвались, он позволил себе достать флягу и, скрипя зубами от боли, отмыл спекшиеся ресницы. Внизу разворачивалось страшное и безумно красивое зрелище. От солнечного диска на западе оставался узенький серп, и в косых лучах заката бывший Парк культуры трепетал, словно живот умирающего в агонии зверя. «Волна» достигла середины реки, и маслянисто-блестящая стена воды готовилась обрушиться на Пречистенскую набережную. Парк смотрелся так, точно туда недавно угодил метеорит, деревья валились спиралью, кронами от центра. Выдергивая ветки, поднимая в воздух тучи грязи и строительного мусора, раскручивался невиданный для центра России смерч. Там, где проносился вихрь, срывало даже верхний слой почвы. Но Коваль уже знал, что на месте погибших растений через короткое время, как на дрожжах, поднимутся свежие непроходимые заросли.

Храм Святителя Николая накренился под углом градусов в двадцать и вот-вот собирался осыпаться. Не осталось ни Выставочного зала, ни жилых кварталов к востоку. По прилегающим улицам во всю мочь удирали пешие и конные, а асфальт под их ногами расплавлялся и проседал. Вдали столкнулись и горели два автомобиля. Артур не мог не усмехнуться. Последние минуты его пробирал безотчетный нервный смех. Очевидно, это было первое серьезное дорожное происшествие с участием моторных средств за прошедшие сто лет.

Он направил дракона к Кремлю. Пока что здесь не качало, но внизу наблюдался беспорядок. На площади горели десятки костров и поминутно вспыхивали новые. Непрерывный поток беженцев уходил по Воздвиженке и Тверской, мощным набатом гудели колокола. Где-то в темноте северных кварталов проносились трассирующие автоматные очереди. Цунами, поднятое первыми толчками, улеглось, но как раз в этот момент волна достигла опор Москворецкого моста и разом смыла несколько десятков подвод и автомобилей.

Артур напряг зрение. В черной воде среди ледяного крошева барахталось целое стадо мычащих, обессилевших коров. Некоторые пытались выбраться, но течение волокло их за собой. Люди с пристаней кидали веревки и сами бросались в реку, пытаясь спасти скотину. Лучше бы они этого не делали, мрачно подумал Коваль. Как только «волна» накроет район, скот взбесится и кинется топтать своих же хозяев. Все будет против людей. Все будет против людей, пока не восстановится равновесие...

Последнее, что он видел, разворачивая все еще ворчащего дракона на север, была мгновенная кончина причалов вокруг большой ярмарки. Баржа с лесом стояла почти вертикально, словно последний кутузовский grenadier, отдававший честь погибающему городу.

35

ПРАВО НА ЛЕВО

— Ты хочешь, чтобы я решала за тебя? — Надя вынула из печи дымящийся пирог с брусничкой и поставила перед ним на стол.

Артур вздохнул:

— Я никогда ни о чем не советовался с тобой.

— Ты не такой, как другие музейщики. И ты не такой, как здешние. Ты сердишься тогда, когда другие смеются, и смеешься, когда другие серьезны.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты не можешь скрыть своей злобы... — Надя Ван Гог распустила волосы и принялась их расчесывать, как делала всегда, когда волновалась. — Ты сердишься оттого, что я должна в будущем году лечь с другим мужчиной.

— А я должен радоваться? — Он свирепо кромсал пирог левой рукой. Правый локоть до конца так и не восстановился. Порванное сухожилие срослось неправильно, и Бердер намеревался в ближайшем будущем провести новую операцию.

— Я же говорю, ты не такой, как все. Ты прожил со мной почти четыре года, но в чем-то не меняешься... Ты же знаешь, что год мой живот отдыхал, а теперь я обязана понести нового ребенка.

— Кстати, почему не слышно детей?

— Твой сын ушел в лес с Хранительницей. Она хвалит его, говорит, что он добьется успехов. А Белочку ты, как всегда, не заметил. Она спит в обнимку с собаками.

— Ты могла бы родить еще ребенка от меня.

— На кого ты сердишься, Кузнец? На законы, которые дают жизнь всем? Или на Землю, которая отняла эту жизнь в год Большой смерти?

— И ты туда же, вслед за Хранителями? Подводишь научный базис...

— Ты опять говоришь непонятно! — Надя подошла, отобрала у мужа нож и придала пирогу божеский вид. — Ты очень умный, Артур Кузнец. Иногда я думаю, что ты не только умнее меня, ты умнее и многих здешних мужчин... Я не знаю, о каком базисе ты говоришь, но Анна Вторая мне многое рассказала. После Большой смерти мать-Земля сделала так, что женщины разучились рожать. Земля высушила их чрева, чтобы люди никогда больше не плодились... А те, кто стали мамами, несут свой долг с радостью. Если мы не будем ложиться с чужими мужчинами и не будем продавать им детей, люди погибнут.

— Я все понимаю, но мне от этого не легче...

— Тем более, ты знаешь, Артур: я лягу с ним всего раз, ну, может, два. Он хороший папа, он сделал здорового сына внучке Прохора. Он приедет и уедет. Вы даже не встретитесь, и заплатишь ему не ты, а община.

— О! Еще этого мне не хватало!

— И ребенок проживет с нами совсем недолго. Его увезут на юг.

— Прелестно! Я, конечно, понимаю твое спокойствие. Тебе ведь известно, что я спал с другими женщинами. Теперь вроде как твоя очередь, да?

— Ты хочешь обидеть меня, Артур Кузнец? Ты обязан был делать детей, ты же папа... Почему я должна страдать, ведь ты не ушел навсегда к другой маме?

— Куда я от тебя денусь...

Положительно, ее невозможно было переубедить. Любые аргументы, любые его эмоциональные всплески неизменно разбивались о преграду из меланхоличной доброты. Из ее слегка замедленного, умиротворенного добродушия. Из ее запаха, в котором он всякий раз безвозвратно тонул, теряя остатки раздражения.

— Ты же мать, ты не будешь скучать по ребенку?

— Не знаю, наверное, буду...

За окошками сгустился сумрак, и Надя отошла зажечь свечи.

Коваль смотрел, как она тянется к полке, напряжнив сильные икры, как выгибается знакомо и маняще ее спина, и с облегчением подумал, что жена почти не располнела после очередных родов. Он спорил с ней, даже ругался, и чем дольше ругался, тем отчетливее понимал, что говорит не о том и в который раз не говорит с ней о главном.

С Натальей все было иначе, по сути дела, Наталья стала первой женщиной, с которой он отважился вместе жить. Чувства здесь ни при чем, чувства — это совсем другое. Нельзя ставить рядом две зубные щетки только потому, что тебе с ней хорошо в постели. Так говорил Артуру отец, и Артур полностью разделял папкины взгляды.

Вот, например, принято считать, что семью надо строить с той женщиной, с которой мужику удобно. Такую фразу как-то раз выдала Артуру замечательная, разумная девушка, сокурсница. А что такое «удобно»? — подумал он тогда. Это когда тебя ждет горячий суп и белье постирано? Или когда она сидит в уголке и вяжет, не мешая мужу смотреть футбол или отправиться в бар с друзьями, чтобы дернуть пивка? Или удобная — это та, что никогда не станет тебя пилить из-за маленькой зарплаты и будет радоваться каждому подаренному одуванчику?

Он легко влюблялся, как-то довелось испытать настоящую страсть, но стоило Артуру представить, что очередная пассия станет его заученно целовать перед сном и встречать с работы с телефонной трубкой в одной руке и половником — в другой, как вся страсть улетучивалась. Не сразу, конечно, не в один день, но вождение уступало место животному страху. Он уже не видел в очаровательном длинноногом создании источник наслаждения, он способен был представлять ее лишь растрепанной, стервозной каргой, днем и ночью вытрясающей из него душу нелепыми и бестолковыми требованиями.

Но со «стервозной каргой» он был готов смириться. В конце концов, ревность и чувство собственности у них у всех в крови от рождения. Гораздо сильнее, если призадуматься, его пугало другое. Пугало как раз то, что составляло обратную сторону домашнего «удобства». Артур не представлял, как люди, даже имеющие деньги, десятилетиями проводят семейные вечера у телевизора. Как это можно, вооружившись чипсами или орехами, обняться и часами сидеть, уставившись в «ящик». Он отказывался понимать, почему, располагая средствами, нельзя нанять няню для ребенка, а самим весело проводить время.

Наташка была первая, кто сказал ему, что деньги нужны для путешествий. Она никогда не надевала дома тренировочный костюм. Либо носила летние брючки, либо, когда предки уезжали, разгуливала перед ним по квартире голая. Она не смотрела сериалы и не затевала готовку сложных салатов, чем постоянно раздражала маму. Мама считала, что сын погибнет от голода. Наталья запросто могла позвонить ему на

работу и сообщить, что у нее на руках билеты на ночной концерт. Она без малейшего сожаления отказалась от покупки шубы в пользу Мальдивских островов. До островов они так и не доехали...

А теперь... Что случилось со мной теперь, спрашивал себя Коваль, покачивая на коленке столь знакомое и, черт возьми, родное тело Нади Ван Гог. Неужели я старею, раз счастлив этому брусничному пирогу, и свитерам, что она мне вяжет, и разогретой бане?..

— Может, я и буду скучать,— задумчиво произнесла Надя,— но у меня есть ты и есть двое детей. Кроме того... Ты опять будешь сердиться, но послушай! Ведь мы же не доехали до Москвы, я так и не получила золота. Я знаю, в этом ты похож на Качальщиков, для тебя богатство — не важная вещь. Но если ты хочешь, чтобы мы вернулись в Питер, мы не можем поехать бедными. Там везде теперь деньги! У Анны есть друзья среди тамошних колдунов. Они говорят, что торговцы теперь покупают все только за рубли... А если мне суждено родить здоровую мамочку, старухи сразу скажут об этом. Ты же знаешь, здесь все такие умные, гораздо умнее питерских врачей. Если мы продадим мамочку, то станем очень богатыми. Мы отдадим общине половину и все равно останемся богатыми...

— Тогда, по твоей логике, надо нарожать еще пяток детишек от разных мужиков, так? Представляешь, сколько свиней или дикарей ты сможешь купить?!

— Ты опять сердись. А ты знаешь, Артур Кузнец, что случилось бы со мной, если бы я доехала до Москвы? Анна мне рассказывала, и я ей верю. Ты не веришь ей?

— Да верю-верю, тут не врут...

Надя вытащила из печки горшочки с мясом, разлила по ковшикам напиток. Алкоголь в будние дни не полагался, но она поразмыслила и все-таки выставила бутылку ягодного самогона. Гости могли постучаться с минуты на минуту.

— Я жила бы в Москве очень хорошо. Даже гораздо богаче, чем в Питере. Если хочешь знать, мне никогда бы не пришлось работать, как я работаю тут, в лесу... Ну пожалуйста, не обижайся! Вот ты опять сердись, но ты же не виноват, что мы попали к Качальщикам. Зато мы теперь вместе, и я не жалею, что приходится работать. Там я бы ничего не делала, это точно. За мной бы всюду ходила охрана, и каждый месяц мне платили бы столько, сколько имеет мастер или даже инженер. Я могла бы купить целое стадо овец, тысячу или даже больше. И могла бы купить землю и нанять десять женщин сучить шерсть и вязать зимнюю одежду, как я это делаю тут одна. Я это говорю только для того, Артур Кузнец, чтобы ты понял: я довольна тем, что живу с тобой. Знаешь почему? Потому что в Москве женщин покупают, как желтых дикарей. Я была бы богата, но жила бы с тем мужчиной, который бы меня купил...

— Но караван вез вас всех в коммуны паровиков! Вас покупала коммуна, а не какой-то уездный князь!

— Как будто ты не слышал, что стало в Москве с коммунарами! Когда мы ехали в караване Рубенса, паровики уже подчинялись папе Ивану. Они делали все, что им приказывали из Кремля. Когда у них не было денег расплатиться за пищу, они отдавали кремлевским своим мам, чтобы те рожали детей!

— Я ничего не знал об этом!

— Откуда тебе знать? Ты пробыв в музее всего сутки... Ты рассказывал мне о большой ярмарке, помнишь? А ты слышал о том, что в Москве, до того как вы ее расплавили, было целых два ночных рынка, где продавали людей?

— К этому я уже привык, лучше молчи. Не начинай старых споров, для тебя ведь дикари тоже не люди!

— Я говорю не о тех, кто потерял язык... Я говорю о том, что в Москву приходят караваны с юга. Не с Украины, а с юга, где живут богатые азиаты. Анна мне рассказывала. Они торгуют ночью и дают за русских женщин столько золота, сколько не может заплатить ни одна община, ни один гарнизон. Не знаю, куда теперь они будут ходить, когда Москва не стало. Может, доберутся до Питера... Анна говорит, что, пока в столице было четыре президента, там тоже собиралась Дума, и вместе они решили, что ни женщин, ни мастеров не будут продавать азиатам. Никому — ни азиатам, ни немцам, ни пшекам.

— Но мастер может и сам уйти...

— Ты забыл законы? В Москве еще строже, чем в Питере. Если мужчина хочет уйти, он уходит, но оставляет коммуне все. Женщину он тоже забрать из города не может. Но от немца многие возвращались, там хорошо жить, и наших мамочек не обижают. А от азиатов никто не возвращался. Анна говорит, там женщин одевают в платья из золота, но не выпускают одних из дома. Там у одного мужчины может быть три жены...

— У них и раньше так было принято.

— Я не знаю, что было до Большой смерти, Артур Кузнец. — Надя ставляла на скатерти блюда с соленьями. — Но я вижу, что стало бы со мной, если бы караван дошел. Я ходила бы в золотом платье, и дети мои...

— Опять ты про золото?! — Коваль, забывшись, хлопнул по колену правой рукой и чуть не завопил от боли.

— Я не про золото, Кузнец... — Жена подошла к нему вплотную, обвила шею руками. — У тебя столько шрамов, ты стал, как настоящий солдат... — Она поцеловала его в лоб, туда, где остался след от когтей. — Я говорю о том, что счастлива с тобой. Я говорю о том, что ни о чем не жалею. И мне грустно, когда я вижу, как ты не спишь ночью. Молчи, молчи, дай мне сказать... Когда ты веселый, я радуюсь вместе с

тобой, потому что ты — мой мужчина. Но я вижу, как иногда ты скучаешь о другой женщине. Ты умный, ты был книжником, и до сих пор читаешь. Ты думаешь, что тебе нужна умная жена, такая, как Арина Рубенс. Умная, смелая, как воин, красивая, сильная. Я не такая, Артур, я не умею читать, я не всегда понимаю твои слова. Когда ты болел, когда Исмаил привез тебя из Москвы, и лежал целую неделю горячий, ты называл меня Наташей.

Я не хотела это вспоминать и никогда бы не вспомнила, но сегодня ты начал ругать меня из-за чужих мужчин... Эта Наташа, она была твоей женой до года Большой смерти, да? Ты любил ее, Артур, я понимаю. Она, конечно, была не такая дура, как я. Она умела читать и управлять мотором и еще много чего. Тогда женщины вели себя иначе, да? И ты много раз говорил с ней, пока лежал горячим, а мы тебя лечили. Ты говорил и просил у нее прощения. У меня ты никогда не просил прощения, Артур. И со мной ты никогда не говорил так, как с ней. Я многого не поняла, о чем ты говорил, но я не сердилась на тебя. Потому что ты мой мужчина, Артур Кузнец. Я и сейчас не сержусь... — Она поцеловала опешившего мужа поочередно в оба глаза. — Я только не хочу, чтобы ты думал, что я живу с тобой, потому что так решил Исмаил или кто-то еще...

— Я так не думаю! С чего ты взяла?! — Он чувствовал, что краснеет, и ничего не мог с этим поделать.

— Ты думаешь... — Надя закусил губу и на секундочку стала той же девчонкой, которую Коваль когда-то выносил из огня. — Ты думаешь, что счастье — это что-то громкое... Я не знаю слов, Артур. Ты думаешь, что в Питере тебе было бы лучше, потому что там столько людей и женщин... Знай только, что, если ты уйдешь и останешься там, я всегда буду тебя ждать. Всегда, пока земля не заберет меня...

36

ТАЙНА СТАРОЙ БОЧКИ

— Так!! Это что за слезы?! — В дверях стоял Прохор Второй, баюкая на плече новорожденного медвежонка. Из-за его могучей спины выглядывали Анна и две лукавые мордашки ее дочерей.

Надя вскочила, утирая глаза, и завертелась, рассаживая первых гостей.

Артур чувствовал себя немного оглушенным и не сразу сообразил, что это такое горячее лизнуло его в нос.

— Вырастишь сам! — громоподобно вещал Прохор. — Если что, Четвертая тебе поможет. Самый сильный в помете, должен быть самым сообразительным. Николку не подпускай, не удержит. Эй, Клинок, ты меня слушаешь?

— Да, я слушаю, учитель... — Коваль перевернул медвежонка, ощупал лапы, заглянул в глаза. — Спасибо тебе, это дорогой подарок!

Анна принесла еще более ценный сувенир — полный набор оживляющих лекарственных снадобий взамен того, что пропал вместе с конем на ярмарке. В многочисленных кармашках кожаного пояса в пузырьках и мешочках таились такие редкости, за которые любой озерный колдун отдал бы если не руку, то половину зубов. Причем Анна не рыскала по полям, она чувствовала растения издалека и никогда не забывала их названий. Обе дочери, Третья и Четвертая, подарок приготовили сообща. Несколько странный выбор для девочек-подростков, но обе очень старались. В плотном мешочке гудел пчелиный рой.

— Это солдаты! — гордо заявила Четвертая. — Ты будешь их кормить, И они будут тебя защищать. Ты ведь не умеешь сам приручать пчел... — и немедленно получила подзатыльник от матери.

Пришел Исмаил и положил на стол нечто длинное, завернутое в промасленную тряпку. Присутствующие дружно закрутили носами. Коваль уже понял, что под ветошью скрывается металл. Такие подношения были совсем не свойственны лесному народу, стремящемуся избегать игрушек ушедших времен. Артур развернул тряпки и ахнул. Незнакомый ему «никонов», модификации двадцатого года со складным кевларовым прикладом, лазерной оптикой и вороненым глушителем на подвижном стволе. Четыре спаренных рожка патронов. Оружие буквально плавало в густой жирной смазке.

— Я тут подумал, — крутя ус, небрежно заявил Хранитель, — ты ведь не только с пчелами обращаться не умеешь, но и стрелок никудышный...

Грянул такой хохот, что подпрыгнула посуда на столе, а медвежонок со страху спрятался под лавку. В сарайчике заворчали проснувшиеся собаки.

— Спасибо, учитель...

— Сегодня я не учитель, — отмахнулся Исмаил, не скрывая удовольствия.

Бердер пришел с женой Катериной и притащил еще один пережиток прежних веков — ножное точило. Маленький Семен принес на себе огромный мешок ангорской шерсти, выменянный у южных Качальщиков. Хозяйка рода и главная акушерка мама Клавдия презентовала две пары потрясающих непромокаемых сапог на меху. Потом пришли соседи, знатоки меток — Матвей и Алина, с новеньким неводом. И последним появился еще один мучитель Артура, Хранитель полей. Одноглазый

Борис оставил всех троих сыновей на уборке урожая, но сам не посмел нарушить новую традицию.

Первое слово, по старшинству, предоставили маме Клавдии. Артур мимоходом подумал, что именно благодаря ему у лесного народа проснется тяга к праздникам. А там и до гуляний недалеко, и до украшения елок! Качальщики сидели вокруг стола с закусками притихшие, непривычно смущенные, как детишки в детском садике накануне Восьмого марта.

— Я болтать-то не мастерица! — Мама Клавдия поскребла волосатый подбородок. На ее плече, укрытом пуховым платком, шевелил усиками белый крысенок. — Тебе, Клинок, вроде как сегодня тридцать пять лет. Сам сказал. Это хорошо. Скажу так — это лучше, чем восемьдесят один. Самый крепкий год для мужика. Еще и хрен стоит, и седой волос не пошел... Раньше мы пили, когда малыши рождались. Редко веселились. Поэтому мне по нраву, что сегодня и бражка на столе, и водочка. Вот только думаю: это когда ж мы работать будем, коли каждый захочет на свое рождение гостей созывать? Мне ж тогда и роды принимать некогда станет, а? Буду пьяная круглый год ходить!

Она раскатисто захохотала, показав два оставшихся зуба. Гости на протяжении речи изо всех сил сдерживали смех. Даже Надя, вытирая платочком набухшие от слез глаза, и та невольно прыснула.

— Бердер мне сказал, что желание за тебя загадать надо! — посерьезнела Клавдия. — Вот какое желание тебе, Клинок. Много силы в тебе, много. И правду ты понимаешь верно, ту правду, что для всех... Ты для всех добра хочешь. Это хорошо. Только во всяком человеке есть две правды. Та, что для всех, и та, что для себя. Вот моя правда — она маленькая. Что старухе надо? Варенья немного да чтоб дровишки в печи были, косточки погреть. У каждого свое, не будем... Я о тебе, Клинок. Нам не говори, себе скажи, чего хочешь, какую правду выберешь. Для всех мил не будешь, нет... Ах, не мастерица я болтать-то! Выпьем, что ли?

Выпили. И опять выпили. И ушла потихоньку напряженность, и уже сбегал хозяин в подвал за новой бутылкой можжевелевой настойки, и хохотали, вспоминая охоту, и как рыба утащила сына одноглазого Бориса в реку, и обсуждали виды на урожай, что можно и что нельзя продать. И так же спокойно, как зерно и кормовую свеклу, обсуждали, сколько желтых дикарей нужно оставить на зиму, а сколько можно отпустить — или лучше не отпускать, а продать на север. Исмаил возражал, утверждая, что желтые дикари плохо выносят заполярный климат, часто мрут и что больше для продажи годятся чингисы, те спокойно спят на снегу...

Потом обсудили торговлю с бурятами. Прохор посетовал, что узкоглазые в обмен на алмазы требуют все больше только городских детей, новорожденные дикарей их теперь не устраивают. Постепенно разговор

вернулся к Слабым меткам. Матвей летал на втором драконе Прохора к Москве, там теперь постоянно дежурили трое Качальщиков из южных губерний. Земля успокоилась, лишь на день пути не достав до Твери. Метки исчезли, это было хорошо. Большинство людей успело спастись, это было неплохо. Качальщики воспользовались моментом и задешево покупали у нищих отчаявшихся переселенцев их малолетних детей...

Артур слушал и не слушал. Он выпил гораздо больше обычного, комната качалась перед глазами. Подперев щеку, он смотрел через стол на жену. Господи, думал он, вот оно, то самое, что так верно подметила старуха! Все эти милые люди, которые приняли его как родного и принесли ему самое дорогое на день рождения, навсегда останутся для него дикарями. Все они — и Качальщики, и горожане — останутся для него чужими, если он не привыкнет жить по законам этого мира. Хранители, если потребуется, будут сражаться за него, и они же, не моргнув глазом, его подставили. Они послали его на массовое убийство, исходя из своих представлений о правде.

И они не настолько глупы, чтобы не чувствовать эту разницу. И Бердер, и тем более Исмаил. Вчера их бредовая фантазия принесла гибель столице, и он был с ними заодно. Какую идею выдаст завтра их безумная Книга? Эти твердолобые не понимают, что мир не может застрять на уровне примитивного рабовладения... Господи, зачем я столько выпил? И Надя, Наденька... Какой я дурак...

— ...Лес растет очень быстро... — До Артура дошло, что Матвей продолжает говорить. — На месте столицы сейчас непроходимая чаща, и лес продолжает наступать. Я дважды облетал на крылатом и не нашел места для посадки.

— Что тут такого? — Осоловевший Прохор пьяненько хихикал. — После возвращения равновесия... так всегда происходит... Мать-Земля пожирает следы людей!

— В этот раз зелень наступает слишком быстро! — Матвей опасливо покачал большой круглой, как горшок, головой. — И впереди идет трава, которой раньше не было... Метки исчезли, но мне было неспокойно! По слухам, Ивана убили, но другой президент собрал солдат, и сейчас они штурмуют Казань. Они требуют дать им место внутри города и еду...

— Это не наше дело! — рассмеялся маленький Семен.

— Если Иван жив, то снова создаст свое царство! — Артуру было не до смеха. История возвращается, повторял он про себя. Они же ни черта не знают, для них мир только начинается, они не верят, что все их идеи давно высказаны и истлели вместе с книгами... Ох, на кой ляд я так нажрался?..

Вместо того чтобы применить свои способности для спасения тысяч голодающих, эти чокнутые анархисты плодят сказочных зверей, они

отгородились завесой жутких суеверий, они верят, что можно прожить, собирая орехи и ворую чужих детей. А что они станут делать, когда в общине соберется не полтораста человек, а несколько тысяч?..

— Пойдем на воздух! — Бердер потянул именинника под мышки. — Нам надо поговорить, Клинок!

— Я идиот! — пожаловался Артур, когда учитель усадил его на врытую в землю скамейку.

— Ты просто перебрал медовухи! — Вот кто всегда держал себя в руках, так это Бердер. Воспитатель воинов смотрел трезво и печально, массируя ученику одним пальцем точку в основании шеи.

Артур поочередно растер левой ладонью уши. За окнами избы метались огоньки свечей и хохотали гости. Июльская листва нашептывала свои вечные колыбельные засыпающим птицам. С полей к амбарам ползла последняя груженная телега. Лохматый мальчишка, сын Бориса, с длинной трубочкой в зубах важно восседал на вершине горы из корнеплодов. На пригорке, там, где собрались в кружок соседские избы, словно соревнуясь, чья печь издает более вкусный запах, водили хоро-вод девчонки с венками на русых головках. А высоко, где купались в бескрайнем океане рваные клочья ваты, одна за другой зажигались далекие искорки звезд.

— Представить не могу, мне тридцать пять,— сказал Артур, словно пробуя на вкус эту цифру.

— Это хорошо,— уголками губ улыбнулся Хранитель.— Ты сумел дожить до зрелости.

— А я ведь сделал гитару! — рассмеялся именинник.— Ага, сделал и забыл вам сыграть. Ты хоть знаешь, что такое гитара?

— Анна мне говорила, что ты просил ее подобрать жилы... Это для музыки?

— Да, это для музыки... — Артур полной грудью вдыхал вечерний аромат, избавляясь от остатков хмеля.— Представь себе, Хранитель, я до сегодняшнего дня не знал, что такое счастье. Ты знаешь, что такое счастье?

— Расскажи мне.— Бердер утрамбовал в трубочку цветочный табак.

— Ха! Об этом непросто рассказать... Знаешь, пока я учился в школе, я гонял на мотоцикле и слушал рок. Девчонкам нравилось, что я их катал на байке, а мне нравилось, что можно легко менять девчонок. Это было потрясное время, Хранитель! А потом я решил сам выучиться играть на гитаре. Тогда я считал, что делаю это потому, что смогу играть как настоящие звезды, как Маккартни или даже как Хэндрикс... Все это ерунда, теперь смешно вспоминать. На самом-то деле все мы выкобенивались, чтобы понравиться девушкам. Только и всего. В глубине души, вот здесь,— он постучал себя в грудь,— я понимал, что никакой рок-

звезды из меня не выйдет. И байк, и гитара, и баскет — все это было и продолжалось в институте...

А потом началась эта дурацкая война, началось это побоище в Чечне, и никто ни хера не понимал. Никто не понимал, как такое случилось, что ушли войска и оставили все оружие, и никто из толстожопых генералов, как всегда, ни в чем не виноват. А к соседям приехал гроб. В гробу был мой лучший друг, он был старше меня на два года. Когда его забрали, никто не сказал, что повезут в Чечню, он даже автомат в руках не умел держать! — Коваль всхлипнул. Снова начала кружиться голова — то ли от алкоголя, то ли от дурманящего дыма, что облачком висел вокруг Храпителя. — Ты понимаешь, Бердер, мы даже не смогли с ним проститься, так его изуродовали. Гроб приехал уже запаянный.

И тогда моя мать сказала, что она лучше даст себя убить, чем отпустит сына в армию. Мои предки продали все, что могли, чтобы меня отмазать. Это было... Это было как обухом по голове. Я чувствовал себя полным дерьмом, понимаешь? Не потому, что мне было стыдно не идти маршировать, тогда уже многие косили, а потому, что я не знал, как смотреть в глаза друзьям, которые возвращались... И знаешь, я в первый раз тогда задумался, что такое счастье. Мы сидели втроем с мамой и папой, и я спросил маму: ну что ты плачешь, все уже позади, не пойду я в армию. А она сказала, что для нее единственное счастье — видеть сына живым. А отец сказал, что, если я буду продолжать гулянки и вылечу из института, он ничего не сможет сделать. И я поверил...

Я не словам его поверил, а поверил, когда мы гроб с телом Сереги несли... И я забросил все, в один момент повзрослел. Я хочу, чтобы ты врубился, Бердер, дело не в том было, что я испугался. Ты же знаешь, я дерусь, и убивать научился! Но подохнуть ни за что! Подохнуть, потому что наверху кто-то так за меня решил! Я за мать испугался и послал все к черту — и группу, и байкерские тусовки, и баскетбол, и на дискач ходить перестал. Для чего все это, я потом понял. Все это для женщин, чтобы быть самым крутым и нравиться теткам. В этом вся соль. Все, что мы делаем, даже когда не сознаем этого, мы делаем только для них.

Я пришел к папаше и сказал... Гляди, сказал я, я продал мотоцикл. Вот деньги. И гитару продал. А теперь скажи мне, в чем твое счастье? Неужели ты живешь, как мама, ради меня? Папка дал мне подзатыльник и ответил, что я длинный балбес. Я живу, чтобы была счастлива твоя мама, сказал он.

И когда я в эту тему воткнулся, я стал лучшим на курсе, прикинь! Это я, один из главных прогульщиков. Мне уже на четвертом предложили место в аспирантуре, потом я перевелся, но это другая песня... Я воткнулся, что все для них, и надо стараться чего-то достичь, иначе ни одна нормальная девушка не захочет иметь со мной дело. Бердер, я работал, как черт... Наверное, я хорошо работал, раз до сих пор жив, правда? Ха-ха!

Но я ошибался в другом, Хранитель... Я все время искал нечто особенное, понимаешь? Мне казалось, что моя жена никогда не станет домашней клушей. Она должна быть самой красивой, самой стильной, иметь престижное образование, как минимум знать английский... Я представлял, как мы вместе займемся дайвингом, горными лыжами... и всякой прочей лабудой. И мне казалось, что я нашел такую. А потом я сам посадил ее на мотоцикл...

Ладно, к черту! Все к черту! Сегодня я понял... Я понял, что зря подсмеивался над предками. Счастье, оно... совсем не в дайвинге и не в английском... Вот так.

Бердер выколол трубку. На его загорелом скуластом лице ничего не отражалось.

— Я не понимаю многих слов, но я слышу твои мысли, Клинок. Я рад, что не ошибся в тебе. Прости маму Клавдию, она не хотела тебя обидеть.

— Да ерунда!

— Нет, не ерунда. Ничего не произносится случайно. И мама Клавдия знала, о чем я буду с тобой говорить...

— Мать вашу, что еще стряслось?! Если тебе пришло в голову расплавить Питер, то на меня не рассчитывай. Я лучше суну Мальвине башку в пасть!

— Мальвина не станет тебя есть! Речь совсем о другом... Пойдем прогуляемся до реки! — Бердер неожиданно взял Артура под локоть. — Мама Клавдия очень боится и попросила меня подготовить остальных...

— Да что такое?! Почему именно она?

— Потому что она занимается маленькими детьми. Поговорим сначала о тебе, Клинок. Ты поступишь так, как решил. Но ты не можешь уехать в Питер прямо сейчас. Во-первых, твоя рука. Во-вторых, я не отпущу тебя, пока мы не закончим с урожаем и не набьем на зиму дичи. Это месяц. Но это не все. Мальвина донесет тебя до Ильменского пожара, дальше придется идти пешком. Вокруг города живут тысячи ковбоев. Если насекомые увидят змея, тебя убьют. Ты научился неплохо драться, но ты не Качальщик и не сможешь остановить толпу! Исмаил соберет для тебя хоть сотню дикарей, но...

— Я не удержу их!

— Да, ты не Качальщик и не умеешь владеть толпой. Это невозможно воспринять. Ты освоил, как при помощи укуса травы управлять лишь одним человеком... Поэтому мы считаем, что тебе еще надо кое-чему научиться.

— Мы? Кому это так важно, чтобы я дошел?

— Важно мне и маме Клавдии. Нет, не пугайся, Слабых меток искать не надо. Если ты согласишься задержаться еще на год, я постараюсь научить тебя.

— На год?!

— Ты вправе уйти хоть сегодня. Но помни, что в Москве тебе повезло! Тебя предали люди, которых ты же освободил от волшебного сна! Исмаил предостерегал тебя, чтобы ты не пытался их разбудить! Книга никогда не врет — Проснувшийся демон только один. Эти жалкие насекомые наверняка погибли, а в Питере у тебя нет друзей. Папа Рубенс уступил власть губернатору...

— Ты не говорил мне об этом!

— А зачем? Послушай и поверь мне. Я тебя никогда не обманывал. Тебе надо научиться управлять дикой стаей. Не прирученным летуном, а дикой стаей! Тебе надо научиться убивать живое, не прикасаясь, и научиться скрываться там, где скрыться негде. И задерживать дыхание под землей. И наводить морок на толпу. И еще многое другое... Времени очень мало, я прошу всего год. Один год, Клинок!

Артур оглянулся на деревню. От волшебной панорамы убегающих вдаль пологих холмов у него всегда захватывало дух, но сегодня вечером было не до привычных пасторалей.

— На что тебе мало времени, Хранитель?

— Ты знаешь, что дети, рожденные от Качальщиков, не выносят городов. Не те дети, которых мы покупаем или берем силой, а прямые потомки рожденных на пожарищах... — Бердер отвернулся и смотрел на поднимающийся серп луны. — Так вот. У Хозяйки рода есть бочка изпод химии, она спрятана глубоко в подполе, в старой хижине... Ни один Качальщик не может провести возле этой бочки больше минуты. И новорожденные тоже начинают задыхаться. Твои сын и дочь не задыхались, они городские. Но месяц назад впервые...

Артура пронзила догадка:

— Возле бочки выдержали дети Качальщиков?!

— Да. Правнук Семена. Он не знает, не вздумай сказать. И еще одна девочка с Севера. Мы точно знаем, что ее отец Качальщик. Это седьмое поколение, Клинок... — Хранитель сгорбился, точно нес неподъемную тяжесть. — Сегодня тайна известна нам троим, но завтра это же произойдет в других общинах. В Книге сказано об этом, но раньше мы не могли прочесть. Там сказано: «Когда взойдет седьмой колос, корни его сгниют, но початок нальется невиданной силой»...

Завтра это станет известно всем, а послезавтра дети подрастут и поймут, что смогут уйти в города. Теперь ты понимаешь, почему я прошу тебя задержаться? Я соберу старейшин и обещаю тебе, что чужой мужчина не притронется к твоей жене.

— Но что я могу?..

— Если ты выживешь в Питере, ты сможешь сделать так, чтобы там выжили наши дети. Иначе придет день, когда некому будет хранить равновесие.

37

ХИЩНИК ПРОТИВ ТЕРМИНАТОРА

Всадник водил биноклем слева направо и никак не мог ухватить мало-мальски приемлемый ориентир. Каурый жеребец нетерпеливо перебирал ногами, но хозяин не спешил. Той дороги, по которой шли когда-то московские караваны, больше не существовало. Вместо нее сквозь серое волнующееся море Вечного пожарища разбегались десятки узких тропок. Само пожарище тоже сильно изменилось; повсюду поднимались угловатые островки скрюченных деревьев, покрытые желтоватой густой паутиной, будто мухи, закукленные запасливым пауком. Эти желтые островки неровными рядами тянулись до самого горизонта. Они взбирались на холмы посреди высокого папоротника, они торчали в лощинах, раздвигая заросли голубоватого грибного студня, они рассеивали споры даже вдоль границы пожухлой зеленой травы.

В то же время всаднику показалось, что пожарище съезжилось, уменьшилось в размерах. Он оглянулся назад, туда, откуда приехал. За спиной кружила пурга из кричаще желтых, оранжевых и бурых листьев. По осеннему лесу метались и опадали бесконечно яркие шуршащие буруны. Да, удовлетворенно кивнул всадник, оно отступает. Раньше мертвечина захлестывала за бетонный блиндаж ГАИ, но за четыре года жизнь отвоевала себе почти километр. Это хорошо.

— Хорош-ш-шо, хорошш-шо... — повторил сентябрьский лес, словно соскучился по человеческой речи.

Всадник нагнулся и поворошил лезвием сабли рыхлую кочку. Из павшей листвы пустыми глазницами в небо смотрел человеческий череп. Но человека на коне не интересовали кости, он навидался их слишком много, чтобы уделять внимание такой ерунде. Он щипал ус и думал о тех, кто проделал тропинки в море пятнистых папоротников.

Дорога заросла. Об этом предупреждал Кристиан, брат Исмаила. Старый Хранитель выполнил обещание, проводил до скита и познакомил Ковалю со своим загадочным родственником. Коваль ожидал, что встретит насупленного затворника, но тот оказался крепким улыбчивым мужиком лет пятидесяти, лет на двадцать моложе старшего брата. И жил он с семьей не в землянке, а в добротном кирпичном коттедже посреди целого поселка из таких же, только заброшенных, миниатюрных замков. Кристиан накормил гостей, но, невзирая на родственные связи, коня оценил очень дорого. Исмаил, очевидно, надеялся получить для своего протеже хотя бы намек на пророчество, но брат молчал. Когда Качальщик помахал им рукой, сделав прощальный круг на Мальвине, до Артура дошло, что улыбка хозяина была лишь маской, навечно при-

лепившейся к лицу. За вечер здоровяк едва выдавил пару слов. Получив плату, он потрепал Дятла по холке и сказал только одно:

— Люди злы. Выбери в союзники меньшее зло... — И ушел, захлопнув дверь.

Артур поднял глаза к ржавому флюгеру на крыше «замка» и понял, что ждать здесь больше нечего. Размышляя, что могла означать фраза человека, к которому на поклон ездили лидеры общин, Артур миновал остатки поселка, потом долго ехал вдоль реки и наконец уперся в пожарище. Внутренний компас не мог его подвести. Лес окончательно победил московскую трассу. Можно было попытаться объехать пожарище, дать небольшой крюк в сотню километров, но человеку свойственно держаться известных путей. У Артура не было никакого желания углубляться в озерный край. Еще более опасным представлялись восточные леса, кишевшие дикарями...

Он тронул поводья. Навьюченный конь не подавал признаков тревоги. Часа полтора дела шли совсем неплохо, пока пламенеющий лес окончательно не исчез за горизонтом. Артур вслушивался в нежное бормотание ветра, вслушивался в себя и не мог понять, откуда возникла безотчетная, сосущая тоска. Небо оставалось изумительно чистым, ни одно насекомое, ни одна птица не вспорхнули из-под копыт. Иногда крапчатые листья папоротника поднимались высоко, почти вровень со стремянами, и тогда Артур видел, что конь шагает не по голой земле, а по пружинящему ковру из жесткого серебристого мха. Иногда человек устраивал переключку с прочими членами «команды». Пчелы ни о чем не думали, их коллективный мозг был занят растворением большого куска свекольного сахара, а оба летуна ощутимо нервничали в карманах сумок. И чем дальше человек углублялся в безмолвие серой степи, тем сильнее они волновались.

Коваль старался держать направление, но не позволял Дятлу сходиться с тропинок. В какой-то момент, объезжая очередное скопление больных растений, окутанных желтой паутиной, он заметил впереди прогалину. Затем пришлось свернуть вправо, потому что на пути возникла россыпь огромных бородавчатых грибов. Конь остановился как вкопанный, захрапел и категорически отказался приближаться к «поганкам» ближе десятка метров.

Когда они обогнули неприятный участок, Артур поднес бинокль к глазам и присвистнул. Сомнений не осталось: впереди и слева виднелась дорога. Тот кусок асфальта, что пропал раньше, появился снова. Значительный участок шоссе состоял из авиационных плит, которым не могла повредить никакая камнеломка даже за сотню лет. Но, выбравшись на бетон, Артур не почувствовал облегчения. До заката оставалось совсем немного времени, а впереди с обеих сторон трассы, насколько хватало глаз, расстилалась зловещая серая плешь, утыканная бугорками желтой паутины.

Коваль резко обернулся. Никого. Ему почудилось мимолетное движение за спиной, словно что-то маленькое и темное перелетело через дорогу. Конь всхрапнул и насторожил уши. Артур поехал рысцой по самому центру полосы обгона, изо всех сил крутя головой по сторонам. Лучше бы он остался на ночлег в лесу или в коттеджном поселке, ну потерял бы еще часов пятнадцать! По сравнению с прошедшим годом это фигня...

На сей раз человек был настороже и успел обернуться, прежде чем обитатель пожарища юркнул в мох. То, что Артур увидел, ему совсем не понравилось. Нечто длинное, масляно-блестящее, похожее на гофрированный черный шланг со множеством мохнатых ножек. И неизвестно, видел он все тело или только кончик хвоста. Летуны уже не просто нервничали, они ворчали и шипели в сумках. Коваль расстегнул оба кармана, давая возможность маленьким друзьям подышать воздухом, и пустил коня галопом. Цокот копыт раскатился звенящей дробью, горький ветер, словно тугое полотнище, обвил лицо, и Артур понял, что его так угнетало. Не было эха. Подковы жеребца взметали фонтанчики цементной пыли, грохот поднимался над трассой и тут же исчезал, словно поглощенный сырой периной тумана.

Туман напал за спину, тянулся к дороге тысячами голодных щупалец. Черт знает что, подумал Коваль, подгоняя коня, только что ведь было сухо, как в предбаннике! Один из летунов вдруг зашипел и выскочил, стреляя пунцовым язычком. Впереди на обочине дороги возвышалось что-то большое. Чуть просевшая набок крытая грузовая машина, запряженная парой мохнатых низкорослых лошадок. Обе лошади выглядели совсем как живые, и, если бы не ржавчина, насквозь проевшая борта машины, Артур решил бы, что путники свернули с дороги совсем недавно. За кузовом первого грузовика, перегораживая путь, лежала на боку длинная шаланда, прицеп без мотора. Задние колеса торчали над дорогой, а весь передок глубоко утонул в... траве. Еще одна новость! Коваль и не уловил, когда папоротник сменился высокой травой, такой же серовато-бурой, смахивающей на осоку, но покрытой сверху донизу короткой белой щетиной. Трава колыхалась и издавала мерзкий скребущий звук, словно тысячи кузнечиков терли крылышками. С платформы упавшей шаланды на бетонку высыпалась груда ящиков, но никто их не собрал. Артур резко осадил коня и снял с плеча автомат. Требовалось всего лишь на пару метров углубиться в траву, чтобы обойти препятствие, но он удержал коня. Ветер стих, но трава шевелилась неправильно. Чутьочку сильнее, чем следовало...

Обе лошадки, запряженные в грузовик, стояли понурясь, не шевелясь. Ветерок играл их спутанными гривами, шкуру покрывали темные пятна лишая, но морд не было видно, бурая осока поднималась здесь очень высоко. Бока у Дятла дрожали, не слушаясь человека, он боязливо отступал назад.

Второй летун тоже наполовину высунулся из кармана и задрал хвост. Задранный хвост был очень плохим признаком, хуже некуда, вампир чувствовал настоящую опасность и готовился не к нападению, а к обороне.

Гибкое лоснящееся тело проскользнуло среди щетинистых стеблей. Коваль не успел нажать на курок, как неуловимая тварь исчезла.

Снова шорох позади.

Коваль дал команду летунам. Новая порода вампиров была воспитана так, что они практически не испытывали чувства страха, но это замечательное качество имело свои минусы. Летуны быстро заводились и перли на рожон. Артур посмотрел туда, куда указывали чуткие мышинные носы, и обмер.

Из темного пятна на боку мертвой лошади, которое он издали принял за лишай, высунулась блестящая черная голова, похожая на мяч для регби, лишенная глаз и ушей. Несомненно, прототипом кошмарного создания послужило насекомое, скорее всего червяк, но во что он превратился! За головой, прикрытой подвижными хитиновыми пластинами, потянулось блестящее змеиное тело, усеянное десятками волосатых крючков. Наконец монстр выбрался целиком и устроился на спине лошади, поводя из стороны в сторону дрожащим рыльцем. Пластины на кончике его морды раздвинулись, и показался подвижный розовый хоботок наподобие комариного, но толщиной в руку ребенка. Если это червяк, сказал Коваль летуну, то я — самый маленький лебедь. Летун не возражал.

Вторая такая же полутораметровая гусеница выбралась из дыры на затылке второй лошади. Обитатели пожарища пожирали трупы изнутри! При этом паралич наступал настолько быстро, что животные не успели даже упасть. Затем гусеницы, очевидно, обрабатывали внутренности животных каким-то цементирующим составом, превращая их в свои жилища. И не просто жилища... Артур почувствовал, как к горлу подступает рвота. Вслед за большим червяком из дыры в шкуре на свет выбрались два совсем крохотных, длиной меньше локтя, и устроились рядом с мамашей. Безглазые морды поблескивали на солнце, как опущенные мотоциклетные щитки.

Но большую тревогу вызывало другое. Все, чему Артур кропотливо учился, ему не помогало. Уродливые и в то же время гармоничные в своем уродстве создания, плоды молекулярных аномалий, не желали подчиняться его воле. Либо они были слишком глупы и не обзавелись развитым мозгом, либо их разум неизмеримо отличался даже от разума летуна, который тоже не состоял в родстве с канарейкой... Но летуны слушались, и драконы, и прочие «произведения» Прохора! Артур достиг высшей степени концентрации, он слышал на десяток километров вокруг, но его сознание не воспринимало ничего, кроме тока жидкостей в безмозглых растениях.

Миг спустя тренированное тело, опережая мысль, отреагировало на опасность. Еще не полностью развернувшись в седле, Артур метнул кли-

нок. Летуны взвились в воздух, их шипение показалось Артуру самой прелестной музыкой. Блокируя пути к отступлению, по дороге с невероятной скоростью приближались сразу три «гусеницы». Ближайшая спружинила и откатилась в сторону. Нож ударился о бетон и отлетел. Коваль не мог поверить своим глазам: мутант опережал его в скорости реакции!

Старый летун Чакка молнией упал на врага сверху и замолотил хвостом. Второй летун перехватил червя уже в полете. Членистое тело согнулось дугой и вдруг подскочило вверх, вытягивая хобот. Артур сдернул автомат с предохранителя и повел длинной очередью по траве, боясь зацепить мышей. Оставался один только выход — бежать вперед, но коня предстояло провести по обочине в обход перевернувшегося прицепа. Чакка, старый и более опытный охотник, перекусил противника надвое и бросился на помощь другу. Второму летуну повезло меньше, червяк извернулся и ткнул его в бок хоботком. Летун засадил ядовитые шипы в хвост врагу, но, когда подоспел товарищ, был уже мертв. Обе половинки разорванного червя, брызгая черной кровью, расползались в разные стороны.

Артур поливал огнем тех чудищ, что жили в мертвых лошадях. Одна «гусеница» разлетелась на части, а другие с удивительным проворством шмыгнули в траву. Лошадь завалилась набок, словно деревянная кукла. Чакка взлетел на крышу грузовика, грозно щелкая челюстями. Второй летун замер на дороге в обнимку с чудовищной гусеницей и на глазах превращался в окаменевший памятник самому себе. Метрах в шести от машины трава заколыхалась, и на дорогу высунулись еще два удлинённых черных рыла. С задранных вверх хоботков стекал зеленоватый сироп. Обе твари будто намеревались высморкаться. Дятел дергался и ржал, вне себя от ужаса.

Артур вспомнил кое-что и сменил рожок. Теперь он стрелял зажигательными, и щетинистая трава на обочине вспыхивала, как порох. Для верности он повел стволом по широкой дуге. Оставалось заставить Дятла шагнуть с дороги в горящую траву, чтобы обойти шаланду. Конь совершенно вышел из повиновения, Артуру пришлось спрыгнуть на землю и буквально тащить его за собой. Летун завопил, как сотня разъяренных кошек, и бросился на очередную гусеницу. Чудищу опалило половину туловища, но оно продолжало двигаться в немыслимом темпе. Летун дважды ударил хвостом, зависая в воздухе, и дважды промахнулся. Червь бежал, не приняв боя.

Артур заставил жеребца обогнуть препятствие и снова вскочил в седло. Его окружали еще четыре живых «шланга» на бетонке и несколько штук в дымящихся зарослях. Позади за шаландой Чакка из последних сил сдерживал врага. Судя по воплям, отважный упырь пока что сражался.

— Хищник против Терминатора! — сказал коню Артур и вспорол мешочек с пчелами. — Как это мило, что мы породили и тех и других...

Улей послушно повис на протянутой ладони.

— Вперед, братва! — выкрикнул Артур и сменил автомат на дробовик.

Верный «ремингтон» спасал его второй раз. Близкий червяк сложился пополам и готовился плюнуть, когда заряд крупной дроби оставил от него кровавые ошметки. Пока в ладони невыразимо долго скользил затвор, дымящийся ствол уже развернулся в противоположную сторону. Из травы, точно королевские кобры перед броском, выскочили сразу два монстра. Пластины на их мордах приподнялись, как усы у оскалившегося черного терьера. Совсем близко Коваль увидел сетчатую мембрану рта, покрытую слизью, и две пары коротких трепещущих щупалец по бокам. Дробовик рывкнул, от отдачи коня шатнуло в сторону, обоим гусеницам снесло головы. Еще один хищник плюнул из дальних кустиков, но Артур пришпорил Дятла и опередил врага на долю секунды. Он уже насмотрелся, чем грозит прямое попадание.

Пчелы вели себя замечательно. Потеряв две трети личного состава, отважная армия сладкоежек очистила местность за шесть секунд. Коваль не стал раздумывать, сколько еще гусениц спешит к нему выяснить отношения, и что было сил стегнул перепуганного Дятла. Тому не понадобилось повторять, и спустя минуту они летели по дороге, оставив дьявольский серпентарий далеко позади. Остатки пчелиной семьи догнали хозяина, уже когда впереди замаячили первые нормальные деревья. Летун не вернулся.

Дав измученному жеребцу отдых, Артур честно подождал маленького друга минут двадцать. Ветер нес из леса прохладу и запахи далеких дымков, а со стороны отравленной саванны подкрадывалось вязкое облако тумана.

— И все-таки молодцы мы, что не пошли в обход, верно? — спросил Коваль у жеребца.

Тот вращал налитым кровью глазом, могучие ребра ходили ходуном, с морды капала пена.

— Страшновато к озеру-то соваться! — доверительно продолжал Артур. — Там колдуны, говорят. Ну их к богу! А тут полчаса позора, мокры штаны — и мы почти дома. Верно я говорю?

38

РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК

Артур почел за лучшее просочиться сквозь заставы «Восьмой дивизии» в темноте. Остаток ночи он провел в одном из заброшенных домов на окраине Павловска. Пришлось сделать изрядный крюк, поскольку старые дороги рассыпались окончательно, а следуя проселочным коле-

ям, он трижды выезжал на частные ранчо ковбоев. Всякий раз одинокого путника встречал бешеный собачий лай, а однажды его обстреляли. Нечего было и надеяться, что кто-то ночью окажет гостеприимство. Вокруг Павловского дворца в парке полыхали костры, прогуливались вооруженные люди, а возле ограды он приметил парочку болотных котов без ошейников. Артур решил, что выяснять отношения с местной коммуну ему незачем.

В пять утра он остановил коня перед величественным когда-то аникушинским обелиском. Стела и гранитное кольцо, символизирующее разрыв блокады, сохранились, но от скульптурных групп остались одни обломки. Гостиница «Пулковская» перенесла в свое время прямое попадание снаряда, или на нее скинули авиабомбу. Во всяком случае, ударная волна, превратившая здание в гору щебня, пронеслась по площади и сшибла с постаментов все фигуры. Сама площадь в человеческий рост заросла травой и кустарником, и оттого памятник казался упавшим и забытым марсианским звездолетом.

Артур вспомнил о танковом заслоне в районе парка Победы и решил двигаться вперед исключительно дворами. До Обводного канала у него это неплохо получалось. Он заметил, что в городе стало намного больше людей. В шесть утра уже гремели подводы, кто-то пытался заводить мотор, навстречу проехал трактор, тащивший за собой целых три прицепа с бочками для питьевой воды. На Обводном путника шокировала новая линия заграждений. Раньше — он мог поклясться — этих заслонов не было. Напротив каждого моста со стороны центра выросли свежие баррикады, торчали пулеметы, а из второго этажа бывшего Фрунзенского универмага обнюхивали канал стволы легких пехотных пушек.

Еще меньше Ковалю понравилось то, что он увидел, заглянув за паррапет. По центру канала в грязной вонючей воде плыла баржа со связанными людьми на борту. Четверо парней с собаками охраняли полтора десятка арестантов. На груди у тюремщиков Коваль разглядел убийственно знакомые бляхи... Нет, не может быть, уговаривал он себя, просто померещилось!

К мосту стекалась разношерстная толпа работяг, стремящаяся перебраться на тот берег. Крестьяне, рыбаки, мастеровые проходили или проезжали через распахнутую настежь проходную, и никто их не задерживал. Но когда подошла очередь Артура, навстречу ему, подняв ладонь, выступил дюжий стражник в железной рубахе.

— Ты чей?

— Музейщик.

— Ты не похож на музейщика.— Парень перекатывал в зубах жвачку и смотрел не моргая. Сзади, опираясь на приклад карабина, выдвинулся еще один стражник.

— Я был в Перми, четыре года работал инженером. Теперь вернулся домой.— Артур постарался ничем не выдать своего волнения. Не стражники его пугали, а то, что болталось на шее у второго. Кремлевский жетон безопасности.

— Долго же ты шел! — с непонятым выражением заметил часовой.— Как твое имя, и кто может подтвердить, что ты из Эрмитажа?

— Меня зовут Артур Кузнец. Меня знает Старшина торговой гильдии Чарли Рокотов, Хранитель закона Лев Свирский, распорядитель работ Сапер... А еще лекарь Эрмитажа мама Рона, начальник охраны Руслан... Этого достаточно? — Ковалю отчего-то не хотелось называть имена Рубенсов.

Оба стражника при упоминании о Руслане переглянулись и ошутимо напряглись.

— Эй, служба! — Старик-крестьянин свесился с высокого борта повозки.— Не задерживай народ! Отведи в сторожку и разбирайся!

Вслед за дедком принялась скандалить вся очередь. За Артуром собралось уже человек сорок.

— Слезай с коня! — приказал Артуру часовой.— Мы проверим, кто ты такой!

— А кто ты такой, чтобы проверять меня?

— Видел это? — Стражник продемонстрировал бляху.— Или ты, деревенщина, не знаешь, что это такое?

Его напарник лениво перехватил ружье за ложе:

— Где твой паспорт? Почему прешь в центр с автоматом? Где у тебя клеймо на автомате?!

— Паспорт не успел обменять... — Ковалья этот диалог перестал забавлять.— Я проеду в Эрмитаж и получу у Рубенса документ. И проеду со своим оружием.

Вокруг внезапно стало очень тихо. Из железного, слепленного из разноцветных кусков вагончика появился третий стражник, краснолицый толстяк с лейтенантскими звездочками на плечах.

— Кого ты хочешь надуть, мерзавец? — От лейтенанта несло перегаром.— Твоего Рубенса давно сместили. Город подчиняется господину губернатору. Слезай немедленно и покажи, что в мешках! Не слышал, что тебе сказал офицер внутренних войск?!

— Как вы мне надоели! — простонал Коваль, освобождая ногу от стремени.

В следующий миг он перехватил дробовик за ствол и сунул караульному, что стоял ближе всех, прикладом в зубы. Железные доспехи лязгнули о мостовую. Его товарищ не успел вскинуть ружье, как вороненый ствол уперся ему в лоб.

— Кинь пушку и прыгай в воду! Ну, живо! — Коваль придал лицу зверское выражение. Часовой попятился, выставив перед собой ладони,

отпустил ружье и проворно полез через парапет. Из канала взлетел фонтан брызг, очередь нестройно захохотала. Лейтенант мигом протрезвел и попытался нащупать за поясом пистолет.

— Даже не пытайся! — сурово одернул Артур. — Ну, твоя очередь купаться! Считаю до трех! Раз...

Долго упрашивать лейтенанта не пришлось. Горляная толпа, радуясь неожиданной бесплатной оказии, с криками ломанулась через ворота. Две мокрые головы, отдуваясь, как тюлени, разрезали грязную поверхность воды, стремясь к ближайшему спуску. Третий стражник ворочался в луже, пуская кровавые пузыри из разбитого рта. Поток людей обтекал его слева и справа, а какой-то мальчишка нагнулся и снял с руки лежащего массивный золотой браслет.

К вечеру весь город будет знать, хмурился Коваль, нахлестывая жеребца. Первый признак диктатуры — это заборы. Они ставят заборы и разоружают людей. Но сами разбегаются при малейшем сопротивлении... Они способны бить только слабых, только тех, кого легко запугать. Но люди, черт подери, и не планируют сопротивляться, у них совсем другие задачи. Они кормят семьи и растят детей, пока эти гады набирают силу! Ей-богу, с такими подонками поневоле станешь анархистом...

Ворота в Зимний покачивались, распахнутые настежь. У въезда во дворик внутри огороженной площадки мужик с саблей сторожил десятков самых разных автомобилей. За пределами «охраняемой стоянки» в полном беспорядке расположилось великое множество конных и моторных экипажей. Некогда чисто выметенная, площадь представляла собой настоящую мусорную свалку. У подножия Александровской колонны двое молодых людей, взобравшись на козлы, рисовали на огромном холсте чью-то усатую физиономию. Со стороны Адмиралтейства, там, где раньше бил фонтан, у свежесколоченной коновязи кушали овес десятки нерасседланных лошадей. Памятуя о столичных приключениях, Артур заранее спрятал под куртку автомат и посулил сторожу золотой за особое внимание к его коню. Впрочем, одноногий инвалид на жулика не походил.

Никем не остановленный, одинокий странник поднялся по мраморной лестнице. На втором этаже ему снова встретилось усатое лицо со слегка выпученными глазами. Здоровенный лист крашеной фанеры висел под самым потолком. Из-за фанерки выглядывало слегка обиженное «Святое семейство». Затем Артуру пришлось потесниться, пропуская целый взвод юношей, у каждого из которых на левой стороне груди поблескивал бронзовый треугольник. Внутри треугольников изображался какой-то символ; не звезда, как в столице, что-то иное. Артур не стал всматриваться, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Святая Ксения! — прошептал Лева, роняя очки. — Этого не может быть! Откуда ты взялся?! Ты сумел бежать от Качальщиков?

— Можно и так сказать...

Артур прошелся по библиотеке, потрогал глобус, машинально погладил дряхлого сонного летуна. У книжника при этом невинном жесте округлились глаза. Все в этой сумрачной зале осталось по-прежнему: карты на стенах, паутина по углам, уютный запах подсыхающих поленьев в камине. И Лева был все тот же, седенький, шустрый, но поведение его заметно изменилось. Он стал каким-то пришибленным, что ли...

— Я жил у них в общине. Я работал. У меня трое детей и жена. Думаю, пока тебе достаточно? — Артур не мог сдержать улыбки при виде обалдевшей физиономии книжника. — Теперь ты мне скажи: что с папой Рубенсом?

Лева стрельнул глазами на дверь:

— Так ты ничего не знаешь? После того как стало известно о его дружбе с колдунами, начался бунт. Михаил бежал вместе с женой. Папу выставила родная дочь. Арина вышла замуж за сына губернатора...

— Вот как? А почему внизу нет охраны? Где Лапочка?

— Так ты совсем... Не вздумай ни с кем говорить, иначе угодишь на виселицу. Есть люди, которые еще помнят, как ты голыми руками повязал Качальщика и спас целый караван. Мне рассказал Рокотов, о Кузнеце ходили легенды! А тигр... Лапочку застрелили, охрана теперь только ночью, и только из офицеров тайной службы...

— Тогда почему меня должны повесить?

— Потому что легенды теперь не нужны, и вспоминать героев опасно. Свободной коммуны больше нет, а ты говоришь крамольные вещи. Весь город уже год подчиняется губернатору. Началось с драки в Думе. Они и так вечно скандалили, а в тот раз сцепились из-за того, чья очередь выделять людей на осушение подzemки и подвоз чистой воды. От нас в Думе заседала Арина Рубенс, Рокотов, Аркаша, мой брат, и еще двое. Они предлагали голосовать в закрытую, но тут приперлись эти, мелюзга с правого берега, и заявили, что тянуть жребий нечестно. Потому что в их общинах мало народу, а у нас от каждой тысячи представлено по человеку. Получается, что крупные коммуны их забивают. Они сказали, что вообще больше не дадут людей в патрули, потому что «Восьмая дивизия» собирает с входящих в город нечестный налог, а с патрульными из общин не делится...

Слово за слово, заварилась такая каша, что думских пришлось разливать водой. Пока они дрались, губернатор собрал своих головорезов и окружил здание. Он их продержал целый день и заставил проголосовать за передачу власти ему одному. Он все сделал хитро, и лично мне кажется... — Лева горестно возвел глаза к потолку. — Лично мне кажется, что без Арины тут не обошлось. Она умная, и, кроме того, ее дар слышать... Конечно, она начала играть в пользу своего свекра, а как же иначе?

Я ее не осуждаю. Арина вернулась во дворец с солдатами губернатора и разоружила обоих братьев Абашидзе, Руслана и Серго, ты их должен помнить. Потом у них якобы нашли письма от Мишки Рубенса и обвинили в заговоре. Абашидзе бежали из города, и с ними десятка два верных им парней...

Так и пошло, они захватывали власть, поочередно нападая на разные районы. Мама Кэт держалась дольше всех, но губернатор объявил, что набирает новое войско, общее для всего города. Так и называли — «внутренние войска». Им положили двойное жалованье и стали выделять квартиры в Михайловском замке. Раньше там жила община папы Арбузика, его губернатор обвинил в уклонении от налогов на строительство дорог. Всех выгнали из замка и раздали комнаты солдатам. Я говорю, без Арины не обошлось; только она умеет угадывать, кто что думает... Ну вот, мужики от мамы Кэт тут же побежали наниматься в войско.

— Постой, Лева! — Коваль затряс головой. — Я не могу поверить, что губернатор подмял весь Питер. Насколько я помню, он пожилой больной человек и не гнался за властью...

— А он и не гнался! Все началось с этого соборника.

— Как ты сказал?! — Артур поперхнулся чаем.

— Ты знаешь, что случилось в Москве? — Лев понизил голос, на цыпочках подбежал к двери, проверил, не подслушивают ли снаружи. — Москвы больше нет. Ее растворили Качальщики, это точно. Лишь они способны поднять Землю на дыбы! Из Москвы целый год шли к нам беженцы. И приперся целый гарнизон их поганого президента, папы Ивана. Президента убили его же солдаты, гарнизон привел один из московских соборников. Они встали за городом, больше трех тысяч штыков, представляешь? Там были не только бойцы, почти тысяча женщин и дети. И все кремлевские слушали этого соборника, как родного отца. Он сказал, что будет говорить с тем, кто в Питере главный. К нему поехали старейшины от Думы, никто не хотел, чтобы такая голодная армия вошла в город.

Но соборник не стал говорить с думскими, он тайно встретился с губернатором. Он заставил Думу принимать решения под дулами автоматов. Этот лис убедил губернатора принять всех солдат на довольствие губернаторской коммуны. Они заняли Серый дом. Это там, на Литейном...

— Я знаю. Там им самое место.

— И все, Артур! Спустя месяц губернатор разогнал Думу и запретил коммунам содержать свою стражу. Кто не послушался... Парни из гарнизона сожгли две коммуны дотла. Они умеют воевать гораздо лучше нас. А потом они поставили своих людей на всех дорогах и называли себя пограничными войсками. И к ним тут же побежали присягать бандиты из мелких шаек. Всем понравилось быть пограничниками, собирать деньги на дорогах и ничего не делать...

— А что Арина? Ты же говорил, она имеет влияние на губернатора?

— Еще какое! Стало быть, она тоже была не против. Если хочешь знать, я думаю, девочка побаивается кремлевских или договорилась с ними отдельно. Если уж быть до конца честным, Артур, то много и хорошего сделано. Губернатор отобрал у мэра золото и запретил другим чеканить монету. Он открыл большие ярмарки, как было раньше в Москве. Он посылает солдат собирать урожай. Теперь мы меньше зависим от ковбоев, город не только покупает еду, как раньше, а получает натуральный процент в казну и на склады. Амбары забиты зерном на два года вперед. Он мостит дороги и посылает команды гонять булей...

— Значит, вам нравится при новой власти? Кстати, а как выглядит этот соборник? Случаем, не такой высокий, хромой, в очках?

— Так ты его видел? — возбужденно всплеснул руками книжник. — Его же встречают только на проповедях. Считается, что Питером управляет губернатор, но все знают, кто стоит за его спиной. Потому что солдаты преданы...

— Карину?

— Тише, Артур, тише! Помимо внутренних войск, он устроил тайную полицию и личную стражу, и еще особый отдел при войске. Называется тра... три...

— Трибунал?

— Ага! Я все забываю, что ты родился до Большой смерти. Как жаль, что мы так и не поговорили, ты столько знаешь! Да, в этом трибунале люди с закрытыми лицами, они следят за остальными солдатами и офицерами, и все их боятся...

— Я что-то слышал вскользь об этом Карине, — небрежно бросил Коваль. — Почему его нельзя увидеть?

— Потому что он сажает деревья.

— Что?! — Такого поворота Артур не ожидал.

— Сажает деревья, — подтвердил библиотекарь. — Не один, конечно. Выгоняют команды девчонок на поля, где шли вырубки, и заставляют пропалывать и сажать. У кого саженцы не привьются, тех отправляют под землю. Они обложили дерном древние свалки, свалок больше нет, повсюду посадки. А весной знаешь, что случилось? Никто в Думе бы до такого не додумался! Это все он...

Рыбу глушить запретили! Еще деды наши глушили, а тут указ вышел: на ловлю рыбы особый жетон, за деньги, и только трем общинам рыбаков. А глушить вообще нельзя, смертью карается! Инженера из Чухни выписали, губернатор ему дом подарил и дикарей дал в прислугу, чтобы рыбный завод на Ладоге поставил. Теперь вся рыба вроде как казенная, и свободных цен больше нет! А еще соборник наладил очистку воды, привез от немцев инженеров. Теперь за ведро помоев, вылитое в Неву, мож-

но схлопотать пять лет подземных работ. И нужники нельзя ставить где попало! Все помои приказано сливать в специальные бочки и вывозить за город, на свалку. Этот Карин, он помешан на чистоте, но не только...

С ним всюду полусотня, преданные ему бандиты, они готовы по его приказу перерезать глотку любому и умрут за хозяина. Карин раздобыл старые военные карты, что нарисованы до Большой смерти. Он ездит со своими людьми по тем местам, где жили военные, и сжигает все. А если они находят подземные хранилища оружия, они взрывают выходы и засыпают землей! Я точно знаю, без Арины он не находил бы эти места так легко. А еще он убедил губернатора отогнать из города все корабли, где есть химия. Всю химию, что находят по старым заводам, тоже собирали на баржи и вывозили, но не в залив. Ты бы видел! Они заставили ковбоев пригнать сотню быков и утащили баржи с химией вверх по течению, а там перегружали и везли в лес. Карин нашел место, бетонное хранилище...

— Значит, он чистит город? Не вижу в этом ничего дурного...

— Он открыл новую церковь, а соборников из Лавры заставил повторять его проповеди. Кто не послушал... — Лева сделал характерный жест рукой возле горла. — Он говорит, что Питеру придет конец, как и Москве, если не будут следовать его заветам. И ему верят, Артур! Ты бы видел, какие толпы он собирает. Он так говорит, что люди рвут на себе волосы и катаются в пыли. Он всех убедил, что он один знает, как спасти наш город.

Люди Карина ловят буля и режут на части на глазах у прихожан. Это становится традицией — убивать животных, вроде...

— Вроде жертвоприношений?

— Хуже. Когда древние резали коз на алтарях, они молили богов о благодати. А Карин не говорит о хорошем и не взывает к Богу. Он доводит себя и других до безумия, он кричит о близкой гибели. Если мы не спасем город, кричит он, придут твари с пожарищ и пожрут нас, а земля засосет наши дома. Ты бы видел, что творится с толпой, когда кремлевские режут булей! Страшно смотреть...

Понимаешь, губернатора устраивает вся эта трескотня. Никто не копает под его власть, напротив. Вот рыбаков разорили, куда им податься? Они теперь за краюху хлеба горбатятся, дороги кладут. Карин предложил издать указ, запрещающий вырубки в парках. Чтобы на дрова теперь можно было рубить только старые дома. Губернатор сначала противился, затем подписал и только выиграл от этого. Все здания в городской черте теперь принадлежат казне. Хочешь обзавестись дровишками на зиму — плати! И пожаров меньше стало; почитай, гореть нечему уже. А срубишь дерево — заплатишь своей шкурой. Рубли так и посыпались в казну, а Карина еще больше бояться. К власти он не рвется...

— Но ты же ему не веришь?

— Как тебе сказать? — Книжник отвел глаза. — Чарли многих знал в Москве. Только гарнизон Кремля вышел из столицы почти без потерь... Они пришли с золотом, бабами и даже со своим скотом. Люди говорили, что там творилось. Три дня Москва качалась, но местные надеялись, что все уляжется. Не улеглось, им пришлось бежать, побросав имущество. А кремлевские ушли в первую ночь и забрали все ценное, что могли унести. Земля вставала дыбом, и река бросалась на город, как болотная кошка... Соборник знал, он заранее предугадал то, что случится.

— Сволочь!

— Что?

— Нет, ничего, продолжай. Выходит, он предвидел катастрофу, а спас только своих?

— Ну не только. В Питер до сих пор идут тысячами, но больше народу осело у ковбоев. Честно говоря, не всем по вкусу новая власть... Ведь мы в Эрмитаже больше не шьем платье, не льем стекло. Мы гоним спирт. Да-да, это Карин так надоумил губернатора, чтобы каждая коммуна занималась одним делом. Конечно, оно выгоднее для города, это понятно. Водку можем делать только мы. Если у кого найдут самодельную — виселица. Доходы большие, но ковбои начали пить. Раньше так не пили, Артур, раньше работали и просили взамен товары мастеровых. Теперь все готовы обменять на водку...

— А кто командует Эрмитажем?

— Мой брат, Аркадий. — Лева бросил косой взгляд на Ковалю, проверяя его реакцию. — Конечно, ты скажешь, что Аркаша — не личность, не герой. Так оно и есть. Он и как инженер не особо одарен. Но губернатору такие и нужны! Сидит тихонько в Думе, кивает вместе с остальными. В общинах нынче правят не папы, а эти... пири... при... Московское словечко, все время забываю!

— Префекты?

— Во-во! Ты все знаешь, ты ведь книжник... Что поделывать, не время для орлов, Артур! Поэтому я за тебя и боюсь... Народ присмирел, а для меня счастье, что префектом поставили Аркашу. Благодаря его заступничеству я могу читать...

— Эка! Я не пойму, Лева, губернатор запретил читать?

— Почему же? Читай, коли умеешь, но... Я умоляю тебя, Кузнец, эти слова не для чужих ушей. Ты как появился в музее, сразу уехал, я не успел познакомить тебя с Самуилом Крохой. Мой друг, он живет у портных. Он умеет рисовать. Ты видел, на площади малюют портрет губернатора? Кроха давно собирал детишек, у кого получалось водить углем или кистью. А нынче все они рисуют губернатора и получают за каждый портрет по рублю серебром. Не хочешь рисовать губернатора — топай,

работай в другом месте. Не хочешь работать — отправят под землю! А знаешь, что делают с портретами, Кузнец? Люди губернатора их продают...

— Да быть не может? Кому нужна его харя?

— Тише, умоляю тебя, тише! Мальчишке, что малевал, платят рубль серебром, а продают по три рубля золотом. Корову можно купить! Общины же и покупают. Аркадий вон для Эрмитажа шесть штук заказал. Зато когда усатый в гости приезжает, доволен!

— Черт знает что! — Ковалю казалось, что он никак не может очнуться от сна.

— Так что Кроха запил,— грустно продолжал библиотекарь.— И мне учить детей больше не позволено. Теперь всех вместе учат, в Лавре соборники школу открыли. Утром на портрет губернатора молятся и читают хором про его великие дела... Разбуди ночью любого ребенка и спроси — на сколько пудов картошки мы собрали больше в этом году, чем в предыдущем. Не сомневайся, тебе ответят. На утренних проповедях только и твердят о том, на сколько пудов мы живем лучше, чем в прошлом году.

У меня был ученик, его дед возит в город торф для растопки. Пять лет назад он возил торф, и сейчас возит, и будет таскаться в лес на своей телеге до самой смерти. Как ему платили буханку в день и пять монет серебра в месяц, так и платят, только губернатор заменил серебро медяками. Все серебро уходит на закупки нефти. Соборники в школе твердят детям, что в нынешнем году город собрал в казну на шесть пудов серебра больше прежнего, а через шесть лет удвоит запас. А дед возит торф, ему без разницы, что там удвоится. Может, он и не проживет эти шесть лет...

Древние книги читать детям не велено, а мне указано собирать лекарские да по инженерному делу. Про остальное говорят, что вредное. Что ни день, боюсь, как бы указ не вышел пожечь книги-то...

— Дай мне очухаться, Лева! — Коваль походил из угла в угол, растирая уши.— Значит, без паспорта я жить не могу?

— Никак. И Аркаша тебе не даст. Только в учетном приказе, на Исакиевской площади.

— И выбирать, где жить, тоже не имею права?

— Пятьдесят километров отмахай, там без бумаги заселяйся. И то — неведомо, сколько так проживешь... И потом — ты за паспортом придешь, в оборот возьмут. Или подмастерьем, или мастером придется соглашаться.

— А в Эрмитаже я могу остаться? Полно же пустых комнат?

— Всюду клерки бродят, которые по учету,— угрюмо отозвался библиотекарь.— Не спрячешься, продадут. Наши же и продадут. Испоганились людишки, Артур, раньше не было такого. Друг за другом следят. Страшно мне, ночами не сплю, так страшно... Вроде и сыты все, и даже

праздники древние вспомнили, в Новый год хоровод водили и елку зажигали...

А мне страшно. Самуил спился, Чарли пьет, Сапер повесился... А еще Санечка был, в коммуне мэра, музыку умел на рояле делать, ноты понимал. Никто не умел, он один. Ему сказали, что заберут с роялем в Думу, для них музыку делать, для старейшин. Он отказался, просил, чтобы детей дали учить, как раньше. Детей ему учить больше не позволили, рояль сломали. Он бежал в Чухню, а кто-то его у норвегов видел...

Клерки ходят и солдаты с ними. Ежели в пустом доме заколоченном кого найдут без гербовой бумаги — сразу в кандалы. А то и пристрелят, это запросто. Им за каждого бродягу платят больше, чем офицерам. Детишки больше не в тайную стражу хотят, а в клерки. Там сытнее.

— Это точно,— согласился Коваль.— Там всегда было сытнее. Вот что, Лева! Я тебя покину, у меня на заставе небольшой спор утром состоялся. Не хочу, чтобы из-за меня проблемы появились. Позже еще увидимся! И пожалуйста, не говори никому, что я приходил, ясно?

— Да уж куда яснее! — печально усмехнулся книжник.— Куда пойдешь-то?

— Да вот, один добрый человек посоветовал... — Артур напоследок угостил летуна кусочком сала.— Я его слов сначала не понял, а теперь все разъяснилось. Пойду искать в союзники меньшее зло.

39

МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Артур не стал брать с собой огонь. Глаза быстро приспособились к темноте, а дым факела отбивает обоняние. За последнюю неделю он трижды выбирался из города и трижды возвращался назад, переодеваясь и меняя лошадей, чтобы не маячить на породистом животном. Коня он оставил на попечение Левы, а поклажу и оба ствола спрятал в капсуле. В городских катакомбах автомат ему не помощник. Спустя четыре года Артур вернулся туда, откуда начинался его путь вверх.

Проходя по гулким коридорам пятого отдела, он испытал смешанные чувства. Вот шахта, по которой он карабкался с липкими от ужаса руками, не представляя, что ждет его наверху и обмирая от каждого шороха. А за этой дверью, где они с Мирзояном и Денисовым в незапамятные времена обсуждали очередной матч или новенькую сотрудницу, он впервые столкнулся с лысым псом... Сегодня вечером он был вполне настроен на такую встречу, но институт хранил молчание. Артур слы-

шал, как в глубинах чердака любовно перекликались голуби и дребезжала на ветру оторванная оконная рама. Институт был мертв, как океанский лайнер, навсегда потерявший свою преданную команду. «Навсегда», — повторил Артур. Слово каталось на губах, словно засохшая ягода, безвкусная и чуточку горькая.

Команды «зачистки», несомненно, побывали здесь еще раз, но оба корпуса не сочли пригодными для жилья. Исчезли остатки паркета, деревянные перила и двери. Вынесли даже стенные панели — словом, все, что могло гореть. Следы десятков сапог взбаламутили вековую пыль. Доблестные клерки даже сняли ботинки с трупов, валявшихся на лестнице.

Он спустился в канализацию через люк котельной. Большая труба имела слабый уклон, и он прикидывал, что метров через двести окажется под руслом Невки. Артур считал шаги. В пространстве, где ни зрение, ни обоняние не могли зацепиться за какой-то достаточно верный ориентир, приходилось полагаться на шестое чувство. Или считать шаги.

Через пятьдесят метров Коваль вышел к развилке и разглядел высоко над головой маленький рваный кусочек неба. Он угодил в один из канализационных коллекторов; грязь под ногами уже не чавкала, а хрустела, как пересохшие листья. Если предыдущий отрезок был почти свободен, то впереди трубу на треть заполняли многолетние отложения.

Артур дотронулся до огромного вентиля. Что-то хрустнуло, и половина железного колеса осталась у него в ладони. Из прогнившего косога фильтра шелестящим дождем посыпался поток ржавчины. Здесь даже не пахло гнилью. Очевидно, сточные колодцы находились выше уровня мостовой, или вода уходила в почву сквозь трещины.

Еще через пятьдесят шагов Коваль начертил угольком крест на вогнутой стене трубы. Теперь ему приходилось идти согнувшись, рискуя зацепить головой свисающие из люков обломки лестниц и куски арматуры. Грязь стала чуть жиже, и далеко впереди послышался какой-то равномерный ухающий звук, словно работала помпа. Потом он услышал запах, почти незаметный, но это был тот самый запах. Окажись Артур здесь четыре года назад, он не почувствовал бы ничего, кроме паники и дикой клаустрофобии. Со всех сторон ему бы чудились клыки и когтистые лапы...

Он медленно продвигался вперед, ухающий звук стал ближе, теперь среди глухих тонов различалось металлическое звяканье. Либо труба проходила вблизи ветки метро, где заключенные откачивали воду, либо на поверхности над одним из люков работал мотор. Внезапно труба стала шире. Артур приподнял нос, шевеля в темноте ноздрями, точно терьер, отслеживающий лису. Он не сразу догадался, где находится. В конце концов, сюда приглашали на экскурсию не каждого горожанина.

Труба никуда не исчезла, она плавно сворачивала, но в месте поворота, очевидно, произошел разрыв. Сразу за разрывом жерло перекрывала толстая решетка, а за ней Артур чувствовал следующую, с более мелкой ячейкой. Еще он чувствовал впереди огромную массу металла и воду, много тонн стоячей цветущей воды. До сих пор в подземелье не встречалось ни мокриц, ни других насекомых, любящих влагу, а теперь Коваль слышал неумолчное зудящее пение сотен комаров.

Он находился на границе очистных сооружений, на первом форпосте. Мощный стальной каркас, удерживающий переплетения труб и очистные ванны, просел под собственной тяжестью, или его подмыли грунтовые воды. Так или иначе, сварная конструкция лопнула и потянула за собой трубопроводы. Артур мелкими шагами добрался до места разрыва. Труба под ногами слегка раскачивалась. Он оценил расстояние до решетки метра в два с половиной, опустился на четвереньки и ощупал край. Запах стал сильнее. Из провала тянуло сырой землей, но он уже не сомневался, что придется прыгать; трещина уходила слишком глубоко.

Он щелчком, вслепую, убил комара, затем еще одного. Можно было вернуться и попытаться пройти с другой стороны. И потерять еще три часа. Три часа он ползает под городом... Нет, случайностей не бывает. Если ему суждено подохнуть в этой дыре, то не играет роли, через какой люк он поймает за хвост свою смерть!.. Коваль оттолкнулся и прыгнул.

Ноги повисли над пропастью, но руками он намертво вцепился в решетку. Фильтр давно держался на честном слове, осталось его только раскачивать. Спустя четверть часа его пальцы кровоточили, плечи и колени онемели от напряжения, но прутья подались. Вторую и третью решетки Артур выбил с одного удара. А дальше труба закончилась, он не удержался на скользком порошке и полетел в воду. По счастью, тут оказалось совсем неглубоко, но воняло так, что Артура чуть не вырвало. Впервые за годы он почувствовал себя некомфортно босиком. Ступни точно погрузились в ледяной шевелящийся кисель. Здесь, в очистных ваннах, кишела жизнь, и жизнь не в самых приятных ее проявлениях. Слава богу, он влил в себя достаточно снадобий Анны и не боялся заразиться.

Артур уже понял, что к центральной городской станции этот подвал не имеет никакого отношения; скорее всего, он пробрался в сточную систему одного из крупных заводов. Как и прежде, он не видел ни зги, но обострившееся восприятие подсказывало, что подземное сооружение имеет по крайней мере три уровня и занимает пару тысяч квадратных метров. Он успокоил дыхание, вытер руки о штаны и шагнул на узкий металлический мостик. Мостик подозрительно закрипел, но Коваль уже ничего не слышал. Он увидел глаза.

Две голубые льдинки перемещались в полутора метрах над ним, затем замерли. К ним присоединилась еще одна пара, чуть больше первых.

— Хорошая собачка,— сказал Артур и потянул за лямку рюкзака.— Смотри, какая вкуснятина у меня есть для тебя. Хорошая собачка! — Он вспомнил, как точно так же подлизывался к лысому крокодилу в курилке.

Коваль чувствовал, как еще один буль подкрадывается сзади, совсем молодой, почти щенок. Он подкрадывается и сам очень боится человека. Замечательно! Человек шел на запах и не ошибся. Здесь у них гнезда, и наверняка есть выход к реке, куда псы выплывают за рыбой. Но еще больше человека возбуждало то, что он их слышал... В отличие от плюющихся червяков с пожарища разум собак был открыт для него. И разум не был враждебным. Они не доверяли, они боялись, они готовились защищать щенков, они страшно хотели есть, но... они слышали и откликались.

Артур не видел щенка, которого кормил с рук. Потом к нему подплыли еще два, совсем маленькие; толкаясь и ворча, они принялись сражаться за кусок бекона. Их мать заволновалась и негромко рывкнула из темноты, но Артур успокоил ее одним ласковым прикосновением мысли.

— Хорошие собачки! — повторил он, вытряхивая последние крошки.— А теперь мне нужно, чтобы вы пошли и привели остальных. Я отведу вас туда, где много-много свежего мяса... Я отдам вам целую свинью, нет, целое стадо свиней.— Он без труда представил себе это стадо — освежеванные дымящиеся туши на крюках — и швырнул этот образ собакам.

Булей трясло от возбуждения.

— Приведите сюда остальных, приведите всех! У нас будет самая сильная, самая смелая стая! — Его волосы взмокли от пота. Артур чувствовал, как непроизвольно дергаются мышцы на щеках и под глазами. Удерживая волю на пике, на самом острие сознания, он раздувал внутри себя огонь вожака. Стая приняла его за своего, но не к этому он стремился. Они должны быть готовы умереть за вожака...

В три часа ночи Коваль вывел их к скотобойне. Точнее, его вывели туда були, но сами псы давно бы уже не отважились на такой поход. Как и положено, бойни имелись у каждого из трех рынков, но их охраняли не хуже арсенала. По периметру цеха прогуливалась шестерка матерых волков и сторожа с пулеметами. Волки свободно бегали между двумя линиями колючки, и до прихода утреннего зрителя никто бы не отважился к ним подойти. Кроме одного человека.

Артур позволил волкам облизать себе руки. Затем выдернул щеколду и выпустил их во внутренний двор, туда, где носился кислый аромат забоя и вокруг дубовых колод валялись кости животных. Выскочившие на шум сторожа, не протестуя, отдали колдуну оружие и ключи от бетонного ангара. В стойлах, чуя хищников, исходили пеной коровы. За пере-

городкой оглушительно верещали свиньи. Артур запер горе-охранников в сторожке и позволил волкам выпотрошить свинью. Пока волки насыщались, они были неуправляемы, и Артур не смел к ним подходить. Потом он запер их в сарайчике и привалил дверь. Настала очередь его стаи.

Их собралось несколько сотен. Многие пришли под землей, по водопроводу и канализации. Они пробирались дворами и плыли по каналам, неуловимыми тенями пересекали проспекты и бесшумным валом катились по заросшим травой переулкам. Лева был прав: военные вытеснили дикую живность из центра, большинство булей обитали в новостройках, стараясь держаться Невы. Коваль знал, что не имеет права показать робость, но внутренне он содрогнулся. Разлагавшаяся в водах Балтики химия превратила животных в ходячие экземпляры для кунсткамеры. Более того, в темноте ему показалось, что на зов откликнулись не только собаки. Во всяком случае, не совсем собаки... Он отрезал себе изрядный ломоть грудинки и зажарил над огнем в будочке охраны. Не подкрепившись, не стоило и думать, чтобы двигаться вперед. Он потерял слишком много сил под землей, но Бердер сказал бы, что сделано неплохо. По другую сторону забора, окружавшего базарные ряды, надрывались обычные собаки. Сделано неплохо, но главное только начиналось...

Часовому, что боролся со сном на третьем этаже резиденции, вдруг почудилось, что площадь перед памятником царю подернулась мелкой рябью. Он встряхнул головой, хотел окликнуть товарища, но, когда снова посмотрел вниз, ничего странного не заметил. На противоположной стороне здания другой солдат обратил внимание на то, что Мойка ведет себя как-то странно.

Только что стоял полный штиль, и тут поверхность воды покрылась волнами, будто вверх по течению шел косяк рыбы. Но тревогу он поднимать не стал, потому что ничего опасного не случилось. Вместо этого он оглянулся, не подсматривает ли сержант, и быстро раскурил самокрутку с дурмящей травой. За кило травки он отдал азиату на рынке полный рожок патронов, но дело того стоило. За дурман могли, конечно, вышвырнуть из тайной стражи и отправить в пограничный гарнизон, но без риска жить неинтересно. Зато девчонкам нравится...

Парадное крыльцо стерегли двое «безликих», из тайной полиции. Они не спали и не курили, вместо курева они жевали совсем другую траву, дающую ночную бодрость и зоркость. Лица обоих полицейских скрывали вязанные капюшоны с дырками для рта и глаз. Старший последние семь минут все чаще поглядывал на большие напольные часы, установленные в специальной будочке. За дверями у печки давно уже грелась смена передвижного патруля, а машина все не показывалась. Джип должен был вернуться с объезда минимум четверть часа назад, но, сколько полицейский ни вслушивался, знакомое тарахтение мотора

не достигало его ушей. А своим слухом он гордился. Ничего, только плеск воды и лязганье весел в уключинах ночующих за мостом лодок. Машины иногда ломались, но не обе же одновременно. Кроме того, куда-то запропастился конный патруль городской стражи. Последний раз они подлили горючего в бочки, стоящие по периметру площади, три часа назад, и с тех пор не появлялись. Полицейскому это совсем не нравилось. Он решил, что подождет еще пять минут и ударом в рельсу поднимет все свободные смены...

— Кто-то идет! — озабоченно произнес молодой напарник и упер сошки пулемета в мешок с песком.

— Ты рехнулся! Кто может идти в три часа ночи? — Старший оглядел пустую площадь, но на всякий случай дернул за веревку. В холле дворца коротко забренчала трещотка.

— Да вон же, вон!

— Да где, черт тебя дери? — Полицейский передернул затвор и влез по лесенке на вершину баррикады. Он различал лишь темную громаду собора и конную скульптуру древнего императора на пьедестале. Пламя в бочках почти погасло.

— Эй, что там, капитан? — Трое «безликих», побросав кружки с чаем, выскочили на крыльцо. — Мотор приехал?

— Ни хрена не вижу! — злобно отозвался капитан. — Яшка, лупи в рельсу, кажись, неладно что-то!

— Святые отцы! — пробормотал, не двигаясь с места, молодой полицейский. Вместо того чтобы подать сигнал тревоги, он словно прирос к прикладу. — Он смотрит на меня! Там, справа!

Капитан скосил глаза и чуть не проглотил свою жвачку. Со стороны Морской улицы, царапая сотнями когтистых лап по сырой брусчатке, на него катилась нескончаемая волна диких псов. За спиной капитана трое патрульных вскинули обрезы, но не успел прозвучать первый выстрел, как на втором этаже забили в колокол. Затем дважды тявкнула пушка; ослепив до рези глаза, вспыхнули на площади фонтаны разрывов. На короткое время живая лавина замедлилась, но бреша тут же затянуло.

Новый звук заставил капитана перевести взгляд налево. В Мойке кипела вода. Десятки и сотни блестящих тел выпрыгивали из глубины, взлетали над парашютом и, сливаясь во второй яростный вал, стремились к крыльцу. Им не было числа.

Одновременно грохнули обрезы, и со второго этажа заговорил автомат. Первую шеренгу собак раскидало. Полицейский не верил своим глазам: раненные падали и скуля продолжали ползти вперед. Колокол звенел не переставая. В верхних покоях и казармах вспыхивали огни.

— Он смотрит! — продолжал стонать Яшка.

— Стреляй! Стреляй, дурень! — прохрипел капитан, сам бросаясь к пулемету.

Он оттолкнул напарника, положил щеку на приклад и в прорези прицела увидел человека. Человек неторопливо брел по центру площади, зарываясь голыми ногами в гниющие листья, а слева и справа от него бурлило море голубых глаз. Лысые псы расступались, оставляя человеку проход. Человек шел и смотрел прямо в глаза капитану.

Полицейский почувствовал, что не может пошевелить пальцем. Ему требовалось совсем небольшое усилие, чтобы накрыть колдуна и его свору градом свинца; лоб покрылся потом, мочевой пузырь дал слабину, но палец на курке не сдвинулся и на миллиметр. Где-то наверху зазвенело разбитое окно, с карниза сыпался дождь из горячих гильз, над ухом дважды выстрелили из обреза, кто-то из подчиненных тряс полицейского за плечо.

Потом стало совсем тихо, и капитан понял, что остался один. Он продолжал смотреть в глаза грустному бородатому человеку и не мог ни встать, ни пошевелить рукой. Яшка лежал рядом, запрокинув голову. Из-под его вязаной маски стекала тонкая струйка крови. А на груди у младшего патрульного, шевеля жабрами, устроилось мокрое голубоглазое чудовище. Оно улыбнулось капитану двойным рядом зубов и прыгнуло ему на горло. Это было последнее, что увидел начальник «безликих».

Подобно кипящей лаве, свирепая лавина ворвалась в здание и растеклась по коридорам, сметая все на своем пути. Дежурная полусотня личной стражи была уничтожена прямо в казарме. Через пять минут от мечущихся между коек солдат остались клочья одежды и залитые кровью полы. Проснувшиеся клерки и члены семей прыгали в окна со второго и третьего этажей, кто-то пытался выбраться через чердаки. Но всюду люди натыкались на сплошное сужающееся кольцо собак. Возле покоев губернатора стражники с пулеметами ненадолго замедлили атаку булей. Собаки карабкались по трупам своих же товарищей, пока гора из мертвых тел не закупорила напрочь два лестничных пролета. На второй лестнице четверо телохранителей развернули рукав огнемета. Двое без устали, скинув куртки, дергали рычаги ручного бензонасоса, а вторая пара, покрытая копотью, словно черти в аду, заливала площадку огнем. Их ладони, несмотря на толстые рукавицы, покрылись волдырями, но стражники не отступали. Терять им было нечего.

Буквально позавчера именно эти двое под руководством его святош распяли троих щенков булей, выкололи им глаза, а затем медленно выпустили кишки. Изловить щенков было совсем несложно, всем известно, где були выходят по ночам рыбачить. В центре их почти не осталось, но на правом берегу полно нор; достаточно подвесить слегка проухшую рыбку над железным сачком, и молодняк попадет в ловушку!

Теперь стражники не сомневались, что свора пришла мстить. Мстить за всех, кого они убили в последний год.

Командовал охраной плотный старик, он служил губернатору пятнадцать лет с того дня, как нынешний глава захватил свой пост. Он хорошо помнил прежнего губернатора, глупца задушили ночью в собственной постели. Он потакал книжникам, а старую гвардию, что привела к власти его отца, заставлял работать наравне с крестьянами. Нынешний губернатор жил по закону и отлично знал свое место. Командир охраны мог бы забрать своих людей и сбежать от собак, он знал тайные ходы, что вели наружу к Неве или выходили во двор к гаражам. Но знал он и то, что, если губернатор погибнет, соборник Карин найдет их из-под земли. Этот чертов колдун видел насквозь...

Командир личной стражи приказал бросить бесполезный огнемёт и прочее железо. Он собрал оставшихся в живых людей, их было не больше дюжины, и приказал любой ценой удерживать угловой коридор, где находились спальни губернаторской семьи. Вот-вот должно было подойти подкрепление. Находясь наверху, он не мог знать, что квартировавшая на первом этаже рота «безликих», приставленная Кариным, вырезана до последнего человека, почтовые голуби валяются на чердаке мертвыми, а телефонные провода перекушены. Не знал он и о том, что в гараже давно горит броневи́к губернаторской семьи, а от лошадей в стойлах остались обглоданные скелеты.

Стражники жевали траву и оттого не чувствовали страха. Они перегородили коридор старой мебелью и собрались плотной группой, обнажив сабли. Пожар еще сюда не добрался, он веселился этажом ниже — жадно обгладывая шкафы с документацией, уничтожал многолетние труды клерков. Уже погибли данные по оброкам и недоимкам, погибли дарственные на землю и карты наделов, погибли важнейшие государственные бумаги. Из покоев семьи губернатора выскакивали полуодетые люди; все, кто мог носить оружие, спешно разбирали ружья и автоматы. Атака псов прошла настолько быстро, что никто не успел понять, кого надо бояться. Гражданские выбегали в коридор, но не видели ничего опасного, только дюжину ошетилившихся клинками телохранителей. Все слышали рев пожара и спрашивали друг друга, что случилось. Окна покоев были давно и наглухо заколочены в целях безопасности после давнего нападения шептунов на Нарвскую коммуну. Начальник стражи колотил в дверь спальни губернатора, он нуждался в ключах от пожарной лестницы. От дыма становилось невозможно дышать, на этаж поднималась удушливая вонь горелого мяса.

Получив ключи, старик-полковник, стараясь не сорваться на бег, отправился к пожарному выходу. За ним, отшвыривая друг друга, ринулась толпа домочадцев. Общими усилиями скинули крюки с тяжелых дверей. На пожарной лестнице не было ни дыма, ни собак, только пау-

тина и крошечная тьма. Тут до всех дошло, что впопыхах забыли прихватить фонари. Молодые мужчины побежали назад, женщины и дети жались друг к дружке, не решаясь сделать и шагу вниз.

— Что там, ребята? — крикнул подчиненным старшина.

— Пусто! — отвечали ему верные рубаки. Они уже устали держать сабли и ножи наизготовку. Они закрыли лица мокрыми тряпками, выбили ставни на окне в торце коридора и по очереди бегали глотнуть свежего воздуха. Перекрытие этажа раскалилось настолько, что начали уже тлеть доски и дымились подошвы сапог.

— Пусто, никого нет!

— Они отступили!

— Эти гады боятся огня!

Ни черта они не боятся, подумал старый вояка. В отличие от зеленой молодежи он дрался с буями еще в те годы, когда они безбоязненно бросались на людей в центре Питера. Он был ребенком, когда из города, спасаясь от псов, тысячами бежали крысы. И в том, что псы перестали нападать на горожан, совсем не было заслуги соборников, как они ввали в молениях. Старики прекрасно понимали, что из реки ушла наконец древняя химия и очистились леса. У зверюг появилась пища; еще немного, и они сами покинули бы город и убрались к Ладоге. И то, что происходило этой ночью, командир стражников никак не приписывал личной мести.

— Тихо! — Старшина поднял руку. Тут было не до субординации. — Тихо, заткнитесь все!

Солдаты затаили дыхание. Ровный гул наступающего пламени. Хлопки взрывающихся бутылок на нижней кухне. Ни лая, ни криков...

— Господин полковник! — робко позвал один из бойцов. — Стоит ли тащиться через гараж, если парадный вход очистился?

— Заткнись! — Старик обернулся.

Люди губернатора все так же толпились за поворотом, не отваживаясь спускаться. От группы полуодетых женщин отделилась стройная фигура в кольчуге.

— Ты тоже слышишь, госпожа? — одними губами прошептал полковник. Они стояли плечом к плечу, тертый служака и третья из невесток губернатора. Стояли и смотрели в темный задымленный пролет, где уже плясали первые язычки огня.

— Прикажи им бросить оружие, — столь же тихо ответила женщина. — Это не поможет...

Собаки покинули здание, в огромном дворце остались лишь горы трупов и горстка насмерть перепуганных жителей. Тех, что еще вечером представляли в городе верховную власть.

Но интуиция никогда не подводила командира.

Самое страшное только начиналось.

40

ПРАВДЫ И ЗАКОНЫ

Теперь слышали и солдаты. По охваченной пламенем лестнице шлепали босые ноги. Первым на площадку шагнул высокий небритый мужчина. Его темно-русые волосы были уложены в две аккуратные косички вокруг загорелого лба. По краям серых глаз разбегались лучики морщинок. Торс мужчины облегал плотная матерчатая куртка со множеством накладных карманов и широкими загнутыми манжетами. Ночной гость носил кожаные короткие, чуть ниже колен, штаны. Из заплечных ножен торчала рукоять кинжала, еще два ножа висели на поясе. Но человек не воспользовался оружием.

Он привел его с собой.

Следом за мужчиной, фыркая на огонь и поджигая лапы, поднимались по ступенькам четыре болотных кота. В молодости полковник хаживал с подобными зверюгами в патрули; они слушались, пока их досыта кормили, но даже тот, кто кидал им мясо, не рисковал поворачиваться спиной. А таких здоровых полковник и не встречал...

Коты равнодушно оглядели солдат и принялись вылизывать шерсть. Чужак перешагнул через груды оружия на полу, бросил косой взгляд на вжавшихся в стену бойцов.

— Здравствуй, госпожа.

— Здравствуй и ты, Кузнец.

— Я рад, что ты выздоровела.

— Мы тоже не верили, что ты жив.

Коваль обошел Арину и направился к плотной группе людей, собравшихся у черного выхода. Мужчины отважно прикрывали спинами женщин. Огромные кошки закончили туалет и припустили вслед за хозяином. В толпе раздались сдавленные крики, одна из старух забилась в истерику. Коваль подошел вплотную; мужчины прятали лица. Но не все. Тоненький рыжеволосый юноша лет семнадцати стоял чуть в стороне и, глядя с улыбкой на укротителя котов, жевал овсяную лепешку.

— А ты все так же жрешь не переставая? — усмехнулся Артур. — Не ожидал я, что и ты с ними...

— Я с ними и без них. Ты нашел, но ищешь. — Юноша перестал улыбаться и спрятал лепешку в карман. — Смелый, но боишься.

— Что я ищу, Христофор?

— Нашел правду — потерял закон. Нашел закон — потерял правду.

— Тут ты прав, дружище... Где он, Арина? — не оборачиваясь, спросил Артур.

— Оставь отца в покое, прошу тебя!

Арина Рубенс слишком резко шагнула вперед; коты разом выгнули спины и оскалили зубы. Одного сжатия челюстей хватило бы, чтобы перекусить мужскую лодыжку. Полковник лихорадочно вспоминал все забытые в детстве молитвы. Две женщины истерически завизжали.

— Где он? — повторил Артур, осаживая хищников взглядом. — Тот, кто посылает людей на смерть, и сам не должен быть трусом...

— Это правда, а не закон, — тихо вставил Христофор.

— Согласен, — кивнул Артур.

— У него больное сердце... — Арина боялась сделать шаг. Напротив нее сидел кот, облизывал лапу и тер себя между ушами. Полосатая голова мутанта находилась на уровне ее пояса. — Тебе же не он нужен, правда, Кузнец?

Старшина охраны оглянулся. Огонь достиг верхней площадки и в бешеном темпе пожирал коридоры. Один за другим плавилась и разлетались плафоны ламп, апельсиновой кожурой свернулась краска на стенах, разом вспыхнули несколько картин в дорогих рамах. Закрывая лица руками, пятились уцелевшие солдаты; под ногами у них чадил утеплитель и горели два слоя досок. Артур и кошки очутились как бы в окружении: слева дюжина безоружных бойцов, справа — два десятка гражданских.

— Кто из них твой муж? Этот?

Артур поймал перестрелку их взглядов. Арина тщательно скрывала растущую панику. На секунду он даже позавидовал дочери Рубенса. Она искренне любила мужа и боялась за него. Напротив Ковалья, понурившись, стоял яркий, красивый парень с тонкими усиками на подвижном лице. В его физиономии без труда угадывались черты папаши, даже усы он отпустил из фамильной гордости. Парень изо всех сил старался сохранить горделивую осанку, но это у него неважно получалось.

Одна из кошек подошла и потерлась Ковалю о бедро. Он потрепал хищника по кисточке на ухе. Секундой позже в толпе произошло какое-то быстрое движение. Артур мгновенно присел, и короткая стрела воткнулась в дверной косяк. Один из бойцов за спиной Ковалья сдавленно крикнул и упал, суча ногами.

— Нет! — крикнула Арина.

Женщины с визгом подались в стороны. Кошка зашипела и намеревалась рвануться вперед, но Коваль ухватил ее за загривок. Его правая ладонь уже снова была пустая.

На полу с клинком в глазу корчился один из родственников правителя. Возле него валялся маленький разряженный арбалет.

— Ты и ты! — приказал Артур, безошибочно определяя носителей угрозы. — Две секунды разоружиться!

И обернулся к солдатам за спиной. Боец, что не выкинул револьвер, тоже был мертв.

— Я же просила тебя! — Арина готова была вцепиться полковнику в волосы. Тот отступал от нее, белый как мел.

— Полковник! — Артур поманил старика в погонах. — Кто среди этих людей занимает посты в правительстве? Ты видел, что я не люблю, когда меня обманывают. Быстро, иначе по твоей милости погибнут невиновные!

— Кошки устали, — вдруг не к месту вымолвил Христофор. Впервые, насколько Артур его помнил, юный оракул выдал нечто неоспоримое. И он был прав. Коты все тяжелее удерживались в подчинении, они боялись огня, боялись людей и отвратительно чувствовали себя среди здешних запахов.

— Еще как устали! — согласился Коваль. — Я жду, полковник!

— Не надо! — подался вперед муж Арины. — Я занимаю пост Старшины топливной палаты. Мой брат, — он кивнул на соседа, — Старшина дорожников. Еще здесь наш племянник, Георгий, он начальник подземки. Больше никого. Остальные ни в чем не замешаны. Это просто наши семьи. Можешь убить нас, но отпусти детей. — Артуру показалось, что сын губернатора был почти горд тем, что проявил отвагу на глазах у жены.

— Полковник! Скомандуй солдатам, пусть выводят людей через черный ход. Там внизу, в гараже, сидит кошка, но вас не тронет. Я ей скажу. И всех переправьте к Думе. Если посмеешь меня послушаться, люди погибнут! А вы, родные, оставайтесь!

Коваль чувствовал жуткую усталость. Самым сложным оказалось не привлечь к боевым действиям котов, а вывести из боя и отправить вплавь на тот берег тысячу собак. Он до сих пор чувствовал боль их ран и неугасший боевой настрой.

— Я никуда не пойду! — заявила Арина, прижимаясь к мужу.

— Как угодно! — Коваль не настаивал. Ему попался на глаза жующий Христофор. — Ты, я смотрю, тоже не торопишься?..

Старый уса́тый человек с выпученными глазами лежал на высокой кровати и действительно выглядел очень больным. Но Коваль очень быстро определил, что губернатора сегодня, как назло, посетил один из обычных ночных приступов, о которых никто, кроме ближнего окружения, не догадывался. Через часок все войдет в норму, думал Артур, разглядывая новоявленного тирана. Такие вот сморщенные глисты, несмотря на больное сердце и прочие пробоины, доживают обычно до глубокого маразма...

— Берите его на руки! — скомандовал Коваль. — И галопом вниз. Если, не дай бог, у кого-нибудь появится идея ткнуть меня в спину, лучше заколите себя сами. Всем понятно?

— Куда мы едем? — готовясь к смерти, спросил кто-то из сыновей.

Артур, собираясь в поход на резиденцию городского главы, позаимствовал в губернаторском гараже приличную карету. Моторному транспорту он доверял все меньше.

— Мы едем в Думу. Там подождем остальных.

— Что ты задумал, Кузнец? — Арина Рубенс сверлила его глазами. — Тебе ведь не мы нужны?

— Где он, Арина?

Копыта коней отбивали дробь по ночным мостовым. За кучера сидел Христофор. В городе, судя по всему, заметили пожар. Сразу в нескольких местах колотили в рельсы, звенели колокола. Навстречу пронеслось несколько экипажей, набитых людьми с баграми и прочим пожарным инструментом.

— Он за городом, со своими «безликими». Собирался на запад, в сторону Нарвы, но я не уверена... Никто не знает, где он.

— Ты позовешь его сюда.

Арина переглянулась с мужем.

— Ты боишься его, дочь Рубенса? Я запомнил тебя совсем другой. Что они сделали с тобой, девочка?

Арина смотрела в окно; губы ее кривились:

— Не сомневайся, Кузнец. К нему уже поехали и без меня!

— А ты, родимый, стало быть, топливом командуешь? — переключился Артур на губернаторского сынка. — Ты, наверное, инженер?

— Нет... — потупился тот.

— Через твою палату идет в Питер вся нефть, уголь, торф, да? И дерево тоже?

— Только то дерево, что на растопку...

— Замечательно! Это твои бойцы вешают замерзающих зимой людей за срубленную елку?

— Артур, я прошу тебя, прекрати! — взмолилась Арина.

Ее супруг покрылся пунцовыми пятнами, прочие родственнички помалкивали. Губернатор, завернутый в одеяла, тихо стонал позади. Карета, подпрыгивая на ухабах, въехала на мост.

— А ты помолчи! — бросил Артур.

— Не я пишу законы! — пытался оправдываться «нефтяной король».

— Сколько тебе лет, парень?

— Двадцать семь...

— Ты учился у книжников?

— Нет...

— Ты разбираешься в том, как нефть перегнать на бензин? Ты хоть знаешь, что можно купить на те медяки, что вы платите за торф и уголь? Ты осведомлен, сколько топлива в сезон потребляет город?

— Нет, нет, нет...

— Ты запретил малым артелям продавать лес кому они хотят? Ты знаешь, сколько народу ваша сраная лавочка пустила по миру?

— Я только исполнял! — Парень чуть не плакал. — Я делал, как решала Дума...

— Но ты же понимал, что душишь малых собственников? Ты оглох? Я тебя спрашиваю, говнюк! Ты понимал, что разорешь людей?

— Легко спросить о правде. Нелегко спросить о законе, — прокомментировал с облучка жующий Христофор.

— Павел, будь мужчиной! — прикрикнула на мужа Арина. — Что ты воешь, как баба?!

— Я... я понимал... — выдавил наконец третий сын губернатора. — Но так было лучше для города. Я старался для всех, я верил отцу и выполнял решения Думы. С них и спрашивай, откуда такие указы...

— Мне ваша коллективная порука вот где! — Артур провел ногтем по горлу. — Это болезнь! Во всей стране не найти человека, который готов отвечать за воровство! Ничего, я вас заставляю...

Два кота, которых он взял с собой в экипаж, норовили ухватить кого-нибудь за пятку. Несчастные собеседники Артура то и дело поджигали ноги.

— Так, теперь ты! — Коваль повернулся к Арине. — Меня всегда интересовало, милочка, что чувствуют жены бандитов. Расскажи-ка мне!

— Павел не бандит!

— А кто бандит? Тот, кто грабит прохожих на большой дороге?! — Коваль схватил женщину за плечо. — Может, и так, а может, у мальчишки с большой дороги просто не было отца, чтобы накормить и всыпать по заднице! Он, конечно, не прав, но он всего лишь мелкий пакостник по сравнению с твоим свекром. А у твоего Павлика все есть, и папа, и мама. И сытое детство, и слуги, и охрана. Все, что надо, хоть обожрись! Но это не мешает вашей веселой семейке грабить народ!

Вот я и спрашиваю тебя, Арина Рубенс. У тебя отросла вторая задница?! Зачем лично тебе две спальни и еще пять комнат? Твой отец никогда не спал на двух кроватях. Слушай, больше ста мелких артелей и общин посылают в город людей на заработки. Потому что им не прокормиться. И что творят твой Павлик с братьями и папашей? Они платят работягам медяками, которые невозможно обменять на серебро. А музейщиков вы заставили гнать самогон и поставили кабаки по всем дорогам. И эти самые нищие общинники, заработав в Питере копейки, тут же сливают их в ваших кабаках.

Что ты мне скажешь, дочь Рубенса? Когда-то я думал, что меня предал Качальщикам твой отец. Потом я был ему благодарен. Ты предала отца, ты подняла бунт против него и уничтожила лучших людей, самых преданных Эрмитажу... Почему ты молчишь, Арина? Ты сама выбрала

этот путь, в отличие от муженька, тебе не приказывала Дума. Я спрашиваю, как тебе спится ночами, жена?..

— Ты убьешь нас? — глухо ответила она.

— Следовало бы вас судить. И вас, и всех остальных начальников...

— Ты хочешь бунта, Кузнец?! Ты будешь доволен, если пьяная толпа растерзает нас и разграбит казну?

— Поэтому суда не будет... — вздохнул Артур. — Не доросли вы еще до этого. А может, и не дорастете никогда. Слушай меня, дочь Красной луны. Сейчас мы приедем в Думу, твой муж пошлет гонцов ко всем старшинам палат и ко всем выборным кивалам. И ко всем начальникам застав, чтобы сняли патрули и привели личный состав на площадь. Когда все соберутся, ты сообщишь людям три новости. Ты скажешь, что губернатор очень болен и не может руководить городом. Он уезжает в деревню на долгое лечение.

Ты скажешь, что соборник Карин задумал убить всех старейшин и семью губернатора. Для этого он поджег дворец и натравил псов. Всех вас спас Артур Кузнец, он заставил псов отступить и держит их в своей власти... И Артура Кузнеца губернатор назначает, вместо себя, командовать городом.

— Но мне никто не поверит!

— Поверят, когда увидят собак. Були ждут нас в подвалах Думы. Дума единогласно проголосует за нового губернатора. После этого я отпущу заседателей и назначу новых старшин палат. И последнее, что ты скажешь. Всех командиров патрулей, начальников малых гарнизонов, что квартируют в городе, ты пригласишь в здание. Там с ними поговорю я. Кто откажется сдать оружие, будет убит на месте.

— А что будет с нами?

— Разве я не сказал? Поскольку мне не собрать честный суд, вы все отправитесь в одно прелестную деревушку на Урале. Там вас быстро перевоспитают. Сколько всего старшин? Человек тридцать? Значит, с семьями наберется сотня. Там прекрасный воздух, грибы, рыбалка. Лет за десять окрепнете, заодно вспомните, как работать в поле.

— На Урал?! Мы погибнем в дороге...

— Ты забыла, как водить караваны, детка? Не трусь, караван будут сопровождать твои старые друзья. Не забыла еще братишек Абашидзе?

— Серго?! Ты врешь, чертов колдун! — Арина уже не сдерживалась, орала во весь голос. — Он сбежал к моему отчиму и наверняка сгинул среди озерников!

— А вот тут промашка вышла! — широко улыбнулся Коваль. — Я отыскал и Серго, и Руслана. Руслану найдется о чем с тобой поговорить в пути. А чтобы у вас не возникло желания повернуть с полдороги назад, я придам ему в помощь сотню-другую булей.

— Они сожрут нас!

— Будете вести себя тихо — не сожрут. Под Новгородом караван встретит один улыбчивый дяденька, кстати, самый настоящий Качальщик, давний знакомый твоего отчима. Со всеми жалобами на собак до конца путешествия будете обращаться к нему...

— Но ты же один, Кузнец! — опомнилась Арина. — Как ты один заставишь нас уехать? У Павла сотни преданных солдат...

— Уже нет, госпожа. Сегодня ночью предатель Карин послал булей в Михайловский замок и Серый дом. У вас больше нет солдат. Разве что пограничные гарнизоны, которые уже завтра присягнут новому губернатору. Но у меня имеется неплохая личная стража. Двадцать штыков под командой Серго Абашидзе.

Арина и трое мужчин выглядели абсолютно раздавленными.

— И когда... Когда ты хочешь нас выселить?

— Сразу после того как распушу Думу. Фургоны уже готовы.

Артур отдал проголодавшейся кошке последний кусок мяса.

— Так вот чего ты добивался, Кузнец! — глотая слезы, злобно прошипела Арина. — Кричал о справедливости, а сам незаконно мечтаешь захватить власть?! Чего тебе не хватает? Ты мог бы все иметь и так! А теперь берегись. Каждую минуту ты будешь ждать пули в спину...

— Хотел правды, получить закон! — звонко расхохотался Христофор. Юнец обернулся, и Коваль увидел, что глаза его оставались очень грустными. — Сам теперь станешь законом — потеряешь правду...

— Я об этом догадываюсь, дружище... — почесал затылок Артур. — Этим всегда и заканчивается. Но я попытаюсь удержаться, честное слово, попытаюсь...

41

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Ты так и не поймал соборника, папа?

— Нет, сынок. Никто не знает, куда он сбежал.

— А вдруг это он подсылал к тебе убийц в прошлом году?

— Нет, сынок. Это были наши, питерские, соборники. Не бойся, Серго всех переловил.

— Их повесили, папа?

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты говорил, что мы никогда не должны врать друг другу, так?

— Да, сынок. В противном случае мы потеряем уважение и дружбу.

— Я слышал, как дядя Христофор говорил с какой-то женщиной. Она сказала, что губернатор Кузнец повесил шестерых невиновных. Что только трое сговаривались отравить тебя... Это правда, отец?

— Я доверяю Серго. Он спасал меня от трех покушений.

— Ты говорил, что, если человек не хочет врать другу, он должен сказать, что не будет отвечать на вопрос. Ты не хочешь мне ответить, папа?

— Я отвечу тебе. За последние годы погибло много людей, чья вина не заслуживала смерти. Не шестеро, а намного больше.

— Почему все так? Старшина книжников, когда ведет у нас уроки права, говорит, что в Петербурге правит диктатор. Это плохое слово, да? Он называл тебя плохим словом?

— Ах, Лева! Болтает при детях всякую чушь... Книжник прав, сынок. Но тут ничего не поделаешь. Слово не очень хорошее, но иначе никак. Не получается жить так, чтобы все были довольны. Кто-то страдает. Представь себе, дружище, что соборникам удалось бы отравить и меня, и Серго. Зато те шестеро, которых считают невиновными, остались бы жить. Так тебе больше нравится?

— Мама говорит, нельзя накликать беду! Не говори так... Я бы тогда отомстил за тебя.

— Вот видишь. Ты начал бы войну, и погибли бы сотни. Это тяжелый выбор, сын. Постарайся пока не думать об этом. Скажи лучше: тебе нравится здесь?

— Я соскучился по маме и по деревне.

— Тебе не нравится учиться?

— Нравится... Папа, Христофор сказал, что ты приказал книжникам летом открыть этот... университет. И что он будет не здесь, а в общине. А меня возьмут туда?

— Да, он будет в общине. Ты же знаешь, что Хранители не могут жить в городе. Они согласились учить только там. Но не я буду решать, возьмут ли тебя. Поедут лучшие.

— Но папа, ты же можешь приказать!..

— Ну-ка тихо! Ты что-то сказал?

— Нет... Я случайно. Тебе послышалось.

— Прекрасно. Будем считать, что мне послышалось. Мама скоро придет. А потом на все лето вы с братом улетите учиться к дяде Берде-ру. Пока меня нет, ты старший в семье, отвечаешь за сестру и младших братьев.

— Ты опять уезжаешь?..

— Ненадолго.— Артур поднялся и кивнул охране. Он смотрел через окно, как за подростком захлопнулась дверь броневика, и четверо дюжих

сержантов в форме губернаторской гвардии поскакали вслед отъехавшей машине. И так будет всегда, подумал он. Либо тихая жизнь в лесу, либо вечный бой.

— Старшины собрались, господин.— Секретарь держал под мышкой папку с бумагами и несгораемый сундучок с большой губернаторской печатью.

— Уже иду... — Коваль поднял руки, давая возможность двум желтым дикаркам застегнуть на нем латы. Двойняшек привезли в город в пятилетнем возрасте, обе были преданы и покорны, но так и не выучились нормально говорить.— Как дела у деда, Миша? Помогли лекарства?

— Ему лучше, господин.— Юноша отвесил короткий поклон.— Он благодарит тебя за приглашение и за все, что ты сделал для семьи Рубенс, но вряд ли покинет озеро. Он говорит, что его сердце не переживет возвращения в Эрмитаж...

— Когда поедешь на озеро, передай деду, что его всегда ждет здесь стол и кров.

— Спасибо, господин...

У выхода из кабинета двое гвардейцев взяли на караул. Еще двое, сверкая полковничьи погонами, встали по бокам, готовясь сопровождать губернатора в Большой круг. Артур машинально кивнул и уже сделал шаг, когда заметил у одного из караульных плохо вычищенное оружие и небритые щеки.

— Представься, солдат.

— Рядовой Иван Оглобля! Второй взвод первой роты гвардейских клинков! — выпучив глаза, отрапортовал солдат.— Командир роты — капитан Людовик Четырнадцатый!..

— Не ори так... — поморщился губернатор.— Ты не хочешь служить в гвардии, солдат?

— Никак нет, хочу, господин!

— Ты не хочешь учиться в академии и стать офицером? Ты хочешь возить навоз?

— Никак нет... — Солдат был готов расплакаться и в ужасе переводил взгляд с губернатора на полковника.— Хочу служить, господин!

— От тебя на посту разит брагой. Грязное оружие. Всю ночь перед заступлением пил? Отвечать!

— Да...

— Как тебя учили отвечать, солдат?

— Так точно! — У бойца по вискам струился пот. Остальные военные прекратили дышать. Молодой Рубенс превратился в статую.

— Полковник! — повернулся губернатор к офицеру эскорта.— Прими у этого солдата оружие. Пусть отправляется в казарму, приведет себя в порядок. Офицера, который сегодня принимал заступающую сме-

ну, разжаловать в рядовые и отправить в Петрозаводский гарнизон. С правом выслуги. Через полчаса жду готовый приказ на подпись. В шестнадцать часов доложишь мне об исполнении.

— Слушаюсь! — вытянулся Даляр.

— Людовик ведь у тебя в подчинении? — вполголоса спросил Артур, когда они спускались по лестнице.

— Так точно, командир.

— Насколько я помню, у него два взыскания за год? Накажи его своей властью. Это будет третье, последнее, взыскание. Передай ему, что я никогда не забуду, как он поручился за меня на полевом Совете, но погоны рядового я ему обещаю!

— Будет сделано, командир.

Две дюжины мужчин, сидевших в приемной, вскочили при приближении губернатора. Коваль заметил в толпе двух женщин со старшинскими бляхами, подошел к ним первый, пожал руки. Михаил Рубенс открыл папку и откашлялся.

— Недельный отчет префекта Петроградского района.

Коваль слушал хорошо поставленный баритон старшего сына мамы Кэт, одобрительно кивал, когда речь шла о новых газовых фонарях, об успешном лицензировании извозчиков, о перевыполнении налогового плана по малому бизнесу. Он слушал и вспоминал, как четыре года назад другой сын бывшей хозяйки Петроградской стороны пытался принять участие в покушении на губернатора... Правда, остальные члены семьи сами пришли с повинной и сразу отмежевались от опасного родственничка, и все-таки... Заговорщиков казнили. Возможно, следовало бы всех неблагодарных детишек мамы Кэт сослать...

— Я правильно понял, префект? Наши ссуды ковбоям на открытие торговых лавок оправдались?

— Верно, господин! На двадцать три выданные ссуды пять не вернули. Разорились. Но налоги остальных перекрыли убыток во много раз. И цены на рынках упали...

Следующим был доклад мэра Выборга. Три вопроса. Многие ковбои не хотят отпускать детей в городскую школу, возражают против обучения грамоте. Кричат, что не позволят своим отпрыскам сидеть за партой вместе с детьми дикарей.

— Передашь списки зачинщиков генералу Абашидзе. Старшина книжников! — Коваль обернулся к Леве. — Свяжись с директором тамошней школы, пусть представит пятерых лучших учеников к награде. Родителям каждого — по пять рублей золотом...

— Будет сделано, господин.

Второй вопрос касался закладки рыбацкой флотилии. Третья проблема Ковалья позабавила. Финны возражали против пограничных

поборов с их караванов, что ходили в глубь России. Не желая платить, обходили заставу лесными тропами.

— Генерал!

— Слушаю, командир!

Серго облысел, растолстел, но зато его горб стал почти незаметен, а в черных глазах тайлось прежнее веселое бешенство. Он, как и прежде, был готов по приказу хозяина на месте зарезать любого ослушника. Охотнее всего Серго бы зарезал Арину Рубенс, но до нее было далеко. Если Даяр командовал личной гвардией, а Руслан Абашидзе возглавлял городской гарнизон и на пару с Бердером военную академию, то на Серго лежала самая грязная работа — управление всеми пограничными войсками. Губернатор за успешное подчинение Пскова пожаловал генералу здание Пулковской обсерватории и прилегающие охотничьи угодья.

— Генерал, к моему возвращению подготовь предложения по укреплению дороги. А пока что заberi арестантов, что сажают лес, пусть роют канавы вдоль трассы на три дня пути. И ни одно дерево чтоб не срубили! Выкапывать и пересаживать, ясно?

— Так точно, командир!

— Михаил, сочинишь сегодня для финнов бумагу, пусть толмач переведет, а я до отъезда поставлю подпись! Напиши: хоть одна повозка пройдет дальше Выборга без нашей гербовой бумаги — мы от их Лапенранты камня на камне не оставим! Только вежливо напиши, понял?

— Будет сделано.

Серго довольно шурился.

Потом заслушали доклад старшины лекарской палаты мамы Роны о вспышках черной язвы под Сертолово и нуждах Медицинского института, что праздновал свою трехлетнюю годовщину. Затем выступал начальник Счетной палаты. Речь шла о зарубежных спецах, нанятых для организации первой биржи. Дело шло крайне туго; если у германцев и шведов уже появились в свободной продаже акции, то в Питере никто не желал вкладывать кровные накопления даже в первую государственную железную дорогу.

— Еще вопрос, господин... Те два чешских инженера, которых мы выписали для запуска стекольной фабрики. Они подали прошение. Говорят, что за двадцать рублей золотом в месяц готовы остаться и открыть свои цеха. Но это грабеж, господин!

— Где старшина Промышленной палаты? Передай им наши предложения. Цена нас устраивает. Контракт с каждым на пять лет при условии, что, кроме цехов, откроют стеклодувную школу. За каждого готового мастера получают отдельно по пять рублей золотом. Если нет, пусть убираются. Найдем других...

— Будет сделано.

— Что еще по Счетной палате?

— Проблема с паспортами, господин. После того как Большой круг принял закон о защите граждан, мы не справляемся с очередью. В Гатчине скопилось семнадцать тысяч человек, желающих осесть в Петербурге. Люди едут даже из Сибири и Крыма, господин. Они откуда-то узнают о ссудах и пенсиях!

— И что плохого? Мы этого и добивались. Или у нас не хватит на пенсии старикам?

— На пенсии хватит, но художники не успевают рисовать портреты к паспортам! И еще возникли беспорядки среди тех, кого мы уже пустили в город. Избили несколько клерков и полицейских! Некоторые беженцы не хотят заселяться согласно ордерам Жилищной палаты. Они привыкли жить общинами, господин!

— Серго! — Ковалю было достаточно обменяться с генералом одним взглядом. — Зачинщиков в тюрьму! Их семьи выселить из города. Судебной палате — в субботу назначить публичный суд, чтобы весь город знал...

— Будет сделано, господин.

К трем часам дня совещание закончилось, и губернатор позволил себе ненадолго расслабиться в ванной. Мускулистая рослая женщина из клана озерных колдунов растворила в хвойной пене несколько капель из разноцветных флаконов. Затем она намазала ладони бодрящей мазью и принялась втирать снадобье в плечи и спину хозяина. Коваль откинулся в целебном пару и сквозь потеки воды на огромном стенном зеркале разглядывал свою распаренную физиономию. На висках волосы полностью поседели, лоб покрыт морщинами и старыми шрамами. Два шрама от укусов на левой щеке, на шее — след стрелы, в ключице — вмятина от кинжала... Вроде бы он ничего важного не упустил, хотя все упомнить практически нереально...

Когда Артур поднялся в висячий сад, грузчики закончили паковать вещи. Старшина книжников лично проверял баулы, Даляр ковырялся с оружием. Два правнука Мальвины, сопя и игриво покусывая друг друга, топтались возле кормушки. Белобрысый мальчишка, внук Качальщика Семена, подсыпал драконам в мясо лечебную зелень. Как и прежде, с крылатыми не боялись общаться только дети и внуки Хранителей.

В нынешнем году в городскую школу привезли уже сорокового ребенка из родившихся в деревнях. Всякий раз отбивать шестилетних детей у родителей Ковалю приходилось с боем. Как ни странно, он получил неожиданную поддержку от Хранительницы Книги. Исключительно благодаря маме Рите удалось убедить Качальщиков отпускать детей каждые полгода в город. Теперь малышей привозили из тринадцати лесных общин, даже с Дальнего Востока. Маленьких хранителей охраняли

надежнее, чем городскую казну. Ради них Артур перевел школу в Эрмитаж, а детишкам под интернат отдал четыре зала на своем этаже. После того как музейщиков расселили в обычные жилые дома, Зимний впервые за сотню лет непривычно опустел...

Проход Второй практически отошел от дел, команду генетиков возглавляла теперь внучка Анны. Новые модели драконов были значительно совершеннее прежних. Грузоподъемность до шестисот килограмм, дальность беспосадочного полета достигла пятисот километров. На спинах могли умещаться четверо наездников, не считая груза. Отвечая своим детским сказочным представлениям, Анна Третья перекрасила чешую змеев в золото и нежную сирень. Десятиметровые молочно-белые крылья ради безопасности персонала стягивали крепкие веревки. В узком пространстве двора, начав разминаться, драконы могли запросто зашибить человека.

— Куда сначала, Артур? Ты решил? — Книжник расстелил карту Европы.

— Сначала в Париж.

— Что мы будем делать, если ты их разбудишь, а они сбегут, как и те, что предали тебя в Москве?

— Не знаю, Лева. Возможно, нам придется забрать их силой. Надеюсь, что они понимают английский.

— Опять силой, Артур. Ты стал решать все вопросы силой.

— Я знаю, Лева.

— Они ведь люди, а не дикари. Они инженеры. Ты не представляешь, как я волнуюсь. Мне даже не верится, что я доживу до того момента, как увижу других Проснувшихся. А ты говоришь о силе...

— Поругай меня еще, Лева. Мне так не хватает этого...

— Я слишком стар, чтобы тебя ругать.

— Ну, пожалуйста. Существуют лишь двое, кто меня ругает, — ты и Надя. Бердер не понимает, Исмаил тоже...

— Они живут в лесу, им нет дела до города, Кузнец. — Лев уложил бинокль, компас, застегнул последний кармашек и передал баул солдатам. Парни закинули широкие лямки на спину змею и, упираясь ногами, затащили упряжь вокруг мощного туловища. — Тебя, Артур, нынче многие не понимают. Ты пытаешься навязать людям вещи, привычные до Большой смерти...

— Я стараюсь возродить цивилизацию.

— Когда-то ты говорил мне, что Дума — это цивилизация. За десять лет ты четырежды обещал мне собрать Думу, но свободных выборов так и нет...

— Мы назначим выборы, как только я буду уверен, что не пострадают дети Хранителей и дикарей. Как только я буду уверен, что Судебная

палата прекратит путаться в кодексах. Как только я буду уверен, что люди выберут самых умных, а не самых горластых. И главное — пока не разбогатеют частники...

— В таком случае до выборов мы не доживем... Как, по-твоему, люди выберут лучших, если ты разогнал коммуны? Теперь все живут раздельно! Жилищная палата перетасовала весь город...

— Зато не стало организованных бунтов.

— Ты захватил власть благодаря колдовству Тех, кто раскачивает, благодаря псам и крылатым змеям. Когда ты уйдешь, Качальщики могут не поддержать нового губернатора.

— Теперь есть гвардия, трибунал и тайная стража. Они не дадут развалить государство.

— Это как раз то, за что ты ненавидел прежнего губернатора.

— Между прочим, старый хрыч до сих пор жив. Он на деревенских харчах еще нас переживет! Хочешь, я верну его в Питер? Спорим, его через час прирежут?

— А тебя? Сколько раз тебя хотели убить? Сколько офицеров, которым ты пожаловал звание и землю, погибли, прикрывая тебя? А после того как застрелили Чарли Рокотова, никто из нас, старшин Большого круга, не выходит без охраны. Даже в меня стреляли дважды, в книжника! Я провел в Эрмитаже пятьдесят лет, ходил с караванами и никого не боялся!

Раньше вора можно было повесить на первом суку, мы боялись чингисов и зверей, но коммуны не дрались между собой. Теперь на правом берегу промышляют тысячи пришлых. Тебя могут ограбить среди бела дня, но губернатор запретил ношение оружия. Попробуй застрели грабителя, сам угодишь в каземат! Владельцы лавок нанимают свободных полицейских, чтобы спокойно спать ночью. Когда прекратится эта бойня, которую ты называешь государством? Зачем нам в Питере эта безработная нищета?

— Государство не строится за десять лет... А чего хочешь ты, Лева?

— Люди тянутся к общине, а ты их насильно разделяешь. Люди привыкли работать артелью, но им запрещают. Общины сами разбирались с бездельниками и бандитами. Без всякой полиции... А ты хочешь сделать, как у немца? Чтобы каждый богатый мастеровой отгородился от соседей забором и даже за ученичество брал бы плату?..

— Левушка, я расскажу тебе одну историю... В России до Большой смерти жил один правитель. Его тоже окружали книжники и призывали его собрать честную Думу. Он собрал Думу, а потом старейшины взбунтовались, и правитель расстрелял Думу из пушек. Знаешь, почему начался бунт?! Потому что в стране не было богатых мастеровых, Лева! Когда в Питере будет не сотня нищих артелей, а десять тысяч богатых мастеровых, я соберу Думу и распущу трибуналы...

— Командир, все готово! — По команде Даляра во дворе построились остальные члены экипажей. Все шестеро увешались рюкзаками, точно заправские десантники.

— Ну, с богом!

Губернатор посадил книжника на спину дракону, сам опустил ноги в седельные «штаны». Восемь человек натянули меховые шапки и очки, намазали лица жиром. Маленький Качальщик распустил узлы на стягивающих крылья канатах. Солдаты ослабили болты, сняли с задних лап драконов тяжелые железные цепи.

— Па-берегись!

Двор моментально очистился от людей. Остался только мальчик. Он улыбнулся губернатору, безбоязненно пробрался к кормушке и растянулся намордники.

— Прощай, Бердер! Учись хорошо!

— Прощай, господин Клинок! Мир твоим дням...

Змей потянулся, пробуя ноздрями ветер.

— Господин! — Придерживая папку, к Артуру бежал секретарь.

— Ну, что еще?

— Прости, я совсем забыл... — Михаил задышался от бега по лестницам. — Насчет твоих портретов! Главный художник подал прошение Малому кругу. Он запустил типографскую машину и просит разрешения отпечатать сотню портретов губернатора. Префекты поддерживают...

— Охо-хо! — выразительно прокряхтел из своего седла книжник.

— Нашел ты время! — скривился губернатор. — На кой черт им сотня?

— Генерал Абашидзе и настоятель Лавры тоже просили. Люди хотят молиться за твоё здоровье...

Дракон задрал голову к небу и заворчал, возбужденно подергивая кончиком хвоста. Солнце прошло уже большую часть пути, и колодец двора погружался в тень. Если не будет сильного ветра, подумал Коваль, то заночуем в Витебске. К вечеру будем возле Варшавы, у местных Хранителей, а там и до Парижа рукой подать...

— Ладно, шут с вами! — притворно нахмурился губернатор. — Здоровье не купишь. Пусть печатает. Передай художнику: если я буду на себя не похож, он лично от руки нарисует еще двести штук. Лишними не будут!

БРАТСТВО КРЕСТА

Часть I

МЕРТВЫЕ ЗЕМЛИ

1

КОНЕЦ МИРНЫХ ДНЕЙ

Мама Рита умирала.

Хранительница Книги бодро покрикивала на писцов, по шороху шагов и дыханию опознавала соплеменников, держала в памяти события вековой давности. За последние два года, что Артур не был в северной деревне, мама Рита старела незаметно. Старалась не горбиться, держалась удивительно прямо, и приказания ее выполнялись, как и прежде, беспрекословно.

Но кое-что изменилось. Коваль сразу заметил, какими усилиями дается Хранительнице каждое слово. Она почти не вставала с кровати, куталась в длинную волчью шубу, а ноги держала в шайке с горячим ароматическим настоем. В избе, несмотря на жаркую погоду, было натоплено, и одна из девушек периодически подливала в шайку горячей воды.

А сегодня оказалась занята обычно пустовавшая лавка справа. Место преемника на посту у главной святыни.

Вплотную к старухе, зарывшись в ворох тетрадей, восседала старая уральская знакомая, Анна Первая.

Раньше Артур полагал, что заменить маму Риту может только женщина из северного племени, но теперь убедился, что некоторые правила Качальщиков так и остались ему непонятны.

— Мир дням твоим, Хранительница!

— Мир дням твоим, Клинок. У тебя хриплый голос. Ты болен?

— Нет, мама. Немного устал с дороги,— при воспоминании о последней неделе путешествия Коваль передернуло.

— Спасибо, что услышал мою просьбу...

— Хранительница ждала тебя два дня назад,— сухо заметила Анна.

«Со сменщицей будет тяжело», — подумал Артур, но сказать ничего не успел, потому что встрял Бердер:

— Это моя вина, мама Анна! Я получил голубя, и встречал Клинка на свежем змее, но под Витебском два дня бушевала сильная гроза. Опасно подниматься в воздух при таком ветре и молниях.

Старая Хранительница успокаивающе подняла сухую, перевитую венами руку, и Коваль заметил, как утомлена женщина коротким разговором. Наверняка мама Рита держалась исключительно на травах и притираниях. «Ей, должно быть, не меньше девяноста лет», — прикинул Артур...

— Не будем спорить, — Хранительница обвела слепыми глазами бревенчатые, потемневшие от копоти стены. — Скажи другое, Клинок. Мне известно, что вы провели в западных странах больше месяца. Твой город сможет потерпеть без тебя еще день?

— Твое внимание важнее мелких проблем, госпожа. В городе за меня руководят достойные люди. Я пробуду с тобой столько, сколько потребуется.

— У вас бунтуют люди Полумесяца. Говорят, чернь поджигает их дома. Пока тебя не было, на правом берегу растерзали несколько десятков последователей Лао. Там живут маленькие косоглазые люди, пришедшие с Востока. Их пытаются выжить из города?

— Мои клерки разберутся без меня, госпожа. Они знают, что нужно поступать по справедливости.

— Справедливость? Раньше ты называл так то, что носил в сердце, теперь ты называешь так свитки с казенными правилами.

— Без законов город не сможет существовать.

— Это правда. Однако скажи, почему у вас по реке ежедневно плывут трупы? Вы ни с кем не воюете, ни один город из Пакта вольных поселений не решится напасть на тебя, но в реке полно трупов, словно идут бои?

— Люди жадные, госпожа. Многие принесли из леса ложные представления о правде.

— Ложные? А откуда ты знаешь, может, это у тебя представления ложные? Вы позволили открыть почти тридцать разных Соборов и модельных домов.

— В мое время это называлось свободой совести.

— Хорошие слова, только почему у вас жгут и режут?

Хранительница явно напустилась не просто так. Коваль понимал, что за внешними наскоками стоит какая-то тревожащая ее мысль, которая пока не озвучена прямо. Следовало догадаться...

— Я готов выслушать и принять твои советы, госпожа. Если ты не предложишь стереть Питер, я буду следовать им. Как и прежде.

Бердер поощрительно шевельнул бровью. Его лучший ученик читал законы и помнил, кому обязан властью.

— Я рада, что ты не забываешь о справедливости, Клинок,— чуть смягчилась Хранительница.— Любой из нас ошибается, я тоже, в свое время, наделала немало ошибок. Не скрою, когда-то я очень боялась, что ты уйдешь в город и перестанешь заботиться о благе Великого Равновесия... Я рада, что ошибалась. Книга оказалась мудрее всех нас.

Она глотнула, и девушка из окружения немедленно поднесла старухе ковшик пахучего отвара. Несколько секунд мама Рита не могла отдышаться; все молчали, не смея перебивать старшую. Хранитель Силы и по совместительству ректор Военной академии Бердер ждал, смежив веки. Анна Первая, в белом полотняном балахоне и расшитом платке на плечах, неторопливо перелистывала тетради в кожаных переплетах. Оба писца замерли с перьями наготове; великая Книга Качальщиков прирастала постоянно, туда заносились все разговоры, звучавшие в этой длинной, вросшей в землю, избушке. Туда заносились все новости из ближних и дальних поселений лесного народа, все любопытные события из жизни не «стертых» Качальщиками городков и деревень. Туда заносились загадочные природные явления и важные календарные даты.

Еще одним источником пополнения священной Книги были предсказания Хранителей памяти. Эти чудачки жили обособленно, на Беломорье появлялись редко, но каждый их приход означал настоящую вежу в истории. Порой оракулы не удосуживались явиться самолично, они записывали пару фраз на листке или передавали через надежных посланников на словах. Но как бы туманно и запутанно ни звучали предсказания, их немедленно заносили в тетради и исследовали с особым тщанием.

Артур неоднократно читал страницы, покрытые пророчествами Хранителей. Пророчества, которые сами они не могли расшифровать и которые часто походили на наркотический бред. Но когда-то, лет семьдесят назад, один из отшельников предсказал появление Проснувшегося демона, человека по имени Артур Кузнец...

Артур узнал, что его ждут в Архангельске, едва ступил на крышу Зимнего дворца. Даже не успев толком переодеться и выслушать доклады ближайших подчиненных, он пересел на коня, намереваясь отправиться в путь на север. Но едва добрался до Синявино, где его ждал Бердер, как разыгралась еще одна дикая гроза, и свежий дракон отказался подниматься в небо. Артур лукавил, когда обзывал городские дела «мелкими проблемами»; на него в первые же секунды вывалили целый ушат неприятностей, но послушаться призыва Качальщиков было невозможно.

Избили кришнаитов и разгромили их палатку на южной ярмарке. Двое убитых.

Серия драк возле отстроенной татарским имамом мечетью.

В реку выпущено несколько мытарей с перерезанными глотками.

Эпидемия гепатита на правом берегу, где селилась голытьба, не желающая работать и подчиняться санитарным правилам...

Но все это можно отложить на потом. Приказ мамы Риты важнее.

Потому что в походе погиб мальчишка, внук старого генетика Семена.

Коваль прекрасно понимал разницу между самой преданной гвардией и магическими животными, вселявшими суеверный ужас в недругов. Когда-то крылатые змеи, выращенные в дебрях уральского леса стариной Прохором, тигры-альбиносы и голубые псы привели его в Зимний дворец. Но удерживать власть с помощью подарков колдунов становилось все труднее. Чем шире разносилась слава о новой столице, чем богаче становились ярмарки и торговые дома, тем больше появлялось завистников. Звери сыграли свою роль; губернатор Кузнец теперь остро нуждался в преданных людях. Поэтому, завидев по возвращении из Парижа потускневший шпиль Петропавловки, он испытал двойственное чувство.

С одной стороны, радость, оттого что остался жив. После тех кошмарных перипетий, что случились с их маленьким отрядом в Западной Европе, он не вполне верил, что доберется когда-нибудь до родимой земли. Но когда дракон, сражаясь со шквальным боковым ветром, вынырнул из туч, и Артур увидел под собой стальную излучину Невы, заполненную рыбацкими баркасами и змейками понтонов, тягостные мысли уступили место привычным заботам.

Так уж устроен человек. Если думать только о плохом, можно сойти с ума.

Насколько легко дался ему захват города, по сравнению с десятилетней каторгой в губернаторском кресле! Чем больше он успевал одолеть, чем ближе придвигалось то, что можно было с изрядной натяжкой называть цивилизацией, тем больше вылезало проблем. Он погряз в управленческих интригах, он положил массу сил на то, чтобы город-государство избавился от рабовладения. Мало того, за десять лет ему почти удалось удержать Питер от сползания в феодализм. Но и сейчас, когда, наконец, эти тупоголовые бараны распробовали вкус частной собственности, когда начала подрастать первая буржуазия, Коваль не мог спать спокойно...

— Все время сушит внутри... — пожаловалась мама Рита. — Я плохо понимаю, что у вас там творится, в городе, но родители говорят, что их дети довольны. Доволен ли ты, Клинок, что принял детей Качальщиков в круг городских? Не будет ли большой вражды?

— Я как раз сейчас об этом вспоминал, госпожа. Не скрою, все очень непросто. Слишком... — Он хотел сказать «слишком разное мировоззрение», но вовремя себя одернул. — Большая разница во взглядах на мир, госпожа. Однако я рад, что ваши люди понимают мои сложности и понимают важность объединения...

— Об этом я и хотела с тобой поговорить. Ведь кроме детей Качальщиков вы учите и дикарей.

— Они такие же люди, госпожа. Я имею в виду тех умственно здоровых людей, кто одичал после Большой смерти. Их внуки абсолютно нормальны и получают паспорта наравне с остальными.

— Паспорта... — презрительно крикнула Первая Анна.

— И ты не боишься резни? — покачала головой слепая ведьма. — Пока их было мало, ты мог играть в милосердие, но мне сказали, что ты раздаешь землю и принимаешь в охрану даже чингисов.

Бердер приоткрыл левый глаз. При подобных обсуждениях Артур всякий раз чувствовал себя неуютно. Он хорошо знал отношение Качальщиков к дикарям как к дешевой рабочей силе и источнику пополнения низовой охраны. Детей рождалось слишком мало; могущественные лесные колдуны не брезговали работорговлей и не собирались от нее отказываться. Впрочем, так же поступали и горожане. Так поступали почти во всех областях новой России, с которыми город имел сношения.

Почти везде, кроме Петербурга.

Коваль давно для себя решил, что скорее умрет, чем даст развалить то зачаточное буржуазное государство, что зарождалось на Неве. И Бердер, и другие Качальщики, которые обладали широким кругозором, прекрасно сознавали выгоду подобной вольницы. Только за последние три года население питерских окрестностей перевалило за двести тысяч человек, и в подавляющем большинстве это были беглые рабы или крепостные из других областей. Губернатор получал дешевую рабочую силу, рекрутов для воинских формирований и колоссальный рынок сбыта товаров для городских ремесленников.

Но в стократ важнее экономических оказались выгоды политические и военные. Когда в сто тридцать пятом году, после двух лет неурожая в Поволжье, в город хлынули орды голодных переселенцев, Старшины палат предлагали губернатору мобилизовать всех мужчин и любой ценой повернуть беженцев обратно. Он не послушал, хотя паника в городе началась страшная. По свидетельствам дальних дозоров, с юга катилась настоящая лавина, не меньше сорока тысяч обнищавших, обезумевших людей. Они шли на слух о сказочно сытом северном крае, где власть нарезает пришлым угоды, выдает скот и даже выделяет рабочих для строительства дома. А кто желает учиться или служить, тех ждут вообще заоблачные богатства и почет.

Коваль всячески поощрял раздувание подобных слухов. Той весной он впервые поставил перед Старшинами задачу полномасштабной валютной экспансии. Таких заумных слов соратники не переваривали, но выражение «захват мясного рынка» всем понравилось. Требовалось всего-навсего втрое увеличить производство мяса на продажу и вдвое

сбросить цену на ярмарке в Нижнем. С одной маленькой тонкостью — по твердым ценам продавать лишь за золото и серебро питерской чеканки, прочую валюту демонстративно принимать как некачественный лом. Продержавшись сезон, в дальнейшем можно было бы смело диктовать условия на мясном рынке.

Еще более грандиозные планы были у Артура относительно питерских обувщиков и стеклодувов. Единственным, крайне выгодным для Петербурга сектором, где он не мог рассчитывать на успех, оказалась металлургия. На «грязные» производства, Качальщики наложили вечное «вето»...

Поэтому Коваль пошел на отчаянный шаг. Он не пустил голодных в город, но желающим получить надел были выданы ссуды на семена и молодежь скота. Стражники отперли амбары со стратегическим запасом. Дело шло с огромными трениями, вспыхивали драки и пожары, многие новые переселенцы проели и пропили весь первый урожай. Но спустя год весело дымили печки тысяч новых домишек в окрестностях Стрельны и бывшего Ломоносова, а в Нижний вышли первые караваны с демпинговым мясом.

Рынок пал.

Цель была достигнута. Тысячи мелких хозяйчиков средней полосы оказались под угрозой разорения, никто не хотел покупать у них ни птицу, ни свинину. Сотням новоиспеченных фермеров, чьи поля тянулись теперь почти до границы Вечного пожара, губернатор платил натурой либо медью, а казна в одну осень распухла от золота.

После этого на сцену вышли эмиссары Учетной палаты. Во всех крупных поселках средней полосы пустили слух, что губернатор Петербурга предлагает земледельцам помощь в переселении, защиту и гражданство в обмен на пожизненный договор о продаже излишков казне. Те, кто давно жил в окрестностях Питера, хорошо знали, что такое гражданство и паспорт, даже неграмотные. Паспорт с собственным портретом и печатью Большого круга давал право на вечное владение землей, на вырубку леса, на бесплатную школу для детей, а главное — на скромную пенсию и на защиту без дополнительных вымогательств. Пенсия особо привлекала тех, кто не желал трудиться на земле, а предпочитал наниматься на строительные работы.

В Питер, к неудовольствию местечковых князьков, потянулись новые сотни обозов.

Самое смешное, что фермерские хозяйства составили, по сути, живой заслон вокруг respectable центра, где патрули Серго Абашидзе поддерживали жесточайший визовый режим. Но вслед за культурными переселенцами, привлеченными кредитами, коллективными праздниками с фейерверком и фантастическим жалованьем гвардейцев, в город поперли и дикари.

Миграция «насекомых» по европейской части страны, как презрительно называл горожан старый знакомый Коваль, Исмаил, Хранителей мало интересовала, но они крайне болезненно переносили уход полудиких племен из леса. Исмаил отдавал должное ловкости губернатора: при колоссальном размахе хозяйственной деятельности Слабых меток вокруг города почти не появлялось, детей Качальщиков сторонились, но не ущемляли в правах, и ни один промышленный гигант не портил воздух.

Нанимая на осушение канав очередную партию «желтых», чингисов и прочую дикую братию, Коваль всякий раз размышлял, насколько хватит терпения у Хранителей. А ведь кроме них, были еще Озерные колдуны, — влиятельная секта, расползшаяся по берегам Ладоги и Чудского озера, с которой тоже приходилось ладить, обмениваться улыбками и вести дела.

Озерные колдуны не меньше Качальщиков были заинтересованы в дармовой «рабочей скотинке», а главное — в новорожденных. После того, как из предместий пропали несколько младенцев и прошел слух, что колдуны обращают под Красной луной самых обычных детей, Артуру пришлось сжечь целую деревню на западном берегу Ладоги. Во время перехода по гнилым болотам пограничники Абашидзе понесли больше потерь, чем в вооруженных стычках с шептунами.

Но жертвы были не напрасны. Вместо затяжной войны, которую предрекали старики, губернатор получил мир. Детей вернули, но Артуру пришлось обещать Качальщикам, что его покровительство не распространится на лесных дикарей...

Хранительницу неверно информировали, взрослых чингисов не принимали в охрану. Военный совет допустил лишь формирование летучих патрулей из головорезов, категорически не приспособленных к труду. Основная масса чингисов довольствовалась теплыми землянками, пайком и киркой. Однако губернатору лишний раз дали понять, что присматривают за каждым его шагом.

— Мы принимаем, господа, и будем принимать всех, кто признает законную власть и трудится на общее благо, — в сто первый раз проявил твердость Коваль.

Мама Рита усмехнулась.

— «Общее благо»... Ты не исправим, Проснувшийся. Когда-то ты сказал мне, что ваше вонючее государство тоже кричало о всеобщем благе... И чем все закончилось? Н-да... — Она отпила еще глоток. На сморщенной шее тряслись нитки с оберегами. — С тобой хочу поговорить не только я.

Девушка, подливавшая воду, что-то тихо сказала, просунув голову за ширму. Коваль с самого начала чувствовал, что за тяжелой занавеской, перегораживающей комнату надвое, кто-то есть. Но он давно при-

вык к странностям Качальщиков. Если гости не хотят показаться, значит, так и надо...

Полотнище откинулось, и вышли трое. Первого Коваль сразу узнал. Отшельник Кристиан, валдайский брательник Исмаила. Прочие были незнакомы, но, несомненно, принадлежали к той же породе.

Хранители памяти.

Замкнутая каста, члены которой почти никогда не общались друг с другом и уж тем более не появлялись на людях. Тонкая прослойка мутантов с даром ясновидения, чьи прозрения часто не могли передать внятно даже они сами. Угловатые кряжистые фигуры, длинные седые волосы, заплетенные косичками, и потрясающе крепкие зубы. Одеты были Хранители памяти как настоящие отшельники, проехавшие или прошагавшие пешком много километров.

Пока Бердер, изумленный встречей не меньше своего ученика, обнимался со всеми троими, Артур успел заметить за ширмой стол, на котором помещалось десятка два бутылей и кусок копченого окорока. Он поймал себя на мысли о том, что впервые видит русских мужиков, которые три дня пили молча. «А ведь они все время ждали меня!» — подумал Коваль.

— У тебя плохая рана, — сказал самый широкий, с помятым, обезображенным лицом. — Ты наложил мази, но не выгнал яд.

— Он поправится, — улыбнулась Анна Первая. — Яд уже растворился.

Коваль никому не докладывал о ранении и был уверен, что под курткой повязка незаметна. Колдуны, как всегда, чуяли кровь и запахи притираний, не нуждаясь в жалобах и пояснениях.

— Плохой яд, — подтвердил молчун Кристиан, втягивая ноздрями душный воздух землянки. — Эта тварь убила нашего брата?

Артур покосился на Бердера, тот кивнул. Качальщик уже успел передать родичам Семена Второго о его гибели.

— Нет, Семен погиб в Ползущих горах. Он отвлек гибель от остальных. Это животное ранило меня и еще одного человека из моего отряда. Надеюсь, он выживет...

— Тебе не следовало отправляться так далеко на Запад, не обсудив с нами, — вступил в разговор третий Хранитель, сгорбленный, черноглазый, похожий на метиса. — Ты ведь знаешь, Клинок, что у нас нет братьев дальше города Варшавы.

— Дальше города Варшавы на юго-запад земля кишит Слабыми метками! — заметил Кристиан. — Ты подвергал риску себя и нашего брата. Ты же знаешь, что Качальщики не живут там, где много грязи...

— Мы не останавливались в городах, — попробовал защититься Артур. — Кроме того, Семен сам хотел полететь, и его отец не возражал. Мы столкнулись с врагами за песочной стеной, вдали от германских поселений!

— Мы знаем, что парня никто не неволил.

— Он был одним из лучших моих Клинков,— печально проговорил Бердер.

— Я тоже потерял не худших своих людей, учитель.

— Ты добрался до страны Франции? — спросила мама Рита.— Ты разве не слышал от Исмаила, что южнее и западнее германского Берлина половину Европы занимают пожарища, а вода там светится, как на Желтых болотах в Сибири?

— Там было много атомных станций и оружия,— согласился Артур,— но мы лишь хотели добраться до Парижа, туда, где...

— Мы знаем, что ты хотел найти и разбудить других Уснувших из древнего мира,— перебил Хранитель с помятым лицом.— Книга знает обо всем. Но скажи тогда, почему ты не отправился к германцам? Ведь вы водите туда караваны и торгуете с ними. У германцев не настолько опасно, даже для городских. Почему же вы так скоро вернулись?

— Потому что... Потому что нам пришлось идти пешком и...

— Вы встретились с вещами, которые настолько напугали лучших, храбрейших воинов и самого губернатора Клинка? — безжалостно уточнила мама Рита.

— Да, госпожа,— понурился Артур.— Я посылал Бердеру голубя...

— Ты столкнулся с тем же самым, что прячется за Уралом. Встретил то, от чего мы десятки лет закрываем караванные тропы к востоку от города Екатеринбург. Следы фабричной грязи, которую нельзя уничтожить и за сотню лет. Теперь ты понял, что Качальщики вовсе не потому нападали на караваны Рубенса, что нам нужны были жалкие поделки городских? Мы перекрывали дороги на Восток, чтобы не разнести заразу от подземных огненных грибов и брошенных химических заводов...

— Да, госпожа. Теперь я вижу, что был не прав. Но почему тогда на Западе нет своих Хранителей, которые очищали бы землю?

Артуру показалось, что между оракулами возникло мимолетное бессловесное общение. Бердер пробормотал что-то нечленораздельное, Анна Первая нахмурилась, будто Артур позволил себе непристойность. Писцы закончили фразу и замерли с поднятыми перьями.

— Ты задал тот вопрос, ради которого мы собрались тут,— медленно произнесла мама Рита.— Наши братья из Варшавы давно сообщали нам, что земли на юг и на запад от Берлина раскачиваются все сильнее, что дикие леса берут верх над посевами, а звенящие узлы не подчиняются Хранителям меток. Мы собрались для того, чтобы выслушать тебя и решить, что можно рассказать другим.

— И что нам делать дальше,— добавил Кристиан.

Коваль не мог поверить своим ушам. За десять лет относительно спокойной жизни он почти отвык от мистических ужасов, с которыми

столкнулся в первые недели после пробуждения. Но даже то, что он встретил в Западной Европе, не напугало его так, как собравшиеся вместе отшельники.

Отшельники, которые впервые на его памяти, намеревались что-то предпринять.

— Неужели все так страшно? — спросил он. — Я полагал, что экологический баланс постепенно восстановится... Или вы думаете, что на западе может возникнуть Плавающий узел, опасный даже для нас?

— В том-то и дело, что метки давно должны были собраться в узел, как происходит у нас в Сибири, — вздохнул черноглазый старик. — А там этого не случается...

— словно кто-то поддерживает землю в постоянном неустойчивом качании... — откликнулся Кристиан.

— И мы догадываемся, кто это может быть...

— И для чего они так поступают...

— И чем это грозит...

У Артура голова шла кругом, вдобавок проснулась боль в незажившем до конца плече.

— Что вы хотите от меня?

— Книга открыта, Клинок, — сурово произнесла мама Рита. — Говори медленно, и не упускай ничего. Каждая забытая мелочь может стоить гибели не только нам, но всему миру.

2

СТОНЫ ЗАПАДНЫХ ВЕТРОВ

Драконов звали Катун и Катуника. Самец вырос чуть крупнее, с каждым махом гигантских крыльев вырывался вперед, но Катуника на поверку оказалась более выносливой. Катун вел Семен Второй, самкой управлял Коваль.

Как ни крути, одного из потомственных Качальщиков Артуру пришлось бы взять с собой. Даже самые талантливые дрессировщики не могли заменить воина. Семену Второму едва стукнуло девятнадцать, но из тех, кого тренировал Бердер, он был действительно лучшим. Коваль лично слетал на Урал, чтобы уговорить Хранительницу рода отпустить парня в экспедицию. Там же губернатор, следуя традиции, поучаствовал в поединках с подрастающим молодняком.

Излюбленное упражнение Бердера только называлось парным; на деле безоружный испытуемый должен был продержаться в замкнутом

пространстве против ученика с дубиной, либо толстой веревкой с узлами на концах, либо с длинным шестом, для пущей забавы утыканным гвоздями. Если безоружный успешно отражал натиск, силы нападающих удваивались, затем утраивались, а площадка уменьшалась.

Сам Бердер, несмотря на свои пятьдесят три года, почти не сбивая дыхания, справлялся с шестерыми юными Клинками. Коваль, хрипя от натуги, выдержал атаку троих, но едва в бой вступил четвертый, пришлось просить пощады.

— Мало бегаешь, толстеешь! — смеялся учитель.

— Ничего себе мало! — обиделся Коваль. — Два раза в неделю сам тренирую гвардейскую роту. — Но ты изменил стиль, учитель! Эти парни двигаются иначе; сто лет назад нечто подобное называлось таквон-до...

— Не знаю, как называлось раньше, но мы переняли новые приемы у южных косоглазых братьев.

— Как противно становиться стариком! — жаловался Артур бывшему наставнику. — Двое меня чуть не покалечили, а этот парень, внук Семена, — просто молния!

— Один на один ты бы против него не устоял, — согласился Бердер. — В парной охоте он лишь легонько зацепил тебя копьем, а в настоящей рукопашной Сема метает ножи быстрее меня... Если ты уговоришь его лететь в Европу, считай, что вам повезло. Но двоих не проси. Хранительница рода и так недовольна!

Семен Второй согласился участвовать в аванюре, но не безвозмездно. Пять рабочих коней, три брюхатые свиноматки и годовое жалование капитана гвардейцев золотом...

Губернатор заплатил. Жизнь стоила дороже.

На крупе Катуники позади Артура сидели трое пассажиров.

Старшина палаты Книжников, Лева Свирский, обмазанный салом, в нахлобученной на глаза шапке, напоминал сказочного домового. Он отвечал за французский язык в экспедиции. Сам губернатор привлек двух толмачей и в течение полугода, морщась от напряжения, восстанавливал английский и зачатки немецкого. Лева подключил свои каналы и неведомым образом отыскал в коммуне польских негоциантов женщину, чья мать с детства обучала ее французскому языку. Старик бродил по дворцу в обнимку с дряхлым учебником, пугая караульных гвардейцев спряжениями глаголов...

Людовик Четырнадцатый, капитан гвардейцев, напросился в последний момент. Артуру не очень хотелось брать с собой вечного пройдоху и нарушителя спокойствия, тем более что в последний день перед полетом Четырнадцатый в очередной раз проштрафился. Но поостыв, губернатор пришел к мнению, что лучше взять в поход старого, преданно-

го товарища. Пусть он трижды выпивоха и бабник, но Артур не боялся повернуться к нему спиной.

Следующее место занимала мама Рона.

Коваль долго сомневался, стоит ли привлекать к неоправданному риску столь ценного медика. Мама Рона была уже не молода, и в ней крайне нуждалась недавно учрежденная Медицинская академия. Но без женщины и без штатного врача Артур лететь не мог. В числе Проснувшихся могли оказаться дамы...

Мама Рона неожиданно легко согласилась. Особенно после того, как Коваль ей сообщил, что в Парижском институте крионики, если его не разграбили, может найтись много медицинской техники и литературы.

За седлом мамы Роны жалобно мяукал самый необычный участник экспедиции. Вместо седла перед парой задних крыльев приторочили корзину и запихали туда сибирского тигра-альбиноса. Несчастному Лапочке, панически боявшемуся высоты, пришлось завязать глаза и намертво скрутить лапы. На земле, а особенно в темных подземных этажах, прирученный кот мог оказаться абсолютно незаменимым.

Катуном управлял Семен. Как всякий потомственный Качальщик, с детства привыкший к зверушкам-мутантам, он лихачил и даже не привязался к седельным штанам. За спиной Семена хмурился полковник Даяр, охранявший тюк с тяжелым вооружением. Ковалю очень не хотелось думать, что придется с кем-то драться, но Даяр уговорил его прихватить пулеметы. Позади полковника сын Красной луны Христофор обнимался с занавешенной голубиной клеткой. Как боевая единица Христофор был еще хуже, чем престарелый книжник. Но губернатор решил прихватить его: потомственный колдун попросился сам. А такого за ним обычно не водилось.

Он жил в Зимнем на правах домашнего юродивого, никому не мешал, зато с завидным постоянством присутствовал на собраниях Большого круга. Парню исполнилось двадцать семь лет. Он не стремился обзавестись семьей, проводил массу времени с животными, честно исполнял обязанности почтового голубятника и нес такую же чушь, как в детстве, когда ездил с караванами.

Давно канули в прошлое времена, когда караваны нуждались в дорожных телепатах, основные магистрали давно были очищены от бандитов и опасного зверья. Однако Христофора упорно пытались выманить или перекупить у Коваля Озерные колдуны. И на то имелись две причины.

Во-первых, голубятник не потерял способности видеть вперед и чувствовал вражеские мысли далеко вокруг. Дважды, благодаря Христофору, стража дворца пресекала попытки грабежа. А один раз он спас жизнь губернатору. Во-вторых, примерно раз за лунный цикл на парня накатывало: он принимался лепетать, не хуже отшельника, и выдавал

поразительные сведения. Так, именно он поведал губернатору, кто из чиновников покрывает изготовителей «левой» медной монеты. В другой раз он сообщил, где и как высаживаются контрабандисты из Швеции, торгующие без уплаты пошлин. Этих шустрых ребят также «опекали» клерки и несколько продажных офицеров Пограничной стражи.

Первый Уголовный кодекс губернатор сочинил лично. Чтобы не особенно ломать голову, все должностные преступления чиновников, гражданских и военных, связанные со мздоимством и вымогательством, карались прилюдным повешением. Так было проще для судов.

И нагляднее.

Вполне естественно, что Христофора не слишком любили в Большом Круге. Под его взглядом каждый из Старшин чувствовал себя голым...

За две недели до старта экспедиции Христофор заявился к губернатору и очень серьезно произнес:

— Вместе плохо, порознь — совсем плохо. Вместе — ненадолго. Раздельно — навсегда...

Поэтому Коваль рассудил, что, помимо тигра, еще один острый нюх им в дороге не помешает.

Последним, на хвосте, размещался Митя Карапуз. Человеческое имя предводителю шайки чингисов дали уже в Питере. Митя был редчайшим представителем дикого племени. Он одним из первых дошел своим умом, что выгоднее сдаться и служить северному городу, чем постоянно находиться вне закона. Возможно, его сообразительность стала результатом воспитания родительницы, бывшей горожанки, украденной чингисами из каравана мамы Кэт и чудом дожившей в полевых условиях до старости. Читать и писать Митя не умел, но на русском разговаривал вполне сносно.

При весе в сто сорок килограммов и росте, как у императора Петра, Карапуз обладал неоспоримыми достоинствами. Без них он никогда бы не стал атаманом сотни клинков — банды, которая шесть лет как перестала быть дикой, квартировала в деревне и обросла семьями. И послушно выезжала в конные патрули.

Карапуз умел часами не вылезать из ледяной воды, укрощал диких лошадей и мог завалить лося голыми руками. А еще, — он обладал потрясающим чувством пространства. Перед подобным даром склонялся даже Качальщик Семен. Про кровавые «подвиги» конницы Карапуза до сих пор рассказывали шепотом.

Например, о том, как в бытность сборника Карина, Митя в одиночку просочился сквозь плотные заслоны солдат, вырезал караульных, и непонятно как, в неосвященном лабиринте дворца, отыскал тайник с ценностями.

Митя был обязан Ковалю жизнью. Уже на губернаторской службе его опознал кто-то из давнишних недругов, в прошлом также дикарь.

Затеялась свара, драчунов повязали, но Карапуз успел кому-то проломить череп. Согласно кодексу, смерть полагалась всем обнажившим оружие. Только так губернатор мог бороться с уличным насилием. Карапуза помиловали за заслуги на дипломатическом поприще.

Надо отметить, громоздкий жутковатый дикарь показал себя прекрасным дипломатом. Выслуживаясь перед губернатором, он один выезжал в лес и уговаривал разрозненные группки дикарей подчиниться законной власти. Это и определило выбор Артура: губернатор рассудил, что разумная гора мускулов в походе не мешает.

Вблизи Карапуз выглядел страшновато. Свои чумазные жесткие космы он стриг раз в год, очевидно, когда мылся. А из-за неправильного прикуса лицо капитана конной стражи выражало такое, что шарахались даже буи в прибрежных тростниках...

Восемь человек, прижавшись к спинам крылатых змеев, прятали лица от встречного западного ветра.

Истошно голосил тигр, но его мяуканье моментально сносило в сторону. Кроме Артура и Семена, один лишь Карапуз летал без опаски и даже рисковал кормить драконов мясом, хоть и с безопасного расстояния. Остальные боялись высоты, но змей боялись еще больше. Глядя вниз, на убегающие огни предместий, Коваль в десятый раз спросил себя, что он будет делать, если найдет Проснувшихся, а те откажутся залезать в седла.

Сначала он хотел выпросить у Анны третьего большегрузного змея и гнать его порожняком, но тогда понадобился бы еще один Качальщик. Мало того что каждая летучая тварь сжирала за сутки половину теленка, второго безумца, согласного отправиться в зону грязной промышленности, все равно бы не нашлось. Свирский предложил, если прибудет пассажиров, переправляться назад поочередно.

На высоте трех сотен метров болтанка постепенно прекратилась, змеи выравнивали полет, перестали часто молотить крыльями, и Артур позволил себе распрямиться. При взлете, дабы не создавать дополнительного сопротивления воздуха, следовало щекой прижиматься к спине ящерицы.

С Балтики наползала свинцовая пелена туч. Семен вел Катуна строго вдоль береговой полосы. Артур вспомнил, как искрила вечерними огнями земля в те годы, когда он прилетал в Питер обычными авиарейсами. Не говоря уж о европейских столицах, куда они носились с профессором Телешевым на всякие конференции, посвященные анабиозу.

Сто тридцать лет назад по всей земле плясали огни, бурлящие озера крупных городов соединялись друг с другом огненными ручейками автотрасс и фейерверками поселков, а нынче за Ломоносовом Коваль различил лишь слабую цепочку сторожевых костров, двойным полукругом охвативших крайние фермы.

Дальше расстилалась тьма.

Он оглянулся и махнул рукой пассажирам, чтобы те пригнулись. Смешнее всех выглядел книжник, в намотанном до переносицы шерстяном шарфе, из-под которого торчала седая борода. Артур улыбнулся, вспомнив иллюстрации к романам древних фантастов, где перекачанные анаболиками отважные герои и томные дивы спускались с неба чуть ли не нагишом, небрежно держась за холку летучих красавцев. В реальности на километровой высоте и скорости выше двухсот километров в час можно было запросто обморозиться, получить полный комплект фронтитов и отитов и вдобавок нажать проблемы с позвоночником.

Пилоту приходилось тяжелее всех. В отличие от голливудских головастых чудовищ, попиравших в полете основы аэродинамики, Катуника летела, вытянув шею, точно утка. Ветер бил Артура прямо в лицо, а под коленями методично перекатывались лопаточные кости. За полчаса подобного удовольствия, если не следить за посадкой, задница превращалась в сплошной синяк. Но имелись и некоторые плюсы.

За пару минут передняя часть зверя разогревалась свыше тридцати градусов, спасая пилота от обморожений.

Семен подал знак, что пора уходить вверх, пока не накрыло дождем, и рванул на себя постромки. Дождь все равно настиг, капли врезались в мотоциклетные очки, хлестнули по обмазанным жиром щекам. Катуника послушно захлопала крыльями, догоняя брата, сверху надвинулась темно-серая пелена, и видимость упала до нуля...

Спустя минуту дракониха прорвалась сквозь тучи и перешла в ровный горизонтальный полет. Лева толкнул пилота в спину и жестом выразил восхищение. Коваль и сам не мог оторваться от потрясающей картины.

В полусотне метров впереди, переливаясь золотой чешуей, стряхивая миллионы брызг, махал лазурными крыльями небесный красавец Катун. Казалось, что поджатые когтистые лапы цепляются за пушистую перину. Изумленное светило, повисшее над ватным горизонтом, любовалось дивным творением человеческих рук и облизывало сусальные бока зверя. Последний из седоков, закутанный в шкуру здоровяк с развевающейся косматой гривой, оглянулся и помахал рукой.

Западный ветер стонал в ушах.

Ведущий наездник тоже оглянулся, приспустил шарф, и Артур успел заметить озорную улыбку. Заплетенные, никогда не стриженные косички воина вырвались у Семена из-под шапки. На кончиках косичек вспыхивали блески драгоценных камней.

Лева Свирский что-то кричал, указывая вперед. Вопил от восторга Людовик. Даже мама Рона смеялась, превозмогая страх.

Экипаж был весел и возбужден.

Слишком мы радуемся, подумал Артур. Он не мог забыть слов Христофора. Если сын Красной луны предрекал несчастье, оно, как правило, случалось...

До Польши проблем не возникнет, рассуждал он. Там сильная колония Качальщиков, можно даже переночевать. И вообще, не так давно оттуда благополучно вернулся первый караван, пущенный по восстановленной железнодорожной ветке. Исправные рельсы таскали для нее целый год на быках, зато теперь один паровик тащил за собой вчетверо больше груза, чем колесный караван. Мигом присоседились халявщики из Пскова, Луги и даже из Ярославля. Оказалось, что на перевозке чужих грузов можно заработать больше, чем на торговле...

Шквальный порыв ветра налетел с такой силой, что Катуника сбилась с ритма. Все глубже проваливаясь в дымчатую ватную трясиину, солнечный диск менял цвет с приветливого желтого на багровый. Артуру казалось, что они мчатся прямо в жерло вулкана или в воронку смерча.

Словно на западе их поджидало нечто мерзкое...

Чушь в башку лезет, успокаивал он себя. Не выпался, с соборниками опять переругался, да еще новый культ в городе объявился: черной воде поклоняются, собственных детей режут... Вот и распахивался. У германцев все давно спокойно, у чехов тоже; правда, дальше Берлина пешком не забирались.

А может быть, прав был Левушка, и стоило отрядить серьезную конную экспедицию; плевать, что ползти два месяца, зато не екало бы в груди... Но большая вооруженная команда сразу привлекает внимание, и неминуемо нашлись бы желающие послать в спину губернатору Кузнецу парочку отравленных стрел...

Западный ветер застонал, разорвал на части шевелюру облаков, и, словно почуяв беду, раскатистым рыком отозвалась ветру дракониха.

Крылатые змеи редко подавали голос.

Только когда предчувствовали кровь.

3

ВАРШАВСКИЙ СОЮЗНИК

— Разве ты не посетишь воеводу? — седобородый Хранитель рода протянул Артуру палочку дымящегося шашлыка.

— Мы не зайдем в город, пан Кшиштоф. И надеемся на молчание твоих людей.

— Брат Бердер пишет, чтобы мы оказали вам помощь и нашли проводника на юг.

— Мы благодарны тебе. Люди и змеи сыты.

— Но как я дам вам проводника, если вы скрываете цель похода? Вдруг вы найдете то, что ищете, а потом убьете моего человека?

— У тебя есть повод плохо думать обо мне, пан Кшиштоф? — Коваль отставил кружку с пивом.

Они сидели втроем на веранде покосившегося домика, утонувшего в чащобе сада. Над бутылками с пивом и сладкой медовухой кружили пчелы. Под крутым травянистым обрывом, на берегу Вислы, лениво покачивались водоросли. В деревню Качальщиков, кроме Артура, пропустили только Семена Второго с драконами. Остальные шестеро довольствовались топливом для костра и ведром колодезной воды. Даляр разбил лагерь за околицей. Артур отметил, что здешние порядки были, пожалуй, построжее, чем у русских Качальщиков...

До сего дня сам он не встречался ни с Кшиштофом, ни с другими славянскими Хранителями, хотя неплохо знал воевод многих польских поселений. Он слышал от Исмаила, что их братья обитают в Польше, Чехии, Словакии, а в гости к Хранительнице Книги приезжали даже люди из Китая.

Но их совсем не было в скандинавских странах.

Словно Европе ничто не угрожало.

Словно славянские колдуны никак не могли наиграться в бесконечную «Зарницу».

Однако несмотря на жесткие правила, вторым гостем седобородого повелителя был вполне обычный мужчина из городских. Закутанный с ног до головы в длинное грубое полотнище, подпоясанный волосяным ремнем гость напоминал Артуру классического чернеца. Русые волосы — длинные, расчесанные, как у девушки, и схваченные на затылке ремешком. Темные глаза, ворочающиеся в сетке морщин, запавшие щеки. Сам по себе человек, вроде бы, и молодой, но словно сжигаемый изнутри чахоткой.

Гость представился именем ксендз Станислав. Он не пил и не ел, его мохлястые, задубевшие руки перебирали четки.

— Пан Кузнец, я думаю о тебе только хорошее, — мягко поправился Хранитель. — Всем известно, что губернатор Петербурга починил железку и паровики и дает в своем городе защиту нашим детям. Всем известно, что ты принимаешь наших детей на службу наравне с остальными и чтить святую Книгу. Нам нет дела до городских. Но если ты явился тайно, даже слово Бердера не будет порукой, что я не наживу неприятностей...

— Мы летим во Францию, пан Кшиштоф.

— Так это правда?! — Хранитель переглянулся с человеком в плаще. — Мы полагали, что ты ограничишься Германией. Меня не предупредили, что брат Бердера повредил свой разум. Там сплошная отравка, сотни километров Вечных пожаров, разве караванчики не докладывали тебе?

— У германцев на равнине почти нет отравы. Мы торгуем с ними.

— Южнее Берлина не ходит ни один караван.

— Но мы слышали, что южнее Берлина живут люди.

— Зачем тебе во Францию, пан Кузнец? Южнее германских гор земля звенит уже третий год, как один огромный узел. Оттуда ползет зараза, притягивая ветер...

— Нам надо добраться до древней столицы, города Парижа, и разыскать одно здание. Я не хочу, чтобы об этом прослышали все.

— Ты хочешь отыскать других Проснувшихся?

— Да, я надеюсь... Если эти инженеры окажутся живы, многие захотят их отнять...

— Только не мы. Но теперь я понял. Тебе нужен проводник из города, тебе нужен один из святош. Качальщики не полетят с тобой!

— Значит, становится хуже? Исмаил говорил мне, что ваши братья не слышат Меток. Он говорил мне, что грязь не наступает...

— Так и было. Слабые метки не нарождались почти семь лет, и мы начали успокаиваться. У нас хватает проблем на побережье. Ты слышал о ядовитых рыбах под Гданьском?

— К стыду своему, нет...

— А чего стыдиться? Все так живут. Никому нет дела до соседей. Когда мой отец был молодым, он видел, как взбесившаяся земля стирала польские деревни и города. Ценой жизни многих Хранителей нам удалось остановить ветер. А теперь ты намерен разбудить древних инженеров, чтобы они помогли тебе лить металл! Мы не станем мешать тебе, я обещал брату Бердеру. Я знаю, что тебя уважает Хранительница Книги, мир ее дням, но наши люди с тобой не пойдут. Если бы я не дал обещания братьям, что не причиню вам вреда, я сделал бы все, чтобы найти и убить этих спящих инженеров!

— Проснувшиеся не будут возрождать химические заводы! — пообещал Артур. — Среди них могут оказаться лекари и книжники... Но мы перелетим опасные места на крылатых. Проводники нам понадобятся позже, для прохода в Париж...

— Вы погибнете. На юге идут желтые дожди, это смерть. Кроме того, святоши, ходившие в Вечный город, видели в небе Железные птиц. Пройти можно только по земле. По крайней мере на земле можно укрыться. Я обещал Бердеру дать тебе Черных коней. Крылатых оставишь здесь.

Артур пожалел, что с ним нет Даляра и Карапуза. Он не мог принять решение о пешеходной экскурсии в одиночку, а Бердер или сам не знал, или не предупредил об отмене полетов. Мог ведь и пошутить, это вполне в духе наставника,— посмотреть, как ученик выкарабкается...

— Я пойду с вами,— сказал ксендз,— при одном условии. Мы пойдем по следу Великого посольства. Я обещаю привести вас в Париж, а ты дашь клятву, что найдешь, куда делись мои братья и сестры.

— Какие еще братья и сестры? Соборники?

— Те, что верили в силу Креста,— неожиданно звучным глубоким баритоном ответил Станислав.

— Наши горожане тоже верят в Крест.

— Ваши не верят в силу Вечного города, они иначе молятся...

— Ты говоришь о Риме?

— Да,— на сей раз ответил опять Хранитель. Он вдруг посмотрел на Артура иным, испытующим взглядом.— Разве мама Рита не говорила тебе о Великом посольстве?

— Нет...

— Значит, не хотела тебя пугать...

— Я же тебе сказал, что никто, кроме Бердера и отца Семена, не знает о нашей вылазке.

— Тут нет никакой тайны... Ладно, я расскажу. Три года назад, когда стало ясно, что с Метками на западе творится что-то неладное, святоши затеяли Великое посольство в Рим. Самые умные из них спрашивали совета у Хранителей меток, и мои братья говорили, что идти нельзя. Но святоши не послушались. Они верят в силу креста и не обращают внимания на приметы. Возможно, так и надо...

До этого они ходили туда несколько раз. Старики знают, как пройти и остаться в живых. На земле Двух морей ветры разгоняют отраву, а в самом Риме живут разные люди. Святоши верят, что сила мира не иссякла, пока стоит Вечный город, а горожане верят им. Многие из наших Хранителей тоже разделяют веру в Крест... Вот скажи мне, пан Кузнец, сколько поганых язычников приютил ты в Петербурге?

— Мы не мешаем людям верить в то, что они хотят. Но большинство ходят в Собор...

— Когда пятьдесят пять лет назад епископ Краковский с крестом в руках вышел против нежити,— перебил Станислав,— он сражался плечом к плечу вместе с братьями, с лесными Хранителями. И погиб с именем божьего сына на губах. Знаешь, что случилось после этого?

— Догадываюсь,— Коваль поймал себя на том, что невольно попадает под обаяние этого сурового и, без сомнения, одержимого человека.

— Да, пан Кузнец. Плавающий узел развязался. Краков был спасен, а порождения пожарищ убоялись божьего гнева и убрались в свои гер-

манские болота... После этого святоши собрали первый поход в Рим, и многие из наших братьев примкнули к ним. Они добрались до Рима, мне тогда было девять лет. Они добрались до Вечного города. Многие погибли в пути. Но те, что вернулись, принесли оттуда святыни и верили, что святыни защищают их города. Они надеялись встретить в Риме помазанника, но святой престол оказался пуст, а вокруг бесновались толпы язычников. Среди нас были те, кто призывал забрать своих женщин и детей и навсегда поселиться в Вечном городе. Изгнать из храмов заразу, проповедовать среди одичавших горожан. И избрать нового наместника бога, как это делалось до года Большой смерти.

Но наших святош было слишком мало, у них не имелось достаточно оружия и пищи, чтобы продержаться. Они вернулись в Польшу, но заведовали своим детям возродить престол.

После тех страшных лет святоши взяли власть в городах. Они не мешали Качальщикам стирать фабричную грязь. Они просто читали свою священную Книгу про погибшего бога и учили народ жить в смирении... Мы не дружим с Качальщиками, пан Кузнец, но не мешаем им изгонять нечисть из городов!

— Так ты говоришь о других религиях?

— Ты можешь называть поганых язычников как угодно, они от этого не станут лучше!

— Я слышал, что у вас жгут людей на кострах, но не верил...

— Когда ты спохватишься в своем Петербурге, смотри, как бы не было поздно! Мы убедились, что народ послушен и един лишь в поклонении Кресту... Дослушай меня, пан губернатор! Я говорил про Великое посольство.

Долгие годы ходили святоши с польской и германской земли к литовцам и украинцам. Уговаривали детей правильной веры собраться для переселения в Вечный город, чтобы сообща возродить святое место, где в древности жил наместник погибшего бога... Самые смелые из моих братьев с именем бога на устах прошли через языки пожарищ по Франции и достигли города Мадрида. Там они нашли много приверженцев Креста и много желающих возродить святой престол. В Париже они нашли только дикарей и страшных тварей, больше похожих на жуков, чем на людей, но за Пиренейскими горами желтые туманы рассеиваются.

Многие тамошние жители сохранили веру, они хотели бы торговать и молиться вместе с нами. Они согласились участвовать в Великом посольстве, собрать воинов, женщин и скот и совместно с нами выступить на Вечный город. Они согласились воевать против дикарей и не побоялись лишения ради светлого дела...

— Ваши люди всегда умели убеждать,— задумчиво вставил Артур.— Особенно неплохо у них это получалось в Мексике.

— А пять лет назад воеводы и святые отцы собрались и решили, что время пришло. Мы стали достаточно сильны, чтобы начать готовить Великое посольство. Для перехода через Ползущие горы и пожарища надо было собрать большой караван с запасами пищи и чистой воды на многие недели пути. Потому что на Вечных пожарищах воду пьют лишь болотные твари...

— А при чем тут Франция? — очнулся Артур, — Рим несколько в стороне...

— Граница пожарищ стоит полумесяцем, не пропуская к стране Двух морей, — сказал Кшиштоф. — Она не отступала, но и не пыталась нападать, сколько я себя помню. Хранители воевали с Метками на севере Польши, а последние пять лет мы раскачивали побережье, чтобы стереть древний порт Гданьск с кораблями... Но у германцев все было тихо. Позволь, Станислав, дальше расскажу я: так будет удобнее.

— Да, ты прав, тебе удобнее рассказать, — святоша неожиданно быстро застеснялся.

Хранитель подлил гостям пива, снял с мангала очередную порцию шкворчащего мяса.

— Собрался великий караван; святые отцы решили, что настала пора выбрать нового наместника погибшего бога. Они оповестили других святош — всех, кто жил по эту сторону грязи. Воеводы были не против, и Качальщики не возражали. Земля много лет держалась в равновесии и даже понемногу очищалась.

Святоши собрали почти две тысячи человек, приплыли и воины с острова Ирландия. Кроме воинов, мастеровых и носителей веры в повозках ехали больше пятисот женщин. Специально были сколочены платформы для коров, свиней и птицы, чтобы скот не ступал на отравленную землю. За караваном шли четыре тысячи лошадей с завязанными копытами и укутанными мордами, чтобы не сорвали случайно травинки... И почти пятьдесят детей...

— Пятьдесят три! — потемнев лицом, бросил ксендз. — Пятьдесят три жизни оборвались...

— Черт подери! Теперь до меня дошло... — хлопнул себя по лбу Артур. — До нас доходили слухи, что католики собирались возродить Ватикан, но я не придавал значения!

— К вашим соборникам тоже ездил посол от епископа, но не получил даже предложения пообедать! — резко заметил Станислав.

Хранитель рода мягко погладил его по локтю, призывая к спокойствию, и вновь повернулся к Артуру.

— Великое посольство не дошло до Рима и не вернулось, пан Клинок. Станислав может обижаться, но мы ценим друг друга за правду. Хранителям было бы наплевать, если бы вместе с другими верующими не ушли семнадцать наших братьев.

Ты спросил о Франции. Посольство должно было дойти до Парижа, там встать лагерем вокруг источника чистой воды и отправить гонцов в город Мадрид. По южным деревням Франции тоже собирались истинные верующие, там сохранились такие места. Но Мадрид обещал прислать больше тысячи сынов веры, а сверх того воинов и продукты. Также Мадрид обещал выделить достаточно золота. Они долго были оторваны от торговли, пан Клинок, и не слишком нуждались в золотой монете. На золото Испании святые отцы хотели нанять украинских воинов и диких строителей в России, чтобы проложить первую безопасную дорогу из Рима к нам...

— Если так опасно, почему не поплыли морем? — удивился Артур. — Ведь у вас есть опытные рыбаки и старые карты?

— Морем? — ядовито рассмеялся Хранитель. — Сейчас я расскажу тебе о море. Как ты это представляешь — погрузить на лодки больше двух тысяч человек, запасы оружия, воды и скотину? А что потом? Идти морем, обходя германцев и франков, на юг? Ты плавал туда, губернатор? Я скажу тебе... — Хранитель помрачнел. — Южнее города Любек не спускается ни одно наше судно. Вода там давно не светится, и в ней много живности. О, в ней даже слишком много живности!

Но южнее Любека начинается полоса туманов и грязных Желтых дождей. Лет десять назад норвеги и ирландцы оживили несколько древних кораблей, что питаются углем, и поплыли на юг. Они оживили очень большие корабли, пан Клинок, не корабли, а настоящие исполины. Казалось, таким кораблям ничто не могло угрожать, а норвеги хвастились, что пройдут морем к земле Рима и даже дальше...

— На носу корабля норвегов скалилась медвежья морда, а глупые ирландские островитяне жгли на палубе уголь и возносили молитвы дереву, — с отвращением процедил ксендз. — Эти нечестивцы отвергли светлую власть Креста и заплатились...

Хранитель вздохнул, деликатно пережидая вспышку гнева. Артур прикидывал, сколько часов с таким характером проживет Станислав в отряде. Лева Свирский и Людовик верно соблюдали православные посты, правда, отчаянно путались в терминологии. Но в целом довольно исправно следовали за пастырями Лавры. Мама Рона имела к соборникам серьезные претензии, но молилась на иконку божьей матери. Даяр в состоянии покоя относил себя к атеистам, но в моменты большой опасности охотно клялся всеми богами подряд. К великому счастью губернатора, Христофор не поддерживал кровавых обрядов озерников и других детей Красной луны. Что касается Мити Карапуза, то сын лесов, степей и дремучих легенд был похож на теленка, сосавшего одновременно двух маток. На восходе он резал глотки индюкам и с чистой совестью отправлялся к заутренней.

Странно, что этот конквистадор еще жив, подумал Артур, искоса разглядывая воинственно вздернутый подбородок святого отца. И чего Хранитель так с ним церемонится? Сегодня они позволяют попам жечь на кострах дикарей, завтра католики возьмутся за колдунов, а потом придет черед и самих Качальщиков. И Книгу объявят ересью, и крестьян с кольями поднимут против драконов и летунов...

Кшиштоф кашлянул, привлекая внимание.

— Рыбаки уплыли, и от их кораблей шла по воде такая грязь, что на берегу, у стертого порта Гданьск, вновь задержались Слабые метки. Спустя какое-то время вернулся караван воеводы Песи из германского Гамбурга. Тамошние рыбаки выловили троих норвегов в маленькой спасательной лодке. Все трое после умерли от страшных язв, они не протянули долго. Умиравший норвег успел сказать, что корабли попали в полосу Желтых туманов, но все спрятались и закупорили выходы на палубу. Умерли только двое, они вышли слишком рано. Потом туманы закончились, дул попутный ветер, и ирландцы решили забросить сети. Дух дерева, которому они поклонялись, подсказал им, что под днищем корабля полно рыбы. Дух дерева не обманул.

Но лучше бы они не пытались ее ловить.

Суда встали на якорь. В подозрные стекла капитаны видели французский берег. Они видели, как поднимаются дымки от жилья, они видели стада каких-то животных, кочующих вдоль береговой полосы, и раскидистые деревья. Рыбаки спрашивали друг друга, почему глупые поляки и германцы боятся проторить караванный путь на юг прямо по берегу.

«Этим трусам далеко до нас, храбрых потомков викингов и кельтов! — говорили они друг другу. — Здесь чистая вода и прекрасный морской воздух. Мы построим тут гавань, застолбим владения и подружимся с дикарями. А пока отправим к берегу лодку с двадцатью бойцами!..»

Ирландцы спустили две лодки, закинули между ними сети и стали ждать добычу. Они пили на палубе хмельное пиво и танцевали свои мужские танцы под писк надутой шкуры. Стоял полный штиль и такая тишина, что музыка разносилась на многие мили вокруг.

Капитан норвегов приказал спустить на воду большую лодку и отправил на берег двадцать человек, самых храбрых рубак, с ружьями и ножами. Больше он отпустить не мог, так как в древнем ржавом корпусе корабля открылась течь, и команда занялась починкой.

Прошел час. Лодка достигла берега. Капитан видел в подозрные стекла, как его люди помахали флагом, забили в песок колья и привязали к ним лодочные канаты. Потом они углубились в заросли на берегу, и спустя несколько минут загремели выстрелы.

По словам умирающего норвега, тот вечер он запомнил как самый прекрасный и самый жуткий за свою короткую жизнь. Прекрасный, потому

что он никогда не плавал так далеко на юг и не представлял, что где-нибудь море может быть таким тихим, а воздух таким теплым и ароматным.

Он выжил, потому что дежурил вперёдсмотрящим на мачте, а два его друга сидели взаперти, охраняли от собственной команды погреб с провиантом.

С берега донеслись выстрелы, но никто не появлялся. Брошенный баркас так и болтался на мелких ласковых волнах. Там сидел единственный человек, часовой. Он неистово махал флагом, призывая капитана на помощь. Затем часовой начал орать; команды обоих судов столпились у бортов, пытаясь разглядеть, что же там происходит. Капитан крикнул вперёдсмотрящему — тому с мачты было лучше видно. Пока матрос водил оптикой, часовой с баркаса исчез, а потом опять появился. Он несясь вдоль полосы прибоя, убегая от чего-то длинного, серого, похожего на гигантскую лисицу. Одну руку часовой прижимал к груди, и матросу показалось, что беглец весь залит кровью.

Матрос видел с мачты узкую полоску каменистого пляжа и, вплотную к камням, густые заросли странного, коричневатого-пепельного оттенка. Матрос различал узкий коридор, прорубленный ножами команды. А потом он сместил угол зрения пониже и увидел, как часовой бросился в море. Парень изо всех сил плыл от берега к кораблю. Он бросил сигнальный флаг, бросил ружье и саблю и предпочел пересечь пару миль незнакомых вод, чем оставаться на берегу.

Но добраться до судна моряк не успел: несколько секунд спустя что-то схватило его за ноги и утащило на дно.

Капитан приказал собрать новую экспедицию на берег, но тут началось такое, что о баркасе все забыли.

Из трюма судна, где уже заканчивались восстановительные работы, раздался одновременный вой десятка глоток. Те, кто был на палубе, бросились на помощь. Возможно, задрай они люки, судно удалось бы спасти. Но все решили, что оторвался новый кусок обшивки, и побежали затыкать течь...

В ту же секунду вперёдсмотрящий услышал вопли, доносящиеся со стороны ирландского парохода. Он обернулся и не сразу сообразил, что именно видит, настолько ужасное зрелище открылось. От рыбаков в лодках остались одни скелеты. Ирландцы не успели ни убежать, ни даже выстрелить. А те, кто на них напал, продолжали рвать сети, перетирать в труху крепкие весла и носиться вокруг, выпрыгивая из воды на несколько метров вверх.

Летучие рыбы.

А может быть, совсем и не рыбы, а что-то другое, потому что рыбы не смогли бы забраться на корабль по якорным цепям. Многие лезли прямо по борту и походили на мокрых, щетинистых скорпионов.

Ирландская команда отстреливалась, пустила в ход сабли и ножи, но прожорливых дьяволов было слишком много. Матросу на мачте скоро стало не до соседей, поскольку его собственное судно дало крен. Видимо, рыбы как-то проникли в трюм и сожрали всех, кто там находился. Течь опять усилилась. А из-за темноты и скученности люди не могли защищаться и не видели врага.

Судно тонуло, заваливаясь на бок. Все, кто оставался наверху, бросились к шлюпкам. Матрос спустился с мачты, бросив свой пост и оказался в одной лодочке с парнями, которые охраняли камбуз и казну.

Все трое выжили только потому, что не последовали за прочими шлюпками к берегу. Корабль уходил все глубже, вскоре взорвался паровой котел, и на поверхности осталась лишь груда щепок от деревянной палубы. Все лодки, повернувшие к берегу, были атакованы подводной стаей. Ирландский корабль оставался на плаву, оттуда доносились выстрелы и стоны, но трое спасшихся матросов не решились приближаться. Они видели, как погибли товарищи, и изо всех сил гребли на запад, в открытое море. Они хотели обогнуть гиблые воды по большой дуге, но начался шторм, и шлюпку потащило назад. Спустя неделю, пройдя полосу туманов, смертельно больные, они достигли германского порта...

Хранитель степенно достал трубку, заколотил табак, давая Ковалю возможность осмыслить рассказ.

— Кто после этого мог говорить об отправке посольства морем? — добавил Станислав. — Великое посольство пошло по суше, по тем зыбким тропам, что проложили на юг смельчаки, вооруженные молитвой и святым Крестом.

— Больше двух тысяч человек, — Качальщик выдохнул дым. — Скот и телеги. Среди них были наши братья, принявшие веру Креста, но не разучившиеся выживать в опасных местах. Я не разделяю их порыва, но привык уважать смелость. Семнадцать человек, они знали, что, добравшись до Рима, выберут наместника, а затем будут вынуждены уйти в горы и основать свою деревню вдали от грязной техники.

— Мы слышали, что три года назад пропала большая группа людей в зараженной зоне, но не подозревали, что все так серьезно.

Артуру уже не хотелось пива. Ему хотелось собрать своих и посоветоваться. Одно дело — топтать до Парижа, пусть даже пешком, и совсем иная задача — разыскивать в гиблых местах следы последнего крестового похода.

Священник ковырялся с четками, так и не притронувшись к ковшику с пивом.

— Я скажу тебе, почему поддерживаю отца Станислава, — задумчиво произнес Хранитель. Он вытащил изо рта трубку и заглянул Артуру в зрачки. — Слабые метки взбесились спустя неделю после того, как

посольство переправилось через Рейн и ушло по Поющему автобану в сторону первого пожарища. Так бывало на памяти нашего рода лишь дважды. Когда взорвался спавший огненный гриб, и когда Балтийское море принесло нам корабль длиной с милю...

— Длиной с милю? — растерянно переспросил Артур.

— Да, он был похож на город, его башни вздымались на десятки метров вверх, а на палубах могла бы разместиться вся Варшавская ярмарка. Я помню этот корабль; чтобы отогнать его от берега, пришлось собирать всех братьев и просить помощи у русских. Равновесие было нарушено, и с каждым днем Метки кружили все быстрее, потому что корабль был живой.

— Как живой?

— Внутри него продолжал жить огненный гриб. Он спал очень глубоким сном, но не умер окончательно. Хотя гриб не заражал воду, этого было достаточно, чтобы на протяжении сорока километров вдоль побережья вода захлестнула двенадцать поселков. Погибли люди. А корабль-город продолжал дрейфовать, и всех наших сил не хватало, чтобы отогнать его.

Мы хорошо сделали, что не утопили корабль. Я тогда был молод и горяч, лет двадцать, не больше. Я предлагал отправиться на корабль, разбраться, как им управлять, и направить его в море. Или затопить прямо у берега. На счастье, приехали русские Хранители, у них тогда еще не было змеев, только Черные кони. Они приехали и сказали, что на корабле не только спящий гриб, который вместо парового мотора, а там еще десятка два спящих грибов — в оружейных карманах. И если мы попытаемся затопить гигант, как топим порты на побережье, мы получим такую Слабую метку, что от Польши останется мертвая пустыня.

Тогда Хранители обратились к воеводам. И были забыты распри из-за городских младенцев, которых мы забирали себе. Воеводы вывели в море все рыбацьи суда, больше сорока штук. Приплыли корабли от литовцев. А от вас, из Петербурга, Хранители прислали четыре буксира. Их привела хозяйка русского порта, мама Кэт, огромная такая женщина, настоящая разбойница. Мы зацепили плавучий город канатами и сумели сдвинуть его с места. Рыбаки знали островок на Балтике — одни скалы. Корабль оттащили туда и оставили в узком проходе, потому что из открытого моря он мог бы опять вернуться. Когда отцепили канаты, оказалось, что тяжелое судно пошло дальше, пока не село на мель. Там он и застрял, а звенящие узлы постепенно успокоились...

И вот, после ухода Великого посольства началось такое же движение узлов. Но ничего не взрывалось, и в почву ничего не просачивалось.

Ты понимаешь, пан Клинок, о чем я говорю? Картина выглядела так, словно разумная сила раскачала землю за Рейном, чтобы стереть караван...

— Какие-то враждебные Качальщики? — наугад предположил Артур. — Откуда им взяться, если за рекой нельзя жить?

— Враждебные, только не Качальщики. Ты разве не знаешь, пан Клинок, что настоящие колдуны есть только среди славянских племен? Я имею в виду истинных владык живого мира, а не шарлатанов, кто режет жаб на могилах.

— Вот те раз... — опешил Коваль. Он припомнил, что действительно никогда не слышал о норвежских или финских лесных чародеях. — А почему? Почему в загаженной Европе нет своих Хранителей?

— Когда-то я задал этот вопрос отцу, — грустно улыбнулся Кшиштоф. — И отец мне ответил так. Он сказал, что германец, когда хочет узнать, пора ему сеять или пора праздновать, смотрит в календарь, а поляк или русский — в себя.

У нас хуже урожаи, но зато мы лучше видим...

4

ПОЮЩИЙ АВТОБАН

Артур соскочил с коня и осторожно опустился на одно колено. Стараясь не касаться ладонями потрескавшегося асфальта, наклонил ухо к земле. Ничего подобного ему слышать не приходилось.

Автобан пел.

Этот ноющий, заунывный, как комариное гудение, звук не слишком походил на песню. Если слушать долго и внимательно, аккорд распался на несколько составляющих нот, вроде нитей, сплетенных в тугую канат, но кое-где порванных и снова связанных. Одни нотки тонко вибрировали, как железный флюгер на ветру, а другие били, на грани с инфразвуком, поднимая дыбом волосы.

— Завыть хочется! — поежился в седле Людовик.

— Ты уверен, что это лучшая дорога? — с сомнением спросил у ксендза Лева, обозревая мгlistый горизонт.

— Это дорога, по которой три года назад ушло посольство, — отрезал Станислав и отвернулся.

Всю дорогу он демонстративно давал понять, что достойного собеседника видит лишь в лице губернатора. Артуру эта история с проводником нравилась все меньше. Для отряда оказалось потрясением превратиться из авиаторов в кавалеристов, но спорить никто не стал. Никто из этих людей трудностей не боялся, а чутью Хранителей верили безоговорочно.

И мама Рона, и Лева отказались бросить экспедицию. Кшиштоф не подвел, выделил пятнадцать первоклассных коней, так что поместились и багаж, и корзина с Лапочкой. Крылатые змеи полякам удавались неважно, зато в модификации лошадей род Кшиштофа оставил уральских мастеров далеко позади. Кони стали еще крупнее, перевалив в холке рост баскетбольных нападающих. Уши приподнялись выше, отчего благородные животные слегка смахивали на кенгуру, и вдобавок вращались на сто восемьдесят градусов. Глаза еще больше вытянулись в длину, позади копыт появилось по загнутому когтю. Как успел убедиться Артур, его конь без труда одолевал почти вертикальные подъемы...

Но самым фантастическим достижением генных инженеров стал увеличенный вдвое объем сердечной мышцы; выносливость развилась просто неопиcуемая. Они могли скакать карьером, не останавливаясь, больше двенадцати часов. Они могли без проблем, с грузом в триста килограммов, переплыть реку. Единственная задача, которую пока не удалось решить,— это приживить лошадям жабры...

— А мне по нраву, что так ровно! — заржал Митя Карапуз. — Хорошая дорога, ровная!

— Лучше некуда, — согласился Людовик. — Вот только воет так, что у меня колени трясутся.

Отряд собрался в кучку; бессознательно все оттягивали момент начала пути. По территории Польши они проскочили галопом, почти не останавливаясь и не сбавляя скорости. На редких привалах в городках Лапочку отпускали из корзины погулять, и белый кот до икоты пугал старух и детишек.

— Там, вишь как оно, впереди, что-то непонятное, прям пылевая буря! — недовольно заметил полковник Даяр. — Мы добрых мостиков с дюжину миновали и дороги покрепче выдали.

— Они также вели на запад, но не пели и не застилались пылью, — добавила мама Рона, повязывая вокруг лица мокрый платок.

— Вперед! — скомандовал Коваль и тронул поводья.

Пора было прекратить эти пустопорожние рассуждения и подать пример.

Копыта наконец негромко зацокали по шоссе. Позади с умиротворенным шелестом нес мутные воды воспетый германцами Рейн. Мост почти не повредило от времени, под опорами из воды до сих пор торчали груды сброшенных когда-то автомобилей. За лесом поднимались приветливые дымки, и торчали спаренные готические шпили. Местные крестьяне встретили экспедицию довольно приветливо, продали копченого мяса и указали источник с чистой водой. Из Рейна никто не пил, и скотину там не купали.

При посещении аккуратных германских поселков Артура не покидало острое чувство зависти. Несмотря на разрушения и мертвые зоны во-

круг промышленных объектов, здесь сохранилось главное — фанатичное прилежание и стремление к аккуратности. Даже братские могилы столетней давности были организованы с немецкой плановностью и четкостью...

Крестьяне жили почти вплотную к границам Великого пожарища, которое в дословном переводе называлось тут «Пастбищем смерти». Там, где не было заметных границ, красовались подновляемые таблички с надписями «Ахтунг» и «Ферботтен!» И перед этим мостом стоял колышек с табличкой.

У моста спешили; по указанию Станислава, коням перевязали морды плотной мешковиной, а ноги по колено обработали белым вонючим составом, похожим на известь. На противоположном берегу расстилался точно такой же дремучий лес с преобладанием буков. Сучковатые, лишенные коры деревья походили на тевтонских рыцарей, вышедших к реке напиться и ждущих заветное слово, чтобы ринуться вброд, в атаку на человеческое жилище...

— Карапуз, на пять корпусов вперед, и возьми с собой Лапочку! Людовик, замыкаешь! — привычно отдавал команды Артур. — Полковник, держи левый фланг. Христофор и Лева, пустите маму в центр. Семен, прикрывай меня сзади!

Сам он ехал впереди мамы Роны, бок о бок со Станиславом, расстегнув ножны и освободив зажимы метательных клинков. В обеих седельных сумках торчали рукояти заряженных дробовиков. Карапуз причмокнул, вырываясь в авангард, ухватил за поводья коня, несущего корзину с тигром. Лапочку развязали; тигр впервые с начала пешего путешествия вел себя нервно. Раскачивал длинной складчатой шеей, шевелил усами ноздрями по ветру.

— Зверь беснуется, — сказал Христофор. — Чует живность...

— Живность? — мигом откликнулся Станислав, приподнимаясь на стременах.

Хмурый ксендз довольно быстро сообразил, кто есть кто в маленькой армии и, как ни странно, нашел слушателя в лице покладистого сына Красной луны. К изумлению Артура, святоша довольно спокойно переносил загадочные афоризмы Христофора и с великодушной настойчивостью внушал заблудшей овце мысли о боге. Даляр глядел хмуро, а Людовик только посмеивался...

— Нечистая живность, — сообщил, не поворачивая головы, Карапуз. Даже на таком расстоянии дикарь прекрасно слышал все, что говорили сзади. — Пока далече, но шибко много.

— Говори яснее, — попросил Коваль. — Одно большое или много маленьких?

— Не видать. Далече и... очень непонятно. Гы! Так не бывает!..

— Тут все бывает! — поляк натянул поводья, конь стал, как вкопанный. — Я прошел эту дорогу трижды и до сих пор жив, потому что верил в знаки, посылаемые Господом нашим. Другие не верили, насмехались и размахивали сталью. Тут бывает всякое, а к югу, где обнимут Ползущие горы, одна глупая улыбка обойдется тебе очень дорого! Я по два дня лежал в болоте и спал, привязавшись к вершине дерева. Теперь кости тех, кто смеялся, гниют в земле, а я жив и закончу предначертанное...

Да, мысленно присвистнул Коваль, встречаясь глазами с Даляром, этот парень, если не псих, то явно одержимый. Наверное, для подобных предприятий это не так плохо...

— Оно далеко слева, там! — недовольно проворчал Христофор, указывая в сторону лесной прогалины, где появились длинные приземистые строения. — И так не бывает: сразу над землей и под землей. Лапочка чувствует, но пока не шипит...

— Все бывает. Скорее всего, это рой, пока не страшно! — Станислав опять тронул жеребца с места; сбившийся с ритма отряд двинулся вслед за ним.

— Какой еще рой? — озабоченно спросил Лева, но ксендз снова его проигнорировал.

Артур приложил к глазам бинокль. Автобан вонзался в лес, как оброненный великаном меч. Кое-где на дорожном покрытии сохранилась разметка, а по обочине поблескивали светоотражатели. Километрах в двух впереди на встречной полосе навсегда замерла автомобильная пробка. Очевидно, первым перевернулся и перегородил дорогу большегрузный трейлер, а следующие в хвосте легковушки продолжали втыкаться и налезать друг на друга, пока не начался пожар. За полтора столетия от аварии осталась бесформенная груда обломков высотой с двухэтажный дом, а шоссе покрылось въевшимися пятнами рыжей ржавчины. Может быть, шофер трейлера умер прямо за рулем, не успев вовремя вколоть себе вакцину. А может быть, он нарочно завалил машину, чтобы устроить веселое представление...

Буковый лес раздался в стороны. В низине, как одинаковые спичечные коробки, тянулись ряды промышленных зданий с выцветшими буквами на плоских крышах.

— Там написано, что это химический концерн, — пояснил поляк. — Ближе подходить нельзя. И направо тоже заводы: делали запасные части для нефтяных повозок. Так до самого горизонта.

Коваль смутно представлял себе экономическую географию прежней Германии, но складывалось впечатление, что отряд угодил в самый центр химической промышленности.

Кони мерно вышагивали по жаркому пыльному асфальту. Хвосты висели спокойно, ни одно насекомое не тревожило животных. Или мазь

Хранителей отпугивала комарье? Лапочка скалил зубы, фыркал и скреб когтистыми пальцами борт корзины. Артур старался не упускать тигра из вида. Как бы люди ни были тренированы, Лапочка заметит опасность прежде.

Пока вокруг ничто не напоминало родимые российские пожарища. Вполне обыденные лужки, кольцевая развязка, рухнувшие под тяжестью танков опоры эстакады.

Лежащий на боку строительный кран насквозь пророс кустарником. За краном валялся потемневший пластиковый щит с предупреждением, что движение в направлении Кобленца для частного транспорта закрыто. А за вторым поворотом, там, где торчали сваи подорванной развязки, колыхалась в жарком мареве сплошная пыльная стена.

Издалека это походило на желтоватый туман, но чем ближе подбирались всадники, тем сильнее напрашивалось сравнение с пыльной стеной. словно по мертвой саванне проскакало стадо буйволов. И все громче становилось тоскливое пение.

— Ты был здесь трижды? — чтобы легче справиться с тревогой, Артур решил не молчать. — Значит, Хранитель Кшиштоф не зря пригласил именно тебя... Разве не достаточно одного раза, чтобы навсегда возненавидеть эту пыль?

— Впервые я прошел здесь пятнадцать лет назад с караваном из Вроцлава. По Неметчине раскидано много гиблых мест, но торговлю ведут почти без оглядки. Крестьяне давно проложили безопасные пути, а бургомистры дают верных проводников. Но караванщики из Вроцлава были лихими купцами, вознамерились пройти южнее. Кто-то им сказал, что за пылью есть богатые города... Они пригласили меня и еще двоих ксендзов, чтобы силой Креста освятить путь. Половина из нас погибла, не хочу вспоминать... Потом я ходил в Вечный город...

— Так ты был среди тех, кто добрался до Рима?!

— Да, это не так сложно, если не вести себя, как твой холоп.

— Карапуз мне не раб! — Артур ухватил коня поляка за поводья. — Пан Станислав, все эти люди служат городу. Давай раз и навсегда договоримся, что холопов тут нет, иначе у тебя могут возникнуть серьезные проблемы!

— Всегда будут холопы и господа, — криво усмехнулся святоша. Но дальше спорить не стал. Артур покосился назад: не видел ли кто их маленькую стычку. Даяр, ехавший по дальней обочине, глазами показал, что контролирует обстановку. Руки у полковника были заняты. На правом плече, стволом назад, он держал заряженную крупной дробью двустволку со взведенными курками. Поперек седла Даяр небрежно уложил дисковый пулемет, наставив вороненый раструб на низкие кусты. Вдоль обочины, до границы леса, расстился ослепительный ковер

цветущих дроков, там кружили пчелы и порхали фиолетовые бабочки. Полковник держался в седле абсолютно расслаблено, но Артур знал, с какой скоростью он умеет открывать круговой огонь.

— Расскажи дальше,— примирительно попросил он ксендза.— Ты дошел до Рима...

— Сначала мы были не в Риме,— вернулся к беседе Станислав.— Мы дошли до города Милана и там встретили людей истинной веры. Они приняли нас очень хорошо, потому что помнили других святош, которые приходили до нас. Они тоже хотели бы торговать с Германией и Польшей, но знали, что большому каравану не пройти. Ты сам позже поймешь, пан Кузнец...

Потом нам дали проводника до Вечного города. Но святой престол осквернен язычниками, а вокруг древних стен жили племена кровожадных людоедов. Мы стояли на горе и молились о том времени, когда нам с итальянскими братьями удастся вернуть утраченное величие. Под покровом темноты мы пробрались в один из соборов — и бог явил нам чудо. В разграбленном храме нам удалось обнаружить обломки Креста, святые книги на незнакомом языке и картины. Мы взяли, что могли унести, и отправились обратно.

Но в пути через горы многие из моих друзей вели себя слишком беспечно. До Варшавы нас вернулось только семеро...

Последний раз я посетил Мертвые земли два года назад, когда пытался отыскать Великое посольство. Сам я не участвовал в походе, потому что был послан епископом проповедовать истинную веру в Украину...

— Так попытки найти пропавших уже предпринимались?

— И не раз, но безуспешно. Хранитель Кшиштоф сказал тебе правду. Граница Мертвой земли беспокойна, как будто взорвались сразу десятки потухших древних заводов. Даже германские чародеи-травники, раньше свободно гулявшие по границам Желтых туманов, остерегаются забираться на юг. Как будто враг рода человеческого вознамерился помешать нашим планам.

— И как же ты отважился?

— Нас было трое, получивших благословение. Кроме меня, один простой горожанин, ткач по профессии, и один Качальщик, хлопец из рода Кшиштофа, которого я вырвал из лап нечестивых и привел к богу. Мы получили от Хранителя силы крылатого змея и полетели над водой. Мы знали, что втроем не прорвемся над сушей, и решили повторить путь норвежского корабля. Мы сумели подняться над ядовитыми испарениями, но молодого Качальщика сожрали рыбы, когда мы приземлились на крошечном островке, чтобы дать змею отдых.

— Поэтому тебе нравится Христофор? — улыбнулся Артур, не отводя глаз от пылевого облака.

Что-то там было неправильно, словно искусственно. Словно надрылся за косогором исполинский вентилятор, заставляя стонать асфальт...

— Сердце вашего Христофора открыто для правды,— согласился ксендз.— Ему легче прийти к правде, чем закосневшим в грехах людям, которые носят золотые кресты под одеждой.

— Продолжай, мне интересно.

— Мы с ткачом успели вовремя проснуться и вырваться из когтей морских чудовищ. Но до Вечного города я добрался один, потому что горожанин не послушался меня и попил отравленной воды из ручья. Он смеялся надо мной, а жара помутила его слабый разум. Он умер, когда до Рима оставалось всего два дня пути... Крылатый змей также погиб; мерзостные твари, похожие на птиц, но твердые, словно железо, напали на нас в воздухе и расплосовали змея на части. К счастью, я упал в воду и спасся от их когтей. Если бы было суждено погибнуть мне, а не Хранителю, крылатый остался бы жив. Он меня совершенно не слушался, норовил укусить и постоянно старался сбежать. Я так и не снял с него намордник, боялся, что загрызет. Кормил через решетку, мелкими кусочками, и когда налетели железные чудовища, змей даже не мог защищаться...

Я остался один. Я добрался до Рима и прожил в городе семь месяцев, проповедуя среди дикарей, собирая в общину людей с открытым сердцем. Меня сто раз могли убить и даже сожрать, но не тронули.

Без змея я не мог искать посольство с воздуха. Я овладел языком дикарей и спрашивал всех, не слышал ли кто об огромном караване. Я искал любые следы пропавшего Великого похода. Они собирались навсегда осесть в Вечном городе, так велика была их вера. Но никогда не случилось, чтобы даже в самых гиблых местах сгнули все сразу...

Коваль мысленно провел черту, отсекающую Апеннинский полуостров от остального материка.

— В Милане и других городах, где сохранилась грамотность и вера, выжили тысячи людей, они ждали Великое посольство, чтобы сообща избрать наместника, но так и не дождались. Вместо этого все, кто пытался пройти через пожарища, даже самые опытные проводники, исчезли. И от польской земли, кроме меня, никто больше не прошел...

В эту секунду Лапочка вздыбил шерсть и заворчал. Кобыла Мити Карапуза замерла, нервно всхрапывая и яростно шевеля ушами. Отряд миновал возвышенность, с полуразрушенным виадуком, откуда было видно, как разбегаются в стороны нитки другого многорядного шоссе. Под автомобильным переездом, метрах в ста, жевали травку тощие, облезлые коровы, несомненно дикие, без клейма и колокольчиков. Заслышав шаги, они прекратили есть, задрали головы и испуганно уставились на людей.

Заметив, что от стада отделился низенький бычок, Семен Второй щелкнул затвором карабина. Но бык не стремился атаковать, он лишь свирепо ковырял копытом землю и демонстративно раздувал бока, украшенные шерстью приятного, светло-фиолетового цвета. На груди шерсть плавно приобретала изумительный сиреневый оттенок и свисала волнистыми прядями, как у северных яков. Коровий гарем заметно уступал во внешних прелестях своему господину. Буренки выглядели бы почти как нормальные представители голштинцев, если бы не длинные завитые рога, присущие скорее горным козлам.

Артур глядел на эту пасторальную сценку, вдыхал живительные ароматы леса и силился поверить в рассказ польского Хранителя. С каждой минутой он чувствовал себя все глупее. Соратники предупреждали его, а верные друзья умоляли выступить в Париж как минимум конной сотней. Он ужаснулся перспективе оторвать столько народа ради собственной причуды.

Вот и сэконобил.

— Пресвятая Ксения! — пробормотал книжник, — ты только погляди...

— Убейте его! — почти выкрикнул Христофор.

Его взвинченный ломкий голос вывел Ковалья из оцепенения. Он жестом остановил собеседника и свистнул тревогу. Впрочем, бойцы уже перестроились для обороны, не дожидаясь приказа.

Фиолетовый бык неторопливо приближался по бетонке, но даже подбравшись вплотную, он не смог бы нанести существенный вред всадникам, сидевшим почти на трехметровой высоте.

— Это какая-то птица? — с отвращением спросила мама Рона.

— Ага, утка с четырьмя ногами! — отозвался Людовик и выстрелил в быка.

Коваль наконец увидел то, что заслоняло от него плечо Даляра. Излишне вытянутые морды коров были перепачканы кровью, а то, что он принял вначале за островок мягкой травы, оказалось огромным грязным комком перьев.

Коровы рвали на части тушу мертвой птицы, по размерам почти не уступавшей своим мучителям. Скорее всего, пернатое чудовище никогда не поднималось в воздух, но, наверняка, неплохо бегало на четырех ногах. Половину конечностей и голову плотоядные буренки уже умяли и подбирались к животу, покрытому мощным слоем пуха. Это утка, подумал Коваль, чтоб мне сдохнуть, если это не утка... Он отчетливо различил здоровенную перепончатую лапу, задравшуюся к небу.

Грянул второй выстрел. Следуя неписаным правилам, отряд сэкономил патроны. Обе пули, посланные Четырнадцатым, попали животному в голову; бык достаточно бодро взобрался на насыпь, затем покачулся и тяжело скатился обратно. Кто-то вздохнул с облегчением, но радо-

ваться было рано. Пятеро кровожадных коров, следуя каким-то темным соображениям, не отступили в болотистый подлесок, а хрипло затрубили и бросились в атаку.

— Надо убить всех! — перекрикивая лязганье оружия, заявил Христофор. — У них на зубах яд!

— Он прав, господин, — повернулся к Ковалю Семен.

Качальщик поправил на лбу повязку, вскрыл пузырек с отравой и приготовился обмакнуть туда метательный нож. Когда расстояние между коровами и людьми сократилось до пятидесяти метров, стрела, пущенная Людовиком из арбалета, сократила численность врага еще на одну боевую единицу. Артур попытался представить, как будет выглядеть атака через несколько секунд, но тут и поляк ринулся в бой.

Артур поймал его за локоть:

— Мы договорились, святой отец, что в походе ты подчиняешься общей дисциплине. Ни ты, ни я не участвуем в бою, пока не возникнет крайняя нужда.

Глаза ксендза на мгновение сделались бешеными, он попытался дернуться, но Коваль перехватил поводья его лошади. — С нами люди, которым платят за боевое искусство. А тебе платят за знания. Куда мы денемся, если ты погибнешь?

— Пойдете по щитам, — огрызнулся святоша, но буйствовать прекратил. — Тут щиты до самого Парижа. Ты ведь грамотный?

Семен Второй выехал врагу навстречу, мягко метнул, один за другим, три ножа. Четвертую зверюгу застрелил из лука Митя Карапуз. Поспорил с полковником на бутылку вина и попал точно в глаз. Ко всеобщему удивлению, Качальщик не спустился подобрать ножи.

— Надо срочно уходить, — сказал он, и Христофор согласно покивал. — Там, в кустарнике, их полно.

— Это следует записать, — потер бородку Свирский. — Я тридцать раз проходил в России через пожарища, но не видел, чтобы коровы сидели в засаде на утку. Летуны еще туда-сюда...

— Походным! — скомандовал Артур, и Митя без напоминаний выдвинулся в авангард. Кони перешли на рысь. После виадука разбитый асфальт сменился темно-серым, пружинистым, почти не пострадавшим от времени покрытием. Коваль не помнил в России ни одной дороги, сохранившейся в таком идеальном состоянии. Не припоминал он этого материала и до Большой смерти, наверное, немцы изобрели позже, а русским, как всегда, показалось дешевле ежегодно латать старые дыры...

— Ты говори, святой отец, я слушаю, — дружески потрепал губернатор поляка по плечу. — А то знаешь, если на каждую мелочь отвлекаться...

— Теперь я вижу, что люди не зря признают за тобой власть, — хмуро отметил поляк, но спорить не стал, вернулся к своим римским похож-

дениям.— Я понял, что один не найду потерявшихся братьев и не дойду до Польши пешком,— мрачно продолжал Кшиштоф.— И тогда я решил собрать самых лучших моих римских учеников, найти подходящую лодку и плыть морем. Но плыть не на запад, а на восток, по картам. Это была отчаянная затея, но я решил, что если мы пойдем вдоль берега, не выходя на сушу, то сумеем добраться до Черного моря и высадиться в земле украинцев. Я уговорил плыть со мной десятирх спутников. Многие были опытными рыбаками и умели управляться с парусом и веслами.

Мы вышли в Адриатическое море, угодили в шторм. Затем у нас сломалась мачта. Со всех сторон в трюм просачивалась вода, но наш корабль плыл! Сначала мы пошли на юг, к оконечности Италии, чтобы видеть берег, а оттуда собирались свернуть к греческим островам.

Сперва мы увидели лесные пожары. Горели сотни километров леса. Лето выдалось не таким уж и влажным; мы решили, что пожары возникли сами по себе. Мне тогда и в голову бы не пришло, что кто-то мог нарочно поджечь леса. А затем впереди показалось настоящее кладбище древних военных кораблей. Их там несколько десятков, некоторые сидят на мели, другие лежат на боку на мелководье, но есть и такие, которые полтора столетия простояли на якоре... Итальянцы сказали, что эти железные горы приплыли когда-то из-за океана и вот уже сотню лет источают зловоние. Внутри кораблей живет зараза, их пушки набиты снарядами, а в трюмах плещутся целые моря нефти. Есть даже такие корабли, где на палубах стоят стальные стрекозы, на которых люди когда-то умели летать... Но в Италии нет Качальщиков, чтобы утопить корабли окончательно.

— Это то, Артур, о чем ты думал? — вставил прислушивавшийся к разговору Лева.— Ты спрашивал там, у польского Качальщика...

— Да, судя по всему, остатки одного из флотов США,— кивнул Артур.— Средиземноморская эскадра. Так что, пан Станислав, Кшиштоф считает, что земля могла раскататься от нефти этих кораблей?

— Я тоже так мыслил,— насупился святоша.— Пока не увидел своими глазами, что на кораблях совсем недавно побывали люди. Кто-то забрался внутрь и выпустил в чистое море нефть. Нам пришлось забирать далеко на запад, чтобы не попасть в горящую воду. Но это еще не все. Мы подошли к берегу и расспросили местных жителей. Дикие рыбаки поклялись мне, что один из больших кораблей раньше стоял на якоре в гавани острова Сицилия. А теперь он лежит на боку гораздо севернее, и жерла его пушек торчат из воды. С корабля свешивались канаты, и было заметно, что его тащили нарочно, словно хотели навредить, испоганить чистые земли Двух морей. А еще чуть позже, когда мы уже достигли земли греков, мы услышали взрыв. Это взорвался в заливе один из подводных снарядов.

Рыбаки из деревни видели, как несколько больших лодок, плюющих дымом, тащили за собой поврежденный военный гигант, а потом бросили его и ушли на восток. На лодках работали люди в черной одежде, с закрытыми снизу лицами. И головы их были обмотаны тряпками. Кто-то хотел выйти в море, чтобы помешать им, но люди в черном открыли огонь из пулеметов.

Тогда я спросил у своих римских учеников, бывало ли такое раньше, чтобы древние корабли теряли свои заряды, или выбрасывались на берег, или разбрызгивали по морю горящую нефть... И мои спутники вспомнили, что долгие годы на севере было тихо, но примерно два с половиной года назад дважды гремели такие взрывы, что земля вздрагивала на тысячи километров, а сияние от взрывов затмевало солнце...

— Что ж они раньше молчали? — перебил Артур.

— Ты прав, пан Кузнец. По времени выходило, что, когда Великое посольство достигло Франции, кто-то устроил два взрыва у них на пути. Люди в Милане видели, как по небу прокатились смерчи, а затем с запада, из Франции, пришли тучи черного пепла. Несколько недель подряд воздух приносил дыхание огня...

Артуру казалось, что он видит дурной сон. Ничего этого не могло быть, просто потому, что так не бывает. Потому что необразованным пиратам в чалмах просто незачем проникать на тысячу километров вглубь зараженной территории и взрывать нефтепровод. А судя по рассказу, кто-то постарался и уничтожил колоссальную нефтебазу... А три года спустя эти же загадочные басурманы скидывают в залив начинку миноносцев и сливают сотни тонн дефицитнейшего топлива.

Но кто-то этот подвиг совершил...

— Что было дальше?

— Мы свернули на восток, прошли между греческими островами по древним картам. Мы раз пять приставали к берегу, намереваясь поговорить с местными жителями, но натыкались лишь на пожары и следы войны. И там жили не дикари, пан Клинок. Я видел крепкие дома, храмы и ухоженные поля. А еще я видел трупы многих убитых — не только мужчин, но женщин и детей. Я почти ничего не знал об этой земле и не знал, с кем на востоке они могли бы воевать столь жестоко. А потом на месте одного из боев мы натолкнулись на тела людей в шароварах и повязках на лицах. Раньше мы не встречали трупов иноземцев.

До того случая мы считали, что только звери могут рвать животы беременным женщинам, мужчин сажать на кол, а детям выкалывать глаза. Но оказалось, что они не звери, а такие же люди, как мы.

Ты слышишь, пан губернатор? Было ли у вас, в России, так, чтобы один город напал на другой, и всем детям побежденного города перерезали глотки? Мы случайно встретили нескольких спасшихся стариков.

Сначала они хотели убежать от нас, но потом поняли, что нас не надо бояться.

Старики увидели Крест и вышли из укрытия.

Никто из нас не понимал их речь, тогда они принялись рисовать на песке. Рисовали лодки и людей с закрытыми лицами. Это не были дикари и не звери, пан Клинок. На одеждах убийц были начертаны непонятные буквы, они владели дорогим оружием, и вдобавок один из них нараспев читал остальным книгу. Дикари не читают книг.

Мы прошли еще дальше на восток и на север, везде держась берега, пока не достигли удивительного и печального места. Мы приплыли туда, где море сужалось. Карта не обманула. Там, у причалов, лежали и торчали из воды сотни, если не тысячи мертвых кораблей. Настоящее кладбище. Пока мы пробирались по каналу, все время видели прекрасный город Двух Башен; я забыл, как он назывался до Большой смерти. Город огромен, пан Клинок, я никогда не видел такого скопления домов. Несколько моих людей решили выкупаться. Их ужалили медузы, и нам пришлось пристать. Мы надеялись встретить жителей, попросить у них лекарство...

А если честно, то нам всем хотелось подольше полюбоваться на неземную красоту, на теплые зеленые горы и роскошные белые дворцы. Казалось, что на пристанях никого нет, но едва мои добрые спутники вышли из лодки, как их окружили смуглые люди с оружием.

Это я виноват в их смерти. Чудесный город Двух Башен показался мне чистым и добрым, я не ожидал, что там живут наши враги — те самые, с тряпками на головах...

— Почему две башни? — произвольно вырвалось у Артура. — Насколько я помню, у Аль-Софии четыре минарета. Хотя могли и разбомбить...

— Ты там бывал? — поразился ксендз.

— Очень давно, — улыбнулся Артур. — Когда башен было четыре. Что стало с тобой дальше?

— Я оставался в лодке, это меня спасло. Оказалось, что люди, населявшие Две Башни, поклонялись не Крестам, а ущербной луне. Они убили всех моих спутников, а пока шла драка, лодка оторвалась от берега и поплыла, подхваченная течением. Я мог бы выйти и погибнуть, защищая друзей. Но я принял решение спастись в море, потому что раскрытая тайна была важнее отваги и чести. Ты не веришь, губернатор, что так бывает?

— Верю. Умереть проще всего.

— Я плыл один на север. Я знал теперь, что Великое посольство не вернется. Враги разведали о нем, но побоялись схлестнуться в честном бою. Они использовали магию или наняли очень умелых инженеров, чтобы раскатать землю... Я не понимал одного: кому понадобилась смерть невинных детей? Я видел людей в городе Двух Башен, но люди

всегда подчиняются вожаку. Я не понимал и сейчас не понимаю, какой смысл в истреблении женщин, которые могут рожать?

У меня не осталось сил управлять судном, и великое чудо, что я не умер от жажды и меня не сожрали морские твари. Я молился Кресту и верил, что Бог меня не оставит. Когда солнце и жажда почти доконали тело, море вынесло лодку к берегу. Меня подобрала рыбаки, они говорили на языке, похожем на наш, и отвезли в деревню под названием Адлер...

— Ни хрена себе прогулка!

— Да, меня хранили высшие силы. Рыбаки меня выходили, а затем помогли пристроиться к каравану, который шел на север. И лишь спустя месяцы мытарств я разыскал украинских Хранителей, которые усадили меня на крылатого змея и отправили в Варшаву.

— Да уж! — проникся Артур. — Потаскало тебя по кочкам. И какого рожна тебе дома не сидится? Я все меньше верю, что мы найдем ваше посольство...

— Я могу задать вопрос? — вежливо встрял Лева. — А как реагирует ваша власть?

— Воеводы озлились, — с тоской отозвался поляк. — Они заявляют, что все это слишком далеко от нашей страны и никто не неволил наших братьев возрождать Вечный город.

— А святоши?

Станислав не потрудился даже повернуться к Лева, зато смерил Артура долгим пристальным взглядом.

— Нам приходится дружить с колдунами, пан губернатор, так? Тебе и мне. Ты хочешь сказать, что отправился искать своих Проснувшихся демонов, не поставив угощение Хранителям памяти?

— Нет, конечно, — удивился Артур. — Да если бы я к ним на поклон бегал перед каждой вылазкой, у нас был бы не город, а страна сплошных советов. Тем более что не очень-то они разговорчивые...

Карапуз резко осадил коня. Серая полоса автобана покрылась толстым слоем песка. Кони ступали, увязая по щиколотку, на зубах у людей скрипели песчинки. Вблизи пылевая завеса напоминала не плоский театральный занавес, а скорее клубящуюся, медленно ползущую снежную лавину. Артур вспомнил, как в юности он выезжал в командировку в Среднюю Азию и наблюдал за раскаленными барханами, которые неукротимо наступали на зеленую траву. Здесь происходило нечто похожее. Листья деревьев и кустарники изменили цвет, они казались припорошенными желто-коричневым тальком. Вплотную к песчаной лавине жизнь полностью замерла.

Окончательно исчезли насекомые, затихли птицы. Кроме фырканья коней и негромкого лязганья металла, слышался лишь все нарастающий, заунывный стон дороги.

— Надо закрыть лица и глаза! — распорядился Станислав. — Так ты пустился в дорогу, пан губернатор, и не спросил совета у ваших предсказателей? Даже Хранитель Кшиштоф знает о тебе больше, чем ты сам...

— Говори понятнее, пан Станислав! — Артур проверил, чтобы все как следует затянули на затылках тесемки мокрых масок и лямки мотоциклетных очков.

— Куда уж понятнее? — уперся святоша. — Хранители отыскиали для тебя место в своей колдовской книге, а ты даже не интересуешься, о чем там говорится... Позволь, я поеду первым! — Он стегнул коня и, вздымая фонтаны пыли, устремился вперед.

Артур рассеяно проводил его взглядом и вновь повернулся к лесной прогалине.

— Ребята, смотреть в оба! Бьем все, что движется!

Карапуз и Даляр зачехлили стволы, готовясь стрелять сквозь мешковину. Лапочка вел себя тихо, зато Семен Второй напряженно перешептывался с Христофором. Сын Красной луны встал ногами на широкое седло и поворачивался, зажав виски ладонями.

После встречи с копытными никто над ним не подтрунивал. Коваль развязал один из рюкзаков и бережно достал плоский футляр со счетчиком Гейгера. Сколько он ни бился, даже «продвинутым» Хранителям не смог объяснить, что именно слышит чудной приборчик, найденный в обычной средней школе. Сейчас счетчик вел себя довольно сдержанно, бывало и похуже...

— Так что говорит Книга? — не отставал от поляка Артур.

— Если останешься жив, спроси у Кшиштофа, — издаലെка усмехнулся Станислав. Огромный жеребец под ним пятился и пугливо вращал багровым, налитым глазом. — Я знаю, что северные колдуны совсем недавно добавили записи о Проснувшемся демоне. Теперь в Книге сказано, что он соберет Братство Креста и возглавит поход на юг...

5

ПЕРВАЯ ПОТЕРЯ

— Спаси нас, святая Ксения! Ты видишь, господин Кузнец? — мама Рона тронула Артура за рукав.

Начальница Медицинской академии отлично помнила, как к ней в санчасть привели когда-то обритого, запуганного парня в ошметках

пластыря, но на людях всегда подчеркивала свое почтительное отношение к губернатору.

— Как думаешь, ваша работа? — повернулся Артур к Качальщику. Семен Второй растерянно pokrutil головой.

— Наши люди так не умеют...

Почти шесть часов экспедиция шла сквозь полосу песчаных бурь. За это время окружающая флора изменилась настолько, что Артур поневоле чувствовал себя космонавтом на чужой планете. Сначала они плелись в сумерках, отплевываясь песком, словно угодили в центр Сахары. Первым, держа коня на поводу, брел Станислав. Артур никак не мог взять в толк, откуда берется и куда уходит эта локальная буря. Такое ощущение, словно бесконечная, растянувшаяся до горизонта полоса выполняла функцию заслонки между более-менее привычной действительностью и чем-то неведомым.

Когда напор ветра начал ослабевать и появилась хоть какая-то видимость, оказалось, что четырехрядный автобан с разделительным газоном посередине кончился. Впрочем, направление угадывалось по остаткам размытой гравийной подушки. Станислав прокричал Ковалю в ухо, что здесь он никогда не подвергался нападению.

Потом они выбрались, и Артур не мог не ужаснуться, осматривая своих людей. Больше всего досталось Старшине книжников. Бедный старик не мог остановить кашель, сплевывал и отхаркивался; несмотря на очки, глаза его разъела пыль. Остальные выглядели немногим лучше; даже лошади дрожали, точно загнанные зайцы. Черные, как смоль, волосы мамы Роны и рыжие патлы Христофора стали серыми. Самым хитрым, естественно, оказался ксендз: он повязал не только голову, но прихватил веревками рукава и отвороты кожаных штанов.

— Наши так не умеют, — повторил Семен и выплюнул комок серой слюны.

Но Коваль уже и сам понял, что до подобных шалостей русским Качальщикам далеко.

— Три года назад здесь было чище, — отозвался Станислав. Он наклонился и попытался гребнем расчесать свою густую шевелюру. — Теперь я вижу, что песок переместился. Но раньше за песком была зелень...

Сумрачные буки уступили место корявому, лишенному листьев подлеску. Все, что росло или делало вид, что растет, приобрело отталкивающий, мышиный оттенок. Артур не мог побороть омерзение. Вместо кустарника стояли дряблые, согбенные скелеты. За скелетами из черного месива выступали покореженные, уродливые пни, выбросившие навстречу солнцу пучки засохших веток, больше похожих на щупальца. Из переплетения веток свисали мокрые кожистые лианы, с них сочилась тягучая клейкая жидкость. Ковалю показалось, что к дрожащим нитям

лиан прилипли десятки мертвых насекомых. В таком случае выходило, что каждая мушка была размером с воробья...

— Это дубы,— заявил глазастый Карапуз.— Чтоб мне сдохнуть, это же дубовая роща...

По правую руку, насколько хватало глаз, тянулись почти правильной прямоугольной формы ряды каналов с застывшей черной водой, точно посевы риса или следы аккуратной бомбежки. Трава между ямами полегла и скукожилась. Из ближайшей илистой канавы высовывалась изящная мансарда с флюгером и остекленной верандой, внутри которой, словно законсервированные, красовались вазочки с цветами. Чуть дальше над водой болталась полукруглая, нарядная когда-то вывеска пиццерии. По одному из покосившихся столбов вывески, оставляя за собой потеки слизи, ползала рогатая улитка величиной с котенка.

— Медленно идет к нам,— озабоченно сказал Христофор, указывая за спину, где клубились песчаные буруны.— Неживое и живое, над землей и под землей...

— Это город,— кивнул на квадратные ямы Качальщик.— Недостертый город.

Воздух стал влажным. Заметно понесло гарью. Пропали телеграфные столбы и защитные щиты, бесследно исчезли могучие станины с путевыми указателями. И даже солнце, устало катившееся на запад, казалось грязным и блеклым, как пораженный катарактой зрачок...

Но было еще кое-что, озадачившее Коваля.

Между илистых черных канав уходил влево слабый след подъездной дорожки, вдоль которой, будто непереваренные трясинной, торчали обломки пластиковых конструкций. Определить их назначение не представлялось возможным. В конце дорожки, в сотне метров от шоссе, выглядывали из рыхлой, неприятно блестящей почвы остроконечные черепичные крыши.

— Целая улица... Она утонула,— подобрал слово Даляр.

Останки крыш тянулись двумя параллельными линиями, между ними разливалось безжизненное антрацитовое озеро. Еще дальше, в кругу кривобоких, плешивых растений, торчала покосившаяся верхушка кирпичной ратуши. Снизу доверху темно-красный в прошлом кирпич был сейчас покрыт белым и зеленым налетом, точно разные виды плесени соревновались, кто быстрее сожрет воспоминание о человеке. Из разбитого стрельчатого окна здания высовывался гигантский птичий скелет. Видимо, четвероногая утка устроила гнездо в недрах муниципальной собственности. А потом явился кто-то, еще более крупный, подкараулил птицу в ее домике и перегрыз ей горло. На расстоянии Артур различал острую килевую кость и раздробленный позвоночник.

И ни единого звука, только звон в ушах, словно после разрыва снаряда...

— Не поет больше,— заметил Людовик, орудуя шомполом в дуле карабина.

— Дорога умерла, петь некому,— объяснил поляк.— Дорога поет, пока ее ломает.

Артуру, в свое время, довелось участвовать в стирании нескольких десятков некрупных населенных пунктов в глубине России. И всегда Качальщики сначала определяли точки приложения сил, скрупулезно собирали «плавающий» узел, чтобы, не дай бог, не выпустить процесс из-под контроля...

Тут все было иначе. Землю раскачали небрежно, часть домов осталась на виду. Либо тот, кто вывернул наизнанку южную Германию, действовал как взбесившийся слон, либо...

— А может, это Звнящая метка? — нерешительно спросил Коваль.

Семен Второй присел, растер в ладони горсть земли, поднес к носу.

— Похоже на то, но кто их видел?..

— О чем идет речь? — к полуживому книжнику понемногу возвращалось любопытство.

— Звнящая метка, по терминологии Хранителей, это редкий случай, когда три «плавающих» узла собираются прямоугольным треугольником,— пояснил Артур.— Например, на месте ядерного взрыва или очень грязного древнего производства. Так было у нас в Череповце и... в Москве. Такая метка не просто Слабая, она способна вызвать разрушения на площади в тысячу километров. И Звнящие метки, в отличие от обычных, Качальщики не раздувают, а, напротив, стараются погасить. Самые вредные объекты всегда старались растворять потихоньку...

— Это ж надо! — присвистнул Людовик.— А сколько ковбоев они угробили со своим колдовством...

— Мы не воюем с ковбоями! — нахмурился Семен.

— Тихо, тихо оба! — рявкнул Артур.— Тут никто не виноват. Тут все гораздо хуже.

Он вглядывался в горизонт, крутил настройки бинокля, но везде встречал лишь обезображенные карликовые деревца, черную жирную воду и серый блеск земли.

— Нет леса, приятель,— сообразил Семен.— Если это метка, должен быть дикий непролазный лес. И звери. А тут пусто, как на пожарище.

— Тут не пусто,— внезапно заявил Христофор.

— Хлопец прав, тут совсем не пусто,— обнажил редкие зубы святоша.— И если засветло не доедем до городка пивоваров, то спокойной ночи я никому не обещаю.

— По коням! — приказал Артур.— И след в след, порядок прежний.

Спустя два часа перехода в напряженной тишине, запах гари стал сильнее, а клубы летучего песка почти исчезли за линией чахоточной поросли. Отряд продвигался в полном молчании. Все спутники Ковалья когда-то повидали Вечные пожарища, но здешние «красоты» повергали в смятение даже Митю Карапуза.

— Глянь, хозяин! — потрясенно указал он, когда в десятый раз миновали череду плоских бетонных крыш.

Прежде там возвышались корпуса германских промышленных гигантов, но теперь они походили на стадо доверчивых буйволов, угодивших в трясины. Одна из роскошных нержавеющей башен с рекламой фармацевтического концерна «Байер» ухитрилась не уйти в почву вертикально, а завалилась набок. Артур насчитал одиннадцать этажей.

— Эдакую махину втянуло! — восхищенно восклицал Карапуз. — А мы так против нее, что букашки...

В одном из окон верхних этажей торчали палки, пучки травы и даже обломки стальной арматуры. Когда всадники приблизились, из-за балконных перил высунулись две пучеглазые головы с массивными, загнутыми вниз желтыми клювами. На голых черных шейках еле-еле пробивался нежный пушок. Шейки были обхватом с мужское запястье. Обитатели фармацевтического офиса синхронно разинули клювики и издали жалобный писк, от которого вздрогнули лошади.

— Это ж гнездышко, — крикнул Митя. — Ни хрена себе птенцы! Не хотел бы я с ихней мамкой столкнуться!

Коваль подумал, что хищные детеныши вряд ли могли взлететь при таком весе. Интересно другое: как их мамаша добывает пропитание, если ходит пешком? Разве что бегаёт со скоростью курьерского экспресса...

Рыкающий бас Карапуза разносился в стороны от тропы и тонул в сыром тумане. Артур ни с кем пока не хотел делиться своими наблюдениями, но кое-что в поведении воздуха ему совсем не нравилось. Качальщик тоже заметил изменения, недоуменно поглядывал на небо.

Воздух не должен был теплеть к вечеру, а он не просто теплел, он становился душным, точно под землей разогревался дьявольский котел. Над илистыми кавернами поднималось зыбкое марево, а справа открылась широкая низина, до горизонта заросшая жесткой сиреновой осокой. Оттуда ласковый ветерок доносил жуткое зловоние, будто догнивал стратегический запас квашеной капусты. Именно такими представлял себе Коваль уютные болотистые лежбища Юрского периода.

Воздух нагревался с каждой минутой, и само солнце вело себя как-то неправильно. По всем прикидкам, светило должно было давно скатиться к удаленной цепочке холмов, но вместо этого точно приклеилось к небу. Коваль дважды доставал из подсумка железный цилиндр с авиационным хронометром и дважды не мог понять, кто сошел с ума, он или

солнце. По внутренним ощущениям Артура, часы шли исправно. «Но если в космосе все в порядке,— вынужден был признать Артур,— значит, не в порядке само время!» Только этого не хватало... Он незаметно показал Семену на циферблат. Тот мрачно кивнул. Качальщики не пользовались механическими приспособлениями, но с детства были приучены определять время с точностью до минуты.

— Не темнеет,— сквозь зубы проворчал Семен, поравнявшись с губернатором.— Слово время в кольцо замкнулось. Я слышал, китайские монахи так делать умеют...

— Здесь так бывает,— откликнулся вездесущий ксендз.— Иногда слабее, иногда сильнее; я не хотел вас пугать. Один мой знакомый, из германских колдунов, ходил за травами, но не по этой дороге, а севернее. Однажды он попал в день, который длился больше тридцати часов, а когда вернулся обратно, никто его не искал. Родственникам показалось, что он вернулся даже слишком быстро, за одно утро. Все удивились, как он успел собрать так много целебных растений...

— Выходит, если мы застрянем тут на месяц, за пылью может пройти всего неделя?

— Ты не проживешь тут месяц,— просто ответил поляк. Затем поразмыслил и добавил «ясности»: — А южнее может стать совсем наоборот.

— Здесь можно собрать что-то целебное? — недоверчиво хмыкнул Качальщик, заматывая лицо шарфом.

Он последовал примеру Карапуза: достал пузырек и выдавил на ткань несколько капель настойки, чтобы вонь не отбила обоняния.

— Здесь я даже голой рукой к земле не стал бы прикасаться,— бросил Станислав.— Но севернее, в предгорьях, много хороших трав.

Головной жеребец Карапуза увлекал своих сородичей по сложной зигзагообразной траектории: петлял между торчащими из гравия трубами, антеннами, верхушками высоковольтных мачт. Иногда, точно лишайник, возникал на пути кусок дремучего бурелома. Тогда направление подсказывал ехавший вторым Станислав. В редких рощицах слышалось птичье пение, на обочине мелькали силуэты мелких зверьков, затем зеленая полоса обрывалась, будто отрезанная ножом, и отряд снова видел вокруг лишь безжизненную степь с отпечатками тысяч «проглоченных» строений, озерами солярки или пахучими гейзерами химикатов.

В какой-то момент на вершине холма невесть откуда возник кусок автобана и рощица чахлах осин. Коваль скомандовал привал и помывку. По крайней мере на открытом пятаке никто не мог подобраться незамеченным. Станислав отнесся к идее привала крайне скептически и настоял на том, чтобы не сходить с бетона. В сторонке нашли канаву с

чистой водой, дали сперва понюхать тигру. Лапочка не отвернулся, но Артур даже для бани скомандовал воду вскипятить.

Приведя себя в порядок, губернатор вернулся в седло и попытался сориентироваться на местности. Масштабы разрушений превосходили самые дерзкие фантазии.

Никакой Качальщик не сумел бы столь высококачественно искрошить то, что люди создавали тысячелетиями. Если бы не молчащий счетчик, Коваль охотно принял бы версию давнишнего ядерного взрыва. До Большой смерти плотность населения в этих районах была чрезвычайно высока. Здесь, без сомнения, поработала Метка, гораздо страшнее, чем та, которую Артур когда-то вызвал к жизни в Москве. Но Метка выдохлась, не закончив страшную работу...

— Там, южнее леса, город,— Артур передал бинокль Станиславу.— Не пойму, как он мог сохраниться.

— Я уже начал бояться, что мы сбились с пути,— криво ухмыльнулся святоша.— Три года назад все было иначе...

Он не успел договорить фразу, потому что Христофор и Семен, жевавшие на попоне бутерброды, вскочили одновременно. Не успели они распрямиться, как Даляр уже перекатился на горячем пружинящем бетоне и направил пулемет в сторону, куда указывал придворный колдун.

— Что там, Христия? — выкрикнул Карапуз.

— Очень быстрое и снова поверху и под землей...

— Это рой,— побледнел ксендз.— Я говорил, что нельзя останавливаться!

В ватной тишине пронесся нарастающий шелест. Затем шелест перешел в мягкое гудение. Люди вскочили на ноги, лихорадочно озираясь, лошадь мамы Роны звонко заржала, поднялась на дыбы и чуть не зашибла передними копытами хозяйку. Карапуз запрыгнул на своего жеребца, потянул из лямок шестиствольный пулемет. Из всей команды лишь он один мог управляться с ним.

— Там, там! — повторял Христофор, обняв шею своего коня.

В болотистой низинке поднималась к небу колченогая конструкция, увенчанная пластиковым коробом с надписью «Шелл». Вдалеке поблескивали верхушки гигантских нефтеналивных цистерн. Между ними по направлению к дороге скользило темное облако. В бинокль это походило на многократно скатанный рулон проволоочной сетки.

— Коням — лежать! — скомандовал Артур, выхватывая оружие.— Семен, выпускай летунов!

— Бесполезно,— сказал ксендз, но Качальщик уже вспорол на спине резервного коня мешки с боевыми мышами.

Шесть хищных голов лязгнули зубами; летунам не надо было объяснять, где находится противник. Конь, почуяв хищников, шархнулся в

сторону и случайно задел Семена копытом. Мыши взмыли в воздух, на ходу выстраиваясь в боевой клин. За последнюю разработку Коваль заплатил генетикам вдвое больше обычного; новые мыши обзавелись легкой броней, двумя втягивающимися когтями, а яда теперь хватало, чтобы в одиночку завалить быка.

Семен от удара копытом покатился по земле, к нему бросилась мама Рона. Испуганный конь рванул в сторону, соскочил с дороги и, никем не остановленный, понесся навстречу рою, унося на себе канистру с водой и свернутые палатки... Свободные лошади сбились в кучу и бесновались, как стая чертей. Слава богу, пути не позволяли остальным гигантам рвануться наутек...

Ровный гул перешел в пронзительный хорал, точно на три ноты стелла сотня кастратов. Темная туча размером с волейбольную площадку, а по форме очень похожая на хоккейную шайбу, насквозь прошла короб с рекламой немецкого машинного масла.

Вывеска взорвалась мельчайшими брызгами.

Следующим на пути тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Словно не замечая препятствия, рой проделал в перекрытиях здания дыру и продолжил атаку.

Ошалевший от ужаса конь по касательной приближался к вероятному противнику, разбрасывая содержимое рюкзаков. Летуны мчались двумя клиньями, собираясь зажать врага в клещи. В отличие от лошадей, они никого не боялись.

Артур поднял бинокль и почувствовал слабость в животе. Организм нечасто его обманывал. На сей раз из болота надвигалось абсолютно чужеродное создание. Мышцы словно обволакивало волной ледяного ужаса.

Рой состоял из тысяч тонких визжащих стрекоз, сцепленных между собой длинными жесткими усиками и собравшихся в сложную кристаллическую структуру.

Следующим на пути металлизированной тучи стал чердачный этаж затонувшего автомобильного салона. Рой слегка замедлился, проделал в перекрытиях здания дыру, прогрыз знак «Опель» и продолжал неукротимо взбираться на холм.

— Матерь божья! — прошелестел Лева.

— Как с ними бороться? — Коваль тряхнул сборника за плечо.

— Молиться или убегать, — просто ответил тот. — Если дорога их не остановит, остается бежать...

Губернатор не решался дать команду открыть огонь. Он был уверен, что только зря расстреляет патроны. Несомненно, усики, которыми соединялись насекомые, были невероятно остро заточены и вдобавок вибрировали, как лезвия электрических лобзиков. Но Коваль рассмотрел и другое.

Рой плыл и под землей, точно плугом вспарывая верхний слой почвы. Там, где проходила сетчатая «шайба», сиреневая осока осыпалась мелкой стружкой. Двигаясь таким макаром, подумал Артур, эти твари неизбежно уткнутся в сверхпрочную бетонку...

Обезумевший конь Семена заметил опасность, когда стало уже слишком поздно. В последний момент он затормозил, пытаясь сменить направление, провалился выше колен в глинистую кашу болота, и тут ему беззвучно и очень ровно отрезало заднюю часть туловища. Мощные ноги жеребца, даже не успев подогнуться, превратились в мелкий фарш. Коваль так и не понял, питался рой своей жертвой или нет.

Летуны достигли цели и с яростным клекотом набросились на врага. Спустя секунду все было кончено. Живой авиации больше не существовало. Правда, можно было еще кинуть в бой четверку почтовых голубей...

— ...спаси и помилуй... — тихо молился Лева.

— Через минуту они будут тут, — очень спокойно произнес Даляр.

— Всем по коням, — скомандовал Артур. — Капитан, огонь по левому флангу!

Карапуз немедленно выпустил сотню пуль.

— Так им! — закричал Людовик. — Что, гады, не нравится?

Произошло чудо, рой смешался. Гнетущий металлический хорал распался на сотни отдельных писклявых голосков.

— Полковник, огонь по правому флангу, короткими!

Коваль прилип к биноклю. Конь под ним слушался, но дрожал, как зайчонок.

Даляр повел стволом пулемета. Стрекозы понесли ощутимый урон; по крайней мере, стало ясно, что они уязвимы. Артур ясно видел, как блестящие сосиски, даже разорванные на части, продолжали не в такт взмахивать спаренными жесткими крылышками, мешая товаркам отстегивать «крепежную арматуру». Рой замер на месте, избавляясь от поврежденных частей решетки. Там, внутри, происходили сложные центробежные перемещения, кристалл спешно менялся, принаравливаясь к новому состоянию. Артура внезапно осенило, что, даже расстреляв весь боезапас, они не остановят этот бескровный суперлобзик...

— Христовор, свободных лошадей в центр! Полковник, направляющим! По моей команде — в галоп! Карапуз, замыкающим, прикрывать!

Станислав нарочно взял западнее, чтобы оставить между отрядом и железной тучей дорожное полотно. Угощая коня плеткой, Артур заметил, как на противоположной обочине фонтанами взлетели куски бетона. Рой вгрызался в шоссе.

Конница промчалась метров двести, затем, по команде губернатора, сгрудилась на следующем островке бетона. Коваль кивнул Людовику.

Тот уже ждал с заряженным гранатометом на плече. Бить пришлось прямой наводкой. Даляр отскочил, зажимая уши руками.

Боевое преимущество роя стало для стрекоз палкой о двух концах. Почуввав приближающийся объект, они сгруппировались плотнее, хотя могли бы пропустить гранату сквозь себя. Взрывом тучу разорвало на четыре части; даже теперь отдельные фрагменты продолжали цепляться друг за друга. Чудовищный охотник остановился, атака захлебнулась. Артур ждал, когда рассеется дым, Людовик замер со следующей гранатой в руке. Даляр сдерживал беснующихся коней.

То, что происходило на обочине, больше всего напоминало кадры из ночного кошмара. Раскиданные по траве и бетонке стрекозы с упорным бесстрашием сползались в центр, к тому месту, где под землей поджидала неповрежденная часть роя.

— Ниже бей! — кричал Даляр, ударяя по стволу гранатомета. Позже Коваль десять раз задавал себе вопрос, мог ли он предотвратить то, что случилось. Вторая граната снова угодила в цель, но Людовик слишком увлекся и, не слыша окриков Даляра, ринулся вперед. Очевидно, ему хотелось засадить третий заряд еще ниже, вплотную к земле, туда, где, скорее всего, помещался мозг кровожадной проволоки. Он пробежал десяток метров, не замечая, что рой все быстрее движется ему навстречу, и замешкался, перезаряжая гранатомет. В этот миг из дымной завесы вырвался неровный сетчатый шар и разрезал бравого капитана на части. Вряд ли рой действовал осознанно, скорее бесился кусок его организма, оторвавшийся при взрыве предыдущей гранаты. Коваль уже успел прокрутить в голове сюжеты из фантастических книжек, читанных в детстве, и сделал для себя вывод, что о коллективном разуме речь не идет. Тварь действовала на уровне простейших инстинктов.

Все кричали одновременно. Даляр поливал остатки роя из пулемета, Семен набивал для полковника магазин. Карапуз, соскочив с коня, приседая под тяжестью своей шестиствольной махины, топал через дорогу, как разгневанный носорог. Мама Рона плакала, натужно хрипел Свицкий, удерживая коней. Даже ксендз отчаянно ругался.

Артур уже видел, что похоронить Людовика им не удастся. Он соскочил с коня и, преодолевая отвращение, подошел к застывшему над трупом друга Даляру. Плечи полковника вздрагивали, он указывал Ковалю пальцем, не в силах произнести ни слова.

Оставляя широкую кровавую полосу, проволочная амеба волокла останки Четырнадцатого к обочине. Тонко вибрирующие усики стрекоз распороли человека на десятки кусков, которые держались только за счет толстых кожаных портупей. Как ни странно, лицо почти не пострадало. Людовик смотрел в небо с тем же озорным, škodливым выраже-

нием, как и четырнадцать лет назад, когда Артур впервые встретил его в кольце лысых псов...

— Хозяин, берегись! — окликнул Митя.

В сторонке, ощупывая друг друга гибкими усиками, ползли еще две стрекозы. По пути они объединились с третьей, затем к ним присоединились еще две, выпустили звенящие жесткие крылья...

— По коням!

Лошади неслись галопом, следуя за предводителем. Через два часа безостановочной скачки Коваль позволил перейти на шаг. Он чувствовал, что если не остановится и не хлебнет из фляги, его немедленно стошнит. При всем удобстве седел каждый шаг черного жеребца отдавался болью в позвоночнике. Позади, намотав на руки узду, тряслась белая, как простынка, мама Рона. Встретив взгляд губернатора, она сделала попытку улыбнуться.

Колонна замедлилась. От разгоряченных боков лошадей шел пар. Копыта увязали в рыжем песке, поверх него наметало сухой ржавчины сантиметров десять толщиной. Черные болота почти полностью уступили место сиреневой осоке; вблизи оказалось, что трава вымахала в рост кукурузы. К счастью, сохранившаяся под ржавчиной основа шоссе не позволяла подозрительным побегам придвинуться вплотную. Конни брели по центру складчатой полосы, между двух неестественно шуршащих, сиреневых стен. На рыжем песке прослеживалось множество следов, и некоторые Артуру совсем не нравились. Например, вот эти, где три узких пальца или когтя раздвинуты сантиметров на пять, а противостоящий им большой удален от остальных на семь дюймов. Ни Карапуз, ни Семен — самые большие знатоки леса — не могли припомнить животное с такими лапами...

Солнце на западе продолжало свои бредовые игры, то замирая, то проваливаясь ниже. У Ковалья не было времени сесть и сделать замеры, он лишь чувствовал, что с прыжками светила каким-то образом связаны приступы головной боли. Оказалось, что виски периодически трещали у всех, даже у непробиваемого Карапуза, который трусил позади, для надежности развернувшись задом наперед.

Рой отстал. Пока скакали, Христофор знаками показал командиру, что далеко слева прошли еще две подобные тучки. Но они не сменили направления и не кинулись наперерез.

— Как нам отвязаться? — с трудом переводя дыхание, набросился на ксендза Семен. — Ты говорил, что до темноты покажутся горы, но нет ни гор, ни темноты. Здесь ночь хоть когда-нибудь наступит?!

— Там город! — поляк ткнул стволом карабина в приближающиеся развалины. — Путники, встречавшие рой, находили убежище в городах. В городах много металла, рой не любит металл.

— Как давно они появились? — вклинился Артур. — Ты говорил, что первый раз проходил тут двадцать лет назад?

— Они были другими... — задумался поляк. — Тогда германские крестьяне не боялись ходить за песочную стену. Они находили в развалинах много полезных вещей... Достаточно было вколотить в землю железную палку. Рой ломал об нее зубы и отступал.

Коваль переглянулся с Качальщиком.

— Наши старики говорят, что за Уралом встречалось нечто подобное, — вполголоса произнес Семен. — Неживые твари, подобные машинам. Твари, которые живут, повинаясь закланиям. Но никто не видел колдунов, способных повелевать древними машинами.

— Судя по книгам, до Большой смерти таких умельцев было полно, — напомнил Лева.

— Значит, они набирают силу, — подвел невеселый итог Артур.

Какая-то мысль крутилась у него в голове, не давая успокоиться. Не что важное, воспоминание, неясная аллюзия, навеянная рассказами Станислава...

— Раньше в городе всегда наступал закат, — встрепенулся Станислав и добавил, отвернувшись в сторону: — Правда, говорят, там не всегда светало...

— Командир! — Даляр избегал смотреть губернатору в лицо. — Почему ты послушался этого пройдоху? Если бы мы полетели на драконе, Лю был бы жив!

Несколько секунд полковник и ксендз, не мигая, мерялись взглядами. Руки обоих готовы были лечь на курки, но губернатор встрял между ними. Затем святоша очень медленно повернулся к Ковалю:

— Скажи своему человеку, что он вправе убить меня, если утром я не дам ему доказательство. Мы погибли бы все...

Коваль положил ладонь на вздрагивающее плечо Даляра; тот нехотя отвернулся. Краем глаза Артур видел, как Семен опустил здоровый кулак с зажатым в нем ножом.

Это лишь начало, содрогнулся губернатор. Мы не прошли и трети пути, а несем потери. Правда и то, что без святоши мы бы давно погибли. Я остановил их сегодня, но где гарантия, что они не затеют драку без меня? Каждый видит свое горе и не в состоянии рассмотреть общую проблему.

Запах гари стал невыносим. Наконец, за очередным плавным поворотом сиреневое поле сменилось пожарищем. Серые курганы золы вяло курились, как вулканы над морем пепла. На несколько километров вокруг взгляд ловил только выжженную степь. Но за степью была жизнь. Там поднимались обглоданные стихиями, но вполне приличные старинные готические постройки. Между изделиями средневековых

каменотесов вклинивались конструкции двадцать первого века. Большой город, такая привычная зелень на площадях. И горящие костры.

«Кайзерслаутерн»,— прочел Коваль на дорожном щите. Надпись почти выцвела, но не так давно ее подновляли.

— Там люди и не люди. Добрые и злые,— прокомментировал Христов.

— Скажи только одно,— кинув взгляд на застрявшее, точно приклеенное к небу солнце, спросил у ксендза Артур.— Ты уверен, что нам не стоит обойти город стороной?

Брови и ресницы святоши покрывал слой гари, пот грязными ручьями тек по щекам.

— Три года назад,— медленно поднял уставшие глаза святоша.— До ухода Великого посольства, я бы сказал, что уверен...

6

НОЧНЫЕ ПИВОВАРЫ

По горам золы на брусчатке Артур сразу определил, что костры тут жгли постоянно, возможно, несколько лет подряд. Примерно так раньше выглядели осветительные приборы перед Зимним дворцом, пока не наладили нефтяное освещение. Две жаровни на площади напротив собора, еще две в конце длинной, превосходно сохранившейся улицы. Грамотно уложенные в каменных козлах столетние стволы, которые достаточно периодически подвигать,— и пламя не угаснет. Даже в сильный дождь. Впрочем, на случай дождя имелись широкие деревянные навесы. В створке, под рогожей, возвышались штабели аккуратно распиленных дров.

— Пивовары освещают город,— буднично произнес Станислав.— Порой солнце прыгнет — и ночь наступает слишком внезапно, а ночи тут бывают разные... Сам увидишь.

— Пивовары?! — не поверил ушам Артур.— Да кому нужно их пиво?

— Нам. Для этого мы взяли товары.

— Я не пью пива! — скривился Карапуз.

— Я тоже терпеть не могу! — подала голос мама Рона.

— Придется пить,— вздохнул Станислав,— иначе нам не пройти Желтые туманы.

— Это что еще за хрень? — насупился капитан чингисов.— Опять проделки магов?

Артур отметил, что после гибели Людовика команда впервые разговаривалась. Или городская обстановка действовала на всех успокаивающе.

вающе, или люди испытывали потребность сбросить напряжение в болтовне. Уверенности добавлял крепкий булыжник под ногами, развесистые каштаны в тенистых скверах и вездесущий запах дрожжей...

— Каждую осень ветры сгоняют Желтые туманы к морю, но весной они появляются снова. Они накапливаются и оседают росой. Пивовары говорят, что лет сорок назад туманы стояли круглый год, теперь они слабеют. Твой приятель Кшиштоф,— обратился поляк к Семену,— считает, что туманы рождаются на развалинах древней химии. Дожди вбирают отраву, затем вода поднимается вверх...

— А пивовары делают деньги на продаже снадобья? — усмехнулся Свирский.

— Ты можешь не пить,— равнодушно отмахнулся ксендз.

— Почему нас никто не встречает? — озабоченно спросила мама Рона.

— Жители не выходят при солнечном свете,— Stanisław привстал на стременах; казалось, он постоянно что-то высматривал.

— Почему?

— Сами увидите,— пожал плечами ксендз.

Отряд, никем не остановленный, проехал по главной улице почти километр и остановился на следующей площади. Артур вопросительно глянул на Христофора, тот изобразил растерянность. Тигр в корзине вылизывал шерсть. Кони, недовольно потряхивая надетыми на морды мешками, тянулись к буйным зарослям травы на тротуарах.

Оглядев площадь, Коваль испытал щемящее чувство возвращения в детство. Старая часть города походила на сказку про заколдованный замок. На плотно подогнанных каменных плитах мостовой стояли изящные чугунные скамейки. Позеленевший памятник неизвестному полководцу призывно взмахивал обломком руки. Узкие таинственные улочки разбегались от площади, маня за собой, точно задворки театральных декораций. Над стрельчатыми арками кое-где скрипели, покачиваясь, медные ботфорты, чайники и ножницы, как воспоминания о давно ушедших в небытие гильдиях мастеров. Готические шпили, обтянутые кружевом каменных украшений, прокалывали сумерки, словно гневно вздетые пальцы аристократов.

Обитые металлом дубовые двери старинных домов, казалось, готовы были распахнуться и выпустить навстречу путникам делегацию почтенных бауэров, бургомистра в буклях и при шпаге, румяных баронесс в крахмальных воротниках...

Но не появился ни бургомистр, ни придворные дамы. Вместо них, бесшумно ступая по замшелым плитам, из подворотни вышла кошка. С хозяйским видом оглядев пришельцев, она потянулась и села вылизывать шерсть.

И сразу все вернулось на круги своя. Лапочка рыкнул, оторвав кусок от своей корзины. Кошка моментально подобралась и зашипела, выдвигаясь вперед.

нув двойной ряд нижних, как у кабана, клыков. Серая мурлыка уступала тигру по всем показателям, но все же была крупнее добермана. Из мягкой шерстки на ее затылке развернулся частокोल полосатых игл, словно ожерелье дикобраза.

Коваль взглянул на сказочный городок другими глазами.

Из каждой щели настойчиво пробивалась сорная трава, по счастью не сиреневого, а самого обычного, салатного цвета. Но вперемешку с травкой поднимались вдоль водостоков серые и коричневые побеги незнакомого вьюна, украшенного роскошными пахучими цветами. Там, где вьюн вгрызался в стены, выпали камни. А на земле, вперемешку с гранитной крошкой, валялись мелкие птахи, соблазненные цветочным нектаром. Вдоль улицы тротуар обрушился до уровня канализации; из черного зева тянуло затхлостью. Деревянные двери домов прогнили насквозь и проросли грибами. Карнизы густо покрывал окаменевший птичий помет, а сквозь выбитые окна там и тут просвечивало небо. Крыши зачарованных дворцов давно рухнули вместе с внутренними перекрытиями.

— Вроде наших болотных котов,— заметил Лева, указывая на кошку.

— Ага, тока помельчей будут,— отозвался Даляр, поднимая арбалет. На кошку он жалел потратить пулю.

— Ишо две слева,— сказал Карапуз, запуская руки в седельные сумки.

— Не стреляйте,— попросил Станислав.— Это не дикие коты, без приказа не нападут.

Артуру не надо было поворачиваться, чтобы сосчитать животных. Их окружало восемь котов. Еще четверо притаились в засаде, за фасадом бывшего цветочного магазина. Кошки были спокойны и не представляли опасности. Это очень хорошо, значит, на пивоваров давно никто не нападал. Это хорошо вдвойне, потому что не придется убивать красивых животных, или заставлять их убивать своих хозяев...

— Сытных дней вам, охотник Борк! — вежливо произнес Станислав.

Коваль не сразу понял, к кому он обращается. А когда увидел, едва сдержал улыбку.

Плотный низенький человечек, из тех, кого кличут «метр с кепкой», закутанный как пасечник, стоял в темном проеме цветочного магазина, дополнительно заслонясь внушительным черным зонтиком. Лицо человека скрывало широченное сомбреро с наброшенной поверху плотной паранджой.

Ксендз бегло заговорил на немецком, Коваль еле осиливал его шипящую речь. Наконец охотник Борк свистнул котам и удалился в недра магазинчика.

— Мы приглашены,— счастливо выдохнул Станислав,— лошадей надо завести во двор, там с ними ничего не случится.

Внутренность замшелой лавчонки оказалась сплошным обманом. Наверное, тут торговали цветами еще во времена курфюрстов, здание явно было построено с десятикратным запасом прочности.

Вторая внутренняя дверь открывалась в узкий, извилистый коридор. За полным мраком опять возник рассеянный свет, кирпичные аркады сменились деревянной обшивкой, и Артур догадался, что предприимчивые пивовары связали в единую квартиру целый квадрат старинных зданий. Точнее, подвальных и полуподвальных этажей, выходящих на площадь и прилегающие улочки.

За третьим поворотом охотник Борк откинул плотный полог и пригласил гостей в сводчатую залу, заставленную тяжеловесной мебелью в худших традициях немецкого средневековья. Артура с порога потрясли две вещи. Зала освещалась тремя сносными керосиновыми фонарями, а в глубине стоял ухоженный, блестящий рояль с раскрытыми нотами на пюпитре. Борк снял шляпу, повесил зонтик на крюк и постучал в смежную дверь. Потирая глаза от сна, явились еще двое мужчин, помоложе. Они удивительно походили друг на друга и на Борка. Изжелта-бледные лица в прожилках вен, красные глаза и белоснежные патлы альбиносов.

— Мои сыновья, — представил охотник. — Клаус и Фердинанд.

Гости расселись за массивными столами на твердых, отполированных лавках. По совету ксендза Коваль вручил подарки: мыло, семена, порох. На столе появилось холодное мясо, хлеб и бутылки с вином.

— Пища не заражена, — поспешно перевел Станислав. — Все добыто на чистой земле.

И, подтверждая слова хозяев, первым приступил к трапезе.

— Первый раз вижу русских, — низким голосом произнес Борк. — Но о тебе, герр Кузнец, мы слышали.

— Что же вы слышали? — Коваль пригубил терпкое вино.

— Что ты пытаешься вернуть русским государство.

— Ну, это уж слишком, — Артур с трудом подбирал немецкие слова. — До государства нам далеко. Однако приятно, что вы знаете такие слова.

Ответил, и тут же понял, что сморозил бестактность, уравнив ночных пивоваров с лесными мутантами. Впрочем, охотник Борк не обиделся.

— Мы читаем книги, герр Кузнец. Наши отцы читали, и мои внуки будут читать. К сожалению, мы не можем посетить Петербург, но всегда рады видеть вас у себя. Мы не владем славянскими языками, но можем говорить по-французски.

— Солнце смертельно для вас? — осмелел Лева.

— На следующий год после Большой смерти взорвался реактор на ближайшей станции, — как ни в чем не бывало объяснил Борк. — Затем, с промежутком в полгода, взорвались еще две атомные станции во

Франции. Дети уцелевших рождались неспособными переносить прямой ультрафиолет. Также у нас часты заболевания крови и... еще много других проблем. Впрочем, не совсем тактично рассуждать за завтраком о болезнях.

Охотник Борк был сама деликатность. У Артура от изумления кусок застрял в горле.

— Вы говорите как человек древнего мира!

— Я же сказал, мы читаем книги. Пока другие убивают друг друга...

— Зато жители этого славного города, да и окрестностей, почти поголовно могут иметь детей,— ввернул ксендз.

Пришла очередь изумляться всем участникам похода.

— Даже не думайте,— со смехом замахали толстыми ручками пивовары.— Десятки раз мы соглашались на брачные союзы с теми, кто живет за песочной стеной. Дети рождаются, но либо не доживают до года, либо не переносят солнца и вновь возвращаются сюда. Господь разделил нас и вас, как строителей Вавилонской башни...

Артур едва не поперхнулся шарлоткой. Никогда в жизни ему не пришло бы в голову, что полудикий мутант из немецкой глубинки способен рассуждать изящней, нежели питерские книжники и святоши...

Выдержав паузу вежливости, Станислав накинулся на пивоваров с вопросами о Великом посольстве. И снова старина Борк потряс губернатора.

— Когда они прошли здесь, я имел короткую и не совсем приятную беседу с кардиналом Жмыховичем. Возможно, вследствие возникших разногласий посольство не остановилось на ночлег в городе. Впрочем, за пиво они расплатились честно.

— Так они прошли без ночевки? — ужаснулся ксендз.— Не могу поверить, что вы отказали им в гостеприимстве!

— Напротив, мы всячески уговаривали их задержаться. Солнце в те дни скакало слишком резво. А вы же знаете, мой друг, вы бывали тут неоднократно, что когда время замедляет бег, человека мучают сильные головные боли. Конечно, мы не могли пригласить в дома их всех; признаться, я никогда не видел такого скопления народа! Охотник Шульке проводил их к фабричным складам, где они могли спокойно разместить повозки под крышей...

— Отчего же вы повздорили?

— Я спросил герра кардинала, кто ему присвоил столь высокое духовное звание, и он не сумел ответить мне ничего вразумительного. И мой сын Клаус предельно вежливо спросил кардинала, куда они везут столько женщин и детей. Когда мы услышали о целях, как вы называете, Великого посольства, я позволил себе напомнить о славных годах правления папы Урбана Второго и его благородной идее возвращения христианских святынь.

Коваль покосился на святошу. Станислав, похоже, до сих пор не понимал, о чем идет речь. Остальные, кому он перевел слова Борка, также хлопали глазами.

— Очевидно, герр Жмыхович был уязвлен сравнением его предприятия с крестовыми походами,— невозмутимо продолжал пивовар.— Но я был вынужден напомнить ему, что за последующую тысячу лет все остались, что называется, «при своих», а попытки отправить на войну детей уже производились и имели соответствующий результат.

Станислав сидел словно громом пораженный, зато разулыбался старый книжник, невзлюбивший ксендза на пару с Даляром.

— Однако не это вызвало наибольшие трения,— скромно потупился Борк.— Как выяснилось, за песочной стеной герр кардинал проповедовал с большим успехом, и здесь для отправления службы ему непременно потребовался зал нашего городского собора. Видимо, он желал подбодрить своих людей перед выступлением. А у нас не так много пригодных зданий для работы и жилья. Признаюсь честно, в соборе мы коптим мясо. Очень удобно, прекрасная тяга... Просто для веры и молитвы нам вполне хватает более скромной кирхи.

Герр Жмыхович очень рассердился за такое поправление святых мест и заявил, что мы в его глазах упали ниже мерзких французских язычников, поклоняющихся Железной птице. Он даже не захотел остаться и послушать, как моя дочь играет на фортепьяно. Он сказал, что, будь его воля, он бы всех нас истребил, как тех монстров, что живут на болотах.

Тогда мой сын Фердинанд спросил кардинала, не кажется ли ему, что человек, любящий своих близких, но желающий скорой смерти первым встречным, не вправе наследовать духовный сан. А мой сын Клаус спросил, насколько приближают к богу белые расшитые одежды герра кардинала и несколько килограммов золота, которые тот носит на себе? Мой сын заметил, что мы молимся в пустых стенах и не затеваем часовых литургий, с музыкой и золотыми шапками. Зато мы никого не планируем истреблять, продаем пиво всем, кто отваживается пройти Ползущие горы, и не отправляем беззащитных детей на войну с людоедами...

Охотник Борк постучал по столу, и низенькая плотная женщина в длинном шерстяном платье принесла поднос, уставленный глиняными кружками. За хозяйкой, мяукая и путаясь в ногах, семенил клыкастый котенок.

— Первую кружку надо выпить сейчас. Вы можете здесь ночевать, а для нас начинается рабочий день. Можете гулять по городу в пределах красных меток, вы увидите... Спустя три часа надо снова выпить пива, и так далее, всего пять раз.

— Меня стошнит,— пожаловалась ксендзу мама Рона.— Почему ты не предупредил раньше?

— Я в рот не возьму это пойло! — с отвращением бросил Карапуз.

Коваль принялся. Пенистый напиток отдавал жженым зерном и отдаленно напоминал крепкий «портер». Но это пиво, несомненно, варили не на ячмене. Вдобавок, на поверхности плавали мелкие вкрапления, соломинки, зернышки...

— Если бы вы задержались на два дня,— словно извиняясь, развел руками Борк,— то могли бы пить в два раза медленнее. И не надо выплевывать травы, они спасут вашу кожу от Желтых туманов.

Поневоле все приложились к глиняным кружкам. Пивовары откла- нялись и разом исчезли. Вместо мужчин пришел подросток, волоча на себе ворох соломенных тюфяков.

— Охотник Борк приглашает бургомистра Кузнецца осмотреть мас- терские!

— Похоже, вы с пивоварами не слишком ладите,— язвительно заме- тил поляку Свирский.— А ты еще хотел, чтобы он дал проводника до этих самых Ползущих гор.

— Горы искать не надо, они сами нас найдут,— огрызнулся Стани- слав. После того, как Борк ненавязчиво утер ему нос, он явно чувство- вал себя не в своей тарелке.— Просто многое поменялось. Город подви- нулся, лес подвинулся...

Артур не стал дальше слушать их препирательства. Подхватил рюк- зак с оставшимся маленьким летуном, затянул портупею и шагнул за мальчишкой в низкую дверь.

Первый коридор вывел их в кузницу. Двое голых до пояса короты- шек орудовали мехами, третий подсыпал уголь в топку. В сторонке ва- лялись плоды вчерашнего труда — неуклюжие, неровные, но чрезвы- чайно толстые железные кольца.

— Твой солдат погиб, потому что не знал повадок роя,— Борк стоял вплотную к зеву печи и крутил в ладонях пружинную конструкцию, сма- хивающую на медвежий капкан. Он уже успел переодеться в короткие штаны и кожаный фартук. Из-под белесых бровей раскаленными углями сверкали красные глаза.— Мы продадим вам немного палок. Если надума- ете разбить лагерь до предгорий, вбейте их вокруг себя. Весь наш город окружен тройным рядом таких шестов, теперь мы укрепляем дороги...

— А здесь, неподалеку от вас, есть другие люди?

— Морбах, Карлсруэ, Гомбург... — пивовар задумался.— Много лю- дей. Смотря кого считать людьми, не так ли, герр бургомистр? Пойдем- те, мне хотелось поговорить с вами наедине.

— Только говорите помедленнее! — взмолился Коваль.— Я немец- кий учил сто лет назад.

— Так это правда? — стрельнул взглядом охотник.— Два года назад я был за песком и встречался с травниками из Берлина. Они сказали, что к ним ходят караваны от человека, который проспал в хрустальном гробу сто двадцать лет.

— Отчасти они правы.

Борк распахнул перед Ковалем дверцу, за которой начиналась крутая лестница вверх. Они миновали вытянутое помещение хлебопекарни, где носились женщины, измазанные мукой, как громадные пельмени. На следующем этаже трое юношей-альбиносов пересыпали из ведра в плоский чан с водой невзрачную серую кашу.

— Здесь мы делаем бумагу,— небрежно кивнул охотник.— В таком случае, я не ошибся. Герр Станислав сообщил мне, что вы и ваши люди сопровождают его в поисках Великого посольства. Едва взглянув на вас, я сразу понял, что вы едва ли нанялись к святому отцу за деньги. Могу я спросить, какова ваша истинная цель? Почему шестеро человек из России торопятся расстаться с жизнью, и один уже расстался?

— У меня есть другая цель,— уклончиво ответил Артур.— Скажем так, один дом в Париже, где могут жить добрые знакомые...

Борк отодвинул засов на очередной двери, и в лицо Артуру ударил свежий ночной ветер. Солнце наконец-то закатилось, небосклон стремительно темнел, окрашиваясь в глубокие фиолетовые тона. Гость и хозяин находились на плоской площадке башни, стилизованной под средневековое укрепление. Между зубцами была прибита полустершаяся табличка с предостережением на четырех европейских языках, что за край вылезать опасно. Башня не являлась самой высокой точкой города, но обзор с нее открывался прекрасный. Пожары не пощадили районы бывших новостроек, добрая половина улиц лежала в руинах. Почти нетронутым сохранился лишь средневековый центр. Ветры и дожди сорвали крыши, обнажили внутренности верхних этажей, однако средневековые камни выдержали век безумных катаклизмов...

На ближайших площадях всюду полыхали костры, за окраинами различались пустоши с горячей сиреневой кукурузой, а дальше царил непроглядный мрак. Лишь на западе ядовитым пурпурным заревом полыхали кудрявые облака.

— Допустим, я вам поверил,— кивнул коротышка.— Вы ищете знакомых в стане людоедов, а Станислав ищет две тысячи человек. Я лишь хотел предупредить вас, что ксендз ослеплен своей идеей, так же как были слепы те, кто шел за кардиналом. За три года здесь побывали как минимум шесть экспедиций, и все они стремились добраться до Парижа. Не только поляки, но и германцы. Станислав умолчал об этом, не так ли? Все они утверждали, что идут тропой веры: вразумлять язычников и заодно спасти заблудившийся караван Жмыховича.

И был среди них один человек, сын воеводы. Его ранил ахар, и отец попросил нас приютить ребенка... Когда стало ясно, что в теле юноши отравы и даже знахарка Хельга не может спасти его, мы спросили, не хочет ли он открыть сердце перед смертью. Ему было всего семнадцать...

Юноша поцеловал Крест и рассказал такую историю, что даже я принял ее вначале за бред, вызванный ядом ахара. А я слышал немало предсмертных историй, герр бургомистр.

Все спутники воеводы давали клятву, что никому не раскроют секрет. Но настоящую тайну знали только сын и отец. И она заключалась в том, что остальных наемников, если те разыщут пропавших, надлежало потом отравить. Никто не должен был спастись, кроме отца и сына. Мальчишка говорил об этом очень спокойно, ни единой слезинки жалости не выпало из его глаз... Даже умирая, он остался тверд, как камень, и очень напугал меня этим.

Мы не любим тех, кто во имя веры несет смерть другим, герр Кузнец.

Люди в посольстве верили, что идут обустроить общину вокруг святого престола. Они верили, что разгонят дикарей, проложат надежную дорогу через Мертвые земли и соберут святош. Всего несколько человек в Польше знали тайную правду о хрустальных гробах и могучем имаме Карамаз-паше из города Двух Башен, из страны Турции...

— Что вы сказали? — Артур все это время следил за странными атмосферными явлениями на западе. Там с разной периодичностью полыхали разноцветные зарницы, будто небесный электрик скреб голым проводом по крышке трамблера. Небо то темнело, то раскалывалось пополам цветастой молнией. Последние слова пивовара действовали на ослабевшего от пива губернатора как ушат ледяной воды. — Извините, герр Борк. Ваш напиток оказался слишком хмельным для меня. Вы говорили о хрустальных гробах.

— Я никогда бы не открыл тайну исповеди первому встречному, герр бургомистр. Воевода, отец юноши, не вернулся из Ползущих гор. Он не остался с умирающим сыном — так велико было его желание опередить других. А я сказал себе, что историю о хрустальных гробах можно передать лишь одному человеку — тому, кто сам восстал из гроба. И вот, проходит два года — и вы сами приходите ко мне. Что это, как не знание свыше?

7

ИМАМ И ДЖИННЫ

Мне было тридцать два года, когда песок снова дрогнул и покати́лся на север. Теперь наш город отодвинулся от края Мертвой земли вглубь на два дня караванного пути.

Один за другим взрывались древние заводы, а некоторые не взрывались, но отравляли реки на сотни километров. Я помню, как опять начала светиться земля. Первый раз она светилась на западе, когда я был совсем ребенком. Позже, когда я вырос, научился читать и вместе с прорицательницей Хельгой сравнил карты, я узнал, что это взорвалась ядерная станция в долине Мозеля. Нам повезло, герр бургомистр, что в библиотеке Кайзерслаутена не сгорели энциклопедии. Эти книги открыли нам древние названия и объяснили их смысл.

Второй раз земля дрогнула, когда начал выходить подземный газ на севере от Кельна и запылали угольные шахты. А в среднем течении Мозеля обрушились подземные склады для снарядов с ядерными грибами. Их начинка потекла в почву, песок дрогнул и захватил весь север римской земли до города Венеция. С тех пор он продолжает наступать на Италию. Потому что древняя грязь выплескивается наружу каждый год. За песком тянется полоса Мертвой земли, на которой мы живем. Это не значит, что дальше вы пойдете по сплошным Мертвым землям; там встречаются чистые районы и люди, не боящиеся света...

Мертвая земля родила Ползущие горы и Желтые туманы. Мой сын ходил в Париж. Я не хотел говорить об этом при Станиславе, ибо он ослеплен идеей и не видит истинных знамений. Так вот, мой сын Клаус ходил в Париж и южнее. Он видел много такого, что тяжело представить человеку. Он видел, как на людей нападают машины, но не видел тех, кто управляет ими. Он видел, как твердая земля засасывает человека за одну минуту...

Ты прав, герр бургомистр, когда говорил о рое. Металл не рождается и не умнеет сам по себе. Его даже нельзя научить, как существо из плоти и крови...

...Тридцать с лишним лет назад отправилась горстка отчаянных храбрецов на юг, через снежные горы Альпы. Они сумели выжить и вернулись в родной Гамбург с товарами от южных племен. Те говорили на непонятных языках, но были дружелюбны и щедро платили золотом, отдавая за оружие втрое больше, чем на севере Европы. Там, на юге, еще не было больших рынков и собственной монеты.

Вы поймите, герр бургомистр, я могу ошибаться, потому что передаю лишь отголоски чужих легенд. Их рассказывают путники, проходящие через наш город...

Гамбург и Мюнхен посылали много караванов через Карпаты и Альпы, и постепенно купцы дошли до южного моря, где стоит сияющий город Двух Башен. В городе жили племена, поклонявшиеся Уходящему месяцу и разговаривавшие на непонятном языке. Их правители приняли германских купцов тепло и поселили в лучших домах.

Позже к караванам из Мюнхена присоединились люди из Берлина и поляки. Караваны проходили земли южных славян, почти не задерживаясь, потому что только на юге их ждали выгодные сделки. В землях болгаров и мадьяр на караваны нападали бесчисленное количество раз, и вольным городам приходилось нанимать множество воинов для охраны.

А после случилось так, что в самой стране Двух Башен началась война. Один за другим гибли правители. А спустя время город постигло новое несчастье. Туда вторглись племена черных дикарей с востока, которым хотелось захватить богатые караванные тропы и морской пролив, соединяющий два моря.

На долгие годы торговля с Турцией остановилась. Но германские и польские купцы продолжали водить караваны до города Генуи. Там они пересаживались на лодки и плавали к африканцам и грекам, а некоторые храбрецы ходили даже в страну Израиль.

Много лет никто не приносил нам сведений о стране, ранее называвшейся Турция. Но умирающий мальчик, сын воеводы, рассказал о людях, которые пять лет назад бежали от дикарей и попали в плен к солдатам Жмыховича. Эти люди говорили об удивительных вещах, творящихся в городе Двух Башен.

Там появился правитель, подмявший всякую иную власть, человек по имени Карамаз-паша. Никто не знал, кто он такой и откуда явился в город, но он привел с собой обученное войско. Солдаты Карамаз-паши были малочисленны, но с ружьями, автоматами и даже пушками. Они пообещали местным властям очистить окрестности города от дикарей и попросили за это малость: немного пищи, самое плохое жилье и право остаться в городе.

Никто не мог справиться с набегами черных племен, но Карамаз-паша справился. Одних он отравил, других его люди закидали бомбами, а самых сильных вождей он подговорил напасть на Стамбул. Да, Стамбул! Я вспомнил имя города!..

Они напали на Стамбул и разожгли мятеж. Законная власть была сметена, Карамаз-паша воцарился в Турции. Именно тогда он повелел называть столицу городом Двух Башен. Он уничтожил руками дикарей всех прежних сановников, а затем, по одиночке, перерезал тех, кто помогал ему занять трон.

Ходили слухи, что Карамаз-паша не говорил на турецком языке. Поговаривали, что никто не видел его лица под капюшоном. Также рассказывали о загадочном и страшном оружии, которым располагали его янычары. О железных повозках, плюющих огнем, о белом порошке, который, растворяясь в воздухе, отравлял целые деревни. Но самый невероятный слух касался людей из хрустальных гробов. Говорили, что

новый имам поймал двух могущественных джиннов и хитростью заставил служить себе. Эти джинны помогли ему сделать янычар непобедимыми. Джиннам достаточно было укусить мертвеца за руку — и тот оживал. Им достаточно было бросить щепотку порошка в колодец — и язва охватывала непокорные города. А выжить мог лишь тот, кто приходил к имаму с повинной. Джинны протыкали ему острым жалом локоть и спасали от смерти. Но делали рабом Карамаз-паши.

Человек, ужаленный в руку, на несколько часов попадал в рай, и готов был отдать все, лишь бы повторить свой полет. Он снова приходил к джиннам, приносил все свое золото, коней и имущество, лишь бы вернуться в страну грез.

Находились умники, кто якобы видел, как джинны выращивают на полях тайные растения и готовят из них снадобья, но доказать правду было невозможно. А после третьего укуса никто уже не хотел ничего доказывать. Люди ползали за Карамаз-пашой на коленях и просили взять их на службу.

Проходило время, и кости человека начинало выворачивать из суставов, мышцы сводило судорогой, а глаза застилала тьма. И боль была столь сильна, что гордые мужчины сходили с ума и умоляли джиннов избавить их от страданий. Джинны жалили их снова. Боль уходила, но потом возвращалась, и людям...

— Вы сказали, за локоть? — перебил Коваль. — Не помните, за локоть здесь или здесь?

Он указал точку на руке.

— Этого я не знаю, — опешил Борк, — но единожды ужаленный сам приползал на коленях просить о милости. И делал за это все, что ему вели. Таким образом, не прошло и года, как новый имам захватил все турецкие поселки и дикие пустыни к востоку. Те, кто служил у него, клялись, что так никогда и не видели лица правителя. Зато им довелось видеть, как в тайные мастерские доставляли целые горы того, что осталось от древнего мира: детали машин, обломки стекла, химикаты... В тайных мастерских работали джинны из хрустальных гробов, они собирали для имама новые смертоносные машины.

Люди страны Двух Башен повинуются Карамаз-паше и боятся его послушаться. Властитель заставил подданных бояться гнева их древнего бога. Он показал им, что будет с теми, кто отречется от веры. Карамаз-паша собрал новую армию, и каждому солдату было обещано место на небесах. Каждый солдат был готов один броситься в гущу врага и погибнуть с именем бога на устах.

Тех, кто был слаб в своей вере, изгоняли или убивали.

А потом прошел новый слух. Став правителем, Карамаз-паша собрался освободить от заточения других джиннов. Но хрустальные гробы со

спящими джиннами раскиданы по чужим, далеким землям, и имам начал готовить войска в поход.

Первый оказался коротким и неудачным. Янычары не дошли даже до Венеции, их измотали в боях племени хорватов. После похода, в котором погибли сотни и тысячи, знать города Двух Башен осмелилась подступить к имаму с вопросом, ради чего он собирает второе войско. И Карамаз-паша сказал так:

«Наша доля — нести наше праведное знание о небесном владыке неверным. А кто не хочет покориться древнему богу, того следует убить. Так сказано в Книге сур, а все, что в ней сказано, надо исполнять. Кроме того, мне было откровение, и я донесу его до вас.

Для того, чтобы мы могли спокойно нести знание, нам необходимо захватить караванные тропы и портовые города неверных. Все, что мы сделаем с именем бога на устах, будет признано на небе правильным и полезным. Если мы освободим остальных джиннов из хрустальных гробов, наша страна станет самой могущественной в мире. Эти заколдованные чародеи прячут великие тайны, и я не пожалею людей и денег, чтобы разбудить их. Общими молитвами мы изгоним шайтана, и джинны станут нам покорны!..»

Возможно, все было не совсем так, герр бургомистр, но я передаю со слов несчастного юноши, который услышал предание от отца...

Второй поход Карамаз-паши в Мертвые земли состоялся спустя полтора года после первого. Он набрал войско из дикарей. Отборная гвардия имама была сбита из арабов и черных богатырей из африканских пустынь, но поговаривали, что личная стража состоит из светловолосых богатырей, похожих на славян. Имам никому не говорил, где именно спрятаны зачарованные гробы. Известно было только, что придется идти за песочную стену, в самый центр Мертвой земли. В особой защищенной карете везли под охраной джиннов, освобожденных Карамаз-пашой. Они не умели найти путь, но знали, где находятся усыпальницы подобных им магов. Они были призваны, чтобы снять заклятия со спящих...

В войске Карамаз-паши служили два друга из болгар. Оба имели талант техников, и обоих насильно заставили принять новую веру. Техники прислуживали в тайных мастерских. Это все, что я о них знаю.

Они были отправлены с командой солдат в австрийский город, чтобы поискать и отобрать в брошенных фабриках уцелевшие предметы для военных нужд. Бежать они не могли: их семьи жили в городе Двух Башен и были бы немедленно казнены... Техники сделали свое дело, нагрузили обоз, отправили его в лагерь, а сами поехали следом, но по пути заглянули в какой-то красивый дворец.

Осматривая первый этаж, они случайно увидели через дверной проем группу всадников, не похожих на местных жителей. Местные жите-

ли вели себя скромно и тихо, старались избегать солдат Карамаз-паши и большей частью скрылись в горах. А эти всадники ехали ко дворцу не скрываясь, и за ними на цепях бежали два огромных медведя с медвежатами. А над головой у всадников кружили ручные хищные птицы.

Техники затаились в ближайшей нише. Вскоре чужестранцы спешились, привязали своих медведей и лошадей, и зашли во дворец. Они говорили на славянском языке, который был очень похож на болгарский. Один из техников знал этот язык, потому что раньше вел дела с русскими поселениями на Черном море.

Один из вошедших приветствовал кого-то в глубине дворца и сказал, что добрался сюда, как и обещал.— Проверили ли вы, что я просил, и уверены ли вы наверняка? — резко спросил невидимый собеседник, и властный голос его показался болгарам знакомым.

— Да, господин,— хрипло отвечал гость.— Чем крупнее войско, тем тяжелее будет миновать Мертвые земли. Наши гадания говорят, что отравленная земля сопротивляется тем сильнее, чем назойливее стремятся туда люди.

— Я уже потерял сотни замечательных воинов и почти разорил казну. Мы прошли по трупам земли болгарских и хорватских дикарей, чтобы повернуть назад? Ты это хочешь сказать, глупый Озерник? Ты даже не можешь себе представить, какова будет цена нашего поражения, если до гробниц доберется кто-то другой!

— Хрустальные гробницы Парижа день и ночь охраняют толпы язычников. Те поклоняются гробницам, как божеству, и скорее умрут, чем пропустят вас...

— Неужто жалкая толпа голых дикарей остановит пять тысяч солдат, вооруженных пушками? Когда нас пытались задержать или отказывали нам в провианте, мы оставляли за собой тлеющие угли. А ты пугаешь меня горсткой идолопоклонников!

— Это и плохо, господин, что тлеющие угли. Чем настойчивей ты будешь вгрызаться в Мертвые земли, тем опасней будет раскачиваться под тобой земля. Племена, живущие за песком, давно привыкли к враждебному миру и стали частью равновесия. Против вас ополчатся реки, горы и туманы, а также мириады нечистых тварей — плоды колдовства земли...

— А ваше хваленое колдовство, сын Красной луны? Разве вы не можете пойти с нами и оградить войско от нечисти?

— По твоей просьбе, господин, мы почти добрались до города Берн, но путь нам преградили настоящие исчадия ада — демоны, рожденные военной химией древних. Тогда мы повернули к Парижу. Там живут и нормальные люди, дети Креста, но вокруг гробниц селятся племена людоедов... Никогда в жизни нам не было так трудно, господин. Четверо из нас погибли, а трое вернулись к Озеру больными, и я не уверен, что

они выздоровеют. Но если бы мы снарядили военный отряд, то погибли бы все сразу. Земля раскачана, господин, и не выносит пришлого человека, тем более с машинами и оружием.

— Так что же, Ришка, ты предлагаешь мне бросить армию и шагать сквозь песок одному? Ты в своем уме, старикашка? Либо мы пройдем туда все вместе, либо ты и твои братья придумаешь, как сделать так, чтобы хрустальные гробницы больше никому не достались! Без Проснувшихся демонов никто не сумеет управлять древними кораблями! Либо я, либо никто!

— Есть и другой путь, господин. Великое посольство!

— О чем ты?

— Польские святоши вбили себе в голову, что могут вернуть в Рим наместника Креста. Они верят, что до Большой смерти в Риме находился Святой престол, которому подчинялись верующие со всех западных земель...

— Я слышал эту легенду, колдун. Нам-то что с того?

— Это не просто легенда, господин. Вместе с польскими святошами готовы отправиться и германцы, и последователи Креста из северных балтийских стран. Купцы готовы их поддержать, им позарез нужны торговые пути в Грецию и фактории в Испании. Воины Креста, как они себя называют, вошли в стовор даже с южными поселениями Франции, где земля не качалась и люди сохраняют верность Риму. Если полякам удастся их план, то соберется великая сила...

— Тем более нам нужно их опередить!

— Нет, господин, напротив. Зачинщиком Великого посольства выступает кардинал Жмыхович. Это безумец, возомнивший, что лично говорил с матерью бога. Но он ничего не знает о демонах из хрустальных гробов. А если бы узнал, то непременно повелел бы их уничтожить. У себя на родине слуги Жмыховича и многие воеводы засыпают входы в хранилища древнего оружия и разбивают то, что осталось на земле. Как ни странно, в этом они единодушны с нашими врагами, проклятыми Качальщиками. Западные святоши уверены, что в год Большой смерти бог наказал людей за любовь к оружию.

Нам не следует им мешать, господин. Наоборот, через преданных людей ты мог бы помочь им деньгами и пищей. Пусть кардинал наймет побольше солдат и идет в Рим. Пусть к нему присоединятся дураки из Германии, Литвы, Франции и других земель. Чем больше их будет, тем сильнее раскачается земля. А когда они пройдут песочную стену и свернут к Риму, ты мог бы послать лазутчиков, чтобы те помогли земле качаться. Взорвать несколько древних бомб, поджечь леса, выпустить секретные яды...

— Я видел, что бывает, когда качается земля, колдун. Это слишком опасно, демоны в гробницах тоже могут погибнуть!

— Наше гадание говорит, что этого не случится! Мы гадали на печени двенадцати дикарей, на соке деревьев, а сам я, как и обещал тебе, провел четыре недели, засыпанный землей, пока мне не открылось будущее.

Демоны не должны погибнуть, зато твои янычары пройдут в Мертвые земли без труда. Кроме того, граница песка отодвинется далеко на восток, и никто не сможет ее остановить. У германцев нет Качальщиков. Гадание говорит, что возможен исход, при котором земля треснет до Остейского моря, которое мы называем Балтийским...

А ведь твоя конечная цель, господин, состоит не в том, чтобы покорить моторы древних кораблей. Корабль, он лишь орудие... Ты сможешь без лишней крови подчинить Ущербному месяцу все земли к западу от Украины и Балтийские деревни. Качающаяся земля сотрет несколько городов, остальные принесут тебе ключи...

— Не тебе судить о моих целях, Озерник! Не забывай, что благодаря моему заступничеству твой род не кинули на съедение рыбам!

— Прости мою дерзость, господин... — хриплый голос зазвучал припущенно. — Но ты должен знать, что все мы ждем твоего возвращения. Мы молим царя Тьмы и каждое полнолуние дарим ему трех невест, чтобы он помог тебе!

— Я помню об этом. Придет и ваш час...

— Ты должен знать, господин, что сотни верных Сынов и Отцов готовы нанести удар. Только помоги нам, вложи нам в руки разящие стрелы, дай нам запретные творения твоих демонов — и мы в одну неделю сделаем так, что тебе откроется дорога на север! — говоривший тяжело дышал, сам возбуждаясь от сказанного. — Эти трусливые горожане сами выйдут тебе навстречу и будут умолять тебя принять корону, лишь бы спасти свои жалкие жизни! Мы сделаем так, чтобы у них не осталось ни одной спокойной ночи, чтобы они всякий час ожидали взрыва или огня, или потравы...

— погоди, Риша, всему свое время, — смягчился властный голос. — Вы получите и отраву, и бомбы, и еще кое-что. Да, да, не смотри на меня так! Пока рано говорить, но чтобы укрепить сердца, можешь шепнуть своим людям... Мои джинны заточили в бутылку такую водицу, что не нужно травить целое море. Достаточно, чтобы выпили двое-трое, а дальше водица идет от человека через пот к другому, и все мрут очень быстро...

— Я не понял, господин, как можно умереть от пота?

— Не от пота мрут, дурак, а оттого, что вся водица из тела выходит. Как понос, будто ходит человек белым рисом... И так всю неделю, пока вода из тела не выйдет. Я тоже сначала не верил, но... Они показали мне. Одному пленному дали испить, а рядом, в яме, еще шестеро были. За неделю в муках погибли. Джинны вели их там, в яме, сжечь, не трогая, и

засыпать. Это средство вернее, чем качать землю древней грязью, Озерник!.. Хорошо, допустим, мы ударим по югу бомбами, и стихия пойдет по Европе на север. А вдруг она захватит и восток? Вдруг она утопит нашу надежду, боевые корабли?

— Мой господин простит меня, если я напомним ему одну вещь...

— Прощаю заранее, говори!

— Немногие, господин, знают, как ты на самом деле заполучил джиннов из гробницы...

— Ну-у?! — угрожающе протянул собеседник.

— И вспомни, сколько надежд ты возлагал на их скрытые таланты! Вспомни, сколько чудес наобещали они тебе, желая подмазаться к твоей славе и подбирать кинутые тобой кости! Ты ведь поверил им, но демоны не сумели запустить боевые машины из подземелий...

— Тихо! Они сделали многое другое.

— Прости, господин. Я лишь хотел напомнить, что твоя вера в могущество хрустальных гробниц основана на словах твоих демонов. А вдруг ты, затратив силы, рискуя жизнью, разбудишь жалких книжников или лекарей? Вдруг демоны из страха за свою жалкую жизнь, будут врать тебе, что умеют запустить моторы плавучей крепости?

— Довольно, Озерник! — перебил тот, кого звали «господином». — Мы не повернем назад, но ты отправляйся в Варшаву и разузнай все подробно. Сообщишь мне, сколько золота понадобится, чтобы подтолкнуть сборы этой идиотской затеи. Одно другому не мешает, пусть идут. Мы встретим их и превратим в пыль!

— Очень много золота нужно, господин. Я подослал к одному из воевод продажную девку. Ей приходится платить, как полковнику гвардии, но зато девчонка передает все разговоры своего вельможного пана с кардиналом Жмыховичем. Кардинал собирается купить больше шести тысяч лошадей, примерно столько же рогатого скота и заказать мастеровым сотни новых карет. Кроме того, походные кузни, пекарни, копильные цеха... Им не собраться и за десять лет, господин, если мы не поможем!

— Хорошо, колдун. Моя казна открыта для такого славного начинания. Подкупай и покупай все, что требуется, но чтобы никто из святош не догадался, кто им помогает. И сообщай мне обо всем!

На этом тайная встреча закончилась, а притаившиеся в нише дворца болгарские инженеры заспешили в походный лагерь. Несколько дней они обсуждали, как им поступить с этой тайной, но так ничего и не придумали. Войско Карамаз-паши прошло сквозь песок и повернуло на Париж.

От второй армии имама через месяц остались одни клочья. Кошмары начались буквально на второй день. Бесследно исчезали конные патрули и целые сотни, посланные впереди основного войска. Затем потеря-

лась половина отставшего обоза. А когда имам принял решение вернуться и подождать, оказалось, что для солдат, охранявших пищу, прошло всего три часа, а для остального войска — почти три дня.

Люди валились с ног от голода и умирали от Желтых дождей. Многих искалечили ахары, Железные птицы и прочие нечистые твари. На пути войска вырастали деревни, но дикари точно вымерли. Сначала янычары пили в деревнях вино и закалывали скот, но потом, после массовых отравлений и смертей, начали поджигать любое встреченное на пути жилье. Больше всего народа потерял Карамаз-паша при переходе через реку, когда спокойная вода плеснула волной и утащила на дно почти половину гвардейцев...

Те, кто сумел вырваться из когтей взбесившейся природы, еле добрались до границы песка. Но имам не изменил своего решения. Спящие джинны нужны были ему для устрашения неверных и захвата западных стран.

Карамаз-паша с еще большей жестокостью угнетал болгарские племена и греческие острова. Теперь ему платили дань даже румынские купцы, которые возили товары морем в Грецию. Имам заставил платить мзду всех проходящих пролив, а подчиненные племена насильно обращал в новую веру.

Два болгарина-техники оказались в числе тех, кто благополучно вернулся в город Двух Башен. Теперь они работали над сборкой сложного устройства для перегонки жидкой химии в белый смертельный порошок. Химической мастерской заправляли послушные Карамаз-паше джинны, и последний порошок стал самым ужасным из всего, что они придумали. Техники поняли, что лазутчики имама должны раскидать порошок по чистым водоемам Италии, пока Великое посольство не достигло Рима. Страну Двух морей обрекли на новую Большую смерть...

И тогда болгары решились бежать и предупредить людей на западе о том, что их ждет. О военной крепости, которая стояла на якоре где-то вдали от берега, и ждала, когда джинны вдохнут жизнь в ее моторы. О неизбежном провале Великого посольства и ядовитом порошке.

Техники бежали на север через Румынию. Они добрались до Варшавы, но опоздали. Великое посольство уже ушло за песочную стену. Болгарам не повезло дважды, потому что они попались в руки к воеводе, который ненавидел кардинала Жмыховича.

Воевода собрал верных дружков, и общим решением дело замяли. Польские сановники мало что слышали про Турцию и Карамаз-пашу. Но смекнули, что коли Мертвые земли закачаются, то никакой имам не сможет выступить в Париж немедленно. А еще они смекнули, что если все это правда, то Карамаз-паша заплатит огромные деньги за хрустальные гробы...

Несчастных перебежчиков удавили, а воеводы начали готовить собственную экспедицию в Париж. Когда не вернулись гонцы от Великого посольства, в Варшаве началось брожение. Воеводы, в том числе и отец того самого раненого мальчика, сделали все, чтобы очернить кардинала Жмыховича. Им нужно было, чтобы люди считали их героями. А затем Мертвые земли перешли в наступление, и редкие путешественники понесли вести о Желтых туманах над океаном и горящих лесах Рима. Воеводы поняли, что болгары сказали правду и следует немедленно идти на поиски хрустальных гробов.

Герр бургомистр, раненый мальчик лишь честно признался в том, что слышал в отцовском доме. Его отец и другие (там были и святоши) понятия не имели, что делать с гробами, если удастся их найти и отбить у дикарей. Можно было продать демонов имаму. Можно было заманить Карамаз-пашу для совершения сделки и убить во имя святого Креста. Тогда ближайший друг воеводы, епископ Тышец, мог возвыситься над всеми святошами Польши. И наконец, можно было попытаться приручить джиннов и заставить их служить себе.

Они посылали малые отряды, один за другим, и люди сообща собирали для них еду и золото. Все верили, что воеводы ищут пропавшее посольство. Но те плевать хотели на посольство, они рвались к Парижу...

Мы проговорили с раненым ребенком почти целый день, пока его отец охотился и высматривал лучшую дорогу.

С воеводой прискакали почти полсотни конных. Он очень боялся, что перед кончиной сын успел открыть сердце кому-то из нас. Но мы убедили его, что не имеем духовного сана, а потому не могли бы принять чужую исповедь. Храни нас святой Лютер, он дозволил мне ложь, спасшую моих детей...

Он честный человек, этот ваш ксендз Станислав... Только он обманут, как и многие другие.

— Вы полагаете, герр Борк, что посольство погибло?

— То, что натворили слуги имама на юге, докатилось и до нас. И продолжает усиливаться. Я боюсь, как бы время окончательно не остановилось, герр бургомистр...

До Артура вдруг дошло, какой собачий холод стоит на вершине башни. Солнце закатилось, но луна над немецким городком так и не появилась. Над покореженными шпилями словно развернулось мохнатое пыльное одеяло, скрывшее звезды и спутавшее все ориентиры. Внизу, на кривых улочках, помощники Борка разжигали дополнительные костры. За шиворот Ковалю непрерывно попадала холодная морось; казалось, дождь налетал отовсюду, сверху и с боков. Куда ни повернись, лоб моментально становился мокрым.

— Не бойтесь, это чистая вода,— сказал в темноте пивовар.— Пока еще чистая.

— Они нашли гробы? — тихо спросил Артур.

— Я разве вам не сказал? — усмехнулся Борк.— Никто из них не вернулся. Во всяком случае те, кто ушел этой дорогой. С ними были опытные проводники, некоторые водили купцов через Ползущие горы еще двадцать лет назад. Никто не вернулся.

— Откуда вы знаете, что Карамаз-паша не захватил хрустальные гробницы? Ведь он теперь, как я понял, отказался от мысли о большой армии...

— Потому что дикари по-прежнему охраняют свои святыни, и Железные птицы кружат над городом. Мой сын, со взводом верных людей, неделю назад вернулся от Ползущих гор. Он встречался с теми, кто шел из Парижа. Пока там все спокойно, если можно так назвать бесконечные местные раздоры. Кстати, дороги больше нет, вам придется идти прямо через пески,— Борк выжидающе замолк.

— Мне осталось спросить вас, герр охотник, почему вы все это рассказали мне, а не Станиславу?

Пивовар помолчал, опираясь на мокрый каменный парапет. В слабом свете лампы, оставленной на винтовой лестнице, Артур различал его кряжистую фигурку в кузнечном переднике. Пивовар смотрел вниз, на родной городок, свою мрачную колыбель и защиту от ненавистного солнца.

— Потому что один Проснувшийся может разбудить и других. Так я думаю, герр Кузнец. А еще я думаю, что осталось очень мало времени, и совсем скоро Карамаз-паша начнет откапывать дряхлое французское оружие в подземных карманах. Если его опередить, то есть шанс, что мои будущие внуки не вырастут в рабстве.

— Так вы все-таки можете нас провести?!

— Я еще раз спрашиваю вас, герр Кузнец, зачем вы хотите попасть в Париж?

Артур видел лицо охотника как бледное круглое пятно, на котором полыхали два красных уголька.

— Ладно, ваша взяла,— признал Коваль.— Я действительно хотел разбудить своих коллег. Я слишком долго откладывал... Ждал, пока Качальщики создадут достаточно мощных драконов, чтобы не рисковать идти пешком.

Борк закивал, в глазах его загорелось неподдельное любопытство.

— Как вам повезло, что Хранитель отговорил вас лететь! — разволновался он.— И как бы я хотел взглянуть на живого дракона. Недавно сюда начала залетать вся это нечисть с юга, но пользы от них, как вы понимаете, никакой.

— Вы проводите нас, герр охотник?

— Я должен обсудить с братьями и сыновьями,— Борк шагнул к выходу на лестницу.— Вы убеждены, что ваши... коллеги не принесут нам нового колдовства?

— Они не умеют колдовать, но могут быть очень полезны.

— Полезны... Боюсь, мы не совсем понимаем друг друга. Ну, впрочем, ладно,— пивовар шмыгнул носом.— Пока отдыхайте.

— Кстати,— вспомнил Артур, спускаясь за коротышкой навстречу сладким запахам пекарни.— А почему вас зовут охотником? Или так у пивоваров всех принято называть?

— Не всех,— без улыбки ответил крепыш.— В наших городах охотник — это больше, чем у вас бургомистр. Чтобы заслужить право так называться, надо одним ножом убить ахара.

— А это так сложно? Ахары, они страшнее, чем рой?

— Ну, как вам сказать?.. Рой, по крайней мере, можно успеть заметить.

8

КАБАНЫ И АХАРЫ

Как и предсказывал главный пивовар, Станислав не поверил ни единому слову насчет предательства воевод. Однако он заметно повеселел, когда узнал, что поедут Борк и оба его сына. Плату Борк запросил весьма немалую и в странной форме.

Если экспедиция вернется к песочной стене живая, Коваль подарит пивоварам все тяжелое вооружение и патроны, и всех свободных Черных коней. А пока что, для страховки, губернатора заставили отсыпать граммов двести золота, килограмм серебра и подарить одного коня. В соседство к Лапочке добавили ящики с боеприпасами, а бесполезных голубей и канистры с водой оставили в подвалах ратуши. Борк пообещал, что разыщет чистые источники по пути.

Пивовары нарядились как привидения, все открытые части тела густо обмазали белой мазью, нацепили самодельные очки с темными стеклами и замотали лица шарфами.

И началась бешеная ночная скачка, поскольку охотник хотел затемно добраться до деревни, где обитали его родственники. По прикидкам Артура, за три часа непрерывной скачки отмахали километров сто пятьдесят. Походный строй теперь выглядел иначе. Впереди, на одном коне, тряслись вместе с котами Клаус и Фердинанд, Борка взял к себе в седло

Качальщик. У пивовара, к неудовольствию ксендза, еще за ужином на-
шлись с Семеном Вторым общие темы. Они долго обсуждали, сколько
понадобится Хранителей меток, чтобы очистить посевные угодья вокруг
города. Борк спрашивал, чем можно заманить в гости русских волшебни-
ков, а Семен дознавался, где растет травка, которую пивовары добавля-
ют в свой напиток. Глядя на них, Коваль пришел к выводу, что только
шесть кружек пива могут устранить языковые барьеры...

Стоило тронуться с места, как охотник развернулся задом наперед,
поднял очки и упер в колени два заряженных обреза. Семен пристегнул
коротышку к своей портупее и получил инструктаж по выполнению
простейших команд.

Оказалось, что пивовары Кайзерслаутерна, когда выезжают верхом
пострелять, именно так и поступают, хотя их лошади в два раза меньше.
Один рулит, а другой отстреливается.

Иначе догонят и съедят...

Семен теперь ехал в арьергарде, на некотором удалении от отряда,
чем очень нервировал Христофора. Сын Красной луны необычайно раз-
говорился. Он не устал повторять на скаку Ковалю, что совсем неда-
леко прыгает что-то живое, большое и злое. Затем он обнаружил, как
что-то большое, не злое, но любопытное ползет справа. Артур до рези
в глазах вглядывался в темноту, но не видел ничего, кроме бесконечно-
го засилья кукурузы. Что-то там несомненно передвигалось. Порой
очень даже шустро, но Артур не успевал замечать.

Несмотря на мрачные прогнозы ксендза, восход наступил и застал
путешественников на самой границе травы и леса. Пивовары на ходу на-
тянули маски из плотной ткани. В который раз Артур поразился фено-
менальному зрению чудесных лошадок. Всадникам казалось, что три с
лишним часа они мчатся по ровному шоссе, но на самом деле «шоссе»
оказалось довольно узкой тропой в ямах и рытвинах, утыканной по
обочинам железными костылями...

— За деревней тропа кончается, — предупредил Клаус. — Поедем по
насыпи, там, где ходили машины на стальных колесах...

Первый луч солнца пробил мрак. Сзади, из узкого коридора сиреневой
кукурузы, не торопясь, подъехал Семен. Ноздри Артура издали улови-
ли пороховую гарь. Выходит, что Борк стрелял в кого-то, но на такой ско-
рости, да еще при сильном боковом ветре, звук отнесло в сторону...

— Кабаны, — успокаивающе сказал охотник. — Голодные, шли по
следу.

Деревня состояла из двух десятков разбитых в хлам особнячков се-
редины и конца двадцатого века. Пивовары жили в двух старинных зда-
ниях: кирхе и кирпичном владении бывшего суда. Еще там сохранилась
сносная конюшня какого-то спортклуба и совсем уж дряхлая построй-

ка с горделивой надписью «Полиция». У входа в «полицию» был врыт камень, на котором готическим шрифтом значилось, что принц такой-то изволил остановиться в данном населенном пункте на ночлег и даже толкнул речь перед обывателями. Эти немаловажные события произошли на рубеже восемнадцатого столетия.

В середине двадцать второго столетия на памятной плите грелась колоссальная улитка размером с болонку, а напротив, в пыли, оранжевые лопухи приманивали мух запахом тухлятины.

Борк быстренько пошептался со своими и, забрав сыновей, отправился на боковую. Он заранее предупредил Артура, что час для сна придется выкроить.

Неулыбчивые, бледные дети — точные копии взрослых — таранились из подвальных окошек на лоснящихся гигантов, отказываясь признавать в них лошадей. Трава вокруг поселения давно догорела, а посреди широкого поля золы возвышались столбы с колючей проволокой. Там, где проскакал отряд, имелись ворота, которые Борк старательно затворил за собой. До проволоки поле было распаханно на огороды. Зеленели верхушки корнеплодов, наливались мякотью тыквы, в теплицах прели помидоры. Коваль подумал, что после местных дождей, не стал бы употреблять эти овощи в пищу...

Зато за проволокой пространство шириной в сотню метров изобиловало обломками техники, кусками рельсов, битым кирпичом и многочисленными кротовыми норами.

Только крот при таком диаметре норы, подумал Артур, должен быть величиной с лисицу...

— Ахары,— небрежно кивнул вернувшийся Борк.— Здесь они мелкие, трусливые...

Полувзвод выстроился в походный порядок. За крайним домиком дорожная перспектива разительно поменялась. Теперь губернатор не сомневался, что они приближаются к эпицентру Вечного пожарища. Правда, оно здорово отличалось от того, где он дрался с пиявками. Очевидно, когда-то поселок играл роль узловой железнодорожной станции; за домиками виднелись останки вокзального здания. Двухэтажные стены сложились, как карточный домик, а рядом кое-как держался длинный пакгауз, весь проросший таким же вьюном-камнеломкой, что встретил Артур вчерашним вечером в городе. Только этот вьюн был в десятки раз мощнее и пережевывал толстую кладку в крошево, как алмазное сверло.

— Когда я был тут последний раз, эти растения еще не добрались до вокзала,— сказал Станислав.

Конь Клауса первым взобрался на насыпь. По широкой дуге убегали две полосы просевших рельсов; телеграфные столбы частично попадали,

бетонные шпалы утонули в глубоком мху. Слева и справа от насыпи, замыкая оборонительную линию вокруг деревни, торчала колючая проволока, а дальше, кроме размытого следа железной дороги, не было ничего.

Абсолютно ничего — ни травы, ни деревьев. Бесконечный высохший плац, словно поверхность гигантского подгоревшего пудинга. Словно кто-то устроил гигантскую вертолетную площадку посреди Сахары, облив песок напалмом. Идеально ровная коричневая корка, тянущаяся до самого горизонта, и холмики щебенки вдоль железной дороги, точно подтаявшее мороженое над кофейной чашкой.

— О, господи! — прошептала мама Рона, принимая из рук Фердинанда бурдюк с пивом. — Я не могу больше вливать в себя эту дрянь.

Коваль тоже слегка мутило от пряного травяного настоя, но он задержал дыхание и послушно опрокинул в себя очередные пол-литра.

— Солнце опять барахлит, — заметил книжник.

Но он ошибался. Светило перемещалось с положенной скоростью, просто на его пути разлилось яркое, пульсирующее сияние. Точно растекались по небу жирные комки сахарной ваты. Они возникали из знойного воздуха и плыли вдоль горизонта, пересекаясь, слоясь, наполняя друг на друга...

— Это не облака, — сказал Семен

— То, о чем я предупреждал, — обернулся Станислав к невыспавшимся товарищам. — Желтые туманы, пролететь невозможно.

За несколько минут туман захватил половину голубого небосклона, и лица людей приобрели нездоровый желтушный цвет. Колонну догнал Клаус, который привез полотняные маски, пропитанные все тем же пивом. Скрепя сердце, путникам пришлось натянуть их под бдительным присмотром Борка. Коваль с ужасом представил себе, каково придется охотникам круглый год щеголять в плотных балахонах, да еще с намордниками на лицах...

Солнце безжалостно раскаляло землю. Поселок растаял позади, точно от жарких лучей размазались неокрепшие краски на холсте, и теперь вокруг горстки всадников расстилалась безжизненная степь. Если бы не нитка железнодорожного полотна, вокруг не осталось бы ни единого ориентира...

Коваль поравнялся с Семеном.

— Это хорошо, что сегодня туман так близко, — неожиданно обрадовал охотник. — Под отравой нет живности.

— А как же мы?

— Мы не умрем, если будем пить пиво и смачивать повязки... Если, конечно, туман не затянется на два дня, — беспечно добавил Борг.

— А если затянется?

— Тогда умрем.

— О чем это он? — поинтересовался Семен, заправляя под ремешок пыльные косички.

— Он говорит, что в туманах нет комаров,— успокоил Коваль.

— Зато есть кое-кто покрупнее,— Качальщик указал в сторону, где на мертвой земле, припорошенной пылью, отпечатались чьи-то следы.

Впереди свистнул Фердинанд. Колонна остановилась. Фердинанд подождал отца и тут же принялся горячо перешептываться с ним. Клаус спешился и сделал странную вещь: обойдя всех лошадей, он посыпал им ноги мелким порошком.

— Кабаны прошли недавно,— озабоченно обратился к Ковалю Борк.— Скажите своим людям, чтобы стреляли во все, что движется.

В ватном покрывале белесого мха, которым неровно заросла насыпь, зияли глубокие дыры. Можно было различить четыре цепочки следов, уходящих в пустыню: одна большого размера и три помельче.

— Мать и три подсвинка,— констатировал поляк.

— Здесь свиньи так опасны? — рассмеялся Карапуз.

Коваль знал, что в бытность лесным разбойником Митя один на один ходил на матерого секача.

— Это не кабаньи следы,— помотал головой Семен.— О таких зверюгах я никогда и не слыхивал.

— Смотрите по сторонам! — прикрикнул Борк.— Опасны не свиньи, а те, кто идет за ними.

Отряд медленно двинулся дальше. Цепочка удивительных следов исчезла в желтой дымке, впереди блеснула вода и развернулась новая, бескрайняя перспектива.

Прямо по курсу спекшуюся пустыню рассекала трещина метров пяти шириной. Разлом убегал в обе стороны от железной дороги, насколько хватало глаз, насыпь обрывалась в пропасть, по счастью, неглубокую. Внизу валялась груда металла, в том числе пассажирский вагон от скоростного экспресса, сошедшего с рельсов и застывшего на противоположной стороне оврага.

За оврагом, слева и справа от железной дороги, расстилалась болотистая низина. Болото никак нельзя было назвать однообразным; вблизи оно походило на густую сеть ручейков, дававших начало более крупным речушкам, а чуть дальше разливалось в широкое желто-зеленое озеро, сплошь заросшее травами и цветами самых удивительных форм и оттенков. Вдалеке поднимались клубы испарений, смешивались с низкими желтыми облаками, образуя непроглядную, вонючую завесу. Даже сквозь пропитанную дрожжами тряпку Артур чувствовал кислый, удушливый аромат.

Христофор хлопнул себя по щеке и показал губернатору убитого комара. Теперь Коваль обратил внимание, что воздух наполнен звуками.

Низкое гудение насекомых, всплески, бульканье, словно лопались на поверхности трясины газовые пузыри, короткие гортанные крики и неясное мычание.

Вот тут-то люди и увидели кабанов...

У Артура мгновенно возникло ощущение, что он попал внутрь полотна Великого каталонца. Правда, тот, когда рисовал длинноногих слонов, забыл приделать им щетину и длинные рыльца муравьедов. При известной фантазии в милых обитателях трясин можно было признать родственников свиньи. По полосатым спинкам поросят разгуливали полчища мух. Поросята толкались, повизгивали, рвали друг у друга что-то вкусненькое. Рыжая лоснящаяся мамаша шла впереди, с чавканьем вытаскивая из черной воды трехметровые ходули, недобрым взглядом покосилась на людей, разинула пасть. Ее вытянутое рыло заканчивалось подвижными вздернутыми губами, из-под которых, точно два маленьких плуга, торчали загнутые вниз клыки.

Убедившись, что никто не нападает, кабаниха пошлепала дальше, туда, где торчали из воды бетонные сваи и прогуливалось еще одно «свинское» семейство. Поджарые, мускулистые поросята потянулись следом.

Путники перевели лошадей через овраг по кучам красноватой глины и продолжили путь по относительно сухому проходу между двух рядов шпал. Теперь люди ехали в два ряда, плечом к плечу. Артур добрался до переднего вагона экспресса «Саарбрюкен—Париж—Руан—Гавр» — гласила чудом уцелевшая табличка на одном из вагонов, и заглянул в кабину тепловоза. Тяжелые колеса давно утонули в грязи, стекла вылетели, половина крыши превратилась в ржавое решето. Внутри поезда снизу доверху пророс болотной растительностью; среди мелких фиолетовых побегов гудели тучи мошкары, а из сплюснутой кабины машиниста выглядывала тонкоклювая щетинистая птица.

Такие же птицы, как та, что свила гнездо на сиденье машиниста, прогуливались поодаль, вспарывая ряску длинными голенастыми ногами.

Краем глаза Артур уловил быстрое движение за сигарообразной мордой поезда. Что-то пронеслось под зеленой тиной. По команде Борка Клаус и Фердинанд разом открыли огонь, остальные завертели в седлах, не понимая, где противник.

Клаус и Фердинанд вырвались вперед и принялись обстреливать болото крупной дробью.

— Уходим, живо! — крикнул Борк.

Артур хлестнул коня, но тут позади истошно завопил Лева.

Губернатору показалось, что он разворачивается и вскидывает ствол «ремингтона» невыразимо медленно, настолько шустрой была тварь, вцепившаяся книжнику в сапог. Прадедущка ахара был когда-то обычным паучком, но со временем решил расширить среду обитания и спо-

собы кормежки. Артур убедился, насколько Борк был прав, когда говорил, что ахара надо еще заметить.

Первым выстрелом пауку оторвало две или три ноги, каждую размером с детскую хоккейную клюшку. Волосатые конечности, зазубренные на концах, разлетелись в стороны, но продолжали сокращаться, выкашивая вокруг себя мокрую траву. Блестящее хитиновое туловище монстра состояло из двух частей; на передней, плоской, как средних размеров, семейная сковорода, крепились горизонтальные челюсти полуметровой длины. Задняя часть паука, пухлое брюшко, была защищена острыми шипами и походила на туловище морского ежа.

Ахар не разжал челюстей, но одновременный залп из трех ружей разнес его в клочья. Книжник корчился от боли, его конь поднялся на дыбы. Еще один паук пулей выскочил из тины и прицелился коню в брюхо. Со своей позиции Артур стрелять не мог, но сбоку уже летел Качальщик, раскручивая изогнутый ятаган. Хищник не успел дотянуться до паха лошади, как Семен разрубил его на три части.

Стоило Качальщику коснуться босыми пятками влажной земли, как сразу с двух сторон, фонтанами разбрызгивая щебенку, винтом выскочили еще две пары зубастых жерновов. Лошадь книжника скакнула в сторону. Артур по-прежнему не мог стрелять, но Семен уже погрузился в боевой транс.

В долю секунды он развернулся бабочкой, и пауку вместо его ноги достался удар сабли. Второй ахар растопырил когтистые лапы, принимая боевую стойку. Он и вправду был дьявольски проворен, но Семен крутанулся вторично — и лишнее конечностей мохнатое брюхо тяжело плюхнулось в грязь.

Пауки подкрадывались под водой и лезли на сухую перемычку плотна один за другим. Теперь стреляли все, у кого имелось оружие, но попасть в юрких созданий было почти нереально. Артур плюнул на ружье, достал палаш и ринулся на землю в помощь Качальщику.

Семен творил чудеса. Пока Клаус с Фердинандом не без потерь закололи троих архаров-подростков, Качальщик угробил шестерых. Он ментально сориентировался и бросился наперерез стае, отсекая ее от лошадей. Он крутился волчком на узком перешейке между дырявым вагоном и скользким, сырым откосом, уходящим в болотную грязь. Ятаган в его руке превратился в сплошной сверкающий круг, за которым тянулся веер кровавых брызг. Лево́й рукой он успевал метать ножи.

Семен верно уловил слабое место болотных чудовищ. Когда враг зависал сверху, они инстинктивно задирали головы и открывали незащищенный участок шеи. Семену хватало этого мгновения, чтобы провести отвлекающий маневр, отступить в сторону, поджать ногу в сантиметре от лапающих зубов и нанести удар.

Он словно бы даже и не сражался, а танцевал!

Гора вражеских трупов представляла малоприятное зрелище. Потеряв дюжину особей, стая сообразила, что загорелого парня с косичками лучше не трогать.

Качальщик вытер саблю о мокрую траву.

«Молодым везде у нас дорога»,— сказал себе Артур, с трудом добывая второго паучка.

В это время фиолетовые цветочки, ковром покрывавшие западный склон полотна, провалились внутрь, и из-под земли, как из катапульты, вылетел еще один зверь. Расправляя в воздухе метровые ходули, он ринулся на лошадь Карапуза. Две стрекочущие пилы вспороли лошади шкуру; завопили все одновременно, и всадник, и конь.

Не успел Митя выстрелить, как одна из крючковатых лап впилась ему в бедро, а остальные вцепились в круп коня. Ближе всех оказался Фердинанд. Он ударил двумя кинжалами одновременно, и тяжелая туша ахара осела на рельсы, так и не успев полакомиться добычей. Но шевелящиеся обрубки паучьих лап удалось удалить из-под кожи лошади лишь два часа спустя.

В суете Борк прикончил еще троих ахаров, помельче. Его способ охоты Артуру понравился. Пивовар проворно спрыгнул с коня, встал одной ногой на торчащую шпалу, а другой принялся притоп тывать по сырой земле. Очень скоро возникла знакомая ямка, и хищник получил порцию дробы при взлете.

Закончив дело, Борк протянул руку вверх, и Хранитель втянул его в седло. Непостижимым образом охотник чувствовал, когда надо драться, а когда пора удирать. Солнце спряталось за мелкую тучку, болото перестало отсвечивать, и Коваль, наконец, разглядел, как основная масса врага пробирается под водой. Оказывается, людям довелось схватиться лишь с крайним левым флангом подводной армии.

Ахары проворно перемещались, выставив на поверхность тонкие усики. Их было десятка четыре, и стая уже разворачивалась широким полукругом, готовясь захватить лошадей в кольцо. Встретив неожиданное сопротивление, они споро перегруппировались, и обратили все внимание на стадо свинок.

А точнее, на самого слабого поросенка...

Свиньи с визгом удирали в направлении твердой суши. Через пару секунд стало ясно, что ахары их гораздо умнее. У берега длинноногих поросят поджидала засада. Еще с пяток кровожадных пассатижей выпрыгнули из нор и набросились на отставшего поросенка. Они методично теснили его в сторону загонщиков. Мать-кабаниха улепетывала, задрав хвостик. С противными криками кружили в воздухе цапли.

Никто и не подумал спасти несчастного полосатика. Спустя минуту все было кончено, лишь там, куда упала жертва, мотался клубок мохнатых тел.

«Все как всегда,— посочувствовал Артур,— последний моет класс...»

Подбадриваемые свистом Фердинанда кони помчались между путей, все дальше углубляясь в страну вонючих болот и комариных туч. Неожиданно возникла еще одна железнодорожная ветка, на которой тоже замер состав — теперь уже грузовой. Большая часть вагонов погрузилась в болото до самых крыш, а нержавеющие цистерны с надписью «масло» выглядели так, словно их кто-то прогрыз. Куда-то подевалась насыпь; Коваль мечтал поскорее выбраться на твердое место, чтобы лошади не провалились в зыбучую почву.

Когда слева показалась длинная бетонная плита, косо торчащая из фиолетовой ряски, Борк позволил сделать короткий привал. Сквозь бывшую станционную платформу пауки просочиться не могли. Правда, здесь в пределах видимости разгуливало стадо плотоядных коров, но Христофор показал Ковалю приземистую четвероногую утку, за которой те охотились. Клаус сказал, что коровы вполне безобидны и не выносят запах пива.

— Вам очень повезло!

Борк ассистировал маме Роне штопать левину ногу. От головы паука остались лишь хлипкие ошметки, но челюсти, больше похожие на две костяные пилы, пришлось разжимать кинжалами. Сухожилие оказалось не порванным, но десятки мелких ранок никак не хотели заживать самостоятельно. Комары всех мастей пикировали на запах крови и пытались усесться Леве на ногу сразу в три слоя, не соблюдая никакой очередности.

— Да неужели?! Вы вправду считаете, что я везучий? — от боли и гнева Свирский почти без акцента заговорил на французском.

— Конечно! — воодушевленно закивал охотник без тени юмора. — Это был самец, они более вялые и лишь слегка помогают самкам на охоте. Стая погналась за свиньями, нас заметили случайно... Но ваш Семен — удивительный боец. Мы никогда не видели, чтобы человек перемещался с такой ловкостью!

«А он ведь нас спас,— подумал Коваль.— Неизвестно, сумел бы я остановить эту мерзость...»

Фердинанд разлил последнюю порцию пива и проследил, чтобы выпили до дна. Употребили честно, никто не хотел заразиться, но Христофора все равно стошнило. Митя, запрокинув голову, изучал, как солнце окончательно исчезает за желтой завесой. Клаус и Семен тем временем вытаскивали из его бедра костяные крючки — предсмертный

подарочек ахара. Затем Борк велел развести костер, накапал в золу жидкости из фляжки и полученной кашцей заставил обмазать раны. Стойко терпевший доселе Карапуз после такого лечения взвыл от боли и чуть не кинулся на пивовара с кулаками, а Свирский провалился в обморок.

— Иначе нельзя,— извинился главный охотник.— Яд ахара съедает мозги. Если не остановить, перестанут слушаться ноги, затем руки. Немножко неприятно перед смертью...

Станислав молился, опустившись на колени у дальнего края станционной платформы. Подле него смешным напоминанием о лучших днях болталась на декоративных крюках мусорная урна со значком, запрещающим бросать окурки на пол. Христофор икал и нюхал воздух. Пахло кисло и одновременно приторно, но ветер стал свежее.

Артур наблюдал, в каком темпе кончаются боеприпасы, и впервые в нем шевельнулась мысль, не повернуть ли назад. Он был склонен доверять охотнику и не планировал вторгаться в Мертвые земли с танками и самолетами, но теперешнюю экспедицию стоило подготовить получше. Он еще в Питере слышал о песчаной стене, но считал ее всего лишь следствием выветривания почв. Он слышал об отравленных химией сотнях и тысячах гектаров, но не рассмотрел этого и дома...

— Плохо дело, командир? — Даляр остановился рядом и сплюнул вниз на ползающих в фиолетовой траве улиток.— Тут вишь как... Все смотрю и не могу понять, что там впереди...

— Это мост,— сказал Артур.— Как через Неву, только поменьше. По нему когда-то ходили паровики.

— Вот дела... Мост есть, а реки нету.

Никакой реки, действительно, не было и в помине. Две чудом сохранившиеся бетонные аркады торчали вертикально из плоской равнины. Свисавшие с опорных башен оборванные стальные тросы слегка покачивались и гудели.

— Три года назад мост лежал на боку,— сказал поляк.

Коваль попытался представить себе, что могло развернуть и воткнуть в почву тысячетонную громаду.

— Уходим! — озабоченно произнес охотник, показывая на стремительно приближающийся туман.— Прикажете закутать морды лошадям и не разговаривать, пока не доберемся до гор. Всем привязаться веревками и идти след в след.

— Я не вижу никаких гор,— глядя в бинокль, заявил Карапуз.

— След в след! — строго повторил охотник.— Горы нападают на одиночек.

Последнюю фразу Коваль не стал переводить, подумал, что неверно понял.

9

СМЕРТЬ В ПОЛЗУЩИХ ГОРАХ

— От меня одни хлопоты, — криво улыбнулся книжник, когда ему в очередной раз промывали искаленную ногу. — Может, оставите меня тут, а на обратном пути заберете? Борк говорит, что по лесу придется пешком топать, а какой из меня скороход?

— Брось нести чушь, осталась ерунда! — оборвал Артур. — Ты для нас самый важный, тренируйся во французском!

На ночлег остановились в подвале средневековой крепости...

Сначала долго шли по камням, затем дорогу перегородили завалы промышленных зданий. Оставалось только гадать, каким образом находил охотник верное направление среди выплывающих из мрака одинаковых куч мусора.

В десятке метров над землей перекачивался и вздыхал туман, словно влажный компресс цвета разведенной охры. Иногда языки тумана доставали до земли, волочились по голой, без единого листика, равнине. Тогда Клаус сворачивал, и связанная веревками цепочка людей сворачивала за ним.

Опустилась ночь, пришлось зажечь факелы. Сквозь мелкую морось фигуры всадников казались расплывчатыми, от света факелов на слоистых ядовитых тучах плясали тени. Иногда казалось, что вокруг дробятся и рассыпаются бесчисленные зеркала, но это была всего лишь странная игра воды и света...

Полная тишина.

Когда стихал ветер, Коваль не слышал ничего, кроме фыркания копей и поступи копыт. Иногда Клаус дергал за веревку, колонна останавливалась. Из сумрачной пелены появлялся один из пивоваров, обходя всех с бутылочкой снадобья. Лошади шарахались, когда он капал им на ноздри черную жидкость, но Борку и этого казалось недостаточно. Он велел закапать зелье в глаза и людям, и животным.

На все предложения отдохнуть охотник отвечал отказом. По часам Артур определял, что наступило утро, а они все тащились сквозь полумрак. Глаза слезились, постоянно хотелось сморгнуть, в носу свербило, а во рту скапливалась мерзкая кислая слюна. Он слышал, как позади тошнило маму Рону. То ли от хмельного пива, то ли от воздействия ядовитых паров, ему периодически казалось, что впереди трусящий конь двоится, распадается на части или начинает перебирать ногами в воздухе. Проклятое пойло никак не желало перевариваться, поднималось по пищеводу и забивало хмельными пузырями гортань. Артуру казалось,

он настолько пропитался кислотой, что от него теперь будет вечно разить за версту.

Никого. Ни насекомых, ни птиц.

Ни капли зелени и ни клочка травы.

Под копытами перекатывались камни или хрустела серая лежалая пыль.

В какой-то момент Ковалю показалось, что начало светать. Туман поднялся выше, открыв неожиданно мрачную картину. «Это уже не Дали,— подумал Артур,— это гораздо хуже...»

Они проходили по гигантской заводской территории. Над головой нависали огрызки корпусов, иначе не назовешь. Где-то не хватало стены, и перекрытия этажей вместе с лестницами свешивались над пропастью. Где-то от здания оставался один скелет, а в другом, напротив, стены держались, и не вылетели даже окна, зато внутри все рухнуло до первого этажа.

Ржавые нитки рельсов забегали в здоровенный, плоский ангар со съехавшей набекрень крышей. В ангаре когда-то случился пожар, и теперь сквозь арку высотой в три этажа выглядывали слепыми глазками фар сгоревшие остовы маневровых тепловозов. Прямо, как рабочие пчелки, погибшие вместе с ульем...

Однажды из сумрака выплыла жуткая скульптурная группа, даже толстокожий Митя Карапуз вздрогнул и неловко перекрестился, что случалось с ним крайне нечасто. Над просевшей кирпичной балюстрадой некогда возвышалась шарообразная надстройка с широким панорамным стеклом по кругу. Скорее всего диспетчерская, внешний дозорный пункт, позволявший охватить сверху значительную территорию завода. Гигантский бетонный шар, облицованный нержавеющей сталью, провалился до земли сквозь два этажа, но армированное стекло уцелело. И теперь изнутри таращилось полдюжины скелетов в истлевших форменных комбинезонах. Они так и замерли, придавленные креслами и упавшим потолком, словно команда погибшего звездолета.

Кони осторожно нащупывали дорогу среди трещин, обломков кирпича и арматуры. Несколько раз Артуру пришлось пригибаться, когда из мглы надвигался провисший трубопровод или пучок обглоданного кабеля. Через некоторое время туман поднялся еще выше. Клаус провел отряд по упавшим воротам, и производственные кварталы сменились жилыми.

Только здесь никто не жил, кроме скользкой серой плесени и крыс. Да и те три крысы, которых Артур успел засечь, выглядели настолько неважно, что хотелось их покормить.

Стоило выйти на ровное место, как Борк снова скомандовал в галоп, точно сзади гналась свора обезумевших пауков. Вдоль проспекта разлачивались штабеля упавших новостроек и многоэтажная башня, свалив-

шаяся прямо на автобусный вокзал. Сплюсненные автобусы торчали из-под обломков, как раздавленные тараканы.

Артур стал размышлять, были еще живы люди на вокзале, когда обрушился небоскреб, или к тому времени всех уже прикончил СПИД?..

Еще час — и стало окончательно светло. Сквозь разрывы в лимонном мареве проглянуло солнышко. Коваль оглянулся и мысленно поблагодарил Борка за предусмотрительность: Христофор и Левушка спали на ходу. Если бы не прочная веревка, неизвестно куда бы они завернули во мраке...

Когда Ковалю уже начало казаться, что спит не только он, но и же-ребец, из строительной рухляди надвинулась замшелая средневековая громада. С позеленевших, сочащихся влагой стен с карканьем поднялись тучи воронов. Желтая морось отступала, сменяясь самым обычным промозглым ветром и сереньким дождем. Вернулись комары и мухи. Укрытый «защитной» тканью Лапочка рычал на кого-то сквозь прутья корзины, но враги благоразумно не показывались.

Обогнули покатуя стену с пушечным бастионом, под которым разинули пасти скульптурные львы. В глубине треснувшей арки Свирский прочел указатель: «Продолжение осмотра». Сыновья охотника шустро откатили в сторону валун, маскирующий низкую дверцу, а затем сковырнули две широкие доски, прибитые крест-накрест.

Вначале в темноту запустили Лапочку. Только после этого в тайное укрытие пивоваров вошли люди. Видимо, пивовары издавна приспособили этот подвал в качестве базы отдыха. Целая анфилада замурованных в глубине комнат с сухим полом, почти не испорченной грубой мебелью выход во внутренний дворик с пустой чашей фонтана. Нашлось место и для коней: их провели под аркой и устроили в узкой крытой галерее. Борк запретил оставлять лошадей под открытым небом.

Затем произошло настоящее чудо. Клаус достал из тайника три бронзовых чана и, взяв себе в помощь полковника с Карапузом, принес воды из колодца. Ни пить, ни мыться он не позволил, пока вода не вскипит. Пришлось разжигать костер, зато потом в маленькой часовне устроили настоящую баню. Пока русские намывались, измученные пивовары завалились спать.

У Ковалю страшно ныла поясница, но он не стал эксплуатировать уснувшую маму Рону. Он обошел каждого, мужчин заставил побриться и постирать одежду, проверил состояние оружия. Христофору устроил разнос за гниющие в вещмешке остатки пищи, затем пообщался с книжником. Тот жаловался на сильные боли, но не могло быть и речи, чтобы оставить Леву в крепости: Борк, очень долго шептавшийся с сыновьями, намекнул, что назад, вероятно, придется идти другим путем...

— Они были здесь! — внезапно подал голос Станислав. — Смотрите, они поили тут коней.

Он выволок Артура на гребень стены. За мелкой траншеей, в которой с трудом угадывался крепостной ров, раскинулась колоссальная цветочная клумба с цементным островком посредине. Несколько секунд Коваль наслаждался зрелищем цветов. После лысых отравленных скал хотелось спуститься и зарыться лицом в распускающееся навстречу солнцу радужное великолепие... Потом до него дошло, что это не клумба, а кольцевая развязка автодорог, посреди которой сохранилась будка регулировщика. В будку вела лесенка, а под козырьком болтался светофор. При желании в густой росистой траве действительно можно было угадать следы давнишнего бивуака, пятна от кострищ, козлы, на которых крутили вертела, и даже черепа нескольких коров...

Поляк с пеной у рта убеждал Коваля, что раз посольство преодолело Мертвые земли, то есть шанс найти его, но Артур его не слушал. Он смотрел поверх крыш городских домов, и новое нехорошее предчувствие сосало душу. Еще у Качальщиков он выработал в себе это умение предчувствовать беду.

За городом поднимались Ползущие горы...

Выступили в сумерках. Вынужденное безделье и тучи воронья всем действовали на нервы, но пивовары при свете выглядели совсем неважно, и губернатор согласился переждать. Несмотря на защитные средства, ночные жители получили нешуточные ожоги на лице, у всех троих слезились глаза, их мучили головные боли. Борк крепился, но было заметно, с каким трудом дался ему дневной переход.

На западе небо расчистилось, лишь кое-где, словно потерявшиеся щенки, носились в вышине желтые клочья. Чем ближе всадники подбирались к окраине городка, тем гуще становились травы и кустарники, и тем глубже покореженные дома проваливались в почву. Но в какой-то момент зелень сменилась длинными песочными дюнами, наметанными ветром поперек улиц. В первых этажах домов песок достигал уровня подоконника, но вместе с песком ветер принес, очевидно, и землю: путникам казалось, что цветники разбиты прямо в квартирах...

И вдруг улочка раздалась в стороны, закончившись небольшим обрывом. Город остался позади. Это случилось настолько неожиданно, что Карапуз, увлеченно отмахивавшийся от слепней, чуть не грохнулся, когда его конь по колени провалился в горячее рыжее крошево.

Слабый ветерок шевелил редкие колосья одичавших злаков, среди чахлах кустиков вихрились пылевые буруны. Артуру сразу вспомнилась казахская степь под Карагандой, где он бывал по делам института. Только сейчас перед ним была не степь, а подножие сопки, покрытое меленькой травкой.

Над страной Ползущих гор занимался тревожный, розовый рассвет. За первой сопкой виднелись другие, прогалины покрывала густая щетина

кустарника, похожего на свалывшуюся шевелюру африканца. Артур покрутил настройки бинокля. Кусты только издали казались мягкими и пушистыми, на самом деле они представляли собой нечто вроде разновидности саксаула, жесткого и покрытого острыми колючками.

Клаус ухватил Карапуза за пояс, не давая ему шагнуть в низкую, кудрявую траву. Потом он спешился сам, бережно растянулся на животе, приложив к земле ухо, и, словно уж, пополз в гору. Фердинанд разматывал конец капронового троса, обмотанного вокруг пояса брата. Спутники Артура с недоумением следили за маневрами пивоваров. Борк приложил палец к губам, требуя тишины, и стал невозмутимо набивать трубочку.

Когда все двадцать метров троса, обвязанного вокруг Клауса, разматались полностью, тот вытащил из кармана колышек и загнал его в землю. Фердинанд передал конец своего троса отцу и отправился по стопам брата, который в это же время закрепил моток другой веревки за колышек и пополз дальше, извиваясь, будто обходил вражеские мины.

Артур вопросительно глянул на главных советчиков. Семен недоуменно пожал плечами, Христофор встал на колени рядом с Борком и погрузил ладони в рыжеватое крошево. Это был очень странный песок. Вперемешку с сухими кристаллами кварца попадались микроскопические комочки земли, бугорки семян и даже мелкие металлические вкрапления, словно брызги расплавленной меди...

— Ходит и не ходит. Вверх и вниз...

— Мы можем провалиться?

— Здесь не ходит, там ходит,— сын колдуна неопределенно помахал ладонью в северном направлении.— Очень плохо.

— Да что плохо-то? — разозлился Даляр.— Что ты каркаешь? Все ему плохо, когда ни спроси! Хоть бы раз сказал, что впереди все хорошо.

— Что ты там видишь? — на пару с полковником набросился на колдуна чингис.

Христофор поднял потемневшие глаза на командира, и Артур невольно вздрогнул. На него снова нахлынуло мерзкое предчувствие беды. Сердце сжало липким компрессом беспомощности.

— Нельзя идти, очень плохо! — упрямо повторил сын Красной луны.— Они не хотят нас пропускать.

— Кто не хочет пропускать? — Даляр приложил ладонь козырьком ко лбу.

Ближняя сопка вздымалась метров на сорок, в пологих барханах блестками играли солнечные лучи. Артур, сам не отрывавший взгляда от вершины, мог поклясться, что не заметил ни малейшего движения.

— Мы можем обойти горы? — решительно повернулся Коваль к охотнику.

В конце концов, подумал он, лучше сделать лишний крюк, чем игнорировать чутье колдуна. Губернатор слишком хорошо помнил, как маленький Христофор, еще будучи ребенком, спасал от засад целые торговые караваны. Сын Красной луны не всегда улавливал безмозглую опасность, вроде болотных пауков, но очень точно предвосхищал намерения дикарей...

— На севере, герр Кузнец, светится земля,— окуляры солнцезащитных очков уставились на Артура. Голос пивовара из-под шарфа доносился глухо, как из глубокой шахты.— Земля светится на три недели пути. До крепких снежных вершин. Там за один день выпадают волосы и зубы, а десны начинают кровоточить. На юг горы ползут на девять ночей конного пути, но обходить их — безумие. Там полно диких зверей и встречается рой, а у нас нет железных кольев. И укрытий на юге у нас нет. Там пески вплотную смыкаются с болотами, где полно летучих насекомых, несущих болезни. Путь только один — напрямик. Либо идем назад.

— Вы обещали мне помощь! — ощерился Станислав.— Если вы меня покинете, я пойду в Париж один.

Коваль понимал, что делает что-то неправильно; вероятно, следовало вместе подумать и примирить отряд, прежде чем продолжать движение. Но солнце поднималось все выше, земля раскалялась. Еще немного, и отважные пивовары повернут назад, в крепость...

— Ваши ребята могут не утруждаться,— обратился Коваль к охотнику.— Сын Красной луны найдет зыбучий песок быстрее, чем они.

— Вы не понимаете,— отмахнулся Борк.— В Ползущих горах ничто не стоит на месте.

Его сыновья тем временем заколотили уже четвертый колышек и неутомимо продвигались в направлении ближайшего кустарника. Теперь между колышками тянулась бечевка с яркими лоскутками.

— Идти пешком,— сказал Борк.— Всем обвязаться веревками и спешиться.

— У нас раненый, который не может идти пешком.

Только сейчас Коваль заметил, что нога у книжника распухла и посинела, а сам старик то потел, то покрывался мурашками. Однако, не желая становиться обузой, он с удвоенным рвением строчил в блокноте путевые заметки, справлялся у пивоваров об особенностях растений, упаковывал образцы и периодически развлекался с секстаном. Предметом его отдельной гордости была вновь создаваемая карта. Компас в здешних краях не действовал; посредством бинокля, секстана и геодезического нивелира Левушка старательно прочерчивал пройденный путь на листе ватмана.

— Очень плохо,— помрачнел охотник.— Кони тяжелые, горы не любят тяжесть.

Договорились, что Свирский поедет верхом, но привяжется за пояс к Семену.

Восхождение началось.

Коротышки настойчиво торили дорогу среди барханов. Стоило отряду углубиться в рыжее безмолвие, как ощущение близости дремлющего под землей врага только окрепло. Коваль пытался войти в резонанс с окружающим, как учил его Бердер, но не мог дать ясного определения угрозе. Он не видел ни коварных ящериц, ни ядовитых птиц, а самое главное — ни он, ни Семен не чувствовали в толще песка пустот, которых так боялись пивовары.

Небо тоже оставалось спокойным.

В зените, неотступно следуя за колонной, плавно кружили два стервятника. Затем к ним присоединился третий.

Птицы ждали.

Цветочки постепенно сгнули, а наряду с рыжими вкраплениями на поверхности дюн стали появляться какие-то застывшие пятна, цвета грозовой тучи. Артур попытался набрать в перчатку горстку темной породы, но мельчайшая пудра просочилась сквозь пальцы.

Борк дал команду остановиться. Все затихли, ожидая дальнейших указаний.

— Металл,— коротко бросил Семен.— Текучий металл.

— Ты встречал такое?

— Отец говорил, что видел за Уралом. Христия прав, очень опасно. Годами может лежать — и вдруг нападает, как живое.

— Но тут нет ничего живого! — Артур опустился на колени в тени жеребца. Слабо поблескивавшие пятна покрывали рыжий склон сопки, словно оспины. Одни были величиной с рублевую монетку, другие достигали размера раскрытого мужского зонтика.

— Я же сказал «как живое»,— поправил Семен.

— В вашей деревне старики не упоминали ни о чем подобном,— нахмурился Артур.

Он подобрал горсть обычного песка и высыпал сверху на одну из бляшек. Несколько секунд горка оставалась неподвижной, затем в центре образовался маленький кратер, словно ворочался муравьиный лев.

Зернышки, сухие соломинки, песчинки рассыпались в стороны, обнажив нетронутую блестящую поверхность.

— Не прикасайтесь! — окрикнул Борк.— И ничего не поднимайте с земли, если хотите жить!

Выбираемая братьями дорога походила на бесконечную череду восьмерок и петель. За первой сопкой они обошли понизу вторую, зато на третью, самую высокую, начали взбираться. Логику Клауса невозможно было понять. Иногда он падал ничком и медленно перебирал конеч-

ностями, как черепаха, отыскивающая место для кладки. Потом надолго замирал, а остальные терпеливо ждали, пока братья посоветуются друг с другом и вобьют следующий колышек.

И ни разу Клаус не наступал на металлические серые пятна.

Стервятники кружили в потоках прогретого воздуха.

Теперь отовсюду проступали лишь скучные, лимонно-рыжие вершины сопки. Травы почти не осталось, зато пятна металлического порошка усыпали сопки, словно оспины ветрянки. Не успело солнце подняться в зенит, как охотник объявил о большом привале. Братья почти безошибочно вывели путников к чернеющему между приземистых холмов готическому собору, точнее, к треугольной верхушке собора, сиротливо торчащей из песка. Ксендз немедленно вознегодовал и начал разоряться, что он-де раньше проходил левее и подумать не мог, что святой храм превратят в сортир. Не обращая на него внимания, пивовары отогнули мешковину, закрывавшую узкое оконце, и забрались внутрь.

Артур представил, какой толщины должен достигать слой песка, чтобы почти полностью спрятать высотное здание. Возможно, поблизости имелись и другие дома, но стены более современных построек не выстояли перед наступлением стихии. Было нечто символичное в том, что устоял именно собор. Коваль последовал за проводниками. Как он и ожидал, под верхним перекрестием балок все внутреннее пространство собора занимал песок. Пивовары раскинули тент, чтобы спрятаться от лучей, жалящих сквозь дырявую крышу. Борк сонным голосом повторил, чтобы не отвязывали лошадей, не трогали землю, и захрапел...

Остаток дня прошел спокойно. Когда над Ползущими горами поднялся месяц, пивоваров разбудили, и отряд снова двинулся в путь. Артур уже начал думать, что нервы сыграли злую шутку и до обещанного Красного леса осталось совсем немного, когда это случилось...

На подходе к одному из особенно крутых гребней, с Ковалем поравнялся святоша. Станислав прихрамывал. Несмотря на ночную прохладу из-под полей его соломенной шляпы стекали крупные капли пота, а ноги по щиколотку вязли в песке. Предусмотрительный Борк еще на окраине города роздал всем короткие снегоступы, но ксендз отказался. В результате он засадил себе в пятку занозу и спотыкался на каждом шагу.

— Пивовары называют эти пятна металла «свинцовой язвой», — тихо сказал Станислав. — И никогда не трогают. Как ни крути, они недалеко ушли от дикарей. Корчат из себя верующих, а сами уверены, что под землей живет дух обиженного металла, который движет горы и просачивается наружу, чтобы мстить одиноким странникам...

Поляк презрительно сплюнул.

— А сам ты в это не веришь? — спросил Коваль.

— В духа? Я верю лишь в святого духа! — гордо ответил Станислав. — А что касается язвы... Я прошел тут трижды и знаю тех, кто сделал это десять раз. А эти немцы... Посмотри на них, они перебирались через горы сотни раз — и ничего с ними не случилось.

— Так там ничего нет, под песком?

— Я всего лишь пытаюсь намекнуть, чтобы ты не слишком верил их болтовне. Порой они сами придумывают страхи, чтобы набить цену для проводников. Например, я уверен, что нам ни к чему было надуваться их гадким пивом. Желтый туман грозит смертью на высоте, но уверяю тебя, у поверхности давно безопасно.

— Ты хочешь сказать, что обойдешься без них? За что ты их так не любишь? — Коваль никак не мог понять логики этого желчного человека.

— А за что мне их любить? — недобро рассмеялся Станислав. — Они что-то темнят насчет посольства. Нам доподлинно известно, что кардинал Жмыхович повел людей именно этим путем. Мы предупреждали германцев. И как они, по твоему, поступили? Как предатели. Да, с Великим посольством шли неплохие проводники из германских травников, но, чего скрывать, пивовары ориентируются в здешних местах гораздо лучше.

Они жадные, хоть и притворяются овечками! Золото их не интересует; им подавай ткани, коней, гвозди, нефть! Мне точно известно, пан Кузнец, что его преосвященство не стал бы торговаться с грязным дикарем, имея столь светлую и значительную цель.

Люди Борка просто заломили неслыханную цену. И что в результате? Эти шуты в масках заявляют, что понятия не имеют, как это мимо них просочилось целое войско...

— Послушай, пан Станислав, — осторожно подбирая слова, начал Коваль. — Ты ведь признаешь, что они люди, а не чудовища, хотя и живут за песчаной стеной?

— Ну... — ожидая подвоха, косо глянул ксендз.

— В таком случае загляни в Святую книгу, — мягко посоветовал Коваль. — Ты отыщешь там место, где сказано, что все без исключения люди суть дети единого бога. И любит их бог одинаково.

— Ты так сильно любишь своих подданных, пан губернатор?

— Но я и не говорю, что живу и работаю во имя Креста, — парировал Коваль. Он вдруг понял, что твердолобого поляка не переспоришь, и резко сменил политику. — Вот что я подумал, святой отец. Если ты прав, и Борк имеет на нас зуб, то он может попытаться заманить нас в ловушку, чтобы завладеть имуществом и лошадьми? Как это я упустил из виду?..

— А я о чем тебе толкую? — мгновенно поймал наживку святоша. — Да будь моя воля, будь у меня, как у тебя, пан Кузнец, преданные солдаты, я спалил бы этих карликов прямо в норе! Я бы их прижал как сле-

дует. Этот гаденыш Борк выложил бы немало любопытного, в том числе про Великое посольство!..

Тут Станислав замер с открытым ртом. Как раз в эту минуту отряд преодолел очередной пик и начал спуск в узкую долину между двух острых песчаных наносов. Ветры постарались здесь на славу, образовав на ровном, словно отполированном, склоне причудливые барельефы. В другой обстановке Артур признал бы, что вид открылся изумительный. Встающее солнце уже лизало вершины гор, точно розовый язычок шевелил выступы беззубых десен, а навстречу розовому с запада разгоралось неясное багровое свечение...

Но Станислав смотрел не на художества ветра, и даже не на показавшиеся за дальними барханами кроны Красного леса. Он глядел под ноги, а там понуро сидел растерянный Клаус.

Клаус искал, куда воткнуть очередной колышек — и не находил. «Свинцовая язва» густо обметала склон. Некоторые пятна сливались в сплошные полосы, образовав на песке непроходимый узор.

— Что будем делать, охотник Борк?

Пивовар молча приподнял маску и приложил к глазам подаренный Ковалем бинокль.

— Попробуем обойти южнее.

— Отец! — остановил Борка звонкий голос Фердинанда. — «Язва» нас догоняет!

На самом деле догоняла не «язва», Артур это понял с первого взгляда. Колоссальная масса песка за спиной без всякой видимой причины пришла в движение.

— Гора ползет! — ойкнула мама Рона.

— Еще как ползет... — отозвался Семен.

Он шел замыкающим и сейчас из всех сил тянул за собой перепуганного жеребца. Коваль не успел сообразить, что происходит, но Фердинанд уже катился навстречу Качальщику, выкрикивая на ходу:

— Брось узду! Брось! Уходи!

Семен погрузился уже почти по колени, песок тек вокруг него сплошной рекой, тек с каждым мигом все быстрее и быстрее. Наконец Хранитель осознал, что происходит, и выпустил уздечку.

Жеребца повлекло вниз; он сражался из всех сил, но ничего не мог поделать. Путаясь в собственной сбруе, истошно, почти по-человечески крича, он барахтался посреди песчаного моря и все пытался высмотреть огромным фиолетовым глазом хозяина, который не должен был, не имел права бросить его...

Через несколько мгновений в неглубокой воронке песка кружило лишь стремя; потом исчезло и оно. По лицу Качальщика пробежала су-дорога, он застыл на одном месте.

— Назад! Назад, тебе говорю! — надрывался Фердинанд, дергая веревку, которой был обвязан Семен.

Коваль почувствовал, как под сапогами исчезает твердая основа. У лошадей разъезжались ноги. Карапуз запнулся и упал на спину. Еще секунда — и он покатился бы вниз, не ухвати его за пояс малыш Борк.

Сопки ползли все быстрее и быстрее. Казалось, смещается весь доступный обзору массив. Неустойчивый гребень, на котором стояли люди, начал разрушаться, первые ручейки оползня заскользили в ложину. Рельеф менялся, словно исполинский золотоискатель подбрасывал сито, недовольно перемешивая частицы в поисках ценной руды. С севера с нарастающим сухим шелестом, с неумолимостью цунами, раскидывая тонны пыли и оставляя за собой толстый рыжий шлейф, к людям приближалась настоящая гора.

— Вниз, быстро! «Язва» окружает!

Заражаясь друг от друга паникой, люди посыпались по наветренному склону, и уже никто не обращал внимания на свинцовые болячки пустыни. Артур бросился на помощь пивовару, тянувшему на веревке Семена. Фердинанд стонал от натуги, одной рукой ухватившись за стремя; обмотанный вокруг другого кулака фал уже разрезал ткань перчатки и до крови располосовал кожу. Семен выкарабкался, перекатился, освобождая ноги, но в эту секунду огромная волна сбила его с ног. Ремень лопнул, рука Фердинанда отчетливо хрустнула.

— Держись! — Артур, забыв обо всем, рванулся к тонущему Качальщику.

— Нет! — здоровой рукой Фердинанд ухватил его за поясной ремень. — Его не спасешь, все погибнем!

Словно в подтверждение его слов второй, еще более мощный вал нахлынул на Качальщика.

Больше Артур его не видел

Подхватив в охапку скорчившегося от боли коротышку, Коваль прыгнул в седло. Кобыла Фердинанда неслась далеко впереди и уже почти скрылась из виду. Отплевываясь песком, Коваль направил коня наискосок по склону. Падение означало болезненную, хотя и быструю смерть, но каким-то чудом черный жеребец держался. Вспарывая песок когтитыми копытами, вытягивая шею, он стремглав несся на запад, а позади с противным шелестом обрушивались десятки тонн кварца — все время в двух шагах...

Спуск сменился подъемом, и тут Артура словно ударило в спину. Но оглянуться было некогда; вылетая на вершину следующей сопки, он уже видел машущих ему ребят. Все они были в относительной безопасности: там, впереди, чертова пустыня еще не шевелилась, отряд взби-

рался на самый верх горы, похожей на ступенчатую пирамиду ацтеков. Маленький Борк что-то надсадно кричал, указывая в сторону...

Артур на секунду позволил себе обернуться (коротышка Фердинанд, несмотря на сломанные пальцы, вцепился в него не хуже, чем паук в паутину).

То, что Коваль увидел в последние мгновения перед тем, как закончилась буря, запомнилось ему надолго. Пересказывая впечатления той минуты Хранительнице Книги, он не находил слов, чтобы описать потрясшую его картину.

За ним по пятам гналась пропасть.

Отставая на шаг от задних копыт коня, морщинистая, словно прибрежное морское дно, поверхность песка исчезала, обрушивалась водопадом в кошмарную глубину. А с противоположной стороны широченная трещина мгновенно заполнялась, и на ее месте образовывалась новая долина... Все эти чудовищные превращения под монотонный, почти усыпляющий аккомпанемент струящегося песка могли свести с ума кого угодно. И, точно жадные руки, тянулись из глубины пропасти скрученные нити свинцового оттенка, — хищные метастазы опухоли, образованной миллионами тонн дряни, которую произвело человечество. Опухоль разрасталась, вылезала на свет, словно пробуя на вкус оставшийся чистый воздух и захватывая все новые территории...

Коваль продолжал хлестать взмыленного коня, даже когда земля успокоилась. Он не слышал, что кричал ему Фердинанд, не чувствовал рези в обожженных песком глазах, и только когда на стремени всей тяжестью повисли Карапуз и Клаус, он понял, что спасен...

— Все, командир, все! — кричал Митя, волочась за стремянем.

У Клауса шапка сбилась набок вместе с капюшоном, лоб мигом покрылся волдырями. Артур вывалился из седла, хватая ртом горячий воздух. Рядом корчился Фердинанд; мама Рона и Борк уже накладывали ему доморощенную шину из шомпола. Кто-то вылил губернатору на голову бурдюк воды...

Мало-помалу командир обрел способность видеть. Ползущие горы замерли, точно удовлетвовавшись жертвой. Человеческих потерь больше не было, а кроме коня Семена, погиб еще один. Вместе с лошадьми был похоронен изрядный запас пищи, бидон с нефтью для факелов и половина дефицитного динамита.

— Я не прощу себе... — бессмысленно повторял Артур.

Лева гладил командира по руке, мама Рона совала под нос ковшик с успокаивающим отваром. Все слишком хорошо понимали, что именно Ковалю предстоит встреча с отцом молодого Хранителя и лесными старейшинами. Семен погиб слишком глупо, чтобы считаться героем, и слишком страшно, чтобы ему можно было пожелать спокойного сна.

— Он был отличным охотником! — торжественно произнес Борк. — Я мог бы гордиться таким сыном. Но если ты намерен когда-нибудь достойно оплакать мертвого, подумай сначала о живых. Если твои глаза будут полны слез сейчас, мы не пройдем Красный лес.

Солнце вставало за спиной Борка, но в его черных очках отражались пляшущие блески. Артур непонимающе разглядывал охотника, затем до него дошло.

Он развернулся — и увидел далекие огоньки костров.

Людоеды Красного леса грели воду для завтрака.

10

ВЕЛИКАНЫ КРАСНОГО ЛЕСА

Заночевали, а точнее, задневали на самой границе песка и леса. Дабы облегчить страдания Фердинанда, Артур извлек даже заветные снадобья, подаренные Анной Второй. Но у белобрысого мутанта, несмотря на фантастическую выносливость и бравый вид, кости двух сломанных пальцев не желали срастаться за один день...

На вторую ночь лагерь организовали под кроной расщепленного молнией клена. Артур дождался, пока все улягутся и незаметно поминал охотника. Освобожденная от тряпок и масок, его обескровленная физиономия казалась ликом призрака.

— Наш юный колдун хорошо слышит, герр Борк. Он обеспокоен тем, что слева за нами постоянно следят.

— Не стоит опасаться, это еще не Красный лес. Кому надо, давно знают, что мы здесь, но мелкие племена не будут нападать...

— Мне не нравится такой подход, герр Борк. Мы потеряли двух превосходных бойцов, а за смерть Хранителя мне вообще могут голову открутить...

— Мы разделяем вашу скорбь.

— Дело не в скорби. Люди пошли за мной, но я командую ими в городе, в Петербурге. Понимаешь? Здесь моя личная война, и никому невозможно объяснить, какая польза будет городу, если мы найдем других Проснувшихся. Возможно, вместо благодарности меня ждут страх и проклятия. А теперь гибнут лучшие ребята из тех, что в азарте пошли за мной, и мне становится страшно смотреть в глаза другим. Он утонул в песке, бездарно утонул...

— Он не бездарно утонул, — пивовар почти нежно коснулся ладони Артура. — Он принес жертву, чтобы мы могли пройти.

— Вы всерьез верите в это? — напрямик спросил Коваль. — Вы верите, что кто-то из нас должен был обязательно погибнуть, чтобы миновать горы?

В пляшущих отсветах костра глубокие глазницы Борка походили на дыры, выдолбленные в гипсовой свае.

— Это не просто суеверия, герр Кузнец. Под толщей гор дремлет Свинцовая язва. Она никогда не спит. Она может притворяться, что уснула, но всегда следит за теми, кто движется по горам. По эту сторону Ползущих гор есть племена, которые верят, что пески можно умиротворить жертвенным скотом. Они заводят скотину в горы, связывают ей ноги и оставляют на съедение язве. Глупцы, они не понимают, что их коров поедают птицы, а язве не нужны бессловесные твари!

— А кто же ей нужен?

Борк придвинулся так близко, что Коваль ощутил на лице его пивное дыхание.

— Язве нужен человек! Получив человека, она успокаивается. Я тоже чувствую свою вину перед ним. Мне следовало послать вперед сыновей. Никогда еще язва не нападала с такой яростью...

Артуру показалось, он нащупал во всей этой дикости какую-то трезвую мысль.

— Так горы ползут, пока кто-нибудь не погибнет?

— Горы ползли всегда, но мальчишкой я ходил через них один и редко когда встречал свинцовые отметины. Они полезли вверх три года назад, словно озверели от запаха людей. И еще... Мои родственники из Карлсруэ видели, как из Ползущих гор вышел рой.

— Что?!

— Именно так, герр Кузнец. Раньше никто не понимал, откуда берутся на земле демоны из неживого металла — существа, лишённые сердца и крови. Язва мстит людям, она продолжает дело Большой смерти. Рой сечет все подряд, но охотится только за людьми. Однако демонов было совсем немного, пока...

— Пока Карамаз-паша не провел серию диверсий,— закончил за него Артур.

— Не знаю, что такое «диверсия»,— запнулся Борк. — Вы иногда употребляете слишком умные слова... Герр Кузнец, я могу вас попросить об одном одолжении?

— Попробуйте.

— Если то, что я слышал о вас,— правда... Вы расскажете мне когда-нибудь о тех... о временах до Большой смерти?

— Если останусь жив, герр охотник.

— О, благодарение Лютеру, вы не умрете, герр Кузнец! — рассмеялся Борк. — В вас слишком много... как это сказать... Жизненной силы!

Во мраке невозможно было заметить, как кора деревьев сменила коричневый цвет на красный, но продвижение отряда резко застопорилось. Первые часа три, пока луна не поднялась в зенит, всадники тащились со скоростью улитки. Раскачанная земля словно брала реванш за раны, нанесенные цивилизацией.

Пришлось разбиться на три пары. Полковник рубил траву на пару с Христофором, а когда они уставали, их сменяли Карапуз и Станислав. В третьей бригаде орудовали кинжалами и топорами братья-пивовары. Иного способа пробиться не существовало, стожилые кони попросту вязли в переплетении стеблей, их приходилось поминутно вызволять. Прекрасно чувствовал себя только тигр Лапочка. Его выпустили из корзины, и одуревший от раздолья зверь носился кругами, то пропадая, то возвращаясь. Попутно он успевал полакомиться дичью, которая буквально кидалась под ноги. Коваль пытался разглядеть птиц и животных с мутациями, но не замечал пока ничего особенно страшного, хотя чаще кишела живностью.

Никаких аномалий, кроме поведения леса.

И продираясь сквозь этот лес, Артур невольно вспоминал иной...

За десять лет своего правления Коваль ни разу не посетил окрестности Москвы, его гнал оттуда суеверный страх, сродни стыду за содеянное. Но от караванщиков он слышал, что исполинские дубравы, захватив уже половину бывшей Московской области, продолжают медленно разрастаться и превратились в совершенно непролазную чащу. Делались попытки достичь центра древней столицы по воде, но отважные речники неминуемо возвращались обратно. Их встречали завалы из бревен, неведь откуда возникавшие буруны, водопады и целые полчища агрессивных водоплавающих. Несколько лодок перевернулось в водоворотах, и ни один, упавший за борт, не выплыл...

Теперь двухметровая просека, которую отряд прорубал с таким трудом, зарастала чуть ли не на глазах. Брызжащие соком иссеченные стебли не засыхали, а в течение получаса давали свежий побег. Однажды Артур уловил движение воздуха над головой и перехватил летящую веточку со вполне созревшими желудями. Это было невероятно: до осени оставалось добрых два месяца, но мясистые плоды выглядели вполне спелыми. Губернатор не поленился, слез с коня и закопал желуди в рыхлый чернозем. Два часа спустя он вернулся по просеке, топчя молодые побеги, и раскопал одетых в шапочки младенцев.

Оба желудя ночью пустили ростки...

Однажды передовые лесорубы налетели на балку из нержавеющей сплава. Ковалю стало интересно, и, прихватив лопату, он ринулся ее изучать. Балка уходила в глубину, затем показалась широкая поперечина, запаянная в мощном шаровом сочленении. Освободившийся от ра-

боты Карапуз, ощущая переизбыток сил, решил помочь начальству. Вдвоем дело пошло быстрее...

Толщина первоклассного чернозема превышала два метра, и плодородный слой не думал кончаться. Металлическая балка оказалась верхушкой от огромных качелей. Дубы вращались корнями в парк детских аттракционов...

«Пусть будет самый страшный лес,— мысленно воззвал Коваль ко всем богам сразу.— Лишь бы не пески...»

Когда на пути попадался замшелый ствол, приходилось забирать в сторону, и такие крюки стоили большого труда; дубы и платаны достигали иногда умопомрачительных размеров, по десятку метров в диаметре. Они поднимались вверх на огромную высоту, создавая настолько плотную тень, что свободная смена «косарей» была вынуждена освещать путь фонарями. Открытый огонь Артур побоялся использовать; едва вспыхнув, трава превратила бы в факелы их самих.

Когда месяц завершил путь среди мерцающих созвездий, начали встречаться поваленные деревья. Их становилось все больше, и все они лежали вершинами навстречу, словно на западе, там, куда стремилась экспедиция, находился эпицентр чудовищного взрыва. Артур не поленился достать счетчик, но уровень радиации был в норме...

Лапочка вел себя очень мирно, и Христофор не чувствовал приближения врага. Коваль поинтересовался у Борка, где же костры, и почему на отряд до сих пор никто не напал. Со свойственным ему оптимизмом пивовар ответил, что те, кому надо, давно засекали чужаков, но на прохожих нападают только Когти.

— Когти? — подозрительно переспросил Карапуз, когда ему перевели смысл фразы.— Я помню одну шайку на Ладоге с такими кличками. Они украли у нас жратву и двух городских баб. Тогда у меня было много силы и мало терпения. Я не стал слушать стариков, позвал с собой Гогу-мясника, Трупоеда и Бешеного лося. Мы догнали их на берегу и всех утопили, человек пятнадцать... Если здесь такие же Когти, то справимся легко.

— Здесь совсем не такие,— отсмеявшись, сказал Борк.— Но в переговоры вступать нельзя. Сразу стреляйте, а лучше — рубите ножами. Ваше оружие,— он уважительно дотронулся до метровой Митиной сескиры,— подойдет как нельзя лучше...

— Вы так убеждены, что без драки мы не пробьемся к автобану? — язвительно осведомился ксендз и пояснил для русских: — До Парижа сохранился длинный кусок древней дороги в отличном состоянии. И людоеды туда не забираются, они избегают культурных поселений.

— А чем, по-вашему, лучше «культурные поселения»? — передразнил ксендза пивовар.

— Возле Парижа люди живут, как должно,— приосанился Станислав.— Они веруют в Крест и ненавидят мерзких крылатых идолов, которым возносят жертвы дикари. Парижане совершают святые таинства. Они посещают сохранившиеся храмы, и я даже видел, как отстраивают новые. Они готовы были присоединиться к Великому посольству...

— Какая прелесть,— язвительно хлопнул в ладоши пивовар.— Парижане, герр Кузнец, не едят людей, как Когти, поклоняющиеся Железной птице, но зато они охотно жгут заживо своих женщин.

— Как это? — обалдев от такого откровения, разом спросили мама Рона и Левушка.— За что?

— А за все,— наслаждаясь замешательством поляка, продолжал охотник.— Когда у горожан заболевает коза, или если корова перестает давать молоко, они выбирают женщину покрасивее. Желательно из одиноких, чтобы за нее не могли вступить муж и братья. И сжигают ее заживо. У вас, фрау Рона,— он галантно поклонился докторше,— было бы достаточно шансов оказаться на костре. При этом местные святые отцы с удовольствием приняли бы участие в церемонии...

— Это лишь отдельные заблуждения! — вскипел ксендз.— Не смейте примешивать бога к суевериям несчастных крестьян. Они слишком долго живут в окружении дикарей!

— А мы где живем? — напирал охотник. Еще немного, и они сцепятся, подумал Артур. Но тут ситуацию неожиданно разрядил Лапочка, почуявший в кустах какого-то крупного зверя. Затрещали ветки, раздалось рычание, все схватились за оружие, и спор сам сошел на нет...

Месяц спрятался в тучах. Трава начала мельчать, а затем сменилась пружинящим мхом и ковром из мелких кустиков, вроде черники. В свете фонариков начали длинный крутой подъем по узкой расщелине. Коваль никак не мог разобрать, куда их занесло. На расстоянии вытянутой руки возвышалась древесная масса, плотностью и цветом напоминавшая порфир. Конь послушно перебирал ногами в мягкой подстилке из перегноя. Подъем неожиданно закончился, из туч выпрыгнула луна, в ноздри ударил свежий ветер. Его хотелось пить... или, скорее, есть ложками, столько вкусных цветочных ароматов переплелось в каждом глотке.

К открывшейся панораме остались равнодушными лишь выдавшие виды пивовары; даже толстокожий Карапуз присвистнул от восхищения.

На минуту Артур ощутил себя мальчишкой, оказавшимся в сказке. Он даже несколько раз сморгнул, отгоняя наваждение.

Путники выбрались на поверхность гигантского дубового ствола. Поверженный дуб вымахал до своих размеров, презрев все законы земной биологии. Его верхушка была совсем рядом, но даже тут ширина

«плато» позволяла свободно разгуливать пешком. Вдалеке, в полусотне метров, на фоне Млечного Пути маячили исполинские корни; дуб вырвало из почвы целиком. У основания зияла колоссальная неровная воронка, уже зараставшая молоденьким подростком.

Но самое потрясающее открытие ожидало дальше. Сказочный великан был не одинок в своем несчастье. Десятки, если не сотни гибнущих исполинов лежали повсюду. До самого горизонта, насколько хватало глаз, простиралось кладбище древесных мертвецов, и тут же поднимались новые побеги, прорастали насквозь, вживлялись в могучую кору.

А между ними покачивались мостки. Узкие, подвешенные на веревках, и широкие, двуслойные — настоящие автострады, укрепленные на мощных решетчатых распорках. Одни рукотворные тропки взбегали вверх, к задранным в небо корням, другие круто спускались в темень, к невидимой поверхности земли.

— Это город, настоящий город, — прошептала мама Рона. — Смотрите, там, внизу, окна!

Действительно, метрах в десяти ниже того ствола, где собрались путешественники, слабо отсвечивали крохотные квадратики. Артур сначала принял их за далекую колонию флуоресцирующих грибов, но теперь пригляделся внимательнее и понял, что мама Рона права. Огоньки брызнули в окнах, как будто кто-то внутри прошел с лампадкой, или сверкнул ряд иллюминаторов фантастической, выползшей на берег субмарины.

— Внизу мы не пройдем, — упреждая вопрос Коваля, шепнул охотник. — Верхние дороги выдерживают даже тяжелые повозки, но Когти не любят, когда их путями пользуются бесплатно.

Лошадь Клауса ступила на неструганные доски моста, перекинутого между двумя стволами. Толстые, грубо заостренные бревна, уложенные в выжженные пазы, служили опорой ближайшей секции, а дальняя часть дороги, теряющаяся во мгле, тянулась уже над пропастью. Мощные волосяные канаты, закрепленные на вздыбленных корнях, удерживали конструкцию от падения.

Мост слегка покачивался на высоте шестизэтажного дома.

— Как же оно не гниет? — удивился книжник, опасливо глядя вниз, на смутные очертания верхушек молодых тополей.

— Когда мой отец взял меня в первый раз в Красный лес, эти дубы уже лежали, — сказал Борк. — Они очень крепкие, но...

— Отец, костры не горят! — из темноты вынырнул Фердинанд, уже побывавший на той стороне моста.

— Когти потушили костры — неважный знак, — нахмурился Борк. — Приготовьтесь к драке! Главное для нас — успеть добежать до поляны...

Но до поляны добежать не успели.

11

КОГТИ ЖЕЛЕЗНОЙ ПТИЦЫ

Когда миновали третий навесной мост, полого спускавшийся к черному зеву дупла, Лапочка, бежавший впереди, резко остановился и заворчал. В лунном свете серебристая шерсть поднялась дыбом, громадный кот в мгновение ока вдвое вырос в размерах.

— Впереди много, человек двадцать! — крикнул Христофор. — И целая толпа карабкается снизу по стволу!

— Лошадей в центр! — скомандовал Коваль. — Христя, прикрывай маму и Старшину!

Сзади по скрипящим мосткам уже топотали босые пятки. Коваль прикрыл глаза, впитывая в себя звуки и запахи леса. Снизу, по выступам коры, бесшумно лезли как минимум десятка три дикарей, но по мосту подбирались не только люди. Коваль чуял рассерженных зверей, но не мог определить, с кем имеет дело, пока они...

Пока они не выскочили разом из темноты и с улюлюканьем не бросились в атаку.

— Огонь! — скомандовал губернатор. — Лошадям — лежать! Патроны беречь! — и развязал тесемки на нагрудных карманах с метательными ножами.

— Почему я их не заметил раньше? Как я мог их не заметить? — в растерянности причитал колдун.

— Потому что они пришли под землей, — ответил Артур, загоняя в оба ствола по патрону. — Я чую их норы. Принюхайся! У них норы в земле, и ходы выдолблены в дереве... Карапуз, подпусти поближе!

Больше поговорить не удалось.

Митя послушно дождался, пока первые полуголые фигуры появятся в поле зрения, и щелкнул затвором пулемета.

— Не стреляйте! — крикнул Борк и с бешеной скоростью залопотал на незнакомом диалекте.

Дикари возникли разом, замыкая кольцо окружения, но нападать не торопились. Артур не мог рассмотреть лиц, видел только, что тела намазаны — не то краской, не то жиром, а в руках у многих блестит металл. Члены маленькой экспедиции плечом к плечу отступали к обломку гигантской ветки, за которой не было ничего, кроме многометрового обрыва. Лошади улеглись на неровную поверхность коры. Христофор натягивал тетиву арбалета, мама Рона, спрятавшись за тюками, взводила курки револьверов.

— Лева, что он говорит? — не оборачиваясь, спросил Коваль.

— Здорово отличается от того французского, что я учил,— отозвался книжник, изо всех сил сражаясь с поводком Лапочки.— Вроде бы, просит встречи с их главарями...

— Не стреляйте,— тише повторил Борк, откинул назад обрез и выхватил из-за пояса моток тонкой веревки.— Они не хотят нас убивать, попытаются взять живьем. Если откроете огонь, нам конец: спустят медведей!

В эту секунду Артур вспомнил, откуда ему знаком этот запах. На мосту показались сразу четверо крупных мишек. Они резво неслись вперед, задрав морды, и за каждым волочились цепи. К передним лапам зверей были ремнями приторочены короткие железные рукавицы с длинными коваными когтями. Загнутые, остро наточенные лезвия мешали животным передвигаться, медведи еще больше косолапили и оскальзывались, но при каждом прикосновении когтей к доскам во все стороны разлетались фонтанчики щепок. Коваль представил, что будет с человеком, если он попадет под удар такой лапы...

У Артура в запасе имелось около десятка метательных ножей и достаточно парализующего яда. Не успели медведи соскочить с моста, а погонщики — развернуть подслеповатых хищников в нужном направлении, как он уже метнул четыре ножа подряд.

Если Когти собирались проверить их «на вшивость», крайне важно было сразу дать понять, кто сильнее.

Четыре мохнатых стражника в мгновение ока повалились ничком, а дикари, увлекаемые поводками, пронеслись дальше, сбиваясь в кучу и путаясь в цепях.

Это остановило атаку, но ненадолго. Обозленные потерей «танкового корпуса», Когти, опомнившись, кинулись в бой. Христофор, следуя боевому расписанию, поджег несколько метательных факелов и швырнул их в гущу противника. Горшочки с соляркой раскалывались, горячая жидкость растекалась языками пламени по изгибам коры, и скоро стало достаточно светло, чтобы оценить положение.

А положение становилось критическим, несмотря на отчаянную оборону осажденных.

Митя Карапуз, намотав на левый локоть конец капронового троса, с сатанинским воплем ринулся в гущу дикарей. Рывок — и Даяр со Станиславом аж присели, еле удерживая натянувшийся трос, а Митя превратился в наконечник здоровенной косы. Старый трюк, широко используемый чингисами на российских просторах. Там, где у Карапуза находился локоть, у большинства взрослых мужчин уже начиналась шея...

Не обращая внимания на удары ножей и дубинок по кольчуге, Карапуз смел десяток дикарей в пропасть. После этого Митя развернулся и зарычал так, что даже Лапочка, дергающийся на привязи, удивленно примолк.

В руках Борка с Клаусом гудели самодельные кистени. Раскручивая длинный шнур с грузилами на концах, охотник делал такие движения, будто греб на веслах. Первые же дикари, попавшие под удар, отлетели с раздробленными черепами. Борк мигом очистил от нападавших северную часть ствола, но когда развернулся, поумневшие Когти уже кинулись на немцев с длинными дубинами. В воздухе засвистели камни. Один угодил Клаусу в голову; маленький пивовар пошатнулся и упал.

Фердинанд прорывался на помощь отцу и брату, размахивая двумя мечами одновременно. Он крутил лезвиями в таком темпе, что Артур невольно залюбовался. Двое верзил выскочили навстречу и с воплями откатились в стороны, баюкая культи отрубленных рук.

Возле уха Артура засвистели стрелы. Две он поймал на лету. Следующая достала Фердинанда. Германец запнулся, недоуменно поглядел назад и тут же осел под ударами дубинок. Дикари бросились на отважного коротышку, как муравьи на гусеницу, откуда-то тащили сеть... Коваль еще успел заметить, как в гуще размалеванных тел дергались ноги пивовара.

— Лева! — закричал Артур. — Поговори с ними, слышишь! Скажи, что мы друзья, что хочешь, скажи!

«Если бы с нами был Семен! — мучительно горевал Артур, — все, все пошло бы иначе...»

Сам он, хоть и стоил десятка воинов, решил взять на себя роль засадного полка и вмешаться лишь в самом крайнем случае. Пока дело дойдет до пулеметов, он планировал раскидать сотню-другую ножей. Тем более что патронов в лентах почти не осталось...

Книжник был занят важным делом. Пока отряд теснили с трех сторон, Лева обеспечивал тыловое прикрытие. Спрятавшись между лежащими конями, он поджигал один за другим мешочки с нефтью и скидывал их в провал, стараясь, чтобы горящая жидкость стекала по толстой коре поваленного великана.

Невзирая на его усилия, некоторые дикари пробирались, как мухи, по вертикали. Не обращая внимания на тлеющую под руками кору, они с ножами в зубах выпрыгивали наверх. Книжник стрелять в людей не умел и не любил, но мама Рона, несмотря на все свое человеколюбие, делала это неплохо. Она положила ствол карабина в ложбинку седла и терпеливо дожидалась, пока из мрака не появится очередной лазутчик.

Отважная мама никогда не промахивалась, она просто не имела права на ошибку. Не промахивалась, когда без наркоза удаляла пули, не промахивалась и теперь.

Мама Рона была единственная, кто использовал огнестрельное оружие, но Артур рассудил, что для дамы можно сделать исключение...

На левом фланге Борк в одиночку противостоял целой своре дикарей, прикрывая раненого сына. Артур крикнул Христофору, чтобы плюнул на иллюминацию, забирал Лапочку и двигал на помощь.

Левушка наконец занялся дипломатией. Артур ни слова не разбирал по-французски, но надеялся, что искалеченные глаголы книжника, множественные на тупость дикарей, родят взаимопонимание. Напрягая глотку, Свирский перекрикивал шум схватки, но толку пока не добился.

На правом фланге Станислав и Даляр, забыв о распрах, орудовали прикладами и штык-ножами. Возле них валялся целый взвод Когтей, но Даляр был трижды ранен. Он встряхивал головой, отгоняя струившуюся по виску кровь; одна короткая стрела застряла у него в плече, другая торчала из лодыжки. Поляк тоже начал сдавать.

Дикари напрыгивали, выставив впереди себя дубины и заостренные копы, и тут же отскакивали назад, повинаясь командам невидимого старшего. Ножи они держали за спиной и в ход не пускали. Они попросту изматывали оборонявшихся, понемногу тесня их к сбившимся в кучу лошадям.

А в это время в центре сражения озверевший чингис носился по кругу, вращая над головой обмякшее тело одного из противников, и наносил врагу больше разрушений, чем все остальные бойцы, вместе взятые. От Мити бежали со всех ног. В третьем ряду Когтей один из военачальников метался, отвечивал пинки подчиненным и, надрывая глотку, орал своим людям, чтобы те не трусили, а разом навалились на проклятого бугая. Коваль подумал секундочку, вытащил клинок и убил вражеского военачальника.

После чего снова пристроился за шеей лошади. Даже лежа, конь обеспечивал превосходную защиту.

Отпущенный на волю тигр показал себя во всей красе. Бедная кобыла, к которой он на протяжении схватки был привязан, наверное, возвела глаза к небу и воздала молитву своему лошадиному богу за то, что этот белобрысый придурок наконец прекратил метаться и оставил ее в покое. Христофор попытался удержать короткий поводок, но запутался в петле и в результате едва не убился, когда его поволокло животом по броневой древесине.

Лапочка бесшумно напал на людей, атаковавших Борка, и за несколько секунд оторвал головы семерым. Почти два года его в паре с братцем тренировали как личного телохранителя губернатора. Он умел раскатисто мурлыкать, когда его гладили по шерстке, но еще лучше он умел убивать. Одним ударом когтистой лапы тигр вспарывал брюхо быку, легко противостоял в бою десятку булей и пяти болотным котам.

А коты гораздо опаснее неповоротливых людишек...

К моменту, когда Христофор, потирая шишки, добрался до Борка, на фланге все было кончено. Те из Когтей, кто успел заметить тигра, прыгали в кроны нижнего яруса самостоятельно.

Пивовар, к его чести, не остался помогать раненым сыновьям, а заспешил, прихрамывая, на помощь Карапузу.

Лева, окончательно севшим голосом, продолжал выкрикивать французские ругательства.

Мама Рона застрелила еще двоих.

К основательно поредевшему авангарду дикарей сразу по двум мостам спешило свежее подкрепление. Ближний мост, подожженный Христофором, полыхал вовсю. И, словно по команде, загорелись сотни огоньков в окошках и десятки костров. Где-то в низкой утробной тональности на две ноты пропела труба.

Лес превращался в разворошенный термитник.

Артур свистом приманил тигра. Лапочка выпустил из пасти ногу туземца и стрелой кинулся к хозяину. Зверь прихрамывал, по серебряной шкуре, израненной стрелами, стекала кровь.

Борк, сложив ладони рупором, орал одну и ту же фразу, точно звал кого-то. Клаус тащил на себе стонущего Фердинанда.

Даляр упал на одно колено, отбиваясь любимой саблей последнего императора.

Станислава, пойманного в сеть, усердно молотили дубинками.

Карапуз разогнал вокруг себя всех и теперь приглашал ребят на мосту, чтобы не стеснялись, подходили познакомиться поближе. Ребят было человек сорок, они сбились в кучу и совещались, как понадежней совершить самоубийство.

Коваль прикрыл глаза. Сосредоточился, поглаживая Лапочку между ушей. Прежде чем кидаться в бой, следовало как следует взвесить обстановку.

Он увидел десятка два лучников, рассеявшихся в ветвях на пределе полета стрелы. Но у некоторых были арбалеты. А потом Артур приметил и несколько допотопных ружей.

Стрелки ждали сигнала, чтобы бить на поражение.

Главари Когтей сомневались. Им очень хотелось захватить караван живьем.

Поступать, согласно основам тактики, следовало вопреки ожиданиям врага. И спустя три секунды Коваль знал, как поступит.

Он свистом послал тигра в атаку на левый фланг, крикнул Мите, что пора браться за оружие, и объяснил Христофору, что ему надлежит делать.

А затем, вскинув пулемет Даляра, плавно повел слева направо, освобождая ветки от стрелков. На пристрелку ушло несколько десятков драгоценных патронов, но тут в шесть стволов заговорила пушка Карапуза, на которую посягать никто не смел.

Уничтожались остатки боезапаса...

Христофор с помощью книжника водрузил на плечо гранатомет и произвел пробный залп. Получилось коряво, но цель была достигнута. Коваль просил лишь попасть в людей, крадущихся по левому мосту; но

меткий колдун угодил в опору, и переход, по которому еще предстояло им всем пройти, развалился на части. Дикари с визгом посыпались вниз, на вершины молодых деревьев. Средняя часть моста кое-как держалась на канатах, но путь был отрезан.

— Этот недотепа в собственный зад шприцем не попадет! — прокомментировала мама Рона, лихо вставляя в магазин очередную обойму.

Лапочка освободил Даляра и ксендза, и уцелевшие дикари оказались сами в окружении. Пробриться ко второму мосту им мешал Митя с пулеметом; назад отступить было просто некуда. Ощетинившись копыями и ножами, людоеды шаг за шагом отодвигались к пологому краю дерева, а на них, улыбаясь окровавленной мордой, выгибая длинную морщинистую шею, наступал их последний кошмар.

Большинство лучников Артур прикончил, остальные лихорадочно спасались бегством. Коваль передал почти пустой пулемет ксендзу и велел держать под прицелом поверхность двух ближайших дубов, а Даляру приказал забрать у колдуна гранатомет.

Пока полковник целился, мама Рона перевязывала ему пробитую ногу. Станислав, как истинный стоик, затыкал пробоины тряпками. Ему порвали щеку, в двух местах разбили голову, сломали палец... От потери крови поляк побелел, почти как пивовары, но держался.

Граната, пущенная опытной рукой, ушла в сторону жилых келий. Тугая волна пламени мигом охватила внутренности древесных домиков. В окошках замелькали фигурки, истощно заорали женщины, несколько человек, объятых огнем, выскочили на мостки и принялись кататься, сбивая пламя...

— Их много, — сказал Христофор. — Внутри и снаружи. Смелые и трусливые. Хотят нас убить, но хотят мира...

«Вот так всегда, — усмехнулся Артур. — Вечно все норовят поубивать окружающих, а после удивляются, почему их не оставят в покое?»

Митя с хохотом нажал на курок. Армию аборигенов, наступавших по правому мосту, искрошило в куски. Они даже не успели убежать, так и застыли между перил плотно спрессованной, мертвой массой. Сквозь доски ручьями стекала кровь...

Коваль помнил, что у чингиса осталось всего три полные ленты.

Третьей гранатой разнесло жилой дом, размещавшийся в неохватном пне.

А у Даляра осталось не больше десятка гранат.

Карпуз развернулся и добил дикарей, безуспешно пытавшихся укрыться от тигра. Лапочка подошел, понюхал и, сразу потеряв к покойникам интерес, зашпешил к хозяину жаловаться на боль.

И в эту секунду дикари ответили. Пивовар сначала не поверил своим ушам, но оказалось, что отвечают не ему, а Леве. Потрепанные путешественники жадно прислушивались к чужой, мелодичной речи.

— А ну, тихо! — рявкнул Артур. — Что ты им сказал?

— Ну... Как ты просил, — потупился книжник. — Вежливо, но скромно. Я все время повторял, что мы хотим мирно пройти, а если нам не позволят, то всех перебьем.

— А они что?

— Не разобрал...

— Они кричат, что с нами будет говорить Железный коготь Проспер. — перевел Борк. — Чтобы мы не стреляли огнем по гнездам.

— Что за херня? — выпучился Карапуз. — У них имена, как у обкурившихся шептунов.

— Насколько я понимаю, сначала идет Ореховый коготь, потом Дубовый, потом Костяной, и только главным вождям присваивают звание Железного, — пояснил Борк. — Кстати, у них встречаются еще Каменные когти, это привилегия мудрейших стариков.

— Самых активных людоедов? — уточнил Артур.

— Значит, к нам идет не самый главный вождь... — разочарованно протянул полковник. — Жаль, хороший был бы пленник.

«Не самый главный вождь» выглядел впечатляюще. Удостоверившись, что кошка-убийца на привязи, через мост, прямо по трупам, прошли четверо дюжих парней в домотканых штанах и рубахах. Холодного оружия на них бряцало столько, словно они задались целью занять в районе первое место по сбору металлолома. При этом было очевидно, что такое количество железа им просто мешает. За телохранилелями появился и сам Железный Проспер.

Воин был стар, худ и лыс, исцарапан во многих битвах, но энергичен, как капля ртути. Ковалю он моментально напомнил персонажей незабвенного комика Фюнеса, но, не в пример бравым киношным полицейским, француз будущего отличался завидной предусмотрительностью. Из-за спин молодых охранников он не показывался до тех пор, пока ему не пообещали, что охотник Борк выйдет для переговоров один и без оружия.

Левое предплечье вождя охватывали несколько тонких медных цепочек, украшенных зубами животных, на груди болталось ожерелье из десятка изогнутых, пожелтевших когтей самого устрашающего вида. Под глазами и вокруг носа змеилась сложная татуировка, но в темноте Артур не мог рассмотреть, что она изображает. Одет Проспер был просто, но со вкусом, как и положено соотечественнику великих кутюрье.

На запястьях и лодыжках местного патриция красовалось несколько золотых браслетов с дорогими часами, голый торс обтягивала парадная полицейская портупея, а вокруг тощих ног элегантно развевались синтетические спортивные трусы с эмблемой фирмы «Найк». Ансамбль дополняла роскошная, усыпанная алмазами, перевязь, на которой висел длинный, зубчатый нож.

Борк, прихрамывая, вышел, и переговоры начались.

Телохранители Проспера очумело разглядывали последствия побоища. По самым скромным подсчетам, Когти потеряли убитыми около тридцати человек. Раненых оказалось примерно столько же.

Железный коготь подпрыгивал и нервно жестикулировал. Борк тихонько возражал.

— Я боюсь, дурит он нас, командир, — процедил Даляр. — Время тянет, сволочь! Может, пока не очухались, двинем напролом? Вон, и Митя не против.

— Никаких «напролом»! — шикнул Коваль. — Этот Красный лес на три дня пути. Либо договоримся полюбовно, либо придется отступать в пески. Мы живы только потому, что они сами этого хотели.

— А сеть у них прочная, — ксендз ощупал дырку от выбитого зуба. — Каленый нож не берет. Если бы не ваш кот, уволокли бы, гады! Видели, что они задумали? Засунули меня в сеть, подцепили ее крюком и хотели спустить на веревке. Так и висел бы, как окорок, на крюке...

— Ты же ходил здесь раньше, пан Станислав? — поддел ксендза Артур. Он напрягал все рецепторы, обшаривая пространство.

Никто к ним не подкрадывался. Толпы разбуженных дикарей были заняты тушением пожаров, тащили бадьи с водой, раздавались удары топоров, скрипели лебедки.

— Я сам ничего не понимаю, — устало закричал святоша. — Язычников много, но те, которые поют у гробниц, не подчиняются одному воевое. И даже когда у них идут междоусобицы, на восточном краю Красного леса всегда горят костры. Правило очень простое, и Борку оно отлично известно. Подходишь к огню открыто, снимаешь оружие, садишься и ждешь. Потом к тебе выходят, спрашивают, кто такой, куда идешь, чем заплатишь за проход по мостам...

— А ты чем платил?

— Отдавал живую курицу и мешочек соли. Этого достаточно.

— А если нет курицы?

— Если ничего нет... — Станислав задрал штанину, подставляя маме Роне рану от удара булавой. — Если пусто, к костру ходить нельзя. Посадят в сеть — и готово. Навсегда попадешь в рабство, будешь выколачивать новые гнезда. Никто и не найдет в лесу... Или сожрут, если птицы потребуют жертву. Если ничего нет, лучше сразу идти по низу. Но внизу такое... Бурелом, пиявки, гнус, трясина... И, опять же, поймают, подвешат в сетке...

— Так они людоеды или нет? — проявил неожиданную дотошность Лева.

— Что ты раскудахтался? — осадил мама Рона. — Лучше нож прокали! Тебя, старого, и с бульоном побрезгуют. Провонял весь своей махоркой!

— Они не едят друг дружку ежедневно... — Станислав замычал от боли, когда мама Рона приложила раскаленный нож к ране.— Ох!.. Они вынимают печень, когда... О, Матерь Божья! Когда птицы требуют жертву. Но я не встречал ни одного живого свидетеля...

Внезапно вернулся повеселевший Борк.

— Железный коготь Проспер говорит, что мы можем пройти через лес. В уплату надо оставить двух коней, четыре винтовки с патронами и всю соль, какая имеется.

— Да он сдурел...

— Что хочет эта лысая обезьяна, командир?

— Железный коготь говорит, что мы убили много его людей,— сохраняя торжественную интонацию, продолжал пивовар, а стоявший неподалеку и внимательно прислушивающийся к разговору дикарь величественно кивал после каждого слова. Было ясно, что немецкую речь он понимает.— Мы показали себя храбрыми воинами, и Железный коготь приносит извинения, что сразу не узнал друзей из Кайзерслаутерна...

— Ни хрена себе друзья! — заметил Карапуз.

— Железный коготь говорит, что чужеземцы с востока напали на его соседей из развалин и облили лес дьявольской водой. Там погибло много народу. Чужеземцы тоже хотели пройти к хрустальным гробницам, но договариваться не пожелали. Когти из Зеленого леса вышли к ним навстречу, но восточные люди не сняли железо и не сели у костра, как принято среди друзей. Они вытащили огневое оружие и облили землю дьявольской водой...

— Что за ерунда, командир? О чем он бормочет?

— Погодите! — отмахнулся Артур.— У самого крыша едет. Похоже, нас опередили...

— Теперь Когти Красного леса не жгут костров дружбы и не ждут добра от пришельцев. Из уважения к пивоварам они не будут убивать друзей Борка, но если мы хотим пройти к развалинам, мы должны подарить клану всех оставшихся коней, еще два ружья, и все, что есть из металла.

Последние слова перевел книжник, ухвативший суть мирных инициатив. У командира не хватило духа озвучить подобную идею. На несколько секунд воцарилась полная тишина, бойцы пережевывали ситуацию.

— Железный коготь Проспер говорит, что вместо своих коней вы получите обычных. Он сам проводит нас к развалинам и представит Каменным когтям, которые сторожат гробницы. Если вам удастся поднять из гробниц четверых демонов, вас отпустят, но с условием...

«Четверо! — обрадовался Артур.— Четверо спящих...»

— По преданию, пока Хрустальные когти спят, народы леса поклоняются птицам и каждый месяц приносят им жертву. Сейчас птицы сытые, иначе пришельцев убили бы сразу...

— Очень приятно,— поежился Лева.

— Раньше Хрустальных когтей было шестеро, но тридцать лет назад один умер в гробнице. Огненные глаза на морде его саркофага погасли, он стал песком... А пять лет назад умер еще один, и это был день великой скорби, потому что предание гласит: «Хрустальные когти призваны прогнать Железных птиц в преисподнюю и освободить народы леса от вечной дани...»

— Спроси его, горожане тоже приносят жертву птицам? — не выдержал Артур.

Ему показалось необычайно важным не упустить мелькнувшую мысль.

Борк перевел. Дикарь завращал глазами, захлопал себя дюжиной «Ролексов» по высохшим бедрам.

— Коготь говорит, что глупые горожане боятся птиц, но не умеют их ублажить. Однажды была великая битва, городские пытались захватить гробницы и оживить Хрустальных когтей. Но воины леса победили. Мудрые Каменные когти умеют договариваться с птицами и учат свой народ, как правильно приносить жертву, поэтому исчадия преисподней нас не трогают!

— Тут все понятно,— вполголоса перевел Коваль.— Эти идиоты, из поколения в поколение, приманивают на человеческое мясо местных мутантов, вроде нашего Лапочки. Они прикормили целую стаю и теперь не знают, куда от нее деваться.

— Спроси его, что он знает о Великом посольстве? — гнул свою линию ксендз.

Борк нехотя обернулся к дикарю. Коваль понимал, что охотник с большим удовольствием оставил бы раненого поляка посреди пустыни.

— Коготь Проспер утверждает, что длинный караван прошел три года назад, но севернее, по Мокрой просеке. Многие воины предлагали на него напасть, но мудрый Каменный коготь Луи им не позволил. И он оказался прав, северные люди не поджигали лес и не лили дьявольскую воду. Они прошли мимо, провели свой скот и повозки. Нападать на них было опасно: больше тысячи огнестрельных ружей, злые собаки и даже пушки. Больше их не видели,— отрапортовал пивовар.

— Тогда какого черта мы не пошли по этой сраной просеке? — Даяр встряхнул поляка за воротник.— Какого черта мы полезли на это бревно, если есть другой проход?

— Тот проход не для взвода,— неожиданно вступился за святошу немец.— Я сам подсказал кардиналу, где им лучше пройти. Нужна сотня косарей и лесорубов, чтобы расчищать Мокрую просеку, и еще сотня, чтобы обрубать корни, которые норовят утащить под землю. Издалека кажется, что там очень ровно и спокойно, но мы бы не справились.

Трава растет быстрее, чем ее рубишь. Ходят слухи, что под просекой до Большой смерти проходила труба с нефтью. Она выходит на поверхность в развалинах нефтяного хранилища... И ты не потеряешь след по сольства, святой отец. Потому что мы все равно выйдем к развалинам.

— Спроси его, герр Борк,— поднялся Артур.— Почему они нам поверили, если никого не подпускают к гробницам?

Внезапно все заговорили разом, убеждая Ковалю не доверять сомнительным знакомствам.

— Тут ловушка, господин!

— Нас заманивают, чтобы поджарить!

— Врежем гранатой и пройдем сами! Подожжем этот чертов лес, и дело с концом!

— Башку открутить этому лысому червяку!

Артур ждал, пока Борк завершит последний раунд переговоров. Наконец, охотник повернулся и быстрым шепотом, чтобы не слышал ди-кар, проговорил:

— Я сказал Железному Когтю, что могучий северный вождь Кузнец сам спал в хрустальном гробу, а когда проснулся, то подчинил себе белых котов, черных лошадей и летучих змей. Я сказал ему, что белый тигр заговорен от стрел и яда, и если Кузнеца разозлить, он направит гнев Проснувшихся демонов на народы Красного леса.

— Впечатляет, герр Борк,— согласился Коваль.— Но ты говорил, что нам поставили условие...

— Да, Когти привередливы,— уныло вздохнул пивовар.— Если ты, разбудив своих демонов, не прогонишь Железных птиц в преисподнюю, у тебя и твоих спутников вынут печень.

— А вас, малявок, выходит, что отпустят? — прищурился ксендз.

— Я охотно поменяюсь с тобой участью,— улыбнулся пивовар. Его треснувшая, заляпанная кровью маска косо висела на покато лбу.— В случае обмана моих сыновей отнесут в гнездо на съедение птенцам. Выбирай, что ты предпочитаешь, святой отец?

12

ПЕСНИ ХРУСТАЛЬНЫХ ГРОБНИЦ

Свет проникал сквозь рваные решетки в потолке. Этажом выше горели ритуальные костры Каменных когтей. Но на десятиметровой глубине всегда оставалось холодно и сыро.

Коваль несколько раз присел, помахал руками, чтобы немножко согреться. На самом деле человека, привыкшего спать в сугробе, мороз не пугал.

Парижское отделение института крионики находилось, к счастью или к несчастью, далеко за чертой города, в одном из очаровательных, уютных северных предместий. По крайней мере так было полторы сотни лет назад. Сейчас тут словно промчался селевой поток.

От большинства корпусов сохранились только скрюченные скелеты, до второго этажа занесенные пластами застывшей глины и обломками арматуры. Тут не было леса, но бурные побеги прокладывали себе путь в каждой трещинке, кроша в песок ошметки сохранившихся домов.

Последние километры дороги походили на исполинскую терку: пробираться приходилось между глубокими впадинами и остроконечными холмами. Ряды лощеных когда-то домиков, прилегавших к автобану, выглядели как обрывки мятой салфетки. От границы Красного леса лошадей вели в поводу, по тоннелям из сплетенных прутьев. Слишком низкие своды не позволяли проехать верхом даже на тех коротконогих клячах, которых путники получили взамен вороных жеребцов Кшиштофа. Плетеные арки, укрытые сверху густым слоем сухой листвы, тянулись непрерывной кишкой, избегая на возвышенности и опускаясь в лощины. На пути возникали развилки. Однажды экспедиция почти полчаса шла по прорытой траншее, заваленной сверху бревнами. Борг шепнул спутникам, что дикари от подобных путей сообщения почти отказались, так как талая вода размывала траншеи. Коваль заметил, что за крытыми переходами следили, периодически подновляли опорные столбы. Во многих местах была привита виноградная лоза, дававшая такую густую тень, что, казалось, отряд двигался в глубоком ущелье.

Несомненно, что грандиозная система нор подчинялась единственной задаче — обороне от нападения с воздуха.

— Увидеть бы этих птишек! — злобно шипел Карапуз, в очередной раз натывая макушкой на торчащие сучья. — Уж всяко не страшнее наших летунов!

Стреноженный Лапочка урчал сквозь намордник.

С вершины последнего холма открылся вид на столицу. Артур смотрел на город поэтов и живописцев — извечную мечту всех романтиков, но видел только размытое море грязи. Париж словно замазали серой краской. Ни единое светлое пятно не радовало глаз. Уцелевшие здания ближайших пригородов были сплошь изрыты кавернами и трещинами, а центр не просматривался даже в мощный бинокль.

Пока мудрый вождь Проспер продумывал оптимальный путь через завалы, Коваль усердно выискивал всемирно известный символ, и, наконец, нашел его. Творение Эйфеля запрокинулось набок, раскинув ноги,

как раздувшаяся, мертвая корова. Некогда приветливые, умытые дворцы, помнившие Бонапарта и Гюго, съежились под слоем пепла. Именно так Артур представлял себе Хиросиму после американской атаки.

Над пепелищем поднимались в утреннее небо сотни столбов дыма. В Париже снова селились люди. Как и раньше, они предпочитали чистым полям металл и камень.

Железного Когтя сопровождали двадцать пеших солдат. Они без усталости бежали три часа рядом со всадниками, а на границе леса разделились на две части. Первые ушли далеко вперед и улаживали трения с заставами враждебных кланов, остальные окружали вождя. Артур полагал, что в самом научном центре им не встретится ни души, но оказалось, что на территории городка дикари селились наиболее плотно. Шатры и грубые деревянные хибары стояли в два круга. Десятки километров траншей, укрытых сверху подсобными материалами, соединяли эти жилища друг с другом, образуя настоящие катакомбы. Под навесами загонов теснились поджарые свиньи, блеяли козы, гоготала домашняя птица. Основной комплекс зданий располагался полукругом, и площадь перед ним использовалась дикарями в качестве жертвенника.

Под площадью располагались лифтовые шахты, по которым можно было проникнуть в подземные помещения института. Но ни один человек со стороны не прошел бы сюда живым. На развалинах дено и ночью полыхали костры Когтей, а на подступах к лагерю неустанно дежурили караульные. Чужаков провожали сотни пристальных глаз. Артур спиной чувствовал повисшую в воздухе враждебность.

Центр площади, единственное место, которое убирали и поддерживали в некотором порядке, украшала грубая деревянная статуя, нависавшая прямо над покореженным входом в подвал. Три хищные птицы, соприкасаясь распахнутыми крыльями, склонили остроклювые головы, будто разглядывали что-то на земле. Резчики, наверняка, потратили немало сил и затупили десятки топоров, чтобы вырезать из крепкого дуба этих мрачных чудовищ. А каких усилий стоило притащить сюда многотонные заготовки, Коваль мог только догадываться. Несмотря на ошибки в пропорциях, скульптура подавляла угрюмой, безжалостной мощью.

В стороне, по периметру площади, стояло еще с десяток статуй поменьше. Эти, судя по цвету, появились совсем недавно. Видимо, работы по улучшению капища не прекращались.

— И создали себе поганных идолищ... — чуть ли ни в экстазе прошептал Станислав, когда странников провели в квадратный шатер.

Там им вежливо предложили передохнуть на голых камнях, а Артура с переводчиком пригласили вниз. С самого начала предполагалось, что переводить станет Лева, но рана не позволила книжнику сопровож-

дать командира. Свирский чуть не плакал, повторяя, что ради этого момента отважился на путешествие... И выбор, к счастью, пал на Борка.

Всегда невозмутимого пивовара теперь трясло от возбуждения. Легенды, в которые до конца не верил никто, включая даже парижских мастеровых, внезапно оказались правдой. Охотник дюжину раз ходил через Красный лес в Париж, иногда, в годы гражданских войн, серьезно рисковал, когда Когти скармливали птицам очередного вождя, и внешняя политика терпела резкие колебания курса. Но он не мог представить, что попадет в святилище с Хрустальными гробницами.

Те, кому довелось повидать спящих демонов, уже не могли никому ничего рассказать. Ковалю и Борку велели разоружиться, но тщательно обыскивать не стали. Протискиваясь между крылатыми колоссами, охотник начал беззвучно шептать молитву. Но Артуру наибольшие опасения внушали не деревянные орлы. При приближении к статуям в ноздри делегации ударил душок гниющего мяса. Посреди загаженного, засиженного мухами алтаря стояли в ряд три капсулы глубокого анабиоза. Коваль их сразу узнал, хотя видел только на страницах университетского журнала. Французы использовали позднейшую разработку. Крышка создавалась из полупрозрачного полимера, а в основании, под лежанкой, проходили пучки оптоволоконных кабелей, шланги высокого давления и ряд датчиков, одетых в сверхпрочный стеклянный корпус. В каком-то смысле вытянутую ладьеобразную капсулу можно было назвать хрустальным гробом.

Все три крышки были откинута. В капсулах валялись груды человеческих костей. И было очевидно, что жертву отдавали на растерзание Железным птицам живьем; с бортов капсул свисали обрывки веревок. Бурый от крови бетон вокруг жертвенника покрывали рытвины и потертости, словно по нему таскали тяжелую мебель. Каждая капсула весила чуть меньше тонны. Артур не мог себе представить, сколько народу понадобилось, чтобы поднять на поверхность эти глыбы. А глубокие царапины на бортиках и крышках, несомненно от когтей, наводили на мысль, что статуи птиц недалеко от оригинала...

Кости валялись и снаружи. Над кучей оскаленных черепов тучами кружили блестящие мухи.

— Вождь говорит, что останки тел нельзя убирать двенадцать дней, — послушно перевел Борк разъяснения Проспера. — Вдруг Железные птицы вернутся и пересчитают мертвецов. Птицы должны видеть, что их не обманывают. Через двенадцать дней останки сжигают, а пепел относят в гробницы. Дальше я не очень понял, зачем Хрустальным когтям пепел...

— Птицы умеют считать? — стараясь дышать ртом, осведомился Артур. Он представил, какой крематорий ждет их внизу.

Проспер очень торопился поскорее пересечь открытое пространство, его бойцы с тревогой поглядывали в небо и нетерпеливо подталкивали парламентаров к жерлу шахты.

— Они нас непустят,— улучив минуту, шепнул Борк.— По преданию, никто, кроме Когтей, не должен видеть хрустальные гробы и слышать их пение.

— Пение?!

— Я сам не понимаю.

Только очутившись в широком темном коридоре с потрескавшимися стенами и рядом перекошенных окон, Артур понял, что изначально этаж не был подвальным. Просто верхнюю часть комплекса разметало, как карточный домик, а нижние три или четыре этажа провалились под землю.

Пол имел легкий уклон, нараставший по мере продвижения. В торце коридора, у занавешенного входа в освещенный зал прятались четверо татуированных карабинеров. Из кучи плотно набитых в боковую нишу мешков, выглядывал порыжевший ствол тяжелого пулемета.

Один из бойцов Проспера откинул запыленный полог, и Коваль оказался на верхней ступеньке небольшого амфитеатра. Через прорехи в разбитом куполе потолка сочилась вода. Сквозь трещины в гнилой штукатурке свисали засохшие корни и осыпались комки земли. Жаркий дым двух костров стелился вдоль прокопченных стен и нехотя выползал в потолочные дыры. Под самым куполом по кругу тянулся шаткий балкончик. Он местами провалился, и тонкие поручни свисали в зал. Всю мебель и ковровые покрытия давно употребили на растопку. У сцены, где в незапамятные времена заседал президиум ученых мужей, дикари поставили длинный стол из нержавеющей стали, вроде того, что используют в прозекторских.

Всю поверхность стола и сцену занимали сотни глиняных горшочков с прахом, между которыми чадили плошки с грязными тряпичными фитилями. Воздух был сухой и раскаленный, как в сауне. На стенах, как ни странно, сохранились застекленные фотографии и огрызки почетных грамот, и даже горшки с мумиями кактусов.

Четверо древних косматых дедков колдовали вокруг квадратной столешницы, точно собирались «забить» партию в домино, а за ними, неодобрительно поджав губы, наблюдал мраморный бюст Пастера.

Проспер бухнулся на одно колено, дважды поклонился и забормotal приветствие.

— Каменные когти спрашивают, готов ли повелитель белых тигров стать пищей для птиц, если его постигнет такая же неудача, как негодяев, подосланных Карамаз-пашой,— скороговоркой переводил Борк.— Они говорят, что если человек по имени Кузнец не разбудит, а убьет еще одного из Хрустальных когтей, то больше в гробницу никто не будет допущен. Нас замуруют здесь вместе с Проспером...

— Тут побывали люди Карамаз-паши?! — опешил Артур. — Вот дьявол! Разумеется, никто не смог грамотно поднять давление и провести выход... Что отвечает наш друг?

— Проспер отвечает, что подлый пивовар, — это он обо мне — привел в Красный лес свирепых магов на огнедышащих конях, у которых когти вместо копыт. И главный маг, умеющий оборачиваться белым котом с человеческими руками, — это о вас — пообещал, что уничтожит всех жителей Красного леса, если его не пропустят к кормушке Железных птиц. Он обернулся гигантским котом, — это видели многие — и навсегда освободил от болезней семь десятков воинов из моего клана...

Старички заметно оживились. Коваль на всякий случай отодвинулся от дверного проема. Борк тоже предусмотрительно шагнул в сторону, чтобы не подставлять спину часовым, оставшимся в коридоре. Самый противный дедок, оформленный как реклама тату-салона, подманил к себе Проспера и зашамкал, брызгая слюной. Его жилистые руки до плеч были измазаны черной смолой, а голую спину, от затылка до свисавших штанов, покрывал густой слой приклеенных перьев. Старикан явно пытался походить на гордую птицу, но слезящиеся, воспаленные глазки выдавали в нем пропойцу с большим стажем. Трое его соратников разглядывали Артура сквозь прорези в кожаных масках, покачивая приделанными вверх лбов, птичьими клювами.

— Герр Борк...

— Плохо понимаю, герр Кузнец. Кажется, двое из них склоняются к тому, чтобы дать вам попробовать. Тот, что слева, однорукий, говорит, что убитых нами воинов надо не хоронить, а скормить птицам вместе с нашими спутниками. Второй говорит, что пока повелитель белого кота находится в святилище, надо послать людей с ружьями и застрелить кота. Но старший, который Луи, против. Он... Не понимаю... Вроде, ругается. Говорит, что его прадед записал предание со слов своего отца, который помнил Хрустальных когтей живыми. Он считает, что нас еще рано освобождать от болезней. Но как только предназначение будет выполнено...

— Все понятно. Герр Борк, вы прихватили что-нибудь?..

Охотник скосил глаза вниз и незаметно приподнял штанину. За оборотом сапога блеснула сталь.

— Отлично, — сказал Артур. — Вы не в курсе, у них тут нет культа святых мучеников? Потому что нам придется избавиться от них, пока они не приняли какого-нибудь глупого решения.

— Согласен. Но нам все равно не уйти...

— Не будем отвлекаться на частности, герр охотник. Наш костистый друг возвращается, улыбайтесь. Я убью его и стражу за дверью, вы займитесь старичками. Оставьте мне в живых знатока преданий, идет?

— Нет проблем.

Пивовар молниеносно присел и тут же разогнулся, держа в каждом рукаве по короткому кинжалу. В следующую секунду, не дожидаясь команды, он прыгнул через три ступеньки вперед.

Проспер, окончив переговоры, чуть ли не в припрыжку поднимался навстречу по ступеням в сопровождении двух телохранителей. Парни несли топоры и ружья. Они с интересом проследили полет пивовара, но среагировали слишком медленно. Все трое развернулись вслед за Борком, подставив Ковалю затылки, а когда Железный коготь спохватился, было уже поздно.

Артур дважды шевельнул кистями, выпуская из рукавов клинки. Хрипящие бодигарды не успели коснуться затылками широких ступенек, а Проспер уже получил в переносицу кастетом из массивного натурального креста.

Борк спрыгнул на сцену, но Каменные когти проявили неожиданную прыть. Один из них, обладатель рыжей маскиловорно залез под стол и выкатился оттуда с короткоствольным автоматом. Он запутался в затворе, но этого оказалось достаточно. Коваль прыгнул вперед, выдернул нож из горла телохранителя и отправил его по назначению. Разобраться со спусковым механизмом старикан уже не сумел.

Борк перешел к активной обороне. Однорукий жрец, с раскрашенной, как у футбольного фана, рожей, достал длинный мачете и размахивал им с самым свирепым видом. Проспер хрипел, держась обеими руками за окровавленное лицо, и медленно катился вниз по облицованному мозаичной плиткой проходу.

Привлеченные шумом, в тоннеле зашевелились часовые.

Уловив краем глаза, что дед с автоматом уже валится назад, Артур выдернул из лежащего охранника другой нож и угодил в глаз любопытному карабинеру, что стоял на пороге.

Борк подхватил ближайший горшочек с прахом, сыпанул в глаза однорукому, легко ушел от удара мачете. После чего догнал и зарезал обладателя синей маски.

Старший жрец, теряя перья, исчез за полотняной занавеской, чтобы тут же появиться оттуда со штурмовой винтовкой наперевес.

«Если ублюдок пальнет — нам конец», — успел подумать Артур, закалывая очередного любознательного часового. Он просто вытащил нож из глазницы предыдущего и воткнул его в шею следующему врагу. Еще один, разукрашенный перьями, храмовый служака сунулся в дверь, опрометчиво выставив саблю. Последнее, что он успел заметить, был ремешок с грузилом на конце. Ремешок намотался на кончик лезвия, сабля вырвалась из рук и воткнулась бедняге в живот.

Однорукий отплевывался от пепла, моргал и во все стороны махал мясницким тесаком. Ударом в основание затылка Борк освободил дедушку от болезней, и тут в грудь ему уперся ствол винтовки.

Если бы Каменный коготь стоял ближе хотя бы на пять метров, Коваль уверенно попал бы ему в руку. Но теперь прицеливаться было некогда. Оба ножа один за другим неглубоко воткнулись дикарю в правый бок.

— Не давай ему стрелять! — крикнул Коваль, вываливаясь в коридор, навстречу семерым спешащим охранникам. Четыре клинка оставались у Артура в правом рукаве и еще по три — в каждой штанине.

В зале не стреляли — это было хорошо. Наступавшие Когти сдерживали с плеч винтовки — это было плохо. Артур успел заметить, что за оружием они ухаживали отвратительно...

Шаг вправо, бросок. Закатившиеся глаза на оскаленной татуированной харе.

Шаг влево, низкий проход вперед, корпус вправо, бросок с обеих рук. Хриплый булькающий стон, и еще двое валятся, поливая пол кровью.

Ремень наматывается на чужой клинок, и — рывком на себя. Живой щит из нападающего, бросок...

Двое целятся, но им мешают товарищи, опрометчиво подобравшиеся слишком близко.

Из-за занавески тенью прошмыгнул пивовар. У Ковалья успела проскользнуть мысль, что следует взять на вооружение манеру Борка прятать кинжал за спиной. Если выберемся, решил Артур, непременно поговорю с Бердером...

Завладел чужой саблей, перехватил за гарду. Колющий удар с шагом назад, добавить локтем, слышен хруст сломанных ребер.

И сразу вправо, уходя от очередного лезвия. Дикари шумно топтались, мешая друг другу. Пивовар взмахнул секирой, отнятой у однорукого. Дикарь проворно отскочил назад, готовясь открыть огонь из автомата. Коротышка сделал широкий мах тесаком, а сам ударил с левой руки кинжалом под горло.

Последним вылез пулеметчик, проторчавший в подвале, наверное, уйму времени. От него за версту разило псиной, в колтуны на голове набились перья, а на щиколотке болталась ржавая цепь. Как выяснилось позже, все пять или шесть секунд почти бесшумного боя он безостановочно пытался жать на курок. Если бы не заклинивший от грязи и окаменевшего масла казенник, дикарь положил бы всех: и своих, и чужих...

— Я начинаю вас бояться, герр Кузнец, — почтительно произнес пивовар. — Но это еще не все. Я начинаю верить, что мне удастся обнять жену.

Главный Каменный коготь был жив. Он часто дышал, при каждом вдохе шевелились торчащие в боку лезвия, а из беззубого рта вылетали капли слюны. Артур сразу увидел, что раны не угрожают жизни вождя, и старикан может выздороветь даже без операции. Ножи губернатор кидал вполсилы, очень уж хотелось послушать конец истории...

— Вы разбираете, что он там лопочет? — Артур сгребал в кучу оружие охранников. — Скажите ему, что повелитель белых котов спасет ему жизнь, если он подробнее расскажет о своем прадедушке.

— Он говорит... — Борк нагнулся к самому лицу раненого. — Он говорит, что отец его прадеда жил здесь еще в те времена, когда люди Парижа не освободились от болезней. Когда он жил здесь, земля еще не потекла, и Красный лес еще не вырос. Он родился задолго до того, как Хрустальные когти легли в гробницы. Он умел разбирать письма, которые теперь хранятся внизу, возле гробниц. Эти письма называют Преданием, но никто не умеет прочесть их.

Предание написано не для Когтей, а для спящих. В нем говорится, что в других местах, на севере и востоке, также есть Хрустальные гробницы. И если Когти из этих гробов проснутся первыми, то они должны пойти и освободить прочих...

Жрец силло закашлялся, Борк влил ему в рот несколько капель из протянутого Ковалем пузырька. Наркотик должен был на несколько минут облегчить мучения. Артур отыскал за следующей занавеской решетчатый люк в полу. Под отогнутым профилем виднелась шахта воздуховода.

— Спроси его, кто добавил в Предание сказки про Железные птиц? До Большой смерти никто не мог сочинить такое.

Глаза жреца в изумлении расширились, когда он услышал перевод.

— Он теперь окончательно поверил, что вы один из Хрустальных когтей. Железные птицы начали прилетать из южных болот позже, но об этом было известно только двум Каменным когтям, а написал о птицах прадедушка, когда его отца уже не было на свете.

Прадедушка был могущественный маг, он собрал под своей властью десятки мелких кланов. Он написал в Предании, что только Хрустальные когти могут спасти народы леса от вечно голодных птиц, и для того Когтям завещано охранять гробницы и не подпускать к ним чужаков. Только Каменные когти, мудрейшие, избираемые Костром Железных когтей, передают друг другу тайну, как заставить гробницы петь. Всякий раз, когда рождается месяц, Хрустальные гробницы поют и созывают своим пением птиц. Эти птицы — демоны ада, но Когти кормят их мясом врагов или тех из соплеменников, кто освободился от болезней. Птицы улетают сытые и не трогают женщин и детей...

— Погоди, — перебил Коваль. Ему показалось, что наверху раздался шорох... Нет, это ветер посвистывал в дырявой вентиляции. Никто из младших Когтей не отваживался сунуть носа в святыню. — Тут какая-то несуразица. Очевидно, ребенок был сыном одного из ученых, работавших в институте, и проживал тут же, на территории. Если байку про птиц присочинили позже, то какого черта вы ждали меня? Да и вообще, какого черта вы охраняли столько лет эти гробы?

Подобного поворота не ожидал даже маленький пивовар. Он беспомощно захлопал белесыми ресницами, пытаясь вникнуть в логику вопроса.

— Переведи ему, — терпеливо продолжал Артур. — Наш Каменный приятель — достаточно продвинутый парень и наверняка меня поймет. Налицо смешение двух базисных платформ в одну религиозную концепцию. Основа первая: они воздают хвалу крылатым мутантам, но тогда им ни к чему оберегать гробы и тратить столько сил на оборону этого места. Птиц они могли подкармливать и в лесу, на полянке. Основа вторая: в Предании есть указание на скрытые возможности спящих. Возможно, вместе с ними захоронены инструкции по управлению реактором на ближайшей электростанции или что-то в этом роде. Понимаете?

Артур старался говорить шепотом, чтобы услышать, если кто-то начнет спускаться. Но, кроме потрескивания костров, и протяжного посвиста вытяжки, в подвал не проникало ни единого звука.

Дикарь долго обдумывал слова таинственного Кузнеца, сверля чужаков водянистыми, пронзительными глазками. Борг вытащил из его подреберья один из ножей и замазал рану смолистой жвачкой. Второй нож сидел глубоко и при каждом вздохе доставлял раненому боль. Артур уже пожалел, что затеял этот допрос, но тут Коготь заговорил.

— Хрустальный коготь очень мудр... В первом Предании не было сказано о победе над Железными птицами. Об оружии, которым владеют спящие и которым можно победить всех. Но сказано непонятно, древними словами, их никто не знает... Мой отец приводил сюда из города пленных мудрецов и ведьм... Их потом отдавали птицам... Потому что никто не мог разобраться. В предании скрыта тайна, и Костер Каменных когтей раскрыл лишь часть ее. Если отодвинуть большие синие колеса, гробницы начинают петь...

И тут Коготь потерял сознание.

— Чтоб тебя! — выругался Коваль. — Какие еще колеса? Откуда у мирных лаборантов оружие? Ладно, герр Борг, привяжем его покрепче, и — вниз. Посветите мне...

Они отыскали в углу целый склад факелов и через пролом в решетке спустились в черный зев шахты. Ниже вела вполне сносная, хотя и жутко скрипучая лестница. Артур уже представлял, что его ждет, и не ошибся. Три капсулы, которые превратились в жертвенники, вырвали из пола и подняли наверх на канатах. Во вместительном прохладном зале стояли еще шесть герметично закрытых лежанок, и подход к ним преграждали сотни горшков с человеческим прахом.

Напротив четырех капсул пульты слабо светились двумя глазками — красным и зеленым. Поверхность крышек, кресла и приборы были покрыты дремучим слоем пыли.

Свет от костров, горевших этажом выше, проникал сквозь многочисленные дыры. Дикари здорово постарались, раскурочивая кожуха сейсмостамбура. Тем более удивительно, что за столько лет открыть капсулы пытались лишь дважды... Артур не сомневался, что сумеет активизировать процесс выхода, но ему почему-то расхотелось спешить.

Один раз, в Москве, он уже поторопился с оживлением...

— Спящие демоны... — благоговейно шептал охотник, не решаясь двинуться с места. — Герр Кузнец, позвольте мне уйти! Я подожду вас снаружи.

— Бог мой, дружище, ни за что не поверю, что вас можно напугать парочкой гробов. Вы уйдете не раньше, чем мы откопаем то, что Когти называют Преданием.

— Я думаю, это там, в углу!

Немец дрожащим пальцем указал на прямоугольную колонну, за которой замогильным светом мерцали несколько масляных светильников.

Борк оказался прав. За колонной пряталась двустворчатая раздвижная дверь, на треть ушедшая в землю. Бетон растрескался, прогнулся под колоссальным давлением породы, и шлюз навсегда заклинило в пазах. Артур мог только догадываться, какие сокровища похоронены за дверью, но сейчас он смотрел не туда.

Несколько стоек с диагностической аппаратурой были сдвинуты в угол, а над ними, на штативах, болтались съеденные временем фотографии улыбающихся молодых людей. Коваль поднес факел вплотную.

Кроме улыбок и разглядывать было нечего. Десять — двенадцать карточек крупного формата, пожелтевшие, рассыпающиеся в пыль. В центре — групповой снимок. Может быть, даже коллектив кафедры, где работал предок Луи. Стоят, обнявшись, и все в белых халатах.

Карточки составляли подобие жуткого иконостаса, вокруг которого на ледяном полу в четыре ряда скалились черепа. На передвижных стойках, в залежах паутины, Артур узнал оборудование, которого так добивался для питерского отдела профессор Телешев. Томограф, аппарат УЗИ, дефибриллятор, рентгеновская установка. То, о чем они в Питере могли только мечтать, французы имели непосредственно в камере...

Между приборами в глиняных горшочках потрескивали догорающие фитильки. А на самом видном месте, под стеклянным колпаком, покоился заветный раритет — толстый альбомчик в кожаном потертом переплете...

Борк силился перевести канувшие в Лету слова, а Коваль выхватывал из обедневшего немецкого языка обрывки смысла.

«...управление резервным шлюзом на случай повреждения трапа сосредоточено... схема доступа под капсулой Моника... в качестве лестницы использовать магистральный воздуховод... голубые вентили вы-

вернуть до упора... перед запуском двигателя изучите... полный комплект, включая запас дизельного топлива... инструкция для боевого расчета находится...»

Как только внятный текст сменился каракулями, воспевающими историческое призвание Когтей, Артур остановил чтеца.

— Одну секунду, герр Борк.

Артур обошел ошалевшего охотника и посветил на почерневшую от копоти стену за стеллажами. Там располагался встроенный железный шкаф, оторванные дверцы которого валялись на полу.

— Голубые вентили,— повторил Коваль.— Или синие колеса.

Он тронул отполированный тысячами прикосновений массивный кран с голубой рисккой на шляпке. Винт пошел неожиданно легко. Несколько секунд ничего не происходило, а затем в толще стены зародился звук. Он нарастал, превращаясь из глухого свиста в протяжный, переливчатый вой. Борк незаметно крестился, не смея поднять глаз. Задняя стенка железного шкафа мелко вибрировала.

— Не пугайтесь, дружище,— сказал Артур, закручивая вентиль обратно.— Теперь мы знаем, что такое «песня гробниц». Всего лишь естественная приточная вентиляция, спроектированная на случай аварии. А местные святоши приучили птичек завтракать под аккомпанемент. Это называется «условный рефлекс» — никаких особых тайн. Очень легко внушить рядовым Когтям, что Хрустальные демоны сами призывают кару небесную. Думаю, нам придется этим воспользоваться... Кстати, все недосуг было спросить. Вы сами видели этих коршунов? И если они железные, то на каком топливе летают?

— Только издалека,— помотал капюшоном пивовар.— Они гнездятся в болотах, на юге, и против них бессильны ружья. Дробь отскакивает, как от железа!

— Нет такой крепости, которую не взяли бы большевики,— поучительно заметил Коваль.— Герр Борк, не расслабляйтесь. Хлебните пивка, возьмите факел и посветите мне.

— Вы разве не собираетесь их будить?

Превозмогая страх, Борк потащился вслед за Ковалем вдоль третьей капсулы.

— Какого цвета бантик или ленточку вы повязываете новорожденной девочке? — вместо ответа переспросил Артур.

Пол был просто ледяным, а окаменевший слой золы, насыпавшейся из верхнего зала, приходилось отскабливать ножом.

— Ленточку? — тупо повторил охотник.

— Ну да. Вот я стираю грязь, и если посветить отсюда, то виден силуэт человека?

— Ви...вижу.

— Прекрасно. Но здесь нет окошек. Непонятно, мужчина лежит или женщина. А таблички давно сперли на самокрутки... Черт, а костей-то сколько!.. Но я все же полагаю, что красненькая лилия на крышке означает женскую лежанку, вы не находите? У других значок синего цвета. Это так сентиментально и так похоже на французов.

— Эээ...

— Ну вот, что и требовалось доказать...

Коваль подцепил утопленное под основанием капсулы кольцо. Чтобы добраться до тайничка, пришлось лечь на пол и по самое плечо просунуть руку в щель между каучуковыми амортизаторами. Оттуда Артур выудил сложенный вчетверо лист жесткого картона.

— Теперь заглянем в схему, и молитесь богу, чтобы то, о чем я думаю, оказалось в сохранности...

— О чем вы думаете, герр Кузнец?

Но губернатор ответил не сразу. Он был слишком занят делом. Вымерял шагами зал, что-то бормотал себе под нос, расправлял в ладонях потрескавшийся лист. Сверяясь с планом, ставил крестики на шелушащейся, покрытой плесенью стене. Наконец, измерив все, что только было возможно, он вспомнил об охотнике:

— Найдите что-нибудь потяжелее и долбите!

И, вооружившись ножкой от железного стола, сам принялся дубасить бетон. В проеме между балок побежали трещины, затем сырая штукатурка рассыпалась кусками, и за фальшивой стеной показался титановый каркас резервного шлюза. Между толстых профилей стояла, припорошенная известью, двухлитровая масленка. Коваль не мог не поразиться предусмотрительности западных коллег. Получив от Телешева схемы батарей, они позаботились даже о смазке для механизмов люка...

— Что там написано, герр охотник?

— Э-ээ... «Запасной выход в гараж. Осторожно, открывается внутрь!»

— Полейте с вашей стороны, сильнее! Теперь взялись вместе! — Артур навалился на верньер замка, больше похожий на тележное колесо. — И взяли! Взяли! Берегись!

Дюймовой толщины упоры выскользнули из гнезд, люк качнулся и всей массой рухнул туда, где только что стояли отскочившие мужчины. Протяжное эхо еще несколько секунд металось в каменных кавернах.

— Что там, герр Кузнец? — к пивовару возвращался привычный деловитый тон.

Убедившись, что бросаться на него из гробов никто не собирается, Борк потерял интерес к капсулам. Он следил за пламенем факела в глубине гаража и одновременно держал под прицелом автомата лестницу вверх.

— То, что поможет нам вернуться домой! — отозвался Коваль. — Вот только не пойму, как выбраться. Выход засыпан...

— У вас же есть заряды и бомбы, — напомнил пивовар, протискиваясь в щель. Внутри гаража воздух был холодный и спертый, пахло, как в давно не открывавшемся холодильнике. — Боже, герр Кузнец! Вы сумеете оживить это чудовище?

— Не машите факелом, дружище, — посоветовал из мрака Артур. — Позади вас, в бочках, тонна солярки. И это совсем не чудовище. Игрушку, видимо, любезно оставили институту вояки в самый разгар Большой смерти. Или мои коллеги ее просто сперли...

В пыльном сумраке поблескивали фарами несколько легковушек, трехколесный мотороллер с брезентовым верхом и два малолитражных грузовичка с эмблемой Евросоюза. А напротив гражданской мелюзги, повернувшись флегматичной зеленой мордой к заваленным воротам, дремал армейский гусеничный бронетранспортер.

13

НА ШАШКУ С ГОЛОЙ ПЯТКОЙ

— Сначала споем песню, потом займемся гробами! — постановил Коваль. — Не то, бедняги, с перепугу опять уснут...

Борк протащил раненого и уже пришедшего в сознание Каменного когтя к стволу шахты. У старого алкаша была припрятана банка с бражкой местного разлива; опрокинув ее, он моментально воспрянул, озлился, и даже попытался давать указания. Пивовару пришлось легонько потаскать старца за бороду, прежде чем выходить наружу.

— Скажи ему, если переведет хоть слово неверно, отдадим его белому коту. Скажи, что тигр будет долго грызть его ноги: сначала пятки, затем колени. Возможно, захочет полакомиться ухом или носом...

Пока жрец надтреснутым голосом передавал подчиненным волю Хрустальных когтей, Даляр и Карапуз разбирались с бумажкой, которую им передал командир. Получалось, что выезд из гаража находился метрах в ста от внутренней линии траншей, в самом центре деревушки. Грамотно распределенного динамита должно было хватить, но среди подчиненных Коваля не было ни одного минера.

— Хрустальные когти проснулись и готовы сразиться с посланцами ада! Одним взглядом они освободили от болезней всех преданных им воинов. Хрустальные когти были недовольны тем, что мы потревожили их сон...

Коваль и Борк придерживали речистого старичка за локти и сочувственно кивали. Со стороны могло показаться, что два любящих родственника помогают немощному инвалиду.

— Сейчас Хрустальный коготь Кузнец, не сходя с этого места заставит гробницу спеть песню! — фальцетом выкрикивал дед. — Но он повелел не давать Железным птицам свежего мяса, а оставить только наших воинов, освободившихся от болезней. До того, как начнется битва с птицами, мы все должны забрать скотину, женщин и уйти в лес!..

По развалинам пронесся недовольный гул. Никто не помнил, чтобы святыню покидали в такой спешке. Со всех сторон: из бойниц разбитых зданий, из укромных тайников, из окопов выглядывали угрожающие татуированные физиономии. Под шумок отряд губернатора покинул гостевой шатер, пересек площадь и спустился в подвал. Христофор и мама Рона поддерживали Левушку, ксендз скакал на одной ноге, опираясь на карабин. Клаус, прихрамывая, тащил на себе брата.

— Наш гость Кузнец приказал оставить сорок солдат, чтобы помочь Хрустальным когтям закопать трупы Железных птиц. Для того, чтобы кровожадные создания не вылезли обратно на свет, надо вырыть колодец. Он должен достигать той глубины, на которой злые духи жгут подземные костры. Хрустальные когти заставят землю течь, а нашим воинам останется только помогать...

— Их тут тысячи, командир, — сквозь зубы прошипел Карапуз, отдуваясь после второй ходки за динамитом.

— Герр Борк, отправляйтесь вниз и откройте оба синих крана, — не оборачиваясь, процедил Артур.

Он понимал, что остается на площади один на один с толпой, а без толмача туземец может все перевернуть. Но выхода не было. Не отогнав дикую орду в Красный лес, они не выберутся из развалин института. Досчитав до ста пятидесяти, губернатор Петербурга величественно взмахнул рукой.

Из глубины земли полетели обрывки тряпок, зола и мелкий мусор. Тонкий свист перешел в низкий атональный вой, а под тяжестью Карапуза начала вибрировать лестница.

Хрустальные гробницы пели.

Коваль ощутил, как на затылке встают дыбом волосы, а руки покрываются мурашками. Даже представляя себе природу явления, он не мог побороть мистическое волнение.

Вой достиг высшей точки и разделился на несколько составляющих, точно старались перепеть друг друга трубы, нанизывая все более и более низкие звуки на нить шаманской мелодии. Значительная часть увертюры, по-видимому, оставалась за гранью человеческого слуха: Артуру казалось, что у него во рту подпрыгивают все зубы.

Площадь стремительно пустела. Наверное, никогда еще гробница не давала столь долгих концертов. Охрана жертвенников — элитное подразделение палачей, побросав топоры и дубины, неслась прочь. Когти со всех ног удирали по траншеям, ловили кур, сбивали в отары овец. Где-то, перекрывая рев труб, истошно визжали женщины. В шатре исходили пеной привязанные лошади. Главный жрец рухнул в пыль, что-то завопил, указывая в зенит, но расслышать его было невозможно.

— Герр Кузнец, он говорит, что надо немедленно спрятаться! — переревел вернувшийся Борк.— И полковник просит передать, что готов взрывать.

— Пусть взрывает снаружи, по одной шашке! — склонившись к уху пивовара, прокричал Коваль.— Бери дикарей, копайте после каждого взрыва. Там два взвода. Один пусть заберет Карапуз. Пускай рюют на встречу друг другу!

— Это не солдаты, герр Кузнец. Это пленники из других лесных кланов, я узнаю рисунки на черепах. Когти оставили нам самых хилых! И они уверены, что вы отдадите их птицам...

— Тем лучше! — подгонял Артур.— Пообещай им лошадей и свободу, и пусть копают после каждого взрыва. И скажи им: если успеют проделать дыру, чтобы наружу пролез... Жук-освободитель... да, так и скажи... то все останемся живы!

Он и не заметил, что главарь проводников начал выполнять его приказы, как наемник.

— Полковник Далай будет взрывать снаружи,— доложил Борк.— Я пошлю к нему в помощь Клауса. А капитан Карапуз занят, они с Фердинандом отвинчивают то, что вы им поручили...

Коваль покивал, зажимая уши.

— Найдите Христофора, пусть принесет мне все оставшиеся гранаты и сворачивайте эту шарманку! Сил уже нет...

Коваль взглянул вверх, в лазурный треугольник между уродливыми головами склонившихся изваяний. Затем он загнал в ствол гранату, отпихнул путавшегося в ногах потомка Луи и нацелил бинокль на юг. Много с такой низкой точки он охватить не мог, мешали завалы из рухнувших зданий... Но кое-что все же рассмотрел. Легкое облачко, чуть правее городских кварталов.

Коваль покрутил колесико; да, километрах в пятнадцати что-то будоражило бесстрастную синеву. Если это птичья стая, то ведет себя как-то странно. Скорее похоже на гряду низких облаков, сложным узором затянувших кусок неба...

Позади, перекрывая стоны вентиляции, громыхнул взрыв. Коваль запоздало вспомнил, что толчки могут повредить капсулам.

Снова взрыв. Маленькая фигурка в черном, закутанная в шарф до бровей, а по грудь — в дымовую завесу, размахивает руками на куче щбенки.

За спиной Клауса взметнулся очередной фонтан из дыма, палок, черепков и прочих культурных наслоений. Полуголые дикари, растянувшись цепочкой, перекидывали друг другу обломки мусора. Вторая группа раскачивала стальную сваю, облепив ее, как колония муравьев.

Артур навел окуляры в сторону Красного леса. На северо-востоке, поверх пурпурных вершушек джунглей, извилистым лимонным ожерельем клубились ядовитые туманы. А на юге...

Черт подери, он никак не ожидал, что это окажется настолько серьезно! Он предполагал, что прилетят несколько ошипанных трупоедов (возможно, очень крупных, таких, как драконы Прохора), пощелкают клювами — и отправятся восвояси. А люди за это время, либо освободят проезд для броневика, либо смоются в Париж на лошадах.

— Господин Кузнец, Карапуз пробил дыру наружу! — раздался голос Христофора.

Вот ведь, когда хочет, болтает безо всяких загадок...

— Отправляйтесь все к нему на помощь. Динамит больше не взрывать, а то станет хуже. Раскапывайте дыру, а самого капитана — ко мне!

«Интересно, как они меня назовут, если танк не заведется? — спросил себя губернатор. Скажут, копали, как идиоты... А если эти крылатые черти помешают нам выехать, то идиотом буду я».

— Капитан, тебе особое поручение, — поймал Митю Артур. — Дове-ряю, поскольку ты в механике понаторел изрядно. Свинтишь топливные баки, сольешь в сторонке, если что осталось... Бензин у нас и так есть. Промой как можно лучше, затем ставь на место.

— Шланги тоже? Хомуты снимать? Один не справлюсь.

— Клауса с братом возьми, они рукастые. Лучше снять все, что снимается. И прочистить. Затем — контакты. Их отдраить песком. Помнишь, как мы трактора заводили? Здесь точно так же: трактор с пушкой. Отдельное внимание — форсункам...

Коваль задрал голову. Теперь это еще сильнее походило на край узорчатой скатерти, напозавшей из-за горизонта. До сих пор невозможно было различить отдельных особей, но сомнения не осталось. То, что стремительно приближалось с юга, не имело к атмосферным явлениям никакого отношения. Оно состояло из множества живых организмов, но не рассеивалось на отдельные части. Птичий клин, но вывернутый задом наперед, летящий тремя слоями, непрерывно сдвигающимися друг относительно друга...

Бронетранспортер завелся лишь благодаря гению французских инженеров. Отвинтив люк, Артур обнаружил на сиденье подробную инст-

рукцию с пометками и личными напутствиями от ушедших навсегда коллег. Переводивший текст Лева даже захлопал носом. Друзья просили прощения у спящих за то, что без спроса сохранили им жизнь...

В проделанную Даляром дыру вливался солнечный свет. Вокруг толпы измученных, приготовившихся к смерти дикарей, водили хороводы столбы цементной пыли. Из двадцати с лишним человек лишь трое носили на груди маленькие когти, прочие были пленниками. Они разобрали завал и жались в сторонке, не решаясь ни убежать, ни приблизиться к Жуку-освободителю.

Закрепив «крокодилы» на надраенных клеммах, Коваль мысленно помолился и опустил на водительское место. Ему вдруг почудилось, что качнулись стрелки и моргнула лампа давления масла, но пыльные циферблаты хранили мертвецкую солидарность.

Он видел сквозь забрало водительского окошка своих людей. Товарищи стояли снаружи, возле горы снаряжения, и с надеждой смотрели на командира. В конце откопанного тоннеля отсвечивали ранние сумерки. Выезд из гаража находился в стороне от главного корпуса. Даляр сказал, что очень повезло...

Артур понял, что боится. Он один знал о том, что произойдет, если двигатель заработает. В ту же секунду выйдет из строя батарея, а в капсуле номер два, от которой запитали мотор, начнет подниматься давление. И через три часа голый испуганный человек окажется наедине с грудой черепов и крылатыми мутантами...

Артур повернул ключ, дизель рявкнул несколько раз, заполняя кабину дымом, заурчал еле слышно, а потом послушно затарахтел. Одичавшие соотечественники Вольтера и Руссо попадали ниц. Пивовары глядели на машину, как на чудо. Ксендз молился вслух, Христофор жевал. Мама Рона смеялась, встряхивая вороной с проседью челкой. Даже угрюмый Даляр не мог скрыть ухмылки. Карапуз склонился к полковнику и, перекивая рокот двигателя, обсуждал с ним броню и вооружение. От вони солярки у всех заслезились глаза.

Не успел Коваль освоиться с управлением, как в гараж, отпихнув книжника, ворвался забинтованный Клаус.

— Птицы! Кружат над нами, я еле успел спрыгнуть. Нам от них не уйти!

— Командир, может они не найдут свежих трупов и улетят?

— Отсидимся внизу, господин?

— Нехорошо как-то нарушать Предание,— губернатор потрогал ленты с густо смазанными снарядами для пушки.— Да и перед партизанами неудобно.

— Как-как? — Свирский старательно заносил речи губернатора в походный дневник.

— Да вот так...

Артур поманил за собой Леву и Клауса, показал им, что делать, если спящие очнутся раньше срока. Несмотря на мелкие конструктивные различия, Коваль без труда запустил программу повышения температуры. Датчики показывали, что старый Коготь ошибался: лишь в трех капсулах были живые люди.

Книжник нервничал, перелистывал словарь и повторял слова приветствия, которыми намеревался встретить французов. Клаус установил в центре зала распятие. С молитвой он подмел пол и натаскал дров.

— Мы с офицерами выедем размяться. Всем остальным,— приказал Артур,— подняться этажом выше и ждать у костра!

Даляра и Карапуза не надо было упрашивать дважды, но Борк был готов лечь под колеса, лишь бы его взяли в разведку. Он всячески старался загладить свой суеверный страх перед спящими демонами.

Артур подвигал рычаги, привыкая к креслу. Два, а то и три горшка молотили вхолостую, большая часть прокладок пришла в полную негодность, салон заполняла гарь. Все движущиеся части были покрыты сантиметровым слоем масла, но все равно требовали чистки и отладки. Однако пулемет и скорострельную пушечку Карапуз успел привести в порядок.

Сотрясая стены гаража, гусеничный монстр, как упрямый скарабей, взбирался по наклонному полу. В перекошенную щель гаражных ворот пролезли с трудом; металл звенел о камень, оборвало антенну, верхний прожектор и крепившийся на броне спасательный плот. Артур рассудил, что все эти приспособления на скорость не влияют, и на выезде дал газу. Машина энергично подпрыгнула, экипаж дружно ударился головами о низкий потолок, второй номер расчета выпал из башни на голову водителя, но в целом все прошло неплохо.

По просьбе губернатора Клаус заранее вывел к саркофагам и застрелил самую безнадежную из лошадей. Произошло это не больше получаса назад, но от кобылы уже остался расчлененный на кости скелет.

— Клянусь святой Ксенией,— выругался Даляр.— Это не птицы, командир!

— Подберемся поближе,— предложил Коваль и, тренируя руки, направил вездеход обратно в сторону площади.

Он думал, что после встречи с роем удивиться ничему не сможет, но сильно ошибался.

...Некогда они были подвидом крупных пернатых хищников. А потом что-то случилось. Возможно, они пили какую-то особую воду или летали вблизи ракетных установок. Вокруг них начала меняться природа, и птицы тоже менялись. Каждый год Мертвые земли приносили новые испытания на прочность, и выжить могли лишь те, кто приспособился. Возможно, им пришлось существовать в условиях очень плотных осадков.

А может быть, с неба падали горячие угли и стальная стружка, доставленная ураганами из далеких стран. Птицам пришлось из поколения в поколение укреплять свою внешнюю оболочку. Их оперение превратилось в несгораемый каркас из намертво скрепленных пластин, лишь отдаленно напоминавших перышки собратьев. А глаза все глубже прятались в складках кожи от хлорных дождей, пока не сделались совсем крохотными. Зато вместо глаз развились совсем другие органы чувств, воспринимающие мир намного острее. Они позволяли улавливать каждую тепловую тварь на поверхности земли, даже если ее заслоняла листва.

Но там, где гнездились птицы, начала светиться земля, и стало нечего жрать. Лишь множились невкусные крысы, и сами, в поисках червей, зарывались в землю, да еще рыбы вылезали из ручьев, опираясь на розовые, дрожащие плавники. И тогда птицам пришлось научиться добывать пищу из ручьев и даже из-под земли. Пришлось за несколько поколений так укрепить клюв, чтобы он не ломался, а под клювом отрастить два длинных гибких языка с тысячами загнутых крючков, которые могли проникать в любую норку. Птицам пришлось изменить стреловидность крыльев, отрастить зубы, а для драк с наземными врагами — когти. Как раз такие носил на шее безвременно ушедший Проспер.

А потом наступило время, когда в болотах, где они гнездовались, не осталось ни врагов, ни еды. Тогда птицы впервые отправились на север, где неожиданно выяснилось, что противостоять им никто не может. Мало того, глупые люди сами начали снабжать переселенцев человеческим мясом... — Летающие бочки! — сострил Карапуз, но никто не засмеялся. Над площадью, и в самом деле, кружило несколько десятков гладких зеленоватых бочонков, размером с крупного грифа. Желтые когти были прижаты к раздутым брюшкам, точно сложенные манипуляторы батискафа. Артур отнесся к коготкам спокойно, но когда первая же безглазая тварь спикировала сверху и оторвала защитную решетку от фары, экипаж разом вскрикнул.

— Эдак она крышу сорвет, — предположил Митя.

— Легче дышаться будет! — успокоил Даляра, освоившись в гнезде пулеметчика.

Птицы кружили молча, пока под ними не появился движущийся объект. Очевидно, им было наплевать, на кого бросаться. Кусок жилистой конины проскочил, как легкая закуска. Стая была явно озадачена, какого черта их вызвали к пустому столу.

Штук сорок «бочонков», как определил птичек Митя, одновременно выпустили воздух, сложили крылья и попадали вниз. Птицы не валились в одну кучу, каждая приземлялась в «своем» квадрате, создавая эффект «коврового» бомбометания. Артур не мог не восхититься тактике хищников; при таком поведении они не оставляли жертве не

малейшего шанса в радиусе сотни метров: кто-то из стаи неминуемо попадал в цель.

— Башня, огонь!

Полковник бил короткими очередями, стараясь удержать на линии прицеливания сразу несколько нападавших, что, впрочем, не приносило ожидаемого результата: как только он сбивал одну из птиц, узорчатый строй моментально распадался.

Подобная сообразительность Ковалю совсем не понравилась, но вступать в мирные переговоры было поздно.

— Второй номер, огонь! Преодолев брувестр из останков забора, броневик выпрыгнул на площадь перед памятником. Когти ударились о крышу в четырех местах, одна из Железных птиц повисла на передке машины, норовя попасть клювом в водительское окно. Еще одна увлеченно пилила дуло пушки.

Пулемет снова застрочил. Двух птичек сбilo очередью. Мертвые тела рухнули на землю с металлическим стуком. Промазавшие мимо броневика перестраивались, заходя на второй круг.

— Твою мать! — высказался Митя. — Ты глянь, у них даже коготка не оторвало!..

И правда. Казалось, что две подбитые птицы погибли от голода или от стыда. Никаких внешних повреждений не наблюдалось, ни капли крови, или жалобного крика...

Зеленые «тулканы» атаквали молча. Ковалю это жутко нервировало. Он развернул машину на месте, снеся заодно две малые статуи (одна из них, зацепившись за что-то, с грохотом поползла следом). Маневренность у броневика оказалась замечательная; двигатель, наконец-то, заработал в полную силу.

Борк просунул обрез в круглое окошко по левому борту и пальнул в птицу, сидевшую на крыле. Зверюгу швырнуло под гусеницу. Артуру показалось, что танк подпрыгнул на камне.

— Третий номер, огонь!

Карпуз только этого и ждал. Первым выстрелом из пушки он разорвал на части сразу трех хищников, кромсавших шатер, под которым бились лошади. Ковалю показалось, что он оглох: в пылу атаки он забыл про шлемы с наушниками. Борк и Даляр тоже трясli головами, пытаясь избавиться от звона в ушах.

— Ага! Не нравится, сучье племя?!

— Огонь! Огонь!!

Артур швырял бронетранспортер из стороны в сторону, пытаясь сбросить птицу, усевшуюся прямо перед окном. Похоже, ее не пугали ни выстрелы, ни рев мотора. Безглазый демон пропихнул здоровенный клюв в щель и орудовал им, как монтировкой. К ужасу Ковалю, бронированный щиток начинал гнуться.

— Герр охотник, стреляйте!

— Боюсь рикошета!

— Стреляйте, черт побери, не то она пролезет внутрь!

Машину сотряс сильнейший толчок. Артур не уследил и наскочил левой гусеницей на основание памятника. Деревянный колосс качнулся, с вершины полетел окаменевший помет. В задней части салона один из непрошенных гостей сосредоточенно обрабатывал замок люка.

Борк сунул обрез в окно и спустил курки прямо над головой Артура. Когда рассеялся дым, оторванное туловище птицы исчезло, но голова и шея продолжали висеть за окном.

— Не шевелитесь! Герр Кузнец, не шевелитесь!

Пивовар выхватил кинжал, свободной рукой схватил губернатора за воротник. Коваль бросил рычаги, инстинктивно дернулся, чуть не заколов пивовара, но в последнюю секунду замер.

Из разверстого черного клюва тянулись внутрь машины две толстые розовые ленты, усеянные мельчайшими крючками. Когда птица успела выпустить языки, Артур не заметил, но один из них уже накрепко обвился вокруг портупеи и расплосовал куртку до самого тела. Второй тянулся к горлу, ему не хватило буквально каких-то сантиметров. Даже сейчас, покрытый мелкими капельками, розовый щетинистый кончик дрожал и извивался.

Охотник дважды полоснул ножом.

— Простите, герр Борк, вы спасли меня!

— Нет проблем,— пивовар кончиком кинжала отшвырнул кровотокающие обрубки.

Несколько секунд Артур восстанавливал дыхание. Давненько он не сталкивался с таким резвым противником.

— Митя, ты слышишь? Не приближай лицо к окошку!

— Я еще двоих угробил, командир!

Коваль с тревогой прикинул боезапас. «Расходуя снаряды такими темпами,— подумал он,— мы через десять минут будем вынуждены отбиваться голыми руками. Вот тебе и Предание, опозоримся на всю Францию...»

На корме и на крыше прыгал, казалось, целый выводок чертей. Что-то протяжно заскрипело, затем с лязгом покатилося по земле. Прямо перед глазами Артура маячил приоткрытый, набитый зубами клюв.

— Командир, они что-то сломали наверху!

— Ничего страшного, оторвали запасной бак для воды!

— Если выломают дверь,— заметил Даляр, оглядываясь на дрожащую от ударов крышку,— это вот, нам задница настанет! Штой-то они слишком умные...

— Есть еще одна! — увлеченно вопил сверху Карапуз.

Коваль дал разворот на сто восемьдесят градусов и тут же утопил педаль газа. Броневик воткнулся задней стенкой в деревянное крыло одной из скульптур. Атаки на люк прекратились.

— Двоих размазали! — не слишком оптимистично констатировал Даляр. — Ах, черт!

От удара задняя дверца соскочила с петли. Несколько секунд Артур не видел ничего, кроме пыли. А затем в образовавшуюся брешь просунулась зеленая голова. В хвостовой части машины находилось вращающееся кресло стрелка, сразу за ним начинался высокий порог, под которым прятались баки с горючим, а дальше, за бронированной переборкой, покоился боезапас. Правую сторону салона занимало низкое сиденье, на котором могли вплотную разместиться человек восемь. Птица ухватилась когтями за обивку скамейки, с грохотом пропихнула внутрь острое крыло и коготками, расположенными на самом кончике оперения, зацепилась за спинку сиденья пулеметчика.

— Командир, берегись!

— За ней еще одна!

Закрепившись, птица просунула в салон вторую лапу и зашипела. Артур очень близко увидел глянцевую поверхность зева, утыканную зубками; похожими на плоские перышки, и раздувающийся в глубине глотки клубок языков...

Заслоняя проем двери, в броневик одновременно пытались пролезть еще две клювастые товарки.

— Получай! — Даляр подхватил с пола тяжелый пулемет Карапуза, сдернул предохранитель, но птица сделала молниеносный выпад вперед и влево, словно догадалась о том, что ее ждет. Наверху, не подозревая, какая беда угрожает его голым пяткам, увлеченно палил из пушки Митя.

Пивовар шарахнул из обоих стволов, быстро поведя обрезом из стороны в сторону. Борк угодил в шею и лапу следующему «посетителю». Артур не мог поверить своим глазам. Пуля домашнего литья с визгом срикошетила от костяных пластин на горле птицы и ушла в сторону.

Коваль бросил рычаги и сунул ствол дробовика в глотку гигантскому стервятнику. Бугорчатую голову разнесло на части; одним взмахом лапы чудовище сорвало с металлической лавки дерматин и вырвало из пазов ящик с гранатами. Толстая металлическая крышка бокса скручивалась под когтями, как папиросная бумага. Коваль поневоле зажмурился, ожидая неминуемого конца. Рифленные болванки с глухим звуком раскатились по полу.

Даляр, матерясь на чем свет стоит, поднял двухпудовую игрушку Карапуза. От напряжения у него едва не лопались вены на лбу. Артур уже поднимал руку со вторым «ремингтоном», когда шесть стволов в мгновение ока очистили салон от непрошенных гостей.

Ни одна зеленая кусака больше не пыталась атаковать задний люк.
— Командир, ты только погляди...

Почерневший от копоти полковник уступил Ковалю место у пулемета. Губернатор получил возможность взглянуть вверх, и то, что он увидел, его не обрадовало. Над развалинами института, сцепившись длинными, острыми крыльями, в три слоя кружили зеленые фигурки.

— Уходят! Мать их так, уходят! — вопил Карапуз.

— Вряд ли они уйдут так просто, — отозвался пронизательный пивовар. — Я слышал об их повадках от горожан. Они прекращают атаку, когда потери становятся слишком велики, но никогда не забывают, кто и где нанес им урон.

— О чем он, командир? — свесился довольный Карапуз, сверкая белками глаз на черной, от копоти, роже.

— Наш друг говорит, что птицы непременно вернуться, чтобы добить соперника по охоте...

Небо расчистилось. На подступах к гробнице Коваль насчитал тридцать шесть мертвых мутантов. Пока шло сражение, птицы растерзали трех лошадей. От огромного тряпичного шатра остались клочья. Уцелевшие кобылки оборвали коновязь и разбежались по свалке.

— Что будем делать, командир?

Артур вылез на броню, жадно вдыхая чистый вечерний воздух. Он представил себе, как в чрево машины набьется толпа, и еле удержал подступившую тошноту. Снаружи броневику выглядел, как картофелина, побывавшая в электрической терке.

— Герр Свирский сообщает, что Хрустальные когти еще не проснулись, — доложил вернувшийся Борк. — Каменный коготь говорит, что птицы непременно вернуться. Скорее всего, после заката. Коготь кричит, что крылатых чертей нельзя было злить и убивать.

— Так он же сам просил?.. — разинул рот Коваль.

— Он говорит, что Хрустальный коготь Кузнец обманул его людей. Он хочет похитить спящих, как черные люди с востока, но не может разом убить всех Железных птиц. Теперь они вернуться, и никто в лесу не сможет спать спокойно...

Борк прятал глаза, будто и сам поверил в могущество русского губернатора.

— Господин, так мы там все уместимся! — из шахты, щуря глаза, выбралась мама Рона. — Можем и до дому доехать?

— Никто на этой машине дальше песчаной стены не поедет, — отрубил Коваль. — От нее грязи больше, чем от угольной шахты. Не хватало мне еще в Питер Слабые метки притащить!

— А жаль, — любовно погладил пушку Карапуз. — Мне шибко приглянулось внутри кататься... Командир, а чего у нас таких нет?

— Потому что мы их зарываем в землю. И будем зарывать дальше.

— Куда это вы собрались? Как это «до дому»? — за плечом мамы Роны появилась бледная физиономия Станислава.

Ксендз очень страдал от ран, но его глаза метали молнии. Он почуял, что наверху готовится предательство, и на одной ноге взобрался по шаткой лестнице.

— Вы обещали мне найти Великое посольство! Пан Кузнец, не забывайте, что это я привел вас сюда!

— Как он мне надоед! — сплюнул Даяр.

— Мы не вправе вас больше ни о чем просить,— обратился Коваль к пивоварам.— Даже не знаю, как мне теперь с вами рассчитаться. Золото и оружие я вам оставляю, но Черных коней забрали дикари...

— Но и я не выполнил свою часть договора,— тихо сказал Борк.— Я ведь не могу вернуть вас назад, в мой город. На этой машине мы легко пройдем Мокрую просеку, но нас не пропустят Ползущие горы.

— Что вы там шепчетесь? — подпрыгивал возле гусеницы поляк.

— Мы обойдем Ползущие горы, пройдем вдоль границы леса,— предложил Коваль.

— Даже верхом там больше недели пути,— скривился Борк.— Пешком ваш путь растянется на месяц. На юге, кроме Когтей, обитают Песочные волки...

— Нет уж, с меня хватит и птиц,— взмолился Коваль.

— Это не то, что вы подумали,— слабо улыбнулся пивовар.— Так называют себя племена, живущие на границе леса и песка. Именно эти ребята откопали нам ворота в подземное гнездо Жука,— он похлопал по крышке люка.— Кстати, герр Кузнец, я знаю, где таких машин много... и много горючего... Но это так, к слову. Вы думаете, что освободили этих парней, и они благодарны, но... Они постоянно воюют с Когтями и остальными соседями, им плевать на условности. Вы здесь чужие. Если я пойду с вами, Песочные волки пропустят вас... И к тому же там несколько городов, где живут культурные люди, как я их называю...

— Пан Кузнец, вы издеваетесь надо мной? — снова подал голос ксендз.

— Боже меня упаси,— отозвался губернатор.— Ты минутку помолчи, я тебя очень прошу. Продолжайте вашу мысль, герр охотник. Вы сказали, что южнее, за лесом, есть города, где нам могут оказать помощь.

— Вот насчет помощи я как раз промолчу,— прокричал пивовар.— В иных случаях я предпочел бы иметь дело с лесными бандами, чем с некоторыми городами. Я же говорил вам, герр Кузнец, что не хочу идти в Париж. Если вы там побываете, поймете, почему я так настроен. Они называют нас вампирами только потому, что мы не выносим солнечного света и привыкли пить сырую говяжью кровь. Однако только мы мо-

жем провести им через Красный лес некоторые товары и коров, поскольку с Когтями у них отношения хуже...

— В Париж вы с нами не пойдете, а назад проводите. Я верно понял? Охотник кивнул.

— С вами отправится Клаус. Он был там дважды. Лучше бы было отпустить Фердинанда, но он еще слишком слаб. Клаус знает, где отыскать торговцев, которым безразлично, вампир ты или самый страшный черт. Заодно, он передаст от меня весточку. Не так часто мы пересекаем горы. А они и вовсе к нам не ходят.

Артур не мог не улыбнуться коммерческой жилке пивовара. Борг даже в боевых условиях не оставлял торгашеских замашек.

— Ваша цена, герр охотник?

— Она уже уплачена, герр бургомистр.

Коваль поднял брови.

— Очень просто,— улыбнулся Борг.— Завтра дикари, которых вы освободили, разнесут по Красному лесу весть о том, что Хрустальные когти проснулись и покинули развалины, не прогнав Железных птиц в преисподнюю. Они расскажут, что половина мудрых Каменных когтей подло убита. Мне сложно объяснить вам, герр Кузнец, тонкости местной политики, но пивоваров это устраивает. Примите как должное.

— Чужие войны часто бывают на руку,— согласился Коваль.

— Вы очень верно заметили, герр бургомистр,— хихикнул под шарфом охотник.— Чем дальше глупцы убивают друг друга, тем ниже ценится жизнь людей и скота и тем выше поднимается в цене железо для убийства и хмельное пиво. Так что вы расплатились сполна, герр Кузнец. Если позволите, я пойду вниз, солнце убивает меня.

Артур проводил взглядом крепыша, поправлявшего на ходу широкополую шляпу. Пивовар прошел между когтистых лап статуи и исчез в зеве шахты, а Коваль, в миллионный раз повторил себе, что правда у каждого — своя.

— Я пойду в Париж один,— кипел от негодования ксендз.— Но всем расскажу, пан Кузнец, как ты меня бросил...

— Да не бросаю я тебя! — простонал Артур.— Полковник, оставайтесь прикрывать мирное население. В мое отсутствие, вы — старший. Капитан, займите место пулеметчика. Нет, бога ради, оставь в покое пушку, мы едем в Париж по делу! Господин Свирский, прошу на борт!

— Командир, вы надолго? — озабоченно спросил Даляр.

— Ни в коем случае. Только спросим,— и сразу назад.

Леве очень не хотелось покидать спящих и упустить момент пробуждения, но командир был непреклонен. В конце концов, Свирский убедил себя, что прогулка обещает быть интересной, проверил блокнот и втиснулся в люк.

— Господин,— сын Красной луны держал за клюв оторванную голову мертвой птицы.— Очень плохо, не надо ездить.

Как всегда в моменты плохих предчувствий, Христофор глядел в сторону. Лоб его покрылся мелкими капельками пота, а голос стал сухим, точно гортань засыпали песком.

— Мы не можем не ездить,— мягко ответил Артур.— Кому будет плохо, сын луны?

Он спросил на всякий случай, зная, что Христофор не ответит. Колдун помялся, ковыряясь в спутанной шевелюре. Из зубастой птичьей пасти сочились густые черные капли.

— Отпусти Леву. Лучше возьми меня. Лева плохо, мне хорошо.

Из люка высунулась взъерошенная голова Свирского.

— Что мне плохо, Христя?

— Командир, ваш колдунчик разговорился. Не припомню, чтобы он решал, кому отправляться на тот свет,— напомнил Карапуз.

Как и всякий лесной житель, Митя был порядочным мистиком и верил каждому жесту Христофора.

— Да, он обычно не ошибается,— кивнул Артур и без слов дал отмашку книжнику возвращаться в подвал.

По периметру площади бегали несколько Песочных волков. Они поливали маслом деревянных идолов. За ними, волоча ногу, бродил Фердинанд и подносил к статуям факел. Статуи вспыхивали, дикари оглашали окрестности неистовым ревом, потрясали кусками арматуры. Большая часть пленников уже скрылась, прихватив казенных лошадей. Оставались самые ярые ненавистники Когтей. Возможно, им было некуда идти.

Из провала выбрался помятый жрец. Он где-то потерял маску, половина перьев со спины осыпалась, седая бороденка свалаясь в комок и покрылась грязью. Осмотревшись и привыкнув к свету, Костяной коготь заплакал. Он на четвереньках подполз к ближайшему птичьему трупу, затем переместился к следующему, поглаживая их по вывернутым крыльям. Слезы лились из его старческих глаз, голова тряслась, бинты на боку кровоточили все сильнее.

— Переживает, падаль,— почти ласково произнес Митя.— Без работы остался. Командир, можно я его прирежу?

— Для тебя-то что хорошего, сын Красной луны? — спросил Коваль.

— Там, где Лева потеряет одну жизнь, я найду две,— неожиданно покраснел Христофор.

— Как это? — выпучил глаза Карапуз, но Христофору надоел допрос.

— Все равно очень плохо,— повторил он.— Кто-то теряет жизнь. А я стану дважды папой.

— Какой из тебя папа, ты и на баб-то не смотришь,— небрежно бросил Артур и тут же осекся.

А кто, собственно, сказал, что Христия не может быть папой? И кто сказал, что колдун должен найти себе женщину исключительно на берегах Невы?

— Кто-то из нас погибнет,— Артур посмотрел ксендзу в глаза.— Но одного я тебя не отпускаю.

— Я буду молиться за всех нас,— серьезно пообещал святоша.

И впервые никто не улыбнулся.

14

ПАРИЖ СТОИТ МЕССЫ

Коваль смотрел на вывеску и не верил своим глазам.

— Как, ты сказал, зовут трактирщика? — переспросил он у пивовара.

— Портос,— просто ответил Клаус.— Он имеет сношения даже с городами западного побережья и, по слухам, водит дружбу с ведьмами. Но у жандармов руки коротки прикончить его.

— Я слышал об этом проходимце,— нахмурился Станислав,— но никогда не имел с ним дела. Ты привел нас в самое сердце греха, пивовар?

— Я привел вас туда, где знают моего отца. Здесь вы можете задавать вопросы, не опасаясь виселицы. Ищейки сюда и носа не суют.

— А нам не отрежут нос за лишнее любопытство? — спросил Карапуз.

Все взоры невольно обратились к Христофору. Сын луны потер рыжую щетину на впалых щеках.

— Человек добрый и злой... Здесь очень опасно и очень спокойно. Нельзя отказаться от еды, но есть тоже нельзя.

— Ну и прекрасно,— Коваль откинул крышку люка, внимательно всматриваясь в затянутые разноцветными стеклышками глазницы окон.— Пошли знакомиться.

...Полчаса броневик пылил по окраинам, выбирая дорогу среди завалов. Артур держал курс, руководствуясь скупыми замечаниями Клауса. Постепенно смятая гармошкой земля начала распрямляться, кое-где в рыжих зарослях проглядывали почти неповрежденные особняки, сквозь кучи щебня густо прорастали трава и деревья. Красные стволы здесь соседствовали с зелеными, словно неподалеку проходила невидимая граница двух миров,— древнего и нового.

Пересекли широченную улицу. Коваль прочел: «Бульвар МакДональд». Он задумался, в честь кого назвали часть города, на которой перевернутые катера и понтоны соседствовали с обломками самолетов. Броневи́к проехал по крылу лежащего аэробуса, затем зацепил боком легкий катамаран. Большая часть обшивки с машин была сорвана, от этого они выглядели еще ужаснее. Коваль догадывался, откуда притащили самолеты, он видел поваленный знак с указателем аэропорта. Но катера базировались явно не на Сене...

Потом гусеницы, как по маслу, заскользили по ровной асфальтированной аллее, вдоль которой стояли низкие декоративные заборчики. Канавки перед ними заполняли желто-красные сугробы перезревших яблок, слив и винограда; в тени дремучих палисадников прятались сказочные, почти игрушечные домики темного кирпича. Артур даже заметил столбики с изящными ящичками для почты и затейливые вензеля на засыпанных листвою крылечках.

Он остановил машину напротив засохшего пруда. На островке, к которому вел ажурный мостик, возвышалась увитая диким виноградом беседка в античном стиле. Тяжелые гроздья клонились к земле, все дно было усыпано опавшими ягодами. Над улочкой плыл густой запах начинающегося брожения.

Дивный уголок каким-то чудом не подвергся разграблению.

— Обалдеть,— выразил общее мнение Карапуз.

Артур приоткрыл верхний люк. Клаус, отвечавший за противовоздушную оборону, решительно остановил губернатора:

— Не выходить. Очень опасно.

— Там, за домами,— Христофор наморщил лоб и пощелкал пальцами, не в силах объяснить природу своих опасений.— Мыши, но не мыши. Кроты, но не кроты. Много маленьких, много заразы.

— Здесь никто не живет,— подтвердил пивовар, сверкнув на Ковалья черными очками.— Наши друзья в городе говорят, что там, где яблоки зреют в январе и марте, не охотятся даже Железные птицы.

Прелестная пастораль рассыпалась в мгновение ока. Стиснув зубы, Артур дал газу и молчал до тех пор, пока броневи́к не вкатился в серую пелену. Зола проникала внутрь сквозь самые мелкие отверстия, жирным слоем ложилась на руки и одежду. Когда экипаж с лязгом миновал Монмартр и покатил по бульвару Капуцинов, у Ковалья сжалось сердце. Многие дворцы сохранились неплохо, но новейшие здания и жилые новостройки превратились в сплошное цементное месиво. На месте рухнувших колоссов образовались воронки, заполненные стоячей водой. Среди густого бульона из мусора и нечистот покачивались дохлые рыбы и домашние животные.

— Огонь прошел недавно,— поджал губы пивовар.— Не нравится мне это. И я не вижу стражу возле оперы! Баррикада какая-то...

Коваль не разглядел не только стражи, но и самого здания оперы. Он следил только за тем, чтобы тяжелая машина не свалилась в одну из глубоких воронок, все чаще возникающих на пути. То ли прошло несколько мощных паводков, то ли сыграло роль землетрясение.

К неудовольствию поляка, Клаус опять велел сворачивать. Ксендз настаивал, что надо ехать в самый центр: к Елисейскому дворцу, где обитала местная верхушка, или к Инвалидам. По его словам, там жили и отправляли службы местные святоши, и кто лучше их мог быть осведомлен о судьбе посольства?

Но Коваль склонен был доверять маленькому пивовару. Клаус сказал, что их давно уже должны были перехватить жандармы. Якобы, грубые ребята, но не дикари, самоходных повозок не боятся. Клаус вспомнил, что не так давно у местных лидеров еще водились похожие пушки на колесах, но потом сломались, одна за другой. Чинить их никто не умел, и все постепенно заржавело. А отец Борка рассказывал, как до наводнения в городе носились грузовики и мотоциклы. После высокой волны, прокатившейся с океана, техника неделями плавала в соленой воде и пришла в негодность...

— Нет людей,— повторял Клаус,— непонятно. Поедем на корабль, в трактир. В центре нельзя, нас слышно.

В трактир, так в трактир, кивнул Артур, обрушивая бронированным передком облупившуюся колоннаду с ангелочками и грифонами. Его тоже все сильнее раздражало безлюдье и безмолвие. Нападение дикарей в Красном лесу было делом предсказуемым. А бесконечные пустые кварталы, напоминавшие о прежней роскоши, наводили суеверный ужас даже на воинствующего атеиста. За пятнадцать лет, проведенных в мире, пережившем Большую смерть, Артур приобрел немало новых, крайне ценных привычек.

Одна из них — остерегаться населенных пунктов, где жители не показываются сразу. Лучше пусть нападут, но не скрываются. За подобным поведением наверняка стоит какая-то гадость...

— Сдается мне, хрен тута кто с нами базарить будет! — резюмировал Карапуз, сидевший выше всех. — Штук пять придурков я засек, сиганули в трубу. Как, командир? Может сбегать, изловить?

— Не лезь, куда не просят,— сказал Артур. — И стрелять только по команде.

Экспедиция выкатилась на широкий проспект, уставленный фешенебельными постройками. Даже ужасные катаклизмы не стерли с улицы налета утонченного лоска. Но чем дольше Коваль вглядывался, тем отчетливей понимал, что Парижский центр обманывает его. Вокруг стояли не замки богачей, а их стершиеся тени, не универмаги, а проеденные молю муляжи.

Справа от трехэтажного особняка остались лишь роскошные колонны с капителями, на которых болтался дюралевый плакат. Выцветшие буквы предлагали посетить пасхальную распродажу в торговом доме.

По левую руку стремились ввысь аркады крытого пассажа, от которого на самом деле осталась лишь фасадная стена. За шестью этажами осыпавшейся лепнины скрывались обугленные залы и ржавые ребра лестниц. Нижние витрины, сотню лет назад лишенные стекол, надрывались в беззвучном крике. Над сгоревшими стеллажами жалобно шурились имена великих дизайнеров и кутюрье. Эти неживые буквы казались Артуру чем-то вроде шумерской клинописи. Карден, Гуччи, Армани, Шанель, Ямомото...

Они свернули к площади Республики, но бульвар был настолько разрыт, что пришлось пробираться дворами. Пробившись сквозь кустарник, внезапно попали в жилой центр. Дома обрели крыши из досок, черепицы и обломков строительной рухляди. Нижние этажи и подвалы были заселены, беспорядочно и бестолково. На месте стекол развешались тряпки; на балконах росли овощи; из канализации тянуло дымом. Несколько детских голов высунулись из-за угла и снова попрятались. На террасе полуразрушенного дворца истошно орал грудной ребенок. Старуха с хворостиной погоняла коз; увидев броневик, шмыгнула в пролом. Над огромным очагом в котле варилась мясная похлебка, ее охранял безногий мужчина с топором.

Люди или спрятались, или дружно выехали на пикник. Спустя минут пять Артур окончательно склонился ко второй версии, поскольку увидел греющихся на лавочке дряхлых старичков.

Они курили длинные трубки и представляли собой довольно живописное зрелище. Конечно, до туалетов Когтей им было далеко, но при взгляде на дедушек Артур тут же вспомнил семнадцатилетнего Людовика. Как тот робел перед папой Рубенсом, как пытался произвести впечатление на всех женщин Зимнего дворца и окрестностей. Бил витрины, копался в царском гардеробе, цеплял на себя самые чудовищные сочетания одежды прежних эпох...

Примерно так смотрелись теперешние парижские инвалиды. Они не разбежались, когда вышедший на разведку Клаус направился к ним. Двое оказались совершеннейшими маразматиками, а третий прошамкал, что население собралось к мессе. Сначала, заметив Железных птиц, дважды били в колокола воздушную тревогу. Когда прозвонили отбой, побежали молиться. На саму мессу большинству наплевать, зато после будут казнить ведьм и воров, а на это стоит поглазеть.

— Плохо понимаю язык, — пожаловался Ковалю вернувшийся пивовар. — Они говорят, что казни идут уже неделю. Кто-то отравил скот в

одной из деревень или что-то вроде этого. А теперь еще появилась зараза, на юге выкашивает целыми семьями...

— Только этого нам не хватало,— сплюнул Митя.

— Воду здешнюю не пить, ничего не есть, близко к местным не подходить,— скомандовал Коваль, прыгивая в теплую пыль.

Золы тут было меньше, пожарище осталось позади, но изыщества пейзажу это не добавило. Над культурным центром Европы витал дух обреченности. Броневику снаружи покрылся толстым слоем пепла. Пройти вперед, не переломав доморощенной системы воздушной маскировки, не представлялось возможным. Между руинами домов, над кривыми улочками, были натянуты веревки или перекинута бревна. Поверх самодельных каркасов жители накидали все, что попало под руку. В тени перекрытий жевали чахлая траву привязанные козы. Коваль заметил в развалинах здания, похожего на кинотеатр, несколько коров. Коровы были самые обыкновенные, по крайней мере, к чужакам враждебности не проявили.

А вот их пища губернатору сразу не понравилась. Стадо топталось в лишенном крыши круглом фойе бывшего кинотеатра, со всех сторон облицованном зеркалами. Поверх пузырящихся зеркал со стен лохмотьями свисали почерневшие постеры с улыбающимися киногероями. Артур сумел даже прочесть несколько незнакомых фамилий. Все эти кумиры выросли и достигли расцвета, пока он прохладился в анабиозе. Буренки вовсю уплетали грибы. Полы и лестницы кинотеатра густым слоем покрывали пузырчатые белесые образования, похожие на помесь цветной капусты с пенопластом. Волокнистые клубни скрипели под копытами коров и липли мелкими крошками к влажным черным губам.

Артур подумал о вкусе молока, и его чуть не вырвало.

Но гораздо хуже коров выглядели собаки. Стайка шавок вырुлила из дренажной трубы, робко подрагивая облезлыми хвостами и не решаясь приблизиться к людям. По боевым качествам этим псам было так же далеко до питерских булей, как слепому котенку до амурского тигра. Старшая из собак, бредовая помесь далматинца и тибетского терьера, уставилась на Артура подслеповатыми глазками и жалобно тявкнула. Все псы были потомками породистых животных, у всех напрочь отсутствовали зубы, а десны покрывала корка ороговевшей ткани, вроде сплошного протеза. Но не это показалось губернатору самым интересным. Он мысленно подозвал одну из псин, чтобы разглядеть получше. Позади что-то гнусаво прокакал старичок с трубкой.

— Он говорит,— перевел Клаус,— чтобы вы к ним не прикасались. Собак отстреливают, они разносят язву.

— Я не прикасаюсь,— ответил Коваль, задумчиво рассматривая бока и спину несчастного животного.

Шерсть сползала клочьями, но к медицине это не имело никакого отношения. Собака отращивала защиту от Железных птиц и, судя по состоянию сосков, собиралась передать закрепившиеся признаки следующему поколению. Вместо нежной короткой шерстки появлялся твердый панцирь, больше приличествующий броненосцу. Вдоль хребта панцирь утолщался, словно второй позвоночник, и выпускал наружу короткие острые шипы. На брюхе латы еще только появлялись, отдельные фрагменты панциря перемежались участками незащищенной кожи.

Коваль внимательно изучил собак, затем отдал им мысленный приказ бежать в лес и повернулся к коровам. Христофор и Митя непонимающе следили за ним из прорезей в люках. Клаус отступил в тень и нервно натирал руки мазью. Мотор броневика ровно урчал, готовясь к старту.

Пять поколений или десять?

Подойдя вплотную к воротам загона, Артур понял, что оправдались худшие предположения. Спины и головы животных обрастали непробиваемой коркой, состоящей на сей раз из множества наложенных друг на друга пластин. Сверху пластины покрывал привычный пятнистый рисунок. Заметить изменения можно было, только подойдя вплотную.

Но свежая мутация этим не ограничивалась. Минуту Коваль тупо глядел на хвост ближайшего теленка, недоумевая, что же ему так сильно напоминает этот кожаный мешочек вместо кисточки на конце. Затем он подманил теленка и, невзирая на предостерегающие вопли аборигена, развязал тесемки.

Итак, подытожил Коваль, местный рогатый скот обзаводится ядовитыми шипами на хвостах, вроде карельских летунов. Собаки покрываются панцирем, крысы роют ходы, как кроты. И все эти перемены происходят с тех пор, как в окрестностях города поселились Железные птицы. А питерские жители, стало быть, тешатся мыслью о том, что мир успокоился...

Успокоился, да как видно, не везде. Ходили слухи, что и за Уралом появляются новые виды. Качальщики, те тоже подливали масла в огонь. Но лесные колдуны занимались направленными мутациями; крылатые змеи, тигры и прочая искусственная нечисть не имела потомства, поколения этих животных считались условно.

Здесь, за песчаной стеной, в самом центре Мертвых земель, мир продолжал изменяться. Наверное, именно это имел в виду друг и наставник губернатора Бердер. Тот говорил, что русские Хранители научились уничтожать Слабые метки, и это хорошо. Но никто не знает, что происходит на территории, где Звонящий узел сработал в полную силу. Ибо те Звонящие узлы, что взорвались в первые годы после Большой смерти, оставили после себя либо языки Вечных пожаров, либо километры Желтых болот. Они взорвались, и теперь остается уповать на то, что

мать-земля зализет свои раны. В лучшем случае, можно посадить вдоль пожарища сотню-другую деревьев. Или пустить в реку головастики. Даже Хранители, сами плоды мутаций, были бессильны спасти Мертвые земли.

Но страшнее, говорил Бердер, не та Мертвая земля, что осталась после пожарища. Ходят слухи, что за песчаной стеной лежат Мертвые земли, которые не желают успокаиваться.

«Как это,— удивился тогда Артур.— Постоянные землетрясения, или вулканы бьют?» «Может, и землетрясения,— пожал плечами наставник. Но дело не в земле. Дело в том, что там все продолжает изменяться и никак не может успокоиться. К той гадости, что живет в наших болотах, люди давно притерпелись, лупцуют ее потихоньку, глядишь, и сведут на нет. Взять тех же самых булей, для примера. Лет двадцать назад никому проходу не давали, среди бела дня на людей кидались, а теперь, где они? Грызут потихоньку лягушек в камышах. Передохли бы все давно, если бы хитрый питерский губернатор лично не подкармливал... Неужели непонятно, что раз не успокаиваются твари, значит, меняется и человек? Только он меняется медленнее: мы помрем и не заметим, а лет через пятьдесят попрет такое, что не остановишь, никакой ворожкой». «Что же делать?» — испугался Коваль. «А что тут сделаешь,— пожал плечами учитель.— Качальщики уже давненько собираются. Думают да гадают, да к Хранительнице Книги наведываются. Все ищут, спрашивают себя, все ли правильно по Книге понимают, какие еще толкования можно применить. Потому как, есть одно подозрение... Тут Бердер замолчал, словно решил, что сболтнул лишнего, такого, что не стоит обсуждать даже с лучшим Клинком, другом и губернатором. А может быть, Бердер только сделал вид, что сомневается. Он ведь хитрый стратег... «Такое вот подозрение,— промямлил Бердер,— что тут замешана не только древняя грязь. Будто кто-то... Ты когда пометишь, держи ухо востро, ладно?» И больше ничего не сказал, ловко так сменил тему.

...Губернатор очнулся от забытья. Беззубые собаки, ядовитые коровы... И с козами, наверняка, не все ладно...

— Не только древняя грязь,— неслышно повторил Артур, отмывая руки после знакомства с телячьим хвостом.

Не обращая внимания на мольбы Станислава, он подошел к трем старичкам на завалинке. Старички выглядели так, словно дошли с императором до Москвы и обратно. У одного не хватало верхней губы, наполовину заросло веко, а вместо пальцев имелось подобие сросшейся клешни.

Второй дед был дауном. Он гордо носил расшитую серебром дырявую мантию, а больную щеку подвязал шелковым шарфиком. С его одутловатого лица капали одновременно слюни, сопли и слезы. В немых

тых пальцах он мял хлебную горбушку. Артур обратил внимание на аккуратно зашитый рукав.

«Кто-то ухаживает... — машинально отметил губернатор. — Любящее потомство. Интересно, кого же они нарожали?» Третий дедушка, тот самый, что пытался уберечь Коваль от собак, казался самым разумным. К числу явных недостатков можно было отнести пятнистую кожу, — видимо, следствие перенесенного лишая, сросшиеся с головой ушные раковины и не заросший на макушке родничок. Дед прикрывал голову бравой треуголкой с воткнутыми сверху перьями Железной птицы, но периодически снимал ее, чтобы поймать вошь.

— Клаус, спроси его, как проходит болезнь?

— Он говорит, что болезней много, но черную язву наслали ведьмы и колдуны, живущие особняком за старым кладбищем. Сначала все болит — все тело. И жар, страшный жар. Потом опухает лицо и живот, язык не помещается во рту. Проходят два дня — и на шее, в подмышках появляются камни, что ли...

— Можно не продолжать, — хмуро кивнул Коваль. — И кто придумал, что чуму наслали ведьмы?

— Его преосвященство благословил генерала Авая на святое дело, на аресты мерзких пособников дьявола! — из беззубого рта полетели брызги слюны, так что гости невольно отпрянули. — Уже поймали многих, доберутся и до тех, кто насылал порчу... А ты, я тебя видел, — вдруг захихикал он, наставив кривой палец в грудь пивовару. — Ты один из тех, кто приходит через Ползущие горы, верно? Вы все там тоже колдуны... Ха-ха! Никто не может пройти через лес Когтей и горы, кроме колдунов. Может, ты тоже пришел, чтобы заразить коров моего сына или наслать на нас черную язву? Вот я скажу жандармам, они живо посадят тебя на кол или вздернут!

— Пойдемте, герр Кузнец, — в отчаянии сплюнул Клаус. — Вот поэтому мой отец не любит ходить в город. Он имеет дело только с торговцами из корабля.

— Из какого корабля?

Артур захлопнул за собой люк, а с улицы все неслись проклятия старика.

— Корабль, его принесла волна, — засмеялся пивовар. — Да вы увидите, там много кораблей.

— Вы спросили их насчет посольства? — в нетерпении набросился Станислав.

— С ним тяжело говорить, — отмахнулся Коваль. Он думал о коровах и Железных птицах. — Все разумное население поперлось слушать святош. У них месса по радостному поводу. Собираются поджарить очередную партию ни в чем не виновных женщин.

— Откуда ты знаешь? — замер поляк.

— Как откуда? Этот динозавр сам сказал. Все ушли на фронт.

— Нет, с чего ты взял, что казнят невиновных? — взгляд ксендза отражал крайнее неодобрение. — Уж не считаешь ли ты, пан Кузнец, что пастырями верующих выступают кровожадные злодеи? Я немного лучше знаю здешних людей, я бывал тут. Конечно, многие горожане грубы и невежественны, многие страдают болезнями, но ты же судишь, ни о чем не спросив! Им тяжело, им приходится отбиваться от дикарей и голодного зверья, но большинство верит в святой Крест и чтит бога. Ты ведь не знаешь, с какой радостью эти простые бедные люди согласились участвовать в Великом посольстве! Их епископ, конечно, не столь изощрен в науках, как твои книжники... Но он простой и честный человек и не терпит во дворце и в городе всякую нечисть...

— Эка тебя разобрало, — задумчиво сказал Карапуз. — Чисто молоко с соленым огурцом нажрался, так и поносит беднягу.

— Слушай, пан Станислав! — Артур медленно сдавал задом, стараясь не сшибить хлипкие постройки горожан. — Насчет нечисти во дворце, — это ты по Христофору проехался, или мне показалось?

Святоша, надувшись, демонстративно глядел в сторону. Клаус, не понимая, из-за чего перепалка, озадачено вертел шеей.

— Я обещал тебе найти концы вашего посольства и делаю, что могу, — Коваль старался говорить спокойно. — Мне тоже не нравится, когда пропадают две тысячи человек. Только мне безразлично, в кого они при этом верят. Мы искали и продолжаем искать, но дальше Парижа не пойдем. Это мое первое слово. А вот второе. Как учтиво заметил господин капитан, если ты, пан Станислав, упаси господь, запьешь соленые огурчики или кислую капустку молочком, с тобой что будет? Вот именно, конфуз случится. Так скажи мне, святой отец, у тебя никогда в жизни поноса не было?

— Не понимаю, причем тут месса и решения его преосвященства?! Ты богохульствуешь, пан губернатор! Не к лицу...

— Ни намек на святое, — уперся Коваль. — Я только хотел спросить, пан Станислав, ты кого бьешь, когда у тебя понос? Может, ты собаку соседскую убиваешь или самого соседа поджечь готов? Ну, да... сосед здорово здоровый, может и сдачи дать. Ты, небось, бегаешь в соседнюю деревню. Там бабка старая живет, заступиться за нее некому. Зато, чуть кто обосрался, сразу к бабке — по репе ей сапогом! Верно я говорю? Просто и без напряга, да, пан Станислав? И не нужны расходы на ремонт канализации, согласись?... А тут не один человек, тут целый город огурцов натрескался. Ты посмотри, что у них творится: вода гниет, трупы по реке плывут. Конечно, прав местный монсеньер, самое время парочку соседских бабок повесить! Глядишь, поносить перестанем? Как думаешь, пан Станислав?

— Я хочу, чтобы вы меня выпустили,— ксендз играл желваками.— Я один схожу к Дому инвалидов и все выясню.

— Слушай, а ведь здесь живет гораздо больше народу, чем было в по-
сольстве. Тысяч тридцать, если навскидку.

— Ну и что?

— Как что? Ведь у них беда. Вот мне некогда. Совершенно некогда, надо вывозить людей на большую землю, а я волнуюсь, ищу, чем бы помочь этим охламонам. Ты, конечно, если настаиваешь, можешь то-
пать,— Артур застопорил машину, откинул люк.— Никто тебя не дер-
жит. Но мне все же кажется, надо сначала понять, что творится в
городе, а потом лезть с вопросами. Один местный житель, религиоз-
ный, кстати, человек, как-то сказал, что Париж стоит мессы. Так что
потерпи, святой отец!

15

СВИНЬЯ СО СВИСТУЛЬКОЙ

— Значит, трактирщика зовут Портос? — уточнил Артур, огляды-
вая корабль.— Интересно, остальные трое тоже тут?

— О чем вы, герр Кузнец? — удивился Клаус.

— Нет, нет, это я так, к слову...

Избитая рыболовецкая шхуна вросла в дно канала, зажата горами
мусора, как раз между бульварами Бурдон и Бастилии, в трех шагах от
одноименной площади.

Райончик отдавал явным блатным душком. Местные законы здесь
были не в почете. Многие жители хлопотали по хозяйству, не уделяя
внимания гражданским обязанностям. Ни на мессу, ни на казнь пойти
никто и не подумал. Если доселе Артур встречал опустевшие сарайчи-
ки, остывшие очаги и беспризорных детей, то за площадью Бастилии
обстановка резко изменилась.

За броневиком неслась ватага подростков, один другого страшнее и
чумазее. Сначала они боялись приближаться и крались дворами, но заме-
тив в люке ухмыляющуюся рожу Карапуза, осмелели, и последние триста
метров пути Коваль вез на броне небольшую армию. Он вглядывался в
хохочущие, визжащие рожицы, отыскивая в них следы деградации, но
видел лишь самых обычных детей. Голодных, оборванных и до невоз-
можности довольных неслыханным приключением. Взрослые тоже инте-
ресовались, некоторые бросали занятия и спешили вслед стальному чуду.

— Это не французы,— шепнул Клаус.— Они живут здесь давно, но пришли из Испании. Там, на юге, их когда-то выгнали из города, не знаю, почему. А когда они хотели вернуться назад, Мертвые земли уже расползлись, и им пришлось остаться. Отец любит вести с ними дела, но говорит, что Бумажникам скоро придется несладко. Очень давно генералы выделили им кусок земли возле кладбищ, а теперь хотят отнять назад.

— Как ты их назвал? — Коваль наблюдал, как Христофор раздает кудрявым детям куски сахара.

— Бумажники, герр Кузнец. Это потому, что на дверных косяках у них висят маленькие бумажки. У них очень смешной обычай трогать обрывок всякий раз, когда проходишь в дверь. Но отец говорит, что их вера не мешает торговле...

Шлагбаум перегораживал улочку скорее для проформы, потому что сразу за бревном начиналась глубокая канава, на дне которой, что удивительно, почти не водилось грязи. Возле подъемного мостика покуривали двое благообразных дядечек в черных длиннополых шинелях и равнодушно поглядывали на пришельцев.

Не прошло и минуты, как к ним присоединились еще по меньшей мере пятнадцать мужчин. Они держались настороже, скрываясь за изгородью из толстых кольев. Только увидев пивовара, Бумажники расслабились и согласились опустить мост.

Коваль велел Карапузу сидеть в бронетранспортере: заглушить мотор означало остаться без машины. Но черноглазый морщинистый стражник, упакованный в пыльный жилет и черное пальто, передал через Клауса, что пройти к Портосу могут все, а мотор можно выключить, потому что имеется аккумулятор.

У Артура на языке крутились сотни вопросов, но он предпочел промолчать.

Канава, пересекающая улочку, не прерывалась, а убегала вдаль в обе стороны. Словно хищный червь, она вгрызалась в особняки и остатки величественных стен, ограждая кварталы Бумажников от внешнего мира. Русские без конца вертели головами, Станислав хмурился и всем видом изображал покорное недовольство. Теперь у губернатора не осталось сомнений относительно публики, расселившейся вдоль канала. В центре парижский люд обстраивался с помощью самых неожиданных подручных материалов, подвалы топились по-черному, и ни разу Коваль не услышал стука топоров или визга пилы. Лишь немногим счастливицам удалось захватить устоявшие, под напором стихий гранитные монолиты, но большинство жителей влачило самое убогое существование.

Поселение Бумажников не просто резко отличалось от центра города, их благополучие резало глаза. Упитанных коз и овец держали здесь в огороженных загонах, чтобы глупая скотинка не могла добрать-

ся до берега Сены, превратившейся в вонючую клоаку. В примитивных клетках копошились кролики, а на распаханых полосках облагороженной илистой набережной суетилось множество людей с мотыгами и лопатами. На тачках и телегах подвозили целый кирпич, крепили леса, по которым бегали полуголые мастеровые с отвесами. В укрепленные опалубкой ямы заливали раствор, в сторонке человек пять подростков, закатав штаны, ногами вымешивали глину. Шло строительство какого-то значительного сооружения.

Чуть дальше Артур с удовлетворением заметил ряды новеньких, крепких домов с каменными основаниями и добротнo притертыми венцами из красных бревен. В чисто выметенных двориках дымили коптильни, пахло хлебом и стружкой. Две лошадки, напрягая спины, ходили вокруг глубокой ямы, вращая подъемный механизм. В кожаных мешках рабочие поднимали со дна тонны грязи, а женщины в черных шляпах подкатывали кольца для будущего колодца, вырезанные из дуба.

Возле шхуны разгружали сразу две длинные подводы. Грузчики вкатывали на борт бочки и волокли упирившихся бычков. Несколько человек с уханьем разворачивали вручную кран, готовясь опустить в кузов грузовика нечто обвязанное тряпками, и по форме подозрительно напоминавшее артиллерийское орудие.

Самым забавным оказался кораблик. Невесть когда принесенный кактаклизмами и нашедший здесь свою вечную стоянку, он продолжал служить людям. Дно проржавело, верхушки согнутых винтов тонули в лопухах, но на мачтах сушилось белье. По палубе деловито сновали люди самой пиратской наружности.

Клаус сказал, что надо подождать, и один поднялся по трапу. Молчаливая толпа любопытных рассосалась, остались только несколько самых мелких мальчишек, одетых, как и взрослые, в душные черные пиджачки.

Потом в одном из иллюминаторов дрогнула занавеска. Наследник мушкетерских традиций приглашал гостей к столу.

Внутри шхуны было оторвано и отрезано все, что мешало размещению грузов и посетителей. Если сначала Артур принял местного заправилу за ненормального, то теперь был вынужден согласиться, что лучшее место для точки общепита подобрать было трудно. Приличные, имеющие крышу здания в этом квартале отсутствовали. Городское начальство позволило каравану беглых Бумажников обосноваться здесь почти тридцать лет назад, но выделило общине самую разрушенную площадку. И два кое-как сохранившихся каменных строения были отведены под школу и молельню.

Шхуна же имела мощный несгораемый каркас, защищенные трюма, и множество укромных уголков. Благодаря подведенным с обеих сторон канала дорожкам, грузы можно было одновременно принимать и

отпускать. Как раз сейчас на противоположном берегу проворные полуголые ребята хлыстами охаживали быков, чтобы подать свою платформу вплотную к люку. Повозка прогибалась под тяжестью мешков.

Нет, определенно, здесь занимались не только разливом вина...

Поднявшись наверх, губернатор отметил еще кое-какие забавные детали. На крыше палубной надстройки отирались трое дюжих молодцев. Из рубки высовывались длинные стволы, тщательно укрытые тряпками. Отсюда, в высоты третьего этажа, открывался вид на всю колонию Бумажников. Еще выше, над рубкой, красовалась круглая будочка со стершейся полицейской символикой. В будочке, вращаясь вместе с табуретом, сидел карлик и безотрывно глядел в окуляры морского бинокля. Седобородый коротышка во фраке и серой накрахмаленной рубаше проводил гостей внутрь по узкому скрипучему коридору. В тупичке подпирал стену чернокожий с длинной седой косицей и серьгами в обоих ушах. На локте черный держал самострел с натянутой тетивой, а в ногах у него скалилась овчарка. Охранник даже не подумал отвернуть оружие от вошедших. Карлик пропустил всех внутрь коридора и шустро запер за собой люк.

За дощатой перегородкой гудела таверна. На уровне глаз тянулись щели, и Артуру мигом почудилось, будто он провалился в сказочную нору. Из капитанского коридорчика можно было наблюдать за гуляющей публикой. А на публику взглянуть стоило...

За столом из цельного куска дерева метал карты рыжебородый длинноухий субъект, обремененный зобом и убийственно похожий на бородатого осла. Грудь его стягивала полинявшая тельняшка, а на плече сидел белый крысенок. В передних лапках крысенок держал орех, а две задние пары лап цепко держались за плечо хозяина.

Напротив сатира посасывал изогнутую трубку кальяна безглазый. В буквальном смысле: у этого человека вообще не было глаз. Под тонкой бледной кожей, стягивающей дыню черепа, пульсировали сосуды. Из бугристого лба торчал боксерский сплюснутый нос. Пунцовые губки перекачивали мундштук кальяна. Глаз не было. Коваль успел подумать, как же чудак играет, но загадка скоро разрешилась. За спиной безглазого стоял тощий мальчишка в коричневой францисканской рясе. За плечами у ребенка болтался рюкзачок. Артур увидел личико пацана, и справедливый гнев на инвалида-эксплуататора пропал.

Этого ребенка не взяли бы даже в цирк. Из-за жуткого прикуса его нижние зубы почти касались ноздрей, а верхние расплзлись и торчали в разные стороны, как иглы дикобраза. Лицо мальчишка покрывали глубокие старческие морщины, и все же, это был ребенок. Он держал на груди и поглаживал еще одного шестипалого крысенка.

Третьим партнером по игре выступала очень смуглая, могучая, похожая на индианку, женщина в коротком парике и ярком, цветастом платье.

Время от времени она прикладывалась усатым ртом к пивной кружке и с хохотом колотила по столу увесистым кулаком.

В общем зале также гуляла пестрая компания. Несколько бородатых мужиков в черных сюртуках гоготали и свистели, помогая пьяному оркестру. Музыканты играли весело, но каждый — свое. В центре зала безрукий инвалид в женской дубленке орудовал стаканчиком с игральными костями. Все манипуляции он проводил пальцами ног. В игре участвовали трое меднолицых парней, одетых как крестьяне, в короткие штаны и деревянные башмаки. Старуха самого демонического вида в рокерской куртке гадала на картах двоим загорелым субъектам в тирольских шляпах и черных очках. Ядреная девица в белом парике и засаленной атласной безрукавке от Рудольфо Валентино сцезивала из бочки пиво. Ей помогал горбатый юноша, руки которого едва не волочились по полу. Ухватив друг друга за талию, змейкой отплясывали несколько синюшных девиц. В глубине зала Ковалю померещилась даже стайка цыган, но в эту секунду отворилась внутренняя дверь в капитанскую каюту, и паноптикум остался позади.

Портосу было лет сорок, но могучая внешность и раздвоенная борода старили его как минимум на четверть. От висков по щекам сбегали тонкие завитушки темно-русых волос, влажные карие глаза смотрели внимательно, не отпуская собеседника ни на секунду. Над заправленными в начищенные сапоги бриджами красовалась невероятного размера белая жилетка. С жилетки свисали шнурки, из кармашка торчала лупа и две пары очков. Возле Мити Карапуза трактирщик казался недорослем, но в плечах чингису не уступал. Как уважающие силу противники, оба великана бережно пожали друг другу руки. Казалось, Портос удивился, что у пришлых верховодит в отряде человек самого обычного телосложения.

В каюте было тихо, пахло ваксой, сладким вином и удивительно ароматным табаком с цветочными обертонами в букете. Хозяин усадил гостей на лавку, укрытую шерстяными циновками, и приказал принести еды. Чем дольше Коваль присматривался к обстановке, тем сильнее его охватывало чувство неестественности происходящего. Через тонкую переборку слышались удары пивных кружек, отголоски божбы, хохот, топот и удары топора по свежим бочонкам с горячительным. Несколько нестройных голосов гнусавили песню. А над головой без усталости таскали грузы...

Коваль начал подозревать, что трактир, скорее всего, вовсе не трактир, а некая смесь перевалочной базы и игорного притона. И очень может быть, что именно здесь могут рассказать о Великом посольстве.

Переборки каюты покрывала изящная драпировка из простой, но чистой ткани. Иллюминаторы были плотно зашторены, и помещение освещалось керосиновыми лампами. Тепло обеспечивал портативный камин, возле которого негромко тикали напольные часы красного дере-

ва с вензелями королевской фамилии. Над комингсом притаилась мезуза со святыми словами, а на богато инкрустированном угловом столике стояла внушительная клетка, укрытая одеялом. Кто-то там шевелился под одеялом, животное или птица. Коваль чувствовал энергетику обитателя клетки и не мог подобрать верного определения. Существо откликалось на призыв почти так же, как домашняя собака, но добиться устойчивой связи Артур не смог. Пленник был как будто гораздо умнее, чем хотел казаться, и, отвечая на волевой призыв человека, дурачился, изображая скудоумие.

Напротив иллюминатора, на полированном ореховом бюро, отсвечивала бронзой старинная менора с самодельными свечами. Рабочий стол трактирщика представлял собой нечто среднее между штурманской рубкой, слесарной мастерской и уголком философствующего аристократа. Навигационные приборы, тиски и коловороты соседствовали с распахнутым томом энциклопедии. Остальные книги двумя стопками подпирала подволок. Там же Артур заметил пожелтевший альбом с репродукциями Веласкеса и Ветхий завет на испанском, несколько французских изданий Стендаля, Дюма и даже угоревший томик Сименона.

Противоположную переборку занимали карты Парижа и Франции. Старая часть города изобиловала разноцветными значками, а на крупномасштабной карте страны делалась попытка отобразить положение песчаной стены и прочих природных препятствий. Под картами, на коврике, стояли в ряд несколько старинных пищалей, а на крышке ведущего в трюм люка дремал мохнатый пес размером с крупного волка.

— Это вы стреляли по птицам? — глубоким, бархатным голосом спросил хозяин, обращаясь к Артуру.

Коваль кивнул. Клаус заранее предупредил, что неприлично начинать беседу первыми, зато теперь наступала очередь гостя задать следующий вопрос.

— Вы не поможете нашему другу найти Великое посольство?

— Помогу, — легко согласился Портос.

Он повернулся к бюро и сказал в одну из переговорных трубок, торчавших наподобие труб маленького органа, несколько слов на испанском. Трактирщику кто-то ответил, а затем сухопарый, чахоточного вида парень в пыльном лапсердаке, принес вино и мясо.

Артур помнил предупреждение Христофора, что есть ничего не следует, но хозяин и не настаивал. Он почти радостно кивнул, когда все отказались, сославшись на недавний обед. Наверное, здесь было не принято уговаривать.

— Вы убили всех Каменных когтей?

Пивовар, с согласия Ковалю, быстро рассказал о последних событиях. Трактирщик слушал, не отводя пристального взора от русского

губернатора. Узнав о разгроме гробниц, он надул щеки, но так ничего и не сказал.

— Мы принесли небольшой подарок от пивовара Борка,— спохватился Митя, выкладывая на стол кулек с последними запасами соли и ящик с двумя смазанными «магнумами».

Оружие и идея принадлежали Ковалю, но в действие вступили неписанные ритуалы знакомства. Нельзя главному гостю преподносить сувенир, тем более от собственного имени: подарок может прийтись не ко двору.

Трактирщик оценил подношение, опытной рукой крутанул барабаны, кинул взгляд на ящичек с патронами. Соль немедленно пересыпал в сундучок.

— Что случилось с людьми кардинала Жмыховича? — поляк был напряжен, как струна.

— Предполагаю, что все они погибли.— Портос помолчал, меряясь взглядом с Карапузом, потом, видимо, счел, что был недостаточно вежлив.— Когда караван пришел в город, тут было не до них. Огонь захватил всю северную часть и край леса. Насколько мне известно, святоши слишком долго простояли лагерем возле нефтяной трубы. Слишком долго, возможно две недели. Тем, кто родился по ту сторону Ползущих гор, нельзя больше трех дней дышать воздухом леса или пить его воду. Так же, как нам опасно уходить к песочной стене...

Ксендз уже раскрыл рот для следующего вопроса, но Христофор наступил ему на здоровую ногу.

— А куда направлялись эти люди? — неожиданно спросил трактирщик.— Я слышал, что здешний епископ собрал тогда в поход больше тысячи человек. Помнится, они скупили у нас весь запас овощей и даже просили уступить им всех коров...

До Коваля вдруг дошло, что хозяин насмехается над поляком. Портос был прекрасно осведомлен о целях похода, раз уж его сородичей принуждали к продаже мяса. Почти наверняка Бумажники неплохо работали на провианте, хотя знали, что здешние продукты иноземцам надо есть с большой осторожностью...

Коваль решил перехватить инициативу у ксендза, чтобы не превращать переговоры в ссору. Клаус переводил с явным напряжением, он гораздо хуже папаши освоил местный диалект.

— Вечный город? — как бы про себя проговорил трактирщик.— Ах, ну да, конечно. Дикари не скажут вам правды, хотя бы потому, что изрядно потрепали Великое посольство, как вы его называете. Они врут, что не было стычек. Посольство потеряло больше сотни человек в пещерах и около двух сотен — в Красном лесу. Многие хотели бы повернуть назад, но понимали, что самостоятельно не выберутся... Жильбер?

В дверь просунулась кудрявая, остроносая голова. Портос поднялся и, заслоня собеседника широкой спиной, быстро заговорил.

— Он послал людей к Хрустальным гробницам,— сквозь зубы сообщил Клаус.— Бумажники очень хитрые, они предпочитают все новости узнавать первыми.

Коваль в расторопности Бумажников нисколько не сомневался.

— Переведи уважаемому Портосу, чтобы его люди ни в коем случае, не пытались проникнуть в шахты. Там твой папа и Даяр — люди нервные...

Бумажник остановил немигающий взгляд на Артуре, затем кивнул и что-то сказал охраннику за дверью. Тот кинулся догонять Жильбера.

— Герр Портос благодарит вас за заботу,— переводил Клаус.— Он говорит, что надо быть отчаянными людьми, либо владеть грозным колдовством, чтобы осмелиться напасть на святыни Когтей. Герр Портос говорит, что никто из горожан не приближался к гробницам. Дикари убивали всякого, кто проявлял любопытство. Он не спрашивает, какие сокровища вы там искали, и что нашли, но очень плохо, что убиты Каменные когти. Очень плохо для всех.

Этой новостью Коваль счел необходимым поделиться с подчиненными.

— Вот те аюшки! — ошарашено поднял брови чингис.— Мы, выходит, рвали зад, чтобы енту пакость поубавить, а выходит, зазря?!

Портос задумчиво пощипал бороду. «Этот человек,— подумал Коваль,— такой же трактирщик, как я — оперная прима...»

— Мой младший брат и два двоюродных брата держат трактиры в восточной и южной части города. У нас есть бумага от предыдущего епископа, который лично предоставил нам право делать пиво и вино на продажу. Только мы делаем вино в городе. Вот уже двадцать семь лет. Но как только случается что-нибудь плохое, в первую очередь обвиняют нас. И поджигают наши трактиры.

Только наши коровы дают чистое молоко, годное на сыр. Наши отцы привели их из испанских гор, где не падали Желтые дожди. Мой дядя делает лучший сыр и меняет его, даже возит в Нанси и Гавр... Нет, в Гавр уже не возит, там опять светится земля, дороги отрезаны... Когда в городе было спокойно, за нашим молоком приезжали отовсюду. В очередь стояли! А за теленка давали трех лошадей! Но когда у них неурожай или падеж, они забывают о честной торговле. Они сразу начинают кричать, что надо пощипать жирных Бумажников, что мы хитростью заставляем их пропивать урожай в трактирах... Дело доходит до поножовщины и убийства детей.

Пять лет назад жить тут стало совсем непросто, многие уважаемые люди из моей общины еще тогда предлагали переселиться. В тот год земля рождала гниль вместо колосьев, а с востока налетела саранча.

Никогда раньше не водилось такой напасти. Потом начались болезни. Как вы думаете, кто оказался виноват? Мой друг, пивовар, говорит, что вы хозяин в большом городе. Мне даже не представить, как это может быть, чтобы рядом жили сотни тысяч человек. Если бы наши дети могли перенести такой дальний поход, я бы встал сейчас на колени и просил позволить нам переселиться. Потому что вы принесли нам очередную беду...

Но выжить за песчаной стеной... — в голосе Портоса вдруг послышалась страшная усталость. — Когда в городе все в порядке, жандармам плевать на наши обряды. Они охотно позволяют нам лечить людей, приводят сыновей, чтобы те научились плавить металл и обжигать кирпич. Они даже заставляют своих детей подглядывать, как мы добываем чистую воду. Но когда в городе становится плохо, а здесь это часто, отношение к нам резко меняется. Вы слышали, что на юге свирепствует чума?

Коваль вздрогнул. Маленький пивовар обрадовался, вспомнив, как звучит слово на немецком.

— Нам говорили, что епископ арестовал кучу народу по подозрению в колдовстве.

— Само собой, — мрачно кивнул хозяин. — Я допускаю, что без волшебства не обошлось, хотя в жизни не встречал ни одного настоящего колдуна. Те, кого я видел, могли убить комара или наслать икоту, но никто не умел отогнать ядовитые дожди или убить Железных птиц. А такой заразы, как чума, не припомнят даже старики. Тут, в трактире, иногда встречаются любопытные личности...

— Мы заметили.

— Что вы заметили? — остро глянул Бумажник. — В отличие от барышников, которые лижут зад жандармерии, я приглашал и буду приглашать под свой кров тех, кого сочту нужным. Если человек держит слово и ни разу не дал повода усомниться в своей чести, то остальное неважно. Вы понимаете, что я говорю? Или у вас, на севере, калек тоже закапывают в землю живьем?

Коваль не нашелся, что ответить.

— Да, не удивляйтесь. Как только рождаются уроды у них... Я имею в виду тех местных, кто родился здесь после Большой смерти. Они нянчатся с ними или суют в зубы кусок хлеба и пинком отправляют на большую дорогу. Если, конечно, от калеки нет пользы в хозяйстве. А стоит появиться уродам в семьях пришлых, как поднимается крик. Я не говорю о дураках. Достаточно, чтобы не хватало пары пальцев.

— И часто не хватает пары пальцев? — тихо спросил Коваль.

— Часто, — понурился Портос. — Я слышал, что женщины за песком потеряли способность к материнству, но, может быть, это лучше, чем пять раз подряд рожать калек, которых после нельзя... — от Коваля не укрылось, что трактирщик скользнул взглядом по двери. Артур с ужа-

сом представил себе ситуацию: каждый день видеть родных уродцев, прятать их в чреве корабля, годами не выпускать на улицу... — И тогда матери лучше самой убить своего ребенка, чем видеть, что сделает толпа,— закончил великан.

— А что же епископ? — побелевшими губами спросил Станислав.— Разве он не может остановить варваров?

— Его преосвященство? — наигранно удивился Бумажник.— Монсеньор Андре в этом вопросе целиком на стороне генерала. Они оба гордятся тем, что ведут род от ученых знахарей, живших в городе до Большой смерти. И оба цитируют книги, в которых сказано, что уничтожать калек абсолютно необходимо, иначе они расплодятся и погубят род людской. Поскольку население безграмотно, проверить генерала никто не может. Раз в месяц епископ читает проповеди, после которых его приспешники ходят с горящими крестами и проверяют всех родившихся младенцев.

Станислав сидел, как громом пораженный.

— Так я о чем? — как ни в чем не бывало, продолжал трактирщик.— Ко мне заезжают рыбаки с восточного побережья. Они порой доходят до Италии. Так вот, рыбаки говорят, что в Италии настоящий ад. Многие годы там было тихо и даже почти перестали рождаться уроды. Но в последние пять лет земля опять движется. Пить воду из рек нельзя, деревни вымирают целыми улицами... Поневоле поверишь в колдовство, я даже не пытаюсь никого переубеждать.

Но нам не легче от того, что плохо другим. Жандармы похватали женщин, живущих за кладбищами Большой смерти, и обвинили их в потраве. Человек пятнадцать уже сожгли, но чума стала только сильнее. Тогда кто-то донес епископу, что в общине Бумажников умирают намного реже, чем вокруг Лувра. Потом я имел разговор с жандармом. Он занят тем, что собирает куриный налог. Мы в хороших отношениях, если это можно так назвать, потому что каждый месяц вместо одной курицы, я сдаю ему две. Этот служака по большому секрету сообщил мне, что святые отцы подговаривают людей напасть на общину.

— Они заметили, что вы стали слишком богаты? — перебил Артур.— А они не утверждают, что вы воруете у христиан новорожденных детей и cedите из них кровь во время молитвы? И что именно поэтому чума не уходит из Парижа?

Не успел Клаус перевести, как на лице хозяина отразилось крайнее недоумение. Впервые богатырь был явно сбит с толку и смотрел на Ковалю, как на пришельца с того света.

— Откуда вы знаете? — выдавил он.

— Приходилось слышать,— уклончиво ответил губернатор.— Но при чем тут Железные птицы?

— Очень просто,— вздохнул трактирщик.— Если вы слышали эту чушь насчет детей, то можете понять, в каком напряжении мы живем. Мы сутками ожидаем нападения полудиких крестьян, которые не могут повторить за священником слова молитвы, но хорошо знают, где можно пожить. А теперь вы убили Каменных когтей. Это были старейшины основных кланов, насколько я представляю их иерархию. Кто будет кормить птиц человечиной? Пройдут месяцы, пока Когти восстановят жертвенник. Кто научит гробницы петь, если тайна утеряна?

— Никакой тайны нет,— сказал Артур и поведал страшную правду о вентиляции.

Хозяин «Свиньи со свистулькой» оторопел.

— Это серьезно? Значит, подманить птиц может любой ребенок? Это великое счастье...

— Да почему счастье?

— Потому что птицы с незапамятных времен не охотились в городе. Они привыкли, что их призывает песня, которая слышна вокруг на три дня пути. Они привыкли, что горожане умело прячутся. А теперь им будет негде пожить. Конечно, они найдут себе пропитание в лесах, потому что очень скоро там появится много трупов: среди Когтей начнутся драки. Но птицам гораздо проще начать воровать детей прямо с улиц. Как вы думаете, кого обвинит епископ в новой напасти? Ведь горожане не умеют отбиваться от птиц, а их великое множество.

Хозяин корчмы встал и, цепляя макушкой подолок, прошелся вдоль каюты. Коваль отметил, как по-хозяйски Портос назвал общину своей. Он украдкой взглянул на часы.

— Я плохо представляю, что творится на севере,— сказал трактирщик, возвращаясь за стол,— но добраться до Рима посольство могло более коротким и безопасным путем. Их об этом предупреждали...

— Кто предупреждал? — не сдержался поляк.

— Мы предупреждали,— не моргнув глазом, ответил трактирщик.— И другие, кто ходит на восток... Но епископ, как мне помнится, посмотрел на дело иначе. Этот... человек никогда не выезжал за пределы города и понятия не имеет, что творится вокруг. Он не только не дал посольству обещанное подкрепление, он отправил поляков еще южнее, в Испанию. Он убедил кардинала, что местные верующие присоединятся к ним на обратном пути, а за это время соберут пожитки и получше подготавливаются к переезду в Вечный город...

Затаив дыхание, Коваль слушал запинаящийся тенорок пивовара. Христофор сидел, полностью погруженный в себя, Карапуз пытался заигрывать с вяло рычащей собакой. Понимал Портоса только Станислав, который, судя по всему, был близок к истерике.

— Итак, он отправил их в Испанию, снабдив проводниками и провиантом. Насколько мне известно, с этим самым Жмыховичем пошли десятка два монахов из местного ордена. Что касается Бумажников, предлагавших за скромную плату проводить караван до Милана, епископ порекомендовал кардиналу не иметь с нами никаких дел. Жмыхович ожидал, что в Испании и на юге Франции он соберет еще тысяч десять сторонников или около того. Этого человека, скажу я вам, было не просто в чем-то переубедить.

— Сторонников чего? — переспросил Артур. — Ведь для избрания папы им совсем не нужна такая толпа, хватило бы нескольких сотен священников.

— А кто собирался избирать папу? — в глазах Портоса сверкнули злобные искры. — Насколько я понимаю, епископа Андре волновали гораздо более приземленные и благородные цели. Я хочу сказать, что ваши земляки, — трактирщик кивнул Станиславу, — действительно собирались отбить святой престол у язычников и выбрать божьего наместника. Но Андре смотрел и смотрит на дело иначе. Он и сам был бы не против стать наместником и кем-то вроде бога на Земле. Он отправил Жмыховича в самый центр Желтых болот. Там, конечно, есть тропы, и я нисколько не сомневаюсь, что монахи сумели бы обойти опасность. Более того, я не сомневаюсь, что в поисках лучшей доли к кардиналу присоединились бы крестьяне из Северной сьерры. Там очень непросто жить, знаете ли. Еще тяжелее, чем здесь.

Но монахи привыкли ходить по трое, а не вести за собой тысячную армию. Бумажники предлагали помощь, но епископ Андре сказал кардиналу, что нам нет доверия. Караван простоял две недели, многие заболели от воды, затем сменился ветер. Дым от горящего города понесло в сторону лагеря, и кардинал решил выступать на Мадрид. По крайней мере, мне так донесли. Он предположил, что наберет там новых солдат, и тогда будет проще разговаривать с местными властями. Они ушли. Судьба этой кампании меня больше не интересует.

Портос тяжелой ладонью прихлопнул по столу, давая понять, что тема исчерпана. Но оставалось еще кое-что, о чем не забыл Коваль.

— Вы сказали, что можете нам помочь. Назовите цену. Я так понял, что деньги здесь не ходят, но у нас есть оружие, лекарства...

— Я не отказываюсь от своих слов, — заявил трактирщик. — Если святой отец хочет найти остатки посольства или их могилы, вы должны сделать две вещи. Для начала, надо помочь избрать новых Каменных когтей, таких, чтобы их слушались все кланы и чтобы песня гробниц продолжала звучать.

— А второе? — спросил Коваль, словно студент, прилежно заносящий в конспект слова профессора.

Портос не показал, что удивлен столь легким согласием.

— Есть два человека из нашей общины, которые три года назад ушли с кардиналом в Испанию. Позже они вернулись; их возвращение иначе, как чудом, не назовешь. — Портос помедлил. — Они бросили общину не только из-за родственников... Это долгая история: споры с родителями, любовь... Главное другое. Их действительно увлекла эта затея. Они поверили, как поверили многие в городе, что если наместник бога сядет на святой престол, небеса простят человечество, и вернется рай. Чтобы уйти с полями, они вышли из нашей общины и поклонились кресту.

— Эти люди живы?

— Пока да, — предводитель Бумажников смотрел на Артура так, словно взвешивал, стоит ли доверить ему решающий пенальти в офтайме. — Поскольку в свое время брат и сестра покинули нашу общину сознательно, вернувшись, они поселились за кладбищами. Святоши Парижа все равно не признали их своими. Здесь не так много народу, чтобы спрятаться...

Коваль начал понимать, куда клонит бородатый контрабандист.

— Их обвинили в колдовстве неделю назад, когда умерли их соседи. Видимо, кого-то заело, что оба живы. И кстати, была жива скотина, которую кому-то захотелось прибрать к рукам. Во время проповеди у дворца Бурбонов кто-то выкрикнул в толпе, что нашу бывшую сестру видели ночью в крови. На кладбище. Именно то, о чем вы упомянули... насчет младенцев.

— Они оба выжили, потому что мылись и пили кипяченую воду, — сказал Коваль.

— Они выжили потому, что их хранил тот, кто хранит всех нас, — очень серьезно произнес Портос. — Поймите правильно. Мне не должно быть дела до отщепенцев, предавших веру и собственных родителей. Но иногда я думаю, что обоих ослепила юность. Когда они поклонились кресту, брату было семнадцать, а сестре — девятнадцать лет...

Возможно, их казнят завтра или послезавтра, если к тому времени не заразят чумой прямо в тюрьме. Кроме вас, вытащить их некому. Сумеете справиться с жандармами — они оба ваши. Насколько я слышал, дети дошли с посольством до съерры, так что разговорить их имеет смысл.

— Разве вы не можете их выволить? — набросился на Портоса ксендз. — У вас есть люди и оружие. Переведи ему, — повернулся Станислав к пивовару, — переведи, что я один. Эти люди добыли в гробницах что хотели и больше не станут рисковать...

— Мои люди тоже не станут рисковать, — холодно произнес трактирщик. — Если мы ринемся спасти преступников, это немедленно станет известно, и общину сожгут ближайшей ночью.

— То есть, вы снова пострадаете?

— Да, но на сей раз дело не ограничится дракой и поджогами. Они придут с ножами, как это было раньше...

Трактирщик прикусил язык, но Артур уже понял, что имелось в виду. Рано или поздно они всегда приходят с ножами и факелами...

— Хорошо,— сказал Коваль.— Допустим, мы нападём на тюрьму. Но нам нужен проводник, мы ведь не знаем, кого искать.

Станислав удивленно переводил взгляд с одного на другого. Он никак не мог поверить, что русский губернатор собирается влезть ради него в очередную аферу.

— Только после того, как я поверю, что песня гробниц не прервется,— холодно парировал Портос.

— Это самое легкое,— улыбнулся Артур.

Он велел Клаусу остаться, а остальным идти вместе с Карапузом заводить мотор. На самом деле, ему необходимо было избавиться от Станислава. Поляк это понял и вышел, как всегда, надутый.

По мере того, как губернатор излагал свой план, Бумажник все хуже справлялся с беспокойством. Он вскакивал и бродил по каюте, сотрясая палубу ударами подкованных сапожищ. Он трогал занавески, беспричинно выглядывал наружу и снова мерил комнату шагами. Коваль его прекрасно понимал: этому человеку предлагалось поставить на карту слишком многое. Но другой такой возможности, убеждал Артур, может еще сто лет не представиться. Да, это не совсем честно, а вернее сказать, совсем нечестно, но едва ли об этом кто-нибудь узнает, а если и узнает, большой беды не будет.

С другой стороны, всем огромнейшая польза. Если Когтей прищучить, то германским караванам в лесу откроется зеленый свет, а с мелкими бандами управиться станет несложно. Пивовары будут ходить через леса беспопытно. Когти перестанут грызться между собой, поскольку у них теперь будут не несколько Каменных мудрецов, а полное единоначалие. И для города польза. Набеги будут контролировать. А уж как внушить дикарям культуру и привить вкус к честной торговле, тут Бумажников учить не нужно...

— Мне надо посоветоваться,— рассеянно обронил трактирщик, но Коваль уже видел, что грандиозная перспектива захватила Портоса.— Можно вопрос?

Бумажник вдруг застеснялся, словно говорил с врачом о ночных фантазиях...

До уха Артура донеслось знакомое тарахтенье дизеля. Завели ведь, черти, с восхищением подумал он. Вокруг пахнут на коровах, ночуют в канализации, а тут такие самородки...

— Вопрос в обмен на вопрос,— предложил Артур.

— Хорошо. Вы не сказали главного. В Хрустальных гробах были живые демоны или нет?

Артур переглянулся с Клаусом. Врать не имело смысла.

— Завтра на рассвете,— пообещал он.— Как договорились, я вам все покажу и расскажу, и даже дам попробовать. Если они живы, вы сами пожмете им руки.

Он заметил, как трактирщик непроизвольно отряхнул ладонь.

— Теперь мой вопрос,— улыбнулся Артур.— Ваше настоящее имя ведь звучит иначе?

— С чего вы взяли?

— Эту книгу я читал в детстве.

— А я вот так и не прочел,— виновато улыбнулся Бумажник.— Так предложил мой отец. Это он основал трактир. Он считал, что я чем-то похож на героя со шпагой и мушкетом. Нас было пятеро у отца. Три сына и две дочери. Теперь остались двое: я и Атос... — Бумажник заметно помрачнел.— Настоящие имена вам знать ни к чему.

Когда Артур уже спускался по сходням, в иллюминатор высунулась носатая физиономия:

— Если вы читали книжку, скажите, чем закончились беды для моего героя? Он погиб?

— О, нет,— утешил Коваль.— Насколько я помню, он растолстел, женился на богатой вдове и стрелял уток в собственном имении.

От хохота великана дернулись лошади, мирно жевавшие сено у конюязи.

— Ну надо же! — неслось вслед.— Растолстел! Богатая вдова! Чтоб всем моим врагам так жить, как я толстею!..

16

МЕРТВЫЕ ПРОСТЯТ ЖИВЫХ

Из тех, кто проснулся, выжили двое. Моника Арро, двадцать девять лет, Сорбонна, биохимик, диссертация и ряд статей по обмену веществ в условиях холода, разработки прикладного, чисто медицинского направления. Ознакомившись с ее послужным списком, Коваль чуть не запрыгал от радостного возбуждения. Великим счастьем было то, что женщина не досталась всяким карамазам и прочим неприятным личностям. Губернатор уже ворошил в голове карты районов Петербурга, подыскивая подходящее помещение под новый институт.

От небрежных рассказов Моника захватывало дух. До прихода в институт, мадемуазель Арро успела поработать в фармации и вполне

представляла себе основы синтеза антибиотиков и гормональных препаратов. На вопросы Артура, касающиеся производства лекарств, она отвечала, что при наличии необходимой литературы и оборудования возможно все. А потом скромно сообщила губернатору, что и производство взрывчатки — не проблема... Теперь на Артура наваливалась новая забота: перелопатить по возвращении в Питер архивы библиотек и озадачить мастеровых...

Вторым был Орlando, который позабыл в капсуле даже собственную фамилию, не говоря уж о профессии и происхождении. Поначалу он мог только икать и морщил лоб, не в силах припомнить, где получал образование, но к вечеру немного отошел и начал изъясняться внятно. Выяснилось, что его отец итальянец, а сам он сносно говорит на английском, имеет докторскую степень и страдает миопией. Артур пообещал Орlando справиться очки в Петербурге и просто возликовал, когда узнал его специальность. Впервые за долгие годы город получал в свое распоряжение настоящего инженера-электромеханика, а не самоучек, путавшихся в словах древних книг. Впервые забрезжила надежда восстановить холодильные камеры, перевести на электротягу подземку, и, чем черт не шутит, вернуть в эксплуатацию трамваи...

Оба проснувшихся были в шоке. И самым страшным для них оказалась болезненная смерть товарища. Впоследствии, проверяя злополучную капсулу вместе с Моникой, Коваль убедился, что его вины в трагедии не было. У парня из первой капсулы началась необратимая кристаллизация крови, слишком быстро упало давление. И выжить он мог только, если бы рядом дежурила бригада реаниматоров.

Мама Рона весь день провела в обнимку с девушкой, баюкала ее, нашептывая тот десяток ласковых французских слов, что успела выучить за время пути. Взъерошенный, необычайно грязный Свирский прыгал, как раненый воробей, от одного Проснувшегося к другому и пугал их своей грамматикой.

В отличие от незабвенных супругов Дробиченко, которых Артур вернул к жизни в Москве, эти двое были людьми совершенно иной формации. Французы потянулись к Артуру, как новорожденные цыплята к наседке, и совсем не собирались оставаться на родине. Особенно после того, как вышли наружу...

Артур предупреждал их, что наверху они увидят руины, мутировавшую растительность и трупы Железных птиц. Он попытался описать это в самых ярких тонах и познакомил Проснувшихся со своей командой, предупредив Карапуза, чтобы тот не вздумал щипать или нюхать новую спутницу. Потом он показал ученым Лапочку. При виде тигра зеленые глаза Моника распахнулись так широко, словно решили выкачаться наружу.

Когда французов вывели на поверхность, Монику все равно стошнило, а Орlando от неожиданности даже икать перестал. Артур только порадовался, что по слепоте своей итальянец не увидел гору человеческих черепов.

«Им еще все это предстоит,— сквозь дрему думал Коваль у костра.— Им предстоит не сломаться, не сойти с ума, предстоит найти себя среди людей, а главное — уразуметь, что люди не стали ни лучше, ни хуже. И если они не сдадутся, им будет поручено столько дел, что хватит на десятилетия...»

С этой мыслью губернатор заснул, а очнулся, когда Христофор потрогал его за плечо. Над дубовыми истуканами догорали последние звезды. Красный лес шумел, как океанский прибой; с запада, оттуда, где красный цвет сменялся зеленью, ветер доносил отходную молитву волков по усопшим. Серые хищники издалика чуяли нетронутую мертвечину и угадывали временное поражение летучего соперника...

Моника и Орlando спали под грудой одеял. Парень постанывал, скрипел зубами; девушка часто просыпалась и от болей в животе не могла разогнуться. Свирский заваривал в котелке бодрящий травяной чай. Даляр уже проснулся и чистил пулемет. Карапуз ожесточенно скреб подбородок тупой бритвой. Мама Рона латала ему разорванный кафтан. Христофор, уставившись в огонь, отрешенно жевал сухофрукты. Борк со старшим сыном тихонько судачили, справится ли Бумажник Портос с поставленной задачей, и какие выгоды это принесет пивоварам.

— Я благодарен тебе, пан Кузнец,— к Артуру подсел поляк.— Я благодарен вам всем. Я знал многих, кто пытался найти Великое посольство, но все они потерпели неудачу.

— Мы тоже пока никого не нашли,— Артур подкинул дров в костер.— Мы не нашли, и, возможно, ты не найдешь.

— Я мог бы отправиться к генералу или к его преосвященству и попросить о разговоре с этими, детьми,— не очень уверенно заявил Станислав.

— Иди,— разрешил Коваль.— Только дай нам сначала уехать. Я не хочу видеть, как тебе отрубят башку.

— Нет... Ты прав, мне никто не ответит,— понурился поляк.— Я пойду с вами. Но что вы будете делать дальше?

— Это комплимент? — усмехнулся Коваль.— Намекаешь на то, что взять тюрьму в чужом городе, для нас — что орех расколоть, да? Но мы же не спецназ, мы всего лишь этнографы...

Станислав захлопал глазами, переваривая незнакомые слова.

— Лучше думай, что будешь ты делать дальше. С нами все ясно: дай бог, чтобы не заглох железный конь, и поскорее до Кшиштофа добраться.

— Ты не хочешь вернуть своих коней?

— Не хочу. Вообще не хочу больше драться... Сегодняшнего утра это не касается. Мы доведем забаву до конца. Считай, что это последняя часть нашего контракта. Если те двое ведьмаков, которых ждет костер, ничего не знают, я умываю руки.

— А если они что-то знают?

— В любом случае мы отчаливаем. Если хочешь, у меня осталось верхнее, боковое, у туалета. Не устраивает — оставайся тут.

— Не обижайся на меня, пан Кузнец,— неожиданно робко заговорил ксендз.— Я только хотел попросить совета, как мне поступить. Ведь на моих глазах свершилось великое чудо...

— Чего енто с ним? — к костру подошел сонный Карапуз.— Эка его мнет, бедолагу, аж с лица спал!

— Ты о каком чуде толкуешь, мил человек? — спросил полковник.

— Как это? — Станислав обескуражено обвел глазами собеседников.— Пан Кузнец разбудил могучих книжников, чтобы те принесли нам светлое знание... Неужели они ничем не помогут мне, пан Кузнец? Неужели они не знают, как спасти святой престол?

— Только этого мне не хватало,— скривился Артур.— Это люди, обычные люди, они ничем тебе не помогут.

— Тогда я не понимаю! — окончательно растерялся ксендз.— Ты идешь на смерть и хоронишь лучших воинов ради книжников?

— Выходит, что так.

— Извини, пан губернатор, но это неразумно. Нет, это просто безумие, или ты смеешься надо мной! Оплакивать одних, чтобы воскресли другие?!

— Я сам об этом все время думаю,— признался Артур.— Почему мы жертвуем одними близкими ради других? Я думаю, вот почему. Семен и Лю простили бы меня за такие слова. Они были смелые и добрые ребята, возможно, гораздо лучше нас с тобой. Но они не могли превзойти самих себя, понимаешь? А ученые, которые спали в гробницах... Очень может быть, что они спасут жизни сотен наших детей или помогут запустить электростанцию.

Ксендз надолго замолчал, обдумывая последние слова. Он искал подвох и не находил его. Артуру даже стало его немножко жалко; у поляка словно отобрали детскую мечту.

— Я не знаю, что такое электро...станция,— угрюмо произнес святоша,— но я всегда полагал, что господь помогает тем, кто искренне предан ему. Иначе он бы не спас горстку преданных в страшные годы Большой смерти. Я пошел с вами, потому что глубоко уважаю Хранителя Кшиштофа. Этот человек, хоть и не носит Крест, в душе честен и справедлив. И он сказал мне, что я могу доверять тебе. Но ты взял на себя тяжкую ношу, пан губернатор.

— Я несу ее давно. Не беспокойся, пан Станислав, я знаю, что ты хочешь сказать,— тихонько засмеялся Артур.— Гордыня пытается меня обуздать, непрерывно пытается. Но у нее ничего не выходит: я слишком сгорблен под своей ношей...

Ксендз еле заметно покраснел.

— Если ты не рассчитываешь на их тайное волшебство, как же ты собираешься воевать в одиночку против целой армии? Я бывал тут и даже дрался с жандармами. Это совсем не глупые Когти, у жандармов есть ружья и пистолеты, а еще собаки...

— Слышь, братка, ну не зря ты в попы пошел! — не выдержал чингис.— Ты что, взад нас отговаривать решил?

Артур нахмурился. Ему совсем не хотелось принародно обсуждать планы сепаратных сделок с Бумажниками. В случае успеха, русская дипломатия неожиданно приобретала вес в самом центре Мертвых земель... с совершенно непредсказуемыми последствиями.

— Пойдем-ка, лучше, пан Станислав, расскажу тебе сказку под названием «земля-воздух». Слышал о таких игрушках?

— Командир, а может, я? — почти жалобно проблеял Карапуз. Ему никогда еще не удавалось пострелять настоящими ракетами.

— Нет, капитан, ты ее понесешь.

Коваль демонстрировал поляку особенности древней военной техники, а сам думал о Христофоре, который никогда не говорил лишнего и никогда не ошибался.

Им предстояли еще одни похороны.

17

НАСЛЕДНИКИ ЗОРРО

Выступили задолго до рассвета. Благодаря Борку, поймавшему лошадь, удалось избавиться от самой тяжелой поклажи. Бронетранспортер наделал много шума, так что и думать было нечего опять переться на нем в столицу. Наверняка, город все еще мусолил вчерашнюю стрельбу.

Шли молча. Впереди Клаус, как самый зоркий, за ним Станислав и Артур с Христофором. Карапуз плелся замыкающим. Впервые за долгие недели похода губернатору пришлось выдержать дисциплинарную баталию. Сначала Даляр не пожелал оставаться в лагере. Затем Борк заявил, что пойдет на штурм тюрьмы вместе с сыном. Ковалю еле-еле удалось убедить старшего пивовара, что в случае неудачи лишь он один

сможет вывести Проснувшихся к песчаной стене, поскольку Фердинанд еще не оправился после контузии.

Отдельную проблему представлял Христофор. В качестве боевой единицы толку от него было мало, но отказать сыну Красной луны у губернатора язык не повернулся. За невнятными предсказаниями колдуна Артур чувствовал нечто важное, определенно касающееся всего отряда. Брала верх выработанная годами привычка доверять неуловимым приметам. Неясное слово, изменившийся цвет облаков, рябь на воде — все играло роль в мире, где равновесие оставалось болезненно хрупким.

Они могли вернуться, но упрямо шли вперед. Древняя столица Европы ждала свою жертву.

Передвигались походным шагом, почти не скрываясь, но нападать никто и не собирался. Несколько раз Клаус замирал, подняв руку, Митя хватался за секиру, но все обходилось. Кто-то пересекал отряду дорогу и растворялся в развалинах. Стайка ночных зверей попыталась однажды преследовать боевиков; лошадка занервничала, чуя хищников. Артуру пришлось остановиться и зарычать. Стая мгновенно отвязалась, и никто так и не узнал, собаки это были, волки или кто-то другой...

Когда впереди заискрили первые костры предместий, луна уже добралась до вершины и катилась вниз по протоптанной молочной борозде. Из кустов негромко свистнули, и на бульвар шагнули две тени. Жильбер, курьер трактирщика, словно созданный для тайных делишек (Коваль узнал его по кудрявой голове), и Мендель, один из невыездных жителей шхуны. Карлик был одет как дирижер симфонического оркестра; во мраке поблескивали латунные пуговицы его обрезанного фрака.

— Пошли, — сказал карлик и провалился под землю.

Следующий час пробирались в колонну по одному. Казалось, что гном кружит нарочно, выбирая самые гнусные трущобы. Из-под ног с писком разбегались крысы. С просевших, покосившихся арок капала за шиворот вода. Пока потоки грязи не забили жерло трубы, шли по канализации; затем выбрались наружу, в тылу патрулей. Жильбер посадил Менделя на плечи. Карлик цепко сжимал в волосатой ручонке крошечный арбалет, а второй указывал дорогу. Дважды бегом пересекали открытое пространство. Крались под мостами, по колено в стоячей, насыщенной гнилью, почти горячей воде. Каждый вздох отдавался под сводами гулким, многократным эхом. По команде малыша перешли вброд реку. На мостах и на противоположном берегу прогуливались ночные сторожа с собаками...

— Здесь, — Мендель дыхнул чесночной отрыжкой, в туманном свете луны показались пеньки гнилых зубов. Жильбер присел, опуская карлика на землю.

Это была не земля, а узкий каменный парапет под сводом скользкой опоры моста. А выше парапета Коваль скорее почувствовал, чем увидел пустоту. Мрак тут стоял крошечный, воняло так, что дышать можно было только ртом. Под толстой подушкой мха зияла неровная, заросшая водорослями дыра вентиляционного колодца. Края трубы осыпались, из щелей торчали ржавые прутья решетки, изнутри тянуло затхлым запахом подземелий. Артур напрягал зрение, но не видел ничего, кроме прогнувшихся крюков со свисающими пучками кабеля.

— Держаться правой стены,— прошептал карлик.— Свет не зажигать. Будет темно, пока не попадете в разлом. Там светлее, а под ногами бесконечные железные бревна, это называлось метро. Пойдете на юг по правому ряду бревен. Факелы не зажигайте: наверху полно дыр, и вас могут заметить. Упретесь в машину с железными колесами, она ездил по бревнам. Там поднимитесь наверх. На стене должно быть написано «Станция „Веренна“», ты поймешь,— Мендель кивнул Клаусу.— Как выйдете, наверху будет стража, ее придется зарезать, а иначе не пройти. Я бы прошел, Жильбер бы прошел. Вы не пройдете.

— А дальше?

— Ищите Западный вход в Собор Инвалидов, туда генерал привозит воров и ведьм. Тех, кого вы ищете, зовут Огюст и Ева.

— Насколько я помню, там раньше был музей старинных доспехов? — спросил Коваль.

— Там стоят пушки,— кивнул Жильбер.— А на стенах всякие надписи про войны, которые были в древности. Еще там есть смешные игрушки для детей. Все, как настоящее, только очень маленькое.

— Сколько там людей?

— Сотни три примерно ночует в Южном крыле. Это «долговые» люди, и жандармы. Но сейчас большинство налоги по деревням собирает.

— Что такое «долговые»?

— Крестьяне, которые не расплатились с церковью или генералом, нанимаются драться с Когтями за харчи.

— Вам пора,— озабоченно сказал карлик.— Портос обещал вам лошадей, мы будем ждать возле аэропорта.

— Там, где лежат машины с крыльями,— уточнил Жильбер.

— Мы уйдем, когда солнце коснется крыши собора,— обнадежил Мендель.

— И никому не скажем, что видели вас.

— И уведем лошадей.

— Мне тоже было приятно познакомиться,— поклонился губернатор и первым нырнул в дыру.

В метро они немного заблудились, вылезли наверх через другую станцию. Но громаду Дома Инвалидов невозможно было спутать ни с

чем. Дисциплина стражи оставляла желать лучшего. Карапузу даже не пришлось никого убивать, он подставил плечо и по одному протолкнул «десантников» в разбитое окно. В темных, закопченных анфиладах пахло сырým деревом и мышами, но в привычную атмосферу заброшенного музея вторгалась тяжелая вонь паленой плоти. Потолкавшись в коридорах среди крошева витрин и обрывков штандартов, войско Ковалы выбралось к окнам внутреннего двора. И сразу же стало ясно, почему западный вход не охраняется. Только любители мертвечины могли составить компанию сотням воронов на месте казней.

После короткого совещания Артур и Клаус, уже не опасаясь тревоги, поднялись этажом выше. Остальные бесшумно разбежались в ожидании приказа.

Посредине квадратного плаца дожидались своих жертв эшафот и три столба. Ковалю казалось, что запах аутодафе навсегда пропитал творение французских зодчих. Теперь стало заметно, что комплекс пострадал гораздо сильнее, чем казалось вначале. Купол собора отсутствовал, оставшаяся часть походила на гигантский сломанный клык. Большая часть галерей Южного крыла обрушилась, сквозь проломы музейных окон виднелись шатры и слабые огоньки костров. Видимо, церковное начальство, несмотря на множество свободных помещений, не пропускало крестьян на постой.

Теперь, когда рассвет окончательно вступил в права, Артур позволил себе прилечь спиной к окну и осмотреть парадные покои французской истории. Смотреть было почти не на что. Под потолком, вдоль барельефов с батальными сценами, висели огрызки вымпелов, принадлежавших славным полкам империи. От роскошных паркетов осталось несколько щепок по углам. Лишившиеся рам холсты догнивали возле крысиных нор. Под ногами хрустел крысиный помет, в углах гроздьями висели ласточкины гнезда.

Снаружи донесся дробный цокот и пьяные смешки; конный патруль объезжал территорию. По крышам разгуливали часовые. Коваль насчитал четверых, и еще как минимум двое, находились где-то выше. В тюремном подвале, по словам Жильбера должны были сторожить собаки, а часовые имели инструкцию стрелять при малейшем намеке на вторжение. Поскольку воры не раз пытались выручить товарищей, была придумана оригинальная схема защиты. В случае опасности тюрьму перекрывали решеткой и затапливали...

Так что разумнее было подождать.

Со вторым криком петухов двор начал заполняться людьми. Десятка три молодых парней, в плисовых штанах и кожаных, шнурованных безрукавках, оцепили помост перед внутренними воротами. Огнестрельного оружия у них не имелось, но алебарды и сабли выглядели устраша-

юще. Другая партия жандармов катила пучки толстых, заостренных кольев, похожих на противотанковые ежи. Их вбили в землю широким полукругом и растянули между ними колючую проволоку, окончательно отделив лобное место от зрителей.

Зрители появились скоро: нужно было успеть занять самые выгодные места возле сцены. Грохоча лысой резиной, во двор, один за другим, вкатывались экипажи. На козлах сидели усатые дядьки в шляпах с перьями, но босиком. Из окон карет, с важным видом, выглядывали женщины, спрятавшие волосы под самыми диковинными головными уборами. Кто-то повязал лоб платком, кто-то носил чепчик, но встречались и дамы в мужских беретах.

Многие посетители проникали во двор не через ворота, а сквозь две колоссальные пробоины. Половина южного крыла давно превратилась в гору обломков. Прямо на собор когда-то свалился самолет и снес треть дворцового комплекса. Останки хвостовой части до сих пор торчали над землей...

Артур все острее ощущал себя попавшим в эпоху ранних Бурбонов; очевидно, на площадь, оттеснив простой люд, съезжалась местная аристократия. Первой каретой был строительный вагончик, довольно искусно разрисованный оскалившимися львами. Следом вкатилась платформа от тягача с привязанным сверху трейлером. На крыше трейлера, жеманно обмахиваясь платками, восседали две девицы, наряды которых придавали им отчетливое сходство со светофорами. Третьим показался прогнивший, но ловко залатанный «геленваген» на колесах от грузовика. Еще одна пара коней, надрываясь, тащила за собой кабину полуприцепа «рено». Глава семейства держал вожжи прямо сквозь раму лобового стекла, его супруга величественно сидела рядом, а на платформе, в креслах, попивали утренний кофе еще четверо благородных дам.

Артур чуть не забыл, зачем пришел, настолько интересно оказалось следить за проявлениями возрождающегося снобизма.

Пропустив кареты, во двор въехали всадники на лошадях и ослах, а за ними хлынула толпа оборванцев. До этого момента у Артура еще теплилась мысль, что простолюдинов на такие спектакли загоняют насильно...

Реальность оказалась потрясающе далека от иллюзий. Сотни и тысячи горожан со всех сторон обтекали площадку, обозначенную цепью часовых, норовили забраться повыше, расставляли принесенные с собой скамейки. Десятки пацанов карабкались по карнизам на второй этаж. Артур уже начал бояться, что и к ним в окно кто-нибудь запрыгнет. Поток людей через западные ворота не прекращался. Легкий шест разговоров постепенно перешел в неумолчный гул, и вот уже стало казаться, что сам воздух дрожит от безостановочного рева тысяч

глоток. Внизу ругались и целовались, дрались и играли в кости, в окулярах бинокля выплывали то перекошенные разбойничьи рожи, то милые румяные личики девушек.

Внизу топталась и шумела возбужденная масса. Очень скоро должен был появиться тот, кто дергает здесь за ниточки. Брызгая слюной и обличая, он заставит людей раскачиваться в едином порыве, пока люди не исчезнут, и не останется один страшный зверь, ищущий жертву...

— Идиоты,— сказал Коваль.— Странно, что при такой скученности они еще не передохли. Впрочем, у нас не намного лучше...

Он замолк, вспомнив три большие эпидемии, которые городу пришлось пережить уже во время его правления. И ничто: ни заставы на дорогах, ни карантин — не могло остановить болезнь, пока заразу не убивала зима. И никакими увещеваниями нельзя было заставить жителей правого берега Невы не пить воду оттуда, где купают лошадей...

На помосте появились мальчишки в сутанах. Одни держали скатанный ковер, другие растягивали подпорки балдахина. Пока служки оформляли место для иерарха, открылись ворота в северной части, и «из-за кулис» к столбам подкатилась телега, доверху груженная хворостом. По толпе прошел возбужденный, радостный шумок, от которого Артура слегка передернуло. Пейзане убедились, что сегодня утром предстоит развлечение, кого-то заживо сожгут, а это гораздо интереснее виселицы и топора.

— Мы у себя, на севере, ничем не лучше,— повторял себе губернатор, обшаривая биноклем сотни голов.— У нас так же веселятся при виде чужого горя и общественных наказаний ждут, как праздника. А стоит мне заикнуться, что негоже раздувать инстинкты, как обрушиваются со всех сторон: и книжники, и собор, и гвардия. Все считают, что чем нагляднее для народа, тем лучше...

— Смотрите, это генерал,— толкнул Коваль в бок пивовар.

— Неплохо смотрится,— одобрил Коваль.— И сам большой, и конь красивый, только с рожей что-то не в порядке.

— Говорят, его в детстве порвала Железная птица, но мальчик сумел от нее отбиться ножом. Мне не достать его из обреза, герр Кузнец, слишком далеко...

— Боже тебя упаси,— подпрыгнул Коваль.— Мы договорились боевых действий не затевать. Кроме того, я обещал Портосу, что не буду убивать местное начальство. Одних прикончишь, придут другие, еще более голодные и злые. Жди сигнала и думай о том, как будем ноги уносить!

Внезапно первые ряды зашевелились, подтягиваясь поближе. Под овации толпы, на помосте возник полный, обрюзгший человек в нарочито грубом одеянии. На фоне мешковины, изображающей мантию, ярким пятном вспыхивал на солнце золотой крест. За спиной епископа

двое юношей в капюшонах установили двухметровое распятие и подняли белый тент. Легкий ветерок шевелил истлевшее золото бахромы и тяжелые, волочащиеся по доскам помоста, кисти.

— Что он говорит? — Артур грудью навалился на скрипучий подоконник, чтобы увидеть, что происходит внизу. А внизу, на травке, расположились десятки припоздавших семейств. Не особенно прислушиваясь к проповеди, они балагурили, передавали друг другу бутылки и куски копченого мяса. Некоторые, тут же, среди пасущихся лошадей, развалились спать. Все ждали, когда начнется самое интересное.

— Епископ Андре говорит, что господь послал нам тяжкие испытания и болезни, чтобы проверить веру. Так было раньше, и так будет впредь. Не каждому будет дарована жизнь, но лишь тем, кто внимлет гласу небесному и поступает так, как того требует законы, установленные властью... Так, это не понимаю... Он говорит, что ему было предзнаменование. Чума закончится, и Железные птицы покинут город, если мы сумеем изгнать из своих сердец злые мысли, а из города изгнать бесов, притворяющихся людьми... Тогда наступит общее покаяние.

В передних рядах, не видимых из-за стоящих вплотную повозок, начали всхлипывать женщины. Его преосвященство умел быть убедительным.

— Он говорит, что всякий, в эти тяжкие дни, должен покаяться и внести свою лепту в укрепление власти божеской и земной. Он благословляет храбрых жандармов генерала Аваля, с честью держащих на своих плечах все заботы о безопасности нашей прекрасной столицы...

В эту секунду снизу раздался шум драки. С риском быть замеченным, Коваль еще раз заглянул вниз. Двое молодцев в безрукавках и одинаковых шапочках с околышами, пинками поднимали уснувших крестьян и заставляли их идти к помосту. Забытые в суете дети черпали ладошками воду из лужи и жадно пили.

Артур перевел бинокль на северные ворота. Из темного зева подвала, жандармы выволокли троих мужчин, со связанными руками и мешками на головах. Все трое за шеи были связаны между собой другой веревкой.

— А вдруг это они? — разволновался Клаус.

— Не они. Ведьмаков жечь положено, а у них и костры-то не готовы, — уверенно заявил Коваль, и тут же, чуть не поперхнулся, когда стражники стянули мешок с головы крайнего арестанта. Это оказалась женщина, но не та, которую они искали. Преступнице на вид можно было дать лет сорок, длинные спутанные космы закрывали кровоподтеки под обоими глазами, губа была тоже разбита.

Жандармы втащили арестантов на помост, в стороне от ковра, освободили их от мешков и поставили на колени. Епископ продолжал гово-

рить, его поставленный, оперный баритон окреп, поднимался все выше над притихшей площадью. В первых рядах уже не всхлипывали, а плакали, зажимая рты руками. Артур видел, как забилась старуха в руках у молодых родственников. Потом, левее, без сил упала девушка, сдавленная толпой. Солнечные лучи падали все отвеснее, казалось, что от людской массы поднимается жаркая волна. Запах вчерашних мертвецов перебил ароматами конского пота, кислого вина и множества, давно не мытых, человеческих тел. В гуще толпы начиналось медленное брожение, словно пустила первые пузыри закваска гнева, брошенная рукой соборника.

— ...Тереза и Антуан, жили подаянием... но вели себя как благочестивые прихожане, пока дьявол не соблазнил их... Антуан подбил брата на мерзкое дело... Ах, спаси нас, Лютер!

— Да что они натворили, в конце-то концов? — Коваль шарил биноклем по ряду окон в противоположном, восточном крыле, отыскивая Станислава. Там было намного оживленнее, отовсюду высовывались головы любопытных, даже на крыше, среди зияющих прорех, сидели группками вояки и заворожено слушали пастыря.

— Он говорит, герр Кузнец, что эти трое спутались с разбойниками-уродами из Нанси, проиграли им в карты свое слово и собирались идти с разбойничьим караваном.

— Разве караван может быть разбойничьим? — ксендза Коваль так и не нашел, но это лишь означало, что тот ловко спрятался. Зато нашелся Карапуз, невозмутимо сидевший на коньке крыши, там, где минуту назад несли вахту двое часовых.

— Я не слишком понимаю, герр Кузнец, — повинулся пивовар, — но, по-моему, речь идет о том, что Бумажники ведут дела с уродами, а епископ это давно запретил. Я слышал от отца, что весь вред от уродов состоит в том, что они не платят пошлин генералу. А тех, кто соглашается платить, уродами и разбойниками уже не называют. Их называют братьями, преданными друзьями, и позволяют торговать на площади перед Лувром. Только с такими купцами мало кто меняется, потому что после уплаты каждой четвертины у них все становится слишком дорого. Остальных, кто платит десятину за торговлю Просперу, тех обзывают разбойниками.

Эти трое несчастных проигрались в карты в одном из трактиров Бумажников. Сначала они проиграли скот, затем пожитки, семена, и, наконец, свое слово. Тогда они, вместо того, чтобы отработать у разбойников, побежали жаловаться жандармам. Но сначала, они, как бы, согласились, и парни из Нанси провели их за город, где прятался караван.

Эти трое выдали жандармам караван, разбойникам удалось скрыться, но часть скота люди генерала отбили. В результате Тереза и ее дружок, вместе с братом, сами угодили в тюрьму, потому что указали на

своих проигранных коров. Они попались из-за собственной жадности, потому что на коровах стояло клеймо монастыря.

— То есть ребята сами их украли, еще раньше? — в тишине, прерываемой лишь выкриками епископа, Коваль отчетливо услышал далекий гул. Пока еще очень слабый, но отсюда и не должно быть слышно сильнее. Гул означал, что старина Борк открыл синий кран.

— Точно, сами и украли,— усмехнулся Клаус,— но не заметили клейма.

— Думаешь, их казнят?

— Монсеньер Андре спрашивает прихожан, как же ему поступить с теми, кто покусился на имущество монастырской братии. Он спрашивает, что уготовано на том свете псам, трижды пренебрегшим милостями отца нашего. Они замахнулись на скромное имущество братьев, кто днем и ночью молил у всевышнего в их защиту. Кстати, герр Кузнец, мой отец говорит, что монастырь богаче всех горожан, вместе взятых, потому что после казни каждого отлученного им отходит все имущество.

— Я даже не сомневаюсь! — Артур подтащил мешок и начал бережно выкладывать на пол содержимое. Внизу забеспокоились лошади. Скоро и люди почувствуют неладное, просто все слишком увлечены...

— Теперь епископ кричит, что среди честных прихожан развелось много иноверцев, которые обманом втягивают братьев и сестер в свои подлые делишки. Эти три заблудшие души, что стоят сейчас перед нами, они должны были угнать в Нанси лучшую скотину, а что получили бы наши раздетые и разутые детки взамен? Кто разбогател бы, как всегда, за счет нашего кровавого пота? Кто захватывает наши лучшие земли, кто разоряет соседей и наводит порчу на нашу скотину?!

Тысячи людей внизу уже не молчали. Головы наклонялись друг к другу, перешептывались, слышались отдельные выкрики. Затем в троицу, стоящую на коленях под виселицей, полетели гнилые овощи.

— И третье преступление состоит в том, что негодяи, даже после того, как им стало стыдно, и они сами изобличили разбойников, все же пытались отвертеться от праведного суда и получить назад ворованное имущество...

Ни Артур, ни Клаус так и не узнали, какой приговор ждал воров, потому что в эту секунду часовые на колокольнях собора ударили в набат. Им немедленно ответили звоном другие церкви, над крышами поднялись тучи ворон, и людская масса пришла в неистовое движение.

Над городом заметили Железных птиц.

Коваль немножко опасался, что после трепки, которую получили мутанты в развалинах, они не придут на зов, но голод, видимо, оказался сильнее благоразумия.

Люди стремительно разбегались, в центре началась давка, кто-то орал дурным голосом. Стоявшие крайними полезли в окна первых этажей, но

в северном и восточном крыле проемы были заколочены. Но приученные к налетам горожане оказались хитрее, чем ожидал губернатор. В дальнем углу двора, за коновязью, вдруг обнаружились широкие железные щиты. Жандармы скинули с верхних этажей цепи, потянули, и в земле открылись достаточно глубокие землянки. Народ посыпался в ямы, как горох в мешки. Богатеи залезали под собственные повозки, лошадей заставляли ложиться и накрывали плотными попонами.

Епископ и генерал с охраной исчезли, на помосте остался вытертый ковер, балдахин и потемневший крест с распятой фигуркой. Артур поднял бинокль в небо. Под ним, на первом этаже, крестьяне продолжали забираться в окна, а в противоположном конце двора жандарм волок под помост троицу преступников.

— Пора! — сказал Коваль и выпустил гранату, целясь в северные ворота, откуда привели неудачливых картежников. На площади еще оставалось не меньше двух тысяч человек, не успевших спрятаться, застрывших между колючей проволокой ограждения и стоящими вплотную экипажами буржуазии. Тамошняя публика делилась на две категории. Это были самые ловкие любители зрелищ, прорвавшиеся в первые ряды, а также религиозные фанаты, исступленно встречавшие каждое слово епископа.

Накануне Коваль долго пытался у Когтя Луи насчет повадок птиц, также проконсультировался у подопечных Портоса, и знал наверняка, что в семь утра нападения на город исключены.

Такого не случалось очень давно и поэтому вызвало панику. Но паника должна будет очень скоро закончиться, как только посты на башнях поймут, что клин опять прошел стороной.

Очень мало времени...

Клаус уже скользнул вниз, по веревке, и мчался навстречу бегущей толпе, уворачиваясь от обезумевших женщин. Граната Артура попала не в ворота, а в проем между окнами первого этажа. Тоже неплохо, похвалил себя Коваль, наблюдая, как в дыре мечутся фигурки жандармов.

С восточной крыши ахнула ракетная установка Станислава. Здоровенный помост, площадью в двести квадратов, поднялся в воздух и вернулся на землю в виде горящей трухи. Одну из виселиц, взрывом, перебило на три части; падая, они зашибли запряженную в фургон лошадь. Три другие лошади, плюнув на попоны, рванули с места, и тяжеленная повозка врезалась в самую гущу толпы, оставляя после себя дорожку из раздавленных тел.

— Ах, дьявол! — сорвалось с губ Ковалья, но больше он произнести ничего не успел, потому что последовал эффектный выход Карапуза. Митю, наконец, заметили на крыше и попытались взять в плен. Всякий, кто пытался взять в плен Карапуза, совершал большую ошибку, но когда

наступало раскаяние, уже бывало слишком поздно. Дело в том, что чингис располагал к тому, чтобы его хотелось скрутить, связать и притащить к начальству. Он был слишком большой и аппетитной добычей, к тому же, издавдал казался толстым и неповоротливым.

Никто не предупредил жандармов, что они имеют дело с парнем, способным поднять лошадь, и пройти с ней через Дворцовую площадь.

Митя столкнул с крыши четверых, затем еще двоих. Чингису мешало снаряжение, поэтому он слегка замешкался, проталкивая туловище в дыру. В чердачном помещении его тоже ждали, и снова сделали ошибку, не прикончив издавдал. Коваль через всю площадь наблюдал, как Митя спускается вниз по лестнице. То есть, самого капитана он не видел, просто из окон вылетали люди, все ниже и ниже, по мере того, как Карапуз достиг первого этажа. Потом бабахнула граната, за ней еще одна, и в здании начался пожар.

Митя любил пожары и устраивал их везде, где только мог. Ему нравилось смотреть на огонь, потому что огонь был сильным и никому не подчинялся. Теперь солдаты прыгали из окон без Митиной помощи, просто внутри становилось жарко.

Коваль с трудом нащупал среди беснующихся горожан черное пятнышко; Клаус пробрался через ежи и юркнул под длинную телегу с дровами, заготовленными для костра.

Вторично ударила ракетница Станислава, и с противоположного края, ей ответили три мощные разрыва. Это затесавшийся в толпе Христофор закидывал ручные бомбы в окна первого этажа. Внимание растерявшихся жандармов, кое-как сохранявших видимость оцепления, мигом переключилось на колдуна. Захлопали выстрелы, но парень уже скрылся в трещине, проделанной когда-то носом аэробуса. Ракета ксендза угодила прямехонько в дверь, куда изволил отчалить его преосвященство. За дверью, крайне некстати, пряталось человек пятнадцать. Все они ждали птиц и смотрели на небо сквозь провал в крыше. Когда кусок перекрытия встал на ребро, вывернув несущие балки, будто они были из пластилина, Артур успел заметить горстку лиц, закинутых вверх.

Люди так и не поняли, откуда пришла смерть.

Часовые на крыше не знали, в кого стрелять. Многие побросали оружие и проворно спускались вниз. Станислав прятался в одной из сотен комнат, отыскать его было совсем не просто, тем более что с двух сторон комплекс затягивало дымом, плюс по центру, в основании собора, рвались бомбы. Там гулял расшалившийся Карапуз.

Коваль подождал, пока повозка с трейлером и двумя пляжными зонтиками наполовину проедет в ворота и, стараясь метить в колеса, пустил гранату. Удалось как нельзя лучше. Судя по визгам, барышни внутри остались невредимы, а транспорт мягко завалился на бок, преградив

путь вражеской коннице, квартирующей в поле. Теперь можно было вплотную заняться поисками Евы и ее брата.

Клаус ждал под повозкой с дровами, пока поляк выпустит третью ракету. По полю металось еще сотни три народа, но колокола уже лупили отбой.

Северные ворота выскочили из стен, вместе с косяком, на столбе пламени, пронеслись метров десять и врезались в телегу с ветками. Пивовар едва успел откатиться в сторону. В образовавшийся проем шагнул, черненький от копоти, Христофор с ракетницей на плече, за ним семеня поляк. Клаус прыгнул к ним, и в мгновение ока, все трое исчезли в клубах дыма.

Молодчина Христофор, восхищенно подумал Артур, нашел поляка и подобрался с обратной стороны! Вот так балласт, а ведь до этого пистолета в руки не брал...

Митя где-то застрял, но он был жив. Коваль слышал, как твякает автомат. Подобрал с пола пожитки, Артур, что было сил, припустил по коридору. За поворотом наткнулся на людей; завидев черта, увешанного ножами, отважные защитники собора, голоса, прыснули в стороны.

Еще поворот, и снова люди. На сей раз, вооружены, и на пути самая настоящая баррикада. Артур краем глаза косил в пролетающие окна, он уже одолел половину квадрата, оставалось совсем немного, чтобы присоединиться к ребятам.

Успел заметить, как вскидывают ружья, что-то у них в руках было невероятно древнее; с такими стволами впору на слона ходить! Привалившись спиной к косяку, зарядил гранату. В сумке осталось две штуки, и ствол можно выбрасывать. Развернулся, выстрелил. Пока они думали, за завалом из бревен, отошел в сторонку. Подождал чуток, обошел параллельным коридором. Даже не коридором, а сквозь дырку в стене. От баррикады мало что осталось, а вокруг, истекая кровью, лежали четверо мальчишек. Совсем пацаны, старшему было примерно, как...

«Примерно, как Николаю», — заставил себя выговорить Коваль. Он только что, ни за что убил такого же подростка, как его собственный сын. Только его сына охраняет гвардия, а этот испуганный крестьянский мальчик, наверняка отданный на службу за недоимки, так и не успел в жизни ничего повидать. Артур прислушался. Где-то, совсем близко продолжалась канонада, но в ближайших залах никого в живых не было. Карапуз отвлекал главные силы от подвалов северного крыла, где орудовали Христофор с Клаусом.

Артур опустил на корточки и перевернул трясущегося мальчишку. Троим уже ничем нельзя было помочь, и этот умрет в ближайшее время. Долговики, как называют их здесь, наверняка не нюхали пороха, и поставлены охранять коридор против таких же сопляков с ножами и гладкоствольной рухлядью...

Коваль не ошибся. Мальчику вряд ли стукнуло пятнадцать. Крупный осколок пробил ему штаны и засел глубоко в бедре, а несколько мелких превратили грудь в кровавую кашу. Только по закатанным рукавам рубахи можно было догадаться об ее истинном, голубом цвете. Из-под прилипших ко лбу мокрых волос на губернатора таращились огромные голубые глаза. Парень силился что-то сказать, его пальцы цеплялись за цевье двустволки, из которой он так и не успел выстрелить.

— Будь оно все проклято, — сказал Коваль, и не удержался, поправил умирающему пшеничную челку. — Прости, братишка. Будь оно все проклято...

Потом он поднялся и зашагал туда, где чувствовал присутствие своих и, слава богу, живых, подчиненных.

— Куда теперь, господин? — на нижней площадке лестницы покачивался Христофор, держа на руках обмякшее женское тело. Спина к спине к нему, стоял ксендз, и водил, из стороны в сторону, автоматом. Одежда на обоих была изодрана в клочья.

— Ты уверен, что это она?

— Да, — кивнул сын луны. — Она жива, просто придавило...

— А брат? Должен быть еще брат!

— Он умер.

— Уходим, господин! — Христофор пошевелил локтем, и тут, из-под его руки, волной хлынул рыжий водопад. От такого огненного цвета волос хотелось зажмуриться, Артур непроизвольно сморгнул. — Там не пройдем, Митя их пока держит, но можно взять со двора лошадей!

В ту секунду, когда Коваль резал построжки на первой попавшейся лошади, ветер донес с севера рокотание пушки. Борк угощал свинцовым обедом Железных птиц.

Из оконного проема второго этажа, дрыгая ногами, вылетели двое жандармов в шапочках, а вслед высунулась оскаленная рожа Карапуза.

— Командир, давай сюды! С той стороны кони добрые!

— Где Клаус? — до Артура внезапно дошло. — Эй, где наш малыш?

Станислав отвел глаза, Христофор прижимал к себе потерявшую сознание девушку, их рыжие гривы перепутались между собой.

— Где пивовар? Ты видел его? — Коваль схватил поляка за плечо. Они вернулись в здание и бежали вдоль горы трупов. Навстречу, вращая над головой секирой, спускался Карапуз. Его левая рука была сломана, ухо болталось на лоскутке кожи, а в спине застряло три ножа. К счастью, кожаная рубаха и кольчуга не пропустили лезвия глубоко.

— Он не успел, он остался за решеткой, — выдавил ксендз, указывая куда-то вниз. Артур прислушался и похолодел. Сквозь крики людей на площади и треск горящих досок, он ступнями ощутил ровный монотонный гул. Подвалы заливала вода.

Париж получил свою жертву.

18

РЫЖАЯ ВЕДЬМА

...Первую линию ядовитых болот караваны Великого посольства прошли достаточно легко. Зная о повадках Железных птиц, нарочно переезжали в лесу, когда стая отобедала в святилище дикарей, а затем дали сильный крюк на запад, чтобы обойти места гнездовий.

Неделю двигались по безлюдной местности и растянулись на несколько километров, потому что темп задавали неповоротливые быки. Затем снова начались прерывистые полосы Желтых туманов, между которыми приходилось лавировать, как между рядами мокрых простынь, развешенных для просушки.

Когда впереди уже засияли снежными шапками вершины сьерры, святые отцы провели большой праздничный молебен. Были забыты интриги в Варшаве, и даже натянутое гостеприимство парижской верхушки. Прошли несколько малых поселений, где жители, чуть ли не со слезами радости, встретили посольство и выразили желание непременно присоединиться к нему на пути в Рим. К тому же всю неделю стояла прекрасная солнечная погода, и даже языки пожарищ не казались такими отвратительными.

Окрыленный успехом, презрев мрачные предсказания язычников, Жмыхович воспрянул и с удвоенной энергией кинул народ на штурм Пиренеев.

Дорог там давно не осталось. Тщательно выстроенные серпантины и продолбленные в горах тоннели снесло оползнями и завалило камнями. Было решено не разбрасываться по мелочам, а сразу идти в сторону бывшей столицы, благо дорогу парижские монахи обещали более-менее ровную.

Правда, первые же встреченные испанцы оказались неприветливыми и горячо советовали пришлым убраться восвояси. Некоторые даже осмеливались болтать, что в Мадриде настали новые времена, и посланцев Креста никто не ждет.

Голоса этих глупцов заглушил радостный барабанный бой.

От долгого битья в барабаны немножко оглохли и не сразу заметили, что горы подозрительно трясутся. Но подавляющее большинство караванщиков гор не видели и в помине, потому двинулись по самому дну ущелья. Камни сыпались сверху все сильнее: сначала маленькие, затем настоящие глыбы.

Караван не останавливался, потому что был приказ выйти до темноты к городу Сарагосе. Первые отряды уже миновали ущелье, и самый страшный удар принял на себя растянувшийся обоз.

Лавина закопала живьем почти полста человек. Погибло бы гораздо больше, если бы несколько смелых командиров не решились нарушить приказ и не повели отставшую часть посольства в обход. Путь вышел долгим, и командиры получили разнос от кардинала...

Вскоре посольство добралось до города Сарагосы. Вояки разбежались знакомиться с достопримечательностями, в том числе с местными красавицами. Набрали водички, от которой разом прихватило животы у нескольких сотен человек. Пока армия находилась в небоеспособном состоянии, начальники решили выслать вперед разведку.

Разведка ушла и не вернулась.

Местные жители, язык которых понимали немногие, талдычили какую-то ерунду. На юге-де многие сменили веру, поскольку с моря приплыли богатые люди на кораблях и предложили выбор: либо присоединяться к ним (тогда и почести, и деньги, и штаны новые), либо ждать горячих парней (тогда секир-башка). Относительно новых порядков возникали самые разные домыслы, но в одном очевидцы были едины. Иноверцы, правившие бал в Барселоне и других приморских городах, поощряли многоженство, и вообще, держали бестолковых женщин в узде.

Кардинал повелел в корне пресекать паникерские настроения, обозвал слухи происками рогатого и в назидание провел серию показательных казней среди вредоносных элементов. Кое-как оклемавшись и похоронив сорок человек, чересчур налегавших на колодезную воду, Великое посольство двинулось дальше.

Но далеко не ушло. Не успел караван перейти через мелкую, безобидную речушку, как вдруг раздался грохот, и ущелье, в которое вступил передовой конный отряд, на глазах начало сужаться. Грандиозная трещина, по которой водопадами бежала вода, зашевелилась, захрипела, точно под землей ворочался недовольный кит, и обрушилась острыми камнями прямо на людей. Склоны трещины растрескались, обвалились, а речушка вдруг пересохла. Когда спасли из завалов выживших, подсчитали потери да пустили по колоннам команду двигаться дальше, сверху раздался непонятный глухой рокот. Вода, накопившаяся в запруде, пробила возникшую дамбу и хлынула вниз.

В тот день погибло еще восемьдесят человек. Многие начали шептать, что земля качается, не хочет пропускать посольство, и заступничество святых отцов не поможет, поскольку слишком много грешили на пути своем...

Нечего и говорить, что неприятный шепот побегал впереди каравана, и самые дальновидные из «послов» не очень удивились, когда, вслед за первым, исчез и второй отряд разведчиков.

Днем позже начался падеж скота. Пришлось расстаться со значительной частью мяса, но, общими молитвами, напали на следы дичи и настреляли горных козлов.

Позже выяснилось, что козлы были не дикими, а деревенскими. Отдавать мясо, которое уже коптилось, Жмыхович не стал, вместо этого предложил темным пастухам помощь в реставрации часовни и одну из ценных икон. На столь заманчивое предложение дикари ответили неинтеллигентно и даже грубо. Про святой образ выразились, что у них у самих такого добра навалом, и добавили, что ежели им не возместят убытки от потери стада, то смеяться будет тот, у кого больше друзей.

Консенсуса не достигли.

Следующей ночью подлый враг поджег телеги с фуражом. А среди людей разгулялась почесуха. Причину скоро обнаружили: диверсанты раскидали среди шатров мешочки с мелкими клещами. Взрослые прижигали клещей железом, но несколько детей умерло от паралича.

Отныне каждый день приносил новые гадости.

Кардиналу непрерывно поступали новые сведения о проблемах, ожидающих посольство в Мадриде. Как минимум шесть раз ему доносили, что в южных портовых городах рыбаки поклоняются Месяцу и, мало того, записываются в добровольческий корпус, чтобы воевать с «неверными». В какую сторону собирался выступить сводный отряд рыболовов, толком никто не знал.

Когда до Мадрида было рукой подать, офицеры, опрокинув для храбрости бражки, явились к кардиналу и доложили о нескольких удручающих фактах. В еженощных перестрелках с язычниками погибло больше ста сорока человек, и примерно столько же ковыляют ранеными или едут в лежачем положении, создавая проблемы в тесных экипажах. Несколько мелких национальных формирований отстали или потерялись. В частности, никто не знает, куда задевались две сотни германских поселенцев. С вечера были — чистенькие такие, дисциплинированные, как всегда. Даже отбились по звуку рожка, — а утром и след простыл.

Но Жмыхович и десятка три фанатично преданных ему святош выслушали офицеров и уперлись. Они не желали понимать, что лезут в самое пекло чужой гражданской войны. Они продолжали уверять и себя, и других, что в Мадриде их ждут с духовым оркестром и транспарантами.

Следующей ночью разразилась гроза, закончившаяся столь сильным ливнем, что плохо закрепленные палатки смыло, а колеса телег к утру оказались по ступицу затянутыми в жидкую грязь. Дождь продолжался весь день и к вечеру так и не стих. Никто уже не верил в то, что это просто погодное недоразумение. Промокшие насквозь гадалыщицы раскидывали кости, и выпадало, всякий раз, страшное...

Гибель посольству выпадала.

В разгар второй дождливой ночи так и произошло. Селевой поток — яростная, бушующая волна из глины, камней, кусков дерева и обломков скал — скатился с гор и, не останавливаясь, ринулся к стоянке каравана.

По всем правилам земного тяготения, сель должен был остановиться, но, вобрав в себя мелкую гальку долин, он ринулся вверх, уничтожил больше сорока повозок. Погибли кухни, рыба в бочках, почти все зерно, и, по закону подлости, все парижские монахи, знавшие дорогу...

Ева и Огюст, со слов девушки, бежали вместе с колонной отчаянных ирландцев. Их командир, чуть ли не на коленях, умолял святого отца повернуть оглобли или, по крайней мере, не втравливать детей. В ответ на пьяную болтовню бородатого потомка кельтов кардинал важно заявил, что матери сами будут рады пронести детей в первых рядах. Это лишь придаст веры и освободит от сомнений тех из местных горожан, кто ослаб духом и колеблется, не зная, чью сторону принять. Если лукавый искушает их, потрясал мокрыми кулаками отважный миссионер, то теперь, встретив невинных верующих младенцев, он будет вынужден отступить в преисподнюю.

Брат и сестра неважно разбирались в тонкостях политики, но получили неопровержимые доказательства, что колония испанских Бумажников, в предместье Мадрида, разгромлена до основания. За время пути они успели разочароваться в кардинале и его способах управления коллективом и отдали бы все, чтобы вернуться на родину. Две недели кружили козьими тропами, отстреливались от недружелюбных горцев, и страдали от нехватки питьевой воды.

Зато кончились дожди, оползни и наводнения. Под приветливым солнышком заснеженные вершины мирно дремали, подпирая небесный свод...

Наступил день, когда снова послышалась французская речь. В каком-то, забытом всеми богами, селении удалось обменять умирающих лошадей на более выносливых осликов. Там же встретили небольшую группу завшивевших монахов, счастливо избежавших мясорубки в испанской столице. По их словам, посольство угодило в окружение. Неведомые враги с закрытыми лицами отсекали обозы, а женщин с младенцами, которых Жмыхович превратил в живой буфер, угнали в неволю...

Чем дальше Коваль слушал монотонный перевод пивовара, тем больше поражался человеческой слепоте, мешающей видеть мир дальше соседского забора. Брат и сестра вернулись больше двух лет назад и сразу оказались изгоями. Их презирали свои и недолюбливали чужие. И не нашлось никого, кто спросил бы: ну, как там наши святоши, когда назад намерены?

Станислав за полчаса постарел на несколько лет.

Борк, не отрываясь, глядел в одну точку. Рассказа о Великом посольстве он, похоже, даже не слышал. Из его красных, глубоко посаженных глаз катились слезы. Они стекали ручейками по мучнисто-белым щекам, по безволосому подбородку и падали на лысую макушку Ферди-

нанда. Младший сын пивовара тоже надолго замер, положив голову на колени отцу. Потом он встал, запахнул шарф и, придерживаясь о стену, отправился нести дежурство.

Христофор сидел по-турецки, не отходя ни на шаг от спасенной рыжей ведьмы. Они так и не разомкнули рук, с тех пор как встретились. Одежда на бывшей узнице почти просохла, но, несмотря на близость к костру, ее бил озноб. Девушка сидела, нахохлившись, плотно обхватив локтями колени, правым боком вжавшись в Христофора. Невозможно было понять, мерзнет она или просто боится потерять своего спасителя.

Мама Рона прощупала тощие ребра и позвоночник девушки и сказала, что все цело, только следует немножко потерпеть. Коваль для себя перевел такой диагноз, как последствия шока. Любой бы, на месте этой рыжей Евы, пришел в негодность. Целую неделю она дожидалась казни в мокром каземате среди воров и убийц, прикованная цепью к железной лавке. И дождалась в конце концов — наводнения...

От ксендза Артур узнал, что когда Станислав с Христофором ворвались в подвал, половина арестантов уже захлебнулась. Трупы качались под водой, как субмарины на якорях. Только держали их не якорные цепи, а кандалы.

Девчонку спас брат, который до последнего подталкивал ее вверх, где выше уровня прибывающей воды оставалась ниша с воздушным пузырем. Христофор повел себя удивительно. Он не выкрикивал имена и даже не огляделся. Он просто сиганул со ступенек навстречу грязному водовороту и, пока ксендз держал факел, трижды выстрелил в цепь. Стрелял из дамского револьвера, подаренного губернатором. Под водой. С риском пробить девушке лодыжку.

— Это чудо,— тихо повторял Станислав Артуру, осторожно оглядываясь на бледного, неподвижного Христофора.— Господь не оставил нас, он снова явил нам чудо, пан Кузнец... Мои молитвы дошли до него, значит, эта заблудшая душа, и впрямь, послана нам!

— Боюсь, она послана не нам, а кое-кому из нас,— пронизательно заметил Лева, когда святоша в очередной раз собрался помолиться.

После того как девушка разговорилась, Станислав больше не упоминал о чудесах. Он нахохлился, как больной голубь, и впал в прострацию. Механически поднимался, если его просили помочь или что-нибудь принести, а затем снова проваливался в глубокую задумчивость...

Сбросив с прозекторского стола горшки, туда общими усилиями водрузили Карапуза. Чингису, на протяжении всего спешного отступления, удалось не потерять сознания. Последние километры Коваль и Станислав скакали с ним рядом, не давая упасть. Лева резал на капитане одежду, мама Рона фиксировала сломанную руку, а Коваль смешивал в горшочках целебные снадобья. На теле Карапуза насчитали один-

надцать ран, последний час он даже не стонал, а лишь неровно дышал, когда горячие травы причиняли острую боль.

— Командир, ты хочешь взять с собой и ее? — хмуро осведомился Даляр, кивая на закутанную в шкуру девчонку. Из солидарности с пивоварами, полковник сидел у костра очень тихо и, похоже, считал ведьму причиной всех бед.

— Еще не решил, — неопределенно ответил губернатор, гадая, куда же запропастились Бумажники.

— Убили вашего друга? — Артура за рукав потрогал Орlando. — Месье Свирский нам сказал, что белоголовый погиб, спасая эту девицу?

В суете Коваль совершенно позабыл про главную цель похода. Он даже не сразу узнал пробужденных. Ученые отмылись от защитного консерванта и облачились в непривычную для них грубую одежду, а Моника даже соорудила на бритом темечке нечто вроде тюрбана. Артура особо порадовало, что истекающего кровью чингиса и прочие неприятности ребята встретили без паники. Пусть оба не были практикующими врачами, но за время работы в институте, наверняка, рассмотрели всякого.

— Возможно, он спас одну, — ответил Артур. — Но, может статься, благодаря ему выживут тысячи.

— Мы можем чем-нибудь помочь? — запинаясь, спросила женщина. — Я так понимаю, что ни рентгена, ни УЗИ сделать негде? Ну, конечно, извините... Просто, у девушки большие синяки по всему телу, не мешало бы проверить.

— Если хотите помочь, займитесь оборудованием, — Артур кивнул на лестницу, ведущую в камеру. — Все, что вы сочтете нужным, мы постараемся взять с собой. Про рентген можете сразу забыть, а остальное пригодится.

— Я... я боюсь туда спускаться, — помрачнела Моника.

Орlando толкнул ее в бок.

— Нет, нет, я не то хотела сказать, — сразу поправилась она. — Просто поймите, Мишель умер так неожиданно, и мы ничего не могли сделать... То есть, я хочу сказать, что, конечно, пойду...

— Не оправдывайтесь, — Коваль потрепал коллегу по плечу. — Всем нам было непросто, и никто вас не упрекает. Вам придется понять одно. Здесь нет ни профсоюзов, ни больничных касс. Если вам делают предложение работать головой, лучше согласиться, иначе придется остаток дней вкалывать руками. Ваши ручки, мадам, очень быстро превратятся в рачьи клешни. Он вздохнул и хотел уйти; на споры уже не оставалось сил.

— Месье Кузнец, — окликнул Орlando. — Простите нас, мы... Мы вам обязаны жизнью. Мы будем работать и сейчас пойдем вниз.

— Вот и прекрасно,— сказал Коваль,— но прежде я попрошу подняться наверх. Кое-кто очень хотел с вами познакомиться.

По еле уловимому звуку он определил, что к институту галопом приближается не менее десятка всадников.

19

СВАДЬБА НА ПОМИНКАХ

Моника и Орlando шурились от яркого света. Мама Рона, из страха, что новенькие попадут в переделку, ни разу не выпустила их на улицу.

Всадники затормозили у края площади. Ветер развеивал черные полы их сюртуков и раздвоенные бороды мужчин; лошади нервничали, чую запах крови. Коваль узнал Жильбера, карлика и толстую женщину, что в таверне играла в карты со слепым. Всего приехало девять человек, и все отчаянно храбрились, но двое стариков нашептывали молитвы.

— Переведите им, что они могут не бояться птиц,— губернатор повернулся к Орlando.— Тут одни трупы.

— Если бы я не видел вас раньше, то сказал бы, что перепил вина,— на лице Портоса отражалась невероятная гамма чувств — от недоверия, до священного ужаса.— Не могу поверить. Я только что дотронулся до живых Хрустальных когтей...

— Мне тоже кажется, что я не могу проснуться,— шепотом добавил другой Бумажник, высокий старик, со шрамом поперек лба.— Немного я знал людей, кто видел птиц так близко, и смог об этом рассказать.

Он потрогал шрам.

— Мне было крайне нелегко убедить друзей, что вам можно доверять,— сказал Портос.

— А я им и не доверяю,— вмешалась краснолицая толстуха.

— Поступайте как вам угодно,— согласился Коваль.— Мы ни на чем не настаиваем. Я всего лишь предложил вам способ уберечь общину от погромов.

Бумажники спешили, но оставить коней не решились. Мелкими шажками, вздрагивая и оглядываясь, они обступили дубовых великанов. Лошади фыркали на гору черепов. Над изодранными саркофагами жужжали блестящие мухи. Из ближайшей капсулы торчала обглоданная до блеска человеческая кисть; вокруг суетились вороны.

Узколицый Жильбер, сверкая глазками, вплотную подошел к Монике и погладил ее по щеке. Потом быстро произнес несколько фраз, сшивая рот на сторону и обращаясь, скорее к Портосу.

— Я не понимаю половины того, что он говорит,— пожаловалась Артуру Моника.— Боже, во что они превратили французский язык!

— Он спрашивает этого гроилу, почему тебя нельзя купить, если ты не настоящая ведьма? — вполголоса перевел на английский Орландо.

— Никто вас не продаст,— успокоил Коваль и обернулся к маячившей в тени фигурке Фердинанда.— Проследи, чтобы Станислав нас не видел, пусть его мама Рона отвлечет на перевязку! И попроси, пожалуйста, Христофора, пусть приведет свою пассию.

Жильбер начал что-то втолковывать Портосу. Он ухитрился говорить одновременно нагло и угодливо. Коваль подумал, что не хотел бы такому типу подставить спину, но главный Бумажник, похоже, не был настроен на обсуждение темы. Он сказал что-то очень тихо, не поворачивая головы.

Жильбер не отставал, косился на Моника, щерился цыганским оскалом и что-то вкрадчиво объяснял начальнику.

То ли Портосу надоели препирательства, то ли стало стыдно перед чужими, но так или иначе, он сгреб парня в охапку и уволок за постамент. Минуту спустя оба вернулись как ни в чем не бывало, но Жильбер держался за глаз, а с губы его капала кровь. Остальные Бумажники словно ничего не заметили. Артур благоразумно сделал вид, что его беспокоят царапины на ноге.

Христофор вышел из подземелья в обнимку с девушкой. Разобрав, кто стоит перед ней, спасенная чуть вторично не грохнулась в обморок. Наконец-то Коваль сумел ее как следует рассмотреть. Ева не отличалась большой красотой и когда-то была намного толще. Возможно, ее даже дразнили в отрочестве пышкой или как-нибудь в этом роде. Однако сейчас девушка походила на выжатый лимон, по фактуре и цвету. Коваль с тревогой заметил то, что пропустила мама Рона. Девчонка или перенесла желтуху, или собиралась ею наградить каждого встречного. И была пугающе худой. В прорехи шерстяной хламиды просвечивали незагорелые ноги и тонкие руки в синих ниточках вен. Скуластую физиономию покрывала сеть царапин, на щеке вздувался синяк, а зеленые глаза чуть не вываливались наружу от страха. Единственным ее достоинством были уникальные рыжие локоны.

Артур сразу заметил, как ведьмочка прижалась к сыну луны и не отходила от него на протяжении всей беседы. Из ямы, спрятав горе за черными очками, вылез старший пивовар, и с ходу начал переводить.

— Ева, ты не можешь остаться в общине,— полувопросительно сказал Портос. При этом он явно избегал встречаться с рыжей глазами.— Ты уйдешь с этими людьми?

— Я могу уйти в Нанси, и буду ждать там...

— Чего ты будешь ждать? — со злобой, спросил один, из незнакомых Ковалю, Бумажников. — Будешь ждать, пока нас всех повесят? Едва пройдет слух, что ты спаслась, Андре мигом обвинит нас в колдовстве!

— Буду ждать, пока соберутся купцы в Севилью, — девица отвечала очень тихо, уставившись в землю.

Христофор, не понимая чужой речи, метался взглядом с одного пришельца на другого. Следя за ним, Коваль с поразительной остротой вспомнил себя... Как он бежал сквозь проливной дождь за каретой Качальщиков, увозивших в уральские предгорья молоденькую мамочку, Надю ван Гог; как подставлял спину, выталкивая колеса из раскисшей грязи, а потом, на ночевках, смотрел на Надю сквозь искры костра. Он готов был тогда бежать еще сотню километров и плюнуть на весь белый свет, лишь бы не разлучаться с маленькой, ясноглазой хохотушкой. Сейчас у сына луны был точно такой же иступленный взгляд самца, который подозревает всех и каждого в посягательствах на свою половину...

— Ты дура, хочешь погубить нас всех? — пробасила толстуха. — Мало того, что ты плюнула на отца и на законы предков, теперь хочешь, чтобы бесноватый Аваль сжег всю общину? Ты им поверила — и чем тебе отплатили?

— Мы не позволим тебе вернуться, — подтвердил седобородый старик. — Твой дружок епископ, которому ты целовала ручки, поджарит нас всех!

— Я... я не хочу уходить, как прокаженная, — прошептала девушка. Вследующую секунду ее глаза округлились еще сильнее, ноги подкосились, и если бы не Христофор, то ведьмочка повалилась бы на изгаженную птицами землю.

— Отец...

Такого поворота Коваль не ожидал. Из-за спины Портоса, часто моргая, выступил Мендель. В руках он бессознательно мял свою пыльную черную шляпу.

— Господи, — не удержалась Моника. — Так это, ее?..

— Тсс! — Орlando быстро отодвинул коллегу назад.

На несколько секунд все замерли. Стало слышно, как в трубах подывает ветер, а на костях дерутся вороны. Карлик нетвердыми шагами подошел к дочери. Она выпуталась из объятий Христофора и опустилась на колени. Мгновение крохотный Бумажник помедлил, потом не выдержал и раскрыл корявые объятия. Толстая тетка всхлипнула, двое стариков отвернулись, пряча лица. В глазах у Моника стояли слезы.

— Ева, если ты уйдешь с этим мужчиной за песочную стену, — четко произнес карлик, — мы уже не увидимся.

— Отец, я не хочу...

— Он спас тебя в тюрьме. Он ждал встречи с тобой. Если ты попытаешься вернуться в Париж, тебя убьют, и всех нас убьют.

— Я виновата,— плечи дочери сотрясали рыдания, Мендель шмыгал своим крючковатым носом.— Я не хочу уходить без...

Тут Орlando замешкался, не в силах подобрать для Артура нужное слово, но и так было понятно, что речь идет о просьбе, благословить на дорогу.

— Ты не спрашивала нас, когда сбежала с поляками,— Мендель говорил глухо, продолжая тыкаться носом в плечо дочери.

Коваль взял Христофора за руку и чуть ли не силой оттащил в сторону; колдун словно приклеился к своей суженой и никак не желал отходить от нее ни на шаг. Семейная сцена заставила его окончательно растеряться. Артур не помнил, чтобы сын луны пребывал в такой панике. Похоже, парень уверил себя, что девушку пытаются отобрать у него.

— Почему вы мне не сказали? — спросил Коваль у трактирщика.

— Вы бы тогда мне не поверили,— Портос смущенно подергал себя за бороду.— Это выглядело бы так, будто Мендель, вашими руками, спасает от костра своего ребенка. Но с поляками в Мадрид, действительно, ходили лишь эти двое!

— Мы ее уже выслушали. Ее брат погиб,— сказал Коваль.— И, спасая ее, погиб сын охотника Борка.

Портос обернулся к пивовару:

— Я соболезную вам, герр охотник, я в неоплатном долгу перед вами.

— Не будем об этом,— чуть осипнув, ответил пивовар.— Мои дети заключили сделку, получили оплату и знали, чем рискуют.

— Что я могу для вас сделать, герр охотник? — склонился к Борку Портос. Артур подумал, что даже встав на колени, трактирщик будет выше немца, как минимум, в два раза.

— Несмотря на все измены, он любит ее... — казалось, Борк не слышал вопроса. Он следил, как Ева шепчется с отцом. В глазах у обоих стояли слезы.

— Конечно,— подтвердил Портос.— Мендель не перемолвился с ней ни словом с той поры, как она вернулась. Он вычеркнул из памяти и ее, и сына. Ни разу не навестил их. Но теперь,— Бумажник хихикнул,— если она хочет, чтобы старик ее простил, нельзя убежать снова.

Минут десять все убеждали рыжую, что в испанские горы ее не загоняют. Еще столько же времени она упиралась, внезапно сделав вид, будто не понимает, о чем речь. Коваль уже начал подозревать, что Христофор отхватил себе форменную дуру, и не лучше ли, правда, по совету Даляра, высадить ее в городке пивоваров. А если Христофору нравится, может остаться с ней, будут на пару пасти длинноногих кабанов и гоняться по болотам за ахарами.

А потом Мендель окончательно рассвирепел и замахнулся на дочку плеткой. Слабак Христофор полез ее защищать, Борк монотонно бубнил что-то потухшим голосом, Моника визжала, а толстуха пыталась ухватить Еву за рыжие патлы...

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы в дело не вмешался Коваль. Он сам не знал, откуда вдруг взялось вдохновение, но ложь вышла убедительная. Губернатор на ходу сочинил легенду, будто по законам русской земли, паре достаточно выразить согласие, — и невеста мигом становится женой. А коли уж она жена, никто ее не смеет обижать, но ей за мужем надо последовать непременно, хоть на каторгу.

Бумажники от такого поворота дел опешили, а девица прекратила орать и снова чуть не свалилась в обморок. Пивовар спросил, что такое каторга. Пришлось ему объяснять. Когда до Моника и Орlando дошел смысл пререканий, они чуть не угробили серьезный момент истерическим смехом.

Самое интересное, что рыжая согласилась. А стоило ей дать согласие, как Артур велел поскорее привести ксендза и — для солидности — маму Рону.

— Мне кажется, я попал в водевиль, — шепнул губернатору Орlando. — Никак не могу избавиться от чувства, что вокруг меня сплошные актеры, и сам я на сцене.

— У меня это чувство не проходит уже пятнадцать лет, — краем рта улыбнулся Артур. — Но я не видел свадьбы серьезнее, чем эта.

Церемония получилась не просто серьезной. Она напоминала скорее трагедию. В поисках соответствующего антуража спустились в амфитеатр, тем более что ксендз категорически отказался читать молитвы подле захороненных мертвецов.

Бумажники чувствовали себя явно не в своей тарелке. Артур попытался поставить себя на их место. Десятки лет над городом витала крылатая смерть, разбуженная воем страшных гробов. И наверняка десятки лет матери прижимали к себе плачущих детей, поскольку каждый знал, чем питаются птицы. При редких мирных встречах жители Красного леса и не скрывали, чем кормят своих подопечных...

А нынче руины в одночасье перешли в собственность общины.

Христофор стал белым, как мел, новобрачная выглядела не лучше, и Левушка был вынужден поддерживать молодых сзади. Трактирщик шикнул на своих подопечных, все мигом стали очень сосредоточенные. Коваль не уставал поражаться эмоциональной неустойчивости гостей со стороны невесты. За пять минут они успели наораться друг на друга, перессориться, помириться и поплакать. Затем вдоволь нахохотались и снова устроили перебранку.

На сей раз по поводу церемониальных традиций.

Артур, как лицо официальное, согласился быть шафером и предложил компромиссный вариант. Сначала Бумажники, на правах хозяев, отбарабанят свое, потом подключится Станислав, а завершит обряд официальная роспись в походной тетрадке книжника.

Мама Рона выделила ради такого случая кусок белого полотна, на фату невесте. Жильбер одолжил Христофору пиджак и даже сам сходил в руины за цветочком. С оранжевым цветком в кармане сын луны смотрелся как настоящий жених. Менделя поставили на стол, и пока старичок-Бумажник заунывно бубнил слова ритуала, он возвышался над всеми, точно строгий, неподкупный судья.

Коваль вспоминал, как несколько часов назад этот человек, с ножом в зубах и арбалетом, провожал их к Дому Инвалидов. Должно быть, ему безумно хотелось отправиться вместе с ними, но, не желая подвергать опасности всю общину, он не сказал ни слова. Ведь на площади не должны были заметить даже следа Бумажников. А теперь, узнав, что сын утонул, а дочь, потерянная и найденная, снова уезжает, он, наверное, проклинал себя за то, что не пошел вместе с иноверцами на штурм тюрьмы и не выручил сына...

— Значит, так теперь играют свадьбы? — спросила у Ковалю Моника.

— Если мы сумеем вернуться домой, я с удовольствием поручу вам разработать официальный ритуал, — улыбнулся губернатор. — Но дело ведь не в ритуале. Теперь папаша уверен, что мы цивилизованные люди и его дочь не пойдет по рукам.

— Как это все внезапно...

— Еще час назад и я понятия не имел, что попаду на свадьбу, — почесал затылок губернатор, — а теперь надо придумать, что подарить молодым.

— Так подарки не отменяются? Господи, но у нас с Орландо ничего нет!

— Неправда, вы можете пообещать ей, что научите своей профессии. Если у девочки достанет ума, она получит все шансы стать заместителем директора вашей будущей клиники. Это царский подарок; вот мне — гораздо труднее...

Моника слушала Ковалю, открыв рот.

— Вы смеетесь надо мной? Какая клиника? Какой заместитель? Вы полагаете, кому-то понадобится моя диссертация? Я только что сняла с себя двух вшей, а вы говорите...

— А я говорю, готовьтесь принять место директора, а профиль заведения мы сформулируем позже. Только не надейтесь, что я создам для вас чисто академическое учреждение. Будет все вместе: научная база, клиника и курсы. Думайте, а я пошел искать подарок...

Оставив притихшую Монику переваривать новость, Коваль погрузился в содержимое своих мешков. Ничего умнее, чем гроздь золотых колец, нанизанных на проволоку, не нашлось. Артур испытывал некоторую неловкость, преподнося именно эти кольца, поскольку они были получены от Ростовского атамана в уплату за рождение ребенка. Последняя из дочек Артура, мать которой он видел дважды и уже накрепко забыл, давно уехала с няньками в Нижний и принесла ему, по меркам этого рынка, баснословную прибыль. Потому что все дети Проснувшегося Демона рождались здоровыми и способными к производству...

Каждый год находилось немало желающих занять ребенка от Проснувшегося Демона, но губернатор Петербурга, в отличие от жены, мало внимания уделял ценовой политике. В результате получалось так, что когда у Ковалю кончалось жалование, а происходило это довольно часто, он стеснялся залезать в казну, а предпочитал пошуровать в сундучке у супруги...

Мама Рона оставила невесте в подарок белую простынь, Левушка преподнес жениху орден Александра Невского, который носил на шее вместо талисмана. Очнувшийся Карапуз переживал, что не может встать и пощупать жену Христофора, но сказал, что у него есть подарок на двоих — от себя и от Даляра. Отбиваясь от жандармов, он прихватил в соборе трофей — серебряную поварешку и крышку от супницы. Ксендз, невзирая на ропот Бумажников, вручил невесте ладанку, а Христофору повязал расшитый сафьяновый пояс.

Пивовары пошептались, затем развязали мешок и оказались самыми щедрыми гостями. За время вынужденного бездействия Борк пробежался по округе, без стеснения заглядывая в брошенные землянки Когтей. Он надел на Христофора вышитую золотыми нитями перевязь со старинной саблей, инкрустированной десятками драгоценных камней. А Еве досталась прялка и несколько килограммов шерсти.

Борк честно признал, что все эти богатства предназначались жене, но теперь она не примет от него подарков...

Портос вышел наверх и, вернувшись, принес нечто длинное, завернутое в потертую замшу.

— Я хотел подарить его губернатору,— смущенно начал он,— но в подобных обстоятельствах...

Гости ахнули.

— Императорский жезл,— пробормотал Орландо.— Я помню, эта штука лежала в бархате, под бронированным стеклом.

— Он тебе ни к чему,— тихонько шепнул Коваль, обнимая новобрачного.— Как доедем, сдашь под расписку в Зимний. Я тебе вместо него квартиру дам или корову подарю.

— Да, господин,— Христофор смеялся, целовался и сам, похоже, не вполне понимал, на каком небе находится.

По случаю свадьбы Артур разрешил откупорить бутылку с первосортным самогоном, а сам уединился с Орландо, Портосом и двумя подопечными главного Бумажника, которые дожидались наверху.

— Люди надежные? Никто не проболтается?

Великан только улыбнулся, и улыбка эта вдруг показалась Ковалю удивительно знакомой. Он вдруг увидел Портоса другими глазами. Будто сменили свет на театральной сцене, или оператор взял иной ракурс, убрав все наносное, зловещее, внешнее и поймав ту глубокую, тысячелетнюю суть, которую хранили в себе лица всех Бумажников.

— Вот эти? — Коваль оглядел двоих поджарых, гладко выбритых мужчин не первой молодости.— Ну, пошли!

Он показал им капсулы и вентиляционные краны. Показал выход через резервный шлюз и гараж. Показал двери во внутренние лаборатории, где, наверняка, хранились настоящие богатства. Показал, как можно обезопасить лифтовые шахты от непрошенных гостей и придать коридорам таинственность для приглашенных. Все это можно было расчистить и привести в порядок. Можно было даже создать условия для жизни...

Бумажники, несомненно, робели, но внешне это никак не проявлялось.

— Может быть, лучше от него избавиться? — Портос смотрел сквозь распахнутую дверь кладовки на растрепанный комок перьев, который совсем недавно был могущественным Каменным когтем. Тот подслеповато щурился, заслоняя рукой от света, но видел только темные силуэты.

— Ни в коем случае,— разволновался Артур.— Если он достаточно умен, то все поймет и сделает, как надо. А если дурак, то его прирежут свои, и очень быстро. Главное — разукрасьте ваших людей поубедительнее, чтобы никто не сомневался в их хрустальном происхождении, а затем выпускайте Каменного друга на волю. Ему достаточно привести сюда десяток сторонников и в нужный момент вызвать птиц, как прежде его влияние восстановится очень быстро. Только спуску ему не давайте. И в первую очередь, скормите птицам трупы старичков. При свидетелях, чтобы все видели гневную натуру Хрустальных когтей...

— Мы все поняли,— извиняющимся жестом прервал губернатора Портос.— Мы сделаем как надо, и если Когти поверят, постараемся в ближайшую неделю перевести сюда всю общину. Но люди не станут здесь долго жить...

— Это невозможно,— вставил Бумажник, которому надлежало сыграть Орландо.— Наши братья не станут совмещать истинную веру и поклонение идолам.

— Но выбор есть всегда! — Орландо неожиданно быстро вник в ситуацию.— Вы, на время эпидемии, спасете общину от погромов. Затем

изучите повадки птиц и придумаете, как их известить. Ну, не знаю, замедленным ядом, электричеством... А может быть, вы примете решение познакомиться с ними? Это ведь птицы, а не механизмы, их можно приручить! Если вы найдете способ раздобыть птенцов, то настанет черед генерала трястись от страха! А дикари из леса обеспечат вам защиту; вы даже можете научить их читать...

Этот смуглый, близорукий человек нравился Ковалю все больше. Он не впал в истерию, почти примирился с возвращением в первобытный строй и, прежде чем высказываться, глазами просил разрешения у начальства. Мужик наверняка прошел хорошую школу и привык работать в команде. Так и должно быть в серьезном исследовательском комплексе, рассуждал Артур. Одиночки хороши в среде теоретиков, а этот обещает стать сильным командным игроком. Лишь бы будущему главному инженеру города не вскружила голову слава...

— Перед тем, как вы уйдете... — Портос замаялся. — Я хотел спросить...

— Для вас всегда найдется место в Питере, — очень серьезно сказал Артур. — Жаль, не могу вам оставить голубя, он не долетит сквозь песок.

— Спасибо, — трактирщик прислушался. — Но я сомневаюсь, что мы выживем за песком. Я знал людей, которые ушли. Никто из них не вернулся.

— А если я заберу вас на корабле, по морю? Возможно, тогда вы легче адаптируетесь?

— Не понимаю, — поморщился Портос.

— Ну, привыкнете легче!

— Нас почти полторы тысячи. Нет такого корабля, на котором можно вывезти столько людей. А дома, а скотина? — Он горестно махнул рукой.

Этажом выше, в аудитории, Бумажники нестройно затянули песню. Раздавался стук железных кружек и визгливый женский смех. «Вот черти, — подумал Коваль, — надо бы разозлиться. Как пить дать, вторую бутылку приговорили! Невеста, небось, с ума сходит. От поминоков к свадьбе, — и один черт, попойка...»

— Думаю, я найду подходящий корабль, — подмигнул Артур. — Поместятся все желающие.

— Зачем вы все это делаете? — не выдержал Бумажник. — Вы отправились громить резиденцию епископа, и чуть не погибли, ради одной глупой девицы. Вы могли ничего не говорить нам про птиц и не приводить меня сюда. Я чувствую себя должником, а я не люблю быть в долгу. Ведь вы не нашли посольство?..

— Я его и не искал, — честно признался Артур. — Это по части нашего польского друга. Но, помимо настоящих Когтей, — он указал на улы-

бающегося в тридцать два зуба Орlando,— я обнаружил, как мне кажется, одного старинного знакомого, и это открытие стоит всех остальных, вместе взятых.

— Этот знакомый... он вас пугает?

— Несомненно. Лучше бы я ошибался, но боюсь, ошибки тут нет.

— Я могу узнать имя человека, которого надлежит отправить в иной мир?

— Боже вас упаси, столкнуться с ним,— предостерег Артур.— Раньше этот человек носил другое имя и служил другим богам. Теперь его зовут Карамаз-паша.

Часть II

КОНЕЦ КРАСНОЙ ЛУНЫ

20

ПРАВО СИЛЬНОГО

— **И**так, ты привез в Петербург девчонку из Мертвых земель, и она не умерла,— Хранительница Книги пожевала беззубыми деснами.

— Да, госпожа. Сначала, пока мы ехали по Германии, ей было очень плохо, но потом она поправилась.

— Вот как... — без выражения подтвердила мама Рита.— И молодой колдун, из Озерников, которого ты держишь приживалкой во дворце, решил взять ее в жены?

— Да, госпожа,— недоумевая, ответил Коваль. Он никак не мог взять в толк, при чем тут Христофор.— Но мы не обижаем его, и не называем Озерником. Он родился под Красной луной, владеет даром ловить время, чувствует врага, но никогда не пытался уйти к колдунам. Они уже живут вместе, госпожа. Парень очень любит девочку и обещал родить двойню.

— Что ты сказал? — подался вперед Хранитель Кристиан. Сполохи огня из огромного очага играли на его морщинистом лице, превращая нестарого еще мужчину в дряхлого идола.— Родить двойню? Разве твой Христофор может быть папой? Ха, вы слышали?

Хранители памяти переглянулись. Лицо Бердера было непроницаемо.

— Оставим это,— качнула рукой мама Рита.— Мы должны проверить. Иногда Книга допускает несколько толкований.

— Да, мама...

— Простите, госпожа...

Хранители немножко успокоились, но продолжали перешептываться. Артур не понимал, что их так зацепило.

— Ты забрал обоих Проснувшихся из Парижа, но не пошел в два других города. Ты испугался, оставшись без крылатых змеев?

— Нет, госпожа. Я не боюсь ходить пешком, я испугался другого. Наставник Бердер предупреждал меня, что в южных странах нечисто, но я не поверил. Я принял решение сохранить жизни оставшихся людей, госпожа. Мы не могли больше воевать с самой землей.

— С землей? — усмехнулась Хранительница.— Ты так хорошо запомнил сказки, которыми тебя кормили в дороге?

— Если честно, я уже не знаю, чему верить,— признался Артур.— Мы были измотаны, госпожа. На обратном пути переболели лихорадкой, несколько раз отбивались от диких племен...

— А германцы? — спросил самый пожилой Хранитель.

— По эту сторону песчаной стены нас встречали радушно. Нам оказывали помощь, и даже бесплатно дали телегу, для женщин. В северной Германии жизнь мирная и сытная. А в двух больших городах я договорился о приеме наших товаров на местные ярмарки,— тут Артур выдержал суровый взгляд Анны Первой.— Но перед этим мы две недели пробирались на юг, вдоль границы Ползущих гор, пока не кончились пески. За ними военная машина древних застряла, и нам пришлось ее бросить. К великому счастью, люди, которых называют Бумажники, дали нам несколько лошадей...

— Ты считаешь, что пивовары наплели тебе небылиц? — в лоб спросил третий Хранитель, квадратный мужик, с изрытым оспой лицом.

— Слишком много легенд бродит по земле,— осторожно сказал Коваль.— Я могу верить или не верить, но губернатор должен опираться на твердые знания.

— Groш цена твоим знаниям,— мама Рита пошевелила беззубым ртом,— коли ты до главного дойти не можешь. Зарос там, закопался в бумажках-то да в волоките. А хоть раз подумал, с чего бы это старая карга мается, да и прочие... Ты глянь на них, не мальчишки давно, скоро самих вперед ногами понесут.

Артур ждал. Что-то от него хотели, и все эти туманные намеки, на счет загадочного Братства и походов на юг, начинали его здорово нервировать. Он вспомнил, как точно так же сгущались тучи и накалялась обстановка, когда Качальщики послали его заразить кровью Вечного пожарища несколько деревьев в центре Москвы.

Они опять что-то задумали, в самый неподходящий момент. В то время, когда он, наконец, отважился собрать Думу, когда он привез из Парижа настоящих спецов, когда шла речь о пуске паровика до Новгорода и Ярославля...

— Ты стал скрытным, Клинок,— упрекнула мама Рита, но нельзя было понять, говорит она с укоризной или, напротив, одобрительно.— Расскажи ему, Кристиан.

— Ты слишком закопался в своем городе, губернатор,— Кристиан неторопливо засыпал в трубку табак, потянулся за угольком.— Мы

ждали тебя, потому что получили дурные вести. Очень дурные. Никто из твоих доносчиков не доложит об этом, они всего лишь насекомые. На юге, впервые, земля качается не сама. И не может остановиться.

Лето жаркое, очень жаркое. Почти не идут дожди. Вниз, по Волге, плывет мертвый осетр. В Астрахани в сети вообще не попадает живая рыба. В Ростове начался мор, люди и скотина гибнут за шесть дней. В Воронеже черная язва унесла уже тринадцать тысяч человек...

— Мне известно об этом,— перебил Коваль.— Мы выставили кордоны и отправляем обратно всех, кто идет оттуда.

— А ты знаешь, что творится в Крыму? Ты знаешь, что в море нельзя опустить даже руку: она тут же покрывается пузырями и гноится несколько дней? Ты знаешь, что на берегу Черного моря рыбаки жгут костры из выловленной рыбы, потому что рыба стала отравой? Ты знаешь, что произошло в Симферополе?

Служители Месяца затеяли драку с теми, кто верит в Крест. Они заявили, что неверным, из-за которых случилась Большая смерть, на полуострове не место. Мэр города не смог их остановить. Сгорела половина деревянных домов и несколько храмов. Потом служители Креста ушли из города, но их преследуют до сих пор. И люди окрестных городков уступили тем, кто показал больше злобы и бесстрашия...

Коваль выждал паузу, но Кристиан и не думал продолжать. Попыхивая трубкой, насмешливо покачивал бровями. Опять предстояло найти верное слово, не опозориться, и оправдать какие-то тайные надежды! Да сколько же будут продолжаться эти игры, этот вечный кролик в шляпе, с тоской подумал Артур.

— Если ты будешь продолжать делать вид, что ничего не понимаешь, мы подумаем, что у губернатора Кузнецца в голове завелся червяк,— сухо обронил Бердер.

— Ладно, скажу прямо! — рубанул ладонью Артур.— Я навидался всякого, и готов поверить, что на юге орудуют банды, снабженные древним знанием. Очень похоже, что двое москвичей, которых я когда-то вытащил... Будь проклят этот день! Очень похоже на то, что они высеяли вибрион холеры. Также, судя по всему, они поднимались на борт военных кораблей. В Средиземном море чудом не затонула часть американской эскадры. Наверное, эта парочка пыталась оживить механизмы, но у них получилось лишь снять несколько торпед и взорвать у итальянского берега пару снарядов...

— Почему они это делают, Клинок? — подняла высохшую руку Хранительница.— Почему они не вернулись в Петербург, когда растворилась Москва?

— Что ты хочешь услышать от меня, госпожа? Что я ошибся в людях? Да, это так. Но я не только в них ошибся. Десятки и сотни людей готовы

продать мать родную ради славы и богатства. Наверное, при дворе Карамаз-паши эти двое получили то, что не могли им дать мы...

— Слишком просто у тебя получается,— вставил Кристиан.— Эти двое французов тоже сбегут, или ты посадишь их в клетку?

— Не сбегут!.. Надеюсь, что не сбегут,— поправился Коваль. Ему вдруг пришло в голову, что Качальщики могут потребовать смерти для французских спецов.— Они не такие! Орlando, например, день и ночь не вылезает с верфey, мужик прямо горит на работе. Обещает мне, к следующей весне, пустить в строй рыболовецкий траулер...

— Хорошо, когда много рыбы,— многозначительно протянула Хранительница,— но плохо, когда каждый начинает коптить ее только для себя.

— Ты упрекаешь меня, госпожа, что я думаю только о своем городе? Но я не могу решать за всю Россию! Тем более что единого государства просто не существует... — добавил он, вспомнив, с каким небрежением относится мама к политическим терминам.— Не понимаю, к чему вы клоните? Ростов, Астрахань... От нас туда даже самые удалые купцы не ходят — нереально добраться. И товар сгниет, и охране жратвы не напасешься. Мы про южные города только от торгашей из Нижнего знаем. А что касается Симферополя, так это вообще Украина, бывшая, правда... Нам-то какое до них дело? У меня и в Питере забот по горло, воды порой хлебнуть некогда!

— Раньше ты говорил иначе, Клинок,— скривила губы Хранительница.— Раньше ты понимал, почему Качальщики думают обо всех, а не только о своей деревне. Когда ты это понимал, ты рисковал жизнью и отправился в Москву. В то время ты сделал очень много для равновесия, даже больше, чем предсказано в Книге. А теперь притворяешься, что самое главное — залатать старое корыто и наловить в Неве побольше корюшки. И ради этого ты покинул город и улетел в Мертвые земли?

На несколько секунд в избе повисло молчание. У Коваля внезапно сильно запершило в горле, словно он наглотался жареных семечек. Ему стало все понятно, вопросов больше не осталось, нужно было только дать согласие. Он ожидал предложения поучаствовать в любой локальной аванюре, возможно, растворить еще пару городов или казнить французов, но Хранители замахивались на задачу, явно непосильную. Самое обидное, что озвучить идею Хранительница, как всегда, предлагала гостю. Такая уж у нее была манера излагать истины Книги.

Книга... Господи, только этого не хватало! Ковалю прошиб холодный пот. Коли старуха вдолбила себе в голову, что Хранители памяти правы, переубедить ее будет невозможно. Чертовы сморчки, нажевавшись коры у себя в дебрях, знать не желают, каково это, когда от тебя зависят судьбы сотен тысяч людей!..

— Если даже Карамаз-паша — это действительно бывший духовник президента Ивана и советник бывшего губернатора, — глухо сказал Артур, — если этот человек действительно Карин, в чем я пока не убедился, это не повод выступать в поход на Стамбул. У казны не хватит средств оснастить большое войско, а войско нужно громадное. Громадное войско завязнет; мы не знаем, что творится на берегу Черного моря. И что я скажу людям? Одно дело — гвардия, наемники, им в радость саблей помахать. А с какой радости матери отпустят сыновей, обычных рекрутов, за несколько тысяч миль? Одно Великое посольство уже сходило на юг. Пусть Карин творит там, в Италии и Греции, все что хочет! Я даже предвижу, чем закончатся его похождения. Рано или поздно появится другой паша. Или сам придет, или полковники втихую прирежут своего начальничка. Так всегда и бывало, можете полистать книжки про царские династии. Сегодня пан — завтра пропал; чем острее штыки, тем сложнее на них сидеть. Наступит конец, там народ горячий.

Надо отдать должное, мужик талантливый... Таковую уйму народищу обмануть, сначала в Питере, а теперь вон где. Но я думаю, ему просто жутко повезло, попал со своими бандюганами на момент безвластия. И очень грамотно подвел религиозный базис. Люди темные, от цунами никак не оправятся, с моря дрянь всякая летит — и тут приходит к ним избавитель. Нате, получите нового пророка! Наверняка, на белом коне гарцевал, чудеса показывал, вроде магниевой вспышки...

А что нищим гопникам надо? Да полную ерунду! Заявить, что все беды от неверных, и что богу только в радость, если мы всех собак, вместе с их крестами, перережем. Товары, верблюдов и баб можно не резать, и так сгодятся. Каждый услышал то, что ему больше по вкусу... Нет, госпожа, не может быть, чтобы Карамаз продержался долго. Тем более если это мой приятель Карин, то он уже старый человек. Помрет, — и после него вся эта зачаточная империя самостоятельно развалится и до России никак не дойдет... Я не вижу смысла подставлять своих солдат!

Он постарался произнести последнюю фразу возможно более твердо и покосился на Бердера. Хранитель силы, как ни странно, улыбался, словно Артур не молнии метал, а угощал гостей анекдотами.

— Если я не соберу Думу этим летом, начнется бунт, — заявил Коваль. — Слишком много недовольных, приходится держать удвоенные гарнизоны. Мне надоело быть козлом отпущения... В казне постоянно нет денег: для оросительных проектов, для починки мостов, — и выходит, что губернатор, гад такой, ненасытный, обирает собственных подданных... Не хватало мне еще войну развязать! И так на Новгород постоянно кивают: мол, у них и повинностей вполтину меньше, и в рекруты не бреют, и монастыри жируют... Никому нет дела, что в Новгороде народу в десять раз меньше. До того докатились, что и полковники,

которых сам назначал, по углам ворчать начали. Им тоже вольностей мало, подавай лавку в Думе! Для чего им власть, и сами толком не знают, будто от этого командовать лучше начнут... Только стрельбы на улицах не хватало.

— А если Дума сама попросит тебя отправиться на юг? — как бы невзначай спросил Кристиан.

— Чего?! — на короткий миг Артур решил, что над ним попросту издеваются. — Как бы мне из Питера, драпать не пришлось, после выборов!

Но оракул глядел — серьезнее некуда.

— Ты ведь врешь нам, Клинок, — спокойно произнесла Анна, и старая Хранительница, подтверждая, кивнула будущей сменщице. — Ты врешь нам, что в городе развал и смута. На самом деле, там покой, и люди молятся на тебя, особенно беднота.

— Не беднота держит масть, не ей решать. Ковбои захотят — и в городе не будет хлеба! — огрызнулся Артур, но почувствовал, что краснеет.

— Ну, так повесишь ковбоев, — раздраженно произнесла мама Рита, будто удивляясь тупости градоначальника. — Если Дума тебя выберет и попросит возглавить поход на юг, ты откажешься?

— Это невозможно представить...

— Я задала тебе вопрос, Клинок. Не заставляй меня думать, что ты превратился в святошу, отвечай прямо!

— Да черт с вами! — выпалил Коваль. — Если в Книге уже все решено, так о чем меня спрашивать?! Я так понял, что выбора нет?

— Выбор всегда есть, — рокотала Хранительница. — Шестеро Хранителей памяти, с разных концов земли нашей, называют эту осень лучшим временем для тебя и для страны...

— Для страны? — растерянно повторил Коваль. — Но страны нет...

— Для страны и... для государства, — Хранительница произнесла ненавистное слово с заметным усилием. — Никто не заставляет тебя воевать с Турцией. Честно сказать, наши мужики толком не поймут, где этот город с башнями находится... Ты хотя бы до Астрахани дойди...

Старуха умолкла, жадно припав к ковшику с отваром.

— Ну, а потом? — робко вставил Коваль. — С кем там воевать-то, в этой Астрахани?

— Потом... — хихикнула Анна. — Потом на восток, верно, мама?

— Верно, — кивнула та. — Надо бы на восток, все сибирские города собрать...

— Пока поздно не стало, — сказал Кристиан.

— Пока мы еще можем помочь, — сказал крюконосый старичок.

— Пока Озерники в силу не вошли, — хмуро бросил третий Хранитель.

— Ну, кое-где они давно при власти,— саркастически заметила Анна. Господи, взмолился про себя Коваль, сделай так, чтобы эту языкастую бабу понос пробрал! А вслух сказал:

— Христофор от рождения живет в Эрмитаже. Его трижды пытались выкупить и раз восемь хотели украсть, пока он был мальчишкой. Он спасал меня от смерти и показал себя настоящим мужчиной в походах. Я не пойму, чем он вам так не нравится? Вы его даже не видели ни разу!

— Он нам нравится,— очень тихо сказал Бердер.— Вопрос в том, понравится ли он Озерникам? Как ты думаешь, он пойдет ради тебя на Ладогу?

— У Чудских он был,— промямлил Коваль,— тогда они вместе с Мишей к старому Рубенсу ездили, навещали. Вы хотите, чтобы я его шпионить заслал?

— Чудские Озерники не в счет,— отмахнулась мама.— Они траву валят, да на жабах гадают — вот и все их хитрости. А у ладожских совсем иной покрой.

— Их много, по всей стране,— вставил старичок.— Раньше тихо себя вели, детишек у дикарей воровали, да поклоны козлу клали.

— А нынче пошаливать принялись,— почесал бородку Кристиан.— То детишек чужих в скитах воспитывали, или жрали их, людоеды хреновы, а теперь в народ пошли. А к скитам ихним на змее уже не подлетишь, воротит змея-то!..

— Отовсюду весточки летят,— сказала Хранительница.— Насекомые, конечно, как всегда, слепые. У них, пока не загорится, не почешутся. Да и ты, Клинок, чего греха таить, сам есть, такой же, ни хрена не чуешь!..

— Весточки летят,— закивал старичок.— Видели наши верные братья мальцов в русских городах. Вроде и мальцы: усы еще не растут, и голосом не окрепли — а глядят точно волки. И стараются-то под простых рядиться: в худой одеже, да чунях деревянных, а то и на бересте... Да не всех провести они могут!

— Одного мы взяли,— сказал Бердер.— Под Орлом. Повезло нам, честно признаюсь. В город нам не войти, сам знаешь, глаза от грязи слезятся. А тут донес верный человек, что покушали касатики у него, в дорожной корчме, и дальше поскакали. Двое вроде нормальные, а третий — не совсем. Взгляд худой у парня. Еще когда от коновязи шли, кошка под крыльцо забила. Хозяин, первым делом перекрестился, а потом сынка-то до нашей деревеньки и послал. Еле перехватить успели, но успели...

— Ну и что? — удивился Артур.— Если он Озерник, так что теперь, душить его? Вас-то тоже не особо жалуют!

— А его и не душили,— отозвался Бердер.— Так, приложили к ноздрям тряпицу с гремучим рассолом, он сам все и рассказал. Хочешь узнать, губернатор, что у тебя под носом творится?

— Мне надо выпить,— чуть не жалобно протянул Коваль.

Мужики охотно плеснули ему можжевелевой настойки, понимая, что выжидали, пока Артур придет в себя. Когда огненная жидкость докатилась до желудка и бурлящей волной ударила в виски, Коваль почувствовал себя увереннее.

— В Ладожских скитах заправляют четыре Деда,— монотонно твердил Бердер.— В других общинах то же самое, по всей стране. Четыре Деда, кличут себя учениками рогатого. И тринадцать апостолов при них. Тринадцатый, он для смеха, баба блудливая, мужиком переодетая. Так они мыслят: для развлечения, дюжине блудница нужна... Потом Отцы идут, и Сыны. Много их, но сколько, парнишечка не знал. Каждый год они детишек забирают... Мы-то, дурни, думали, раз людишки не жалуются, стало быть, детей больше не воруют. Оказалось, что и воровать не надо. Нищие сами к ним приносят, за мерку серебра. Детей-то, год от года, все больше рождается, вот и не заметно, что пропадают. Девочек нетронутых опять же крадут, или у цыган перекупают. Издалече везут, чтобы народ не волновать, чтобы пропажу на утопление, да на зверя дикого списали... А девки им не только для забавы нужны. Тут малек ничего толком не сказал, забился, словно в падучей. Видать, сильное заклятие наложено, запечатан роток у него. А нынче мальцы, которых лет пятнадцать назад украли, подросли. У озер... Раньше бы, в скитах остались, а теперь Деда послали их в народ. Вот так вот...

— И какой от них вред? — отважился Коваль.

— А покамест никакого,— несколько оживился наставник.— Но малец этот, он волчонок, самый настоящий, нелюдь... Под рассольчиком признался, что велено всюду по Орловщине ездить да выведывать. Где люди воду берут, где скотину моют, где хлеба хранятся, а главное — как оборону держать думают, если вдруг напасть какая. Посмеялся он даже, даром что в беспмятстве лежал: мол, скоро всех вас землю жрать заставим!

— Бред какой-то! — усомнился Артур.— Сотню лет они вокруг Ладоги обитаются...

— Не ты ли нам рассказывал, со слов пивовара, как Карамаз-паша, с каким-то Озерником, на юге, встречался? — спросил рябой Хранитель.

— Было дело,— согласился Артур.— Но озер по России тысячи, и нечисти вокруг них еще больше. Мне что, все леса вокруг Ладоги вырубить? Кто будет такого губернатора терпеть, который за первое подозрение на людей кидается?

— Ну-ка, милая, полистай назад Книгу! — скомандовала девушке мама.— А знаешь, Клинок, как Белого Деда на вашей Ладоге в миру зовут? Гри-го-рий! Гришка, Риша... Что замолк, будто язык прикусил? Не тот ли Гриша, что у Карамаза водицу ядовитую просил? Что, Клинок, коломутно?

— И малек,— Бердер тяжело вздохнул,— малек признался, что Гришку по всей Руси уважают, потому как он, по слухам, паломство на юг совершил, и уж лет пять, как от могучих магов помощь получает. Все, что захочет, то и получает. И золото, и оружие всякое, и коней. Живут, мол, в скитах, как цари: все у них есть. И за подарки эти одну лишь повинность на себя взяли. Для них и не повинность, а в радость, считай. Как и прежде, мальчиков подбирать да в детей луны обращать. Воинство нечистое готовить. А у мальцов — страх перед гибелью Деда ловко отшибают. Оно и худо, Клинок. Мы с этим сопляком говорили, так он твердил, что нет слаще отрады, как принять от нас, собак, смерть тяжелую. Чем, мол, гибель страшнее придет, тем его, за крышкой гроба, краше примут...

И ни увидеть их нельзя, ни проследить. Своих узнают по тайным знакам, а чужих сразу режут. Потому и мы не можем заслать к ним никого: нас-то за версту раскусят. Ждут ироды только знака, что пора на православных ополчиться...

— Пивовар мог ошибаться,— прошептал Артур, уже понимая, что отбиваться от правды нет смысла. Все сходилось в точку.

Карин встречался в Хорватии, или Швейцарии, с одним из Ладожских колдунов!..

— Какая Дедам радость от Карина? — только и спросил он.— Неужели только золото?

— А разве этого мало? — усмехнулась Анна.— Прежний губернатор, до тебя, задумал было общины их сжечь — все до одной. Карин тогда, по слухам, вступился; вот дружба и пошла... Ты не смей нас, Клинок, немало ведь уже пожил, и древний мир застал. Сам не знаешь: когда золото в глазах горит, для иных нет разницы, кому поклониться? Вчера был Крест, сегодня — козел, а завтра к Месяцу ущербному припадут...

— Он создает лагеря боевиков,— Артур чувствовал, как крепкая настойка расходится по венам, и приносит, такую желанную сейчас, ослабленность.— Ладно, я понял, госпожа. Я поговорю с Христофором... Но Дума не поддержит войну...

Хранители хором крикнули и, вернувшись к столу, загремели кружками.

— Не будет войны, Клинок, коли все сделаешь по уму,— строго произнесла мама Рита.— Шепнешь дьяконам послушным, что мы готовы принять Крест.

Артур не сразу оценил слова полуживой старухи. Своей системой верований и скупой обрядностью Качальщики напоминали ему древних китайцев. Любое действие, и даже эмоция, обращенная к небу, сопровождалась у них чисто практическим значением. Например, с сосной требовалось обращаться, ни в коем случае, как с куском будущей мебели,

а вода в таежной речке была не просто неким объемом холодной воды. Вода давала жизнь тысячам и миллионам личностей, с каждой из которых можно было войти в контакт... Впрочем, встречались люди самые разные, а в Польше, в деревне Кшиштофа, Коваль познакомился даже с ярыми католиками. Не так давно у большинства горожан одно лишь слово «Качальщик» вызывало истерию и ужас. Деревенские как-то с ними мирились, но тоже недолго любили. Кто же любит соседей, если они значительно умнее?..

— Ты с митрополитом не в ладах? — угвердительно спросила Хранительница. — Тем более не стоит его радовать эдаким винтом. Навестишь дьяконов, архимонахов всяких, я в их званиях не шибко понимаю, и намекаешь им, что мы не возражаем. Но два условия. Митрополита на Соборе они скинут, пущай срочный созывают! Чтобы старикашки этого вреднючего и близко не было. Вот Василий, к примеру, супруги твоей духовник... До меня слухи доходят, что человек дельный, толковый, честный...

— Не по чину ему, — откликнулся Коваль, лихорадочно обдумывая новый, свалившийся на него, прожект. — Василий, на самом деле, толковый и честный, но ступенек церковных не прошел, не выберут его!

— Кха! А ты сделай так, чтобы выбрали! — Хранительница надолго закашлялась. — Коли поймут дьяки-то, что золото и овцы новые к рукам идут, так и сговоритесь. Пусть открывают приходы хоть во всех наших деревнях. Пусть проповедуют, но насильно детей к попам никто не поведет. Теперь слушай дальше, это соборникам особо понравится.

Скажешь, что мы берем на себя переезды, постройку часовен, церквей и жалование всех служителей, которых Собор пошлет в леса. Это будет... человек сорок по России. Кроме того, намеки, что мы нарежем у деревень всем пастырям лучшие земли. И готовы починить... ммм! Ну, пусть будет три, для начала! Да, мы три монастыря построим. Или починим. В знак добровольного перехода к Собору. Но это еще не все.

Дашь святошам время обдумать такую мысль. Не ухватятся за нее — смело можешь гнать их из города! Скажешь, мол, Хранители слух по всей... России пустят, что истинная власть только у Питерского митрополита. Потому, дескать, и поддержали его...

— Гениально! — восхитился Коваль, пока мама глотала отвар.

— Опять мудреные слова говоришь? — беззлобно укорила его старуха. — Еще такое добавишь. Дикари, мол, от Ярославля и до Мурманска, тоже просят митрополита взять их под свою опеку. И кроме пастыря хотят помощь лекарскую, и грамоте у попов обучаться... Такое дело. И пусть не робеют, а собирают к осени российский Собор. Не надо тянуть до следующего лета; чем меньше народа будет, тем лучше. Быстренько патриарха выберите, а кто не подчинится, того к ногтю, а имущество — твоим гвардейцам да церкви...

— Эээ... — Артуру пришло в голову, что мама употребляет не целебную настойку, а втихую заправляется бражкой. Кинуть соборникам такую кость — это было слишком круто. Можно сказать, после такого пассажа успех на выборах обеспечен! Но... — Извините, госпожа, но при чем здесь солдаты? Ведь не могу же я послать людей, ну, скажем, в ту же Астрахань, чтобы помочь соборникам скинуть тамошних попов?

— Именно, солдат и пошлешь, — закутываясь в одеяло, подтвердила Хранительница Книги. — Но не сейчас, понятное дело, попозже маленько...

— Когда это, попозже? — окончательно сбился с мысли Артур.

— Слушай, Бердер! — мама деловито повернула незрячие глаза к Хранителю силы. — Ты там, пока учил этого обалдуя кулаками-то махать, репку ему поленом не повредил? Или ты на Неве от сырости отупел, а, губернатор? — переключилась она на Ковалю. — «Попозже» наступит, когда соберешь в кулак Россию. Только не спрашивай, почему именно ты, иначе запущу бутылкой!

21

ЮБИЛЕЙНЫЕ ИГРЫ

Это была их давнишняя игра, которую они начали пятнадцать лет назад. Пятнадцать лет подряд почти каждая их встреча превращалась в новый медовый месяц: они успевали отвыкнуть друг от друга.

Но чем больше Артур отвыкал от нее, тем сильнее натягивался невидимый, упругий канат, бросавший его с неистовой силой в объятия жены. Порой он испытывал необъяснимое, почти мазохистское удовольствие, нарочно задерживаясь в Питере или в дальних поездках по области, когда дел уже не было, и почти не оставалось сил терпеть.

И всякий раз, натягивая канат до предела, он с радостным удивлением убеждался: не рвется!

Не рвется — и все тут.

С Надей было всегда не так, как с другими женщинами. Другие женщины были его работой, дополнительным заработком, а Надя Ван Гог...

Надю он просто...

Артур постоянно корил себя за то, что никак не может выговорить таких простых слов. Всего лишь три слова, и выговорить их проще некуда. Наверное, он не мог их произнести, потому что Надя никогда не просила об этом. Другие просили. Даже те, которых привозили исклю-

чительно в коммерческих целях. Они приезжали и порой неделями томились в Эрмитаже, ожидая, когда полуживой губернатор появится из бесконечных разъездов, выспится и исполнит долг папы.

Даже тогда, во время работы, они говорили о любви. Потом служба мамы Роны выносила вердикт о благополучном зачатии, и они уезжали. А семейство Кузнеця получало очередную партию зерна или свиней...

Артур никогда не брал золотом, даже после того как рубль понемногу стабилизировался, и на Монетном дворе научились чеканить сложные деньги, из сплава двух металлов, недоступные фальшивомонетчикам. Он брал только натурой и сразу делил заработок на три части. Треть шла в казну — и это стало обязательным налогом для всех пап в городе, треть он добровольно передавал в особый фонд помощи начинающим ковбоям, а остаток отправлялся в личное имение, где управляющим сидел двоюродный брат Миши Рубенса-младшего.

Коваль не сумел бы точно ответить, сколько земли принадлежит ему лично. Кадастр только начал составляться, и на этом этапе вовсю шла борьба с самозахватами. Точно так же он не знал доходности четырех мастерских разного профиля, бойни и нескольких свиных и птичьих дворов.

Все это хорошо знала Надя Ван Гог, ухитряясь две трети года проводить в уральском имении, в кругу жен Качальщиков. Она прибывала с ревизией и тихим, но твердым голосом добивалась от управляющих полного отчета. Она не отмахивалась, как ее муж, от мелочей, и никуда не торопилась. Хозяйственники бегали перед ней, взмыленные. Положа руку на сердце, Коваль признавал, что они стали богаты благодаря супруге...

Надя не мозолила мужу глаза, не позволяла вырастать пересудам и сплетням. Она родила ему четверых, но пятого собиралась рожать для казанского хана.

Может быть, именно поэтому она так упорно противилась переезду в Петербург. Наступал момент, когда мысль о созыве Думы витала на каждом углу, когда весь город, вплоть до самых отсталых дикарей, начал вспоминать о прежнем губернаторе, арестованном и сосланном на Урал. Говорили, что Кузнец уже трижды обещался назначить выборы, но до сих пор не сдержал слово...

Народ, отвыкший от плетки, потихоньку закипал. Коваль прекрасно понимал, что достаточно вернуть казни по политическим убеждениям, и все мигом успокоится. Наступит тишь да благодать, и никто не посмеет намекать, что жена губернатора, сама здоровая мамка, не рождает на продажу.

А коли она не рождает на продажу, так может, и наши бабы скоро воспротивятся, резонно спрашивали друг друга папы. В реальности, ни один здравомыслящий муж не мог запретить своей жене рожать «на

сторону»; во-первых, это приносило больше денег, чем самые доходные промыслы, потому что на свет непременно появлялись все новые мамы и папы. А во-вторых...

А во-вторых, обычаю было уже почти сто сорок лет, и даже церковь помалкивала, не находя доводов для истребления греха.

Но Надя Ван Гог даже лучше мужа понимала, что после думских выборов последуют выборы нового губернатора, уже совсем с другими, урезанными правами. Поэтому следовало сделать решительный, но малоприятный для супруга шаг именно теперь, чтобы все видели, как супруга градоначальника болеет за воспроизводство.

Скрепя сердце, Коваль согласился с кандидатурой казанского правителя. По крайней мере не урод, вежливый, и изо рта не воняет. И богатый, очень богатый, что тоже неплохо. Хотя, по неписаным правилам, жена могла ни о чем с ним не советоваться. А могла вообще за попытку притеснения воззвать к народу и развестись в одностороннем порядке. И каких-то пятнадцать лет назад, при папе Рубенсе, народ бы ее поддержал.

И сейчас бы поддержал, но втихомолку, что обернулось бы очередным гуттаперчевым противостоянием. Как было с соборниками, как было с колдунами и выборгскими ковбоями.

Но Надя Ван Гог не взывала к народу. Она ухитрилась даже в столь щекотливом деле проявить завидную мудрость и выбрала казанского руководителя из трех дюжин кандидатов. В Казани давно наблюдалось некоторое двоевластие — то рулили слуги Месяца, то, на плечах нового дворянства, в кремль врвался очередной светский правитель, но торговля от этого не очень страдала. Лишь последние три года наметился явный перевес в сторону традиционных ценностей, и замелькало такое загадочное, и одновременно близкое слово «хан».

Надя Ван Гог самостоятельно решила, что мужу не повредит более близкое родство с человеком, от которого зависело, чтобы тридцать тысяч русских жили спокойно под сенью минаретов...

Теперь жена возвратилась из Казани в Питер, и он немного тревожился, получится ли у них все, как раньше.

Надя никогда не упоминала о чувствах. Ни разу, за пятнадцать лет, не отказала мужу в медовом месяце.

— Ну зачем тебе, чтобы я постоянно торчала перед глазами? — смеялась она, откидывая со лба копну светло-русых волос. — Пускай тебе дикарки твои надоедают, что спину мнут!

— Я не сплю с ними! — заводился Артур, а сам в эти минуты сгорал от ревности.

А вдруг у нее кто-то есть? Ведь проверить почти невозможно! С младшими детьми сидят няньки, Николай давно в Питере, Белочку тоже забрал в школу. Надежда, девчонка по-прежнему видная, стала для

мужиков еще притягательнее в своем материнстве. Да и всего-то ей тридцать четыре стукнуло — самый возраст для гульбы...

— Поэтому мне лучше оставаться пока там,— шептала она мужу, обнимая его под одеялом.— Там, далеко, я знаю, что ты меня помнишь, а здесь я быстро надоем.

— Но до сих пор ведь не надоела? — понарошку обижался он, и хватывал ее зубами за ухо...

В этом году они играли в юбилейную игру. Пятнадцать лет вместе и не меньше сотни медовых месяцев позади. И каждый раз Артур вспоминал, как Качальщики привезли их в крошащуюся от сырости гостиницу, посреди леса, и как любил ее, девятнадцатилетнюю, на полу, на шубах...

— Можно, я погреюсь у тебя?

Вязаный халат, волосы хвостом и ни тени улыбки. Пугливая девушка, изучающая нового мужчину.

— Погрейся,— Артур придвинул кресло.— Тут тебе будет удобнее.

Она забралась с ногами, сверкнув из-под халата голыми пятками, и усталилась на огонь. Он так любил наблюдать, когда Надя следит за пляской пламени. Зрачки сужались и расширялись, крылья носа чуточку расходились в стороны, и все ее лицо, округлое и немного простоватое, приобретало вдруг кошачьи черты. Она относилась к огню как к хтоническому чудищу, как к живому воплощению темного божества, и Артуру казалось, что ее пальцы вот-вот начнут скрести по обшивке кресла, превращаясь в кошачью лапу...

— Хочешь, я укурю тебя одеялом?

Она чуть сдвинула брови, изобразив легкое недовольство, но потом кивнула. Он принес пуховую перину и, стараясь не прикоснуться ненадолго к телу своей гостьи, закутал ее до подбородка. Игра шла своим чередом, но всякий раз окрашивалась новыми вариациями.

— Ты хочешь, чтобы я уснула, да, демон? Надеешься, что сонная, я буду сговорчивей?

— Почему ты называешь меня демоном, женщина? — Артур плеснул в бокал сливовой наливки.

— Потому что ты хитрый, как демон.— Она задумчиво посмотрела на бокал в его руке.— Ты думаешь, что если накрыл меня, то я не уйду? Вот возьму и уйду, прямо сейчас!

Он прошел за ее спиной и закрыл дверь на ключ. Ключ положил в вазочку на каминной полке. Затем подумал, и привязал к поясу. Хозяина спальни прикрывало совсем немного одежды: льняная рубаша с открытым воротом и короткие штаны из замши самой лучшей выделки.

Надя следила за его манипуляциями, как застигнутый врасплох зверек. Артур постоял, покачиваясь, подкидывая на ладони тяжелый бронзовый ключ, затем отогнул пояс и спрятал ключ под штаны.

— Ты не уйдешь. Тебе для этого придется открыть дверь. Для этого тебе придется самой достать ключ.

Надя вздрогнула, и чуть порозовела.

— Ты хочешь напоить меня? Я слышала о твоих уловках. Ты всегда стремишься напоить женщин, которые ненадолго заходят к тебе, чтобы погреться у огня?

— Я отвечу тебе, если ты выпьешь со мной.

— С какой стати мне пить с тобой? — Она пригубила наливку. Коваль очень любил смотреть, как она пьет. После глотка, она всегда проводила языком по губе, точно собирала оставшиеся кристаллики сахара.

— Если ты со мной выпьешь, я скажу тебе нечто важное. Очень важное для нас обоих.

— Так я и поверила! — Она опустошила бокал. — Ну вот, теперь говори, ты обещал.

— Да, теперь я скажу, — проходя мимо, он подлил ей напитка. Томная, рубиновая струя слегка пенилась. — Я приготовил для тебя подарок. Он лежит здесь, в этой комнате, очень дорогой и красивый подарок. Но ты должна угадать, в каком из пакетов он спрятан.

Подыскивая сувениры, Коваль всякий раз невероятно мучился. В этом мире не существовало магазинов косметики и художественных промыслов, да и саму идею дарить супруге безделушки мало кто разделял. Тем приятнее было Артуру ловить печать азарта на загорелом лице жены и наблюдать, как подрагивают в предвкушении ее такие детские, пухлые губы. В полумраке губернаторской спальни, на коврах и медвежьих шкурах, были разбросаны штук десять туго набитых мешочков и пакетов.

— Так я встану и найду!

Надя следила за ним, кося хитрым взглядом. Артур видел, как на ее напряженной шее, там, где бронза загара сменялась молочной белизной, ритмично пульсирует венка.

— Если ты встанешь, я не отдам тебе ключ. Тебе придется провести ночь со мной.

Он подлил еще вина в ее бокал.

— Размечтался! А как же мне тогда отыскать подарок? А что там такое? Вдруг ты меня просто обманываешь?

— Тебе жарко под одеялом, отдай мне свой халат.

— Еще чего захотел! — Надя закопошилась под пуховой периной.

— Я прошу тебя. Всего лишь сними халат, ничего больше!

— А у меня, кроме него, ничего и нет. Я сниму, а ты отнимешь у меня одеяло?

— Ни в коем случае. Я обещаю, что верну его обратно!

Коваль терпеливо ждал, подставив руку. Наконец мягкая, горячая верблюжья шерсть, несущая запах ее тела, легла ему в ладонь.

— Теперь давай мне подарок,— капризно сказала она.

— Встань и найди его.

— Ага! Теперь, когда я совсем-совсем раздетая...

— Да, теперь, когда ты раздетая.

— Ты обманул меня! А я тогда завернусь в одеяло и так пойду!

Она поднялась с кресла и, придерживая перину подбородком, принялась наматывать ее вокруг себя. Коваль, устроившись в соседнем кресле, с улыбкой следил за ней. Желу поджидал новый трюк: стоило ей сделать несколько мелких шагов по мохнатому ковру, как от одеяла с треском отвалился изрядный кусок.

— Ах ты, негодяй! Ты подсунил мне ворох подушек! — Она пыталась удержать расплывающиеся фрагменты, но тут, под собственной тяжестью, отвалился второй кусок. Ее голые ноги стали видны до колен.

Взвизгнув, Надя юркнула обратно в кресло.

— Очень дорогой и красивый подарок,— вкрадчиво соблазнял Артур, любясь на ее блестящие, крепкие лодыжки.

В свое время, лет десять назад, он выдержал настоящий бой, преподавая своей жене основы эпиляции. Единственным приемлемым методом оставался огонь, и Надя, тогда, помнится, кричала, что муж хочет подпалить ее, как курицу...

А потом привыкла и втянулась. И, в отличие от тысяч сверстниц, привыкла выщипывать брови, удалять лишние волосы и каждый вечер принимать душ. Она многое ловила на лету, подлаживаясь под представления мужа о красоте, чистоте и безопасности...

— Подарок только один, а пакетов много,— сообщил Артур, подкидывая в камин березовое полено.— Ты все равно не успеешь их просмотреть, нитки разорвутся. Но попробуй!

— А что там, внутри?

— Там одна ценная вещь, которую я привез для самой дорогой женщины из Мертвых земель.

— И кто же эта самая дорогая? — обидчиво вспыхнула она.

— Та, которая не поленится проверить все мешки.

— Не постесняется, ты это хочешь сказать, демон? А вот и не пойду!

— Тогда я не отдам тебе ключ и отберу халат. Сюда придут гвардейцы и будут смеяться над тобой. Может быть, даже захотят потрогать, насколько ты крепкая, под одеялом...

— Ты гадкий и подлый!

Она решительно поднялась, стараясь удержать одеяло, хотя бы на груди. Но тяжелые подушки, стянутые буквально тремя стежками, расползались в руках. Надя нагнулась над первым пакетом. Он оказался набит старыми тряпками. Чертыхнувшись, она засеменила к следующему, Артур повернулся вместе с креслом и смотрел на ее ноги. Одеяло

она придерживала на талии локтями, волосы рассыпались, укрывая спину.

Перед тем, как прийти к нему, она нанесла на тело ту самую, жирную мазь, по которой так легко скользят пальцы. Артур чувствовал этот тонкий, чуть отдающий медом и горечью аромат, слившийся с ароматом ее тела. Всякий раз Надя привозила с собой из леса что-то новое: сбор из трав, любовную настойку, крем, изобретенный Качальщицами...

Сегодня ее плечи и лодыжки переливались. Когда она присела на корточки, чтобы получше разглядеть пустой кувшин, Артур увидел, что зеркально сияет и все остальное. Она села на корточки, повернувшись к нему спиной, и как будто случайно, выронила одеяло. Артур смотрел на рюмочный изгиб ее тела, на котором, если она прогнется еще чуть-чуть вперед, можно удержать несколько крупных монет...

— Здесь ничего нет!

— Хочешь, я подскажу, где лежит твой подарок?

— Хочу!

— Тогда подними руки.

Сквозь хрустальную вязь бокала Артур следил за удивительной, почти африканской пластикой ее тела.

— А ты не начнешь меня лапать?

— Ни в коем случае.

— Ну, ладно, только ненадолго.

«Пятнадцать лет,— восхищенно думал Коваль, впиваясь взглядом в ее наготу,— Пятнадцать лет — и она все так же краснеет, сжимает коленки и невольно тянется прикрыть грудь...»

Он поднялся, запалил от огня лучину и медленно пошел к ней, на ходу зажигая свечи. С каждым шагом хозяйина зала становилась все светлее. Шитье гобеленов на окнах мерцало от света десятков свечей, из камина тянулись к паркету жаркие, багровые языки, отражаясь в бронзовом блеске подсвечников. С потолка улыбались мудрые купидоны, а тритоны волкли в глубину зазевавшихся русалок.

— Ну что, насмотрелся? — сварливо спросила Надя Ван Гог, не делая попыток поднять с ковра одеяло. Артур остановился у нее за спиной, вдыхая аромат притираний.— Только не вздумай ко мне прикасаться.

Ее тело стало еще желаннее, чем прежде. Чуть раздались бедра, немного опустились соски, стали тяжелее ягодичы, но натертая травами кожа, как и раньше, отливала перламутром, и оставался почти плоским живот. Настолько плоским, что, замерев у нее за плечом и глядя вниз, в ложбинку, где прилип маленький крестик, он видел то место, куда так стремились его руки.

Женщина резко отодвинулась, преодолевая желание откинуться назад.

— Я не вижу тебя. Перестань закрывать грудь, и убери волосы наверх.

— Скажи уж честно, чего ты не видишь,— Наде потихоньку начинало передаваться его волнение, она дышала уже не так ровно, как прежде. Сейчас наступал самый ответственный момент игры, важно было не поддаться слабости и не рухнуть, обнявшись, в густой ворс... — Скажи, не то не уберу.

— Я не вижу твоей задницы.

— Ха! А чужие — глаза еще не намозолили? Ну, так и быть, а теперь говори, где мой подарок.

— Твой подарок вон там.

Он указал в угол спальни, где сохранилось одно из немногих больших зеркал дворца, оправленное в толстую раму. Рама изображала переплетение виноградных кистей и пшеничных колосьев, а на самом ее верху, метрах в двух с половиной от пола, красовалась потускневшая, многолучевая звезда. Со звезды свешивался холщовый мешок.

— Как я его достану? Ой, не дыши мне в затылок.

— Мне нравится твой затылок.

Он коснулся кончиком языка того места в основании черепа, где трепетала пушистая ложбинка. Надя вздрогнула всем телом, словно через нее пропустили электрический заряд. Жена была намного ниже его, и когда они обнимались, легко пряталась у Коваля под мышкой.

Артур вложил ей в ладонь веревочку.

— Завяжи волосы. Ты можешь залезть на банкетку, оттуда дотянешься.

Теперь она стояла лицом к зеркалу, в двух шагах от его серебряной поверхности, отражаясь с головы до пяток. Ловко закрутила хвост вокруг макушки, воткнула в волосы несколько заколок и слегка наклонила голову, ожидая его первого поцелуя. Крохотные огненные зайчики света прыгали по напружиненным мускулам ее спины и прятались в тени сжатых бедер.

— Мне неприятно, как ты на меня уставился, Демон.

— А мне неприятно, что ты так крепко сжимаешь колени, словно боишься меня. Мы договорились, что я увижу тебя всю, а ты не выполняешь условий.

— Вот еще! — фыркнула она.— Чего мне тебя бояться?

Он подвинул банкетку к зеркалу. Это была одна из уцелевших мебельных реликвий восемнадцатого века, на позолоченных, гнутых ножках.

Надя медленно, словно пробуя воду, подняла ногу и окунула пальцы в горностаевый мех, укрывавший бархат обивки. Потом, так же медленно, встала на колени и плавным движением раздвинула ноги.

— Так тебе видно, Демон?

Он взял ее за локти, и потянул назад, любуясь в зеркале, как поднимаются ее груди. Теперь они скрестили взгляды, и зрачки ее стали огромными, как маслины.

— Какой у тебя большой ключ...

— Ты можешь достать его.

Артур перехватил ее за кисти и развернул к себе лицом. Надя отодвинулась назад, почти вплотную к поверхности зеркала, и потянулась ртом к прорези на брюках. Сначала она зубами достала ключ, потом Артур ослабил пояс и отошел на шаг, удерживая ее руки. Он едва не застонал, когда она добралась до его раскаленного тела. Какое-то время он стоял, прикрыв глаза и ощущая лишь влажные губы жены, потом поднял затуманенный взгляд и увидел в отражении самую лучшую картину, которую мысленно рисовал себе все эти недели долгого ожидания. Он повел руками вдоль намащенной спины — вниз и вверх. Чувствуя, как она глубже выгибается под его ладонями, Артур не спешил окунуться пальцами в заветный полумрак. Он закусывал язык и возвращал ладони назад, проходя теперь вдоль дрожащих, налитых бедер и изогнутого позвоночника, заставляя ее зябнуть от нестерпимого желания. Наконец мозоли его ладоней царапнули два твердых соска.

Теперь он чувствовал не только ее полные губы, но и острые кончики зубов; чувствовал, как ее ногти оставляют под рубахой царапины. А потом ее руки поползли дальше, обнимая его целиком, окончательно освобождая от брюк, и сомкнулись сзади...

От внезапной, мучительно-сладкой боли он вскрикнул, и этот крик словно прозвучал для жены сигналом. Надя уже не слышала его просьб остановиться, она опускала голову все ниже. Волосы рассыпались по плечам; несмотря на его несильные рывки, она не разжимала рук, заключив мужа в пышущий пламенем капкан. Артур, уже не сдерживаясь, опрокинул ее на бок и склонился над ней, давая ей возможность опуститься еще ниже, ласкать его так, как умела она одна... Его пальцы уже скользили там, где расцветал горячий бутон ее плоти. И уже не жалея ее, облизал три пальца, хотя мог бы этого не делать, так легко в ней было скользить...

Делать два дела сразу Надя боялась, она вырвалась, растрепанная, покрасневшая, и совсем близко Артур увидел ее безумные, и такие счастливые глаза...

Но игра еще не закончилась. Не пытаясь освободиться от мужской руки, она, наоборот, приблизилась, терлась грудью о его рубашку, и постепенно раздвигала ноги, опускаясь, все ниже на пятки, пока не закусила губу от боли... Свободной кистью Артур держал ее за шею, проводя губами по ее набухшим губам, впитывая запах ее срывающегося дыхания...

— Ты... ты обманщик... Я же достала ключ...

— Так возьми... подарок...

Он неторопливо начал двигаться вокруг нее и вокруг тахты, отпустил ее шею, оставляя три пальца в прежнем положении... Потом нежно погладил ее спину, дал ей облизнуть большой палец другой руки... Надя дернулась, в зеркале он видел, как сокращаются и трепещут, в ожидании, две бронзовые дыни... Поймал губами ее рот, навалился сверху, не давая приподняться, и вошел второй рукой...

Женщина зарычала, пытаясь освободиться, но он уже поймал ее с двух сторон, изощренно и бережно играя на самых тонких и чувствительных струнах, зная, что спустя несколько секунд она взорвется, сильнее, чем взрывалась прежде... С каждым годом она ждала от него все более грубых ласк и взрывалась все отчаяннее и громче, на пределе сил, истекая потом, билась между его рук...

Он не ошибся, она стала еще требовательнее; если раньше Надя вспыхивала от боли, сегодня она только бессильно повисла, закинув руку ему за шею, зрачки ее закатились, ртом она терлась о его ключицу, оставляя мокрые дорожки, прихватывая зубами волосы на груди, а второй рукой сама удерживала его внутри...

Потом она кричала, долгим, протяжным криком, и уже ничего не соображала, и исцарапала ему шею, и сердце ее колотилось, как кузнечный молот... А Коваль сжимал зубы и, не отрываясь, смотрел в зеркало на эту агонию, на ручьи пота, стекающие с ее лопаток, что бились, как связанные крылья...

Потом он ее отпустил, и ждал.

Надю всегда приходилось ждать, и для него это было самое сладкое ожидание на свете. И отодвинуться при этом тоже было нельзя, потому что, падая на бок, поджимая колени и сворачиваясь калачиком, она дрожала крупной дрожью, точно попала голая на мороз... Но при этом, не открывая глаз, протягивала руку, и притягивала его ко рту, так что Артуру приходилось брать ее лохматую голову между колен, и застывать... А едва он пытался пошевелиться, она, недовольно ворча, как потревоженный со сна медвежонок, прихватывала его плоть зубами... Или опускалась чуть ниже и ощупью, не открывая глаз, дотягивалась зубами до самого нежного, самого чувствительного и нервного места, и втягивала губами, как втягивают из раковин устриц, или берут, с висящей грозди, виноград...

Артур прикладывал к лицу уставшие ладони и вдыхал, вдыхал, до изнеможения, и чуть шевельнув бедрами, двигался ей навстречу, давая понять, что и сам не может больше терпеть... Тогда она, не открывая глаз, с удивительным выражением целомудрия на взмокшем лице откидывала назад волосы и забиралась ртом все глубже, раздвигая его колени... И уже переворачивалась на живот, не забывая приподнять и поиграть лоснящимися половинками, потому что помнила, как муж

любит на нее смотреть, помогала себе обеими руками... И снова, не давая опомниться, невероятно изогнувшись, оказывалась на спине, и Артур, качаясь от изнеможения, видел лишь ее напряженное горло, и подбородок...

И в конечном усилии, теряя остатки воли, одну пятерню клал жене на шею сверху, а другой придерживал снизу, запрокидывая ей голову до предела, путаясь в ее роскошных волосах, и ощупью находил ее рот... А она, упираясь пятками в зеркало, вцепившись в горностаевое покрывало, толчками приникала к нему, пока он не взвился с рыком и не свалился на нее, всей тяжестью, ощущая низом живота, как сокращается ее горло...

— Боже мой, какая красивая штучка! Что это такое?

— Я думаю, это бриллиантовая диадема.

— Ди-а-де-ма... — по слогам повторила она, пока Коваль защелкивал ей на шее застёжку. — Какое смешное и трудное слово. Откуда она у тебя?

— Подарили, в Париже... добрые люди. Можешь гордиться, ее носили французские королевы.

— А можно, я буду гордиться тобой?

— А раньше ты мной не гордилась?

Кончиком языка он собирал капли пота с ее спины.

— Очень странно, — надулась Надя. — Почему это, мне никто, кроме тебя, ничего не дарит, а тебе, какие-то люди, непонятно за что, приносят красивые камни. Они что, дороже золота?

— Мне ее подарили, потому что знали, что у нас с тобой юбилей.

— Кто у нас?!

— Пятнадцать лет.

— Ой, молчи! — Надя шлепнула его по губам, затем упала на спину, сладко потянувшись, и притянула мужа к себе. — Я ужасно старая, да?

— Ты самая молодая и самая красивая!

— Я толстая и беззубая. Вот, видишь? — Она продемонстрировала мужу очередную дырку в десне. — А у тебя стало еще больше седины...

— Теперь ты уйдешь от меня к хану? Он молодой и черноволосый.

— Я подумаю, как поступить, — хихикнула Надя. — Ой, да ты ревнуешь меня, Кузнец? Ой, как весело!

— Нет ничего веселого. И вовсе я не ревную, просто уж больно ты там задержалась, — он старался говорить небрежно, но что-то его выдало.

— Кузнец, ты остался таким же дурачком, как пятнадцать лет назад, — Надя приподнялась на локте и водила пальчиком по его губам. — Ты знаешь, что к хану приезжали посланцы Карамаза?

22

В ОЖИДАНИИ ОСЕНИ

— **Ч**то?! — Коваль чуть не свалился с банкетки. — Ты там, в постели, шпионила или детей делала, я не пойму? Откуда ты знаешь про Ка-рамаза? Кто тебе назвал это имя? Халитов не настолько глуп, чтобы раскрывать рот в присутствии моей жены!

— Хан совсем не глуп, — задумчиво откликнулась Надя. — Он мне, как бы, ничего не говорил. Все получилось очень странно... На второй день он пригласил меня на охоту, с ловчими птицами, потом мы ужинали в поле, жарили мясо. Меня охраняли, кроме твоих ребят еще человек десять, ты не представляешь...

— Прекрасно представляю, — Коваль подумал, какую охрану выделил бы он, если бы к нему приехала ханская жена. У Халитова было три жены, и Артуру говорили, что все три появлялись на людях с закрытыми лицами. Слава богу, мамой была лишь одна, и чтобы забеременеть, помощь питерского губернатора ей не требовалась. И так все время на сносях ходила. Точнее, изредка выезжала в закрытой машине...

— И когда мы покушали, Эльсур даже предложил мне вина, хотя ему самому пить нельзя. Потом он играл в нарды с твоим полковником, и еще, были его генералы...

— У всех генералы, — тяжело вздохнул Коваль. А у меня, народу больше всех, а генерал всего один...

— Они говорили о волнениях на юге, а потом Халитов сказал, что Уфа решила выйти из Пакта...

— Напугали ежа одним местом!

— Халитов сказал, что Уфа выходит из Пакта, потому что не хочет разногласий с Качальщиками. Качальщики требуют, чтобы горожане не запускали старые заводы, и башкирские муллы с ними согласны. Они тоже говорят, что все беды оттого, что русским нейдет. Муллы говорят, что надо жить по Книге сур. Надо чтить бога, соблюдать посты и не хлестать водку, тогда и земля не будет качаться. А еще надо прекратить учить женщин грамоте, запретить неверным торговать на рынках...

— А при чем тут мы? Мы с ними, практически, не общаемся.

— Ты знаешь, мне показалось, что Эльсур рассказывал все это не только для мужчин, но и для меня. Даже, скорее для меня.

— То есть, для меня? — уточнил Артур.

«Это становится занятным, — подумал он, разглядывая пышнотелых ангелов на потолке. — Хан что-то задумал. Прямо говорить не хочет, а на дружбу намекает. Интриги, интриги... С другой стороны, нам с Каза-

нью делить нечего: и друг от друга далеко, и дел общих почти нет. Тут вон, с Таллинном цапаемся, новгородские буянят, купцов давеча поколотили, короче, со своими бед по горло...»

— Твои ребята стали хану возражать,— вполголоса продолжала Надя, водя указательным пальцем по мужниной груди,— убеждали его, что Качальщики вовсе не против заводов, если не сливать грязь в реки, и высаживать деревья, и все такое... Они разбуянились, тебя защищали. Рассказывали ему, сколько ты в Питере мастерских запустил, и про свет на улицах, и про паровики, и про биржу. Хан слушал, слушал... Знаешь, как он слушает: глазки прикроет, сам кругленький, вот и кажется, что добренький. Так он их слушал, пока не выдохлись, а после сказал, что и сам все это знает.

Сказал, что в Питере полно татар и что сам он у нас на бирже деньги оборачивает, и даже казанские рубли готов нашими заменить. И вообще, про губернатора Кузнецца он слышал много хорошего, но жить теперь они будут своим умом.

Тут он опять, вроде как, погромче заговорил, чтобы я слышала. Он сказал, что жить надо так, как завещали деды. Тогда все сытые будут, и раздоры кончатся. И тут такое на нас погнало... И про то, что в Питере гулящие девки в кабаках нагишом пляшут. И про то, что ты такие кабаки со спальнями разрешил, и налоги с них в казну берешь. И про то, что у нас девкам и бабам курить на улицах не запрещают. И про то, что у нас тех мужиков, кто с другими мужиками милуются, не топят, как у них, и причиндалы им не режут... Вот, говорит, приезжали гости с юга, там все строго, потому и народ не балует. Гулящих палками, да камнями бьют, и школы только при мечетях оставили, потому что от школ самый большой вред идет.

И мы, говорит, скоро у себя так сделаем, дайте срок. А иначе, сказал он, вернутся времена Большой смерти. Тут стало так тихо... Сам знаешь, всеу Большую смерть поминать негоже.

«Это с чего, такие страсти? — спросили наши.— Лет десять, почитай, уже масок никто не носит, а дети так и не помнят, откуда Большая смерть взялась».

«Это и плохо,— сказал Халитов,— что не помнят. Большая смерть пришла к людям, когда они на бога плюнули, и стали жить как скоты. Я слышал,— говорит он,— что у вас, в Петербурге, в школах до того дошли, что лекарихи девок без стыда учат, как с мужчинами ложиться. А еще я знаю, что у вас не трогают тех, кто жует траву и курит зелье, и вместо того, чтобы бить их насмерть палками, отправляют к Хранителям, на лечение. И что на такое грязное дело лекарей сам губернатор подбил. А с того, мол, началась Большая смерть, что стыд потеряли».

— Черт возьми! — вскипел Коваль.— Что же он валит все в одну кучу? Я пытаюсь возродить половую гигиену, при чем тут бордели и анаша?

— Ну, наши так и сказали, что мол, против срамных болезней учат, чтобы детки здоровые были. Мамочек-то все больше становится, тьфу-тьфу... А хан отвечает, что от такого учения весь вред и пошел. Что жили их предки в святости, и дочерей своих в узде держали, пока с запада такая вот гниль не поперла. Приезжали, к нему-де люди от Карамаза. Книги древние показывали, да газеты. Там так и написано, что... Сейчас вспомню, как же это? Что, мол, духовники Востока призывали людей вернуться к тра-ди-ци-ям, а власти их не слушали и раздавали бабам резину, чтобы детей лишних не было. И про мужеложцев написано было, и про девок кабацких. Будто имамы говорили, что таких надо плетками бить и из городов гнать, тогда зараза бы не пришла в дома к правоверным. Но имамов не слушали, потому что деньги были у злодеев...

— Н-да, старая песня... Но я же общался с Эльсуром, он не был таким отродоксом...

— Не знаю уж, кем он не был, но мне там не понравилось. И в городе не понравилось, а в деревне и подавно. У них и так мало кто древние книги разбирает, а теперь девчонок вовсе по домам сидеть заставили, им только хозяйством заниматься позволено! Слушай, Артур, я потом гуляла по городу, по базарам... Да не беспокойся ты, не одна же, с охраной. Я с женщинами говорить пыталась. Они дикие все, забытые, как чингиски, ничего не понимают. Сидят девчонки молоденькие, картошку или рыбу продают, половины слов не выговаривают. Сначала я думала, что это у них крестьянки такие, в лесу живут, потому что... А потом во дворце с женами Эльсура познакомилась, и с другими женами, начальников всяких... Развлекать меня пытались, люди-то добрые, ничего не скажешь, но они совсем...

— Хочешь сказать — глупые?

— Нет, почему глупые? Но я вот как думаю, Артур, ведь женщин примерно половина. И у русских половина, и у чухни, у норвегов, и у татар, у всех... И значит, половину людей хан, как собак, хочет под лавкой держать. Чтобы со двора ни ногой, и самим с ребятами знакомиться нельзя, и грамоте нельзя, даже считать не учат...

— Наденька, им виднее, как у себя жить. Мы не можем их ни заставить, ни переделать.

— Так ведь, эти самые девочки, кто сейчас под лавкой рыбу чистит и с чужим парнем словом не может перекинуться, потому что палками забьют, они же потом мамочками станут. Они же дикие совсем. Чему они детишек-то научат, ежели половина народа в дикости застрянет? Как они сыновей поднимать будут?

— Хороший вопрос, — хмыкнул Коваль. — Глядишь в корень... Так и поднимут. Такими же, всесторонне развитыми, членами общества... Слушай, наши там не передрались? — озабоченно спросил он. — И почему мне не доложили, что обратно захватили переселенцев?

— А что тут докладывать? — удивилась Надя. — Ничего такого нового. Наши караванщики, всякий раз, как оттуда идут, человек двадцать русских в Питер прихватывают. Много оттуда народу уехало, бояться стали. Но полковнику-то чего драться? Наоборот, на охоту съездили, отоспались...

— Ты считаешь, Халитов не прочь со мной встретиться?

— Он странно себя вел. И когда мы с ним...

— Да ладно уж, не стесняйся!

— Когда мы с ним вдвоем остались, — запнувшись, выговорила Надя, — мне показалось, он передать тебе что-то хотел. Да, видать, через бабу зазорно ему было...

— Так ведь мог и с мужиками передать.

— Вот и я так подумала сперва. А потом смекнула. Стесняется он. Не хочет показать им, что напуган.

— Напуган? Что-то я запутался...

— Мне кажется, тебе стоит съездить в Казань, Артур, — Надя произнесла это без нажима, как бы вскользь, но Коваль слишком хорошо знал жену. Она крайне редко выбирала именно такой тон, только когда хотела донести что-то исключительно важное. — Я прожила во дворце, у Эльсура, две недели и немножко научилась его понимать. Хан слишком умен, чтобы доверять гадалкам, и не занял бы Золотой трон, если бы был трусом. Тебе стоит съездить туда, пока не собралась Дума.

— Опасаешься, что меня выгонят в отставку?

— Ты же сам говорил, что надо устроить выборы, пока богатеи не начали решать без тебя. А как они решат, никто не знает, особенно те, с правого берега Невы. Сахарные заводчики, их еще зовут Королями свеклы, на своих сборищах кричат, что пора сделать вече, как в Новгороде, потому что, мол, городом управляют не те, кто добился положения своим умом, а те, кто губернатору пятки лижет. А ковбои-скотники? Заводы построили, разжирели, по сотне дикарей в батраках держат. А заборы какие вокруг хат подняли, колья в смоле, выше сосенок поднимаются. За заборами псы, а то и коты ручные. И сами, как псы, в щелочки пляются...

— Погоди-ка, — перебил Артур. — Ты что же, предлагаешь все брать и поделить? Вот уж от кого не ожидал...

— Да они, которые из первых ковбоев, спят и видят, как тебя столкнуть. Столько лет при старых властях жили припеваючи. Никто с них налогов не брал, цены они для города ломили, какие хотели, еще и в батраки к ним все нанимались. За мешок гнилой свеклы по месяцу батрачили. Я-то про это не просто наслышана, мой папка сам под ковбоями ходил, шею на них гнул...

И с кем они заодно, про это тоже всем известно. Как стал над городом губернатор Кузнец, пришел конец вольностям. В казну платят,

караванные стражи выставляют без всяких отступных, и сыновья их теперь в войске отслужить обязаны. Детей в школы чуть не насильно увести пришлось. Или ты забыл, сколько крику было, сколько твой Абашидзе усадеб пожег, прежде чем ковбои согласились девочек в город, на учебу отпускать? А подушный налог? А поземельный? Помнишь, как они выкручивались, будто неурожай каждый год и сами будто бы солому жрут, а бабы их, кто рожать может, по семеро детей как-то ведь кормят? Пока ты подушно не обложил и землю не разграничил, чтобы с худой земли меньше платить, чем с жирной...

«Она права,— думал Коваль, чувствуя горячее дыхание жены у себя на ключице. Как всегда, она права, хотя у нее нет штата доносчиков и своры экономистов. Ковбои превратились в бояр и по-прежнему живут богаче, чем ремесленники и фабриканты. И так будет продолжаться до тех пор, пока мы не введем новые формы земледелия, точнее, пока мы не вернемся к нормальной механизации. Немцы, вон, уже давно возвратились. У них опять один человек сотню кормит. И эстонцы, и литва, а у нас все никак. Оттого и нос задирают, ландскнехты хреновы. Им предлагаешь выкупить у мастеровых плуга новые, и трактора паровые предлагали, так нет ведь. Им дешевле нищих дикарей на сезон набрать, и прямо на поле, в шалашах поселить...»

— Все знают, что соборники заодно с ковбоями. Не все, конечно. Троицкий и Никольский соборы за тебя, но митрополит и Лавра стоят за ковбоев. Ты зря улыбаешься,— тормошила мужа Надя.— Мало тебе, что я чуть не померла, когда в тебя стреляли? Раз стреляли, два...

— Но не убили же?

— Типун тебе на одно место! Серго скажи спасибо. Только соборники-то не успокоятся, потому что народ им верит. Чуть что — Большую смерть поминают, чуть что — намекают на тебя. А люди слушают. Прямо, конечно, не говорят, боятся, но ведь если прямо заговорят, поздно будет Думу собирать. Они ведь на что злые-то? Ты сначала народ из дворцов повыгонял, когда коммуны распускали, а потом и с квартир повыгонял, кто без бумаги гербовой вселился. Они ведь, как коренные жители, хотели лучшее подмять, а ты лучшее новым служивым раздавать начал. Детей ты им по книжкам церковным учить не даешь, монастырь в городе открывать не разрешил, земельные угодья отводить им не стал. Сколько раз они к тебе за земелькой обращались?

— Да я уж и со счету сбился. Только ты не путай, Лавра у меня не землю просит, а полученные на нее дарственные узаконить хочет.

— То-то и оно, узаконить! Кто дарит-то? Те же ковбои, да фабричные, которым Земельная палата нарезала лесов для порубок. Я тебе скажу, что они сделают, если ты в Думу ихпустишь. Вся эта голытьба, которая тебя на руках носит, Старшин толковых выбрать не сумеет.

Пролезут те, у кого денег больше, кто народу на площадях вино бочками выставит, да медь в толпу раскидывать станет. Пролезут, и такой кулак соберут, что закачаешься. Уже бродят слухи... Вон, внучок у Прохора, что у тебя в Эрмитаже живет, на побывку приезжал, так даже пацан — и то наслушался...

И про то, что Кузнец собор от городской власти отделил настрого; и что девок крестьянских насильно в школы сгоняешь, а там супостаты гадости богопротивные рассказывают; и что французов нарочно из Мертвых земель привез, деток смущать. Про то, что новую железку для паровиков до Таллинна починить задумал, и две тысячи шептунов нанял, а для того всех, у кого больше двух коней на подворье, непомерным налогом обложил. И про то, что иноверцам золота от казны выделил, чтобы свои храмы чинили, да новые строили; про древние корабли, которые за казенные деньги чинить начали. Говорят, что ежели один такой корабль на промысел выйдет, сотни рыбацких артелей разорятся. А уж про иноземцев, тобой обласканных — германцев, чухню, да прибалтов, кого ты на Васькином острове, в хоромах селишь, — и говорить нечего...

— Так ты тоже считаешь, что от них один вред? Ты же, вроде, к причастию ходишь, всякую тварь любить должна?

— Про меня слова нет, я жена твоя. И Василий, духовник, хоть ты его и недолюбливаешь, худого слова про тебя не скажет. Наоборот, он говорит, что от иноземцев-то процветание в городе и пошло. И это он меня, если хочешь знать, первый предупредил, что после выборов кровь пролиться может.

— Он все еще в опале, у митрополита?

— Я так думаю, за то и в опале, что со мной нянчится, да Качальщиков защищает. Поначалу, когда он приход на Урале открыть решился, его благословляли. Подвижником называли, с древними святыми сравнивали... которых к голодным львам бросали...

— Это кто же, голодные львы? Хранители, или семейка Арины Рубенс?

— Вот, оттого Василий и печалится, — вздохнула Надя. — У него раскол-то, с митрополитом, из-за дочки Рубенса вышел. Приход ему где назначили? Да как раз на том хуторе, куда ты ссыльных поселил. Там, почитай, полторы сотни живет, расплодился. Вот, чтобы без слова божьего не остались и Крест не забывали, Собор его и отправил. А Василий с Качальщиками сдружился и остался у нас в деревне. Сруб ему поставили. К Арине и прочим ссыльным за двадцать верст шастает. Ему больше нравится среди Хранителей проповедовать, говорит, что в благодатную почву зерна падают.

— И что Хранители? Не обижают его?

На самом деле Коваль был прекрасно осведомлен о положении первого христианского миссионера. Его появление в деревне санкционировала

Хранительница рода, после того как Качальщики приняли решение не путаться больше в доктринах и не запутывать детей, растущих в Питере.

— Его даже любят, детки особенно, — рассмеялась Надя. — Девчонки даже плачут, когда он им про святых угодников и страсти всякие рассказывает. А к питерским ходит неохотно, сам признавался и митрополиту каялся, что тяжело. Недобрые, говорит, люди, злопамятные, тяжело к их сердцам пробиваться...

— Ну, еще бы, — заметил Артур. — Им есть на кого зло держать.

— Василий их и так, и эдак умасливал, чтобы хоть в детках ненависти к Качальщикам, не стало. Ведь живут рядом, а словно враги какие... А заодно, чтобы тебя, Артур, не проклинали. Ведь дела прошлые, кто в лесу выросли, те и не помнят ничего... Митрополит на Василия сначала за змея напустился. Василия назад на крылатом змее Хранители подвезли. Прознал кто-то и донес. Мол, змей — он не божья тварь, а бесовское создание, на черной крови возвращенное. Потом ему попало за то, что учит грамоте детей Качальщиков, а не ссыльных. Василий тогда соборникам и сказал, что никак не может заставить поселенцев отпускать детей учиться вместе с язычниками. А по раздельности он учить не будет, ибо для него все одинаковые.

Накипело у него, видать, раз поделился со мной, как его там ругали, в Лавре-то... Соборники намекали, что этой осенью губернатор слезами умоется. Мол, слишком много недовольных, дела в городе несправедливо вершатся. Новый заговор зреет, среди мелких торгашей. Их, почитай, с семьями сотни три по миру пошло, когда ты Гостинный двор отстроил и оптовые товары там, от казенных складов, задешево пустил. А крупные караванщики, в свой черед, тоже недовольны. С прошлого-то года, всякому каравану торговый налог вперед уплатить надо. Раньше прибыль утаивали, сходят куда подальше, хотя бы в Тамбов, и жалобят клерков, что ничего не поймали. А теперь прибыль, не прибыль, а вперед отсыпь...

А в тюрьмах сколько? Василий встречался с батюшкой в Никольском храме. У того сын за поджог третий год воду из подземки качает. Помнишь, рынок пожгли на Сенной, где усатые, в халатах, торговали? Этот вот батюшка, даром, что человек умный, прошений в Судебную палату не подавал, потому что сына не одобряет. Но все равно ропщет, говорит, что раньше такого не было. Такой, мол, губернатор кодекс сочинил, что честным людям, впору в лес бежать. Тысячи человек посадил. Раньше убийца или вора схватят, и никто за него гроша бы не дал. Топили без разговоров, или вешали, и никаких тюрем не надо было. Зато ежели мелочь какую по глупости натворят, так на то и молодость, чтобы шалить! Подумаешь, ну пару ларей черномазым подожгли — экая беда! Чтобы не повадно было цены сбивать, да на девок наших заглядываться. И маются теперь наши же русские парни в подземке, вшами за-

росли, свету белого не видят, все потому что губернатор усатых больше любит, чем православных...

Мол, кто у Кузнеца на задних лапках бегают, тому и усадьбы, и дворцы целые. Простые служаки, кого по дворам в рекруты забрали, в сараях живут, а гвардия — чуть не в сметане купается. Ведь самый подлый люд набрал в гвардию, даже иноземцев черных...

— А они что хотели, чтобы я гвардию вшам скормил? На кого тогда опираться?

— Вот про то Василий и сказывал. Есть такие, кто золота не пожалеет, лишь бы на сотню думских лавок недовольных посадить. Чтобы из тюрем, да из ссылок вернуть тех, кого Кузнец обидел, да ковбоям богатым честные поборы вернуть, да фабричным позволить строиться и сидеть там, где пожелают. А ежели клич кинуть, чтобы Качальщиков из города долой, так тут любой дикарь рад будет...

— А что сам Василий думает?

— Я много раз спрашивала. Он хитрый, говорит, что он тут ни при чем. Не в его правах, дескать, кесарям путь указывать, пусть другие, кого гордыня обуяла, у трона ползают, да нашептывают.

— А ты ему говорила, что едешь к хану?

— А что он скажет? Благословил. Что он сказать может? В Библии, говорит, нигде не сказано, чтобы такое непотребство церковь одобряла, но иначе после Большой смерти и не выжили бы. Он думает, что раз мамочек все больше, значит, господь услышал молитвы... А митрополит, на следующем Соборе, хочет анафеме предать всех, кто от иноверцев детей рожал.

— Совсем старик чокнулся! Как мы тогда генофонд сохраним? Ладно, милая, — он чмокнул жену в ухо. — Все это невесело, но Думу собирать придется, иначе пойдут бунты. Я устал с ними воевать, пусть сами выберут себе власть и сами с ней сражаются.

— А вдруг они не выберут тебя губернатором?

— Тогда мы уедем на Урал или, наоборот, в Варшаву, чтобы новый губернатор не думал, будто я под него копаю. Обидно, конечно, столько сделано...

Он замолчал. Вспомнил три последних года, когда управлять становилось все труднее, а мощные группировки буквально хватали за горло, требуя власти. Он разрывался между преданными ему братьями Абашидзе и Судебной палатой, а в судах сидели честные, но примитивные крестьяне, которые никак не могли понять, почему приговор должен соответствовать закону, а не порыву души...

Нет, избрания другого градоначальника допускать никак нельзя. Надо добиться своего во что бы то ни стало... Иначе, как частное лицо, он никогда не соберет средств на Второе посольство, как называл гран-

диозную затею Хранителей Левушка Свирский. И никогда не получит благословения у Собора, и никогда не сдвинет с места тысячи оседлых крестьян, которым дела нет до государства...

— Придется опять проявить большевистские качества,— сказал он жене и укусил ее за ухо.

— Это как?

— Телеграф, мосты и банки,— Коваль перевернул супругу на спину и скользнул ладонью вниз по ее животу.— Очень хочется, чтобы все было по-честному, но действовать придется по обстановке.

— Ты съездишь к хану, Артур? — Надя на полпути перехватила его ладонь.— Он совсем не трус и хочет добра своему народу.

— Неужто его напугали страшным Карамазом, который живет за тридевять земель?

— Нет, Артур. Мне кажется, он не хочет войны с тобой. И он что-то узнал. Что-то по-настоящему страшное...

23

СКАЗКИ ОЗЕРНОГО КРАЯ

В этих краях свет никогда не добирался до поверхности земли.

Здесь деревья росли так густо, что солнечные лучи путались в переплетении ветвей и задыхались, как беспомощные мушки, в тенетах паука.

Вокруг поляны вековые стволы поднимались настолько плотным частоколом, что ни один охотник не сумел бы сюда пробиться без топора. Но ни охотнику, ни лесорубу не пришло бы в голову штурмовать вязкую, гнилую трясину. А чтобы пробраться даже на край трясины, городским пришлось бы долго уламывать проводников из ближних поселений. Пришлось бы двое суток продираться через ельник, спускаться в лощины, оставшиеся после затонувших поселков, подниматься на курганы из скрипучего песка, под которыми стонали, рассыпаясь на части, древние заводы. Пришлось бы все время быть начеку, чтобы не проморгать ядовитых летунов, и мазаться пахучей смолой, чтобы отогнать клеца. А еще рыси, и шатуны, невесть откуда взявшиеся в сытом лесу...

Тот, кто преодолев чащобы и несчетное количество троп и дорожек, выходил к мурманской трассе, вдоль которой, в сухие дни, ветер гоняет рыжие смерчи ржавчины. А обочина, на двадцать шагов в обе стороны, превратилась в черную корку от слежавшейся автомобильной резины и золы сгоревших машин. Утюжили трассу, видать, на грейдерах не день

и не два, скидывали в канавы авто обезумевших дачников, норотивших скрыться от Большой смерти в курятниках своих...

За левую обочину и заступать-то не хотелось. Болото стелется на десятки километров, словно вырастая из озера, выбрасывая впереди себя смрадные плевки стоялых луж, подтягиваясь на покрытых слизью корягах и обволакивая редкие сухие островки звоном остервеневшего гнуса.

Звон стоял на два дня пути, почти до Петрозаводска, хотелось в ухе потрясти и зубами пощелкать, вымести изо рта гадкий звук. И ни черта было не видать сквозь кочки, да чахлые, пожухлые стволы. Только громада темная проступала вдали. Ясно, что лес вдоль воды, а не подберешься. Даже в светлые деньки, самые зоркие охотники терялись и терли глаза. Парило, парило над поясом прибрежного леса, и клубился над щетиной голых сучьев сумрак, мешая солнцу осушить трясины.

Иногда, впрочем, темень слегка расступалась, и на дальних опушках проглядывали древние строения, трубы или даже колокольни. Убегали влево от шоссе дорожки, а кое-где и на столбах бетонная развилка выгибалась, но все они, точно больничные швы, рассасывались в зеленовато-желтых холмиках и в пузырящихся лужах. И не подобраться никак к приозерным скитам...

Ни посуху, ни по воде.

Коляшущимся полукольцом, шириной в пяток километров, охватывала берег полоса водной зелени, вплотную примыкающая к суше. Даже самый опытный рыбак не решился бы провести лодку по лабиринтам узких протоков, среди завалов из гниющих бревен, за которыми, точно согнанные в одну кучу метлой, доживали свой век брошенные суда. Сквозь металл и пластик проросли болотные травы, камыш, и совсем уж непонятные водоросли проросли. Вымахали, словно тропический лес. Были раньше обалдуи, что и поджигать пробовали, из озорства.

Не горит травка озерная. Вымахали камыши в рост человека, шумят, стонут, вроде бормочут что-то. Далеко их слышно, так далеко, что поневоле перекреститься хочется...

Никто не подходил к восточному берегу Ладоги с этой стороны... Кое-где наметанный глаз мог бы различить остатки дорог и тропинок, убегающих в самый центр запретной земли, но в позабытых колеях осока и волчьи травы поднимались еще выше, чем по обочинам. А обочины покрывала обманчивая, мягкая мурава, в которой за минуту мог бесследно исчезнуть бык или телега вместе с лошадей.

На десятки километров вокруг не горят огоньки усадеб, и не пляшут в небе ароматные дымки очагов. Не любит озерный край переселенцев.

А там, где буйная растительность спускалась к воде, не оставалось даже узкой тропки, по которой можно было бы прийти сюда, вдоль мелководья. В верховьях Невы шустро разрастались рыбацьи да охот-

ничьи поселения. Ниже по течению их становилось больше, там и сплавы уже всюду орудовали. Пилы визжали, топоры бухали, звон колокольный разливался, хороводы в лугах игрались...

А на Ладоге — тишина заповедная. Бывалые мореходы охотно забрасывали сети в озеро, но к восточному берегу ходили только, если что ценное водой унесет. Молодые, бесшабашные парни иногда подбились ближе. Наводили бинокли на мгlistую, зеленую завесу и клялись потом, что видели, как стелется черный дым.

Такие подвиги были верхом смелости.

Не то было на других озерах, взять хотя бы Чудское море. Там, после ряда мелких стычек, взаимных поджогов и разделения земель вполне мирно уживались общины лесорубов, рыбаков и тех, кого привыкли называть Озерными колдунами. Колдунов остерегались, обходили их поселки за версту, но всякий мореход знал, что под Гдовом проживает бывший большой начальник из Питера. Знали, что тот прекрасно ладит с соседями. Знали также, что в Гдов наведываются за советами шишки из Петербурга, а сын этого самого Рубенса выбился в службы к самому губернатору.

И с южными озерниками предпочитали не воевать. Детей они воровали, как и прежде, но довольствовались теперь дикарями, коих водилось по мелким речкам великое множество. Деревенских детишек, после того как губернатор спалил у колдунов целую деревеньку, на ворожбу больше трогать не смели. А ежели кого, с особым даром, находили, так норовили выкупить за любые деньги. Помнутся родители, погорюют, да и продадут дитятко. Все лучше, чем остаток дней за него бояться... И существовали Озерники как бы сами по себе, и торговали с городскими лишь в случае крайней нужды.

На Чудском море давно забыли о резне, а на Ладоге ее никогда и не было.

Потому что на восточном берегу людей как будто и не водилось. Спроси любого в рыбацких деревнях, почему на сорок километров бояться пристать к берегу — не ответят. Отведут глаза, промямят что-то про дурной запах и дохлую рыбу и замнут разговор. Невские рыбаки хорошо знали главную заповедь, — не поминать лиха, пока тихо...

И было тихо, много лет было тихо. Болтали, вестимо, всякое, особенно в городских кабаках, когда пропивали выручку от продажи улова. Многие и прихвастнуть могли, но люди, посланные губернатором, чтобы слушать да запоминать, свое дело знали крепко. Смекали, когда дурак попусту треплется, а когда правдивое словечко с уст сорвется.

И уж если сорвалось, старались ни за что дорогого гостя не выпустить. Подливали винца за счет казны, подначивали да подтрунивали. Раскраснеется дедок от бражки крепленой — и давай рассказывать...

— ...Те, кто по мирной-то гати на гуся и прочую дичь ходил, в шалахах, бывало, по несколько ночек ночует. Всякого навидались. Например, бывают ночи... Вдруг, безо всякого ветра, налетит облако зябкое. Брызги мелкие, ледяные, а не дождь; вроде тучки, а не тучка. И луна тогда, из цвету голубого, в пурпур уходит, в багровый глаз обращается... А уж коли случилось такое, в лесу остаться, тут молись не молись — не поможет. И бежать тоже никуда не след, еще хуже обернется.

Под Красной луной появлялись из бурелома неясные фигуры. Брили по гиблой воде легко, как посуху, до самого шоссе. А там собирались стайкой, перешагивали обочину и в обычном, сухом бору растворялись. Ищи — свищи! А если хватило храбрости пойти по следу, все равно не разглядишь... Словно морок какой наведут, а то и вовсе заставят человека на одном месте кружить до беспамятства, до полной потери сил...

И обратное видели. Как возвращаются колдуны под Красной луной. Легко скользят, неслышно, хоть и с мешками. Будь ты самым разудалым охотником, а не найдешь и следочка, не услышишь, как веточка, или листик, хрустнет... И упредить их, или заранее подловить, как из бору покажутся, ни у кого не получалось. Собаки у охотников, даром, что на всякую дичь натасканные, а не тьякнут. Совно ни запаха, ни звука не чувят. Страх, да и только. Но, с другой стороны, для местных и опасности особой нет. Пронесут колдуны свои мешки — и канут бесследно, только рогатины замшелые вослед качаются...

Но кое-что все же подбирали, отыскивались дотошные.

То колючко женское, то туфельку, то сапожок детский, а когда и крестик в сырой земле блеснет. Не с пустыми руками озерные чародеи возвращались в свои берлоги. Вот только, где они эту добычу находили, никто так и не дознался. Никто не слыхал, чтобы взрослые или дети пропадали.

Видать, много дальше забирались Озерники, а «своих», местных не трогали, чтобы шума не поднимать. Может, в Петрозаводске озоровали? Тамошние сказывали, что за прошлый год, пятеро детей сгинули, но не докажешь, чьих рук дело. Мелкие ведь: и утопнуть могли, и свинье достаться...

Вспоминали, конечно, бывалые люди, и совсем другие происшествия, но за давностью лет случаи такие уже вроде как сказками стали. Например, говорили, что еще лет двадцать назад Озерники с Онеги и Чудского собирались вместе, не таясь, приходили к ладожским в гости. То есть как, «не таясь»? Все едино ночью, да по самым темным закоулкам. Но утром с воды далеко было видать, как от их костров дымы поднимаются, да и не прятались они нарочно...

А еще раньше, лет тридцать назад, кто-то из молодых дураков озоровать пытался. Тогда по области еще много открытых бункеров с древней химией оставалось. Это позже, еще у прежнего губернатора, появился

советник Карин и целый год только и делал, что бункера засыпал, да на-грады раздавал тем, кто про оружие донесет. А до Карина этого добра было — завались. Вот и выкопали откуда-то бочку по пьяни. На лодке привезли, не поленились, а потом волоком до самой границы колдовских владений тащили. Границу никому указывать не надо, и так видно. Туда даже летуны шипастые, и то не залетают. Дотащили, стало быть, бочку, дно проломили, и в болото столкнули. С песнями, да с хохотом.

— Убирайтесь! — кричали пьянчужки. — Туточки наш лес, и озеро тоже наше! Расплодились тут, всех повыведем, чертей...

Ну, море-то по колено, дело известное.

А буквально на следующий день — заштормило. И такие волны пошли, что ни одна сеть не держится. И так целую неделю баркасы не могут от берега отойти. Те, кто в озеро ушел, все семь дней не могли вернуться. Ну, тут и последние дураки поняли, что жратва-то кончается, а еще Восьмой дивизии надо окуньков подкинуть! Это коммуна раньше такая была, город охраняли, их после губернатор Кузнец разогнал...

Послали стрелков.

Буря — это полдела, а что началось, когда стрелки пустые вернулись. Вот тут-то беда и пришла. Ведь отродясь такого не было, чтобы выйти на день в гать и не набить мешок дичи! Уж и совсем далече забрались, и по кругу просквозили — а нет ни хрена. Пустые леса стоят, и это в самый сезон, когда у зверья игры любовные, и все должно кишеть животинкой. Притом исчез не только добрый зверь, даже нечисть испарилась: и летуны всех сортов, и ночные выдры, и чернильные рыбы...

Собрались тогда старейшины с четырех деревень. Думали-гадали, а все одно, исправлять надо дело... И велели добрым молодцам, что бочку в лужу опрокинули, назад ее вычерпывать, собирать на телегу и везти, откуда взяли. По воде никак: шторм, будто в окяне, лодку мигом в щепу разнесет! Стало быть, запрягай и волоки в обход, чай дороги не заросли. Ну, добро, что в той бочке не жидкая грязь оказалась, а такая крупка белая, вроде мелких горошин. И не раскатилась почти, собирать удобно, и не утоп никто, пока по кочкам лазили. Все до крупинки собрали, следа не осталось от заразы. И охальники, кто крупу собирал, не померли, вот только кожа, маленько, с рук посходила, да слезы из глаз лились.

И той же ночью стала стихать буря на Ладоге. Те, что ушли на промысел раньше, сумели наконец к бабам своим вернуться. Половина седыми стали. Сказывали, видят, мол, берег, а пристать никак не могут, и сквозь ветер словно хохочет кто-то...

Вот такие дела-делишки! Да много еще чудного, если так-то призадуматься, в озерном краю, происходило. Все ведь не упомнишь, а грамотных нет, чтобы записывать...

Вот скажем, случаются ночи, опять же, перед самой Красной луной, когда от восточного берега ползет туман. Там и так-то, днем, километров двадцать можно плыть, и сплошной кисель молочный по правую руку стоит. И какой бы дурак или пьяный ни был, ни за что туды не полезет, пусть хоть метровые рыбы ему сами в лодку кидаться станут!

А ночами не так маленько, туман тихо катится, ну точно перину пуховую кто разминает. Глядь-поглядь, зазевался, а уже ни звезд, ни неба, весь в киселе, и куда плыть, неведомо. Потому что как раз в этот самый момент даже те, кого из люльки в море отцы забирали, напрочь стороны света теряли и становились точно заплутавшие овцы. Все бы ничего, но туман-то не из прозрачной водицы.

Красная морось-то, ночью...

И были такие, кому видеть довелось. Ну, тут уж дело хозяйское, верить, али в бороду хихикать. Да только не хотишь, так и не слушай, а коли слушаешь, то рожу не криви!

Кое-кому довелось повстречать Озерную свадьбу.

Хотя, толкуют, что это и не свадьба вовсе. Какая же свадьба ночью, да без огней, да с такой песней, будто хоронят кого? Огни-то, правда, видали... только под водой. А над ними лодки идут. След в след, и так быстро, будто на моторах. Только нет никаких моторов, и веслами тоже никто не машет. Скользят лодки, и волна за ними не поднимается, а в лодках и не разберешь, кто стоит: с головы до ног укутанные... Встанут ладьи в круг — а из круга плеск да стоны. Стало быть, в озеро кого скидывают, да потонуть не дают. А может, наоборот, из-под воды кого выудили? Поют женские голоса тихо, ласково, но от песни той мороз по коже дерет, мочи нету ее слушать...

Кто Озерную свадьбу встретил, тот прежним домой не возвращался. Либо седой приплывал, либо на голову тронутый. Замирать начинал, мог час простоять, в угол гляючи; одно словно, не работник...

Коли не заботяться, а слова попробовать разбирать, то чудное выходит. Вроде как, молитвы наши, православные, только наизнанку вывернуты, слова задом наперед поют. А когда слова всклад, тогда промеж них всякое непотребство вставлено, и повторить-то срамно...

Городские-то, дуралей, наслушаются страхов и давай приступать, — чего ж не уходите? Чего ж там живете, рядом с нечистым? А где жить-то, когда тут земля своя, и грех жаловаться. Да и куда бежать, когда еще деды тут жили? Рыбы полно, и солим, и коптим, и дичь в город подводами уходит. Не сунешься к восточным берегам, так лиха и не будет, а детей-то они давно не воруют. С Чудского, те-то, конечно, за то и биты бывали, но на что им младенцы, так и не прознал никто. Зато чудские да онежские, они при новом губернаторе в Питер стали вхожи, даже им солдат дают, чтоб народ не поколотил. А нынче, поговаривают, губер-

натор Думу собирать станет, так он чародеев, прям как ковбоев или честных рыбаков, позвал.

Оно конечно, кому такая радость нужна, чтобы с тварями мерзкими вместе суд вершить да за одним столом сидеть? Хотя сказывают, крест у них под одежей навыворот висит. Перевернутый, стало быть...

Верить подобным бредням или не верить, решали наверху, а служивые люди губернатора знай себе на ус наматывали. И доносили в Тайную палату Трибунала.

Так и катилась в деревнях жизнь своим чередом. Пока в Питере шум да стройки, на Ладоге тишина. Недаром сказано: не тронь, оно и вонять не будет... И не трогали... пока губернатор Кузнец из Парижу мертвяков живых не привез. Старцы на хуторах дальних так сразу и завыли, что не к добру, и колокол на церкви треснул, и рыба снова гадкая пошла — с плешью, да без глаз...

Недоброе, ох, недоброе лето начиналось...

24

В ГОСТЯХ У САТАНЫ

В ту ночь, никем не замеченный, пролетел вверх по течению Невы громадный крылатый змей. Мужчина, управлявший змеем, удерживал его на предельно возможной для полета высоте и снизился лишь, когда небо впереди слилось с агатовой скатертью воды, а в глаза дохнул морской ветер.

Промелькнули внизу последние, редкие огоньки остров с древней крепостью, костры на маяках — и пропали. Дракон махал крыльями в глубине бездонного колодца, где не было ни верха, ни низа, лишь ударила в лицо противная морось, и свист стоял нестерпимый.

Ладога распахнула свои неприветливые объятия.

Восточный берег, заросший камышом и пресноводной зеленью, не приманивал даже перелетных птиц. Не дотянув и мили до границы невидимого камыша, змей занервничал, принялся рыскать по сторонам, выгибать шею, и погонщику стало все труднее удерживать его на курсе. Наконец человек решил, что достиг нужного места.

Дракон, распахнув крылья, спланировал вдоль границы естественных запруд. Он пронесся, молотя когтистыми лапами, по цветущей воде, вдоль многолетних илистых отложений, запутавшихся в тине бревен, буйков, останков малого флота, и прочих обломков цивилизации.

В кромешной тьме свистнули коротко, будто пташка малая беспокоилась. На свист ответило хриплое кряканье нырка, и к раскаленной чешуе ящера пристала плоская, длинная, как пирога, лодка. Крылатый тяжело дышал, отфыркивался, поднимая лапами и хвостом крутую волну. Из седельных штанов спустились несколько фигур. Лодка просела под их тяжестью. Со спины змея передали что-то, завернутое в мешковину, а последними прыгнули, сверкнув клыками, уж совсем не человечески, две гибкие тени...

Неумолчный шорох камышей заглушал все звуки, а когда, спустя минуту, погонщик змея дернул поводья и стал отгребать назад, низкая ладья уже исчезла, растворилась в лабиринте протоков. За крылатым великаном из зарослей потянулись щупальца тумана, обхватили его влажную позолоту, но не удержались и отползли назад.

Люди, что лежали на дне лодки, укрывшись брезентом, ориентировались по едва заметным знакам, отыскивали узкие проходы в частокле камыша. Они не гребли, а отталкивались руками от мокрых, колышущихся стен. Иногда лодка застревала, и тогда человек, сидящий на самом носу, расчищал путь ударами длинного ножа. Он ложился на живот, свешивался вперед и рубил так, как рубят капусту — наотмашь, со всхлипами. Кроме впередсмотрящего в лодке был еще один человек, который не лежал, а стоял, напряженно вглядываясь в полутемный, извилистый тоннель. Он был единственный, кто примерно представлял, как достичь берега в нужном месте, но все равно несколько раз ошибался, указывая неверное направление. В таких случаях плоскодонка врезалась в завал из гниющих бревен или упиралась в непроходимую, шуршащую стену.

При каждой ошибке человек ощутимо нервничал, оглядывался назад, приседал, и, извиняясь, разводил руками. Но его никто не ругал.

Никто вообще не произносил ни слова.

Даже тогда, когда на них, в первый раз, напали.

На узком участке, разворачиваясь между килем перевернутого букасира и вросшим в дно прогнившим баллоном катамарана, лодка рывком остановилась, точно напоролась на мель. Но мели под ними не было, люди прекрасно чувствовали глубину. Оставалось еще воды больше человеческого роста, правда, под слоем взвихренного ила угадывался следующий провал, вроде как щель, уходящая под каркас затонувшего букасира...

Оттуда беззвучно поднялись две узкие, подвижные тени, извиваясь как угри, и ухватились с обеих сторон за борта суденышка. Люди, лежавшие на дне лодки, затаили дыхание, зато кормчий откинул капюшон и что-то напевно произнес. Ответом ему был тонкий свист воздуха.

Кормчий, присев на корточки, запустил руку в мешок и кинул подводным сторожам по куску мяса. Клацнули челюсти, и снова стало ти-

хо. Человек опять обратился к подводным тварям — сначала с мольбой, затем с угрозой, но, видимо, безрезультатно.

Один из затаившихся под брезентовой попоной мужчин, приоткрыл глаза и увидел рядом то, что когда-то было плавником, а теперь приобрело гибкость и распалось на три длинных, колючих пальца, сантиметров по пятнадцать каждый. Казалось, что на пальцах совсем неросло кожи, но костяные пластины, связанные жесткой мембраной, вцепились в деревянный борт с такой силой, что старая доска начала крошиться.

Мужчина толкнул товарища, указав ему за корму, и продемонстрировал во мраке три пальца. Товарищ, не произнося ни звука, показал движением ресниц, что слышит и понимает. Третий мужчина, лежащий ногами в другую сторону, коснулся плеч своих товарищей и вложил себе в губы два тонких отполированных лезвия.

— Нет, не поможет,— покачал головой самый пожилой, и продемонстрировал спутникам скромный деревянный пузырек с плотно притертой пробкой.

В ногах у четвертого мужчины, что лежал на носу и раньше рубил водоросли, кто-то тихо вздохнул и лизнул хозяина за пятку.

Кормчий продолжал напевать. Наверное, он был очень раздосадован, он не понимал, почему щуки не слушаются, и подозревал, чего от них можно ожидать. Либо они повиновались сразу, либо немедленно убивали. Так их приучили, их хозяевам не нужны были пленные. Их хозяевам было важно, чтобы никто не пробрался к берегу. Видимо, провожатый допустил какую-то оплошность, он командовал рыбами первый раз, хотя вкус его крови стражам был знаком...

А может быть, они учуяли врагов, несмотря на все предосторожности, и смрад от вытяжки летуна не перешиб запах чужой крови...

Второй плавник ухватился за корму. Двое мужчин на дне лодки, резко подались в стороны, и мгновение спустя что-то ударило в дно со страшной силой. Кормчий не удержался и упал на одно колено, ухватившись рукой за обшитый металлом бортик.

Второй удар сотряс лодку. На сей раз толчок был такой силы, что одна из досок ощутимо хрустнула. Сквозь образовавшуюся щель, тонкой струйкой, начала просачиваться вода.

Упавший на колени человек хотел подняться, но его кисть, как капкан, обвили костяные пальцы. В следующий миг из воды показалась вытянутая морда, безгубая, с задранными плоскими ноздрями. В толстой корке чешуи вращались широко поставленные глазницы, без зрачков. Щука двигалась необычайно проворно, глубокая пасть открылась так широко, словно в челюсти не было костей, и упавший человек остался бы без руки, если бы не его товарищ, который уже был на ногах.

Полог откинулся, из-под брезента разом выскочили четверо мужчин. Мужчина в белом свободном балахоне произвел несколько быстрых, но очень быстрых движений. Со стороны это выглядело так, будто он косит траву. Лапа подводного монстра продолжала цепляться за запястье, вторая царапала кольцо уключины, и покрытая наростами, лоснящаяся голова плавала на поверхности. Но туловище, выталкивая кровь, уже опускалось в глубину.

Поджарый, юркий старичок, с подвязанными седыми косичками, выплеснул в воду два флакончика, туда же отправил пустую тару и рукавицы. Третий мужчина сгреб неудачливого парламентария в охапку и уложил на дно. Тот скрипел зубами и зажимал раны на запястье. Четвертый мужик, самый крупный, без замаха ударил по плавнику другой рыбы и тут же, подкинув лезвие в воздух, небрежно перехватил вертящуюся саблю двумя руками и резким толчком, ввинтился в пасть противнику.

Щука сомкнула зубы, и сабля переломилась. После этого кошмарное создание подтянулось на уцелевшем плавнике и запрыгнуло в лодку. Это спасло его от немедленной смерти. Три подружки уже покачивались брюхом кверху, втянув жабрами токсин. Помимо стражей, в радиусе двадцати метров на глазах погибало все живое. Туман скрывал картину удушающей смерти, но старик с косичками обладал очень хорошим зрением. Он видел, как забились и издохли несколько щучьих детенышей, прятавшихся под рулем утонувшего буксира, как всплыло десятка три самых разных рыб, несчетное количество лягушек и насекомых, и даже птицы, которым не посчастливилось свить поблизости гнездо. Старик знал, что почернеют и скукожатся даже водоросли...

Плевки Сатаны не щадили никого, ни на суше, ни на море.

Сиганувшая в лодку рыба проявила невероятную живучесть, оказалось, что ее хвостовые плавники тоже имеют захваты, которыми она вырвала из борта изрядный кусок. Гигант в сером балахоне от толчка плюхнулся на задницу; лодка качнулась, зачерпнув стоялой воды. Люди в лодке повидали немало, и сами любили эксперименты, но здешние креатуры удивили всех.

Полутораметровая тварь, не обращая внимания на отрубленную конечность, сложилась кольцом и сделала молниеносный выпад, целясь в ногу обидчику. Ее веретенообразное тело представляло собой сплошной комок мускулов, укрытый тремя рядами костяных наростов, как у маленького стегозавра. Далекий зубастый предок, обедавший пескарями и забивавшийся под корягу, слышав моторную лодку, мог бы только мечтать о таком вооружении...

Гигант в сером балахоне явно растерялся, разглядывая недоеденный обломок своей сабли, но остальные были начеку. Мужчина, убивший

кинжалом другую рыбу, перехватил монстра в полете. Он уже понял, что бить ножом по спине бесполезно, поскольку челюсти все равно сомкнутся, и прыгнул, всей массой тела толкнув рыбу вбок.

Хищница промахнулась и вместо ноги откусила шмат деревянного сиденья. Двухдюймовую доску она переломила, как спичку, и тут же выплюнула. Еще не закончив с лавкой, она ухитрилась развернуться в воздухе, словно была не рыбой, а бультерьером и, толкнувшись хвостом о дно, вторично ринулась в атаку. Мужчина в белом, столкнувшись плечом с телом врага, изодрал рубаху и отлетел к другому борту. В последний момент, не давая выпасть, его подхватил один из товарищей.

Судно снова качнулось, ударившись носом о ржавый затонувший понтон. На носу, под мешками, кто-то низко заворчал, затем брезент изнутри разорвали на части, и высунулись две белые тигриные морды на длинных шеях.

Но тигры не успели принять участия в драке. В этот раз гигант оказался проворнее щуки, он отшвырнул огрызок сабли и вытянул из-под лавки полуметровую секиру, на древке размером с оглоблю.

Когда великан взмахнул своим оружием, остальные поделники были вынуждены попадать под лавки. Зубы обитателя камышей с визгом проехали по закаленной стали, и это оказался первый громкий звук за время схватки.

И последний звук тоже. Потому что обладатель секиры попал рыбе в рот и разрубил ее вдоль, почти пополам. Теперь он мучился, не в силах выдернуть железный полумесяц обратно.

Некоторое время мужчины успокаивались, восстанавливая дыхание и обшаривая окрестности. Живых врагов поблизости не было, из затонов никто больше не приплыл. Красный диск луны равнодушно освещал шуршащие поля камыша. Потом люди собрались вокруг трупa врага. Кровь толчками билась в горле чудовища и, бурля, выплескивалась на дно лодки.

Конечно, это была не совсем рыба. Или совсем не рыба, и уж тем более, совсем не щука. Щуки вырастают до громадных размеров, но при этом их хвостовой плавник не может совершать хватательные движения. Голова, с неправильным прикусом, была размером с голову теленка. А в пасти, раскрытой как у кобры, мог легко поместиться арбуз-рекордсмен. На грудных плавниках всюду шло формирование кистей, но локти пока не отросли. Все туловище хищника покрывали три ряда острых, как иглы, шипов, а погасшие глаза смотрели с ненавистью, совершенно не присущей снулому взгляду холоднокровных.

Кормчий, тот, что пытался разговаривать с рыбами, поднялся со дна, потирая колено, и кинулся помогать старику. Вместе они разрезали белый балахон на мужчине, толкнувшем рыбину в бок, остановили кровь и залепили ранки клеем.

Сквозь мутную сыворотку тумана, сквозь колтуны мокрых стеблей над головой, поднимался багровеющий зрачок ночного светила. Красная луна не вошла еще в полную силу, не набралась еще яростной, демонической мощи, которой пугалось все живое, но в лодке заворочались и зарычали беззвучно укрытые попонами пассажиры...

...Пни на поляне давно выкорчевали, а голую землю, как видно, неоднократно выжигали, так что теперь здесь расстилалась ровная полукруглая площадка. Ни единого цветка, ни зеленой травинки.

Глаз самого внимательного горожанина не различил бы в буреломе несколько скрытых троп, умело замаскированных колючим кустарником и воткнутыми в землю засохшими ветками.

Там, где на берег, с тихим плеском, накатывались серые холодные волны, был закопан ряд камней, а между ними вбиты железные колья для швартовки лодок. Со стороны озера прогалину смог бы заметить лишь очень опытный глаз, поскольку на сотню метров вдоль береговой линии вода заросла высоченной осокой. Ниже камыша и осоки, в три яруса, разбухали водоросли, превращая воду в густые зеленые щи, куда не рискнул бы опустить весло ни один рыбак. Помимо водорослей, широким полукругом, невидимым со стороны, поляну окружали залежи полужатопленных бревен.

Самые чуткие пассажиры в лодке волновались, прислушивались и приноживались к древесной гнили, давая понять остальным, что не только мирные лягушки прячутся в ряске. Но люди не боялись.

Люди, ступившие на восточный берег, мало чего боялись в жизни. Одной угрозой больше, одной меньше, не играло серьезной роли, когда на карте стояло равновесие мира. Плоскодонка ткнулась носом в камень, и впередсмотрящий шустро накинуд на колышек канатную петлю. Он тоже видел в темноте, не хуже кошки.

Кормчий вышел на берег первым. Он скинул плащ и остался почти голым, в одних коротких, засаленных штанах и меховой безрукавке. В свете луны блеснули четыре ряда бус и медный браслет на шее. Под ошейником болталось перевернутое распятие, на котором вместо погибшего бога извивалась и хохотала виртуозно вырезанная из дерева фигурка беса. Двумя хвостами бесенок обвивал поперечины крестов, а в крошечных глазницах поблескивали рубины. Отросшие, рыжие патлы человека были густо смазаны жиром, расчесаны на две стороны, а в проборе оставила след полоса белой, светящейся краски. Такая же краска светилась у него вокруг рта и на кистях, создавая ощущение голых костяных фаланг.

— Это я, Христофор! — сказал кормчий, демонстрируя темноте пустые ладони. — Привез деду свежую женщину.

Из мрака выступили двое крепких мужчин. Один наставил Христофору в кадык длинную заточенную пику, второй вприпрыжку побежал к лодке.

— Привез? — радостным шепотом спросил он, пиная объемистый мешок. Из мешка донеслось жалобное женское всхлипывание.

— А ну, дай взглянуть! — сторож убрал пику и побежал к товарищу. Вдвоем они вытащили мешок на камни. В багровом свете луны сверкнул нож. — Слышь, малек, не вздумай деду брякнуть, что мы лазили. Мы только пощупаем — и все.

— А вякнешь — к шукам отправим! — хохотнул другой, сражаясь с синтетической веревкой. — Мы любой товар должны проверить, прежде чем дед оприходует, верно, малек? Слышь, а в том мешке у тебя что?!

— В том мешке — я! — ответил Карапуз, беря любознательного Озерника своей клешней за горло.

Второй колдун схватился за нож, сунул в рот свисток, но тут мешок, который его так интересовал, сам развязался, оттуда выскочило лезвие и до основания воткнулось ему в подбородок. Из мешка, кряхтя, выбрался Прохор Второй. Старый Качальщик забрал лезвие, шлепнул по морде любопытного тигра и, кряхтя, размял кости. Прохор не вылезал из уральской деревни уже шесть лет и неважно чувствовал себя в Невском климате; он убеждал всех, что только желание опробовать в деле новые живые изобретения выгнало его из дома.

Но причина заключалась в другом, и Коваль это знал. Замшелый генетик был другом старших Семенов — отца и деда того, кто погиб в песках...

По сигналу чингиса за кормой, из воды, вылезли прочие непрошенные гости. Все они выглядели куда скромнее, чем раскрашенный сын Красной луны. Под промокшими серыми одеждами крепилась кожаная упряжь с притороченным оружием. Сойдя на сушу, люди моментально рассыпались по поляне, сливаясь с темнотой. Две огромные кошки, повинуясь беззвучному окрику, заспешили вслед, за хозяином.

Но далеко они не ушли.

Окружая пришельцев, на поляну вышла волчья стая. Коваль насчитал пятерых матерых волков в первой шеренге и троих малолеток в кустах. Руки непроизвольно потянулись к оружию, а мозг уже проваливался в колодец, нащупывая нити единения, когда Артур понял, что его опередили. Опередил всех, естественно, Прохор, который разговаривал с волками лучше, чем с людьми.

Ближайший самец, огромный, как теленок, в подпалинах и лишаях, качнулся в сторону, точно пьяный, затем его лапы подкосились, и вожак мягко свалился в сырую золу. С остальными его соплеменниками было покончено за минуту. Артур думал, что можно идти дальше, но Прохор вдруг схватился за сердце. Когда старик очухался, на нем не было лица. Глаза вываливались из орбит, задышающимся ртом он хватал прохладный воздух, руки тряслись, как в падучей. Прохор ничего не сказал, лишь подал мимолетный знак Бердеру.

Хранитель силы вытащил клинки. Сталь отскочила от skóry. На помощь Бердеру пришел Карапуз, но убить волков они смогли, лишь протыкая их чеканом в глаз...

— Обязательно их убивать? — Коваль был потрясен. Никогда еще он не видел, чтобы Прохор, самый большой любитель фауны, отдал приказ резать беззащитных созданий.

— Не удержу... — одними губами прошептал старик. — Их не растили в дружбе с человеком. Опомнятся, пойдут по следу...

И снова застыла потревоженная вода, и могильное безмолвие опустилось на поляну.

Христофор ступал первым, уверенно пробираясь по тайной, извилистой тропе. Иногда он останавливался и дул в глиняный свисток, но человеческое ухо не воспринимало столь высокий звук. С ветки, навстречу светящемуся пробору колдуна, свешивалась треугольная, зубастая мордочка со вздрагивающими мышинными ушами. Летун узнавал человека, получал кусочек сырого мяса и убирался наверх, чтобы в следующую секунду свалиться замертво. Бердер, идущий по следу проводника, подхватывал парализованную тушку, не давая коснуться земли, и коротким ударом вспарывал летуну горло.

Деревья кончились внезапно, на кромке обрыва.

Тропа оборвалась обширным прямоугольным котлованом с остатками фундамента и лабиринтами подвального этажа. Из ледяной глубины пахло сырой землей и густым, приторно-сладким ароматом.словно мачты затонувших фрегатов, из пропасти торчали пики бетонных свай. Над котлованом была натянута плотная сеть, по веревкам которой тянулись бесчисленные нити плюща, создавая плотный, непроглядный полог. На далеком бетонном дне рукотворного оврага разноцветными огнями полыхали три костра. Один костер дымил черным, другой — белым, а от третьего поднимался красный дым.

Древние строители успели заложить обноску и загнать между опорных колонн секции двух подземных уровней. Возможно, здесь должен был находиться двухъярусный гараж. Теперь по сторонам от центральной голой площадки, словно соты, теснились темные кельи, заложенные сверху бревнами, и присыпанные землей. Получился настоящий храмовый ансамбль, скопище квартир без окон, в которых копошились неясные тени.

На самом дне, там, где почва рвала на части цемент и гравийную подушку, возвышалось угловатое сооружение, похожее на юрту. Из круглой дыры в крыше поднимался столб прозрачных благовоний, а напротив застегнутого полога дремали два болотных кота. Хищники были сытые, рядом валялась недоеденный лосиный окорок. С высоты огибающей котлован тропы оба казались игрушечными котятками...

Спуститься в яму можно было только по двум самодельным каменным лесенкам. Наверху, напротив обеих лестниц, располагались мощные решетчатые клетки, где, звякая цепями, бродили волки. Любой, кто отваживался спуститься вниз, должен был вначале отворить калитку и войти в клеть.

Почуяв чужой запах, волки в ближайшем загоне поднялись и с сильным рычанием повернулись к лесу. Самый крупный самец, встав на задние лапы, был на голову выше взрослого мужчины. Хищники были слишком умны, чтобы зря тявкать и грызть железные прутья, однако Христофор знал, что Белому Деду достаточно одного движения рукой, чтобы выдернуть штырь из кольца и выпустить стаю на волю. Белый Дед ждал невест этой ночью, и если бы летуны успели сообщить ему об опасности, волки были бы уже выпущены...

Пробить ножом их шкуру невозможно. Совсем маленьких волчат брили наголо и обрабатывали кожу специальным дубящим составом. Их обмазывали снова и снова, опускали в тлеющие угли и кидали в ледяную крошку. Те, кто выживал, примерно каждый седьмой, принимались в стаю озерных волков. Так называл их Красный Дед, занимавшийся воспитанием животных и птиц. Собственно, воспитание только начиналось; предстояло еще слишком многое, чтобы научиться вселять ужас.

Но сын Красной луны пробыл в скитах Озерников недостаточно долго, чтобы разведать все тайны. Когда губернатор увидел его, после месячной разлуки, то всерьез испугался за душевное здоровье своего безобидного советчика. Христофора никто не заставлял, он молча выслушал предложение Артура, провел ночь с молодой женой, а в шесть утра уже собрался в дорогу.

Озерники поверили, что Христофор бежал, избитый губернатором. В этих целях в Зимнем был даже разыгран настоящий спектакль на случай вражеского шпионажа, но проблема заключалась в другом.

Сыну луны пришлось пройти несколько инициаций и принять участие не в самых приятных ритуалах. Коваль мог только догадываться, что творили Черный и Красный Деда, если для ритуала Белого понадобилось сразу три девственницы...

Христофору поручили раздобыть одну, с неременным условием украсть девушку не ближе, чем за пятьдесят километров. Белого Деда устраивал любой возраст, можно было приволочь даже двенадцатилетнего подростка. Христя, с риском для жизни, вышел на лодке, добрался до фактории, где все это время, под видом скупщика дичи, отирался Карпуз. Христофор назвал ему дату очередной «свадьбы» Белого и передал несколько слов для губернатора.

Просьба сводилась к тому, что если его не заберут из Озерных ски-тов в указанный день, то дальше он не выдержит...

Коваль сообщил Бердери, что нужна девственница, желательно побойчее. Внешность — не главное, был бы человек хороший...

Сейчас к сгорбленному под тяжестью мешка Христофору подошли двое с факелами. Снизу из мешка торчали ноги, обутые в женские, дорогой кожи, сапожки. Один из встречавших, сутулый, тоже раскрашенный светящимися линиями, обогнул гостя и быстро осмотрел все вокруг, втягивая ноздрями воздух.

— Мне не нравится, чем от тебя несет, Христофор,— проворчал он, возвращаясь.

— Это от нее,— тихо ответил парень, полочнее перехватывая на плече мешок.

— Что-то не так... — сутулый продолжал сверлить глазами тропу.— Ты ни с кем не повстречался?

— Ага... Больно уж тихо, да, Отец? — заволновался второй колдун, низенький толстяк, с отвисшим зобом и выпученными глазами. На нем была черная сутана, украшенная искусной вышивкой. На спине красовалась голая женщина, запихивающая в себя сучковатый, деревянный член, а на груди совокуплялись два скелета.

— Мокрогуб там, и Красивый,— ответил Христофор, и добавил жалобно.— Бабу у меня отнять хотели...

— Что-о?! — мигом переключился сутулый.

— И Деду говорить не велели. Дай, говорят, нам пощупать. Ей, мол, все едино, подыхать...

— Вот сучье племя! — зло сплюнул сутулый.— Обоих отправлю поганки собирать! А ты молодец, малек. Так и надо! Если что заметишь среди братии, сразу ко мне, понял?

— Ты уж им-то не выдавай, Отец!

— Не бойсь, не продам. Давай, неси свою целку вниз! Белый ждет уже...

— Они там бражку пьют, Отец,— угодливо добавил Христофор.

— Вот козлиное отродье! — рявкнул сутулый и, велев толстому следовать за ним, помчался к заставе.

Сын луны проводил их недобрым взглядом и шагнул к клетке с волками. Хищники заволновались, почуяв незнакомый запах. Их никогда не кормили досыта, кроме того, звери отлично чувствовали, когда их боятся. Одним из тяжелых испытаний для Христофора было каждый раз проходить сквозь клетку. Прыгнуть вниз, на бетонные плиты, с пятнадцатиметровой высоты, он бы не решился, тем более с живой ношей на спине.

Но прыгать не пришлось. Минуту спустя из леса вместо троицы колдунов вышел Прохор и, осмотревшись, первым пролез в калитку. За старичком беззвучно просочились остальные. Волки во второй клетке, на

другом конце котлована, ничего не заметили. Они были слишком заняты состоянием своих желудков. Бердер кинул им сальные шарики со скрученной проволокой...

Чем выше вокруг вырастали замшелые бетонные колонны, тем сильнее охватывало Артура чувство, даже не страха, а скорее омерзения. Он никогда не думал, что доведется побывать в местах, где люди выбрали смыслом жизни кривое, перевернутое зеркало.

Путь издевательской насмешки над всем, что считали святым для себя остальные.

Путь бесцельной веры в зло, которого нет, но которое можно возродить, если вовремя бросить семя.

На уровне первого подземного яруса Артур понял, что сооружение имело промышленное назначение. По обеим сторонам от каменной лестницы сохранились остатки направляющих для грузовых лифтов и даже площадка с проржавевшим двигателем. Еще ниже, под перекрытием, укрепленным стальными швеллерами, по всей длине этажа располагалось нечто вроде аттика, уставленного примитивными скульптурами. Перекрытие было очень толстым и выдерживало, очевидно, вес станков... Во всяком случае, в боковых нишах Артур заметил ямы для пружин и амортизационных подушек.

Отряд спускался без света, но в пламени костров скульптуры показались Ковалю похожими на горгулий. Помимо них поперечные балки опоясывал бесконечный ряд фресок, в которых без труда угадывались библейские сюжеты и сцены Страшного суда. Рисовали неплохо, художник работал в манере Шагала, но в каждом изображении сквозила как будто издевка. У ангелков проклевывались маленькие рожки, волхвы ухмылялись младенцу карминовыми ртами, из которых высывались раздвоенные языки. Святой не попираал змея пикой, а нес на ней гирлянду черепов...

Из проемов подвальных каморок, забранных сеткой, смотрели дети. Коваль насчитал человек двенадцать, разного возраста, от трех до десяти лет. Среди них было всего две девочки, остальные — мальчишки, с одинаковыми, хмурыми и напряженными лицами. В каморках, за их спинами, горели лампадки, валялись одеяла и примитивные игрушки. Ковалю сначала показалось, что дети находятся в тюрьме, но скоро он понял, что это временное пристанище, а клетка защищает их от болотных котов.

Малышей приводили сюда для участия в обрядах; скорее всего, ритуалы были частью местного образовательного процесса, после которого психика маленького человечка менялась необратимо. Лет тридцать назад детей было бы, скорее всего, гораздо больше, а теперь люди уходили в города и дети Красной луны рождались все реже. Человечество выздоравливало...

«Ни хрена оно не выздоравливает,— поправил себя Артур,— все идет по кругу. Всегда найдутся те, кто поставит беса на алтарь, и заставит несмышленишей поклоняться ему».

Он присмотрелся к убранству подвальных «камер» повнимательнее. Там, в уголках, действительно светили лампадки, но за ними висели перевернутые, измазанные чем-то красным образа. К ликам святых были подрисованы рога, а в глазах прожжены дыры.

Шел активный воспитательный процесс...

Еще десяток ступеней вниз, и открылся следующий ярус. Здесь не было детей, но экспедицию ждало новое неприятное открытие. Среди частокола забитых в землю свай стояли гробы. Сколоченные из крепких сосновых досок, одни очень старые, а другие выструганные совсем недавно, они не лежали, а именно стояли, вдоль стен. В крышке гробов имелись узкие дверцы, с окошками, затянутыми черной тканью. Каждую дверцу запирала массивная щеколда.

Словно те, кто находились внутри, могли неожиданно вырваться...

Опустившись на самое дно, он понял, почему ни один ребенок не поднял шум. На Озерников никто не нападал; в самом сердце святилища просто не могли ожидать атаки извне. Артур вздрогнул, представив себе, что было бы, если бы он отправился на штурм с обычными гвардейцами и без помощи Христофора...

Очевидно, это был фундамент заводского цеха или судоремонтного ангара. Дальние края стройплощадки терялись во мгле, а небо на огромной высоте закрывала плотная сеть. Три костра, изрыгая разноцветный дым, окрашивали стены стоящей по центру юрты радужными сполохами. Дремавшие у входа коты что-то почуяли и выскочили навстречу, топорща шерсть.

Прохор махнул ладонью, подманивая животных к себе. Коты пошли, но крайне неохотно, словно их тянуло назад резиновым канатом. Карапуз поднял ствол пулемета. Коваль вытащил ножи, заслоня Христофора. У старого Хранителя с висков бежали струйки пота и подрагивали от напряжения колени.

Теперь стало слышно пение, доносящееся из шатра. Кошки зашипели, царапая когтями цементную крошку. Бердер присел на колено и с обеих рук метнул отравленные клинки. Когда звери издохли, Прохор вытер лицо рукавом и покачал головой, показывая Бердеру следы на рубашке. Из носа у него шла кровь.

Артур в последний раз оглядел бетонное сооружение и только сейчас заметил, насколько тут холодно. Несмотря на три пылающие пирамиды, изо рта вырывалась струйка пара. Они находились на глубине пятнадцати метров, в гигантском склепе, набитом покойниками.

Коваль остановился напротив занавешенного дублеными шкурами входа в шатер. Вблизи шатер оказался очень большим, метров двадцать

в поперечнике. Изнутри тонкими струйками проникал неясный свет, слышались ритмичные удары, неясная возня и мужское пение по нисходящей, будто хор разучивал гаммы.

— «Отче наш», — прошептал Христофор. — Они поют «Отче наш» наоборот...

— Сколько их там?

— Почти все, кроме некоторых Сынов, что остались в верхних ски-тах. Четыре Деда и тринадцать апостолов. Отцов — человек двадцать. Еще могут быть Сыны и кликуны, они неопасны.

— А кто опасен? — очень серьезно спросил Бердер.

— Апостолов лучше убить сразу, — отрывисто произнес сын луны.

На его горле дергался кадык. Коваль подумал, что парень находится на грани, еще немного — и выронит мешок. Артур решительно отдернул в сторону тяжелую шкуру. Изнутри хлынули клубы сладкого дыма.

— Ну, привет, Гриня! — прошептал губернатор, заходя внутрь.

25

КОНЕЦ КРАСНОЙ ЛУНЫ

Примерно так Артур себе это и представлял, однако действительность превзошла самые мрачные прогнозы. Служба была в самом разгаре, и спасти первую невесту они уже не успевали.

Внутри оказалось очень много людей, но Коваль не ощутил их, как отдельных личностей. Бурлящая масса скорее напоминала сгустки протоплазмы, многоголовую гидру, в процессе бездумного пожирания пищи. Многоликое чудище не просто воняло, оно купалось в приторных миазмах курильниц, оно вдыхало собственные выделения и сатанело от них.

А еще, гидра дергалась вместе со стуком барабанов...

Шатер освещался несколькими сотнями свечей из черного воска, и, несмотря на мрачную расцветку стен, казался изнутри больше, чем снаружи. Возможно потому, что он был натянут как раз над местом, где недоставало куска фундамента, и в довершение всего, по центру выкопали порядочное углубление. Ковалю мгновенно пришло на ум верное слово — «анти»! Да, здесь все было задумано и сделано наоборот.

Там, где за подобием золотых ворот предполагался алтарь, присутствовала яма, клирос находился еще глубже, почти в траншее, а в железных мисках, похожих на стоматологические плевательницы, явно плескалась не святая вода. Изнутри стены покрывали драпировки из

полуистлевших тканей веселеньких расцветок, но рисунки почти пропали под слоем жирного, свечного нагара.

Обвисшие стены поддерживали два ряда столбов, с крестовинами поверху. В центре, на круге из грубо отесанных камней, полыхал очаг, над которым дымилась жаровня размером с уличную мантишницу. Возле огня копошились несколько отвратительных, бесполох созданий, небрежно завернутых в белую материю. На спине у каждого раскачивался, пристроченный нитками, перевернутый железный крест. Карлики, или сгорбленные инвалиды, занимались тем, что подкидывали в угли ароматический порошок, а двое сморщенных микроцефалов, с птичьими головками, раскачивали люльку. У лилипутов не было кистей на руках, они вставляли на цыпочки и толкали тяжелую качель мозолистыми локтями, с риском свалиться в огонь. Кто-то там спал, укрытый ветoshью, в деревянной колыбельке...

Люлька когда-то, несомненно, исполняла роль роскошно украшенной купели. На ее грязных, заляпанных боках, сквозь жир и нечистоты, проглядывала голубая краска и даже ошметки золоченых кистей. Две ржавые цепи, перекинутые через потолочную балку, повизгивали при каждом ударе культей, а дно купели обуглилось, от постоянной близости к огню.

Впрочем, визг железа доносился в те редкие мгновения, когда стихал хор и «оркестр»...

За каменным кругом, еще ниже в яме, поднималось наклонное, перевернутое распятие. Обтесанный, гладко отполированный сосновый ствол, не меньше трех метров в длину, с грубой поперечиной почти у самого пола. Вершиной он крепился к одному из опорных столбов. Сосновая колонна стояла не на глине, а внутри плоского железного таза, куда стекала... кровь. На кресте, вверх ногами, висела, обмазанная мелом, совсем молоденькая девушка. Лодыжки обвивали веревки, закрепленные на крюке, запястья были прикручены к перекладине, а пряди распущенных кос плавали в крови.

Вторая невеста Белого Деда, с заткнутым ртом и связанными позади локтями, корчилась перед самым входом на низкой деревянной столешнице, целиком вырезанной из огромного пня. Ее горло охватывала тугая скользящая петля, конец веревки проходил сквозь железное кольцо и заканчивался в кулаке высокого «монаха». Вместо нормального головного убора на нем была волчья маска, а рясу служитель местного божества носил на голое тело, оставляя открытым покрашенный в белое стоящий член.

Положив девушку на бок, ее одновременно насиловали двое других мужчин в масках, а когда она начинала особенно сильно вырываться, «волк» дергал за веревку, пережимая жертве горло. Еще человек шесть лжемонахов стояли в очереди вокруг стола и отрывистыми движениями

хлестали голое тело невесты плетками. Все они, не отрываясь, как завороченные, следили за конвульсиями жертвы.

Обе девицы были вымазаны с ног до головы в белой краске, но у той, что еще была жива, лицо закрывало что-то черное. Артуру даже показалось вначале, что с девушки сняли скальп, но когда Отец ослабил удавку, удалось разглядеть получше. Вокруг запрокинутого, посиневшего от крика лба невесты струились черные кружева фаты. Вторая девушка на кресте уже умерла. До смерти ее тоже лупили, но доконало несчастную не это. Артур пригляделся и еле сдержал подступившую рвоту.

В беднягу затолкали неимоверной длины искусственный фаллос. Он и сейчас торчал из нее на добрых десять дюймов, с широкой поперечной на конце. Видимо, сначала ее разорвали внутри этой штукой, а потом стянули ноги вместе и подвесили на крюк.

В стрекот барабанов вплелись гнусавые звуки баяна, десятки голосов заблеяли скачущую, неистовую песню, а подножие креста заслонил лес черных фигур. У Коваля сложилось ощущение, что он навечно прирос к полу, не в силах пройти внутрь, хотя, на самом деле, не прошло и трех секунд...

Теперь Артур заметил еще кое-что. За крестом, вдоль дальней стены располагались обломки сразу нескольких иконостасов и потемневшие от копоти картины с русскими святыми в полный рост. На причинном месте в досках картин зияли отверстия, и оттуда торчали такие же, зашкуренные, метровые члены. Черный, красный и покрытый прозрачным лаком...

Сегодня была очередь Белого Деда.

Гостей заметили не сразу. Помимо бригады насильников, целая толпа в размалеванных рясах обступила распятие, а десятка два заросших гривами мужиков стояли на коленях на приступке импровизированного клироса. Полностью голые, но в масках, раскачивались и заунывно распевали молитвы. Несмотря на тоскливое звучание, они трясли бородами и кулаками отбивали ритм вслед за барабаном. Их тела так густо покрывала известка, что хор походил на сборище забинтованных манекенов.

Певчими руководила обрюзгая старуха в засаленном клобуке, резиновом мясницком переднике и шелковых шароварах. Она отбивала такт на большом оркестровом барабане. Подле нее, на еловых ветках, притулился безногий инвалид с провалившимся носом и беспорядочно раздувал меха гармоники. Еще один престарелый персонаж Хичкока колотил палкой по ритм-барабанам; лишь половина его тела дышала здоровьем, обе же левые конечности висели, как проколотые воздушные шары, левый глаз выкатывался из орбиты, и рот не закрывался. От этого казалось, что оборванец задорно подмигивает окружающим.

У противоположной стенки, под заплеванной иконой Богоматери, колотились в падучей несколько пожилых женщин, закутанных в лох-

мотя, а поодаль, за низенькой загородкой, на коленях стояли мальчишки. Такие же мелкие, как те, что в клетках снаружи. Дети были одеты, как маленькие капуцины, в рясы огненно-красного цвета, но на лице и на впалой груди у каждого светились три шестерки. Все мальчишки, распахнув глаза, раскачивались в такт барабану.

В жаровне, помимо ароматических веществ, несомненно плавился наркотик. Едва зайдя внутрь, Коваль ощутил гнетущую, сладкую духоту, сердце забилось быстрее, и в глазах защипало. А еще спустя мгновение, он с ужасом ощутил, как помимо его воли наступает половое возбуждение. Хор стонал, гармонь протяжно ревела, старуха отбивала шаманскую мелодию, из-под волчьих масок колдунов, смывая краску, градом катился пот.

В спину Артуру уткнулся Митя. Глаза великана заволакивало туманом, грудь судорожно вздымалась, ноздри хищно втягивали дурман. Нужно было действовать немедленно, пока оставались силы бороться с наркотиком.

— Белого брать живьем! — Артур ощутило пихнул Карапуза в грудь и скользнул к жаровне.

Бердер в два прыжка достиг стола и прикончил троих насильников. Не успели их тела шмякнуться наземь, он уже был возле «хора». Даже в этот страшный момент Артур невольно залюбовался тем, как порхает учитель. При внешней обманчивой сложности — ни одного лишнего движения. Все продумано так, чтобы одновременно вести рукопашный бой и мешать целиться удаленному противнику. Вот правая рука пошла от бедра вперед с зажатым клинком, спина прогнулась в стойке «садящейся на воду цапли». Один из белых манекенов схватился за горло.

Вот неуловимый взмах ногой, вращение на носке, а из сандалии торчат сразу два лезвия, по четыре дюйма каждое, и валятся, обливаясь кровью, еще двое. А пока правая рука тянет с пояса следующий нож, делается взмах левой, по ходу движения, и замолкает барабанный бой. Старуха, с клинком в глазу, поливает кровью свой инструмент. Часть голых певчих успела выкатиться за пределы юрты, но ничего, их там встретит Прохор...

Коваль опрокинул жаровню, перемахнул тлеющие угли и врезался в самую гущу Сынов, пытаясь определить Белого деда. К нему повернулись лица с утонувшими зрачками, из распахнутых ртов капала слюна, десятки босых ног отбивали ирландскую чечетку...

Он бил их, и они падали, бесконечно долго, поскольку все рефлексы были притушены, и даже смертельные раны не могли остановить танца.

Замолчали ритм-барабаны, справа и позади, как бешеный слон, трубил Карапуз, и хрустели чьи-то челюсти под его кулаками. Затем дикий вой принесся снаружи, сорвал с места шкуры, вырвал часть деревянных кольев, держащих свод. Это Прохор запустил Плевок Сатаны...

Кто-то вцепился в запястье Ковалю зубами, не давая дальше рубить. Кто-то повис у него сзади на шее, но тут же, хрюкнув, осел наземь; а Бердер, метнув клинок, уже смотрел в другую сторону. По диагонали, сбив в полете люльку, пролетел мужик, с топором в вывернутой руке; видимо, он здорово надоед чингису... Артур вытащил кинжал из очередного живота, добил того типа, что пытался перегрызть кольчужный браслет, и вдруг, оставшись без противников, провалился в пустоту...

Сынов больше не было: все или погибли, или валялись раненые. Он сделал все так быстро, что Отцы не успели переключить внимание. Они все сегодня были замазаны белой краской, соответственно цвету праздника, и все крайне увлечены.

Более десятка мужчин, запрокинув оскаленные маски, мастурбировали на тело мертвой девушки. Судя по ярким поясам, шароварам и торчащим волчьим ушам, это и были апостолы. Дальше, по ту сторону распятия, в два ряда, преклонив колени, располагались «священники» рангом пониже, разукрашенные так же, как Христофор. Не вставая с колен, они раскачивались, сцепившись локтями, подпевали хору и вызванивали мелодию железными браслетами.

Не участвовали в общем веселье пятеро. Спинай к тазу и распятию, внутри круга послушников, развернувшись каждый в свою сторону света, молились Деда. По-настоящему старыми были двое, Черный и Красный. Краска так густо покрывала их черты, что оба походили на пресловутых цветных демонов из японского фольклора. Водяной и Белый выглядели значительно моложе, лет по шестьдесят пять. Все обзавелись парадными белыми ризами православных патриархов и поддерживали их в приличном состоянии. Все размахивали кадилами, источавшими жуткое серное зловоние, вперемешку со сладкими медовыми оттенками. Белый дед, гладколицый, плотный, сидел верхом на нагом женоподобном отроке, изображавшем козла.

Когда Карапуз, со всего маху, врехался в толпу послушников, налево и направо молотя секирой, парень под Белым Дедом вдруг открыл глаза, и Артур с отвращением увидел, что перед ним вовсе не маска. Юноша начал приподниматься, но не по-человечески, а словно жвачное животное, спугнутое на лежке. Облезлая шерсть на жирных боках оказалась не покрывалом, задние конечности заканчивались копытами, а с поясицы свисал волочащийся, в комьях навоза, хвост. На рогатой маске, прикрывавшей верхнюю половину лица, раздувались черные ноздри, обезумевшие глаза ворочались в орбитах, а человеческим оставался только рот и подбородок с завитой мелкими кудряшками бородкой. Парень подтянул под себя слишком длинные руки, заросшие серым волосом; большие пальцы у него приросли к ладоням, постепенно превращаясь в копытца.

Дальше все завертелось с такой скоростью, что впоследствии Коваль восстанавливал события по частям.

Карапуз перебил хребты четверым, когда апостолы его заметили и оторвались от своего увлекательного занятия. Они не стали вынимать ножи, но трое выставили перед собой пустые ладони, и капитана швырнуло на брусья, поддерживающие кожаный свод. Митя с лету вписался спиной в обструганный ствол и рухнул на еловые ветки.

Артур не успевал ничего сделать. Козлоногий монстр разогнул спину, поднимая над собой Белого Деда; тот очнулся от транса и смотрел почти осмысленно.

Команда Мальцов, гнувших спины в самом темном углу, под иконами, сбилась с ритма. Они растерянно мяукали, но ни один не поднимался с колен. Из-за громады креста Коваль плохо видел, что там происходит.

Снаружи юрты грянули два мощных взрыва, Прохор разошелся не на шутку. Крыша горела в трех местах, распространяя зловоние гниющей шерсти. Кто-то там катался по бетонному полу и истощно визжал.

Барабан замолк, хор с воплями разбежался. Кликуши голосили еще громче, покрывая своим визгом шум схватки. Распятая на дубовом столе, истощно орала вторая невеста, погребенная под трупами своих мучителей. Как раз в эту секунду Христофор укладывал мешок с третьей невестой под стол, чтобы ее ненароком не зацепили.

Толпа уцелевших чернецов рванула к выходу, но там их уже встретил Прохор и плюнул навстречу. Плевков Сатаны в закрытом пространстве произвел оглушительный эффект. Голубое пламя рванулось к потолку, визжащие беленые фигуры превратились в факелы. Стены шатра мигом охватил огонь.

Три секунды спустя Прохор, с опаленными бровями, стоял совсем один перед кругом черной окалины и посылал следующий Плевков вдогонку тем, кто успел прорваться под стелющимися складками шкур позади «алтаря».

Артур слышал, что Озерники вели собственные изыскания, пытались овладеть секретом Плевков Сатаны, но пока у них получалось не очень. Самой большой трудностью при обработке растений, собранных на пожарищах, было добиться такого соотношения частей, чтобы Плевков замыкался в локальном пространстве и затухал, не вызывая пожаров на километры вокруг. Из поколения в поколение Хранители передавали секрет сложнейшего синтеза вещества, горевшего очень короткое время, но с температурой, превышающей точку горения напалма. Малейшая ошибка в компонентах приводила к самым удручающим последствиям.

Но самое главное, чего Озерники, да и никто другой, не смогли бы повторить, была врожденная, уникальная рецептура слюны. Даже среди Качальщиков крайне нечасто рождались люди, одаренные способно-

стями Прохора. Люди, способные провоцировать скоростные мутации в других организмах и способные бессознательно задавать нужный состав слюны, без смешания с которой Плевок терял силу. Кроме Прохора, дочери Анны и старичка Семена, Артур знал всего троих, кому были даны подобные штуки, и Прохор грустно признавал, что таких Хранителей скоро совсем не останется...

Второй Плевок грохнул снаружи, и шатер, лишенный трети опор, начал со зловещим скрипом заваливаться набок. Волчьи морды апостолов повернулись к Ковалю. Их возбужденные гениталии раскачивались, как дубины...

Бердер, прыгая на руках от балясины к балясине, точно серая обезьяна, каждым взмахом ног отправлял на тот свет одного, а то и двоих послушников. Потом что-то длинное настигло его сзади, руки Качальщика, сжимавшие поперечину, разжались, и он полетел вниз, в самую гущу противника.

Теперь Артур убедился окончательно в том, чему никак не мог поверить мозг. Элементарное здравомыслие мешало ему осознать и принять истину: Озерники перерождались. Наверное, эти превращения достались по праву лишь служителям высшего круга, апостолам, и, наверное, они были обратимыми. Христофор уверял Артура, что между праздниками, большинство возвращало себе нормальный облик, но, опять же, не все. Коваль тогда пропустил эти домыслы мимо ушей; парень немало натерпелся за месяц, могло и почудиться всякое...

Не почудилось. Артур не представлял себе, каким образом можно добиться такого слияния, но сомневаться не приходилось. Пока Качальщики выращивали умных тигров, медведей и ящериц, Озерники сразу принялись за людей. Возможно, первые из них, кто выжил после Большой смерти, случайно заметили свои способности. Возможно, эти недостроенные доки, в которых они проводили свои кошмарные мистерии, хранили гораздо больше древних тайн, чем казалось на первый взгляд. Возможно, что когда-то, больше сотни лет назад, обезумевшие от отсутствия женской ласки, аборигены активно начали грешить с козами...

И у коз, впервые в истории мира, попирая законы старины Дарвина, родилось потомство? И оценив это потомство, Озерники поступили наоборот, принесли местному козлу местную же девственницу...

И рано, или поздно, от бесконечного числа бесплодных скрещиваний, они получили существа, воспетые древними греками. Тупоголовые копытные создания, способные передвигаться на задних конечностях, похотливые и злобные...

Но время шло, а от сатиров не было никакой пользы, разве что пугать дикарей в окрестных лесах. И тогда, чтобы сохранить власть, первые Деда начинают эксперименты с волками. Работать с волками ока-

залось гораздо интереснее, и сразу же пошла отдача. Волк гораздо умнее, волк признает вожака, слушается и приручается, хотя и не так, как собака. Волку можно поручить воровать детей, которых так трудно добыть естественным путем...

«А может быть, все совсем иначе», — поправил себя Коваль, пятясь под натиском десятка распахнутых глоток. Он выхватил из-за плеча катану, но не успел даже сделать замах. Чуть не вывернув ему пальцы, сабля вырвалась из рук. Метательные клинки постигла та же участь. С ладони потекла кровь. Нож, будто живой, выпрыгнул из кулака.

До мужчин с волчьими головами оставалось не больше полутора метров, за их спинами поспешно улепетывали в запасную дверцу Деда, а Коваль так и не успел разглядеть оружия врага...

Проход протяжно свистнул, у людей-волков разом встопорчились уши. В шатер ворвалась серебряная молния, Лапочка в шестом поколении. Тигры удались на славу, семь лет работы не прошли даром; из-под шерсти, по всей длине корпуса, торчком поднимались шипы, грудь и морду прикрывали подкожные костяные пластины, выдерживающие прямое попадание ружейной пули, а передние лапы Проход утяжелил вдвое против задних.

Отцы попятились. Тигр шел напролом сквозь толпу, как горячий нож сквозь масло. Не успевшие увернуться кликуши так и остались лежать бесформенной грудой. Христофор разрезал веревки и тащил к выходу из юрты потерявшую сознание невесту. Зеленые еловые лапы под ногами у Артура хлюпали, как резиновый коврик, насквозь пропитавшись кровью.

Карапуз, кряхтя, поднялся на колени, словно нехотя смахнул с себя грудку обезумевших Сынов, молотящих хилыми кулачками. Лицо чингиса заливала кровь, чей-то нож располосовал ему щеку; сосновая свая, на которую он налетел, треснула пополам.

Коваль почувствовал, как его поднимает в воздух и толкает в грудь. Впечатление было такое, словно он на полном ходу вылетел под снегоочиститель несущегося паровоза. Теряя сознание, успел поджать подбородок к груди и расслабить мышцы, но удар о землю все равно получился нешуточный. Дикая боль пронзила позвоночник, а затем Артур увидел, как на него летит потолок. Две ближние подпорки треснули и начали заваливаться.

Сцепив зубы, он перекатился влево и разглядел, обо что стукнулся. Это была оторванная голова гармониста. Половина шатра обрушилась, погребая под горящими шкурами раненых. Тонко вопили сгорающие заживо мальчишки.

— Железо! — кричал из дыма Бердер. — Сбрось железо!

И тут Коваль озарилось.

Магнит! Ну конечно, магнит! Эти мерзавцы каким-то образом создавали перед собой сильнейшее магнитное поле...

«Но это же невозможно», — пробормотал он, пытаясь подняться на дрожащих руках. Боль в спине заставила его снова упасть на колено. Из-за густого дыма Артур ничего не различал в двух шагах. Он слышал, как беснуется Лапочка и рычит снаружи, на лестнице, второй тигр. Он слышал, как матерится чингис и пытается избавиться от кольчуги. Потом он увидел огромные глаза Христофора; парень скрючился в три погибели, укрываясь под тяжелым столом, в обнимку со связанной невестой...

— Белого не упустите! — заорал губернатор, надрывая связки. Дым набивался в глотку, не давая вздохнуть. — Христя, давай к Прохору, Белого Деда держите!

Слева, из кучи тел, волчком выскочил Бердер, за ним тянулось облако кровавых брызг. От серой хламиды остались одни клочья. Хранитель силы вращался на пределе скорости, нанося удары всеми четырьмя конечностями; со стороны это выглядело как торнадо, вооруженное четырьмя клинками. Половина волков-апостолов бросили Артура и кинулись на помощь своим молодым собратьям.

Треснули и обвалились еще несколько перекладин, от раскатившихся по полу свечей занялись ветки. В шатре становилось нечем дышать. Красный Дед бежал, Водяной валялся на полу, запихивая в распоротое брюхо синие кишки.

Коваль поднялся на ноги, перед глазамиплыли оранжевые круги. Он лихорадочно освобождался от кольчуги и сдвоенной портупей, увешанной металлическим оружием. Не успел самую малость; ремень, точно живой, рванулся в сторону, увлекая за собой хозяина. Падая, Коваль с «мясом» выдернул пряжку, перекувырнулся, спиной чувствуя летящее костяное копые.

Когда он обернулся, все было кончено, по крайней мере, внутри «церкви». Ошалевший от крови, почти неуправляемый, Лапочка рвал на части нечто, смутно напоминавшее человеческую фигуру.

Бердера тошнило; Хранитель силы стоял на коленях; в спине у него наискосок раскачивался костяной дротик. Рядом громоздилась батарея трупов. Митю Артур заметил не сразу. Чингис был жив, но буквально похоронен под горой Отцов с волчьими лицами. Ему требовалась срочная перевязка, как минимум, в шести местах. Над Карапузом стоял Прохор и деловито махал шашкой.

Он отрубал головы. Несколько человеко-волков так и умерли, не разжав челюстей, вгрызаясь в плоть врага...

Потом они втроем выволокли полумертвого чингиса наружу, на ледяной бетон, и Прохор занялся его ранами. Бердер самостоятельно умел останавливать кровь, но получил сильнейшее сотрясение мозга, и периодически его заваливало набок.

Артур вяло удивился, как много вокруг трупов. Оказалось, что сверху спустились, на свою голову, еще человек двадцать. Прибежали из скитов, привлеченные шумом драки, совсем мальчишки и не испугались одинокого, безобидного старичка, прогуливающегося по дну дока, среди мертвых тел. А когда они толпой, выкрикивая угрозы, скатились вниз, стало уже поздно, потому что за спинами очутилась белая рысь, не уступающая в размерах самому крупному волку. А скромный дедок с косичками покатал что-то во рту, словно не мог проглотить горячее, затем выкатил на язык коричневый комок, и плюнул...

Снаружи горело все, что Прохор успел поджечь. Горели гробы с мертвецами, горели клетки, в которых заживо поджаривались хищники. А наверху, за границей котлована, разгоралось ослепительное зарево. Полыхал вековой лес, вся непроходимая чаща, зажата между болотами и берегом озера. В чащобе горели скиты, и даже сквозь нарастающий гул было слышно, как с треском лопаются коробочки заветного снадобья, Кислого мака, щедро засеянного по всем окрестным лесам.

Артур оглянулся. В сторонке, привязанный к свае, косил горящим взглядом Белый Дед. Его любимый сатир валялся подле и то вылизывал подпаленную шкуру, то принимался хныкать и тыкаться в ноги хозяину. Коваль так и не понял, в каких они с Дедом были отношениях, а выяснять не хотелось...

«Кислый мак,— точно в полудреме повторял Артур,— придумают же...»

Что любопытно, относительно Кислого мака догадался Карапуз, когда Христофор пришел к нему из логова ведунов на явку. Он сразу учуял противный кислый запах; от Христофора шарахались даже комары. Оказалось, что чингисы знали это растение, хотя Коваль мог поклясться, что до Большой смерти ничего подобного на Ладоге не росло. Чингисам была знакома безобидная разновидность, природный дурман, от которого следовало подальше держать коней. Озерники засеяли мак повсюду на своей территории, и методом сложного скрещивания вывели бесподобный штамм. Митя позвал Прохора, который тогда хоронился от чужих взглядов в подвале фактории, вместе они обнюхали Христофора еще раз, и вместе получили сильнейшую аллергию. Еле оклемались.

Сразу стало понятно, почему через линию болот не ходят ни люди, ни звери, и почему даже драконов воротит...

Сейчас Коваль даже радовался, что снадобья Анны Первой напрочь отбили обоняние. Совершенно не хотелось нюхать обугленные трупы. Помимо мазей в ноздри каждому «десантнику» запихали по куску особого мха. Эту породу Хранители использовали, когда делали вылазки на Вечные пожарища...

Удалось сохранить жизнь не только Белому Деду. Красный потерял руку в бесславной попытке удрать от тигрицы, но Прохор успел остано-

вить кровь. Дед лежал без сознания и представлял собой жалкое зрелище. Его, как и человека-козла, не стали даже связывать. А вот оборотней связали. В живых остались трое апостолов, а также два Сына, вполне человеческой наружности, и мальчишки из клеток на верхнем ярусе котлована.

Оборотни-апостолы вовсе не желали превращаться назад, в обычных людей. При ярком свете белого костра Артур рассмотрел их получше и снова не нашел никакого вразумительного объяснения. До настоящего звериного обличья они не дотянули: уши располагались слишком широко, нос не до конца слился с верхней челюстью, и подбородок выглядел, как у приматов. От волосатого затылка, к сутулым плечам и выпуклому горбу позвоночника спускалась густая, серая щетина. Но в остальном это были самые обыкновенные мужчины, среднего, если не сказать пожилого, возраста. Апостолы клацали зубами, норовя дотянуться до веревок и довольно членораздельно выкрикивали проклятия. Самым отталкивающим Ковалю показались даже не гротескные морды. У спеленутых живых магнитов так и не прекратилась эрекция...

Артуру ужасно не хотелось скатываться к вере в банальную чертовщину, но ничего умного в голову не приходило. Если толкаться от их внутренней иерархии, выше апостолов стояли только Деда. Стало быть, остальные Озерники стремились достичь волчьего уровня?

— Там еще несколько козлов, и это... — Прохор махнул рукой в темный угол подземелья. — Короче, Лапочка погрыз, теперь не поймешь, но мнится мне, были и другие, недоделанные... Лучше не ходи, смотреть противно...

Артур и не пошел. Он отковыривал из онемевших ноздрей кусочки мха и смотрел вверх. Оттуда, медленно кружась, опускались куски горящей маскировочной сети, и серым пеплом осыпался плющ. А еще выше, над клубами дыма, над столбами багровых искр, лупили лазурными крыльями драконы Качальщиков. Значит, старый Семен подоспел вовремя, а люди Абашидзе уже развернулись цепью вдоль Петрозаводской трассы. Теперь ни одна сволочь не ускользнет...

Не пройдет и месяца, как всей Руси будет известно, что детям Красной луны на Ладоге пришел конец.

26

СТАРЫЕ ПЕСНИ О ПРАВДЕ

— Где моя дочь?! — голос вятского мэра срывался на крик.

— Мы сделали, что могли, — не моргнув глазом, отвечал Коваль. — Там было три девушки, двух удалось спасти. Взгляните сами...

Старик, в сопровождении сыновей, зажимая нос платком, ринулся к тлеющим руинам шатра. Исмаил быстро перемигнулся с Артуром и снова занялся ранеными. Вместе с вятским начальством он привез Анну и двух лекарей из ближайшей деревни. Женщины хлопотали вокруг раненых. Чингис уже подавал признаки жизни. Лишь просунув между клыков топор, врачи сумели освободить его ногу от намертво вцепившейся волчьей головы. Из Бердера вытащили два наконечника от дротиков, наложили десятка два швов и залили в раны целебную смолу.

Ковалю напоили из трех флаконов, положили на живот, облили неизвестным ему настоем, от которого чуть не сварилась кожа, затем натерли привычными мазями, с острым медвежьим запахом, и оставили отдыхать. Он знал, что самое большее через час снова почувствует себя человеком, сила заиграет в мышцах, но пока нужен полный покой. Последний раз он себя чувствовал таким выжатым очень давно, когда его дупили на тренировках, в темной избе, подопечные Бердера...

— Это не она! — завопил вятский голова, отшатываясь от истерзанной невесты в черной фате. Девица находилась в глубоком обмороке и лежала, завернутая Христофором, в одеяло.

— Дальше поищи, — невозмутимо посоветовал Прохор. — Там, в шатре, под столом кто-то вроде в мешке шевелился...

На краю стройплощадки приземлились уже три дракона. Пожарящеры не боялись, лишь довольно жмурились на вспыхивающие островки рябин и черемух. Молодые Качальщики бегом тащили к транспорту носилки с Карапузом, а навстречу, в котлован, спускалась целая делегация.

Коваль на секунду прикрыл глаза, и мир тут же начал вращаться вокруг него. Снова и снова, как в черно-белой хронике, он видел, как порхает над полом растопыривший руки Митя и как улетает в сторону его любимый пулемет...

— Варенька! Варенька! Дитя мое! — ошалевший от счастья мэр испуганно прижимал к себе невредимую дочь, забыв даже вытащить клык у нее из рта.

Коваль скосил глаза на нижние ступеньки лестницы. Исмаил все провернул отлично! Трогательная сцена счастливого отца со спасенной дочерью произошла аккуратно в тот момент, когда на дно бетонного склепа ступили дорогие гости в сутанах.

«Эх, заснять бы, — вздохнул губернатор. — Такой кадр пропадает...»

Святые отцы, непрерывно крестясь, и бормоча молитвы, замешкались на нижней ступеньке, не решаясь перешагнуть через обуглившиеся трупы колдунов. Потом они заметили лежащего губернатора и, устыдившись минутной слабости, засеменили к нему, как цыплята к наседке.

— Как можно себя так не беречь?

— В одиночку, как истинный воин Креста, бросился против тьмы нечисти!

— Во всех храмах, сегодня же, проведем службы во здравие!..

Долгополые продолжали нахвалять, а сами еще не вполне отошли от ночной гонки. Артур слушал, не перебивая. Он слишком хорошо знал, что крылатых змей святые отцы считают точно такими же бесовскими тварями, и только приказ грозного Абашидзе заставил их отправиться в путь.

— Как дела? — спросил Коваль у вятского мэра.

— Жива! Жива, слава богу! Спасибо вам... За эти сутки я наполовину поседел...

— Собака! Сволочь! — до Белого Деда, наконец, дошло, он прекратил лаять и заговорил на приличном русском языке. — Мы не трогали твоей дочери!

— Так это он украл мою дочь?! — взбешенный вятич выхватил кинжал и непременно изрубил бы связанного пленника, если бы перед ним, стеной, не встали подручные Прохора.

— Мы не крали! Он врёт! — колдун исходил пеной и бился в ремнях с такой силой, что казалось, еще немного, и рухнет железобетонная колонна, к которой он был привязан. — Они сами украли твою дочь, чтобы очернить нас! Это сделал малек, подголосок подлый! Где ты, тварь?!

Христофора заблаговременно убрали; Озерник рыскал воспаленным взглядом, и не мог его найти.

— Ты слышал, Кузьма? — спросил вятича Артур. — Наш приятель говорит, что я сам принес ему твою дочь, а затем шесть раз прыгнул на нож, чтобы замести следы. А мой капитан — у него мясо до костей сорвано, так он нарочно в клетку с волками лазил, чтобы тебя провести!

— Это неправда, неправда! — надрывал глотку колдун.

— Ишь, о правде запел, паскуда!

— Свинца бы ему в глотку, певуну!

Старого Кузьму держали за руки; он вырывался все слабее, затем отдал нож ординарцу и, не в силах больше сдерживаться, зарыдал. Сверху, из леса, доносились отдаленные крики и выстрелы. Часть Озерников пыталась прорваться через болото, к шоссе, но там их встретили солдаты погранотряда. Без дурмана колдуны превращались в самые обычные мишени, а людям Абашидзе было приказано никого не брать в плен.

— Я виноват перед тобой, Кузнец! — мэр бухнулся рядом, ноги его не держали. — Я не поверил твоему человеку, его чуть не убили. Я не мог поверить, что грязные Качальщики с тобой заодно, и способны на благое дело...

отважится... И уж тогда, помолившись, дух укрепив, на бой бы вышел! Верно я говорю, святые отцы? Вы бы поддержали меня в походе на бесов?

— А то, оно конечно! — толкая друг друга, святоши рвались на духовную брань.

— Всей братией бы пошли!

— С иконами чудотворными...

— Никакой змей бы не устоял...

— Вот видишь, Кузьма, какое у нас единство партии и народа? — чуть не всхлипнул губернатор. — Но видишь, как все обернулось. Пришлось нам сегодня сражаться. Заодно и дочурку твою не допустили до бесчестия... Пришли, господа!

В одной из цементных клетей, в окружении черепов, трофейных черных свечек и живописных пентаграмм на стенах, с важным, но обиженным видом восседал Прохор Второй. Жиденькие косички Качальщик спрятал под париком из вороньих перьев, физиономию густым слоем покрывали разводы цвета индиго, а сухощавый торс, вместо привычного балахона, укрывал дырявый женский корсет. Руки Качальщика стягивала за спиной толстая веревка, и весь он был похож на захваченного в плен несгибаемого вождя апачей.

Другой конец веревки храбро держал в руке наспех отмытый и переодетый Христофор, с отчетливыми следами страшных ранений на белом костюме. Подручные Исмаила недурно справились и с этим маскарадом. Прохор вообще предлагал присобачить к спине парня кусок топора или спрятать одну руку, будто откусили, но Артур от таких театральных трюков отказался. И без того было не понятно, как человек с такими ранами ухитряется разговаривать, да еще присматривать за пленным Озерником.

— Его благодари, — Коваль указал на сына луны. — Он их всех рассекретил, и Качальщиков мне в помощь привел.

Христофор низко поклонился, всячески изображая смущение.

— Ну что, не хочет говорить? — Артур несильно пнул Прохора сапогом в бок.

— Не бейте, не бейте только! — жалобно заголосил лже-Озерник.

— Признавайся тогда, что вы с вятскими Дедами сообща задумали?

— Мое дело маленькое. Сказано было, воду в Неве да в колодцах отравить, мы и готовились...

Митрополит ахнул, Кузьма нехорошо выругался.

— А вятские? — настаивал Коваль.

— А что вятские? Вятские — они как все. Как все, так и они, — часто залопотал Качальщик. — Велено в Вятке псов бешеных в город пустить да амбары поджечь...

Соборники пыхтели, словно шахтеры в забое. Коваль, краем глаза, следил, как ребята Исмаила эвакуируют наверх связанных Отцов и завернутого в ковер Деда.

— Зачем?.. Когда?.. За что? — бессвязно лепетал мэр.

Его помощник, ширококостный мужик средних лет, тоже обалдело хлопал глазами, не понимая, как городские власти могли проглядеть злодейство у себя под носом.

— Известно, когда! — разошелся окончательно вошедший в роль Прохор. — Как могучий Карамаз пойдет сюда войском несметным, так и нам начинать. В первую же Красную луну.

Снизу, из-под упавшего шатра, поднимался удушливый чад от горящей человеческой плоти. Кого-то из соборников начало рвать, митрополит сделался весь белый. Артура пока спасало средство Хранителей; ни один запах не пробивался сквозь онемевшие ноздри.

— Что еще за Карамаз? — встрепенулся Кузьма.

— Известно, что за Карамаз. Сто тысяч янычар у него. Правит из города Двух башен. Кидает по небу бомбы, а джинны могучие для него мертвящую воду делают.

— Вот так чушь! — не совсем уверенно протянул помощник мэра. — Откуда сто тысяч человек? Да мы-то ему что сделали?

— А то и сделали, что суете свои носы, куда не следует, — охотно отвечал «Озерник». — С азиатами торгуете? А с кавказниками черными? Вот и нечего вам там делать, отбивать чужое золото! Все пути южные, каспийские, а также азиатские, Карамаз-паша под себя берет, а скоро и доседова, до северов доберется. Тогда поджаритесь, как бесы в аду!

— Это почему такое? — заикаясь от волнения, спросил вятский голова.

— А потому что вы дураки! — засмеялся ему в лицо Прохор. Коваль показалось, что Качальщик чуточку переигрывает. — Могучий Карамаз-паша, да продлятся его дни, говорит так. Русские, говорит он, никогда не соберутся вместе. Пьяницы вы все и безбожники, даже попы у вас думают лишь о власти и золоте. Не выбрать вам ни царя, ни президента. У поляков уже давно собрались воеводы, выбрали Верховного, и у немца тоже, и у болгар. А русские все дураки. Будет каждый мэр оделяло на себя тянуть, а по одному мы вас живо передадим. У вас новый хозяин как приходит, так на прежних грязь льет, а сам мошну набивает! И Собору центральному не хотят подчиниться, а без единого пастыря хана вам скоро наступит... Да, да, так и говорит великий Карамаз. Надо, говорит, поспешать, пока эти дурни не догадались Петербург столицей признать, а в Лавре патриарха всероссийского выдвинуть....

Вятчи ошеломленно переглядывались. Коваль делал вид, что увлечен раной на плече. Святоши слушали колдуна с такими лицами, точно собирались избрать патриархом именно его.

— А на Питер Карамаз не пойдет... — входил в раж Прохор. — Не, он не идиот, на Питер идти. Самые сильные пограничные отряды, и конница, и пушки. Он так и говорит, когда к нам, в скиты, погостить прилетает. Питер, говорит, мне пока не по зубам. Начну-ка я, пожалуй, с Вятки, да с другой мелочи пузатой, пока они не опомнились. Всех передавлю, как тараканов! Это он твою дочку забрать посоветовал. Стащите, говорит, у старого хрыча, девку, все равно помрет скоро, от бешенства... Всех в Вятке уморим, потом на Кострому пойдем...

Когда Кузьму и помощников усадили в повозку, бедные вятчици выглядели так, словно им вынесли смертельный приговор. Соборники, напротив, разошлись на всю катушку, лазили по закоулкам дока, размаживали кадилами, читали молитвы.

Изгоняли бесов, одним словом.

Коваль сидел на верхотуре и потягивал из фляжки коньяк, пока «главный бес» вытаскивал у него из затылка занозы и куски окалины.

— Думаешь, клюнут? — тихо спросил Прохор, когда усакал отряд, увозящий отца со спасенной дочерью.

— Думаю, недели не пройдет, как прибегут на поклон. И не только они. Звон пойдет хороший... Только вы уж не подведите! Нам для верности хотя бы парочку агентов Карамаз надо изловить.

— Изловят, не бойсь! — хихикнул Качальщик. — Анна на этот случай особый сбор сварила. Подпоим завтра же шептунов, из тех, что и так на траве сидят крепко, да и забросим, куда надо. В Великие Луки, да Тихвин, да Смоленск. Кто у тебя еще шибко сопротивляется? Далеко-то смысла нет, не пойдут под крыло проситься.

— Ладно, мы не гордые, далеко мы и сами сходим.

Отдыхавший рядом Христофор вдруг сложился пополам, посинел, и зашелся в диком кашле.

— Ты чего?! — бросился к нему Коваль.

— Белый... Это он, — прохрипел сын луны и забился в руках губернатора. — Проклял он меня, за измену. Теперь, когда ему больно, и мне больно будет. Бьют его там, видать, наверху...

— Ах, он гад такой! — изумился Коваль. — Но это же простое внушение, как мне тебя переубедить? Ладно, пойду скажу, чтобы его не трогали!

— Эт-то ни...ничего, — собравшись с силами, ответил Христофор. — Я другое боюсь. Ты пытать его будешь, дознаваться. Помру я, не выдержу проклятия, от боли-то...

— А вот тут ты ошибаешься, — заявил Артур. — Никто его пытать не будет. Сам все расскажет, при большом скоплении заинтересованных слушателей. У Аннушки, специально для таких неразговорчивых, наливочка имеется. Выпьет — и сразу подобрееет. Мы его по всей России провезем, с лекцией...

Даже то расскажет, чего не знает.

27

НА ПОРОГЕ МСТИ

— ...И здесь, и тут... Господи, да на тебе живого места нет,— причитала Надя, стягивая с мужа свитер.

Коваль жмурился, как довольный кот. Он особенно любил ее в такие моменты. Возможно, именно потому, что они были редки. Ни мастерство армии целителей, ни умение массажисток с Чудского озера, что умели мастерски зализывать шрамы, лучше любой собаки, ни колдовство Хранительниц — ничто не могло сравниться с заботой родной жены.

Разве их усилия сравнятся с той панической дрожью в пальцах, которая выдает Надю всякий раз, когда она ощупывает следы потасовок на его теле?

— Артур, когда же это кончится? — Она сурово сдвинула брови, но не могла сдержать слез.— Ты же мне обещал, что не полезешь никуда один!

— А ты мне обещала, что останешься со мной в Питере!

— Но я же осталась... — упираясь в край ванны, Надя тянула с его ноги сапог.— Пока Белочка в школе не привыкнет, я никуда не уеду.

— Но потом ведь, все равно уедешь?

— А ты хотел меня оставить насильно? У нас там еще двое малышей, не забывай.

— Разве я тебя заставлял что-то делать силой? — вздохнул Артур.— Хотя, может быть, и следовало...

— Опять ты за старое? — Надя охнула, увидев еще один шрам, на левом боку.— Ты хочешь, чтобы я тебе здесь надоела?

— Вот, видишь, меня так и норовят поколотить, а еще ты собираешься меня бросить! — захныкал Коваль. Он и сейчас еще не мог до конца свободно шевелить плечом.

— Артур, это никуда не годится! Ты ведешь себя как дикарь. Почему, с такой охраной, надо самому лезть в драку? Ты хочешь, чтобы тебя покалечили?

— Почему, имея такого мужа, ты не хочешь жить в городе? В самом лучшем городе?

— Потому что, мой дом... наш дом — там. Там, где я рожала детей. Там, где им хорошо. Им ведь плохо здесь, и ты это знаешь.

Надя сгрэбла одежду мужа в ком и пихнула в бадю для стирки. Оставалось расшнуровать штаны.

Коваль уселся на край джакузи, чувствуя холод мрамора, и, временно, жар, идущий от воды. Комната тонула в ароматах хвои и

лечебных бальзамов. От обилия солей и смягчающих травяных присыпок полная до краев ванна казалась озером расплавленной смолы.

— Обещай мне, что ты никуда больше не полезешь без войска! — Надя вернулась с двумя тяжелыми кувшинами.

— Я и так никуда не лезу...

Закрыв глаза, он опустил в пышную, маслянистую пену.

— Ты губернатор, а не солдат! Погляди, что творится, сплошной сияняк!

Она уже забыла, что надлежит сердиться, и снова превратилась в заботливую мать. Артур моментально вспомнил их первые годы, в неказистой избушке, куда поселил его Исмаил. Самые трудные и, по-своему, самые счастливые годы. Пока всей деревней им не отстроили новый дом, приходилось ютиться в жуткой тесноте, ниже уровня земли. Единственное окошко выходило прямо в бурелом, изба стояла на самом отшибе. Зимой снег засыпал входную дверь, и Артур проделывал настоящие тоннели, барахтаясь в сугробах, как гусеница. Вокруг радостно прыгали собаки, трещали от мороза ели, а в натопленной комнатухе ждала его из очередного похода беременная Надя Ван Гог.

Тогда она носила первенца, Николашку, и постоянно выбегала во двор, мучаясь позывами рвоты. Она ни разу не пожаловалась на отсутствие удобств, холод или непривычную, грубую пищу. А ведь такие, как она, потенциальные мамочки, привыкли жить в тепле и неге... Она ни разу не упрекнула мужа за недельные и месячные отсутствия, когда Качальщики брали его с собой растворять вредные заводы и древние военные объекты. Она только охала смешно и бросалась готовить баню, и бледнела, ощупывая его ссадины и порезы, когда Артур еле доползал после боевых тренировок...

Он задержал дыхание и с головой нырнул в пахнущую хвоей воду. Мгновенно исчезли все звуки: бульканье воды в котле, шум дождя за окнами, грохот забиваемых свай на Невском...

Остался только ровный гул и ее ласковые ладони...

Вот так, запереться от всех, залечь в дождливый день в ванну, и никому не открывать...

— Да, милая, — сказал он, выныривая, — Ты права. Нам нельзя быть долго вместе, я превращаюсь с тобой в жирного гуся. Недаром Озерники интересовались моей печенкой...

— Не крути головой! — Надя притворно взвизгнула, когда он вслепую ущипнул ее под коленкой. — И не мешай мне... Господи, да что же это такое? До сих пор кровь идет...

— Это уже не кровь, это ерунда.

— Артур, я боюсь...

— Ничего страшного. Подумаешь, размяться раз в десять лет.

— Это называется «размяться»? Повернись! — Она принялась намыливать ему спину. — Обещай мне, по крайней мере, что с этим будет покончено!

— С чем покончено? С Озерниками?

— У меня мороз по коже, когда я слышу это слово!

— Я обещаю тебе, что с ними будет покончено!

Он приоткрыл один глаз и попытался засунуть руку ей под фартук, но Надя ловко отстранилась. Она была слишком рассержена и никак не желала начинать игру, даже не пожелала купать его, раздетая. В принципе, Артуру так еще больше нравилось, когда жена оставалась в длинном хлопчатом халате и широком резиновом переднике. Халат, все равно, очень быстро промокал насквозь, а иногда она его просто не успевала снять...

— Это же не люди! — Коваль почувствовал, как вздрогнула ее рука с мочалкой. — Мне Христа все рассказал, и Серго тоже. Артур, это не люди, они хуже летунов...

— Теперь их будут травить повсюду, пока не вычистят заразу. Мы хотели немножко сыграть на этом деле, в пользу нового Пакта, подтолкнуть удельных князьков к объединению, чтобы не звенеть оружием, а Деда допросили — и что вышло? Видишь, еще суток не прошло, а оказалось, что Прохор Второй накаркал, когда в нашей пьесе участвовал. Они действительно по всему западу готовились, должны были одновременно, по указке Кармаза, химию сбросить, и бомбы, и пожары...

— Да зачем такие страсти?

— Не зачем, а кому это выгодно? Карин сам бы до такого не додумался. Он там, на югах, можно сказать, на благодатную почву попал. Когда народ в черном теле держат, ему завсегда клапан нужен, пар выпустить... Проще всего сказать, что все зло от обычаев чужих идет. До Италии посольство польское не допустили, греков подмяли, болгар, только это положения не спасает. Кого подмяли-то? Людей все равно мало, не зажируешь. Им караванные тропы нужны, им север нужен...

Коваль вздохнул, и послушно повернулся, подставляясь под прохладную струю из кувшина.

— Я не могу отсиживаться, когда мои друзья лезут под пули, — сказал он.

Надя свирепо пошуровала кочергой в печи, открыла заслонку второй ванны и преувеличенно громко зазвенела тазами.

— Ты будешь теперь лично участвовать в каждой уличной драке? Нет, мне действительно лучше уехать и не видеть всего этого!

Артур зажмурился и снова нырнул, чувствуя, как кожа начинает дышать, как открываются бесчисленные поры...

«Что-то сердце сегодня стучит не по делу, или стар становлюсь? — подумал он, выпуская изо рта тонкую струйку пузырей.— Или дождик второй день, такой тоскливый?»

Внезапно он ощутил легкий укол в левой стороне груди и сразу же напрягся. Это не сердце, сердце так не болит... Они оба взвинчены, потому что должно произойти что-то плохое. Он никак не мог представить, что же плохое может произойти, когда самое ужасное закончилось и впору было взять недельку отдыха... Когда начинало вот так, слегка щемить под левым соском, это говорила всегдашняя интуиция, выработавшаяся еще в самые первые дни после Пробуждения, то самое чувство, которое компенсировало ему нехватку знаний о новом мире и спасало его в самых жутких передрыгах...

Губернатор шел в атаку на Ладожские скиты, и сердце не болело. Он отправлялся в опаснейший поход через Мертвые земли и знал, что гибель уготована кому-то другому. Но сегодня оно вернулось, и вернулось к обоим...

— Надежда,— позвал он, до боли растираясь жесткой мочалкой,— Надя, ты слышишь меня?

— Слышу...

Она распустила волосы, чуть качнула бедрами, но не подошла. Так и стояла, приложив озябшие руки к печке; от ее длинного, как кавалерийская шинель, халата, валил пар. Мокрый хлопок облегал напряженные ягодицы и лодыжки, там, где передник не защищал от брызг.

— Это никогда не кончится, да, Кузнец?

— Никогда, милая,— он, не отрываясь, смотрел, как уходит воронку грязная вода. Через несколько секунд в пустой мраморной чаше станет зябко, но тем приятнее окажется вторая, чистая ванна, насыщенная терпким брусничным отваром... Парадные окна запотели, на свежечерашенных стенах отслаивалась штукатурка. Артур машинально отметил, что следует вздуть Мишку Рубенса, вместе с малярами, но ругаться тут же расхотелось. Он вспомнил, что в этих залах мирно почивали когда-то обломки скифской цивилизации, еще оставались темные места от настенных экспонатов, и можно было различить вмятины в паркете, оставленные кусками каменных гробниц.

— Самое обидное, что вся эта мышиная возня идет по кругу,— стуча зубами от холода, сообщил супруге губернатор.— Я приходил сюда много лет назад, когда сияли люстры, и щелкали фотоаппараты. Я болтал о кино, о любимых мотоциклах, бродил под ручку с девчонками и представлял себе этих кочевников, как они разоряют города, закидывают горящими стрелами соломенные крыши и пьют вино из черепа врага... Ты представь, от них же ничего не осталось! Ничего, кроме пары глыб, на которых в подвале сейчас разделявают мясо...

А потом на их курганы пришли другие воины. Этим тоже казалось, что они живут в центре Вселенной, пока их кости не растворились в земле. А через тысячу поколений совсем другие люди накопили денег, чтобы нанять археологов. И приволокли все это добро сюда! И я платил тридцать рублей, чтобы галопом пробежаться мимо. Никого эти бусинки и шарики не занимали... А потом — раз, точно сквозняком дунуло, и снова нет ничего. Нет тех, кто смеялся над теми, кто откапывал тех, кто пили вино из черепов, и так далее... Ты же умная у меня, разве ты не понимаешь?

— Ты хочешь сказать, что все зря? Значит, я зря рожала детей, а ты зря проснулся? Может, тогда проще сразу пойти и утопиться?

— А ты не хочешь топить?

— Не хочу! — она, казалось, разговаривает не с ним, а с гудящей печкой.

Артур дотянулся до полотенца и провел им по внушительному зеркалу, доставленному из царских прихожих. Действительно, сплошной синяк, и вдобавок, следы от укусов...

Он медленно, млея от наслаждения, опустился в свежую, душистую воду.

— Вот ты не хочешь топить, — примирительно рассуждал Коваль, — и никто не хочет. И все хотят иметь горячую ванную, а не мыться ледяной водичкой из Невы. Ты не хочешь, чтобы наша Белочка круглый год в одних опорках ходила, и никто такого своим дочерям не желает. И жить все мечтают в тепле и сытости. Зачем им это, как ты думаешь? Почему они, тысячами, тянутся в город, а не сидят в лесу?

— Ищут, где лучше...

— Правильно. Так было, и так будет, потому что все идет по кругу. Приходит варвар, и на обломках чужой гробницы свежует говядину... И самое поганое...

— Что самое поганое?

— То, что я не знаю, как разорвать эту спираль. У Левушки Свирского была на эту тему любопытная теория. Он полагал, что после Большой смерти может восстановиться патриархальное равновесие. Люди перестанут плодиться, как кролики, уступят часть ноосферы мифическим созданиям, и воцарится мир, который существовал многие тысячи лет. Задолго до крещения, и до Египта с Месопотамией. Всем хватало еды и тепла, желающие упражнялись в изящных искусствах и всяких фундаментальных астрономиях, не посягая на чужую зону обитания...

— Я пугаюсь, когда ты говоришь так.

— Как «так»?

Коваль не видел жены. Он играл в аллигатора, залегшего в засаде. Над водой только нос и губы.

— Когда ты говоришь вот так. Ты начинаешь так говорить, когда не знаешь, что делать, или... или когда сам боишься.

Артур вздрогнул. Внезапно вода показалась ему очень холодной.

— Ты тоже заметила?

— Словно снег пойдет... — обронила она, распахивая одну из створок окна. — Или наводнение начнется...

— У меня сердце колото, — пожаловался он и тут же пожалел.

Надина спина мгновенно окаменела.

— Так было, Кузнец... Когда були взбесились, помнишь, после засухи? И позапрошлым летом, когда... когда...

Она не договорила, но Коваль понял, о чем она думает. Три года назад их младший, Федя, едва не утонул в таежной реке.

— И при чем тут равновесие? — голос жены доносился до него глухо; она говорила, высунувшись в окно. — При чем тут Свирский и равновесие, если я всего лишь прошу тебя не затевать войны?

— Причина в том, что Свирский жестоко ошибся. Пятнадцать лет назад, когда я «проснулся», я почти поверил ему. Все это было так убедительно — волшебные звери, бабки-ежки по лесам, ведьмы на погосте... Я почти поверил, что придется привыкать к сказочной жизни, кататься на помеле и нырять в дымоход. А оказалось, все то же самое, только в профиль, тот же бубновый, или трефовый, интерес. И рождает теперь уже каждая третья, и пожарищ скоро не останется, и летуны мрут от бескормицы. И это значит, что кто-то должен опять поддерживать новое равновесие...

— Ты про Качальщиков? Ты говорил, что до Большой смерти их не было?

— И про Качальщиков, и про себя... Я этот феномен уже пятнадцать лет изучаю, и совсем недавно сделал простое открытие...

— Фи-но-мен?

— Неважно... — Он хотел сказать жене, что все это ерунда, и что зря он затеял этот никчемный диспут, и вообще, он хотел сказать, что очень ее любит, но не успел...

Опять не успел сказать ей что-то теплое и горько пожалел об этом, потому что в двери заколотили, точно Зимний охватил пожар.

Надя выронила кочергу. Артур накинул халат, взял револьвер и пошел отпирать. Никто не имел права вот так врывать, да никто, кроме самого ближнего круга охраны, и не знал, где находится спальня губернатора. Коваль шел к двери, понимая, что сердце болело не напрасно.

Вот оно, настигло его именно сейчас, когда ему было так уютно и сладко, когда впереди его ждали несколько безоблачных дней с супругой и дочерью...

— Нет, — сказала Надя, — не открывай.

На долю секунды у него промелькнула мысль так и поступить. Спрятаться, отсидеться, авось не найдут... Все равно, кроме охраны, никто не знал, где его искать.

Он откинул засов, увидел начальника стражи, дежурного офицера с тигром, Даляра с трясущейся челюстью, Мишку Рубенса в одних подштанниках и Христофора с белым, как мел, лицом. А впереди толпы лежал ниц незнакомый человек.

Точнее, знакомый. Только Артур отказывался узнавать его, потому что принести этот человек мог только очень плохую весть.

— Что с моим сыном? — непослушными губами спросил губернатор.

— Бомба... — прошептал телохранитель Николая, еще ниже припадая к полу. — Не уберегли, двое наших погибли, и пацан...

— Кто? — удивляясь собственному спокойствию, спросил губернатор.

— Сам взорвался, бомба под одежей была. Прямо на машину прыгнул... Но по тряпкам — татарин, и рожа не обгорела...

— Поясок еще, — добавил начальник стражи, показывая обугленный огрызок, со следами арабской вязи. — Поясок от убийцы остался, вон и письмена на нем...

— Он прыгнул, когда мимо мечети проезжали, — торопясь, словно лично был виновен в нерадивости подчиненных, заговорил Даляр. — Патруль сразу свистнули, я примчался, ихнего главного за бороду вытащил, чуть не зарубил на месте, ребята оттащили. Клянется, что из мечети никто не выходил, и что не знают такого человека...

— Да врут, врут, командир, — выкрикнул начальник стражи. — Бабы видели, как из мечети выбежал, еще на бедность кому-то подал. Точно из татар. Или кавказник: рожа черная, бородатая, в зеленое замотан! Прикажи только, всю эту шуштуру на дыбу поднимем, пятки будем жечь!

Коваль пропускал через себя поток слов, неожиданно потерявших всякий смысл. Слова складывались во фразы, а смысл потерялся... Он слушал, ничего не понимая, видел перед собой распахнутые рты, просящие о чем-то, глаза, багровые вены, вздувшиеся на шее лейтенанта. Он пропускал через уши этот нелепый шум, похожий на досадное жужжание, и всеми силами пытался заставить непослушное тело повернуться назад.

А когда он собрался с мужеством и обернулся, то понял, что лучше бы этого не следовало делать. По крайней мере прямо так, сию секунду. Потому что Надя Ван Гог встретила взгляд мужа.

Ее лицо вдруг перекосилось, поплыло, будто восковая маска или физиономия румяного снеговика, прислоненного к печке... Коваль чувствовал необходимость что-то сделать, что-то ей сказать или перестать смотреть тем остановившимся взглядом, который он никак не мог заставить двигаться... Будто кто-то схватил сзади, за затылок, металлической клешней и стянул кожу так, что не было сил приоткрыть рот и даже вдохнуть.

— Лекаря! — кричали позади него и толкали, и кто-то пробежал по ногам, и дергали за рукав, и знакомые лица наклонялись близко, брызгали слюной, повторяли что-то важное, а тигр лизал ладонь, а потом лизал в ухо...

— Нет! — крикнул он вдогонку военным. — Нет, я сказал!

— Надо брать их, пока не разбежались!

Теперь здесь оказался и старший Абашидзе, и Левушка, и еще куча народу, весь Малый круг, и под окнами цокали копыта конницы...

— Всю слободку кавказников я приказал окружить! — на скулах Абашидзе играли желваки.

Коваль посмотрел в угол, туда, где над бьющейся в истерике женой метались подручные мамы Роны, и внезапно представил себе, как не просто далось грузину такое решение.

— Прикажи запалить мечети, командир! — с Даляра, в буквальном смысле слова, летели клочья пены.

«Коля, Колечка... — чувствуя, как щемящей тоской сжимается сердце, подумал губернатор. — Они все для меня лично, преданы, и любят, и ценят... Но ни хрена не думают о людях...»

— Нет! Стойте! — повторил он, уже почти спокойным голосом, только внутри все дрожало, как выкинутый из кастрюли студень. Внутри все было изрублено в капусту... — Никого не трогать! Следствие передать Судебной палате, чтобы все вели клерки, как обычное убийство.

— Но командир!..

— Смерть ублюдкам!

— Как ты теперь в Казань-то?..

— Никого не трогать без суда! — прошептал он, недоумевая, почему так трудно стоять. — Они только и ждут, чтобы мы начали жечь мечети, неужели непонятно? Если узнаю о самоуправстве, генералов первых повешу, слышите?!.

Теперь ждать нечего, готовьте посольство к хану!

28

КАЗАНЬ — ГОРОД ХЛЕБНЫЙ

Эльсур Халитов принимал гостя на мягких подушках у подножия Золотого трона. Спускавшиеся с потолка тяжелые ковры разделяли залу на несколько комнат. Сюда не доносился грохот повозок и крики базарных торговцев. В зарешеченное окно Артур видел спускавшуюся

к арке кремля недавно мощеную дорогу и остатки памятника Мусы Джалиля. Народный герой лежал на боку, так и не сумев разорвать цепи фашистских мучителей. По дорожке, щеголяя парадными костюмами, гарцевали десятка два гвардейцев из личной охраны хана. Подалее, на пустыре, тренировалась целая сотня кавалеристов. Они разгонялись и поочередно старались на скаку разрубить укрепленные на палках арбузы.

Казанский кремль почти не пострадал в годы катастрофы. Само собой, что не осталось целых окон, лопнули все коммуникации, провалился асфальт, и на развалинах сторевших зданий буйной порослью зелени кусты, но основные строения сохранились прекрасно.

Трон не был золотым, но близко соответствовал. За следующим ковром, в угловом помещении, помещалась обширная библиотека, куда тащили книги со всего города. Халитов справедливо гордился тем, что свободно изъясняется на четырех языках и разбирает арабскую письменность. Последнее обстоятельство придавало ему колоссальный вес в глазах соратников. В результате последнего дворцового переворота со стен кремля были сброшены в Волгу сотни полторы противников нового хана, и никто из них читать не умел.

Начитавшись первоисточников, нынешний хозяин Казани решил, что принимать подданных следует на возвышении, укрытом золотыми одеялами, и вообще, надо собрать во дворце как можно больше блестящих предметов. Как ни странно, слово «орда» ему не пришлось по вкусу, хотя особо ярые знатоки старины советовали вернуться к основам...

— Ну, еще раз саяям, Эльсур,— сказал Коваль, когда руководители двух городов, наконец, остались одни.

— Мира тебе,— в тон отвечал хан.— Выпить нет. Барана уже жарят. Сыр и фрукты кушай, а?

— От сыра не откажусь. Надя мне говорила, что сыр у тебя знатный,— осторожно запустил первый крючок губернатор.

— Сыр превосходный,— степенно кивнул хозяин.— Кстати, как супруги здоровье? Самые теплые ей пожелания передавай. Мои женщины халат для нее сшили. Захватить не забудь, а? Зимы у вас холодные...

— Непременно! А Надя велела кланяться и передает твоим девочкам... — Артур продолжал произносить казенные любезности и с нарастающим раздражением думал о том, что ждет политиков лет через двадцать. Уже сейчас душные щупальца этикета начали привычно сжиматься вокруг горла, не позволяя сделать шаг в сторону, и совсем скоро руководители, как это было до Большой смерти, превратятся в говорящие придатки своего аппарата...

— О твоем горе мне сказали,— Халитов сделал серьезное лицо и погладил гостя по руке, что означало высшее проявление сочувствия.

— Благодарю, Эльсур, можешь ничего не говорить.

— Могу не говорить. Но скажу, а? Ведь ты же ждешь, чтобы я сказал.

— Ты мудрый человек, не зря тебя хвалят.

— Разве я мудрый, Артур? Я просто хитрый. Немножко хитрее других, немножко больше удачи. Честно тебе скажу, а? Я грустил, когда о твоей потере узнал. Это больно, я знаю... Две дочки маленькие у меня умерли. Но я не сильно грустил. Не успел им даже дать имена. Не знаю, если бы погиб взрослый сын...

— Спасибо, Эльсур, я верю тебе.

— Это тебе я благодарен,— краем губ улыбнулся хан.

— За что? — счел нужным удивиться Коваль.

Внезапно он обнаружил, что возведенная с такой тщательностью изгородь между ним и утасяющей стихнувшей болью снова готова проломиться и выпустить боль наружу. Он знал, что этот разговор состоится и что впереди будут еще разговоры и соболезнования, и притворные, печальные мины, и... Никуда от этого словоблудия не уйти: Николай был не просто ребенком, а частью политики, и даже посмертно его придется делить, или хранить, как тайную карту в рукаве...

Но Халитов не лил притворных слов. Он понимал ситуацию слишком хорошо.

— Спасибо, что выход гневу не дал, а? — хан смотрел прямо в глаза, что тоже являлось порядочной редкостью.— Памятью отца клянусь, Артур. Если бы я что-то узнал заранее, хоть один намек... Ты бы первый от меня услышал.

Этих слов было Ковалю достаточно. Пока достаточно, хотя карта с именем мальчика еще долго останется в рукаве. Пусть побаиваются, доверять нельзя никому...

Сегодня хан клянется, что не имел к преступлению никакого отношения, и счастлив, что не тронули питерскую диаспору татар, а завтра он может решить, что не обязан делиться информацией. Нельзя ему дать успокоиться, нельзя, чтобы он чувствовал себя в безопасности. Он не боится питерских гарнизонов, но хорошо представляет, как сильна может быть кровная месть...

А потому пусть боится. Тем более что так его легче разговорить...

Губернатор первого по значению и военной мощи русского города был для хана дорогим гостем. И только слепой мог не заметить этого. За пятьдесят верст от города, при повороте на бывшую московскую трассу, губернаторский обоз встречал кавалерийский полк. От обилия украшений, серебряных попон, бантов и кистей, расшитых золотом штандартов рябило в глазах. Конница выстроилась в плотные шеренги и, сверкая саблями, сопровождала экипажи до самого кремля. При въезде в город несколько раз шарахнули из пушек, и к Артуру присо-

единились трое высших чиновников хана. За крепостными рвами Коваль встречали муфтий и генерал от кавалерии. В приятных беседах, ловко уклоняясь от скользких тем, гостей проводили до ворот крепости.

Коваль оценил масштабыстрое и вполне искренне похвалил захватывающий вид с холма. Строил Халитов немного, по большей части разбирали завалы, но уже за это ему можно было поставить памятник. Потому что старая, деревянная часть города поджигалась мятежниками при каждом перевороте с завидной регулярностью. Хан, видимо, рассудил, что, избавившись от горючих построек, можно надеяться на долгое, счастливое правление.

За последние годы он придумал еще несколько занятных трюков, принесших долгожданный покой. Предшественник Халитова совершенно упустил из виду такой первостепенный рычаг, как родственные связи. Он был тоже грамотным, начитался древних книжек и объявил себя президентом Татарстана. Наверное, из неактуальной, устаревшей периодики он почерпнул вредную мысль, что замов надо назначать из числа людей честных и независимых...

Границы республики, обозначенные в старых картах, ему не очень понравились, и президент принялся собирать войско, чтобы обеспечить постоянный прирост земель. В процессе киданья вверх шапок и флажков честные и независимые передрались и утанули с собой на дно самого правителя.

Халитов таких глупостей не допускал. Не было поста в новом правительстве, которое не занимал бы кто-нибудь из многочисленной родни. Народ быстро успокоился, и деревянные кварталы стало незачем поджигать.

Кроме того, Эльсур выяснил по словарю значение слова «оппозиция» и понял, что в татарском языке этому идиотскому понятию просто нет места.

И оказался прав. Оппозиция успокоилась, лишившись голов в самом прямом смысле. Поборники Креста вообще не пытались прибиться к власти, и нерешенными оставались два вопроса. Размахиваться ли, как предыдущий президент, на подчинение всей Татарии, и как быть с муфтием? Халитову было хорошо и без войны, драться он не любил и предпочитал решать спорные вопросы тихонько. Например, у него совершенно не было уверенности, что Челны захотят признать Казань столицей и кинутся выплачивать налоги. Не проще ли спокойно сидеть на Золотом троне и обдумывать, как потихоньку отравить Челнинскую верхушку?..

А с муфтием — и того непонятнее. Наглый, как танк, все ему давай, давай, давай... А с другой стороны, умный, ничего не попишешь. Миллион, говорит, миллион людей, за тобой пойдут, если смело под зеленым

знаменем встанешь. Откуда он миллион насчитал, не совсем понятно, но звучит гордо...

Муфтий смелый стал после того, как от Карамаза люди приезжали. Немного об этом человеке наслышаны были, но то, что слышали, заставляло его уважать.

— Вы дождетесь,— говорили люди Карамаза муфтию.— Моргнуть не успеете, русские окрепнут и обложат своими границами. И будет как до Большой смерти, вон, сами в карты поглядите. Будете как пятно родимое, как нелюбимая бородавка на боку у России. Раньше они слабые были, а теперь, глядите, что творится! Раньше их в городе меньше трети оставалось, и не рожали совсем, а теперь? Вот погодите, еще немножко, и станет их больше! В Челнах уже дождались, там русский мэр, и с шайтанами лесными дружбу водит, с Качальщиками! Подомнут вас, крикнуть не успеете, и Халитов ваш — слабый, нерешительный какой-то!..

...Как раз в период столь глубоких раздумий и посетил хана губернатор Петербурга. Теперь они сидели друг напротив друга на пушистом ковре, пили чай из расписных пиал и закусывали теплым еще медовым чак-чаком. Халитов был похож на крепенького борца. Вроде бы пухлый, но нигде не висит, круглое, загорелое лицо, и волосы черные, жесткой щеточкой. На толстых пальцах — несколько колец с изречениями из священной книги.

— Базарную площадь чисто у тебя убирают,— похвалил Артур.— Только не шумно ли? Прямо перед покоями палатки разбили...

— Вай, всех зато вижу, а? — сверкнул белоснежными зубами хозяин.— Утром сам все цены проверяю. Если дорого, скажу — сразу убавят!

— Тоже верно,— кивнул губернатор.— Оптовики под присмотром.

Оба одновременно подули на чай, оба сердечно улыбнулись, как старые, все понимающие друзья. Посудачили о Черных жеребцах, которых хан очень хотел бы приобрести. Обсудили стати обычных коней и решили, что кони железку не заменят, и что железную дорогу все равно надо восстанавливать. Губернатор заявил, что составы, паровики и ремонт путей обеспечит Петербург, а хану предложил контроль над восточной частью дороги. Хан сказал, что его джигиты могут денно и ночью ходить в патруль хоть по всей длине дороги, и обещал разобрать на стройматериалы несколько внутренних веток.

«Сволочь мордастая,— думал Коваль.— Как строить, так он глухой, а как бабки за проезд собирать, так первый прибежит...»

«Хряк белобрысый,— улыбался гостю Эльсур.— Вас пусти в огород — через полгода, от водки вонючей, весь город под заборами валяться будет...»

Губернатор, сияя от счастья, принял в подарок трех отменных жеребцов и приглашение отпраздновать в Казани следующий Навруз. Хан,

истекая медом, получил ордер на скромную, восьмикомнатную квартиру в Меншиковском дворце и десять бочек копченой миноги.

Губернатор сказал, что если хан не приедет осенью в Карелию, вместе поохотиться на уток, то он сочтет это личным оскорблением. Хан ответил, что он уже оскорблен, потому что гость не горит желанием завтра утречком посетить скачки.

Наконец с реверансами покончили, можно было переходить к делу.

«А ведь он психует,— думал Коваль, искоса разглядывая хана.— Надежда права, точно веслом ударенный. И вся эта бравада напускная, пыль в глаза...

— Дорогой Эльсур,— начал губернатор,— хочу попросить тебя о маюсеньком одолжении.

— Все для тебя, Артур,— оживленно воскликнул хозяин.

— Ты не возьмешь на постой сотни три моих людей? — наблюдая, как собеседник меняется в лице, елейным голосом произнес Коваль.— Ненадолго, на месяцок. Им только крыша нужна, а харчи и деньжата свои. Самых тихих подгоню, ни шума от них не будет, ни вреда. Дело закончат — и уйдут. А ежели что попортят, так возмещу...

— Какое дело, дорогой Артур? — вырвалось у Халитова.

Он тут же замолчал, возвращая равнодушно-глубокомысленный вид, но нервозность его выдавала.

— Да дело-то ерундовое,— доверительно хихикнул Артур.— Изловить кое-кого на островах, выше по течению... Озерники, слышал про таких? У тебя тут, правда, река, а не озеро, может, их иначе называют?

— Называют так же,— быстро сказал хан.

— Уж не расстроил ли я тебя, Эльсур, дорогой? — обеспокоено всплеснул руками Коваль.— Может быть, эти люди под твоим особым покровительством?

У Халитова несколько раз дернулся желвак на щеке. Он пошарил глазами по узорам на подушке и снова встретился с Артуром взглядом.

— Никакого особого покровительства,— сказал хан.— Но люди эти всегда жили на наших землях... — Он сделал ударение на слове «наших». — Неужели три сотни солдат надо, чтобы изловить беглого преступника, а? Давай, я своим это поручу! Избавлю тебя от лишних забот?

— Не избавишь, Эльсур.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, затем хан потянул за свисающий с ковра шелковый шнур. Ковер чуть шевельнулся, и перед Халитовым возникла юркая фигура, с ног до головы закутанная в черное. Хан сказал несколько слов на татарском, прислужник почтительно склонился и исчез. Коваль следил, как снаружи бьются в оконную сетку жирные мухи, привлеченные запахом сладкого.

— У тебя немало важных дел, Эльсур,— негромко заметил Коваль,— И у меня тоже хватает. Нам так много предстоит еще сделать вместе, чтобы людям жилось хорошо... Или я не прав?

— Прав, прав,— хан хрустел костяшками пальцев, подставив луженую физиономию солнечным лучам.

— Так давай не будем вилять, сохраним время для важного?

— Хорошо, Артур. Не будем вилять.— Халитов подлил гостю чая.— Я за одним человеком послал... Он знает все, что творится на Каме... Когда на острова прячутся беглые воры, он узнает об этом первым. Если ты считаешь, что там убийца Николая, я сделаю все, чтобы его найти. Кто тебе нужен, а?

— Мне нужны все Озерники. Ты ведь слышал, Эльсур, как мы поступили с ними у себя?

— Вы уничтожили тех, кто извлял в грязи вашу веру. Я бы тоже так поступил, если бы под боком завелись нечестивцы, порочащие Месяц.

— Я преследовал их не за это, хан.

— А за что? Ты вырезал несколько деревень за кражу гулящей девки, а? — Халитов повысил голос, показывая, как хорошо он осведомлен в делах Петербурга.— Разве ты не вырезал их по наущению своих попов? Разве Озерники не мазали дерьмом иконы?

— Это, конечно, нехорошо... — Артур чувствовал себя канатоходцем, который застрял в темноте, на незнакомой веревке.— Но твои люди, наверняка, донесли, что мы вырезали и Озерников на Финских озерах, и под Вяткой, Новгородом, и под Ярославлем?..

— Вай! Гнев попов столь велик, а? Они будут гнать врагов по всей земле? И ты дашь им столько солдат, сколько они потребуют?

— Нет, Эльсур. Мнение попов меня не заботит, но озерное племя я выжгу. Однако не только из-за икон.

Удушливая жара плыла над Казанскими минаретами, над плескущими изгибами реки, над тысячами шатров, дымящих на другом берегу. Казалось, что белые башенки крепости плавятся и растекаются, как сахарные головы. Сквозь стрельчатые окна сверкала пестрыми бликами базарная площадь, где люди и животные словно плавали в кашеобразном, знойном мареве. Заполняя паузу, Коваль насыпал в рот щепотку чак-чака.

— Так ты бьешь их не за веру, а? — в голосе хана послышалось облегчение.— И не за сына?

— Ах, дорогой Эльсур,— улыбнулся губернатор,— разве для того, чтобы жить как порядочный человек, обязательно соблюдать посты? Вот я, например, уважаю тебя за то, что ты пресек драки между своими, что помогаешь бедным, а богатым даешь богатеть, что не обижаешь у себя русских купцов, а вовсе не за то, сколько раз в день ты помолился...

«Их вполне может быть и больше миллиона,— рассуждал Коваль.— Тысяч восемьдесят в Казани, раз в десять больше по деревням. Плюс башкиры, плюс мелочь... И дело не в муфтии, который, по слухам, довольно твердолобый пацан. Дело в том, что они жили и будут жить куначеством. Никуда от этого не денешься. Халитова поддерживали богатые кланы, но что будет завтра, если верх возьмут фанатики? Сколько он продержится, играя в просвещенного космополита?..»

— Хорошо ли нам будет, если между нашими городами затеется вражда? — продолжал скользкую тему Артур.— Смелый воин может захватить власть, нам с тобой это известно. Но удержать власть и добиться любви народа может лишь тот, кто смотрит вперед. Тот, кто видит не только сегодня, но и завтра.

— И что же ты видишь завтра? — Халитов поглаживал вышитые, на золоченых подушках, изречения.

— Я вижу, что есть правители, которые не могут спать спокойно, когда соседи живут сытно и дружно. Я вижу, что они готовы поднять знамена любого цвета, лишь бы захватить южные торговые пути и присвоить себе чужое. Я вижу, что если их не остановить сегодня, то завтра они найдут себе приспешников в каждом городе. Всегда найдется тот, кто за кошель с золотом отравит колодец или бросит бомбу в базарную толпу. Эти правители всегда делают ставку на людей темных и забитых, на нищету и дикость... Но самые хитрые поступают иначе. Они давно поняли, что одним кошельком золота не достичь того, что можно достичь обманом. Они обманывают детей с колыбели, и те вырастают не людьми, а волками... И эти волки верят, что бог призвал их лишь затем, чтобы истреблять иноверцев... Если мы позволим им и дальше растить волчат, то очень скоро запылают дома, а добрые соседи превратятся в вечных врагов...

Халитов долго молчал, перебирая на блюде спелые виноградины, доставленные откуда-то с юга. Затем он вскочил и отошел к окну. Стараясь не поворачиваться к дорогому гостю спиной, распахнул вторую створку и стал боком, уставившись на сверкающую пойму реки. Артур не мешал хозяину размышлять, сегодня он сделал все, что мог...

— Пусть так будет! — Халитов потер ладонями щеки, пробежался из угла в угол, по щиколотку, утопая в пушистом ковре.— Приводи своих солдат, пусть ищут... Проводников дам. Но ты же захочешь, чтобы с солдатами пришли Качальщики, а?

— Без них нам не справиться.

— Качальщиков здесь не любят.

— Их нигде не любят, их невозможно любить.

— Почему невозможно? — рассеяно спросил Халитов.

— Разве можно любить собственную совесть? — усмехнулся губернатор.— Ты сумеешь полюбить человека, который ходит за тобой по

пятам и нашептывает тебе в ухо: «Эльсур, ты поступил дурно там и здесь, и ты это знаешь. А я не отстану от тебя и буду постоянно об этом нашептывать!»

Пришел черед рассмеяться хозяину.

— Вай, как жаль, Артур, что мы так редко встречаемся. Столько бедотни! Так не хватает остроумного собеседника, а?

Халитов еще продолжал улыбаться, но щелочки его глаз уже превратились в пулеметные гнезда, и Артур понял, что сейчас решится самое главное.

Главное, ради чего он приехал. Никак не для того, чтобы разместить на постой пару сотен пограничников для ловли колдунов в камышах или для урегулирования финансовых затрат на железную дорогу...

— Вот что, Кузнец. Баба у тебя умная. Я это сразу понял, еще когда увидел ее в первый раз... Тебе повезло, а? Одна женщина может примирить двух мужчин, но не примирит эту свору, — он небрежно махнул в сторону окна. — Ты ведь не глупый, Кузнец? Сегодня я иду тебе навстречу. Хорошо... Не из-за сына твоего, а просто потому, что вы мне нравитесь. Я тоже вижу, что будет завтра, а? Только я не смотрю так далеко вперед. Я вижу, что завтра ты попросишь не ночлег для сотни... Завтра ты захочешь, чтобы в Каме напоила коней тьма, которую Абашидзе поведет на Самару или Астрахань. Что скажешь, Кузнец? Я не прав, а?

Халитов напрягся, точно собирался прыгнуть гостью на горло.

— Убеди меня, Эльсур, что с юга для русских земель нет опасности, и я отвечу тебе, что не стремлюсь к власти над Татарией.

— Вай! Я разве бог, чтобы давать тебе такие обещания? Я всего лишь песчинка под сапогом бога, да и ты тоже...

— Значит, человек, о котором я думаю, намерен выступить на север? — задумчиво произнес Артур. — И никто мне не даст гарантию, что он настроен с миром?

— Га-ран-тия? Не понимаю таких слов...

— Кармаз предложил тебе помощь, если ты выступишь против Петербурга? — в лоб спросил Артур.

Халитов качнулся, словно его ударили по лицу.

— Ты не брат мне, Артур. Никогда братом не будешь. Если я скажу татарам, что русские хотят поставить гарнизоны вокруг наших земель, от меня отвернутся все: и родня, и чужие кланы...

— А если я приеду с большим посольством и привезу соборников? Если мы вместе нарисуем новую карту, и подпишем кровную бумагу, что не перейдем твоих границ?

— А где они, границы? — устало вздохнул хан.

— Ты сам их нарисуешь, — удивляясь собственной отваге, сказал губернатор. — И это будет только твоя страна и твое государство.

— Слишком хорошо ты думаешь о муфтии... — покачал головой хан. — Почему ты решил, что меня слушаются все? В Челнах плевали на меня, и в Альметьевске...

— Это сегодня они на тебя плевали, — вкрадчиво заметил Коваль, — а через неделю все может сильно измениться. Ты получишь власть над всей Татарией.

— Через неделю? — как замороженный, повторил Халитов.

— Я говорил с Качальщиками, которых так не любят святоши. Они согласны успокоить землю, если я помогу тебе запустить литейку. Завтра вся Казань может узнать, что ты получишь пушки. А мои инженеры помогут тебе с порохом и зарядами. Для начала, скажем, штук десять орудий малого калибра и столько же самоходок. В течение месяца подгоним мастерскую, для ремонта. Снарядов получишь тысячи полторы, больше не обещаю.

— Откуда все это?! Качальщики все давно расплавили...

— На военных кораблях кое-что сохранилось.

У хана заблестели глаза. Не в силах сдерживаться, он снова начал мерить углы, возбужденно потирая руки.

— Мои генералы не поверят тебе, Кузнец.

— А не надо верить. Три пушки и десять пулеметов я уже привез.

— Ты загоняешь меня в капкан, Кузнец.

— Тебя невозможно загнать в капкан, Халитов. Ты не похож на подранка...

— А если им этого мало будет, а? Если оружие не убедит? Есть такие, кто спит и видит меня в Каме, с камнем на шее!

— Ты им завтра покажешь договор с губернатором Петербурга.

— Вай, Артур... Но раз уж мы так говорим... Всем известно, что вы собираете новую Думу. Новые Старшины, из выборных, и новый Большой Круг...

— Договаривай. Ты хотел сказать, что будет новый губернатор?

— А что ты сделаешь, если не соберешь нужное число меток со своим именем?

— Я соберу их, Эльсур.

— Ты зарежешь своих противников?

— Нет, Эльсур. У Думы будет простой выбор — или сегодня Кузнец, или завтра Карамаз. Я заставлю их поверить.

Халитов дернулся вторично. Имя турецкого паши действовало на него как удар тока.

— Он давно не в Стамбуле, Кузнец, — после продолжительной паузы, выдавил хан. — У него есть джинны, стократ умнее твоих лучших инженеров. Они сделали для Карамазы летучую машину.

— И где же он? — затаил дыхание Коваль.

— В Фергане.

— Вот так номер...

— Ты разве знаешь, где этот город?

— Ну, еще бы... Когда-то это место называлось колыбелью радикалов... Старый лис маразмом не страдает.

— Снова путаешь древними словами, а? Это далеко отсюда, Фергана. Я считал километры по картам. Но с летучей машиной он доберется еще южнее, и восточнее. У меня сведения от верных людей, это честные купцы. Они ходили к Черному морю, еще когда я был мальчишкой...

— А теперь они платят пошлину не украинцам и не татарам, так? Или, может быть, болгарам? Что ты молчишь, Эльсур? Кому теперь принадлежат фабрики западного берега?

— Купцам неважно, кому платить за проход. Торговать им не мешают, это главное... — пробурчал Халитов.

— Им не мешают торговать, потому что твои купцы поднимают зеленый флаг, да, Эльсур? У меня тоже есть верные люди, так они сообщают, что десятки болгарских деревень на побережье сгорели дотла. Украинцу пока не трогают, я верно понял, Эльсур?!

Халитов внезапно прекратил метаться, и с силой хлопнул ладонью по низкому столику, так что подпрыгнули пиалы, и рассыпались фрукты.

— Ты...ты, Кузнец, не доводи меня, слышишь?! Что я тебе, мальчик, а?!

— А сам ты себя не доводишь?

— Хорошо. Все, я сказал! — рубанул воздух хозяин. — Ты подпишешь бумагу, что будет фабрика по металлу?

— Я обещал.

— И три тысячи твоей конницы, когда я пойду на Челны. Не для боя, а здесь. Постоят в Казани, чтобы я за тыл был спокоен. Можешь обещать?

— А ты мне обещаешь приехать на выборы в Думу? — Коваль протянул ладонь. — Если выступишь в Думе, обнимешь меня на виду у наших, твердолобых, — будут тебе и конница, и пушки, и твердая граница.

— Ты думаешь, я с тобой из-за пулеметов торгуюсь? — лукаво ухмыльнулся Эльсур. — Нет, Кузнец, пулеметы — дело десятое. Пойдем со мной, а?

Он отогнул одну портьеру, затем еще одну, и гость вошел в помещение, до потолка забитое книгами.

В библиотеке у Артура сразу начинали чесаться руки, вот и сейчас он испытывал непреодолимое желание забыть обо всех делах и с головой зарыться в тысячи пыльных, источающих одуряющий запах, фолиантов. Это было все равно, что пересечь пустыню, добраться до родника, лечь на пузо, зачерпнуть кристальной жидкости и... проснуться. Последняя книга, прочитанная губернатором, называлась «Идиоматические конструкции немецкого языка», и большого удовольствия Артур не получил...

— Университет,— сказал Халитов, и Коваль проснулся окончательно.— Я прочитал, что у нас, в Казани, был университет. Как у тебя, только лучше. Несколько тысяч человек сразу учили: и по металлу, и по дереву, и соборников, и химиков — всех... Я тоже университет хочу.

У Артура вертелось на языке спросить, как можно мечтать о храме науки и, одновременно, закрывать школы для женщин, но он счел нужным промолчать.

— Я знаю, что тебе нашептывают,— хан любовно погладил стопку словарей.— Когда меня не станет, я не хочу, чтобы люди вспоминали: «А, был такой Халитов, тот самый, что кровью по утрам умывался и по сотне в день казнил!...» Ты думаешь, мне без тебя пушки взять негде? Мне люди Карамаза в десять раз больше предлагали. И летучие машины, и бомбы с белым газом, и такие бомбы, что под землю закапывают... Даже намекали, что с древнего корабля огненный гриб могут снять и привезти! Ты меня знаешь, я никого не боюсь, Кузнец. Но когда мне намекнули, что джинны Карамаза знают, как вернуть Большую смерть, я испугался. Первый раз я испугался, Кузнец...

У Артура по спине пронеслась холодная волна.

— И Карамаз книги сжигает,— тоскливо добавил хан.— Везде. Где проходит, там сжигает. А про твой университет его люди сказали, что сожгут его, вместе с книжниками, и с теми, кто учиться ходит... Теперь понял, Кузнец, что мне не только пушки нужны?

— Так значит, по рукам? — Артур первым протянул ладонь.

Несколько секунд мужчины держали друг друга за предплечья, затем, не сговариваясь, обнялись.

«И чего тебе дальше в гробу не спалось? — тоскливо думал хан.— Или жрал бы пиявок в лесу, вместе со своими Качальщиками, мы бы горя не знали...»

«Жулик косоглазый,— думал губернатор,— любитель словесности хренов. Попался, как кур во щи, вот и мечется теперь... Однако же, реформатор, ничего не попишешь. Надо маме Рите сказать, пусть в Книгу занесет, как мы Казань без стрельбы взяли...»

29

ПИАРЫ И КОНСЕНСУСЫ

Впервые за десять лет зал Мариинского дворца был битком набит народом. Возле подъездов толклись экипажи, один другого краше, подкатывали даже автомобили и несколько паровиков. Простой люд с са-

мого утра облепил крыши и уцелевшие фонарные столбы; выискивали влиятельных чинуш и знатных фабрикантов. Забирались друг другу на плечи, чтобы разглядеть, как подъедет губернатор или кто-то из высоких гостей.

Уже третью неделю город будоражили слухи, обрастая подробностями на постоянных дворах, рынках, в трактирах, на Бирже, в ночлежках переселенцев... О новой Думе не говорили только немые, а кто умел хоть слово сказать, те до хрипоты, до драки рядились о том, как было раньше, да что будет после. Вспоминали правление прежнего губернатора, когда метался по области бесноватый соборник Карин, когда высыпали бункера с оружием, и могли повесить за срубленную березку. А иные припоминали и совсем уже стародавние времена, когда город был поделен на коммуны, а за Пулковским шоссе резвились дикие чингисы да болотные коты...

Но после того, как в Питер, одно за другим, стали прибывать посольства из других городов, притихли даже самые ушлые. Посмеивались сначала, после недоумевали: что за радость такая, попусту шляться? А в последнюю неделю могучие толпы бездельников собирались перед аркой Генштаба, поглазеть на очередной посольский караван, на диковинные, уцелевшие машины, на бронированные кареты с охраной. Отдельная толпа змеилась вдоль путей, ожидая прихода паровика. Десятки умников ложились на рельсы, предвещая скорое появление поезда. Паровиков теперь было целых три, и многие горожане копили деньги, чтобы, отстояв ночью очередь в кассу, важно прокатиться и помахать ручкой завистливым знакомым... Правда, потом приходилось прыгать на ходу, поскольку паровик разгонялся и убегал дальше, в Варшаву или Ярославль, а теперь даже в Казань...

Когда прикатил Казанский хан, знатокам городских сплетен, собиравшим слушателей в кабаках на Литейном, оставалось только загигать пальцы.

— Костромские тут, и Тверь с поселками, Псков, само собой, а теперь Кинешма, Калуга, Тула, Орел, Владимирский князь...

— Вот так дела! — ахали собутыльники. — Это что за птица такая, князь?

— Ну, вроде губернатора, — глубокомысленно изрекали эксперты, — только помельче будет, послабже, нашему не чета!

— И с Мурманска, с Петрозаводска, и тьма всяких чудиков понаехала, видали?

— Да, там такие есть, что хуже чингисов! Видели, прямо на площади спят!

— Это шептуны, они на границе Московской пуши, у Сергиевого посада живут.

— Ну и гости, прости господи, того и гляди, петуха подпустят! С ними ухо остро держи!..

— Да, неспроста, что-то будет...

— Что-то будет,— повторяли на разные лады горожане и пытались подпоить служивых из охраны чужих градоначальников. Те охотно пили на халяву, но ничего толкового сообщить не могли. Самым пронырливым горожанам удалось, впрочем, разузнать, что и вокруг полузабытого Пакта Вольных поселений затевалась какая-то возня. Пакт, еще восемьдесят лет назад, инициировала мама Ксения, первая хозяйка Эрмитажа, мир ее праху... Договор был подписан коммунами и общинами, еще когда бегали древние машины и хватало бензина. Потом Вечные пожарища захлестнули дороги, и как-то все забылось...

А теперь, следовательно, подновить собираются Пакт, вот такие дела.

Не спалось народу спокойно.

И властям спокойно не спалось.

Малые совещания со Старшинами палат, встречи профессиональных Гильдий и штабные сборы военных губернатор после двух последних покушений проводил обычно в Зимнем. По крайней мере, туда никто не мог пройти с оружием, а в каждой властной структуре у губернатора имелись как минимум два осведомителя.

Но вольных поселенцев, в отличие от казенных клерков, не разденешь, а уж святош и вовсе трогать невыгодно. Повернутся, уйдут — и все дело насмарку! Поэтому офицеры Трибунала сбились с ног, выжигая по кабакам, торговым лавкам и борделям информацию о настроениях перед выборами, и возможных вариантах террора.

Много чего нашли, арестовали заодно конокрадов, фальшивомонетчиков и парочку шпионов из соседних городов. Накрыли даже крупную банду налетчиков из... Минеральных вод.

Худо-бедно до выборов дожили.

Коваль, в бытность научным сотрудником пятого отдела, раз шесть выезжал на симпозиумы и всяческие конференции. Иногда бывало полезно, иногда довольно скучно, но никогда не доходило до такой парилки, как сегодня. У него вылетело из головы, что в отсутствие электричества не функционирует ни одна система вентиляции. Отпирать настежь окна он сам же и запретил, из соображений безопасности. Невзирая на двойной ряд вооруженного оцепления тысячи четыре зевак расположились на травке с раннего утра, а к обеду их число утроилось.

— Боишься? — мимоходом спросил Свирский, направляясь на свою скамью. — Не бойся, помираем один раз!

— Тебе хорошо,— пожаловался Коваль. — Тебя в любом случае выберут в Старшины, потому что ты умный!

— А ты какой? — изумился Левушка.

— А я — просто начальник, — вздохнул Артур. — Начальником может быть всякий, а толкового Старшину книжников днем с огнем не сыскать...

С Левого пришел брат Аркадий, Старшина топливной палаты, долго тряс губернатору руку и бормотал соболезнования.

Подтянулись братья Абашидзе, веско и вежливо поздоровались, демонстрируя окружающим, кого они считали и будут считать губернатором при любом исходе выборов. Под шепоток зала занял свое место смуглый красавец Орландо, неделю назад назначенный Ковалем Старшиной промышленной палаты. Артур очень переживал, что итальянец плохо говорит по-русски. Если бы эти твердолобые олухи в зале могли его понять и оценить масштаб затеваемых строек!..

Еще сильнее зашумели, когда в зале объявился собственной персоной бывший папа Эрмитажа, Михаил Рубенс, да еще под ручку с мамой Кэт. У обоих давно не было официального права голоса, но все прекрасно представляли, каким они пользуются влиянием. Особенно Рубенс, чей внучок, уже лет пять, был секретарем у губернатора.

На местах для почетных гостей собралось немало уважаемых личностей. Знатные горожане подталкивали друг друга локтями, шепотом называя имена.

— Взгляните, какого мрачного деда под руки несут. Сам предводитель чудских Озерников пожаловал!

— А как вам тот, в красной папахе? Это же нижегородский Голова, клянусь вам!

— А вон, на балконе, выборгские и лужские!

— Господа, а этот здоровяк, Карапуз, что он тут делает? Он ведь всего лишь капитан пограничной стражи?

— О, вы не слышали последних новостей! Это прежде он был капитан, а нынче у него право голоса от всех чингисов...

— А вот и наша чародейка!

— Да кто же, кто?

— Да умница французская, что пули без боли достает. Тряпку тебе на нос кладут, и спишь. А как проснешься, уже все пули вынули! Сказывают, к ней на операции даже казацкие атаманы с Ростова едут...

— Так она же не лекарша вроде, а химик...

— Тем более! Скоро вместо мамы Роны в Питере будет. Ей губернатор целый дворец выделил и лекарей лучших в помощь, и училище химическое учредил.

— А где же митрополит? Где Онуфрий, господа? Вроде все соборники расселись, а никого из Лавры не вижу...

— Вы, любезный, отстали от жизни в Ломоносове! Онуфрия давно сняли...

— Да когда же? Да кто его снял?

— Так свои же и сняли! Месяц назад прошел областной Собор. Патриарха нового выбрали, и прочих новых отцов... Теперь совсем другие верховодят; патриархом Василия избрали. Он личный духовник супруги Кузнецца...

— Ах ты, господи! Ну, тогда понятно, откуда ветер дует!

— Нет, дружище, ничего вам не понятно. Он же теперь патриарх, над всей Русью суд будет вершить!

— Да как же это, над всей Русью? Ведь у соседей свои попы найдутся. Кто же Василия на Урале слушать будет?

— Не советую так громко... Это вам не Ломоносов, сегодня такие дела затеваются... Я вам так скажу — будут Василия слушать, никуда не денутся!

— Постойте, а это что за личности?

— Господа, не шумите, ничего не слышно!

Миша Рубенс ударил в гонг и через рупор объявил о присутствии делегации Верховного польского воеводы.

— Ох ты, дьякон в красной рясе-то, важный какой, а глазенки так и горят!

— Это не ряса, любезный, а сутана. И не дьякон, а епископ Варшавский, Станислав. Говорят, недавно выбрали...

— А еще говорят, что он приятель нашего губернатора.

Внезапно разговоры смолкли, по залу пронесся шумный вздох. Люди привставали на скамейках, чтобы лучше видеть гостевую скамью. Рядом с официальной делегацией Берлина и представителями немецкой фактории появились несколько удивительных, низкорослых людей в черных очках и низко надвинутых черных шляпах.

— Это что за нечисть, прости господи?

— Тише, тише... Ты что, хочешь попасть в списки Трибунала? Не видел разве, баржа здоровенная у Адмиралтейства стоит?

— Так то ж Орlando пригнал, новый Старшина фабричный. В Кронштадте починили и паровик на угле запустили.

— Вот-вот! На барже гномов и привезли, и не только их. Эти мелкие, они де-ле-га-ты! Во как! От германских южных земель и от бельгийцев.

Рядом с пивоварами, степенно разглаживая пейсы, устраивались четверо мужчин в помятых черных костюмах и громоздкая женщина в белом парике. У Бумажников слезились глаза, а носы, от непрекращающегося насморка, раздулись и покраснели, как сливы. Аллергия мучила всех, кто прибыл из-за песчаной стены, несмотря на лошадиные дозы настоек и гомеопатию Хранительниц.

Коваль тихонько оглядывал зал. Эту ночь он почти не спал и весь извелся, а утром, как ни странно, успокоился. Утром в окно спальни заглянуло солнышко, он поставил себе на примусе сто первую кружку кофе, и распахнул тяжелую раму. Дворцовая площадь переливалась миллионами брызг, после ночного дождя, ангел привычно балансировал на столбе, а по Мойке веселой стайкой, под охраной гвардейцев, шли в дворцовую школу ребятишки.

Потом губернатор перевел взгляд назад, на громадный стол, заваленный бумагами, планами и чертежами, и его охватила вдруг детская беззаботность.

«Какого черта,— сказал он вслух и удивился звуку своего осипшего голоса.— Не буду я ничего писать, обойдутся без тезисов. Одного тезиса с них достаточно. Или я остаюсь, или еду к Прохору и остаток дней ловлю с ним рыбу...»

Не успел он это произнести, как ударили колокола, а в дверь заскребся Михаил, с кипой свежих документов. Одной рукой листая бумаги, другой Артур, поочередно, прижимал к уху местные телефоны, выслушивал отчеты Старшин...

«Возможно, последние отчеты»,— напомнил он себе, когда хотел разозлиться на дорожников за рухнувший мостик через Карповку. И приказал себе больше не волноваться. Все что мог для этих людей он сделал. И великое чудо заключалось уже в том, что он до сих пор жив...

Совсем волноваться не получилось.

Сейчас рядом с ним сидел Миша Рубенс-младший и тихонько доносил свежие сплетни.

— Слева, восьмой, девятый ряд, видите, господин? Выборные от Гатчинских ковбоев. До последнего клеркам сопротивлялись и паспорта не хотели получать. Заводилой у них тот, который со шрамом, Кирилл Лопата. Кричал, что не собирается ни в какую Думу выбираться, потому что Питер для них — не указ.

— Однако он здесь?

— Все по закону, господин. Учетная палата трижды листы перепроверила. Лопата сначала отказался, а после, когда увидел, что бедняки выбираться лезут, спохватился. А теперь ковбои сговорились его в губернаторы выставить, от всех крестьянских дворов.

— От всех? И бедняки поддержат?

— А что бедняки, господин? Как ты хотел, все равно не получилось. Ни один от бедных дворов не прошел, а уж в Старшины, или на твое место, и подавно не замахиваются. Богатеи в корчмах все вино выкупили, кого споили, а кого и поколотили. На правом берегу, господин, во всех четырех участках, народу вообще не набралось. Все пьяные лежат. Уж не знаю, как и обозвать такую подлость, а обвинить нам некого...

— Это называется «предвыборные технологии», Миша. А справа, бородатые? Почему не помню?

— А, эти еще хуже, господин. От рыбацких артелей. Речники тебя, скорее всего, поддержат, а эти, ладожские, больно злые. Наслышаны про строительство большого рыболовного флота. Но бучу по иному поводу поднимают. Мол, при старой Думе бедняки выбирали Старшину, от каждой сотни дворов, а люди с достатком — от десяти. Они считают, что так честнее было, а теперь, мол, одна гопота в Думе соберется...

— Пускай считают, что хотят. Зубоскаляг много, я смотрю...

— Не сердись, господин, но я должен сказать...

— Ну, не тяни?

— Радуются многие, что Николай погиб, — секретарь, на всякий случай, отодвинулся подальше от губернатора. — Я и сам сперва не верил, но... Если желаешь, господин, полный список составляю: кто в сортире плохими словами крыл, и кто...

— Не надо списков, это не главное...

— Но это тайные враги, господин!

— Ничего не поделаешь, всегда найдутся такие, кто счастлив от чужого горя. Ты мне лучше скажи, кто выдвигаться будет, уже доподлинно известно?

— Значит, от ковбоев — Кирилл Лопата. От гвардии, понятное дело, тебя выкрикнут, и от пограничников, и от полиции... Мастеровые, кто по дереву, и сплавщики, вроде, тоже за тебя. Вот металлисты сильно недовольны, весь Выборгский район голоса папе Саничеву отдал.

— Это, конечно, из-за Качальщиков?

— Да, они там три дня орали, договориться не могли. Дескать, что губернатор перед Качальщиками выслуживается: и жену в лесу поселил, и колдунчиков в Эрмитаже держит, лишь бы милости не потерять, и змеев, да лекарей... Говорили: если Качальщики велят Кузнецу закрыть фабрики по металлу, он тотчас на лапки задние вскочит, и пять тысяч человек с голоду помрут, что на караванную торговлю металл переливают...

— Саничев — человек суровый. Он обижен, что я его место Орlando отдал, но против француза он не инженер, а подметальщик цеха...

— Артели иноземцев в Большой Круг выдвигают опять мастера Йонсона...

— Это хорошо, он мужик толковый. Я рад, что он удержался.

— Из иноземцев паспорта наши приняли человек семьсот, так, вроде, в губернаторы тебя пишут... Вот нефтяники, кто по бывшей Московской дороге, они против, и с ними сила большая: угольные купцы и лесорубы... Которые за Пушкином, они все против тебя. Если не губернатора, то Старшину топливной палаты, точно, своего просунут!

— Они вечно недовольны... А по районам как, обсчитали примерно?

— Центр весь наш, и Васильевский. Ну там понятно, гвардейцы да клерки квартируют. На Петроградской стороне, и в порту, за Обводным, мама Кэт с кем надо потолковала — и двое выборных сами отказались.

— Вы там не перестарались? Никого не убили?

— Боже упаси, господин. Пока тебя не было, Старшина дорожников встречался с мамой Кэт и этими двумя. Серьезные люди, надо сказать. В губернаторы они бы не прошли, но в Большой Круг вполне могли пролезть. Один, по кличке Абхаз, всю торговлю дурной травой по кабакам держит, и бордели по Выборгской дороге...

— Действительно, серьезный человек. А второй?

— Второй, Назетдин, бакшиш берет со всех металлостов, кто оружие налево гонит, а заодно со всех караванов татарских.

— Миша, напомни мне спросить у младшего Абашидзе, почему эти двое еще живы? И почему им платят, и никто не возмущается?

— Ты сам приказал их не трогать, господин. Если Абхаза утопить, драка за гулящих девок начнется, стрельба... Помнишь, три года назад, когда ты бордели на Невском позакрывал, что творилось? Трупы из Невы вылавливать не успевали!

— Ну, туда им и дорога. Сутенер — профессия повышенного риска.

— А казна тогда, от закрытия кабаков, в день по сотне рублей золотом теряла, вот ты и приказал лихачей этих, кто с девками, не трогать...

— Это я погорячился. Видно, нам деньги были позарез нужны...

— Ты сказал действовать по обстановке, господин...

— Ладно, а теперь чем нам пришлось пожертвовать?

— Старшина дорожников поставил печать на двух твоих гербовых бумагах. Пришлось обещать, что дорогу через Поклонную гору чинить не будем и землицы у самых озер, под восемь особняков, отписать.

— Под восемь?! Ну и аппетиты у нашей мафии...

— Зато Абхаз не только свое имя со всех досок снял, но обещал, что все выборгские за тебя проголосуют. Вот с Назетдином было тяжелее, ему земля не нужна. Он так и сказал, при маме Кэт и при Старшине дорожников, что плевать хотел на наш кадастр. Лучше, говорит, буду жить за пятьдесят верст, чем лизать сапоги Кузнецу.

— Круто! И как же его уломали?

— А через нефть. Тебе, господин, разве Даляр не докладывал?

— Я же две недели ни с кем не виделся, Надежде плохо было...

— Этого Назетдина ты теперь легко прихлопнешь. Полковник раскопал, что в обход таможен, из Челнов, караваны нефтяные шли и где-то в Купчино сливались, а Назетдин проводников и охрану от самих Челнов давал, и здесь со всех торговцев мзду имел. Вдобавок, бумаги и печать Малого круга подделали.

— Так за такие дела не пять лет в подземке, а веревка полагается...

— Про то ему мама Кэт и намекнула. Рыпнулся сперва: мол, не докажете, но ему быстро свидетелей предъявили. Трех возниц караванных в Тайном приказе так обработали, что все на него показали. А после того, как ты с Казанью мир заключил и пушки туда послал, Назетдин быстро со всех досок свое имя стер... Соборники тоже, мялись-мялись, но так и не написали своего выдвигенца... Учетная палата уж сколько с ними билась, да и народ толпами вокруг Лавры ходил, но так и не назвали...

— Ну, это неплохо, глядишь, сейчас и определятся... Старшину-то, по делам Собора, они, по крайней мере, выбрали?

— Тут все как ты задумал... То есть, как ты надеялся, господин. Когда Христофор крест поцеловал и причастился, его Василий сразу рукоположил. А в Старшины выдвинули... сейчас, как это... а, за большие заслуги перед Собором в деле обращения язычников...

— Когда они успели?

— Василий, митрополит, все сделал, пока ты в Казани был.

— Ну, молодец святоша... Я в нем не ошибся.

— Пора, господин, кивают от дверей. Все собрались.

— Начинай, а то у меня от дыма, глаза уже щиплет. Вот, чертяки, не Дума, а Совнарком, все дымят, как паровозы... И где они только табак такой дрянной находят?

Рубенс поднялся, торжественно поправил накрахмаленную рубашу и четырежды ударил в гонг. Тербя в руках листочек, на трибуну взобрался Старшина книжников, ректор университета и старейший член Малого круга Старшин. Сегодня Левушка нарядился в турецкий синтетический костюм и франтоватую рубашу, оставшуюся от гардероба Людовика. По особому заказу для него сшили кружевное жабо, в которое книжник запихал орден. На сей раз это был орден Славы; Левушка питал слабость ко всему блестящему. Когда-то Коваль даже пообещал, что наградит Свирского первой же учрежденной в новом государстве медалью.

— Властью, данной мне Большим и Малым кругом, первое заседание Петербургской Думы объявляю открытым! Поздравляю всех депутатов! Здесь собрались самые уважаемые граждане нашего города и прилегающих земель, заслужившие доверие своих...

Зал затих, многие даже затушили папироски и трубки. Речь для Левушки составляли вчетвером, надлежало пройти по грани официоза, и чтобы самые бестолковые поняли культурные слова. Похвалив город и горожан за проявленную сознательность, похвалив отдельно каждую гильдию, мастеровых, торговцев и ковбоев, словом, раздав всем по конфете, книжник представил иноземные и иногородние делегации, а затем перешел к повестке дня.

Артур делал вид, что просматривает листы в папке, а сам, прикрывшись рукой, исподтишка разглядывал зал. Делегаты не хлопали там, где захлопали бы их предшественники, полтора века назад, в Законодательном собрании. Они не потрудились побриться и сменить одежду, они не вставали с места, даже когда Левушка нахваливал кого-то поименно, они плевали под ноги и, не таясь, передавали бутылки с медовухой...

И все же, это были депутаты.

Это были люди, которых выбрали, по человеку от артели, или от трехсот дворов, или от полка, люди, с которыми предстоит теперь работать и работать...

Это были люди, которые могли собрать деньги. Очень большие деньги, во много раз больше того, чем была богата казна. Это от них зависело, откроет ли народ перед казной кошельки и амбары, снарядит ли в путь сыновей и рабов, отдаст ли коней, оружие, повозки, фураж на тысячи дней пути...

И существовало лишь два пути, чтобы приблизиться к цели. Взбаламутить верных вояк и взять все необходимое силой. В таком случае, вернувшись в Питер, даже с победами, он имеет все шансы не обнаружить бывших подданных. Как пришли десятки тысяч после мясных дефолтов, так и растекутся назад, обиженные, по всей России. Грош цена такому губернатору...

— Порядок такой, господа! — Левушка успел охрипнуть, хотя кричал в жестяной рупор. И само обращение «господа» давалось книжнику с трудом. — Первым делом, выступают наши гости, кто заранее записался! Затем выбираем Старшин в новое городское правительство, на пять лет. Затем — полчаса перекур — и выбираем губернатора. Еще раз повторю, а то тут некоторые меня дергают... Выступают только те, кто заранее заявил. Кого у меня в списке нет, те не лезьте, ясно?

— Это что же, нас молчать выбирали? — понеслись реплики недовольных, и, судя по всему, слегка поддатых, депутатов.

— Хороша Дума. Думать можно, а говорить нельзя...

— На хрена затевали, коли сразу рот затыкать!

— Вы присядьте, господа! — срывая связки, увещевал председатель. — Завтра еще наговоритесь, всю неделю будете говорить. Три дня будете слушать: и отчеты Старшин по прошлому году, и планы на следующий год. Вот тогда и высказывайтесь, кто сколько захочет. А тот, кого выберут сегодня, новым губернатором, должен будет к четвертому дню свой план составить, как жить дальше, и как городу деньги тратить, и как налоги собирать... Вот тогда и накричитесь вволю, но тоже по записи. Сначала слушаем того, кто докладывает. Потом стройтесь в очередь. Покажите мне свою бирку, я запишу на выступление... Всем

понятно? А то крик подняли, как бабы пьяные! Первое слово даю губернатору Кузнецу!..

Во время этой пламенной речи губернатору сунули сбоку маленькую записку. В ней сообщалось, что в зал проникли, как минимум, трое с огнестрельным. Вычислили террористов, естественно, дети; кто еще мог, кроме девятилетних Качальщиков, надежно спрятанных за портьерами, уловить враждебный металл?

Губернатор скомкал листочек и поднялся на трибуну. Конечно, это была далеко не та трибуна, на которой когда-то крепились микрофоны и сиял герб. Здание дважды горело, хорошо еще, что потолок не рухнул, вон дыры какие!

Он посмотрел в глаза первому ряду, затем сместил фокус зрения дальше. Большинство депутатов было ему знакомо, но сегодня тут собралась почти тысяча человек, и дальние ряды тонули в клубах махорки. Можно было, конечно, послать стражу и немедленно вычислить потенциальных убийц... Но кто докажет, что они пришли убивать губернатора? И как будет выглядеть городской начальник в глазах иностранцев, если начнет прямо в Думе крутить руки народным избранникам?

Нет, он успеет сказать то, что должен, во что посвящены только шестеро, ключевые фигуры. И этим отобьет охоту доставать обрезы. А разбираться с «ворошиловскими стрелками» будем потом. Непременно разберемся, с пристрастием, но попозже... И возьмем их не на покушении, боже упаси, а как врагов трудового народа, на попытке поджечь зерно, например...

Он набрал в грудь побольше воздуха. Зал дышал ему в лицо потом и гнилыми зубами, пивной отрыжкой и винным перегаром. Народные избранные почесывались, ловили вшей, украдкой грызли бутерброды...

— Господа, друзья, соратники! — сказал Артур. — Сегодня новая Дума выберет нового губернатора. У нового губернатора будет в десять раз меньше прав и в три раза больше обязанностей. Он не сможет больше делать то, что ему хочется, а будет подчиняться вам, и отчитываться перед вами. Так что теперь недосыпать будет не только новый губернатор, но и каждый из вас...

В тишине было слышно, как скрипят перья, и где-то за окнами плачет ребенок.

— Господин Свирский зачитал повестку дня. Первым идет мое выступление, оно будет кратким. Сегодня нас почтили вниманием главы шестнадцати русских городов и двадцати семи поселков. Они представляют лишь малую толику русских земель, но они приехали, чтобы подписать новый Пакт. Только от вас зависит... — Он сделал внушительную паузу. — От вас зависит, каким быть Пакту. Или наши друзья

разъедутся, не получив поддержки, на которую надеялись, или сегодня, в этом зале, мы подпишем бумагу о создании нового Российского государства...

В задних рядах пронесся шепоток, набрал силу и превратился в немолчный рев. Коваль махнул секретарю, и за сценой упала драпировка, скрывавшая огромную карту СССР тысяча девятьсот восьмидесятого года выпуска...

Рубенс колотил в гонг, многие повскакали с мест, в левом проходе завязалась потасовка, кого-то уронили на пол, кто-то вытирал кровь с разбитого лица. Только когда возле трибуны появился патриарх Василий, волнение начало понемногу стихать. — Оранжевым цветом, — продолжал Артур, — закрашены те области, которые готовы войти в новое государство и подчиниться новой столице — Петербургу! Как видите, это лишь небольшая часть великой страны, которую когда-то уничтожили глупые правители. Но в наших силах вернуть ей могущество и богатство! В наших силах, если мы договоримся, объединить людей, раскиданных друг от друга на тысячи верст!

Так что, прежде чем выбирать Старшин и нового губернатора, мы должны проголосовать.

Хочет ли Дума, выбранная народом Питера, чтобы город стал столицей?! Если мы проголосуем за новый пакт, то после обеда, в Павловске, соберется другая Дума. Это будет уже Государственная Дума России, и вам придется все пять лет исполнять ее решения. Дума России выберет президента страны и Верховных Старшин, то есть министров... Но перед голосованием... я хотел бы, чтобы никто не мог сказать, будто Кузнец на кого-то давил, или кого-то принудил. Я всем вам хочу сказать спасибо, — Коваль пожалел, что не может смахнуть набежавшую слезу. — По закону, который установил Большой круг, заявить о претензии на место губернатора можно было за три недели до выборов. И по тому же закону, выбранный губернатор имеет право отказаться от поста и предложить Думе другого кандидата. Верно я излагаю закон? — Артур повернулся к президиуму, где, в полном составе, сидел Малый круг. Сопратники глядели на него в немом изумлении. — Я ухожу с поста и предлагаю вместо себя Михаила Рубенса, бывшего папу Эрмитажа. Вы все его знаете, и думаю, он ничем не хуже других кандидатов. Это мудрый человек, отличный хозяин и справедливый судья. А теперь слово его святейшеству...

Зал взорвался таким криком, что с крыши, и с карнизов вспорхнули голуби и вороны.

— Как думаешь, выкрутимся? — Артур разглядывал горланящую публику в щелочку между портьер.

— Сейчас их патриарх добьет! — уверенно процедил командующий гвардией, набивая трубку. — Как узнают, что Качальщики Крест приняли, живо лапы поднимут...

— Василий точно урезонит, — согласился Даляр. — И хан обещал за тебя словцо замолвить.

Чтоб мне сдохнуть, быть тебе этим самым... президентом, господин!

30

ЭСМИНЕЦ «КЛИНОК»

Такого скопления народа порт не помнил полтора столетия, с тех пор как замерли клешни стальных динозавров, переносивших с места на место грузы, с тех пор как в последний раз отшвартовался эстонский сухогруз и замер на вечной стоянке, как памятник самому себе. Особое раздолье было для карманников и прочей шушеры, искавшей, чем бы поживиться в людных местах. Небо снизошло милостью в этот день на вечно пасмурный город. До самого горизонта не портило картину ни одно свинцовое облачко. Бездонный голубой колодец вздымался над морем, над сотнями рыбацких лодок, над мельканием парусов и шевелящейся людской массой.

Задние давили на передних, желая протиснуться в первые ряды, к наспех сколоченным трибунам; мальчишки гроздьями повисли на шеях портовых кранов; уходящие в залив причальные пирсы покрылись цветастым мхом из праздничных одежд...

Вдали от берега, не приближаясь к устью реки, покачивался на якоре аккуратный, залатанный тут и там, но чистенький катер. Паровик катера был заглушен, парус убран, а матросов отпустили на берег любоваться праздником. На мерно вздымающемся носу, подставив обнаженные спины солнцу, сидели двое мужчин. Шум города докатывался сюда неравномерно, точно кто-то крутил настройку радиоприемника. Иногда слышались отдельные выкрики, смех, музыка, затем все стихало, доносились лишь удары волн о корпус и звяканье трехметровых весел в самодельных уключинах. Но проходила секунда, и эхо приносило по воде нарастающий хорал тысячных толп. В десятке метров от катерка, покачивались еще две быстроходные моторные лодки сопровождения, с трехцветными флажками и штандартом личной охраны президента.

— А мне понравился этот мужик, как его?... — Бердер пощелкал пальцами.— Ммм... Кирилл Лопата. По-моему, он немного ошалел, когда стал... Как ты это обозвал?

— Министром сельского хозяйства.

— Н-да, и не выговорить. То есть, до Большой смерти, Министр был главнее Старшины?

— Не то слово! — засмеялся Артур.— Главней министров был только премьер, но я пока без него обойдусь.

— Да, этого Лопату ты ловко от губернаторского кресла отвлек. А другие против Рубенса не потянули бы, я это заранее знал... Ну, министром — ладно, а на кой ты ему весь фураж для армии поручил? Украдет ведь, и не почешется.

— Что поделаешь? Пусть лучше один он ворует, зато другим не даст, такого не проведешь...

— Ну, пусть Лопата, по крайней мере, свой. Но Бумажника министром торговли — это ты загнул! Языка не знает, из носу у него течет! А по веру я уж и не говорю...

— Язык выучит, а там посмотрим. Думаю, не хуже нас с тобой торговлю наладит... Тебе нехорошо, учитель? — с тревогой спросил Артур, в который раз наблюдая, как Бердер прикладывает губами к склянке.

— Ничего, выдержу. Возможно, я увижу это в последний раз,— сухо улыбнулся Хранитель.

— Ты ведь был в Польше, когда отгоняли американский корабль?

— Это было страшно. Когда звенящий узел под водой, его невозможно остановить... — Бердер с неодобрением следил за кучами мусора, дрейфующими из города в залив.— Но мы не будем тебя останавливать, иногда равновесие требует потерь.

— Ты предчувствуешь великие потери?

— Я не провидец. Спроси у Хранителей памяти, только вряд ли они тебе ответят. Ты же знаешь Кристиана.

С берега донесся очередной всплеск радостного гомона. С лодки охранения пальнули пару раз, отгоняя рыбаков, слишком близко подошедших к президентскому кортежу.

— Спасибо тебе за книги,— Бердер скривился, отхлебнув очередной глоток лекарства. Коваль удрученно поглядел на него и поразился вдруг, как постарел учитель. Косы стали окончательно седыми, улыбка все реже трогала задубевшее лицо, вокруг глаз побежали морщинки... Хранитель силы старел слишком быстро, раньше такого не наблюдалось. Даже Исмаил и Прохор, что были гораздо старше, выглядели точно законсервированные в своем возрасте. Коваль неожиданно подумал, что ни разу не слышал о болезнях среди Качальщиков. Никто из них не

оборачивал горло компрессами, не сморкался и не грел ноги в тазу с горчицей...

— Нам нельзя так долго торчать в грязи,— словно отвечая на упрек в слабости, выговорил Хранитель.— Дети... Надо учить детей. Они приезжают учиться убивать, а я хочу их научить не допускать убийства... Я уеду в Академию, там поправлюсь, но не обещаю, что вернусь. Теперь почти все ребята рождаются как городские. Их подносят к бочке с краской, и ни один не задыхается. Это, наверное, плохо, я не знаю... Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— Вы становитесь не нужны?

— Самое печальное, что мы нужны, но скоро нас не станет. Вернее, наши внуки станут не такими. Ты принес мне много книг, спасибо. Знаешь, что я понял, когда прочитал все эти книги? Хранители уже рождались на Руси, они появлялись, когда земле нужно было помочь успокоиться. Как лекари, которые держат больного, что бьется в горячке, чтобы не дать ему убить себя, или разбить нос... А когда земля успокаивается, такие, как я, уходят. Нет, не умирают, не пугайся, Клинок. Есть разница между «умереть» и «вымереть», не так ли? Мы просто растворимся...

— Мне жаль, если так произойдет. Постарайся подольше не растворяться.

— Постараюсь,— Качальщик облизал потрескавшиеся губы.— Я буду вести военную Академию, как и обещал тебе, но в город больше не вернусь. Будут приезжать молодые, присматривать за Слабыми метками, но дело уже не в метках. Теперь дело в людях.

— Ты полагаешь, Звонящих узлов больше не будет?

Коваль затаил дыхание. Если у Бердера есть основания считать, что земля успокоилась, можно надеяться запустить серьезную литейку, или даже химию...

— Пока будут рождаться такие, как твой приятель Карин, может произойти все что угодно. Однако я верю, что во Франции и Италии наши силы не понадобятся. После Москвы земля успокаивается. По крайней мере, на этой половине планеты.

— Как ты сказал? — вдруг встрепенулся Артур.— Откуда тебе знать, что творится в западном полушарии?

— А ты не оставил надежды добраться до тамошних спящих Демонов? — невесело рассмеялся Бердер.— Я не знаю, что там творится, но есть люди, у которых зрение острее, чем у нас с тобой. Ты слышал, что в Китае есть свои Качальщики?

— Кто-то говорил, но я ни разу не встречал человека, который бы видел их своими глазами.

— Перед тобой такой человек. Мы ходили с Семеном на Алтай и встречались с китайскими братьями. Странное дело, да? В Италии нет, и у германцев нет, а в Китае — Качальщиков полно, и что важно, не просто деревенских дурачков. Они живут как монахи в Храме... Ты не задумывался, почему так получается? Мы чувствуем иначе, чем люди Запада... Кристиан видит вдаль по времени, а в Китае есть Хранители, что видят вдаль пространства. Если ты успеешь прибрать к рукам Каспий и Ростовскую вольницу хотя бы за два года, никакой Карамаз не страшен...

— А кто... Кто тогда страшен?

Бердер обернулся к морю, приложил ладонь козырьком, и показал пальцем. Как всегда, Хранитель силы первым заметил опасность. Хотя никакой опасности не было, но Качальщик чуял грудку металла без всякого миноискателя.

На серебряной скатерти залива показалась едва заметная точка. Она увеличивалась очень медленно, и сначала казалось, что над гладью волн ползет тонкая струйка дыма... Потом точка увеличилась в размерах, и вот ее уже заметили с берега, и заревели сотни глоток, а рыбацьи флотилии ринулись навстречу невиданному чуду...

— У нас толмач был, из бурятов,— говорил Бердер, не отрывая взгляда от надвигающегося дымного столба.— Китайские братья говорят, что Хранителей нет ни у казахов, ни у туркашей. А вот в индийских землях, вроде, имеются...

— Ты мне не хочешь ответить, учитель?

— Разве я тебе не ответил? Или ты поглупел, от радости, что царем заделался? Вот ты бросаешь город и сотни поселков на старого человека. Пусть он умный, и народ в кулаке держать умеет, но хлопот-то сколько свалится? Суды твои нормально не работают, по ночам на улицу выйти страшно, в лесах опять бандиты... В Тихвине холера, в Подпорожье бунтовщики мэрию спалили, разве не так?

— Ты еще добавь, что паровики с рельсов сходят, что на севере проданолг припрятывают третий год, в казне золота почти не осталось...

Некоторое время президент и Хранитель силы наблюдали, как маленькая лодочка превращается в большой эсминец.

— Ну вот, ты все правильно понимаешь,— Бердер сделал жадный глоток из бутылочки. По мере того, как тень от серой махины заслоняла солнце, лицо Качальщика приобретало землистый оттенок.— Чего он так криво плывет? Не дай бог, в берег врежется...

— Не врежется... — не очень уверенно отвечал Артур.— Из четырех машин Орlando пока одну запустил. Хотя бы из Кронштадта доползти, и то праздник! У него течи в шести местах, рули хреново слушаются, но идет ведь... В док затайнем, там посмотрим. Там их несколько, в Крон-

штадте, порежем на куски, по дамбе привезем металл, залатаем, сварка имеется. Главное, второй двигатель запустить, и тогда двинем до Босфора!

В порту творилось нечто неопишное. Развевались штандарты полков, палили сотни ружей, барабаны трещали так, словно готовилась большая пляска смерти, орали взрослые, хохотали дети...

— Так что же делать, учитель? — напрягал связки Артур. — Кого нам опасаться, Америки?

— Америка... Слово на карте. Китайцы говорят загадками похлеще Кристиана. Там, за океаном, живут люди, которые считают себя лучше других... Почему ты бросил город? В городе нет равновесия, нет порядка, даже я это чувствую! Полиция разболтана, клерки мздоимствуют. По кабакам, не стеснясь, поют срамные куплеты про губернатора и Старшин! — Бердер говорил нарочито строго, но глаза его смеялись.

На берегу ахнула артиллерийская батарея. И еще раз, выплевывая вместе с холостыми зарядами сотни мешочков с цветными лоскутками. Над набережными крутился дождь конфетти, дети визжали так, что Артуру хотелось заткнуть уши. Башня правого борта начала медленный разворот для ответного салюта...

— Если я все время буду думать о равновесии, мы застрянем на месте! Я это недавно понял! Нельзя все время думать о порядке! — прокричал Артур, заранее зажимая уши.

— Почему нельзя думать о порядке? — хохотал Бердер, уцепившись за тонкий поручень. Катер швыряло на волне, как щепку, а проплывающая мимо серая облезлая стена казалась бесконечной, уходящей за горизонт. Сверху, с мостика, махали крошечные фигурки.

— Потому что если ровнять народ по линейке, мы получим красивые парады, но потеряем людей!

В вышине рывкнуло оружие правого борта. Артур представил себе, каково приходится маленьким пивоварам в башне, замотав уши, вручную подавать снаряды. Он не ожидал, что получится так громко; Бердер тоже корчил гримасы и тряс головой.

— Если порядок не главное, Артур, как же ты собираешься командовать страной? — Хранитель выкрикивал прямо в ухо.

— «Как, как?» — передразнил Коваль, выжимая из волос морскую воду. — Наши люди сердцем голосуют, а не башкой. Для них даже бог — не начальник, а отец родной! Все простит, все спишет... Значит, и я командовать буду так же!..

— Вот тебе и ответ, раз ты сам раскумекал, — Бердер проводил взглядом свежую надпись «КЛИНОК» на борту корабля. — Один тебе совет, Клинок. Перед тем, как плыть в этом тазу вокруг Европы, сделай так, чтобы у него задница не вихляла, как у весенней кошки.

— Это не задница, а корма.

— Ты не умничай, а то как дам промеж глаз! Он, видите ли, на дырявом корыте в Америку собрался... Голосуй хоть жопой, но позориться не смей!

— Не волнуйся, учитель,— Артур посмотрел в бинокль на ликующий город, на увешанные гирляндами людей мосты, на ровную линию конного заграждения — и внезапно почувствовал себя почти счастливым.— Не волнуйся, учитель, краснеть тебе не придется!

Конец второй книги

ПО СЛЕДАМ БОЛЬШОЙ СМЕРТИ

Часть I

ХРАМ ДЕВЯТИ СЕРДЕЦ

1

ЗОВ ЖЕЛТЫХ БОЛОТ

Впереди ждала верная погибель.

Старший разведки потянул на себя поводья и поднял левую ладонь. Десять всадников за его спиной мгновенно замерли, обратившись в слух. Обученные кони застыли, словно памятники коням. Но ветер доносил с востока лишь равномерный гул тысяч насекомых.

Здесь было даже слишком тихо.

Старший подумал, что в последние годы чувство опасности обострилось. Он подумал, что, возможно, права была мать, и его дед родился под Красной Луной. Иначе откуда в нем такая проницательность, уже не первый раз спасавшая патруль от гибели?

Капитан служил в Эрмитаже еще при папе Рубенсе, бежал из города от соборников вместе с братьями Абашидзе. Он переждал смуту на Чудском озере, а затем присягнул губернатору Кузнецу. От Кузнеца получил лейтенантское звание, гвардейскую пенсию серебром и надел в двадцать гектаров пашни. Он мог удалиться на покой или принять под командование заставу на спокойном Мурманском тракте. Но, услышав, что президент собирает большой поход на юг, лейтенант Солома поставил закорючку под новым контрактом. Теперь на его левом плече, поверх кольчуги, красовался свежий капитанский погон.

Раз президент Кузнец нуждается в старой гвардии, гвардия должна быть в строю. Самым опытным ветеранам было доверено проложить путь для грузового каравана среди Желтых болот. Порожние фургоны уже четвертый день стояли в лагере в предгорьях Южного Урала под защитой двух тысяч клинков. Никто, кроме полковника Даляра, не представлял, за каким товаром отправлен караван. Ходили слухи, что у

президента Ковалю есть карта, лет двадцать назад от руки начертанная лесными колдунами. И на той карте примерно указаны несколько проходов к Вечному пожарищу, расположенному в самом центре Желтой топи. То ли карта оказалась неверна, то ли время сделало свое дело и вязкая жижа развела тропы. Никто не знал, зачем президент отправил сотню большегрузных фургонов под охраной в края, дышащие отравой. Одни толковали о несметных запасах золота, спрятанных в сердце оренбургского пожарища, другие шепотом сочиняли байки про жуткие огненные грибы. Поговаривали и о том, что сам президент Кузнец должен возглавить обоз, как только отыщется тропа. Ясно было одно: большая армия будет стоять под Тамбовом и не начнет поход на юг, пока не вернутся фуруды полковника Даляра, наполненные чем-то важным для государства.

Капитан Солома остановил коня на самом краю живой земли. Хотелось порадоваться, но он слишком много повидал на своем веку, чтобы делать поспешные выводы об успехе. За восемь часов пути вдоль кромки трясины впервые попала прилично сохранившаяся древняя дорога. На западе, откуда прискакал отряд, поднималось звенящее от мошкеры и кузнечиков разнотравье, кружили в высоте коршуны и тянулся еле заметный дымок от костров. Там встречались заброшенные деревни, стада одичавшего скота, а иногда и добрая вода в бетонных колодцах. А на востоке до горизонта слабо колыхалась тусклая поверхность грязи, меняющая цвет от бледно-лимонного до глубокой охры. Среди цепочки безжизненных луж кое-где торчали черные кочки со сгнившими корявыми стволами и чахлыми кустиками, скорее похожими на воздетые в мольбе скрюченные пальцы. Если смотреть еще дальше, то сквозь марево испарений можно разглядеть линию пологих фиолетовых холмов.

Там начиналось Вечное пожарище, через которое раньше ходили к казахам. Но давно не осталось в живых никого, кто мог бы рассказать, что ждет в мертвых землях.

Разрезая степь надвое, с запада на юго-восток стелилось крепкое четырехрядное шоссе. Асфальт изрядно раскрошился, образовались глубокие разломы, но огромные колеса фургонов вполне могли их преодолеть. Травы за лето вымахали такой высоты, что всадники заметили трассу, лишь подъехав к ней вплотную. Миновав голый участок растрескавшейся глины, своеобразный фронтир между обителями жизни и нежити, дорога ныряла в болото и снова появлялась, словно серая змея, греющаяся на золотом песке.

— Рыба, проверь! — негромко бросил капитан. — Палец, прикрой его! Сержант, крепи вешку!

Один из всадников спешил и снял замок с притороченной за седлом клетки. На горячий асфальт спрыгнула болотная кошка. Топорща

шерсть, недовольно встряхивая усами, она дождалась, пока человек пристегнет поводок. Остальные всадники держали оружие наготове, не снимая с лиц мокрых повязок, пропитанных лечебной настойкой. Рыба перехватил револьвер в правую руку, свистнул коту и медленно, пробуя глину на прочность, пошел по центру шоссе. Палец, взяв в каждую руку по ружью, пустил коня вдоль обочины.

Сержант спрыгнул с коня и занялся привычными приготовлениями. Расстелил на земле серый лист, поднял глаза на солнце, вынул из рюкзака несколько старинных приборов в потертых кожаных чехах. Определив местонахождение группы, отметил карандашом пройденный путь. Затем принял из рук соседа бутыл с горючей смесью, выжег двухметровый круг и полил дымящуюся землю из другой бутылки. Теперь можно было забивать вешку; после Черной воды Хранителей лет десять ничего не вырастет! К сержанту подбежал помощник, вместе они загнали в почву заостренный железный прут с кольцом на конце и закрепили в кольце колпак из толстого цветного стекла. Поверх колпака сержант примотал несколько ярких тряпок и обозначил новую вешку на карте.

Когда сюда по следам патруля прикатит фургон картографов, они легко найдут оранжевый глаз среди моря травы, нальют цемента и забьют молотом стационарную вешку с надписями и указателем расстояний.

Солома с тревогой следил за тем, как Рыба и его кот продвигаются по насыпи. Старший не хотел заранее пугать солдат, но дорога могла оказаться миражом; на Беломорье, например, встречалось и не такое... Боец прошел уже около сотни метров. Периодически он подпрыгивал, ходил зигзагом, заставляя зверя обнюхивать разломы в асфальте. Кот вел себя как-то непривычно робко, но ни разу не зашипел и не выпустил клыки. Вероятно, чуял в грязи заразу, но настоящего противника пока не засек. Палец остановил коня у самой кромки здоровой глины; его глаза скрывались в тени шляпы, а дула ружей смотрели в болото. Остальные разведчики без команды развернулись, образовав полукруг, и наблюдали за степью. Рыба помахал командиру, спрашивая, стоит ли идти дальше. Капитан сдернул ненавистную повязку и медленно втянул носом воздух.

Впереди таилась верная погибель.

Он не мог ошибиться, но объяснить, откуда такая уверенность, затруднялся. После того как Рыба вернулся живой и невредимый, капитан послал по его следу троих подчиненных верхом и велел им стрелять в воздух, если заметят что-нибудь непривычное. Остальным было велено протоптать тропинку в радиусе двухсот шагов от вешки, окропить ее мертвой водицей, а внутри круга поджечь траву. Когда пятно выгорит, можно будет приниматься за следующий круг. У каравана должно быть достаточно свободного места, чтобы развернуться походным кольцом.

Когда степь запылала и врассыпную кинулось мелкое зверье, старший снова натянул на лицо маску. Седой, Рыба и Палец проскакали в глубь болота почти километр и вернулись в добром здравии. По их словам, асфальт и дальше держал неплохо. Кое-что они заметили на островах среди желтых луж, но решили не паниковать раньше времени.

Кости. Много костей, крупных и мелких, непонятно кому принадлежавших.

Кошка, правда, нервничала и припадала к земле, но эти твари частенько так себя ведут в незнакомом месте. Капитан сказал себе, что все дело в жарком солнце и кислом запахе, идущем от маски. Эта кислотна пропитала всю одежду и нагоняет на него лишние страхи. Болото опасно, если топтать напрямик, но трое его подчиненных даже не замочили коням копыта.

— Муравей, Седой — ставь палатку! Палец — костер! Сержант — засылай голубей господину полковнику!

Все радостно засуетились, предвкушая поощрение от высокого начальства. Похоже, что бесцельное шараханье закончилось и именно их патрулю довелось найти указанный Качальщиками тракт. Сержант, самый грамотный в отряде, тщательно отобразил на листочках координаты места, прикрутил записки к голубиным лапкам и выпустил двух почтарей на волю. Капитан Солома сразу почувствовал себя увереннее. Через пару часов полковник Даляр получит донесение о том, что путь найден. На башне командирского фургона ударят в колокол, завоюют паровики, конюхи кинутся запрягать, и весь огромный караван придет в движение. А гвардейцам останется только поддерживать всю ночь костры, чтобы передовая кавалерийская сотня верно держала направление. Чтобы обоз не свалился в трясины...

Когда спустились сумерки, разговоры стихли. В глубине болот медленно разгоралось тусклое свечение. словно состоялся восход подземного солнца, и теперь оно катилось под слоем грязи от центра к окраинам, радуя глаз неведомым обитателям трясин. Вслед за светом появился звук. Невнятное курлыканье, начинающееся на высокой ноте и снижавшееся к басам. Глухое бульканье, точно в сотнях котлов варилась адская похлебка. Дребезжащее пение одинокой струны то ближе, то дальше; и невозможно понять, где прячется тоскующий музыкант. Лошади прекратили щипать траву на специально оставленном для них островке, прижали уши, задержались, толкая друг дружку. Обе сторожевые кошки, доселе спокойно лежавшие у огня, негромко заворчали, показав клыки.

— Святые заступники... — Палец и Рыба хором зашептали молитву.

Соломе почудилось в полумраке неясное шевеление. Точно мимолетная тень дважды пересекла лунную дорожку на воде. Скорее всего, это пошевелился караульный, хотя ему было велено залечь и лежать гораз-

до левее, в зарослях. Капитан поднялся, проверил револьвер, подозвал одного из котов. Беззвучно ступая по теплой, дымящейся золе, Солома отправился в сторону зловонных луж, туда, где нес первую ночную вахту Муравей. Светилась не только поверхность грязи. Слабо мерцали волны тумана, перекатываясь по кочкам. Туман наползал на глинистый берег, точно жадная голодная рыба, и стремился отщипнуть кусок сухой земли. Капитан застыл на несколько секунд, не в силах оторваться от завораживающего зрелища. Ему вдруг показалось, что трясина смотрит на него и ждет, когда он сделает шаг по старой дороге. Он сделал этот шаг и удивился. За долгие годы полевой службы старший научился безошибочно определять расстояния.

Глаза его не обманывали. Шепчущие лужи стали ближе.

Караульного нигде не было видно.

Солома потянул из ножен саблю. Спина покрылась испариной, но он старался оставаться спокойным. В конце концов, они провели возле этого чертова болота больше четырех часов, и ничего страшного не случилось. Никто не заболел, и лошади не стремились убежать. Он почти уверил себя, что предчувствия оказались ложными.

...Где этот дурень Муравей? В двух шагах — туман, хоть ныряй в него!..

Старший оглянулся назад. Костер горел исправно, хотя на ночь запаса дров им может не хватить. Как назло, поблизости нет никакого топлива, ни дерева, ни заброшенной избы! Вокруг котелка раскачивались силуэты людей, красными точками полыхали кошачьи зрачки. Где-то дальше, за границей света, должны были кружить еще двое караульных.

— Муравей! — негромко позвал капитан.

Трясина ответила ему томным воркованием. Со стороны невидимых сейчас фиолетовых холмов опять прилетел плач одинокой струны. Старшему почему-то представилась попавшая в капкан рыдающая зверюга. Внезапно он заметил, что кошка, кружившая подле, больше не натягивает поводок.

Капитан свистнул. В ответ на зов он ожидал немедленно увидеть глаза Бусинки, но кошка не появилась. Соломе показалось, что за спиной кто-то стоит. Он резко присел и крутанулся, но сабля просвистела вхолостую, не встретив препятствия.

— Чур меня! — прошептал Солома, наматывая на руку ослабший поводок, пока не добрался до обрезанного конца. Сыромятная кожа была пропитана особым составом, вызывающим у болотных котов отвращение. Бусинка не могла его перекусить, да и не похоже, что ремень грызли. Капитан ощупал гладкий срез. Он хотел уже крикнуть: «Тревога!», но слова застряли у него в глотке. Потому что он увидел и потерявшегося караульного, и сбежавшую кошку. Муравей стоял, понурившись,

шагах в тридцати от черного полотна шоссе, по щиколотку в грязи. Кошка тоже сидела в болоте, невозмутимо вылизывала шерсть.

У старшего кольнуло в груди; он скрипнул зубами от ярости и, позабыв про разрезанный поводок, шагнул с обочины на черную ленту асфальта. Ему показалось, что сзади кто-то зовет его по имени, вроде бы заржала лошадь, но это могло подождать. Налицо имелось серьезное нарушение дисциплины! За покидание поста в условиях войны кодекс президента Кузнецца обещал смертную казнь!

— Эге-гей, капитан! Дядька Солома, вернись!!

На болоте оказалось гораздо теплее, чем в степи, и совсем не страшно. Пахло вовсе не так мерзко, как раньше. Наоборот, даже приятно, вроде как тянуло топленным молоком с дымком и жженым сахаром, как в слободке, где варят конфеты... Вот только засранец Муравей опять куда-то подевался! Капитан уверенно перескакивал через рытвины, радуясь, какой же он молодец, что откопал-таки для господина президента древнюю дорогу. Ноздри втягивали бодрящий сладкий аромат, на душе становилось все спокойнее, веселее, и вязкий туман, повисший вдоль обочины, казался старшему родным и уютным...

— Дядька Со-ло-ма-аа!..

Старый гвардеец недовольно оглянулся. Как эти болваны смеют ему мешать, поднимая крик! Не ровён час башкиров или нечисть какую приманят...

Он очень удивился, не обнаружив за спиной огонька костра. Казалось бы, отошел совсем недалеко и шел строго по прямой, но картина позади разительно изменилась. В трех шагах от него шоссе резко сворачивало влево и пропадало в сплошной завесе тумана. Откуда ни возьмись, появился кустарник и заслонил капитану обзор. Кустарник рос прямо из желтой лужи, как-то странно покачиваясь, хотя ветра не было и в помине. Луна переместилась с левой половины неба на правую, приобретя жутковатый багровый цвет.

Капитан заозирался, недоумевая, как он сюда попал...

— А вить енто ты, дядько, бабу мою лапал! — произнес кто-то почти в самое ухо.

В двух шагах стоял, слегка покачиваясь, Муравей, а у ног его терлась Бусинка. Капитана Солому чрезвычайно поразило, откуда у Муравья появились надежно засекреченные сведения; он даже забыл, что солдата следует немедленно разоружить и отправить под трибунал. Ветеран открыл рот, чтобы ответить достойно и строго, но тут до него дошло, что на бойце не только нет оружия, но ниже пояса нет и одежды. По голым ногам Муравья взбиралась прозрачная студенистая масса; она уже забралась под кольчугу, растворяя железные звенья одно за другим. От сабли осталась только рукоятка, пряжка ремня отвалилась от портупеи, холщовая рубаха превращалась в лохмотья.

Муравей нехорошо улыбался и подергивал плечом. Он никогда так не улыбался, одной лишь левой половиной лица. Из носа солдата шла кровь. Бусинка тоже улыбнулась капитану. От ее задних лап остались одни кости, внутренности комком вывалились из брюха прямо в желтую светящуюся жижу, но кошка продолжала вылизывать шерсть на боку.

Солома попятился, споткнулся и упал, моментально погрузившись ладонями в илистую горячую кашу. Секунду назад он был уверен, что стоит на дороге, но асфальт предательски сбежал от него. Капитан почувствовал, что плачет. Он рванулся изо всех сил, освободил одну руку, встал на колено. В нос ударил приторный аромат лакрицы и вареного ириса.

— Эй, старшой, вот ты где!

Капитан хотел крикнуть, чтобы не ходили сюда, но оказалось, что рот залеплен какой-то гадостью, щиплющей похуже самогона. Он нащупал под водой что-то твердое, обернулся и замычал что было сил. По насыпи, подняв над головами факелы, шеренгой шли Седой, Рыба и Палец. Найдя командира, бойцы тревожно загомонили, заметив, в какую беду он попал. Палец уселся и принялся стягивать сапоги, Рыба разматывал веревку. Седой махал факелом, кричал кому-то в полумрак; ему ответили, и вот уже показался, верхом на кобыле, сержант со второй кошкой.

У капитана ничего не болело. Он дернул рукой, грязь с чавканьем разошлась, и старший патруля увидел, на что опирался. Под грязью скрывалось лицо второго караульного, которому вменялось нести вахту на северном рубеже. Посреди болота ефрейтору Груздю делать было совершенно нечего. Выходило, что он, как и Муравей, нарушил приказ. Подобное поведение подчиненных означало для капитана позор и разжалование, он успел подумать, что, когда выберется, сам подаст рапорт об увольнении. Капитан приподнял мокрую голову Груздя за волосы, чтобы показать остальным, а за головой потянулся голый позвоночный столб с ключичной костью...

Палец уже шлепал по воде, обмотавшись веревкой, Рыба и Седой дружно вопили, удерживая лошадь сержанта. Кобыла по брюхо провалилась в грязь, хрипела и плевалась кровью. Сержант, запутавшись в стремянах, визжал, как поросенок под ножом. Что-то держало его и тянуло вниз.

— Не-ет... — прохрипел капитан. — Все назад!..

Но его приказаний уже никто не слушал.

Последнее, что заметил капитан Солома, были голые коленные чашечки Сержанта. Тот каким-то чудом держался в седле; кажется, он даже смеялся чему-то, указывая пальцем в болото. Прямо-таки давился от хохота, пока студень не выгрыз дыру у него в животе и кровь не хлынула рекой на холку лошади.

Капитан уже не видел, как на помощь ребятам метнулись те, кто оставался на берегу, как потом, привлеченные неведомой силой, в тря-

сину ступили их кони. Палец почти дотянулся до командира, он лежал на животе, смотрел и силился что-то сказать, выплевывая воду. А потом вода потекла у него не только изо рта, но сквозь ноздри и через глаза и стала красного цвета...

Лошади и кошки погибали долго: еще около часа ночная степь внимала хрипам и стонам. Потом агония стихла.

Болото поужинало, увеличившись еще на пару сантиметров. Оно было довольно, оно слышало, как где-то далеко пришло в движение огромное стадо. Много несъедобного железа, невкусного дерева, но еще больше живого мяса. Вся эта масса еды приближалась.

Очень хорошо. Ожидался сытный обед.

2

ТАЙНЫЙ ОБОЗ

Коваль уловил приторный лакричный запах даже раньше, чем напрыглись бока черного жеребца. Он поднес к глазам бинокль.

На границе видимости, там, где среди желтых топей покачивались метровые поганки, что-то блестело. Металл. Хотя совершенно необязательно. В равной степени это могло быть растение или лужица какой-нибудь отравы, вырвавшейся из-под земли. Столь далеко на юго-восток питерские купцы не забирались, и никто не мог дать вразумительную справку. Желтое болото выглядело не так, как северные радиоактивные проплешины. Оно казалось более молодым и более... живым. Оно стрекотало, жужжало и потрескивало.

А вдалеке, над волнами фиолетовой губки, роились мухи.

Или вовсе не мухи. Если это вообще насекомые, подумал Артур, то, судя по расстоянию, они размером с воробья.

— Плохо дело! — подъехавший сзади чингис выудил из сумки бутыл с настоем от насекомых и принялся натирать лицо. — На псковщине ента пакость передохла, а здесь кружат...

Верным признаком того, что отряду не стоило соваться за рубеж зеленой травы, служило поведение коней. Животные хрипели, отворачивали морды и ни в какую не желали идти вперед.

Слева, из зарослей низкого кустарника, появился Даяр.

— Командир, зола в костре еще теплая, но патрульных нигде нет.

Артур спустился с коня. На походном столике ординарец разложил карту, поставил бутыл с квасом, нарезал хлеб. Двое новобранцев разматывали брезент палатки.

— Смотрите, здесь и здесь должны быть две дороги. Качальщики проходили тут и проводили коней.

— Когда это было, господин?

«Действительно, — подумал Артур. — Исмаил нарисовал план двадцатилетней давности, по памяти. Одному Богу известно, что тут, за годы, могло произойти...»

— Командир, голуби вернулись к почтарю.

— Ты хочешь сказать, что пропали не только люди и кошки, но даже лошади?

— Если бы лошадей захватили башкиры, голубь бы не вернулся. Он приучен к седлу. Но я могу послать эскадрон на север, прошерстить башкиров. Там ребята видели деревни.

— Нет, никаких вылазок! — заявил Артур. — Я обещал хану, что не начну войны без него...

Коваль снова потянулся за биноклем. Гвардейская сотня охраны рассыпалась полукругом, привычно развернувшись в две шеренги. За рядами всадников угадывались очертания повозок. Растянувшийся на километр обоз подтягивался, собираясь в лагерный порядок на огромном пятне выжженной земли. Впереди стена травы распахивалась, словно открывая окошко в чужой мир. Угрюмая желтая гладь, одним своим видом способная повергнуть человека в безнадегу. Застывший памятник древним химикам и бравым милитаристам. А на горизонте — пологие кучерявые холмы цвета разведенной марганцовки, узкие каналы во мху, точно ходы гигантских термитов, и кое-где металлический блеск.

Приторный запах ирисок и стрекотание тысяч кузнечиков, которые совсем не кузнечики. Назойливый вкус лакрицы на губах. Плохо, когда пахнет конфетами там, где их нет.

Пожарище имело форму улитки и располагалось крайне неудобно, если вообще уместно говорить об удобстве, когда речь идет о тысячах квадратных километров отравленной территории. Отравленной неизвестно чем. Рожки улитки, которую Исмаил обозначил на карте голубым мелком, упирались в северные казахские степи, а основание почти достигало южных рубежей Оренбургской области. И вокруг всего этого — широкий барьер Желтых болот, куда не совались даже Качальщики.

Туда вела отлично сохранившаяся магистраль. Все было бы замечательно, но эту трассу Прохор Второй не указал.

Что-то здесь было не так.

После гибели сына Коваль поклялся Наде, что будет вести себя как настоящий градоначальник. Что никуда не поедет без охраны, не ввяжется ни в одну авантюру вне Питера и больше не полетит на запад. Грош цена всем этим клятвам! Месяца не прошло после сбора Думы, как стало ясно, что пора готовить новую вылазку. Еще рискованнее предыдущей.

Историю о катакомбах под Оренбургским пожарищем Коваль услышал впервые еще десять лет назад, когда жил в деревне Хранителей, на Северном Урале. По словам стариков, пожарище было одним из поганных мест, которое даже опытные Качальщики обходили во время погонь за блуждающими Слабыми метками.

Оренбургское пожарище не желало уменьшаться со временем.

Оно вроде бы никому не мешало, но немногочисленные жители южных предгорий и казахи с юга делали колоссальный крюк, обходя гиблые места. Потихоньку рассыпались дороги, соединявшие не существующие больше поселки. На них даже сохранились указатели, а в хорошую погоду можно было рассмотреть среди зарослей мхов развалины труб и промышленных строений. Лет тридцать назад находились смельчаки, которые отваживались проводить торговые караваны напрямик. Днем на них никто не нападал, не считая насекомых и мелких хищников, но всякий раз люди и скотина заболевали. Кто-то выживал, но навсегда оставался калеккой.

Те, кто угодил в болота ночью, не возвращались.

Отец и дед Исмаила трижды объезжали границы пожарища, ставили засечки, собирали корни растений и образцы почвы. Из растений получались превосходные яды и веселящие составы. На доставленном в деревню грунте колосились чудовищные всходы, которые приходилось сжигать вместе с землей. Вернувшись спустя десять лет, Хранители убедились, что гигантская улитка не стала меньше.

Бороться с такими местами было бесполезно. В сердце пожарища что-то происходило, но никто не мог остановить этот процесс.

Потом отец Прохора Второго придумал первого крылатого змея, и появился шанс увидеть трясины с воздуха. Строго говоря, землю с воздуха видели и раньше. Московские умельцы из самых обычных людей, никакие не колдуны, еще полвека назад пытались запускать воздушные шары. Получалось красиво, но бестолково. Шар летел туда, куда дул ветер. Качальщики посмотрели на это безобразие и решили, что пойдут другим путем.

Первой над топью и фиолетовыми холмами пролетела Анна Третья. Она кое-что заметила и доложила старикам. Старики не очень удивились: мало ли что могло почудиться девчонке! Даже если не почудилось, так мало ли дурных дикарей гуляет по Руси! А если вправду там, в центре, кто-то выжил, так пусть себе...

Анна Третья была уверена, что видела дым костра и людей. Кроме того, она видела дорогу из покосившихся бетонных плит, изгибавшуюся кольцом, несколько треснувших кирпичных строений, ряды столбов. Когда-то на столбах висела колючая проволока. Анна знала, что в таких местах может находиться древнее оружие.

Она сделала разворот на малой высоте. Дракон фыркал, не желая снижаться. Девушка прищипорила змея и посадила его на голой площадке, похожей на крышу рухнувшего здания. Качальщица в шестом поколении, девчонка чувала радиацию и вредные химикаты лучше, чем любой прибор. Здесь, в самом центре пожарища, Анна узнавала лишь слабые отголоски биологической угрозы, но вредные насекомые, скорее всего, уснули до весны.

На сером крошащемся бетоне было чисто, сухо и холодно. Стояла глубокая осень. Фиолетовые мхи выцвели добела и крошились, как стекло, под ударами ноябрьской поземки. Солнце висело над унылым горизонтом, точно лопнувший теннисный мячик. Ветер завывал столь тоскливо, что даже бесстрашный змей пригнул голову к земле.

Анна Третья разглядела в сторонке, на краю цементной площадки, кусок рваной стальной сетки с табличкой. Обломок решетчатой двери. Она спешила, подошла к самому краю и убедилась, что не ошиблась. Дракон приземлился на крышу мощного строения, почти целиком ушедшего под землю. Девушка прислушалась к своим ощущениям и обнаружила, что под многометровым слоем железобетона находятся огромные пустоты. Там были живые существа, люди и не только. Там было много чего: Качальщице показалось, что земля под холмом похожа на слоеный пирог. Внизу разбежались коридоры и снова соединялись, образуя залы высотой в несколько этажей.

Расставив руки, Анна пошла вдоль края крыши, а послушный змей ковылял за нею, не желая оставаться в одиночестве. Она долго искала и, наконец, нашла. Снизу, пробиваясь сквозь сплюснутый обрубок трубы, поднимался теплый воздух. Пахло непривычно. Обычные люди издают другой запах. Как пробраться вниз, девушка не поняла, да и не стремилась. Она подобрала пластмассовую табличку, хотела вернуться в седло, но стоило ей отвернуться, как в спину ударила стрела. Надежная кольчуга выдержала, но девушка споткнулась и упала. Стрелявшие решили, что она ранена, выскочили из укрытия, но Анна решила не вставать, чтобы не спугнуть дикарей раньше времени. Растянувшись на ледяном бетоне, она слушала, как приближаются трое. Они переговаривались на русском языке, но искаженном, потерявшем половину падежей и окончаний. Двое мужчин, одна женщина.

Молодая Качальщица постановила, что не будет их убивать, пока не поговорит с ними, пока не выяснит, много ли людей нашли приют под Вечным пожарищем. Ее не интересовали рабы, еще меньше она нуждалась в новых друзьях. Но Хранители не имели права упустить информацию о древнем оружейном складе или, не дай Бог, о хранилище огненных грибов. Дракон мог разорвать глупых дикарей за несколько секунд, но получил команду лежать тихо. Издалека он производил очень мирное

впечатление. Когда дикари подкрались, Анна Третья вскочила и метнула в них отравленные клинки. Она безошибочно определила среди парализованных врагов самого слабого, связала его и привела в чувство.

На нее напали шептуны. Похожие на тех, что водились на севере, но шипели иначе и выглядели намного страшней. Наверное, они питались плохой пищей и слишком много времени проводили под землей. В их жилах текла казахская кровь. Сначала Анна хотела взять шептуна с собой, но потом разглядела целый полк насекомых в его невымытых волосах и передумала. Она запомнила слова, которые он сказал, затем передала их Исмаилу и Прохору Второму. Ничего интересного для лесного народа.

Лесной народ не нуждался в глупых железяках и сгнивших тряпках древних.

Когда внушка Прохора, пришпорив дракона, бросила последний взгляд с высоты на покинутый каменный поселок, она заметила еще кое-что. Длинный язык скальной породы, на котором, как на фундаменте, стояли просевшие ангары, стал еще длиннее. А тени от солнца, минуту назад цеплявшегося за горизонт, напротив, укоротились. Над бескрайними фиолетовыми полями металась пыльная поземка. Анне Третьей показалось, что она теряет ориентацию. Здесь творилось что-то непонятное, точно север и юг менялись местами...

Никто из старших Хранителей не вспомнил бы об этом происшествии, если бы в деревне не появился Проснувшийся Демон. Во время одной из последних сходов, когда Артур в сотый раз травил байки о городской жизни до Большой смерти, он рассказал об армейских консервах. Несущественное воспоминание, отголосок прежних экономических проблем. Качальщики, как всегда, смеялись и качали головами. Потом Прохор Второй ушел и вернулся с гнутой почерневшей пластиной.

«Хранилище номер 4. Группа цветных металлов. Секция 6,7. Заложено 16.07. 2009 г. Ответственный: прапорщик Ковалева С. Т.».

— Это и есть тот самый «гос-ре-зерв», о котором ты говорил, Клинок?

— Где вы это нашли?

— Далеко на юге. Нам известно семь таких мест, где нет оружия, но полно всякого дерьма.

— Дерьма?

— Вареное мясо, протухшее сто лет назад в железных банках. Резиновые колеса. Их трогаешь, они рассыпаются на части. Канаты, в которых давно поселились жуки. Есть одно место в горах, там бездонные шахты, заполненные соленой водой. Соли столько, что в шахте невозможно утонуть. Там плавают тысячи мешков с крупами. Скажи, Клинок, для чего ваше государство прятало от людей пшено и рис? Все равно все было залито водой и сгнило...

Коваль покрутил в руках обломок пластика.

— Цветные металлы — это не рис. Там могут быть машины и топливо...

— Как раз машины там есть, и есть дрянь, которая течет из бочек и не дает умереть пожарщику, — поморщился Прохор. — Так сказал шептун. Но нам не хватит армии выкурить их из-под Желтого болота. А вокруг, на сутки пути, — ядовитая пустыня. Там даже негде зацепить Звонящий узел...

Губернатор Кузнец не забыл этот разговор и спустя десять лет. Зоркие Качальщики умело отыскивали в лесах военные объекты, но даже им не всегда удавалось распознать входы в хранилища Госрезерва. По сути дела, внучке Прохора невероятно повезло. Хранители могли еще сотню лет летать над ядовитой пустыней, и никому бы не пришлось в голову спуститься.

«Шептун сказал Аняте, что их там было много, под землей, — рассуждал сам с собой Артур. — Эшелонированная оборона, несколько уровней. Несколько человек могут перебить целый батальон. Жрали всякую гадость в подземельях... А потом их выгнали. Но кто же их мог выгнать, если через болото никакому врагу не пробраться?..»

Самым сложным оказалось провести с собой несколько сотен пустых повозок. Табуны сменных лошадей легко перемещались в кольце всадников, но тяжелые фургоны переворачивались и застревали на переправах. До Самары караван продвигался достаточно быстро: тамошние начальники кое-как следили за дорожным покрытием. Варить асфальт никто не желал, но, по крайней мере, настилали бревна. Проводя ночь в трясущемся броневике, Коваль с возрастающей тревогой представлял, как они пойдут назад. Оставив ядро армии в Тамбове, выступили двумя тысячами клинков, плюс два десятка броневиков на паровой тяге, с пушками и зенитками, а в обозе — сотня пустых грузовых фургонов. Избегали любых конфликтов, даже фураж по пути не закупали, на весь путь затарились у тамбовских ковбоев.

Незаметно пересечь страну целой армией — непростая задача. Если им удастся прорваться вниз и поднять на поверхность что-нибудь стоящее, возвращение замедлится вдвое. Или втрое. Или придется встать на зиму лагерем и вызывать подмогу. До сей поры местные жители и носу не совали во мхи. Но если хан пронюхает...

— Огнеметы! — приказал Артур.

Четверка тяжеловозов выкатила на позицию первую цистерну.

«Можно было, конечно, послать в качестве эксперта итальянца, но в нашем безумном государстве главного инженера труднее оторвать от работы, чем президента...»

— Дорога держит, командир! — спустя полчаса доложил полковник. — Желтая дрянь кое-где прогрызла полотно, но камешки на месте.

— Это гравий. Отлично! Как только пройдем болото, готовьтесь выжигать полосу, шириной метров шесть. Следом за огнеметчиками пусть катят насосы с лейками. Поливать в обе стороны!

— Командир, тут вишь как... — Даяр боялся поднять глаза. — Поводок от кошки нашли. Старики-озерники говорят — дело неладно. От ребят ужин тут, на костре остался и барахлишко. И еще одна разведка наша не вернулась. Тоже подчистую, как корова языком... Не тот человек капитан Солома, чтобы без боя сдаться, вишь как...

— Так что ты предлагаешь, отступить? — приподнял бровь Коваль. От мысли, что президент посчитает его трусом, полковник побагровел.

— Я сыскарей по следам с котами пустил... Тут, вишь как, выходит, что в болото они ушли.

— Как это? — холодея от неприятного предчувствия, переспросил Артур.

— Да так уж... Старики толкуют — потаскуха, аль кикиморой ишо иначе зовется, заморозила ночью, вишь как... Мовет быть, я на десяток километров с сотней выдвинусь, осмотрюсь? А тебе, командир, какого рожна первому-то лезть?

— Сам ты кикимора! Час туда, час обратно, да пока мы развернемся... — вслух размышлял Артур. — Нет, Даяр, нам до темноты надо дойти до гор. Что-то не хочется мне тут ночь коротать...

Самодельный карбофос, разработанный Жанной Арро, действовал на всякую вредную флору эффективнее, чем огонь. По опыту, мох горел отвратительно, чадающие ошметки носились в небе, оседая на головы людей. Но в любом подозрительном месте огонь оставался самым верным союзником. Первой за конным разездом пошла цистерна с паровым насосом, следом — башня с зениткой и только потом командирский вагон.

Спустя пару часов, стоя в верхнем люке броневика, Артур уже без оптики мог различать скалистые образования, покрытые пушистой фиолетовой вуалью. Он уже начал надеяться, что болота удастся проскочить без ночевки, тем более что вокруг вроде бы подсохло. Стало больше кочек; на них произрастало нечто вьющееся, с бледно-зелеными листьями, напоминавшими крапиву. Но ни разу глаза не заметили движения, звериных нор или птичьих гнезд. От шоссе разбегались в стороны весьма сносные проселки; однажды Ковалю показалось, что он видит вдалеке искусственные строения, но тут асфальт закончился, и пошла тряска.

Фургоны покатали в клубах пыли по гравийной подушке. Скорость резко упала, лошади пошли шагом. Колеса паровиков вязли, их пришлось обмотать цепями. Артур выглянул из верхнего люка и убедился в своих худших подозрениях. Дорожники протянули трассу, как положено, но

нечто разогрело землю с такой силой, что асфальт растекся и тянулся теперь спекшейся черной коркой, заполнив обочины. Артур взглянул на топящееся солнце, сверился с часами и мрачно подумал о ночлеге.

Они не успевали, а ночь здесь не сулила ничего хорошего.

Вскоре он смог различить, что блестит впереди. Там мягкая земля уступала место базальтовой подложке, последнему воспоминанию об Уральской гряде. Вдоль голой пологой возвышенности, точно серебряная жила, взбиралась однокорейная железная дорога. Вряд ли это была пассажирская ветка. Скорее всего, кольцевой путь для подвоза грузов к хранилищам. Непонятно только, почему рельсы такие начищенные...

Когда начало темнеть, прискакал вестовой от головного разъезда и принес радостную новость. Вроде бы ребята нашли ровную бетонную поляну, свободную от грязи. В походном кольце караван не поместится, но если загнать повозки вплотную...

Полковник дал сигнал к ночевке.

Сидя на крыше командирского фургона, Артур оглядывал десятки огней вокруг лагеря, прислушивался к пению и переключкам часовых. За линией пулеметных гнезд, вдоль границы топи, трусили всадники с факелами. В самом центре, в окружении бойцов, батюшка творил вечернюю молитву. Скрипели меха походной кузницы.

Когда стемнело, над трясинной появилось холодное свечение, а вслед за светом пришел звук. Даже самые отважные гвардейцы запереглядывались, неловко скрывая робость. Казалось, что от этого бормотания, от биения невидимых крыльев невозможно укрыться. «Вероятно, статические разряды», — убеждал себя Артур, поеживаясь от ледящего душу курлыканы. На юге, над черными спинами холмов, металась огненные точки. Светляков становилось все больше, целые вихри неведомых насекомых поднимались, точно искры от костров. Только никаких костров не наблюдалось. «Лучше бы там жили пиявки», — подумал Коваль. С пиявками, по крайней мере, его люди имели дело.

Семерых солдат уже покусали местные комары. Или блохи. Трудно сказать, к какому отряду следовало отнести прыгающих синих тварей размером со скарабея, с недоразвитыми крыльями и двумя парами волосатых челюстей. Неопасные с виду ранки прижгли, но полковник получил строгий приказ: всех пострадавших немедленно запирать в санитарном фургоне.

Из-за гряды облаков выкатилась хмурая луна. Отражая ее бледное сияние, вспыхнули озера желтой грязи, а на склонах засияли покрытые изморозью мхи, словно облитые расплавленной слюдой. Вдалеке, там, куда уходила обугленная полоса свежей дороги, поднимались в небо неровные, почти прозрачные дымки.

— Бесовское отродье... — прошептал кто-то из солдат. — Рази ж тварь Божья выживет в такой-то пакости?

— Эти отродья хуже бесов, — крестясь, пояснил другой вояка. — Против бесов у господина Кузнеца заговор есть. Слышал небось как он Озерников истребил? А супротив шептунов, что дурман жуют, заговор один — топором по шее...

— Неужто не уговорим сдать-то? — усомнился солдат. — Неужто пушкам не уступят?

Более опытный товарищ сплюнул и неторопливо набил трубку. В свете вспыхнувшего огонька Коваль узнал одного из ветеранов, служивших в Эрмитаже еще десять лет назад.

— Не уговоришь, потому как они шептуны. Они тебя не слушают, они со своим дурман-богом шепчутся... Да, мнится мне, Степка, горяченько завтра будет...

И словно подтверждая его слова, над спящей искалеченной землей пронесся высокий стонущий звук. Над местом, где закатилось солнце, точно комары, почуявшие кровь, кружили пурпурные облака. Из фиолетовых мхов ветер доносил запах гари.

Шептуны ждали гостей.

3

КАТАКОМБЫ ШЕПТУНОВ

Во время утренней переклички выяснилось, что бесследно исчезли сорок шесть человек. Несмотря на строжайший запрет покидать фургоны и удвоенные караулы, нашлись желающие поглазеть и послушать. Сначала сержанты пытались обозвать пропавших дезертирами, но очень скоро стало понятно, что никакой дезертир не уходит ночью в болото в одних подштанниках. Исчезли три конных разъезда в полном составе и десятка полтора коней, привязанных с краю. Никто не слышал выстрелов или звуков борьбы; судя по состоянию упряжи, кони сами перегрызли ремни. Рано утром, когда взошло солнце, разглядели посреди топи, метрах в ста от лагеря, торчащее дуло пулемета. Расчет покинул амбразуру и ушел в трясину, захватив оружие. Отыскались смельчаки, готовые отправиться за пулеметом, но полковник запретил...

К полудню следующего дня отряд достиг остатков колючих заграждений. Жидкое месиво осталось далеко позади, но ход каравана еще сильнее замедлился, потому что приходилось ждать, пока рассеется дым от

горящего мха. Огнеметчики щедро поливали заросшую дорогу и обе обочины. Когда опустела последняя бочка горючей смеси, из арьергарда колонны донесли, что мох уже начал наступление на выжженное гравийное полотно. По жирному слою теплой золы потянулись тонкие игольчатые щупальца, а за ними медленно, но неумолимо надвигался жесткий ковер из мелких голубых цветочков. Артур прикинул, что в таком темпе новоиспеченное шоссе зарастет за пару дней. Но по узкой тропинке они не смогут вернуться. Даже по центру дороги лошадей приходилось тащить под уздцы. А ручной мурманский летун, неприхотливая летучая мышь, сам жертва радиации, стремился лететь строго над гарью.

У них было очень мало времени, чтобы добраться до катакомб.

Коваль не мог отделаться от ощущения, что с каждым часом становится все теплее. После похода во Францию он полагал, что ничему уже не удивится, но здешнее пожарище внесло коррективы в его представления о мироздании. Огнеметчики клялись, что идут строго по прямой, и шоссе, которое они «откапывали», тянется по стрелочке.

Однако хвост колонны заметно изгибался влево...

В третий раз по колонне передавали команду подтянуться. Задние позже клялись, что изо всех сил погоняли лошадей и выжимали все возможное из паровых котлов, но никак не могли догнать авангард. Иногда догоняли и шли компактно, но чаще между фургонами ни с того ни с сего появлялся разрыв, и сократить его они не могли, даже когда пытались передвигаться бегом.

Позже свыклись. Знатоки сказали — время рваное...

Солдаты убили десятка два крупных насекомых, но несколько коней были укушены, прихрамывали и слабели на глазах. Люди обмазывали себя и животных вонючим настоем, не обращая внимания на запах. Пока что это помогало, однако одежда слишком быстро высыхала. После того как у отставших всадников начались насморк и резь в горле, полковник приказал всем закутать лица мокрыми тряпками. Теперь к аромату конфетной фабрики добавился кислый запах брожения.

Как только дорога пошла в гору, огнеметная вышка наткнулась на первый скелет.

Инженерам на головном паровике было приказано сигналить, если заметят что-то необычное. Когда Артур добрался до места, техники и солдаты, дочерна закопченные, стояли молча, сбившись в кружок, и разглядывали что-то белое под ногами. Среди ядовитой растительности все чаще встречались каменистые прогалины. На одном из таких голых пятен покоились кости удивительного существа. Передние конечности были раза в два длиннее задних. С первого взгляда Артуру показалось, что перед ним обглоданный труп большой обезьяны. Если существо было прямоходящим, то рост его достигал полутора метров.

Один из солдат подцепил пикой желтое ребро. Скелет перевернулся, потеряв одну из передних лап, и все увидели голову, доселе скрытую в тени камня.

— Святая Ксения! — забормотал кто-то молитву заступнице.

К обезьянам это создание имело отношение весьма отдаленное. Вытянутый вверх череп, с мощными роговыми наростами на месте ушей, длинная нижняя челюсть и полное отсутствие глазных впадин. Вокруг шейных позвонков монстра была затянута проволочная удавка, другим концом она крепилась к железному костылю, вбитому в расщелину камня. Видимо, передние конечности несчастного зверя тоже стягивали путы, но он сумел от них освободиться после того, как отгрыз себе большой палец на левой лапе.

«...Или на левой руке?» — мысленно спросил Коваль, приглядываясь к раздробленным фалангам с обломками саблевидных когтей.

Как бы то ни было, те, кто приковал местного йети к скале, несомненно, принадлежали к роду человеческого. Они знали, что пленник умрет, и хотели доставить ему максимум мучений.

За второй линией колючей проволоки показалась низкая каменная стена. Когда-то она достигала высоты в два человеческих роста; на гребне еще висели кое-где шашечки изоляторов. Потом в зарослях поганок возникли ворота с полустертым знаком ограничения по высоте «не более четырех с половиной метров». Сегодня в эти ворота без затруднений мог бы проехать разве что гоночный карт. Потом вышка с огнеметами остановилась, потому что нечего стало жечь. Затих грохот обитых металлом колес, в уши ворвались потрескивание, скрип и шуршание, точно кто-то настраивал громадный ламповый радиоприемник. Летучие обитатели мхов продолжали свои визгливые переговоры.

Может быть, они договаривались об атаке. Артур хорошо помнил, как способны действовать мирные пчелы Хранителей. А внутри пожара никому нельзя доверять. Здесь самая невинная бабочка может нести смертельную опасность.

Президент sprыгнул на добротный тротуар. Дюжина телохранителей уже высыпала наружу, образовав круг. Анна Третья не ошиблась. Маленький городок явно не жилого назначения был построен на скальном основании. Под прямым углом расходились две широченные улицы, только вместо вершук домов из земли торчали полукруглые крыши ангаров. На торце каждого имелись мощные стальные ворота, к ним вели железнодорожные пути. Многочисленные рельсовые рукава сливались в один, по центру проспекта, затем узкоколейка ныряла под длинный дырявый навес, спускалась по насыпи и растворялась в глубинах пожара. За дальним ангаром ржавели трубчатые ноги упавшей осветительной вышки. Бетонные плиты, выстилающие улицу, кое-где

разошлись; сквозь щели пробивались подозрительные ростки ползучей крапивы.

Коваль ожидал встретить горы гниющего мусора и вонь, обычно сопровождавшую стойбища шептунов. Но городок светился чистотой и порядком.

Артуру это не очень понравилось. Слишком уж все было зализано и прибрано — прямо-таки образцовый трудовой лагерь. Он присел, потрогал отполированную сталь рельсов. Осторожно снял повязку, вдохнул сладковатый пыльный воздух. Несомненно, в атмосфере кружились миллионы мелких спор, вызывавших аллергию. И хорошо, если только аллергию. Артуру постоянно хотелось проморгаться и сплюнуть. Будто попал на цементный завод! Ничего удивительного, что внушке Прохора показалось здесь неуютно. Шепот волосатой саранчи в городок почти не доносился, даже ветер стих.

Зато появился новый звук. Очень низкий, на границе слышимости, будто глубоко под землей кто-то продувал одну за другой басовые трубы органа.

— Смотри, господин, — там паровик!

Действительно, в тупичке между двумя серыми одинаковыми кубами без окон доживал свой век маневровый тепловоз. От доисторического трудяги остались одна платформа и кусок двигателя. Металл осыпался вокруг рыжей пылью.

«Кто же катается по этим рельсам?..»

К задней площадке тепловоза толстой проволокой были прикручены еще два «обезьяньих» трупа, на сей раз достаточно свежих. Солдаты сгрудились вокруг чудовищ, опасаясь приближаться.

— Этот еще дышит, господин капитан!

— Мать честная! А когти-то, прям как у президентских тигров...

— То ночной демон, не слыхал про таких? Глянь, от солнца-то аж пузырится!

— А, не нравится солнышко, сволочь?!

Кто-то из конюхов потрогал демона хлыстом.

Офицеры разогнали любопытных, и Коваль смог внимательно осмотреть связанных уродцев. Их сходство с уральскими тиграми не ограничивалось когтями — оба были альбиносами. Тот, что слева, умер несколько дней назад; по его белой свалывшейся шерсти ползали мухи; влажная кожа лоснилась, из разинутой пасти, вытянутой вперед, как рыльце муравьеда, свисал раздутый язык. Второй пленник медленно поводил яйцевидной безглазой головой. Огромные бледно-розовые уши испещряли десятки прожилок, точно кленовые листья. Его могучие кисти, раза в два шире человеческих, были затянuty над головой с такой силой, что кожа полопалась во многих местах. В многочисленных ранах

копошились черви. Перед тем как привязать зверя к тепловозу, его, несомненно, мучили огнем и кололи остриями ножей...

«Похоже, мы нашли тех, против кого держат оборону шептуны. Подобный слуховой аппарат позволяет ориентироваться в полной темноте...»

— Отвяжите его и отнесите в тень! — повернулся Коваль к ближайшему офицеру. — Его предки были людьми, только их что-то изменило. Он страдает от солнечных лучей...

Когда осмелевшие бойцы перерезали путы, зверь рухнул в пыль, а затем приподнял узкую морду и издал тот самый высокий дребезжащий вой, что не давал всем спать в прошлую ночь. Словно натянулась и лопнула гигантская скрипичная струна. Находившиеся поблизости вояки со стонами схватились за уши.

— Полковник, прочешите местность! Взять под контроль каждую щель! Занять высоты!

«Кстати, насчет щелей. Земля под плитами залита желтой гадостью, вроде смолы. Кто-то очень старался сохранить здесь все в порядке. Каждую травинку выпололи, даже на крышах...»

Рядом присел Даляр, заглянул в расщелину.

— Не похоже на шептунов, командир. Они засранцы знатные...

— Читаешь мои мысли. Здесь верховодит кто-то посерьезнее дикарей. Скажи своим, чтобы выводили тигров. Будем искать вход.

За полчаса разведчики обошли всю наземную часть складского комплекса. Сумели проникнуть внутрь построек, но не нашли ничего, кроме многолетней паутины и еще трех засохших мумифицированных трупов. Пустые цементные боксы, выдранная с корнем проводка и несколько костей, принадлежавших неизвестно кому. Тигры вели себя крайне необычно. Не рвались с длинных поводков, а осторожно переступали, стараясь не слишком отдаляться от людей. Косматый обнаружил в одном из низких одноэтажных строений комнату с люком в полу, но когда бойцы принялись загонять под плиту стальные клинья, заворчал и поджал хвост.

— Командир, Паинька что-то нашла!

Под ровное завывание ветра президент отправился вслед за провожаемыми на другой край «городка». Там поджидала новая загадка. Солдаты с недоумением разглядывали отрезок идеально ровного шоссе километра два длиной, обрывающегося посреди степи, словно его отрезали ножом. Тигрица, вздыбив шерсть, кружила вокруг зарешеченной дыры в земле.

— Странная дорога, господин! Никуда не ведет!

— Это не дорога, это взлетная полоса.

Коваль прошелся до ближайшего посадочного маячка, оценивая, какие борта мог принимать этот аэродромчик. Безусловно, благодаря

внучке Прохора они натолкнулись на нечто неординарное. Тут не было ядерного оружия или военной химии, иначе Качальщики давно забили бы тревогу. Видимо, взлетка подразумевала доставку настолько ценных грузов, что их нельзя было доверить железной дороге...

— Господин, капитан велел передать, что его люди нашли кирпичный сарай и вскрыли там пол! Там лестница, но тигр отказывается спускаться!

«Это никуда не годится, — мрачно размышлял Артур, торопясь назад, пока гвардейцы ковыряли решетку второго люка, на краю взлетной полосы. — Чтобы напугать сибирского альбиноса, натасканного на ша-туна, нужно нечто...»

Из черного провала в полу сарая тянуло гарью, словно где-то внизу пережарили мясо. Четверо солдат стояли наготове, нацелив ружья на сырые ступени, уводящие во мрак. Еще двое пытались успокоить скулящего Косматого. Артур скомандовал всем отойти от люка. Снял сапоги, сел на цементный пол и опустил голые ступни на верхнюю ступеньку лестницы. Он прикрыл глаза и с досадой осознал, насколько потерял чувствительность. К большому сожалению, президент страны не мог себе позволить разгуливать босиком, как деревенский знахарь.

...Постепенно возвращалось внутреннее зрение. Длинный одноэтажный барак, на крыше четверо бойцов грамотно держат круговую оборону. Вокруг, за стенами — остальные ребята рассыпались по территории. Все три тигра в добром здравии, но очень напуганы. Лошади в кольце фургонов, жмутся друг к другу.

«Эх, стоило взять с собой Христофора, да пожалел отрывать от молодой жены!..»

Артур сделал медленный выдох и плавно опустил взгляд под землю.

Два пролета лестницы, затем широкая площадка, две наглухо задраенные задвижные двери, как в бомбоубежищах, напротив дверей — вертикальная шахта. До дна не дотянуться, слишком глубоко, и очень холодно. Лестница также уходит ниже, еще через три пролета — горизонтальный ствол...

Там кто-то быстро перемещался, кто-то живой!..

На короткое мгновение Артур прикоснулся к нервной системе подземного жителя и сразу отпрянул. Ощущение было такое, словно через уши пропустили разряд высокого напряжения; даже челюсть свело от боли. Он так и не успел понять, кого нащупал, человека или зверя, но невидимое существо было настроено весьма недружелюбно.

— Что с вами, господин?!

— Все в порядке, лейтенант. Пошли человека в мой броневик, пусть принесут клетки с мечеными летунами и захватят двоих псов.

Прирученные були вели себя спокойнее, чем тигр, поскольку их деды и отцы выросли в питерской канализации, они не боялись подва-

лов. Однако, кроме президента, лишь несколько человек не боялись к ним подходить.

— Полковник, вперед пускайте собак и группу тяжелой пехоты!

Начальник телохранителей чуть не плакал:

— Господин, вам нельзя туда ходить!

— Малый Круг запретил отпускать президента туда, где мы не можем охранять его...

— Так охраняйте! — разозлился Коваль. — Кто вам мешает?

И прыгнул вслед за бойцами в темноту.

На первой площадке зажгли факелы. Две мощных пронумерованных двери в человеческий рост, запыленные ящички громкой связи, обломки цоколей. То, что Артур опознал как вертикальный ствол, было шахтой грузового лифта, только войти в него не представлялось возможным. С двух сторон шахты имелись раздвижные решетки, но сама платформа покоилась где-то на дне. Коваль никогда не встречал лифта такого размера: очевидно, на нем легко могли спустить грузовик или даже танк. Брошенный в темноту кусок горячей пакли погас, зацепившись за стропила.

Тем временем подрывники изучали бронированные двери на верхней площадке. Они должны были ползать по направляющим, но толстые колесики давно окаменели.

— Прикажете заложить бомбу, командир?

— Никакой взрывчатки! Очевидно, мы угодили с черного хода. Лестница узкая — если засыплет, уже не выберемся. Давай, полковник, еще пару взводов с лопатами и ломами вниз, обеспечить освещение и смотреть в оба!

— Слушаюсь!

— Ну что, друзья? — Артур почесал собак за ушами. — А нам с вами предстоит поискать людей.

Чуба распахнул пасть, в которую можно было засунуть голову, попытался лизнуть хозяина в лицо, но, как всегда, не успел. Человек отпрянул быстрее и погрозил озорнику пальцем. Чума раздувала игольчатый воротник, нервно втягивала воздух. Ее пересохшие жабры покрывал густой налет фиолетовой пылицы. Артур выпустил из клеток летунов. Освобождать шипастые хвосты не стал, чтобы мыши в запале не покалечили своих. Два обученных офицера подставили ночным хищникам кожаные перчатки и дунули в свистки. Затем Коваль вернулся наверх и после долгих переговоров принудил Косматого спуститься в подвал. В ближнем бою тигр мог оказаться незаменимым; по крайней мере, Артур еще не встречал зверя, обладавшего лучшей реакцией. «Лапочки», вдобавок, обладали интуицией, значительно превосходящей собачью. То, что Артур сейчас принимал за трусость, могло оказаться предусмотрительностью...

Теперь поисковая группа была полностью укомплектована.

На следующем этаже уверенно распоряжался Даляр. Несколько человек крошили ломами стену, расширяя выход, и устанавливали временную балку для подъема грузов. Было решено перекинуть через шахту лифта мостки, чтобы перебраться на противоположную сторону, туда, где в неверном свете факелов виднелся перекошенный бортик решетки. Четыре взвода панцирной пехоты разошлись по темным коридорам, оставляя за собой горящие банки с нефтью. Подземелье наполнилось лязганьем металла и стуком башмаков. Еще человек шесть раскачивали подвешенный на цепях рельс. Стенобитное орудие с трудом протаскивали в проем, но теперь косяк одной из стальных дверей начал понемногу покрываться трещинами.

— Господин, этажом ниже ребята нашли лаз!

Сдерживая любопытных булей, бодигарды президента протиснулись в треугольную щель. Это была не дверь, а скорее ворота, через которые могли проезжать фронтальные погрузчики. Судя по полусгнившей баррикаде из ящиков, паллет и всякого хлама, за контроль над подземельями когда-то шла нешуточная драка. Наступавшие сверху не пожалели пороха, они оказались сильнее, и защитники были вынуждены отступать все глубже, оставляя одну линию обороны за другой. Тяжелые ворота треснули пополам, вместе с ними на баррикаду обрушилась метровой толщины опора. Среди грунта и камней белели кости оборонявшихся. Чуть ли не с облегчением Коваль рассмотрел самые обычные человеческие останки. Кроме взрослых мужчин в военной форме, оборону держали женщины и дети...

Притихшие гвардейцы пробирались между завалов, сворачивали в темные коридоры и везде встречали следы ожесточенных схваток. По обе стороны шли ряды взломанных кладовок. Опустошенные полки, перевернутые ящики, груды битого стекла, на полу — сотни стреляных гильз. Все это было не то, совсем не то, что требовалось отыскать. Наконец, возле решетчатой загородки с надписью «Хранилище № 2» тигр глухо заворчал и сильно натянул цепь. С той стороны загородку подпирало массивное бревно, а света ламп хватало лишь на пару метров в глубину. Пока пехотинцы рубили проволоку, тигр шипел, а були клацали зубами.

— Ты глянй, братва... — ошеломленно прохрипел молоденький солдатик, поднимая палку с керосиновым фонарем.

В наступившей тишине стало слышно, как капает вода и шуршат в сыром мраке потревоженные грызуны. Президент задрал голову и улыбнулся. Анна Третья не подвела.

Коваль нашел то, что искал.

Рота тяжелой пехоты очутилась на дне колоссальной пещеры. Потолок при помощи слабых фонариков разглядеть было невозможно. Влево

и вправо разбегались стальные многоэтажные стеллажи. Между ними зияли узкие коридоры, похожие на горные ущелья. Прямо перед решеткой начинался широкий центральный проход, в котором могли бы разъехаться два грузовика. Поперек прохода стояли в ряд три тяжелых электрокара, выставив клыки, точно носороги, готовые принять последний бой. В кабине среднего, крепко обнявшись, сидели две мумии в форме и фуражках. Пока бойцы занимали позицию, Артур присел на корточки и подобрал с пола знакомую белую коробочку. Вакцина...

Здесь было очень холодно и отсутствовала вентиляция. Даже в меховой безрукавке пробирало до костей. Артур принял из рук ординарца термос с горячим чаем, сделал несколько глотков и со вздохом принялся стягивать сапоги. Безголосые летуны вели себя чересчур нервно, а тигр все больше походил на испуганного котенка. Со страхами следовало разобраться до начала изучения доставшегося имущества.

...Кто-то ведь стрелял в Качальщицу и прикрутил безглазых страдалцев проволокой...

Президент ступил босыми пятками на шершавый цемент и прислушался. Наверху все было замечательно, там царил полный порядок. Даяр обеспечил круговую оборону, техники готовили фургоны к погрузке, вторая штурмовая группа вслед за тигрицей Паинькой проникла в вентиляционный ствол и налаживала освещение. Подрывники Мити Карапуза раскурочили, наконец, лифтовую шахту, и по мосткам на ту сторону перебралось уже больше сотни человек. Они наткнулись на склад с метизами. По лестницам катили вниз бочки с машинным маслом и керосином, волокли разборные лебедки, крюки и бухты с канатами.

Наверху все шло прекрасно, чего нельзя было сказать о нижних ярусах. Ковалю снова потрянуло, как от электрического разряда. Он ощущал себя стоящим на вершине каменного муравейника. Десятки извилистых ходов и каверн спускались ниже и ниже, образуя настоящий подземный город. Верхняя, центральная часть города резко отличалась от того, что находилось тремя этажами ниже и расползалось щупальцами под пожарищем. Верхний город создавали профессионалы, они пользовались традиционными технологиями и не собирались оставаться тут надолго. Они просто оборудовали склады для стратегических запасов.

Но на этом подземная активность не закончилась. Пришло время, пришли другие строители и проложили множество новых ходов. Потому что им надо было где-то жить и спастись от того, что творилось наверху. Оставшиеся наверху тоже надеялись спастись от Большой смерти. В суматохе гражданской войны никто не обратил внимания, что давно подошел срок замены токсичных веществ на складах промышленной химии...

Коваль впитывал энергию множества злобных существ, чрезвычайно быстро перемещавшихся по стеллажам и вертикальным шахтам. Роту окружали со всех сторон, но главная беда состояла не в этом.

Это были не шептуны.

Это были давно не люди.

4

БИТВА ЗА ГОСРЕЗЕРВ

— Рота, к бою! Огонь по команде!

Взвод телохранителей ошетинился клинками вокруг президента. Связисты протянули, наконец, кабель и доставили главнокомандующему телефон.

— Полковник, сюда еще сотню и побольше огня! — Коваль перекрикивал команды сержантов. — Капитан, поджигайте все, что горит, вскрыть все бочки! Эти гады боятся света!

Даляру не пришлось повторять дважды, но подмога не успела. Ушастые демоны хлынули разом со всех сторон, как стая разъяренных бабуинов.

Артур невольно загляделся, с какой ловкостью и грацией белесые дети катакомб перемещались по вертикали. Они шустро скользили вниз головой, расправив слоновьи уши, перебрасывая вес тела с одной мощной лапы на другую. Используя малейшие впадинки в стыках бетонных плит, они стекали по стенам и потолку двумя потоками, точно колония термитов в поисках нового гнезда. Попытки установить с ними ментальный контакт были обречены на провал. Артур не сразу понял, в чем дело. У этих существ присутствовал разум, гораздо более развитый, нежели у лысых псов, но бывший Клинок никак не мог с ними договориться.

Альбиносы находились под действием наркотика. Они изрядно накачались, или кто-то накачал их, прежде чем отправить в бой. Это не было похоже на алкоголь; реакции не притупились, зато полностью пропал инстинкт самосохранения. Коваль ранее не мог себе представить живое существо, продолжавшее наступать и кусаться даже после того, как ему отрубили две лапы...

Вспыхнули самодельные магниевые гранаты. Солдаты дали первый залп. Почти одновременно запылали нефть и керосин в фонарях, и подвал разорвался от дикого визга. Несмотря на отсутствие прицельного огня, альбиносов пострадало много, поскольку они подобрались слишком

близко и висели на потолочных перекладинах, как виноградные гроздья. Теперь они падали вниз и разбивались о бетон.

Но питерцы тоже несли потери.

На глазах бойцов нескольких их товарищей подхватили с пола и дернули вверх, во мрак. Теперь вой страшилищ слился с пронзительными воплями людей. Сквозь череду вспышек, словно при покадровой съемке, Коваль замечал, как пляшут автоматы в руках охранников и валяются сверху оскаленные вытянутые морды.

Из груди альбиноса, пытавшегося за ногу утащить солдата, толчками хлынула кровь. Дикарь разжал лапу, и солдат сломал шею, упав на пол с десятиметровой высоты. Еще две взбесившиеся «обезьяны» трясли давно неживое тело человека и лупили им о железный угол стеллажа.

Охрана пыталась эвакуировать президента, но он воспротивился. Первая растерянность перед подземной напастью прошла; зажатый широкими спинами своих богатырей, Артур мог теперь хладнокровно оценить ситуацию. Он ясно различал размеры сооружения и возможности неприятеля. Врагов было совсем не так много, как казалось вначале. Зал походил габаритами на паровозное депо и плавно изгибался вправо: дальнюю стену рассмотреть было невозможно. Под потолком, метрах в пятнадцати от пола, замерли две кран-балки. Там болтались ролики направляющих, свисали пучки кабелей и разбитые линзы прожекторов. Еще выше сквозь щели сочилась вода и зияли дыры в коробах воздухопроводов, через которые и лезли большеухие мерзавцы. Ближайшие стеллажи стояли почти пустые, а дальние были заполнены до отказа спрессованными бумажными мешками и длинными рулонами, обернутыми в серую ткань.

В боковом проходе завязалась рукопашная. Десяток солдат с саблями и факелами загоняли в угол горстку опрометчиво прыгнувших чудовищ. На земле ловкость врагов оставляла желать лучшего. Они неуклюже переваливались на кривых ногах, упирались кулаками в землю и с шипением отворачивались от огня. Несколько длинноруких тварей скакнули вверх и проворно побежали по отвесным стенкам, но их догнали пули в спину. Телохранители президента запалили магниевые шашки и могли теперь стрелять прицельно.

Со всех сторон неслись стоны и громкая матерщина. Видимо, какие-то рудиментарные остатки глаз у альбиносов имелись; попав под свет факелов, они теряли ориентацию и терли лапами морды, становясь легкой добычей для стрел и пуль. Расхрабдившиеся бойцы взбирались по металлическим лесенкам на второй и третий ярусы, передавали друг другу комки просмоленной пакли и сталкивали неприятеля вниз, туда, где длинными ножами орудовали подопечные Карапуза.

Чингисы первыми из резервных войск подоспели на помощь и, не разобравшись в обстановке, ринулись в рукопашную. Многие на ходу же-

вали дурман. Голые по пояс, украшенные лиловыми татуировками в виде распахнутой медвежьей пасти, бывшие дикари выглядели страшнее безглазых монстров.

Первая дюжина чингисов опрометчиво ринулась во мрак и погибла мгновенно. Они не успели даже вытащить ножи, как остались без голов. Кошмарные когти разрывали грудные клетки, словно бумагу. Цементный пол мгновенно стал скользким от крови. Чингисы накатывались бешеной визжащей волной, ступая по телам погибших товарищей. Кто-то первым догадался, что надо держать в обеих руках по клинку; только так можно было добиться преимущества.

— Братцы, все наверх!! — ревел Карапуз, перекрывая своим трубным голосом шум схватки. — Подпалите шкуры ублюдкам!

Артур удерживал тигра и обоих летунов. Меньше всего он хотел, чтобы пострадали звери. Аборигены продолжали вопить на такой высокой ноте, что, казалось, рвались барабанные перепонки. Возможно, для них самих это был вовсе не крик, а способ коммуникации.

Когда в ворота подземного склада ворвалось свежее подкрепление, Артур решил, что атака отбита, и надумал встать на ноги. Но его тут же повалили назад собственные охранники. А на них откуда-то сверху посыпалась очередная партия большеухих красавцев. Их когти не могли прорвать латы и кольчуги, но каждый зверь был гораздо сильнее взрослого мужчины. Двоим гвардейцам в считанные секунды оторвали руки. Еще двое разлетелись в стороны, как кегли, и не смогли больше подняться. Летуны рванулись в бой, колотя шипастыми хвостами налево и направо. В какой-то момент Артур с Косматым остались в одиночестве перед сплошной стеной черных клыков, но место убитых гвардейцев тут же заняли люди Мити Карапуза.

Предводитель чингисов улегся на спину и без устали палил вверх, упревая приклад пулемета в живот. Пули звенели, выбивая искры из стен; с потолка сыпался горячий град из свинца и брызги крови. Предводимые Даляром, на склад ворвались новые толпы солдат с факелами в руках. В подземелье стало светло, как днем. Огненная река расплзлась по сумрачным ущельям, сея смерть. Еще одни большие ворота, расположенные напротив параллельного «проспекта», были сорваны с петель и повалены. По ним тут же пронеслись десятки ног. Это явилась команда, спустившаяся по лифтовой шахте. Клыкастые уродцы могли бы спастись в своих норах, взобравшись наверх по стенам, но они продолжали тупо сражаться, не изменяя первоначальной тактики. Словно цирковые гимнасты, они перепрыгивали с опоры на опору, норовя сверху обрушиться на незваных гостей. Но теперь каждую вылазку встречал град пуль и стрел.

Внезапно среди массы взрослых особей Коваль различил несколько подростков. Они были гораздо меньших размеров, ощутимо слабее и не

лезли в самое пекло. Напротив, стайка из четырех ушастых «обезьян» пыталась скрыться от преследователей на перекрестных стропилах под самым потолком. Солдаты с хохотом кололи их пиками и забрасывали горящими тряпками. Отчаянные гвардейцы уже разгуливали по верхним настилам и пихали тлеющую паклю в жерла вентиляционных колодцев. Очень скоро вонючий удушающий дым начал распространяться по норам.

Битва шла с явным перевесом регулярного войска и превращалась в бойню. Полковник разбил наступавших на десятки и послал прочесывать все закоулки. Пробежавшись по верхним ярусам склада с факелами, бойцы по сквознякам обнаружили скрытые лазы за железными листами. Наспех сколотили лестницы и закидали отнорки гранатами. Однако первая же попытка залезть внутрь окончилась трагически. Ход вывел разведчиков в следующую пещеру, еще крупнее предыдущей. Но они не успели ни спуститься на пол, ни разжечь костер. Назад, из двух отделений, сумели вернуться только три человека; остальных растерзали за несколько секунд.

Полковник умолял президента выпустить собак. Пока армия пробила проход в соседнее хранилище и укрепляла выходы, из командирского броневика доставили полную стаю — восьмерых лысых псов. Даже поодиночке лысые невские мутанты генерировали вокруг себя слабое гипнотическое поле, а стая была способна заморочить и обездвигнуть целое стадо скота.

— Полковник, выяснил, сколько наших убито?

— Человек двадцать, и пока не подсчитать, сколько утащили...

Оценив потери, Коваль изменил тактику дальнейшего наступления. Ниже этажом разведка натолкнулась на двери еще двух хранилищ, но распылять силы не стали. Штатному канцеляристу дали лист бумаги, и он на ходу стал набрасывать карту, пока чингисы зачищали квадрат за квадратом и расставляли в узловых точках охрану. Теперь впереди трусили собаки, за ними бойцы катили насос с огнеметом, и, укрывшись под железными щитами, словно римская «черепаша», двигался взвод солдат. Расчистив очередные пятьдесят метров коридора, проводники давали отмашку для продвижения основных сил. Обнаруживая засаду, псы замирали, а затем принимались медленно кружить, выманивая противника из потайных ходов. Одурманенные зверолюди вылезали, не в силах противиться внушению, и тут же становились добычей арбалетчиков.

Вторую лысую стаю вместе со взводом стрелков спустили через люк, найденный Паинькой. Они отыскиали склад, где на деревянных постаментах покоились десятки моторов. Спустя три часа непрерывного избиения туземцев оба отряда встретились на нижнем, четвертом этаже, перед входом в лифт.

Президент в сопровождении охраны спустился по лестнице. Его встречали развороченные проемы дверей и сотни трупов, утыканных стрелами. Возбужденные запахом крови псы тяжело дышали. Находясь в состоянии драки, они почти не контролировали себя и с трудом отличали своих проводников от врагов. Ковалю пришлось их успокаивать и заталкивать в клетки.

Когда над фиолетовыми холмами взошла луна, хранилища Госзаказа перешли в руки питерской армии. Понадобились четыре роты, чтобы обеспечить полный контроль над подземным городом. На площадь перед ангарами выносили и укладывали трупы погибших товарищей. Батюшка читал заупокойную молитву, а бригады грузчиков уже начали подъем ценностей.

В обеих лифтовых шахтах оборудовали лебедки. Перед походом Коваль примерно набросал инженерам, какое оборудование может потребоваться, но на месте пришлось многое менять. К полуночи при свете горящих бочек с нефтью и смолой удалось наладить цепную передачу и впрячь в поворотный механизм тяжеловозов. Массивные шестерни, снятые с портовых кранов, закрипели, канаты натянулись, и с тридцатиметровой глубины поползла вверх первая платформа с оловом в слитках. Четверо клерков в сопровождении дюжины писцов не успевали заполнять списки.

— Металл белый, мягкий, брусками по восемь кило, шестьдесят семь брусков...

— Это алюминий, дурья твоя башка!

— Проволока медная, в кольцах, по шесть колец на вязанку... Сто тридцать четыре вязанки! Эй, бригадир, все забирать?

— Все до последнего гвоздя! Господин президент велел весь металл поднимать!

— Эй, старшой, пиши! Гвозди черного металлу, длинные, двести десять ящиков...

— Что значит «длинные», Лавочкин? Тут гвоздей восемь видов, ты длину точную давай!

— Бригадир, серого цементу по сорок кило наберется больше двух тысяч мешков.

— Господин бригадир, а что такое «а-бра-зи-вы»?

— Старшой, как стекло подымать? Там листы, метра по три. Побьем все по дороге...

— Я те побью, остолоп! Так в рамах и тащите!

Президент шесть раз поднимался наверх, чтобы глотнуть свежего воздуха, и снова возвращался на нижний ярус. Каждые пять минут требовалось его присутствие, для идентификации тех или иных образцов. С огромным сожалением он примирился с мыслью, что не удастся под-

нять наверх тяжелые дизеля и трансформаторы. Скоро стало очевидным, что без специальной техники не сдвинуть с места секции корабельных и портовых кранов. До лучших времен пришлось бросить сорок гусеничных тягачей, типографские машины и несколько сотен труб большого диаметра, так пригодившихся бы для восстановления канализации. Артур только кивнул на жалобную просьбу полковника выдать солдатам водки и разрешил посменный ужин. Сам он попытался пожевать на ходу, хотя не испытывал ни малейшего голода.

Артура не оставляло нехорошее предчувствие. И дело было не в крови и не в убийствах — он видывал картинки и пострашнее.

Словно он что-то недоглядел. Словно в суматохе упустил нечто важное.

Даже самые темные крестьяне, призванные в армию, не могли не понимать, какое богатство свалилось им в руки. И клерками, и военными овладела азартная эйфория после того, как президент пообещал сотую долю от реализации пустить на премию. Невзирая на время суток и голод, валясь от усталости, две тысячи человек поочередно становились грузчиками или выходили в караулы. На рассвете к отправке было готово не более четверти фургонов, а внизу еще оставались неисследованными десятки секций.

И несколько отвесных стволов, ведущих неизвестно куда.

Старшина Счетной палаты разыскал президента в окружении командиров на третьем подземном этаже. Военачальники склонились над исчерканной картой возле полузасыпанного коридора. В стене зиял свежий пролом.

— Все погрузить не удастся, господин! Вот списки; либо придется оставить листовой прокат, либо рулоны с сеткой, либо вообще не трогать зал, где лежат эти... как их... строительные смеси...

Когда Старшина ушел, Коваль в третий раз разулся и принял у картографа мелок.

— Плохо дело... — промычал чингис, наблюдая, как появляется на грубой бумаге схема скрытых ходов. — Это шо ж нам, ишо глубже копать?

Коваль задумался, глядя на листок. Получалось, что под ними находился еще один тоннель, уходящий очень далеко на запад...

Из пролома в стене показался луч света, затем один за другим начали вылезать перемазанные разведчики.

— Псы упираются, господин полковник! — Бравый служака, тараща глаза, вытянулся перед начальством. — Ни в какую дальше не заставить...

— Что вы там видели? — спросил Коваль.

— Так залито все, господин! — наперебой заговорили солдаты. — Там порожек такой по стеночке, и канаты железные видать, на которых машина подъемная крепится. Внизу она, под водой лежит... Этаж цельный, как тута, только залито все...

— Да чем залито? Водой?

— Да не поймешь. Воняет сладким, как наверху, и светится вроде. Були ни в какую спускаться не хотят, скалятся и ноют, и это...

— Что еще?!

— Неладно, господин. Ухи там висят, поганое место...

Ковалю в который раз кольнуло неприятное предчувствие. С одной стороны, это было так естественно, что в нижние этажи за сотню лет проникли подземные воды. Однако его не покидала уверенность, что не все так просто...

— Проводи меня, солдат! — Не слушая возражений бодигардов, президент вслед за разведчиком протиснулся в щель.

То, что он увидел, оправдывало самые худшие ожидания. Тайный ход, набитый силовыми кабелями, выводил на узкий мостик, опоясывающий изнутри еще одну лифтовую шахту, не замеченную ранее. Тонкие поручни насквозь прогнили и грозили обвалиться в любую минуту. Приходилось пробираться, прижавшись спиной к скользкой холодной стене. В свете факелов виднелись перекошенная крыша лифта и покрытые плесенью тросы. Ниже колыхалась желтая маслянистая пленка.

Конфетный запах шибанул в ноздри с такой силой, что Коваль невольно задышал ртом. Железный пол под ногами гудел; на мостик выбились сопящие телохранители.

— Ну-ка, тихо все! — Артур наклонился и ощупал ладонью узкую лесенку, спускавшуюся вдоль стены. Три метра ниже лестница пропадала под слабо фосфоресцирующей грязью. По этим ступенькам спускались и поднимались множество раз, совсем недавно. Когти новых хозяев оставили сотни царапин.

— Мать честная! — прошептали у Артура за спиной. — Эти бесы похлеще Озерников, господин! Те чужих мучили, а эти детишков собственных в топь скидывали...

В эту секунду желтая пленка слабо колыхнулась; по шахте, отражаясь от мокрых стен, пронесся гулкий вздох. А вслед за басовым пением снизу докатилось знакомое сонное воркование, словно сотня голубей устраивалась на ночлег. Под поручнями, на тонких проволочках, висели сотни скрученных «кленовых листиков». Одни давно засохли, а другие, повыше, были нанизаны в жуткую гирлянду совсем недавно. Проволочки висели в несколько рядов, и нижние скрывались в грязи. Нижние попросту нельзя было повесить, не опустившись с головой в желтую лоснящуюся протоплазму...

Ушастые альбиносы покинули свою малую родину, расположенную в десятке километров к югу, затем они бросили теплые гнезда в глубинах скалы, затем они начали взбираться все выше, а грязь преследовала их по пятам...

Только в командирской палатке, после третьей кружки кофе, Артур избавился от навязчивого вкуса лакрицы на губах. Стоило прикрыть глаза, перед ним возникали нанизанные на проволоку ушки и жадный зев трясины.

Оно наступало снизу. Оно наступало оттуда, где должна была рождаться чистая артезианская влага. Оно выплеснулось в степь и уничтожило старые засеки Качальщиков. Поэтому патрули трое суток не могли отыскать верный путь, указанный Прохором...

— Командир, ребята наверху шептунов изловили, — раздался голос Даляра. — Можя, от демонов-то ушастых хоронились. Можя, их пожрать-то хотели, бес ведает. Там костей-то полно, но не похоже, чтобы твари человечину хавали. Наш лекарь-то животики разрезал, как ты приказал. Травя внутрях, черви, да мелюзга болотная, вроде крыс, вишь как...

— Давай этих шептунов сюда!

Трое представителей высшей расы производили самое удручающее впечатление. От них разило так, что невозможно было находиться рядом. Очевидно, потомки башкиров давно отсиживались в норе и провели без бани не один месяц. Лица покрылись коркой грязи, засаленные волосы стояли дыбом, от одежды осталось несколько гнилых тряпок. Извлеченные на свет, они только скулили и прикрывали кулаками гноящиеся глаза. Артур не сразу угадал в одном из жалких созданий женщину. Они жадно набросились на мясо и кашу и набивали желудки до тех пор, пока их не начало рвать. Понадобились больше часа времени и усилия троих деревенских толмачей, имевших раньше дело с шептунами, чтобы разобрать их свистящую невнятную речь.

Когда-то шептунов было много. Их предки жили в военном городке и окрестных деревнях задолго до Большой смерти. Они работали на аэродроме и охраняли достояние страны, пока не прервалась связь с Москвой и не прекратили вещание радиостанции. Сохранилась легенда о полковнике Васильеве, последнем командире части. Командир оказался умным и дальновидным человеком. Когда на летном поле, после долгой тишины, без предупреждения сели два самолета, полковник приказал расстрелять летчиков издалека, а машины облить керосином и сжечь. Это были «Русланы», которые доставляли секретные грузы.

Летчики кричали, что им нигде не дадут посадки, что на борту женщины и дети. Они умоляли их принять и клялись, что среди них нет зараженных. Но Васильев не стал слушать. Он сказал, что отвечает за жизнь двух тысяч человек, среди которых тоже немало детей. Охранники на вышках развернули пулеметы и ударили по топливным бакам летучих грузовиков. Тех, кто успел выскочить и бежал в степь, затравили на джипах, как волков. Затем полковник распорядился перекрыть обе дороги, а на территории городка разбить огороды. Коммуна готовилась

к длительной осаде, но нападений не последовало, не считая редких вылазок местных крестьян. Спутниковое телевидение сначала передавало классическую музыку, затем остались одни помехи. Закрытые линии связи молчали. Родине стало не до Госрезерва.

Они зимовали в хранилищах, питались консервами, охотились в степи и даже нападали на крестьян в окрестностях Оренбурга. Они держали круговую оборону и не подпускали к запасам пищи толпы одичавших горожан. А спустя шестьдесят шесть лет после Большой смерти произошло событие, изменившее привычный уклад.

Что-то случилось на юге, и степь умерла за одно лето. Южные склады стояли заброшенные, старики запрещали к ним приближаться. Немногие пережившие Большую смерть, вспоминали, что раньше для посещения южных складов требовался специальный допуск. Когда-то южные склады охраняли гораздо тщательнее, но охрана потеряла смысл, поскольку под землей две системы катакомб соединял восьмикилометровый тоннель. Осенью людей поразила неизвестная зараза, женщины начали рожать уродов, а снизу пошел противный сладкий запах. Тогда старики повели тоннель засыпать. Выходить наружу тоже стало небезопасно. За зиму погиб скот, весной не вернулись перелетные птицы. Когда охотники осмелились выйти, их глазам предстало сплошное море мхов цвета лаванды. За мхами, куда ни кинешь взгляд, пузырилось и стонало Желтое болото.

Легенды шептунов сообщали, что в ту весну погибло от мора больше половины жителей. Уцелевшим пришлось научиться собирать росу и питаться насекомыми. Зато окончательно прекратились набеги кочевников и горожан. Постепенно внуки военных забыли язык и сами превратились в дикарей. Они научились жить в кругу пожарища, не приближаясь ночью к прожорливым Желтым топям. Ценой многих смертей они выяснили, что можно употреблять в пищу из растущего и ползающего в фиолетовых мхах. Шептуны изменялись, не замечая этого, и понятия не имели, что происходит во внешнем мире. Внешний мир для них ограничивался болотами. Самые храбрые охотники, отважившиеся пересечь трясины по древним дорогам, задыхались от чистого воздуха и возвращались смертельно больными. Однако продолжительность жизни, сократившаяся лет до тридцати, начала постепенно увеличиваться. Люди выиграли бы борьбу за существование, если бы не новая напасть.

Снизу, из ядовитых южных складов, из паутины недостроенных шахт, пришли безглазые демоны, вытеснив шептунов на поверхность. Шептуны яростно сражались, отстаивая свои жилища и остатки окаменевшей пищи, свои подземные скотоводческие фермы и колодцы с чистой водой. Самое удивительное, что белые бесы не увлекались людоедством и не пили вина из черепов врага. Всех захваченных в плен они относили в нижние тоннели и бросали в грязь.

Силы оказались неравны. На тот момент, когда Анна Третья приземлилась в центре поселка на своем драконе, в живых осталось не больше трех сотен шептунов. Их медленно добивали солнце и сладкие туманы, им приходилось жить в пещерах на склонах холмов. А безглазые плодились с ужасающей скоростью. Никто не знал, сколько их там внизу и как далеко они прорыли свои норы. На несколько месяцев установилось шаткое равновесие, а затем твари начали вылезать на поверхность. В безлунные ночи они безбоязненно бродили по болотам, жрали червей и мелких грызунов, воровали детей из землянок. Едва занимался рассвет, демоны спешили назад в убежища. Когда шептунам удавалось поймать зазевавшегося беса, они не отказывали себе в удовольствии помучить его, привязывали его и смотрели, как солнечные лучи превращают кожу врага в незаживающую язву...

— Плохо дело, господин, — подытожил чингис. — Здесь мы их полтыщи положили, а выходить, ишо немерено попряталось...

«Плохо не это», — думал Артур, разглядывая трупик одного из безглазых детенышей. Добросовестные гвардейцы зарубили взрослую самку и вместе с ней — троих ее детей. Крошечная девочка неопределенного возраста пыталась спрятаться на груди у матери, одной длинной лапкой уцепившись за ее шею. В левой лапе маленькая самочка сжимала кривую деревяшку, обмотанную пучками травы и тряпками.

Артур наклонился и кинжалом разжал цепкие пальцы. На ладони у нее лежала кукла. Грубо выполненная, без лица, но с большими ушами и короткими кривыми ножками.

— Плохо другое, — вслух повторил президент. — Эти мутанты напали на шептунов не от хорошей жизни. Их самих что-то вытеснило из южных складов...

— Это все химия! — авторитетно произнес умное слово чингис.

— Это уже не химия, капитан. Тащи сюда летуна, самого сильного. Мне срочно нужна связь с Хранителями.

5

СОРВАВШАЯСЯ СДЕЛКА

— **Н**а первый вопрос я тебе ответил. — Исмаил подкинул дров в очаг. — Когда Бердер поедет пить горячую водку к косоглазым братьям, он передаст твою просьбу.

— А когда он поедет пить водку?

— Клинок, ты стал нетерпелив, как глупый мальчик! — Хранитель укоризненно покачал головой. — Когда начнется осенний праздник урожая, китайские братья пригласят нас к себе. Или не пригласят, это их право.

Хранитель памяти перевел внимательный взгляд с брата на Артура, затем кашлянул и попытался разрядить обстановку.

— Ты продал всю добычу немцам и полякам? — удивился Кристиан.

Валдайский отшельник в неделю произносил не больше десятка слов, а уж добиться от него связной фразы было настоящим подвигом.

— Нам нужны деньги, — сдерживая нетерпение, пояснил Артур. — Нам нужны деньги и солдаты. Двадцать тысяч пеших штыков и, как минимум, десять тысяч конницы.

— Наемники готовы пойти с тобой на юг? — Исмаил разлил по кружкам травяной чай. — Раньше ты верил, что наберешь достаточно русских.

— Ты говорил слова «обязательный призыв», — усмехнулся в усы Хранитель памяти.

— Я посоветовался с Думой, — Коваль отхлебнул душистый напиток. — Для нашего дела призыв не годится. Дружина должна быть добровольной.

— Немного найдется ковбоев, готовых бросить свои огороды.

— Пусть так. Я говорил с епископом Варшавским и бургомистром Берлина. Я встречался с датчанами, норвегами и президентом Нового Хельсинки. Я делал подарки в Киеве и Екатеринбурге. После продажи моторов и станков нам хватит денег на сорок тысяч солдат. На два года кампании. Иноземцы пойдут первыми, а наши добровольцы — следом. Еще двадцать тысяч.

— Ты стал жестоким и хитрым, Клинок.

— Я хочу сохранить сыновей нашим матерям. В России только что появились Дума и первый президент. Если в первый же год отнять у матерей их детей, следующей весной призыв сорвется, все попрячутся по лесам.

— Жестоко, но мудро, — кивнул Исмаил. — Пусть первыми погибнут чужаки. Зачем ты просил о встрече?

— Твой брат умеет смотреть вперед, — почтительно склонился к отшельнику Артур. — Он предрек мне большую войну на юге. Он сказал, что я должен собрать всех русских под тенью креста. Но Хранитель памяти умолчал о хищном болоте.

Качальщики переглянулись. Кристиан подергал себя за бороду и принялся набивать трубку.

— Болота как болота, — удивился Исмаил. — Целое море отравы, но наши братья присматривают за ним. Там нет Слабых меток, значит, нет опасности для людей. Для нас нет работы, пускай тревожатся китайцы.

— Раньше не было опасности, — поправил Артур. — Внучка Прохора не заметила на Вечном пожарище второго городка, в восьми километрах к югу от первого. Он затонул и развалился. У моих людей ушел день, чтобы прожечь путь в ядовитых мхах.

— Там нет Слабых меток! — упорствовал старый Качальщик.

— На юге не только склад Госрезерва. Там размещался секретный завод по переработке ракетного топлива. Само по себе ничего опасного. Цикл был полностью завершен, поэтому Звнящий узел не зародился. Но безопасные компоненты просочились в почву и стали кормом для плесеней. Во всяком случае, я так думаю...

Когда он закончил рассказ, оказалось, что Качальщики так и не приоткрылись к своему чаю. Кристиан задумчиво перебирал цветные камешки на столе и смотрел в окно.

— На обратном пути мы снова были вынуждены встать на ночевку на старом аэродроме. Там потеряли еще девятнадцать человек. Даже я слышал зов. Сопrotивляться ему непросто. А когда караван выбрался в степь, оказалось, что у четырех фургонов сломались колеса, и их пришлось бросить посреди болота. Утром за ними вернулась ремонтная бригада...

Коваль обвел притихших слушателей суровым взглядом, нарочито медленно положил себе в блюдечко варенья, выглянул во двор. За кирпичной оградой коттеджа отдыхали три оседланных крылатых змея. Из горячих глоток валил пар. Под лапами хрустел ковер из мерзлых пожухлых листьев.

— Утром ребята вернулись с конями, колесами и новой осью. Они нашли на дороге груды шурупов, гаек и сверлильные станки. От фургонов сохранились стальные дуги и углы, только черный металл. И тот был изъеден до такой степени, что не годился даже на запчасти. Трясина сожрала все, что было из дерева, включая полы и оглобли. В одном из фургонов везли шестнадцать тонн меди. От нее на асфальте осталась гора красного песка. После того как караван ушел в Тамбов, я послал картографа проверить вешки. Трясина продвинулась на четыре метра. Она растет и...

— Ты знал об этом? — Исмаил пристально взглянул на брата.

— Великую Книгу можно понимать по-разному... — туманно ответил Кристиан.

— Вы полагали, что в Книге речь идет о нашествии вражеской армии, — мягко наседал Артур. — Но Карин со своими янычарами, если верить нашим шпионам, находится гораздо западнее.

— Зараза ползет... — прошамкал Исмаил. — От Москвы тоже ползет зараза, несмотря на все старания. Что теперь, каждую минуту кидаться к Хранительнице Книги? Ты стал хозяином города, ты хочешь стать хозяином страны. Не к лицу властителю робеть перед вонючей лужей...

— Помолчи, брат, — Кристиан потрепал своего уральского родственника по плечу. — Клинок, я не могу смотреть вперед по твоей прихоти. Будущее приходит к нам, когда угодно высшим силам.

— Я принес нечто, что вам поможет. — Коваль открыл сумку, выложенную изнутри соломой, и достал закупоренную бутылку. — Это вода оттуда. Только это совсем не вода: я отдавал ее химику.

— Французской девчонке?

— Она не девчонка, а талантливый ученый.

— И что сказал талантливый ученый? — хихикнул Исмаил.

Кристиан молча перебирал камешки. Плотная закупоренная бутылка с желтым содержимым ехидно поблескивала, отражая пламя очага.

«Узколобые придурки, — мысленно выругался Коваль. — Только и способны, что рушить города да выращивать драконов...»

— И что там вместо воды? — Кристиан постучал пальцем по запечатанному смолой горлышку.

— Брат, мы с Прошкой пытались вырастить на этой отраве укроп, — Исмаил откровенно потешался. — Все подохло, даже черви, на метр в глубину. Скажи Клинку, чтобы не вздумал выливать это дерьмо возле твоего дома.

— Это не дерьмо, Хранитель, — Артур собрал остатки терпения. — Это животное. Похожее на то, что в Ползущих Горах, на юге Германии, убило Семена. Оно выросло под землей и достаточно долго притворялось грязью, чтобы ввести нас в заблуждение. Оно было слабым и умело скрывало свою хищную натуру. Сегодня оно наступает со скоростью четыре метра в день, по всей окружности длиной около тысячи километров. Умножьте на количество дней в году и учтите, что на севере оно очень скоро доберется до лесного массива. При нынешнем темпе продвижения — примерно через четыре года.

— При чем тут лес, Клинок?

— Лес — это органика, это его пища. Я так думаю, сначала желток был невинной плесенью, питался микроорганизмами и рос себе потихоньку возле мешков с крупой. Он кушал то, что заложили в резерв на складах. Тысячи тонн консервов и сахара, сотни тонн масла и жиров. В какой-то момент произошла утечка ракетных химикатов или лекарств. Мы никогда не узнаем, что послужило толчком для мутации. Те люди, что прятались в хранилищах, лишились зрения и начали обрывать шерстью. У них изменился обмен веществ. Мои лекари вскрыли несколько самок. Угадайте, что мы нашли? Недоразвитый мозг, точнее, деградирующий мозг, зато двенадцать зародышей в матке. Двенадцать! Ты понимаешь, брат, чем это пахнет? Молодой вид, свирепый и напористый. Когда-то ты рассказывал мне, что до людей на Земле жили другие разумные. Потом произошли катаклизмы, и волей случая самым при-

способленным оказался человек... Возможно, я ошибаюсь, и процесс выглядел иначе. Возможно, люди и другие расы сосуществовали вместе несколько тысячелетий, пока человечеству не стало тесно.

Но на Земле никогда не было заразы, подобной той, что появилась за сотню лет до Большой смерти. Отходы производства вырвались из прохудившихся емкостей во внешнюю среду. То, что означает смерть для любого из нас, совсем не страшно для безглазых. Наоборот, они прекрасно уживаются в симбиозе с болотом. Болото породило новый разум.

— Двенадцать зародышей? — угрюмо переспросил Исмаил. — Ты намекаешь на то, что болото поедает их детей, а взамен дает демонам пищу?

Кристиан поставил бутылку против света и разглядывал мутное содержимое.

— Я считаю, Хранитель, что мы нашли в шахте не церковь и не жертвенник. Существо, труп которого лежит у тебя на заднем дворе, и болото составляют замкнутую систему. Болото позволяет им охотиться и размножаться, взамен свежих трупов врагов дает тепло и защиту. Болото регулирует их численность в разумных пределах и не дает развиваться их сознанию...

— В разумных? По-твоему, эта гадость умеет думать?!

— Не так, как мы с вами. Но, по-своему, оно гораздо сообразительнее людей.

— Как это?!

— Это животное притворилось болотом. Вы сами мне говорили, что на Урале полным-полно подобной гадости. Очень легко спутать... Кроме того, оно легко могло сожрать и шептунов, и безглазых, но поступило с ними весьма рационально...

— Непонятно говоришь, Клинок!

Артур вздохнул.

— В степи для любого крупного животного недостаточно еды. Я оставил там роту, они выжгут траву, но мы не можем выставить круговые конвои. У меня просто не хватит людей держать границу в тысячи километров. И мы не можем быть уверены, что истребили всех белых бесов, как их обозвали солдаты. Но и живой корм — не самое страшное. Если грязь доберется до тайги, процесс уже невозможно будет остановить...

Кристиан вскочил с места и заходил из угла в угол, пуская клубы ароматного дыма из своей трубки. Снова заговорил Исмаил.

— Я кликну Степана Тюрю, и вместе мы навестим старого Валдиса. В будущее, Клинок, не ходят поодиночке. Но вдвойне опасно дважды задавать высшим силам один и тот же вопрос. Ты хочешь найти снадобье или спросить у духов, что будет, если мы его вовремя не найдем?

— Химики уже нашли снадобье, Хранитель. Это то самое лекарство, что уничтожило когда-то весь мир.

Качальщики в испуге переглянулись.

— Ты с ума сошел, Проснувшийся!

— Вакцина номер три, — подтвердил Коваль. — Моника испробовала больше трехсот препаратов. Все, что мы сумели синтезировать в институте фармацевтики. Все, что осталось в аптеках. Я полагаю, что на сегодняшний день у нас лучшая лаборатория в Европе. А может, и на всей планете.

— Лаборатория! — фыркнул Исмаил. — Мудреные слова! Да не нужны никакие снадобья, брат! Облить нефтью — и вся эта кислятина передохнет! А на большом пожаре мигом Звонящий узел заведется, тут только поспевай раскачивать!

— Тоже верно! — встрепенулся Кристиан. — Раскачаем метку, заседем лес, и следа от нечисти не останется...

— Нечисть только и ждет, чтобы добраться до леса, — возразил Коваль. — Пятнадцать лет назад, когда вы брали пробы, болото можно было победить огнем, сегодня ваши методы бесполезны...

— Клинок, уж не упрекаешь ли ты нас в слепоте?

— Напротив! Я взываю к вашей обычной прозорливости. Никто не виноват. Вы не могли заметить того, что происходит на глубине в тридцать метров. Вы читали Книгу, вы чувствовали опасность, но не могли понять, откуда она идет. Когда внучка Прохора летала над пожарищем, трясина занимала площадь в шесть раз меньшую, чем теперь... Мои мастеровые сварили трехслойный бак из лучшей стали и залили в него шесть ведер желтой дряни. Мы восемь раз меняли лошадей, чтобы успеть доставить отраву в Питер...

— Смешно! — перебил Исмаил. — Выходит, она не такая уж живучая!

— Она живет всех живых, Хранитель. В пути мы кормили ее всем, что попадалось под руку, и все равно два внутренних бака полностью разрушились. Превратились в решето! А сама масса втрое увеличилась в объеме. Мы перелили ее в новую емкость, а старые кинули в плавильную печь. После мы перестали кормить эту тварь, но убить ее смогла только вакцина. Та самая, что разрушила иммунную систему миллионов людей.

— Так чего же ты хочешь от нас, Клинок?

— Помогите нам найти хорошую вакцину. Во всем Питере мы сумели собрать пару коробок, этого мало...

— И не найдете! — отрезал Исмаил. — Ты пьян, Клинок? Я никому не скажу, что человек, выбранный Думой президентом, говорил здесь нетрезвые речи. Ты, наверное, забыл, что сто лет подряд насекомые в городах боялись выходить без масок? Ты не застал времен, когда чело-

века, не получившего жетон заставы, могли забить камнями. Ты забыл, из-за чего люди ненавидели вакцину? Каждому ребенку известно, что в ампулах таится Большая смерть. Если ее выпустить, она снова начнет убивать...

— В ампулах нет смерти...

— Кого ты хочешь обдурить, Проснувшийся? Ты сам сказал, что намерен вакциной погубить болото. Вакцина — это страшное зло. Приходя в пустые города, где не встречается Слабых меток, — знаешь, что первым делом мы ищем? Отвечай, Клинок!

— Знаю, Хранитель. Вы сжигаете аптечные склады и топчете, без разбору, все ампулы.

— В твоем тоне звучит насмешка, Клинок! — Исмаил свирепо тряхнул косичками. На секунду Ковалю показалось, что лицо старого Качальщика расплылось. Так бывало очень редко, когда лесной колдун переставал контролировать себя и готовился ринуться в драку. — Мы не такие умные, как ты, древний инженер, и не разбираем названий на чужих языках. Но мы помним, что за дрянь привезли когда-то в стеклянных колбах из-за океана. Если ее вылить, она быстро погибает, но если она коснется человека, то опять начнет заражать. Не мы придумали ее топтать! Сто лет назад ее выливал в землю каждый, кто находил. Об этом мне рассказывал дед. По городам ездили машины, в них сидели люди и кричали, и каждое их слово становилось слышно за километр. Они кричали, чтобы каждый, кто найдет вакцину, немедленно вынес ее на солнце и предал земле... И люди, даже тупые горожане, слушались и выливали яд! В каждой колбочке спит зародыш Большой смерти. Разве ты не знаешь, как действовало лекарство? Оно вызывало в человеке маленькую болезнь, совсем крохотную. Переболев ею, человек должен был стать сильным и уже не поддаваться Большой смерти. Но почему-то этого не случилось! Почему-то стало еще хуже, и Большая смерть пошла не только из крови в кровь, не только от женщины к мужчине, но и по воздуху, и по воде. Теперь ты предлагаешь выпустить эту заразу на волю?! Наши деды, Клинок, завещали нам бороться с нечистью, угрожающей роду людскому. Кстати, твой приятель Карин отыскал вакцину в Турции, ты знаешь об этом?

Артур молчал. Кристиан, насупившись, ходил из угла в угол.

— Он нашел вакцину и угрожает выпустить ее, — немного успокоившись, продолжал Исмаил. — С помощью Проснувшихся он нашел на военных кораблях много оружия. Он не сидит сложа руки... Неделью назад, пока ты изучал, чем питается грязь, прилетали две наших сестры из Винницы. Они боятся, что скоро придется перевозить детей к нам, на Урал. Всадников полумесяца уже видели в земле молдаван, а что творится южнее, никто не знает. Там горят деревни...

Коваль понял, что пришла пора выложить последний козырь.

— Я вам еще кое-чего не сказал. Хранительница Книги, мир ее праху, часто вспоминала о Слабых метках в Казахстане. Когда-то твой отец, Исмаил, бывал в Аркалыке и в Караганде...

— Что тебе за дело до кочевников? Мой отец искал дружбы с их колдунами, но так и не сумел договориться. Среди высших джунов есть Качальщики, но нет Хранителей, понимаешь? Кочевой народ не волнуют Звенящие узлы. Они пасут горбатых лошадей и баранов, а Слабые метки просто обходят стороной. Идут за своими стадами, вот и все. Мой отец и другие братья отыскиали два десятка военных городков и несколько хранилищ со спящим огнем, но это было гораздо севернее. В степи они соваться не рискнули — даже лучшие клинки Бердера не продержатся там и недели. Там нет понятия «свободный человек». Если ты чужой, то считаешься рабом того богатея, кому принадлежит кусок степи. Хотя не знаю, много лет прошло, что-то могло измениться...

— Изменилось, Хранитель. Боюсь, что многое изменилось. Твой отец гасил Слабые метки, и леса поднимались там, где их раньше никогда не было. Я не только, как ты выражаешься, кормил грязь. Мои клерки отправились на юг в обход пожарища по маршруту, что нарисовал Прохор. Посмотри... — Коваль расстелил протертый до дыр ватман. — Вот здесь, до Актюбинска, картинка верна. Грязь остановилась, на голой земле ей нечего жрать. Зато дальше, на восток, она почти достигла границы леса. Клерки обошли пожарище и разбили лагерь среди озер. Вот тут... Раньше это местечко именовалось Кушмурун, теперь там ничего нет. Мои люди скакали четверо суток, не останавливаясь, обходя Вечное пожарище с юга. Больше тысячи километров. Они спали в седлах и загнали несколько коней. К счастью, картографы не встретили кочевников, но так и не смогли найти проход на север; возвращаться пришлось прежней дорогой.

— Чем ты собрался нас удивить? Хранительница сказала тебе правду — там леса и болота.

— Там не обычные леса. Там бурелом, непроходимая тайга, которая всегда возникает после гашения Слабых меток.

— Ну и что? Мать-земля берет свое, она расцветает и плодится, как только не чувствует своего главного врага — человека. Ты же учился говорить с травой, Клинок, и должен помнить заклинания земли!

«Боже, дай мне силы это пережить!» — молча воззвал Артур, уже понимая, что все его доводы бесполезны.

— Мои клерки провели в окрестностях Кушмуруна трое суток. Там нет пожарища, но болото наступает со скоростью девять метров в день. Девять метров, а не четыре, как на западе, под Оренбургом, Хранитель! Желтому зверю понадобится меньше года, чтобы добраться до колос-

сального источника пищи. Что будет дальше, я не хочу даже загадывать. Тебя, Исмаил, я прошу об одном. Пусть учитель передаст мои слова китайским братьям.

— Я уже обещал. Бердер передаст.

— Спасибо, что выслушал меня, Хранитель. Я надеюсь, что вы найдете верное решение, во благо равновесия.

Артур обращался к Кристиану, но отшельник так ничего и не ответил.

— Вот тебе карта! — Исмаил положил на стол плотно зашитый пакет и поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Мама Рита, мир ее праху, завещала передать ее Проснувшемуся Демону. Там помечены еще три известных нам склада с фабричными машинами и один склад с оружием. Оружие найдешь на севере, под Вологдой... Там прошла Слабая метка, придется корчевать лес, но твои люди справятся. Анна Третья, мир ее дням, даст в помощь троих молодых Качальщиков, чтобы глупые солдаты не разбудили новый узел. Вы не тронете танки и броневую технику, но можете забрать пушки, снаряды и патроны к автоматам. Занимайся своим делом, президент, а мы займемся своим! Делай то, что предписано Книгой...

Аудиенция закончилась. Артур отвязал Катуну, сунул ноги в седельные штаны, в последний раз оглянулся на утонувший в зарослях коттедж Кристиана. Давно он не чувствовал себя так скверно, и даже щедрая подачка усопшей Хранительницы не радовала. Ему доверяли страну и — тут же били по рукам, как маленького ребенка.

А в Тамбове ждала двадцатитысячная армия.

6

НАЕМНИКИ И ДОБРОВОЛЬЦЫ

Редко в истории европейских войн находились безумные полководцы, начинавшие кампанию в осенний период. Всякие там императоры и короли терпеть не могли распутицу и слякоть. А уж когда зародилась тяжелая артиллерия, подавно потребовались сухие летние дороги. Или, в крайнем случае, снежные накатанные колеи. Иногда зарвавшиеся военачальники ошибались. Яркими, достаточно недавними примерами таких ошибок Коваль считал зимние подмосковные глупости Наполеона и Гитлера.

Тем проще казалось ему убедить ближних и дальних соседей, что до апреля армия с места не тронется. Незначительные маневры, задачки на

слаженность, парады, огневая подготовка. Именно такие слухи должны были разносить шпионы по южным губерниям, успокаивая обывателей и встречную разведку врага. Весь сентябрь Первая и Вторая дивизии, квартировавшие под Орлом, демонстрировали поразительную беспечность и расхлябанность. Кавалерийский корпус, стоящий в Рязани, смешил обывателей неумением сидеть в седле и страхом перед холодным оружием.

На самом деле, в потешных учениях принимали участие всего три батальона и эскадрон легкой конницы. Главные силы были выведены в район бывшего Серпухова, на самый край московской тайги. Генерал Абашидзе проявил чудеса конспирации, выдвигая с разных застав и гарнизонов роту за ротой. Их тайно отправляли на юг, собирая в кулак будущую ударную группировку. Вокруг Серпухова генерал расставил частокол пограничников, которым было приказано отправлять всех подозрительных в Тайный трибунал, независимо от того, с какой стороны эти подозрительные явились. За лето поймали больше сорока человек, занимавшихся сбором данных в пользу самых разных разведок. В том числе, из дружественных стран.

Затем из Петербурга поступила новая команда. Оставив две роты поддерживать костры и затевать периодические стрельбы, Третья дивизия, полностью укомплектованная, ночным маршем выступила из Ярославля, имея целью Тамбов. Одновременно купеческие караваны разнесли новую серию слухов, будто президент Кузнец готовит поход на Царицын и Астрахань. Тамошние правители опять передумали подчиняться центральной власти.

Дальнейшие события развивались совсем не так, как предсказывали местечковые военные аналитики. Эти достойные мужи, представлявшие войну по стычкам с соседней деревней, были крайне озадачены. За одну ночь от походных городков остались лишь пепел и пустые землянки. Время потешных сражений прошло.

Шестого сентября тамбовское руководство присягнуло на верность президенту. Полтора десятка казнокрадов были повешены, сорок шесть человек с семьями под конвоем отправились в ссылку на Урал. Был объявлен набор добровольцев на службу и за неделю сформирована Пятая, тамбовская, дивизия. Рядовые получили по рублю серебром, что вдвое превосходило заработок городских подмастерьев, а город получил двадцать клерков из питерской Счетной палаты, новые налоги, новые деньги и Уголовный кодекс.

Девятого сентября шесть грузовых судов с тремя тысячами десантников на борту вышли из Стокгольма и взяли курс на Ригу. В пути они встретили восемнадцать катеров финской береговой охраны. На рижском рейде им предстояло ждать норвежскую эскадру и командующего объединенным флотом.

Десятого сентября восьмитысячный отряд польской конницы получил епископское благословение в Люблине и двинулся на Львов, где ему предстояло соединиться с союзным войском атамана Хвалынца. Киев долго не шел на сближение с Петербургом хотя бы потому, что два десятка украинских городов сами непрерывно воевали друг с другом. Однако после посещения Киева русскими послами атаман Хвалынец неожиданно быстро разбогател и обзавелся десятком бронированных паровиков. После этого в течение месяца руководящую роль Киева признали почти все. Теперь во Львове поляков ждали обоз и жалование серебром на полгода вперед. Значительную роль в положительном решении вопроса сыграло несколько тонн ценных подарков, глубокой ночью доставленных на драконах в резиденции черноморских правителей.

Ночью, с десятого на одиннадцатое, Четвертая дивизия, дислоцированная до того в Ярославле, вошла в Нижний Новгород. Не обошлось без перестрелок и пожаров; поговаривали даже о массовом мародерстве. Но уже в четыре утра Совет старшин был в полном составе арестован и обвинен в измене государству. В шесть утра дела принял назначенный президентом генерал-губернатор, а в семь колокол оповестил сорок тысяч жителей о начале обязательного призыва в армию.

Тринадцатого сентября президенту Кузнецу донесли, что Одесса и Севастополь после долгих колебаний поддержали Киев. Семь полков тяжелых пехотинцев выдвинулись на линию Тирасполь — Слобозия и окопались на правом берегу Днестра. В течение следующей недели туда же подкатили восемь батарей корабельной артиллерии, поставленных на колеса. Снаряды из России ожидались со дня на день.

Семнадцатого числа в Царицыне вспыхнули волнения. Издергавшись от непрерывного ожидания штурма, губернатор крупнейшего волжского города, папа Сыроед, сам отправил к президенту гонцов с просьбой о перемирии. В ответ он получил теплое приглашение отобедать в Саратове, где давно уже развеялся трехцветный флаг. Папа Сыроед заважничал и прибыл в недружественный Саратов с большой помпой, надеясь показать, кто хозяин на южной Волге. Он был встречен с должным уважением, но почему-то быстро сник. Вместо президента папу встречали какой-то сопляк по имени Мишка Рубенс и тысяча до зубов вооруженных чингисов. Передача власти произошла быстро и бескровно, к удовольствию обеих сторон. Царицын в спешном порядке выставил два полка новобранцев и даже экипировал их за свой счет, лишь бы не допустить появления дикарей в городе. К изумлению папы Сыроеда, парней отправили не на покорение Астрахани, а совсем в другую сторону, на запад.

Двадцать второго сентября Вторая дивизия, не скрываясь, выступила на Ростов. Одновременно сотня украинских рыбацких лодок зашла в Таганрогский залив и принялась усиленно расставлять сети у самого

берега. Пока ростовские атаманы плетками сгоняли население на рытье траншей, мирные баркасы прекратили ловлю бычков и высадили на берег ораву «рыбаков», настроенных удивительно миролюбиво. Как позже выяснилось, «рыбаки» прибыли из Курска в Мелитополь по недавно восстановленной железнодорожной ветке. Они привезли с собой несколько сундуков медных денег, наштампованных в Петербурге, и несколько бочек крепчайшей медовухи. Деньги и вино раздали на улицах Таганрога. Пока воодушевленное население становилось в очередь, другой отряд «рыбаков» разоружил полицию и захватил арсенал.

Ростову был нанесен подлый удар с тыла.

В то самое время, пока в курене бурлили страсти, сдаваться или сложить головы во славу вольницы, президент Кузнец пил в походной палатке пиво с хозяевами Ростова-на-Дону, Краснодара и Таганрога. На самом деле, казачество решилось на союз еще в начале августа, после знатной охоты в карельских лесах. И самым действенным фактором в пользу федерации послужили... летуны. Точнее, не летуны как таковые, ибо всякой нечисти и мутантов и в азовских лиманах водилось до черта. Казаки крепко задумались, когда увидали, как президент новой России чуть ли не целуется с летучими мышами и лысыми шестипалыми рыбами. Еще полбеда, кабы он один такой, а то и подручные у Кузнеца сплошь колдунами оказались. Поди, против такой силы не попрешь...

Роли стражников и дворцовых фаворитов во время охоты старательно исполняли Качальщики.

Еще две недели, пока шли вялые бои за Шахты, население Приазовья оставалось в уверенности, что вот-вот начнется штурм. По деревням собиралось ополчение; кто-то предлагал просить помощи у украинцев, кто-то советовал выступить первыми и внезапно напасть на Петербург. Цель, поставленная хитрым Абашидзе, была достигнута. Вторая дивизия вышла к Дону и развернула бурное строительство фортификаций. Всем стало ясно, что проклятые северяне колеблются. То ли жратва у них закончилась, то ли дождей испугались, но, похоже, застряли они тут до весны...

Пятая дивизия закрепились у Цимлянского водохранилища. В середине октября Государственная дума отпраздновала присоединение Астрахани, и вдоль нижнего течения Волги запылали караульные костры вновь образованной Шестой дивизии. Из Воронежа и Тамбова до северного берега Дона непрерывно курсировали колонны паровиков и дизельных автомобилей. Девятнадцатого октября ростовчане подписали федеративный договор, и скрывать очевидное стало бесполезно.

Никто не планировал атаковать доблестное казачество, но пространство между двумя морями оказалось надежно заперто.

Сухопутная тропа на Кавказ захлопнулась.

Пятнадцатого октября Ковалю принесли сразу две радостные вести. Переговоры с Прагой прошли успешно, и трехтысячный чешский корпус вышел на старую границу Молдавии и Румынии. Вторая новость касалась немцев. Тут все оказалось совсем не так просто, как представлялось вначале. Мюнхен так и не нашел общего языка с Берлином, а российские подачки германцам показались просто смешными. Ни рубль серебром, ни пять рублей золотом не привлекали зажиточных бюргеров. Тридцать дней назад благодаря посредничеству пивоваров Коваль узнал, что баварцы охотно выставят ратников в обмен на цветной металл, зерно и лес. Автомобилей и станков у немцев и у самих хватало. Переговоры шли успешно, и цели похода не вызывали на Шпрее недовольства, однако подписание соглашений постоянно откладывалось. В русском Генштабе уже пошли разговоры о пересмотре всей концепции наступления, как вдруг Бавария и Пруссия помирились. Они не только помирились, но выдвинули русским встречный секретный план.

Германия присоединяется к коалиции, но не на условиях найма. Германия одна выставит сорок тысяч солдат, пушки и минометы, но впоследствии будет претендовать на равный раздел добычи. Кроме того, Германию интересует полный политический контроль над Пиренейским полуостровом, Апенниннами и всей акваторией Средиземного моря. Все, что находилось восточнее, немцев не интересовало. Бургомистр Мюнхена прислал красивый документ, написанный готическим шрифтом, с орлами и печатями, в котором грядущая кампания прямо именовалась «крестовым походом во спасение духа Господа нашего и завоеваний цивилизации». На первой странице воздавалось должное доблести славянского оружия и личным качествам президента Кузнеца, остальные шесть листов представляли собой набросок пакта.

Несколько вразрез со скромными планами русских.

От некоторых заявлений захватывало дух, и поначалу Коваль не понимал, как можно делить ту же Италию, где неизвестно еще, смогут ли нормально жить люди. Последние данные разведки были удручающими. Судя по всему, южнее Рима «накрылась» атомная электростанция или дал течь один из американских атомоходов, дрейфовавших в зоне видимости бывших итальянских курортов. Во всяком случае, запах отравы почуяли даже поморские Качальщики...

В отношении Франции немцы проявляли завидное благоразумие. Они не собирались штурмовать Пыльную стену и Ползущие горы. Они планировали обойти наиболее опасные места по замечательным швейцарским автострадам и наладить правильную власть в Париже.

Хотя парижане их об этом не просили.

Германцев просили совсем о другом — захватить Венецию и Рим, по возможности найти там союзников и быть готовыми переплыть Адриа-

тику. Обеспечить ударный кулак на севере Югославии. Отвлечь силы противника от наступления на восток.

Относительно востока. Бургомистр в самых вежливых выражениях указывал русскому президенту, что никто толком не знает, что творится южнее и восточнее Вены. Может быть, все население угнали в рабство. А может быть, эти полудикие народы с Балкан передрались между собой. А может быть, они добровольно приняли Полумесяц и встретят освободителей градом отравленных стрел...

Короче, русским предлагалось самим разбираться со своими дальними родственниками.

А потом Артур поболтал с пивоварами, и все стало на свои места. Новоявленного президента просто проверяли на прочность. Если Кузнец ответил бы тевтонам, что аннексии не входят в планы Петербурга, то президента считали бы тряпкой и несерьезным союзником.

Президент ответил бургомистрам «да» по всем пунктам, чем изрядно удивил Военный Совет. Генералы были поражены.

Четвертого ноября инженеры отпрапортовали о досрочном восстановлении последнего участка пути, разрушенного во время московской катастрофы. Первый паровик прошел из Архангельска в Киев и притащил за собой двенадцать вагонов с солдатами. Вслед за ним пришли еще три паровика, снятые с других направлений. На платформах под усиленной охраной везли зачехленные пушки и минометы. Спустя неделю прибыл митрополит и лично благословил Седьмую поморскую дивизию.

Командующий союзным флотом, норвежский адмирал Йохансон отбил по телеграфу, что эскадра готова отплыть в сторону Гданьска. В Риге моряки взяли на борт полк латышских десантников. Четыре тысячи литовских стрелков грузились в телеги до Минска, собираясь там пересечь на паровики и присоединиться к русским.

Такого пассажира со стороны Сейма Коваль не ожидал. Видимо, сработала тайная агитация, обещанная немецкими пивоварами.

Урожай был собран, обозы забиты зерном и копченым мясом. Все приготовления закончены. Со дня на день в Тамбовской ставке ожидался караван с патронами из Вологодских армейских складов. В предвестии зимы генералы все чаще шептались о странной нерешительности, столь несвойственной президенту. Все чаще поговаривали о том, что наступление будет отложено до весны. С северных строев на Днестр и Волгу были переброшены тысячи рабочих. Инженеры возводили по древним учебникам уже третью линию обороны, а команды к наступлению все не было.

Коваль ждал.

Только три человека в окружении президента ничему не удивлялись. Трое самых близких людей: жена, книжник Лева Свирский и потомственный колдун Христофор. Только они знали, почему президент медлит.

Коваль ждал летуна от Бердера. В то утро, когда измотанная летучая мышь опустилась на окошко броневика, пошел снег. Первые несмелые снежинки опускались на холки лошадей, забирались в палатки и падали за шиворот часовым. Зима неумолимо вступала в свои права, и природе было наплевать на чьи-то военные планы.

Артур поставил перед летуном полную тарелку парного мяса. Пока мышь насыщалась, президент натянул сапоги, побрился и собрал рюкзак. Затем расстегнул на шее осоловевшей мыши ремешок и извлек из потайного кармашка гильзу с запиской. Прочитав послание, президент свистнул ординарца и вручил ему три запечатанных пакета. Не торопясь, выпил кружку чая и почистил зубы.

На вышке ударили в гонг, раздались свистки и отрывистые команды офицеров. За несколько секунд ставка пришла в движение. Словно круги от упавшего в воду камня, от броневика командующего начали разбегаться потоки энергии. Эти колебания нарастали, спотыкались друг о друга, выравнивались, в свою очередь приводя в трепет все новые участки спокойной утренней глади.

Прикрыв глаза, Коваль внимал суете и впервые за много лет признавался себе, что боится. То есть он и раньше множество раз трясся от страха. По сути дела, Коваль наперечет мог припомнить редкие минуты, когда чудовищное напряжение ослабевало. Первые недели в новом мире он вздрагивал от каждого шороха, затем постоянное ожидание смерти притупилось. В деревне Качальщиков он приучился рассматривать собственную гибель как рядовой эпизод в череде смертей и рождений. Привыкнуть к такой постановке вопроса было совсем не просто, но, пока не родился сын, Коваль не знал, что значит бояться за других.

Оказалось, что бояться за близких гораздо тяжелее, чем за собственную шкуру.

А потом наступил очередной перелом. Вместе с властью Артур получил громадную ответственность. Ужас совершить ошибку, опасения за сотни и тысячи чужих жизней заставили его загнать личные кошмары поглубже.

Этим ноябрьским утром президента трясло от страха. Только что он обрубил швартовы. Оставался, правда, еще один, самый крепкий канат — последний пакет, который надлежало вручить Руслану Абашидзе. В пакете находился приказ о передаче полномочий на время отсутствия президента и скрупулезные указания на ближайшие тридцать дней. Уже били копытами кони вестовых офицеров, уже строилась караульная рота и сворачивали палатки штабные клерки, но войну еще можно было остановить. Можно было сделать вид, что ничего не происходит, отгородиться дворянской опричниной и благополучно доживать свой век в сытости.

Он поймал себя на том, что ищет, к чему бы придраться. Если бы вчерашние деревенщины замешкались, если бы дали ему малейший повод усомниться в боеготовности, которую он сам поднимал столько лет...

Но, как назло, все шло четко и по плану. Старик Суворов был чертовски прав. Даже кони взбрыкивали от радостного возбуждения в предвкушении галопа.

— Майор! — Коваль выглянул в окно. — Дежурный полувзвод — в седло! Доставить пакет генералу и посыльных на квартиры к штабным офицерам. Пароль — «Крест и Отечество»...

Месяца должно было хватить. Артур еще раз прочитал мятую записку и швырнул ее в огонь. Там стояло всего три слова.

«Храм ждет послушника».

7

НАСЛЕДНИКИ ГОМИНЬДАНА

До Рязани президента домчал правительственный бронепоезд. Не доезжая до вокзала, машинист затормозил, а начальник стражи послал людей за лошадьми. Не успел Артур отмыться от паровозной копоти, как из гарнизона прискакал отряд сопровождения. Большинство местных драгун никогда не видели президента живьем. Они не столько охраняли, сколько пялились на хозяина страны, который, по слухам, родился сто пятьдесят лет назад в семье подземных чародеев...

Двое суток Коваль гнал без отдыха до лесной заимки, где Бердер оставил драконику. После пришлось совершить еще четыре посадки, пока штурманом не подсел молодой бурят, он же будущий переводчик. За оставшуюся дорогу плосколицый юноша не произнес и пяти слов, и Коваль засомневался, знает ли парнишка хотя бы свой родной язык. Последнюю ночь путники провели, кутаясь в меха, посреди глухой тайги, там же скормили змею последнего барана. Бурят подстрелил из лука двух куропок, а Коваль до отвала наелся мороженых ягод. А ранним утром взору открылась потрясающая картина.

Над Байкалом всходило ослепительно яркое солнце. По волнующейся ряби глади скользила тень Катуники; драконику ровно махала крыльями, поднималась все выше, но Артуру по-прежнему казалось, что поверхность воды находится в нескольких метрах. Над водой кружили стаи птиц, далеко на севере поднимались дымки костров, у берега раскачивались рыбацкие лодки. От чистейшего воздуха и необъятной шири

кружилась голова. В который раз, попадая под власть таежного великолепия, Артур задавался вопросом, почему же людям не хватает земли для мирного соседства...

Потом бурят тронул президента за плечо и велел снизиться над устьем реки. С бешеной скоростью змей миновал железнодорожный мост, пронесся над десятком завалившихся высоковольтных опор и сделал круг над стойбищем. По раскорчеванному участку тайги между деревянными домиками носились собаки и смешные черноволосые дети. Но Коваль не обращал внимания на людей. Во все глаза он смотрел на крылатых, привязанных под обрывом. Вытянув шею, встречал подругу отливающий золотом Катун. Там была еще одна самка, помельче, со светло-зеленой чешуей. Наверное, это прилетели Бердер и кто-то еще из уральского клана. А вот третий ящер заставил сердце забиться чаще.

Это было оно. То самое, ради чего президент бросил армию и столицу.

Артур уже слышал, что, по согласованию с китайцами, восточнее и южнее Байкала русские не имели права использовать змеев. В свою очередь, китайские Хранители, монахи Храма Девяти Сердец, обязались не выпускать в воздух своих крылатых подопечных западнее Иркутска. И территориальные притязания не имели к запрету ни малейшего отношения. Должно было пройти еще несколько тысяч лет, прежде чем китайцам и русским снова станет тесно в древних границах. Проблема заключалась в скверном характере Красных драконов. Они не терпели в небе никого, кроме себе подобных. Выражаясь жаргоном забытых времен, продуктам Храма начисто «сносило крышу»; даже монахи не справлялись с порождением собственной магии.

Коваль несколько раз пропускал мимо ушей фразы учителя относительно магической природы некоторых существ и летучих китайских змеев в частности. Как ни старались его убедить в обратном, за двенадцать лет «новой эры» Проснувшийся так и не встретил намека на волшебство. «Волшебство» продуцировали либо искусные травники, либо химия, либо мутанты, наделенные самыми разными способностями. Но никаких полетов на помеле, скатертей-самобранок и джиннов из бутылки...

Артур никогда не видел Красного дракона так близко. Вдоль берега реки из воды поднимались бетонные сваи. На них когда-то покоился грузовой причал, и сохранилась даже кирпичная стенка склада, но платформа давно обрушилась в воду. Катун был привязан короткой цепью к одной из свай, а его китайский собрат — сразу к трем сваям, метров на сорок выше по течению. Заклятых врагов разделяли три поваленные вековые сосны и вбитые в гальку просмоленные колья. Катун подозрительно спокойно дремал в своем загоне, а его зеленая подружка лениво обглаживала тушу косули. Как потом выяснил Артур, всем

крылатым скормили двойную дозу успокаивающего зелья, чтобы они смогли выдержать присутствие друг друга.

Красное чудовище отличалось от своих соседей гораздо сильнее, чем русский отличается от китайца. Больше всего тварь походила на колоссальную пиявку или жирного угря, обретшего крылья. Президента внезапно обожгло острое воспоминание, из самых глубин детства. Еще светились в квартирах голубые экраны и шли передачи вроде «Клуба кинопутешествий». Круглолицый улыбчивый мужчина с бархатным голосом комментировал всенародный праздник на одной из площадей в Таиланде. Десятки молодых людей в расшитых золотом старинных костюмах несли на шестах бумажное туловище Красного змея. Змей обладал страшной зубастой пастью и круглыми бешеными глазами. Вдоль непрерывно струящегося, изгибающегося, как ручеек, туловища и вокруг головы болталась тряпичная бахрома. У змея была непропорционально большая голова, окруженная бородой.

Теперь Ковалю встретился живой прототип для нового витка фольклора. «Или наоборот, — поправил он себя. — Если Бердер так убежден, что этих милых зверушек породили не Вечные пожарища, а магия, то может статься, что чародеи начитались сказок. А ведь и впрямь неясно, как эта тварюга летает...»

Мохнатые бока летучего червя ходили ходуном. Оценить его длину от морды до хвоста не представлялось возможным: червь непрерывно двигался, то собираясь кольцами, то сгибаясь в немыслимые фигуры. В самом толстом месте диаметр туловища превышал метр; две пары крыльев, сложенных гармошкой, были притянуты к корпусу веревками. В сторонке на камнях стоял узкий портшез багровых тонов. Те, кто прилетел взглянуть на кандидата в послушники, ценили комфорт...

Больше всего Артура поразил способ, которым китайцы удерживали монстра на земле. Его задняя часть истончалась и походила на огромное складчатое весло или на раздвоенный хвост бобра. В самом центре «весла» была пробита дыра, через которую проходила цепь, натиравшая на коже змея кровавые мозоли. А под лохмотьями грязной «бороды» Коваль разглядел жаберные щели...

«Итак, косоглазые братья неизвестно как, ученостью или колдовством, но породили универсальное средство передвижения. Всепогодный штурмовик, мать твою, как они только с ним справляются! Создали нечто невероятное, и не зря они боятся выпускать своих пиявок на западе...»

В ту секунду, когда Катуника коснулась передними лапами береговой гальки, Красный дракон приподнял бородатую башку, встретился с Ковалем глазами и завыл, как пароходная сирена. Катун вздрогнул и шархнулся в сторону, насколько позволяла цепь. Этот самец никогда не был труслив; да и Прохор Второй отбраковывал несмелых рептилий на самом раннем этапе развития.

Катун услышал в базе соседа настолько запредельную ярость, что едва не задушил себя цепью. Красный дьявол рванулся, берег под ногами задрожал от ударов, точно по гальке катились бревна. Канаты, удерживающие голову змея, натянулись до предела; казалось, что сейчас вырвутся из земли многометровые бетонные опоры.

Человек и гигантский червяк смотрели друг на друга.

Артур чувствовал, как непроизвольно сжимается желудок. Он был потрясен. До сих пор клинок Качальщиков не встречал зверя, который бы так легко выдерживал человеческий взгляд. Бывали, конечно, твари, сатаневшие от взгляда человека; их не стоило злить и подходить близко. Например, тот же тигр Лапочка. Но, даже сатанея, никакой зверь не в состоянии долго выдержать состязание с самым никудышным Хранителем.

Этот зверь смотрел в зрачки Артуру ровно, не отклоняясь и не выказывая робости. Он не противился тому, чтобы его изучали, но и сам, в свою очередь, изучал человека. Он не запирал свой внутренний мир и оказался на поверку не более развитым, чем лысый пес, но гораздо умнее соплеменников Катуники.

Это был очень странный разум. Напрочь лишенный инстинкта самосохранения. Неподвластный голоду, нисколько не любопытный. Не стремящийся ни к стаду, ни к близости с хозяином. Его можно подчинить, но приручить и подружиться — невозможно. Коваль уже видел, что, подчинив эту тварь, придется все время оставаться начеку и ни на миг не поворачиваться к ней спиной. Он не раз и не два встречал созданий, не поддающихся дрессуре. Они были либо слишком тупыми, либо ненормально злобными от рождения.

С этим образчиком фауны дело обстояло совсем иначе. Артур попытался вообразить себе червя в естественных условиях, предоставленного самому себе, и не сумел. Та же Катуника вполне могла прокормиться в лесу, нападая на дикие стада или, в крайнем случае, воруя скот. Но она никогда бы не бросилась первая на человека и уж тем более не попыталась бы напасть на город. Даже сто таких Катуник можно легко заманить в ловушки или перестрелять в воздухе.

Наверняка так и поступили предки-славяне с вымирающим племенем Змеев Горынычей. Ловили на живца, накидывали сети и забивали палками. Вот и не осталось ничего от прекрасных ящеров, кроме сказок, пока не прокатилась Большая смерть и не очистила место под солнцем...

Красного дракона слепили из иного теста. Коваль искал и не мог найти причину мерзкого страха. Взглянув в налитые кровью зрачки червя, он ухватил краешек очень важной отгадки, которая могла бы изменить его решение. Но что-то помешало этой отгадке оформиться в цельную мысль.

«Учитель называл храмовых животных детьми снов. Дети снов... то, что привиделось после курения опиума или другой дури. То, что приви-

делось, а затем обрело плоть и кровь. И уничтожить их нельзя, пока монахи будут курить и жрать свои волшебные травки...»

Артур ощутил укол суеверного ужаса. Он сказал себе, что это нормально. Как бы цивилизованный человек ни убеждал себя в нереальности потустороннего, извечный страх никогда не преодолеть. Он лезет из всех пор, стоит скрипнуть кладбищенским воротам или прийти банальному полнолунию. Президент Кузнец хорошо сознавал причину собственного страха. Он первым включился в войну, послал тысячи людей на смерть, а теперь собирается поставить на карту собственную жизнь, во имя обладания оружием, с которым почти нереально справиться.

Двое молодых меднолицых Качальщиков из бурятов ловко продели цепь в кольцо на ошейнике Катуники, притянули ее к земле и насыпали в корыто корма. Толмач выпрыгнул из седла и указал Артуру на большую палатку в центре поселения. Из дыры в крыше тонкой струйкой поднимался дым. Внутри ароматы сандала, мяты и розовых лепестков перешибали вонь стойбища. Внутри курили трубки и смеялись. Там не было ничего страшного, президент чувствовал лишь дружеское участие и легкую эйфорию от наркотика и алкоголя.

Но Коваль не спешил заходить. Он поднялся на откос. За палаткой, или хрен его знает, как назывался этот шатер, жевали сено мохноногие низенькие лошадки. Шесть лошадок, под уздой, оседланные, недавно покрывшие большое расстояние. Китайские братья приехали верхом, а дракона пригнали нарочно, вопреки собственным решениям о конспирации.

Дракона пригнали нарочно, чтобы его напугать...

Артур распахнул полог палатки. Слева, с краю, сидели Прохор Второй и Бердер, но не в привычных белых рубашках, а в темно-синих шерстяных рясах и деревянных сандалиях. На левой щеке у обоих Качальщиков синей краской был намалеван одинаковый замысловатый иероглиф. По центру на подушках с пиалой в руке раскачивался и хихикал очень худой китаец. В его высокой седой прическе торчало несколько деревянных шпилек, а желтые морщинистые щеки походили на книжную страницу. Только ряда иероглифов не касалась кисточка; это была татуировка, чертовски сложная. Справа от ухмыляющегося старикашки покатывались еще две такие же мумии, только несколько помоложе и потолще. Оба кругленьких рядились в синие балахоны, а центральной, несомненно, принадлежал к знати или был большим модником, потому что носил красный, в желтых звездах, кафтан и высокую меховую шапку. С краев шапки свешивались колокольчики.

Завидев гостя, азиаты разом оборвали смех. Только теперь Коваль заметил маленького переводчика. Тот сидел на пятках у самой двери и очень быстро говорил, то по-русски, то по-китайски. Коваль остался стоять. Бердер проинструктировал бегло и не упоминал о деталях.

Может статься, это также входило в начальный этап проверки. Незнание этикета должно было запутать кандидата.

— Назови себя и скажи, что ты здесь ищешь!

Говорил бровастый толстяк. Тощий дед ухмыльнулся беззубым ртом и опрокинул в себя очередную порцию спиртного.

— Я мирный человек и хочу стать послушником.

Бердер впервые упомянул о китайском Храме очень давно, когда младший научный сотрудник института крионики учился отбиваться от собак и спать на дереве. Нельзя называть Храм полным именем, нельзя называть свое имя, пока не стал послушником и не получил имя тайное, нельзя упоминать о Храме вне его стен, даже если встретишь кого-то из монахов в миру.

Ничего нельзя, если хочешь вступить в Орден.

— Ты знаешь, зачем хочешь стать послушником, мирный человек?

— Знаю.

— Это неплохо. Ты хочешь вступить в Храм, чтобы научиться магии? «Говорить правду, только правду...»

— Нет...

— Ты надеешься вступить в Орден, чтобы обрести богатство?

— Нет.

— Ты жаждешь славы и почестей? Ты хочешь остаться в памяти народа?

«Вот наказание! Как бы не запутаться...»

— Нет.

— Ты хочешь приворожить женщину?

— Нет.

Китайцы переглянулись. Старик с важным видом протянул Бердеру раскуренную трубку. Второй толстяк развернул бамбуковый свиток и окунул перо в чернильницу. В очаге потрескивали угольки и шипели трубочки сандалового дерева.

— Ты хочешь достичь высокой степени благочестия и просветления?

— Нет, я хочу остаться мирским послушником.

— Знаешь ли ты, что мир не укроет тебя, когда ты понадобишься Храму?

— Да, я готов к этому.

— Так зачем ты стремишься в послушники, мирный человек? Нам не нужны лишние люди.

— Во имя спра... Во имя равновесия! — тут же поправился Артур, заметив, как дрогнула бровь Бердера. — Мне нужна власть над детьми ваших снов, чтобы не дать нарушиться равновесию!

— Чтобы обрести власть над детьми снов, надо обрести власть над Девятью Сердцами.

— Я прошу разрешения попробовать.

Ковалю пришло в голову, что переводчик мог нести полную отсебятину, и проверить его невозможно. У Бердера и Прохора был совершенно отсутствующий вид, словно их ничего не касалось.

— Мужчина, который обрел власть над девятью сердцами, становится послушником. Кто не сумеет подчинить их себе — погибнет. Для тебя власть важнее жизни, мирный человек?

— Равновесие нарушено, господин. На западе зреет опасность для мира. Мир важнее моей жизни, господин.

— Не говори «господин»! Когда отвечаешь — смотри в глаза Председателю и кланяйся!

Артур на всякий случай поклонился всем трим. Дед в шапке растянул в ухмылке щербатый рот и что-то быстро сказал толмачу.

— Председатель комитета Гоминьдана, почтенный Ло Цзясу предлагает тебе отведать чаю. Можешь снять обувь и присесть рядом со мной.

«Главное — не улыбнуться, не навредить переговорам. Пусть играют в любые игры, лишь бы меня восприняли серьезно...»

— Я польщен таким предложением, — Артур опустил на колени, принял дымящуюся пиалу. На поверхности чая плавали лепестки и травинки. — Я не знал, что почтенный Председатель входит в число монахов Храма...

Насколько помнил Артур, доблестные революционеры возрожденного Гоминьдана не контролировали даже четверти китайской территории, но на севере они были полновластными хозяевами. Президент России никак не мог ожидать, что политический деятель окажется одним из адептов колдовской секты. И крайне знаменательным было то, что старец представился своим мирским именем и должностью. Вне стен ордена никому не дано вслух называть тайные клички и звания. Судя по всему, Председатель занимал высокую ступень в монашеской иерархии.

— Многие почтенные граждане приносят молитвы в Храме, — дипломатично ответил Ло Цзясу и раскурил следующую трубку. — Когда Премьер Госсовета и Председатель Военного министерства узнали, кто пожелал стать послушником, они также выразили готовность прибыть сюда для беседы. К сожалению, их задержали важные государственные дела...

Артур краем уха слышал от Качальщиков о кровавых беспорядках в центральных провинциях Поднебесной и о непрекращающейся резне в бывшей Внутренней Монголии. Там все выступали против всех, и прекратить вендетту не могли уже в течение трех поколений. Страна распалась на дюжину удельных княжеств. В равнинной части бок о бок правили мандарины, наследники Мао и откровенные уголовники. На крайнем юге масть держали последователи Конфуция; там обстановка была сытной и менее криминальной, что являлось дополнительным источником для за-

висти северян. Гораздо лучше дело обстояло на Тибете, где после серии переворотов и интриг родился новый лама. Воевать в горах и без того не просто, а тут еще монахи объединились и не желали признавать никаких светских правителей. Что касается восточного побережья, то, по словам Прохора Второго, от старой корейской границы до Тайваня много лет бушевал сплошной Звонящий узел. Периодически Хранителям удавалось усмирить стихию, но спустя пару лет Метки вырывались из-под контроля. Видимо, их подпитывали сгинувшие промышленные районы Шанхая или зараза на дне Желтого моря. Так или иначе, на берег кидались десятиметровые цунами, за одну ночь прямо сквозь деревни прорастал ядовитый бамбук, а из тихих колодцев вдруг начинала фонтанировать вулканическая лава. Так что, у министра обороны и вправду было дел по горло...

— Почтенный Председатель выражает благодарность. Его осведомили об опасности Желтого болота. Премьер Госсовета, почтенный Тянь Пэй также осведомлен и непременно направит экспедицию для проверки сведений. Премьер выражает надежду принять президента России у себя во дворце с подобающими почестями.

«Бюрократы хреновы, — выругался про себя Коваль, наблюдая, как толстый чиновник с важным видом покрывает листок иероглифами. — Вот оно, слияние ветвей власти. У нас Качальщиков до сих пор боятся и ненавидят, а у них политики решают, куда и как отправлять экспедиции колдунов. Люди с младенчества растут в атмосфере чародейства. Они уже не отличают, где реальность, а где последствия заклинаний и проклятий. Шаг ступить боятся без одобрения братии. Это нечто новенькое — партийно-чернокнижный блок...»

А вслух сказал:

— Мое восхищение и признательность почтенному Председателю комитета Гоминьдана не знают границ. Если бы я только мог догадываться о чести, которой меня удостоит мудрый Ло Цзясу, я бы непременно прислал впереди себя посольство и выказал бы истинные знаки почтения, положенные для столь ответственного случая.

«Уфф-ф, макака обкурившаяся! Шагу без своры охранников не сделает, а прикидывается любимым отцом нации! Перед кем спину гнуть приходится, позорище...»

— Почтенный Председатель Ло Цзясу выражает обеспокоенность тем, что высокий гость погибнет, не пройдя храмовых испытаний. Председателю будет крайне неловко докладывать на совещании Госсовета, что он не смог отговорить президента России от столь опрометчивого шага. Председатель покорно просит извинения, но смеет надеяться, что мирный человек обдумает свое решение. Почтенный Ло Цзясу слышан о мудрой политике северного соседа и будет крайне огорчен, если по его вине произойдет непоправимое...

Коваль покосился на Бердера. Тот чрезвычайно увлеченно разглядывал что-то на дне пиалы. Прохор Второй с неменьшим усердием изучал узор на потолке.

«Удружили боевые товарищи, ничего не скажешь! — скрипнул зубами президент. — Как же надо было постараться, чтобы это чудо желтокожее до такой степени запугать? Небось намекнули, что заразят Китай сибирской язвой, если с их Клинком что-нибудь случится...»

Артур повернулся к толмачу.

— Спроси у Председателя, есть ли другой путь обрести власть над детьми ваших снов? Например, Хранитель Бердер тоже когда-то прошел обряд послушания. Может, он мог бы меня обучить?

Все три китайца разом замахали руками.

— Это невозможно! Непосвященный не удержит детей чужих снов! Такими вещами не делятся!

Прохор Второй поставил свою пиалу на циновку. Видимо, этот жест означал поднятую руку, потому что жилистый старикан в красном повернулся к нему.

— Почтенным братьям не следует забывать, что этот мирный человек четыре года провел в лесной хижине и честно добился звания Клинка.

— Это вызывает уважение, — важно кивнул монах. — Однако никому не позволено выйти живым из Храма и вынести чужие сны.

— Тогда я вновь прошу об испытании, — повторил Артур.

— Скажи нам, мирный человек, — подал голос второй толстяк, доселе не произносивший ни слова. — Ты умеешь управлять своими снами?

В палатке стало очень тихо. Потрескивали угольки под бронзовым примусом, снаружи хрустели соломой лошади, вдалеке стучали топоры. Коваль задумался. Возможно, ему только что задали самый важный вопрос.

— Мне кажется, что никто не может управлять сновидениями, почтенный монах.

— Ты прав, мирный человек. Ты слышал о том, что у каждого послушника Храма есть четыре молодых наставника?

— Да, братья упоминали об этом...

— А у каждого из молодых есть четыре старших наставника. У каждого из старших либо тоже есть наставники, либо живы братья-поручители...

«Круговая порука, — хмыкнул Коваль. — Ясно, куда этот крендель клонит. Мол, на том свете найдем и в цемент закатаем, если что...»

— Послушник знает в лицо лишь двоих наставников. Еще двое остаются тайными, и увидеть их дано лишь в двух случаях. Либо когда послушник становится главой Ордена, либо если он нарушит Устав... — Монах сделал паузу, поймал взгляд Председателя. Тот движением век

разрешил подчиненному говорить дальше. Толстяк ловким движением закинул в рот сухарик и широко улыбнулся будущему монаху.

— Мы будем твоими молодыми наставниками, если ты покоришь Девять Сердец и останешься жив. Никто ведь не сказал, что почтенный Председатель принадлежит к братии, верно? — уловив взгляд Ковалья, хихикнул монах.

— Кажется, я вижу здесь только двоих молодых наставников, — поклонился Артур.

— Неплохо, мирный человек.

— И чувствую, что совсем не хочу знакомиться с двумя другими.

— Да спасет тебя божество, которому ты поклоняешься, от встречи с ними, — очень серьезно сказал монах.

8

ХРАМ ДЕВЯТИ СЕРДЕЦ

В синем хлопчатобумажном балахоне Коваль чувствовал себя голым и смешным. Волосяные веревки стягивали ткань на шее; ноги его обули в деревянные сандалии.

Он почти ничего не видел сквозь плотные шторы на окнах. Закрытая кибитка резво катилась по гальке, подпрыгивала на корнях деревьев и жидких мостках через ручьи. На третий день дорога ощутимо пошла в гору. Лесной пахучий воздух постепенно сменился свежим и холодным, исчезло цоканье копыт встречных всадников, не мычали быки, не доносились тонкие выкрики крестьянских детей в редких деревнях.

Коваль задействовал внутренний компас, стараясь хотя бы определить направление. Он был заперт снаружи, четверо сопровождающих скакали вплотную к дверям. Периодически возница просовывал в щель под облучком хлеб и пробковую флягу со свежей водой. Оправляться приходилось на ходу, в деревянное ведро. Только по ночам будущего послушника выпускали размять ноги и ополоснуть лицо. Молчаливые охранники в синих плащах бродили вокруг, выставив длинные пики. С холодом и тряской Артур справлялся легко, гораздо тяжелее было перенести жажду и непривычную еду. Казалось, что бесконечный вояж никогда не закончится.

На четвертый день они долго стояли под снежной крупой. Коваль чувствовал, каким разреженным стал воздух. Высота составляла уже не меньше двух с половиной тысяч метров. Когда за шторками начало тем-

нет, впереди раздался топот. Возница перекинулся с встречающими несколькими отрывистыми фразами, и все опять надолго стихло. Затем колеса дернулись и покатали, проваливаясь в глубокий снег. В эту ночь охранники не зажигали факелов, они спешили и подталкивали повозку на крутых подъемах. Дважды они отзывались на свист, и дважды сзади доносился скрип закрываемых ворот.

Артур понял, что провожатые нарочно выжидали, пока спустится мрак.

По его прикидкам было около трех ночи, когда экипаж одолел последний тридцатиградусный подъем, и обитые железом колеса загрохотали по камням. Артур смежил веки и осмотрелся внутренним зрением. Еще до того, как открылась дверца, он заметил, что находится в удивительном месте. Здесь пахло мокрой древесной корой, кислым металлом и сладкими благовониями. Сюда доносилась свежесть от нetaющего горного снега и глубоких незамерзающих озер. К созданию Храма приложили руку несколько поколений строителей, совершенно не знакомых друг с другом и с первоначальными чертежами. Артур не мог объяснить своего странного ощущения. Храм походил на кусок пластилина, из которого каждый мастер лепил что-то свое. Или на переживший несколько перепланировок старый доходный дом. В нем успел застрелиться граф, затем квартировали разночинцы, затем из приемных нарезал соты пролетариат, и, в конце концов, под пляски цыган пьянствовали новые русские людишки. Каждый принес что-то свое и выпустил это свое в извилистые лабиринты...

Коваль чуял металл, первоклассные сплавы и механизмы, уснувшие в недрах горной гряды. Одновременно тут присутствовало нечто потустороннее, отголосок неясной пока опасности. Это не была Слабая метка; похожие чувства он испытывал, приближаясь к гнезду Озерных колдунов. Слабая метка несет в себе сказочный привкус, она всегда непостижима и пульсирует, как гнойный нарыв на теле земли. Но Метка — явление того же плана, что смерч или сход ледника. Она возникает там, где мать-земля устала от грязи людишек...

А здесь сквозь толщу горы пробивались очень странные вибрации. Волшебство. Бердер об этом предупреждал. Настоящее волшебство, от которого встают дыбом волосы и начинается икота. Чародейство, которого не бывает просто потому, что такого не может быть никогда.

Под сандалиями будущего послушника скользили облизанные ветрами гранитные плиты, но метром глубже дышала сыростью пустота. Пещера простиралась под землей во все стороны, словно Артур оказался на верхушке исполинского термитника. Доносились мозговые излучения нескольких десятков человек; все они, похоже, спали, кроме тех, кто ждал ночного гостя. Артур напрягся изо всех сил, пытаясь обнару-

жить в людях враждебность. В бодрствующих он не нащупал ничего плохого, кроме легкого раздражения. Однако, переместившись глубже, столкнулся с неприкрытой злобой. Кто-то здесь его заранее ненавидел.

Но ведь для того, чтобы испытывать ненависть, совсем не обязательно родиться человеком...

Во мраке возник лучик света. Приоткрылась узкая дверца в массивной створке ворот, оттуда помахали рукой. Коваль обнаружил себя стоящим посреди круглого двора, обнесенного невысокой каменной кладкой. Кибитка уехала. За парапетом с трех сторон зияла пропасть. Он остался совсем один, лязгающий зубами и промокший до нитки.

Массивные двери открылись прямо в толще горы. Артуру никто не предложил вытереться или погреться у очага. Вместо этого узкоглазый дядька с козлиной бородой жестами повелел снять всю одежду, кроме кожаных шортов, а также обувь и идти за ним. Сам монах оставался в толстой шерстяной накидке, войлочных чунях и держал в руке красивый масляный фонарик. Когда свет от лампы мазнул по его лицу, Артур заметил несколько сложных шрамов под глазами и синюю повязку поперек лба. Ни слова не говоря, привратник начал спуск по узкой лесенке, выдолбленной в скале. Не прошло и минуты, как Артура пробрал дикий холод. На сводчатых стенах поблескивал иней, пятки примерзали к полу.

Спустившись метров на двадцать в глубину, дядька откинул холщовую занавеску и пошел, согнувшись, внутри гулко звучащей стальной трубы. За следующей занавеской он оставил Коваль одного, посреди полутемной залы, похожей на танцплощадку или цирковую арену. Следуя старой бойцовой привычке, Артур отступил спиной к стенке, выравнивая дыхание и прислушался. Теперь он ощущал себя внутри огромной головки сыра. Это была гора, но гора почти пустая внутри и напичканная металлом. То, что он принял за танцплощадку, оказалось крышкой колоссального раздвижного люка. Сверху тянуло сквозняком через неплотно закрытые створки еще одного люка, и кисло пахли скрытые в стенах механизмы. Моторы давно умерли, электричество не поступало, отрезок вертикальной шахты освещался только пламенем факелов.

«Чёрт подери, да, это пусковая шахта. Вон и направляющие, и сопла газоотводных каналов...»

— Подойди ближе, мирный человек!

Коваль узнал гнусавый голос бурята. Интересно, как толмач его опередил? Или прискакал вместе со всадниками эскорта?

Артур пошел вдоль стеночки, не решаясь наступать на рифленую поверхность люка. Бердер предупредил его, что монахи большие озорники, могут такую подлянку подстроить, типа капкана или волчьей ямы! На противоположной стороне шахты за узкой открытой дверцей начался шаткий навесной мостик. Мостик болтался над двадцатиметро-

вой пропастью. Внизу на ржавых рельсах стоял самый настоящий поезд, только уменьшенный раза в два. Открытые платформы чередовались с аккуратными цистернами, а место локомотива занимала ручная дрезина. С обеих сторон состав терялся во мраке под полукруглыми арками тоннелей. Слева и справа от себя Коваль заметил еще несколько хрупких мостков, подвешенных над железной дорогой. Все эти сходни упирались в широкий балкон. С балкона свешивалась стеклянная будка диспетчерской. Сохранились не только стекла, но и пульт с телефонами, и даже плакаты с картинками на тему неотложной помощи. За будкой пространство балкона занимали вертикальные консоли с разбитыми в хлам мониторами. В зарослях паутины змеилась обгоревшая проводка и скалились пасти трансформаторных шкафов. Посреди этого великолепия горел костер. По потолку между рядами разбитых прожекторов плясали кривые тени.

Перед тем как подойти и представиться, Артур еще раз глянул вниз. Поезд застрял на свободном пространстве между двумя тоннелями. Напротив цистерн, на равном расстоянии, из стен торчали конусы с кранами и соединительными муфтами. Поверх заборных устройств возвышались жерла огнетушителей и тускло поблескивали ряды циферблатов.

«ДУН-1 или ДУН-2, учили на военной кафедре... Устаревшие ракеты жидкостного типа, закачка топлива шла несколько часов...»

— Хочешь вернуться домой, мирный человек? — Звуки будили дробное многократное эхо. Даже после того как бурят замолчал, где-то в невидимых коридорах продолжалось невнятное бормотание.

Подле костра на желтых подушках выпивало и закусывало изысканное общество общим числом в шесть персон. Бурята Коваль узнал по голосу, поскольку все монахи были в раскрашенных золотом масках, изображающих восточных свирепых божков. Скалились распахнутые рты, раздувались ноздри, к вискам убегали гневные щели глазниц. Бурят, как и привратник, кутался в темно-синее. Наверное, это был цвет местного плебейства. Еще один монашек, с длинными косами на спине и комплекцией двенадцатилетнего подростка, подливал алкоголь в глиняные кружки.

Двое мужчин постарше носили лишь длинные зеленые юбки. Выше пояса их задубевшие тела походили на рекламу татуажного салона. Иероглифы поднимались по бокам, вокруг шеи, убегали под маску. Когда обладатель зеленой юбки повернулся спиной, Ковалю открылось множество поперечных, едва заживших шрамов. Сначала он решил, что парня били плеткой, но позже заметил грубые стежки и несколько булав, залитых прозрачной смолой.

«Эти ненормальные сами себя калечат...»

У второго полугололого мужика спина была в норме, а вот с руками вышел полный конфуз. Он поднялся во весь рост, чтобы освободить Артуру

место на подушке, но кулаки остались лежать на полу. Одно плечо уродо было заметно выше другого, позвоночник торчал, как плавник, а руки от плеча до кисти сгибались в трех местах. С головой у «зеленого» тоже было не все в порядке. Маски всех монахов держались на кожаных ремешках, а у обладателя уникальных конечностей вместо ежика волос на затылке крепилась вторая деревянная рожица.

Артур сначала решил, что сосед отдает дань какому-то тайному обряду, пока не заметил, что изо рта задней маски течет слюна. Длиннорукий периодически обтирал ее тряпочкой или нежно закладывал в изогнутую прорезь кусочки разжеванных сухарей. Он постоянно жевал хлеб, затем сплевывал на ладонь разбухший мякиш и отдавал его своему второму рту. Коваль подумал, что со стороны соседа это большая любезность — оставаться в маске.

Сильное впечатление производили также «желтые» старички, те, что развалились на низких скамеечках, прикрывая спинами выход на лестницу. Артур узнал эту лестницу по рассказам Бердера — по ней предстояло начать путь послушника. Перед «желтыми» на круглом серебряном блюде грудой лежали овощи, на вертеле жарилась тушка некрупного животного. Из одежды на старейшинах сохранялись только массивные бусы и короткие грязные накидки. Юный послушник успевал подливать им в кружки самогон и поливал жаркое острым соусом.

— Тепла вам и доброй беседы, почтенные наставники! Я хотел бы найти проводника и подобрать посох по силам...

Мужик с располосованной спиной, не вставая, кинул в будущего послушника посохом. Артур ожидал, что поймает высохшую, никуда не годную палку, и чуть не сломал костяшки пальцев. Меньше всего он предполагал таскать с собой чугунный лом. Монахи заготовили, наблюдая, как он потирает ушибленный мизинец. Артур хотел сказать, что оценил шутку, но тут он пригляделся к лому повнимательнее, и острота повисла на языке. С одной стороны железяки имелось тяжелое утолщение, другой конец был сильно заострен. Полтора метра металла между этими крайними точками были покрыты шрамами, порезами и следами зубов.

Посоху изрядно досталось...

— Чем тебе не угодила палочка, мирный человек? С ней из Храма вышло немало послушников...

— Она мне очень нравится! — воодушевленно ответил Коваль, гадая, какая должна быть челюсть, чтобы зубами промять такой рельс. Потом он еще раз смерил глазами расстояние от себя до сидящего китайца. Тот метнул лом без замаха, нисколько не напрягаясь, продолжая хлебать бурду из чашки. Железяка пролетела метров шесть и вполне могла бы убить, попав в лоб...

— Или не по силам? — издевался «зеленый».

— В самый раз! — Коваль ощупал ряд глубоких пропилов на вороненой поверхности. Впечатление было такое, будто по ней с усилием водили алмазной фрезой.

— А бери, раз по силам. Только ни в коем случае из рук не выпускай! «Оп-ля, вот и первая зарубка на пути...»

— Раздели с нами трапезу, мирный человек!

Ему протянули деревянный шампур с дымящимся куском мяса. Артур машинально принял угощение, поднес ко рту и замер. Несколько секунд он боролся с собой под пристальными взглядами хозяев. Следовало откусить кусочек и запить рисовой водкой.

Президент Кузнец умел сдерживать брезгливость, но такого он увидеть не ожидал. Монах в желтом протягивал ему мясо, ухватив шампур пальцами ноги. Второй ногой он непринужденно придерживал кружку с теплой водкой. Вместо верхних конечностей у золотищца божка выросли лишь короткие культы, зато обе его ступни походили на гибкие обезьяньи кисти, покрытые мелкими волосками. Большой палец вытянулся раза в три длиннее обычного, а между мизинцем и безымянным монах ухитрился держать зажженную самокрутку. Желтые от табака ногти закручивались, как ястребиные коготки.

Артур принял угощение и впился зубами в мясо. И тут же пожалел, что забыл о советах учителя. Он едва не сломал зубы, наткнувшись на кость. Милейшие наставники предложили неопиту слегка прикрытый кожей запеченный крысиный череп. Впрочем, это могла быть не крыса, а совсем другой обитатель ракетных шахт, но, несомненно, грызун. Зубастая пасть такого же существа, крутящегося на вертеле, занимала не меньше четверти от длины тела. Борясь с желанием прополоскать рот, Коваль сплюнул и аккуратно отложил мясо на край очага.

Члены Ордена покатывались со смеху; визгливый хохот метался между стальными балками и улюлюканьем возвращался из тоннелей.

— Это лисица, мирный человек. Ты собрался покорить сердца Ляо, а пугаешься лисички? Ха-ха!

— Как же ты справишься с проводником?

— От мух ты тоже бегаешь? Ха-ха!

Артур скорчил вежливую улыбку.

— Я уже сыт, почтенный наставник.

— Тогда выпей с нами, мирный человек!

Прияель безрукого неожиданно пошевелился на скамеечке, и Коваль открылось его уродство. До этого момента второй «желтый» прятался в тени, а теперь, будто специально, наклонился к огню. Под маской колыхался огромный зоб, а накидку оттопыривали отвисшие женские груди невероятного размера. Человека с таким широким торсом Коваль еще не встречал. Шею и руки гермафродита покрывала седая шерсть.

Артур проследил, чтобы водки ему налили из общего кувшина, но все равно не удержался и сначала опустил в вонючую жидкость кончик языка. Кое-как ему удалось отправить отдающее сивухой пойло в желудок.

— Ты хочешь стать таким, как мы, мирный человек? — ласково спросил грудастый шкаф. — Тогда войди в ворота Храма!

Сосед скрипнул суставами и покормил хлебом свое второе лицо. Послышались чавканье и утробный звук отрыжки. Безрукий непринужденно затянулся самокруткой. Кряжистый мужик в зеленой юбке склонился над костром и потрогал языком шкворчащую лисью тушку. Его язык высунулся из дыры в маске на полметра в длину.

Во мраке за спиной Артура что-то быстро проползло по цементу. Он сжал зубы, стараясь не оборачиваться.

«Веселятся, сукины дети, развлекаются. Вот тебе и волшебство; на нюхались их мамочки ракетного топлива, нарожали красавцев! Там внизу не то что пасть на затылке, еще и похлеще кое-что может отрасти...»

— Спасибо за угощение, почтенные наставники. — Коваль поднялся и сделал шаг к лестнице.

— Следи, чтобы стук сердца не заглушал твой разум, — бросил во след безрукий. — Ляо услышит дрожь твоей кожи...

Коваль замер с приподнятой ногой. Наконец-то он услышал что-то действительно важное.

— Красота порой страшнее уродства, — добавил парень с полуметровым языком. — Минь услышит дрожь твоей души...

— Не всегда свет спасает от тьмы, — перевел бурят слова женоподобного монстра. — Чжан услышит дрожь твоих ног!

— Кто меняет проводника, тот рискует не дойти... — добавили из мрака.

«Где же чертов проводник? Кто из этих кошмаров пойдет со мной?..»

Монахи замолчали, никто его больше не задерживал. Коваль успел удивиться, что лестница ведет не вниз, а вверх. Когда сажился к костру, показалось, что было иначе. Над пролетом лестничной площадки красовались два рогатых черепа. Когда кандидат в послушники поднял голову, чтобы разглядеть их получше, вместо черепов он увидел две мохнатые медвежьи морды, сросшиеся затылками. Развесистые оленьи рога никуда не делись, но стали еще больше и спускались, как побеги вьюна, утыканные колючками. Левая медвежья голова высунула язык и заворчала, правая подмигнула Ковалю одним глазом.

«Что эти мерзавцы подсыпали в водку? Не стоило пить!..»

Он обернулся, желая напоследок показать монахам, что ничего не боится, но балкон опустел. В очаге дотлевали угли; исчезли не только люди, но и подушки, и посуда. Глумливо скалилась с вертела жареная лиса, металось по закоулкам пламя факелов. Мостки, по которым Ко-

валь пришел, оказались подняты. Перебраться через пропасть к внешней стенке ракетной шахты стало невозможно. Коваль осторожно приблизился к краю, на ходу расслабляя мускулы и включая режим охоты. Он так и не понял, в какую щель успели схорониться хозяева горы. Мало того, он даже не мог поймать шлейф от их недавнего присутствия.

«Шайка Сусаниных, чтоб им пусто было...»

Артур выдернул из гнезда самый яркий факел и прошелся среди громождений мертвого оборудования. Он нашел широкую дверь, за которой начинался проход, заваленный камнями. Видимо, там когда-то сработала мощная бомба. Он нашел доверху засыпанную обломками вертикальную кабельную шахту. За будкой диспетчера обнаружилась лесенка, спускающаяся вниз, к поезду, и обрывавшаяся через несколько метров. Когда Артур свесился, изучая остатки лестницы, что-то мелкое снова прошмыгнуло во мраке за спиной. Не опасность, но и не друг. Какая-то тварь, сама себе на уме, даже не уловить, как выглядит. Слишком быстро двигалась.

Обратный путь захлопнулся.

Провожатого не дали.

Пьяные уродцы каким-то неведомым образом успели перебежать пропасть, задраили за собой люк и подняли мостки. За пару секунд совершить подобный подвиг, да еще вшестером, было абсолютно нереально, но они это сделали. Артуру оставалось только одно — идти вперед. Он вернулся к арке, за которой начиналась лестница. Поднял факел, ожидая увидеть медвежью морду, но над притолокой опять ухмылялись желтые черепа, прибитые кривыми гвоздями.

Позади раздался шорох.

Президент оглянулся и успел заметить, как один за другим гаснут на стенах факелы. Светил только тот, что человек держал в руке. Мигом позже он убедился, что не факелы гаснут, а приближаются стены. С легким потрескиванием сдвигались массивные плиты, поглощая шкафы, приборные доски, диспетчерскую. Беззвучно захлопнулась расщелина, на дне которой стоял состав, затем стены впитали панель с рубильниками, остатки костра и подобрались вплотную, оттеснив человека на лестницу. Коваль ждал, выставив руку, пока его ладонь не напнулась на влажный камень.

Стена остановилась.

Остался только метровый пятак пространства перед лестницей, все остальное оказалось иллюзией. За слоем бетона он ощущал многометровую толщу скалы. И если начать раздумывать, как такое могло получиться, можно сойти с ума.

Путь назад был отрезан.

9

ХОЛОДНОЕ СЕРДЦЕ ЛЯО

Артур поднялся на один пролет. Дальше лестницу загораживали перекосенные металлические жалюзи. Под ними можно было пробраться, но, судя по слою пыли на полу, последние лет сорок никто этого не делал. Артур поднял факел повыше. В полумраке лестничной площадки зиял квадратный проход. Темный коридор наполовину перегораживала стальная плита, застрявшая на ржавых роликах. У двери сохранилось несколько пластмассовых табличек-указателей с надписями на китайском.

Ковалея не покидало чувство, что за ним следят сверху.

Когда-то потолок состоял из подвесных декоративных плит, но плиты давно были оторваны, и обнажилось нутро перекрытия. Оттуда свисали обломки трубопроводов и пучки проводов, густо покрытые лохмотьями паутины. Взрослый человек там спрятаться не смог бы, но какая-нибудь мелкая зверюга вроде летуна легко бы схоронилась.

Чтобы упасть сзади на шею.

Артур протиснулся в коридор и крадучись двинулся вперед, касаясь левым плечом лежащей на кронштейнах трубы. Под ногами кое-где шелестели остатки коврового покрытия, но чаще пятки ступали в цементное крошево. Артур представил, как полтора-два десятилетия назад здесь топтали кованые ботинки, рысью проносились боевые расчеты, визжали сирены и мелькали оранжевые маячки тревоги. После того как погибли военные, по лабиринтам подземной крепости прошли еще сотни и тысячи людей, превращая кафель, ковры и линолеум в серую пыль.

Через двадцать шесть шагов обозначилась первая развилка. Артур прислушался к своим ощущениям и свернул в левый, более узкий и захламленный проход. Следующая развилка его озадачила. Она оказалась вертикальной. Две железные лесенки разбегались вверх и вниз. Справа от лестницы зияло разбитое окно, валялись погнутый турникет и рамка металлоискателя. В свое время тут располагался один из внутренних постов досмотра. Артур подумал, что сейчас он движется по нисходящей, если ракетные шахты считать зоной для персонала с высшим допуском. По наитию президент выбрал нижний коридор и сделал на стене засечку ломом.

Впервые ему в голову пришла мысль о боеголовках. Он стал вспоминать все, что знал о китайской ракетной технике. Как выяснилось, в памяти осталось совсем немного. Вроде бы, ДУНЫ в свое время были самыми большими и самыми мощными; их начинали строить еще во времена правления товарища Брежнева, и все очень радовались, что ни одна из

этих дур так ни в кого и не попала. Невероятный по мощности заряд, колоссальная взлетная масса и архаичные методы предстартовой подготовки. Полковник на военной кафедре еще шутил, что пока китайцы закачивают топливо, мировая война благополучно завершится...

Это было давно, поправил себя Коваль, углубляясь в следующий поворот. В двадцать первом веке инженеры Поднебесной могли тех еще делов натворить...

Он наткнулся на засохший трупик лисицы. Или отъевшейся крысы. Непонятно чей, потому что зверька разрезали на несколько частей. Разрезали аккуратно, словно фанерку электролобзиком.

«Где эти чертовы боеголовки? Если нет одной ракеты, это не значит, что нет остальных. И куда смотрят их Качальщики? Неужто им наплевать на источник радиации?..»

Еще через сто шагов левая стена начала едва заметно вибрировать, и возник далекий шум воды. А потом под полом обнаружилась пустота. Внешне все выглядело отлично. Президент посветил факелом и не заметил ничего, кроме пыли и многочисленных следов — человеческих и не только. Однако отпечатки голых пяток и крысиных лап являлись бутафорией; Артур чувствовал, что достаточно пройти еще метр, и загремишь вниз. Он опустился на колени, прислонил лом к стене и поводил ладонями в сантиметре от пола, пока не убедился, что вдоль стены есть надежный проход. Как-то не хотелось отступать назад.

«Кто ищет, тот всегда найдет!..»

Незыблемым оставался узкий карниз вдоль стены, не больше ширины ступни, а дальше путника поджидала ловушка. Вместо бездонного колодца под тонким покрытием тянулся коридор, расположенный под углом к верхнему.

И в нижнем коридоре что-то двигалось.

Артур прижался к стенке и сделал маленький шаг, пробуя карниз на прочность. Пальцами ног он ощущал едва заметную дрожь; достаточно было легкого толчка, чтобы створки потайного люка распахнулись. Артур продвинулся на два метра, когда понял, что замаскированный провал не кончается. Он сам загнал себя в крайне невыгодное положение. Почти голый, одна рука занята факелом, другая — ломом, и ни малейшей возможности для маневра.

Стоило ему так подумать, как положение резко изменилось к худшему. Внизу появился кто-то живой. Скользнул и очень быстро исчез, но мимолетного прикосновения к чужой нервной системе для Артура оказалось достаточно. Обитатель нижнего яруса не имел ничего общего с приматами, а также с человеком, но он неплохо соображал, обладал крепкими мускулами и очень хорошим нюхом.

Он был здорово голоден.

Артур продолжал двигаться, царапая голую спину о торчащие крюки и неровности кладки. Более-менее ровная штукатурка кончилась, ее место заняли острые углы и наплывы застывшей замазки. Чтобы не напороться на торчащие крюки, приходилось идти, опасно нагнувшись вперед.

Внизу появился еще один движущийся объект.

Сначала Коваль решил, что это тот же самый, но скоро убедился, что ошибается. Живое существо не способно прожить в катакомбах и прокормиться в одиночку. Их стало двое, затем четверо. Они были голодны, но не стремились пожрать мяса. Похоже, они в принципе не питались мясом. Гораздо хуже другое — они были чертовски любопытны и могли своей возней заставить ловушку сработать.

Потому что они ползали внизу по потолку.

Каждое создание весило около пуда. Артур очень надеялся, что это летучие мыши или особый вид китайских горных обезьян. Он изо всех сил пытался выйти на контакт, и, наконец, ему это удалось. Контакт получился очень странным, вроде общения со стрекозой. Мозги соседей снизу воспринимали только самые простые команды и силовые импульсы, имитирующие электрический разряд. Между собой они общались без единого звука.

Человеческое ухо слышало шорохи, легкое постукивание и скрип. Ковалю пришли на ум навозные мухи, потирающие лапки перед кладкой яиц.

Артур преодолел еще метр и, наконец, почувствовал, где кончается яма. Оставалось совсем немного, лишь бы внизу прекратили раскачивать потолок. Раза два он мысленно рывкал, и твари разбегались, но тут же возвращались снова. Теперь их скопилось не меньше дюжины, и количество продолжало расти. Они непринужденно ползали по стенам и потолку, перемещаясь вслед за запахом человека. А может, их привлекал шум, хотя Артур и ступал предельно тихо. При этом ему приходилось следить за тылом и за тем, что происходит впереди.

А впереди поджидало немало интересного. Коридор в который раз делился надвое, и за правым поворотом виднелся кусок ночного неба. Это было так неожиданно и так нелепо, что президент даже прикрыл глаза, стараясь избавиться от миража. Но мираж никуда не пропал. Неровный пролом закрывала частая решетка с одним выломанным прутком. Из отверстия лился голубоватый свет; вдалеке за решеткой различались склон горы, присыпанный снегом, и цепочка соломенных хижин на далеких уступах.

Артур видел выход и впитывал кожей ледяной ночной ветер. Он даже чувствовал, как острыми иголочками колют лицо долетающие в подземелье снежинки. Близкая свобода казалась настолько притягатель-

ной, что он едва заставил себя отвести взгляд. Он не за тем сюда спустился, чтобы выпрыгнуть обратно через мусоропровод или взорванную вентиляционную шахту!

Слева дела обстояли гораздо хуже.

Из-за поворота виднелся пожарный гидрант, а у самого потолка из трубы торчал здоровенный красный вентиль, размером с автомобильный руль. На вентиле вниз головой висела связанная девушка-подросток. Узкие щиколотки девчонки стягивала толстая веревка, руки были скручены за спиной, а длинные черные волосы свисали до пола. Артур не видел лица девушки, потому что ее голову обнимал сидящий на корточках китайчонок лет четырех. Оба тихонько подвывали. Малец был совсем раздет и непрерывно расчесывал кровоточащие струпья на боках. На девушке сохранились обрывки ткани, а голое тело, проглядывавшее там и сям, было сплошь в синяках. Как будто нарочно, лунный свет падал через решетку прямо на детей, превращая обе фигуры в кошмарный живой монумент.

Память горела все хуже, Артур шурился сквозь дым и никак не мог понять, отчего девочка качается, в сознании она или нет. Ветер налетал короткими порывами. Мальчик плакал, обхватив девчонку тощими ручками...

«Это неправда, это все бред. Здесь не было, не могло появиться женщин...»

А внизу под пятками шелестели десятки острых ножек. Очень острых и очень шустрых. Фальшивая плита вибрировала все сильнее. Артуру не хотелось представлять, как выглядят подземные стрекозы. Он подумал, что множество острых ножек легко очистят от мяса даже очень крупное человеческое тело. Они вполне могут повесить его подсохнуть на сквознячке, а затем обработать, вылизать каждую косточку. Возможно, зверюшки увидят в этом некий юмор. Тут, в Храме, весь народ с юморком...

Коваль стал сомневаться, что при необходимости легко рассеет противника, но тут таинственные обитатели нижнего коридора рассеялись самостоятельно. Их не стало в одно мгновение, словно ветром сдуло, и почти сразу ушей Артура достиг высокий пронзительный звук. Так мог бы кричать дельфин, проткнутый гарпуном; только тренированное ухо Клинки уловило высокочастотные вибрации. Никаких дельфинов здесь не водилось, но кричавший, несомненно, страдал. Визг приближался, одновременно слабая, и вот уже послышались шаги.

На сей раз внизу объявился настоящий хищник.

Артур скачком преодолел последний метр до крепкого пола. Он чуть не пропорол ногу какой-то острой железякой, похожей на обломок ножовки с редкими зубцами, но сумел сохранить равновесие. Он рассматривал детей, пока не приближаясь, и слушал то, что творилось внизу.

Можно было убежать, даже, скорее всего, следовало бежать сломя голову, но Бердер всегда учил обратному.

Бежать сломя голову стоит лишь тогда, когда впереди ворота родного дома и преданные друзья. В противном случае можно угодить в капкан. Поэтому Артур не побежал. Он смотрел и слушал.

До сего дня Ковалья уверяли, что послушниками Храма становятся исключительно мужчины. Если девицу монахи принесли кому-то в жертву, то непонятно, почему злодей ее не скушал...

«Очередная шуточка! Крадутся где-нибудь по параллельному коридору и не могут придумать, как меня посильнее застрашать...»

Визг в нижнем коридоре резко оборвался. Коваль сделал шаг вперед; до развилки и до окна оставалось не больше десятка метров, когда позади распахнулись створки люка. Ловушка сработала, взметнулось облако пыли. Затем в спину ударил поток прокисшего теплого воздуха, и до ушей Артура донеслось мерное чавканье.

В нижнем тоннеле кто-то тщательно пережевывал пищу.

Этот «кто-то» догнал одного из шустрых, но бестолковых обитателей нижнего яруса и теперь с остервенением рвал его на части. Наверное, у горной обезьяны была очень крепкая шкура: Артур нутром воспринимал, как хищник с усилием втыкает клыки и с не меньшим усилием тянет их обратно.

Желудок человека содрогнулся, пытаясь извергнуть водку и остатки ужина.

Первое, что пришло президенту на ум, — медведь. Он даже не успел настроиться на волну этого кровожадного создания, как из ямы показалась одна из конечностей, и мысли о медведе пришлось отложить в сторону.

Ляо. Гигантский богомол.

На самом деле гигантский богомол. Корпус метра два и пилы соответствующей длины.

«Первое сердце слышит дрожь твоей кожи... Кажется, об этом меня предупреждали. Ну, конечно! Насекомое, оно реагирует на движение. Правда, от этого знания не легче...»

Артур нащупал лом.

Из ямы вытянулось второе бедро, усаженное тройным рядом шипов. Кончик лапы уперся в потолок. Вслед за лапами высунулась треугольная голова. Она очень быстро поворачивалась, окидывая помещение ничего не выражающим взглядом. Внутри огромных выпуклых глаз, точно шарики от пинг-понга, метались черные точки зрачков. На макушке шевелились членистые усики, челюсти двигались, пережевывая остатки пищи...

Артур запоздало вспомнил намеки Хранителей.

Надо было внимательнее слушать Прохора и Бердера. Больше никого из русских, прошедших круг послушания в китайском Храме, Артур не знал. Устав Ордена запрещал посвященным пересказывать хоть что-нибудь из увиденного или услышанного в стенах Храма. Можно рассуждать о целях и задачах, о высоком предназначении и даже о том, что вышло, выползло или вылетело наружу. Но ни в коем случае — о том, что творится внутри. Посему Коваль мог сколько угодно выпрашивать про неистовых Красных драконов, которых, как чумы, боялись мятежные мандарины на юге и безуспешно пытались приручить коммунисты на севере. Драконов было крайне мало, при всей свирепости они быстро чахли и погибали в чужих руках. К тому же норовили поубивать обслуживающий персонал.

Прохор и Бердер не могли выдать посторонним, что творится в горе. За каждым из них следила пара наставников. Но Качальщики старались как можно больше порассуждать в присутствии Клинка о нравах и обычаях китайского народа. В частности, Прохор весь вечер в бурятском стойбище обстоятельно рассказывал, как вкусно готовят насекомых косоглазые братья. Как они их любовно выращивают на мясо. Как они спасаются насекомыми во время голода.

Артур пропускал мимо ушей. Он думал о Наде, о младших детях, о том, хватит ли провианта для Шестой дивизии, о Польском корпусе...

«Кто назвал эту погань Ляо? Что вообще обозначает это имечко? — рассуждал Артур, пятясь по стенке. Руки невольно тянулись прикрыть незащищенный пах. — Как пить дать, переводится, как-нибудь типа «утренняя роса, упавшая на сонный бутон хризантемы». А мне от ножей этого засранца даже прикрыться нечем...»

Богомол закинул на стену вторую пару суставчатых лап, подтянулся и снова выглянул из ямы. Ковалю казалось, что он смотрит в окуляр мощного микроскопа. Опаснейший хищник микромира, угроза для множества насекомых, предстал во всей своей красе. Он был ужасен и дьявольски красив. От ползания в подвалах его крылья практически атрофировались и срослись с ороговевшими надкрыльями цвета коры. Зубчатые лезвия втянулись в бедра, как лезвия в ножны, и снова выскочили обратно. В другое время Артур бы непременно полюбовался. Сейчас голый президент присел и старательно успокаивал дыхание, готовясь к защите. Зверюга упорно не желала выходить на ментальный контакт или была слишком тупа для общения. Приходилось гадать, насколько хорошо насекомое видит в темноте.

«Вероятно, эта сволочь обходится без зрения! Кстати, любопытно, он холостой, или скоро подтянется его жена с детьми и кухнями?..»

Богомол на ходу доедал свою добычу, с удлинённой пасти струями стекала коричневая жижа. Артуру почему-то полегчало, когда он увидел, что

тварь подносит к челюстям не обезьяну и не летуна. Какое-то другое животное-мутанта.

Артур отступил в самый угол. Отсюда он прекрасно видел пролом наружу. Так близко, что можно ни с кем не драться, а спокойно пролезть между прутьев и спуститься по камням. Коваль не сомневался, что ему хватит ловкости одолеть любой склон. После лазания по деревьям и скалам на Урале он наверняка благополучно доберется вниз.

И останется без Красных драконов...

Мальчишка оторвал мордочку от старшей сестры и заорал в голос. Может быть, это была не сестра, а его молоденькая мать, теперь это уже неважно. Заплаканные глаза девушки с мольбой глядели на Артура, рот ее пересекала черная полоска кляпа.

Даже вверх ногами, в неясном свете луны девушка показалась Ковалю необычайно красивой. Она напомнила ему восточных красоток из забытых фильмов с Джеки Чаном и американскими супергеронтами.

«Неужели Бердер знал о том, что они скармливают своим милым питомцам детей? Знал — и продолжал пить с ними водочку?..»

— Беги! — крикнул Коваль, показывая ребенку в сторону спасительной дыры. — Беги, прячься! Что, русского не понимаешь? Сожрут тебя, беги же!

Вместо ответа мальчик еще теснее прижался к висящей девушке.

Богомол до конца вытянул брюшко из провала и привстал, опираясь на задние лапы. Передние ходили ходуном и щелкали, как садовые ножницы. Коваль бросил взгляд направо, оценивая, успеет ли отвязать девчонку и вытолкнуть детей в пролом. Там, снаружи, валил снег, но луна еще не спряталась окончательно. Артур ничего не видел дальше решетки. Возможно, он вытолкнет детей, а там окажется обрыв? Скорее всего, так и произойдет, ведь почтенные монахи любят повеселиться...

Он мог бы плюнуть на живую приманку и спасти себя. Возможно, злодей не сразу примется за детей, а ринется за ним. Если его как следует разозлить!

«Надо, чтобы глупая скотина рассердилась и позволила заманить себя к решетке. А с той стороны, на улице, посмотрим, кто быстрее...»

Коридор, уходящий направо от окна, скрывался в крошечном мраке. Наверняка там поджидал тупик или очередная яма...

Коваль подпрыгнул и сделал пробный выпад, целя насекомому факелом в глаз. Артур не ожидал, что тварь окажется настолько шустрой. Богомол вздрогнул и откинулся назад, издав при этом слабое шипение. Ножницы клацнули и повисли в воздухе. Не переставая следить, Артур отодвинулся в угол. Он хотел рассмотреть поближе веревку, на которой была подвешена девушка. Мальчишка сидел на корточках и продолжал реветь.

Что-то Артуру не понравилось в его позе, но отвлекаться было некогда.

Богомол задрал свои пилю и потер одну о другую. Раздался звук, будто железной щеткой скребли по стеклу. От хищника воняло щетиной и кровью, как от живодерни.

Чтобы снять девчонку с вентиля, Артуру пришлось бы положить факел. Тот и так чадил, а без огня шансы упадут вдвое. Приемы клинков хороши против людей, а когда на тебя в узком проходе бросаются две живые сабли, очень хочется задать деру...

Все-таки Артур не успел заметить, когда богомол перешел в атаку. Насекомое устремилось вперед, будто камень, выпущенный из баллисты. Артур взмахнул факелом и тут же понял, какую совершил ошибку. Факел выбили из кулака, а в дюйме от лица просвистело костяное лезвие. Хищник промахнулся только потому, что его толкнули сзади.

Из ямы вылезал второй богомол. Он карабкался, зажав между бедром и голенью бесформенный остаток чего-то розового, похожего на раздавленный окорок.

Коваль расслабил мышцы, присел, перекатился в сторону и снова встал, раскручивая над собой лом. Теперь он вполне оценил мудрость отцов-настоятелей. Никакой меч или копье не устояли бы против скоростных атак подземного убийцы. Богомол вскидывал переднюю пару лап и наносил удар за ударом. Песок и осколки плитки разлетались, как шрапнель. Артур скрипел зубами, отбивая атаки ломом. А еще приходилось постоянно перемещать руки, чтобы не попасть под жуткие зубья. На черной поверхности металла появились свежие глубокие борозды.

После четырех отбитых атак человек задышал спокойнее. Второй хищник никак не мог пролезть вперед — в узком проходе ему мешали расставленные ноги собрата. А как драться против одного, Артур уже сообразил. Он наметил тактику и стратегию борьбы, он уже видел слабые места противника. Единственное, что его смущало, — догоравший на земле факел.

Богомол бил сверху вниз и всякий раз получал по лапам. Его сносило в сторону: Коваль был гораздо тяжелее. Однако человек начал уставать от слишком тяжелого оружия. Нельзя было и дальше оставаться в обороне.

Артур дождался, когда второй убийца предпринял очередную попытку пролезть вдоль стены, и со всего маху опустил тяжелый набалдашник железного посоха на опорную конечность врага. Сустав раскололся, и половина лапы осталась лежать. Она подергивалась и билась, как живая.

Богомол потерял равновесие, замешкался и пропустил второй удар. Артур улучил секунду, когда лезвия чудовищного секатора начали под-

ниматься вверх, и перешел в ближний бой. Острый наконечник лома воткнулся врагу в пасть и вышел с другой стороны из мягкого затылка. Артур буквально повис на ломе, увлекая врага за собой вниз.

Богомол дернулся всем тонким туловищем и снова зашипел. Звук получился такой, словно продырявили паровой котел. Коваль всей массой прижимал противника к полу, продолжая орудовать ломом. В это время второй богомол протиснулся ближе и открыл второй фронт. Артур дернул лом на себя и прыгнул влево, уворачиваясь от второй пары зазубренных ножиц. Он не успел совсем немного; бедро обожгла дикая боль.

Металл выходил из хитиновой оболочки с пронзительным скрежетом; на руки Артура брызнула липкая жижа.

Первое насекомое завалилось набок, придавив напарника. Оставшиеся целые ноги скребли цемент. Из узкого, как бамбуковый ствол, туловища толчками вытекала слизь, слышались неровные всхлипы и свист.

Второй нападающий ненадолго застрял и тут же получил оглушительный хук слева. Коваль выбрал самое тонкое место на корпусе и успел ударить дважды, прежде чем пришлось снова переходить к обороне. Скелет насекомого хрустнул, словно подломилось сухое дерево. От правой пилы Артур увернулся, но левая сорвала кожу на локте. Ему пришлось подпрыгнуть, потому что раненый монстр чуть было не откусил ему ногу. Лезвия передних лап пронеслись параллельно земле и принялись вдруг молотить, как ножи сенокосилки. Перепончатые крылья развернулись и лупили по стенкам коридора. Они натыкались на торчащие из стен крюки и рвались на части.

Второй богомол яростно нападал, несмотря на смертельные раны. Просто его примитивная нервная система не позволяла смерти наступить слишком быстро. Даже с перебитым туловищем он стремился дотянуться до противника.

Они оба были живы, но опасности уже не представляли. Артур осмотрел свои раны. Два неглубоких пореза на локте, один на плече и достаточно сильное кровотечение из бедра. Кружась в боевом запале, он не чувствовал боли. К сожалению, монахи не дали в дорогу элементарной аптечки; теперь ему придется затягивать раны массажем и заговорами...

Артур поднял свое оружие и несколькими точными ударами добил живучих тварей. Руки, по локоть перепачканные, скользили по металлу. Затем Артуру пришлось потрудиться, чтобы оттащить насекомых в сторону. Он намеревался скинуть обоих в яму, но ловушка исчезла.

Несколько секунд он не мог поверить в очевидное. Затем, не обращая внимания на вонючие лужи, встал на четвереньки и пополз по стеночке. Несмотря на темноту, он ясно различал свои собственные следы. Выходило, что в предосторожностях не было никакого смысла. Он за-

чем-то крался, поддавшись обману, а посреди прохода не было никакой ловушки. Под полом больше не было коридора.

Но богомолы не исчезли. Они лежали, подрагивая жесткой щетиной, и казались более чем реальными. От разорванных внутренностей монстров шла нестерпимая вонь. Артур попытался сплюнуть, но во рту все пересохло. А еще он чувствовал, что с трудом может сжать кулаки. Вращая исцарапанный лом, содрал кожу на обеих ладонях.

Кроме всего прочего, почти полностью догорел факел. Дальше придется идти с кучей кровоточащих царапин и полагаться только на внутреннее чутье. Это для урожденных Качальщиков воевать с закрытыми глазами — норма, а для Клинки из городских — означает пребывать в неослабном напряжении, на грани нервного срыва. Артур замер, разглядывая острые конечности врага.

«Бери силу у покоренных Сердец...»

Кто же из монахов это произнес? Или Прохор так напутствовал? Забылось, а теперь всплыло? Бери силу...

Он нагнулся и осторожно разогнул переднюю лапу богомола. Затем прицелился, в два удара перебил второй сустав и отделил от голени волосатую лапу. Теперь у него появилось новое оружие, легкое и крепкое; только непонятно, как все это одновременно нести... Нет, подумал он, одновременно нести невозможно. Если трактовать слова монахов об оружии буквально, то следует бросить лом и взять эти клинки.

И Коваль выломал из второй лапы еще одну пилу. Он мог легко унести их в одном кулаке. Во всяком случае, клинками драться было гораздо привычнее.

«Ямы нет. Слой бетона, ниже арматура в полметра толщиной и базальтовая плита... Что это может означать? Провал операции? Или, напротив, миссия выполнена? Портал закрылся, уровень пройден? Чушь какая-то... Как же чертовы монахи это делают?..»

Теперь появилась возможность заняться детьми. Слава Богу, девочка была жива, на щиколотке прощупывался пульс. Артур подхватил факел и приложил к веревке на ногах пленницы. Чертова пенька тлела слишком медленно; Артур обхватил девушку свободной рукой за талию и попытался приподнять. Она мычала и извивалась, наверное, ей слегка подпало кожу на ноге. Мальчишка куда-то подевался. Артур решил, что тот внял совету и выбрался в окно.

Президент сосредоточился. Поблизости перемещалось нечто злобное, но нападать пока не решалось. Артур никак не мог определить направление и расстояние до новой опасности. Если он сейчас спасет девицу, придется брать ее с собой. Это здорово осложнит ему жизнь; наверняка, девочка в шоке и станет крайне нежелательной обузой. Но оставить ее висеть он тоже не мог...

Коваль отложил факел и перехватил костяную саблю поудобнее. Если пилить веревку осторожно, есть шанс сохранить девочке ноги. Он обхватил ее тонкие коленки, и тут остатки одежды сползли девушке на живот. Коваль поневоле скосил глаза и замешкался.

Что-то было неправильно. Его посетило нехорошее предчувствие. Он видел ее голенькую безволосую промежность, ее тощую задницу, но обратил внимание, как бьется жилка на стянутой веревкой щиколотке. Жилка билась слишком ровно, вот в чем дело. Девчонка находилась в сознании, ждала неминуемой смерти — и оставалась на редкость спокойной.

Слишком спокойной для жертвы.

Коваль отпустил ее ноги, отодвинулся на метр и моментально ощутил, как спадает волна наваждения. Он видел биение пульса, но не слышал, как стучит сердце девочки. Его втянули в спектакль и принудили играть заглавную роль!

— Тупой Ляо! — произнес тонкий ребячий голосок за спиной. — Тупой и неповоротливый! Я всегда говорил, что его затопчет любой школяр...

У Артура похолодела спина.

Он неспешно повернул голову, уже зная, что совершил очередную ошибку. Он оставил без присмотра слабенького китайского мальчика. Смуглого пацаненка, который так трогательно тянул к спасителю израненные ручки. Он слишком увлекся замечательной девочкой, предназначенной в пищу мерзким кровопийцам.

«Красота порой страшнее уродства...»

Настоятели честно предостерегали кандидата, но он не сумел расшифровать их советы.

Коваль даже не сразу осознал, кто к нему обратился на русском языке. Он глядел на то, во что превратилась несчастная пленница. Прекрасной китаянки больше не было: вместо нее висел празднично наряженный скелет. Скелет принадлежал девочке-подростку или очень щуплой женщине. К бедренным костям крепилась балетная пачка, а на косточки плюсны были натянуты крошечные пуанты. То, что Артур принял ранее за веревочные путы, обернулось ржавыми ножными кандалами. С ключиц свисали несколько тонких нитей с искусственными цветами, а к перевернутому темечку был приклеен веночек.

Скелет висел здесь очень давно. Коваль вспомнил, как обнимал девчонку за талию, пытаясь снять с крюка. Ее тело было холодным, но вполне осязаемым. Выходит, он обнимал привидение, и все, чему учили его Качальщики, оказалось позабыто! Опытный Клинок не сумел противостоять колдовскому наваждению...

«А где же второй, где мальчишка?!»

— До-о-брый, ми-и-ирный человек! — с явной издевкой произнес все тот же детский голос из мрака. — Жа-а-лкая, д-о-обрая душонка, хе-хе!!

Темный силуэт заслонил поток лунного света, льющийся из оконца. Мальчик был там. Он сидел в проеме окна возле решетки, отрезая Артуру путь к бегству. Маленький китаец держал хлипкими ручонками бедро убитого богомола, как держат шашлык, и искал, куда бы вонзить зубы.

Коваль поднял факел и покрепче перехватил костяную саблю. Он проглядел главного врага. То, что он принял за детские руки, оказалось совсем не руками, а мальчик никогда не был человеческим детенышем.

Скорее всего, у Второго Сердца вообще не было детства.

10

ЖАЛКАЯ ДУШОНКА

«**М**инь услышит дрожь твоей души...»

Последние полчаса Коваль перестал следить за компасом. Чувство времени ему пока не изменило, на остальные свои способности он уже мало полагался. Он помнил, как приподнял повыше факел, отвел взгляд на краткий миг, а когда сморгнул, призрак исчез. Вместе с призраком исчезло окно. Круглая дыра наружу растворилась не сразу. Словно дразня человека, она начала медленно зарастать по краям, пока не превратилась в дырку размером с кулак, а затем и вовсе сузилась до размера иголки. И воевать стало не с кем, и отступать некуда.

Только один путь — налево и вниз, в вонючую сырую темноту.

Довольно долго Артур ждал, уверенный, что тварь вернется. Понадобилось время, чтобы сердце застучало ровнее и прорезалось ночное зрение. Он никогда не попадал в подобную заваруху, даже когда дрался с Озерниками. Друзья Бердера умели вытворять штуки и похлеще, но оставались существами из плоти и крови.

Затем он шел, считал шаги и привычно наносил костяной саблей зарубки на ржавых скобах и косяках. Поворотам и залам не было числа, но Артуру надоело всякий раз задумываться, куда свернуть. Он убедил себя, что устроители аттракциона сами позаботятся о его будущем.

Иногда Артуру казалось, что сзади доносится звук дыхания. Он замирал, прижавшись к стене, но слышал только стук собственного сердца. Иногда поблизости раздавались знакомая беготня и шепот: мелкие

по местным меркам насекомые шустро пробирались по своим норам. Артур спустился очень глубоко, хотя что-то подсказывало ему, что до основания горы он еще не добрался.

Однажды он вышел на железнодорожные пути и долго брел по ним, пока не уткнулся в разбитую цистерну. Содержимое из пыльной цистерны давно вылилось, а внутри поселилось семейство летучих мышей. Видимо, на этом отрезке тоннеля прорвался плавун — бетонные кольца разошлись, и путь преграждали горы песка. Артур решил было, что уперся в тупик и теперь придется отступить, но тут заметил лесенку и дверцу под самым потолком.

Неведомая рука вела его дальше.

Иногда Коваль задавался вопросом, не ослышался ли он насчет проводника. Но Председатель Ло внятно заявил во время чаепития в шатре, что монахи непременно дадут попутчика. Только попутчик у каждого свой, хитро добавил политикан. Коваль тогда не придавал его словам серьезного значения. Сейчас он отдал бы что угодно за любого попутчика, лишь бы тот объяснил, как отсюда выйти.

Лестница вывела его в станочный цех. Здесь Артур сделал несколько открытий. На каучуковых подушках вокруг замшелых электродвигателей расплодился цветные плесени и лишайники. По ржавым станинам с потолка стекала вода, а на резиновом полу образовались целые озера. У любого технаря разгорелись бы глаза при виде такого богатства. Один ряд занимали фрезерные станки, дальше размещались токарные, сверлильные и гильотины самых разных модификаций. Встретились даже зуборезный станок и несколько сложных карусельных агрегатов с компьютерным управлением. Воздух в помещении был спертый, но чрезвычайно холодным. На деревянных ящиках разрослись круглые розовые грибы. Они едва заметно светились, но Ковалю и это освещение показалось роскошью.

Здесь он наткнулся на голого человека, не дошедшего до выхода из лабиринта. Парень так и не стал послушником, хотя отчаянно боролся за свою мечту. Он висел, насаженный животом на острую металлическую рейку, торчащую из-под кожуха электродвигателя, и сжимал в руках сломанную пилу богомола. Кандидат в послушники успешно покорил Первое Сердце, но не выдержал встречи с Минь. Судя по состоянию трупа, мужчина провисел здесь не больше недели.

«Интересно, а этот ради чего рисковал жизнью? Тоже хотел подчинить драконов или собирался до гроба служить Ордену?»

Налицо несправедливость. Молодой, полный сил мальчишка погиб по прихоти настоятелей, придумавших сотню лет назад изуверский обряд, в то время как он, жадный старый чужеземец, возможно что и выживет, и получит награду... Еще он подумал, что так и не выяснил, за

каким интересом сюда спускались Бердер и Прохор. Неужели просто пощекотать нервы? Когда Коваль спросил об этом, учитель ловко ушел от ответа.

Артур осмотрел мертвеца, но не заметил на раздувшемся теле следов борьбы. Складывалось впечатление, что парнишка забрался на кожух статора и сам прыгнул животом на ржавое острие.

Еще одного претендента в члены Ордена Артур нашел этажом ниже, в картинной галерее. На самом деле, это была часть командного поста, круглый зал с пультами на стенах и рядом потрескавшихся кожаных кресел. В одном из кресел напротив мертвого экрана сидел военный чин в фуражке и с орденскими планками на кителе. Пистолет, из которого офицер застрелился, валялся тут же. Возле самоубийцы лежала верхняя половина голого китайца. Нижнюю часть торса и ноги Артур разыскал чуть позже. Неисправимый шутник, обитавший в здешних краях, заботливо усадил их в кресло, в самом центре зала.

Этот несостоявшийся послушник погиб не менее года назад. Артур решил, что если выберется, то первым делом спросит у монахов, сохранился ли в Китае обычай похорон.

Судя по количеству сидений, боевой расчет поста состоял из восьми человек, однако генерал в фуражке был единственным, кто не покинул рубку. Светящихся грибов стало еще больше, но Коваль все равно не сумел бы по положению кнопок и рубильников определить, произошел ли запуск ракет. На возвышении в центре зала стояло прозрачное стекло с координатной сеткой. А вокруг валялись сотни картин. Некоторые холсты неплохо сохранились, но большинство сожрала плесень. Оставалось только гадать, кому пришла в голову идея эвакуировать сюда художественный музей.

В следующем помещении Артур наткнулся на место массовых расстрелов. Факел почти не давал света, но зрение напрягать не приходилось: в сырых углах гнездились колонии светящихся грибов. Их становилось все больше и больше; розоватые округлые шляпки сливались в сплошной ковер, слабо пульсируя во мраке.

Здесь Артур снова ощутил враждебное присутствие. Кроме враждебности, он заметил нечто вроде азарта. Второе Сердце по имени Минь наблюдало за ним и ждало возможности напасть.

Когда-то в грибном царстве располагалась казарма. Словно противотанковые ежи, ошетинились ножками десятки двухъярусных коек. Койки были свалены в кучу, образуя баррикаду напротив трех распахнутых настежь дверей. Очевидно, двери вынесло взрывной волной вместе с массивными стальными косяками и кусками кирпичной стенки. Дальше, за грудой кроватей, стояли два десятка школьных парт с откидными крышками. Между партами в шахматном порядке тянулись к по-

толку железные колонны. Плиточный пол густым слоем покрывала осыпавшаяся штукатурка. На потолке, под штукатуркой, обнажились почерневшие деревянные балки, также покрытые гирляндами фосфоресцирующих грибов. Коваль задумался о том, какая же порода дерева способна выдержать столько лет почти без порчи. Он провел ладонью по одному из столбов и наткнулся на шишечки заклепок. Это открытие показалось президенту необычайно важным. Не может быть, чтобы строители атомного щита использовали дерево и клепку; очевидно, эти пещеры были продолблены задолго до открытия ядерного синтеза...

На дальней стене висели в ряд грифельные доски. Здесь могли одновременно сдавать экзамен четыре, а то и шесть человек. Кое-где даже сохранились следы надписей мелом. На уровне груди доски превратились в решето, сплошь покрытое бурыми потеками. Из досок торчали кончики расплюснутых пуль. Связанных заключенных приводили в класс, ставили спиной к доске, как школьников перед экзаменом, расстреливали, а затем крючьями оттаскивали в сторону, чтобы дать место следующим.

«А может, они школьников и убивали?..»

Организаторы расстрелов даже не потрудились вынести трупы. Их просто сметали в соседнее помещение, похожее на предбанник. Здесь, среди отделанных кафелем кабинок, вперемешку валялись груды костей, обрывки обмундирования, набойки от сапог и позеленевшие медные пуговицы. Видимо, кровавый трибунал заседал не одну неделю. Артур обнаружил чистую доску с припиленными к ней листками. На ссохшихся коричневых бумажках проступали строчки с пронумерованными иероглифами, зачеркнутыми крестиками. Если палачи таким образом отмечали имена своих жертв, то их тут были тысячи...

А в душевой Коваль наткнулся на широкий президиум, где и заседал революционный трибунал. О славной вехе в истории китайского народа красноречиво напоминал портрет Мао. Великий кормчий был изображен во весь рост, в военном френче, с горделиво поднятой ладонью. Он сосредоточенно щурился в туманную даль, а вокруг мудрого лба вождя разгоралось сияние. Наверное, художник поймал Кормчего в момент, когда тот в очередной раз обратил свой пронизательный взор на запад, в поисках заплутавшего призрака новой эры. Трехметровое полотно изрядно пострадало от времени и пуль, но личность вождя не утратила былого величия.

Слева и справа от портрета висели дырявые полотнища с грубо намаляванными лозунгами. Под картиной стоял полукруглый стол, укрытый истлевшей пурпурной тканью. Железные стулья и скамейки громоздились в полном беспорядке, между ними валялись останки последних членов Трибунала. Наверное, тут они и приняли последний бой.

«Так всегда происходит, — подумал Артур. — История ничему не учит членов всяческих трибуналов. Они энергично выносят свои постановления, а затем сами получают пулю в затылок...»

Два мертвеца в истлевшей форме цвета хаки лежали прямо на скатерти, обнявшись. Один из трупов принадлежал женщине. На ее шейных позвонках сохранилась золотая цепочка. В кулаке женщина сжимала шприц.

Американская вакцина...

Итак, он снова с этим столкнулся. Даже здесь, в китайском захолустье, его коснулось дыхание Большой смерти. Казарму соорудили в горах очень давно, но последние посетители этой школы знали Мао только по его трудам и портрету. Вероятно, здесь шла война между последними уцелевшими ракетчиками и теми, кто надеялся пересидеть Большую смерть в укрытии. А может быть, все наоборот. Может быть, именно здесь начиналась история Храма и дрались первые приверженцы Ордена с пришлыми разбойниками.

Едва слышный шорох заставил Артура выставить перед собой пилю. Ему показалось, что портрет Председателя немного сдвинулся. Хотя в неверном свете, идущем от поганок, могло привидеться и не такое. Что-то пряталось за картиной, прислоненной к колонне между двумя душевыми кабинками. Коваль беззвучно шагнул в сторону и сунул саблю в щель.

Никого за картиной не оказалось, однако Клинок воспринимал пространство не только глазами. Какая-то чужеродная энергетика присутствовала в затхлом воздухе подземелья. Нечто неуловимое, вроде невидимой шаровой молнии. Артур приказывал себе успокоиться, но успокоиться никак не мог. Перед ним стояло лицо мальчика, который совсем не мальчик.

«Я сделал огромную глупость, позволив сочувствию руководить собой. А Минь идет на запах жалости. Он обозвал меня жалкой душонкой...»

Артур потянулся рассмотреть шприц и тут же заметил под столом еще один истлевший труп. Его как раз не хватало, чтобы окончательно запугать будущих послушников. Артур присел на корточки. В застоявшемся воздухе витал запах плесени и совсем чуть-чуть тянуло мелким тепловым животным. Никакой серьезной опасности.

Пара спокойных секунд у него есть.

Можно остановиться и изучить повнимательнее.

«Кстати, как эта тварь выучила русский? Меня обозвали мирным человеком и любезно обратились на понятном языке, без всякого акцента...»

Артур присел и поднес факел к месту, где должна была находиться голова мертвеца. Увиденное ему совсем не понравилось. Лишь с большой натяжкой труп можно было назвать человеческим. У него имелись четыре конечности примерно одинаковой длины. Сейчас они были

— Минь! — каркнул мальчишка и подмигнул президенту. Его рот распахнулся от уха до уха, как у плюшевой куклы из мультфильма, и сразу стали видны три ряда зубов, которые никак не могли в закрытом рту поместиться. — Мы-ы ее до-о-остали, ми-и-рный человек!

Пацан снова дернул проволоку, голова женщины запрокинулась, и у Ковалья потемнело в глазах. Он смотрел в заплаканное лицо жены. Китайчонок приложил острое стилета к щеке Нади и надавил.

Коваль видел, как из-под кожи побежали первые капли крови, как постепенно капли превратились в ручеек, как лезвие входило все глубже, отслаивая мышцы от кости. Женщина хрипела, закатывая глаза. Проволока так глубоко вонзилась в кожу, что была уже не видна.

«Это все неправда, не может быть! Надя с детьми в безопасности, в деревне. Только не поддаваться...»

А сам уже чувствовал, как напряглись ноги для прыжка. Такой подлости от монахов он не ожидал. А Минь жадно искал в глазах человека жалость. Его черные раскосые глазки внезапно начали расти, надорвали изнутри веки и выкатились из орбит. Два белых трепещущих шарика с маслинками зрачков повисли на смуглых щеках монстра. Потом зрачки развернулись в сторону Артура.

Ковалю показалось, что он уловил природу этого создания. Он так и не смог понять, кто перед ним, — мутант, пришелец или джинн из бутылки, но разгадать намерения чудовища оказалось несложно. Минь играл по правилам Храма. Если бы Коваль снял с веревки девушку, оборотень напал бы на него еще тогда. Если он сейчас поверит, что монахи выкрали его жену, кинется ее спасать, исчадие ада убьет его одним ударом. Никакие сабли не помогут. Коваль как-то остро и сразу понял, что это милое дитя не возьмет ни сталь, ни боевые умения. Это сердце надлежало приручить, но совсем не так, как приручают сердца теплокровных.

Минь накрутил проволоку на руку. У него была трехпалая коричневая ладонь, и все три пальца продолжали расти на глазах, изгибаясь во все стороны, как змеиные хвосты. На милой физиономии расцвела простодушная улыбка, а на гладком детском лбу появилась поперечная морщинка. Его висящие на нервных окончаниях глаза взорвались и растеклись по скулам. Минь высунул из пасти сразу два языка и слизнул собственные глазные яблоки.

Женщина захрипела. Стилелт вспорол ей щеку и вышел изо рта. Артура колотило. Он ничего не мог с собой поделать. Это было тело Нади. Перед ним мучили точную копию его супруги. Ее родинки, ее шрам от ожога, ее морщинки и запах пота. Так потеть могла лишь одна женщина на земле.

«А что если это правда, что если Карин подкупил монахов?..»

— Хо-о-чешь по-ла-а-коми-иться, ми-ирный человечек? Хо-очешь полакомиться ее де-те-енышем?

Артур очнулся, уже прыгнув на стол, и обнаружил себя стоящим в метре от страшилища. Никто не мог знать, что Надя ван Гог беременна. Никто и не знал, кроме ее мужа. Они заранее договорились никому не говорить, чтобы не сглазить.

Сабля богомола застыла в сантиметре от шеи оборотня. Мальчишка залился звонким смехом. Сморщенные веки распахнулись, в них ворочались новые глаза. На сей раз они мало походили на человеческие. Зеленые, с ярко-желтым вертикальным зрачком. Пальцы на его ножках превратились в загнутые когти. Морщинка на лбу углубилась, стала трещиной и разошлась со звуком рвущегося брезента. Трещина становилась все шире, потянула в стороны волосяной покров; из макушки призрака начала расти покрытая слизью шишка. Она тянулась, увеличивалась в размерах, пока не стала похожа на розовый бутон, а затем...

Затем из шишки начала формироваться еще одна голова.

Артур не мог отвести глаз. Словно незримая сила подталкивала его руку. Одного взмаха было достаточно, чтобы уничтожить гадину.

«Он только этого и ждет, провоцирует меня. Только не смотреть ей в лицо, это не Надя...»

Но не смотреть на женщину он не мог. Монстр ослабил удавку и тут же провел по животу своей жертвы стилетом. Его рука к этому моменту стала похожа на корягу, обросшую рыбьей чешуей, из крокодильей пасти брызнула желчь, а член поднялся и раскачивался, как багровая дубина. Минь ничем больше не напоминал ребенка.

Стилет оставил на левой груди женщины кровавую полосу.

— За-а-акусим ма-а-аленьким Ни-и-икиткой, ми-ирный че-е-ловек?

Коваль перестал дышать. Никто, кроме него и Нади, не мог знать имени будущего сына.

Неожиданно глаза женщины широко распахнулись. Ее распухшее синее горло сокращалось, пытаясь выдавить слова.

— Со-солнышко, кузнечик мой...

Коваль скорее прочел по ее губам, чем услышал. Когда им обоим было трудно, когда он терял всяческую опору, жена называла его кузнечиком...

Вторая голова Миня, вылупившаяся из макушки первой, почти сформировалась. Формой и размером она напоминала большую подгнившую грушу со срезанной кожурой. На безглазом личике пульсировали сосуды, толстогубый рот кривился в гнусной ухмылке. Задние конечности демона стали толще раза в три, живот и бока также раздулись и пульсировали в такт биению сердца.

«Сердце... У него есть сердце. И он растет... Если не убить его сейчас, потом будет поздно!»

С «главной» головы кожа слезала клочьями, во все стороны летели брызги дымящейся жижи, воздух наполнился невыносимым зловонием.

Такого омерзения Артур никогда не испытывал.

Сабля застыла в сантиметре от шеи уродца. Тот вытянул из верхней пасти змеиный язычок и с томным стоном облизал костяные зубья.

— Артур... — внятно позвала женщина. — Спаси меня...

«Решайся!» — сказал себе Коваль.

Кожа на спине демона лопнула. С шелестящим звуком развернулись прозрачные крылья.

— Брось эту гиблую затею, — голосом Бердера посоветовала верхняя голова. — Забирай свою бабу и отправляйся гонять насекомых. Ты еще можешь их спасти, бабу и ребенка!

— Не тебе указывать, кого мне спасать! — ответил президент и с оттяжкой полоснул саблей.

У богомоллов очень острые клинки. Голова женщины отделилась от тела с одного удара. Вторым ударом Коваль вспорол грудную клетку и чуть не захлебнулся в фонтане черной крови. Под оголившимися ребрами билось черное сердце.

— Не-е-ет!!! — на предельно высокой ноте заверещал демон.

— Ша, медуза! — сказал Артур и проткнул сердце костяной саблей.

В следующую секунду факел погас, и воцарилась тьма. А потом в темноте распахнулась узкая дверь, и на портрет Председателя хлынул поток лунного света.

В наступившей тишине кто-то захлопал в ладоши.

11

ЧЕТВЕРТАЯ ДОРОГА

— Стареешь, мил-человек! — скрипучим голосом произнес благодарный зритель. — Конфуз от блядства отличить не можешь, а все туда же, командировать!

В глухой стене обнаружилась щель. Она расширилась, пока не оформилась в кривой дверной проем, забранный нелепой деревянной решеткой. Больше всего это походило на калитку в палисаднике. Артур бросил взгляд назад, уже понимая, что не найдет и следов давнишнего представления. Тем не менее, он испытал огромное облегчение от вида пустого запыленного кресла.

Ни капли крови, ни зловония. Подпалив истлевшую кумачовую скатерть, на столе догорал факел. Из трехметровой рамы на остатки цивили-

лизации строго глядел Великий кормчий. На спинке кресла покачивалось что-то блестящее, похожее на половинку велосипедного колеса.

— Хе-хе! — вежливо откашлялись сзади.

Коваль прыгнул в сторону, разворачиваясь в воздухе и на лету принимая боевую стойку. Он совершил непростительную ошибку, подпустив чужого так близко; он опять не почуял приближения человека! Ящерица или змея — еще туда-сюда, но никак не человек. Такого позора учитель Бердер не вынес бы...

В дверном проеме подпирал косяк бородатый гном в красном полубухе и деревянных туфлях с серебряными пряжками. Не карлик и не ребенок, как сначала попытался убедить себя Коваль. Это был самый настоящий сказочный гном, ростом не больше сорока сантиметров, с крупной шишковатой головой и сморщенным личиком, вдобавок крайне недовольный. В левой ладони гном сжимал посошок, увенчанный светящимся рубином, а правой придерживал под мышкой толстую растрепанную книжку. На носу-картошке криво висели очки без оправы.

— Я тебя где-то видел, — сказал Коваль, лихорадочно соображая, какую же дозу наркоты ему подсыпали в самогон.

— Да я, мил-человек, каждый день об тебя глаза мозолил, — фыркнул гном. — Десять лет кряду. Кстати, ты долго намерен так торчать, враскоряку?

Коваль сместился вправо, чуть расслабил напружиненные мышцы. Только тут он заметил, что в аудитории стало гораздо светлее, хотя окон не прибавилось. Свет лился из двери, обволакивая фигуру маленького человечка, словно мерцающее пуховое одеяло. Вдруг запахло сеном, рекой и навозом.

— Я твой провожатый, — заявил гном, отставляя посох. Он снял очки, подышал на них, протер и снова водрузил на нос. — Ежли до зарезу нужно имя, кличь меня Иван. Коли тебе, мил-человек, еще не пропала охота опарышей накопать, советую шевелить батонами...

Не выпуская книгу, гном полез в брючный карман и выудил оттуда жилетный хронометр, размером с чайное блюдце. С деловым видом откинул крышку и нахмурился.

— До восхода, мил-человек, две минуты и сорок три секунды. Ежли щас не поспешать, в два счета накроет.

— Куда не поспешать? — выговорил, наконец, Артур.

— Дык на развилку, куды ж еще-то? — И Ваня предъявил собеседнику циферблат.

Там кружила всего одна, секундная, стрелка, да и та — в обратную сторону. Цифры имелись, но располагались в полном беспорядке. Так, за единицей сразу следовала пятерка, а дальше почему-то дробь, семнадцать с четвертью.

«Очередной сон, наваждение, нельзя принимать всерьез...»

— Ты говоришь по-русски? — спросил Коваль, чтобы выждать время и как-то настроиться на новые обстоятельства.

Сомнений не оставалось. В том мире, из которого пришел гном, начинался рассвет. В недрах заброшенного ракетного комплекса времен холодной войны всходило солнце, порывами налетал свежий ветерок и приносил с собой запахи деревни.

— А как с тобой говорить? — удивился Иван. — Ну, хошь, по-китайски покалякаем?

— Ты с каждым говоришь на его родном языке? — ахнул Коваль. — А ведь я тебя вспомнил!

Он действительно вспомнил, хотя это казалось невероятным. Прошло немыслимо много лет. Артура снарядили в первый класс, когда отцу привезли из Германии строгую и смешную куклу. Гнома водрузили на полку, прямо напротив письменного стола, за которым школьник Коваль десять лет подряд делал уроки. Артур даже вспомнил книгу, которую сунул отец лесному волшебнику под мышку. Это был «Малый энциклопедический словарь». Мама периодически обтирала лоснящиеся щеки куклы тряпочкой, стирала его одежду и даже натирала пряжки на загнутых кверху туфлях. Мама смеялась, что гном непременно поможет Артуру выучить экзаменационные билеты, надо его только вежливо попросить. Если вежливо попросить, убеждала мама, то он подскажет выход из любой тяжелой ситуации...

«Куда же он потом девался?»

— У-у-у, не так уж все запущено! — одобрительно подмигнул Иван и опять стал очень серьезным. — Вперед, заре навстречу! Зубочистку не забудь!

Проводник развернулся на каблуках и пропал из виду. Артуру ничего не оставалось, как последовать за ним. Но перед тем как покинуть душевую, он опять сменил оружие. Такого оружия президент еще не встречал. Вместо стилета, которым орудовал Минь, на спинке кресла висели два сваренных между собой в средней части полумесяца, рогами крест-накрест. Посреди каждого полумесяца, в самом толстом месте, была намотана толстая веревка. Получалось, что тяжелый центр идеально лежал в ладони, а к отточенным лезвиям было страшно прикоснуться.

— Забавная штукенция, — произнес из-за порога Иван. — Багуа. Парный кастет. Ежли глаз наметан, ни один басурман не устоит.

Ступив голой пяткой в сырую траву, Артур обернулся. Подсознательно он ожидал чего-то подобного, но все-таки переход оказался слишком резким. Исчезла гора, испарились казармы перебивших друг друга революционеров. Позади тянулось деревянное одноэтажное строение. Барак, а скорее свинарник, покосившийся от старости, посреди

поля изумительно зеленой травы. Вместо горной гряды — пасторальный лужок, окруженный холмами, и посреди него — источающий миазмы свинарник. В сторонке журчал ручей. Вместо глубокой ночи пришел восход, а поздняя осень обернулась летом. Крыша сарая была полна прорех, кривая калитка оказалась заперта на засов, а внутри хрюкали и пищали свиньи.

Свиней Коваль признал за настоящих. То есть это были не совсем обычные хрюшки, но очень похожие. Во всяком случае, они не проявляли никакой агрессии, только голод и тревогу. Животные чего-то боялись и мучились сильной жаждой.

Мягкая кудрявая мурава казалась нарисованной. Артур наклонился и провел рукой по шелковистым стебелькам. В такую травку хотелось свалиться спать. От калитки по полю уходила узкая тропка, терявшаяся в зарослях подсолнухов. Лес желтых головок окружал поляну со всех сторон, вздымался на три метра, загораживая обзор. На подсолнухах вместо листьев во множестве росли черные огурцы размером с крупные кабачки. Из дырочек в огурцах выглядывали червяки. Над головой синело самое обычное предрассветное небо, на востоке переходя к алым тонам.

Воздух показался Артуру поразительно вкусным, даже несмотря на близость скотного двора. Он попевал за провожатым по рыхлой глинистой земле. Тропка выглядела так, словно недавно прошел дождь. Порой под ногами чавкала рыхлая грязь и блестели лужи.

Артур напрягал мозг в поисках нового противника. Кто там должен быть следующим? Что-то насчет дрожи в ногах... Вроде бы ноги пока не дрожали. Он встряхивал головой, прикидывался, стараясь погасить растущее раздражение. Он даже знал, отчего злится. Гнома Коваль совершенно не чувствовал. Он совершенно точно знал, что маленького человечка можно потрогать, рассмотреть или понюхать, но какой-то таинственный орган чувств упорно сигнализировал о том, что Ивана не существует. Существовал пригорок, на который они начали взбираться, вполне реальными казались чудовищные цветы, покрытые паутиной, с бившимися в агонии мошками...

— Это еще фигня, — не оборачиваясь, перепрыгивая мелкие лужи, заметил гном. — В южном Сычуане у них еще не то цветет. Поглядишь — закачаешься. Главное — ничо в рот не таскай! — И ощутимо кольнул Ковалья посохом в лодыжку. — Поспевай, мил-человек, а то окочуришься тут...

— Почему я не слышу твоего сердца? — на бегу спросил Артур. — Ты ведь ненастоящий, да? Ты всего лишь призрак, ты вылез из моей памяти?

— Сам ты вылез, — огрызнулся Иван. — Провожатый я, а коль не по нраву, ступай себе, ищи другого!

Он проворно взбирался по склону, петляя между стволами подсолнухов. Некоторые цветы нельзя было обхватить и двумя руками. Президент уже начал понемногу уставать, а гном чувствовал себя прекрасно. Наконец последние черные огурцы и желтые шляпки остались позади, показался ровный открытый участок.

— Ты мне по нраву, — приноравливаясь к манере общения собеседника, ответил Коваль. — Просто я не чувствую, что ты живой. Если ты согласишься, что являешься плодом моих детских снов, мне станет гораздо легче.

— Сам ты плод, — каркнул гном. — А облегчиться можешь вона там, под кустиком. Тока сперва обозначься на развилке...

— А чего же ты раньше не пришел, провожатый? — не выдержал Артур.

— Так тебе, мил-человек, и без меня весело было! — резонно ответил Иван.

Артур увидел развилку и чуть не застонал от ярости. Он подумал, что к его приключениям приложил руку Прохор, обожавший сборники детских сказок. От замшелого камня разбежались три крепкие брусчатые дороги, тут же терявшиеся в желтых зарослях подсолнухов. На верхушке камня переступал лапками седой ворон, а у подножия валялся лошадиный череп. Артур ожидал, что ворон заговорит, но вместо птицы басом заговорил камень.

Или кто-то, спрятавшийся внутри камня.

— Опять русского привел?

— Кого ж я к тебе приведу? — недовольно пробурчал гном. — Они ж иначе не умеют, им развилку подавай!

«Не нужна мне никакая развилка», — подумал Коваль.

— Выбирай живее! — скомандовал гном. — Али читать разучился?

Надпись на камне была выполнена с грамматическими ошибками. Примерно так китайские производители стелек и будильников маркировали когда-то товары для засылки на постсоветский рынок. Артур трижды перечитал выбитую в граните тарабарщину, но так ничего и не выбрал.

— Со всех сторон гибель, — сказал он гному. — Ты проводник, ты и подскажи, куда направиться.

— Вот так завсегда! — надул губы Иван.

— А я что говорю? — сердито откликнулся камень. — С этими халывщиками каши не сварить!

Первые лучи солнца пробились сквозь частокол подсолнухов. Одна за другой желтые головки поворачивались на восток. Где-то позади, в низине, недовольно хрюкали голодные свиньи.

— Тогда я остаюсь! — решил Коваль. — Про эту тропку ничего не сказано.

— Нельзя назад! — подскочил гном. — Эй, булыжник, скажи ему, что назад не положено!

Камень закашлялся басом. Ворон сипло каркнул и взлетел, роняя перья. Коваль проводил его взглядом. Снизу ворон оказался похожим на фазана; он суетливо махал крыльями и шевелил оранжевым хвостом. На розовом небосклоне упорно подмигивала последняя звезда.

— Валить надо отседова! — закричал Иван, поглубже натягивая шапку. — Давай, мил-человек, дурью не майся!

Коваль повернулся и зашагал назад по извилистой тропке. По пути он взвешивал в ладони багуа и прикидывал, не дал ли маху, совершив столь глупый обмен.

Камень у развилки произнес длинную фразу на китайском.

— Сам ты мудак и сын плешивой обезьяны! — сказал камню гном Иван и припустил за Ковалем.

— Хальт! — завопил вдогонку гном. — Тебе мама велела меня слушаться!

— Не слушаться, а советоваться.

— Так советуйся — или прогони меня.

— Я уже посоветовался и решил тебя не прогонять.

— Цурюк к развилке! Там три прекрасные ровные дороги!

— На левой обещана смерть от ядовитого укуса... — Артур уже различал впереди крышу свинарника.

— Зато, ежели покоришь змеиную матку, все ее детки и сестры будут подчиняться тебе.

— Делать больше нечего, как с гадюками дружить! — нервно рассмеялся Артур.

«Что же выбрал тут Бердер?..»

— Тада прямо можешь! — не отставал Иван. — Одолей осьминога, и все твари морские — твои!

— Браки! — Артур навалился на щеколду; кособокая дверь свинарника распахнулась с протяжным скрипом. — Я к морепродуктам отношусь прохладно, это во-первых. А во-вторых, я плохо плаваю, а осьминог будет убивать меня под водой.

Коваль перехватил багуа в правую руку и шагнул через высокий порог. Порог выглядел даже чересчур высоким, словно строители боялись наводнений. По обе стороны от прохода тянулись стойла, огороженные крепкими бревнами. Каменный пол в центральном проходе устилали сухие головки подсолнухов. Через узкие окошки у самого потолка проникало слишком мало света, чтобы как следует разглядеть животных. В душном вонючем сумраке кружились пыль и частицы шелухи. Артуру показалось странным, что полуживое здание стоит на таком крепком фундаменте. Он обошел пыхтевшего гнома и снова вернулся на порог.

Фундамент состоял из булыжника в три слоя, затем шел кирпич, и все было щедро залито цементным раствором.

— По третьей дорожке... — щурясь на восток, безнадежно заладил гном.

От президента не укрылось, что Иван, с такой брезгливостью воротивший нос от запаха навоза, забрался внутрь сарая и отошел как можно дальше от калитки.

— Исключено! — Коваль уселся на верхней ступеньке лестницы, лицом наружу, и опустил голые пятки в грязь. — Восточное направление меня интересует менее всего. Там поджидают весьма подозрительные духи Дерева, которые почти наверняка вытрясут из меня душу.

— Кто сказками да песнями их усыпит, к тому духи лесные как к папашке родному приползать будут, — как пономарь, запричитал гном.

— Ага! — кивнул Артур. — У меня чингисы с ковбоями во где сидят, да война с турками на носу! Еще не хватало деревьям в отцы набиваться. Ты ведь знаешь, что я ишу. Если такой умный, скажи, где тут раздобыть Красных драконов?

— Я провожатый, а не телефонный справочник! — буркнул гном и тут же в сердцах сплюнул. — Тьфу, доннер-веттер, капут пришел! Дождемся, мил-человек; будем тут до ночи дерьмо нюхать!

«А что должно произойти ночью? И почему призрака так волнует запах?..»

Багровый полукруг солнца выполз над горизонтом, и тут Коваль стало понятно, что это вовсе не настоящее солнце, а только картинка, хотя и необыкновенно искусно выполненная. Солнце было таким же ненастоящим, как и гном, которого он видел, но не чувствовал. Оказалось, что на это солнце Артур мог смотреть, не прищуриваясь и не моргая.

Он постарался отвлечься от полемики с хитрым книголюбом. Разгадка была где-то близко. Не может быть, чтобы поле, и хавроньи, и ручей...

Ручей!

Коваль привычно настроился на волну животных. Свиньи адски хотели пить, словно их неделю кормили соленой рыбой. Он поискал глазами и почти сразу обнаружил в проходе между загонами выдолбленное из дерева ведро. Подхватив тару, президент отправился к ручью. От ледяной воды заломило пальцы и начали кровоточить ссадины, нажитые в драке с богомолами. Артур сделал двадцать ходок, пока не наполнил деревянные желоба внутри каждой клетки. Он ожидал смешков в спину, но Иван молчал.

Гном молчал, а следовательно, все шло по плану. Коваль не мог объяснить, откуда у него такая убежденность, но раз встретилась пресло-

вутая развилка, стало быть, и встречным персонажам надо помогать. Глядишь, какой профит и выгорит...

Он вернул ведро на место и остановился в задумчивости, обозревая прочий немудреный инвентарь. В уголке стояли грабли, широкая лопата и ящик со свежей сухой соломой. Артур скосил глаза на гнома. Тот оставался холоден, как арктический лед. Все, что хотел, Иван уже сказал.

— Дерьмо, говоришь, нюхать? — уточнил Артур. — Мне тоже кажется, что пора убраться!

И впрягся в самую унылую в своей жизни работу. Кастет ему здорово мешал, но Коваль не отваживался его положить. Свиной он не боялся. Под взглядом Клинка хрюшки послушно перебирались в соседние клетки и терпеливо ждали, пока закончится уборка. Артур поочередно махал лопатой и граблями, стараясь дышать через нос. Не прошло и часа, как он извальный с ног до головы. Пот лил с него в три ручья, вдобавок на нос норовили усесться противные жирные слепни.

В какой-то момент гном, индифферентно следивший за движением светила, вдруг предложил:

— Кастет можешь отцепить. Никто не стырит.

— Что? Что ты сказал?! — не поверил Артур. Сердце екнуло и забилося быстрее.

— Говорю, мил-человек, двумя руками сподручней!

И гном демонстративно отвернулся.

Артур мысленно трижды прокричал: «Ура!» Он действовал правильно...

За ящиком с соломой он обнаружил корявое подобие тележки, покрыто с колесиком, и принял решение удобрить ближайшую рощу подсолнухов. Судя по их внешнему виду, желтым уродам уже ничто не могло повредить.

Когда все было закончено, заныла каждая клеточка тела. Разгребать дерьмо оказалось тяжелее, чем воевать с насекомыми и терпеть издевательства подземной нежити. словно все сговорились против него: грабли постоянно застревали, лопата гнулась, а тачка норовила перевернуться...

После того как Артур раскидал солому, убрал инвентарь и собрался к ручью искупаться, Иван неожиданно преградил ему дорогу.

— После закаляться будешь... Вишь, как поливает! — И загадочно кивнул на косматый солнечный диск.

— Упырь ты, а не проводник! — в сердцах воскликнул Артур. — Памятью моей питаешься. Ты хоть знаешь, что такое закаливание и как выглядит телефонный справочник?! Я до ночи в таком виде ждать не намерен... — Он обернулся и сразу же понял, что нашел четвертую дорогу.

12

В ГОСТЯХ У СЫТОЙ КОРОЛЕВЫ

Дорога никуда не исчезала, она была тут все время. Просто она ждала того, кто ее заметит. Ждала того, кто сумеет по ней пройти. Следовало раньше пошевелить мозгами и применить чуточку смекалки, которой у Артура не осталось. После общения с двухговым ребеночком голова соображала неважно.

Скользкая тропка спускалась с холма от самой развилки, упиралась в дверь свинарника, продолжалась в загаженном коридорчике и убегала вдаль через вторую дверь с противоположной стороны. Минуту назад, когда Артур подметал, второго выхода не существовало. В торце здания только что была сплошная бревенчатая стена. Мало того, Артур дважды обходил свинарник кругом и со всех сторон видел лишь ковер изумрудной травки. А дальше лужок был охвачен плотным частоколом непроходимых зарослей. Он честно сделал попытку пройтись вдоль границы подсолнухов и убедился, что без топора между стеблями не продаться.

Он спустился к ручью и окатился ледяной водой. Уже когда возвращался к порогу, кольнуло тревожное предчувствие. Возможно, Иван боялся не солнечного света, а чего-то совсем другого, но не хотел или не имел права сказать прямо. Артур уселся обсохнуть на верхней ступеньке лесенки, опустив босые пятки в траву. Второй выход никуда не исчез, с той стороны виднелась такая же тропинка, упиравшаяся в склон холма.

Раньше ее не было, теперь появилась, делов-то...

Итак, он угадал, набрал нужную комбинацию, если так можно назвать четыре часа каторжной работы. Поросята радостно гадили в свежую подстилку, гном ухмылялся.

— Пошли! — сказал президент, встал и тут же плюхнулся назад от острой боли в левой ноге.

Президенту чертовски повезло, что он сидел на пороге. Еле сдерживая стон, он поджал обе ноги и быстро осмотрел стопу. Он ожидал увидеть крупное насекомое или гвоздь, но заметил на щиколотке лишь два маленьких пятнышка крови. Задубевшей коже стопы не страшны были никакие гвозди. На том месте, где секунду назад стояла его нога, распрямлялась трава и заполнялся водой след в мягкой глине. Еще в глине виднелась маленькая воронка с отверстием, словно орудовал муравьиный лев.

Что-то вылезло из грязи и дважды укусило его. Вот тебе и декорация! Не хватало нам скорпиона или тарантула под завязку! Ковалю

вспомнились милые болотные паучки, напавшие на его караван во Франции. Если здешних свиней каменным фундаментом сберегали от выводка ахаров, то одному ему со стаей не справиться...

Боль прошла, но лодыжка онемела, а потом граница нечувствительной зоны расширилась. При всем желании Артур не успевал нейтрализовать яд, зараза распространялась слишком быстро. Спустя минуту Артур уже не ощущал левой ноги ниже колена. Он кое-как поднялся, опираясь о загородку стойла, и встретился взглядом со здоровенным черным хряком. Хряк вздохнул и повернулся к человеку задницей. Если он и умел разговаривать, то сегодня с утра находился явно не в духе.

Гном опять выбрал местечко почище, уселся по-турецки и увлеченно уставился в книгу. Он старательно изображал равнодушие и всячески давал понять, что до темноты не двинется с места. Впрочем, судя по тому, с какой скоростью перемещалось по небу здешнее солнце, вечер должен был наступить через пару часов.

Стиснув зубы, Артур доковылял до противоположного конца свиарника. Последние пять метров потребовали от него таких усилий, что он едва не растянулся в грязной соломе. Хотелось только одного — лечь и не вставать. Он дважды упал, пока добрался до двери. Распахнул ее и уселся на пороге, не рискуя уже опускать ноги на землю. Онемение добралось до середины бедра, и теперь он совершенно точно знал, что затронута вся нервная система. Он стал хуже слышать и с трудом поворачивал шею. Перед глазами плясали мушки, а каждый вдох давался с усилием.

«Только подохнуть здесь не хватает! Я его не послушал, поперся купаться...»

Коваль смотрел на тропу. Он испробовал несколько способов медитации, которым научился у Качальщиков. Сердце успокоилось, мозг работал четко, но без лекарственных трав нейтрализовать незнакомый яд было невозможно. Позади шелестел страницами Иван и попискивали поросята, требуя у матки молока.

«Мелкий засранец знал, что я попадусь...»

Внезапно Артуру показалось очень важным, что гном не оставил его. Пусть он был фантомом, как и проклятый Минь, он всего лишь играл свою роль.

«Он поведет и дальше, но не как обычный проводник. Он не показывает дорогу, если путник сам находит верный путь! Зато стоит сбиться, он начинает нести всякую чушь. Надо бы придумать, как правильно приказать...»

Но сформулировать правильный приказ у президента не получилось. Зато нашлись силы на очередное доброе дело. Он так долго пялился за туманенным взором на зеленый ковер травы, что не сразу заметил, на-

сколько сильно отличается западный выход свинарника от восточного. Со стороны развилки в сарае была узкая дверца, только для человека, скотину же выводили на пастбище через широкую западную дверь. Там вместо лесенки с высокого порога к земле вел пологий скат. А слева и справа от порога начинались две крепкие изгороди. Они тянулись вдоль тропы и вместе с ней сворачивали на желтый холм. На холме подсолнухи расступались, образовалась просека, а грязная тропинка переходила в пологие каменные ступени.

Артур никак не мог сфокусировать зрение; зелень рябила и расплывалась, и вообще, ему казалось, что он смотрит в испорченную подзорную трубу. Что-то надо было сделать, пока не стало совсем плохо...

Он поднялся на четвереньки, чтобы дотянуться до щеколды ближайшего загона.

«Чжан услышит дрожь твоих ног...»

Три тощих подсвинка, радостно вереща и толкая друг друга, рванули в открывшуюся калитку. Артур даже не сумел увернуться, когда острое копытце задело рану на бедре. На глаза навернулись слезы. Он проморгался и сделал очередную попытку подняться.

— По одному надо, дурья башка! — сказал гном.

Он уже не читал книгу, а стоял рядом, теребя седую бородку. От гнома пахло топленным молоком и древесными стружками, на его лице застыло такое азартное выражение, будто он ожидал исхода боксерского поединка.

Свиньи вылетели на лужайку и припали к траве. Тропа с этой стороны свинарника была изрыта и истоптана. Видимо, загадочный пастух неоднократно гонял скот между изгородями.

Ковалю удалось выпрямиться на здоровой ноге. Подтянувшись на руках, он кое-как принял вертикальное положение. Сердце колотилось с перебоями, в ушах стоял звон. Он подумал, что в таком состоянии не совладал бы даже с Иваном, пожелай тот воспользоваться моментом для нападения.

Но гном не собирался кидаться в драку. Он нетерпеливо постукивал посошком, следил за поросятами и облизывал губы, словно предвкушая долгожданный десерт.

Поросята рылись в грязи, откапывали мелкие корешки и уходили все дальше. Метров через пятьдесят тропинка вместе с заборчиками сворачивала в гору, каменные ступени терялись в желтых зарослях подсолнухов. Блеклое негреющее солнце стояло в зените. Целая армия блестящих навозных мух носилась над преющей землей.

«Пятьдесят метров, — подумал Коваль. — Дальше сухая глина, корни и камень. Пятьдесят метров открытой земли, где она слышит дрожь моих ног...»

Коваль выплюнул горькую слюну и ощутил едва заметное дрожание почвы.

Чжан поднималась.

Она поднималась к поверхности из глубины земли.

Почему-то он сразу отнес хищницу к женскому полу. Несмотря на пульсирующую боль в затылке, он очень верно ее почувствовал и сам удивился остроте восприятия.

...Чжан терпеливо дожидалась рассвета, но не потому, что любила солнце. Она привыкла, что с рассветом пища покидает свое каменное укрытие, сквозь которое невозможно пробиться. Ее интересовал животный белок, но дикие травоядные давно научились слышать ее приближение. Ночи они проводили на скалах, а кто умел — на деревьях, но днем им нужны были вода и трава. Не все животные годились в пищу, некоторых следовало опасаться. Их кровь могла оказаться ядовитой и отравить всю колонию. Крупные наземные хищники, обладавшие иммунитетом к яду Чжан, готовы были подраться за свои охотничьи угодья.

Хищники редко нападают друг на друга, и Чжан не являлась исключением. Огромная колония личинок, скопище нескольких тысяч насекомых, передвигалась глубоко под поверхность почвы. Поднимаясь из глубины, она не брезговала падалью, составляя конкуренцию кладбищенским червям, нападала на больных грызунов и выпавших из гнезд птенцов. В колонии существовала строгая иерархия, без которой сложное сообщество не смогло бы выжить.

Наверху дежурили разведчики. Они постоянно несли тяжелые потери, их склевывали птицы, пожирали кроты и кабаны, и королеве приходилось ежедневно обновлять их ряды. Ощувив дрожание почвы, определив, съедобен ли объект, разведчики передавали данные солдатам, а те устремлялись к жертве с полными хоботками парализующего яда. Королева всегда точно знала, достаточно ли было яду, чтобы обездвижить жертву, но ее слабого разума не хватало на то, чтобы послать к источнику колебаний сразу сотню отравителей. Под прикрытием солдат двигался следующий живой слой, этих можно было назвать кладовщиками. Как только жертва падала и теряла способность к сопротивлению, тысячи кладовщиков поднимались на поверхность и принимались рвать ее на части. Они проглатывали пищу, но никто из них не смел начать переваривать свою долю. Кладовщики с набитыми желудочными мешками устремлялись вниз, а навстречу им уже спешило ядро колонии. В ядре суетились личинки-трутни, строители и няньки, окружавшие кокон королевы.

В рыхлой почве Чжан поднималась очень быстро и очень быстро собиралась в кулак. Ослабевшую овцу она могла обездвижить тремя укусами и сожрать за полчаса. На свинью либо корову уходили жизни де-

сятка солдат и в три раза больше времени. Когда Чжан обедала, никто не смел тревожить ее покой, уж тем более никто не посягал на ее добычу. Кружившие в вышине хищные птицы делали вид, что ничего не замечают. Медведи, волки и зубастая мелюзга втягивали ноздрями запах крови, но, учуяв яд Чжан, торопливо убегали прочь.

Ее скудоумие поддерживало равновесие. Если бы одна из королев Чжан додумалась, как надо правильно убивать, очень скоро на земле не осталось бы никого, кроме ее подданных. Но в природе все стремится к равновесию. Потому-то наземные хищники, которых погибло так много во времена Желтых дождей, уступили в пойменных лугах место колониям Чжан. Кто-то ведь должен регулировать число травоядных. Теперь, когда королевы, зародившиеся в сточных водах ракетного комплекса, набрали силу, как назло, снова пошла в рост популяция волков и прочих теплокровных хищников. Они все чаще уводили у Чжан добычу.

Равновесие сохранялось.

Королева Чжан так не думала, она вообще ничего не думала, но последние годы ей все тяжелее было поддерживать колонию. Это происходило потому, что монахи, раньше молившиеся на Чжан и нарочно оставлявшие божеству привязанную на болотистом лугу свинью, резко поумнели, а скотные дворы стали строить на каменистых пустошах. Они закладывали теперь крепкие фундаменты и не считали больше Чжан одним из божеств. Королева ничего этого не знала. Она даже не подозревала, что ее память состоит из памяти десятков королев. Она не умела отделять свою короткую жизнь от жизней предшественниц и чувствовала себя всегда единой и неделимой.

Она была рада, что обнаружила это сытное место. Здесь не надо было полночи караулить, когда на сырой берег выйдет напиться пугливая антилопа или когда неосторожно уснет в траве пьяный путешественник. Здесь люди с иероглифами на щеках позаботились о том, чтобы у Чжан всегда была пища. Они выгоняли скотину пастись на строго отведенном участке, на длинной узкой колее между фундаментом и воротами сада. Постепенно Чжан привыкла, что не следует забираться дальше границы сада на запад. Она привыкла, что свиньи гуляют по неширокому участку вдоль тропы, редко подходя к воротам сада. В саду земля тоже дрожала, там бродили и молились люди, выпалывали сорняки и поливали цветы, но охотиться там было нельзя.

Несколько раз Чжан пыталась нарушить запрет, но жестоко поплатилась. Она напала на послушников. За это люди вылили в землю керосин. Потеряв половину солдат и нянек, королева уяснила, что границу сада пересекать нельзя. Потом она обнаружила, что не может покинуть поляну, на которой стоит свинарник. Монахи высадили вокруг целый лес подсолнечника, запах корней которого убивал подданных не хуже,

чем керосин. Корни этого подсолнечника забирались так глубоко, что проникали в твердые пласты, в которых Чжан не могла двигаться.

Она стала пленницей одного-единственного луга, но не могла пожаловаться на плохое обращение со стороны тюремщиков. Периодически ей подбрасывали свининки, иногда попадалась и человечина. Этих людей можно было кусать и кушать, потому что они были совсем не такие, как монахи. От них не пахло керосином. Люди появлялись из ниоткуда, затем уходили вверх, к развилке. Изредка находились такие, кто возвращался и пытался пересечь пространство между свинарником и воротами сада. Еще реже попадались те, кто успевал добежать.

За последние десять лет колония обновилась тысячи раз, и маленьким личинкам не дано было осмыслить длину человеческой жизни. Из трех десятков молодых мужчин, стремившихся стать послушниками, лишь шестеро возвратились сюда с развилки. Их не прельщала власть над гадами и духами леса, их интересовали Красные драконы. Эти шестеро были опытными и хитрыми воинами. Они догадались, что на развилке существует четвертая дорога, но мало кто сообразил, чем чреват путь по ней. Почти все они стремились к власти над летучими червями ради самой власти, ради богатства и почестей, хотя у костра Настоятелей говорили совсем иное. Эти шестеро были нетерпеливы и самонадеянны. Они не пожелали покормить скотину и сменить грязную подстилку.

Им было некогда. Их ждала слава и женщины.

Так они полагали, шагая по грязи к золотым воротам сада. Они уже видели сверкающие статуи на колоннах и крыши пагод, утонувших в цветущих деревьях. Они восторгались вечным летом, дивными запахами и говорили себе, что совсем скоро обретут такое же могущество, как монахи Ордена.

Пятеро, мечтавшие получить могущество и славу, пошли на корм Чжан. Выносливого воина нелегко убить одним укусом. Если бы у этих пятерых хватило мудрости вернуться назад и переждать короткий день в свинарнике, то за ночь яд бы рассосался. Но они упрямо ползли по грязи к золотым воротам.

Убедившись, что добыча ослаблена, Чжан посылала очередного солдата. Чжан никогда не дожидалась, пока у жертвы остановится сердце. Некоторые мужчины умирали не сразу. Они визжали и плакали, хотя и не чувствовали боли. Нелегко оставаться спокойным, когда тебя пожирают заживо. Один кричал особенно долго. Он принадлежал к роду воинов Шаолиня и обладал искусством замедлять сердце и останавливать кровь. Он долго готовился к посвящению, осваивал боевые искусства и древние трактаты. Он поклялся настоятелю своего храма, что раздобудет Красных драконов. На самом деле монахом двигало не стремление избавить окрестные земли от набегов врага, а желание возвыситься до

сана Настоятеля. Как и другие, он ошибочно полагал, что Храм Девяти Сердец любит сильных и холодных рассудком. Он верил, что меткий глаз и крепкая рука решат все вопросы. Ему в голову не пришло накормить вонючих свиней и убрать за ними навоз.

Он слишком спешил получить драконов.

Невзирая на три укуса, он продолжал ползти, подтягиваясь на единственной сохранившей подвижность руке. У золотых ворот стояли монахи и послушники, они видели мучения кандидата, но никто не пришел ему на помощь.

Солдаты Чжан не могли укусить монаха еще раз, поскольку он потерял сознание, кладовщики уже начали свою работу, и королева отозвала уцелевших солдат назад. Но потом человек очнулся и пополз.

Монах сумел добраться до нижней ступени ворот. Поскольку он полз на левом боку, то к этому моменту у него уже не было левой ноги, левой руки ниже локтя, а тропа стала красной от крови. В последнем усилии он приподнял голову, и садовники увидели наполовину голый череп.

Когда Чжан закончила свой завтрак, один из послушников спустился с крыльца, подобрал багуа и с поклоном передал его Дзуликому Настоятелю Гоа.

Из шестерых только один человек сделал все правильно, достигнув ограды сада. Это произошло давно, указанный человек не стремился покинуть Орден. Он родился в Храме и стал послушником в одиннадцать лет. Затем он стал монахом, пройдя все ступени посвящения. Если бы Чжан обладала способностью сравнивать, она бы заметила некоторое сходство. Тот человек, занимавший сейчас должность Настоятеля, был чем-то похож на сегодняшнего гостя. Внешне они были очень разными, но Чжан не пользовалась глазами. Она чувствовала в обоих силу, оттого долго не решалась напасть. Как любой хищник, она была предназначена для истребления слабых и больных. Человек, которого братия называла Дзуликий Гоа, родился с чудовищными отклонениями, но уродство делало его еще более упорным и стойким.

Тот, кто пришел сегодня, еще меньше походил на больную овечку.

Этот долго бродил вниз и вверх по горе и катал впереди себя тачку, но Чжан не привыкла нападать так рано. К тому же вчера прошел сильный ливень, и колония стремилась уйти глубже. Личинки-солдаты спокойно переносили влагу, но становились беспомощны в бурных потоках воды. Потом разведчики донесли, что глупый человек утомился. Его укусили, но человек, как назло, не упал на траву, а сумел укрыться на камнях.

Если бы Чжан умела испытывать досаду, она бы выругалась. Но единственным чувством, двигавшим колонией уже много лет, был голод.

Чжан пустила еще несколько солдат, но человек так и не появился. Зато со стороны сада отворилась калитка, и выбежали на пастбище свиньи.

Разведчики растерялись. Они наперебой кинулись докладывать о нескольких возникших целях. Королева заметалась, не в силах разорвать ядро. Наконец, солдаты обездвижили самого хилого подсвинка, и начался долгожданный пир. Почуввав кровь, бестолковые животные принялись метаться вдоль заборов. Они норовили вернуться в свои домики, но человек не впустил их обратно. Ушло много времени, прежде чем слугам королевы удалось уложить двух оставшихся поросят. К тому моменту, когда от них осталось лишь несколько костей и обрывки шерсти, человек выгнал на луг еще двух свиней.

Чжан была сыта, но инстинкт заставлял ее продолжать охоту. Кладовщики и солдаты еле шевелились, набив брюшки до отказа. Даже разведчики, которым обычно доставались самые крохи, и те обожрались, потеряв всякую способность к охоте. Теперь Чжан хотела спать и собиралась уйти на несколько метров в глубину, чтобы королева могла отложить в брюшки нянек новые яйца.

Разведчики сообщили, что на лугу появилось еще одно животное. Инстинкт хищника кричал, что надо атаковать, но сил на атаку уже не осталось. Впервые в истории колонии Чжан не сумела доесть свой завтрак. Это тоже было неправильно, потому что другой инстинкт призывал оставить место трапезы в чистоте. А потом на тропе показался человек. В нем сохранялось достаточно яда, а на коже не было ни капли керосина. Человек был легкой добычей, он с трудом передвигался, волоча за собой парализованную ногу. Чжан слышала дрожание почвы, но ничего не могла поделать.

Человек доковылял до подножия холма и стал для нее недостижим. Он долго лежал на камнях, а затем поднялся и, покачиваясь, пошел в гору. Когда подсолнухи развернулись на запад, упрямец достиг золотых ворот сада.

Там его ждал двуликий Настоятель Гоа.

13

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА ГОА

— Ба, знакомые все лица! — сказал Артур, не очень надеясь, что его поймут. Он не знал, имеет ли смысл здороваться второй раз, но на всякий случай поклонился.

Перед ним на клумбе сидел тот самый длиннорукий мутант в зеленой юбке, с двумя золотыми масками на голове, что угощал кандидата жареной лисицей. Мутант приподнял одну клешню и щелкнул пальцами. Из кустов выпорхнул послушник в синем балахоне и поставил перед Ковалем чашку с дурно пахнущим отваром. Двуликий мяукнул и дважды кивнул. Заходящее солнце, вспыхнув, отразилось от его золоченого лба. Артур, не дожидаясь приглашения, присел напротив. Он предпринял безнадежную попытку отыскать взглядом проводника, но коварный гном куда-то подевался.

Двуликий произнес длинную фразу и хихикнул, указывая на чашку. Коваль прикинул, что хуже уже не будет, и сделал три больших глотка. Оказалось даже приятнее, чем он мог предположить, и эффект превзошел все ожидания. Дышать стало легче, восстановилась прежняя острота зрения, к ноге постепенно начала возвращаться чувствительность.

Он осторожно осмотрелся. Пейзаж сменился так, словно Артур угодил из одной сказки в другую. За спиной поднимались изящные золоченые столбики с перекрытием, стилизованным под черепичную крышу пагоды. В проеме ворот позвякивали колокольцы и качались бумажные фонари. Сад огибала высокая ограда из плотно пригнанных стволов бамбука. Песчаные и гравийные дорожки затайливо изгибались среди пышных цветочных клумб. Фигурно стриженные деревца и кустарники изображали животных. По дорожкам, среди белого песка, были выложены правильные узоры из цветных камешков. Воздух еле заметно дрожал от испарений; над цветником струились насыщенные ароматы, как в закрытой оранжерее. Наверное, тут благоухало не меньше сотни сортов роз. Сквозь дымок курильниц Артур видел ажурные беседки, сплошь увитые розовыми побегами. За роскошными кустами угадывались еще одни ворота, намного выше тех, через которые он заполз.

«Да, заполз, как раздавленная жаба...»

Он совершенно не чувствовал себя способным драться с кем бы то ни было. Но, судя по всему, очень скоро придется воспользоваться подарком Минь.

Его окружало не менее пяти человек. На сей раз, слава Создателю, это были самые обычные люди. Они дышали, они производили шум, ступая босыми ногами по траве, они сглатывали слюну, предвкушая охоту.

Улыбающаяся маска еще раз церемонно кивнула. Затем Двуликий закинул бесконечную руку за спину, пошуровал там и извлек на свет высокий бронзовый кувшин с крышкой. Он поставил кувшин на гравийную дорожку и выдал очередную порцию мяукающих звуков. Всем своим видом он выражал уважение и сочувствие несчастному виду гостя.

Кувшин Артуру сразу не понравился. Еще меньше понравился, чем пятеро мужчин, что прятались за оградой и клумбами. Следовало отме-

тить, что прятались они превосходно. Артур подумал, что даже будь у него с собой метательные ножи, он бы вряд ли попал хоть в кого-нибудь. Он совсем позабыл, что находится в гостях у Хранителей.

Двуликий свистнул. Мальчишка в синем балахоне церемонно поклонился хозяину и принялся сдирать ножом крышку с кувшина. Крышка была залита чем-то густым, вроде смолы или сургуча. Мальчишка зажал сосуд между коленями, просунув лезвие в щель.

Краем глаза Коваль уловил полуголую фигуру, промелькнувшую между кустами. Еще один человек полз вдоль ограды, скрываясь за фигурным парапетом. Артур уже чувствовал пальцы стопы и мог бы, наверное, постоять за себя. Он вылил в рот остатки жидкости. Вареву сильно смахивало на рябиновую настойку с отчетливым привкусом резины. Чувствительность в ноге почти восстановилась, зато заболели все прежние царапины.

— Почтенный Настоятель Гоа предлагает тебе оспорить право на содержимое сосуда. Настоятель проявляет уважение к упорству и доброте, поэтому тебя не убили сразу, пока ты был болен.

Артур не сразу понял, откуда доносится голос, но потом поднял глаза вверх и увидел знакомое личико бурята. Толмач непринужденно сидел на корточках на самом верху ворот и перекидывал из руки в руку садовые грабли. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не совсем обычные грабли. Длина зубьев достигала пятнадцати сантиметров, и все они были заточены, как кинжалы.

Из-за кустика слева бесшумно выступил лысый широкоплечий мужик с толстым багром. На одном конце багра поблескивало широкое изогнутое лезвие, на другом — торчал набалдашник в виде птичьей головы. Лицо мужика закрывала черная маска с рогами и выдающейся вперед бычьей мордой.

— Почтенный Настоятель Гоа считает, что ты поступал справедливо, поэтому тебе предлагается справедливый бой! — Бурят мягко соскочил с ворот, скинул верхнее платье и остался в коротких кожаных шароварах. Его смуглое тело казалось свитым из стальных канатов, спину покрывала паутина шрамов.

«Час от часу не легче! Не грохнули из уважения, так прикончат ради справедливости...»

Мальчик в синем сколупнул, наконец, плотную крышку и с поклоном отполз под кустик. На его месте тут же возник еще один монах, такой же крепыш, как тот, что махал багром. В руках у этого очутились два коротких обоюдоострых меча, а на физиономии — маска улыбающегося тигра. Тигр поклонился Настоятелю и присел на корточки в метре от кувшина. Из его сандалий торчали вперед изогнутые кинжалы.

«Номер третий. Где-то прячутся еще двое...»

— Загляни в сосуд, — перевел бурят и крутанул грабли вокруг локтя, словно это была легкая тросточка.

Артур встал, покачал головой и сразу же заметил четвертого. Тот лежал плашмя за розовым кустом, буквально в трех шагах, и сжимал здоровенные вилы. Вокруг на пять метров расстился ровный газон, и было совершенно непонятно, как китаец сумел подобраться, оставшись незамеченным. Артур в очередной раз позавидовал ловкости аборигенов. Он снова упустил из виду, что имеет дело не с темными крестьянами, а с членами колдовской секты, профессиональными Клинками.

Еще не заглянув в кувшин, Коваль по запаху определил его содержимое. Двухликий не обманул. Судя по настрою вооруженных подручных, справедливость он понимал по-своему, но лгать не собирался. На дне плотной массой копошились розовые черви. Они ничем пока не походили на своего взрослого собрата, который прилетал на Байкал, но разило от них точно так же. Черви не достигали в длину и десяти сантиметров. Их крылья находились в зачаточном состоянии, глаза походили на бугорки, затянутые пленкой, а раздвоенные хвостики трепетали, как у болотных головастика. Определить, сколько их в кувшине, не представлялось возможным. Розовая масса постоянно перемещалась, точно клубок опарышей.

Стоило Ковалю заглянуть в кувшин, как милые головастики прекратили броуновское движение и разом задрали безглазые головки вверх. Раздался пронзительный писк, от которого у Артура заныла челюсть. Ощущение было такое, словно на самых высоких оборотах заработала бормашина и тонкий бор воткнулся в нерв большого зуба. От будущих крылатых кошмаров исходила волна такой жгучей ненависти, что Артур невольно отшатнулся.

Раздался дружный хохот монахов. Мальчишка выхватил кувшин, передал хозяину. Гоа недовольно хлопнул ладонью, и все заткнулись, внимая старшему.

Артур затаил дыхание. Впервые он так близко соприкоснулся с сокровенными тайнами Хранителей. Про то, как выращивают драконов подручные Прохора, он знал в самых общих чертах, но, насколько мог судить, технологии разительно отличались. Каждого нового питомца уральские мастера готовили по «индивидуальному проекту». Здесь же он столкнулся с чем-то новым, словно заглянул за порог дозволенного. Не могли естественным путем родиться на планете такие животные... Не могли, но рождались и вырастали. Провожая глазами кувшин, Артур подумал, что Лева Свирский был прав.

В мир вернулись малолюдные времена и вернули древние легенды. Волшебство... Настоящее волшебство. Это слово навязло в зубах и никак не хотело его отпускать. Очень легко было объяснить все происхо-

дящее волшебными чарами, но мозг европейца изо всех сил противился очевидному.

— Ты, мирный человек, надеялся на бесплатную дружбу летучих червей, — нараспев произнес Дзуликий. — Но бесплатной дружбы не бывает. Тебе придется кормить друзей своей кровью, греть их за пазухой в морозы и оберегать от врагов, пока они не станут достаточно сильны. Возможно, тебе придется отдать им гораздо больше, чем немного крови. Если ты не готов к этому, ты вправе отказаться. Обещаю, что ты покинешь Храм живым.

Прежде чем ответить, Артур помедлил. Он оценивал диспозицию, гадая, кто же бросится на него первым. Отрезая путь к отступлению, в воротах появился шестой участник сходки. Этот носил маску медведя и, как истинный медведь, в оружии не очень нуждался. Он носил подпорченную молью шкуру, а в открытых местах весь был обмазан салом. Коваль сразу понял, что если этот паренек его обнимет, можно сразу попрощаться с жизнью. Ни в коем случае нельзя было подпускать его близко. Мало того, «медведя» следовало вырубить в первую очередь...

— Я готов, почтенный Настоятель.

Медведь сделал шаг вперед и хрустнул кулаками. Тигр плавно разогнулся. Заходящее солнце играло на его отполированных «когтях». Человек с боевыми вилами поднялся из-за куста и оказался гигантом под два метра ростом в маске аиста. Амбал с бычьей мордой с такой скоростью раскручивал вокруг туловища багор, что лезвие казалось сплошным белесым кругом. Настоятель Гоа принял из рук послушника кусок сырого мяса и кинул в кувшин.

— Это еще не все, мирный человек. Иногда друзьям приходится отдавать гораздо больше, чем берешь у них. Если надеешься, что друзья примут смерть, защищая тебя, надо быть готовым... — Гоа помедлил, раскатал в ладонях рисовый шарик и закинул в затылочный рот. — Надо быть готовым отдать им нечто дорогое. И никто не скажет тебе, что именно придется отдать, пока не придет нужный час. Ты еще можешь отказаться, и я сохраню тебе жизнь.

— Я не откажусь!

— Хорошо. — Настоятель хлопнул в ладоши. — Тогда возьми сосуд, если сможешь!

Мальчик подхватил кувшин, заткнул пробкой и припустил к воротам. Не успел Коваль моргнуть, как послушник подтянул подол синей рясы, закинул ногу в подставленную ладонь человека-медведя и взлетел на вершину ворот. Он оставил кувшин на высоте трех метров, прыгнул с другой стороны и исчез за бамбуковой оградой.

Артур не услышал свиста, но успел откатиться в сторону мгновением раньше, чем летевшие ему в спину вилы ударились о землю. Гигант

метнул свою оглоблю с такой силой, что острые штыки наполовину ушли в землю. Тигр без толчка и разбега взлетел над землей метра на полтора. Первый удар меча Артур отразил кастетом, а Тигр уже замалчивался вторым клинком, вращаясь в воздухе, как волчок.

Артур прыгнул через клумбу; наперерез неся бурят с граблями, с другой стороны стремительно вращал посохом Бык. Гоа лепил рисовые шарики и поочередно кормил оба рта. Медведь надвигался неспешно, как шагающий экскаватор.

Тигр замешкался самую малость. Он никак не ожидал, что соперник вернется к нему обратно, и предоставил возможность позабавиться своим друзьям. Артур сделал вид, что приземлился неловко, начал заваливаться набок, но тут же пружиной скакнул назад. Его мишенью стал не тигр, а длинный в маске Аиста, что кинулся за своими вилами. Аист успел выдернуть вилы и поднять их над головой, но на этом его война закончилась. Стальной полумесяц распорол ему бедро и низ брюшины.

Тигр летел боком, параллельно земле, выставив вперед ножные лезвия. Артур подкатился под падающего Аиста, вырвал у него из рук древко вил и со всех сил ткнул в живот Медведя. Сандалия Тигра просвистела у Коваля в дюйме от плеча.

Медведь остановился, но ровно на секунду, затем схватился за вилы и легко вырвал их у Артура из рук. Ковалю показалось, что он таранил паровоз, такой сильной получилась отдача. Аист верещал, сложившись пополам, и заливал газон кровью.

Не дожидаясь, пока Медведь ткнет его вилами, Артур помчался вокруг клумбы с мирно жующим Гоа. Бурят развернулся невероятно быстро, обогнал ревущего Быка и молча рванул наперерез. На какое-то время Бык был лишен возможности воспользоваться своим оружием, бурят ему мешал. Краем глаза Артур видел, как Медведь отшвырнул вилы и затрусил следом. Тигр куда-то пропал, это было плохо...

Артур бежал прямо на грабли бурята. Вдруг Бык вырвался вперед, точно ему обещали премию за убийство. Бурят чуть поотстал, изыскивая возможность для замаха: спина партнера ему мешала. В тот момент, когда зубья грабель пошла вниз, Артур провел Быку кастетом хук слева, вложив в бросок все силы, а сам прыгнул вправо.

Лезвия багуа глубоко вонзились в маску. Ноги Быка заплелись; он рухнул на колени, выпустив посох. Тридцатисантиметровый серп на конце дубины продолжал описывать круг и чуть не вспорол живот буряту, это спасло Артура жизнь. Боец затормозил, парируя удар посоха граблями, и не успел дотянуться до беглеца, который зайцем сиганул в кусты.

Врезавшись в самую гущу розового цветника, Коваль в десяти местах распорол себе грудь и ноги. Свалившись на землю, он несколько секунд оставался в темноте — настолько густо здесь были посажены кусты. Он

хватал ртом воздух, восстанавливая дыхание, и думал, что становится староват для подобных игрищ. Долго отдыхать ему не дали: Медведь и Тигр вломились на клумбу с двух сторон. Тигр с рычанием превращал сучья в щепу, а Медведь пер напролом, вырывая кусты с корнем.

Отступая, Коваль ударил Медведя в пах, чудом успел отклониться от меча, нырнул вбок и в сторону. Медведь присел, смешно сжимая колени. Тигр махнул мечом еще раз, но наискось ему бить было неподручно; лезвие завязло в переплетении ветвей.

Второй меч неся горизонтально, срезая все на своем пути. Десятки бутонов взлетали в воздух и осыпались дождем из лепестков. Артур врезал Медведю по щиколотке, присел, пропустил сталь над головой, встал, попал Тигру по горлу, но недостаточно сильно. Медведь упал на одно колено, почти сразу начал подниматься. Остановить этот танк не было никакой возможности. За стеной зеленых листьев показалась рогатая голова Быка. Он крутил посохом, выкашивая впереди себя полукруг, но, похоже, ничего не видел. С его маски капала кровь.

Артур отпрыгнул назад, рискуя получить от Тигра удар ножным клинком, и угодил-таки в объятия Медведя. Тот опустил беглецу громадную лапищу на плечо и начал сжимать, притягивая к себе. Ковалю показалось, что сейчас вывернется его плечевой сустав; не дожидаясь, пока вторая лапа сомкнется на горле, он обеими руками взялся за толстые пальцы врага и сломал сразу два. Кости хрустнули, Медведь истошно заорал, размахивая рукой, словно ненароком опустил ее в кипяток.

Посох Быка пронесся в сантиметре от ноги Тигра. Тот подскочил, крича что-то своему обезумевшему товарищу. Артур вырвался от Медведя и всей тяжестью обрушился Тигру на руку, выламывая сустав. Тот уже почти успел освободить меч от веток, но маскарад сыграл с ним злую шутку. Артур зажал под мышкой руку с мечом и надвинул Тигру маску на глаза. В следующие две секунды он успел сделать три точных движения.

Сломал Тигру кисть.

Присел, пропуская над головой багор.

Пока Бык замахивался для второго удара, мечом Тигра ткнул Медведя в шею.

Тигр попытался лягнуть Коваль, но в кустах промахнулся. Медведь хрипел, зажимая фонтанирующую артерию. Артур метался между ними, следя за лезвиями на сандалиях Тигра. Тот бил вслепую, пытаясь здоровой рукой поправить перекошенную маску.

Медведь покачнулся и всей массой начал валиться вперед, подминая под себя кусты. Бык снова вспахал воздух посохом, и снова вхолостую. Артур полоснул Тигра мечом по шее, но промахнулся и только поранил ему плечо. Тут он увидел Быка совсем близко и понял, отчего тот машет

посохом впустую. Было удивительно, что Бык вообще жив. Багуа очень глубоко пропорол ему скулу: бычья маска насквозь пропиталась кровью. Кровь капала с черных губ и даже из глазниц; белые розы на окрестных кустах покраснели. Скорее всего, Бык давно ничего не видел и лупил посохом наобум.

Коваль выскочил на дорожку и саблей встретил грабли бурята.

Тот все это время терпеливо поджидал снаружи.

Несколько мгновений они молча пыхтели, не желая уступать, затем бурят крутанул своим оружием, и скользкая от пота рукоятка вырвалась у Артура из рук. Меч взлетел вверх, вращаясь, как бумеранг. Бурят осклабился, перебросил грабли за спину и нанес скользящий удар слева, провоцивая на пятке. Артур догадался прыгнуть ему навстречу и получил в бок ощутимый шлепок древком. Оба не удержались на ногах и упали.

Толмач вскочил первым. На замах у него не оставалось времени. Вместо этого он упер древко в землю и крутанулся вокруг него, как взятая стриптизерша вокруг столба. Две пятки летели Артуру в лицо, он отвернулся, подставляя руку. Все равно удар получился такой силы, что Коваль не удержался на ногах. Бурят, казалось, оттолкнулся от воздуха и снова выкинул ноги вперед.

Но в этот раз Артур его ждал и, лежа на спине, подставил скрещенные руки. Голень толмача угодила в захват, он упал на руки, но продолжал со всех сил лупить второй ногой.

Коваль перехватил бурята за затылок и дважды шмякнул его рожей в землю. Больше не успел, сам откатился в сторону, проехавшись щекой по острым камешкам, потому что из зарослей, подвывая и раскачиваясь, выпал Тигр. Его левая рука висела, как плеть, но второй меч он сохранил и оставался еще весьма опасным. Бурят вскочил, как ванька-встанька, выплюнул два зуба и пошел на Артура, легко перебрасывая грабли из руки в руку.

Ковалю показалось удивительным, что человек, направленный ему в качестве проводника и переводчика, так упорно стремится его убить. Впрочем, сын байкальской тайги вел себя не так, как остальные. Он скорее не сражался, а готовился исполнить роль палача или добить раненого. Артур отдавал ему должное: парень был выносливее всех остальных.

Артур поднялся на ноги, боясь глубоко вдохнуть. Ему казалось, что от последнего удара в бок могли быть сломаны ребра. Он отступал между прекрасных благоухающих цветов и внутренним зрением обшаривал сад в поисках врагов.

Аист был жив, но потерял слишком много крови. Он лежал в почерневшей траве и подергивал ногой, как огромный раздавленный кузнечик.

Быку оставалось жить несколько минут, если срочно не сделать перевязку.

Медведь умер.

Бурят неторопливо надвигался, поигрывая граблями, как хворостинкой. Тигр тащился за Артуром следом, но это был уже не противник. Спустя минуту он упал и больше не поднялся.

Отступая, Артур подобрал вилы Аиста, но сразу убедился, что не сумеет с ними справиться. Древко было такого диаметра, что не помещалось в ладони. Кастет искать было некогда. Оставалось каким-то образом вернуться в кусты и поискать там багор, но бурят моментально пресек поползновения Артура. Он неодолимо теснил Ковалю к воротам, где в спокойном одиночестве ужинал Настоятель Гоа.

Артур делал шаг влево, и противник плавно смещался влево. Артур попытался обмануть толмача, вызвать его на долгий бег по большому кругу, рассчитывая рано или поздно прорваться к сабле или багру, но ничего не получалось.

Парень вытирал кровь с разбитого рта, помахивал граблями и угадывал каждое обманное движение. Артуру пришло в голову, что он сильно переоценил остальных помощников Дзуликого. Пожалуй, тут был только один профессионал. До встречи с таким соперником Ковалю не пришло бы на ум, что можно так виртуозно пользоваться садовым инструментом. Переводчик теснил Артура к воротам, словно подначивая забраться наверх и взять кувшин. Он ставил блоки, производил угрожающие выпады, но не делал попыток сблизиться: видимо, не хотел убивать врага слишком просто.

Или не хотел потерять оставшиеся зубы.

И тут Артур увидел в траве свой кастет. Наверное, Бык отшвырнул его после того, как вытащил из щеки. Для того чтобы подобрать багуа, Артуру пришлось сделать три шага вперед. Бурят не сразу сообразил, в чем дело, а когда понял, спокойствие впервые изменило ему. Парень сплюнул и выругался. Артур засмеялся и показал язык, хотя чувствовал, что еле стоит на ногах.

Они по-прежнему не были вооружены одинаково, но ситуация изменилась.

Коваль спиной отступал к выходу из сада, пока не оказался в тени ворот. И речи не могло быть о том, чтобы взобраться по гладкому трехметровому столбу. Между ним и парнем с граблями оставалось не больше шести метров; бурят перекидывал оружие в руках, не спуская с противника глаз. Мирно жующий настоятель был еще ближе. Кувшин с червями стоял на перекладине ворот.

И тогда Артур сделал то, что еще недавно показалось бы ему постыдным. Он напал на безоружного человека. Этот человек считал справедливым впятером навалиться на одного, поэтому Артур не слишком мучился угрызениями совести.

Бурят вскрикнул, рванулся к ним, но опоздал. А спустя секунду его грабли оказались бесполезны. Настоятель Гоа не сопротивлялся, хотя мог воспользоваться своими длинными руками. Коваль подскочил к нему сбоку, обнял за голову и приложил острое кастета к горлу.

— Нет! — сказал бурят. — Отпусти его!

— Брось палку! — приказал Коваль. — Не то я его прирежу!

Заднее лицо Гоа что-то невнятно пробурчало под маской. Настоятель продолжал сидеть ровно, не делая попыток защититься. Толмач быстро и жалобно залепетал на китайском. Гоа как-то странно забулькал, и Артур понял, что он так смеется.

— Почтенный Настоятель говорит, что ты победил, — бурят отшвырнул грабли. — Отпусти его, и можешь забрать сосуд.

— Нет, родимый, так не пойдет! — усмехнулся Артур. Ему очень хотелось перерезать почтенному Настоятелю сонную артерию. — Полежай на ворота и принеси мне кувшин. Живо, а не то я передумаю!

Поминутно оглядываясь, парень поплелся выполнять приказ.

— Теперь подбери грабли и кинь их за забор! А сам отойди. Дальше, еще дальше!! Теперь ложись лицом вниз! Вот так...

Коваль отпустил Двудикого и боком отпрыгнул назад. На шее Гоа остались кровоточащие царапины. Настоятель произнес длинную тираду, захихикал и принялся вдруг расстегивать ремешки своих масок.

Кувшин оказался пуст.

Ну конечно, пока шла драка, мальчишка сто раз успел бы его подменить! Артур не знал, что ему делать. Он озибался, сжимая в руке кувшин, и чувствовал, что его в очередной раз зло разыграли. Настоятель снял переднюю маску. Под маской оказались правильные черты лица, тонкие губы и седые кустики бровей над внимательными черными глазами. Гоа открыл рот и показал Артуру тонкую трубочку, зажатую между зубов. Затем он поднял правую ладонь и сложил пальцы щепоткой, будто собирался солить пищу. После этого Гоа отвернулся. А Коваль вдруг понял, что больше не контролирует свой организм.

Сердце стучало, легкие работали, он стоял на ногах, но превратился в тряпичную марионетку. Впервые в жизни Артур испытал столь острое ощущение бессилия. Его конечностями управлял кто-то другой, хотя разум оставался ясным. Все, чему учил Бердер, оказалось ненужным.

Артур с изумлением наблюдал, как его собственная левая рука поставила кувшин, а правая, с зажатым в кулаке кастетом, начала подниматься вверх. Медленно, но неотвратно зазубренные рога полумесяцев провели две дорожки по груди и достигли кадыка.

Ноги подогнулись. Он упал на колени.

Настоятель Гоа отвернулся, о чем-то оживленно беседуя с послушником.

Лезвия проткнули кожу.

Коваль убивал себя и не мог даже позвать на помощь. Ему казалось, что он кричит, но губы оставались плотно сжатыми. Из рта не вырывалось ни звука. Он чувствовал, как со лба градом сыплется пот, как сердце отбивает сотню ударов в минуту, как холодная сталь подбирается к трахее. Спина словно окостенела: он не мог отодвинуть шею даже на сантиметр.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Багуа выпал и во ткнулся в песок. Президент хватал ртом воздух и растирал окровавленное горло.

— Почтенный Настоятель говорит, что может в любой момент убить тебя... — переводил бурят. — Он говорит, что люди в масках, с которыми ты дрался, не были служителями Храма. Они разбойники, приговоренные Комитетом Гоминьдана к смерти. Четыре года они жили в Храме, ожидая, пока свершится правосудие...

«Сколько же соискателей они успели загубить?..»

— ...Почтенный Настоятель говорит: мирный человек доказал, что сумеет защитить своих друзей. Но ты не можешь взять чужих червей, ты должен вырастить своих.

Бурят, не спрашивая разрешения, поднялся и подошел на поклон к начальству. Гоа потрепал его по макушке, хлопнул в ладоши. Словно из-под земли вырос мальчишка с точно таким же кувшином.

— Опusti туда руку, мирный человек! — забулькал Двуликий. — Ты будешь каждый вечер кормить их своей кровью, друзья будут причинять тебе боль. Ты будешь терпеть, пока они не полюбят тебя и не подрастут для другой пищи...

— А если... если они меня никогда не полюбят? — хрипло спросил Коваль, заглядывая в кувшин. Шею саднило, но он не решался попросить о перевязке.

Двуликий шевельнул бровями.

— Значит, ты недостойн милости Храма, за тобой придут Наставники.

14

ИГРУШКИ ТОЛОСТОГО ЛИ

— Пошто голосишь, мил-человек? — досадливо спросил гном, вытряхивая пыль из шапочки. — Аль погодить маленько не мог?

— Стало быть, не мог! — борясь с желанием стукнуть гнома по башке, ответил Коваль.

Двенадцать диких ос одновременно жалили ему руку с таким остервенением, будто хотели отгрызть ее начисто. Черви были гораздо меньше тех, которых он видел в первом кувшине. Эти ползали довольно вяло, в длину не превышали своих дальних дождевых родственников. Но кусались намного больнее. Они не прекращали терзать своего большого друга, пока не наполнились кровью и не отвалились, как пиявки.

Коваль заткнул кувшин, морщась, осмотрел распухшее запястье. Если так будет продолжаться несколько недель, он сойдет с ума! Ведь с каждым днем челюсти пиявок будут становиться все крупнее, они начнут рвать кожу, понадобятся ежедневные перевязки...

А вдруг эти сволочи не привыкнут к другой пище и будут требовать кровь хозяина? Сколько понадобится крови, чтобы прокормить взрослого дракона?

— Веди уж, Сусанин! — сказал Артур, укладывая кувшин в рюкзачок.

Рюкзак, теплый плащ и вязанку факелов подарил после ужина Гоа. Двумикий сказал, что будущий послушник может заночевать в одной из беседок сада, никто его там не потревожит. Все равно ночью Настоятель Ли не сядет с ним играть. Кастет Двумикий оставил себе, пообещав, что оружие больше не понадобится.

Артур думал, что не сможет сомкнуть глаз в скверике с мертвецами, но когда Гоа завершил скромный ужин, в саду уже копошились послушники. Они бросили убитых разбойников на корм Чжан, заменили окровавленный песок, высадили новые розовые кусты. Артур уснул, едва коснувшись щекой скамейки. Он даже не спросил, кто такой Настоятель Ли и какие игры он предпочитает. А утром, еще не разлепив век, Артур уже понял, что вернулся проводник. Гном сидел рядышком, как прилежный школьник, и читал анатомический атлас на китайском языке. Спрашивать, где он пропадал в самый горячий период, было бесполезной тратой времени. Радовало уже то, что Иван стал намного добрее. Он даже не протестовал, когда Коваль снова обозвал его плодом фантазии, вместо этого разразился тирадой, сводящейся к тому, что все мы плоды чьих-нибудь грез.

Они часами карабкались по мрачным лестницам внутри горы. Иван торопливо семенял впереди, небрежно перепрыгивал трещины, уверенно нырял в вертикальные колодцы и терпеливо дожидался Артура, когда он застревал в узких щелях. Четырежды он выводил путника на распутье и удовлетворенно кивал, когда тот сам выбирал верное направление. Если президент не угадывал верно с первого раза, гном никак не реагировал и не отвечал на вопросы. Приходилось тыкаться наугад, упираясь в завалы.

Иван не предупредил заранее, что сверху свалится тяжелая решетка с заостренными колями. В другой раз он скромно промолчал, когда на

Ковалья вылилась тонна ледяной воды. Они тогда забрались в узкий проход, заставленный ящиками. Пока Артур откручивал винты люка в потолке, гном честно стоял рядом и даже взялся поддержать факелы, но едва крышку сорвало и поток устремился вниз, Иван ловко укрылся в нише.

Артура сбило с ног и протащило несколько метров по захламленному коридору. Он едва успел поднять над головой рюкзак. Когда он разогнулся, крихтя и удивляясь, что не разбил голову об острые углы, Иван уже ждал наверху, невинный, как ангел.

Он был предельно вежлив, но делал все, чтобы человек его прогнал.

Коваль поклялся себе, что не поддастся на провокацию. Он поднялся за гномом в люк и с великой радостью убедился, что угодил в испорченный ливневый сток, а не в разорванный контур ядерного реактора. Видимо, на внешней поверхности горы размещалось несколько открытых водозаборов, с которых дождевая влага скатывалась по трубам в огромное корыто. Здесь она скопилась потому, что нижние стоки забило мусором.

Едва просохнув, Артур угодил в очередное приключение. Иван заманил его в двигательный отсек, от работы которого должна была вращаться колоссальная платформа, расположенная этажом выше. Сначала они поднимались по бесконечной гудящей лестнице внутри квадратной шахты, пока не уткнулись в дно лифта. Выбрались по тросам в кабину, оттуда — в широкий коридор, и Коваль совсем было обрадовался, увидев приличную ковровую дорожку и деревянные панели с инкрустацией.

Иван, однако, избрал путь, достойный настоящего героя. Он разыскал наклонную трубу и, не нагибаясь, пошел внутри нее. Когда труба кончилась, он просто прыгнул во мрак. Коваль послушно последовал за ним, надеясь, что у монахов не хватит наглости столкнуть его в бассейн с кислотой. В нижнем конце трубы он все же притормозил, упираясь в стенки пятками и локтями. Лямки рюкзака приходилось держать в зубах. Он не чувствовал внизу опасности, лишь замкнутое пространство. И где-то там поджидал мелкий товарищ из детства, которого Артур не чувствовал вообще.

— Шо, мил-человек, очко играет? — доброжелательно спросили из темноты. Иван, как будто нарочно, ушел вместе с факелом куда-то далеко. — Шнель, шнель, на том свете выписси!

— Нет, просто задумался, — ответил Коваль и разжал руки.

Он оценивал высоту метра в два с половиной, но она оказалась намного больше. К счастью, приземлился на пружинящий пластик и ничего себе не сломал. Иван вернул факел, добросовестно провел человека между трехметровыми шестернями, затем заставил пробираться среди пучков проводов, согнувшись в три погибели. И закончил тем же, с чего

они начали. Легко подпрыгнул на три метра и исчез в горловине похожей трубы.

— Я не запрыгну, — стараясь не выдать кипевшей ярости, сказал Коваль. — Подскажи мне другой путь.

— Охота сменить провожатого? — немедленно отозвался сверху гном.

— Рад бы, да не могу, — вздохнул Артур. — Ведь ты тоже — одно из Девяти Сердец, которые мне надо покорять. Верно я тебя вычислил?

— Я просто плод фантазии! — ядовито возразил гном. Из трубы его голосок звучал, как оперный баритон. — А еще я недоделанный огрызок басни и упырь, сосущий твои мысли.

— Я не хочу менять проводника, но мне не взобраться. Я же не муха, а человек.

— Эта точно! — согласился гном. — Муха думать не может, а тебе, вроде, не все отшибли. Пораскинь мозгой, я покудова словарик полистаю...

На этом маленький мерзавец затих.

Артур прошел вдоль наклонной стенки, недоумевая, откуда берется тонкая полоска света над головой. Потом он уразумел, что движется по кругу, а свет наверху идет не от костра и не от электричества. Через равные промежутки президент обходил рифленные цилиндры электромоторов, между которыми по стене тянулся ржавый рельс. В центре комнаты второй кольцевой рельс был встроен в пол, и на нем замерли мощные стальные колеса. Артур никак не мог найти объяснения, на кой черт понадобилась эта карусель. Он отыскал незапертый люк в полу и железную лесенку в нем, ведущую куда-то вниз. Там тоже виднелся дневной свет и кусок коридора, застеленного ковровой дорожкой. Артур вернулся к трубе и спросил проводника, какого черта они не воспользовались нормальным выходом.

— Вот и ступай, раз тебе по нраву! — невозмутимо ответила труба.

Президент беззвучно выругался и пошел искать, из чего бы собрать лестницу. Добрый час он отдираал панели и плафоны фонарей. Коваль построил башню высотой в метр, но она рассыпалась под его весом. Уже были содраны ногти и появились кровоточащие царапины на ладонях, когда Артур догадался поднять факел повыше и внимательно осмотреть овальную дыру, в которой скрылся гном. Всмотрелся и почувствовал себя последним идиотом. Чуть выступая за край, из трубы высовывался едва заметный крючок.

Оставалось зацепить крючок петель, сделанной из обрывка кабеля, и к ногам Артура соскочила легкая дюралевая лесенка. Он выбрался наверх, краснея и ожидая очередной порции русско-немецкого остроумия.

Здесь было светло и так интересно, что президент даже раздумал ругаться. Он очутился на внешней стороне огромной тарелки, покрытой

тысячами шестиугольных плиток. Материал больше всего походил на матовое стекло и тонко звенел при ударе кончиком пальца. Поверхность тарелки имела плавный уклон к центру, там торчал треножник рефлектора и валялись обломки аппаратуры. Над головой поднимался купол, разрезанный надвое узкой щелью. Из верхней точки потолка радиально разбегались стальные балки. В щели виднелись кусочек неба и черные точки кружащих птиц.

Артур попал на рабочую поверхность локатора. Видимо, подача энергии прекратилась в тот момент, когда купол закрывался, и механизм навсегда отключился. В прорехах внутренней обшивки свили гнезда десятки птиц, а зеркало покрывал толстый слой птичьего помета и мертвых насекомых.

— Почтенный Настоятель Ли очень рад, что у него появился напарник для игры.

Коваль готов был поклясться, что секунду назад в центре тарелки никого не было. Откуда ни возьмись, под треногой появились цветастые подушки, чайник, блюдо со сладостями. В воздухе запахло жасмином и жареным орехом, вспыхнули сразу четыре масляных фонарика, выполненные в виде черепов. На самой большой подушке сидел толстый гермафродит в желтом балахоне и курил длинную глиняную трубку. На его необъятной груди теснились десятки амулетов. Чубук трубки прятался в кривящейся пасти драконьей маски. Настоятель глубоко затягивался, потом дым выползал струйками из ноздрей и глазных отверстий.

Гном, как всегда, исчез, стоило появиться посторонним. Его место занял старый знакомый — бурят, едва подлатавший нижнюю губу после последней встречи. Бурят сидел на пятках в стороне и держал в руках серебряную шкатулку с табаком.

— Я с удовольствием выпью с почтенным Настоятелем чаю и поддержу беседу, но у меня нет времени на развлечения.

— Никто не сказал «развлечения», мирный человек. Настоятель Ли будет счастлив поддержать беседу, но желающий стать послушником остается в Храме до тех пор, пока он не овладеет искусством игры.

«Вот жирная сволочь! Знает ведь, что выиграет в любом случае...»

— Я почти за счастье сыграть с Настоятелем, но...

— Мирный человек не забыл, что ради друзей иногда нужно пожертвовать большим, чем парой капель крови?

— Мы что... будем играть на моих червей?

— А что у тебя еще есть, мирный человек?

— У меня много чего есть...

— Покажи. Позволено играть только на то, что можешь показать.

Грудастый Ли меланхолично выпустил несколько колечек дыма. †

«А ведь он не врет. Испарится и оставит тут куковать до старости...»

— Я так понял, что должен поставить на кон мой кувшин? А что ставит господин Ли?

— Почтенный Настоятель предлагает выбрать гостю.

— Выбрать мне?!

Артуру показалось, что в глаз попала соринка. Возможно, сверху, из птичьего гнезда, посыпалась мелкая труха. Когда он сморгнул, у жирных лодыжек Настоятеля возникли три бронзовых кувшина, точно такие же, какой получил в подарок президент. Гермафродит сделал приглашающий жест.

— Загляни в сосуд, мирный человек!

Ковалю вдруг показалось, что во рту стало излишне сухо. Он подумал, что не испытывает ни малейшего желания заглядывать в кувшин.

Ни в один из этих кувшинов.

Толмач буравил его черными щелками глаз. Настоятель затянулся и отложил трубочку на глиняную подставку. Потом, не торопясь, протянул руку в мягкой перчатке и взял с блюда орешек.

Артур вдруг увидел этих людей совершенно иными глазами. Для них время текло иначе. Сотни лет назад, когда мир сотрясали совсем другие катаклизмы, всегда находились такие, кто никуда не торопился. Сегодня он мог вертеться ужом, сколько угодно психовать, ссылаться на неотложные дела, но Настоятель Ли будет все так же тщательно пережевывать орехи. Если Настоятелю надоест выслушивать чужие истерики, он просто исчезнет. На час или на год, для монаха это не срок.

Коваль подвинул к себе ближайшую посудину и снял крышку. Ему показалось, что он смотрит в жерло темного колодца. На дне колодца спал человек, которого он сразу узнал. То есть человек спал не в кувшине, а в тысячах километров отсюда, в царском дворце посреди Петербурга. Ближайший сподвижник президента Кузнеца, старый книжник Лева Свирский похрапывал, лежа на боку в своей постели, закутавшись в шерстяное одеяло.

— Нет... — прошептал Артур. — Так нельзя! Так нечестно!

— Почтенный Настоятель уважает в тебе сильного противника. Несмотря на то что у тебя всего одна ставка, почтенный Настоятель предлагает три своих, для каждой из трех партий. Загляни в другие сосуды!

— Не хочу...

— Ты будешь играть вслепую, мирный человек?

Артур еле сдержался, чтобы не нахамить. Он представил себе, как бросится на урода с кулаками, и что из этого выйдет. В лучшем случае, оставят в живых и выкинут голого посреди Тибета, без драконов и без куска хлеба. А в худшем...

Когда он протянул руку ко второму кувшину, пальцы задрожали.

— Нет... — сказал он, приподняв крышку. — Поставь против червей что-то свое! Какого черта?! Это мои друзья!

На дне второго кувшина, обняв молодую жену, перепутавшись с нею рыжими лохмами, мирно спал предсказатель Христофор.

— А это — мои друзья! — указал на кувшин с червями Настоятель. — Каждый ставит то, что у него есть и что он может показать. Я хочу отыграть то, что принадлежало Храму.

Перед тем как взять в руки третий кувшин, Артур надолго задумался. Он спрашивал себя, как поступить, если там окажется его жена или кто-то из детей. Старший сын погиб от рук подосланных убийц, а заказчиков так и не нашли. Если он сейчас подвергнет риску еще кого-то из близких, то потом себе не простит. Можно заявить Настоятелю, что не согласен принять такую ставку, и тогда игра не состоится. Или состоится все равно? Или будет считаться, что он заранее проиграл? Выходит, все было зря, и ему никогда не стать послушником...

Только теперь он начал понимать, какую цену требуют горные колдуны за право носить синюю рясу.

Так и не приняв решения, Коваль поднял блестящую крышку. Он сумел сохранить спокойное выражение лица, но в груди словно лопнул надутый шар, мешавший дышать. Монахи не стали вторично испытывать его привязанность к родным. Невообразимо далеко, у крыльца своей избы, курил трубку пожилой мужчина, похожий на американского актера Сильвестра Сталлоне. Дверь избышки распахнулась, на крыльцо вышла женщина в белом платье с венком в седеющих волосах. Она улыбнулась мужу, что-то сказала и потерлась щекой о его плечо. Бердер поцеловал ее в лоб, затем медленно поднял глаза, словно почувствовал взгляд Артура...

— Почтенный Настоятель упомянул, что каждый играет на принадлежащую ему вещь. Значит, господин Ли считает жизни моих друзей своей собственностью?

— Почтенный Настоятель не сказал, что хочет забрать чужую жизнь. Он играет на то, что связывает тебя с этими людьми.

— И если я проиграю?..

— Можешь не беспокоиться, мирный человек. В любом случае ты унесешь летучих червей с собой. Ты доказал, что сумеешь позаботиться о них.

— Я спросил, что станет с моими друзьями, если я проиграю?

Господин Ли сделал легкое движение кистью, и три кувшина перед ним исчезли.

— Право начать игру принадлежит гостю.

То, во что Ковалю предложили играть, весьма отдаленно походило на шахматы. Бурят откинул медные застёжки на продолговатом ящичке, высыпал фигуры и развернул на полу разлинованную тряпку. Поле было поделено на множество мелких черных и белых квадратиков. Фи-

гуры состояли из четырех наборов глиняных табличек. Наборы отличались цветом, а в остальном они были очень похожи между собой. Каждую табличку разделяла пополам поперечная черта; с одной стороны от черты находилась цифра от нуля до двенадцати, с другой — изображение птицы или животного.

Коваль следил за руками Настоятеля, одетыми в серые кожаные перчатки, и гадал, каковы шансы подцепить от почтенного мастера проказу. Толмач тем временем закончил приготовления и с поклоном отодвинулся в сторонку.

Это было домино. Чудовищно усложненное, помноженное на четыре, возведенное в квадрат домино.

— Я не знаком с такой игрой, Настоятель, — на всякий случай предупредил Артур, понимая, что выкрутиться не удастся.

— Это несложно, мирный человек...

На проверку игра оказалась чертовски сложной. Но, вникнув и сделав пару пробных ходов, Коваль ощутил вдруг необычайный интерес. Он уже не думал о проигрыше, настолько завораживающие перспективы открывались. Конструкторы игры сумели пройти по тонкой границе между мудреным изяществом шахмат, легковесным азартом карт и простоватой бухгалтерией обычных доминошных костяшек. Каждый игрок брал по очереди фигуры из разных кучек и начинал складывать на клетчатом поле двух драконов. Если Настоятель брался за создание оранжевого и красного, то Артуру доставались белый и голубой. Противник не имел права пропустить ход, если у него на руках оказывались таблички с соответствующим значком, пусть и другого цвета. Он был вынужден удлинять вражеского дракона, хотелось ему этого или нет.

Противники могли вредить друг другу. Заявив определенную клетку для драконьего глаза, Артур был волен вытягивать морду и хвост в любом направлении, помня о том, что в дальнейшем предстоит захватить поле врага. Голубой и белый драконы ползли навстречу друг другу из диагонально расположенных углов поля, перемещаясь на одну клетку, если возникала «рыба». Чтобы не дать оранжевому и красному соединиться, президент мог орудовать своими фигурами, наращивая вражеским рептилиям лапы. Если у Настоятеля не находилось костяшки для продолжения «морды», он вынужден был, скрепя сердце, закручивать собственный хвост или удлинять и без того бесконечные крылья. На поле допускались различного рода рокировки, фигурировали «пустышки», годные для обменов. Если удавалось загнать растущего дракона противника на заштрихованную клетку, тому приходилось изгибать шею, обходя препятствие, и терять, таким образом, набранный темп.

Самой запутанной Артуру показалась вторая фаза игры. Если каким-то чудом возникала патовая комбинация, все костяшки ложились

на поле, и драконы замирали на равном расстоянии от центра, противники начинали оперировать цифрами на табличках, как картами при игре в «очко». Но Настоятель предупредил, что до второй фазы доходят лишь изощренные мастера, к коим он себя не относил.

Артур не ожидал, что его настолько захватит. Он забыл о времени и опомнился только тогда, когда в прорези купола загорелись звезды. Настоятель тоже проявил недюжинный темперамент. Он хлопал себя по коленям, откидывался назад и ругался сквозь зубы, когда делал неверный ход.

Первую партию Артур проиграл на двести семнадцатом ходу. Красный и оранжевый драконы не добрались до центра поля, но соприкоснулись передними лапами. Ли предложил закусить и выкурить по трубочке.

Артур думал, какой из кувшинов Настоятель изберет. Внешне ничего не изменилось, толстяк даже не упомянул о своем выигрыше. Он гостеприимно потчевал гостя засахаренными грушами, глазированными орешками и подливал в пиалу терпкий зеленый чай. Когда Артур осторожно заикнулся насчет военной истории Храма, Ли не стал скрытничать. Он проявил глубокое знание предмета. Он рассказал, что первые монахи пришли в горы около ста лет назад, но точной даты никто не знал. Было известно лишь, что люди, основавшие Храм, до того служили разным богам. Имена основателей хранились в тайне.

Монахи потратили много времени, чтобы убрать грязь, а затем придумали сложный обряд посвящения. С самого начала они не планировали миссионерской деятельности, но очень скоро в Храм Девяти Сердец потянулись люди, заслышав о добрых волшебниках. Отцы-основатели действительно обладали нешуточным могуществом; по крайней мере почтенный Ли считал себя по сравнению с ними ребенком. Они создали ритуал, согласно которому каждый вступивший в Орден оказывался привязан к нему на всю жизнь. Ценой этой несвободы стали тайные знания...

Об этом пункте Настоятель скромно умолчал, и Коваль решил не докапываться. Зато толстяк чуть ли не с гордостью сообщил, что Настоятели Ордена избираются исключительно из числа тех, кто рожден под землей и имеет явные уродства. Это делает их похожими на отцов-основателей и подразумевает передачу могущества.

Артур спросил, что значит родиться под землей. То, что он услышал в ответ, перевернуло все его представления о Хранителях. Женщины почитали за честь зачать и выносить ребенка в непосредственной близости от складов ядерных боеприпасов. Ли охотно согласился, что далеко не все дети подземелий появлялись на свет с врожденными колдовскими способностями, и девять из десяти младенцев приходилось умерщвлять в первые годы жизни. Зато те, кто выживал, умели видеть будущее, взглядом разжигать огонь и повелевать дикими зверями. Некоторые,

как Настоятель Гоа, без труда удерживали в повиновении сотню разбойников и могли заставить любого человека, например, прыгнуть со скалы.

В способности Двудикого Коваль безоговорочно поверил. Он еще не забыл, как чуть не перерезал себе горло.

Братьями в зеленой одежде, по словам Настоятеля, могли стать мужчины, принесшие свой дар из других мест. «Зеленые» занимались тем же, чем и русские Качальщики. Колесили по стране в поисках Слабых меток, стирали грязные промышленные районы, высаживали леса и очищали воду в реках. Братья с большим уважением относились к поморским Хранительницам Книги, водили дружбу с уральцами, но по части предсказаний у них имелись свои методы.

«Синие» послушники при известном старании могли получить зеленую одежду, но чаще навсегда оставались в статусе услуги. Их это устраивало, и конкурс всегда оставался большой. Храм давал защиту в смутные времена и укрывал обиженных в периоды раздоров. А раздоры в новом Китае не прекращались.

Сложнее всего оказалось разобраться с идеологической платформой. Здесь Артур почти сразу сдался, а Настоятель дал понять, что только постоянно проживающие в храме послушники имеют шанс приобщиться к вере. Господин Ли сыпал цитатами из Конфуция, Лао Цзы и менее известных буддистов. Как ни странно, он неплохо относился к Мао и ставил Председателя на одну доску с Мэн Кэ и Сунь Цзы. Подводя итог размышлениям, он напомнил Ковалю, что в Китае нравственные установки никогда не носили характер религиозных догм.

— Вселенная без того слишком сложна, — хихикнул толстяк, — чтобы засорять ее лишними богами.

И начал перемешивать костяшки.

Вторую партию президент проиграл на триста двадцать первом ходу. Он даже сумел проделать хитрый финт под названием «замена глаза», когда ценой двух оленей можно остановить движение вражеского дракона пустышкой. Налицо был несомненный прогресс, это отметил и соперник. Господин Ли тонко пошутил, что если Артур передумает и останется в Храме хотя бы на три года, то сможет зарабатывать деньги, обучая игре молодых послушников.

Коваль мысленно попрощался с Христофором.

Он не хотел даже думать, что произошло в тот момент, когда настоятель соединил на поле две изломанные линии, белую и голубую. Возможно, уже утром Христофор забросит должность и покинет Зимний, став его заклятым врагом. Или, чего доброго, переметнется на Волгу к недобитым Озерникам...

Сerp луны заглянул в щель купола, когда Настоятель в третий раз перемешал кости. У Артура крепло желание прекратить балаган. Он не

стеснялся признаться себе, что двигать фишки чертовски интересно, но финал был обоим известен заранее.

— Почтенный Настоятель зря тратит время на столь неумелого игрока...

— Мне приятна твоя скромность, — степенно кивнул Ли. — Я многому научился у тебя, мирный человек.

На четырехста пятом ходу Коваль перевернул свои костяшки. Из мрака возник бурят, шустро сложил принадлежности, поднес Настоятелю трубку со свежим табаком, а Ковалю — тарелку с дымящимся мясом и кружку обжигаяще крепкого чая.

«Матч завершился со счетом три — ноль в пользу хозяев поля...»

— Ты был прав, мирный человек. Несправедливо выходить на поединок с противником, который еще не научился сидеть на коне и держать меч. — Настоятель помолчал, ожидая реакции. — Я получил большое удовольствие...

— Мне тоже было приятно твое общество, — искренне ответил президент.

— Почему ты не скажешь, что я поступил с тобой дурно? Согласись, что тебя обманули! — Монах рассмеялся. — Согласись, и будем считать, что мы играли просто так...

Ковалю очень хотелось засмеяться в ответ, но он чувствовал какой-то подвох. Не может быть, чтобы после этого представления с кувшинами все разрешилось так просто!

Бурят тоже ухмыльнулся, показав дырки на месте выбитых зубов. Настоятель прямо-таки излучал доброжелательность. Вечер заканчивался великолепно: посмеялись, блеснули эрудицией, перекинулись в домино, и никто никому не должен...

— Я трижды проиграл, почтенный Настоятель, и ты вправе забрать то, что принадлежало мне.

Воцарилось молчание. Толмач больше не улыбался, Ли отложил трубку.

— Но ты проиграл, не зная правил.

— Я проиграл не в «Четырех драконов», Настоятель. Я согласен уйти с тем, что у меня есть, и оставляю тебе твой выигрыш.

— Это настолько важно для тебя, что ты готов потерять любовь самых близких друзей?

— Я уверен, что почтенный Настоятель поступил бы так же, если бы речь шла о жизнях тысяч его братьев.

Золоченая маска качнулась, и перед Ковалем склонились две макушки. Одна иссиня-черная, другая — седая.

— Хорошо... — глухо произнесла маска. — Ты покориł наши сердца, но это еще не все.

— Э-э-э... Так ты тоже?.. — промямлил Артур, обращаясь к переводчику. Он чувствовал себя крайне глупо. — Ты не бурят?

— Меня зовут Настоятель Вонг, — вторично поклонился бывший соперник. — По воле моих братьев, я провожу много времени вдали от Храма, поэтому мне нет нужды прятать лицо. Для тебя будет лучше, если мы больше никогда не встретимся. Но если так случится...

— Значит, я нужен братьям и пойду за тобой.

Президент поклонился в ответ, а когда поднял голову, обнаружил, что остался один.

15

КОЛЬЦО ДЛИНОЙ В ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Коваль поднял факел вверх. Сумел разглядеть балкон и узкие ложи по бокам, спускавшиеся к самой сцене. Зал был выполнен по старинке, еще до эпохи «Долби-стерео», и выглядел изнутри как длинная кишка. Наверное, здесь собирали для пропагандистских показов свободные смены ракетчиков. А может быть, совсем наоборот, солдат развлекали бравыми похождениями их великого земляка Брюса Ли... Артур спустился по центральному проходу, слушая гулкое эхо.

Что-то его настораживало.

Гоа при расставании отобрал кастет. Артуру очень хотелось повернуть в миролюбие Храма, но совсем без оружия было как-то неуютно.

Он постоянно ощущал чье-то присутствие.

Пустые ряды сидений засыпало обвалившейся с потолка декоративной плиткой, ложи тонули во мраке. С балкона свешивались рваные полотнища с портретами людей в военной форме и рядами иероглифов. Посреди зала проход пересекался под прямым углом с другим таким же проходом. Слева и справа чернели запасные выходы. Обе двери стояли распахнутыми, словно голодные рты.

Артур чертыхнулся.

Хитрый гном снова затащил его на развилку, только на сей раз роль говорящего камня выполнял разбитый киноаппарат. Его когда-то столкнули с балкона и зачем-то выволокли в самый центр зала, на пересечение дорожек. В аппарате не осталось ни одной целой линзы, все ручки были сломаны, а ролики — погнуты. На боковой поверхности бурой краской, подозрительно похожей на кровь, были нарисованы три стрелки. Две указывали в боковые выходы и одна — прямо на экран.

И никакого текста.

Иван уселся на опрокинутой станине, как ни в чем не бывало, разжег масляный фонарик и погрузился в книжку.

— У нас привал? — осведомился Артур. Он говорил очень тихо, но шепот вернулся троекратным эхом. Звуки крались вдоль стен, отталкивались и возвращались назад неразборчивым бормотанием.

— Без понятия, что там у вас, а мне дальше идти некуда.

— Вот дела! — растерялся Артур. — Выходит, что мы расстанемся?

— Выходит, что так, — почти что с грустью ответил гном. — Выбери и топай.

— Но тут ничего не написано!

— Что, мил-человек, совсем мозги рассохлись? А Настоятели уж было за тебя водочки клюкнули...

Артур впервые ощутил к гному нечто вроде приязни. Пустышка, фантом, слепое зеркало, отражающее чужие мысли, и, вместе с тем, смешной, ехидный коротышка. Седьмое Сердце Храма, лакмус души человеческой, маленький суровый полиглот. Если Настоятели выпили за успех, значит, и правда, все закончилось. Остались три стрелки и последний выбор. И долгая дорога домой с заветным кувшинчиком под мышкой.

— Мое дело маленькое, — пожал плечами гном. — Вам же развилки подавай. Сохнете вы без загадок...

Артур обследовал левый проход. Не доходя пару шагов до распахнутой двустворчатой двери, он замер. За пределами кинозала свет факела проваливался в пустоту. Лабиринты Храма подготовили Ковалю к любым неожиданностям, но совсем не хотелось под завязку переломать ноги или раскроить череп, свалившись в пропасть. Он подошел поближе и оцепенел.

За дверью расстилалась тайга.

Президент на всякий случай оглянулся, но гном сидел, сторбившись, и водил узловатым пальцем по строчкам. В зале все оставалось по-прежнему, а в шаге от стального косяка шуршали лапы столетних елей, чистила на ветке свои перышки куропатка и тысячи муравьев строили метровую пирамиду.

Место показалось Ковалю до боли знакомым. Он сделал еще один шаг вперед, остановившись на самой границе крошащегося цемента. Дальше пол переходил в густую подстилку из листвы и иголок. Сразу набросились запахи. Артур вдыхал пьянящий смолистый воздух и никак не мог остановиться.

Он пытался убедить себя, что это очередной морок, но картинка была невероятно яркой и объемной.

В воздухе витали запахи коптильни, столярного цеха, подсыхающего сена, а поверх всего этого — восхитительный аромат топленого мо-

лока. Между стволами виднелся распаханый косогор, лоснилась тягучая лента реки. С холма спускалась накатанная дорога, петляла среди стогов, затем ловко взбиралась на горбатый мостик. На противоположном берегу дымили трубы избушек, полоскалось на ветру белье, гонялись друг за другом две рыжие собаки. Стояла самая сочная пора, начало августа, и самое вкусное время суток, предвестие сумерек. Вечерняя прохлада еще не наступила, воздух дрожал и струился; пресыщенная теплом земля словно потягивалась в истоме, избалованная солнцем. Лес за речкой казался таким мягким, бархатным, что хотелось погладить его, как котенка...

Уральская деревня Качальщиков.

В полуметре от Артура порхали две лимонницы. Он протянул руку и ощутил легкое прикосновение крыльев. Где-то замычала корова, ей ответила другая, послышался перезвон бубенчиков. Стадо возвращалось домой. Над головой молотил дятел, в рыбацких сетях плескалась рыба. Из-под горы, пока невидимая, катилась телега; постукивали на корнях колеса, мягко ступала лошадь; потом запищал ребенок.

— Красиво, правда? — со странной интонацией произнес за спиной Артура гном. И без всякого ёрничанья добавил: — И что вам не живется, люди? Земли прорва, одет-обут, хата в чистоте, баба в соку, киндеры опять же...

Телега приближалась. Уже различалась за высокими колосьями серая шкура кобылы, затем промелькнули голые ноги и рукав пестрой рубахи. Ребенок снова загукал, женщина звонко рассмеялась и что-то сказала, но не ребенку, а кому-то взрослому. Ей коротко ответил мужской голос, затем он же прикрикнул на кобылу, и телега остановилась. Сквозь колыхание веток виднелись только спицы переднего колеса, повисшие вожжи и лошадиный хвост, отгоняющий мух.

Артура трясло, как в лихорадке.

— Зачем вы это делаете?! — Он обернулся к гному.

— Угадал, поди, мил-человек?

— Чего ты добиваешься?!

— Ета ты добиваешься, родимый. А мы тебе токмо помочь хотим. На том стоим, шобы к равновесию людишков возвертать.

Артура тянуло вперед, как магнитом. Вцепившись в косяк, он осторожно ступил на теплую землю. Теперь он мог видеть всю семью на телеге.

Там была его семья, и там был он сам. Артур даже вспомнил этот день, когда они возвращались с Надей с мельницы, куда его послала Хранительница рода. Один из редких дней, который будущий Клинок мог провести с семьей. Только накануне они с Бердером и другими учениками вернулись из окрестностей Миасса, где успешно уничтожили две Слабые метки. А через неделю предстоял большой поход на запад, усми-

рять шептунов и набирать рабочую силу для рытья оросительных каналов. На пару недель во время сбора урожая все взрослые мужчины впрягались в сельскую работу. Хранительница рода распределяла обязанности, и Артуру тогда неслыханно повезло. Вместо колки дров, молотбы или строительства выпала крупная удача — отвезти зерно на мельницу.

Надя еще не была беременна Белочкой и прихватила с собой старшего сына. Годовалый ребенок сосал грудь матери, Надя смеялась, легонько укачивала его, ухитряясь одновременно целоваться с мужем.

Коваль видел себя, молодого, бородатого, с густыми русыми косами, еще не тронутыми сединой. Он скинул рубаху и сидел, болтая ногами, голый до пояса, мускулистый, черный от загара. Еще не избородили тело шрамы, еще оставались годы до губернаторского кресла и разрушения Москвы. Молодой Коваль держал в ладони розовую пяточку сына, обнимал голубоглазую красавицу. Им обоим в голову не приходило, как мало жизни отпущено их первенцу...

— Ты можешь остаться, — сказал гном.

— Кто ты такой? — прошептал Коваль. Кувшин с червями жег ему грудь.

— Отдай червей и иди. Ты заменишь его.

— Я тебе не верю...

Надя ван Гог отняла мальчика от груди и, завернув в одеяло, осторожно положила на ворох пустых мешков. Серая лошадка меланхолично жевала траву. Молодой Коваль соскочил с телеги и что-то сказал жене. Надя засмеялась, откидываясь назад, и легонько ударила мужа по губам. Ее сарафан просвечивал на солнце.

— А ты мне поверь, мил-человек. Я дурного-то не предложу...

— Это было... прошло тринадцать лет! Никто не в силах вернуть прошлое!

— Ета тебе так в школе вдолбили? Слышал такое: когда нельзя, дашибко хочца, то вроде как и можно?

Президент закусил губу. Сейчас он был готов поверить во что угодно. В голове не укладывалось, что кто-то научился поворачивать время вспять.

Заходящее солнце спряталось за тучку. Дятел устал колотить и вспорхнул черной молнией. Молодой Коваль поймал руки сидящей жены и подошел к ней вплотную. Надя раздвинула ноги и обхватила мужа крепкими загорелыми лодыжками. Президент видел собственную спину и ладонки женщины, ласкающие его затылок.

— А кому хочется, чтобы прошлое вернулось?

— Храму, мил-человек.

— Храму нужно, чтобы я уснул и не проснулся? — Артур заставил себя оторваться от созерцания собственного оголяющегося зада. Поза-

ди, под шатром еловых ветвей, колыхался темный прямоугольник двери. Гном стоял на пороге, протирая очки. По его полосатому чулку полз рыжий муравей.

— Ты спросил, кто я такой. Есть Настоятель Вонг, его планида — поддерживать равновесие между Орденом и миром снаружи. А мое тело всегда остается там, внизу. — Гном потыкал пальцем в землю. — Я удерживаю равновесие внутри Ордена, я слушаю каждого из нас и смотрю вперед. Я дал тебе провожатого, и каждый, пришедший в Храм, получает провожатого.

— Я могу тебя увидеть?

Гном отрицательно покачал головой.

— Настоятель Бао не покинет своего угла, пока не придет время уступить его новому Бао. Я мог бы пригласить тебя в гости, но вряд ли тебе это придется по душе.

— Откуда ты знаешь русский?

— Я не знаю русский, я всего лишь пользуюсь памятью твоего детства. Ты ждал от куклы именно таких слов...

— Ты управляешь гномом? Но кукла не существует, это мираж!

— Мне нравится кукла, в которую ты меня обрядил. Когда ты нас покинешь, ее не станет. Мне нравится спорить с тобой и слушать твои мысли, но...

— Но ты не хочешь отпускать меня?

— Я лишь обязан предложить тебе выбор, а вместо этого делаю подарок. Я был бы рад вернуть тебя не на тринадцать лет назад, а в то время, о котором ты гредишь, но это не в моих силах. Я отыскал опорное звено тринадцать лет назад; там еще можно замкнуть кольцо.

— Ты говоришь о?..

— Да, да! — потряс бороденкой Иван. — Ты ведь до сих пор видишь во сне мир, каким он был до Большой смерти. Потому я и сказал, что с тобой занятно поболтать. Ты можешь вернуться в лес и снова быть счастливым. Ты станешь молодым, но сохранишь память и знания. Ты выберешь другой путь на развилке.

— Значит... — до Артура начало доходить. — Значит, вы тут посоветовались и решили, что меня надо забросить назад?! Чем же я так мешаю?..

Он уже не сомневался, что Настоятель Бао говорит правду. Каким бы чудом это ни казалось, старый мутант, не покидающий радиоактивных подвалов, мог вернуть его на тринадцать лет в прошлое.

— Ты ищешь правды и раскачиваешь мир.

— Черт! А как, по-твоему, надо жить?

— Оглянись! Чем была плоха жизнь? Кто тебя заставлял покидать лес? От тебя идет волнение, и чем дольше ты живешь, тем сильнее мир качается!

Президент не находил слов.

— Это я, по-вашему, главный враг спокойствия?

— Когда ты проснулся от долгого сна, я сразу услышал тебя. Потом появились другие Проснувшиеся, как вы их называете, но они не несли с собой такой бурной волны. Ты ворвался в мир, как камень, упавший в тихий пруд. Камень слишком велик, и пруд вышел из берегов...

— Тогда что вам мешает просто меня прикончить? Или ты играешь по правилам, как и твой дружок Ли?

Коваль старался говорить громче, чтобы заглушить стоны своей жены. Ему казалось, что он подглядывает в замочную скважину или смотрит кассету с записью собственных любовных утех. Солнце снова вышло из-за тучки, разрезав лес сотней лучей. В речке с хохотом плескались мальчишки. Дверной проем, ведущий в будущее, покачивался, точно зеркало, подвешенное на невидимых нитях.

— Твоя смерть принесет еще больше проблем. Если мы пойдем на убийство одной опорной личности, Ордену придется уничтожить всех, кто способен изменить мир, — невозмутимо сообщил гном. От его деревенского говорка вдруг не осталось и следа. — Не сомневайся, мы просчитали исходы одиннадцатью различными способами. Ваша Книга указывает на опасность, но не указывает пути, как ее избежать. Единственный способ вернуть Россию к равновесию — это вернуть тебя на тринадцать лет назад. Если ты сейчас уйдешь, память о нашей встрече сохраним только мы с тобой, президент Кузнец и старый монах Бао.

— И в России все будет по-другому. Москва останется столицей...

— Нет, Москву все равно расплавят, — быстро сказал гном. — И реки не потекут вспять, и спустя тысячу четыреста лет снова изобретут водородную бомбу. Существуют вещи, которые не в силах изменить один человек.

— А почему все уперлось в меня? — не отставал Артур. — Найди кого-нибудь другого и с ним экспериментировать!

— Опору кольцу может дать только человек, сдвинувший время. Каждый второй согласится вернуть молодость, но у старого Бао не хватит сил, кольцо не сомкнется. Очень редко рождаются люди, про которых говорят, что они меняли ход событий. Разве в древнем мире было не так?

— Но если ты видишь так далеко, скажи, почему ты так хочешь избавиться от меня? Чем я не угодил Храму в будущем?

— Разве ты не хочешь туда вернуться? — вопросом на вопрос ответил гном. — Разве не о том все наши мечты, чтобы опять вкусить счастье юности?

Артур изо всех сил старался не прислушиваться к тому, что творилось на дороге. Там его двадцатилетняя жена шептала в ухо молодому мужу матерные слова и вскрикивала, пугая проснувшегося ребенка...

— Ты снова насладишься обществом тех, кто покинул этот мир, — продолжал Настоятель. — Ты станешь хорошим Клинком и займешь место Хранителя силы, ты вырастишь сыновей и оставишь мечты о проклятом городе! И никто не заметит, что время сдвинулось, только мы с тобой...

— Я очень хочу вернуться, — Коваль развернулся и шагнул обратно через порог. — Теперь я поверил тебе, Настоятель! Но если я вернусь, то снова выберу ту же дорогу и снова, спустя годы, приду сюда, за червями. Что ты сделаешь в таком случае? Опять забросишь меня в прошлое?

— Если такое случится, то нас обоих спасет только смерть, — понурился гном. — Чтобы разорвать кольцо, я буду вынужден убить тебя и, конечно, себя.

— Зачем ты мне это сказал? Теперь я могу остаться в прошлом, но не приду в Храм за драконами. Я заранее уничтожу своих врагов, не буду повторять ошибок и обойдусь без вашей помощи!

— Не получится, мирный человек, — печально улыбнулся Бао.

Артур ощутил, как взметнулись волосы у него на затылке. Словно теплый вихрь пронесся по кинозалу, и все исчезло. Не стало ни тайги, ни деревни, только в воздухе носился слабый хвойный аромат. Вместо солнечной лесной прогалины за дверью возник унылый полузатопленный коридор. В черной воде играли блики факела и плавала метровой длины мертвая моль с откушенной головой.

— Почему не получится? — с трудом стряхивая наваждение, спросил президент.

— Я говорю — без помощи нашей не получится! — Гном отвернулся и засеменял по проходу к оставленной книге. — Не одолеть тебе врага без Красных драконов. Все, хватит с тебя спецэффектов. Ступай прямо, там покормят и помогут, а то — президент, а разит от тебя неприлично... Да, чуть не забыл! Покудова червячки кровь сосут, о спиртном забудь! А то некоторые пригубляют, а у червяков толерантность высокая, желудок нежный, мигом привыкнут. Не воевать будешь, а из запоев друзей выводить!

16

ДЕВУШКИ И МАНДАРИНЫ

Девушек звали Мо и Бай.

Мо была выше подруги на полголовы, но уже в бедрах, и носила короткую мальчишескую стрижку. Бай выглядела гораздо более женственной и округлой. Скулы и глаза выдавали в ней китайские корни, а в

остальном Бай могла сойти за пухлого европейского подростка. Волосы она чем-то смягчала и красила в пшеничный цвет.

Сначала Артура купали, долго и обстоятельно. Пока одна девушка укутывала его в горячие хлопья пены, другая растирала все тело душистым отваром. Запах был такой резкий, что захотелось чихать, но очень скоро девчонки заменили моющее средство, и вместо пахучей водицы на спину Ковалья тонкой стружкой потекло масло.

Они дважды смывали грязь, и дважды переворачивали его на мраморной плите. Артур чувствовал себя пленником — ему даже не позволили самому дотянуться до пиалы с чаем. Наконец он сдался, перестал следить за происходящим и тут же почувствовал, как расслабились и повеселели его банщицы. Очевидно, девушки тонко воспринимали состояние клиента и не могли работать в полную силу без взаимного доверия.

Прищурившись, Артур смотрел на их загорелые гибкие тела сквозь клубы пара. Возможно, в чай подмешали легкий наркотик, или так действовал массаж, но мышцы уже не ныли, как раньше. Боль в десятках царапин, заставлявшая его вздрагивать при каждом неловком движении, тоже притупилась, а затем и вовсе прошла. Но самое главное — он возбудился и возбуждение никак не спадало. Артуру стало немножко смешно. Взрослый дядька, виски в седине, а напряжен, как пятнадцатилетний подросток...

Артур больше не воспринимал свое тело как источник боли, он парил, он растекался воском по раскаленному камню. Ни одна связная мысль не держалась в голове; он мог только созерцать и даже не искал определений тому что видел. Некоторое время он следил за желтым шарообразным светильником, подвешенным к балдахину, но вскоре понял, что и это простое занятие его утомляет. Тогда он закрыл глаза, отключил слух и переключил все внимание на женские пальчики, удивительно мягкие и нежные.

Купание незаметно перешло в массаж. Бай очутилась верхом на его спине, и Артур невольно поразился, с каким проворством и как точно двигаются ее руки. Она нащупала все болезненные точки на шее, размяла косточки позвоночника, прошла до поясницы, вызвав такое острое томление, что Артуру захотелось потянуться, словно сонному коту. Вторая девица в это же время вытворяла что-то невероятное с его ногами и руками, выгибая их во все стороны, выцепляя по очереди все напряженные сухожилия.

Коваль чувствовал себя большим куском дрожжевого теста. Он смутно, словно сквозь завесу, вспоминал, как в студенческие годы дважды посещал салоны интимного массажа, скорее для хохмы. Гораздо позже, уже в бытность губернатором, держал при себе пару ману-

альщиц из Озерного клана, но рядом с китайскими профи северянки выглядели бледно.

Когда маленькая чаровница первый раз провела скользкой ладошкой ему между ягодиц, Артур чуть не вскрикнул от наслаждения. Его в очередной раз мягко перевернули на спину; девушки шептались и хихикали. Коваль с усилием разлепил веки и встретил взгляд беленькой, которая оставалась в ногах. Обволакивающий такой взгляд, одновременно покорный и вызывающий. У девчонки были очень пухлые губы и два маленьких иероглифа на левой щечке.

Он понял, почему возникла заминка. Банщицы скинули остатки одежд и щедро намазывали друг друга ароматическим маслом. Они не пытались спрятаться; все, что происходило в парилке, являлось частью церемонии. Бай легко взобралась на мраморный стол и встала над Артуром на четвереньки, сжав его бока коленками и касаясь груди острыми розовыми сосками. По внутренней поверхности ее бедер стекали дрожащие капли масла. Потом девушка приподнялась, чтобы мужчине было лучше видно, как подружка наносит масло на ее гладкий безволосый лобок. Она двигала тазом навстречу движению руки, распиная Артура на столе и упираясь ладошками ему в локти. Затем Мо также взобралась на стол и, устроившись позади напарницы, принялась намазывать подруге живот и спину. Маленькая блондинка прогибалась все глубже; ее мокрые волосы падали Артуру на лицо, а губы качались в сантиметре от его губ.

Мо заглянула через плечо напарницы Ковалю в глаза, улыбнулась и сильным движением развела подруге ягодицы. Артур почувствовал, как на секунду напряглись мышцы стоящей над ним девушки. Бай закусила губу и коротко всхлипнула, когда пальчики брюнетки проникли в ее лоно.

В следующую секунду пришла пора вздрогнуть мужчине, потому что прохладная скользкая ладошка обхватила его мошонку. Дыхание Бай сбилось, она упала щекой Артуру на грудь. Затем, подгоняемая властным напором Мо, подтянула колени еще выше к груди. Теперь она раскачивалась, выставив свой крепкий блестящий зад и с каждым толчком все глубже пропуская в себя ее руку.

Мо работала двумя руками, возбуждая одновременно мужчину и девушку. Артур не помнил, когда получал столь острое удовольствие. И, наверное, впервые в жизни, от него требовалось только лежать и не мешать. Пальчики Мо проделывали что-то невероятное у него между ног, то поднимаясь выше и царапая ногтями самые чувствительные участки кожи, то опускаясь вниз, заставляя его непроизвольно сжиматься...

Изящная кисть Мо потихоньку погружалась в лоно маленькой напарницы. Сначала Мо двигала двумя пальцами, затем сложила ладонь лодочкой...

Видимо, она привыкла играть роль мужской половины в их девичьей паре и, как хороший любовник, чувствовала, когда доставляет блондинке неудобства. Мо на секунду отстранилась, не отрывая второй руки от Артура, и дотянулась до чаши с маслом.

В этот момент Бай наклонилось к лицу Коваля так близко, что Артур уловил исходящий из ее рта мятный запах. Она что-то коротко и почти-тельно спросила. Коленки Бай почти упирались Артуру под мышки. Поскольку мужчина ничего не ответил, она повторила свой вопрос неприличным жестом, а затем снова обняла его голову горячими ладонями. Коваль догадался, что его вовлекают в игру, у него интересуются, приятно ли то, что банщицы собираются делать.

Он покивал в ответ. Сейчас он был согласен на все.

Дальше пошло легче. Девушки занялись своим делом так, словно оставались вдвоем, а на скамье лежал не человек, а живая податливая игрушка.

Мо терлась животом о раздвинутые ягодицы подружки, все глубже проникая рукой внутрь. Бай сплелась с Артуром пальцами, закинула ему руки за голову и зубками прихватила его верхнюю губу. Лоснящееся от масла запястье Мо целиком скрылось между раздвинутых ног блондинки. Бай передвинулась ниже и взяла в рот кадык Артура. Затем перехватила левой рукой обе его ладони и правой неторопливо повела вниз, царапая ему живот ноготками.

Артуру казалось, будто его приковали наручниками. Его захлестывало желание; возможно, в чай действительно подмешали наркотик, но гораздо сильнее действовало неиспытанное доселе чувство подчинения. Это оказалось неожиданно, до боли, до крика, приятным: отдаваться во власть молчаливых распутниц, внешне почти подростков...

Он вдыхал в себя чужое свежее дыхание, он купался в масле, стекавшем с их скользких тел, он откликался каждым сантиметром тела на их призывный жар и поражался тому, насколько стал молодым и сильным...

Брюнетка подождала секунду и потыкала коленками, вынуждая Коваля раздвинуть ноги. Мо не прекращала мучить подругу — каждый толчок ее руки передавался Артуру, затем подтолкнула младшую напарницу еще выше.

Спустя мгновение Коваль ощутил, как гибкий пальчик вторгается ему в зад, а Бай дотянулась рукой до его изнемогающего живота.

Он непроизвольно напрягся, и Мо тут же отодвинулась. Круговыми касаниями она щекотала ему внутреннюю поверхность бедер, через плечо подружки искательно заглядывая Артуру в глаза.

Он вздохнул и расслабился...

Теперь обе девушки двигались в такт. Бай грудью и губами вжималась в мужчину, приподняв таз, оставляя зазор для своей свободной руки.

Она то сильно сжимала раскаленную плоть в кулачке, то терлась о нее скользким пупочком, то пробегала сверху донизу трепетными подушечками пальцев. Она трижды подводила Артура к черте, после которой, казалось, уже нельзя было остановиться, но всякий раз ухитрялась замереть; она ослабляла натиск и уступала первенство своей более активной напарнице...

Коваль не мог понять, больно ему или нет. Кажется, он издавал какие-то звуки; возможно, он стонал вместе с Бай и ничего не слышал и не видел, запутавшись в ее мокрых волосах. Потом он обнаружил, что они кричат на пару, не переставая.

Брюнетка освободила подружку от своей руки, потянула ее за волосы и усадила на мужчину верхом. Артур успел удивиться, что после запыстья Мо внутри маленькой китайки так тесно. Бай уже не лежала на нем; она села на корточки, закинув руки за голову, приподнималась и опускалась, принимая в себя мужчину. Глаза ее закатились, волосы прилипли к лицу, между грудей ручьем стекал пот. В нижней точке девушка морщилась и взвизгивала, но Мо прильнула к спине подруги, руководя каждым ее движением, заставляя ее то уменьшать, то увеличивать амплитуду.

Коваль не мог оторвать взгляда от гладкой промежности девушки. Ростом она едва перевалила за метр пятьдесят; казалось невероятным, как такое хрупкое создание вмещает в себя так много...

Но Мо еще не закончила спектакль. Сидя на корточках позади блондинки, она продолжала пальцем ввинчиваться в Артура. Она задавала темп и ухитрилась заставить всех двигаться так, как ей хотелось. Запрокинув лицо, Бай с хриплым стоном соскальзывала вниз; чуть отставая, Мо проникала в нее сзади и играла пальчиками внутри, так что Артур ощущал ее руку сквозь горячую перегородку. А еще спустя секунду старшая банщица принуждала его скрипеть зубами на самой границе между наслаждением и болью.

Ковалю казалось, что эта мука длится бесконечно. Вроде бы пухлая блондинка развернулась к нему спиной, и сложились пополам, и целовала ему ноги... А ее напарница окунала в сладкое вино и поочередно давала ему в рот оба своих соска...

А вскоре он ощутил, как ее крепкие мускулистые ляжки сдвигаются вокруг его головы, и поймал языком ее терпкий щекочущий вкус. Мо подхватила его руки и уложила их к себе на талию. Коваль, уже мало что соображая, прихватывал зубами невидимый мягкий бугорок и всасывал в себя, чувствуя, как крупной дрожью отзывается женское тело...

А потом две милые головки, воркуя и смеясь, прижимались щеками к его паху, к тому месту, которое так долго не находило себе занятия и так истосковалось. Две головки, черная и золотистая, сдвинулись вместе, ловя ртами то, что так долго просилось из него наружу...

Он очнулся, когда его вымыли в третий раз и внезапно окатили холодной водой. Очнулся и понял, что сонливость исчезла, а вместо нее накатило щемящее чувство утраты. Президент снова помнил, кто он такой и как много еще предстоит впереди. Он снова был в состоянии пройти подземелье и подраться с великанами и кикиморами, если ему позволят хотя бы еще разок встретиться с девчонками...

Несколько мгновений он водил глазами, ничего вокруг себя не видя. На губах до сих пор оставался слабый привкус мускуса, вокруг распяренного тела словно витала паутина из женских запахов. Артур еле сдерживался, чтобы не завывать, не забиться от ярости, как ребенок, которому показали чудесную игрушку и тут же с хохотом отняли навсегда. Но никто над ним не смеялся, никто не обещал ему любви, юных банщиц и след простыл. Они покинули его так же внезапно и тихо, как появились.

Вместо них на краю мраморной скамьи, болтая ногами, сидел проводник, чистил мандарин и постукивал ботинком по запотевшему кувшину с червяками.

— Симпатию Мо завоевать непросто, — сказал Боа. — Вот Бай, та попроще и поласковой, она может уступить, если парень приглянулся.

Артуру внезапно стало холодно в раскаленной парилке. Стуча зубами, он сел и уставился на Ивана.

— Боже мой! Так они — вроде тебя? Я трахался с призраками?

— А что такое призраки, мирный человек? — въедливо усмехнулся гном. — То, что не дается в руки? Или то, что вечно нас обманывает? Или призрак — это то, что никогда не станет твоим?

— Не знаю... — понурился Артур. — Наверное, ты прав в каждом случае.

— Если я прав, значит, большинство женщин призрачно, и нет никакой разницы, о ком тосковать.

Иван кинул в собеседника мандарином.

— Я не собирался тосковать... — Голый президент стал рассеянно счищать кожуру с фрукта. — Но... я смогу их еще раз... повидать?

— Ты сможешь не расставаться с ними и получить еще сотню других, не менее искусных. Ты можешь сохранить мужскую силу до глубокой старости. Любая женщина в Поднебесной будет рада отдаться тебе.

— Ты знаешь... — Ковалю подумалось, что с Настоятелем можно быть откровенным. — Я люблю только свою жену, но от такого подарка не отказался бы. Но ты ведь, как пить дать, попросишь что-то взамен...

— Попрошу.

— Ну вот, получится не подарок, а очередная головная боль. Лучше не надо, Настоятель. Женщины всегда что-то кланчили у меня либо...

— Либо вели себя как охотницы? — подсказал гном и извлек из воздуха еще два мандарина. — А здесь ты впервые встретил женщин, любивших твое тело бескорыстно?

— Я уже не так молод, Настоятель...

— И вдруг почувствовал себя юношей в самом соку, так? И теперь, всякий раз глядя на женщину, ты будешь переживать, что не загорись-ся, как сегодня? Так и будет, поверь мне. Ты никогда их не забудешь, и все оставшиеся тебе дни будешь гадать, призраки тебя ублажали или земные женщины.

— Чего ты добиваешься? — простонал Артур.

— Ты отказался от счастливого прошлого, и я показал тебе одно из колец счастливого будущего. — Гном держал кувшин так, словно собирался улизнуть вместе с ним.

— Будущего?!

— Да, всего лишь один из тысяч вариантов. Ты мог бы остаться в Храме, надеть синюю рясу и честно служить добру. Собирать Звонящие узлы, чистить поля от грязи, помогать крестьянам. Надеюсь, ты веришь, что мы заняты полезными делами. Ты прилежный ученик и мог бы когда-нибудь получить зеленую одежду. Честно говоря, у меня даже нет желания тебя уговаривать, как в прошлый раз, — поделился Бао. — Но так гласит Устав Ордена. Всякий, желающий стать послушником, имеет право на выбор. Если уж ты не вернулся к молодой жене, то на наших девушек я сильно и не рассчитывал.

— Спасибо, почтенный Настоятель... Но вряд ли из меня получится монах.

Коваль наконец обнаружил свой плащ. Осторожно встал и убедился, что может держаться на ногах. Окружающие предметы уже не плавали перед глазами, и нахлынувшая было тоска уступила место легкой грусти.

Как будто силился вспомнить что-то светлое и никак не мог...

— В том-то и закавыка, — кисло пробурчал гном, — что нехорошо соблазнять послушника земными благами. Тем более — русского. С вами вечно не так, как с нормальными людьми. Приходите нечасто, но заморочек с вами больше в десять раз. Я предупреждал братьев, что лучше тебе отказать. Говорил им, что раз уж человек, да не пастух какой, а при власти, столько верст отмахал, стало быть, не возьмешь его на жемчуга да на передок...

— Я не могу понять, почтенный Настоятель, стал ли я послушником?

— А что тебе нужно для понимания?

— Ну... должен же быть какой-то ритуал, обряд.

— Обряд... — брезгливо поморщился гном. — Я малость старше тебя и расскажу кое-что про обряды...

Его манера разговора в очередной раз круто изменилась; на сей раз в речи Бао-Ивана пробились менторские монотонные нотки.

— Великий Кун-цзы так говорил своим ученикам: «Благородный человек думает о долге, низкий человек думает о выгоде». Великий Кун-цзы говорил, что благородный правитель, истинный цзюнь-цзы, должен обладать гуманностью и чувством долга. Он должен быть бескорыстен, скромен и справедлив. Для цзюнь-цзы превыше всего интересы народа. Он безразличен к еде, богатству, излишества и материальной выгоде... Учитель мечтал, чтобы было так на земле, чтобы государством управляли люди долга...

Коваль ждал, не вполне понимая, куда клонит собеседник. В игрушечных ручках гнома бронзовый сосуд с дракончиками казался огромным.

— ...Учитель считал, что разумное общество должно непременно состоять из тех, кто создан думать и управлять, и тех, кто создан работать и повиноваться. Великий Кун-цзы ожидал от учеников, что они выберут для управления страной самых добродетельных и ученых. Объясни мне, мирный человек, в чем ошибался учитель?

— К власти, как всегда, пришли самые наглые и богатые? — предположил Артур.

— К власти пришли те, кто умел соблюдать обряды, — зло рассмеялся гном. — Прошло несколько сотен лет после смерти Учителя, и от его мудрости остался один лишь ритуал. Напускное поклонение старикам, публичная скромность и показная добродетель... Прошло две с половиной тысячи лет с тех пор, как с нами нет Учителя. И все это время народ помнит его. Его помнят и любят, его слова повторяют всякий раз, когда мечтают о справедливой жизни. Но жизнь простых людей остается горькой и несчастной. Почему так происходит, мирный человек?

— Наверное, справедливую жизнь не так легко наладить...

— Об этом я и пытаюсь тебе сказать. Правители Поднебесной не смогли дать счастье своим подданным за две тысячи лет, а ты берешься осчастливить людей за полгода... Ты все еще хочешь пройти какой-нибудь обряд, мирный человек?

— Я понял твои слова и ценю твою заботу, почтенный Настоятель! — тщательно подбирая слова, заговорил Артур. — Вероятно, мы еще вернемся к этой беседе...

— Когда снова станет поздно? — перебил Бао. — Когда ты устанешь любить людей и поймешь, что гораздо проще любить ритуал?

— А что ты мне предлагаешь?

— Останься и отдохни. Твой враг, для которого ты готовишь червей, никуда от тебя не уйдет. Разве что умрет своей смертью. А ты ложись спать. Проснись утром, прислушайся к пению птиц и шуму водопада. Делай то, что хочет твое тело. Купайся в реке и мойся с женщинами в бане. Собирай цветы и совершенствуй боевое искусство. Попробуй на-

ши травы и выгони соль из суставов. Почувствуй себя опять молодым и забудь о людях, которые никогда не будут тебе благодарны. Каждый день изучай хотя бы один иероглиф, и спустя пару лет мы вместе с тобой сложим стихи. Здесь, снаружи, так красиво, что нельзя не сложить стихи...

— Спасибо, Настоятель! — заерзал президент. — Ты знаешь, что я не останусь. Я постараюсь не забыть того, что ты сказал.

— Ты первый из синих послушников, кому позволено вынести маленьких друзей. Не забывай, что Настоятель Вонг и скрытые Наставники будут следить за тобой. Они не пойдут по следу, но обо всем узнают от маленьких друзей. Мы подарили тебе червей потому, что увидели в тебе священные идеалы цзюнь-цзы...

— Я не забуду.

— Тогда забирай свой кувшин и готовь руку. Кое-кому не мешает позавтракать...

17

ЦЗЮНЬ-ЦЗЫ

Председатель революционного Комитета Гоминьдана, почтенный Ло Цзясу грелся на солнышке. Он гордился тем, что умел ценить сладкие мгновения жизни и правильно распределял время между делами государственными и созерцанием. Он гордился тем, что прочел немало книг и правильно понял суть учения великого Конфуция. Почтенный Цзясу знал, что далеко не все разделяют его точку зрения на труды Учителя, но это его не очень волновало. Он считал, что из каждой древней мудрости надо брать только то, что подходит для сегодняшнего дня.

Иначе очень легко запутаться в идеях и правилах, которые были предназначены для совсем других людей. А слишком сильно заботиться о других людях Председатель не умел и не хотел.

Вот и сейчас он намеренно игнорировал троих просителей и курьера от Военного министра. Все четверо никуда не денутся, а вот последнее осеннее солнышко спрячется за тучку, и неизвестно, появится ли до весны. До тепла еще так далеко, а жизнь столь непредсказуема...

Почтенный Ло смежил веки и улыбнулся. Какое-то время ему было очень хорошо, затем колыхнулось полотнище походного шатра, и чья-то тень заслонила свет. Председателю послышался неясный далекий шум, словно захлопали крылья. Почти сразу сквозь щели дунул вете-

рок. Еще Председателю показалось, будто он слышит какие-то посторонние звуки, излишне громкие голоса или даже крики. Но тут же все стихло, и Цзясу тихонько рассмеялся.

Не могло быть и речи, чтобы кто-то посмел шуметь, когда он отдыхает.

Полотнище снова колыхнулось, нос Цзясу уловил терпкий аромат любимого чая и жареных пирожков. Председатель подождал несколько секунд, надеясь, что служка поставит поднос и удалится. Затем неохотно приоткрыл левый глаз. Солнечный диск готовился нырнуть в грозовую муть, оставалось совсем немного времени, а наглый мальчишка продолжал стоять, лишая лидера страны послеобеденного сна. Председателю очень не хотелось поднимать руки и хлопать в ладоши. Он подумал, что двадцать плетей за подобную наглость будет в самый раз.

— Убирайся, — сказал Председатель.

Он с изумлением услышал, как кто-то шумно втянул в себя чай из пиалы. Ло приоткрыл второй глаз, и гневные слова застряли у него на языке.

Вместо бритого мальчишки-слуги напротив оказался высокий лохматый русский, с лицом, заросшим седой щетиной, и одетый, как солдат, в грубую кожу. Председатель хотел кликнуть охрану, но русский почмокал губами и укоризненно покачал головой. Ло опустил глаза, крик застрял у него в горле. В левой руке русский держал дымящуюся пиалу, а в правой — парный кастет багуа. Острый полумесяц лезвия упирался Председателю в пах.

— Не выпендривайся, — миролюбиво сказал русский. — Ты решил, что самый хитрый?

Господин Цзясу не понял ни слова, но неожиданно узнал визитера. Узнав, он вначале хотел изобразить бурную радость, какой принято встречать главу соседнего государства. Затем господин Цзясу поразмыслил и пришел к заключению, что русский президент чем-то недоволен.

— Я слышал, что вас можно поздравить, — начал Ло, прикидывая, что же случилось с охраной и куда подевался слуга. — Почтенный Настоятель Храма сообщил мне, что вы стали послушником, благополучно пройдя испытание.

Русский тоже ничего не понял, зато с удовольствием отправил в рот пирожок. Казалось, он кого-то ждет, прислушиваясь к тому, что творится за стенами шатра.

Ло Цзясу оставил попытки разговаривать недружелюбного иноземца. Он тоже обратился в слух. Ему очень не нравилось, что стальные острия кастета находятся так близко от тела, но Председатель недаром занимал свой пост. Он много раз видел смерть, научился избегать ее тысячами способов и не видел причин приближать ее приход. В молодости ему приходилось неоднократно драться, а также убегать от целой тол-

пы, вооруженной вилами. Приходилось отсиживаться на дне реки, дыша через трубочку, по двое суток сидеть на ветке дерева, привязав себя поясом. Его дважды пытались отравить, а не так давно ему угрожали монахи Храма Девяти Сердец...

Да, с Орденом вышло неприятно! Не стоило злить Настоятелей, почтенный Ло прекрасно об этом знал. Но, с другой стороны, его тоже можно понять! Засевшим в горах уродам и так все несут бесплатно; крестьяне рады отдать им последний кусок в обмен на сомнительные советы и сомнительное благословение. Что ни осень, так гонят туда коров, везут хлеб и сами нанимаются работать.

А ему как быть, когда денег ни на что не хватает и приходится усмирять бунты? Как быть, когда коммунисты да мандарины только и ждут момента напасть? Конечно, он был прав, поступая в интересах государства, когда согласился на столь выгодное предложение.

Дело происходило больше года назад. Прискакал курьер из Урумчи и доложил, что задержали двоих очень странно одетых людей. Оба выглядели, как русские, один с трудом говорил на китайском. Они загорели дочерна, носили длинные бороды, шаровары и высокие красные шапки. Эти двое сообщили, что везут послание от человека по имени Карамаз-паша и говорить будут только с представителем центральной власти.

Председатель заинтересовался. Он повидал немало русских, но никогда не слышал такого нелепого имени. Он повелел доставить парламентаров к себе и выслушал их наедине. То, что они сказали, ввергло почтенного Ло в ступор. Оказалось, что на руках у русского имелась карта Поднебесной, составленная в самый разгар Большой смерти, и на этой карте, в числе прочего, были указаны склады с медикаментами. Пометки и комментарии были на русском, но посланец любезно перевел. Строго говоря, это была не карта для путешественников-любителей, а план, найденный в свое время Карамаз-пашой в российском министерстве обороны. План, на котором подробно указывались места, даты и объемы поставок американской вакцины. Как выяснилось, русский нарочно прихватил с собой лишь кусок атласа, относящийся к китайской территории.

Председатель выслушал посланца турецкого владыки с огромным интересом, а потом спросил, чего, собственно, от него хотят. Львиная доля медикаментов сгорела или была уничтожена. Старики рассказывали, что вакцина не выносила тепла и солнца. Даже если сохранились где-то склады, то лекарство давно испорчено. Впрочем, Председатель соглашался за плату рассмотреть вопрос более подробно...

И тут случилось самое удивительное. Посол предложил почтенному Ло взять необходимую охрану и отправиться вместе с ним в Урумчи. Председатель дал себя уговорить. Еще не добравшись до города, они

встретили толпу перепуганных насмерть крестьян, которые кричали о страшном звере, спустившемся с небес. Лидер Гоминьдана сам с трудом сохранил самообладание, когда в диком лесу, прямо над отрядом, вдруг завис огромный огурец.

Огурец гудел и плевался дымом. Копейщики в ужасе попадали на землю. С борта небесного судна спустили лесенку, но Председатель категорически отказался взбираться наверх. Он повидал немало чудес, которые творили монахи и колдуны, приходившие иногда из Шанхая, но не мог поверить, что люди живут внутри летучего змея. Председатель очень гордился тем, что не закричал и не закрыл лицо, как его трусливые солдаты, когда огурец снизился и стал размером с гору. Он больше не гудел, как пчелиный рой, а рычал, как несколько тигров. По лесенке шустро соскользнули шесть человек, вооруженных автоматами, и Председатель быстро понял, что его охрана может отдыхать. Вслед за автоматчиками спустился высокий старик в черном. Гость держался очень прямо, хотя кашлял и цвет кожи у него был нездоровый. Однако его глаза сверкали, как раскаленные угли. Цзясу сразу понял, что имеет дело с самим Карамаз-пашой.

Они расположились втроем с переводчиком на одеяле в окружении молчаливых охранников, и гость махнул рукой. Пилот заглушил моторы, из кабины сбросили канат. Чудесный огурец завис, легонько покачиваясь на ветру. Несмотря на странность положения, Председатель старался выглядеть достойно и не показывал, что боится.

Гость сообщил, что его страна находится настолько далеко, что даже на дирижабле он добирался почти две недели. Однако он безмерно рад встретить такого мудрого правителя, как почтенный Цзясу. Председатель в ответ высоко оценил мужество воздухоплателей и осторожно поинтересовался, нельзя ли и ему обзавестись такой же надувной штуковиной.

Паша уверил, что это проще простого. Он бы оставил Председателю и этот дирижабль, но не хочет полгода идти назад пешком. Паша привез очень конкретные предложения. Он сказал, что из-за дальности расстояния конфликт между их странами абсурден и невозможен и потому лучше договориться полюбовно. Он намекнул, что, конечно, может прислать сюда десять тысяч дирижаблей, и они забросают Китай бомбами, но ему кажется, что от этого могут пострадать установившиеся братские отношения.

Председатель оглядел своих оробевших охранников, представил, как после лично всем перережет глотки, и с кислой миной покивал в ответ на слова гостя.

Карамаз похвалился, что под его началом работают два могучих джинна, которые и придумали летучие огурцы. Эти колдуны ему полно-

стью подчиняются и создают для него и для его друзей все, что он прикажет.

Ао немедленно выразил готовность стать личным другом турецкого народа.

Паша хлопнул в ладоши, чтобы сверху спустили сундук. Почтенный Цзясу заглянул внутрь и лишился дара речи. Сундук был разделен на два отделения. Слева переливались драгоценные камни, а справа лежали коробки с патронами и револьверы в масле. Цзясу вздохнул свободнее: он понял, что его не увезут на этом жутком «ди-ри-жабле» и даже появляется шанс неплохо заработать.

Карамаз сказал то, что и так было всем известно. После катастрофы по всей земле оставалось огромное количество вакцины, но она очень быстро пришла в негодность. И слава Всевышнему, что она испортилась, потому что в каждой ампуле жила маленькая смерть. Однако, заметил Карамаз, в документах московских военных указано, что Китай получил немножко другое лекарство. Последние две цифры и буква на упаковках должны отличаться...

Председатель приложил все усилия, чтобы выглядеть мудрым.

Разница в одну букву означает, заметил Карамаз, что эта вакцина должна быть устойчива к перепадам температур. Подземные хранилища, сказал Карамаз; в пещерах вечно стоит холод, и температура не меняется столетиями. Вот здесь и здесь, по идее, можно попытаться поискать. Если китайские друзья не будут возражать...

Председатель осмелился спросить, зачем Карамазу вакцина, если лечить некого, а вскрывать ампулы довольно опасно.

Старик в черном посокрушался, что в его замечательном государстве завелась нечисть, истребить которую можно только с помощью древнего лекарства. Затем он вторично хлопнул в ладоши, и сверху спустились еще один сундук.

Председатель понял, что угодил в западню. Ничего страшного, рассудил он. Можно сделать вид, что согласен помочь иноземцам с раскопками, а потом внезапно напасть и отнять их летучие суда... Но вслух он спросил совсем другое. Он удивился, что Большую смерть нельзя искать где-нибудь в другом месте.

Русский турок заявил, что его пленные колдуны уже сбились с ног. Они исследовали содержимое ампул, найденных в Турции, Болгарии, Греции, Украине... Наконец, пришелец понял, что китайцу названия говорят мало, и перешел к практической стороне вопроса. Он вел себя так, будто сделка уже состоялась. В самых вежливых выражениях Карамаз поинтересовался, сумеет ли Председатель найти рабочих и обеспечить должную секретность. Он уверял, что не сомневается в могуществе Гоминьдана, но ходят слухи о постоянных волнениях черни. Он

уточнил, что эти два сундука — всего лишь маленький личный подарок, а за реальную помощь обещал в десять раз больше.

Карамаз-паша особо остановился на необходимости полной конспирации. Он обещал через три месяца пригнать шесть дирижаблей в указанную точку. Он настаивал, что пилоты пройдут населенные районы ночью, а в месте, указанном на карте, их должны встречать зажженные костры.

Мысленно поздравив себя с удачей, Председатель пообещал, что все оформит в лучшем виде и выставит вокруг места раскопок такую охрану, что ни один шпион не просмыгнет...

А вот этого не надо, оборвал его пришелец. Он ласково объяснил растерянному Председателю, что с инженерами и химиками прибудет маленькая армия с пушками и пулеметами. Дело революционного руководства заключается в том, чтобы организовать внешний кордон и на время выгнать жителей из ближайших лагерей. Чтобы никто не видел небесные огурцы.

Ло Цзясу проглотил язык. Он еще раз смерил взглядом сундуки, хмурых автоматчиков и решил, что от добра добра не ищут. Лучше разойтись друзьями, чем положить армию в битве за никому не нужную древнюю химию. Он вообще не верил, что турки вернутся и что-нибудь найдут.

Но они вернулись и нашли.

Организовать соответствующую секретность оказалось не так уж сложно. Председатель предложил Карамазу прилететь как раз во время весенних праздников, когда большинство деревенских жителей потянутся в город. Один склад обнаружили в пещере, а второй — под старой веткой метро. В общей сложности пришельцы погрузили в гондолы четыре тонны вакцины. Карамаз-паша не обманул: заплатил щедро, даже с избытком. Он признался, что этого количества лекарства будет недостаточно. Он подтвердил, что хочет прилететь еще трижды. Самые крупные залежи медикаментов, по данным бывшей русской разведки, находились в помещениях терминалов шанхайского порта. Десятки, если не сотни тонн.

Почтенному Ло пришлось признаться, что юг Поднебесной он не контролирует, а восточное побережье не контролирует никто. Он сказал Карамаз-паше, что вряд ли найдутся желающие проводить их в Шанхай. Конечно, туда можно долететь по воздуху на чудесных машинах, но вряд ли удастся сесть. Там такое творится...

Откуда почтенному Ло известно, что творится на побережье, если он там никогда не был, спросил Карамаз. Пришлось Председателю упомянуть о Храме Девяти Сердец и об отважных монахах, которые летали на восток на своих Красных драконах...

Теперь Председатель кусал локти. Не очень-то гладко вышло! Нельзя рассказывать чужакам о Храме... Но что сказано, того не воротишь. Карамаз-паша уперся, что с волшебниками дел иметь не хочет, а насчет Шанхая выпросил подробно.

Цзясу поведал все, что слышал от Настоятеля Ли. Огромный город. Такой огромный, что невозможно охватить взглядом. Много зданий, убегающих за тучи, таких высоких, что на балконах верхних этажей всегда лежит снег. Очень много зданий, поваленных ураганами и цунами. В порту лежат десятки полузатопленных кораблей, но есть и такие, что еще на плаву. И десятки кораблей выброшены прямо на улицы города...

Монах, летавший туда, утверждал, что видел внизу фигурки то ли людей, то ли животных, но над землей стелется желтый туман и точно разглядеть невозможно. Дракон напрочь отказался снижаться, буквально взбесился, потому дальнейшие исследования пришлось прекратить. А что касается сухопутных экспедиций к восточному побережью, то, по данным Председателя, ни одна из них не вернулась...

Председателю дали подержать белый ящичек со стеклянными колбами, в каждой из которых перекачивалась прозрачная смерть. Бородастый предводитель турок пообещал, что они еще непременно встретятся, но сделал вид, что не расслышал, когда его спросили насчет обещанного дирижабля.

После окончания раскопок Председателю Цзясу предстояло еще одно мелкое малоприятное дельце. Пришлось казнить восемьдесят уголовников, которых специально пригнали для подземных работ. Затем пришлось зарезать пятнадцать надсмотрщиков и отравить столько же человек охраны. У них могли оказаться слишком длинные языки, а почтенный Ло совсем не хотел делиться нажитым доходом. Обоз с подарками отправили к нему в усадьбу, и скрепя сердце он приказал верным офицерам прикончить всех слуг, которые вели караван.

Однако все эти меры предосторожности цели не достигли. Этого следовало ожидать! Как ни старайся, невозможно спрятать восемь летящих и ревущих гор. Но опасность пришла совсем не от соратников из правительства. К Председателю с тайным словом явился посланник Настоятеля. Храм отстоял от места событий почти на пятьсот километров; на своих бешеных червях монахи над городами не летали, и шпионы их не видели. Цзясу ломал голову, откуда Настоятели могли узнать и как много им известно?..

Оказалось, им известно лишь то, что Председатель передал чужакам какие-то ящики. Цзясу вышел тогда из храма ни живой, ни мертвый, хотя никто его не пытал...

А теперь, год спустя, Председатель сидел напротив русского убийцы и гадал, за что его собираются зарезать...

В эту секунду он больше всего на свете жалел, что когда-то стал послушником проклятого Храма. Он сделал это по совету отца, которому очень хотелось, чтобы сын преуспел на политическом поприще. Молодому Ло удалось пройти испытания и надеть синюю рясу; он даже прожил в Храме целый год, а когда вернулся в мир, еще больше укрепил свое положение среди враждующих лидеров банд. Люди безмерно уважали тех, кто прикоснулся к священному колдовству, и молодой Ло ни капли не врал, когда честно сообщил Настоятелям о целях своего послушничества. Он хотел обрести светскую власть и готов был за это платить. Он не забывал каждый год дарить Храму скот и часть урожая. А впоследствии, когда оформилось государство, он не забывал ежегодно посещать Настоятелей, привозил им золото и даже несколько раз предлагал рабов из числа тех крестьян, которые не смогли расплатиться с казной. От рабочей силы Настоятели всякий раз отказывались, но внимательно расспрашивали Председателя о том, как продвигаются реформы. Монахи много раз делали ему замечания, попрекали тем, что люди в провинциях голодают, что власть ведет себя несправедливо. Почтенный Ло всякий раз был вынужден оправдываться кознями врагов с юга, тем более что это была чистая правда. Он выпячивал успехи революционного Комитета, изгнавшего старых помещиков, он демонстрировал достижения прогресса, он клялся, что устранит недостатки...

Всякий раз Цзясу покидал Храм мокрый и дрожащий. И всякий раз его встречало возросшее уважение соратников и врагов. Тот, кто водит дружбу с колдунами, становится в глазах простых смертных тоже немного чародеем.

Постепенно почтенный Ло и сам начал считать себя кем-то вроде божества. Он уже не стремился, как в юности, к каким-то новым высотам, не заговаривал с другими руководителями об экспансии на юг. Давнишние идеи насчет объединения страны, с которыми он когда-то пришел к монахам, теперь казались ему нелепыми и даже безумными. Ему было тепло и уютно на той вершине, куда вынесли таланты и время. Пусть государство вело бесконечные войны с мандаринами и монголами, пусть периодически вспыхивали крестьянские мятежи; если сильно из-за этого волноваться, можно раньше времени лечь в могилу!

Так продолжалось очень долго, до нынешней осени, пока не явился этот русский! И не просто рядовой Качальщик, необразованный вонючий колдун, а человек, о котором ползла очень странная слава. Место вольного послушника пришел просить предводитель с именем «президент», проспавший сотню лет в гробу! И вместо того чтобы выразить смирение и благодарность, этот наглец начал тогда поучать Председателя, как тому следует бороться с болотами!

Конечно, почтенный Ло не стал раздувать скандал. Он выслушал русского с улыбкой и пообещал с болотами непременно разобраться. А внутри, про себя, подумал, что люди на северо-западе сошли с ума, если доверяют власть такому ненормальному... Ведь любому охотнику известно, что тайга кишит опасностями, и никто не решается подниматься за зверем в северные леса, за древнюю российскую границу. Всем известно, что там водятся машины, нападающие на людей, гнус, от укусов которого сворачивается кровь, и многое другое...

Но так же всем, кто ходит в тайгу известно, что Слабые метки зарастают, что странностей год от года становится все меньше и что русские Хранители сами прекрасно во всем разбираются!

И вдруг появляется этот полоумный и начинает пугать каким-то Желтым болотом, до которого по карте месяцы пешего пути. Естественно, что почтенный Ло, как добрый хозяин, поддержал разговор, выразил обеспокоенность и спросил, чем же он может помочь, если даже почтенные Качальщики не в силах разобраться.

И этот глупый... впрочем, как выясняется, не такой уж и глупый президент заявил, что русские Качальщики тоже не видят опасности и не хотят помочь своему президенту раздобыть вакцину Большой смерти.

Почтенный Ло сидел с безмятежным видом и ожидал, что ситуация разъяснится сама собой. В конце концов, раз этот лохматый безумец не зарезал его сразу, значит, у него иные цели. А любые цели противника при должном умении можно обернуть себе на пользу! С другой стороны, раз главарь русских здесь, и никто не доложил о его появлении, значит, охрану, больше сотни верных копейщиков, уже перебили...

После такого умозаключения Председателю стало нехорошо. Он представил себе легкость, с какой нежданный визитер преодолел тройное кольцо охранников, и понял, что русский вряд ли пришел из-за пары жареных пирожков. Он понял, что отныне никогда не сможет спать спокойно. Либо ему придется собирать армию и идти войной на русских, возможно, сжечь несколько деревень, потому что до их столицы вовек не добраться... Или, что гораздо проще, в свою очередь подослать к этому кошмарному человеку убийц и таким образом смыть нанесенное оскорбление...

Все эти мысли очень быстро пронесли в опытных мозгах Председателя. Он приготовился согласиться с любым самым дерзким предложением гостя и только недоумевал, как же они поймут друг друга. Тут ситуация изменилась самым неприятным образом. Почтенного Ло ухватили сзади за оба локтя, кто-то довольно бесцеремонно обшарил его одежду и отобрал спрятанное оружие. После чего послышалась китайская речь. Очень знакомый голос, которого лидер Гоминандана предпочел бы не слышать.

— Ты дважды обманул Орден, — сказал Настоятель Вонг.

— Это неправда! — попробовал защититься Председатель.

— Не оборачивайся! — прикрикнул Вонг. — Первый раз ты обманул нас, когда продал чужестранцам замороженную Большую смерть. Ты предал не только нас, но и своих соратников из правительства. Ты утаил от своих соратников золото и камни, утаил оружие, убил много народу, чтобы скрыть свою подлость. Второй раз ты обманул нас, когда с запада пришел мирный человек и рассказал тебе о хищных болотах...

— Но это так далеко! — в отчаянии воскликнул Председатель.

Он сделал очередную попытку обернуться, но получил по уху и тонко завыл.

— Мирный человек просил у тебя древнее лекарство. Ты сказал ему, что ничего не знаешь о вакцине. Ты продал чужакам то, что принадлежало всем. Теперь к нам может прийти беда, а защититься будет нечем.

— Я... я не знал... — барахтался Ло. — Они привезли карту... Я думал, что поступаю правильно. Я думал, что очистил землю от яда... Позволь мне посмотреть на тебя, Настоятель...

— Нет. Ты опозорил Орден. Мне стыдно, что я сядил за трапезу рядом с тобой.

— Но что я могу сделать?.. — залепетал Председатель. — Ведь остались еще склады на юге... Я готов выделить войско, я сам их поведу...

— Этот человек, Карамаз, оставил тебе карту...

— Клянусь тебе, Настоятель, он не оставлял. Он только позволил срисовать...

— Где она?

— Там, в ларце. А ключ у меня на шее, — суетился Ло. — Почтенный Настоятель, ты неправильно понял...

Председатель услышал, как повернулся в замке ключ, и наглые чужие руки зашелестели государственными бумагами. Затем кто-то через его плечо передал карту русскому президенту. Тот склонился, подбирая кастет на ладони.

— Повернись!

Минуту назад Председателю очень хотелось оглянуться. Но теперь его прошиб холодный пот. Внезапно обострившимся слухом он уловил дыхание еще двух человек за спиной.

— Нет! — прошептал Цзясу. — Нет, пожалуйста...

— Повернись, к тебе пришли Наставники.

Председатель понял, что, если он обернется и увидит лица скрытых Наставников, для него все будет кончено. Он яростно замотал головой, зажмурился и вцепился пальцами в подушку.

— Будь мужчиной! — сказал Вонг.

— Вот засада! — с досадой произнес русский, так и сяк поворачивая карту. — Да тут черт ногу сломит. Не город, а настоящий муравейник! Десять лет будем искать...

— Десять лет не будете, — оборвал Настоятель. — Если возьмете тигров...

Председатель Комитета решил, что глупо не использовать этот шанс, пока монах толкует с русским на его каркающем, свистящем языке. Он рванулся вверх и в сторону, но тут что-то жестко ударило его под лопатку, и Ло понял, что не может сделать и шагу. Лидер Гоминьдана плюхнулся назад, с недоумением разглядывая острие пики, торчащее из живота. Он почувствовал, как горячая жидкость поднялась по пищеводу, заполнила горло и выплеснулась из рта.

Цзясу медленно обернулся и увидел обоих скрытых Наставников. Они смотрели на него грустно и без всякой злобы. На их лицах была лишь глубокая горечь, оттого что пришлось навестить своего послушника. И Цзясу неожиданно увидел мир другими глазами. Он отчетливо вспомнил слова великого Кун-цзы...

«Истинный цзюнь-цзы... в юности избегает вожделений, в зрелости — ссор, в старости — скряжничества. Всего себя он посвящает... служению людям. Познав истину утром, он может спокойно умереть вечером...»

Почтенный Ло улыбнулся и упал на бок.

Русский вздохнул и постучал ногтем по карте.

— Любопытный документик... Стоит дата — две тысячи сто двадцать шестой. Эпидемия шла вовсю, а наша разведка всерьез изучала варианты перехвата американских кораблей, плывущих из Аляски в Шанхай и Циндао. Генералы хватались за соломинку. Очевидно, кто-то сочинил байку, что в Китае меньше смертность... Ума не приложу, как быть. Мы можем построить один или два дирижабля, но для такой экспедиции понадобятся сотни людей и тяжелая техника...

— Войско с тяжелым обозом не пройдет через Монголию и северные провинции, — перебил Вонг. — Идет война между династией Тянь и Отрядами наследников Мао. Ты потеряешь всех солдат, не добравшись до границы Звнящего узла. Надо идти севернее и восточнее, по старой байкальской трассе.

— По России?.. Но даже если сохранились рельсы, и удастся подогнать паровики с углем, по Транссибу будем добираться больше месяца. А что делать дальше? Я говорил с братьями... Хранитель Меток считает, что такой Звнящий узел им не погасить.

— Надо идти. Болото уже добралось до верховий Иртыша, — коротко ответил Вонг. — Охотники говорят, что на севере земля ползет под ногами.

— Вот дьявол! Этого я и боялся, оно добралось до тайги... Ну хорошо, допустим, мы доедем до Хабаровска... Ты найдешь мне проводников на юг, Настоятель?

— Восточнее провинции Шаньси люди не подчиняются правительству. И нет никого, кто провел бы нас к побережью.

— Нас?!

— Военный министр не выделит тебе солдат и носильщиков, а Орден не может его принудить. Даже под страхом смерти никто не решится идти на восток. Но Настоятели приняли решение, что не оставят русских братьев. Сколько Хранителей придут с тобой, Клинок?

Несколько секунд президент размышлял, глядя в бесстрастные глаза колдуна. Никто не мог поручиться, что, получив доступ к вакцине, китайские Хранители не затеют собственную игру...

— Надеюсь, брат Исмаил соберет человек двадцать. Если вообще согласится пойти...

— Этого мало, — отрезал Вонг. — Звонящий узел подобен смерчу. На его внешних границах ветер сильнее всего; двадцать лучших Хранителей погибнут, но не смогут удержать проход. Настоятель Бао смотрел в будущее. Нужны силы шестидесяти опытных бойцов, чтобы пробить путь среди взорвавшихся Меток. Мы пойдем с вами...

— А что еще увидел в будущем почтенный Бао? Нам сопутствует успех?

Коваль затаил дыхание, но Вонг ответил не сразу. Стало слышно, как за тряпичными стенами топчется дракон, сопят связанные охранники Председателя и стучат о землю две кирки. Скрытые Наставники тихонько напевали за работой. Они вынесли тело почтенного Ло наружу и собирались похоронить вверенного им послушника, как того требовали правила Ордена.

— Почтенный Бао видел кровь и мрак, — нехотя произнес китаец. — Но почтенный Бао сказал, что если наши люди не пойдут вместе с русскими, то кровь и мрак будут повсюду. Нечисть очень быстро захватит мир. Настоятель просил передать тебе, что у наших народов разные Учителя, но одинаковый взгляд на честь и благородство...

— Это точно, — согласился Коваль. — У нас и взгляды, и мысли сходятся. Вы воробьев отстреливали, а мы кукурузу разводили...

— Не понял? — нахмурился Вонг.

— Что тут понимать? Дружба навек! — засмеялся Коваль, сложил карту и сунул за пазуху. — До встречи, почтенный. Полетел я с турками воевать, дорога дальняя... На юге закончим — и в Шанхай.

Часть II

ТОРГ ЗА ПОЛУШКУ

18

ГОРЯЧАЯ ЗИМА 2142

Посыльные папы Рубенса сбились с ног.

Четвертый день в городе заседала Дума, и обеспечить это мероприятие для пожилого губернатора оказалось труднее, чем все остальные столичные дела, вместе взятые. Мало того, что президент возложил на него охрану делегатов, так пришлось заниматься еще и их размещением. Внезапно выяснилось, что необходимо где-то поселить уйму народу,— и совсем не так, как это делалось раньше. Оказалось, что каждому приехавшему следует выделить отдельные покои, с водопроводом и туалетом, да еще поставить на довольствие десятки сопровождающих.

Ушли те времена, когда гости, приезжавшие к папе музейщиков, разбивали палатки прямо на Дворцовой или спали вповалку в помещениях бывшего Генштаба. Теперь этажи Генштаба еле вмещали палаты городских Старшин, тут же жили клерки и чиновный люд, состоявший при губернаторе.

Про Эрмитаж и говорить было нечего. Левое крыло целиком отошло интернату для детей Качальщиков и учрежденному президентом Кадетскому корпусу. Со стороны Адмиралтейства квартировала гвардейская рота. Второй этаж президент еще раньше поделил между министерствами, и они также расползались, как на дрожжах, требуя все новых площадей. Поэтому пришлось папе Рубенсу в спешном порядке чистить и латать то, что осталось от «Астории». Там не было ни мебели, ни паркетных полов, гостиница трижды горела, но зато, как ни странно, там достаточно легко восстановили подачу воды и даже смогли запустить центральное отопление. Двести мастеровых работали круглыми сутка-

ми, при свете масляных фонарей красили стены, вставляли окна и двери, сколачивали кровати и столы.

Ко второму съезду Государственной Думы подготовились неплохо. Рубенсу даже удалось сэкономить на иллюминации. Имея приказ президента украсить город к Новогодним торжествам, он посчитал, что праздники можно совместить. Гирлянды и елки с игрушками начали радовать взоры горожан и потрясенных приезжих уже с первых чисел декабря. Особенный фурор произвели электрические фонари вдоль Невского проспекта и Дворцовой набережной. Поглазеть на уличное электричество съезжались из самых дальних сел области, а про зависть иных дремучих делегатов и говорить нечего.

Несмотря на трудности в снабжении и удвоенный продналог в пользу армии, на Сенной развернули самую богатую за последние годы ярмарку. Две недели всем купцам было разрешено торговать беспошлинно, а президент отменил собственный запрет на торговлю с лотков вином и хмельным медом.

Пятьдесят подвод каждую ночь вывозили из центра города окаменевший мусор, три роты штрафников были брошены на расчистку улиц. Зима началась хоть и без трескучих морозов, но снежная; приходилось махать лопатами и ломами в три смены. Еще в сентябре, к удивлению приезжих, заработало в столице первое такси. Сейчас гостей поджидали ряды крытых пролетов, вышколенные извозчики и даже несколько надраенных паровых автомобилей. Правда, извозчики носили солдатскую форму: специальной одежды для них пока не придумали. На перекрестках прохаживались городовые в белых овчинных полушубках; вместо беспорядочных костров для гуляющей публики были устроены шатры с самоварами и блинами.

За месяц губернатор выдал шестьдесят лицензий на открытие новых кабаков, но торговля спиртным осталась монополией казны. «Новые» целовальники теперь были вынуждены платить по сто рублей золотом в год за право разливать крепкие напитки. По указу президента столице досталась лишь четвертая часть от алкогольных доходов, но и этого Рубенсу хватило, чтобы за одно лето замостить весь центр, навести понтонный мост взамен рухнувшего Троицкого и отстроить шестьдесят новых домов. Теперь гостям было не стыдно показать и правый берег, где раньше традиционно селилась нищета.

Зато, скрепя сердце, пришлось закрыть метро. Во время весенней распутицы стихия одержала над метрополитеном окончательную победу, в тоннели хлынула вода, а на нескольких станциях обрушились потолки. Подземники успели вывести наружу технику, даже выволокли большую часть рельсов. Теперь от Петроградской до конца Московского проспекта курсировали дрезины и таскали за собой дребезжащие трамвай-

ные вагоны. Приезжая публика платила по пятак за удовольствие прокатиться, а вожатый следил, чтобы не катались туда-сюда, потому что местным было не доехать по делам...

Две новые пересыльные тюрьмы приветливо распахнули двери для уголовников всех мастей. Папа Рубенс гордился, что именно он подготовил в свое время свежеепеченного президента быстро принять Уголовный кодекс, пока не собралась новая Дума. Теперь эта маленькая хитрость начала приносить грандиозные плоды. Действие кодекса распространилось на всю подконтрольную территорию, и стало возможным отправить на каторжные работы тысячи недоимщиков, с которыми не могли совладать власти на местах. Не считая мелких жуликов, Рубенс загнал на строительство дорог бродяг, сутенеров и даже политически некорректных святош.

Перед созывом Думы Рубенс ухитрился выслать из столицы почти семь тысяч неблагонадежных.

Особой гордостью папы стало открытие Гостиного двора. Там, наконец, уничтожили всех диких псов, крыс и прочую малоприятную живность. Гостиный встречал думских делегатов огромными портретами президента, сиянием витрин и сотен электрических ламп. Не все изделия давались стеклодувам «на отлично», и лампочки периодически гасли, однако торговые площади обеих этажей были набиты битком и сданы в аренду еще за полгода до официального открытия. Особым распоряжением президента лучшие места в Гостином дворе предоставили иноземцам. Правда, и драли с них три шкуры, но желающих все равно было хоть отбавляй. Тем, кто ставил в городе промысел, Рубенс выделял землю и рабочих на строительство, да еще и на пять лет от земельных поборов освобождал.

В первом этаже Гостиного двора круглые сутки принимали посетителей кабаки, где бутыль водки стоила рубль серебром. Там гремела музыка и текло нескончаемое веселье. Со стороны Перинной толпились в очереди экипажи разбогатевших купцов, а с другой стороны через дворы тянулась столь же длинная очередь подвод с птицей, дичью и вином. Напротив, в здании Пассажа, биржевые клерки не успевали менять иностранную валюту на русские рубли. Опять же, указом прежнего губернатора Кузнецца, за любые иностранные деньги и камни казна выдавала лишь русскую медь и серебро. Каждый вечер набитый доверху броневик уезжал под охраной чингисов к подвалам Эрмитажа...

Конечно, не обошлось без накладок. Не хватило конюшен, потом не хватило постельного белья в переполненной гостинице и не подвезли солярку для автомобилей. Пришлось спешно пустить на простыни полотно из армейских запасов, а топливо втридорога купили у норвегов. На второй день заседаний выяснилось, что многие делегаты не стесня-

ются брать на кухне добавку, а поскольку столы накрывали в бывшем ресторане в две смены, то второй смене мало что оставалось. Рубенс еле смог погасить скандал, перебросив в центр две армейские кухни и отдав под нож еще десяток свиней с личной фермы.

Уже с первого дня поползли доносы криминального характера. Патрули выловили в кабаке несколько пьяных, затеявших драку, сволокли их в участок, и только утром выяснилось, что это был орловский губернатор со товарищи. Полицейские изрядно намяли бока провинциальному функционеру, и Рубенсу пришлось извиняться. Дабы пресечь подобные конфузы, на монетном дворе срочно отчеканили тысячу особых жетонов — для гостей и их ближних помощников, чтобы могли в любом месте удостоверить личность. Думали, выйдет как лучше, но не прошло и суток, как с такими же бляхами стали появляться в присутственных местах личности темные, самого разбойного вида...

Собственной курьерской службой Большая Дума обзавестись пока не успела; этот вопрос, как и тысячи других организационных тонкостей, как раз и предстояло решать на втором съезде. Папа Рубенс снял с занятий роту кадетов, и счастливые мальчишки целый день гоняли по городу, выполняя поручения Комитетов. Попутно открылся очередной грустный факт. Многие народные избранники не умели читать, но стеснялись признаться в этом. В зал доставили отпечатанные программки заседаний и доклады Счетной палаты, но когда пришло время обсуждения, многие делегаты понятия не имели, о чем идет речь.

Рубенс Бога молил о скорейшем возвращении президента, чтобы вывалить на него некоторые тонкие проблемы. Но Кузнец приехал и сразу ринулся утихомиривать начавшиеся баталии по верстке военного бюджета. Папа слушал пререкания, переглядывался с Левой Свирским, и оба они качали головами. В перерывах книжник умолял губернатора как-то повлиять на президента, чтобы тот окончательно не настроил против себя недовольные военными поборами черноземные провинции.

За эмиссию миллиона рублей медью проголосовали легко. Кроме прожженных торговцев, почти никто не понял, чем это вскоре обернется.

Кое-как согласились купить для армии три тысячи племенных лошадей. В этом сезоне цена на них поднялась вдвое; ковбои просто не успевали разводить их с такой скоростью, с которой росли потребности государства.

Случились и неприятности. Не приехал губернатор Перми, и пропала всякая связь с мытарями, работавшими в регионе. Только сегодня до столицы добрались уцелевшие клерки. Стало известно, что губернатор и питерские чиновники убиты и, кроме них, уничтожено еще около десятка верных президенту начальников. Власть захватила так называемая Освободительная армия, и к разбойникам, как ни грустно, примк-

нуло духовенство. Они там сформировали свое собственное правительство, объявили Пермь и близлежащие городки вольными поселениями и предложили всем провинциям к ним присоединиться.

В смысле, отойти от Петербурга. Примечательно, что восстание они начали после того, как получили от Питера караван с ценнейшим оборудованием, поднятым из хранилищ...

Теперь в столице губернии шла настоящая бойня, крестьяне с топорами гоняли по лесам остатки гарнизонов и вешали всех, кто им не нравился. В Чайковском ночью зарубили шестерых питерских вместе с женами и детьми. Из этих шестерых только один представлял налоговое ведомство. Под горячую руку попали учителя, лекарь, картограф и счетовод...

За лето, пока шла подготовка к южной кампании, никто в Питере не обращал внимания на тревожные сигналы из Перми и никто не доложил Кузнецу об измене. Но самое неприятное ждало впереди. Прямо на съезде вскрылись факты столь жутких злоупотреблений центральной власти, что в зале начал нарастать недовольный шепот. Те, кто боялись сказать президенту правду и не знали, где искать сочувствия, поднимали головы. Оказалось, что ставленник Питера обложил мастеровых непомерным налогом, ссылаясь на указания сверху. В рекруты крестьянских детей сгоняли насильно, гарнизон жег усадьбы, уклонистов вешали без суда...

Рубенс терялся в догадках, какого беса Кузнец вынес на всеобщее обсуждение столь деликатную тему. Ну, послать туда пару полков чингисов, они за неделю наведут порядок! Депутаты галдели, как стая вспугнутых ворон. Охрипший спикер с трудом наладил очередь к трибуне из желающих выступить.

Упреки посыпались, как пшено из порвавшегося мешка. Каждый норовил прокричать о наболевшем. Там сборщики отняли половину урожая, здесь — заковали в кандалы ковбоев за самовольный захват земель. В Челябинской губернии, оказывается, все лето секли за недоимки, а майор, командир гарнизона, бил Старшин при народе кулаком в лицо...

Под Саранском тоже третий месяц буянили, и ставленники Кузнеца ничего не могли с этим поделать. В донесениях они указывали, что все идет по плану, а на самом деле половина сельских жителей ушла в леса, вторая же половина скрывала урожай. Всех людей в форме просто вешали без разбору. Саранский папа чуть не плакал. На него уже восемь раз покушались. Партизаны, нанятые богатыми ковбоями, нападали на губернское начальство среди бела дня. Селяне не возили товары на ярмарку, опасаясь разбоя...

Самую большую неразбериху вызывали постоянные перетасовки в гарнизонах. Папы лишились собственных дружин, вместо уроженцев областей служили теперь пришлые солдаты, не уважавшие гражданскую власть, и население платило им взаимной ненавистью. В Смоленске

гарнизон вел непрекращающиеся войны с деревнями, не успевая гасить очаги восстаний. Губернатор признавал, что год назад, до присоединения к Федерации, жилось не лучше. Однако никто не оценил новые школы и больницы, люди быстро привыкли к автомобилям, почте и бесплатным праздникам. Кабаки, постоянные дворы и транспортные конторы открывали, опять же, богатые столичные купцы и чужеземцы, которых президент напустил в страну видимо-невидимо, а простым гражданам оставалось завидовать и потихоньку откручивать гайки от неловкой государственной машины...

Рубенсу казалось, что конца не будет обвинениям и недовольству. В какой-то момент он даже начал бояться, как бы машущая кулаками толпа не хлынула в президиум, и не пришлось бы, как в молодости, отстаивать власть врукопашную. Охранники президента тоже напряглись, готовые отбиваться от депутатов прикладами автоматов. Но Кузнец сидел очень спокойный, хотя и бледный, баюкал на перевязи руку, которая, судя по всему, доставляла ему немалую боль. Он кивал, промокал пот со лба и прихлебывал из кружки лечебный отвар. Рубенс не мог не позавидовать такому хладнокровию, а спустя час заметил, что страсти начали стихать. Выпустив пар, бородатые мужики смущенно возвращались на места, закуривали, перебрасывались шутками. Как только очередь к трибуне иссякла, спикер объявил перерыв, а в холле всех желающих уже ждали блины с вареньем, чарка медовухи и каша в неограниченном количестве.

Заправившись, депутаты плюхались в кресла слегка оsoleteвшие, охрипшие и гораздо более мирные. Кузнец жал руки, улыбался, принимал конверты с частными жалобами, осведомлялся о здоровье жен, о рыбалке, о рождении детей... Рубенс прекрасно знал, что именно его внук составлял для президента списки делегатов с подробными пометками относительно личной жизни и личных проблем каждого, но никогда бы не подумал, что такую уйму сведений можно удержать в памяти!

В результате по Перми приняли постановление гораздо более жесткое, чем губернатор Рубенс ожидал. По предложению президента, проголосовали за еще большее ужесточение Уголовного кодекса. Рубенс полагал, что нового губернатора доставят в мятежный город на штыках, усилят гарнизон, повесят три десятка зачинщиков — и делу конец. Но впервые затеялось серьезное действие. На место под прикрытием чингисов собирались четверо старцев из Судебной палаты. Собирались вести следствие и судить буквально каждого жителя города и мятежных областей. Кто-то в зале засмеялся, но президент тихонько заметил, что у палаты времени полно. Если понадобится, они проведут в Перми год или два...

Пока не повесят всех, кто сочувствовал буянам, добавил президент. А потом — пока не арестуют всех, кто соучаствовал соучастникам, желавшим развалить страну.

В зале стало очень тихо.

Затем определились с постройкой государственной автомобильной фабрики на бывшей заводской территории в Тольятти. Президент как раз вернулся оттуда вместе с техниками и решил, что именно на Волге следует начать массовую сборку паровых автомобилей.

Совсем уж нехотя, с минимальным перевесом, подписались выделить от каждых десяти дворов рабочего на восстановление южной железнодорожной магистрали. На отрезке Саратов — Царицын вкалывали почти десять тысяч пленных дикарей, но без техники ремонт полотна продвигался крайне медленно.

Заслушали представителя металлургов. Специальная комиссия вернулась с юга, где обследовала заросшие травой карьеры открытой добычи. Взятая на пробу руда оказалась приличной, и теперь оставалось решить, строить ли завод и лить сталь на месте или придумывать, как довести руду к ближайшим городским кузням. Инженер из окружения Моники Арро доложил съезду, что в маленьких кузнях добротной стали для рельсов не отлить, надо восстанавливать домны...

Миша Рубенс слушал, как президент надрывает глотку, уговаривая народ вложить средства в лесные и нефтяные промыслы, но в глазах многих богатеев видел лишь страх и скуку. Было чертовски страшно ввязываться в чужие, дальние и непонятные дела. Гораздо привычнее казалось выжать сок из черных людишек, заплатить Петербургу, сколько просит, лишь бы отвязались, и вернуться к любимым псовым охотам... Но отказать бешеному Кузнецу еще страшнее, тем более когда рядом с ним сидит эта белая мохнатая зверюга и так смотрит желтыми глазами, что хочется под лавку забраться.

Казалось, что тигр понимает, о чем идет речь.

Рубенс чуть не захлопал в ладоши, когда увидел, с какой ловкостью Кузнец распределил между субъектами Федерации очередной пакет грузов. Губернатор снова переглянулся со Свирским, и Лева незаметно показал большой палец. Кузнец поднимал областных начальников поодиночке и при всем честном народе вежливо спрашивал, не хочет ли господин такой-то взять на себя ремонт нефтебазы, восстановление верфи или топливных барж. Те же люди, что недавно с пеной у рта кричали с трибуны о беззакониях, радостно кивали, а то и брали на себя повышенные обязательства. С гордостью оглядывали зал, словно говоря: «Это еще что! Да ты только прикажи, батька, мы такого наворотим!..»

Но клерки вносили в протокол только то, что было заранее задумано в Зимнем дворце. А когда зачитали окончательный вариант думско-

го постановления, на несколько минут повисла тишина. Словно пропал дурман, словно схлынуло наваждение, но отступить уже стало поздно. Одна за другой поднимались руки, служки бегали по рядам, подсчитывая голоса, и не находили никого, выступившего против восстановления энергетики. После каждого пункта отчетливо звучало имя исполнителя, исполнители вздрагивали, чувствуя, что попали в жернова похлеще, чем воинская повинность. Невыполнение решений Думы приравнивалось кодексом к измене родине...

За год предстояло починить тридцать нефтебаз и вдвое больше — перегонных колонн, восстановить добычу в шести угольных шахтах, расчистить и подлатать две тысячи километров дорог, спустить на воду сотню грузовых барж. Два десятка лесных и угольных портов примут первое сырье. В Нижнем, Екатеринбурге и Питере предстояло открыть бесплатные технические университеты. Губернским правительствам предписывалось разыскивать и отправлять туда самых способных детей. Также вменялось брать на полное обеспечение инженеров, изучавших энергетику по книгам. Но самое сложное задание досталось папе Рубенсу.

Столичному губернатору, при содействии итальянского электрика Орlando, предписывалось запустить хотя бы один котел теплоэнергоцентрали. Обеспечить теплом хотя бы несколько кварталов в центре. Ввиду перебоев с углем Орlando предложил перейти на торф, сам брался реконструировать котел и сформировать особую команду по доставке топлива. Рубенс только крикнул и вымученно улыбнулся.

Немножко оживились, когда на вечернем заседании заслушали доклад Счетной палаты. Никто толком не представлял, сколько государству нужно денег. Раньше каждый город чеканил, что вздумается, мерой обмена были патроны, лекарства или хлеб, в крайнем случае — драгметаллы на вес. Президент сообщил публике о своем открытии, что сумма денег в обороте должна быть чуть больше, чем стоят все производимые товары. Посему с нового года в губерниях вводится жесткий учет и высылаются специальные отряды для переписи урожая и продукции фабрик. А местным властям вменяется оказывать переписчикам всяческое содействие, брать на постой и снабжать проводниками.

Покряхтели, но согласились.

Зато обнаружилось, что с появлением паровых тракторов впервые сняли урожай, которого должно хватить на два года вперед. Постановили, что каждый город должен теперь скупать зерно у ковбоев и создавать резерв. А половину резерва безвозмездно передать в центральные склады. От такого новшества многие побурчали, но открыто возражать не решились.

Попутно приняли закон о государственной монополии на торговлю лесом, углем и прочими ресурсами. Оказалось, что весной, в дополне-

ние к полемому кадастру, клерки начнут описывать и обсчитывать леса. Кузнец ловко успокоил землевладельцев, что границы усадеб рушить не будут, но за излишки придется платить натуральный налог. Как считать излишки, никто пока не сообщил, но губернаторам была обещана половина от земельных податей.

С углем ситуация запуталась до крайности. Руководствуясь древними геологическими атласами, президент разослал гонцов инспектировать российские шахты, и оказалось, что почти все шахты обвалились или залиты водой. Поехали договариваться с украинцами, но выяснилось, что донецкие хлопцы не желают больше подчиняться Раде. Они готовы были добывать уголь и гнать его напрямую в Ростов, поскольку проторенный путь через Белгород перекрывали войска, верные Киеву. Положение складывалось щекотливое, особенно учитывая, что Кузнец только-только подписал с Радой военное соглашение...

Заслушали министра путей сообщения. Он заверил, что в январе на линию встанут еще десять отремонтированных паровиков и откроется регулярное сообщение с Курском, Липецком и Воронежем. Не успел смолкнуть радостный гул, как министр запросил втрое больше ресурсов, чем в прошлом году для покупки украинского и польского угля. Кроме того, большая часть пути требовала немедленного ремонта, и президент выбил у Качальщиков разрешение на запуск завода чугунного литья. Намеревались восстановить одно из удаленных уральских производств, чудом сохранившееся после походов Хранителей. Дело было за Думой — отрядить туда рабочих и выделить сотни гужевых подвод для бесперебойной подвозки материалов. Первые рельсы планировали отлить из сломанных старых; по оценкам, их должно было хватить на ближайший год. Никто из депутатов не имел даже отдаленного понятия о правилах разработки месторождений, но в кулуарах прошел слух, что президент за большие деньги приглашает геологов из Англии...

После таких вложений казалось, что деньги в государстве закончились, но тут Кузнец опять всех удивил. За какие-то полчаса отыскались несколько мощных источников финансирования, и близкие к Зимнему депутаты настояли на принятии новых законов.

Оттолкнувшись от хитрого Торгового кодекса, который никто толком не читал, государство за семь минут монополизировало внешнюю торговлю, а также утроило цену лицензий на производство и продажу всех видов спиртного и табака. За лицензиями предстояло ехать в Питер, в канцелярию президента.

И деньги везти туда же.

Следующим шагом лихо утроили поборы с кабаков, игральных и публичных домов. В зале поднялся шум: бывалые «ходоки» вслух подсчитывали, во сколько же теперь обойдется продажная любовь. Глава

Счетной палаты порадовал, что на эти деньги удастся снарядить четыре полка грузинских наемников.

Самым неприятным, как и на прошлом съезде, стало дальнейшее обсуждение земельного вопроса. Вводилось понятие излишков, о которых раньше никто не задумывался, и за излишки предлагалось платить. Народ обсуждал новость столь бурно, что охране пришлось разнимать несколько драк. Смирились, после того как поднялся патриарх и напомнил о верности Отчизне, о клятве, которую давал каждый депутат в соборе, перед тем как занять свое кресло. Раздались, правда, голоса, что во многих удаленных хозяйствах просто не водятся наличные деньги, но Налоговая палата согласилась принять налог натурой...

Когда главный статистик озвучил сумму налога с сотки, она показала всем столь смешной, что про распри быстро забыли. А грамотный Рубенс взял бумажку, умножил в столбик и обалдел. Получилось, что из этих копеек с миллионов гектаров соберется сумма вдвое большая, чем все расходы на армию...

Отвратительные новости приходили весь август из южных губерний. Только к ноябрю пошла на спад эпидемия холеры — и то после того, как кордоны начали расстреливать всякого, кто приближался к карантинным зонам...

Под финал президент оставил хорошую новость. Собственно, новостью это давно не было, но следовало озвучить на высшем уровне.

Мамочки перестали зарабатывать деньги на вынашивании и продаже детей.

Со всех концов страны доносили о том, что молодых мужчин, не способных иметь детей, еще много, а вот женщины рожают почти все. Наверное, то же самое происходило не только с русскими, но и за границей. Однако президент счел необходимым поздравить депутатов с большой победой на демографическом фронте. По самым скромным оценкам, за пять лет население увеличилось вдвое и продолжало расти бешеными темпами. Даже холера и прочие инфекции не могли остановить вал деторождений.

Человечество потихоньку выздоравливало.

Губернатор Рубенс глядел на всеобщее ликование и вспоминал, какие драки разгорались во времена его молодости за каждую мамочку и сколько коров получал он лично за короткое удовольствие с чужими женами. Он вспоминал, как стреляли во всякого, кто появлялся в Питере без респиратора, и как лихо коммуны воровали друг у друга отцов. Он подумал, что должен испытывать радость вместе со всеми, а вместо этого горюет о золотых денечках...

Видавший виды Миша Рубенс никак не мог привыкнуть, что Питер отодвинут на второй план, а дела решаются в масштабах огромной

страны, точных границ которой никто не представляет. Спустя полчаса после начала вечернего заседания у Рубенса начала кружиться голова, а еще полчаса спустя он готов был проголосовать за что угодно, лишь бы ему прекратили вдалбливать в уши все эти цифры.

После первого дня съезда поползли слухи, что Кузнец нездоров, спал с лица, а левую руку бинтует и держит на перевязи. Первым делом думские всполошились, что хозяин ранен, и секретарь президента Мишка Рубенс вынужден был выступить с официальным опровержением. Он заявил, что главнокомандующий провел на фронтах всего две недели, за это время ни разу не выезжал на передовую, а ранение не опасное и получено еще раньше, по неосторожности. После этого все начали кричать и спрашивать, зачем вообще сдалась война, отнявшая столько людей и сил, и секретарь даже вынужден был повысить голос. По просьбе самых нетерпеливых он объяснил, что Кузнец не отсиживался в деревне, а ездил вести тайные переговоры с китайцами. Большинство присутствующих понятия не имели, где находится Китай, и потихоньку присмирели.

В перерыве между спорами о финансировании дополнительной артиллерийской бригады губернатор нашел, наконец, возможность и поймал президента за пуговицу. Кузнец выглядел отвратительно, о чем Рубенс, на правах старшего, честно сказал. Из президента словно выкачали кровь. Он был очень бледен и истощен, под глазами круги, губы в трещинах. По слухам, зачем-то держал у себя в спальне железный бочонок и никому не показывал, что там такое...

Кузнец ответил, что за его здоровье можно не беспокоиться; гораздо большее беспокойство вызывает ситуация на Кавказе. Он летал туда на змее и своими глазами видел недоработки в снабжении, а проще говоря — воровство тыловиков. Обе дивизии перешли в наступление и закрепились на берегах Черного и Каспийского морей. Несмотря на тревожные прогнозы разведки, серьезного сопротивления они не встретили; войска Карамаз-паши спешно строили укрепления, примерно там, где когда-то проходила административная граница Аджарии. Однако добравшись до моря, русская армия оказалась почему-то без мыла и с горой прогнившей кожи вместо первоклассных сапог.

Ввиду подобного конфуза ход заседания резко изменился, и президент, кипя от ярости, принялся искать виноватых. Рубенс сам привык рубить сплеча, но и он был потрясен тем, в каком темпе Кузнец отправил под трибунал троих руководителей тыловых служб. А затем при всех подписал и передал вестовому приказ о немедленном вызове в суд нескольких ковбоев, ответственных за поставки кожи.

Увидев, с какой скоростью летят головы, Дума без колебаний проголосовала за предоставление президенту особых полномочий. Старший

Рубенс потихоньку посмеивался в бороду. Он был одним из немногих, кто читал книги, и сразу уразумел, к чему клонится дело. А дело клонилось к тому, что, нанюхавшись демократии, многие подзабыли, кто в стране главный, и следовало им напомнить.

После того как вооруженные отряды полиции отправились производить аресты, присмирели даже самые шумные. Всем вдруг стало ясно, что собой представляет центральная власть. Назначенные губернаторы и выборные старшины могли сколько угодно купаться в горячих ваннах, а в это самое время головорезы младшего Абашидзе вполне могли лишить их имущества от лица государства. И защититься теперь стало нечем. Собственные шайки были разогнаны, а в городах стояли вооруженные до зубов гарнизоны из бывших дикарей.

До обеда третьего дня Дума единогласно проголосовала за военный бюджет. Согласились сформировать еще две дивизии и экипировать их за счет провинции. Не позднее февраля к солдатам присоединятся инженеры из бывшей колонии нефтяников; войска должны будут погрузиться в вагоны и тихим ходом отправиться по Кавказской железной. Скорым ходом все равно не получится, так как во многих местах не хватает рельсов и шпал, и придется латать пути на ходу. Вместе с военными и техниками поедет мирная правительственная делегация, которой поручалось полюбовно договориться с азербайджанскими лидерами. Если жители Каспия не захотят добровольно сотрудничать, надлежало убедить их всеми имеющимися средствами. Найти самых воинственных лидеров и уничтожить. Затем найти тех, кто поумнее, и предложить дележку прибылей от нефтедобычи.

Тут же из зала зазвучали воинственные голоса с предложениями не мелочиться и присоединить к стране весь Кавказ. Президенту стоило большого труда отговорить самых горячих. Он сказал, что если на Кавказе не удастся договориться мирным путем, то России обеспечена затяжная война лет на тридцать. Государственную границу, сказал президент, будем проводить в районе Нальчика. Тем русским, которые живут южнее, придется перебираться на север...

По команде Рубенса на сцене распахнули занавес, и делегаты затихли, увидев огромную карту страны. Две недели художники срисовывали со старых атласов карту на холсты, а потом сшивали их между собой. Получилось внушительно: почти десять метров в ширину. Подкатили лесенку, на нее взобрался Рубенс-внук и, подражая отчетам генералов, замахал указкой. Со своего места в президиуме губернатор оглядывал задубевшие, хмурые физиономии депутатов и видел, как недоверие постепенно уступает место тревоге и боевому азарту. Для большинства удельных князьков, вчерашних разбойников с большой дороги, цели южной кампании до сих пор оставались непонятны. Теперь изменили

мнение даже те, кто шептал, что президент думает только о собственной мошне.

Война еще не докатилась до условных российских рубежей, но уже стояла на пороге.

С побережья Черного моря в глубь Украины стремились толпы беженцев, и этот шквал грозил вот-вот перекинуться на русские земли. Войска Карамазы перешли молдавскую границу. Болгарское правительство перестало существовать. На Одесском рейде стоял итальянский десантный корабль и обстреливал город из пушек. Ответить ему было нечем и некому. В Николаеве бушевали пожары, большинство горожан, не слушая призывов гетмана, ушли на север.

В Петербурге то ли гостил, то ли скрывался католикос. В Армении все, кто стоял на ногах и мог носить оружие, уже месяц удерживали Ереван. Русская дивизия оттянула на себя значительные силы нападавших, и это позволило вывести тысячи армянских беженцев в палаточные лагеря на северный берег Куры. Католикоса привез в столицу Руслан Абашидзе и вместе с соборником прихватил троих пленных, захваченных в боях за Нахичевань. Двое пленных оказались иранцами и один — узбеком. На месте их никто не мог допросить. Все трое не знали ни слова по-русски, как, впрочем, и по-турецки.

В Питере с огромным трудом разыскали толмача, которого сорок лет назад в Ташкенте продали торговому каравану в качестве носильщика. Сложным путем, после ряда перепродаж, он угодил в коммуны мамы Кэт. Там обрел свободу и новую суровую родину. Теперь этот единственный в Питере узбек забросил все дела и сутки напролет проводил в тюрьме в обществе затравленного пленного. Назад в Ташкент старик не собирался, но плакал, не переставая.

Старик шмыгал носом даже тогда, когда его вместе с пленным привели в Думу.

Он плакал и переводил, и ни один человек не перебил его.

А к концу рассказа старому Рубенсу стало страшно.

19

СЛОВО И ДЕЛО

Перед тем как дать слово пленному, в зал впустили мужчину с закрытым лицом. Это был шпион, подчинявшийся только президенту и специально приехавший на заседание вместе с ним. Человек жил в Болгарии

под видом богатого скотовода, нарочно принял мусульманство и пользовался известным доверием со стороны оккупационных властей. Через подставных лиц его бизнес щедро субсидировался русской разведкой, и лже-купец даже поставлял индюков и гусей для турецкого гарнизона.

Он рассказал, как янычарами Карамазы вырезаются целые села, как с бешеной скоростью строятся заставы и насыпаются валы, чтобы не пропустить русских. Он рассказал о наблюдательных воздушных шарах, о том, как мужчин насильно стоняют на работы, а детей отнимают у родителей и увозят на юг. О том, как горят церкви и школы. Он рассказывал то, что слышал от людей.

Тех, кто принимал новую веру, не трогали, и натуральный налог они платили куда меньше. Но никто больше не мог торговать самостоятельно; каждый караван, приходивший с запада на берега Черного моря, облагался двойной данью. Ходили слухи о том, что Карамаз-паша не оставится, пока Черное море не станет внутренним водоемом его страны; а дальше он якобы намерен добраться до украинского угля и перекрыть цепями все судоходные реки...

Шпион-торговец встречал купцов, пришедших с караваном из Греции. Там происходило то же самое. Ни один рыбак не мог ловить рыбу беспоплатно, ни одна торговая флотилия не могла пройти вдоль берега, не заплатив сборщикам имама. Православные священники прятались в пещерах и молились при свете звезд...

Когда шпион с закрытым лицом ушел, в зал привели пленного узбека и переводчика.

Пленный родился на окраине Ташкента, в семье, где не знали, что такое голод. Отец пленного говорил на трех языках, умел читать и пользовался большим уважением соседей. Отец сумел выжить в трех войнах, пользовался личной приязнью халифа Мустафы и воспитывал своих детей по книгам. Поэтому сын рос в сытости и довольстве, исправно творил молитвы и соблюдал посты. Он был счастлив с женой, был доволен детьми и не видел причин для злобы на этот мир. Вместе с друзьями он возил диковинные фрукты и пряности из Ирана, а потом вместе с посольством халифа добрался и до Индии.

Жизнь шла своим чередом, как вдруг к халифу приехали посланцы имама Карамазы. Не прошло двух месяцев, как настроения при дворе резко поменялись. Никто не мог толком объяснить, что это за люди в черном, чего они хотят и почему их так слушает халиф. Сановникам при дворе запретили появляться в светской одежде. Потом запретили брить бороды. А еще спустя неделю главный муфтий обрушился на всех, кто не соблюдал постов.

Оказалось, что никаких сношений с неверными иметь нельзя. Нельзя читать книги и учить грамоте дочерей. Женщинам нельзя одним по-

кидать дом, открывать лицо, а за всякие мелкие проступки теперь полагалось битье палками. Закрыли единственную в городе школу, зато появился новый суд, который судил по Книге сур, но совсем не так, как раньше. В новом суде заседали старики, не знающие жалости. Но этим дело не ограничилось. Появились отряды вооруженных людей, которым дозволялось проверять, как живет каждый горожанин. Они могли входить без приглашения в дома, могли отхлестать плетками человека, если он им показался недостаточно набожным.

А потом в городе появился столб, и возле него впервые забили камнями женщину, забеременевшую от чужого мужа...

Торговец задумался. Он никогда не совершал поступков, оскорбительных для правоверного. Он уважал закон и веру и в том же духе воспитывал детей, но чувствовал, что происходит что-то неправильное. Он поехал ко двору и попытался выяснить у знакомых сановников, откуда дует ветер.

Если честно, то он просто боялся. Многим было известно, что его отец исповедовал вольные взгляды, любил смотреть на звезды и рассуждать о счастье народа.

Совершенно случайно он узнал такие вещи, что сначала не поверил своим ушам. Он узнал, что русские точат сабли и намерены осквернить святые места. А вместе с русскими в поход собираются разбойники из далекой Европы, и долг каждого правоверного — встать под зеленые знамена священной войны. Оказалось, что Карамаз-паша привез письмо от эмира Насруллы, а вслед за письмом должны были прийти караваны с оружием и едой. Мореходы рассказывали, что за Персидским заливом лежат богатые страны, которые Аллах в своей милости избавил от Большой смерти. Но раньше они никого не подпускали к своим границам. Они охраняли берега на бронированных машинах с пушками и пулеметами, и моряки рассказывали, что видели издалека россыпи электрических огней над роскошными белыми городами...

Торговец очень долго думал и молился. Ему не с кем было посоветоваться. Вера его покачнулась в тот день, когда у него в доме появились люди, закутанные в черное. Они заявили, что пришли по доносу и собираются проверить, как соблюдается священный пост. В тот раз посланцы суда забрали книги, пригрозили старому отцу и пообещали прийти снова. Они намекнули, что знают о связях хозяина с иноверцами и не простят ему этого.

А спустя неделю на площади начали собираться первые добровольцы. Парни приходили из глухих деревень, многие были так голодны, что дрались за кусок хлеба. Они получали винтовки и с песнями отправлялись за город учиться стрелять. Обращаться с оружием их учили незнакомые люди, говорившие на древнем арабском языке.

...Когда он в последний раз оглянулся на город, то увидел очередную толпу нищих мужчин, ночевавших у ворот. Людей было много, очень много, новые все прибывали. Они сидели и лежали вокруг колодца, они ждали, когда за ними придут и сделают из них отважных воинов...

— Что нам с этого? — спросили президента депутаты. — Какое нам дело до того, что творится в азиатских песках и Средиземном море?

Пребывавший доселе в тишине зал снова загудел и задвигался.

— Это ведь так далеко от нас! Месяцы пути...

— На кой нам ввязываться? Своих забот — выше крыши!

— Нехай собирают любое войско! Если сюда полезут, так получают по зубам!

— Хохлам-то помочь надо, а южнее-то соваться на фига?

— Пусть армяшки сами разбираются!

Рубенс грыз сушеную сливу и посматривал на молчащего президента. Наконец, когда крикуны уgomонились, Кузнец поднялся и произнес свою самую короткую речь.

— Мы будем воевать везде, где для нас появляется угроза. Мы будем воевать везде, где нарушают наши интересы. А теперь пусть встанет тот, кто против защиты интересов нашей страны?!

Вот так-то, господа депутаты...

20

ПЕРВАЯ ВЕДЬМА

Капелька зарычала, дернув поводок.

Сержант Кулибин положил руку на эфес сабли и кивнул кадету. Тот скинул с плеча обрез, щелкнул затвором и шагнул в сумрачный боковой коридор.

Сержант оглянулся. Покои третьего этажа освещались хуже остальных. Слабая электрическая лампочка моргала над лестничным пролетом, у запечатанного лаза на крышу раскачивалась еще одна, а дальше анфилада залов тонула во мраке. За спиной у Кулибина висела табличка с надписью «Искусство Франции XX века...».

Кулибин исходил этот маршрут вдоль и поперек. В западном крыле не было жилых и присутственных помещений, на десятках дверей висели замки с сургучными печатями и листы с описями имущества. В музейных залах хранилось множество полезных вещей, необходимых для жизнедеятельности Зимнего, но ничего такого, чем мог бы поживиться случайный воришка. Мебель, трубы, доски, стекло...

Впрочем, вору залезть сюда было не легче, чем в подвалы, набитые золотом. Окна давно наглухо заколотили или забрали решетками, по крышам разгуливали часовые, а этаж каждые два часа обходил патруль с собакой. Кулибину оставалось завершить круг, проверяя запоры и заглядывая в темные углы на предмет возгорания и протечек. На обратном пути у центральной лестницы они должны были встретиться с другим патрулем, обходящим второй этаж, помахать друг другу фонариками и двигаться дальше.

Инструкция требовала от патрульных ни в коем случае не разделяться, но сержант ленился и посылал кадета одного проверять запоры. Сам он и так прекрасно видел, что никто, кроме них, не поднимался на этаж. На досках центрального прохода лоснилась тропинка, натертая сапогами караульных, а вдоль стен толстым ковром лежала годами не убираемая пыль.

Кадет отошел шагов на семь от развилки и остановился, высоко подняв фонарь.

— Что там? — спросил сержант, почесывая овчарку за ухом.

Капелька превратилась в комок мышц. Сержанту это совсем не понравилось. Овчарка была слишком умна, чтобы реагировать подобным образом на кошек и крыс. Кого-то она там почуяла, за развилкой...

— Не пойму... — хрипло пробасил кадет, разглядывая пол перед высокой двустворчатой дверью. — Следы, вроде вышел кто-то, а замок висит. Чудно...

— Какие еще следы?

— Да словно баба босиком прошла. Нога-то малехонькая...

— Вернись! — приказал старший патруля, чувствуя, как волнение собаки передается и ему. — Белены нажрался? Откуда тут баба?

Марусин пожал плечами и стал медленно отступать все дальше, светя себе под ноги. Вот он добрался до поворота и затоптался на месте, растерянно оглядываясь по сторонам.

Что-то здесь было не так.

Кулибину почудился легкий неприятный запах, точно понесло намокшим сеном. Ногам вдруг стало зябко. Он свернул с тропы, не веря своим глазам. В пыли ясно обозначились отпечатки маленьких босых ступней. Следы начинались у камина, где пирамидой были составлены ящики, и вели вдоль плинтуса в сторону мрачного тупика. Патрульные туда редко заглядывали. Проход изгибался под прямым углом; за поворотом торчала статуя безголового мраморного бога и виднелся кусок разбитого стеллажа. Капелька ощерилась и не пожелала подходить к таинственным следам ближе, чем на метр.

Кадет всматривался в темноту, положив обрез на сгиб локтя.

Кулибину показалось, что запах гнили стал сильнее, а в тупике за поворотом раздалось шлепанье босых ног.

— Марусин, вернись, я сказал! — негромко повторил сержант, вторично оглядываясь на лестничный пролет. Он прикидывал, стоит ли поднимать тревогу. Возможно, сюда зачем-то забрела одна из прачек. Может, назначила тут кому-то свидание или решила припрятать свои денежки от запойного мужа...

Он пытался себя успокоить, придумывая самые идиотские версии и всячески оттягивая момент, когда придется свернуть за угол. Кулибина сопровождала храбрая собака; но эта отчаянная собака впервые за два года дежурств пряталась ему за спину.

Но если там и вправду какая-то пьянчужка, тогда не миновать выговора от лейтенанта за то, что они разбудили всех.

Внезапно ближайшая лампочка потухла. Следующая горела далеко впереди, за поворотом главного коридора. Оттуда на ободранные стены ложились бледные косые лучи. Сержант чертыхнулся, проклиная коменданта, который после пожара приказал снять со стен масляные светильники.

Где-то сбоку скрипнула доска. Кадет миновал мраморную статую и, высоко подняв фонарь, исчез за стеллажом.

У Капельки торчком встали уши и приподнялась верхняя губа. Овчарка обернулась и смотрела теперь назад, издавая низкое горловое рычание.

— Марусин, ко мне! — теряя терпение, рявкнул сержант. Он загнал саблю в ножны и достал револьвер.

Кадет не отвечал.

Позади во мраке скрипнула половица, еще сильнее запахло гнилым сеном. Кулибину показалось, что какая-то темная фигура очень быстро пересекла коридор за его спиной и скрылась в одном из боковых ответвлений.

После серии перестроек этаж походил на запутанный лабиринт. У Кулибина мелькнула мысль, что если это шалют дети, он один их никогда не найдет. А потом он подумал, что если это не подростки, то им ничего не стоит окружить его одного и всадить нож в спину.

Он поднял револьвер, готовясь стрелять.

Капелька снова зарычала, но не бросилась вперед, а прижалась к ноге человека. Сержант впервые видел ее испуганной.

— А ну, стоять! — раздался из-за угла бас кадета.

Свет от его фонаря затрепетал, потом стали слышны быстрые шаги. Марусин, вместо того чтобы подчиниться старшему, бросился кого-то догонять по параллельному проходу. Сержанту не оставалось ничего другого, как рвануться следом.

Он миновал поворот и с разбегу ткнулся в спину кадету. Овчарка визгливо залаяла. Впереди находился тупик, с окном, небрежно заби-

тым досками, между которыми виднелся кусочек ночного неба. Три доски были оторваны, а железная решетка разворочена, словно сквозь нее пролетел тяжелый снаряд.

В проеме окна маячила женская фигура, с ног до головы закутанная в черное.

— Стоять... — несмело протянул Марусин. — А ну, открой лицо! Кто такая?!

Фигура у окна как-то странно дернулась. На ней был длинный свободный плащ до самого пола. На мгновение сержанту показалось, что под плащом шевелится клубок змей. А потом плащ чуть распахнулся, и Кулибина обдала волна раскаленного воздуха. Стоявшего впереди Марусина ощутимо качнуло назад. У патрульного было такое чувство, словно великан дохнул ему в лицо протухшей отрыжкой.

Марусин заметил присутствие старшего, осмелел и сделал шаг вперед, намереваясь откинуть с лица женщины капюшон. Капелька заходила в лае, упиралась всеми четырьмя лапами, таща сержанта за собой назад. Кулибин вдруг каким-то неведомым образом понял, что подчиненного надо задержать, что ни в коем случае нельзя ему дать коснуться этой сволочной бабы...

Но он опоздал. Женщина резким движением распахнула на груди тяжелый складчатый балахон; капюшон свалился с ее головы, и долю секунды Кулибин видел ее лицо. Ведьма была молода и чертовски красива, а то, что она ведьма, сержант уже не сомневался. Горящие глаза, коротко стриженные, как у пацана, волосы и очень бледная кожа на угловатых скулах.

Под балахоном не было человеческого тела.

Перед глазами караульных раскручивалась тугая дымная воронка. Долю секунды сквозь нее просвечивало окно, затем воронка выросла в несколько раз, превратившись в грохочущий смерч с десятками черных хвостов.

Марусин завопил, но его голос заглушил нарастающий рев. Поводок вырвался у сержанта из рук. Овчарку бросило вперед, в самый центр гремящей тучи.

Лицо черной женщины улыбнулось, губы беззвучно произнесли несколько слов. Вой достиг такой силы, что Кулибин оглох, а потом его голову пронзила резкая боль. Он схватился руками за уши и почувствовал, как по пальцам стекает кровь.

Марусин упал на колени, выронив оружие. В обоих фонарях разбились стекла, но темно уже не было. Не в силах пошевелиться, сержант наблюдал, как визжащий дымный хобот становится все светлее; вот он разросся до размеров коридора, вот вырвал оставшиеся доски из окна, с треском обнажил штукатурку на стенах. Кулибин сделал отчаянную попытку развернуться, но его неудержимо повлекло вперед.

Черная ведьма хохотала. Ее оскаленное лицо находилось где-то под потолком. Оттуда дождем сыпались куски лепнины. Мимо лица сержанта со свистом проносились щепки, гвозди и дверные петли. Из пола вывернуло верхний слой паркета, затем обнажилось перекрытие; один за другим в смерч вовлекались скрытые под штукатуркой кабели, метровые обломки плинтусов и настенных подсвечников.

С потолка сорвалась люстра и принялась носиться по кругу вдогонку за мертвой собакой. У Капельки были переломаны лапы; на каждом круге овчарка ударялась мордой о стену, оставляя за собой шлейф кровавых брызг. Затем в бешеный волчок вовлекло и Марусина.

Сержант что было силы прыгнул вправо, обнял ногу мраморного героя и с ужасом убедился, что статуя, несмотря на огромный вес, качается. Он почувствовал, как с пояса оторвало ножны, затем порвалась и улетела портупья с кобурой, за ней последовали пуговицы. Держаться становилось все труднее, а главное — он никак не мог набрать в грудь воздуха.

Весь воздух собрался внутри смерча.

Кадет судорожно цеплялся за оголившийся кирпич, за уцелевшую под полом железную раму. Затем его ноги задрались вверх, с них сорвало сапоги, портянки, брюки тоже начали сползать. Марусин висел вверх тормашками, разинув рот в беззвучном крике, и выпученными глазами смотрел на командира. В последнем усилии он отпустил пальцы левой руки и протянул ее вперед, пытаясь ухватить Кулибина за лодыжку, но тут сорвался с места громоздкий стеллаж, ударив кадета в лицо.

Кулибин не хотел бы на это смотреть, но закрыть глаза казалось еще страшнее. Он успел увидеть, как семнадцатилетнего напарника шмякнуло о стену, потом еще раз о другую, сдирая лоскутами кожу, и спустя секунду в вихре носился уже не человек, а что-то красное и бесформенное...

Статуя покачнулась и медленно поползла, словно влекомая исплинским магнитом. Кулибин заплакал; он висел параллельно полу, цепляясь кончиками ногтей за трещины в мраморе. Ему казалось, что кошмар длится несколько часов, хотя прошло не больше минуты. Что-то толкнуло в плечо. Он скосил глаза и увидел торчащую сквозь гимнастерку кость. А потом стены коридора сложились гармошкой, и безголовая статуя повалилась прямо на него.

В следующий миг пустотелая женщина взорвалась.

Караульные на площади слышали протяжный свист. Из верхнего этажа дворца вылетело сразу пять окон, по фасаду побежали трещины, булыжную мостовую усеяло осколками.

Немедленно ударил колокол, и весь Зимний пришел в движение. На этажах загорались огни, откуда-то доносились команды офицеров, по лестницам громыхали десятки сапог. Когда начальник караула достиг площадки третьего этажа, он долго не мог ничего разглядеть в клубах

гипсовой пыли. Навстречу солдатам выскочила свора ошалевших крыс, зверьки были все в известке. За крысами тянулся кровавый след. Сколько ни искали, от обоих патрульных и овчарки не обнаружили и следов.

Закрыв носы платками, караульные осторожно продвигались по темному коридору, ожидая услышать треск огня. Этажом ниже уже раскручивали шланги, готовясь подавать воду, но оказалось, что тушить нечего.

Потом лейтенанта позвали туда, где произошли самые серьезные разрушения. Старый служака застыл с разинутым ртом. Он еще не видел такого, чтобы после взрыва нигде не возникло пожаров. А здесь явно что-то взорвалось. В полу зияла рваная дыра, словно воронка от падения бомбы, наверху просматривались стропила чердака. Лейтенант не сразу сообразил, откуда тут взялась такая огромная конюшня, а потом до него дошло, что на этом месте раньше был узкий коридорчик, вдоль которого — множество клетушек, нарезанных еще при маме Ксении. Теперь стены рухнули, потолок потрескался. В прилегающих комнатах складировали мебель; нынче ночью императорские кресла и секретеры выглядели так, словно их перемололо в мясорубке. А напротив зияющего оконного провала среди падающих снежинок лежал свернутый бумажный свиток.

— Не подходить! — скомандовал лейтенант. — Всем назад!

— Я возьму, — раздался высокий голос из темноты.

Протолкавшись сквозь строй солдат, к окну вышел Старшина по делам Собора. Христофор прибежал наверх босиком, в одной рубашке, опередив других постоянных обитателей Зимнего. Увидев взволнованное лицо Старшины, начальник караула почувствовал, как тяжесть спадает с плеч.

Его не сошлют на дальнюю заставу и не отдадут под трибунал, потому что дело нечисто. Раз уж рыжий боится, стало быть, гвардейцы ни в чем не виноваты...

Какая-то темная сила прорвалась в Эрмитаж.

— Спаси, Господи... — забормотали в толпе, когда рыжеволосый колдун поднял свиток.

— Что там, Старшина?

Христофор обвел гвардейцев заторможенным взглядом.

— Что там? Что?

— Измена?!

— Никак, Озерники опять объявились?..

— Быстро все наружу! — сказал Христофор командиру гвардейцев. — Очень опасно. Надо послать человека в мечеть, нам нужен толмач...

— С какого языка толмач, господин? — осторожно заглядывая в свиток, спросил лейтенант.

Тут он встретился с рыжеволосым колдуном взглядом и почувствовал тяжесть в животе. Красная луна играла у Христофора в зрачках, на виске пульсировала жила...

— С арабского, лейтенант. Поспеши, очень мало времени.

21

НОЧЬ В ЭРМИТАЖЕ

Когда начальник стражи пришел проверить смену караула у президентских покоев, дежурный бодро доложил ему об отсутствии всяческих происшествий. Правда, тигр Лапочка вел себя немного нервно, топорщил усы и бродил взад-вперед внутри клетки, но лейтенант об этом докладывать не стал.

Он решил, что не так уж важно для проверяющего настроение тигра. Может, зверюга за ужином переела, или муха его укусила...

Майор ушел, затем появились сменщики. Четверо гвардейцев заняли посты у кабинета и спальни, четверо расположились у выхода на лестницу и вдоль высоких окон коридора. Лейтенант увел еще восьмерых, сменить караулы на крыше и в обеденной зале, под президентским кабинетом.

Всего главу государства постоянно охраняло шестнадцать человек. Не считая тигра, который подчинялся только хозяину, и двух летунов, облюбовавших себе теплое местечко над камином. Не считая четырех мобильных патрулей с собаками, круглосуточно обходивших дворец, и еще двадцати стражников, бдительно стерегущих выходы и запертые двери особо важных помещений. Не считая конных разъездов, четырех броневиков с пулеметами и ночного оцепления вокруг Дворцовой площади и на набережной.

После десяти вечера попасть в Зимний можно было только по специальному пропуску коменданта и только через служебный вход со стороны Мойки. Остальные двери перекрывались до шести утра, а подъездные пути блокировались колючей проволокой.

Лейтенант подкинул тигру кусок мяса и отошел покурить. В его обязанности не входило дожидаться возвращения президента, но сегодня он чувствовал себя как-то беспокойно. Начальник караула решил, что побудет здесь до часа, чтобы лично понаблюдать, как заступит вторая смена. На самом деле, он робел себе признаться, что не хочет возвращаться в казарму. Лейтенант искал, что же ему не нравится, вспоминал,

какую мелочь он упустил сегодня, но не находил в собственных действиях никаких промахов.

Просто не спалось. И вдобавок эта вонь...

Лейтенант наконец-то осознал, что его так раздражает. Перед самыми покоем президента, откуда ни возьмись, разлилась противная бо́лотная вонь. Кузнец придет, по голове за такое не погладит!

Пахло нехорошо, неправильно пахло, но прокуренные гвардейцы ничего не замечали.

— Вы что тут, рыбу дохлую прячете? -- набросился начальник на бойцов.

Но провести дознание не успел, поскольку снизу загремели шаги, раздалось лязганье оружия, и в сопровождении нескольких министров появился хозяин. Караульные вытянулись во фрунт, начальник браво отдал честь. Произошла секундная заминка у двери; как обычно, первым в апартаменты президента запустили тигра и ждали, пока он внутри все обследует. Подобные меры предосторожности применяли в течение уже четырех лет, с тех пор как заговорщики спустили через каминную трубу бешеную крысу с ядовитыми зубами...

Лейтенант пожирал глазами начальство. Неожиданно он вспомнил, откуда ему знаком этот мерзкий аромат. Он мысленно окунулся в ту кошмарную ночь на Ладоге, когда их рота прочесывала прибрежные болота и добивала уцелевших Озерников. Была дана команда никого не оставлять в живых, кроме малых детей и пленниц в оковах. Пленниц тогда они не нашли, а несколько мелких мальчишек, обнаруженных в скитах, кусались и царапались, как дьяволята. Нашли кое-кого пострашнее волков и насмотрелись такого, что до сих пор мурашки по телу...

Лейтенанту вспомнился навес, под которым на гряде прелого, пропитавшегося испражнениями сена сопели и хрюкали отвратительные существа. Одни были покрыты волосами и походили скорее на козлов, чем на людей. У других были человеческие туловища, но вели они себя хуже животных. Они ходили под себя, совокуплялись и грызли цепи. Капитан тогда приказал сжечь всю деревню и никого не щадить...

Прошло много времени, но стоило лейтенанту учуять вонь гниющей травы, как его начинало выворачивать, и он ничего не мог с этим поделать...

Лейтенанту показалось, что Кузнец тоже принюхался и поморщился, но министры продолжали болтать, размахивать бумажками, окуривали президента дымом своих трубок, и младший офицер не решился обратиться к президенту.

После он корил себя, что не прервал этих напыщенных стариков, и не находил себе оправдания...

Только к часу ночи Артур добрался до спальни. Залпом выпил кувшинчик кваса и, не раздеваясь, повалился на постель. Предстояли еще

три дня думских заседаний, а он уже вымотался, словно весь день таскал на себе бочки. Засыпать тоже нельзя, пока черви не кормлены...

Он заставил себя раздеться, плюхнулся в горячую ванну, там же умял целую тарелку мяса с зеленью и овощами. Стало чуть полегче, головная боль слегка притупилась. Выбравшись из корыта, он с ненавистью поглядел на стол, куда секретарь уже набросал очередную стопку бумаг. Все это надлежало просмотреть за ночь, потому что утром на этом месте возникнет свежая пачка документов.

«Будь оно неладно... Сам насочинял законов да инструкций, и сам же в них барахтаюсь. Хорошо сказано — бумажная могила...»

Коваль придвинул стул, щелкнул выключателем. Одна из трех лампочек недовольно пшикнула и сразу погасла, две другие тоже светили неровно. Инженер обещал к концу месяца отладить в подвале новый дизель, снятый с корабля, тогда можно будет по всем этажам включить свет круглосуточно. Пока что приходилось довольствоваться малым...

Артур быстро поставил десяток подписей. Повышения по службе, лицензии на поставки пороха, сукна и шерсти, квоты на порубки леса... Дальше шли скучные челобитные с пометками клерков на полях. Он по диагонали прочитывал корявые скачущие строчки, кое-что переносил к себе в блокнот, ставил визы для отправки конкретным чиновникам.

«Полный бардак... Сколько ни бьюсь, повсюду людей дурят, издеваются и норовят содрать три шкуры. Вешаешь этих клерков, ссылаешь — ничего не помогает. Все к себе в карман тянут...»

Какое-то нехорошее предчувствие владело им сегодня вечером. Вроде бы день прошел неплохо, но что-то грызло изнутри. Как всегда в трудную минуту, он откинул шторку над столом и несколько минут пристально глядел на портрет жены с детьми.

Он отложил перо и занялся рукой. За последнюю неделю ранки превратились в незаживающие свищи; Артур каждый день намазывал их мазями и пил обезболивающий отвар, после которого чувствовал себя, как после упаковки аспирина...

Они выросли. Дракончики походили теперь не на мокрых дождевых червяков, а, скорее, на когтистых пятидюймовых пиявок. Приходилось открывать бочку очень осторожно, потому что позавчера у них начали резаться крылья. Они слушались хозяина, и с каждым днем становилось все легче настраиваться на нужную волну, но это общение Артура немного настораживало. Красные черви подчинялись ему совсем не так, как драконы Прохора, собаки или лошади. Они оставались иностранцами и словно говорили с ним на разных языках. Они были злы, бесстрашны и чертовски энергичны. Стоило зазеваться, и проворные твари расползались по комнате, пробуя на зуб все, что попадалось им на пути. Отважные летуны при этом забирались на люстру, судорожно шипели

и махали хвостами. На хвостовых шипах у вампиров выступали капли яда, но летуны ни разу не посмели спуститься. Словно чувствовали, кто здесь настоящий хищник.

Артур надел на пальцы толстую кожаную перчатку и опустил руку в бочку. Их укусы с каждым днем становились все болезненнее. Черви не желали сосать кровь как пиявки, вместо этого отрастили зубы в круглых пастьях. При каждом кормлении они норовили вырвать кусок мяса. Самый трудный момент в воспитании заключался в правильной кормежке.

Хозяин должен тренировать своих маленьких друзей, как служебных собак. Собака не имеет права взять из миски пищу, пока хозяин ей не разрешит. А хорошая, по-настоящему преданная собака должна позволять хозяину забирать у нее мясо во время трапезы. Ведь если хозяин боится забрать еду, значит, он сомневается в собственной власти...

Коваль думал, опустив руку в бочку. Он чувствовал, как черви роятся вокруг его незаживших ранок, как они сходят с ума от запаха и готовятся причинить ему новые страдания. Он сдерживал маленьких друзей, то позволяя их треугольным зубкам приблизиться, то, усилив воли, раскидывая их в стороны. После небольшой порции хозяйской крови драконов ждала настоящая еда — парное мясо, но на говядину они реагировали не так остро.

Настоятель Вонг предупреждал, что твари сходят с ума от биения живого сердца...

Коваль думал о том, что осталось совсем немного, максимум неделя, потом его мучения прекратятся. Зато придется срочно выехать в деревню и снять драконам ограничения в еде. Они будут сжирать по свинье в день, гоняться за всем, что летает, и точить когти о деревья. Они будут кататься в траве, отсыпаться и отращивать зубы. Они будут расти. Тогда за каких-то двадцать дней они вымахают до половины своего роста.

Бездумные камикадзе, которые в нужный момент умрут за императора...

От раздумий его отвлек нарастающий свист, очень быстро сменившийся жутким грохотом.

Со стены сорвались две иконки, где-то со звоном вылетели оконные стекла, с потолка посыпалась штукатурка. Взрыв прогремел наверху, как раз там, где абсолютно нечему было взрываться. На ходу бинтуя руку, Коваль выскочил в коридор.

В приемной несло какой-то дрянью, но свет не погас, и стража оставалась на местах. Лапочка метался в клетке из угла в угол, нервно урча.

— Поводок! — крикнул Артур подбежавшему секретарю. Следом за Мишкой Рубенсом уже мчались, перепрыгивая через три ступеньки, начальник караула и дежурный офицер охраны. Повсюду открывались двери, на крыше били в колокол.

Артур затянул ошейник на морщинистой шее тигра, хотя это была пустая формальность. Когда Лапочка увлекался дракой, его не могли остановить никакие пути.

— Господин, не выходите, мы должны сначала проверить! — Офицеры встали стеной, не выпуская хозяина с лестничной площадки.

Коваль открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

Дворец сотрясся от второго взрыва, на сей раз шарахнуло на втором этаже. Этот был гораздо мощнее предыдущего. Коваль ощущал, как по переходам катится ударная волна. Ему показалось, что дворец обстреливают с Невы из корабельных орудий.

Двери в приемную распахнулись. В лицо президенту пыхнуло застоявшимся кислым жаром. Серые хлопья золы вырвались из камина и осели на ковре. Дежурный яростно накручивал телефон. Из караулки высыпали сонные полуодетые телохранители.

— Где это?!

— Никак, в парадной столовой жажнуло!

— Господин, кольчугу наденьте!

Артур позволил нацепить на себя звенящую металлическую сеть. Он внимательно прислушивался, приняховался, но не чуял запаха гари. Лейтенант протянул ему телефонную трубку:

— Господин, комендант докладает, што баба чернявая с бомбой...

— Что ты сказал?!

У Ковалья екнуло в груди. Из памяти выплывало, но никак не могло оформиться, что-то давно забытое, связанное совсем с другими событиями и временами...

В приемную, едва не напоровшись на сабли охранников, ворвался пожилой человек в разорванной одежде с окровавленным лицом. За ним спешили еще трое, такие же помятые. Артур с трудом узнал в них польских фабрикантов, гостивших в Зимнем. Гостям были отведены недавно отремонтированные покои с видом на Дворцовую набережную.

— Панове, кобета в черном...

— Чародейство, спаси нас Матерь Божья!..

— Она чекала, пока хлопцы не окружили...

— А потом как рванет...

— Двенадцать человек разом... Ниц не осталось!..

Коваль уже не слушал, он бежал со всех ног, едва не обгоняя скачущего тигра. Чингисы с ружьями вырвались вперед, расталкивая всклокоченных со сна министров. С каждой секундой в коридорах прибывало народу. Очумевшие люди метались, запутываясь в неосвещенных переходах, создавали давку на лестницах. Никто не понимал, что происходит, но каждый стремился к выходу. Немедленно распространился слух, что весь Зимний заминирован и сейчас взлетит на воздух. Истош-

но голосили женщины, плакали дети. Караульные не получили приказа открыть ворота, и в холлах образовались заторы. В какой-то момент давление толпы достигло предела, гражданские снесли ночную баррикаду на северном выходе и вырвались на набережную. Полицейские в броневики на мосту наблюдали, как десятки полураздетых начальников с женами и детьми бегут по снегу прочь от собственной резиденции и скапливаются возле костров. Снег шел все сильнее, с залива задувал ветер, а многие обитатели Эрмитажа выскочили в декабрьскую ночь босиком...

Артур издали увидел, что произошло в резиденции польского посла. Картина его потрясла. Пространство внутри трех парадных залов сжалось, точно в одно мгновение лишилось воздуха. Из голых стен сыпалась замазка, кое-где из косяков вывернуло кирпичи. Накладные панели, кафельная плитка, позолота, украшения — все превратилось в пыль. От людей вообще ничего не осталось.

«Вот дьявол, словно вакуумный заряд...»

— Двенадцать человек, господин президент! Она появилась ниоткуда и начала хохотать. А когда хлопцы ее обступили с оружием, превратилась в тучу!

— Нет, не в тучу, а в ураган... И взорвалась. Вот что от нее осталось, бумага с колдовскими письменами! Мы спаслись за мраморным столом...

«Так не бывает,— думал Артур, разглядывая размашистые строчки арабской вязи.— Скорее всего, здесь не разгадка, а угроза...»

Листочек не обуглился, даже не потемнел.

По осколкам он обошел дымящуюся воронку и выглянул в окно. На набережной сутились солдаты с факелами, спешно выстраивая оцепление. Вокруг двух больших костров сгрудились гражданские. Люди все прибывали, многие показывали пальцами вверх. Судя по всему, выбило не меньше десятка окон вместе с решетками и массивными деревянными рамами. Обломки вылетели за парапет, усеяв прибрежный лед в радиусе трех десятков метров.

В большой столовой стонали двое раненых, придавленные упавшим на них дубовым шкафом. Прочая ценная мебель посольских покоев превратилась в груды щепок.

— Коменданта ко мне! Ты — срочно беги в интернат, выводите наружу детей! Ты — галопом в госпиталь, лекарей сюда и носилки! Начальник караула?!

— Я здесь, господин!

— Вскрыть склад, раздать людям фонари.

— Уже сделано! Прочесываем!

— Отлично! На чердаке, начиная...

Договорить он не успел. Послышался нарастающий вой, пол затрясся, и грянул третий взрыв, на этот раз со стороны Эрмитажного театра. В ответ тут же раздался хор женских визгливых голосов. Гвардейцы инстинктивно присели.

— Мама родная! — прошептал лейтенант. — Там же детский сад...

Президент сбежал вниз, прыгая через четыре ступеньки, врезался в толпу, хаотично кружащую на перекрестке. Телохранители с трудом пробивали дорогу; навстречу бегом тащили носилки с ранеными, клерки спасали сейфы с бумагами, кто-то кричал о пожаре... На парадной лестнице Коваль заметил рыжую шевелюру Христофора. Сын Красной луны держал в руке такой же скатанный в трубку листок и что-то кричал, но в общем гомене расслышать было невозможно.

Детский сад и интернат Качальщиков почти не пострадали, но стало очевидно, что третья ведьма стремилась именно туда. Нашлись очевидцы, видевшие, как женщина в капюшоне вышла из подвала. Потом там обнаружили открытый канализационный люк, хотя имелось строжайшее указание заварить все технологические отверстия. Тетку пытались догнать, но смогли окружить только на подступах к детской игровой площадке. Убедившись, что скрыться не удастся, ведьма превратилась в смерч и унесла с собой жизни восьмерых взрослых. Еще десять взрослых из obsługi буфетов и шестеро детей были ранены в соседних комнатах. По соседству, в прачечной, сохли перины; теперь из всех щелей летели перья и оседали у солдат на волосах. А когда упала перекосившаяся дверь, началась настоящая пуховая метель.

От игровой площадки осталась куча мусора. На куче лежало свернутое письмо на арабском языке...

Появился старший Рубенс и мгновенно включился в работу. Артур был ему очень благодарен: губернатор взял на себя спасение высокопоставленных гостей и отправку раненых в госпиталь. Рубенс оперативно провел дознание, и не успел президент добраться до интерната, как уже стало известно об измене. Внизу, на уровне водозаборов, оказались перепилены решетки, а двое караульных, охранявших коллектор, были найдены с перерезанными глотками.

«Вот тебе и колдовство! Элементарный подкуп! — зло рассуждал Артур. — Пригрели змей! Чем только Тайный трибунал занимается? Разгоню всех к чертовой матери...»

Маленькие Качальщики уже давно проснулись. В спальнях особой паники не наблюдалось, хотя упало все, что могло упасть, взрывной волной вышибло несколько дверей и прорвало трубу отопления. Теперь столовая и учебные классы тонули в клубах пара, горячая вода стояла по щиколотку: в ней плавали обувь, одежда и мокли с таким трудом отпечатанные учебники. В находящемся по соседству круглосуточном

детском саду ситуация была не лучше. Как раз недавно там приютили несколько десятков детей офицеров, ушедших на фронт. Многие поранили ноги о стеклянную крошку, кто-то серьезно ошпарился — искореженные батареи фонтанировали кипятком. Вода попала на электрощит; в результате короткого замыкания вспыхнули обои и занялись дрова, заготовленные на случай аварии котельной. Заслонки каминных труб оказались перекрыты, и дым начал заполнять спальни...

Рубенс послал вестового в гараж с приказом срочно подогнать на Миллионную три бронированных фургона. Дошкольников и младших кадетов из верхней казармы выводили по лестницам. Их следовало погрузить и отправить в Мариинский или в Лавру под присмотр патриарха. К счастью, далеко не все чиновники поддались панике и покинули дворец. Не дожидаясь указаний, мужчины и женщины скидывали обувь, выстраивались в цепочку по щиколотку в воде и на руках передавали малышей наружу, на лестничную клетку.

— Господин Кузнец! — К президенту протолкался запыхавшийся Христофор. — Надо быстро, но быстро нельзя...

— Почему нельзя?

— Они здесь, я слышу...

— Да кто «они»?!

— Пустотелые, господин. Озерное колдовство, я слышу... Остались еще две, прячутся внизу.

— Как их остановить? — Рубенс потрянул Христофора за грудки. — Говори же, черт тебя подрал!

Дети уже спускались по двум параллельным лестницам. Многие не успели одеться и шли, завернувшись в одеяла. Впереди под охраной солдат няньки несли на руках самых маленьких. Сержанты надрывали глотки, но из-за многоголосого плача не могли докричаться до своих подчиненных. Помимо двух десятков Качальщиков, здесь было почти сорок малышей из детского сада, все дети и внуки сановников. На верхней площадке строились заспанные десятилетние кадеты, сыновья погибших при исполнении офицеров.

Коваль с ужасом подумал, что будет, если ведьма взорвет бомбу в нижнем холле, прямо возле ворот.

— Все назад! — Он разглядел над толпой мощный торс Карапуза. — Митя, бери своих котов — и вниз!

— Назад! Назад!

Толпа заволновалась, задние давили на передних. Из спальни, по колено в горячей воде, выскочил комендант. На майора было страшно смотреть.

— Господин президент, многие уже выбежали вниз через черный ход! Вы же сами приказали!

— Так останови их! А вы что стоите? — набросился Коваль на собственную охрану. — Живо за ним! Всех ребят вернуть сюда! Где связисты? Телефон мне, живо! Почему связист не на месте?!

«Вот так всегда... Молодцы мы на войне, а случись что дома — так полный бардак!..»

— Кадетам — команду «разойдись!» Всем рассеяться!

Сквозь разбитые окна в искаленную игровую залу врывались клубы морозного пара. Никем не остановленный огонь сожрал дрова и с бешеной скоростью расползлся по учебным классам. С площади доносилось низкое гудение. На обледенелом расчищенном пятячке разворачивались паровики, один за другим вспыхивали фонари. Завыла пожарная сирена. От парадного входа отъезжали кареты с ранеными, а навстречу им уже спешили десятки разбуженных горожан и автомобили депутатов съезда.

— Господин губернатор, на третьем этаже никого чужих! На втором тоже чисто! — один за другим докладывали Рубенсу посыльные. — Кладовки тоже вскрывать?

— Все вскрывайте! Майор, ты послал людей в подвалы?

— Так точно, господин губернатор! Взяли из питомника всех собак и котов, никто не укроется!

Артур повернулся к Христофору. Сына Красной луны трясло; казалось — еще немного, и он свалится в обморок.

— Где она, Христя? Найди ее, ты сумеешь!

— Это не человек, это Пустотелая, — заговорил, наконец, сын Красной Луны. — Красный Дед умел их вызывать, но остановить Пустотелых почти невозможно...

— Рассказывай дальше! — Коваль едва ли не силой волок Христофора за собой.

Они проталкивались сквозь строй подростков, спешивших наверх. Очутившись на нижних ступеньках, президент облегченно перевел дух. Дети успели вернуться, в прихожей оставались только гвардейцы и взвод личной охраны Карапуза. Солдаты перекликались, заглядывая в ниши, пихали в дыры факелы, но выглядели не слишком отважными. Электричество бездействовало; комендант добрался, наконец, до центрального рубильника и обесточил все восточное крыло. Типография, прачечная, оружейные склады — все погрузилось в темноту. Бойцы развешивали на стенах масляные фонари. Наружные двери были распахнуты настежь, в тамбуре вихрилась поземка; раскаленные дровяные печи, установленные по бокам от выхода, не справлялись с морозом.

— Мы видели ее, командир!

— Видели двоих, но не смогли догнать! — Сотник чингисов, смуглый усач, весь покрытый шрамами, чуть не плакал от досады. — По стене взобралась, шасть — и нет!

— А в другую трижды стреляли, хохочет только! Сеть накинули — порвала и ушла, — пожаловался другой взмыленный офицер. — Господин губернатор, прикажите святош привести, пускай святой водой побрызгают, а то парни крестятся. Против бесов-то как воевать?..

— Христя, где они?!

Президенту показалось, что со Старшиной соборников происходит что-то неладное. У Христофора дергались губы, в глазах полопались сосуды, отчего белки стали густо-розового цвета. Обычно невозмутимый, он не мог держать руки в покое. Чуть не оторвал себе ворот, потом сцепил ладони за спиной, потер щеки, принялся раскачиваться из стороны в сторону.

— Что с ним? — испугался Рубенс. — Эй, парень, очнись!!

Наконец, глаза молодого Старшины прояснились, он несколько раз сглотнул и, ни слова не говоря, устремился в один из коридоров. Ковалю некогда было разбираться, он решил, что странное поведение Христофора объясняется страхом, и махнул рукой чингису, чтоб не отставал. Митя свистом призвал подчиненных, и минуту спустя вслед за сыном Красной луны уже мчались тридцать человек.

— Пустотелые... — на бегу твердил Христофор. — Я просил тебя, господин, заberi меня оттуда, с Озера. Я не мог убежать, я видел обряды Белого Деда, я лизал его посох вместе с другими...

— Ну и что с того?

— Я никогда не присягал тебе, но я вынужден был присягнуть там. Тебе непонятно? Конечно, откуда тебе понять, что значит дать клятву чести... Ты вообще никогда не понимал, чего хотят Озерники. Для вас они — банда душегубов... Я заразился, это как желтуха... Я просил тебя не пытаться Белого Деда, он проклял меня и подарил мне свою боль... Теперь мне худо, господин, очень худо. Пустотелые принесли с собой муку и гнев. Эти женщины... Дед находил их далеко на юге по приказу Карамазы... Таких, кого насиловали твои солдаты, таких, у которых убили всю семью... Тебя сто раз предупреждали, что нельзя посылать гарнизоны туда, где не ждут русских... В тех краях, где гарнизоны усмиряли бунты и жгли деревни, всегда можно найти отчаянных женщин, особенно из южных племен. Белый Дед говорил, что лучше всего превращать дочерей Полумесца: они не дорожат жизнью, если отнять у них честь... Тайное восточное волшебство, здесь таким не владеют... Находят человека, внутри которого не осталось ничего, кроме отчаяния, и высасывают из него плоть. Это долго и опасно, колдун сам может погибнуть, если неверно проведет обряд... А когда человек становится Пустотелым, внутри него можно поселить все что угодно. Можно поселить месть и ярость, можно поселить веру в счастливое спасение души... И не надейся, твои Качальщики не справятся. Потому что для них важ-

но лишь одно — чтобы была довольна мать-земля. А на людей им наплевать, для них все люди — просто насекомые...

Христофор перевел дух. Пот градом катился у него со лба, льняная рубашка на спине насквозь промокла, волосы слиплись. Он шел, покачиваясь, опираясь на руку Рубенса, но каким-то образом держал направление. Губернатор смотрел на разговорившегося Старшину, как на выходца с того света. Он вообще не знал, как реагировать на крамольные речи, но президент почему-то не приструнил безумца.

Коваль заставлял себя молчать. Сколько он ни прислушивался, никаких вражеских сил вблизи не чувствовал. Президент слышал, как весь Эрмитаж ходит ходуном, различал, как солдаты пробираются по трубам в подвале, как обыскивают чердаки, ощущал дрожь десятков женщин, укрывшихся в фургонах или жмущихся у костров на улице, но Пустотелые оставались для него недосягаемыми.

— Тебе не понять, господин... — Христофор неприятно хохотнул, и Коваль невольно вздрогнул. Ему внезапно показалось, что сам Белый Дед встал из могилы и смеется над ним. — Тебе не понять... Это честь, это законы рода, они сильнее твоей жадности и твоего государства...

Артур переглянулся с Рубенсом. Тот пожал плечами, давая понять, что сам изумлен поведением бывшего колдунчика.

— Мы далеко? — чтобы сменить тему, спросил Артур. — Ты слышишь их?

— Уже скоро... Они не прячутся, они ждут... — Христофор споткнулся, упал на колени, и вдруг его начало тошнить.

Старый Рубенс придерживал Старшину за плечи, пока тому не полегчало. Чингисы и гвардейцы обступили начальство плотным кольцом, ошетились ружьями и арбалетами. Со стен очередного зала на бестолковых потомков грустно смотрели вельможи и фрейлины.

Наконец сын Красной луны отдышался и встал на ноги. Его подбородок был в крови, на висках появились седые пряди, но парень улыбался.

Артур вздрогнул, увидев эту улыбку. С Христофором на глазах происходили удивительные перемены. Он за полчаса словно стал ниже ростом и постарел лет на двадцать; лоб прорезали морщины, кожа на щеках обвисла, губы обветрились и покрылись трещинами.

— Свят, свят, свят... — прошептал кто-то из солдат.

— Можя, оставим его здесь? — предложил Карапуз. — Братишка, ты это вот, тока скажи нам, где ее искать, ведьму-то...

— Без меня вы их не найдете! — помотал головой колдун. — Они... это — зерна... Разве непонятно, господин? Это зерна, а всходы будут позже. Там две самые опасные. В сто раз сильнее остальных...

— Он прав, мы их не найдем, — сказал президент, раздумывая над последними словами Христофора. — Берите его под руки и тащите!

Артур слышал, как чингисов догнало отделение его собственной охраны. Гвардейцы прихватили болотных котов, сквозь топот кованых сапог прорывалось злобное мяуканье. Кошки не терпели тесноты и вони горячей нефти.

Миновали типографию, книжный склад, промчались по галерее мимо рядов античных статуй. У заколоченного выхода во внутренний двор Христофор остановился. В одной из форточек зияла дыра.

— Они там? — Артур пытался разглядеть колодец двора сквозь плотные ставни, но видел только вершины наметенных сугробов и огоньки в окнах лестничных площадок.

За спиной быстро распорядился Рубенс. Губернатор вырос в Эрмитаже и гораздо лучше любого коменданта умел наводить здесь порядок. Вестовые метались, как угорелые, докладывая и принимая новые указания. Из Петропавловки подоспела пехотная рота, охранявшая арсенал; бойцы занимали позиции во всех коридорах по соседству. Где-то высоко наверху по обледелой крыше загромыхали десятки ног, запылали факелы.

Дворик был окружен.

— Они ждут, чтобы на них напали...

— Что за чушь?

— Так завещано... Если Пустотелая не унесет с собой жизнь врага, она не достигнет священных врат. Она обречена вечно страдать между небом и землей...

— Салям, господин! — Из-за двухметровой амфоры выбрался бородастый мужик в лисьей шапке и шубе на голое тело.

Коваль узнал постоянного представителя казанского хана в Питере. Видимо, гвардейцы перестарались и выдернули посла прямо из постели, не позаботившись об этикете. Но татарин всячески давал понять, что нисколько не возмущен, а наоборот, рад хоть чем-то помочь в беде. Рядом с ним шурился на свет еще один, незнакомый, смуглый, в тяжелой каракулевой бурке.

— Салям, Мурат! — поприветствовал президент, удерживая любопытного тигра забинтованной рукой. Он заметил, что из-под повязки сочилась кровь, что все обращают внимание, но заниматься собой было некогда.

— Я привел толмача, — сообщил татарин. — Дед научил его читать по древним книгам.

— Ну и что там?

— Там сказано... — Мурат на секунду замялся, комкая в кулаке свиток. — Не для чужих ушей.

— Ну-ка, расступитесь! — рявкнул Коваль на охрану. — Говори, Мурат, не бойся!

— А я не боюсь, — осклабился бородач. — Не мне надо бояться. В послании сказано, что Объединенный халифат объявляет тебе священную войну.

22

ПЕРВАЯ ПРОИГРАННАЯ ПАРТИЯ

— **Я** пойду один... — Христофор рукавом вытер с подбородка кровь.

— Нет, дружище, мы выйдем вместе, — отрубил президент и кивнул солдатам, чтобы взломали дверь. — Всем оставаться внутри, огонь не открывать!

— Ты ничем не поможешь... Если я не выведу их, никто не выведет. Здесь нет других присягнувших... Слушай, господин, теперь никто не будет в безопасности. Карамаз может рассыпать новые семена над городом...

— Так что же делать?!

— Ты приказал убить всех в озерных скитах. Там были присягнувшие, они могли бы помочь... Теперь осталась одна, его дочка, — Христофор ткнул пальцем в побледневшего Рубенса. — Привези ее с Урала, верни ей дом...

— Это враки! — взвился губернатор. — Арина никому не присягала!

— Присягала, папочка, присягала, — осклабился колдун. — Кому не знать, как тебе! Потому и не клянчишь у Кузнеца, чтоб тот ее из ссылки вернул. Знаешь ведь, что, пока она там, тебе спокойнее... Знаешь ведь, что тут, не ровен час, на свадьбу озерную сбежит...

И шагнул в снег.

Одну Пустотелую Артур увидел сразу. Закутанная в черное фигура каким-то образом удерживалась на узком, шириной в ладонь, карнизе. Наклонный железный карниз находился под окнами второго этажа, и было совершенно непонятно, как женщина туда взобралась. На снегу ясно отпечатались следы босых ног. Пустотелая не соскальзывала вниз и ни за что не держалась руками. Низко надвинутый капюшон скрывал лицо, а под полами плаща словно раздувался спасательный плот. Разглядев следы, Коваль подумал, что, возможно, еще не все потеряно, и в посланнице Карамаза осталась толика человеческого...

— Не шевелись! — прошептал Христофор. — Я буду говорить с ними...

Он поднял руки и двинулся вперед, мигом погружившись до середины бедер в рыхлый снег. Краем глаза Артур заметил, как над козырьком

крыши появились и исчезли несколько голов. Видимо, гвардейцы обвязались веревками и последние метры по скату ползли, окружая загнанного врага. За каждым окном, ошестинившись оружием, прятались солдаты. Сбежать отсюда было некуда, разве что...

И тут президент осознал, какую страшную глупость совершил. Он был уверен, что, благодаря сыну Красной луны, ловко провел погоню, а на самом деле подставил под удар сотни человек. И теперь уже нет никакой возможности отправить их обратно. Нет даже сил пошевелиться.

Если только...

Христофор заговорил, но свист поземки заглушал его голос. В закрытом пространстве двора ветер находил десятки щелей и каверн, и казалось, будто пиликает хриплый сбежавший из храма орган...

Сын Красной луны продолжал увещевать, воздев руки, он раскачивался и кланялся. Снежинки падали на его всклокоченные волосы, превращая голову в раздувшийся белый кочан. Артур никогда раньше не слышал этого языка и, тем более, не слышал, чтобы на нем разговаривал кто-то из приближенных...

«Я-хаан... я-хаана-на...»

Пустотелая хрипло захохотала.

Вместе с ней захохотала вторая, и Коваль увидел, где она пряталась. Их смех был похож на карканье хищных птиц, на бездушный грохот камнепада в горах, на отголоски ружейной канонады...

Христофор сбился на секунду, но тут же подхватил нить и продолжил свой странный напев. Что-то неуловимо-знакомое чудилось Ковалью в этой прерывистой мелодии, точно дунул сквозь метель пустынный суховей, вместо облезлых стен показались на секунду песочные барханы, вереница верблюдов, плоские глиняные крыши, подвешенные на колях казаны...

«Я-хаана-нга-нана...»

Он почти перестал замечать, что стоит по колено в снегу в одной легкой рубаше, что ресницы покрылись инеем, а губы не разомкнуть. Он поймал себя на том, что начал плавно раскачиваться вместе с Христофором, и это открытие его почти не удивило.

Хотя в другое время президент был бы потрясен, узнав о скрытых магических талантах бывшего начальника голубятни.

«Это дух Озерников... После женитьбы в нем прорезалась сила, и эта сила пожирает его изнутри... Мальчик стал мужчиной... Он предан городу, но ничего не может с собой поделать, его тянет к корням...»

Пустотелая подхватила ломаный мотив.

Гортанные звуки чужой песни с замятыми согласными, режущие слух, внезапные переходы от визгливого фальцета к басам метались в тесном ящике двора, перекрывая стоны ночной бури.

Вторая ведьма вышла из темноты и, притоптывая, закружилась в неторопливом зловещем танце. Там, где ступали ее ноги, поднимался пар. Сугробы таяли на глазах, превращаясь в лужи, растекаясь ручейками. Спустя пару секунд обнажилась мерзлая земля с островком пожухлой травы...

«Иль-анаа-на... Иль-ахаана...»

Трое пели все громче и громче, слаженно, почти красиво, словно давно отрепетировали мелодию и наслаждались совместным действием.

Артур чувствовал, что сердце выпрыгивает из груди, его трясло, как в лихорадке. Ноги сами поднимались и совершали сложные движения, нечто среднее между шаманской пляской и чечеткой, только в замедленном темпе. Краем затуманенного сознания он улавливал трусливые метания тигра, оставленного в коридоре, и суеверный ужас, охвативший подчиненных.

Он не успел проследить, как Пустотелая спрыгнула с карниза и присоединилась к танцующей подруге. Теперь они кружились рядом, почти синхронно повторяя движения Христофора. В их песне больше не звучала размеренная поступь каравана, не угадывалось жаркое дыхание пустыни. Голоса стали ниже, прорезались тревожные, почти трагические нотки. Не понимая ни слова, Коваль бессознательно создавал перед собой картину...

Старухи с морщинистыми руками, плечом к плечу бросающиеся на крышки гробов... Множество закрытых гробов, готовых к захоронению. Багровый солнечный диск, висящий над барханами, косые тени, песок на зубах... Мужчины с закрытыми лицами, блеск глаз и блеск оружия... Человек в зеленой чалме ложится ничком на землю, лицо его заплакано... Суровые мужчины преклоняют колени рядом с ним, отвернувшись от кровавого заката...

Коваль очнулся, когда понял, что колдун отступает назад.

Христофор перемещался крайне медленно, почти незаметно, и словно тянул обеих женщин за собой. Он ни разу не обернулся, не сбился с ритма, но кое-что изменилось. Артур опустил глаза и увидел, что Христия перед выходом во двор успел разуться. Теперь его голые пятки посинели и покрылись царапинами, задубевшая от пота рубашка встала колом, ружье превратилось в сосульки.

А еще он охрип, и с каждой минутой это становилось все заметнее. Несколько раз он сбивался, со свистом выпуская воздух из легких, и отхаркивал мельчайшие капельки крови на снег.

Христофор выманивал Пустотелых наружу.

Шаг за шагом Артур отступал к двери. На пороге он махнул Рубенсу. Губы старого губернатора тряслись, но он взял себя в руки и быстро отдал несколько команд.

Коридор мигом опустел. Где-то далеко слышались крики, но внутренности дворца словно вымерли.

— Очисти нам дорогу! — краем рта прошептал Коваль. — Чтобы впереди ни одна мышь не пробежала!

Христофор спиной вперед перешагнул порог. Оставляя за собой мокрые следы, он пятился от одной колонны к другой, углубляясь в сумрак парадных залов. Он пел, надрывая голосовые связки, а гвардейцы и кадеты следили за ним, скорчившись за громадными расписными вазами. Только присутствие высокого начальства удерживало молодых солдат от немедленного бегства. Десятки пар расширившихся от страха глаз наблюдали за жуткой процессией.

Первым, вполоборота, скользкой кошачьей походкой выступал сам президент. Он был почти раздетый и насквозь мокрый. Кузнец корчил страшные рожи, если замечал кого-то из любопытных, и осмелевшие обитатели дворца прятались в свои квартиры.

За президентом, трясаясь и подергивая конечностями, семенил Старшина соборников. Он мелко переступал то на пятках, то на носочках, вскидывал заострившийся подбородок и окончательно осипшим голосом выводил причудливую мелодию. Люди, хорошо знавшие Христофора раньше, вздрагивали и начинали бормотать молитвы. Кожа на лице колдуна обвисла, плечи сгорбились, он стал заметно ниже ростом. Кровь текла у него из ноздрей, из прокушенных губ, белая рубаха на груди покрылась сплошной бурой коркой...

Пустотелые стоны и визжали, но послушно спускались по лестнице за поводырем. Там, где они проходили, покачиваясь в танце, мгновенно высыхали мокрые следы, оставленные мужчинами, а смельчаки, спрятавшиеся в нишах, позже уверяли, что черные ведьмы излучали нестерпимый жар...

Когда Артур достиг ступенек крыльца, ему показалось, что уже давно должно было наступить утро. Но над покрывшими Неву торосами расстился мрак, лишь на дальнем берегу перемигивались огнями башни крепости. У сходней догорали брошенные караульными костры. Папа Рубенс постарался на славу: насколько хватало глаз, набережная была пуста, убрали даже заставу с моста.

У спуска к пристани президент замялся. Спускаться вниз, на лед — означало неминуемо переломать ноги или провалиться в полынью. Но Христофор, похоже, именно туда и стремился. Натолкнувшись спиной на гранитный парапет, он скользнул влево, нащупывая первую каменную ступеньку. Колдун больше не пел, на морозе он окончательно потерял голос, зато две темные фигуры, летевшие за ним по пятам, голосили все отчаяннее.

Даже вьюга не заглушала их пронзительный скорбный вой.

— Уходи...

Коваль не сразу понял, что обращаются к нему.

— Уходи... — свистящим шепотом, притоптывая, повторил Христофор. — Я заведу их подальше... Не могу больше держать...

— Нет, я тебя не брошу! — Артур мучительно соображал, что же предпринять, но ничего не приходило в голову.

Он впервые столкнулся с врагами, которые давно были внутренне мертвы. Вся наука Качальщиков не стоила здесь ни гроша. Врага можно было слышать и видеть, от него воняло, как от силосной ямы, но его нельзя было застрелить или взять в плен.

Невозможно одержать победу над теми, у кого не осталось ничего, кроме мести...

Коваль не решался ступить на тонкий лед. Ведьмы танцевали на нижней ступеньке.

— Ты меня уже бросил...

Артуру показалось, что Христофор улыбается. Возможно, это была всего лишь гримаса боли.

— Ты меня проиграл китайцу, Кузнец...

Остекленевшим взглядом Артур следил, как три извивающихся силуэта удаляются от берега. Мужчина петлял между торосами, перепрыгивал трещины, а преследующие его призраки перли по прямой, оставляя после себя дымящуюся поверхность воды. В какой-то момент колдун упал. Артур потерял его из виду, прыжком заскочил обратно на парапет...

Но Христофор поднялся.

Кто-то накинул на плечи президента шубу. Артур оглянулся.

Они все были здесь, стояли рядом, напряженно вглядываясь в метель. Ближайшие соратники, друзья. Оба Рубенса, Карапуз, Даляр, Свирский...

И вот началось.

Сначала людям на набережной показалось, что они оглохли, а потом сквозь равномерный шум ветра донесся тонкий свист. Свист усилился, сменившись ураганным ревом. Посреди реки поднимался гигантский белый смерч. Он тащил за собой сотни тонн воды; льдины кружились в бешеном хороводе. По фарватеру панцирь вскрылся с таким громовым треском, словно Нева решила стать на дыбы, тысячи острых осколков устремились к набережной.

— Ложись!!!

Над головами упавших солдат пронесся рой ледяной шрапнели. Недавно отремонтированный фасад Эрмитажа покрылся выбоинами; лопнули с таким тщанием установленные фонари, разбились сотни оконных стекол.

— Не вставать! — держась за разбитый лоб, во всю глотку орал Рубенс.

В следующий миг стало непривычно тихо, а затем барабанные перепонки заняли от тяжкого грохота. Коваль осторожно приподнялся, но открывшаяся картина заставила его мгновенно рухнуть обратно, под прикрытие парапета. На людей надвигалась цунами, а впереди расширяющейся воронки воды катился ударный фронт из дробленого льда. Исполинский дымный шар лопнул напротив Стрелки Васильевского острова, дно реки обнажилось, фонтан взметнулся вверх на несколько десятков метров.

Раздался металлический скрежет, цунами достигла моста. Опоры выстояли, но ограду смело в воду вместе с фонарями, вагончиком патруля и асфальтовым покрытием. Когда волна отхлынула, центральный пролет выглядел так, словно его погрызли термиты.

А потом ослабшая волна добралась до набережной, перехлестнула парапет и ударила в окна Зимнего...

Когда стихия уgomонилась, трое дюжих телохранителей поднялись, выпустив из-под себя президента. Кто-то протянул Ковалю фляжку с водкой, кто-то уже тащил его прочь, требуя лекаря...

— Мальчик спас всех... — стуча зубами, произнес мокрый Рубенс. — Если бы она взорвалась внутри...

— А мы ничего не сделали, чтобы его вытащить, — в сердцах сплюнул чингис.

— Его нельзя было спасти, — медленно сказал Коваль. — Парень перерождался. Это я виноват, я обменял его на банку червей...

23

ПУТЬ КОМПРОМИССА

— **Я** верну твою дочь в Питер, если услышу от тебя правду! — Артур понизил голос, чтобы не слышали плотники, латавшие полы в императорской столовой. — Ты знал, что Арина присягнула Озерникам?

— Это случилось, когда тут правил Карин... — Рубенс потер воспаленные глаза. — Клянусь тебе, я узнал обо всем гораздо позже. Мы с женой бежали в Гдов, а она вышла замуж за этого дурня, сына губернатора. Это все из-за Карина, он как-то взял ее с собой в скиты, на встречу с Белым Дедом. Она думала, что это забава, игра!.. Поверь мне, Артур, чудские Озерники не занимались черной магией, это ладожские мечтали основать новое царство...

— Царство?! Какое царство людоедам? Ты видел, что они делали с ворованными женщинами?

— Все так,— понурился Рубенс,— но они мечтали... Озерники жили по всей стране, они мечтали собраться вместе. Они чуяли друг друга, чуяли всех, кто умеет ворожить. Помнишь, как мы берегли Христа и других, чтобы их не украли? Деда подарили Карину много секретов. Карин обещал Дедам, что у них будет свое царство, пусть маленькое, но...

— Ты их защищаешь, Миша?

— Я не их защищаю... — К Рубенсу вернулась присущая ему твердость.— Ты намного умнее меня, Кузнец, ты умнее наших стариков. Ты перевернул здесь все, и я вместе со всеми молюсь в Лавре за твое здоровье... Однако до тебя не лилось столько крови. Мы жили коммунами, мы уважали друг друга. Был Пакт Вольных поселений, никто не указывал Озерникам, где им охотиться и кого брать в жены. А помнишь, ты удивлялся, откуда Деда берут детей в обучение и невест? Ты удивлялся, что людей воруют, но никто не поднимает крик. А никто не хотел поднимать крик, Артур. Напротив, родители всегда были только рады. Не смотри на меня волком, я жил среди чуждских скитов, я видел... Озерники воровали блаженных, придурковатых, от которых все и так были рады избавиться. Потому крестьяне не жаловались и не жгли озерные деревни.

— Впервые об этом слышу! Мне никто не говорил...

— А с кем ты вообще говоришь, Артур? Кого ты слушаешь, кроме Качальщиков? Для них чужая ворожба — как заноза в глазу. Кто, кроме меня, расскажет тебе правду? Озерники брали дурных детей и возвращали им разум. Они первые, задолго до Качальщиков, научились скрещивать человеческих детей со зверями. За это Качальщики их ненавидели и боялись... А знаешь, почему боялись? Спроси Исмаила, спроси! Хотелось бы послушать, что старый жук тебе ответит! Я-то знаю Исмаила и братца его валдайского очень давно и скажу тебе так: ничем они Озерников не лучше. Сколько они дикарей загубили — не сосчитаешь. Сколько народу они гоняли по своим надобностям через Вечные пожарища, а там — смерть! Только Исмаилу и прочим было наплевать на дикарей. Их всегда беспокоило одно — хваленое равновесие...

— Что плохого в равновесии, Миша? — растерянно произнес Артур.— Они спасают землю от Слабых меток.

— Я тоже думал раньше, как ты,— кивнул Рубенс,— пока не понял, что равновесия можно достичь по-разному. Можно стереть все, что создали древние, и тогда мать-земля позволит мамочкам снова рожать детей. Только нам придется жить, как живут дикие шептуны, похоронить все машины... Озерники поступали жестоко, но они тоже искали равновесие. Они хотели переделать не землю, а людей.

— Превращая их в волков?!

— Зато эти волки, козлы и прочие уродцы... Они могли жить везде. Понимаешь? Им не нужны города, их не пугали никакие пожарища и болота. Еще лет десять, Артур, и они добились бы успеха. Они уже научились рожать собственных детей, очень скоро им не понадобилось бы воровать женщин...

— Слава Богу, мы успели вовремя.

— Ты так считаешь? Твои солдаты сожгли на озере четыре деревни и зарубили больше восьмисот человек! Половина из них были подростки!

— Озерники собирались отравить колодцы по всей России. Они получали помощь от Карамаза...

— О чем ты говоришь, Артур? С Карамазом имели дело лишь отступники. Белый Дед надеялся возвыситься среди своих и потому был готов взять в союзники самого черта...

— А ты-то откуда знаешь?

Рубенс тяжело вздохнул.

— Я знаю, потому что люди Карамаза приезжали в Гдов.

— Вот те на... Ты только теперь мне об этом сообщаем?

— Ты стал подозрительным, Артур. Повсюду ищешь измену, а никакой измены не было. Это случилось давно, года три назад. Пришел мирный караван, среди прочих пришли кавказники с Каспия. Они встречались с Дедами, но не смогли договориться. Кавказники заявили, что их вера не терпит колдовства. Они сказали, что если Деды хотят помощи в защите от Кузнеца, то они должны поклониться Ущербному месяцу.

— И что ответили твои родственнички?

— Они отказались. Для Озерников ворожба всегда была важнее любых Соборов. Тогда кавказники ушли; наверное, они отправились на Ладогу...

— И договорились с тамошними Дедами насчет диверсий!

— Я не знаю слова «диверсия», Артур. Однако я уверен, что к вере Карамаза примкнули немногие — Белый Дед и несколько его подручных. Эта шайка дружила с Кариным еще раньше... Но кавказники вовсе не стремились заразить нас чумой. Они тогда просили Дедов провести их в Москву.

— Что?! Ты мне никогда не говорил...

— А ты спрашивал? Артур, ты все реже ждешь совета и ни о чем не спрашиваешь. Я не упрекаю тебя, но губернатор Кузнец очень изменился с тех пор, как стал президентом... Хорошо, я скажу. Кавказники знали, что никто не может пересечь московские чащобы. Они тоже отправляли несколько отрядов, но ни один не вернулся. Только колдуны могли им помочь...

— Но зачем? От столицы ничего не осталось.

— Видимо, осталось, хотя твои друзья Хранители сделали все, чтобы туда никто не добрался. Ты до сих пор веришь, что Исмаил стирал древ-

ную столицу из-за грязных заводов? Может быть, и так, но я слышал от чудских стариков другое... Там остались подземные склады, такие же, как под Оренбургом. Очень глубокие и надежно защищенные, никакой Звонящий узел не смог бы их разрушить.

— Оружие?

— Не только. Там осталась хорошая вакцина, которой Качальщики так боятся. Если вакцина попадет в воздух, рано или поздно кто-нибудь из лесных колдунов подхватит и разнесет заразу.

— Вот так радость... — Артур опустился в кресло, лихорадочно обдумывая новость. — Можно подумать, что пятнадцать лет назад ты сам не громил аптеки?

— Я же не говорю, что кавказникам можно верить, — мягко вывернулся губернатор. — Они убеждали колдунов, что вакцина им нужна не для потравы полей и не для убийства. Там, в ледниках под Москвой, можно найти неиспорченное лекарство. Оно годится, чтобы успокаивать землю и убивать нечисть. Кавказники говорили, что малое количество доброй вакцины может успокоить землю гораздо лучше, чем это делают Хранители. Может быть, это все неправда. Может быть, они обманывали, но я тогда призадумался, Артур... Я стал вспоминать и кое-что припомнил. Много раз, еще до того, как ты проснулся, мои бойцы охотились на булей. Мы занимались этим вместе с другими коммунами. В город забредали стаи лесных зверей, нападали на людей прямо на улицах, но лысые псы всегда были самыми опасными. Еще опаснее, чем крысы. И как-то случилось, что парни мамы Кэт набрали за Всеволожском на склады лекарств. Это случилось на чужой территории, маме Кэт не захотелось делиться, произошла большая драка... Но это все неважно. Важно другое, Артур. Там, на складах, булей не было. Жили крысы, кошки, птицы. Забредали волки, лоси, даже медведя видели. Но не было ни булей, ни летунов, ни прочей мелкой нечисти. Понимаешь, о чем я? А потом заметили, что там вокруг нет и нечистых растений. Не росли поганки, не светился мох, не прыгала рыба из ручья. Кто-то из Лавры даже сказал тогда, что мама Кэт нашла святое место, и надлежит там поставить часовню...

— Там были медикаменты?

— Да, Артур. Там нашли целое озеро разлитой вакцины. Сначала боялись, что все погибнут, и мама Кэт просила меня срочно отправить голубя к Кристиану. Все ведь хорошо помнили, как раньше люди умирали, случайно порезавшись об одну лишь ампулу. Как больные заражали здоровых...

— А Качальщики пришли и все уничтожили?

— Они ведь никогда не заходят в город. После их работы остался громадный Плевок Сатаны, круг на тысячу шагов... Остальные склады они велели сжечь, а потом посадить там лес.

— Так вы сами сажали лес?!

— Сажали люди мамыши Кэт. Ты уже понял, да? Там не было никакой Слабой метки, Качальщики не могли заставить землю зарастить лесом. Они все спалили на километр вокруг и потребовали за это большую плату. Они сказали, что спасли город, все им поверили...

— Ты тоже поверил?

— Я им верил. Как и ты, Артур. Но оказывается, вакцина бывает разной. Больше всего оставалось мутной, где слова на коробках были написаны не по-нашему. Эта несла Большую смерть. Не найдется человека, который опроверг бы мои слова. Но была и другая, чистая. Та самая, которой ты травил Желтое болото в железной бочке...

— Откуда ты знаешь? Я вроде тебе не докладывал?

— Опять ты ищешь предательство, Артур? Никто тебя не предавал, но невозможно сохранить в тайне, что за тысячи километров везут под охраной бочку. Я даже знаю, что болото чуть не вырвалось...

— Эта сволочь прогрызла металл...

— И я знаю, что твои химики сбились с ног, пока отыскиали нужное снадобье. Ты тогда страшно рисковал, привезя эту желтую гадость в город.

— Необходимо было ее исследовать. Это не просто болото, а хищник! Моника надеялась синтезировать кислоту, но...

— Но ничего не вышло, пока госпожа Арро не вскрыла те три ящика с голубой вакциной, что хранились в бункере Восьмой дивизии?

— Ты и об этом знаешь?

— Тут нет никакой тайны. Бывший армейский запас. Все папы коммун подозревали, что Восьмая дивизия придерживает отраву. Остальные медицинские склады были давно разгромлены. Только лекарство с русскими надписями не для всех было отравой, Артур!

— Для Хранителей... — ахнул Коваль.

Внезапно для него многое встало на свои места. Неожданная злость лесных братьев, когда он попросил их помочь в поиске качественной вакцины, их нежелание появляться в городах.

— Так они боялись погибнуть, как лысые псы?

— Я не уверен, — устало пожал плечами Рубенс. — Но они не всегда говорят правду. И они скорее предпочтут, чтобы вся Сибирь покрылась болотом, чем помогут тебе в поисках. Для Хранителей это медленная смерть. Это все, что я хотел тебе сказать. Каждому нужно что-то свое, каждый борется за жизнь, Артур. Карамазу нужны московские склады, чтобы победить Песчаную стену и нечисть, расплодившуюся в южных морях. Озерники хотели собрать по стране чародеев. Хранители хотят безбедно жить, и для этого посадили на трон президента Кузнецца. А что хочешь ты, Артур? Чем ты занят? Подумай, ты только тем и занимаешься, что клян-

чишь в лесу право на запуск очередной грязной фабрики. Они соглашаются в обмен на привилегии для своих детей, в обмен на обозы продовольствия, которые мы посылаем на Урал. Они давно не пашут, не сеют, давно не охотятся и не заставляют дикарей рыбачить! Северный клан озабочен своей великой Книгой, а уральские носятся в поисках Звеньящих узлов... Они использовали тебя, Артур! Раньше они принуждали работать дикарей, а теперь живут за наш счет. Ты даже не можешь проверить, правду ли они говорят насчет Слабых меток. Может быть, уже давно нечего бояться? Женщины рожают здоровых детей, земля не светится. Может быть, давно пора лить металл и запускать заводы, пока это не сделали наши враги? Разве в том равновесие, чтобы бегать в лес на поклон каждый раз, перед тем как срубить елку?.. Я никого не защищаю, Артур, но ладожские Озерники хотели добиться равновесия иным путем...

— Не хитри со мной, папа! Сейчас-то ты говоришь не о ладожских, а о своих дружках, о чудских Дедах!

— Ну и что... — Рубенс замаялся. — Они боятся, Артур. Боятся, что сегодня ты добрый, а завтра послушаешься Качальщиков и велишь разорить все озерные деревни... Почему ты позволил Халитову иметь свое царство, а другим нельзя? Их там слишком много в Казани, да? Ты не хочешь с ними связываться, ты знаешь, что начнется еще одна война. Ты провел с Халитовым границу, которой нет даже на старых картах...

— Ты прав, с ханом нам нужен мир...

— А тех, кого мало, можно вырезать, да? Твои пограничники перебили карелов, почти всех чувашей, я уже не говорю про шептунов. Ты жалуешь немцев и армян, но почему-то считаешь своей вотчиной Витебск и Нальчик...

Президент вскочил с места и заходил из угла в угол.

«Успокоиться, сдержаться, не наговорить ему кучу глупостей, иначе... Иначе я потеряю не только Христофора...»

— Миша, ты не сможешь уговорить свою дочь помогать нам?

— Спасать Питер от семян Пустотелых? Нет, Артур! И не потому, что я хочу так поступить назло тебе. Я давно вычеркнул ее из памяти. Эта чертова девка чуть не погубила меня...

— Ну, хорошо... — У Коваля мелькнула новая мысль. — Тогда кто нам сможет помочь? Сегодня мы спасли детей, а что будет завтра?

— Не хочу тебя обидеть, Артур, но... Но ты сам развязал эту войну. И у Кармаза теперь всегда будут союзники среди малых племен. Ты обидел слишком многих...

— Но я хочу возродить государство!

— Ты так любишь это слово... Что может сделать кучка обиженных против десяти тысяч штыков? Белорусы, наверное, будут молчать, а Рада уже отказывается продавать нам уголь, разве ты не слышал? На

Украине бояться appetитов президента Кузнеця! Я уже не говорю о племенах Кавказа. Они не будут противостоять нам открыто, но самые отчаянные пойдут на все. Они пойдут на сговор с самим чертом, чтобы насолить нам! Боюсь, что настоящая война только начинается...

— Ты сказал, что Озерники знают, как пройти в Москву?

— Ты хочешь, чтобы я поговорил с чудскими Дедами? — изумленно поднял брови губернатор.

— Пускай просят чего угодно, но мы должны добраться до вакцины первыми.

— А если они потребуют слишком многого? Если ты не сможешь выполнить своих обещаний? Ты обманешь их, как обманывал других?

Какое-то время старый губернатор терпел металлический взгляд хозяина, затем не выдержал и отвел глаза.

— Я никого не обманываю, — тихо сказал Коваль. — Просто я буду делать все, чтобы нас уважали.

24

ЗЕЛЕНАЯ СТОЛИЦА

Обоз Озерников подобрали в двадцати километрах от Гдова. Скорость движения сразу упала.

Артура это невероятно раздражало, но он ничего не мог поделать, потому что этих людей нельзя было ни торопить, ни, Боже упаси, на них прикрикнуть. Оставалось скрипеть зубами и ждать, пока неторопливые лошадки колдунов преодолечат очередное препятствие.

А препятствий на пути встречалось больше чем достаточно. Из опасения попасть в поле зрения валдайского отшельника Коваль повел отряд намного западнее, сделав изрядный крюк вокруг озера Ильмень. Однако даже здесь приходилось двигаться крайне осторожно.

Дно, Порхов, Новоржев... Совсем недавно безлюдные городки издалека оповещали о себе колокольным звоном и светом сотен окошек. Артур уже и позабыл, сколько тысяч семей переселилось на север за последние десять лет. Еще совсем недавно эта поросшая лесами равнина видела лишь редкие костры чингисов и стада одичавших свиней, а теперь повсюду змеились тропки, белели на развилках свежие указатели, за километры несло запахами горячей пищи.

Проблема еще усугублялась тем, что двигаться пришлось на санях. Большую часть дорог никто не расчищал, несмотря на строгие указания

сверху. С одной стороны, это было неплохо: не приходилось опасаться слежки...

Коваль хмурился и делал записи в блокноте, чтобы позже вздуть не-радивых местных начальников. Он видел десятки гектаров укрытой под снегом пашни, новенькие мосты через замерзшие речки и дымки над от-строенными избами. Тут же обнаруживались настоящие завалы из не-распиленного леса. Там, где следовало вести плановые порубки, зияли провалы пожарищ. Лес использовался варварски, селяне валили для своих нужд самое ценное, нисколько не заботясь о будущем, и оставля-ли догнивать в снегу тысячи кубов древесины. По берегам речушек гни-ли не закопанные туши павших коров, отходы со скотных дворов слива-лись прямо в воду. Встречались места, где ветер раскидал стога, их никто не удосужился собрать, сено разлеталось по полям...

Примостившийся сбоку Рубенс, сам ярый хозяйственник, злорадно подсказывал президенту фамилии халтурщиков. На четвертые сутки у Артура появился список из сорока человек, которых следовало бы от-дать под суд. Коваля так и подмывало нагрянуть внезапно в расположе-ние ближайшего гарнизона и отправить начальничков на фронт. Мно-жество раз на пути каравана встречались груженные подводы охотников и лесорубов. Завидев вооруженных людей, крестьяне разбегались, бро-сая на дороге лошадей и поклажу. То ли везли ворованное, то ли не име-ли нужных бумаг на товар...

Озерники выдвинули обязательное требование, чтобы старший Ру-бенс поехал вместе с президентом. Михаил был единственным в Питере человеком, которому они доверяли. Колдуны размещались в двух заты-нутых шкурами экипажах. В переднем ехал Черный Дед Савва с двумя Сынами и двумя женщинами. Артур так и не понял, были это настоящие сыновья или нет, и кем приходились старику молодухи, которые выхо-дили размяться только в присутствии своих мужчин.

Определить возраст Саввы не представлялось возможным. Ему в равной степени можно было дать и полтинник с хвостиком, и семьдесят. Колдун кутался в волчью шубу, на ногах носил меховые унты, а корот-кие седые волосы украшало несколько цветных повязок с подвешенны-ми монетками и амулетами. На шее у всех троих Озерников болтались бусы из сушеных волчьих ушей.

Во вторых санях везли волков и летунов, их полог постоянно был задернут. Там же везли фураж и какие-то неведомые инструменты, завернутые в грубую ткань. На остановках Сыны по очереди ухаживали за лошадьми, женщины разогревали пищу, а Дед молча курил трубку, отказываясь вступать в разговоры с чужаками. Когда он хотел что-то сообщить президенту, то использовал в качестве переводчика Рубенса.

Поев, Сыны относили чашки с мясом в зашторенный фургончик. Коваль прислушивался к поведению собак. Волкодавы обходили вторые сани с заметной робостью.

Запах от хищников шел такой, что кони чингисов порывались свернуть в сторону...

Летом Артур рискнул бы отправиться по трассе на паровиках или даже на дизельных грузовиках. Орlando более-менее привел в порядок уже пять «супермазов» и больше пятнадцати легковушек. Топлива хватало, но в эту пору колеса наверняка завязли бы в сугробах. Пришлось спешно снарядить десяток саней и прокрутить эту операцию от имени Рубенса: якобы губернатор собрался с визитом в Минск.

Хуже всего дело обстояло с охранением. Коваль не мог взять с собой целый полк, это сразу вызвало бы пересуды. Кроме того, Дед Савва предупредил, что через московские чащобы сможет провести максимум пятнадцать человек. Коней и прочих зверушек — пожалуйста, а вонючих человекoв — строго ограниченно...

Когда караван пересек Волоколамское шоссе, Артур предположил, что Озерники собрались наматывать круги вокруг заброшенной столицы. Однако Савва твердо держал направление, пока не выбрались к разрушенному мосту под Можайском. Последние часы продвигались шагом: древнее шоссе лежало под снегом, лошади вязли по грудь, и приходилось постоянно орудовать лопатами, расчищая дорогу. Москва-река не закрылась окончательно, по центру оставалась полоса черной воды, в которой плавала ледяная крошка. К вечеру поднялся нештучный буран, и Савва решил отложить переправу до рассвета. Лошадей не распрягали, только укрыли попонами, расположили сани по кругу и разожгли три больших костра.

Чингисы со своими лохматыми овчарками несли вахту. К ночи буран усилился, в трех шагах ничего нельзя было разглядеть. Пропали из виду огни Можайска, пропали верстовые столбы, река превратилась в белую змею. Под неумолчный вой ветра опустилась темнота.

Рубенс тронул президента за рукав и показал на восток. Над дикими лесами, выросшими на месте столицы, трепетало розоватое зарево.

Коваль раньше считал рассказы о жарких лесах сказками, но теперь сам убедился в искренности путешественников. Даже на расстоянии в тридцать километров от границы раскачавшейся земли распространялось едва заметное тепло.

Среди русской затяжной зимы, откуда ни возьмись, появился тропический оазис.

Он не хотел ничего знать о том, что здесь происходит. Не испытывал ни малейшего желания сюда возвращаться, тем более теперь. Этот отвратительный розовый свет и жар, идущий из заколдованных дебрей, его нисколько не манили. Однако отступить было поздно.

Озерники подписали договор...

Утро началось с раскопок. Сани заметало до верхних деревянных бортиков, полозья намертво прилипли ко льду, лошади походили на сугробы. Когда справились с заносами, оказалось, что по мосту все-таки можно проехать, если срубить парочку деревьев. Часа за два соорудили приличный настил и осторожно перебрались на южный берег.

Еще через час караван бодро полз на восток по старому Минскому шоссе. Здесь местные ковбои раскатали приличный санный путь, а под Кубинкой отряду встретился допотопный угольный паровик, переделанный из трактора. Паровик тащил за собой полозья со свежесрубленными елями, и Коваль сразу отметил, что вид у деревьев непривычный. Только подъехав вплотную, он понял, в чем дело.

Это были не целые елки, а всего лишь кривые еловые ветви метров по десять длиной, обрубленные с обоих концов. Одним концом они, видимо, крепились к стволу, а другим, не менее толстым, уходили в землю, образуя новую корневую систему. Кое-где с коры свисали комья жирной, не по-зимнему мягкой земли. Яркие десятисантиметровые иглы казались от души намазанными зеленой краской. Даже мертвая, ель буквально дышала жизнью и походила скорее не на дерево, а на плененного связанного великана. Сидевшие в паровике чумазы дровосеки с изумлением смотрели на полушубки гвардейцев.

— Она наступает... — заметил Рубенс.

— Кто «она»?

— Я слышал, можайские называют ее теперь Зеленой столицей. Самые лихие подбираются и рубят крайние деревья. Толкут, древесина превосходная, крепче железа. Пять топоров затупишь, пока ветку отрубишь... Хорошие деньги за такое дерево дают, потому и рискуют. Опять же, болтают, что многие с такого промысла не возвращаются.

Коваль смотрел вперед и не верил своим глазам. Он снял рукавицу и выставил ладонь навстречу ветру, затем откинул полог и встал во весь рост. Отправляясь на юг, он обходил эти края, и подчиненные знали, что президент не любит говорить о Москве. Иногда до него доходили отрывочные сведения о сгинувших экспедициях, о насекомых, выползающих из чащи посреди зимы, о горячих ветрах, растапливающих снег.

Он только отмахивался. За годы ни разу не залетел сюда на драконе. Хранители обещали, что рано или поздно все уляжется. И наступит благодать.

Теперь он видел эту пугающую благодать своими глазами. Климат резко менялся. После указателя «Кубинка» наст стал слежавшимся, лошадки потянули резвее, и караван плавно перешел на рысь. Под незреватом снегом проглядывала пожухлая трава, воздух над потемневшими ложбинами дрожал и слабо переливался. Десятка два мужиков ломали

разбивали дом у дороги и укладывали кирпичи на подводы. Они работали в одних рубахах, от разгоряченных тел валил пар.

— А ну, стой! — Артур подозвал Митю. — Узнай у них, почему ломают? Здесь что, больше никто не живет?

Вместе с чингисом к саням подбежал деревенский Старшина, косоглазый мужик в лисьем треухе и безрукавке. Узнав президента по картине, висящей в сельском клубе, он молодецкато вытянулся.

— Так ить эта, господин... Все, почитай, съехали... Одинцово сперва, потом голицынские, апрелевские... Зеленая-то давит, не поймешь, когда сеять, когда жать... Вот бумага есть, от гарнизонного коменданта, что, мол, дозволяется, для личных нужд... Потому как, все едино пропадет, рассыплется.

Коваль взглянул на карту.

— Так в Голицыно уже лес?

— Бурелом, господин... Еще в тот год сеяли, а таперича — шабаш... Пожрала Зеленая поля. Вот с краев-то оно послабже, ну, не укоренилось, как есть. Так мужички рубят, с Божьей помощью в Смоленск продают... Нешто не дозволено, господин? Тока прикажите, мигом возвертаем, да по ушам надаем...

— А жечь не пробовали?

— Ась? — глуповато прищурился косой.

— Тебя спрашивают, дубина, — тряхнул Старшину Карапуз. — Не пытались поджечь лес? Ведь посевы, дома, пшеница! Неужто не жалко?

— Оно, как есть, жалко! — неизвестно чему обрадовался Старшина. — Тока жги не жги, все едино, прет Зеленая...

— Так в Кубинке никто уже не живет?

Артур поднес к глазам бинокль. Казалось, что город вымер, хотя здания сохранились великолепно. В окнах многоэтажек поблескивали стекла, за жилыми кварталами поднимались кирпичные трубы и нетронутые пожарами фабричные корпуса. Президент подкрутил настройку и разглядел еще две команды «ликвидаторов». Обвязавшись веревками, мужички растаскивали железо с крыш и укладывали в сани поваленные бетонные столбы.

— Почему никто? — удивился Старшина. — Семей тридцать будет. Годика три ишо перезимуют, а там — как Богу угодно.

— Годика три? — Рубенс присвистнул, измеряя расстояние по карте. — Это что же, зелень жрет по десять километров в год? Ты не врешь, дружище?

— Какой десять? — замахал руками косоглазый. — Километра на три приступит, как есть, не больше. А глядишь, вовсе застрянет. Такое тоже было. Только жарит от ево, тепло, то есть. Али не чувствуете?

— Да чуем, чуем... — вздохнул Рубенс.

— Вот то-то и оно, как ветер сюды тянет, так теплынь, все снега водицей сходят. А потом, по февралю-то, как есть, мороз вдарит — и конец зерну. Никак не можно так сеять. И скотинка тоже, как есть, бесится... — Он перекрестился.

— Бесится?

— Ну, не сказать, чтоб сразу, а у апрелевских было дело... Знали ведь, дураки, что нельзя на выгул к Зеленой посылать, да позарились. Травка-то самая сочная там отмахала, как же... Вот и не дождались коровенок-то, все ушли, как одна.

— В лес ушли?

— Ну да, поминай, как звали!..

— А вернуть не пытались?

Старшина поглядел на питерского губернатора с тревогой, как смотрит мать на охваченного непонятной хворью ребенка.

— Видать сразу, благородный господин издалече? Оно ж, кому жить неохота, — в Зеленую-то соваться?.. Так что, господин, неужто нельзя нам кирпичиком разжиться? Все едино сгинет!

— Берите! — махнул рукой президент, и когда мужик побежал к своим, обернулся к Рубенсу. — Как вернемся, собирай Малый Круг и снабженцев обоих ко мне. Аркашу Свирского и министра по сельским делам Кирилла Лопату.

— Сделаем! Верно думаешь — надо в казну прибрать, пока все не растащили! Только по снегу какой же караван пройдет?

— Посулим купцам долю от продаж. Стройтовары через биржу хорошо покатыт... Эх, знать бы раньше...

Коваль снова закутался в шубу и без всякого энтузиазма наблюдал, как растет на горизонте зубчатая громада зеленой столицы. В двух последующих деревнях они застали ту же картину: стучали топоры, звенели пилы, жители западных поселков оживленно упаковывали и складывали на подводы все, что могло пригодиться в хозяйстве. Обочины Можайского тракта напоминали ярмарку строительных товаров. Разобранные срубы, штабеля черепицы, штакетники, кирпич, отдельно металлоконструкции и даже камень из фундаментов...

«С какой любовью и аккуратностью наши люди берут то, что плохо лежит, — тоскливо думал Коваль, глядя в щелочку на бойкую суету. — И никому не приходит в голову бить тревогу. Через пару лет столица доберется и до них, но это когда еще будет...»

Сани дернулись и остановились. Полозья скрипнули по сухому асфальту, а затем надвинулся звук.

Величественная, нескончаемая песня леса.

Артур задремал, а очнувшись, сразу заметил, как душно стало под меховыми покрывалами.

— Приехали, однако! — где-то впереди крикнул Карапуз. — Сани дальше не пройдут, крепи колеса!

Президент откинул полог.

Зимы больше не было. Тяжелые серые тучи рассыпались дождем, а навстречу ледяным каплям от прогретой земли поднимались облака пара. Ровная нитка шоссе обрывалась; асфальт вздыбился, пропустив сквозь себя жилистые еловые корни. Чаща нависала над головой тремя ярусами, окрашенными в разные оттенки зеленого. У самой земли плотным частоколом тянулся лиственный подлесок, выше раскинули сучья кряжистые еловые долгожители, а все это мрачное великолепие прикрывал дремучий сосновый ковер.

Зима отступила, но никак не лето средней полосы пришло ей на смену. Здесь стояло какое-то новое время года, бесконечная весна, буйная, шумящая и неутомная. От запахов смолы и перегоя, от щебета невидимых птиц кружилась голова.

Верхушки сосен таяли в плотной водяной завесе, а нижние ветви елей тянулись вперед и вниз, врезались в голую почву, нащупывая для захвата новые плацдармы. Точно оценить высоту деревьев было невозможно. Артуру мигом вспомнился виденный в детстве фильм о грозном Кинг-Конге. Огромную обезьяну долго не могли обнаружить, потому что остров ее обитания тонул в густых тропических туманах...

До тропиков тут было далеко, но в повисших над трассой ватных облаках вместо ближайших саней виднелся лишь смутный силуэт. В двух шагах от обочины колыхался влажный сероватый занавес. Рубенс стянул свитер и вытер со лба пот. Овчарки тяжело дышали, свесив языки.

Шаркая коваными сапогами, из сизой пелены вынырнул Савва. Один из Сынов, бугай по имени Ираклий, вел в поводу лошадей; Озерники уже успели закрепить на осях колеса, и телега с хищниками выкатилась вперед по встречной полосе. Второй Сын, высокий, мрачный, в сером кожаном кафтане, расстегнул покрывало. Столпившиеся гвардейцы отпрянули.

Коваль тоже взглянул, и у него неприятно засосало под ложечкой. До этого момента он не чувствовал близкой опасности, иначе давно бы проснулся. Лес не радовался непрошеным гостям, но и не собирался нападать. Собаки и лошади тоже не волновались.

Одна из девушек-Озерниц, одетая по-мужски, коротко стриженная, остролицая, тянула следом вторые сани, которые также превратились в телегу. Она уже не стеснялась мужчин, но упорно не поднимала глаз. Савва поманил Рубенса. Губернатор подошел, покивал и крикнул офицерам, чтобы отвели назад солдат и псов.

Артур смотрел, как остролицая девушка разматывает веревки, удерживающие полог фургона. Наконец, шкуру откинули, из темноты раздался кашель летунов. Ираклий натянул длинные перчатки, вытащил из меш-

ка клубок веревок с ошейниками и полез внутрь. Его длинный напарник доставал с телеги и раскладывал на асфальте удивительные и неприятные предметы. Первыми появились две рогатины, чем-то похожие на рамки из лозы, с помощью которых в старину искали подземные источники. Только эти рамки были вырезаны из черного сучковатого дерева и обтянуты шкурками летучих мышей. Далее показался сучковатый посох с косой перекладиной, на каждом конце которой скалились бобровые черепа...

Ираклий выпрыгнул из фургона и потянул за собой кожаные веревки. Артур насчитал шесть штук. Черный Дед что-то быстро сказал Рубенсу, тот шустро забрался в телегу.

— Артур, они спрашивают, можно ли начинать, или ты передумал?

Коваль уже догадывался, кого он сейчас увидит. Поводки ослабли, затем из фургона показалась здоровенная волчья морда.

«Если я передумая, если сейчас отступлю, второго раза не будет. Надо вытерпеть все, иначе, рано или поздно, они отведут к вакцине не нас, а Карамазы...»

Ираклий щелкнул бичом. Из фургона ему ответил нестройный вой. Одновременно загомонили гвардейцы. Почти все они ходили в поход на ладожские скиты и теперь никак не могли понять, отчего президент связался с нечистой.

— Я не передумаяю,— твердо сказал президент.— Договор в силе!

— Отлично! — каркнул Черный Дед и опустил на лицо волчью маску.

Ираклий вторично ударил бичом и дернул поводки. Завыли собаки, взвилась на дыбы лошадь. И словно отвечая ворчанию летунов, затрепещал и завыл сотворенный Качальщиками лес.

Зеленая столица проснулась и почуяла врага.

25

ПЕРЕМИРИЕ НА КРОВИ

Савва приказал пока оставить лошадей и повозки на опушке.

Первым шел Ираклий с летуном на плече, удерживая на коротких поводках трех волков. Продираясь сквозь подлесок, он ни разу не воспользовался топором или ножом. Звери рыскали из стороны в сторону, пытались сорвать ошейники и глухо ворчали.

Чаща гудела от птичьего гомона. Сквозь воркование и чирикание пернатых, сквозь безостановочный шелест крыльев пробивались глухие звуки, издаваемые другими, более серьезными обитателями. Трениро-

ванное ухо различало тьяканье лисиц, писк белок, сопение кабанов. Неподалеку с топотом пронеслось стадо оленей, преследуемое хищником, кто-то с хрустом ломился сквозь кусты, кто-то пискляво завывал... А поверх нестройного живого оркестра напряженной басовитой струнной гудели мириады насекомых.

Тех самых насекомых, которые давно должны были уснуть до следующей весны...

Коваль ловил суеверные взгляды подчиненных, слышал их недовольные перешептывания. Он и сам ломал голову над тем, каким образом Качальщикам удалось преодолеть естественные природные законы. Он дал себе слово непременно побеседовать с Исмаилом, который клялся, что раскачанная земля вполне безобидна...

Теперь предстояло оценить, как орудуют оппоненты Качальщиков.

Следом за Иракием шел Савва с посохом, а за ним — обе девушки, «вооруженные» каждая по-своему. Остролицая несла на левом плече летуна, а на правом — палку. На палке раскачивалось нечто, похожее на серый паучий кокон. Вторая девушка сгибалась под тяжестью рюкзака, откуда торчало, заткнутое тряпкой, огромное осиное гнездо. Чингисы двигались в колонне по двое, готовые в любой момент сомкнуться вокруг президента. Рубенс вел в поводу кобылу, предназначенную в жертву. Вместо седельных сумок на ее крупе покачивались две объемистые плетеные корзины. Замыкал шествие высокий Озерник с летуном и тройкой волков.

Черный Дед искал подходящую поляну для обряда примирения. Когда Артур услышал от Рубенса такое название, у него впервые в жизни от слова «мир» пошел мороз по коже...

Труднее всего оказалось преодолеть первую сотню метров, а дальше мощные стволы раздвинулись, уступая друг другу пару метров пространства. Переход от холода к влажной давящей жаре оказался столь резким, что даже у потомственных лесных обитателей чингисов кружились головы. В овражках, среди переплетения корней, стелилась густая шелковистая трава. Грибы всех видов росли, тесня друг друга шляпками. Сырые пни рассыпались под натиском опят и поганок. Мох укутывал стволы зелеными шарфами двухметровой ширины. Под ногами пружинил толстый ковер из опавших иголок. Солнечный свет почти не достигал нижнего яруса растительности, здесь стоял вечный сумрак, наполненный журчаньем воды и мягкими протяжными вздохами ветра.

За отрядом велась непрерывная слежка, и чем дальше люди углублялись в чащу, тем плотнее сжималось кольцо любопытных настороженных глаз. Десятки птиц перепархивали с ветки на ветку, мягкими прыжками передвигались зверьки. Параллельно колонне с двух сторон словно текли две враждебные реки. Артур чувствовал, что даже под землей вслед за ними крадется живая волна.

Словно обитатели дебрей ждали сигнала к атаке...

Черный Дед что-то негромко мычал, постукивая посохом при каждом шаге.

К удивлению Артура, след от четырехрядного шоссе просматривался довольно четко. Достаточно было пробить первую линию лесной обороны, а дальше для телег хватило бы места.

Когда прошел первый страх, он увидел, как наступает Зеленая столица. Она отвоевывала себе метр за метром, медленно, но верно.

Ежеминутно, то слева, то справа, Коваль примечал мимолетные перемещения, игру теней, легкое потрескивание... Сначала он напрягался, пытаясь рассмотреть за широкими спинами солдат какую-нибудь живность, но вскоре понял, что шевелятся растения. Вот расступилась трава, давая свободу распрямившейся чешуйчатой ветке. Ветка на долю секунды зависла, словно змея, нащупывающая жертву, и с чавканьем погрузилась в перегной.

Дерево сделало шаг...

В основании неохватной ели вздулся пузырь, вначале принятый Артуром за муравьиную кучу. С поверхности пузыря с шелестом осыпались шишки, обломки коры, земля расступилась, показав черный зев, внутри которого копошились сотни полевков. Выпустив наружу глянцево блестящий корень, пузырь обмяк, мышей не стало видно. Несколько секунд ничего не происходило, а затем на коре проклюнулся крохотный зеленый росток...

Коваль потряс головой, отгоняя наваждение. Чертова елка размножалась почкованием! Страшно подумать, что все это бешенство затеял когда-то он сам, одним лишь небольшим надрезом на коре...

Савва остановился и воткнул в землю посох. Он нашел поляну. Артур лишь в общих чертах предполагал, что последует дальше. Начиналось самое главное: Зеленая столица должна была не просто пропустить их, а принять за своих.

— Ты принес примирителей, дружище? — Черный Дед кивнул Ираклию, затем с подчеркнутой фамильярностью обернулся к президенту. — Зеленая ждет примирителей, хе-хе...

Озерники спустили на землю корзины и выволокли оттуда двоих детей. Мальчику было лет шесть, а девочке — и того меньше. Мальчишка еле держался на скрюченных ножках, все его тельце покрывали гнойные нарывы, левый глаз закрывало бельмо. Девочка выглядела еще страшнее. Она немедленно захныкала и попыталась залезть обратно в свое убежище, но одна из Озерниц ловко схватила ее за шиворот. Савва облизнул толстые губы и рассмеялся низким каркающим смехом.

— Подобрал, что похуже, дружище? Хе-хе...

«Они все равно скоро умрут,— убеждал себя Артур, стараясь не глядеть на больных детей.— Их все равно бросили матери, жалеть тут некого...»

Вдобавок к хронической желтухе, оба ребенка, похоже, подверглись лучевому поражению. Ираклий подобрал в новгородском приюте двух самых запущенных детей, родившихся на границе Вечного пожара. Никто из подчиненных не произнес ни слова, но, пока колдуньи связывали детям руки, Коваль затылком чувствовал мрачные взгляды солдат.

Все убедились, что президент вступил в сговор с нечистой силой.

В звенящем дурмане нарастало тревожное ожидание. Теперь даже самые толстокожие бойцы невольно поеживались; они крутили головами, вздрагивая от каждого шороха, хватались за бесполезное оружие, оглаживали нательные крестики. Тертые в боях мужики жались друг к другу в центре поляны, как потерявшиеся овцы...

И вдруг все стихло, только всхлипывал ребенок.

Сквозь бесчисленные слои листвы долетала лишь тонкая мелодия ветра. Лес смотрел тысячами колючих глаз.

Лес ждал. Сложили крылья насекомые, не стучали больше дятлы, оборвала свою вечную песню кукушка.

Артур прикрыл глаза и едва не застонал от сочащейся из леса ненависти.

Их было невероятно много. Хищники и травоядные всех мастей окружили полянку плотными шеренгами. Пока они не выходили из кустов, они прятались в траве, а умеющие лазать по деревьям скопились на нижних ветвях целыми семействами. Перед лицом общего врага они позабыли распри, они не кусались и не рычали друг на друга. Звери вздрагивали, теснились, а к задним рядам, словно привлеченные светом мотыльки, прибывали все новые полчища лесных обитателей. Волки Озерников приседали, поджимали хвосты, как ожидающие побоев щенки.

Артур подумал, что если Савва совершит оплошность, их всех разорвут на части в считанные секунды. Не спасут ни метательные ножи, ни пули...

Черный Дед начал приготовления. Продолжая напевать, он вывалил из мешка клубок гадюк. Змеи начали расплзаться, но старик негромко цыкнул, приказывая им оставаться на месте. Ираклий вбил в землю колышки и привязал волков по периметру полянки. Было сомнительно, что хищников удержат хлипкие деревяшки, но волки были на удивление покорны. Они улеглись, свесив языки, и пристально наблюдали за сбившимися в кучку людьми.

Женщины откупорили бутылочки и побрызгали на траву чем-то остро пахнущим. Затем вытащили ножи и принялись срезать траву. Высо-

кий Озерник разжег огонь в шести глиняных плошках, расставил их между волками, затем скинул одежду и начал, притоптывая, ходить по кругу, щепотками подкидывая в огонь оранжевый порошок. Вскоре там, где он ходил, образовалась узкая тропинка. Женщины подхватили бессловесную песню главного колдуна, а он затянул речитативом:

«...Отошла, пришла, выросла, приросла, ножки мохнатые, лбы покатые, восемнадцать разов грянули, побратались, поплакали...»

Артур втянул ноздрями раскалившийся, почти наэлектризованный от ожидания воздух. В распадке, по которому недавно прошел отряд, объявились три взрослых медведя. Все трое были крайне агрессивно настроены и совершенно не расположены подчиняться человеческим командам. Митя тоже их почуял, вытащил из ножен топор.

Одна из Озерниц что-то силой запихала в рот связанным детям. У обоих малышей мигом остекленели глаза, ноги подогнулись, и они стали похожи на безвольных тряпичных кукол. Дети больше не рыдали и не шарахались от ползающих гадюк, лишь сидели в траве и безучастно наблюдали за происходящим.

Змеи прекратили хаотические метания и выстроились в цепочку за пляшущим колдуном.

Ираклий скинул заплечный мешок, извлек оттуда три заостренные рогатины и вколотил их в землю треугольником, на пути следования своего напарника. На вершину каждой рогадины он усадил летуна и привязал за лапу. Головы вампиров укрывала плотная мешковина, хвосты также были замотаны тряпками.

Высокий притоптывал и шел все быстрее. На ходу он поливал плечи и голову зеленоватой кашей из бутылки. Масса стекала по лицу, застывала на волосатом торсе, и скоро Озерник стал походить не на человека, а на пьяного лешего. Гадюки едва не бросались под его голые пятки, образуя в примятой траве жуткую блестящую свиту.

Волки скалились в темноту, но не делали попыток сбежать.

«...Белые брови, серые пальцы, желтые когти... по норам, по дуплам, по берлогам разоидеся, одним языком лакаем, одним клювом долбим...»

Женщины расстелили в центре полянки бесформенное пестрое покрывало и начали закидывать его срезанной травой. Очень скоро образовалась пышная зеленая копна. Черный Дед посыпал траву порошками, затем одним движением сбросил шубу. Под шубой его голое тело оказалось натертым зеленой массой вроде пластилина.

Вслед за гадюками в кругу появились осы и пауки. Колдунья разбила гнездо, желто-черный шар повис у нее на локте, взобрался по плечу до шеи, образовав гудящее ожерелье.

Высокий бежал вприпрыжку. Он вскидывал колени и ударял себя ладонями по бедрам, подражая разъяренному гусю. Его лоснящаяся спи-

на покрылась зеленым потом. Ираклий снял штаны и припустил за напарником.

Черный Дед схватил упирающуюся лошадь за повод и поволок за внешнюю границу круга. Вторая колдунья вскрыла паучий кокон. С ее пальцев на липких нитях спускались сотни мохнатых крестоносцев.

«...Поскакала, поплыла, заглотила, сплюнула... Отзовитесь, прижмитесь, ласковым пушком потритесь...»

Артур насчитал в тени за упавшим стволом не менее двух дюжин волков, а над головой — четырех взрослых рысей. Не меньшую опасность представляло голодное стадо кабанов. Минуту назад президенту казалось, что люди имеют преимущество и некоторые шансы прорваться обратно. Теперь шансы стремительно падали...

— Всем надо раздеться! — каркнул Савва. — Догола!

Женщины-Озерницы босыми ногами утапывали скошенную траву и поливали ее из бурдюков пахучей жижей, пока стожок не превратился в хлюпающее болотце. Высокий колдун первым бросился на покрывало, перевернулся, размазывая гущу по животу, и немедленно возобновил свои прыжки.

Солдаты замешкались, не решаясь расстаться с одеждой. Коваль понял, что пришла пора подать пример, и первым скинул штаны. К его удивлению, грязевая ванна оказалась не столь уж отвратительной. Кожу немедленно стянуло, остро защипали все мелкие царапины, но особого вреда для человека в ведьминских ингредиентах не обнаруживалось.

Следом за президентом в зеленую кашу нырнули обе Озерницы. Без всякого стеснения они сбросили свои шерстяные балахоны. У каждой на ногах и руках звенели десятки медных браслетов. Осы медленно поднимались в воздух, из брошенного серого кокона продолжали расплзаться пауки.

Колдуньи продолжали петь, дикая мелодия все ускорялась, постепенно превращаясь в оборванную восходящую гамму.

Артур поднялся, уступая место Рубенсу, и, замерев, следил за вытолкнутой за круг кобылой. Бедное животное норовило вернуться назад. Взбрыкивая, издавая сиплое ржание, она носилась по окружности, мимо лежащих волков, но что-то мешало ей пробить невидимую преграду.

«Слава Богу, у него получилось!..»

Из кустов, задрав седую морду, вразвалку вышла медведица.

— Быстрее! — подгонял Савва. — Все ложитесь ничком!

Гвардейцев уже не приходилось поторапливать; один за другим они ныряли в спасительную жижу и вытягивались на земле, не обращая внимания на пауков и танцующих гадов.

Гадюки подпрыгивали на полметра в воздух, торопясь за Ираклием. Высокий, раздувая щеки, дудел в спаренную дудку, его голенастые ноги отбивали чечетку.

Женщины схватили за ноги упирающихся детей и вышвырнули за границу круга. В площадях бесилось синее пламя. Савва упал на колени и, посыпая волосы жирным пеплом из кисета, принялся вопить что было мочи.

«...Сытный вечер, сытна ночь, всем досталось, всем невмочь, подплыла, проклюнулась, нарожала, спряталась... Всем хватило веточек, всем хватило норочек...»

Медведица на краю поляны поднялась на дыбы во весь свой двухметровый рост и заревела. У волков дыбом встала шерсть, они разом завyli, натянув свои веревки. Лишенные обзора летуны попытались взлететь, но оказалось, что их крылья надежно связаны.

— Э, командир... — Лежащий рядом Митя коснулся президента ледяными дрожащими пальцами. — Ща обосрусся... Никак нам хана пришла...

Артур так и не понял, говорил майор серьезно или пытался подбодрить шуткой, потому что с опушки раздался пронзительный детский вопль.

«...Поделились, побратались, не отринь нас, мать-земля, дай малеха от тепла, дай малеха от тепла!!!»

Черный Дед, стоя на коленях, раскачивался, в исступлении вырывал куски дерна, обмазывал себя землей. По нему ползали черви и жуки, десятки и сотни мелких тварей покинули норки и взбирались по голой спине и животу. Из-под оскаленной волчьей маски ручьями стекал пот. Мужчины-колдуны продолжали свой бег по кругу уже на четвереньках, на ходу срывая ртами пучки травы. Женщины выхватили ножи и бросились к волкам. За несколько секунд они перерезали поводки, а затем освободили летунов.

Огромная полосатая кошка молнией спустилась с дерева, схватила за горло девочку и снова метнулась вверх. Из тьмы раздался вой сотен разъяренных глоток. Хромого мальчика нигде не было видно. Лошадь сделала еще одну попытку взломать магический пузырь, споткнулась и упала на бок. Медведица бросилась вперед, за ней из зарослей выбежали еще три бурых великана. Они со всех сторон набросились на визжащую жертву и принялись рвать ее на части.

— Ха-йия! Ха-йия!! Ха-йия!!! — напрягая легкие, выкрикивали женщины.

Они голыми руками подхватывали с тропы ядовитых змей и швыряли в кусты. Осиная семья металась в метре от земли, рикошета от невидимой преграды, как пушечное ядро.

Коваль не заметил, когда пропал второй ребенок, зато гибель волков и летунов происходила на его глазах. Отпущенные с поводков питомцы Озерников повели себя так же трусливо, как их сгинувшая в желудках медведей кобыла. Волки сжались в кучу, летуны лупили крыльями, распластавшись черными брюшками на внешней границе запретной зоны.

— Ха-йя! Хай-йия!..

Черный Дед от пяток до макушки покрылся шевелящимся покрывалом из насекомых. Воткнутый в центре поляны посох подпрыгивал сам собой, будто по нему колотили снизу. Подстилка из гниющих листьев вибрировала, воздух сотрясаясь от клетота и рева. Обитатели леса уже не прятались, они крадучись наступали, заполняя поляну смрадным дыханием.

И первыми, окружая сбившихся в кучу волков, выставив изогнутые клыки, шли кабаны.

— Спаси и сохрани... — уткнувшись носами в землю, бормотали гвардейцы.

Стало еще темнее. Над прогалиной раскручивался смерч из тысяч рассвирепевших птиц. Коваль успел подумать, что, по логике, птичкам в подарок должны достаться привезенные осы и пауки. Очевидно, так и происходило, но в сгустившемся мраке сложно было что-то разобрать. Краем глаза Артур заметил, как стая неясней облепила летунов. Вторым эшелонем пикировали ушастые совы и сычи. Вампиры яростно отбивались, но исход сражения был предreshen заранее, очень скоро от несчастных мутантов остались одни скелеты...

Ираклий со своим приятелем уже не бегали на четвереньках, а ползали на животах. Девушки пристроились следом, из одежды на всех четверых теперь были только облезлые волчьи хвосты, привязанные к поясницам. Чингисы неистово молились, не обращая на наготу колдуний ни малейшего внимания.

Птичий таран с грохотом бился о прозрачную крышу, воздвигнутую чародеями. Чтобы спасти барабанные перепонки от неистового шума, Коваль открыл рот. Савва задрал голову и тонко завыл, перекрывая общий гомон. Его вздетые к небу руки превратились в бесформенные бурые обрубки, покрытые армией муравьев. Кабаны заживо пожирали домашних волков...

Земля тяжело вздрогнула последний раз и замерла.

Наступила тишина, будто внезапно выключили звук.

...Артур приоткрыл левый глаз. Изумительной красоты махаон порхал среди планирующих листьев. Сухой дождь казался нескончаемым; рыжие, лимонные, почти прозрачные листья обрушивались на замерших солдат, укрывая их пятнистым одеялом.

Несколько секунд в ушах стихал слабый звон, затем тишину разрезала несмелая трель пересмешника. Первой пичуге ответила другая, деловито застучал дятел, недовольно ухнула разбуженная сова.

— Мы живы... Господи, мы живы!!

Полузасыпанные гвардейцы ползали, отыскивая сапоги и оружие. Коваль натянул штаны, проверил клинки, обнюхал вонючие ладони. Внутренним зрением он обшарил заросли, но никого не обнаружил.

Хозяева столицы ушли, забрав подношения.

— Перемирие... — Перед Артуром, покачиваясь, стоял Черный Дед. На колдуне не было живого места, из сотен царапин и укусов сочилась кровь.— Забирай с поля фургоны... Они согласились на перемирие. Зеленая столица открыта, но...

Артур насторожился.

— Что еще?

Савва облизал прокушенную губу.

— Перемирие неустойчиво... Молись Богу, чтобы три восхода пережить. И накажи своим соколкам, чтобы мухоморы не сбивали, чтобы комара без крови задавить не смели. Пусть сперва напьется...

— Что тебя тревожит, Дед?

Озерник упрямо глядел в сторону. Желваки перекатывались на его щетинистых скулах.

— Сердце ноет, еле сдержал Зеленую... Кто-то еще зашел в лес...

— Кто? — Артур затаил дыхание.

— Вот я и говорю,— сплюнул колдун,— кто у нас ходит по лесам без примирения?

26

МЫ С ТОБОЙ ОДНОЙ КРОВИ

До того как пересекли четвертую кольцевую дорогу, ничего плохого не случилось. Коваль почти уверовал, что удастся благополучно достичь городской черты.

Чем ближе отряд приближался к границе бывшего города, тем умиротвореннее выглядел лес. Титанические сосны все так же не пропускали холод под пышный компресс верхних веток, все так же плескались бобры в ручьях и кусались летние комары, но стихал постепенно буйный напор, с которым столица отвоевывала новые площади. Здесь, в глубинах вечнозеленых морей, давно установилось сонное равновесие. Мелкие зверушки не кидались на путников, а доверчиво подходили ближе, любопытные сороки трещали в ветвях, с вождением косясь на блестящее оружие. На привалах Артур делал примерные расчеты и

убеждался, что все обменные процессы тут идут раза в три быстрее, чем снаружи. Здесь даже муравьи возводили дома не в пример резвее, чем их спящие сейчас под снегом собратья.

Черный Дед хмурился, отставал, ходил зигзагами, но не произносил ни слова. Ему словно не давала спокойно идти сосущая нервная хворь...

Колеса фургонов десятки раз проваливались в ручьи и вязли в болотах. Порой, чтобы обойти поваленный ствол или пересечь котлован на месте сгинувшего здания, каравану приходилось описывать сложные восьмерки. Иногда, откуда ни возьмись, выныривал отрезок асфальтовой дороги, или насыпь с раскатившимися шпалами, или торчала кирпичная заводская труба. Однажды наткнулись на поваленную башню элеватора, насквозь проросшую нежно-зелеными ржаными всходами.

Черный Дед заявил, что использовать топоры можно только в случае крайней необходимости, и то, пока у него не занеет сердце. Теперь дюжие гвардейцы торили путь осторожно, при каждом взмахе топора прислушиваясь, не завопит ли проклятый колдун. Бойцы потихоньку оправились от первого шока, начали балагурить, объедались ягодой, кто-то на ходу собирал грибы, кто-то кормил с руки белок...

Четвертое транспортное кольцо было выстроено намного позже того, как младший научный сотрудник Коваль улегся в капсулу анабиоза. Сначала перед привыкшими к сумраку глазами предстала широкая светлая прогалина, затем лиственный подрост расступился и показался уступчатый, сглаженный вал, заросший непролазным кустарником. Деревья покрупнее не желали сдавать позиции, отчаянно цеплялись, карабкались вверх по склону, но даже магия Качальщиков не сумела разрушить мощный фундамент шоссе. Очевидно, строители использовали новейший сверхпрочный бетон. Шоссе получилось трехъярусным: нижний, окончательно утонувший этаж нес трубопроводы, выше в тоннеле пролетала ветка наземного метро, а по хребту тянулся безупречный шестиполосный автобан.

Озерники все чаще перешептывались, терли амулеты. Ираклий трижды вскарабкался на деревья, женщины ложились ничком на землю, раскидывали руки, впитывая неуловимые дрожания почвы. Артуру все меньше нравилась их активность, но его собственная интуиция молчала.

Возможно, в лесу и появились чужие, но чутье Клинка молчало.

Отряду пришлось забирать далеко влево. Позади остались две кольцевые развязки, фермы рассыпались либо откололись от главного полотна, как слабые ребра от исполинского змеиног позвоночника. Наконец обнаружили железнодорожная станция и пешеходный переход, пролежавший сквозь гору. Ко входу в тоннель еще предстояло подобраться. Кони неминуемо переломали бы ноги, преодолевая буераки, и бойцам пришлось всерьез взяться за топоры. Пока забивали клинья и

сооружали подобие моста к жерлу тоннеля, Озерники разложили тряпицы и уселись обедать. Разжигать костры они никому не позволяли.

Коваль в сопровождении соратников не без труда взобрался на самую вершину вала. За годы на проезжей части намело порядочный слой почвы, ближайшие гигантские деревья протянули мохнатые лапы, но не смогли закрепиться. Их корни, словно в бессильной ярости, сорвали парапеты, смяли в гармошку шумоизолирующие щиты и опрокинули арки с прожекторами.

У Артура было ощущение, что он попал на гребень Великой Китайской стены. После многих часов пути здесь сквозь шапки сосен впервые проглянуло зимнее небо. Здесь было прохладнее и гулял колючий ветер. Он тихонько подвывал, лаская шасси многоосных грузовиков и дырявые черепа легковушек, он выводил тоскливую мелодию на стеклах застывшей внизу электрички, он раскачивал жесткую траву под оцинкованными днищами автобусных скелетов.

У подножия вала виднелись две маленькие фигурки колдуний. Женщины снова погрузились в траву, раскинувшись в форме морских звезд.

— Жуть какая! — поежился Рубенс. — До костей пробирает...

— Ага! Точно кикимора пьяная шепелявит! — согласился Карапуз, быстро вращаясь вокруг своей оси. — Неладно тут, однако... Не по нраву мне, когда присесть негде...

Артур крутил настройки бинокля. Сразу после Четвертой кольцевой когда-то начиналась сплошная промышленная зона. Может быть, ввиду засилья заводов, а может, по каким-то совершенно иным причинам, но характер растительности впереди резко менялся. Вечнозеленые породы плавно уступили первенство лиственным, и в первую очередь — исполинским березам, больше похожим размерами на баобабы. Ковер из еловых иголок сменился сероватым суглинком, наметились обрывистые овраги, из склонов которых торчали «непереваренные» землей ошметки арматуры.

Артур взглянул западнее, туда, где из-под основания автобана выползал боковой отросток железнодорожного тоннеля.

— Миша, скажи Деду, что по прямой мы не проведем повозки.

— А мы прямо и не пойдем! — ответил сзади скрипучий голос Саввы. Он незаметно выбрался на насыпь и стоял, опираясь на свой увешанный побрякушками посох. — Дальше дорога нутром, в животе каменной змеи...

Артур подумал, что перспектива оказаться засыпанными в метро его совсем не вдохновляет.

— И как далеко мы сможем по ней пройти?

— Речушка тама... — пожевав губами, неохотно отозвался Дед. — Ежели змея не прогнала, то выйдем напрямки к «Немчиновской» подземке, а там — как придется...

— «Немчиновская»? — Коваль никак не мог вспомнить станцию с таким названием.

— Такие буквы на белом камне выбиты! — пожал плечами внезапно разговорившийся Озерник. — Можно бы и дальше, да неведомо, что за год-то случилось... Было дело, парни и до «Кунцевской» добирались, покудова не затопило...

— Гарью тянет! — пригнувшись, заметил чингис.

— Н-да... Засвистало, заулюкало, — непонятно к кому обращаясь, прошептал колдун.

Далеко внизу ухали голоса, стучали по гранитным ступеням колеса телег.

Президент переглянулся с Рубенсом. Тот знаками дал понять, что следует отослать Карапуза.

— Митя, давай вниз, скажи ребятам, чтобы насквозь не ломились. Пусть распрягают и перетаскивают телеги туда, где рельсы. Пойдем до первой развилки, затем налево!

— Что ты слышишь, Дед? — осторожно спросил Коваль, когда они остались наверху втроем.

Но Озерник ответил не сразу. Похоже, он снова ушел в себя, растратив остатки доброжелательности. Он переминался с ноги на ногу и жадно втягивал ноздрями воздух. Артуру даже показалось, что провожатый снова решил затянуть свою заунывную песню. Рубенс делал страшные глаза, призывая к молчанию.

— Прав твой соколик, — выдавил, наконец, колдун. — Гарью тянет.

— Пожар? — Артур безрезультатно пригнувшись.

— В Зеленой не бывает пожаров, — злобно произнес Савва. — Мнит-ся мне, не люди пожаловали! Кому-то язычок вовремя не подрезали!

И, не дожидаясь ответа, перемахнул через ограждение.

— Что он имел в виду? — вытаращился Рубенс. — Не пойму, что на него нашло!

— Погоди... — Артур жадно втягивал смолистую прохладу. Теперь ему казалось, что он тоже это почувствовал. Лишняя хрипловатая бемоль, вторгшаяся в гармоничное созвучие. — Это же... это...

Но договорить ему помешали пронзительный вопль и частые хлопки выстрелов.

Секунду спустя президент и губернатор уже катились вниз, не разбирая дороги, напарываясь на острые шипы. Из тоннеля, куда поверхосоки уходили наспех сколоченные мостки, несло порохом. Под автобаном сквозной проход раздваивался, потрескавшиеся ступени лестниц выводили в огромный вытянутый зал с арочными перекрытиями и рядом узких окон под потолком.

В недрах искусственной горы, под автострадой, почти в целости сохранился железнодорожный вокзальчик. Как ни странно, дренаж-

ная система продолжала функционировать. Невзирая на то что оба пути почти скрывались под водой, перроны оставались сухими. На них дремали торговые киоски, рекламные щиты и расписания электричек. Полотно было покрыто пятнами лишайников и лужами цветущей воды, между шпал квакали спугнутые лягушки и бесились стаи головастиков. Бойцы уже спустили вниз телеги и лошадей, и хвост колонны виднелся далеко справа, между двух рядов рельсов. Через пятьдесят метров общая аркада станции делилась на два рукава, из правого торчал облупившийся хвост электрички, а в левом проходе всюду шла драка. Дерущихся не было видно, там стреляли, свистели и матерились, но все заслонял тент последнего фургона; отсветы факелов метались по покатым сводам огромной трубы, по лохмотьям провисших кабелей, по узким амбразурам окон, заросших снаружи кустами.

Коваль бежал, на ходу вставляя между пальцами клинки, Рубенс оглушительно топал позади, матерясь и клацая затвором. Но принять участия в бою они не успели.

Карпуз стоял, одной рукой зажимая кровоточащее плечо, а в раненой руке высоко поднимал сразу два факела. Один гвардеец лежал в луже, скорчившись и держась за живот, еще двое бинтовали голову третьему. Остальные бойцы рассыпались, укрылись за фургонами, держа круговую оборону. Кони всхрапывали, дергались из стороны в сторону, путая построики.

Самая первая телега завалилась набок, наехав на неожиданное препятствие. Три запряженные в нее лошади не пострадали, а четвертая билась в конвульсиях, заливая кровью цемент. Ее брюхо было распорото, сизые внутренности дымящейся грудой вывалились на землю. Псы чингисов поскуливали, жадно косясь на свежатину.

Уткнувшись в бок лошади заточенными рогами, на рельсах умирал поджарый оседланный бык. В его обросшие, как у бизона, бока попало не менее десятка пуль, но потомок славных голштинцев все еще ворочал пурпурным глазом и пытался приподнять лобастую голову. Когда гвардейцы перерезали упряжь и сняли с его спины расколовшееся тележное колесо, Коваль увидел две поразившие его вещи.

На спине быка крепилось длинное глубокое седло с очень высокой квадратной лукой и двумя парами веревочных стремян, а рога были удлинены массивными железными наконечниками.

«Подобными чеканами можно при хорошем разгоне и броню танковую пробить...» — подумал Артур.

— Наскочили, как демоны! — пожаловался рослый чингис с перевязанной головой. — Ладно, что гад из лука бил, деревянной стрелой. Бил бы с арбалета — конец мне...

— Дураки! — шипел Карапуз. — Я кричу им: быков валите, а они по седокам лупят! Хорошо, этот рыжий бес в колесе запутался, а то бы всех затоптал! — Он сердито пнул сапогом подрагивающую тушу.

— Так их было несколько?

— А хрен его в потемках разберет!

Солдаты образовали живую стену, окружив президента плотным кольцом. Все настороженно всматривались и вслушивались, но из тоннелей доносился только ровный гул ветра.

«Кто бы ни были эти лесные братья, — подумал Артур, — они затаились неподалеку. На быке не ускачешь бесшумно. И вообще, непонятно, как можно быка загнать под седло...»

— Они дожидались, пока мы спустимся и растянемся, — сказал Митя. — Шестеро, а может, больше...

— Шестеро, и все на быках? — изумлению Артура не было предела.

— Да они по двое сидели. Первый заправляет, а второй — из лука и топоры метает... Вон Капусту и Кабана ранили! Хорошо, что стрелки хреновые...

— Хорошо, что ружей боятся! Дикари, господин...

— Капуста помер, — робко доложили сзади.

Митя злобно выругался.

— А ты-то как? — Артур потянулся осмотреть его плечо.

— А, пустяки, в кольчуге застряла... Ты лучше на них погляди! — Майор ткнул пальцем в три бесформенные кучи, распластавшиеся в лужах.

Артур подумал, что не такие уж его гвардейцы недотепы, если при внезапном нападении уложили троих дикарей. Возле поверженных врагов уже суетились Озерники. В свете факелов стал виден косматый затылок, а затем смуглое до черноты заросшее бородой лицо. Убитый дикарь был одет в плохо выделанные шкуры и плетеные лапти.

— Разденьте его! — приказал Артур.

Гвардейцы стянули с трупа его вонючий костюм.

— Не ищи, не ищи! — сварливо заметил Дед. — Две руки, две ноги, все как у тебя. В Зеленой кикимор не водится...

Тела дикарей перевернули на спины и обыскали. При них не обнаружили ничего металлического. Деревянные стрелы, искусно обработанные каменные топоры, свернутые на поясах веревочные лассо.

— Так ты знал, что здесь живут люди? — приступил к колдуну Рубенс.

— Как не знать... — Озерник храбрился, но выглядел растерянным. — Не все сбежали-то, кое-кто пустил корни. Побратались по кровушке со зверьем...

«Мы с тобой одной крови! — неожиданно Артуру вспомнился кадр из мультика: индийский мальчик верхом на белом буйволе. — Эти быв-

шие москвичи отказались от огня и железа, зато катаются на быках и наверняка спят в обнимку с медведями...»

Он вгляделся в сумрак. Впереди ждала развилка; влево сворачивал тоннель, по которому им предстояло идти в Москву. К счастью, в его стенах, под самым потолком зияли частые окошки, и можно было идти без факелов. Но тоннель, что убегал дальше под автобан, выглядел как черная дыра.

Коваль почувствовал себя крайне неудобно. В любой момент отряду могут ударить в спину или взять в клещи, и из бетонной трубы не выберешься. Их даже не станут убивать, попросту возьмут измором...

— Как не знать... — Савва все еще пытался оправдываться. — Никогда еще такого не было, чтоб перемирие не блюли! Перемирие — оно для всех, лесняки-то не хуже зверья понимают...

— Так ты с ними знаком? Какие же у вас общие дела?

— Дела, дела... — неохотно проскрипел колдун. — Да рази ж делами назовешь? Зеленая-то скотинку дурных ковбоев притягивает. Что ни лето, бегут — и коровенки, и свиньи, а уж про коз и птицу болтать нечего. Так что ж, отказывать людям, когда в слезах приедут?

— Так вы возвращаете в деревни скот?!

— Ну... Ходят Отцы, бывает, что и вернут. Бывает, что лесняки уже лапу наложили, тогда торг затевается. Только Отцам моим перед лесом человечью жертву класть без надобности. Ежели на один восход, да чистым придешь, да ничего не тронешь, то можно и скотинку назад захомутать...

«Вот тимуровцы, — сетовал Артур, сидя в последней телеге с двумя заряженными «ремингтонами» на коленях. — Они же себе вечный бизнес придумали! Скотина будет всегда убегать, а без Озерников никто за ней идти не решится...»

Черный Дед не позволил никого похоронить. Карапуз его чуть не прибил, когда услышал, что старого боевого товарища Капусту придется отнести в лес и оставить вместе с тремя мертвыми лесняками. Но Савва был непреклонен, и президенту пришлось согласиться.

— Павший на охоте зверь не умеет сам себя закопать, — сказал Савва. — Всему свой черед, и очередь червей еще не пришла, сначала должны поужинать падальщики покрупнее...

Перед тем как тронуться дальше, Озерник снова взобрался на шоссе и долго сидел там, нюхая ветер.

— Перемирие нарушено не нами, — заявил он, спустившись. — Зеленая пока что сыта. Скажи соколкам, чтобы табаку не палили, коней не стегали... Ниже травы пойдем. Глядишь, обойдется...

Но Коваль видел, что колдун и сам не очень-то верит собственным словам. Просто Савве очень хотелось получить то, что обещал ему президент, иначе он давно прихватил бы своих помощников и смотал удочки...

Обещанная Рубенсом мирная прогулка уже ознаменовалась смертью. Коваль пытался вспомнить, что за догадка посетила его на горе, но здесь, внизу, витали совсем другие ароматы...

Было что-то полузабытое, до боли знакомое, страшное, но никак не вяжущееся с образом врага. И вспомнить было необходимо, потому что он тоже видел, что не обойдется, не пронесет, ничем хорошим эта прогулка не закончится...

Фургоны один за другим, разбрызгивая грязь, втянулись в бетонную кишку. Из мрака гостей провожали десятки хмурых настороженных глаз, а с востока все сильнее тянуло гарью.

27

РОДЕО БЕЗ ПРАВИЛ

Повозки загрузили так, что сидеть уже было негде. Артура приятно удивило, что в одной из пирамид нашлась вакцина не в ампулах, а в банках по триста миллилитров. К сожалению, тара весила больше лекарства, но без ящиков привезли бы назад груды стеклянного боя. Кроме того, солдаты не решались брать в руки стеклянные флакончики.

«Будь моя воля,— рассуждал Коваль,— прихватил бы не эту американскую дрянь, а шприцы и марлю...»

Чтобы себя еще сильнее не травмировать, он не пошел изучать остальные помещения холодильника. Естественно, холодильные агрегаты давно не работали, и большинство лекарств безнадежно испортилось, но аппаратуре и тоннам ваты мало что могло повредить. Здесь, на глубине тридцати метров, стоял такой холод, что без всяких холодильников можно было хранить мороженое мясо.

Здесь не водились даже крысы и не кудрявилась плесень на стенах.

Черный Дед сказал, что вход на склад его парни обнаружили несколько лет назад, когда ходили в Москву совсем по другим надобностям. Артур спросил, о каких надобностях идет речь, но ответа так и не получил. Савва только цыкнул сквозь зубы. Всю дорогу он держался напряженно, чуть-чуть расслабился только тогда, когда березовая роща сменилась молодым кленовым подлеском.

Артур сам чувствовал, что за ними следят, но преследователи так и не объявились. Вероятно, им хватило одного урока...

Забраться внутрь метро оказалось задачей не из легких. «Каменная змея» сохранилась почти в целости, только трижды пришлось наводить

переправы и разбирать завалы, а еще несколько раз они натыкались на обломки электричек. Узловой вокзальчик, где пригородная ветка железной дороги пересекалась с метро, полностью провалился под землю. Такая же участь постигла метрополитен, мало того, мраморный параллелепипед станции встал на дыбы под углом в тридцать градусов и переломился пополам. На поверхности густо росли клены и березы, нетронутым осталось лишь широкое жерло входа с раскрошившимися ступеньками и разбитыми в хлам турникетами. Чтобы не свернуть шеи на скользких мраморных полах, гвардейцы спускались, обвязавшись веревками.

Внизу при свете факелов солдаты сразу заметили широкие бронированные двери за полотном. Двери были укрыты позеленевшими решетками, но перекосившиеся стены раскололи мощную броню, и появились щели, достаточные, чтобы пролез человек. А за дверями, за стенкой станции, обнаружился настоящий лабиринт из коридорчиков и лестниц.

Очевидно, правительство Москвы хранило здесь аварийный запас медикаментов, но в равной степени это могли быть резервные запасы МЧС. Теперь этого никто не мог сказать. Одно Коваль уяснил себе твердо: он примет все меры, чтобы уломать колдуна на второй поход. Сюда просто необходимо было вернуться, хотя бы из-за чудовищно редких термометров, стоматологических материалов и залежей инструментов...

В тот момент Артур еще не представлял, насколько непросто будет вообще покинуть Зеленую Москву.

Он позволил ласковой песне леса убаюкать себя, он соскучился по лету, по медовому аромату клевера; он забыл, когда последний раз отдышал. Пока солдаты сооружали корзину и по одному вытягивали на поверхность пыльные опломбированные ящики, президент, закрыв глаза, валялся на травке. Он вдыхал запах Митиного пулемета, такой гадкий и несуразный в этом кислородном раю, слушал грызню ондатр в ручье и чавканье лошадей, обалдевших от сочной травы.

Потом он будет себя укорять за потерю чутья и оправдываться тем, что тренировали его на врага, а не на...

— Готово, командир! — Голос чингиса вырвал Коваль из уединения. — Полна коробочка, больше не утянем...

Караван медленно двинулся в обратный путь. По самым скромным подсчетам, они загрузили тридцать тонн качественного лекарства. Еще под землей Артур выборочно вскрыл десятка два ящиков и не встретил ни одной бракованной бутылки. Всюду плескалась незамутненная голубая смерть...

Ночь прошла спокойно, если не считать того, что сбежала овчарка Ираклия. Артур заметил ее побег первым, но в темноте не понял, что случилось. Он и так спал каких-то три часа, отовсюду мерещились шорохи и затаившиеся бешеные быки. Почувствовал лишь легкий укол в

сердце — и будто из тела ушла часть тепла. Потом Савва бродил мрачнее тучи, задирая к небу лицо и припихивался. Рубенсу он признался, что это первый случай, когда домашние щенки поддаются влиянию раскочанной земли.

Очень плохой признак.

Черный Дед был уверен, что лесняки еще раз подкараулят отряд на развилке железной дороги, но нападение произошло позже, когда никто его уже не ждал. Караван находился в самом невыгодном положении для обороны: лошадей выпрягли на станции под автобаном и по одной заводили наверх, на перрон. Вакцину пришлось выгрузить, чтобы облегчить повозки. Сооруженные в прошлый раз настилы кто-то уже успел покрошить на куски, и Карапуз разделил маленькую армию на двое. Четверо отправились рубить новые сходни, а трое вместе с ним занимались конями. Озерники тоже помогали: укладывали ящики...

В тот момент Артур был благодарен колдунам за то, что не остались в стороне, но позже проклинал себя за тупость. Лучше бы Дед со своими учениками схоронился в лесу!

Коваль засек появление дикарей в последний момент. Очевидно, здешняя флора каким-то образом экранировала мозговые излучения. Зато когда пара дюжин волосатых придурков вылетела на своих бычках из зарослей, перед ними катился фронт нескрываемой ярости. Таскавшие бревна гвардейцы не успели даже схватиться за оружие, их просто втоптали в землю...

Президент этого не видел, потому что был внизу, на станции, и вместе со всеми перегружал на перрон ящики. Раздались истошные крики и громовой топот, словно приближалась тысячная толпа. По заплесневелым лужам пошла рябь, с мокрых бетонных сводов посыпались улитки.

Карапуз схватился за секиру, собираясь бежать наверх, но тут из тоннелей, сразу с двух сторон, показалась вторая партия нападавших. Они обули копыта своих скакунов в мягкие соломенные чуни и смогли подкрасться по цементным полам совершенно бесшумно. Савва потом сказал, что лесняки дали быкам понюхать какое-то снадобье, мигом «разогревшее» могучих самцов до точки кипения.

Артур уже понимал, что их ничем не остановить. Он пытался выйти на связь, но встретил такой отпор, словно с размаху налетел на резиновую стену. Разум Клинка столкнулся не с короткими извилинами жвачных, а с монолитной бессознательной силой, излучаемой лесом. В обычных условиях, за пределами Зеленой столицы, любой начинающий Клинок уложил бы всю эту свору за пять секунд, еще заставил бы поднять на рога своих же хозяев...

Быки взяли с места в карьер, от их копыт фонтанами взметнулись вода и цементная крошка, под стенами вокзала словно зарокотал гром.

Первым со скоростью экспресса, опустив к земле наращенные метровые рога, мчался здоровенный пятнистый герофорд. Верхом на нем сидели двое оборванцев: передний настегивал быка плеткой, а задний уже метнул один топорик и приготовился метать второй.

— Наверх! — проорал Рубенс, спуская курки сразу двух револьверов. — Все наверх, берегись!

Сыны подхватили Савву и рысью припустили по перрону. Две стрелы воткнулись в кольчуги солдат, не причинив вреда. Чингисы бросили лошадей и открыли ответный огонь. Каменный топор, вращаясь, летел прямо в затылок Ираклию.

Коваль сам не ожидал от себя такой прыти. Одним прыжком он вспорхнул на платформу и отбил летящий топор в сторону прикладом помповика.

Карапуз как раз заводил по лестнице коня, оставив пулемет внизу, возле прогнувшегося киоска прессы. Теперь он бросил вожжи и, матерясь, катился вниз.

Один из дикарей направил своего быка прямо на платформу. Коваль успел четырежды дернуть за цевье «ремингтона», прежде чем пятнистый голштинiec взлетел по бревнам, но пули не остановили взбешенного зверя. В быке было не меньше тонны веса; сходни под его копытами треснули, но выдержали. Гора мускулов ворвалась на перрон, раскидывая ящики с бесценной вакциной. Наездник выстрелил из лука вслед убегающим колдунам. Савве и парням оставалось не больше десятка метров до лестницы, но становилось очевидно, что лесовики будут преследовать их и там.

С противоположной стороны станции с ревом приближались сразу четыре белоголовых симментальца. Ближайший поддел рогами тяжелую повозку, и она взлетела на воздух, словно была сделана из картона. Чингисы и женщины-Озерницы взобрались на противоположный перрон.

Дикари метнули топоры, кто-то из солдат схватился за грудь. Карапуз наконец добрался до своего пулемета и открыл огонь. Он один оставался внизу; стоял, широко расставив ноги, стрелял и вопил так, что заглушал крики врагов.

— Митя, беги!!

Рубенс опустошил два барабана, стреляя в следующего быка, направлявшегося к пологой дорожке трапа, и тоже влез на платформу. Его усилия увенчались успехом: зверь издох на бегу, напоследок врезавшись в недоразгруженную телегу. Оба наездника вылетели из седла и шлепнулись под копыта встречной лавины. Телега опрокинулась набок, ящики посыпались в лужу.

Бык на перроне почти догнал Озерников. Но в последний момент они шмыгнули в нишу между будкой станционного кассира и трейлером

с эмблемой микояновского комбината. Сопящий танк по инерции промчался мимо, взлетел по лестнице и пропорол рогами несчастного коня, брошенного Карапузом.

В воздухе засвистела новая партия томагавков. Пару штук Артур поймал в полете; чингисы так делать не умели, но сообразили, что следует постоянно перемещаться. Они метались взад-вперед по платформе, уклоняясь от вертящихся топоров, и довольно метко стреляли в ответ. Половина лесовиков уже висели мертвыми кулями, запутавшись в стреленах, но остановить разгулявшихся быков было невозможно. Под напором рогов хрустнули борта еще двух телег, переломились оси, одна за другой с хлопками повылетали дуги, на которых крепились шкуры.

Коваль вскарабкался на крышу ларя с выцветшей эмблемой «Пепси» и закричал Озерникам, чтобы те не вздумали вылезать из своего укрытия. Савва что-то хрипло выкрикнул в ответ, но слова потонули в треске пулеметных очередей. Карапуз изрешетил трех симментальцев вместе с наездниками еще до того, как они достигли повозок, но тут у него кончились патроны. Бравый майор успел плюхнуться в грязь и закатиться под бетонный козырек перрона.

Две живые волны столкнулись, раскрошив в щепки фургоны и покалечив двух оставшихся внизу лошадей. Чингисы стреляли, не переставая, эхо выстрелов многократно дробилось и возвращалось несмолкающей канонадой. Коваль, экономя патроны, метал в наездников ножи. Он даже не успевал проследить, сколько лесовиков уничтожено. Шесть или семь фургонов встали на попа, перевернулись, сбившись в единую кучу.

А из тоннеля, как выпущенные из пушки ядра, мчались еще четыре пятнистых чудовища.

«Вот дьявол! Бесплатная реклама была бы для „Петмола“!.. И неужели этот проклятый Дед ничего не может сделать? А еще колдун называется!» — ворчал президент, перезаряжая ружье. Ножи давно закончились, да и не планировал он вести в Зеленой боевые действия.

Непосредственной опасности для себя Коваль не видел, но ущерб имуществу был нанесен огромный.

Упала с разбитой головой одна из колдуний, затем рядом с ней охнул и осел гвардеец. В глазу у него торчала стрела. Рубенс замешкался, перезаряжая револьвер. Кто-то из солдат потянул губернатора в сторону, но не успел вывести из опасного места. Ревущий симменталец поддел рогами днище фургона и, тряся головой, толкал его перед собой. Оглобли уперлись в землю, а тяжелый каркас перевернулся прямо на платформу, накрыв губернатора.

На рельсах творилось что-то невообразимое. Визжали полураздавленные лесняки, исходила пеной кобыла: у нее были сломаны обе передние ноги, и кости торчали наружу. Быки без седоков, не в силах успоко-

иться, скакали на обломках повозок, превращая в щепу уцелевшие борта и днища. Карапуз орал из-под бетонного козырька, чтобы ему скинули еще патронов, но никто не знал, куда подевался мешок с пулеметными лентами.

Артур поймал еще две выпущенные кем-то стрелы и только теперь разобрал невнятное квохтанье Озерника.

— Нельзя убивать!.. — повторял Савва. — Не стреляйте, не гневите Зеленую!

Колдун даже высунулся из своей ниши, но его мигом загнал назад заскукавший бык. Голштинiec лишился обоих седоков, столкнул на железнодорожные пути растерзанную лошадь и как раз искал, с кем бы схлестнуться. Из боков его ручьями текла кровь, бык качался и не стал добрее.

«Вот и не стреляй! — злоратно подумал Коваль. — Этому бизону теперь будешь объяснять про перемирие. Поглядим, как ты оттуда выберешься...»

Артур уже понял, что с командой, отправленной на заготовку бревен, что-то произошло. Все четверо так и не вернулись. Президенту было немножко стыдно, но в данный момент его больше заботила не судьба гвардейцев, а сохранность лекарства. Ведь можно было не мелочиться и взять с собой вдвое больше людей, Озерники все равно не сумели обеспечить безопасность!

Коваль успел выстрелить еще четырежды, потом «ремингтон» превратился в бесполезный кусок железа. С противоположной стороны станции ему нестройно ответили обрезы чингисов. Очередная атака дикарей захлебнулась, в живых оставалось человек шесть, и у них кончились метательные принадлежности. Потерявшие управление быки в слепой ярости лупили рогами опрокинутые фургоны. Два тяжело раненных колосса катались по шпалам, окончательно раскидывая штабеля ящиков.

— Патроны! — голосил скорчившийся в луже Карапуз. — Мать вашу, скиньте мне патроны!

Ларек под Артуром зашатался. Израненный бык воткнул рога в дряхлые жалюзи, закрывавшие окно, попытался вытащить их назад и застрял. Он принялся отступать и потащил за собой к краю платформы всю конструкцию. Чингисы на противоположной стороне зала не отваживались стрелять, рискуя зацепить президента. В тот миг, когда Артур уже решил прыгнуть, на перрон взгромоздился еще один бык. Этот был помельче, помоложе и, возможно, поумнее собратьев, бестолково носящихся взад-вперед по мокрым шпалам. Он сразу выбрал себе занятие по душе, разогнался и протаранил киоск, на котором стоял человек.

Теперь уже две потные туши ворочались вниз; проржавевшие уголки киоска начали поддаваться натиску, крыша треснула. Сквозь расши-

рящуюся щель Артур увидел свое маленькое отражение в выпуклом багровом глазе.

До лестницы было не меньше тридцати метров — не добежать...

Если прыгнуть на пути, придется удирать сразу от шести быков. Пока что они с азартом крошили телеги, но охота на человека, без сомнения, развлечет их гораздо больше...

«Дьявольщина! Когда же им наскучит тут играть?..»

Не успел он так подумать, как быкам наскучило.

Что-то произошло: словно раскаленные ладони хлестнули Артура по щекам, страшно заболел затылок, в ноздри ударил запах паленого мяса и...

У всех животных разом подогнулись ноги, они забились в конвульсиях, не в силах подняться. Пронзительно закричала Озерница. Схватившись за уши, застонали уцелевшие чингисы...

...И тут Коваль прозрел.

Он понял, кто вторгся в Зеленую столицу и принес с собой запах гари. Запах Плевков Сатаны.

На верхней ступеньке лестницы стояло трое мужчин в белом. Двое молодых совсем парней с коротенькими косичками и в центре — морщинистый, смуглый, с гривой до середины спины.

Бердер посмотрел президенту в глаза, и лицо его начало расплываться.

Хранитель силы готовился плюнуть огнем.

28

ВТОРАЯ ПРОИГРАННАЯ ПАРТИЯ

— Где эта тварь? — гневно спросил Бердер.

Коваль чувствовал, насколько трудно Хранителю силы сдерживать ярость. Уж кого-кого, а Учителя он чувствовал прекрасно. Либо Бердер задействовал какие-то хитрые способы, чтобы экранировать мысли, либо их не пропускала Зеленая столица...

Лица Качальщиков троились.

Они никогда не поступали так жестко, встречая друзей.

Коваль понимал, что времени на раздумья ему не предоставят. По всему выходило, что Хранителя кто-то предупредил заранее. Кто-то из ближнего окружения президента донес о готовящемся походе. Причем ухитрились сделать это невероятно быстро: скорее всего, послали голубя или летуна. Хранитель не мог знать, какой дорогой пойдет президент,

Бердер долетел до опушки на драконе и пошел наперерез питерскому каравану, выжигая перед собой просеку. Бердер не успел перехватить караван, но, в отличие от Озерников, он не страдал потерей чутья.

...Бердер лучше других знал, как обращаться с раскоченной землей, но так торопился, что не пожелал соблюсти правила равновесия. Он никак не мог позволить, чтобы вакцину вывезли за пределы леса.

— Где эта мерзкая крыса? — повторил Хранитель, не отрывая взгляда от раскатившихся по полу ящиков.

«Он боится... — моментально понял Артур. — Он чертовски боится заразиться и готов сжечь нас всех, лишь бы угробить лекарство...»

Следовало как-то протянуть время, но ничего путного в голову не приходило. Коваль пожалел, что возле его ног не валяется ни одна ампула. Достаточно было бы наступить сапогом на хрупкое стекло, чтобы обратить Качальщиков в бегство.

Внезапно Артур ощутил смутную радость. Если Качальщикам не придет в голову перебить их всех, невзирая на старую дружбу, то у президента появится против них серьезный козырь! Мало кто догадывался о страшной опасности, которую представляла для уральских колдунов вакцина. Если верить Озерникам, достаточно малой капли для их поголовного заражения...

Озерники не показывались. Артур скосил глаза и обнаружил, что Савва и его подопечные куда-то исчезли. По крайней мере за будкой кассира их уже не было. Оставшаяся в живых девушка-Озерница пряталась за спины солдат. Карапуз и двое его чингисов постепенно оправлялись от шока. Набывчившись, они столпились у края платформы и глядели на президента. Похоже, никто еще не осознал новой опасности, но для чингисов взрослые Качальщики всегда оставались смертельными врагами. Жестокими поработителями, бездушными убийцами...

— Ты пытался обмануть нас, Кузнец.

Бердеру все-таки удалось взять себя в руки. Черты его лица разгладились, посиневшие губы не тряслись, как прежде.

— Это ты был нечестен со мной, учитель...

— Убирайтесь отсюда! — Бердер поднял сжатый кулак. — Я не буду ждать. У тебя есть кони и час времени, Кузнец.

— Мне нужна вакцина, учитель.

— Убирайтесь, пока Плевки не заросли. Не зли меня, Кузнец.

Карапуз ошарашенно вертел головой, глядя то на мертвых быков, то на валяющийся в сторонке обрез. У чингисов на перроне руки тоже потянулись к оружию. Митя сделал маленький шагжок, но за ним зорко следили.

Один из молодых Клинков произвел круговое движение кистью, словно посылая камушек по воде. Артура качнуло назад. Невидимый столб горячего воздуха пронесся вниз по ступеням и налетел на гвар-

дейцев. Всех троих опрокинуло и поволокло по бетону. Вместе с живыми людьми сорвались с мест трупы, перевернулся фургон, обнажив распластанное тело Рубенса. Коваль заметил, что губернатор жив, его только контузило.

— Не стрелять! — крикнул президент упавшим солдатам. — Хорошо, мы уйдем... Я об одном прошу: не сжигай все сразу. Давай сначала поговорим.

— О чем нам говорить? — насупился Бердер.

— Разве ты хочешь, чтобы мы разошлись... недругами?

Качальщик отвел взгляд, помедлил и что-то тихо сказал ученикам.

И первым зашагал к выходу.

Итак, дело было провалено. Коваль был полностью опустошен. Когда погиб сын, его несколько дней душила ярость, а сейчас даже злости не было. Он получил отсрочку на несколько минут, пока со станции не поднимут раненых, а о складах под «Немчиновской» навсегда придется забыть. Экспедиция потерпела крах.

Артур вышел на воздух и устало опустил в траву. Перед ним растилась пепелище. Качальщики выжгли идеально прямую просеку шириной метров двадцать. Спекшаяся поверхность земли блестела, как слюда. Обуглившиеся по сторонам от жуткой дороги деревья не закрывали больше от холода. В Зеленую столицу ворвалась зимняя стужа, снежинки спускались и таяли, не долетая до горячей золы. Грязные потоки расползались в стороны, пачкая помертвевшую траву. Ни звука не доносилось из затаившегося леса.

Озерники исчезли.

«Плевков не зарастет много месяцев... Точнее, не зарос бы в обычном лесу. Если звери побоятся выходить на просеку, мы могли бы рискнуть еще разок...»

Чингисы принесли губернатора. Рубенс уже мог разговаривать и даже пытался самостоятельно встать. Из дебрей выбрался уцелевший солдат. При нападении лесняков он успел взобраться на дерево. Теперь, включая Карапуза, осталось четверо здоровых гвардейцев и двое тяжело раненных, которых придется нести. К счастью, почти все лошади уцелели, так как их выводили и привязывали выше по склону. Быки туда просто не успели добраться.

Они распластались в канаве у входа в тоннель, перегородив своими тушами хилые мостки переправы. Семь мертвых быков и тринадцать лесняков. Лохматые дикари выглядели так, будто их окунули в горящее масло. Их лица почернели, кожа полопалась, а нечесанные космы встали дыбом.

Для Бердера люди оставались насекомыми.

Хранитель прохаживался в сторонке, безучастно наблюдая, как чингисы выкатывают наверх уцелевшие телеги.

— Где Дед, Кузнец?

— Понятия не имею...

— Я не сказал Хранительнице Книги о том, что ты послушался Исмаила, но как ты мог связаться с бесовским отродьем?

Коваль почел за лучшее промолчать.

— Вошел в сговор со слугами сатаны, с отрыжкой пожарищ! — свистящим шепотом, чтоб не слышали солдаты, продолжал Бердер. — Книга никогда не врет, Кузнец. Тебе было сказано: отправляйся на юг, собирай силу по стране, дави мерзких колдунов! Ради того Хранители приняли Крест и Собору вашему поклонились, и попов в села допустили, чтобы ты народ собрал. Тебе великую милость оказали, Прохор уговорил Настоятелей пустить в Храм инородца, да еще и не помеченного печатью силы... Справился, получил червей? Так займись делом, гони врага от границ, топи его корабли в море! Тебе сказано было: поможем границу за Черное море отодвинуть, если нужда придет... А ты что творишь? С козлоногими за Большой смертью отправился? Может, еще посох у Черного Деда лизать будешь?!. Куда он спрятался, Кузнец? Я же чую — эта тварь неподалеку!

— Я за ним не следил...

Бердер что-то шепнул ученикам. Один из них резво взобрался наверх и скрылся за парашютом автобана. Другой опять спустился в тоннель. У Артура вдруг шевельнулась надежда. Черный Дед не мог сбегать просто так. Наверняка он где-то притаился и ждет момента...

...Чтобы напасть?

Только этого не хватало.

Коваль сидел, уставившись в одну точку. Говорить было не о чем. Внезапно он почувствовал себя статистом на огромной сценической площадке, маленьким бездарным правителем, от которого опять ничего не зависит. Он возомнил себя Бог знает кем, очертя голову ринулся в большую политику и в очередной раз получил щелчок по носу. Этот бредовый мир не желал жить по его правилам...

Чингисы выкатили еще два пустых фургона с изорванным верхом и начали запрягать коней. Они работали молча, косясь на белую хламиду Хранителя. Карапуз скрипел зубами, Рубенс сплевывал кровь. Снег все так же тихо падал на дымящуюся прогалину. Ни одна птица не подавала голоса. Перед Качальщиками трепетала всякая тварь, не исключая людей.

«Школу для них открыл... — в сердцах сплюнул Коваль. — Интеграцию развел, ядрить твою налево! Какая, к черту, интеграция, когда приходят и творят что хотят?..»

Он никак не мог ответить на главный вопрос: в курсе ли другие братья, или Бердер не врет, что махнул в Подмоскovie по собственному почину? Если у учителя на старости лет поехала крыша, еще можно будет

как-нибудь договориться с остальными, смотаться к Хранительнице Книги, рассказать Анне про болота, про эскадру в южных морях...

Из глубины горы донесся слабый крик.

Все вздрогнули разом: и напряженно следивший за окрестностями Бердер, и Рубенс с забинтованной головой, и Митя Карапуз.

Хранитель силы в два прыжка преодолел расстояние до входа в тоннель и скрылся в темноте. Молодой Качальщик, обследовавший шоссе, уже спускался бегом по склону. Артур махнул рукой своим, чтобы оставались на месте, и поспешил следом.

Он бегом одолел лестничный пролет, выбежал на залитый кровью перрон, перескочил через тушу мертвого быка. Фигурка в белом скользила далеко впереди, лавируя среди трупов дикарей и обломков телег. Коваль сумел догнать обоих Качальщиков у самого конца станции, но из-за спины Бердера никак не мог разглядеть, что же происходит возле последнего вагона электрички.

Там что-то шевелилось в полумраке...

Между шпал, упираясь спиной в ржавое колесо электрички, полулежал второй подручный Бердера. Тот, кому учитель поручил обыскать станцию. В эту секунду Коваль заметил, насколько оба Клинка молоды: им не исполнилось и восемнадцати. Теперь президент знал почти наверняка, что Бердер не посоветовался с братьями, иначе пришел бы сюда со взрослыми мужчинами.

За ошибки старшего расплачивались юнцы.

В горле у парня зияла рваная дыра, хламида на груди была расположена на узкие лоскуты вместе с кожей. Левой рукой Клинок пытался заткнуть порванную трахею, правая же была оторвана по локоть, ноги мелко подергивались. Молоденький Качальщик изо всех сил держался, но глаза его уже затянула пленка.

Бердер смачно выругался. Он позволял себе материться крайне редко, а теперь словно с цепи сорвался.

Упираясь мордой в колени умирающего, в луже крови валялся огромный волк. Артур не сразу узнал в этом волосатом кошмаре Ираклия. Оборотень не успел воплотиться полностью, его ноги и нижняя часть спины оставались голыми, до сих пор покрытыми зеленой грязью, которой колдун обмазался в лесу. В широкой пасти волк держал откусенную руку Качальщика. Зажатый в оторванном кулаке нож проткнул Ираклию гортань и торчал из серого бугристого затылка.

Второй ученик немедленно прикрыл спину учителя, в руках его появились клинки. В другой раз Артур оборонялся бы вместе с ними. То есть еще вчера, еще час назад он не остался бы в стороне...

Но сейчас президент оказался по другую сторону баррикад. Они с Бердером почувствовали это одновременно. И отодвинулись друг от друга.

Коваль отступил на шаг, обшаривая пространство вокзала всеми органами чувств. Он слышал резкий запах и узнавал его...

Один из Сынов обернулся волком. А возможно, что оба. Только эти волки никогда не подчинятся воле Хранителя, и их совсем просто убить.

Коваль вспомнил страшную драку на Ладоге, когда они с Бердером рубились плечо к плечу. Тогда перевес был на стороне Хранителей. На их стороне были внезапность, бешеные тигры и пулеметы...

Теперь все складывалось иначе. Двое на двое. Никто из чингисов не придет на помощь.

— Кузнец... — Бердер говорил почти беззвучно. — Не сделай еще одну ошибку...

Артур зажмурился, расслабил мышцы. Если он обнажит клинки, их будет трое против двоих оборотней. Девушка-Озерница не в счет, во время атаки она сломала ногу и лежала сейчас наверху на носилках.

Второй волк отирался где-то рядом. Коваль слышал, как во мраке колотится его сердце. Это, несомненно, был высокий напарник Ираклия, а присутствия Черного Деда не ощущалось. В зале становилось все темнее, сквозь бойницы вливался зимний холод. Искалеченный лес не удерживал больше тепла. Наверху, над застывшим автобаном, свистела вьюга.

«Бердер мог бы уйти прямо сейчас! — промелькнуло в голове президента. — Мог бы плюнуть с лестницы и сжечь тут все к чертовой матери, но гордость не позволяет! Или не гордость, а просто боится оставлять за спиной такого врага...»

И вдруг Артур увидел Савву.

Старик ни в кого не превращался и не пытался спрятаться. Он вынырнул из-за перевернутой телеги и, хлюпая по грязным лужам, направлялся прямо к Хранителям. Савва не глядел под ноги, он шел прямо по спинам покойников, по разбитым в щепки фургонам, но ни разу не споткнулся. В каждой руке он нес по флакону вакцины с отбитым горлышком.

И двигался таким образом, что между ним и Качальщиками все время находился Артур.

Коваль услышал, как изменилось дыхание Хранителей. Он ожидал свиста летящего ножа, или воздушного потока, или даже огненного плевка, но ничего не происходило.

Дед остановился в десяти шагах, протянул вперед руки с бутылками и гортанно хихикнул.

— Вонючее насекомое!.. — с ненавистью прохрипел Бердер.

«Он боится! — почти радостно угадал Артур. — Слишком близко от заразы. Он боится кинуть нож...»

Хуже всего было то, что Коваль находился на линии огня. Стоило ему сдвинуться в сторону, как Савва моментально сместился и приблизился еще на шаг.

— Брось железки! — приказал Черный Дед. — Все железки и порошки! И пащенку своему прикажи, а то зубки скалит на меня...

— Ты смеешься, скотина? — язвительно усмехнулся Бердер. — Старый мешок с костями, не тебе со мной тягаться! Ты сдохнешь раньше, чем я!

Коваль первый уловил мимолетное движение на крыше вагона электрички. Бердер пригнулся, уходя от удара, но юный Качальщик действовал недостаточно быстро.

Озерник толкнулся всеми четырьмя конечностями, как огромная лягушка, и полетел вниз. Волчьи клыки сомкнулись на плече человека. Колдун целил в шею, но промахнулся, потому что Бердер успел кинуть удавку с грузилом и резко дернул на себя. В двухметровом оборотне было не меньше восьми пудов веса, он опрокинул за собой на пол обоих Хранителей.

Мимо уха Артура просвистели ножи. Бердер метнул их в падении, но Саввы на прежнем месте уже не было. Старик исчез, чтобы секунду спустя появиться совсем с другой стороны и гораздо ближе.

Оборотень возил молодого Клинка по полу, как тряпичную куклу. От боли парень потерял сознание. Его глаза закатились, кулечки с порошками выпали из рук. Бердер захлестнул на шее вервольфа удавку, но никак не мог попасть ему ножом в вену. Он наносил удар за ударом, но лезвие застревало в мощных мышцах.

Мышцы оборотня росли на глазах. В полете он походил скорее на человеческое существо, но теперь бока его начали разбухать, загрубевшая шея порвала кожаную веревку, коленные суставы вздулись шишками и вывернулись в обратную сторону. Он катался по земле, придавив Хранителя, но Бердер не отступал.

Коваль замер, словно манекен. В эту секунду он был совершенно уверен, что спасение заключается в полном нейтралитете. Стоит сейчас принять любую сторону, и кто-нибудь его неминуемо прикончит. Потому что здесь дрались не дворовые ребята, и даже не тренированные гвардейцы, а лучшие лесные бойцы...

По шерсти оборотня ручьями стекала кровь, он отпустил обмякшего юнца и обеими задними лапами вцепился в бока Бердера. Теперь они боролись лицом к лицу. Точнее — лицом к морде, потому что в напарнике Ираклия уже трудно было угадать человеческие черты.

Коваль опять упустил из поля зрения Савву. Оказалось, что Бердер успел дважды выпустить горячий смерч. Только чудо спасло президента от перелома всех костей. Один из потоков, создавая на невидимом

острие область сверхвысокого давления, врезался в самую гущу мертвых быков; мгновенно образовался коридор, четыре туши, весом по тонне каждая, взлетели, кружась, как лепестки, и врезались в стену.

Черный Дед успел переместиться.

Это было немыслимо, даже Артур не смог бы уклониться, но Дед вышел из этой переделки невредимым.

Катаясь по цементу в обнимку с волком, Хранитель выпустил второй смерч. И снова не попал. Артур мог поклясться, что Дед испарился за мгновение до того, как тугая струя разнесла в клочья два киоска и повалила столб с расписанием поездов. Затем воздушная волна скрикнула от стены, сорвала поручни с лестницы и раздавила несколько мертвых лесняков.

Хранитель силы израсходовал накопленные заряды. В его арсенале еще оставалось несколько секретных штучек, но живучий оборотень сковывал его движения.

Савва возник снова, на сей раз прямо за спиной Артура. Президент непроизвольно дернулся, но тут до него дошло, что на самом деле Дед находится совсем в другом месте. Савва наблюдал за схваткой, постоянно перемещаясь, оставляя после себя фантомы, дробя собственное изображение на десятки фрагментов.

Бердер угодил, наконец, кинжалом волку в глаз, но тот, в свою очередь, отрастил на лапах когти и полосовал ими грудь и бока Хранителя. Затем они еще раз перевернулись, и веревка на шее Озерника лопнула. Страшные челюсти клацнули в сантиметре от лица Бердера.

— Кузнец!..

Этот молящий голос вывел Артура из ступора. Парнишка-Качальщик очнулся и призывал его на помощь. Удивительно, как при такой потере крови он сумел подняться на колени. Левая рука висела на лоскутке кожи, плечо было полностью раздроблено, и, судя по замаху, парень собирался использовать последний козырь...

Еще секунда — и он бы плюнул на станцию огнем.

Коваль шевельнул кистью.

Позже он тысячу раз прокручивал в голове ход схватки, но так и не вспомнил, что произошло раньше — его собственный нож воткнулся в горло Качальщика или Савва заостренным посохом пригвоздил мальчишку к полу.

«Он бы умер все равно...»

Бердер каким-то образом оторвал от себя противника. Пошатываясь, поднялся на одно колено и снова рухнул на шпалы. Его одежда превратилась в бурые лохмотья, левая нога была сломана в двух местах, чуть ли не треть волос осталась в когтях волка. Оборотень тоже силился встать, из его глазницы торчала рукоять кинжала, неестественно

длинная спина дергалась в конвульсиях. Человек и полузверь рычали друг на друга, не имея больше сил драться.

— На... насекомое... — внятно произнес Бердер разбитым ртом, смеясь Коваль презрительным взглядом.

Спустя минуту Хранитель силы умер.

Словно в полусне Коваль наблюдал, как Черный Дед колдует над ранами своего ученика. Человек-волк дышал прерывисто, дергался всем телом, скрипел зубами, но постепенно его сердце застучало ровнее. Савва растирал травы, выливал в разинутую пасть волка содержимое маленьких бутылочек, затем извлек из заплочной сумы ворох больших серых листьев и принялся обкладывать туловище Сына...

— Что застыл, соколик? — не отрываясь от дела, мрачно осведомился он.— Шустри, торопи своих, чините колеса... Увезем заразы, скока сможем. За остальным другим разом возвратиться придется.

— Как же мы выйдем?

— Да уж выйдем! — сплюнул Дед.

Туловище оборотня теперь походило на морщинистый серый кокон. Листья укрывали его со всех сторон, залепив даже вытянутую морду. Непонятно было, что за странное существо лежит на полу.

— Врал он тебе, хе-хе! Как всегда врал! — снизошел до объяснений колдун.— Плевки два восхода удержат Зеленую. Ишо коней найдешь, так и сам, без меня, в подземку слазишь. Уж такой от них звон, от Плевков ихних, что ни одна зверюга выползти не посмеет,— понизив голос, почти уважительно прошептал дед.— Ты что, слезу пустил, дружище? Ну, поплачь, мне тоже есть о ком поплакать. Только не забудь, соколик, что за бумагу подписал...

— Не забуду... — выдавил Коваль.— Будут вам земли, озеро и полная автономия.

29

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ КАРАМАЗА

Теперь уже скрываться не было никакого смысла. До края чащобы неслись почти галопом, копыта лошадей звонко стучали по черной спавшейся корке. По обочинам пробитой Бердером дороги лес производил кошмарное впечатление. По всей высоте деревья словно подпалили из огнемёта, с черных веток падали обугленные тушки птиц, кустарники слиплись в сплошную белесую массу. От топота копыт эти стоячие трупы рассыпались, оставляя облака золы...

Никто не произнес ни слова, пока впереди не показались первые сугробы. Просека Качальщиков вывела отряд в Мытищи, намного западнее, совсем не туда, где ожидали возвращения оставленные в резерве бойцы. Пришлось отправить Карапуза с помощником в ближайший гарнизон, а самим жечь костры на границе леса, где холод был не так силен.

Артура неприятно удивило отсутствие дракона. Он втайне надеялся, что один из питомцев Прохора бродит где-то неподалеку и можно будет его на время взять, чтобы слетать за подмогой, но, кроме обледеневшей кучи дерьма, никаких следов крылатого змея не обнаружил. Значит, с Бердером был кто-то еще, высадил троих Качальщиков и смылся...

Савве предоставили один из трех уцелевших фургонов. Там он выживал девушку и Сына, к которому никак не хотел возвращаться нормальный человеческий облик. Дед соизволил объяснить, что в волчьей шкуре парень скорее выздоровеет, но чингисы наотрез отказались к нему прикасаться. Карапуз заявил президенту, что лучше наложит на себя руки, лучше останется один сторожить на станции вакцину, чем притронется к бесовскому отродью. Пришлось Артуру вытаскивать тяжеленное тело Сына самому и на пару со стариком размещать в телеге. Еще два фургона были заняты ящиками с жидкой смертью. По самым оптимистическим оценкам, удалось поднять не больше одной шестой всего груза.

Артур очень надеялся, что Митя до ночи успеет добраться к жилью. В Пушкино и Фрязино до сих пор квартировало по взводу солдат. Их содержание оплачивали рыболовецкие артели, уставшие от непрекращающихся набегов мелких лесных банд. Планомерно бороться с разбойниками было невозможно, пришлось бы их выкуривать из тайных заимок огнем, а против поджогов опять же возражали Хранители.

«Круг замыкается... и старый Рубенс оказался прав. Либо мы идем на поводу уральских братков, губим промышленность и никогда не вылезем из пещерного состояния, либо...»

Артур изо всех сил заставлял себя думать, но вязкая дремота опутывала мозг. Он вместе с бойцами рубил дрова, помогал делать перевязки, поил горячим чаем губернатора, которого постоянно рвало, но туловище совершало все эти действия автоматически. Он понимал, что это первый шок, реакция на совершившееся, ничего уже не вернуть, и даже непонятно, как жить теперь дальше...

Но жить как-то нужно. И до возвращения в Питер следовало составить грамотную программу действий...

Президента выдернуло из сна далекое урчание моторов.

— Никак майор паровики добыл! — подскочили у костра чингисы.

— Точно, ребята! Вот Митька молодец, с подмогой возвращается!

Коваль заставил себя подняться. Завтра будет завтра, а сегодня надо доводить дело до конца.

Из темноты Ярославского тракта надвигалась цепочка огней. Впереди ползли два снегоочистителя, за ними неторопливо пробирались длинномерные шаланды на паровой тяге. Десятки шустрых фигурок махали лопатами, помогая застревающей технике. В воздухе остро пахло рыбой. Видимо, Карапуз поднял на ноги все взрослое население артелей и реквизирует все сухопутные средства для перевозки улова.

Старшина артельщиков прыгнул с паровика и молодежато представлялся. Президент его смутно помнил, этот суровый дядька поставлял рыбу еще на московские ярмарки и держал под контролем десятки коптилен, разбросанных по Клязьме и Пироговскому водохранилищу.

Артельщик без претензий и лишних вопросов согласился предоставить власти людей и технику, но на одном стоял твердо: в Зеленую они не пойдут даже под страхом смертной казни...

— Там в деревне сорок штыков,— шепнул президенту обросший со-
сульками Митя.— Лейтенант пьяный, лыка не вяжет. Ну... я его малехо в прорубь макнул, вроде оклемался. Зараз прискочут!

Прибывший наконец местный гарнизон являл собою жалкое зрелище. Бойцы заросли неуставными бородами, кутались в бабьи фуфайки, носили разномастную обувь. Некоторые не умели толком держать оружие. Протрезвевший лейтенант трясся, как припадочный, стучал зубами и при виде президента чуть не наложил в штаны. В отличие от рыбаков, он готов был идти куда угодно и таскать вакцину голыми руками, лишь бы не полететь со своего теплого места на фронт.

Погрузку начали ночью, а к семи утра, когда свинцовое небо чуть окрасилось на восходе розовым цветом, три нагруженные шаланды уже покинули заколдованный лес. Рыбацкий Старшина умолял президента не забирать в качестве эскорта его недотепистых служак, потому что без них оставаться еще страшнее, но Коваль был неумолим. Везти подобный груз без охраны по заброшенным областям было крайне неразумно. Чтобы как-то успокоить артельщика, он отозвал его в сторону и пообещал, что по приходе в Ярославль немедленно произведет полную ротацию контингента. Распустившихся, погрязших в пьянке вояк оставит на перевоспитание тамошнему командиру гарнизона, а взамен пришлет полсотни чингисов с собаками.

— Ни одна сволочь не забалует! — подтвердил артельщику Карапуз.— Затравим псами, еще и доволен будешь!

Коваль в последний раз оглянулся на шумящие кроны гигантских сосен. Уродливая просека почти остыла и понемногу меняла цвет с антрацитового на белый. По свежему снегу разгуливали удивленные вороны. Шумно хлопая крыльями, с ветки на ветку перебрался тетеревиный. Из переплетения ветвей высунула мордочку осторожная куница, недовольно пошевелила носом, не решаясь перебежать свободное пространство.

«Максимум два восхода,— вспомнил Артур.— Живность уже возвращается, а завтра сквозь корку попрут ростки... Оставить вакцину у рыбаков, набрать людей и сделать еще одну ходку, пока не поздно?..»

Но в одиночку принимать такое решение казалось страшновато. Дед был слишком занят своими ранеными, Рубенс постанывал, накрывшись тулупом, и Коваль промаялся часа три, так и не решив, что же делать.

Без поддержки Озерников Зеленая могла захлопнуться и переварить их всех за пару минут.

Паровики тем временем втянулись в густой, но самый обыкновенный промерзший насквозь лес, а когда над скрипучим трактом забрезжило хмурое утро и потянуло жильем, президент уже понял, что возвращаться не придется.

По крайней мере не теперь.

Потому что на юго-западе, откуда они шли, в дрожащем морозном мареве покачивался серый дирижабль и на корпусе его светился огромный золотой полумесяц.

Артур сначала решил, что это глюк, благо за последние дни он насмотрелся всякого, почти не спал...

«Кто сказал, что невозможны зимние миражи?» — не очень уверенно спросил он сам себя, на шаривая бинокль.

— Мать честная! — всхлипнул Карапуз.

Никакой это был не мираж. С помощью мощной оптики Артур ясно разглядел длинную гондолу со светящимися точечками иллюминаторов и спаренные винты по сторонам от килевой фермы.

Артур лишь весьма приблизительно мог оценить расстояние, мешали блики и ветви деревьев, но, судя по всему, дирижабль болтался как раз над границей московской тайги. А вскоре неподалеку от него появились второй и третий, такие же блестящие, надутые красавцы.

— Шо за пакость такая, командир? — тряс президента за рукав Митя.

— Погоди, дай подумать...

Коваль спрыгнул с борта трактора на землю, быстро растер лицо снегом, для верности насыпал колючей крупы за пазуху. Немного полегчало; ноющая боль, всю ночь разрывавшая виски, стихла. Он прижал ко лбу ком снега и приказал себе сосредоточиться...

— Летучие шары... — негромко произнес проснувшийся Рубенс.— Видать, Кристиан не соврал. Он их еще лет десять назад над Россией угадал...

К питерскому губернатору окончательно вернулась связная речь, хотя вся левая половина лица заплывала лиловым синяком, а повязка на голове кровила. Коваль видел, что за Михаила можно пока не беспокоиться. Волноваться следовало за местных вояк, которые не то что воздушный шар или дракона, существа крупнее глухаря в небе не видели.

В отряде начиналась легкая паника. Солдатики уже не следили за дорогой и окрестностями; вытянув шеи, все напряженно вглядывались в несущиеся тучи, ожидая чего-то страшного. Коваль чувствовал, что еще немного, и они, побросав оружие, разбегутся по кустам.

Он оглядел окрестности. Пока что автоколонну скрывали нависшие над трактом заиндевевшие кроны, но впереди дорога делала крюк, поднимаясь на холм. Там спрятаться будет негде... Коваль послал одного из чингисов на головной трактор и скомандовал общую остановку.

«Так... Два паровика на дровяном топливе, комбайн, трактор, три шаланды, три гужевые повозки... А еще у нас больше двадцати коней на веревке... Хрен куда спрячешься!»

Двигатели паровиков заглушить было невозможно, но как только караван остановился, стало заметно тише. И словно в благодарность за тишину тучи на востоке разошлись, выпустив на волю скукоженный лик Солнца.

— Давай-ка, майор, без шума и крика всех мобилизуй! Вон там, справа. Вроде прогал? Кидайте доски через канаву, сворачиваем в лес. И скажи, чтобы сразу глушили двигатели!

— Думаешь, по нашу душу прилетели окаянные?

— А что им еще тут делать?

Карапуз подтянул пояс и с бранью накинулся на оробевших солдат. Коваль тем временем выбрался из фургона, кряхтя, полез на ближайшую осину.

Не прошло пяти минут, как ближайшее судно можно стало рассматривать невооруженным глазом. Всего азростатов было четыре, плыли они подозрительно ровно и слаженно, точно управлялись из единого центра по радио. У Артура не оставалось сомнений, что небесная эскадра преследует именно их, и никого другого. По всему выходило, что скрываться, увязая в снегу, нет никакого смысла, кто-то заранее предупредил непрошенных гостей о передвижении каравана.

«Похоже, вся планета в курсе моих секретных планов! — выругался Коваль. — Для облегчения их работы осталось только заранее всех в письменном виде оповещать!..»

У него даже мелькнула мысль о внезапном нападении американцев, ведь оракулы предупреждали о возможных столкновениях в будущем. Но слабо верилось, что потомки англосаксов станут украшать свои военные машины полумесяцем...

Он уже различал бортовое вооружение. Под лонжеронами крепились скорострельные пушки, в носовой части перед гондолой висел в люлке пулеметчик. Еще один стрелок располагался на самом верху, с земли его было трудно разглядеть. Поскольку ни одна известная Коваль держава не располагала боевым воздушным флотом, следовало

предположить, что верхнее орудие предназначалось для борьбы с драконами...

Это открытие совсем не радовало.

Транспортные средства успели убрать с дороги, но маскировка все равно получилась никудышная. Но по крайней мере сверху теперь не могли прицельно метнуть бомбу.

— Два пулемета у нас, командир! — бурчал снизу Карапуз. — Вдарим разом, как поближе подберется, шарик и лопнет!

— Ни в коем случае! — Артур лихорадочно накручивал диоптрийную шкалу. Двадцатикратные линзы плохо поддавались фокусировке, одна из петель соскочила, и приходилось использовать монокли, как подзорную трубу. — И передай приказ, чтобы никто не вздумал даже из арбалета «вдарить»! Если то, что я вижу, это действительно ракеты, от нас в три секунды останется одна большая яма!

«Да что же это за наказание такое! — тоскливо размышлял он, обозревая тоненькие палочки, подвешенные под килем дирижабля. — Ага, так и есть! Хвостовое оперение, небось «воздух—земля», ракеты сняли с самолетов, сволочи! И что за неделя проклятая! Ну не успели мы ПВО создать, не додумались...»

Воздушные суда плыли с приличной скоростью, километров под семьдесят в час, и неминуемо догнали бы любой сухопутный объект. Они уже приблизились настолько, что стали различимы швы на корпусах и тарахтение моторов. Вне всякого сомнения, пилоты заметили скопление машин в рощице, четверка серых «дынь» начала синхронный разворот, зависла в воздухе, но снижаться не торопилась. Вниз пошел только один, пятидесятиметровый красавец-флагман. Коваль поймал себя на том, что в мире, где древние агрегаты рассыпаются на части, успехи даже вражеской техники наблюдать приятно. С тайным восторгом он следил, как сверкнули на солнце обтекатели винтов, когда маршевые двигатели сменили вектор тяги. Затем за крестообразным хвостом заработал рулевой винт, и аэростат, слегка порыскав носом, утвердился строго над дорогой.

Внизу, под деревом, кто-то громко икал, кто-то безостановочно молился. Большинство солдат со страху залезли под днища машин, вокруг президента оставались только чингисы. Они тоже робели, но пока крепались.

Аэростат спускался, его огромная тень легла на сугробы. На сорокаметровой высоте, очевидно, гулял шквалистый ветер, летчики с трудом удерживали неповоротливую махину в нужной точке. В гондоле приоткрылась дверца, оттуда выставили белый флаг. Разматываясь, на дорогу полетел привязной фал с грузом на конце.

— Убрать оружие! — приказал Артур. — Вообще всем уткнуться пушки в землю! Не дай Бог кто-то пальнет!

Хотя у него самого руки так и чесались нажать на курок. Он еще толком не ведал, с кем имеет дело, но с такого расстояния пулемет чингиса уничтожил бы хрупкое водородное чудовище в два счета...

До брюха воздушного судна оставалось не более пятнадцати метров. По фалу соскользнули юркие фигуры, за ними выпали комок такелажных веревок и связка карабинов. Прозвучали команды на турецком и русском языках. Вместо причальной мачты «матросы» использовали ствол одинокой березы, затем при помощи лебедки притянули баллон к земле.

Внизу он казался настоящим исполином. Артур невольно поежился, так близко разглядев бородатую рожу пулеметчика. По сторонам от его кабинки на спаренных пилонах висели шесть ракет «воздух—море» с аббревиатурами американского военного ведомства. Ракеты болтались, прихваченные цепями. Коваль представил себе, что произойдет, если хотя бы одна из них от толчка сорвется вниз. Скорее всего, ими и пользовались, как обычными авиационными бомбами...

— Великий имам хочет говорить с «русским эмиром»!

Гнусавый голос усиливался мегафоном.

— Не ходи, командир! — уцепил Артура за лодыжку Митя.

Но Коваль уже спускался с дерева.

— Я тоже считаю, что не стоит ходить! — подал реплику побледневший Рубенс.

— Я знаю, что ты здесь, Кузнец! — раскатисто доносилось из гондолы. — Выходи, поговорим, или в штаны наложил? Белой тряпки испугался?

По веревочной лесенке неторопливо спускался пожилой мужчина в черном полубубке. Этот голос и эту пятнистую лысину Артур не мог не узнать.

В окружении янычаров на обочине посмеивался Карамаз-паша.

30

ТОРГ ЗА ПОЛУШКУ

— Ну что, напугал я тебя, Кузнец?

— Ты не нашел другого способа напомнить о себе? Обязательно было убивать мирных людей?

Старые враги, не стесняясь, жадно разглядывали друг друга.

— Не бывает мирных людей, Кузнец. Все мужчины становятся воинами, а женщины вынашивают новых воинов. Ты это знаешь лучше ме-

ня. Я могу тебе позавидовать, столько дикарей ты поставил под ружье! И не смотри на меня волком...

— Ты послал убийц, а теперь ждешь от меня радости?

— Я даже не сомневался, что ты ускользнешь, демон! Хотел тебя немножко напугать. Я знаю, ты уверен, что твоего сына убили по моему приказу. Это не так, но ты все равно не поверишь... Я лишь хотел показать тебе, насколько твой дворец уязвим и чего стоит хваленая гвардия! А еще я знаю, что в Петербурге сейчас нет летучих змей.

— У тебя длинные уши, Карин.

— Да, иначе я бы не прилетел. Тебе ведь очень хочется меня прикончить, так? Но ты этого не сделаешь, иначе мы выпустим в город еще десяток Пустотелых, и погибнет гораздо больше народу. Пока ты будешь бояться взрывов, я в безопасности! Попробуешь меня тронуть — конец отродью твоих любимых Качальщиков.

Карин довольно рассмеялся.

Артур почувствовал, как земля уходит из-под ног.

«Этот мерзавец направил убийц в интернат... Пускай думает, что мы не знаем, как от них избавляться! Лишь бы он не догадался, что Черный Дед дал нам средство...»

Он представил, что случилось бы, если одна из Пустотелых взорвалась бы в детской спальне. Что после этого сделали бы с президентом Хранители, доверившие ему своих чад, это второй вопрос.

— Если что-то случится с детьми, ты не долетишь...

— Неужто мы будем запугивать друг друга? — ощерился Карин.— Я могу скинуть на тебя бомбы, но не хочу. Я хочу, чтобы твой груз остался в целости... Но если я не доберусь живым до города Двух Башен, мои шпионы выпустят еще десяток Пустотелых. Ты будешь трястись, но ничего не сможешь поделать!

— Кому ты платишь, Карин? Азерам, татарам, таджикам?

— Какая тебе разница? Для доброго дела всегда найдутся исполнители.

— А где гарантии, что ты не прикажешь Пустотелым взорваться позже?

— А какие у меня гарантии, что завтра твои солдаты не нападут на Стамбул? Ты собрал большую армию и надеешься на помощь чужеземцев. Не скрою, у меня пока нет столько солдат, но...

— Это пока! Ты ведь надеешься на помощь эмира?

— Вот как? — на секунду растерялся Карамаз.— У тебя тоже длинные уши, президент...

— Стараюсь.

— Ты постарел, Кузнец...

— Ты тоже не молодеешь, соборник.

— Не называй меня так! — У Карина дернулась щека. Впрочем, он тут же взял себя в руки. — Пожалуйста, не называй. По крайней мере при них! — Он качнул головой в сторону, где застыли янычары.

— Ты боишься собственных солдат?

— Я осторожен и потому до сих пор жив, — Карин хихикнул. — Говорят, что ты тоже не делаешь шагу без сотни штыков.

— Как же к тебе обращаться?

Бывший соборник пожевал губами.

— Зови меня имам.

— Что?! Ну, ты обнаглел! — вырвалось у Артура. — Ты претендуешь на роль их духовного лидера? Или откопал в дальней родне потомков пророка?

— А ты? — быстро спросил Карин. — Ты придумал слово «президент», а слышал, как зовут тебя люди? «Русский эмир»!

— Я не занимаюсь религией, а ты калечишь психику детей.

— Ты не меняешься, Кузнец. Опять говоришь непонятно.

— Как тебе новая вера, не жмет? Говорят, когда-то ты неплохо пел в московском соборе.

— Не тебе меня укорять. Ты сам меня убеждал, что Бога нет.

— Ты же русский, Карин!

— При чем тут язык? — взвился бывший соборник. — Ты меня еще матерью попрекни! Ладно, Кузнец... Раз уж тебе так нейдет, я расскажу. Ты наверняка считаешь, что меня заманили золотом? Это неправда. И в отличие от тебя, я не использовал посланцев шайтана, чтобы покорить страну.

— Ты говоришь о лысых псах?

— Обо всех тех исчадиях ада, которыми снабдили тебя проклятые лесовики. А что оставалось мне после того, как ты начал на меня охоту? После того, что я сделал для Петербурга, меня начали травить, как бешеного зверя! Я помог этому старому дураку, бывшему губернатору, я укрепил город, высадил тысячи деревьев, я очистил реку от падали, я изгнал вонючих дикарей! И что за это?.. Со мной остались три сотни верных людей и вера, больше ничего!

— Какая вера, имам?

— Не кощунствуй... — погрозил пальцем Карин. — Я долго думал и советовался с Озерниками. Кстати, они тоже не делали тебе ничего плохого, но ты их истребил... Но пусть это будет на твоей совести, Кузнец! Так вот, я понял, что в России мне делать нечего. Я ехал через деревни, где люди спят в обнимку со свиньями. Я видел стариков, которых дети выгоняли на улицу, потому что нечего жрать молодым. И никто из молодых не вспоминал, что эти старики произвели их на свет! Я видел церкви, в которых из стен выламывали доски на обогрев, а под иконо-

стасом справляли большую нужду. И никому не было дела ни до Бога, ни до молитвы. Я проезжал через деревни, где не встретил ни одного трезвого человека. Все хлестали брагу, а недоенные коровы выли, как волки... Ты думаешь, Кузнец, я не хотел остаться?!

На жилистой шее имама дергался кадык, седая борода полумесяцем оттеняла желтизну его впалых щек. Только глаза горели безудержным огнем.

— Я очень хотел остаться, Кузнец, только я понимал, что ты рано или поздно доберешься до меня в любом поселке по эту сторону Урала. Так предрек Белый ладожский Дед, а он никогда не ошибался. Я мог бы забраться в глухомань, основать новую коммуну и проповедовать остаток дней... Но я! — Карин ударил себя в грудь. — Я двадцать лет служил в Москве вашему погибшему на кресте идолу! И я лучше тебя знаю, где заканчивается вера этих людишек! — Карин ткнул пальцем в окно. — Их вера заканчивается там, где начинается бутылка! Их веры хватает лишь до порога церкви, а дальше они ищут, как бы стащить добро у соседа. Они готовы закопать любого, кто живет лучше них, и ни во что не ставят собственные обещания...

— Люди везде одинаковы, имам.

— Эти люди, которых ты так защищаешь, поносят не только других, но и себя. Они падают в дерьмо и смеются! Очнись, Кузнец! Я видел десятки разных народов, но не встречал такого, чтобы люди сами смешили себя с грязью и посылали себя матерно. Они гордятся тем, что живут как свиньи. Плачут, но кричат об этом с гордостью.

— Они изменятся, Карин...

— Люди меняются, когда начинают бояться. Когда они знают, что каждый грех будет зачтен на небесах, что на плечах у них сидят ангелы, они иначе воспитывают детей.

— Так мы никуда не придем, — вздохнул Коваль. — Ты хотел встречи. Если мы обсуждаем условия мира, я готов продолжать. Если нет, то я пошел. Мне не доставляет удовольствия с тобой общаться.

— Жалеешь, что не убил меня десять лет назад? — снова хихикнул старик. — Я вот тоже раньше переживал, что не прикончил тебя в Москве. А потом подумал, что должен быть тебе благодарен. Да, да! Твои друзья-колдуны вылечили мне печень, исправили зрение, и даже суставы не мучают меня так, как раньше. Все эти годы было интересно наблюдать, как ты взрослеешь. Хочешь честно, Кузнец? Мне очень жаль, что мы не смогли договориться. Если бы ты не начал на меня охоту в Петербурге, то стал бы президентом намного раньше, и эта глупая война не началась бы.

— Что ты предлагаешь?

— Нет, Кузнец, это ты мне будешь предлагать, а я подумаю, соглашаться или нет. Я тебе кое-что расскажу, а ты сам решишь, как поступить.

Только на сей раз тебе не удастся посоветоваться с любимыми Качальщиками... — Карин засмеялся, брызгая слюной. — Решать придется одному! Так вот, твои немецкие друзья тебя предали. Ты слишком хорошо думаешь о людях. Ты думал, они доберутся до Рима и направятся в Грецию, чтобы нас окружить? Вместо этого немцы договорились с Англией...

— Ты блефуешь!

— Не понимаю слова... Ты хочешь оскорбить меня? Это просто глупо.

— Я говорю, что никакой английской армии не существует.

— Ай-яй-яй, доверчивый демон! Это тебе внушили бургомистры, а ты не удосужился проверить! Знаешь, почему так долго нет вестей от твоего норвежского адмирала? Молчишь? Да, я осведомлен гораздо лучше, чем ты думал. Ты думал, что Карин — просто выживший из ума старик, которому нравится убивать детей? Нет, любезный президент, все гораздо серьезнее. Их смехотворного флота больше не существует. О, не переживай так сильно! Я уверен, что все остались живы... Ну, или почти все. Просто жалкие посудины, на которых плыли твои союзники, потоплены. Мы расстреляли их из пушек, когда они пытались подойти к древней эскадре. Зато у берегов Испании появился английский флот. У них в строю шестнадцать боевых кораблей, а может, и больше. Точно мне неизвестно... Не рыбацкие баркасы и не дырявые линкоры, что болтаются в Адриатике, а малые быстроходные паровики! И тысячи пехотинцев на борту! Только они не придут тебе на помощь, у них совсем другие планы...

— Какие же? Выступить заодно с тобой?

— Это невозможно, ты сам прекрасно понимаешь! Никогда люди пророка не будут заодно с неверными. Но и англичане никогда не будут заодно с тобой. Как тебе вдолбить, Кузнец, что русские всегда останутся для них дикарями? Для всех этих немцев, шведов и англичан ты всегда будешь надоедливый враждебный голодранец. Они смотрят на тебя так же, как ты — на грязных шептунов. Они говорят, что хотят честной торговли и честных обменов, а сами объединяются, чтобы не пустить русских за песчаную стену. Только англичане тоже не доплывут до Босфора... — Карин хихикнул. — В отличие от твоего норвежца, они ползут вдоль берега, боятся выходить в море, боятся напороться на льдину. Они думают, что их спасет толстая сталь кораблей, но никакой металл не укроет от Желтых туманов... У них кончится вода, и придется пристать к берегу в Испании. Это конец, в полосе туманов море кишит прыгучими рыбами, а вода медленно убивает. Если даже кому-то удастся выбраться, мои шпионы позаботятся, чтобы ни один не вернулся домой...

— А как же твои люди ходят по морю, если там так опасно?

— У меня есть вакцина, но ее мало. Ее едва хватает, чтобы расчислить путь кораблю! Ты даже не представляешь, Кузнец, какие богатства

откроются тому, кто победит Ползущие горы, кто остановит буйство земли!

— Ползущие горы остановить непросто. Но тебе ведь плевать на горы, ты ищешь другой выгоды...

— Да уж, Кузнец, тебе ли об этом не знать?! Ведь это ты на каждом шагу распускаешь слухи, что Карамаз-паша готов зарезать всех детей в Европе! Ведь это ты сочинил байку, что мы собираемся отравить на Украине реки и колодцы...

— Ты тоже сочиняешь про меня немало гадостей!

— Выходит, президент, что мы квиты? Ты ведь знаешь, зачем мне на самом деле нужна Большая смерть. Но так удобно пугать забитую деревенщину ужасным Карамазом, который хочет всех отравить... Верно я говорю? Ха-ха! Ты ведь тоже понял, что только Третья вакцина может остановить Ползущие горы. Под слоем песка, под лесом — сотни древних заводов и машин...

— Ты врешь, соборник. Я уверен, что дело не только в Европе. Наверняка у тебя в Турции поджигают свои пожарища?

— А я и не скрываю, — отмахнулся Карин. — Но у тебя совсем другие беды, верно? Тебя напугали Желтые болота на Урале, о которых я знал, когда ты еще лежал в своем хрустальном гробу! И Озерники прекрасно знали о том, что нечисть можно остановить только вакциной. Потому что нет другого снадобья, что так надежно убивает все неправильное живое... Ха-ха! Но ты ведь не слушал Озерников, ты слушал подлых лесовиков. Они только и делали, что били все подряд ампулы, которые находили. Видите ли, им так завещали прадеды! А ты знаешь о том, что земля ползет и над донецкими угольными шахтами, и над каспийской нефтью? Скоро там будет похлеще, чем за Оренбургом! То же самое, кстати, началось и в Москве. Но тут твои дружки успели вовремя. Хотя еще неизвестно, что будет дальше, помани мое слово... Слушай меня, Кузнец! Вакцину можно разводить: одна часть к шестидесяти частям воды — этого количества достаточно, чтобы успокоить любую Слабую метку. Ты имеешь на нее не больше прав, чем я. Поделится, Кузнец, и всем будет хорошо. Отдай половину...

— Поищи где-нибудь в другом месте!

— Ну-ну! Я тебе расскажу одну забавную историю. Не забывай, что я вырос в столице. Качальщики разнохали, что в Москве есть прозрачные ампулы, и послали человека к президенту Ивану. Иван, конечно, был идиотом, но тут ему хватило ума посоветоваться со мной. Зачем лесовикам опасное лекарство, за которое они были готовы отдать тысячу пленных шептунов?! Тогда собрался Малый Круг, и мы постановили ничего не отдавать. Всего шесть человек знало, где находятся медицинские припасы. Да, именно здесь, на конечной станции подземки...

— Почему же вы не уступили Хранителям хотя бы часть?

— Чтобы помочь им дурачить народ колдовством? Или чтобы все догадались, что вакцина уже безвредна? Еще тогда уральские старцы пригрозили Ивану, что сравняют Москву с землей. Оказывается, сумасшедшая баба, которая ведет их дурацкую Книгу, предрекла гибель всему клану от Большой смерти... Качальщики смекнули, что Третья вакцина не опасна для людей, зато может убивать любую дрянь. А это твоим друзьям было совсем невыгодно...

— Ты лжешь, имам! Первые Хранители погибали, сдерживая бешенство земли!

— Конечно, погибали. Те, кто был поглупее. А другие внушали наивным горожанам, чтобы те поджигали аптеки. И никто не слушал мудрых Озерников... Но теперь это неважно. Во всей Европе не сыскать прозрачного лекарства. Все мутное... Мои люди в каждом городе первым делом отправляются на поиски аптек, а мои джинны пытаются создать новую вакцину, но пока не получается. Нужны сложные аппараты, которых у нас нет... Кстати, какие они для тебя джинны? Хо-хо! Тебе поклон от Дробиченков. До сих пор не забыли, как ты их разбудил в Москве...

— Попадутся они мне в руки...

— Какой ты злопамятный, Кузнец! А ведь тебе не на что обижаться. Они имели право выбрать свою дорогу, и они ее выбрали.

— Они делают для тебя бомбы и наркотики!

— Что такое наркотики? Ты имеешь в виду веселящую водичку, которая помогает солдатам пережить дальние походы? А сколько народу ты загубил, Кузнец, на строительстве дорог, на оросительных траншеях? Ты меня ничем не лучше, не забывай об этом!

— Я не предавал свою страну!

— Чушь какая! Нет никакой страны, демон! Есть пьяные банды, которые разбегутся в разные стороны и растащат добро, как только тебя не станет. Ты собрал для них Думу, и эта же Дума тебя закопает. Помяни мои слова! Я двенадцать лет служил президенту Ивану и выучил главное правило: этим разбойничьим рожам нужна плетка! А немцы? Нашел, с кем побрататься! Хо-хо! Нужен ты немцам в Европе! Они торопятся добраться до Рима и говорят красивые слова о Божьем престоле! На самом деле, они торопятся, пока мои войска не заняли все южные порты. И уж тем более никто из твоих западных союзников не пригласит тебя делить добычу в Азии...

— О чем ты толкуешь? Мне нужно лишь, чтобы ты убрался из Болгарии и южной Украины...

— Кому ты врешь, Кузнец? Разве ты не понял, что у меня повсюду есть глаза и уши? Ты встречался с бургомистрами, и они спросили тебя, может ли Петербург продавать им нефть? Им нужно гораздо больше нефти, чем

вам. Русские крестьяне в деревнях запрягают в повозки коров и освещают дома лучиной, а норвеги и датчане уже давно расставили на улицах фонари и опять ездят на бензиновых автомобилях. Им нужно намного больше нефти, Кузнец, но норвеги не способны восстановить свои морские промыслы. Нет инженеров, некому научить... Зато им известно из древних книг и газет, что на востоке лежат земли, где нефть брызжет из-под ног. Разве не так, Кузнец? Разве не об этом говорил ты с немцами?!

— А ты решил, что нефть арабов принадлежит только тебе?

Карин склонил голову набок и прищурился, точно смотрел в прорезь прицела.

— Демон, давай я тебе кое-что объясню. Ты не представляешь, против какой силы идешь. Еще полгода назад я встречался с шейхом Насруллой, да продлит Аллах его дни, и с эмиром Саидом из Аравии. Тебя ждет горькая новость, президент. На юго-востоке от Турции люди живут совсем не так, как в России или во Франции. Там есть электричество, есть бензин, и даже работает радио. Ты ведь знаешь, что такое «радио», Кузнец? Да, открой глаза пошире и убедись, что люди истинной веры не погибли в костре Большой смерти. Конечно, горе затронуло всех. Шейх Насрулла рассказал мне, что сто сорок лет назад население его страны уменьшилось втрое. Фабрики остановились, машины замерли на дорогах, но люди собирались вокруг мечетей и молились круглые сутки. Тогда нашлись мудрые правители, запретившие принимать всякую помощь от неверных из-за океана. Встретились правители Аравии, Эмиратов и маленькой страны Кувейт — и вместе договорились, что не позволят своим людям подставлять локти под жала ядовитых скорпионов. Жил в те годы знаменитый на весь восток пророк Абдалла. Он обратился к людям и сказал примерно так: «Аллах велик. Не в наших силах помешать ему вершить суд. Пришли дни, когда каждому уготовано испытание. Кто жил праведно, как учит Коран, тот останется жив. Кто ходил к дурным девкам и позволял своим женам творить непотребство, тот подохнет, как собака. Мы изгоним из наших городов всех иноземцев и сожжем все, что они нам привезли. Это дьявол искушал слабых красивым обманом. Кто живет праведно, тому нечего бояться...»

— Все это очень увлекательно, имам. Ты прилетел, чтобы обратить меня в мусульманство?

Самообладание покинуло Карина. Он скрипнул зубами, рука метнулась к поясу, где висел кинжал, но спустя секунду имам взял себя в руки.

— Неужели ты не видишь, демон, что старая вера изжила себя? Когда-то, не спорю, она была хороша. Я проповедовал в Москве, я плакал, когда читал, как за веру в крест святые люди шли на костер. Но она одряхла, твоя глупая вера, она пришла в негодность. Да, пророк Иса во многом был прав и погиб на костре с добрыми и честными словами на

устах! Люди Полумесяца чтят его как одного из великих пророков. Но Иса слишком многого ожидал от своей паствы. Он ожидал от них смирения, доброты и всепрощения, а вместо этого... Что ты видишь каждый день, Кузнец?! Зависть, жадность, злобу и воровство! Вот чем закончились все старания погибшего Бога... А ты, президент, раньше, помнится, поносил соборников и веру, а теперь ходишь с ними под ручку! С чего бы это?!

Артур молча слушал.

— Я скажу тебе, демон, скажу... Ты понял, что без веры тебе не обойтись. Когда-то я говорил тебе, что голытьбу легче держать в кулаке с помощью собора, а ты меня не слушал. Ты смеялся надо мной, смеялся, что я ношу на шее сразу крест, полумесяц и иудейскую звезду. Да, я не стесняюсь этого. Прежде чем я сделал окончательный выбор, я долго думал. Я служил Ивану, служил Москве, смотрел на прихожан и думал, отчего мне так тяжело. А потом, когда твои дружки стерли столицу, меня осенило! Да, да, это ты помог мне, демон! Людям нужна другая вера, сильная, чистая, не допускающая ваших дурацких сомнений! Если бы людишки до Большой смерти поняли это, возможно, никакой катастрофы не случилось бы...

— Зачем ты прилетел, Карин? — устало перебил Артур. — Ты изменился, но я не сумею. Вакцину ты не получишь.

— Я прилетел, чтобы остановить войну. Эту войну начал ты, президент.

— Ты старше меня, Карин, но плохо знаешь историю. Если таких, как ты, не придушить вовремя, очень скоро вы начнете угрожать всему миру. И не рассказывай мне сказки про Объединенный халифат. Те, кто исповедует истинную мусульманскую веру, не пойдут за тобой жечь школы и резать иноверцев.

— Ты пытаешься меня разозлить, Кузнец, но ничего не выйдет. Знаешь, в чем твоя главная ошибка? Ты считаешь, что вся проблема в старом Карамаз-паше. Убить пашу — и все устроится наилучшем образом. Англичане получают Аравию, начнут качать оттуда нефть. Немцы очистят для себя южную Европу, всяким там полякам и шведам вообще ничего не достанется, а русских вполне устроят Черное море, проливы и Украина с Болгарией в придачу... Но дело не в старом имаме, демон. Все мы смертны, но если умрешь ты, страна опять развалится на сотни коммун. Только теперь не будет Пакта Вольных поселений, потому что многим понравилось делать свои государства. В первую очередь, отделится хан, затем башкиры и все кавказники. Потом начнут бунтовать богатые южные города, которые ты сейчас запугал броневиками и драконами. Прольется столько крови, Кузнец... А если умрет старый Карамаз, его портрет вышьют золотом на знаменах, а то и причислят к пророкам. Город Двух Башен станет еще сильнее, потому что скорбеть о моей кончине приедут все

эмиры и шейхи. А если я погибну в бою или от руки наемника, миллионы солдат поклянутся отомстить за меня. Ты не веришь мне? Полетим вместе со мной. Я покажу тебе чудо. Я покажу тебе, как Аллах вознаградил верных ему. В Аравии живут люди, миллионы людей. Они отсекали когда-то своих больных, как отсекает врач гниющую плоть от здоровой, и они выжили. Да, они давно сожгли богопротивные книги и убивают всякого иноверца, перешедшего границу. Эмир говорил мне, что раньше не могло быть и речи, чтобы кто-то из его подданных покинул эмират, но теперь многое изменилось. Они знают о мире, знают, что в мире остались и друзья, и враги... Ты получишь вечную войну, президент!

Карин остановился, тяжело дыша.

— У меня тоже есть уши и глаза, — недобро усмехнулся президент. — Ты снова врешь, себе и мне. Ни Аравия, ни Эмираты не пойдут за тобой, они слишком сытно живут. Не захотят они ввязываться в войну. Я знаю, на кого ты сделал ставку. На узбекскую и афганскую нищету, на киргизских беков... Нищих легко обмануть, Карин. Ты хочешь собрать войско из темных пастухов.

Несколько секунд бывший соборник не двигался, напряженно глядя в одну точку. Затем тяжело поднялся. Янычары и гвардейцы одновременно вскинули оружие.

— Мы квиты, демон. Я мог скинуть на тебя торпеды...

— Я обещал, что отпущу тебя. Уходи.

— Ты будешь горько сожалеть, Кузнец.

— Я уже сожалею, соборник. Назови, на кого ты опираешься в Питере. Узбеки, кавказники? Или арабы? У нас ведь есть и арабы...

— Какая тебе разница? — издевательски улыбнулся Карин. — Повесишь одного — придут другие.

— Разница большая, но не для меня! — жестко усмехнулся президент. — Я никого не повешу, но, благодаря тебе, теперь пострадают все.

31

ЯНВАРСКИЕ ЧИСТКИ

Район Озерки уже лет десять считался местом обитания самой привилегированной части горожан. И чего греха таить, всем было известно, что, помимо начальства и иноземных фабрикантов, здесь в довольстве и уюте проводили дни крупные мафиози. Земля под застройку в Озерках распределялась Малым Кругом, но существовали тысячи уловок, благодаря которым еще в бытность Кузнецца губернатором возвели здесь хоро-

мы и люди темные. Слава обитателей некоторых трехэтажных, крытых железом особняков давно перешагнула границы Петербурга. И пусть их имена произносили шепотом, пусть порой плевали вслед дымящим автомобилям, но не уважать подобную пронируемость было нельзя.

Дело даже не в том, что так уж трудно натаскать с окраин бесхозных камней и соорудить собственный замок. Строй хоть на восемь этажей, в округе полным-полно развалин, да вот только Кузнец, будь он неладен, такие налоги назначил... И на дрова, и на метраж, и на размер участка! Получалось, что за высокими двойными заборами, за розовыми кустами, где бродили ручные олени и звенели цепями коты, жирели настоящие короли...

Еще не было пяти утра, когда зажегся свет в домике на главной аллее, и оттуда, позевывая, выбрались с лопатами трое сторожей. До выезда господ, утомившихся после бурных праздников, следовало расчистить дорожки, убрать гирлянды и груды мусора на спуске к озеру. Снег ложился тяжелыми хлопьями, тянуло с богатых подворий запахами сладкой сдобы, бражки и банных веников. Дотлевали угли в кострах на берегу, где в течение недели шла непрерывная гульба, дикие псы раскапывали в золе бараньи косточки, и струились в январское небо уютные дымки из десятков кирпичных труб.

В Озерках в такую рань всегда было тихо и покойно.

Поэтому дворники очень удивились, когда затарахтели моторы, и, увязая широкими колесами в снегу, с горы скатились сразу три грузовых автомобиля. Вместо стекол в кабинах стояли железные забрала, борта и колеса прикрывала броня, а длинные фургоны вместо окон имели пулеметные гнезда. Дизельные грузовики давно не были в городе экзотикой, но «зылы» с меткой Тайного трибунала никогда не сворачивали в район фешенебельных особняков. Всем было известно, что Тайный трибунал подчиняется исключительно президенту, и всем было известно, с каким тщанием Кузнец отбирает офицеров. Немало знатных семейств пыталось пристроить туда своих сынков, но проще было получить назначение в гвардию, чем проникнуть в закрытый корпус.

И уж совсем муторно стало на душе у исполнительных служаек, когда с подножки первого «зыла» спрыгнул сам Фердинанд Борк. Маленький, почти квадратный в пушистом овчинном полушубке, с серебряным полковничьим шевроном на плече. Клерков давно будоражили слухи, что президент назначил немецкого коротышку начальником самой страшной организации, и вдвойне обидно было завистникам, что человек, который на русском-то говорил с грехом пополам, впал в такую милость. До младшего Борка президент за три года сменил четырех начальников, а этот удержался как-то и подчиненных, сказывали, гонял до седьмого пота. Даром что маленький, а словно железный!

Фердинанд подошел к сторожке, поскрипывая портупеей, и потребовал ключи от всех трех въездных ворот. Он расстегнул полушубок и предъявил старшему жетон трибунала, хотя дворники и без жетона были готовы отдать этому красноглазому коротышке все что угодно. Вблизи, особенно ночью, пивовар производил жуткое впечатление: словно присыпанные мукой абсолютно белые щеки, бритый череп в прожилках сосудов и темные очки в любое время года. Богобоязненные старухи, встречая экипаж Борка на улицах, крестились и уверяли, что без очков глаза его полны кипящей смолы, как у летунов или кикимор, и один взгляд его способен умертвить ребенка в чреве матери...

Сегодня ночью Борк был без очков. Он забрал связку ключей и запер дворников в их же домике, приказав не высовывать носа наружу, если не хотят поехать с ним. Он говорил на ломаном языке и потешно проваливался в рыхлый снег, но ни у кого не возникло охоты зубоскалить. Когда притихшие работники метлы и лопаты вернулись к горячей печке, они убедились, что бездействуют все четыре телефонные линии: пропала связь с полицией, пожарными, госпиталем и таксопарком. Кто-то перерезал провода.

А потом раздался скрип ворот, взревели моторы, и, воня соляжкой, машины поползли по центральной аллее. Спустя какое-то время все стихло, и самый молодой из сторожей решил выглянуть в оконце. Выглянул — и тут же отпрянул, лязгнув зубами от страха.

Ворота были снова заперты, а возле калитки прохаживались трое «безликих» с автоматами наперевес. Еще две громоздкие человеческие фигуры с кавказской овчаркой и ручным пулеметом, не спеша, спускались к западным воротам, а наверху у шоссе бесшумно развертывалась в цепь целая рота.

Поселок был окружен.

Первым делом Фердинанд Борк посетил изящный особняк в готическом стиле, построенный в бурную эпоху российских президентов. Несмотря на то что хозяева почти наверняка были дома, начальник трибунала не постучал в дверь. Четверо его дюжих подчиненных перемахнули забор и в упор расстреляли котов. Выстрелов никто не услышал, потому что «безликие» пользовались глушителями.

Затем они выломали замок, и в ворота проникло еще не меньше дюжины офицеров. Общаясь жестами, они быстро оцепили дом, проверили службы и связали четверых охранников, отсыпавшихся в баньке.

Сон хозяина особняка оберегали два любимых дога и двое преданных слуг, выкупленных им еще детьми у желтых дикарей. На первый этаж люди Борка проникли беспрепятственно, но псы в спальне хозяина подняли лай, и спустя минуту все домочадцы были на ногах. Заголосили женщины, кто-то попытался выпрыгнуть со второго этажа в окно, но был остановлен бесшумной очередью, кто-то заперся в погребе.

Без трупов не обошлось. Не сдались живыми телохранители и племянник хозяина.

Начальник Тайного трибунала ждал в нижней столовой. Пока его подчиненные тычками строили вдоль стен полуодетых всхлипывающих жильцов, он вел себя так, будто пришел в музей. С интересом разглядывал затейливую резьбу на ореховом бюро, бронзовый раструб граммофона, трогал армянские ковры. «Безликие» втащили избитого упирающегося мужчину в ночном халате и бросили на пол. Его руки были скручены за спиной, левый глаз заплыл, с бороды капала кровь.

— Ты, собака!.. — зарокотал хозяин, не прекращая попыток лягнуть окружающих босой волосатой ногой. — Ты, вонючий прыщ, ты знаешь, кто я?!

— Знаем, все знаем... — ровно отвечал Борк. — Ты есть бандит и заговорщик Назетдин. Я иметь приказ не брать тебя живой в случай сопротивления.

Домочадцы в ужасе затихли. Сверху сбежал лейтенант с закрытым лицом и доложил, что обыск закончен. Четырнадцать взрослых со связанными руками стояли, уткнувшись лбами в стену. Трех детей заперли пока в кухне.

— Ты на кого руку поднял, немчура? — прохрипел с пола подпольный нефтяной король. — Да я скажу Рубенсу, завтра тебя в Ладоге утопят!

— В машину его, все слова записывать! — кивнул Борк подчиненным и повернулся к родне арестованного. — Вам позволено взять нужные предметы, пятнадцать минут на сборы!

В течение следующего часа таким же образом были извлечены из постелей еще шестнадцать лидеров татарской мафии. Их семьи и слуг в спешном порядке отвозили на вокзал и утрамбовывали в вагоны с заколоченными окнами, а самих подозреваемых под конвоем отправляли в подвал Михайловского замка.

В четыре тридцать утра две кареты трибунала остановились под окнами изысканного особняка на Английской набережной. В дверь заколотили. Выскочившему привратнику в ответ на вопрос «Какого черта тут носит?» сунули под нос ствол и жетон тайной полиции. В прихожей «безликих» встретило ожесточенное сопротивление. Двое офицеров погибли в перестрелке. Пробрить оборону смогли, только закидав парадную лестницу бомбами.

Хозяин дворца был известен поставщикам дичи и вина как честный владелец десяти кабаков, а содержатели притонов поеживались при одном имени Абхаза. Горожане хорошо помнили, как совсем недавно знатный кавказник выставлял свою кандидатуру на губернаторских выборах, и поговаривали, что ему благоволит сам Руслан Абашидзе...

Но Абашидзе находился сейчас на фронте в тысячах километров от Питера. Будь у Абхаза хотя бы час времени и возможность заслать гон-

цов, нашлись бы другие высокие покровители, но трибунал ему такой возможности не предоставил.

Впрочем, гонцов от Абхаза послали, но не одних, а в сопровождении роты президентской охраны. Еще не пробил колокол пяти ударов, когда в разных частях города одновременно арестовали больше сорока человек. Почти триста членов семей под конвоем погрузили в теплушки, и маневровый паровоз оттащил их в Павловск. Там уже был поднят по тревоге гарнизон, и три сотни сабель окружили железнодорожное полотно.

К семи утра мафиозная абхазская группировка прекратила существование. Мелкие наркодельцы проснулись, ринулись по своим обычным маршрутам и не встретили оптовиков. Им отвечали условленными паролями, впускали в дома, но обратно их выводили уже в кандалах.

Когда колокол ударил восемь раз, только ленивый и глухой в Питере не знал, что началась грандиозная чистка. Три мечети были оцеплены войсками. На глазах у любопытной толпы под руки очень вежливо вывели муфтия, кади и директоров трех медресе. Их посадили в паровики и с почестями доставили в Михайловский замок, но, конечно, не в подвал, а в гостевые покои Фердинанда.

Незадолго до того эскадрон драгун оцепил прилегающие к главной мечети улицы, где традиционно селились дагестанская и чеченская общины. Забирали всех, у кого не нашлось паспортов или документы были просрочены. Таких оказалось более трехсот человек. Очень скоро началась стихийная демонстрация, во всадников полетели камни и ножи. Откуда ни возьмись, появился младший Рубенс на легковой машине во главе колонны из четырех броневиков. После нескольких пулеметных очередей волнения были подавлены, и очередная партия подозреваемых отправилась в Тайный трибунал.

Закончив с Озерками, полковник Борк перенес усилия на Васильевский остров. До восьми утра «безликие» пронесли по двадцати шести адресам, везде собирая значительный «урожай». Три грузовика сделали по несколько рейсов, доставляя в каземат новые партии арестованных. Когда в Михайловском стало тесно, начали отправлять в Петропавловскую крепость. Еще накануне гарнизон, охранявший в крепости городской арсенал, был выведен в поле на учения, а его место заняли старшие кадеты, все — сыновья офицеров.

За два дня до указанных событий на запасной путь в Ям-Ижоре подкатил паровоз с шестнадцатью плацкартными вагонами. Состав уже ждали. С подножки головного вагона спустился майор, поздоровался за руку с встречающими и был приглашен в автомобиль с жетоном губернатора на капоте. Внимательный глаз мог заметить на рукаве майора голубой шеврон с изображением кортика, но никто из местных крестьян, глазевших издалека, не догадался, что прибыли два первых баталь-

она «Голубых Клинков», десантное подразделение, особым приказом президента вызванное из Тамбова, где полк ожидал отправки на фронт. «Голубых Клинков» воспитывали в Уральской военной академии, натащивали Хранители силы...

В машине командиру полка вручили запечатанный конверт, необходимые инструкции, значительную сумму серебром и незаполненные бланки дарственных на землю для личного состава. Пока командир получал указания, с телеги перегружали в поезд мешки и корзины со снедью и углем. Затем джип Рубенса укатил, а майор собрал в штабном вагоне младших офицеров и вскрыл конверт с боевой задачей.

На следующий день подкатил еще один состав, длиннее предыдущего. Следуя приказу, солдат выпускали размяться по очереди, в ночное время, и круглые сутки держали вокруг путей оцепление, отгонявшее выстрелами назойливых селян. На третьи сутки, около часа ночи, головной паровик свистнул и потащил скрипящие вагоны в столицу.

Около двух часов ночи состав прогромыхал по мосту через Обводный канал и встал на третий путь Московского вокзала. Подтянулся второй паровик, солдаты высыпали наружу и быстро построились в районе станционных пакгаузов.

Полк встречал сам президент. Он прошелся перед идеальным строем, наугад проверил несколько винтовок, но не стал обращаться к десантникам с речью. Вместо этого он обнял майора, пожал руки командирам батальонов и поцеловал знамя полка.

Такая молчаливая торжественная встреча произвела на солдат гораздо большее впечатление, чем любая речь.

Первый батальон, двигаясь нестроевым шагом, в три часа ночи добрался до азербайджанского овощного рынка у Нарвских ворот. Там десантников ждал начальник районной полиции, сам только что продававший глаза и десять минут назад получивший пакет от посыльного из президентской канцелярии.

Второй батальон занял позиции у мостов через Обводный. По мостам поденщики, проживавшие в южных пригородах, каждое утро направлялись на работу в центр. Полицейские заставы не были предупреждены заранее о том, что придется передать свои функции армии. Вместе с «Голубыми Клинками» по заставам прошли офицеры Тайного трибунала и сразу провели ряд арестов среди полицейских.

Третий батальон перекрыл Литейный мост и мост Александра Невского, также ошелолив своим появлением штатную охрану.

Четвертый и пятый батальоны взяли под контроль четыре центральных рынка и начали прочесывать Литейный, где в десятках притонов шла круглосуточная игра.

В четыре утра, как раз когда грузовики трибунала грели моторы, готовясь к первому рейду в Озерки, в приемной губернатора царила бешен-

ная суета. Туда без объяснения причин были вызваны все члены Большого Круга: начальник городской полиции, комендант гарнизона и два его зама, Старшины палат, директор Биржи, патриарх, главный энергетик и еще восемь человек, отвечающих за жизнедеятельность столицы. Полицмейстеру и обоим замам гарнизонного начальника наручники надели прямо в кабинете Рубенса. Губернатор воспользовался правом внесудебного расследования, обвинил обоих в связях с криминалом и официально объявил о введении в городе чрезвычайного положения. В присутствии Старшин были выписаны ордера на арест четырнадцати их ближайших подчиненных, преимущественно из службы тыла и топливного обеспечения. Функции полицмейстера временно отошли к командиру президентской гвардии, и подчиненные Даляра тут же ринулись по указанным адресам. Далеко им ездить не пришлось: половина обвиняемых квартировала тут же, в помещениях бывшего Генштаба...

Немедленно были приведены к присяге новые силовые руководители, отобранные президентом и вызванные из других городов. Старшина Счетной палаты доложил Большому Кругу о количестве зарегистрированных иностранцев, постоянно проживающих нацменов и сезонных рабочих. После чего предъявил образец нового паспорта, тайно отпечатанный в ярославской типографии.

Умудренные члены Большого Круга выпучили глаза. Им казалось, что президент уже ничем не может их удивить, но прозвучавшее слово «прописка» повергло в трепет даже самых уравновешенных.

Новый комендант получил приказ развесить по всему городу уже отпечатанные объявления о срочной перерегистрации. За двое суток все граждане мусульманского вероисповедания были обязаны явиться в полицейское управление и поменять документы. Губернатор назначил специальную комиссию по разбору личных дел. Комиссии вменялось лично опросить каждого явившегося на предмет его занятий, источников дохода и связей с восточными караванами. После этого Рубенс огласил указ президента Кузнеца, подписанный в час ночи.

Тут уж у Старшин не только глаза полезли на лоб, но и челюсти отвалились.

Отныне в столице запрещалось принимать на государственную службу лиц, не получивших в паспорте особой отметки о благонадежности, и отметку эту должен был ставить глава Тайного трибунала. Купцам и заводчикам запрещалось принимать на работу лиц, не прошедших перерегистрацию и не получивших новые паспорта.

За нарушение указа — пожизненная ссылка.

Запрещался въезд в город лиц, не получивших постоянной прописки. Для желающих обосноваться в Петербурге на базе Гатчинского дворца создавался фильтрационный лагерь. Владелец караванов вменялось

теперь декларировать все привозные товары особому таможенному офицеру и ему же представлять всех нанятых в пути носильщиков.

За попытку ввезти в город оружие или незаконных эмигрантов — конфискация имущества и пожизненная каторга на торфоразработках. После того как запустили электростанцию, торфа требовалось все больше, и смертную казнь суды применяли все реже. Город нуждался в тепле и... в преступниках.

Владельцам постоянных дворов запрещалось принимать лиц без документов, а обо всех подозрительных предлагалось немедленно докладывать. Специальному полицейскому чиновнику разрешалось устраивать внезапные проверки в гостиницах, на стройплощадках и на рынках.

За укрывательство неблагонадежных — каторга с конфискацией.

За найм на работу непрописанных мигрантов — каторга...

За тайный провоз иностранцев по Неве, и в особенности под мостами, — каторга...

За организацию нелегальных молевых домов любых конфессий — пожизненная ссылка...

За хранение боеприпасов и взрывчатки...

За издание и расклеивание материалов недозволенного содержания...

Когда пушка отбила полдень, в подвалах замка начались допросы. Верховный Суд в полном составе переселился туда, перейдя практически на казарменное положение. Заплутавшиеся в законах, издерганные юристы ожесточенно листали свежие распоряжения. Взысленные клерки носились по городу, успокаивая обывателей. «Голубые Клинки» набивали в грузовые «пульманы» очередную партию репрессированных. Полицейские чины затаились, не зная, кого из них сместят в следующую минуту.

И в это самое время к губернатору без стука зашел внук.

— Что там, Миша? — потер воспаленные глаза Рубенс. — Ты почему здесь? Он тебя выгнал, что ли?

— Не знаю, как ему доложить... Лева Свирский бросил дела и уехал. Ни дома нет, ни в Академии.

— Та-ак!..

— Кабы он один, дедуля, а то с ним и брат увязался, и еще девять академиков наших. Все самые толковые, кто науки понимал... Считай, нет больше Академии, некому учить, одни иноземцы вон остались! Да и те тоже шепчутся... И учителя из училищ на работу не вышли, ни медики, ни музыканты, никто... Бумагу общую от всех прислали, Свирский первым расписался. Мол, уезжает в деревню; и что его можно, старого человека, вернуть силой и даже повесить, как изменника, но служить дальше он отказывается. Потому что это... слово такое, сейчас посмотрю, тут записано... Вот! «Геноцид».

— Чего-о? — изумился Рубенс.

— Ну... геноцид против народа. Дед, ты же знаешь Свирского, он вечно древние слова откапывает... Как мне Кузнецу-то доложить? А то потом сам узнает, башку мне открутит...

— Не трусь, не открутит,— тяжело вздохнул губернатор.— Он этого ждал, сам мне признавался. Плакал почти, что, мол, Левушку в домино китайцам продул...

32

МИНОНОСЕЦ В СТРОЮ

Орландо распирало от гордости.

Он демонстрировал президенту внутренности эсминца с таким видом, будто лично его спроектировал. Хотя во многом это соответствовало истине: итальянец отобрал талантливых техников и в буквальном смысле подарил кораблю вторую жизнь. Самыми сметливыми показали себя родственники охотника Борка: они сами напросились в помощники и два месяца не вылезали из трюмов, приводя в порядок машины.

Миноносец «Клинок» блестел, как надраенная поварешка.

— Нам крайне повезло. Многие офицерские каюты были задраены и не подверглись нападению крыс. Кроме того, в сейфах сохранилась техническая документация, рубка управления почти не пострадала...

— Вооружение?

— Герр Борг вернул к жизни одну из башен главного калибра. Судя по инструкциям, скорострельность спаренных пушек составляла девятью выстрелов в минуту, но это при исправных механизмах перезарядки погреба. Почти вся механика заржавела, в погребах стояла вода. Нам придется обходиться ручной перегрузкой, а это не так просто. Снаряд весит тридцать два килограмма...

— Боезапас?

— Отобрали полторы тысячи целых, без ржавчины, снарядов, но... Мы сделали девять выстрелов и потеряли вторую башню. Один из снарядов взорвался в стволе. Пострадало четыре человека...

— Какова дальность стрельбы?

— Не меньше двадцати километров. Но я ума не приложу, как обеспечить точное прицеливание. С «Вымпелом» гораздо проще...

— Что за «Вымпел»?

— Занятная штука, Артур. Так называется зенитная артиллерийская установка. Из четырех установок две в порядке, в каждом блоке по шесть стволов тридцатимиллиметрового калибра. Можно похвалить ваших во-

енных инженеров: устройство крайне простое и эффективное... Видишь, стволы вращаются за счет отвода пороховых газов. «Вымпел» стреляет на четыре километра, но прицельная дальность будет намного меньше. К счастью, тут мы сможем обойтись визирной колонкой, без электроники...

— Короче, эта бандура только выглядит страшно? Будем палить в белый свет и распугивать чаек?

— Дай мне еще неделю на пристрелку!

— Не могу... А это что за бочки по бокам? Торпеды?

— Торпеды нам, скорее всего, не понадобятся. Даже отдаленно не представляю, как их запустить. Пульт мертвый... Зато у нас есть четыре ракетные установки.

— Радость-то какая... В кого же мы попадем ракетой, если даже из пушки не можем толком прицелиться?

— А еще мы нашли вертолет, но лучше его сразу скинуть в воду...

Рассуждая в таком духе, «приемная комиссия» спустилась в машинное отделение. Орlando заваливал президента техническими терминами, знакомил с командой, показывал десятки хитрых устройств, которые ему пришлось изобрести взамен штатной электрики...

— Котлы рассчитаны на давление пара до шестидесяти четырех атмосфер! С качеством нашего топлива набрать требуемую мощность крайне непросто, но зато мы выяснили, что турбина будет крутить даже на мазуте! Пришлось многое перестраивать, из четырех дизель-генераторов был исправен только один...

— Только не вздумай мне сообщить, что он не поплывет!

— Поплывет, но больше пятнадцати узлов не обещаю.

— И Бог с ним... А топлива хватит?

— По теории, у корабля такого класса месячная автономность, но если мы выкинем все лишнее и на пару метров превысим осадку, то хватит на два месяца.

Коваль выбрался на мостик. Бронзовые детали сверкали так, что было больно глазам. Солнце в это утро проявляло любопытство, как и люди. Артур наблюдал, как под командой только что назначенных офицеров строятся расчеты, матросы оправляют новенькую синюю форму. На левом фланге солидно расположились две «коробки» пивоваров — машинисты и группа корректировки огня. По сходням в трюмы ползли три нескончаемые цепочки грузчиков. Портовый кран готовился опустить на полубак водометную пушку, специально разработанную для распыления вакцины. Другой кран бережно опускал на кормовую надстройку стальные цистерны. Кроме президента, только три человека знали о живом оружии, заключенном внутри цистерн. Корма подверглась существенной перестройке; экипажу предстояло тесниться в кубриках на двухъярусных койках и обходиться одной столовой. Были демонтированы ракетный

комплекс, направляющие противолодочных торпед и множество вспомогательных устройств, переборки оказались безжалостно вырезаны, чтобы обеспечить пространство для загадочного президентского груза.

На соседнем стапеле проходили последнюю проверку торпедные катера. Флагман должны были сопровождать шесть малых кораблей охранения, два дозаправщика и плавучая рембаза. Орlando всю осень грезил о подводной лодке, но в сухих доках не нашлось ни одной исправной, и грандиозную затею пришлось отложить до следующего лета. У кронштадских причалов стояло штук шесть полузатонувших субмарин, еще три дизельные красавицы держались на плаву. Итальянец спускался внутрь, но вынужден был признать, что без действующих компьютеров плавучести не гарантирует...

Стучали молоты, искрила сварка, громыхали якорные цепи. Над флотилией непрерывно курсирующих лодок носились чайки. На пирсах, ежась от холода, строились десантники, набранные из потомственных мореходов. Коваль с тревогой просматривал списки офицеров. Большинство из них соответствовало единственному критерию — хорошо умело плавать...

— Становись!.. Флаг поднять!..

Сохраняя торжественное выражение лица, Коваль принял рапорт Орlando. Решение присвоить итальянцу адмиральское звание далось президенту непросто. В Большом Круге Думы спорили до хрипоты, но никто так и не предложил лучшей кандидатуры.

На всех десяти судах разом поползли вверх трехцветные флаги. Оркестр грянул гимн. Президент сам придумывал сценарий и тренировал офицеров, сам разрабатывал форму и распорядок дня. Но когда тысячи матросов застыли в строю, он внезапно почувствовал, что нестерпимо хочется сморгнуть.

«Во что я превратился... Старая слезливая развалина...»

— По местам! Отдать швартовы!..

— Право руля! Машина — самый малый назад!

Эсминец «Клинок» набирал ход. Крупная дрожь волнами сотрясала корпус, потом машинисты выровняли давление, и флагман нехотя отвалил от пирса. Заправщик и катера пристроились в кильватере; при этом, несмотря на все проведенные учения, два катера чуть не столкнулись между собой, а ремонтная база так рванула вперед, что опрокинула лодку с мирными малярами, красившими пирс снаружи. Все население Кронштадта собралось на берегу и махало вслед эскадре. Адмирал стоял у фальшборта, дергал конечностями, в рупор покрикивая на команду. Командиры подскакивали с докладами, выслушивали очередную порцию франко-итальянской брани, затем ныряли в люки, чтобы распекать подчиненных. Когда Орlando не хватало терпения, он хватал офи-

церов за грудки и тряс их, от волнения еще сильнее коверкая русские слова. Издалека он походил на дирижера, делающего свирепый втык бестолковым оркестрантам.

Зато палуба блестела, а над мачтами реяли свеженькие андреевские флаги.

В трюмных цистернах недовольно ворочались красные черви.

33

КОНЕЦ БРИТАНСКОЙ ЭСКАДРЫ

Делая в среднем двенадцать узлов, эскадра миновала Ла-Манш и взяла курс на полуостров Котантен. Артур хвалил себя за то, что предусмотрел любые задержки. Даже при такой низкой скорости у них оставался значительный запас времени перед тем, как сухопутные силы начнут наступление на европейском театре. Командующий кавказским фронтом Руслан Абашидзе и командующий украинским фронтом Серго Абашидзе должны будут вскрыть очередные пакеты только через неделю, и лишь тогда союзники получат сигнал о совместном выступлении. Так что время еще оставалось...

Орlando постоянно жаловался на недостаток морских карт и катастрофическую тупость матросов, не желающих воспринимать написанное в книгах. Большая часть команды представляла морское дело лишь с точки зрения рыболовства; несмотря на то что все лето и осень группа будущих офицеров и мичманов зубрила древние учебники, передать знания рядовому составу оказалось крайне сложно. Только при шестнадцатой учебной тревоге расчеты уложились в отведенное время, и к тому моменту уже никто не мог держаться на ногах. Артур с тревогой ожидал бунта, он никак не предполагал, что щуплый итальянский инженер окажется столь жестким и требовательным руководителем, но никто из команды не заработал карцера или хотя бы выговора. Точно так же оставались пустыми лазарет и изолятор.

Пока что трудности преодолевались на общем энтузиазме...

Пришлось изменить первоначальные планы и уйти далеко в открытое море. Ночью ползли малым ходом, чтобы шедший впереди заградитель успевал выбрать линию. Эсминец со своей шестиметровой осадкой раз двадцать подвергался серьезному риску, однако, невзирая на все тревоги, на мель ни разу не сел. Навигационное оборудование бездействовало. Два катера шли в паре кабельтовых от «Клинка», они сообщали о неожиданных препятствиях и вели непрерывное наблюдение за берегом.

Коваль почти все свободное время проводил в своем зверинце. Уже ни для кого не было тайной, что президент взял на борт страшных хищников, пожиравших каждый день по несколько свиней. «Маленькие друзья» выросли и каждое утро затевали отчаянную возню. Выпускать их одновременно Артур не решался. Он оседлывал драконов поочередно и летал по ночам. Даже если среди команды и имелись вражеские шпионы, они уже не успели бы доложить своему хозяину о секретном оружии...

Взмывая на красном черве над кормой, Артур по-мальчишески захлебывался от восторга. Черное небо и черная вода вертелись волчком, меняясь местами, соленые брызги оседали на щеках и проникали за шиворот, огни корабля сливались в радужный хоровод. На миг ослабишь внимание, не уследишь — и окажешься в воде, потому что этой твари все равно, лететь или плыть...

Китайские драконы вели себя совсем не так, как привычная президенту Катуника. Эти сгустки мышц кипели от ярости и успокаивались, когда сил оставалось лишь на то, чтобы отыскать эсминец и рухнуть на палубу. Их холерическая натура требовала драки, они жили, как акулы, ни на секунду не оставаясь без движения. В полете Артуру приходилось использовать специальную упряжь, но все равно он так и не смог приучить своих подопечных нести седока вверх головой.

Даже возвратившись в свои стальные клетки, они не прекращали бесконечного движения. Они почти не грызлись между собой, хотя бы потому, что в стае не было лидеров и не было самцов. Китайцы вырастили драконов из какой-то породы бесполой червей. Единственным лидером становился тот, кто кормил малышей своей кровью.

Не считая тайного лидерства вездесущего Настоятеля...

Артур признавался себе, что его с каждым днем все сильнее гипнотизирует общество крылатых бестий. Ежедневно он проводил учения с командой, читал лекции по истории и основам техники, вел классы по русскому чистописанию, но мысленно оставался там, в кормовых трюмах...

Ни с одним животным он не ощущал столь плотной ментальной связи. Каждый из драконов обладал несомненной индивидуальностью, но иногда они соскакивали на общую волну, особенно когда Коваль решился на массовые полеты. Сначала он выпускал их по двое, затем по четыре, и, наконец, пришла ночь, когда он решился запустить в небо всю стаю. Во время ночных маневров адмирал Орlando в приказном порядке отправлял всю команду в кубрики, снаружи оставались только вахтенные, но даже им запрещалось покидать укрытия.

Управляемое безумие...

Это было самое точное определение, которое Артур смог подобрать. Летучие твари безоговорочно подчинялись, но делали это со снисходительной уверенностью хищников, сознающих свою неуязвимость. Они

разлетались в стороны на десятки миль, собирались по трое или все вместе, легко ныряли, проходя под днищем миноносца, и выпрыгивали из воды, как дрессированные дельфины.

Они сучали по драке, и хозяину приходилось с каждым разом наращивать нагрузки, чтобы усталостью заглушить в них жажду разрушения. А еще ему приходилось постоянно следить, чтобы маленькие друзья не прогрызли обшивку корабля и не угробили всю экспедицию раньше времени. Специально для того, чтобы рептилии стачивали непрерывно растущие зубы, на борт были загружены десятки дубовых бревен. Коваль только и успевал выкидывать за борт труху. Но самое тяжелое началось, когда разведка засекла на горизонте полосу Желтых туманов.

Красным червям предстояло несколько суток безвылазно просидеть в душных трюмах.

— Ползущие горы мы прошли... — Орlando водил пальцем по карте. — Теперь придется законопатить все щели, команды загнать вниз и... И вся надежда на твою вакцину!

Несмотря на обещанную безопасность, Коваль подошел крайне осторожно к приготовлению снадобья. Надев маску и толстые перчатки, он лично возглавил битье ампул и разведение лекарства водой. Орlando с гордостью демонстрировал успешную работу корабельного опреснителя. Было решено развести первую партию лекарства один к ста и опрыскать ею верхние палубы всех судов, участвующих в походе. Когда стало очевидно, что никто из команды не заболел, моряки осмелели и уже без дрожи проходили процедуру обязательного обтирания перед заступлением на внешние вахтенные посты.

Единственными, кто мог пострадать от вакцины, были черви. Их искусственно созданная ДНК была бы разрушена в считанные часы...

Рано утром эскадра обогнула мыс Сен-Матье и вошла в Бискайский залив. Впередсмотрящему на заградителе показалось, что вместо солнечного восхода наступили вечные сумерки. Вода изменила цвет, вся поверхность моря до самого горизонта покрылась мелкой ядовито-кремовой ряской. Под поверхность водорослей шустро перемещались косяки неизвестных рыб. Пока что они не пробовали корпуса на прочность и не пытались выскочить на палубы. Туман клубился, точно гигантский спрут. Береговая линия стала нечеткой, а затем и вовсе пропала.

— Да, пива на всех мы бы не запаслись, — задумчиво посетовал Орlando, пытаясь в бинокль разглядеть просвет в волнующемся желтом мареве. — Немцы говорят, сеньор президент, что сюда залетают и Железные птицы...

— Готовьте пушку!

Обстановка изменилась уже после первого залпа. Туман никуда не делся, но матрос с башни передал, что большой косяк рыбы, преследо-

вавший эсминец по левому борту, мгновенно ушел в сторону. На все вспомогательные суда передали команду выстроиться в кильватер. Впереди остался только заградитель с глубиномером, на нем имелось собственное водометное орудие.

Четверть часа спустя в бежевой паутине на поверхности волн появились разрывы. Вакцина начала свою убийственную работу — мутировавшая растительность погибала, разлагаясь на глазах. Адмирал приказал стрелять короткими залпами через каждые двадцать минут. Пушку катали от борта к борту, поливая море с той стороны, где наблюдателям казалось, что они видели прыгучих рыб.

Когда наступила ночь, из верхних иллюминаторов начали выкидывать куски горящей пакли. За кормой флагмана на десятки кабельтовых растянулись два феерических огненных веера. На катерах зажглись прожектора; четыре луча неустанно бороздили воздушное пространство, путаясь в низких морозящих тучах. На второй день у многих матросов подскочила температура, начались резь в глазах, понос и галлюцинации. На третий день в лазарет слегло больше восьмидесяти человек.

Президент каждые три часа бегал к своим питомцам, проверял, насколько плотно законопачены щели.

Драконы скучали, но выглядели бодро.

Подручные адмирала строго дозированно выдавали отравившимся матросам лечебное немецкое пиво. Пивоваренный завод запустили прямо на борту эсминца, сырья и хитрых добавок запасли достаточно, но немцы сетовали на отвратительное качество воды. Корабль от носа до кормы провонял кислятиной, люди ложились спать и вставали с ощущением, что живут в огромном перегонном кубе. Офицерам приходилось лично присматривать, чтобы подчиненные выпивали свою ежедневную порцию, а не выплескивали пиво за борт.

И все же спасительного напитка не хватило. Шестнадцать человек умерли еще до того, как эскадра встала на якорь в акватории испанского порта Ла-Корунья, и более сотни были больны. Опасаясь, что не хватит людей на постах машинного отделения, Орlando настоял на отдыхе.

Катера зашли в бухту.

На мелководье застряло то, что осталось от английского флота. Два полузатопленных фрегата еще были на плаву, и штук шесть суденышек помельче болтались у пристаней килем кверху. Моряки сначала решили, что это испанские корабли, каким-то чудом не унесенные за полтора века в пучину, но вскоре увидели ужасающие следы разгрома. Обшивка корпусов была искалечена так, словно по ним безжалостно колотили огромным долотом, сотни мелких обломков дрейфовали у пристаней: куски дерева, сундучки, бочки и обломки корабельной оснастки. Чуть позже стали видны торчащие из воды верхушки мачт, облепленные тиной, и огрызки намокших британских флагов.

Один из катеров отправился к берегу на разведку. До икоты напившись пива, щедро опрыскивая крутую волну вакциной, моряки достигли портовых сооружений, но так и не рискнули высадиться. Город был необитаем, а серая пузырящаяся масса, покрывавшая набережные, совсем не располагала к высадке. Наверное, часть британцев успела с боем прорваться к суше. Но они готовились драться с людьми и совсем не ожидали, что окажутся добычей безмозглых хищников. Когда-то приветливый солнечный испанский город превратил славных наследников Дрейка в разбросанные кучки дочиста обглоданных костей...

Как следует приглядевшись к местности, президент хотел немедленно уходить в море, но Орlando настоял на своем. Несмотря на мрачные предчувствия Ковалю, ночь прошла спокойно, щедро политое вакциной море не выпустило наружу никаких демонов. Команда потихоньку пришла в себя, был объявлен внеурочный банный день, многие больные пошли на поправку...

Несчастье случилось на следующий вечер.

Когда катер, патрулировавший берег, уже возвращался, его атаковала стая Железных птиц. В отличие от своих парижских товарок, которые гнездились на пресных болотах, эти нашли себе приют в штабелях контейнеров. Может быть, накануне они были сыты или кормились в другом месте...

В бессильной злобе Артур наблюдал с мостика, как злобные твари рвут обшивку и выламывают доски из палубы катера. Вчерашние рыбаки, не подготовленные к подобной встрече, пытались защищаться баграми. Прежде чем они осознали опасность, половина команды пала жертвой острых, как зубья пилы, когтей. Адмирал не мог приказать ударить по птицам из пушек; на перехват немедленно ринулись еще два торпедоносца, поливая небо из тяжелых пулеметов.

...А над портовыми кранами уже раскручивалось знакомое многорядное кружево. Коваль пытался сосчитать угловатые силуэты, но узор постоянно менялся, все новые твари поднимались из гнезд, вплетаясь в беззвучный угрожающий танец. Очевидно, здешняя популяция переориентировалась на морскую охоту, птицы расплодились в отсутствие естественных врагов. Они никак не ожидали отпора. Собственно, обожравшиеся зверюги и нападать-то не собирались, а на катер бросились скорее из любопытства...

Нынче рассуждать становилось поздно. Если бы не разлитая в воздухе отравка, Коваль рискнул бы выпустить в пробную атаку червей, но теперь ситуацию пришлось спасать «Вымпелу».

После первой же очереди фугасов стая рассеялась. Орlando пришлось повозиться, переводя пушку на ручное управление. По новой, «современной» методике обслуживать ее приходилось вчетвером. Один

пивовар постоянно дежурил у кольцевого прицела, двое подавали ленту и замыкали электроконтакты, управлявшие затворами, а четвертый, нацепив наушники, поливал крутящиеся стволы водой. Вместе у них получалось совсем неплохо. Птицы падали в воду десятками, и там, где они погружались, моментально концентрировались морские обитатели. Акватория залива превратилась в кипящий бульон. Глубоководные хищники радостно терзали вчерашних врагов, по воде ходили волны от сотен выпрыгивающих рыб.

Адмирал отдал команду «полный назад». Возможно, на ушедшем к берегу катере еще оставались живые члены команды, но кинуться их спасти означало подставить под удар всю эскадру...

Последний раз послав в море веер разбавленной вакцины, «Клинок» лег на прежний курс.

34

СИГОНЕЛЛА

— **В**от она! — Орlando уступил Артуру место у оптического прицела. — Меня в Катанию дважды возил отец, еще в детстве... Тут все было совсем иначе, город шумел!

— Почему нет людей, господин адмирал? — тревожно спросил вахтенный офицер, приникший ко второму раструбу. — До этого столько огней на бережку видели и лодочки рыбацкие...

Президент прильнул глазами к корабельному биноклю. Извилистый берег словно прыгнул навстречу. Самое первое, что заметил Артур, — неровные столбы дыма, поднимавшиеся вдаль за чертой городских построек и сливавшиеся над горизонтом в сплошное серое облако. На идеально ровной поверхности воды колыхалось бесконечное пепельное одеяло, лишь за кормой оно нехотя расползлось, обнажая холодную изумрудную глубину.

— Вулкан просыпается, вот тебе и ответ. Все давно свалили подальше на север...

Он подумал, что все складывается не так уж и плохо. Может быть, как раз благодаря извержению местным мореходам было не до круизов, и эскадре удалось незамеченной обогнуть Сицилию. В Средиземном море климат изменился, теплые африканские ветра разогнали туман. Стало легче дышать. Постепенно из верхних слоев воды ушла нездоровая желтизна, всплыли самые обыкновенные рыбы. За кормой дружными

стоями резвились дельфины, а вечером море подсвечивали сотни медуз. У южной оконечности Сардинии начали встречаться брошенные корабли. Их было великое множество: не только военные, но и траулеры, многопалубные пассажирские лайнеры, прогулочные яхты, катамараны... Впередсмотрящие на заградителе только и успевали махать фонарем, корректируя курс. То слева, то справа из моросящего дождя выплывали облезлые, засиженные чайками борта. Целые колонии морских птиц с воплями взмывали в воздух и принимались кружить над своими железными островками. В хорошие бинокли у берегов Сардинии были видны перемещающиеся черные точки, белые мазки парусов, но ни разу ветер не приносил запах пороха или выхлоп работавших двигателей.

Пивовары взяли десятки проб на анализ и доложили, что можно снова запускать опреснитель. Вечером Коваль мобилизовал команду, матросы тщательно отмыли корму от остатков вакцины, а президент лично выковырял из щелей паклю. Не успел он откупорить первую цистерну, как истосковавшиеся по полету драконы подняли дикий вой. А вонь по кораблю разнеслась такая, что закричали даже привыкшие к тухляти-не мясники. В цистернах были проложены решетчатые полы, и за время вынужденного заточения черви буквально забили свободные полости испражнениями. Имея ежедневные прогулки, они так никогда не поступали, проявляя, напротив, завидную чистоплотность.

Впрочем, Артур подозревал, что бочки вскоре придется затопить, потому что на обратном пути они вряд ли понадобятся. Почти не было гарантий, что, выполнив свою миссию, драконы останутся в живых...

— Сигонелла... — прошептал Орландо, вглядываясь в пылевую завесу. — Шестой флот США заходил сюда еще в то время, когда мой отец был ребенком. Я помню, как мы встречали одну из их лодок «Огайо»... Столько радости было, флажков...

— Угу! Молись, господин адмирал, чтобы у этих сволочей не оказалось исправных субмарин! И скомандуй «стоп машина», дальше по инерции прокатимся... Что-то не нравится мне эта тишина!

Берег приблизился настолько, что различались отдельные деревья, мачты аэропорта и ряды пришвартованных яхт вдоль убегающих в море пирсов. Все они были покрыты жирным слоем вулканического пепла, но сейчас Этна отдыхала. Третью небосвода словно затянуло вязкой колышущейся паутиной, едкая серная вонь перебивала даже запах драконьего дерьма.

Машины работали на холостых оборотах, боевые расчеты замерли на постах. Эсминец неторопливо резал пепельную простыню, катера сгруппировались под прикрытием правого борта.

Сердце президента забилось быстрее. Возникло одно из тех предчувствий, которые посещали его в минуты смертельной опасности. Еще ни-

чего не произошло, и предшествующие недели выдались на редкость удачными. Но внезапно что-то сдвинулось, в воздухе повисло напряжение. Несмотря на донесения разведки, никто не мог быть уверен, что они найдут искомое. Кармаз мог успеть отремонтировать корабли и вывести их в другое место. Тут могла оказаться совсем не боевая эскадра, а пара замшелых итальянских фрегатов, с перепугу принятых доносчиками за авианосцы. Или еще хуже: не закончив восстановительный ремонт, корабли ушли в Адриатику под прикрытия береговых греческих батарей, которые давно принадлежали врагу. В конце концов, турок кто-то мог предупредить, и не исключена засада...

— «Рональд Рейган!» — звонко произнес Орlando.

— Ах, чтоб тебе! Какой еще Рейган? — Коваль чуть не подпрыгнул от неожиданности.

— Да вон... На борту написано...

Адмирал уступил Артуру окуляры. Прежде чем взглянуть, Коваль сделал два глубоких вдоха и выдоха. А с палубы в рубку уже спешил вестовой.

— Господин президент! Там, впереди, две баржи плавают, а за ними...

Но он уже и сам заметил. Не заметить это было невозможно.

За далеко выдававшимся в море изогнутым мысом в зенит поднималась титаническая конструкция, украшенная громадными латинскими буквами «Рональд Рейган». Артур в молодости довольно прилежно следил за военными изысканиями вероятного противника, но не мог точно вспомнить, построили эту махину при нем или позже. Корабль был невероятно красив, даже с учетом полутора столетий бездействия. Больше трехсот метров брони, грандиозные палубные надстройки, и... авиакрыло в полном составе. В бинокль прекрасно различались ряды «Суперхорнетов» и еще какие-то угловатые самолеты неизвестной Ковалю модели.

«Так вот откуда засранцы ракеты к своим дирижаблям таскают!..»

Там сутились люди, множество людей. На палубе вспыхивали огни сварки, рабочие тянули лебедки с кабелем, разворачивали шланги, вдоль борта на канатах поднимались корзины, ветер доносил скрежет металла, свист пара и перебранку. У кормы гиганта примостился целый плавучий город из десятков сцепленных между собой понтонов. Там жгли костры, перегружали с лодок тюки и сколачивали что-то вроде пожарной лестницы с передвижной люлькой.

И всю эту непотопляемую мощь предстояло уничтожить...

— Это немыслимо, — прошептал Орlando. — Там должен быть экипаж больше двух тысяч человек! Я не представляю, как они справятся...

— С остальным-то флотом как-то справились! — Вахтенный офицер угрюмо ткнул пальцем еще левее.

Все мужчины, присутствующие в рубке, разом вскрикнули. Засмотревшись на штатовское чудо, упустили из виду бухту. Картина была устрашающая, но Коваль почувствовал, насколько легче стало дышать.

Он добрался сюда.

Он сумел. опередил. Перехитрил.

Здесь была вся авианосная группа в полном составе, за исключением, быть может, подводных лодок. Три суперкрейсера класса «Тикондерога», два эсминца, два фрегата итальянских ВМС с вертолетами на борту и множество мелюзги. Тральщики, снабженцы, десантные катamarаны, бесчисленное количество маломерных и весельных плавсредств, кружащих, как осы вокруг улья...

В порту кипела работа.

Эсминец между тем подошел на опасно близкое расстояние к берегу. Невооруженным глазом с кораблей противника он казался одним из десятков стальных гробов, курсирующих в приливных течениях, но в любую секунду на военной базе могли сыграть тревогу. Зияющие жерла десятков орудий провожали своего единственного недруга угрюмыми пристальными взглядами.

Матросы «Клинка» затихли. Три сотни человек, все, кроме машинистов, прильнули к иллюминаторам и прорезям прицелов.

— Смотри, адмирал, видишь — краном зацепили?.. Нет, не там, левее! — Ковалю показалось, что его голос прозвучал, как дребезжание будильника.

— Матерь Божья! — ахнул Орlando.— Они же ее уронить могут! Это же...

— «Томагавки»,— закончил Артур.— На каждом крейсере их не меньше сотни, и неизвестно, что за начинка. Перетаскивают на эсминец. Видно, он на ходу...

Продолжить рассуждения он не успел, потому что с берега ударило орудие и почти сразу за ним — второе. Далеко за кормой взметнулся фонтан воды.

— Ну, с Богом! — Мужчины потянулись друг к другу и обнялись. Один — высокий, широкоплечий, седой, с глубокими морщинами возле глаз. Второй — совсем еще молодой, смуглый, худощавый.

— Машина, полный вперед!

Коваль торопился на корму, расталкивая спешащих навстречу моряков.

— Всем по местам! Боевая тревога!

На «Рейгане» низко завывала сирена.

— Орудия к бою! Заряжай!

Артур скатился по трапу, кувалдой выбил заслонку палубного люка. Створки с грохотом обрушились в темноту.

Еще два разрыва. Пока далеко, но корпус ощутимо качнуло. «Клинок» набирал ход, переборки дрожали от работы винтов.

— Башня, огонь!!

Артур никак не ожидал, что это будет так громко. Пол вдруг рванулся из-под ног, внутренности эсминца застонали. Встряхивая головой, Артур отвернул вентиль на крышке ближайшей цистерны. Затем, слушая звон в ушах, перепрыгнул на следующую. Третья, четвертая... двенадцатая.

Взрыв. На сей раз шарахнуло совсем близко.

Эсминец ответил сразу из четырех орудий. Пивовары, видимо, пристрелялись, и подача снарядов пошла непрерывным потоком.

Артур вылез на опустевшую палубу и тут же закашлялся. Президенту показалось, что он остался один против беспощадной вражеской своры. Эсминец шпарил на всех парах прямо в гавань, постоянно меняя курс. Перед его носом разбегались врассыпную лодочки и катера, точно застигнутые на столе тараканы. Справа циклопическим парусом нависал борт авианосца, слева, наращивая скорость, приближался итальянский фрегат.

...Вслед за человеком, блестя пурпурной чешуей, на палубу выползал первый из питомцев Храма. Он пошевелил ноздрями, приняв к пороховым газам, взмахнул бородатой башкой и затрубил.

На его истощный вопль откликнулись остальные братья. Они кричали так славно, так упоительно, что единственный человек, бесстрашно стоявший среди изгибающихся многометровых колец мускулов, сам задрал голову и присоединил свой голос к голосам друзей.

А потом он вскочил в седло, и двенадцать крылатых змей кинулись в свой единственный, первый и последний, бой.

И в этот самый миг в далеких горах на севере Поднебесной, в самой глубокой шахте, куда никогда не проникали лучи солнца, вздрогнул и заворочался старый искалеченный человек, больше похожий на черепаху с мягким панцирем. Он очнулся от раздумий и произнес одну лишь фразу: «Да сопутствует тебе твой Бог, мирный человек!..»

И в этот самый миг в избе на берегу Белого моря остролицая суровая женщина перевернула хрустящую страницу книги и на чистом листе вывела: «Сей день, девятнадцатого января две тысячи сто сорок третьего года, Проснувшийся демон по прозвищу Кузнец начал великую битву за два моря...»

Анна Третья подержала перо над бумагой, но так и не поставила точку.

Книга не закончилась, Книга должна продолжаться.

Конец третьей книги

ДЕМОН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Вместо предисловия

ОСКАЛ ДОХЛОГО ЗАЙЦА

...С юга, сквозь буран, долетал запах падали.

Хранительница Книги понимала, что это невозможно, что сквозь сотни километров засыпанных снегом дорог никакой запах не долетит, но ничего не могла с собой поделаться.

Те двое, что сейчас мчались к зимовью, несли дурную весть. Наперекор стихии, охраняемые стаей волков, гнали они сквозь ночь черных жеребцов...

Хранительница обмакнула перо в чернила и тщательно вывела на чистом листе:

«Сей день, девятнадцатого января две тысячи сто сорок третьего года, Проснувшийся демон по прозвищу Кузнец начал великую битву за два моря, с войском Карамаз-паши...»

2143 год... На заснеженном северном пределе, вдали от фермерских делянок, в тысячах километров от бурлящего Петербурга, пишется священная Книга народа Качальщиков. Так называют себя лесные колдуны, потомки тех, кто пережил эпидемии двадцать первого века в самых горячих местах. Они способны и сами раскатать матушку-землю, эти люди, привыкшие жить по законам буйных лесов и мертвых городов.

Прирастает Книга как со слов пришлых, случайных странников, так и по указаниям Хранителей памяти, что умеют видеть вперед, умеют раскрутить нить судьбы отдельного человека. Полнится Книга рассказами Качальщиков, приводящих караваны со степного славянского юга, пухнет предсказаниями чужих колдунов с дальних восточных рубежей. Много страниц вписано норвежскими моряками и оленеводами страны Суоми, далекими китайскими и казахскими братьями, пастырями польского народа, торговцами Литвы и Эсти...

К зиме сорок третьего года Книга состояла из десятков тетрадей, обернутых кожей, пересыпанных в сундуках снадобьями от насекомых.

Грызунов тетради не боялись, поскольку ни одна теплокровная тварь не осмелится полакомиться имуществом Качальщиков и без приглашения близко не подойдет к лесным деревьям. Тетради старательно дублировали, размножали, а Главы Родов развозили их под охраной и бережно прятали в тайных скитах, в своих родовых хуторах...

Но девушки-помощницы только переписывают, а вести чистовую запись доверено лишь одному человеку — Маме северного рода, Хранительнице Книги. Должность Хранительницы не переходит от матери к дочери; для передачи ее собираются Главы родов со всей России, стольничают несколько дней, обстоятельно судачат об охоте, рыбалке, о видах на урожай. Считается дурным тоном затевать болтовню о Слабых метках, что губят землю на территориях древних заводов, или о наступлении Вечных пожарищ на добрые леса. В такие дни старейшины не рассуждают о Звенящих узлах, с которыми боролись их деды и прадеды, не обменивают пленных шептунов и уродов на стада коров...

Потому что Книга важнее всего. Так заведено первыми Качальщиками, теми, кто еще помнил, как миллионы обезумевших горожан сбегали в леса под угрозой СПИДа и как зараза догоняла их по воздуху, наступала в дачных поселках и удаленных поместьях...

Качальщики слушают уходящую на покой Хранительницу, обсуждают, кто из молодых женщин острее прочих видит и трактует будущее, кто способен ловчее поймать ускользающее кружево фраз, кто смотрит на фразы не сквозь, а сверху... Ответственность на преемнице огромная, ведь Книга несет ответы, за которыми колдуны всех мастей и старейшины едут с самых дальних окраин... Так задумали прадеды, когда стало ясно, что предыдущая Книга, написанная учениками Погибшего на кресте, перестала отвечать на вопросы.

Но прежняя Книга оказалась живуча, и жизнь в ней раздул не кто иной, как президент Кузнец. Странно это и неприятно сознавать молодой Хранительнице Анне Третьей, которая помнит президента России, еще когда он был совсем пацаном, а тупые городские насекомые, начисто лишенные дара чародейства, плевали ему вслед и втихаря обзывали Проснувшимся демоном. Помнит Мама Анна, как молодого несмышлениша, действительно уснувшего в древней машине задолго до Большой смерти, выкрали ее братья у питерских после его векового сна. Человека из прошлого отдали на попечение к брату Бердеру, Хранителю силы и воспитателю молодых Клинков... Так надо было сделать, потому что велела Книга. Так надо было сделать, чтобы позже вернулся обученный Клинок в Петербург, собрал по всей Европе Братство Креста и повернул полки против воинства оборотня-паши...

Книга не всегда отвечает, но никогда не врет, это знает каждый Качальщик. Книга не врет, в отличие от всех прочих документов на плане-

те и в отличие от старой Книги погибшего бога. Прежние святые писмена обманывали, они обещали совсем не такой конец... А новая пишется не раз и навсегда, ежедневно. И впредь...

Качальщики получили от матушки-земли силу, невиданную силу, забытую со времен былинных богатырей. Подобной мощью одаривала русская земля сынов и дочерей своих лишь в периоды лихолетья, когда нуждалась остро в защитниках. Пока не сгнуло племя Хранителей, пока нуждается русская земля в обороне от затаившейся фабричной химии, будут скрипеть перья, будут усердно склоняться головы писцов, будут бормотать свои видения пришлые старцы, страшно закатывая глаза...

Именно так, слегка пугая девушек-помощниц, вел себя отшельник Валдис, один из мудрейших Хранителей памяти. Щуплый, маленький, он прилетел на змее три дня назад и уютно устроился на мягких шкурах, у натопленной печи. Нынче он лежал на широкой лавке, в чистом белом платье, периодически макал усы в хмельной травяной чай и гневно бормотал, вздрагивая кадыком. Его многочисленные седые косички подметали дощатый пол; звякали амулеты на запястьях, рокотал воздух в перебитом, по молодости, носу.

Напротив старца, раскуривая длинную трубку, щурилась на огонь Мама — остролицая хмурая женщина с повадками рыси. Две девушки и служка, из клейменных шептунов, почтительно держались поодаль. Хранительница Книги слушала Валдиса вполуха, она знала, что помощницы исправно сделают свою работу, а разбираться в пророчествах придется позже. Поскольку перебивать гостя не положено, а Книга не терпит вопросов...

Валдис утомился и задремал. Остролицая суровая женщина перевернула хрусткую страницу и на чистом листе вывела: «...Собрав войска российского достойное число, в шестьдесят тысяч штыков пешими, а также пятнадцать тысяч сабель, выставил Кузнец кордоны промеж Каспия и Черного, в предгорьях южных. Кинул клич по всему Братству Креста, собрал союз правителей иноземных, а сам с малым флотом достиг тайной бухты, где скрывали янычары древние корабли, с огненными грибами на борту...»

Анна Третья подержала перо над бумагой, но так и не поставила точку. Книга не закончилась. Книга не заканчивалась никогда. Хранительница ждала гостей, прирученным нервным умом она заранее угадывала, что верные братья мчатся сквозь буран с дурными вестями. Сегодняшние гости несли тяжкие вопросы, на которые Книга ответить пока не могла...

«...И снарядил флот военный, из древних кораблей составленный, и грязью покрыв воздух и воду, обошел континент европейский... Имел на борту, в клетях железных, змеев летучих, китайскими братьями пожалованных, для победы над воинством Карамаз-паши и аравийским Халифатом...»

Старик на лавке востепенулся, втянул ноздрями смолистую жару избы.

— Чаю, Валдис? — Анна почтительно подвинула пиалу с вареньем.

— Исмаил с незнакомым отроком скачут... — Валдис приложился к горячему напитку. — Волки их устали, лапы сбили по насту...

— Недобрые вести слышишь, Хранитель?

— Нет, Мама. Недобрых вестей не бывает, сама знаешь. Каждая весть — как зеркальце: как взглянешь — так и отразится. Зато мысли недобрые копят небо над Россией, черно небо от гнуса...

Анна Третья невольно поежилась. Пустынники порой не желали изъясняться внятно. Однако именно они предрекли России бурю последних пятнадцати лет. Отшельники предсказали пробуждение Кузнеца в древней машине, которую сам он называл «капсулой анабиоза». И чем это закончилось? Разве стало безопаснее жить в лесах? Кому польза от того, что освобожденное, смазанное, смердящее оружие прошлых веков вновь царапает матушку-землю?..

«...Собирались трижды в лето и осень сорок второго года Хранители памяти и Хранители меток, во имя равновесия молили духов ниспослать верное решение. Однако чистыми легли страницы Книги, и не сумели в эту осень решить, следует Качальщикам русским поддержать президента Кузнеца в тяжелой войне или предоставить на волю высших духов...»

Визгливая поземка шваркнула в обледеневшие окошки, проскользнула в избу вместе с вошедшими, закутанными до бровей, мужчинами, рванула огоньки свечей. За притолокой заворковали почтовые голубицы, в корзине заволновались, раздулись под сквозняком спавшие прозрачные жабы, доставленные из ракетных могильников Северодвинска и назначенные заменять свечи в случаях крайних. Гости в прихожей стряхивали с сапог снег, девушки принимали у них шубы. За окошком конюх подхватил под уздцы черных разогретых жеребцов, повел отшагать по узкой протоптанной тропке. Белоголовые ушастые волки из личной охраны караванщиков забирались нижним лазом в специально для них отведенный сарайчик, граничащий с горячими печными кирпичами.

Прежде чем выйти в переднюю, Анна перелистнула страницу. Она прекрасно помнила все, о чем там сказано, но сейчас дорога была каждая мелочь. С тех пор как до Беломорья докатились слухи о гибели в подмосковных чащобах Хранителя силы, брата Бердера, взрослое население деревень бурлило. Никто толком не знал, зачем Хранитель силы подхватил верных отроков, взнуздал дракона и ринулся в самый центр раскачавшейся стихии, на явную гибель и себя, и учеников обрекая. Не поделился Хранитель с братьями, но подозревали многое. Якобы отважился президент Кузнец на дело непотребное — отрыть в московской земле саму Большую смерть, ядовитую вакцину, прикоснуться к которой нельзя, иначе вновь пойдет гулять эпидемия. Якобы Бердер его

упредить хотел, да не сумел, сгинул в чашах. И вроде бы не обвинить напрямую президента Кузнец в гибели троих замечательных уральских Клинков, однако забурлили лесные поселки...

От алтайской тайги до Чудского озера рождались самые невероятные предположения; находились даже такие, кто всерьез подозревал президента Кузнец в желании распылить Большую Смерть над миром. Анна Третья, по своей должности, не вмешивалась в споры, Хранительнице Книги положено быть беспристрастной и одинаково строгой ко всем. Но это внешне...

А внутри... Анна ждала гостей и в десятый раз перечитывала последние страницы, посвященные атаке русских армий на страну Двух башен. Вроде бы Проснувшийся демон все сделал правильно, но...

«...Монахи храма Девяти сердец подвергли Проснувшегося демона смертельным испытаниям, в сладчайшие искушения ввергли его, но Демон избрал путь служения, не сошел с пути. Китайские братья утверждают, что президент отказался вернуть молодость себе и своей женщине, так велика была его тяга стать послушником, и заполучить священных Красных драконов для войны с иноверцами. Кузнец получил Красных драконов, выкормил их своей кровью, привез в страну Двух морей, где древние корабли неприятеля готовились плюнуть огненными грибами и бочками с заразой...»

Анна Третья повела плечом. Подскочили две девушки, набросили на Хранительницу Книги меховую выворотку, предварительно разогретую в предбаннике. Поднесли свежий чай в берестяной чашке. Хранительница хоть и молода была, но не жаловала посуду из мертвого дерева, а из металла — так вообще, боже упаси поднести. Заклюет, шибко вредная; люто блюла Анна обряды, предписанные старцами. Потому и выбрали Качальщики ее новой Хранительницей Книги.

Пока девушки накрывали стол гостям, Анна перевернула еще несколько страниц. Ее не покидало ощущение, что сегодняшним вечером произойдет нечто непоправимое, в Книге появятся сразу несколько новых записей, противоречащих друг другу, способных перевернуть мысли прежние... Она никогда не жаловала президента Кузнец, не разделяла идеи старейшин о целовании креста, о возвращении Качальщиков к мертвой вере. И не радовалась тому, что мамочки снова начали массово рожать детей. Больше ста лет держалось хрупкое равновесие между могучим волшебством обиженной матушки-земли, темным чародейством Озерных колдунов и слабыми наскоками цивилизации. Больше ста лет мамочки, да и отцы, способные к продлению рода, ценились в городах дороже золота, численность населения оставалась низкой, — и вдруг, в одночасье все изменилось.

Плохо это или хорошо, что снова задымили трубы, в тысячный раз спрашивала себя Анна Третья. Хорошо ли, что люди перестали жить

покойно и размеренно? А главное... Несмотря на то что Книга предрекла его пробуждение заранее...

Хорошо ли, что Демона не убили шестнадцать лет назад?..

Равновесие качнулось как раз тогда, когда власть в Петербурге захватил Артур Кузнец. Книга предупреждала об этом, но пророчества ведунов порой смутны. Книга предупреждала, что «насекомые» начнут размножаться в десять раз быстрее, чем раньше, что снова закружат шестерни заводов, отравляя воздух и воду, но в Книге не было указано, как с этим бороться...

Анна Третья непроизвольно скрипнула зубами. Наедине с собой она могла быть честной. Последние годы она все сильнее подозревала, что старейшины разделяют ее страхи, только никто не говорит о них вслух. Качальщики сто двадцать лет спасали континент, но явился этот безумный ученый, и вот...

Равновесие нарушено.

— Мир дням твоим, Мама,— хором произнесли двое мужчин, оправляя косицы. В их бородах звенели сосульки.

— Мир дням, тепла вам,— приветливо кивнула Хранительница.— Лошади здоровы? Волки целы?

Хранительница нервничала, потому что один из мужчин показался ей незнакомым. В деревню крайне редко наезжали чужаки, а на аудиенцию к Хранительнице Книги их мог привести лишь человек приближенный. Впрочем, вошедший первым был одним из близких братьев...

— Благодарение заступникам, все целы,— привычно проговорил старший из мужчин, седой и высохший, похожий на шуструю ожившую мумию. Он повернулся, отыскивая икону, но, не обнаружив искомого, перекрестился на пустой угол.

Мама Анна насмешливо хмыкнула. Пришлый остро глянул из-под седых бровей, но Хранительница уже закрыла лицо широкой дымящейся чашкой. Она задышала свободнее, поскольку узнала, наконец, второго посетителя. Впрочем, удивление все равно осталось; этот человек с плоским невыразительным лицом, с черными щелочками глаз, только казался молодым...

— Приятно видеть тебя другом, брат Цырен,— улыбнулась Анна.

— Приятно думать, что мы всегда остаемся друзьями,— с легким акцентом произнес бурят. Разоблачившись, он остался в желтой накидке; бритую голову покрывали непонятные письмена.

— Разве нет, Мама, в обители твоей иконы? — ровно полюбопытствовал седой старик.

— Я просила тебя, Исмаил, не поминать мертвых богов...

— Разве ты сама хоронила бога, что считаешь его мертвым? — все так же, не повышая голоса, откликнулся Исмаил.

Юные прислужницы затаили дыхание.

— Я тебя поздравить хотела,— сменила тему Анна.— Валдис сказывал, избрал тебя Урал старшим Хранителем меток. Так ли?

— Избрали, сестра, благодарствую...

— Высока честь, брат. Скажи теперь, тебе старейшины поручили следить, что мне надлежит в избе держать? — нанесла удар Анна.

— Но, сестра! Качальщики признали Того, кто умер на кресте, да святится имя его,— беззвучно добавил Исмаил и снова перекрестился.— Ты не можешь отменить общее слово...

Анна Третья поморщилась.

— Я ваших сходов не касаюсь. Неудобна стану Совету родов — так уйду в скиты, Книгу передам. А насильно поклоны бить не заставите! Поклонились Кузнецу, теперь и богам его поклоняетесь...

Исмаил крикнул, незаметно придержал за локоть своего молчаливого приятеля. Тот дипломатично поклонился, сел поодаль на лавку, занялся едой в своей чашке.

— Не забыла ли ты, сестра, что Кузнец внуков наших в Петербург, в учебу взял, что охраняет их, да каждый год оброк по всем лесным поселкам рассылает? Разве не обещались мы, что взамен примем веру прежнюю, лишь бы братоубийство сдержать?

Под пристальным взглядом Исмаила Анна Третья смутилась. Вместо того чтобы продолжать спор на скользкую тему, она отодвинула полог и вынесла гостям последнюю из кожаных тетрадей.

Ее не оставляло чувство, что гости таят дурную весть.

— Вот оно, что ты просил... Это поважнее крестов ваших будет...

— Так Валдис уже тут? — привстал Исмаил, заведя в щель лежащего у печи отшельника.

— Притомился. Почитай, двое суток без продыху вещал... — Анна махнула девкам, чтобы ставили горячее, мясное.— Аль будить?

— Нет уж, пусть его,— Исмаил распустил веревку, стягивающую на затылке косички. На волосах его до сих пор играл иней.— Все едино, сам не разберет, чего натолковал...

— Это точно, дед Валдис мудроно говорит,— неожиданно мелодично рассмеялся Цырен. Он принял у девок вторую свечу и вместе с наставником склонился над Книгой.

Анна перечитывала эти строки уже трижды, но все равно затаила дыхание.

«...В ночь на шестнадцатое января Хранитель памяти Валдис, сын Хранителя меток Ивара и почтенной Оксаны Второй, имел видение ясное... Бежит от северных болот седой волк светлоглазый, на загривке у него заяц дохлый скалится, а следом за ним волчонок спешит, подвывает. В глазах того волка — холодный огонь буйный, никакая

преграда его не удержит. Как ударит зверь лапищей, стонет матушка-земля, сосны на корню засыхают, а вместо мягкого мха железом земля оборачивается... Поспешает зверь северный, но как не торопиться, по сторонам от железной тропы два аспида гонятся. Гнилью они плюют, не дают волку оторваться. Слева аспид желтый, как зрачок тигра, плюет гнилью желтой; смердит от яда того земляца, мрут черви в ней, пчелы на лету дохнут... Аспид правый, напротив, темен и лохмат, по тени скользит, мрак души человеческой его питает, а поперек дорожки волку светлоглазому летит слюна ядовитая. Глаза и уши волку аспид лохматый выгрызти хочет, все ближе подбирается. Бесится волк, на сторону метнуться бы рад, да заяц дохлый на плечах к земле давит, держит цепко...

За хвостом волка бегут стаи послушные, рвутся сквозь буреломы северные, грудями льды ломают, рвутся на восток, к глубокой теплой воде. Мерзости в той восточной воде так много намешано, что дыхание зловонное на два дня вперед от нее летит, но волку северному сладостно его вдыхать... Оглядывается порой зверь, да роняет в землю клык, кровью облитый, со звездой ясной на гребне, и там, где он клык уронит, спотыкаются несколько псов его, да навечно остаются, стеречь пропажу... Широко бегут стаей, ан не пролезть стае в игольное ушко, в щелочку малую, меж валунов медвежьих, только один волк, прижав уши, проползет, а за ним — остальные. Пахнет железом меж валунов сырых, да не ждут псы ярости от железа, лижут пятки вожаку, ведь ему металлы послушны. Не ждут вреда, да в щели узкой затаилась злоба великая, против нее ворожба бессильна...»

— А дальше? — разом выдохнули мужчины.

— Дальше — ничего... Уснул Валдис, затем уж о рыбном промысле заговорил...

— Как всегда! — стукнул кулаком старик. — Устал, уснул, нету точных пророчеств...

— Точнее некуда, однако... — Бурят Цырен полотенцем промокнул испарину с голого темечка, придвинул тарелку с блинами. — Жив будет ваш президент, дойдет до Байкала...

— А потом, после Байкала?

— Потом — неведомо.

— Пошто ж не подмогнете ему? — недобро усмехнулась Анна, осторожно обернулась на дверь в покой, где спал Валдис. — Коли не напутал отшельник, стало быть, болота Желтые вовсю тайгу жрут...

Привлеченный запахом жаркого, под потолком захлопал крыльями мурманский летун, огромный, седой, с перебитым клювом. Мама Анна, не глядя, взяла из чашки кусок мяса, кинула в темноту. Вампир чавкнул, снова выжидательно затих.

— Против болот Кузнецу китайские братья помогут, об том уж давно промеж ними решено,— уклонился Исмаил.

— Вот только, как помогут? — сердито встрепенулась Анна.— Вакциной помогут? Хороша помощь будет, болото точно вымрет. А вместе с болотами и нам конец...

— Обещался Кузнец, что Большую смерть близко к деревням Качальщиков подпускать не станет,— возразил Исмаил.— Тута для нас выбору нету, Желтая зараза всю тайгу до Урала пожрет... Меня иное печалит, Мама. За тем и братья послали...

— Выходит, не сам-один пожаловал? — насторожилась Анна.— Никак, старейшины совет держали втихую?

— Это все Валдис наболтал? — хрипло осведомился Исмаил, еще раз перечитав лист.— А сам-то, хорош, туману напустил... Вот ведь, словно дразнится, не хочет открыть правду...

— Ты ведь тоже знаешь больше, чем говоришь? — выждав, пока гости отведают блинов, полуутвердительно спросила Анна. Ее острые скулы пылали.— Пошто коней загонял, неужто сказок послушать?

— То не сказки, Мама. Все прочли мы, нет более?

— Много чего, да про того, за кем ты спрашивал, нету боле,— кивнула Анна.— Я тебе болючее самое показала.

— Дядюшка Исмаил, довольны ли тебе сказаний? Все ясно тут, однако... — заметил младший гость.

— Все тут ясно,— Исмаил принял из рук Хранительницы раскуренную трубочку.— И правда, самое болючее. Кузнец на восток идти собрался, слышала?

— Как далеко?... — Мама сглотнула.— Дальше Байкала?

— Дальше, до самых краев земли,— Исмаил подергал бороду, отпил чая.— На самый, что ни есть, дальний восток собрался. Волк, стало быть, мох в железо лапой обращает... Э-хе-хе, и то верно! Железный путь до Владивостока он по новой отстроить собрался и паровики по нему запустить. А вдоль пути клыки роняет со звездами, тоже понятно. Я с народом в Тамбове да Катеринбурге помолвился... Будет станции древние и да поселки фабричные заселять, лихоимцев из острогов вынает, кто справно срок тянул, да с семьями вдоль чугузки расселить хотит.

— Снова грязь поползет... — застонала Мама Анна.— Да как же? — внезапно спохватилась она.— Про волчонка-то упомянуто? Это к чему? Сына, Федьку, что ли, с собой хочет таскать?

— Старшего сына-то убили у Кузнеца,— Исмаил почесал в затылке, осушил кружку.— Стало быть, Федьку приучать к седлу собрался... Н-да, не потерял жилу старый Валдис! Толкует то, о чем еще нигде и не болтают!

— А что такое за два аспиды, Исмаил? — недоуменно потерла переносицу Анна.— Ежели целое воинство псов за президентом бегит, что ж

за страх перед змеями? У его самого змеев хватает, да тигры приручены к тому же, любую пакость порвут...

— Желтый аспид — это как раз не диво, — Исмаил переглянулся с бурятом, тот задумчиво кивнул. — Супротив Желтых болот Артур траву ищет, напугал нас здорово, когда дрянь эту в котле в Питер привез. То не аспид, толкование слушать иначе надобно.

— А темный аспид — что за напасть? — настороженно замерла Анна.

— Это... вот, брат Цырен к тому и прилетел... — передал бразды разговора Исмаил.

— Меня досточтимый геше Содбо послал, — бурят кротко сложил руки. — Один почтенный боболама из горного дацана был в гостях в Храме Девяти сердец, у китайских братьев. Там две новости удивительные услышал, одну добрую, другую — недобрую, однако. Добрая новость, что китайские монахи обещали послушнику Клинку помощь, до восточного моря по суше добраться, до древнего города Шанхай. Обещали вакцину смертельную найти, чтобы Желтые болота травить...

Лысый монах подул на веточки, плавающие на поверхности чая.

— Ну а дурная весть? — не утерпела Хранительница.

— Не пропустят шаманы его паровики через бурятские земли, — коротко обронил Цырен. — Ваш колдун Валдис верно слышит завтрашнее, однако... Монахам китайским и нам в дацане дела нет, но мандарины с шестью самыми сильными бурятскими улусами по рукам ударили. Не нужны им русские города в тайге, не нужна им старая граница по Амуре, которая до Большой смерти Россию и Китай делила... Все свое колдовство, всю силу военную пошлют улусы, нападать будут в узких местах, под камнями... Им мандарины земель навечно обещали выделить, а русскими пугают. Там такие места есть, железная дорога прямо в горе, внутри металл течет, однако...

— Это называется «тоннель», — важно оттопырил губу Исмаил. — Я в книге инженерной сам читал!

— Но буряты же... — Мама в растерянности потеряла нос. — Ты сам бурят, брат Цырен! Никогда же не дрались наши парни промеж...

— Мы в дацане священному Сиддхартхе, мудрому учителю поклоняемся, — торопливо уточнил гость. — Не может у учеников святейшего ламы быть ненависти к русским братьям. Против президента выйдут шаманские улусы с Алааг Хана, сильные воины, нет им равных. Они внуками Чингисхана себя называют, однако, но не только в стрелах и огне опасность для паровиков...

Цырен вежливо оторвал кусочек блина, обмакнул в бруснику. Мама Анна боялась громко вздохнуть.

— У настоятелей храма Девяти сердец много ушей и глаз. Баболама слышал в монастыре, что шаманы против русских призвать эзэна подземного царства собираются, самого Эрлиг-хана...

— Это что за пакость? — удивилась Анна. — Чай, Кузнец отобьется, не впервой... Исмаил, это ж вы ему, братья, позволили пушки древние из хранилищ повынимать. Супротив пушек да бомб древних кто в тайге устоит?

— Я так мыслю, что геше не послал бы к нам брата Цырена, кабы пушки тута помогли, — грустно улыбнулся Исмаил.

— Тепла вам! — раздалось из-за мехового полога. — Эх, Мама, такие гости! Почто не будишь? — В дверях улыбался заспанный Валдис. — Кого я вижу! Никак сын досточтимого Буянто, почтенный монах Цырен! Тепло ли в Улане?

Мужчины обнялись. Висящий вниз головой летун оживился и закотал, когда прислужница внесла длинное блюдо с горячей олениной.

— Я слышал... — прошамкал Валдис. — Слышал ваши речи... Ты прав, Исмаил, но вдвойне прав будет тот, кто скажет, что настоятели храма Девяти сердец просто так воздух речами не колышут. Они намекнули боболаме на опасность для русского президента, потому что хотели, чтобы до нас это дошло. Не хотели бы — не дошло бы...

— Это верно, — кивнул монах. — Приязнь явную своему послушнику орден проявил.

— Ну хорошо... А заяц? — Анна пытливо переводила взгляд с одного собеседника на другого. — Прочее мне ишо растолмачат, ишо посидим, повертим вместе. Главное, что супостатов муслимских Клинок прижмет, это в радость, не подпалят русскую землю... Я про зайца вот, и так и эдак кидала, не пойму, что за зайчишка заодно с аспидом...

— А Валдиса спытать не решилась? — Исмаил скупой улыбнулся, бурят подмигнул. Они выглядели точно заговорщики.

— А то ты не знаешь, что Валдис ни черта не помнит? — озлилась Мама.

Старик виновато развел руками. Все засмеялись, но невесело.

— Про зайца есть мыслишка... — Исмаил полез в печь за угольком. — Нюх у тебя не потерялся, Мама. Про зайца дохлого самая мыслишка главная и есть...

Цырен развязал кожаный мешочек и вытряхнул содержимое на лавку. Вампир под потолком тревожно заверещал, забурчали в корзине светящиеся жабы. Анна Третья невольно отпрянула, мигом почуяв вонь Вечного пожарища. Так вот откуда несло темной падалью сквозь снега!

На лавке лежала заячья шкурка, но не совсем обычно выделанная, и не совсем заячья. Зверек был очень крупный, невероятно крупный. Кроме того, зайцу оставили череп, умело обработав его, сохранив шерсть и зубы.

— Это тварь с пожарища? — брезгливо спросила Хранительница.

— Это онгон, Мама... Не прикасайся! Онгон темных духов, его перехватили монахи, близкие друзья нашего брата Цырена. Догадайся, где нашли? В Екатеринбурге, в вагоне паровика, что для президента готовят...

Валдис хлопнул себя по колену, смачно выругался.

— Прости уж, брат, не все я увидеть способен...

— Разве тебя винит кто? — отмахнулся Исмаил. — Вагоны для бронепоезда там готовят, на заводе; канцелярия президента заказ уже оплатила. Дело-то, навроде, секретное, и мы об том не слыхивали, что с Урала вагоны в Питер погонят. Навострился Клинок секреты городить, ничего не скажешь, навострился! Однако ж, пронюхали бесы клятые, пролезли как-то на завод...

— Сболтнул кто, купился, — коротко заметил Валдис. — Повезло Кузнецу, что заметили...

— Не повезло! — резко вступил в разговор бурят. — Президент Кузнец еще два года назад последователям ламы деньги выделил, землю выделил, каторжан пригнал, на строительство дацанов и школ. В Екатеринбург, в Миассе, в Челябинске построили, однако. От злых людей монахов огородил, грамоты заступные выделил, чтобы три года с земли налог не платить, охрану даже прислал... Как можно говорить, что повезло? Среди монахов есть двое, деда их шаманы были сильные, а дар такой, сами знаете, по крови к внукам переходит. Почуяли темных духов, сами вышли к заводу, затем уж губернатор приехал... Доски оторвали от пола, как раз там, где спальню президенту украшали, а под полом...

— Но... брат Цырен, ты же не веришь шаманским сказкам, ты же...

— Мы верим тому, что завещал Гаутама, но это не мешает нам убивать тех, кто несет хаос.

— Чудно как-то, — поехала Анна. — Заяц... Проще яду подсыпать или стрельнуть издалече...

— Не проще, — Исмаил глянул на Хранительницу искоса и угрюмо. — Давно не проще. Стерегут президента теперь десятки булей, коты, тигры, я уж о чингисах не говорю. Веселый он человек. На юге сам-один дерется, а в родной земле за частоколом прячется... Так что, отравить не получится, — подытожил Исмаил, как будто с ним всерьез обсуждали эту идею. — И ножом не достать, только темной силой...

— Изловили шаманов?

— Как сгинули... До наших-то поздно докатилось. Шибко гордый Артур стал, о помощи не просит...

— Значит... Эта вот пакость вонючая могла Кузнеца погубить?

— Мы ж к тебе спешили, сестра, чтобы Книгу спросить, — тихо произнес Цырен. — Раз ваша Книга молчит...

— Когда Книга на важный вопрос ответить не может... — Хранительница замялась.

Все присутствующие и так прекрасно понимали, что означает молчание рукописных страниц, хотя вопрос стоял наиважнейший. Хозяин страны частенько подвергал себя опасности. Качальщики выпрашива-

ли оракулов, и Книга всякий раз, тем или иным способом, отвечала, что президент и дальше будет жить.

На сей раз Книга молчала. За последние месяцы в ней не появилось даже малейшего упоминания о дальнейшей судьбе президента.

— Если улусы на курултае так порешили, то не отступятся,— тяжело вздохнул монах.— Кузнеца убивать будут, однако.

— Его уже пятнадцать лет убивают,— фыркнул Валдис.— И так, и эдак убивают, а он только румянее и толще...

— За что твои родняки его так ненавидят? — Анна Хранительница Книги бесцеремонно вперилась в бурята.

— А ты его разве любишь, Хранительница? — В черных щелочках глаз Цырена отразились искорки свечей.— Проснувшийся Демон не молод, но похож на молодого тигра. Знаешь, как ведет себя молодой тигр? Он расширяет охотничьи угодья.

— Не всем это по нраву,— подхватил Исмаил.— На юге, у Каспия большая буча зреет, и донские племена под питерским налогом не хотят жить, кавказники ножи точат. Их только дивизии бешеного Абашидзе и сдерживают. Неизвестно еще, чью бы сторону кавказники взяли, за Россию бы встали или за Карамаз-пашу, ежели бы Кузнец первым пушки не подвез...

— Погодь, брат! — оборвала Мама.— Что решили Главы родов? Вокруг да около ходишь, брат, да истины не слышу! Неужто впервые покинули вы Клинка своего? Неужто не пойдут Хранители с Кузнецом в Сибирь?

— Разве Кузнец — дитя малое? — уклонился от ответа Исмаил.

— Ах вот как, хитрецы! Поняла я! — ахнула Мама.— Вы Книгу почитать торопились; вдруг в ней, как и прежде, сказано, что выживет президент и дальше править будет? А коль молчит Книга, можно его бросить, так? Мне наплевать, кто он там среди насекомых, президент али сам бог, вы же Клинка своего на погибель отпускаете...

Исмаил открыл было рот, да осекся, подергал себя за бороду. Слово опять взял бурят.

— Не так все складно, Мама Анна. Хранители долго думали, однако детей своих по следу Большой смерти посылать не станут. Просил Кузнец три десятка лучших Хранителей меток, но не получит...

— А ты пойдешь с ним, брат Цырен?

— Брат Исмаил меня вызвал. Я поеду с президентом. Мои деды родились не на пожарище, я не боюсь вакцины, однако.

Анна уставилась на Исмаила, тот был абсолютно серьезен, Валдис тоже погрустнел.

Улыбался только мертвый заяц, всеми восемью клыками и двумя рядами мелких зубов.

Часть I

БИТВА ЗА ДВА МОРЯ

1

ГИБЕЛЬ ШЕСТОГО ФЛОТА

...Первые два красных дракона ворвались в чрево «Рональда Рейгана» через распахнутое жерло авиационного лифта. Коваль отправил их туда, чтобы стимулировать массовую панику на борту и дать возможность еще двоим беспрепятственно зайти с другой стороны, для атаки на бортовую авиацию. Диверсионной «двойке» предназначалось самое ответственное задание, на первый взгляд, абсолютно невозможное. Им предстояло прогрызть корабль внутри, добраться до кормы и напроочь вывести из строя ходовую часть.

Артур толком не представлял, как устроена эта самая ходовая часть, но мысленно постарался транслировать «маленьким друзьям» очертания турбины и то, что им предстояло с нею сотворить. Черви были достаточно сообразительны, чтобы без подсказки найти слабое звено, и по очереди, сменяя друг друга, искалечить авианосцу внутренности.

Они проносились по затемненным коридорам плавучего гиганта, в мгновение ока перекусывая возникающие на пути препятствия, вскрывая стальные крышки люков, как консервные банки, растирая в кашу не успевших убежать матросов. Даже в тесном пространстве красные монстры двигались с такой ужасающей скоростью, что, не готовые к появлению противника, янычары просто не успевали понять, что же они видят в последние мгновения своей жизни.

Питомцы храма Девяти сердец не плевались огнем, как их русские собратья, но обладали колоссальной пробивной мощностью. Со всего маха вонзившись костистой мордой в узкое окошко иллюминатора или в отверстие воздуховода, червь в считанные секунды прогрызал любой материал, расширяя дыру, куда тут же пропихивалось многометровое чешуйчатое тело.

Там, где проползали летучие гады, оставалась череда рваных отверстий метрового диаметра, свисающие, оборванные провода, непоправимо изувеченные механизмы и десятки трупов...

Кто-то стрелял вослед, кто-то отважно погибал, бросаясь на ящеров с багром и саблей, офицеры пытались организовать сопротивление, но животный страх перед визжащей неистовой смертью оказывался сильнее дисциплины. Внутри гигантского корабля покатились волна паники. Сотни грузчиков, рабочих, механиков бросали дела, не подчиняясь приказам командиров, стремились наверх, любой ценой — только к солнцу.

А там их встречали еще две стремительные кровожадные молнии. Перепуганным корабелям открывалось зрелище, после которого лучшим выходом казалось ринуться вниз, с высоты тридцати метров. Одним ударом круглых спаренных челюстей, ящеры перекусывали фюзеляжи самолетов, отдирали «с мясом» крылья и, не останавливаясь, не замечая шлепков пуль, бросались на следующее препятствие.

Вой и визг разрывал барабанные перепонки, наслаиваясь на уханье тяжелых орудий...

Миноносец «Клинок» продолжал продвигаться к порту, не получив пока серьезных повреждений. Технический гений адмирала Орландо раскрылся во всей красе. Корабль оцетинился сотней дополнительных пушек, снятых с сухопутной российской техники. Практически весь верхний ряд иллюминаторов превратился в линию крепостных бойниц, в которых дымили орудийные жерла. Вместо офицерских кают за укрепленной броней был проложен сплошной настил, по рельсам вдоль него перемещались вагонетки со снарядами, расчеты стреляли поочередно, создавая ощущение непрерывного огня. Благодаря хитрости Орландо, один «Клинок» оказался вооружен лучше пяти неприятельских кораблей. Единственный минус состоял в том, что тяжелые танковые пушки пришлось намертво приварить к станинам, и стрелять они могли только прямой наводкой.

...Ближайший американский эсминец горел, капитан не додумался или не успел отдать команду к развороту, и разрывы от попаданий «Клинка» выстроились кошмарным пунктиром, от носа до кормы, превращая глянцево выкрашенные надстройки в дымящуюся, горящую кашу. При такой плотности стрельбы не выдерживала никакая броня, особенно учитывая, что адмирал запасся преимущественно фугасными снарядами.

В считанные минуты чужой эсминец превратился в пылающий факел, дал крен на правый борт и, потеряв управление, начал опасный дрейф к грузившемуся по соседству крейсеру. Уцелевшие орудия эсминца еще продолжали огрызаться, но в пробоины хлынула вода, крен усилился, и корабль со страшным треском воткнулся в борт своего собрата.

Командование крейсера, если оно вообще находилось на борту, могло лишь страдальчески взирать на происходящее. Могучее судно находилось на плаву, но, судя по окружавшему его сплошному настилу из плотов и вспомогательных механизмов, в ближайшие дни сниматься с якоря не собиралось. При виде надвигающегося перекошенного борта эсминца обитатели плавучего городка бросились врассыпную, но мало кто успел скрыться.

Продолжая заваливаться на бок, горящий эсминец с протяжным гулом подмял под себя домики на понтонах, барахтающихся людей и ударил в борт линкора «Тикондерога». Там немедленно что-то взорвалось: вначале слабо, а затем словно бы началась цепная реакция, и взрывы слились в сплошной рев. Над морем, широкими огненными параболами, разлетались пылающие лохмотья, падали в воду, продолжая гореть даже там и калечить улепетывающих на лодках матросов. Гибнущий эсминец практически лег на правый борт, ломая мачты и ржавые локаторы; над сцепившимися кораблями выросло жирное облако черного дыма, а вопль обезумевших матросов на секунду перекрыл мерное грохотание боя.

— Спасайся, братва!..

— Иль алла...

«Клинок» начал забирать вправо, перенеся ураганный огонь на следующего противника. Черви на палубе «Рейгана» покончили с самолетами, загнали людей в трюмы и сами рванули вслед за ними, помогать своим товарищам. Как раз в этот момент «Клинок» пережил первое серьезное попадание, это пристрелялся другой крейсер, стоящий у самого пирса, а Артур ощутил болезненный укол в сердце.

Один из «маленьких друзей» погиб от потери крови. Он упал, простреленный сотней пуль, в дебрях машинного отделения «Рейгана». Буквально наспигованный свинцом, до последней секунды он не знал пощады к врагам. Коваль и сам был потрясен тем, сколько злобы скрывали его подопечные. И с каждой минутой боя они становились все менее управляемыми...

— Ай, навались, ребята!

— Огонь, огонь, черти дубовые!

— Не зевай, латай дыру!

Орудия правого борта поливали металлом флотилию вражеских вспомогательных судов, опрометчиво кинувшихся наперерез. Сверху было видно, как сплошная стена водяных смерчей приблизилась и накрыла пограничные катера, прогулочные теплоходы и увешанные оружием спортивные яхты. Там где артиллерия «Клинка» неторопливо проутюжила море, на поверхности остался лишь слой мусора и масляные пятна. Кто из экипажей противника успел сообразить, те направляли шлюпки обратно в море. Но там их уже поджидали черви.

Которые получили приказ уничтожать все живое в воде.

Коваль не верил, что доморощенным механикам Карамазы удастся запустить атомный реактор авианосца. Обладай супруги Дробиченко хоть восемью пядями во лбу, такой научный кряж им было не одолеть. Но еще меньше он верил, что колоссальный корабль собирались таскать против течения на буксирах...

— Вали их, ребята!!

— Ты глянь, как змей беснуется!

— Исчадие адово, чур нас, чур!

— Да не тронет своих, не дрейфь, они у Кузнеца заговоренные...

Он спросил себя, что сделал бы сам в такой ситуации. И сумел найти только одно решение: если у «Рейгана» не имелось альтернативной силовой установки, оставалось демонтировать и перенести дизельный двигатель с другого корабля. Крайне сложно, но вполне осуществимо. Им достаточно набрать хотя бы тридцать процентов мощности, чтобы подняться до Балтики и оттуда угрожать всем союзникам сразу...

Авианосец требовалось утопить, чем раньше, тем лучше. И желательно, на виду у всего остального флота. Три уцелевших дракона продолжали свое дело, выворачивая наизнанку внутренности вражеского флагмана.

Тем временем, в непосредственной близости от «Клинка», события развивались с бешеной скоростью. Мирная пепельная рябь, покрывавшая гавань, превратилась в бурлящий бульон. С покрытого ракушками днища перевернувшегося эсминца с воплями кидались в воду сотни крошечных фигурок. Люди хватались за доски и гребли в сторону берега. Встречная толпа спасающихся вплавь моряков двигалась со стороны авианосца. На ходу подбирая пловцов, русский корабль преследовали служебные транспорты противника. С них даже не пытались стрелять, но вполне возможно, что собирались ринуться на abordаж. Между спасательными шлюпами и пловцами резвились два посланника Храма. Они выскакивали из воды, перекусывали очередную добычу и снова проваливались в бездну, распространяя вокруг себя целое озеро крови. Плотная завеса дыма окутала акваторию, мешая нормально вдохнуть. Артур был вынужден подняться выше, чтобы не слезились глаза.

Следующая «двойка» червей прорвалась внутрь стоящего на приколе крейсера, но его пушки продолжали палить, нанося «Клинку» ощутимый урон. После нескольких попаданий вышли из строя сразу шесть или семь дополнительных орудий; в борту образовалась рваная дыра, а расчеты, видимо, были полностью уничтожены.

Внезапно из дымной завесы, под прикрытием горящего крейсера, выскочили два заградителя и открыли пальбу из зениток. Орудовавшие в воде десятиметровые живодеры оказались под перекрестным огнем.

Коваль ощутил крайне болезненный укол в сердце, когда один из драконов всплыл, разрезанный на несколько частей. С ближайшего заградителя послышался ликующий рев. Там, на носу, возле зениток, приплясывала от возбуждения разношерстно одетая публика.

Второй дракон, раненый, успел уйти в глубину.

Впрочем, на заградителе радовались не долго. Забыв вовремя сменить курс, они попали под обстрел кормовых орудий «Клинка». Орландо, видимо, тоже не зевал, оперативно перенес огонь с удаленных целей на ближние и начал бить прямой наводкой. Не прошло и минуты, как оба заградителя превратились в пылающие, бесцельно дрейфующие консервные банки.

— Не давай уйти супостатам!

— В море хотят уйти, отсекай гадов!

...Два взрыва, один за другим, у самого борта «Клинка». Столб воды взметнулся на двадцать метров, окатив палубу. У Ковалья похолодело в груди от явившихся взору повреждений. Значительный кусок обшивки взлетел на воздух, обнажилось пространство под верхней палубой. Там гуляли языки пламени и металась фигурки в синем, люди тащили шланги насосов и вытаскивали раненых. Вода потоком хлестала сквозь пробоину в борту.

Но канониры «Клинка» не прекратили стрельбу.

Маломерный флот врага уверенно сомкнул объятия вокруг эсминца, поливая его из пулеметов. Артуру было видно, как одного за другим расстреливали отчаянных наводчиков на башнях, как вылетели стекла на капитанском мостике, как загорелись спасательные шлюпки. Плотность огня была такая, что маленькие немецкие канониры даже не могли выбраться наружу, чтобы забрать раненых.

«Клинок» неумолимо пер прямо навстречу стволам пришвартованных крейсеров.

Один из драконов вновь выскочил на палубу «Рейгана». Артуру было очень непросто уследить за происходящим, поскольку, в отличие от любимой Катуники, бородатый ящер под ним не умел зависать на одном месте, он беспрестанно вопил и кружил. В бинокль президент видел, как на палубе суперкорабля завалился на крыло один из «Хорнетов», затем перевернулся второй, третий, опрокинулась радиомачта. С борта снова посыпались в воду крошечные фигурки...

Два других ящера стремительно атаквали идущий наперерез фрегат бывших итальянских ВМС. На верхней палубе корабля сотни матросов и грузчиков, не замечая опасности с неба, столпились поглазеть на «Клинок», другие разглядывали горящий авианосец. Первый дракон упал на толпу и проделал в людской массе широкую брешь. Там, где он бился неуловимым упругим телом, заблестела жуткая кровавая дорога,

усеянная десятками искалеченных трупов. Его собрат, тем временем, проломил башкой окно рубки и проник внутрь.

Орlando разворачивал «Клинок». Теперь заговорили орудия правого борта, а башня главного калибра продолжала размеренно превращать в труху все, что попадалось на берегу,— портовые краны, склады, скопище многоместных палаток, обезумевших лошадей вместе с телегами, залежи продовольствия и боеприпасов, ряды катеров, не успевших отчалить. В порту царил настоящий ад, горела полоса земли шириной метров сто, дальше за плотным одеялом дыма Коваль не мог рассмотреть.

Артур тревожно обшаривал взглядом колышущуюся у берега полосу жирного пепла. Оставалась опасность, что бойцам Карамаза удалось вернуть в строй субмарины, но Коваль надеялся, что турки не станут запускать торпеды вблизи собственных кораблей.

Тем временем канониры «Клинка» пристрелялись и подожгли второй вражеский крейсер, но чтобы потопить такую махину, требовалось время. На крейсере открыли шквальный огонь. Буквально в течение минуты «Клинок» лишился ракетных установок левого борта, затем было повреждено электропитание, образовались еще две опасные бреши...

— Насосы давай!

— Задраить люки, мешки тащи!

— Ааааааа-аа!

Вражеский эсминец пошел ко дну, подняв маленькое цунами, и сразу вслед за его, почти беззвучным погружением по ушам ударил невыносимый грохот. Подожженный собратом, но чуть было не спасшийся, крейсер ахнул и начал разваливаться пополам, извергая ревущие языки пламени. Канониры ухитрились попасть в пусковые шахты, и на крейсере, одна за другой, начали рваться ракеты.

Неясный гул и треск все отчетливее заполнял паузы между уханьем снарядов и отрывистым лаем пулеметов. Коваль знал, что будет громко, но что будет так громко, не ожидал. Он крикнул, и не услышал собственного голоса, барабанные перепонки словно залило густым сиропом. Морской соленый воздух, казалось, превратился в громадную перину, которую рвали на части абордажными крючьями.

Фактор внезапности свое действие закончил. В гавани пришло в движение все, что могло двигаться. Слева, наперерез «Клинку», тяжело набирал ход второй итальянский фрегат, за ним разворачивал нос уцелевший эсминец. С эсминца стреляли непрерывно, судя по всему, на цель наводили практически наугад: снаряды поднимали столбы воды за кормой и потопили несколько собственных лодок, опрометчиво ворвавшихся на линию огня. Справа, пытаясь заслонить незащищенный борт авианосца, маневрировали тральщик и целая армада мелюзги, сверху

похожая на косяк оголодавшей рыбы. Первым напирал десантный катмаран, с носа которого броню «Клинка» весело поливали огнем две скорострельные пушки. Пулеметчики действовали до обидного умело; Коваль с досадой следил, как вдребезги разлетаются осколки иллюминаторов и окон палубной надстройки. На палубе «Клинка» начался пожар, но спасательные команды не могли и носа высунуть под шквальным огнем турок.

Третий укол...

Ковалю показалось, будто шершавая холодная лапа передала ему аорту. Первый, ближайший к «Клинку» фрегат потерял управление, но в недрах его погиб еще один червь. Он погиб не зря. Пока враги поливали его горящим маслом и рубили на части, он успел проделать в днище корабля огромную дыру, и теперь стальная махина, со скрипом и утробным бурчанием, погружалась в пучину. Из всех щелей выскакивали члены команды и кидались в воду, стремясь успеть отплыть подальше. Артур кружил выше и, как замороженный, следил за гибелью очередного красавца-корабля. Некоторое время в пепельной гуще, брюхом кверху, плавал вертолет...

На «Клинке» вопили «ура!!».

С радостным удивлением Артур отметил, что большая часть неприятельского флота сию минуту сняться с якоря совершенно не готова. Он увидел бесконечные мостки, перекинутые через понтоны, по которым с берегов на корабли раньше сновали тысячи полуголых носильщиков с грузами, а теперь все они разбежались и попрятались; увидел ряды плотов, пришвартованных к полуразобраннным, вскрытым бортам крейсеров. На плотях, сколоченных из неохватных стволов, совсем недавно работали краны, загружали в подсвеченные прожекторами внутренности «Тикондерог» вереницы мешков и ящиков.

Флот Карамаза собирался в дальний поход.

Ковалю передернуло от мысли, что случилось бы, опоздай он на пару недель. Против трех крейсеров у одного недоделанного эсминца не было ни малейшего шанса продержаться и полчаса. Максимум, на что они смогли бы рассчитывать в такой ситуации, — это героическая гибель с занесением в Книгу.

Праздник, да и только...

— Ааа-аррра! — то ли «ура» вопили, то ли «спасите!», сверху не разобрать.

Похоже, его заметили. Где-то невдалеке, сквозь клубы пороховых газов, посвистывали пули. Били из тяжелого пулемета, но почти сразу перенесли огонь вниз. Видимо, враг еще не осознал, с кем имеет дело. Человечка на драконе приняли всего лишь за воздушного лазутчика; никому и в голову не пришло, что перед ними самая важная цель.

С неимоверным трудом удерживая дракона на высоте, Артур приложил к глазам бинокль. Их вспомогательная маленькая флотилия, к чести адмирала, действовала почти безукоризненно. На полных парах, не приближаясь к месту схватки, не привлекая к себе внимания, «группа поддержки» по широкому кольцу огибала порт, готовясь высадить десант на берег или на один из зазевавшихся кораблей противника — и внести сумятицу в ряды врага.

На «Рейгане» полыхнула яркая вспышка. Оторвалась с тросов и тяжело грохнулась на железный понтон «люлька» со сварщиками, погасли прожектора, еще несколько самолетов покатались за борт.

Несмотря на валивший из всех щелей дым, «Клинок» уверенно продвигался к берегу. Турецкий эсминец потерял возможность стрелять, застряв в понтонах. Теперь между ним и «Клинком» остался только шустрый итальянский фрегат. Его нос уже находился в четверти кабельтова, когда мощным залпом с правого борта русские канониры разнесли одно из вражеских орудий в клочья. И почти сразу в чреве фрегата взорвался орудийный погреб. Носовая часть откололась, обнажив багрово пылающие потроха, фрегат зачерпнул воды и рассыпался на части.

Корма еще секунд десять держалась на плаву, кружась на месте, превратившись в огромный ревущий факел, но скоро отправилась вслед за носовой частью. Сила взрыва была такова, что от корабля практически ничего не осталось, а тысячи осколков накрыли воду в радиусе нескольких кабельтовых.

На «Рейгане» тоже полыхали пожары. Авиакрыло было практически уничтожено, но на опустевшей, залитой кровью палубе издыхал дракон. Он еще огрызался, щелкал челюстями, а осмелевшие солдаты смыкали вокруг него кольцо, не жалея пуль.

Коваль сосредоточился на уцелевших червях. Оставшихся он разделил на три двойки, каждой определил ближайшую цель, и... очень скоро понял, что с этой минуты о стратегическом планировании можно забыть. До того кружившие на большой высоте, клыкастые дьяволы, едва почуяв долгожданную свободу, буквально сорвались с цепи. Пока еще они чувствовали власть человека и отличали запахи «родного» корабля, но в запале драки могли увлечься.

Эсминец, набирая обороты, скользил в сторону порта, но его носовая часть все глубже погружалась в воду. Пока еще это не мешало канонирам, орудия главного калибра лупили, не переставая, и, к счастью, ни один вражеский снаряд не попал в башню «Клинка». Экипаж яростно боролся за живучесть; изнутри на пробоины накладывали пластырь, всю качали насосы, полуголые матросы затыкали пробоины всеми подручными средствами, но не могли предотвратить крен.

Коваль скомандовал дракону опуститься и, с риском для жизни, облетел «Клинок» почти вплотную к волнам. Миноносец покрылся копотью, он совсем не походил на тот бравый, сияющий корабль, который совсем недавно провожал восторженный Петербург. Из люков кормового отделения, где обитали черви, валил густой дым, торпедные аппараты превратились в лохмотья, сквозь дыры виднелись внутренности, озаренные светом пожаров, и трупы моряков, обнявших свои покореженные орудия. Половина расчетов левого борта, куда непрерывно падали снаряды крейсера, погибла, но правый борт продолжал громить вражескую эскадру.

Десантная группа обогнула авианосец и, не вступая в бои с вооруженными шлюпками, начала высадку в порту. У пирса стоял крейсер и садил по «Клинку» стальными болванками. У командира русских десантников возник страшный соблазн ворваться по сходням на вражеский корабль и захватить его, но существовал однозначный приказ президента — захватить порт, обнаружить и взять в плен всех командиров.

Внести панику. Поджечь все, что горит. Поднять над Сигонеллой российский флаг.

Очередной снаряд угодил в броню чуть выше ватерлинии. Корабль содрогнулся и взвыл, почти как живое существо; к великому счастью, взрыва не последовало. Артур лишний раз убедился, что противник стреляет болванками. Разворачиваясь над чадающим пороховым облаком, президент зафиксировал второй удар, сменившийся жадным пламенем.

...Жжж-жахх!

Попадание.

Турецкие бомбардиры в клочья разнесли ракетную установку правого борта, а третий снаряд, сквозь проделанную брешь, ворвался внутрь надстройки и там взорвался, учинив сильный пожар. Артур мысленно попрощался с адмиралом и попросил у Орlando прощения.

Конечно, итальянец знал, что ему предстоит. Конечно, он сознательно принял на себя ответственность и возглавил поход, желая оказаться ближе к родной земле. И вероятно, в глубине души он рассчитывал когда-нибудь сюда вернуться из северной неприветливой России, но...

Но Артур слишком хорошо помнил, сколько парней полегло среди зараженных пустошей Европы, чтобы извлечь спящего инженера Орlando из капсулы анабиоза. Тогда президент убедил себя, что жизнь двоих французов, сотню лет пролежавших под землей, важнее, чем жизни преданных ему людей.

Потому что на карте стояло развитие промышленности. На карте стояла наука, точнее то, что еще можно было из нее спасти.

Но вот прошел год, и президент самолично отправил ценнейшего специалиста на смерть. Не особенно задумываясь о науке и о будущем

технических университетов, он уравнил ведущего инженера государства с темными, кое-как обученными крестьянами, составлявшими костяк морской команды. Их жалеть было нельзя, это Коваль повторял себе непрестанно.

Нельзя жалеть, потому что иначе следует сложить с себя полномочия и удалиться удить рыбу на Урал. А еще лучше — забрать жену, детей и укатить в Храм, к китайским братьям. Те, по крайней мере, не станут помогать, как и почему погиб лучший друг президента, Качальщик Бердер...

Артур повторял себе, что нельзя жалеть, потому что без этой победы не будет в России ни университетов, ни школ, вообще ничего не останется...

...Тем временем флотилия мелких, но вооруженных до зубов суденышек насадала полукругом, отрезая миноносцу пути к отступлению. Сверху Коваль разглядел, что их намного больше, чем ему показалось вначале. Капитаны вражеского флота были слишком увлечены маневрами и погоней; кроме того, за бортом эсминца они просто не разглядели старта драконьей стаи. А если бы и разглядели, то проследить против солнца за россыпью игольчатых блесков было почти невозможно...

Два красных дьявола бесшумно нырнули и всплыли буквально в трех метрах от носа катера береговой охраны. Люди у пулемета не успели даже вскрикнуть, когда многотонная чешуйчатая лиана пробилась насквозь палубную надстройку, с хрустом проломила несколько переборок и вырвалась наружу где-то внизу, почти не замедлив своего убийственного полета. Фонтан воды пополам с паром от пробитого дизеля рванулся вверх, вскрывая полы, отшвыривая части тел мотористов, и катер затонул в течение нескольких секунд.

А обжегшийся о двигатель, и оттого еще более злобный, червь уже трепал в зубах следующее плавсредство. С соседней фелуги пытались открыть огонь, неловко развернули пушечку, но тут... Кораблик подбросило, и находившаяся на палубе часть экипажа разом полетела в воду. Вместо крепких досок рулевой вдруг почувствовал под ногами пустоту, успел уловить жаркую вонь огромной глотки, но не успел заметить мгновения, когда остался без ног. А спустя миг мутная от мазута и крови вода сомкнулась над его головой.

Катамаран встал на дыбы, винты бессильно молотили по воздуху, пока червяк рвал на части полые цилиндры понтонов. Убедившись, что враг тонет, бородатый дьявол немедленно накинудся на рыбачью шхуну, переделанную в военное судно, двумя движениями челюстей перегрыз мачту, она повалилась, утопив несколько шлюпок, накрыв парусами пулеметчиков на палубе...

...Шшша-тапп!!!

Тряхнуло так, что даже в воздухе Коваль ощутил неслабый толчок в барабанные перепонки. И сразу же — укол в сердце. У пирса взорвался последний неповрежденный крейсер. Что-то сверкнуло, охнуло протяжно, и в укутанную мелкими перьями лазурь покатился нестерпимо яркий шар, оставляя за собой пушистый раскидистый хвост.

...Мать твою за ногу, ракеты!!...

Неизвестно, какую цепь внутри крейсера сумел замкнуть ящер-камикадзе, но еще три или четыре «Томагавка» стартовали один за другим, по совершенно хаотическим, невысказанным траекториям. Одна ракета пронеслась параллельно поверхности земли, подняв бурю вулканической пыли, и взорвалась далеко в поле. Однако, судя по слабому хлопку, рвануло только ракетное топливо, боеголовка благополучно свалилась в овраг.

Орудия крейсера замолчали. Получившие передышку артиллеристы «Клинка» немедленно перенесли всю тяжесть атаки на авианосец. Непонятно было, кто из старших офицеров на «Клинке» еще жив и отдает команды, поскольку палубная надстройка превратилась в руины, а пробоины уже некому стало заделывать. Крен на нос стал чересчур заметен, судно стремительно теряло плавучесть, но приказы кто-то явно отдавал, и они выполнялись! Эсминец замедлил скорость, машина работала задним ходом, изо всех сил гася инерцию, орудия правого борта плевались огнем.

...Шшша-тапп!!!

На сей раз взорвалось что-то большое слева, но в мутной пелене, покрывшей бухту, Артур не смог разглядеть источник шума. Чтобы увидеть, как продвигается бой, пришлось бы спуститься слишком низко, туда, где воздух буквально звенел от массы смертоносного свинца. Минуту спустя взлетел на воздух запас топлива на третьем крейсере, и червь под Ковалем свечкой взмыл в небо, фантастическим образом предотвратив столкновение с тоннами кипящего огня. Артур только охнул; секундой позже от человека и от ящера остался бы мелко нарубленный салат. Этому дракону предстояло непременно уцелеть, чтобы, в крайнем случае, перевезти президента домой, а бестолковый президент только что чуть не уробил обоих.

...Смрадная жаркая волна от горящей солярки небрежной пощечинной хлестнула по лицу, опалила волосы и брови, грохочущий фонтан поднялся над морем, над прекрасным островом, над уютными бухтами, огненными переливами затмевая солнце, и тут же обрушился вниз, чтобы расплескаться смертельными брызгами по головам спасавшихся моряков.

Погибающий у пирсов крейсер лег на дно, но у берега оказалось слишком мелко, и палуба осталась в метре под поверхностью моря. Еще

один «Томагавк» взорвался внутри, превратив в пар тонны воды. Сотни фигурок выбирались из люков, как муравьи, ползли по накренившемуся борту, жадно хватали воздух, спрыгивали на рваные мостки и вплавь пускались к берегу, где их уже ждали пулеметы русского десанта. Матросы и грузчики оказались зажаты между надвигающейся волной жидкого огня с моря и полчищем свинцовых мух, пикирующих на них сверху, с разгромленных пирсов. Многие застревали в сотне метров от берега, уцепившись за доски, и не знали, куда им податься.

...Опять болезненный щипок в левой стороне груди, после которого слабеют руки — и благодаришь бога и того китайца, кто придумал седельные штаны.

На пару секунд пелена гари рассеялась, внизу показались две баржи, подожженные артиллерией «Клинка», и масса светлых продолговатых лепестков на фоне сиреневого пламени. Коваль даже не сразу понял, что именно он видит. То, что он принял за лепестки, были днища перевернутых лодок. За кормой «Клинка», на гребне расходящейся пены, кружились и тонули остатки турецкого малотоннажного флота. На бортах гроздьями висели обезумевшие от ужаса матросы, многие молились, воздевали руки к небу, не видя возможности спастись. Море вокруг них было покрыто слоем жидкого огня, колоссальное нефтяное пятно окружало место побоища, а из горячей воды периодически выскакивали бородатые исчадия ада и добивали тех, кто еще был жив...

...Резкая боль в груди, снова и снова. Похоже, что в живых осталось всего два змея, включая того, на котором летал Артур. Но это было уже неважно, маленькая армия отважных самоубийц сделала свое дело. Далеко на берегу, на круглой башне, похожей на диспетчерский пункт аэропорта, затрепетал трехцветный российский флаг.

Это еще не означало полную победу, но моряки увидели, что кусок порта контролируется российским десантом. Всего с русских кораблей сопровождения в Сигонелле высадилось больше четырех тысяч человек. На эсминце все это время оставалась лишь одна вахта машинистов и артиллеристы, Коваль снял с флагмана даже поваров и мастеровых из слесарного отделения.

Сейчас повара и слесаря вместе с десантниками зачищали территорию порта и всеми силами удерживали оборону против промокших вражеских солдат и матросов, рвущихся на берег. Те, кто поумнее, уже поняли, что порт захвачен неприятелем, и направляли свои лодки в сторону, собираясь пристать за городом, многие спасались вплавь, вся акватория была покрыта мелкими точками человеческих голов. Трупы тонули в приливной волне, тут же барахтались живые, из последних сил цеплялись за обломки пристаней, а русские методично строчили по ним сверху из пулеметов. Артур разглядел в бинокль не меньше дюжины

сохранившихся военных судов, резво удиравших под прикрытием дымовой завесы...

Российский флаг еще не означал окончательной победы, но враг был сломен.

В бинокль Коваль видел, как по дорогам, в горы, устремляются машины и всадники, и их совсем немало. Хуже всего, что неповрежденными удирали два десантных корабля и длинный пассажирский пароход, наверняка получившие инструкции в случае опасности немедленно спастись. Неизвестно, сколько неприятельских солдат и матросов они спасли, но пускаться в погоню было некому. «Клинок» тонул. Эсминец медленно разворачивало кормой вперед, очевидно, рулевое управление было полностью разбито, на верхнюю палубу выносили и рядами укладывали раненых. Пока миноносец не затонул окончательно, следовало немедленно отправить с берега спасателей.

Самое потрясающее заключалось в том, что пивовары продолжали. Выстрелы звучали все реже и реже, очевидно, лишились электропитания лифты орудийного погреба или заклинило направляющие. Коваль представил себе, как маленькие немцы, чумазые и мокрые, волокут на ремнях очередной тяжеленный снаряд, сообщая поднимают его, ворочают тяжелый затвор, а потом пригибаются, черными пальцами зажимая уши...

Артур направил червя в сторону берега. Над портовыми сооружениями продолжали бушевать пожары, но между двумя линиями железных пакгаузов обнаружилась свободная от огня взлетная полоса, на которой даже сохранилась разметка. Сейчас на краю полосы взвод вооруженных чингисов держал на прицеле толпу измученных пленных, сидящих на корточках. Пленные все прибывали, их гнали прямо из моря, мокрых и обалдевших, не давая опомниться, и усаживали на потрескавшийся бетон. Коваль невольно вглядывался в угрюмые лица, хотя понимал, что Карамазы среди них быть не может. Главный затейник находился где-то далеко, скорее всего — в средней Азии. Коваль уже видел, что турки тут вовсе не составляют большинство, среди флотского люда было полно наемников самых разных национальностей.

Теперь, после скоротечного захвата гавани, предстояло решить, что же с ними делать. А еще — как поступить с местными горожанами и с остатками гарнизона, рассеявшегося по окрестным холмам. И что делать, если сбежавшие десантные боты привезут подмогу. Надлежало похоронить своих погибших и немедленно начать починку корабля, чтобы защитить порт от возможных посягательств.

Поверх отдаленного гула огня слышались пулеметные. Это русские десантники расправлялись с береговыми охранниками, не пожелавшими сдаться. Смерд и копоть повисли над Катанией, над пашнями и вино-

градниками, отравы растекалась по чистому морю и заражала береговую линию на много километров вокруг. Мать-земля продолжала расплачиваться за военные забавы своих детей.

Прежде чем опустить дракона на бетонную полосу аэродрома, Артур в последний раз окинул взглядом картину сражения. Среди сотен пылающих обломков с низким гудением разливалось озеро нефтепродуктов. Голубые языки плясали по воде, догоняли и с хрустом пожирали нерасторопные спасательные шлюпки. А в самом центре этой раскаленной преисподней, задрав к небесам обрубок взлетной полосы, величественно погружался на дно авианосец «Рональд Рейган».

Шестого флота больше не существовало.

2

О ПОЛЬЗЕ ИНКВИЗИЦИИ

— **И**зловили, господин, извольте поглядеть!

У Коваля екнуло сердце. На такую удачу он не рассчитывал. Все еще не веря своим ушам, он выскочил из-за походного стола, распахнул полог палатки.

Перед ним, связанные и порядком помятые, стояли на коленях супруги Дробиченко. В ярких, расшитых халатах, в шелковых шароварах, увешанные золотом, на фоне запыленных вояк они походили на артистов цирка.

— Демонов повязали, господин!

— Толмач говорит — этого толстого сам паша недавно визирем назначил, головным старшиной, по-нашему...

— Пузырь воздушный снаряжали, демоны, сбежать хотели!

— Допрос вели без пыток — не признаются джинны проклятые! — зашептал офицер Полевого суда. — Ни про войска, ни про корабли в море, ничего не говорят, ваше высокопревосходительство!

— Дозвольте доложить — врут они! Других-то, морских начальников похватали, все на них указуют. Мол, самые близкие к паше людишки, лично с ими за ручку здоровался Карамаз!

— В Тайный трибунал их! Кол в жопу, как они с нашими делали, — живо защебечут!

— Извольте толмача кликнуть, господин?

Артур мысленно сосчитал до десяти, безотрывно глядя на покрытые потом залысины главного колдуна и визиря турецкой империи.

— Молчат, господин, не признаются! Можя, и впрямь по-нашему не разумеют?

— Не нужен нам толмач... — сказал президент.— В Тайный трибунал обоих! И без меня не допрашивать...

Перед наспех растянутой палаткой собралась порядочная толпа. Среди моряков мгновенно разнесся слух о том, что в плен захватили тех самых джиннов, о которых ходило столько жутких историй. Всякий мальчишка в русской армии, даже близко не представлявший, как выглядят турки и турецкий паша Карамаз, мог часами рассказывать байки о таинственных волшебниках с кожаными головами и стеклянными глазами. О том, как они мучают православных рабов, иглами колют, кровушку высасывают, а затем ворожкой черной оживляют. О том, как крестьянам тишайшим порошок подносят, и после того порошка в лютых волков крестьяне оборачиваются, за секиры хватаются и своих же детей, на потеху Карамазу, режут. О мертвой воде, что посланцы джиннов в колодцы сливают, и воды той — наперсток, а язва черная никого не щадит, ни людей, ни скот, на три дня пути мертвая земля стоном стонет...

О джиннах расплодилось столько историй, что Коваль порой, в минуту душевного расположения, начинал слегка завидовать супругам Дробиченко.

Действительно, получалось обидно! Кто их разбудил в московском Центре крионики, кто вернул к жизни после анабиоза? Почему он сто тысяч раз рисковал, в буквальном смысле шел по трупам, добивался власти, обрел столько врагов, что можно собрать из них целое войско, потерял ребенка, в конце концов, а эти белоручки, эти жлобы от науки разом получили все!..

— Маги дивные, братва, вот они!

— У, хари жирные!

— Глянь, баба-то напрудила со страху...

— А бородатый-то, ужасть! Гля, взамест креста, на шее чо таскает!

— Слыхали, бают, мол, в горах они чудищ страшенных на цепи держат! И как цепи порушат, так пожрут чудища эти всю землю христианскую...

— Враки все, наш Кузнец и не таких скручивал!

— И никаких кожаных голов...

— Вишь как, господин, их свои же выдали, пленные из болгар, не дали пузырю взлететь!

«Кожаные головы,— мысленно усмехнулся Артур.— И правда, вместо креста обломок микросхемы на грудь повесил! Театралы хреновы! Какую же отраву синтезировали эти подонки, раз им понадобились противогазы? Им ставили задачу создать Большую смерть, хотя бы подобие вакцины...»

Толпа росла, на лжедемонов показывали пальцами. Многие из пленных моряков и рабочих порта, только что сдавшихся на милость русского десанта, тряслись от ужаса, но не желали пропустить такое зрелище.

Супруги Дробиченко дергались, словно через них пропустили ток, но выглядели на удивление неплохо. Оба заметно раздавшиеся, в пестрых шелках, увешанные камнями, разукрашенные, как новогодние елки, с лоснящимися щеками, заплывшими глазками, они совсем не производили впечатления подневольных работников, и уж точно не походили на лаборантов, надышавшихся вредных химикатов.

Дышать отравой они предоставляли другим.

Некоторое время Артур не мог прийти в себя. Ему неоднократно доносили, что славных оружейников Дробиченко видели в Катании, наверняка им нашлось немало работы с таким богатым арсеналом... Но почему они не сбежали в самом начале боя?

— Не признали, москвичи?

Сергей Дробиченко открыл рот, промычал невнятно и опустил голову. Под глазом у него наливался здоровенный фингал, полосатый рукав был распорот, с пальцев капала кровь. Людмила шептала беззвучно, заламывала побелевшие пальцы.

— Что рожу воротишь, сукин сын? Русский запомятовал — так я тебе напомним!

— Господин президент, разрешите доложить — шестнадцать ихних офицеров сдались без боя, наемные все, видать, жить хотят... — подбежал запыхавшийся лейтенант из Тайного трибунала, отвечавший за распределение пленных. — В одну харю бают, шо у Карамаза крупных войск под Катанией нема, в местечке толк квартирует, но зараз уж верняк разбежались... А вот армии, под погрузку на корабли, спустя неделю ждут. Не меньше сорока тыщ штыков и конных сипахов...

— Сорок тысяч? — невольно вырвалось у президента. Мысленно он обругал шпионов последними словами, хотя понимал, что в отсутствие электронных средств разведки точных данных ему никто принести не мог. Но сорок тысяч десанта — это было уж чересчур! Если только пропаганда имама сознательно не раздувала численность войск... — Не многовато ли?

— Бают, шо сорок тыщ морем, да ишо стока ж посуху, через болгар на севера повинны итить. Янычары все, из молодых, кто от креста отрекся, почитай насильно набраны... — охотно подтвердил вояка. — Верняк-то никому не ведомо, вот кивают на джиннов; те повинны на пузырях летучих сюды технику перевезть. Тож для погрузки... Дозвольте, ваше высокопревосходительство, маленько джиннов поджарить? Поглядим, яка така внутрях у них сила колдовская!

Артур поманил его пальцем поближе.

— Этих двоих — раздеть догола, проверить во рту и в жопе, везде, понял? Выдай им такие тряпки, чтобы повеситься не могли, охранять поставь лучших, но не трогать до моего прихода!

— Будет исполнено, господин! — лейтенант свистнул подчиненных.

— Теперь скажи, где их взяли?

Лейтенант и старшины наперебой принялись объяснять, как укрытый маскировочной сеткой, за домиками, чуть было не взлетел пузырь с винтами. Видать, взлететь хотели раньше, да болгары подневольные, из обслуги, диверсию устроили...

Коваль велел привести болгар. По-русски они изъяснялись неважно, но общий смысл сразу стал понятен. Парни служили при мобильной лаборатории Дробиченко, сбежать не смели, поскольку их семьи немедленно бы вырезали. Ввиду секретности, весь штат, подчиненный визирю Дробиченко, имел минимум контактов с внешним миром. Болгары были искренне уверены, что страшные маги способны убить одним движением пальца. Но сегодня, когда началась заваруха, высокие хозяева впали в панику. Охрана лаборатории, состоявшая из турок, разбежалась, а когда стал тонуть «Рейган», пустились в бега и русские бандиты, из личной гвардии Карамаза. Дробиченко орал на подчиненных, требовал, чтобы укладывали в корзину дирижабля самое ценное из оборудования, грозил револьвером, но его никто не слушал. Все молились, каждый — своему богу, и, замерев, наблюдали за вакханалией бородатых красных драконов.

Тогда болгарские подмастерья проткнули надувавшийся баллон и перерезали топливные шланги, а для верности сломали один из четырех двигателей. Больше просто не успели, во двор поместья, где располагалась лаборатория, ворвались русские десантники и повязали всех без разбору...

— Шестерых еще допросили, толку мало, господин, — шелестел в ухо толмач. — Одно только у них сходится — бормочут, будто джинны Карамаза великую силу против неверных нашли, и скоро войска не понадобятся...

— Что за «великая сила»?

— Не можем допытаться, — виновато понурился лейтенант. — Вроде как, в горах, в пещерах, далеко на востоке, чудовища спят... Может, снова сказки, для нашего устрашения?

— Может, и сказки... — задумался президент. — Ладно, с джиннами я сам поболтаю, не душите их пока...

Коваль проследил, чтобы порт надежно оцепили, отправил в город батальон для зачистки, дождался, пока к причалу притянут полузатопленный «Клинок». Только после того как пивовары при свете прожек-

торов развернули в доках ремонтные работы, президент направился к пленным москвичам.

«Самое простое, и самое глупое, — прилюдно повесить, — рассуждал он, обходя лабораторию, спрятанную в патио заброшенного поместья. — Построим пленных, прилюдно повесим драгоценных джиннов, и что это даст? По их канонам, слуги Карамаза примут мученическую смерть, а мы лишимся парочки дурных, но чертовски талантливых голлов...»

Он долго изучал приборы, удивляясь потрясающей смекалке Дробиченко. Практически из ничего, из замшелых обломков измерительной техники, наборов старинных реторт и пробирок, горелок, треснувших колб, с помощью самодельных термометров, испарителей и штативов, бывшие научные сотрудники творили взрывчатые, а может и отравляющие... Артур увидел хроматограф, газоанализаторы, датчики кислорода, муфельные печи, узнал кое-как собранный кали-аппарат Гйслера, и даже самодельный холодильник Карре. В хорошем состоянии была передвижная электростанция, любовно собранные ветряки, центрифуга... А в проулке, между двумя ослепительно-белыми каменными стенами, укрытый маскировочной сетью, под охраной русских матросов, действительно лежал наполовину надутый дирижабль.

Этот был гораздо крупнее и мощнее воздушных шаров, нагнавших караван Ковалья после посещения Москвы. Он походил на настоящую воздушную крепость. Алюминиевый жесткий корпус, четыре винта по бокам, плюс два на хвосте, гондола человек на пятнадцать, гнезда под пушки и пулеметы.

Из гондолы дирижабля свешивался труп мужчины в зеленом кафтане и чалме. Коваль подошел ближе, сдернул с мертвого сипаха головной убор. Сомнений не было — перед ним лежал славянин. Сильно загоревший, седой, отпустивший усы и бороду, один из бывших «безликих», сопровождавших Карина еще со времен московского исхода и получивших в Турции значительные ленные наделы. За все время турецкой кампании ни одного из бывших русских карателей в плен взять не удалось. Звери хорошо понимали, что лучше умереть в бою...

— Бомбы и пушки тут! — Только что назначенный начальник караула приоткрыл калитку во двор ближайшего белого домика. — Разрешите доложить, господин президент? Пулеметы, с клеймами мериканскими да китайскими, ишо китайские же пушки скорострельные, к им снарядов прорва, а туточки мины, посчитать покамест не можем, для погрузки на суда сложены, тыщи две наберется...

«Н-да, не зря Карамаз в Поднебесную за вакциной летал, — улыбнулся про себя Артур. — Не удивлюсь, если покойный Председатель госсовета туркам сторговал атомную бомбу...»

— Господин президент! С «Клинка» лекари передали — их превосходительство, адмирал Орlando жив, крови только потерял! Порадовать вас велели!

— Порадовал, матрос. Спасибо! Адъютант, найди мне капитана конной сотни!

— Уже здесь, господин! Готовы к разведке! — щелкнул каблуками кудрявый усач в кубанке и шароварах с лампасами.

«Молодцы,— про себя порадовался Коваль.— И лошадок в трюмах сохранили, и не ждут, пока их позовут. Выдрессировал офицеров Бердер, царство ему небесное!»

Чтобы не расплыться в улыбке, он нарочито внимательно рассматривал панораму дымящего, охваченного пожарами, порта. Сапоги проваливались в пепел, далекий вулкан покуривал лениво, загонял в небеса тонкую серную струйку.

— Капитан, в штабной палатке получите карту местности. Ни с кем не общаться, чтобы не было утечек. Оцепление вас пропустит, я распоряжусь. Рассыптесь вдоль побережья, там несколько дорог. В бой не вступать ни под каким предлогом, в деревни не заходить, ясно?

— Так точно, ваше!..

— Двигаетесь на север, оставляя посты, пока не заметите неприятеля. Я имею в виду не роту и не полк, а гораздо больше, ясно? Если заметите небольшие группы или подозрительных одиночек, что будут стремиться вас обогнать,— скручивайте и отправляйте сюда на дознание!

— Ясно, так точно!

— Внимательно следить за морем, возможна высадка. Полагаю, мимо не пройдет... Обнаружите — организованно отступать, оставив следящих. Задача ясна? Выполнять!

«Акция практически бесполезная,— рассуждал Коваль, наблюдая, как на мощеной площади, перед аккуратным беленьким зданием со шпилем, строится конная сотня.— Наверняка из порта уже телеграфировали о нашей атаке. Весь вопрос в том, как поступит командующий десантом? Если сам Карин в Италии, то нас не тронут. Старикан достаточно хитер, сначала он прозондирует почву и нападет лишь после того, как наверняка узнает, что нас впятеро меньше, чем турок. Хотя... Даже в этом случае он не нападет без поддержки авиации. Хуже того, наверняка подонки Дробиченко успели одарить босса какой-нибудь гадостью массового поражения. Если же Карин умотал в Сирию, как докладывали шпионы, то очень может быть, что его янычары совершат глупость и сунутся отбивать порт...»

На посту у временной тюрьмы стояли караульные из роты Тайного трибунала. Даже здесь, на жарком юге, они носили маски, скрывающие лица, стальные каски и перчатки, чтобы никто не сумел опознать «осо-

бистов» по волосам или ладоням. Солдаты Тайного трибунала не принимали участия в боевых действиях, они переждали морское сражение на отдельном судне, затем высадились за линией порта и слаженно приступили к привычным обязанностям. Быстро подобрали нужные помещения, разделили их на тюрьму для пленных обычных и добровольных, отдельно обозначили гауптвахту для штрафников из собственной армии, весело зазвенели молотами, готовя пыточную камеру... Коваль прекрасно знал, что Тайный трибунал недолюбливают в регулярной армии, не любят и боятся. Посему и требовал неукоснительно, чтобы в походах оставались подчиненные герра Борка неузнаваемыми.

Чем страшнее, чем таинственнее спецслужба — тем эффективнее ее работа.

Караульный потянул цепь, приподнялась крышка люка. Из подвальной темноты испуганно моргали глазки Сергея Дробиченко.

— Где моя жена? Разве трудно было поместить нас вместе? Что вы с ней сделали?! Вы должны понять — никаких военных тайн мы не знаем, рассказать нам все равно не о чем! Что вы молчите? Мне бояться нечего, страху и без того натерпелся! Что вам нужно?!...

Артур, не отвечая на истеричные выкрики, спустился вслед за лейтенантом по шаткой лесенке. Под временную темницу приспособили бывший крестьянский подвал. Сквозь паутину поблескивали сотни бутылочных донышек, мокрые доски давно развалились от влаги и древоточцев, с почерневших сводов капала вода. Бывший джинн Дробиченко уже не казался вальяжным сановником; вместо дорогих одежд рыхлое тело покрывали лохмотья. Пока сановника волокли, вымазали его в грязи, разбили губы, сдернули с пальцев и шеи украшения. Но он пока еще не мог примириться с внезапной потерей статуса, отчаянно цеплялся за былые привычки, словно запутался, где сон, а где новая, ужасающая реальность.

— Где Карамаз? — с ходу спросил Коваль.

— Он мне не докладывается... Пойми же, я тут — никто, просто лаборант...

— Куда вы собирались лететь?

— Никуда... Просто испугались, решили на всякий случай...

— Ты врешь. В гондоле жратва, химикаты и запас горючего. Где находится база? Только не говори, что она в Стамбуле.

— Какая еще база? — изобразил искреннее удивление Сергей.

Артур вздохнул.

— Я спрашиваю снова — где Карамаз? Где база дирижаблей, которые построили под твоим вонючим руководством? Где десант должен сесть на корабли? Честные ответы на три вопроса отодвинут твою смерть.

— Понятия не имею! Артур, это нелепость. Ну хорошо, мы поступили тогда в Москве не совсем красиво, но... не было выбора. Уснули с женой в столице, а проснулись среди варваров. Мы просто испугались, не знали кому верить, а Карин нам предоставил защиту...

— Выбор есть всегда, приятель! Вы не знали, кому верить? Разве Карин вас разбудил? Впрочем, это дела минувшие, я давно не в обиде...

— Но Карин не нападал на Россию!

— Пока не нападал. Напал на наших союзников.

— Артур, какие же они союзники? Ты говоришь о дикарях? О болгар, греках, румынах?! Там даже власти толковой нет, каждый хутор сам по себе! Эти дикие племена даже письменность потеряли...

— С каких пор ты присвоил себе право решать, кому жить, а кого — в расход?

— Нет, я погорячился, всего лишь болтовня! Я никого не убивал, клянусь! За что ты меня так ненавидишь?...

— За измену родине.

— Что?! Родине? — У Дробиченко округлились глаза. — О какой родине ты говоришь? Давно нет ни страны, ни границ, ни русского народа...

— Все есть, приятель. Ты не туда смотрел, ты лизал сапоги своему хозяину, потому и не видел.

— Черт подери... — Сергей дернулся на грязном полу, но веревки держали крепко. — Ведь есть понятие эмиграции, его никто не отменял. Человек ищет, где лучше, разве это не естественно? Почему моя жена должна прозябать среди крыс и тараканов, среди подлого вора и инфекций, когда мне предложили должность и сносные условия на юге?

— Если бы ты лечил солдат, или даже строил для них дома. Тогда живи хоть среди папуасов. Но ты убивал русских людей. Ты пошел за выродком, для которого нет святого. Мне скучно с тобой спорить, — подытожил Артур. — Ты скажешь мне, где Карамаз?

— Спроси военных, им виднее. Честно, я не вру...

— Куда ты собирался вылететь на дирижабле?

— Дирижабль не для меня, — после небольшой заминки извернулся Дробиченко. — Это для военных, для русских сипахов, вы их, кажется, всех убили. Мы просто испугались, когда началась стрельба. Мы же не знали, что встретим тебя!

— А твои подмастерья уверяют, что дирижабль предназначен исключительно для джиннов, вы сами его построили, только вы им умеете управлять, мало того... Они утверждают, что не далее как вчера, ты отправил депешу нашему общему приятелю. Ты инспектировал авианосец и написал в отчете, что через две недели «Рейган» будет готов к отплытию.

— Артур, неправда! — Сергей пополз на коленях, растрепанные жидкие волосы прилипли к трясущимся жирным щекам, веревки до

крови врезались в запястья.— Артур, это плебс, они рады оболгать нас, из-за наркоты... Ты пойми, они почти все наркоманы, имам приказал синтезировать для них драг. Они наркоманы и ненавидят нас из-за своей зависимости. Мы никогда не держим запас, потому им нечего украсть, остается только ненавидеть... Артур, я никого не убивал, Людмила тоже, я клянусь чем угодно...

— Куда ты собирался вылететь? Где базируется воздушный флот? Где пещеры? Последний раз я даю тебе возможность вспомнить правду.

— Я не знаю, пилота убили... — упрямо затащил прежнюю песню «джинн».

Президент махнул рукой. В подвал, светя фонарями, спустились четверо «мастеров» Тайного трибунала. Спустились не с пустыми руками, инструментарий для полевых допросов был готов к применению.

— Привяжите его, — распорядился президент.

— Для скорого следствия, господин? — радостно ощерился старшина дознавателей.

— Для очень скорого следствия.

Глаза Дробиченко понемногу привыкли к свету, он рассмотрел квадратные фигуры заплочных дел мастеров. Зубы его застучали. Коваль присел на подстеленную адъютантом подушку, вполголоса отдал несколько приказаний. Штабные вполне могли обойтись без командующего, но то и дело засылали посыльных, советовались, как поступить с вражескими плавсредствами и сооружениями. Формально на суше бразды правления экспедиционным корпусом от адмирала Орlando перешли к полковнику Даляру, но старый служака, прекрасно управляясь с солдатами, терялся перед древней техникой.

Из подвала аккуратного соседнего домика раздавались визгливые крики; там, по указанию Ковалья, легонько щипали и кололи Людмилу Дробиченко.

— Нет, не надо, ну пожалуйста! — запричитал Сергей.— Ну можно же так поговорить, мне нет смысла ничего скрывать! Артур, к чему это варварство, ведь ты грамотный человек, не уподобляйся, ведь мы же...

Хрясь! Хлесткий удар кольчужной перчатки выбил «джинну» сразу два зуба, кровь закапала на прогнившую труху.

— Ты, говно, — человек в кожаной маске взял пленника за щеки каменной рукой, сжал так, что слезы сами брызнули, сделав мир расплывчатым, неясным.— Ты, говно, к господину президенту и Главному командующему обращаться можешь на «вы», и только по его разрешению. Господин президент тебе милость великую оказывает, что лично допрос ведет. Внял, сучье племя? Следует говорить «ваше высокопревосходительство», ясно? — И, не дождавшись внятного ответа, снова наотмашь засадил по скуле.— Тебе ясно, говно?

Заскрипел ворот, пленнику вывернуло плечи, потащило вверх, пальцы ног едва доставали до пола.

— Ясно мне, ясно! — захныкал Сергей, не в силах отвести взгляда от щипцов и крючьев, которые деловито раскладывал помощник следователя.

— Некогда мне ждать, пока ты «так просто» заговоришь, — устало заметил президент. — По уму, тебя вообще в клетке следует в Питер отправить и там в зоопарке показывать. Среди шакалов... — Артур кивнул стоявшим наготове палачам.

Те живо сорвали с арестованного одежду, поймали его отчаянно брыкающиеся ноги, затянули в кожаные петли, развели в стороны.

— Нет, нет... — захрипел распятый пленник, завидев жаровню с раскаленными углями. — Ты же... Ой! Го есть вы! Нет, не надо, я что угодно!..

Но короткий кнут со свинцовым грузилом уже смачно обвился поперек живота.

— Боже, нет... Ваше... Ваше высоко-превосходительство... — извиваясь от боли, закричал Дробиченко. — Ты... Все же знают, вы без суда никого не убиваете! Ведь никого же русский президент без суда не вешает, верно? — Визирь заискивающе заглядывал в прорези кожаных масок.

— Для тебя сделаем исключение, — утешил следователь. — Господин президент, прикажете запись допроса вести?

Сверху, из засыпанного вулканическим пеплом, увитого виноградом дворика снова донесся истошный женский вопль. Дробиченко в ответ тоненько завыл.

— Пожалуйста, не трогайте ее! Не трогайте Люду, она не виновата! Я клянусь, я все... ничего не утаю, позвольте служить вам, умоляю!

Шшш-варк! Профессионально выверенный удар кнутом может сломать кость, может содрать с человека кожу по окружности тела, а может только разодрать ее до крови и дернуть с такой силой, что синяки не сойдут месяц. Дробиченко повис, хватая воздух, не в силах даже крикнуть.

— Да зачем ты нам нужен? — удивился следователь, захватывая в горсть мужское достоинство пленника. — Экая хилость, братцы! Так я мыслю, она тебе уж ни к чему, а собачки голодные! Хе-хе!

«Джинн» заверещал тонко, как попавший в капкан зверек. Помощники сыскаря заржали басовито, от них несло чесноком и машинным маслом. Обалдевшие от безделья в трюмах, радовались парни сухой земле и привычной работенке.

Шшшва-арк! Кнут оставил на рыхлой спине «джинна» второй поперечный рубец. Колесо дыбы еще немного повернулось, до хруста натягивая изнеженные сухожилия.

Президент же как будто не видел мук своего бывшего Проснувшегося собрата, отвернувшись, отдавал распоряжения подбежавшим к люку офицерам, говорил по полевому телефону. Главнокомандующий занимался текущими делами, не особо интересуясь, что его молодчики, его кошмарные садисты собирались сотворить с одним из первых лиц в администрации Карамаз-паши. Дробиченко пытался окликнуть президента, но от боли забыл, как его следует называть. Тем временем колесо дыбы крутанулось, плечи пленника свела судорога, в распахнутый рот ему затолкали вонючую тряпку. Один из юношей в коже поплевал на раскалившийся металл, нацепил толстую перчатку, поднес багровый крюк к промежности бывшего «джинна». Дробиченко потерял контроль над кишечником.

— Вот паскуда, обделался! — сплюнул старший палач. — самого бы заставить убирать, неча кабинет-то нам портить!

— Ты хочешь что-то сказать? — Коваль повелел стражнику выдернуть изо рта пленника кляп. — Говори быстрее, мне некогда!

— Я скажу, только отпусти...те! Я скажу, я знаю, где Карамаз! Он у эмира, в Аравии! Там большая армия, настоящая армия, слышите? Не толпа наркоманов, как у Карамаза, а настоящая армия...

— Мне это неинтересно, — пожал плечами Артур. — Расскажешь следователю. Я пойду посмотрю, что ребята делают с твоей женой. Ей, конечно, далеко до наших обозных красавиц, но мои чингисы месяц с лишком не видели женщин, так что стодится. Кстати, Сергей, чингисы переняли у желтых дикарей несколько забавных обычаев. Знаешь, что они делают с пленными женами врага? Не просто пленными, а именно с вражескими женщинами? О, их пользуют весьма оригинальным способом. Правда, после этого женщины уже ни на что не годны...

«...Этого сукиного сына надо не просто сломить морально, надо из него мочало сделать, — рассуждал Коваль, изображая самый кроваво-жадный вид. — Кроме Дробиченки, запустить дирижабль некому. Тут что-то зарыто... Уцелевших командиров допросили с пристрастием; они выложили все, что знают, но про планы начальства — ни гугу! И все как один кивают на начальника русской стражи при джиннах и на самих джиннов. Каринских последышей всех, как назло, замочили; а может, они сбежать успели. Так что любезный Дробиченко — пока наша единственная ниточка, чтоб сократить путь к хозяину...»

— Я скажу... — На запястьях пленника ослабили веревки, он с размаху плюхнулся в грязь, задергался на сыром полу. — Я скажу, только не убивайте, пожалуйста... Карин в Аравии, он там уже две недели гостит у эмира, но должен скоро вернуться. Его ждут в Стамбуле, а затем — в Фергане. Там комплектуется пятнадцать дивизий. Ты... — Дробиченко сжался в комок, заведя нависший над ним здоровенный кулак. —

Вы, вы, вы, прошу прощения, о, господи! Вы знаете, что происходит на полуострове? Там не было...

— Помолчи-ка! — быстро приказал Коваль. — Так, ребята, выйдите покурите, я позову! Это записывать не надо.

Бойцы полезли в люк, гроыхая сапогами.

— Итак, ты хотел сказать, приятель, что на Аравийском полуострове не было Большой смерти? Да, как видишь, мы наслышаны о великом чуде, — сухо рассмеялся президент. — Попытайся найти другую причину, чтобы я не приказал отдать твою жену матросам!

— Да, тайны давно нет, — лихорадочно закивал пленник. — Лет десять назад Саудовский халифат и эмиры приняли решение разрешить внешнюю торговлю. Они поняли, что снаружи нет заразы, но через свои границы по-прежнему никого не пускают. Кармаз удостоился большой чести...

В соседнем подвале пронзительно завизжала Людмила Дробиченко. Коваль подумал, что следователи в запале могли и перестараться, запустивая «джинна в юбке» раскаленными клещами.

— Отпустите ее, я сделаю все, что скажете! — заскулил толстяк.

— Даже не представляю, чем ты можешь меня порадовать? — задумчиво почесал висок президент. — Химических бомб у тебя нет, дирижаблем управлять не умеешь и где ловить Карина — толком не знаешь. Наркотики нам ни к чему, а опыты с сибирской язвой я пока не планирую. В одном ты прав, без суда тебя не прикончат. Суд будет, обещаю, минут через двадцать. Кстати, судей ты уже видел, приятные парни в масках. Скорее всего, приговорят к медленному вырыванию ногтей и к горячему колу в задницу... Впрочем, они такие затейники, могут и похлеще выдумать... — Коваль повернулся к выходу.

«Если я в нем не ошибся, то сейчас мы перескочим сразу через пару уровней, — загадал Артур. — Если не выскочим тайным ходом к тронному залу, то оружейный подвал нам обеспечен...»

— Погоди, пожалуйста! Я отвезу вас!... — изо всех сил рванулся посеревший арестант. — Я скажу, где должны собраться полки для десантирования... Это в Греции, «Рейган» должен был забрать их всех на борт... Правда, клянусь! Я не могу сам найти Карина, но зато я могу провести дирижабль к пещерам...

«Вот оно!»

— К пещерам? Награбленное золото меня не занимает, как и на скальная живопись, — без интереса откликнулся Артур.

— Пожалуйста, не уходи! Ты просто не знаешь, тебе даже не представить! — Дробиченко выплюнул кровь, языком ощупал десны. — Артур, кроме нас с Людмилой и Кармаза, о пещерах известно только троим...

— Это здесь, в Италии?

— Нет, далеко, в Греции... Только я могу показать. Туда можно добраться по воздуху, но без меня вас расстреляют зенитки... Я проведу, но отпустите Людмилу. Без нее мне все равно не жить!

— Ну и что там у вас в пещерах? — небрежно спросил Коваль. — Вы там дирижабли строите?

Спросил, и тут же понял, что совершил ошибку.

— Ди-ри-жабли! — затрясся малость осмелевший «джинн». — Все эти пузыри, вместе с ракетами, можно смело затопить. И вашу консервную банку тоже. Как ты думаешь, почему мы так и не занялись плотную штаммами чумы и язвы? Почему за время войны мы так и не создали оружия массового поражения? А как ты думаешь, почему халифы и эмир Саид согласились воевать на стороне Стамбула? Ведь, если честно, им глубоко наплевать на северные притязания Карамаза.

— И почему же?

— Потому что халифы нас боятся, — с оттенком самодовольства сообщил голый арестант.

— Боятся? — уточнил Коваль. — А мне наговорили про бронетехнику, вертолеты и катамараны с обученным спецназом. Мне стоит сослать своих шпионов на уборку капусты?

Дробиченко гаденько захихикал. Его смех отразился от кирпичных стен подвала, как задушенное журчание воды в стояке. Коваль терпеливо ждал. Чутье подсказывало ему, что в русле привычного трусливого торга, когда предатель пытается всеми способами выкупить жизнь и свободу, может прозвучать нечто весьма важное, важное по-настоящему, по-крупному...

— Меня тут спрашивали про химию, про болячки, — ловко увернувшись от обращения на «вы», заговорил арестант. — Вы ж там уверены, что Дробиченки — изверги. Якобы колодцы по всей Украине травим, ядовитых пауков разводим, клещей с дирижаблей разбрасываем... Пропаганда все это, чушь собачья. Ну да, кое-что замутили, парочку неплохих психических атак провели, берсерков для Карина научились клепать. Кстати, вам крупно повезло, что их не было в Катании, все дерутся где-то на востоке с армянами. Достаточно взвода, страшное дело, с отрубленными руками на врага кидаются... Н-да, вот только живут недолго, сердце нагрузок не выдерживает...

— Сукин сын! — не выдержал Артур. — Вивисектор хренов! Так вы запугали арабов своими зомби?

Он вспомнил неоднократные донесения разведки, которым в Военном совете никто не мог дать внятного объяснения. О том, как в опасных, узких ущельях, на переправах передовые отряды наталкиваются порой на совершенно обезумевших, полуголых людей, с виду тощих, слабосильных, но вооруженных двумя саблями, дерущихся злобно,

неутомимо, наносящих страшный урон. Ни одного из берсерков не удалось взять живьем, скорость реакции у них была бешеная, они арканы рубили в воздухе и продолжали махать саблями, даже получив три арбалетные стрелы в живот и в голову...

— Берсерками эмира не напугать, и уж точно в союзники не заманить, — неприятно усмехнулся Дробиченко. Затем сплюнул кровью, облизал распухшие губы. — Слушай, я решил. Если ты меня убьешь, война затянется надолго. Если выпустишь Люду и возьмешь меня в команду... Мы доберемся до пещер за два дня. Там охрана, все фанатики, смертники, им невдомек, что они стерегут. Это похлеще ядерной ракеты. Ракета — раз, и все, готово, и земля встанет дыбом... Карин же не идиот, он тоже не хочет новых пожаров... Только отпусти Люду, ладно? Об этом месте, кроме Карамаза и меня, знают еще три человека. Никаких химических бомб у нас нет. Они нам просто не нужны. Теперь нас боятся халифы, они выделяют войска...

— И чего ж такого в вас страшного?

— Мы разбудили настоящих джиннов.

— Что? Джинны? — Хотя Артур ожидал нечто в таком духе, явный бред захватил его врасплох. — Что ты имеешь в виду? Массовые глюки? Или вы нашли кладбище изотопов?

— Мы нашли тех, кто ждал тысячи лет. Это не сказки, черт подери, хотя, конечно, все вышло случайно! Ты можешь не верить, но они ждали, пока нас станет меньше. Там раскололась целая гора, посреди Вечного пожара; такое могло случиться только после падения цивилизации. Понимаешь? Нас стало мало, и они проснулись... И мечтают они только об одном — стереть людей в порошок.

3

ЭКИПАЖ МАШИНЫ БОЕВОЙ

Дирижабль неспешно плыл на восток. Двое угрюмых пилотов и моторист суматошно выполняли команды пленного визиря, сигали от борта к борту, закачивали ручными насосами топливо, наматывали тали, с мушиной ловкостью лазили в нагретое чрево воздушного гиганта. Вначале подневольные члены экипажа упрямылись и огрызались, но после того, как Митя Карапуз, на глазах у недовольных, начал отрывать одному из них пальцы, все стали очень покладистыми.

Двигатели изрядно дымили, порой работали не согласованно, тяга левого борта явно пересиливала, отчего судно порой шло несколько бо-

ком, и рулевому приходилось корректировать курс. Но для президента все эти мелочи с лихвой компенсировались удобством салона. Напряжение последних дней чуточку спало, Коваль едва не мурлыкал от удовольствия. Не надо было держаться за вожжи, натирать зад в седельных штанах, в лицо не летели градины, красота! В верхнем этаже гондолы Дробиченко обустроили воистину правительственный люкс — бархатные диваны, подушки, отопление, холодильник с фруктами и напитками, патефон...

Столпившиеся у окошек нижнего этажа суровые вояки, испытанные в передрягах, сентиментальные, как дубовая кора, восторгались панорамой. Больше всего их, естественно, привлекали не лазурный прилив и поляны бирюзовых водорослей, а последствия морского сражения. Вулкан ослабил активность, словно задумался, разглядывая следы недавнего побоища, не залить ли раз и навсегда горячей лавой вечно дерущихся человечков. Масляное пятно колыхалось на воде залива, угрожая всему живому в округе. Коваль подумал, что если в ближайший день не соберется Слабая метка, то все они родились под счастливой звездой. В Сицилии отыскать Качальщиков, способных справиться со Звонящим узлом, просто негде...

Небо расчистилось, вдали пронеслась гроза, породив радугу, расплавив, растоптав пепельные наносы поверх заросших сорняками плантаций; заброшенные виноградники, изумрудные холмы, белые скелеты деревень засияли, будто их окатили из шланга. Стали видны дымки костров на зубчатой, синеватой границе лесов, у подножий дремучих гор, наезженные тропки вдоль одичавших оливковых рощиц, крошечные россыпи пасущихся овец и резко, как лезвие ножа, — рыжая граница Вечного пожарища на севере. Даже разбитые корабли, притянутые к причалам, смотрелись под солнцем гораздо веселее. Там, внизу, кипела работа, вокруг бывшей военной базы возводились укрепления, ремонтные бригады наспех залепляли бока поврежденным катерам, десятки лодок пересекали акваторию порта, собирая все, что всплывало и раскачивалось на мелкой волне. С полузатопленных итальянских фрегатов снимали пушки, водолазная команда готовилась к погружению на авианосец. Сверху было заметно, что гигант лежит совсем неглубоко, над его рубкой уже закрепили одну из плавучих рембаз...

Воздушный корабль взял курс на греческий берег. Поскрипывали снасти, прерывисто шипели газовые горелки, стонал ветер в щелях, заглушая рокот винтов. Позолоченный полумесяц на боку дирижабля отражал косые вечерние лучи солнца. Было так славно, так покойно и мирно, что Артуру вновь, как уже много раз до этого, мучительно захотелось зажмуриться и не открывать глаз, пока не пройдет наваждение.

Порой он сбивался со счета, путаясь, сколько же лет провел в «новом» мире, семнадцать? Девятнадцать? Казалось бы, все давно должно стать родным и понятным, здесь — семья и любовь, здесь — кипение и буря, такая служба и такие горизонты, что и присниться не могли скромному кафедральному трудяге, а вот, поди ж ты! Зажмурился в тихие минуты, и словно воду из ушей вытряхивал — налетало шкворчание и почти осязаемый аромат маминых пирожков, рев футбольного матча, бормотание телевизора, цокот женских каблучков по весеннему асфальту, рекламные заставки про пиво и подгузники, обрывки «Пинк Флойд» и «Дорз», визги детворы в Петергофских фонтанах...

Усилием воли он вернулся в реальность, и тут же, в глубинах подсознания, сработала сигнальная система. Когда слишком уж ярко и отчетливо набегали воспоминания, это могло означать предстоящее соперничество на эмоциональном уровне. Коваль уже много лет не удивлялся, что организм заранее предупреждает о ментальных опасностях, и мозг ненадолго словно бы укутывается слоем ваты. Видимо, чтобы в минуту наивысшего риска заработать на пике сил...

Он чуял нечто большее, чем угрозу жизни. Такая угроза существовала ежечасно. Опасность могла исходить от людей, от зверья, от ловушек, расставленных людьми; в конце концов, от порождений Вечных пожарищ либо от Желтых болот. Каждая из этих опасностей имела свой оттенок вкуса, свой внутренний цвет и звук, их можно было классифицировать и легко распознать на расстоянии. По крайней мере, обученный Клинок опознавал их без труда.

На греческих скалах маленькую экспедицию ждало что-то абсолютно новое и чуждое.

Годы непрерывной борьбы за существование нарастили вокруг души президента подобие коросты, не допускавшей жалости, излишнего милосердия и мягкости к подчиненным. Тем не менее будущие потери среди близких людей он ощущал необычайно остро, и с возрастом острота не притуплялась...

Он точно знал, что завтра их станет меньше.

Кто-то погибнет, вероятно многие, и изменить ничего нельзя, потому что идет война. Пусть голосят блаженные на каждом углу, что гибель принес именно он, Проснувшийся, пусть науськивают темную паству соборники, пусть шепчут по деревьям кликуши, что Кузнец продался колдунам, это неважно. Он покончит с Карамазом, вернется и раздавит их всех.

Сегодня важно то, что загадка Дробиченко обойдется в несколько молодых жизней...

Бравые спутники президента тыкали пальцами, наперебой показывая друг другу следы морского боя, хвастались успехами, узнавали вни-

зу оставленных друзей. Коваль не мешал им радоваться, не так уж часто в суматошных буднях этих людей возникали окошки отдыха. Президент не мог взять с собой много людей, гондола была рассчитана максимум на дюжину, плюс груз оружия и боеприпасов.

Затем берег удалился, и под мерное тарыхтенье моторов, маленькая команда завалилась спать. Коваль приказал отдыхать всем, предчувствуя, что очень скоро сон снова станет большим дефицитом. Он спрашивал себя, все ли сделал правильно, стоило ли покидать твердую землю и армию. Кроме армии, на берегу остался последний выживший дракон, которому свиные туши подталкивали длинными шестами...

Как и прежде, пришлось взять с собой здоровяка Митю Карапуза. Незадолго до отхода флота Митя получил из рук президента орден и майорские погоны, за усмирение восстания в Лужских каторжных лагерях. Радея на службе, Карапуз героически разрывался между полком преданных, бешеных чингисов, оставленных на берегу, и обязанностью сопровождать патрона в опасных передрягах. Майор дремал с полуоткрытыми глазами, не изменяя дикарским привычкам, привычно сжимая коленями шестиствольный пулемет...

Рядом с огромным Карапузом прел в кольчуге щуплый смуглый узбек, Расул Махмудов, личный осведомитель Малого круга власти в Ташкенте и, по совместительству, редкий знаток арабского языка. О том, что в Ташкенте, Самарканде и Фергане Махмудов пользовался совсем другим именем, считался богатым купцом, держателем нескольких лавок и караванов, в российской столице знали, помимо Ковалья, всего два человека. Расула не стоило отвлекать от бизнеса, но у Артура не было выхода; на весь Питер не нашлось достойного доверия переводчика, а арабист очень скоро мог пригодиться. По официальной версии, как раз сейчас Махмудов организовывал торговое представительство в Финляндии. Но щуплый узбек обладал и несколькими скрытыми талантами.

Коваль ощутил тайну еще при первой встрече с Расулом, шесть или семь лет назад. Потертого незаметного гостя привел Старшина книжников Лева Свирский; у бывшего библиотекаря Зимнего дворца имелись, как ни странно, удивительные связи и знакомства. Лева представил Расула и намекнул, что если парню подсобить серебром на обустройство торговли, то в дальнейшем вложения вернутся золотом, и вдвойне. Так оно и вышло, Махмудов первый проторил караванные тропы через прикаспийские болота, до Оренбурга и Астрахани...

А тогда Артур сразу спросил у простоватого с виду, замусоленного сына степей, чем от него разит. Гость как бы удивился, захлопал глазами, вывернул карманы. Тогда Коваль, к изумлению книжника, назвал и нарисовал узбеку четыре травки, истолченные в порошок, которые тот

прятал в потайных местах одежды. Коваль назвал узбеку всего четыре травки, потому что различать их научила его еще Анна Первая в уральской тайге; другие травки и готовые смеси, припрятанные за обшлагами халата, Артуру оказались незнакомы, но, по крайней мере, две из них несли смертельную угрозу.

Слишком серьезную угрозу, чтобы находиться рядом с азиатом в закрытом помещении. Артур даже подумал, что Старшину книжников обманули, подсунув вместо правильного кандидата в шпионы наемного убийцу. Он повидал к тому времени немало убийц, однако травника встретил впервые.

Травники — мирные люди. Обычно это так.

Артур вспомнил наставления Бердера и переместил взгляд на руки узбека, и особенно на кончики пальцев. Ногти длинные, чуть загнутые, аккуратно подстрижены, но сверху словно темным лаком покрыты. Артур отодвинулся на шаг, готовый выхватить нож, и потребовал от загорелого гостя, чтобы тот положил руки на стол, ладонями вверх. Бедный Лева Свирский крутил головой, ничего не понимая, зато Расул прекратил придуриваться и выказывал впредь хозяину Петербурга явное уважение.

Он уже без лишних просьб предъявил остро заточенные ногти, под которыми можно было легко спрятать крупницы ядовитого порошка, он показал хитрые зашитые кармашки на халате и шароварах, поведал названия незнакомых растений. От мельчайших крупц одного порошка взрослый человек мог впасть в кататонию на несколько дней, от гранул другого, невзначай брошенного в глаза, — мог ослепнуть, испытыв страшные боли, от третьего — впадал в бешенство, а затем — навсегда оставался слабоумным...

Многое умеют травники. Иным не нужен ни кинжал, ни верный пес, ни арбалет, чтобы защитить жизнь. Достаточно царапнуть противника ногтем.

Впрочем, в тонкости Ковалю так и не посвятили, Расул вообще болтал мало, зато много успел сделать. Раскрутил торговый бизнес, построил свое представительство в Астрахани, участвовал в посольствах и снабжал Петербург информацией о событиях в Средней Азии. И дальше бы катилась неспешная, дремотная жизнь уважаемого купца, если бы не Карамаз, затеявший вербовку нищих для войны с Россией. Карамаз-паша набирал глупых бедняков в янычары, обещая им золото и победы, земли у прохладных родников и диковинных женщин. Карамаз жег книги, закрывал школы и безжалостно сек отступников веры...

Спрятав семью, Расул Махмудов успел снарядить последний караван хлопка в Россию. Его мирная шпионская миссия подошла к концу. Завершив хозяйственные операции в Астрахани, Нижнем и Петербурге,

выступив в русской Думе, Расул собрался на родину, но вовремя одумался. Друзья с юга предупредили, что в Ташкенте свирепствуют конные банды с плетью...

Русский имам позвал на корабль, предполагая возможные контакты с арабами. Махмудов погоревал и согласился.

У борта, привычно контролируя спину патрона, застыл новый телохранитель Коваля. Как и прочие, особо приближенные к президенту, пивовар фон Богль был обязан Артуру жизнью. Приставленный Тайным трибуналом, коротышка фон Богль днем и ночью находился в задумчивом, полусонном состоянии. Глаза он прятал за толстыми стеклами темных очков, стриженный череп укрывал пробковым шлемом. Его белый, в прожилках вен, лоб блестел под толстым слоем защитного крема, а туловище привычно парилось под пятнистым брезентом. Коротышка-немец совсем не выглядел грозным бодигардом, в рыхлом балахоне и тяжелых ботинках, он, скорее, напоминал неуклюжего гнома. Из всей компании, собравшейся в гондоле дирижабля, только Артур и Митя Карапуз видели племянника герра Борка в деле. Точнее на тренировке.

Рекомендуя шефу сутулого, коренастого родственника, герр Борг посоветовал не пожалеть дюжину лысых псов. Артур заинтересовался. Заперлись вчетвером в пустом цехе Балтийского завода, переделанном специально для тренировок военной академии. Заранее изловили в верховьях Невы диких собак, не кормили несколько дней. Псов выпустили из клеток, расставленных кругом. Наблюдатели расположились в застекленной кабине крана под потолком; внизу остался маленький альбинос Богль, в капюшоне и черных очках.

— Я бы ножами бился, — пропыхтел на ухо президенту Карапуз.

Артур рассеянно кивнул. Он тоже прикинул, что против зверья вначале стоило бы швырнуть пару-тройку клинков, сколько успеешь, а затем не помешали бы два длинных ножа, а лучше — обоюдоострые сабли... Во всяком случае, именно так его учил в молодости Хранитель Бердер.

Фон Богль поступил иначе.

Как только откинулись решетки клеток, лысые псы молнией кинулись в атаку. Они не стали проводить гипноподготовку, поскольку изголодались и чувствовали силу стаи. Немец так и не вынул рук из-под широкой мешковины. Грохнуло сразу несколько выстрелов, не автоматных, но впечатление было такое, словно стреляли очередями. Ковалю показалось, что в пивовара попало с десятков пуль, брезент летел во все стороны рваными ошметками. Первые четыре буля погибли в полете, от точных попаданий в головы, еще два пса успели подскочить к Боглю вплотную, а Артур так и не заметил, когда же пивовар успел выстре-

лить. За долю секунды до того как крокодилы челюсти сомкнулись, немец скинул на врагов свой тяжелый балахон, подпрыгнул, ввинчиваясь в воздух, почти как киношный ниндзя, и демонстрируя укрепленный на теле арсенал. При этом он непрерывно стрелял, и ни один патрон не пропадал даром. На животе и на спине крест-накрест были приторочены обрезы многозарядных карабинов; таким образом, легкого поворота торса Боглю хватало, чтобы вести ураганный огонь по кругу. Широкие патронташи удерживали на бедрах ремень, с которого свисали на лямках два короткоствольных револьвера. Еще два «бульдога» крепились к запястьям весьма остроумным способом; достаточно было сильно дернуть средним пальцем, с обернутой вокруг него петлей, чтобы револьвер выскочил в подставленную ладонь. Коваль потом специально озаботил мастеров из оружейного цеха, чтобы срисовали схему.

Фон Богль даже не запыхался. Одиннадцать мертвых булей валялись вокруг него в разных позах, а эхо выстрелов еще гуляло среди бетонных перекрытий цеха.

Митя Карапуз восхищенно присвистнул. Коваль подумал, что такого стрелка он еще не встречал.

— Неплохо, так? — удовлетворенно покивал начальник трибунала. — Можете выпустить котов, герр президент, или даже ваших белых тигров, результат останется тот же, пока у герра Богля останутся патроны. Он лучший охотник на ахаров, убил четыреста штук...

Карапуз крикнул и почесал в затылке. Артуру тоже памятли были стремительные подводные пауки, контролировавшие болота на юге Германии. Он и сам, помнится, пристрелил и прирезал парочку тварей, но четыреста!..

Фон Богля немедленно поставили на довольствие и зачислили в особое подразделение личной стражи.

Фон Богль имел маленькую смешную слабость, по всем краям, куда забрасывала судьба квадратного пивовара, он таскал за собой обломок ржавого герба, спиленного якобы с ворот фамильной усадьбы фон Боглей в затопленной Баварии. Других смешных, и не смешных тоже, слабостей у телохранителя не было. Никто не видел, чтобы его тонкие, в двух местах изрезанные шрамами губы растягивались в улыбке. Он выполнял свои новые обязанности с тем же рвением, что и на сторожевой башне в родном германском городке, у самой границы Мертвых земель.

Фон Богль никогда не доставал сразу две руки из складок широкого балахона.

И, наконец, на заднем сиденье, будто отделенный от остальных невидимой стеной, безучастно шурился на солнце Озерный колдун, Сын Прохор. Являлся ли он в действительности сыном Деда Саввы, или всего лишь носил титул, оставалось для Коваля загадкой. Ходили слухи,

что Озерники в семью берут не по родству, а тех, кто особо предан, по аналогии с древней мафией. Но не просто берут в семью, а что-то такое делают с человеком в ранней юности, после чего неофит уже не может по своей воле покинуть Отцов и Дедов. Простонародье шепотом называло эту процедуру «лизать посох», но Ковалю доносили, что в реальности церемония гораздо сложнее и опаснее...

Озерные колдуны без уговоров приняли приглашение президента отправиться в морской поход, и так же без уговоров согласились разделить, с тем чтобы Прохор полетел на дирижабле, а Дед остался с драконом. Казалось, колдунов не беспокоила ни возможность утонуть во время баталии, ни открытая неприязнь экипажа. Они вообще ни с кем во время долгого пути не разговаривали, изредка выходили подышать воздухом, живо интересовались Красными червями. Пожалуй, Дед Савва был единственным человеком на «Клинке», кто не боялся вместе с Артуром подходить к китайским драконам. Драконы старика не трогали; не то чтобы засыпали, но словно успокаивались под гипнотическим взглядом чернокнижника. Савва ухмылялся в бороду и ласково называл двенадцатиметровых тварей «зверушками». Озерник не умел находить с ними общий язык, как это делали лесные Хранители, и не отважился бы оседлать червя. Наблюдая за Дедом, Артур засек, как тот, едва заметным движением, рассыпает впереди себя какой-то порошок. Озерник укрощал червей не словом и не волей, а тайными снадобьями, без вкуса и запаха. Обговаривая финансовую сторону похода, Сын Прохор от имени Деда выставил лишь одно неясное требование — позволить чудским Озерникам привезти из каменных бутылей двоих мальчиков малолетних, буде найдут подходящих...

Коваль не постеснялся спросить — что значит «из каменных бутылей». Дед Савва остался верен себе, не отвечал, когда не считал нужным, только улыбнулся половинкой рта.

Подходящих мальчиков, брезгливо повторял про себя Коваль. Подходящих — это значит сыновей Красной луны, детей, изначально способных к восприятию черной магии, к перевоплощениям. Коваль согласился, скрепя сердце, хорошо представляя, какие разговоры поползут в команде. С другой стороны, его зацепила уверенность Озерников, что поход завершится успехом; иначе не уповали бы колдунчиков разыскать...

Под присмотром командира нового гарнизона, полковника Даляра, старшему Озернику соорудили палатку на пирсе, рядом с закованным в колодки драконом, собрали туда весь скарб с эсминца и приставили, на всякий пожарный, стражу, защищать неведомо от чего. Хотя перепуганным караульным было очевидно, что к бешеному чудовищу и нелюбимому волхву только чокнутый решится подойти.

Внутри, у входа в палатку, Дед Савва велел положить тяжелую кувалду. В случае, если Внук Прохор призовет из далекой Греции, можно будет двумя ударами выбить заслонку, сковывающую шею дракона...

Своей способностью общаться на расстоянии Озерники не кичились, но от услуг президенту, в качестве живого радио, не отказывались. Пока каторжане строили световые телеграфы, тянули телефонные провода и сколачивали из огромных бревен временные радиовышки, Деда и Сыны прибирали слабоумных и болезных детишек и мастерили из них ходячие ретрансляторы...

По договору, чудские Озерники получили от новой власти все, что требовали, — земли вдоль Псковского и Чудского озер, налоговые льготы на рыбную ловлю в Нарве, Плюссе и притоках, право на порубки и право откупаться от службы в армии золотом и натурой. Государство получило несколько тонн ценнейшей вакцины, получило доступ к «нехорошим», гнилым местам на пепелищах бывших вредных предприятий, куда категорически отказывались заходить Качальщики. Благодаря Озерникам, особые команды, отряженные Министерством промышленности, проникли в заводские корпуса Череповца и Вологды, добрались сквозь восставшие чащобы почти до центра Москвы, Волгограда и других, раскачанных Хранителями равновесия, городов. На месте многих промышленных гигантов прошлого шумели дикие леса, Хранители равновесия пока молчали, не препятствовали Озерникам явно, понимая, что накличут открытую войну с президентскими дивизиями. И катились на подводах, на платформах и паровиках отрытые из-под слоя восставшей зелени станки и цеховые краны, трансформаторы и двигатели, разобранные электростанции и котельные...

Однажды Озерники удерживали Зеленую столицу целых два дня, и за это время грузовые караваны успели вытащить с московских военных складов два десятка грузовиков, редкую спецтехнику для наведения понтонов, траншеекопатели, путепрокладчики, мостостроительные установки и штук сорок полевых кухонь, бань, радиостанций в вагончиках на колесах. Слабые метки выли и стонали, колдовские деревья угрожающе трясли почву корнями, но колдуны справились, удержали узкий проход. Сколько недоразвитых больных детишек принесли они в жертву лесу, Коваль так и не узнал. Но после возвращения каравана Дума проголосовала за передачу ордену Озерников пятисот гектаров земли на южном берегу Псковского озера. Правда, для исполнения указа пришлось переселить три рыбацкие деревушки, но кто заметил их недовольство, когда республика получила столь щедрый подарок?...

Вновь созданное подразделение при Министерстве транспорта начало брать подряды по всей стране и за ее пределами на строительство переправ и мостов, а в Академии появился новый соответствующий фа-

культет. Думские финансисты, вошедшие во вкус управления, ворчали, что совершенно незачем вбивать такие средства в развитие мало кому понятной инженерной науки, что целые волости голодают, не хватает сил для усмирения бунтов и сдерживания эпидемий, но Коваль был непреклонен. Прямо президенту возражать не решились, отдали деньги наукоемкому сектору. После того памятного заседания Артур вернулся в Зимний измочаленный и впервые потребовал от адъютантов разыскать сбежавшего книжника Леву Свирского.

Тяжко было одному биться с невежеством. Свирский бы его понял, он умел говорить убедительно, умел смягчать твердолобых ковбоев. Ведь именно Свирский сумел запустить первые массовые школы вне Эрмитажа и заставил недоверчивых, запуганных горожан привести туда детей. Свирский бы поддержал...

Но Левушка отказался возвращаться в столицу.

Пока что Артуру удавалось лавировать между старыми и новыми приятелями, хотя Озерников приятелями-то назвать было сложно. В глубине души Коваль понимал, что Деда Савву согласиться на участие в опасной экспедиции подтолкнули не стада коров, не серебро, и даже не авторитет президента. Дед Савва преследовал какие-то свои цели, и ухо с ним следовало держать остро. Долговязый, длиннорукий Сын Прохор чем-то неуловимо походил на Франкенштейна из первого, черно-белого фильма, но Коваль хорошо помнил, чем способна обернуться кажущаяся нескоординированность и замедленность движений. Он помнил, как в тоннеле московского метро Внук, за несколько минут, обернулся волкообразным чудищем, и это чудище одолело лучшего бойца Хранителей...

И совсем немногие были в курсе того, что, помимо общеизвестных льгот, президент позволил волхам выбирать себе детей в интернатах, среди умственно отсталых и безнадежно больных. Интернаты специально учредил Большой круг, в целях обуздания беспризорности в большом Петербурге. Бегущих из голодных краев малышей вылавливали, мыли, кормили и надежно запирали. Бездетные Озерники втихомолку, через доверенных лиц президента, получали больных детей, делали из них физически здоровых, даже чересчур здоровых, а про здоровье умственное можно было лишь догадываться. Внуки о себе не распространялись и в городах появлялись лишь по крайней нужде...

К Артуру не поступало сведений о том, что чудские Озерники творят непотребства, как творили их уничтоженные ладожские приятели. Ни разу шпионы не замечали на озере ночных свадеб с ритуальными убийствами девушек; никто из редких торговцев, забредавших на обманчивые огоньки колдовских деревень, не рассказывал об отроках с козлиными ногами и зубами в полпальца длиной. Вроде бы чудские вели себя

прилично. Простой люд обходил их стороной, в поселках плевали им вслед, а если Озерник касался, например, на рынке, кочана капусты, но не покупал, то после эту капусту не просто выбрасывали, а сжигали...

Озерников ненавидели, памятуя о сотнях исчезнувших девушек. Давно уже девушки не исчезали, напротив, многие матери, про себя бранясь, привозили дочерей Дедам на воспитание издалека, иногда за тысячу километров. Но Деда брали в обучение далеко не всех, руководствуясь только им известными приметам и тестами. Нищие матери видели сытное житье на берегу, коптильни, полные рыбы, жирную скотину, опрятных тихих подростков мужского пола, из которых позже получились бы приличные мужья для их дочерей. Они шепотом передавали друг другу, что сам президент Кузнец благоволит к Озерникам, но...

Колдуны вовсе не стремились удвоить свои общины. Отказывали, и вызывали новый виток недовольства. Их тихо ненавидели, но с кольями выступать боялись. Рассказывали, как однажды в Гдове к одному из Внуков пристали трое пьяных, с местной ситуацией незнакомых. Это были гайдуки, сопровождавшие караван из Харькова. Внука избили, отняли деньги, потом их заметил кто-то из жителей, и не успели хулиганы пересчитать скудную свою добычу, как их уже окружили плотным молчаливым кольцом. В ужасе прибежал начальник харьковского каравана, примчался на паровике губернатор Гдова, подняли на ноги почивавшего епископа, полицмейстера, членов суда.

Протрезвевшие и обалдевшие, мужики тупо крутили головами, никак не в состоянии взять в толк, отчего такая кутерьма. Ну, подумаешь, надавали по шее сосунку, чтоб под ногами не путался!..

Тут в толпе с шуршанием образовался проход, и появился верхом Дед Савва. У губернатора едва не случился инфаркт, начальник полиции твердо решил подать в отставку, но хуже всех пришлось епископу. В силу служебного положения ему полагалось всячески обличать еретиков или не замечать их, а вместо этого пришлось вместе с отцами города умолять этого страшного Деда не устраивать кровопролития. В харьковском караване, тем временем, схватились за оружие, конфликт мог раскрутиться нешуточный, с поножовщиной, стрельбой, вызовом дежурной роты, непременно дошло бы до Кузнецца...

Дед отступил, пошел навстречу общественности.

— Пущай себе, — усмехнулся он в бороду, недобро буравя глазками храбрившихся хохлов. — Пущай в волости тихо будет, как порешили... Тока штоб седни их слизнуло до утра...

Повернулся и ушел сквозь расступившуюся толпу.

Губернатор умолял караванщиков собрать товары и покинуть Гдов. Но те уперлись, мотивируя вялой торговлей, незакрытыми сделками,

некормленными лошадьми. В результате, до утра караван в Петербург не ушел, спаковались лишь к следующему вечеру.

Трое обидчиков юного Внука почувствовали себя плохо уже на трассе. Агония длилась недолго; у каждого изо рта, фонтаном, хлынула кровь, распухли лица, затем вытекли глаза, и спустя пару минут все было кончено. Делались самые разные предположения; кто-то вспоминал о смуглой девушке, якобы целовавшейся со всеми тремя приятелями в харчевне, или о маленьком мальчике, продававшем семечки. Предлагали вернуться, запалить лес на берегу озера, выкурить клятых черно-книжников из нор, и тут...

Схватился за глаза атаман, возглавлявший караван. Накануне вечером он проявил беспечность, поднял на смех гдовского голову, а теперь катался в пыли, тщетно пытаясь совладать с давлением, распирающим череп. В следующий миг захрипел и сполз с седла тот самый, горячий, отчаянный купчина, что предлагал вернуться и сжечь лес. Сосуды его полезли наружу, вспухли под кожей, разрываясь один за другим, превращая лицо в сплошной синяк, из ушей хлынула кровь, перепонки лопнули, глазные яблоки пульсировали. Друзья попрыгали с коней, окликнули его растерянно, попытались поднять, а купец полз по дороге, подвывая, разваливаясь изнутри на части, но никак не умирал. И кто-то крикнул в истерике:

— Да убейте же его, не мучайте!

Кто-то выстрелил.

Без лишних слов подхватили харьковчане трупы товарищей, подстегнули коней, запустили моторы и помчали, спасая свои жизни.

Естественно, подобные истории в пересказе обрастали красочными подробностями, что никак не добавляло любви народа к Озерникам...

Тем не менее интуиция подсказывала Артуру, что решение нанять колдунов на временную службу было принято верное. Особенно сейчас, когда они летели навстречу неизвестности, каждый из членов команды стоил нескольких обычных бойцов. За исключением, разумеется, угрюмого Дробиченко. Бывший визирь изображал старание и преданность новой власти, ежеминутно памятуя о несчастной своей супруге, запертой в сыром трюме «Клинка».

В Грецию...

Артур сомневался, не поспешил ли он в очередной раз, не забежал ли вперед паровоза. Следовало отрядить один из военных кораблей, переплыть море с мощным, тяжеловооруженным отрядом и тогда уж разыскивать «рабов лампы».

Чем ниже опускался солнечный диск, золотя упругие бока дирижабля, тем острее кололо сердце плохое предчувствие.

Артур пока не хотел думать о том, что за пакость обнаружили в развалившейся скале люди Карамазы. Интуиция коварно молчала. Прези-

дент вдыхал колючий морской ветер и шурился на туманный горизонт. Где-то там, курсом на Кавказ, шла на подмогу своим окопникам сорокатысячная турецкая армия, и задержать ее пока было некому. Остановить армию могли бы разгромные новости из Стамбула...

Русские дивизии под командой Абашидзе вытесняли врага из Приднестровья, из Болгарии, но сил явно не хватало. Коваль с нарастающим раздражением думал о войсках западной коалиции, застрявших где-то в Альпах, и о том, что мерзавец Карин не так уж был неправ, когда насмеялся над доверчивостью русского президента.

«Никогда они не будут с нами, все эти французы, немцы и англичане, никогда... Как и прежде, к русскому медведю отношение двойственное — и писаются от страха перед ним, и тут же плюют свысока. Черти аккуратные! Если до конца недели вестей не будет, прикажу старшему Абашидзе развернуть резервные дивизии на запад. Поглядим, как тогда запоете, господа союзнички!..»

Вероятнее всего, он зря себя накручивал, но тягостное ощущение не проходило. Позади, в Катании, все складывалось как нельзя лучше. Если информация о разгроме древнего флота не просочится вовне, то спустя пару дней «Клинок» выйдет в сопровождении вспомогательных судов к берегам Греции вместо ожидаемого там «Рейгана». Обман быстро разоблачат, но пока это произойдет, корабельная артиллерия уничтожит половину десанта...

«Очень скоро о поражении станет известно Карину и его новым могучим друзьям... В провинциях Турции он поставил править халифов, те поддержат любую войну, а вот эмир, скорее всего, поосторожничают, прознав о такой прыти русских, а Карин, как пить дать, взбесится и совершит какую-нибудь нелепость... Не сдержится, это точно. Но если он не идиот, сразу поймет, что мы целимся на Стамбул. Тут уж не до наступления на Кавказе... Однако неужели правда союзнички снова озаботились спасением Ватикана и забили болт на наши договоры?..»

Артур допускал предательство любой из сторон, но в одном из своих соратников не усомнился ни разу. Немногие были в курсе тайной экспедиции старшего пивовара Борка на склады бундесвера. В свое время герр Борк пообещал русскому президенту помочь с древним оружием, о котором понятия не имели бургомистры вольных германских городов. Естественно, про арсеналы знали те, кто часто пересекал Песочную стену, красноглазые пивовары, приглашенные президентом России в новую столицу.

По расчетам Артура, как раз сейчас, когда он пересекал Ионическое море в гондоле под дребезжающим винтом, глава Тайного трибунала, во главе автоколонны с горючим, со взводом проверенных механиков и тремя сотнями конницы, пересекал Рейн. Труднее всего им придется у подно-

жия Ползущих гор. Герр Борк уже побывал в прошлом году на родине, и с преданными людьми обследовал ближайшие склады бронетанковой дивизии бундесвера. Пивовары сумели запустить моторы четырнадцати танков, но удалились, за неимением горючего. Теперь секретная экспедиция возвращалась к Песочной стене с солидным запасом солярки.

Коваль кусал ногти. Вроде все по плану.

Шалило сердечко у президента, будто напоминало, что главное, узловое-то он и упустил...

4

САПФИРОВЫЙ ДОЖДЬ

Коваль захлопнул иллюминатор, вернулся в рубку к Дробиченко. Тот, вместе с вахтенным, ползал пальцами по карте. У бывшего визиря отобрали золото, но костюмчик подобрали еще богаче прежнего, чтобы при швартовке выглядел как хозяин положения, а не как пленник.

— Расскажи мне о Халифате.

— Мало кто бывал на территории Объединенного халифата, — почесал в затылке Сергей. — Они не хотят знаться с окружающим миром, они патрулируют побережье на джипах, на бронетранспортерах и расстреливают всех, кто приблизится к берегам. У них сохранились города, сохранились газеты, магазины, даже деньги прежние. Карамаз положил золото в банк...

— Мне плевать на их деньги. Рассказывай про армию и промышленность.

Дробиченко сглотнул слюну, поудобнее устроился на жестком табурете.

— Конечно, преемственность они обеспечить не смогли, столько лет изоляции... Я же сам не ездил, это все со слов парней из охраны Карина. Не все разговорчивые... Но кое-кто рассказывал так, что слюнки текли. Хотя сами-то дикари, не находят нужных слов, просто не видели никогда такого... Эти арабы, они большие хитрецы. Там сгладились прежние границы Эмиратов, Аравии, и Омана. Халифы и шейхи иногда конфликтуют, но потом снова мирятся. Государства крепкие, Карамаз вернулся потрясенный. Это нам с тобой, видевшим прежнюю Европу, смешно слышать о «крепких государствах». Естественно, от высоких технологий не осталось и следов. Все что было — завозилось раньше с Запада, из Японии, из Штатов. Однако у них претнефть, до сих пор на

ходу автомобили, классные дороги, сады, а бабы закутаны от пяток до макушки... Халифы сожгли все книги, кроме своего Корана и трудов богословов, и жутко гордятся, что победили вакцину...

— Там есть Хранители? — перебил Коваль.

— Ха-ха, откуда? — напряженно рассмеялся Дробиченко. — Ребята видели столбы на площадях. Если заподозрят в колдовстве — насмерть забьют камнями! Да кому там придет шальная идея колдовать? Почвы нет, ну никакой почвы. Там дремучим ребятам, Озерникам, или тем же Качальщикам просто нечего делать! Никакой почвы. Нет заразы, понятно? Нет взбесившихся котов, шальных лесов, как в Подмоскovie, нет желтых дикарей, плевков Сатаны, ничего подобного... — Дробиченко увлекся, на минуту забыв о собственном бедственном положении, о разбитой губе и синяках. Артуру вдруг ясно представились мечты бывшего московского химика; несомненно, тот обсасывал с женой идею бегства в райские кущи аравийского полуострова...

— Там бьют фонтаны на площадях, люди катаются под парусами по каналам, вечерами собираются в кафе с кальянами, все как раньше... Там на улицах дежурит полиция в форме, но она практически не востребована, и тюрьмы почти всегда пустые. Там нет воровства, бандитизма, пьяных. Вообще нет, понятно? Это тяжело представить после Москвы... Я помню безумные дни в столице, когда пришлось бежать, когда лес напирал на город, каждая кошка норовила вцепиться в глотку! Мы скакали, останавливались в деревнях и не могли встретить трезвого кузнеца, чтобы подковал лошадей... А после Аравии ребята жаловались мне, что за три недели не нашли и капли вина, не говоря уж о водке. Кармаз запретил им даже намекать на спиртное, в лучшем случае всю делегацию вышвырнули бы вон! Их сразу предупредили, что со славянской внешностью, даже в столице, в некоторые районы лучше не забредать. И не потому, что славяне, а как раз напротив, могли принять за англосаксов, исконных врагов. Никто, понятное дело, живых саксов там не видал, но очень красочно детям преподносят. Существует четкое правило, не допускающее толкований — всякого светлогожего, говорящего на языке иблиса, то есть английском, следует немедленно прикончить. Это святая обязанность правоверного. Впрочем, не всегда с европейцами обращаются столь сурово. Говорят, достаточно вырвать англосаксу язык, чтобы не мог проповедовать ересь, и вдобавок ослепить его, чтобы не мог эту ересь писать...

— Круто...

— Зато наших поселили во дворцах с электричеством и канализацией... Артур, я забыл, что такое канализация, я забыл, как шумит вода в унитазе, черт подери! Там чистое белье, цветут розы на клумбах, там никто ни в кого не стреляет. Встречные желают друг другу здоровья,

уступают дорогу и не запирают дома... Ребята видели свадьбу на лимузине, видели охоту... Когда в гости к эмиру приехал нынешний правитель Кувейта, шейх Насрулла, Карамаза позвали за компанию. Это не охота, а вечный праздник! Ребят поселили в высотном доме, в котором действуют лифты. Я так смеялся, Артур, но внешне, конечно, не показал... Они чуть не померли со страху, когда лифт повез их на двенадцатый этаж. Целые стекла в окнах, музыка по радио, шведский стол... С ума можно сойти! Видимо, их поселили в одном из отелей, до сих пор действует туристический бизнес, парни никак не могли поверить, что можно бесконечно наполнять тарелки едой! А вечерами, когда становится прохладнее, зажигаются фонари на набережных, открываются лавки. Ребята боялись зайти, они застывали в дверях, хотя Карин снабдил их местными динарами. Там рестораны, а не загаженные харчевни, как в России, парни постеснялись заглянуть внутрь...

Дробиченко закашлялся.

— Если все так замечательно,— усмехнулся Коваль,— не вижу смысла эмиру Саиду ввязываться в войну. У него что, солдаты лишние?

— У эмира не просто боеготовая армия. Все мужское население тренируется воевать. Карин видел, и охранники видели... Мальчикам с детства внушают, что за морями точат ножи полчища неверных, готовых разорить и развеять по ветру их сытую праведную жизнь. Они маршируют, носятся по полосам препятствий, стреляют ежедневно из арбалетов, но не как наши горе-войки... Они тренируются, как положено кадровой армии, там действуют военные училища... Кстати, на ком тренироваться, тоже имеется. Не дают спокойно жить постоянные набегии дикарских племен с севера и с моря. Бывали случаи, когда номады прорывались во внутренние области, тогда за оружие брались даже женщины... Осталось полно огнестрельного оружия, его берегут и чистят, в свое время, видимо, накупили немерено. Карин видел вылизанные ангараы с бронетехникой, зенитные комплексы еще советского производства... На севере, по слухам, возведена настоящая «китайская стена», а со стороны Персидского залива — двойная линия дзотов... На тысячу километров, можешь себе представить?!...

— Будем считать, что ты меня здорово напугал. Я прямо-таки трясусь от страха,— вздохнул Артур.— Было очень интересно. Теперь скажи, чего нам ждать от Ферганы?

— А вот этого я точно не знаю... Честно, клянусь! — Дробиченко приложил пухлые ладони к груди.— Карамаз на них очень надеялся, это правда. Там масса людей, они готовы поверить во что угодно, и пойдут воевать за лепешку, но дело в том...

Договорить он не успел. Из рубки гортанно выкрикнул вахтенный:

— Горы слева по курсу, ваше превосходительство!

— Земля,— восторгнулся Расул.

Артур вскочил на ноги.

— Ребята, приготовились, собрали барахло, сели на пол!

Из пенных барашков, из сонного застоя выплывала корявая спина базальтового великана. Это был еще не материк, а один из множества скалистых островков из плеяды южных греческих шхер. Овальная тень небесного тихохода скользила по волнам, по колониям чаек, по косякам солнечных зайчиков, скалы разворачивались, морщинились, заполняли горизонт.

— Вахта, курс держим?

— Так точно! — вытянулся русский штурман, нарочно снятый президентом с «Клинка», в целях контроля действий команды. — Как этот вот... визирь указал.

Артур оглядел своих командос. Он прекрасно понимал, что опять нарушил сто первую клятву, данную супруге, и сам поперся в очередное горнило, но данное приключение никак нельзя было перепоручить. На земле Даляр и Орlando справятся, а здесь никто, кроме него, не разберется. Меньше всего Коваль верил рассказам Дробиченко про запертых в скале джиннов. Однако, по мере приближения, вынужден был признать — аура у местности складывалась весьма своеобразная, если не сказать хуже. Здесь пахло чем-то таким, что нельзя было поручить самым толковым сподвижникам.

Здесь веяло колдовством.

— Не этот остров, — подкручивая верньеры бинокля, констатировал Дробиченко. — Левее, вон там, у самого берега... Узкий пролив разделяет.

Пока что бывший «джинн» не врал. Сквозь розовеющую мглу Артур различал полоску косого прибоя, тысячи облизанных голышей, потеки птичьего помета на взметнувшихся в небо каменных «пальцах». За грядой ближних островков проступали охряные, салатные пятна полей и рощиц; изъеденный миллионами волн, благословенный берег Эллады. Вот каким неожиданным образом довелось увидеть Грецию! Правее по курсу, километрах в десяти, маячили в сизой дымке улочки прибрежного городка, утопающие в цветах, домики с короткими торчащими трубами. Огни не горели, размеры городка пока было не оценить, и непонятно, имелись ли жители. Обладатель самых зорких глаз, чингис, заявил, что заметил маковки христианского храма.

Моторист заглушил четыре мотора из шести, скорость сразу упала. Море на востоке прорезала тонкая огненная полоса. Смурно на душе было, тревожно, но сердце не угадывало беду. Ныло только слегка, из-за красного червяка, в колодках, на пирсе брошенного. Один, привязанный у воды, китайский дракон скушал и плакал по кровному отцу, одна-

ко взять его с собой Артур никак не мог. Дед Савва пока присмотрит, а там и выпустит, ежели крайность какая приключится, не дай нам бог...

Не дай нам бог тут встретить засаду...

— Дробиченко, смотри у меня, продашь — скорой смерти не жди!

Бывший визирь сморщил рожу, словно жевал лимон. Подрабатывая винтами, судно разворачивалось. Ветер словно спохватился, мягко провел влажной салфеткой по лицам, забрался за воротники, заставил всех окончательно проснуться и задрожать. Теперь уже все члены экспедиции вскочили с мест, откинули шторы на окнах и свесились за борт. Остров наплывал, приближался, словно неведомая планета навстречу звездолету. Солоноватый ветер здесь имел другой вкус, свежий, слегка приправленный йодом морских растений, запахом рыбы, далекими, тончайшими наносами незнакомых лесов. Сама вода пахла иначе, нежели у берегов Сицилии.

На серой туше дирижабля кривой улыбкой вспыхнул золотой полумесяц, солнце вспыхнуло над Эгейским архипелагом. Дробиченко махнул пилоту, тот сбросил обороты двигателей до предела, стало слышно, как скрипят деревянные шпангоуты в чреве корабля.

Остров был гораздо больше, чем показалось вначале. Коваль сначала думал, что Дробиченко ищет площадку для швартовки, однако минутой спустя прямо по курсу забрезжила глубокая лощина.

Лощина. Щель.

Ковалю почудилось вдруг, что перед кабиной пронеслась большая птица, так близко махнув крылом, что перья щеотно провели по щеке, по ресницам. Расколотый остров. Никакой птицы, попавшей крылом в глаз, просто внезапно стала ясна причина волнения. Артур вспомнил, откуда так знакомо это словосочетание, хотя последний раз его произнесли при нем лет восемь назад. Старый отшельник Кристиан, он называл так место, где закопаны в землю Малахитовые врата. Да, кажется, Малахитовые врата в рай. Подвыпивший Хранитель, икая, толковал свои сновидения, Артуру же было смешно, как бывает смешно трезвым в компании дурачка, которого нарочно угостили спиртным. Хранитель не врал, когда касалось настоящего, и ближайшее будущее порой угадывал точно, но по поводу дальнего, очень дальнего прошлого, нес удивительные небылицы. В частности, про Малахитовые врата, за которыми скрывается место, где каждому воздастся.

Помнится, от колдуна не удалось добиться внятного ответа, что же он видел за вратами в своих ночных астральных странствиях. Рай, нервно отшучивался Кристиан, истинный рай. Не как по библейским книгам, а лучше. Только вот одна заковыка, негоже за Малахитовые врата насекомых пускать, то есть горожан, никчемных, глупых людишек, не способных жить в мире с матушкой-землей. Не оттого, что погибнут, а как

раз наоборот, могут вдруг назад вернуться, и совсем не теми, кем были раньше. Мол, случилось уже такое на планете, и не дай бог повторить...

Да что случилось-то? Откуда Кристиан черпал такую нелепую информацию? Да все оттуда же, откуда и остальное,— из дремотных своих прозрений, из видений после дрем-травы лесной, валдайской...

— Сорок лет назад здесь развалилась гора,— Сергей показал на отколовшиеся, упавшие в море куски, над которыми закручивались мелкие водовороты.— Здесь действительно что-то произошло, хотя раньше не наблюдалось сейсмической активности. Мы застали лишь последствия. Ваши Качальщики непременно связали бы раскол коры с падением численности населения...

— Это как? — встрепенулся Коваль.— В Турции тоже бытуют такие взгляды?

— Бытуют... неофициально,— криво усмехнулся Дробиченко.— Я встречал старичков в горах... Когда ездил на электростанции. Занятные старички, и чем-то Качальщиков напоминают. Гонора тоже выше крыши, и плевать огнем умеют... Умели, н-да. Вот они талдычили, что люди ушли и непременно вернутся другие, те, кто был раньше, до людей. Короче, вроде секты у них. Местный халиф потом всех перебил...

— Те, кто раньше, до людей? — Коваль потер виски.

Начинало противно покалывать, как бывало уже не раз, вблизи Звениящих узлов. Он мельком подумал, что впервые встречает Звениящий узел, взорвавшийся под водой. Внешне это могло выглядеть как раскрошившаяся скала или как цунами, но истинную причину катаклизма установить было сложно. Возможно, затонувший корабль с химией или продуктами распада на борту. Или еще похлеще — атомная субмарина.

Все имеет рациональное объяснение, повторял он себе. Должно иметь объяснение.

— Ты мне скажешь внятно, что вы там нашли? — Этот вопрос Артур задавал уже четырежды, но так и не получил внятного ответа. И на сей раз Дробиченко надул щеки, помялся с ноги на ногу и нехотя пробурчал:

— Это надо видеть... Ты пойми, каждый видит свое...

— Глюки? Прет какой-то газ, а вы его приняли за послание свыше?

— Это не послание,— поджал губы Дробиченко.— А если и послание, то не свыше. Видишь ли, я сказал, что каждый видит свое. И слышит каждый свое. Я не спускался... Там, внизу, оставались надолго пять человек. Двоих мы вынули уже мертвыми, после чего испытания прекратили... — Дробиченко хмыкнул, потер щетину, сплюнул в иллюминатор.— Это я посоветовал Карамазу завалить вход в нижнюю пещеру и поставить охрану. Там надо долго заниматься, очень долго, а не с наскока...

Ущелье распахнулось, точно хищная улыбка, прорезанная титаническим резцом скульптора в нагромождении гранитных торосов.

Расколотый остров, мать его так...

— Где же охрана? — вполголоса спросил президент у бывшего визиря.

— Нас уже видят, мне надо встать на носу, — Дробиченко отдал следующую команду. Тут же смолкло шипение газовых горелок, на приборной доске поползли вниз стрелки на манометрах.

— Всем залечь! — приказал Артур. — Господин майор, не могли бы вы заменить турецкого пилота в верхней кабине? Не хотелось бы, чтобы парнишка случайно подал какой-нибудь знак... И пушку свою прихватите, мало ли...

Карапуз коротко кивнул, согласно новому российскому уставу, и шустро полез по лесенке в чрево дирижабля. Минуту спустя раздались звуки борьбы, хрипы, и в люк вниз головой был спущен связанный пилот.

— Рыпался, сволочь, — пробасил из горячего мрака Карапуз. — Как пить дать, хотел своим, собака, лампой поморгать.

— Я тебя предупреждал? — Артур потянул Дробиченко за ворот.

— Клянусь, все не так... — позеленел «джинн». — Никаких сигналов, это его работа! Там внутри корпуса мостки, проходы к четырем фонарям. Я сам вводил правила, при посадке обозначить габариты судна...

— Смотри, как бы я твои габариты не уменьшил, — пообещал президент. — Начну с лишнего отростка между ног. Герр Богль, проследите, чтобы тот парнишка на руле не выкинул фортель. Желательно, тихо...

Немец кивнул, встал вплотную к мотористу, передвинул руку под балагоном. Турок задержался у штурвала, покрылся потом, что-то залопотал умоляюще, обращаясь к визирю.

— Азиз просит не убивать его, — спешно перевел Дробиченко. — Он не скажет ни слова, будет служить честно. У Азиза в Стамбуле четверо детей...

Солнце осторожно выглянуло из-за влажных скал. Дирижабль плыл метрах в тридцати над расщелиной, похожей на пересохшее устье ручья. Внизу не наблюдалось следов человеческой деятельности, остров представлялся совершенно заброшенным, недружелюбным складом булыжников. Кое-где ветер натаскал земли, в узких проломах желтели чахлые травинки, тянулся по уступам вьюн, пробовал свои силы дикий виноград. Ни катышков козьего помета, ни обломков рыбацких хижин, ни останков высоковольтных столбов. Очевидно, Господь встал не с той ноги или пребывал в глубокой ипохондрии, создавая этот клочок суши. В подобном унылом месте в древние времена могли бы держать каторжан или заключенных. Волны с разбегу налетали на отвесные берега, рассыпались, передавая острову легкую дрожь, обтекали его с двух сто-

рон, закручиваясь водоворотами в узких стремнинах проливов. Воздушный корабль на фоне циклопического пейзажа казался беспомощной пылинкой.

Тревога не проходила.

Будто бы непременно следовало ждать утрату. Лица товарищей самую малость тускнели, как происходило не единожды, перед разлуками вечными. Волшебных качеств за собой президент не наблюдал, но кое-каких премудростей у Качальщиков, в свое время, нахватался. Когда вот так лицо близкого человека смазано, черты чуть менее четкие, нежели обычно, хочется сморгнуть или протереть глаза,— не к добру это. Почти незаметно, не всякий способен в себе развить дар такого узнавания, его и предвидением не назовешь. Старый Прохор, помнится, говаривал Артуру, что в каждом человеке предвидение заложено, и каждый печать смерти будущей несет. Звери домашние чувят, подсказывать порой хозяину пытаются, чтобы не бросался куда не следует, не вылезал вечером, лучше отсиделся бы...

Ковалю хотелось протереть глаза. Он не видел близкую смерть ребят, но вполне ясно предугадывал разлуку. Разлука на уровне тонких ощущений воспринималась как расширяющаяся бездонная пропасть...

Артур вновь и вновь ловил себя на том, что так и тянет его растереть онемевшую кожу на висках, на затылке. Безусловно, поблизости рванул мощнейший Звонящий узел, примерно такой же, как в Оренбургских степях, где наступали Желтые болота, или такой, как в Германии, в районе Песочной стены. Побережье Греции наверняка пострадало, но главное острие удара пришлось в глубину моря...

Пилот виртуозно подрабатывал двигателями, кидал румпель с борта на борт, протискивая громадный баллон среди нагромождений острых камней. У Ковалю кровь колотилась в висках. Он уже заметил, для чего пилоты идут на риск, едва не царапая днищем гондолы гальку.

Расколовшийся зуб заканчивался тупиком. Впереди, в предрассветной мгле, вырастала серая, с блестками стена; по мере приближения в ней обозначился разлом. Он начинался не у самого дна ущелья, заваленного камнями, а гораздо выше. До нижнего края трещины тянулось метров пятнадцать отполированного гранита. Преодолеть голую, выщербленную оползнями гору можно было либо резко набрав высоту, либо...

Либо протиснувшись в щель. Что пилот и собирался сделать.

— Снижаемся, ваше превосходительство,— тревожно заметил штурман.— Как бы об землю не шваркнуться, больно скоро валимся...

— Не упадем,— успокоил Дробиченко. Он выбрался на самый нос гондолы, распахнул оконце и начал размахивать фонариком.— Азиз свое дело знает, четвертый раз тут проходим. Это я предложил по духу, раньше лазили по камням, побилось народу...

Четвертый раз, отметил про себя Коваль. Проторили тропку — стало быть, и правда, отыскиали нечто из ряда вон...

Артур сел на пол прямо за спиной Дробиченко, проверил метательные клинки. Сергей продолжал плавно размахивать фонарем.

— Сюда много лет никто не заплывал, — словно расслышав мысли Ковалья, сообщил визирь. — Местные греческие рыбаки считали остров дурным местом, по слухам, еще в те годы, когда мы с тобой науку делали. Здесь таких островков сотни, никто серьезно не изучал... Ну, дурное и дурное, мало ли? Зачем изучать, если для туризма интересов ноль, ни угля, ни нефти, ферму не поставишь... Мы с Людой внимание обратили, когда слухи о сапфировом дожде начались...

— Сапфировый дождь? — Коваль с трудом оторвал взгляд от нависающей скальной громады. Дирижабль подлетел вплотную к разлому, и оказалось, что между неровных стен могли бы разминуться три таких судна. Артур отметил, что по земле добраться до нижней границы разлома могли бы только альпинисты высокого класса. Без специального снаряжения преодолеть завалы было нереально.

Впереди, в глубине скалы, блеснул огонек, затем еще один, затем на пузатых бортах дирижабля скрестились лучи прожекторов.

— Командир, с двух сторон обложили, — громким шепотом доложил из верхней кабинки Карапуз. — С пулеметами, за баррикадами прячутся!

Луч поймал гондолу, полоснул по глазам, а секунду спустя Артур и сам разглядел блокпосты в изломах проплывающих мимо стен. Грубо сцементированные обломки камней, бойницы, веревочные лестницы. Настоящие «гнезда», подвешенные над пропастью. Пока что по дирижаблю не стреляли.

Артур обернулся к Сыну Прохору. Колдун коротко прикрыл глаза, давая понять, что задачу понял. Действительно, кроме озерного оборотня, никто не сумел бы подобраться к вмурованным на высоте каменным «гнездам», а перспектива занять в тылу вражеские огневые точки президента совсем не прельщала.

— ...Сапфировый дождь — это правда, — как ни в чем не бывало, продолжал Дробиченко, помахав кому-то в темноту. Однако Артур слышал, как колотится сердце у предателя, тот тоже ожидал пулеметную очередь. — Карамаз прошел маршем по Пелопоннесу, почти не замедляясь. Впереди войска мы высылали небольшие отряды, они предлагали местным племенам принять власть паши и истинную веру. Карамаз, что бы ты о нем ни думал, отличный тактик. Я ни черта не волоку в военном деле, но это было круто... Когда встали лагерем на берегу моря, километров семь к западу отсюда, ребята купались и вытащили со дна камни. Сапфиры, были и рубины, и мелюзга всякая...

— Командир, там вроде поляны впереди, причал... До взвода их точно будет, возле пушки ждут. Ну, этих я зараз положу,— кровожадно добавил Карапуз.

Дробиченко осекся.

— Ты продолжай, продолжай, мне интересно,— подбодрил его Коваль.

Моторист снова повернул вентиль, горячий газ хлынул в брюхо корабля. Подрабатывая левым винтом, Азиз разворачивал нос в сторону света. Узкий пролом здесь резко раздавался в стороны, превращая трещину в громадную пещеру, разукрашенную природными блестками, алыми прожилками, изящными узорами слюды, и окаменевшими потеками лавы. Свет попадал сюда сверху, из нескольких рваных отверстий, каждое из которых не пропустило бы дирижабль. Стены пещеры вздымались вокруг гондолы на сотню метров, чем-то напоминая внутренность тюльпана, сомкнувшего лепестки.

Расколовшийся зуб. Расколовшийся остров...

— Ну вот, притащили парни камешки,— вполголоса продолжал Сергей.— А после кто-то из местных рассказал совсем уж немыслимую историю, будто лет сорок назад треснула гора на одном из островов, и оттуда забил фонтан. Они рыбачили как раз, на лодке далеко отошли, чуть не поубивало всех. Одному глаз выбило. Думали, град пошел, а это не град, драгоценности. Несколько минут поливало, рыбаки в воду попрыгали, чтобы хоть как-то укрыться. После дым три дня валил, море бурлило, разогрелось. Я так прикидываю, подводный вулкан где-то поблизости вскрылся. Нашли они остров, откуда фонтан бил. Вот из этого самого места...

— Фонтан из драгоценностей? — задумчиво переспросил Махмудов.— Что-то я слышал о таком... Но не о здешних местах.

— Мое соображение такое — под этой горой было нечто вроде банковского хранилища,— Дробиченко показал вниз, на неровный пол пещеры.— Когда рванул вулкан, камни выстрелили вверх, как пробка из бутылки...

— Чье хранилище? Пиратов?

— Ну уж нет! — нервно хихикнул бывший визирь.— Против местных собирателей сокровищ все наши средневековые флибустьеры — это горстка детишек...

Артур проследил за направлением, куда указывал Дробиченко. Дирижабль завис над самым центром пещеры, над относительно ровной площадкой, образованной массой мелких камней. Видимо, они осыпались сюда с внутренних склонов после подводного землетрясения. Артур глядел вниз, на маленькие фигурки встречающих, и вдруг его посетило странное, крайне неприятное ощущение. Такое случается иногда с

каждым, когда ныряешь в темноте и теряешь ориентацию, не можешь определить, где низ, а где верх.

Коваль смотрел на костры в углах пещеры, на собранные наспех палатки, сколоченные кое-как настилы и неровное дно, на усатых парней в фесках и чалмах, бегущих с канатами и крючьями, а видел совсем другое. Он видел, что осыпавшаяся каменная крошка едва прикрывает отверстие над бездной. Она заткнула горловину, и достаточно одного направленного взрыва, чтобы крошево пришло в движение, посыпалось куда-то в глубину, после чего, скорее всего, опять сместятся слои породы, и пещеру может завалить навсегда... Но проблема заключалась не только в неустойчивости «пола».

Помимо воли включилась интуиция Клинки, воспитанная Хранителями силы в уральских лесах. Коваль зажмурился, задержал дыхание, так было легче войти в нужное состояние.

Не только Звенящий узел. Слабые метки давно отработали свое, ослабли и рассыпались вместе с отработавшими вредными веществами. Мать-земля успокоилась, зализала раны, нанесенные людишками.

Что-то другое, непонятное, незнакомое. Ниже уровня условного пола словно бы текла медленная пульсирующая река. Или что-то дышало, очень большое. Настолько большое, что один выдох длился несколько минут, превращаясь в несильный ураган.

Гондола качалась, внизу выкрикивали команды, притягивали баллон к бревнам, забитым в щели между валунами. Фон Богль быстро щелкнул выключателем, для окруживших двухэтажную гондолу людей ее окна стали темными и непрозрачными. Карапуз спустился с верхотуры, мокрый и потный; он теребил пулемет, спрашивая, когда начинать пальбу. Расул тихонько молился, сжимая «калашников», Дробиченко покрикивал на янычар, тон его голоса резко изменился. Это уже не был тон забитого пленника, с солдатами говорил всесильный владыка. Снизу подобострастно отвечали, двое подкатили тележку с лесенкой, импровизированный трап.

Гондола шваркнула днищем по камням. Снаружи было гораздо холоднее, чем в открытом море, и запах... Запах совсем не морской, и не такой, который ожидаешь в каменном мешке. Запах, как будто поблизости функционирует плавильный цех. Кисловатый аромат разогретого металла.

Непонятное явление, но Артуру некогда было обдумывать. Оставались считанные секунды, затем озарение сбежит, как молочная пенка, и долго не вернется. Ведь президент не рождался под Красной луной и не умел так тонко чувствовать ауру вещей, как ее чувствовал каждый ребенок Качальщиков...

Что-то тут было не так.

Дурное место.

Дробиченко обернулся, кивнул, давая понять, что обман сошел с рук. Его лоб блестел от выступивших капель пота, капли висели даже на верхней губе, руки дрожали.

— Охраны сейчас двадцать четыре человека, — быстро отчитался он. — Два тяжелых пулемета с катеров, они наверху, при входе, и здесь еще два. И одна пушка. Нам повезло, последний груз им доставляли сюда три дня назад. Парням еще не донесли, что «Рейган» потоплен...

Артур хотел его прервать, хотел сказать, чтоб тот заткнулся, не мешал, потому что оно снова подступило, ощущение касания к чему-то неподвластному человеческой воле, одновременно живому и неживому. Артуру вспомнилась подземная семья Чжан, миллионы хищных насекомых в дебрях китайского ракетного комплекса. Затем ему вспомнился сволочный рой из железных стрекоз, разрезавший Людовика; ощущения похожие, но не идентичные.

Озарение так и не пришло.

В самый последний момент, когда уже подкатили трап и надо было выходить, и Дробиченко, мокрый от ужаса, начал спускаться первым, навстречу прожекторам и факелам, поклонам и рапорту, к Артуру в сумраке неслышно приблизился Озерник Прохор. Обдавая нечистым дыханием, глумливо, как будто заигрывая, прошептал:

— Что, мил человек, корячит? Меня тож корячит, хех... Стало быть, верно Дед подгадал, мир ему. Туточки они, дожидаясь...

— Кто дожидается? — похолодел Артур. — Кого ты чуешь, Озерник?

— Мальцы стенают, медом исходят в бутылках, — Прохор запахнул плащ. Казалось, его совершенно не интересуют вооруженные люди за окнами. Озерник улыбался плавающей, ускользающей улыбкой. — Нас они ждут, мальцы в бутылках. Торопись, покудова не проснулись. Скорлупа, слышь, треснула, того и гляди, вылупятся. А как наружу полезут...

— Что тогда? — не утерпел Митя.

— Тогда всем конец, — широко улыбнулся Сын и шагнул вслед за Дробиченко в темноту.

5

СЫН ПЬЕТ КРОВЬ

Сценарий десантирования Коваль подробно разработал еще накануне. Приходилось полагаться на Дробиченко, по памяти которого составили план главной пещеры.

Согласно плану, визирь выбрался на трап, неторопливо спустился на «летное поле» и тут же распластался среди острых камней, чтобы не мешать работе профессионалов.

По следу визиря, непрерывно кланяясь, размахивая руками, семенил в длинном халате Расул Махмудов. Его, естественно, не узнавали, но, поскольку встретили в компании с главным «джинном», не зарубили сразу. Махмудов неловко поскользнулся, взмахнул тонкими заголившимися ручками, крылья халата разлетелись, кто-то рассмеялся.

Ближайший из подоспевших солдат удивленно разглядывал тонкую, болезненную царапину, неизвестно откуда появившуюся на тыльной стороне ладони. Он попытался поднести порез повыше к глазам, но локоть и плечо одеревенели, шея перестала сгибаться, воздух в горле превратился в песок. Бравый вояка качнулся вперед, назад, затем земля стремительно притянула его, впиалась иглами в затылок... Последнее, что он увидел, — упавшего лицом вниз соседа, его дергающиеся ноги и расплывающееся мокрое пятно на шароварах.

Расул успел царапнуть ногтем четверых ближайших охранников, стоявших с обнаженными саблями. Пока они бились в судорогах, шустрый узбек скользнул назад, под днище гондолы.

И очень вовремя скользнул. К нему уже мчались спущенные с цепи азиатские овчарки. Откуда-то сверху закричали. Коваль задрал голову: в проломах, на фоне голубого неба, замелькали головы.

Пещеру охраняли со всех сторон, в том числе и сверху!

Но «верхняя» охрана не отваживалась стрелять, из опасений попасть в визиря. Они совершали огромную ошибку, но еще не догадывались об этом. А когда на сцене появилась невысокая плотная фигура в плаще и черных очках, стало поздно.

Вышел фон Богль и устроил сеанс одновременной игры, как минимум, с десятью участниками. Он успел убить семерых, пока остальные поняли, откуда летят пули. Один из псов бросился на Карапуза и накололся на штык. Другой собаке Митя отрубил передние лапы, еще двух пристрелил немец.

Тем временем Озерник ящерицей скользил в сторону пролома, из которого не так давно приплыл цеппелин. Отсюда, из нутра пещеры, изогнутый вход походил на жадную гранитную вагину, приоткрывшуюся навстречу солнечным лучам. Сын Прохор прошептал заклинание, не переставая жевать комок выворотной травы, откатился в сторонку, распластался в темноте. По сторонам пролома, на большой высоте, он различал обмазанные раствором, сторожевые «гнезда» пулеметчиков, свисающие веревочные лесенки. Сами пулеметчики вытягивали шеи, пытаясь разглядеть, что же происходит в глубине расколотой горы, но обзору мешал припаркованный дирижабль.

Молодой Озерник жевал траву.

Он уже чувствовал, как по телу катятся первые горячие волны оборота. Следовало еще немножко подождать, не выходя из тени, совсем капельку, а потом никто из этих дураков его не остановит, включая президента Кузнеця. Возможно, сегодня у Озерников единственный шанс вернуть себе власть и свободы, отобранные Проснувшимся Демоном. Легко рассуждать о дарственных на землю, о верительных грамотах и местах в Думе тем, кто не помнит бывшего могущества детей Красной луны, не помнит, как тряслись от ужаса губернии и уезды и несли насекомые сами отродье свое, девственников своих, на потребу Озерникам...

Сын Прохор забросил в рот порцию горькой вяжущей травы. Сегодня и здесь! Дед и Отцы будут им довольны...

Тем временем оставшиеся в живых турки засели в укрытиях и обстреливали освещенную посадочную площадку. Махмудов улегся под гулким брюхом дирижабля, не спеша заложил в арбалет стрелу с металлическим наконечником, прицелился в ближайший из трех прожекторов.

Крррак!! Сразу стало темнее.

— Парни, сверху! — Коваль непосредственного участия в бое не принимал, приглядывал в кабине за связанными турецкими пилотами. Зато он сразу заметил стрелков в вышине.

Фон Богль моментально сменил тактику, уступив поле наземного боя Карапузу. Митя не стал церемониться, подхватил труп врага и, прикрываясь им как щитом, попер с пулеметом в сторону ближайшей палатки. Там укрылись те, кто спасся от первой атаки пивовара.

Крра-ак! Взорвался второй прожектор.

Дробиченко лежал ничком, заслонив голову руками. Артур прикрыл глаза, мысленно угадывая, где находится каждый из его бойцов.

Озерник удалялся все быстрее, разоблачаясь на ходу. Он проскочил мимо второй палатки, не обращая внимания на торопящихся оттуда полусонных солдат, скользнул, низко нагнувшись, касаясь камней руками. Ему почти не приходилось наклоняться, чтобы дотянуться передними конечностями до земли. Артур глядел на колдуна через иллюминатор. Он уже третий раз наблюдал завораживающее зрелище «оборота», но привыкнуть не мог. Привыкнуть к колдовству невозможно, как к холоду, как невозможно привыкнуть дышать под водой...

Крррак!! Лопнула лампа над посадочной штангой. Расул закинул арбалет за спину, перекатился назад за миг до того, как пуля выбила искру из булыжника в том месте, где только что находилась его голова, змейкой утек во мрак. Карапуз захватил блокпост, отбил у врага пулемет и спросил у президента, что делать с пленными.

Турки продолжали стрельбу, кто-то отчаянно визжал на пределе голосовых связок, кто-то выкрикивал слова молитвы. Тело цеппелина

пробили в нескольких местах, воздух выходил с нарастающим, вибрирующим свистом, вибрация передавалась такелажу. Артуру казалось, что даже зубы зазвенят, если крепко сжать челюсти.

И посреди шума фон Богль стрелял на звуки дыхания, на звуки шагов противника, на звон металла. Фон Богль нахохлился, присел, стал похож на больного замерзшего вороненка. На самом деле он слушал. Артур с восхищением наблюдал за работой своего телохранителя. Маленький немец действовал как хищная росянка. Притаившись за углом скособоченной палатки, он почти незаметно поводил круглой внушительной головой в капюшоне, вычленял ошибочные действия врагов среди общей суеты, стонов и стрельбы.

И вдруг, из мрака, гулко пролаяли револьверы.

Визжащая, распевная молитва оборвалась. Замолк автомат, стрелявший одиночными.

В пещере стало еще темнее. Погас третий прожектор. Теперь внутренности «тюльпана» освещались лишь естественным светом, падавшим вертикально, отчего притянутый к земле дирижабль и пятак пространства вокруг него приобрели сходство с цирковой ареной во время исполнения опасного номера.

Где-то кашляли и стонали раненые, удушливо несло самодельным порохом и соляркой. Фон Богль сделал еще несколько выстрелов; сверху посыпались камешки и прилетели два мертвеца. Звучно шлепнулись, скатились с верхушки дирижабля.

— Все, кажись, — из темноты произнес Митя Карапуз.

— Слава те, господи, — русский старичок-штурман нервно перекрестился, сжавшись в комок на полу рубки.

Коваль ждал. Зрение у чингиса было острее, чем у него, по крайней мере при естественном освещении, и выслеживать врагов в лесу он умел прекрасно, но ощущать противника сквозь стены пока не научился. И никогда не научится, думал Коваль, слушая, как Озерник перебирает лапами...

Именно лапами. Артур отвлекся и снова пропустил тот неуловимый миг, когда человек превращался в зверя. Серая тень, похожая одновременно и на волка, и на гиену, и немного на медведя, прыгала с уступа на уступ, забираясь туда, куда не смогли бы добраться ни Богль, ни Карапуз.

Озерник бесшумной молнией скользил по опасным карнизам наверх, к пулеметным гнездам, устроенным в расщелине, через которую недавно проплыл воздушный тихоход. Засевшие там вражеские солдаты втянули наверх веревочные лестницы. Они не решились спуститься, когда в пещере началась стрельба; Дробиченко заранее предупредил, что у внешних постов существует строгая установка — не реагировать, что бы ни произошло, следить за ущельем и никого не пропускать в разлом. Шестеро солдат, прильнув к амбразурам, с тревогой вглядывались в по-

роховой дым, накручивали вертушки телефонов, перекликались между собой и с товарищами, засевшими в рукотворном «гнезде» по другую сторону расщелины. Никто из них не догадался посмотреть вниз, потому что подобраться снизу было невозможно.

Невозможно для человека, даже очень сильного.

Пулеметчик даже не успел позвать на помощь, когда прямо перед ним, из пустоты, возникла вытянутая оскаленная морда, с вполне человеческими глазами и длинными, широкими ушами. Что-то схватило пулемет за ствол и рвануло с чудовищной силой, разом сломав пулеметчику два пальца. Но закричать он так и сумел, гибкий зверь навалился, полосуюя горло и грудь дюймовыми когтями.

Находившийся позади первого номера расчета капрал как раз накручивал телефон, в сотый раз пытаясь дозвониться до офицера. Его нервы и так были на пределе, кургузый чекмень не спасал от холода, в корзине от проклятой влажности заплесневел хлеб, у подчиненных разболелись животы. Неделю назад им доставили продовольствие на лодке, но смена так и не пришла. В письме начальство объясняло, что людей не хватает, все силы брошены на священную борьбу с неверными, и гарнизону острова вменялось крепиться и уповать на Аллаха, как поступали все достойные сыны родины.

Сегодня неожиданно показался дирижабль великого визиря, сам он помахал условным сигналом, а потом сразу же стрельба...

Капрал дергался, приказ вменял ему не покидать «гнездо» на каменном карнизе, где они спали, сменяясь, уже третью неделю, доедали последние заплесневевшие лепешки и запивали дурно пахнущей водой из бурдюков...

Шайтан, успел подумать капрал, и в следующий момент челюсти сомкнулись у него на горле. Затем капрала приподняло, дернуло, ноги заболтались из стороны в сторону...

Третий номер расчета спал. Пареньку-курду едва стукнуло семнадцать; его поймали вербовщики паши, едва ли не на аркане притащили в лагерь рекрутов, вручили форму и заставили принять присягу. Таких, как он, в лагере оказалось большинство; им пригрозили, что заберут на службу к джиннам их женщин и разрушат в деревнях колодцы, если они откажутся вступать в непобедимую армию Карамаз-паши. Если же они согласятся, то могут рассчитывать на богатые земельные наделы, золото и быков. Деваться было некуда, а через несколько месяцев втянулись, позабыли обиду, окрепли...

Курд проснулся от сильного удара в плечо, вскочил, привычно нащупывая саблю, но не смог сразу продрать глаза: что-то горячее, соленое захлестнуло лицо. Потом он понял, что за тяжесть свалилась на него, — это было обезглавленное туловище капрала, из воротника куртки тор-

чал огрызок позвоночного столба и толчками выливалась кровь. Молодой янычар все пытался поймать ладонью винтовку, но тут когтистая лапа одним ударом сорвала с него скальп, а вторым вырвала нижнюю челюсть. Умирая, курд нажал на курок.

Человек-волк присел на задних, полусогнутых, то ли ногах, то ли лапах. Ему было не очень-то удобно, колени страшно болели. Когда приходилось так спешно «перекидываться», суставы выворачивало нещадно, сердце колошматило сто пятьдесят ударов в минуту, а челюсть словно крошили щипцами. Опыт подсказывал Сыну, что долго так не протянуть, следовало быстро осмотреть дыру в стене и спускаться вниз, чтобы разделаться со вторым постом, висящим над пропастью на противоположной стене расщелины.

Он спешно осмотрел тела, неловко цепляя сросшимися пальцами. Вывернул походные сумки.

Ничего интересного, ничего нужного. Этот подлый хоре́к Кузнец, горе-президент, любит, когда ему приносят ценные безделушки. Следует умасливать хоря́ка, так говорит Дед Савва, мир ему и тепло. Вонючего президента следует умасливать и баюкать, пока мы не достигнем того, за чем охотимся. Следует подставлять свою шкуру, самому лезть под пули и напрягать организм быстрыми превращениями, лишь бы заполнить то, ради чего поплыли на чужбину...

Волкомедведь выглянул в бойницу, потянулся. Отсюда вполне можно допрыгнуть до гнезда на той стороне расщелины, даже не придется спускаться вниз. Внук не жалел только что убитых людей, он прикончил их слишком много за свою недолгую жизнь. Но дело даже не в количестве. Насекомые защищали выход из пещеры, они бы не выпустили баллон. А Сыну еще необходимо вернуться, и вернуться в слабой шкуре, в человеческой...

Кусок раскаленного металла ударил его в спину чуть левее позвоночника. И сразу же следом — еще один. Обе пули застряли в плотных, спрессованных тканях выверта, кровь в дырах мгновенно свернулась, но внутри, видимо, повредило крупный сосуд. Кровь хлынула горлом, Озерник не на шутку перепугался. Кроме того, удары тяжелого свинца были так сильны, что Сына швырнуло в глубину каменного «гнезда», прямо на убитых им солдат. Он на несколько секунд потерял ориентацию; казалось, что в спине кто-то сладострастно шурует раскаленными спицами, организм выталкивал сплюснутые, шершавые пули, перерезавшие артерию, задевшие трахею и легкое.

Озерник ползал на коленях; через ноздри, между клыков выплескивалось черное. Он не закончил оборота, ослаб на полпути, защита переключилась на борьбу с инородными телами, и от этого незавершенные, расхлябанные суставы отдавали пульсирующей резью. Одна нога скла-

дывалась, как у волка, другая вывихивалась в сторону, плечи тоже ныли, легкие стянуло корсетом недоразвитых ребер, несколько когтей сломались. Наконец, он остановил кровотечение, но сзади уже лезли по веревочной лесенке, пыхтели, лязгали железом...

Он прыгнул, подвывая от боли, выхаркивая куски легочной ткани, практически вслепую, выставив вперед когтистые лапы. Первому угодил в лицо, содрал кожу, как тонкую бумагу, вместе с глазами и с половиной скальпа. Мужик попался крепкий, рычал разодранным горлом, дважды полоснул саблей, пока не лишился сил и не выпал в проем, на острия камней. Кажется, он и там еще долго умирал, Озерник продолжал битву и слышал хрипы, невнятную ругань. В другое время Сын Прохор непременно спустился бы на дно трещины, оказал бы уважение противнику, добил бы, но не сейчас...

От первого удара саблей он уклонился, второй пришелся по касательной, рассек руко-лапу повыше локтя, несмертельно, но сухожилия повисли. Для него, в состоянии выверта, почти все было несмертельно, если имелось достаточно времени для реанимации.

Но времени не осталось. Позади щелкнул затвор, еще один усатый, обкуренный, в феске, оскалась, лез по веревочной лестнице.

Выстрел. Озерник уклонился, еле сдерживая рычание. Пули в спине выворачивались обратно, причиняя невыносимые муки. Прохор прыгнул вперед, прижимая к боку порезанную руку.

Выстрел слева. Попало в ребро, на сей раз мелкий калибр. Прохор только припал на колено, не свалился, выкрутился ужом. Усатого в феске достал легко, одним коротким махом перебил гортань, башка отвалилась на сторону. А молодой, справа, в белой черкеске, зеленый от ужаса, царапал пальцами газыри на груди, пытаясь вытащить патрон, не в силах отвести глаз от волчьей морды с человеческими глазами...

Последнюю пулю Сын Прохор поймал в щеку. Ему повезло, пуля промчалась навывлет, в лохмотья раскроив десну. Паренька в черкеске он убить не успел, тот сам прыгнув пропасть, перевалившись через грубый кирпичный бордюр. Внизу шмякнулось мокро — и все...

— Мир мертвым... — прошепелявил колдун, выдавливая на волосатую подушечку лапы исковерканные пули. Членораздельная речь выверту давалась непросто, особенно учитывая пробитую щеку.— Прости, Отец, что нарушаю законы стаи, но... иначе мне не подняться. Прости, что не делю с тобой добычу, прости... Я должен вывернуться, должен напиться, иначе не принесу тебе мальцов...

Он вздохнул и опустил морду в разорванную грудь усатого янычара. Этого делать было нельзя, ни в коем случае, но силы травы и заклятий не хватало. Две пули застряли глубоко, вскрыв сосуды, сердце стучало с перебоями, фокус зрения постоянно смещался, в ушах то ревели селевые потоки, то требовательно пищали детские голоса...

Нельзя выверту жрать живое мясо человека, ни при каких обстоятельствах нельзя, кроме случаев, когда действительно грозит смерть. В мышцах уйма силушки накоплено, да еще травы секретные всплеск дают, оборот ускоряют, злоба ясная любую боль отодвигает. Последний раз силы на оборот расходовал больше года назад, когда на Чудском озере кавказников заезжих гоняли. Ох и потешились тогда, хотя Деда не позволили кровушки напиться. Ох как хотелось кровушки, в обличье выверта жажда гложет...

Но нельзя. И не оттого, что болтают глупые старухи, мол, оборотень назад в человека не перекинется, коли при свете живой крови нахлебается, чушь все это, болтовня. Перекинется назад, никуда не денется, ведь человеческий облик — устойчивый, истинный, а выверт и временно удержать-то непросто, не то что навсегда, ха-ха!

К человечине притрагиваться нельзя по иной причине. Может случиться очень плохое...

Сын Прохор, урча, рвал печень врага.

...— Вставай, визирь, мать твою! — Карапуз потянул Дробиченко за шиворот. На плече великан придерживал военные трофеи, пулеметы и автоматы английского производства.

— Все целы? — Коваль покинул гондолу, осторожно попробовал носом ноги камень. Кажется, только Озерник догадался, что дно крайне неустойчиво, внизу — пустоты, и даже до воды лететь далеко...

— Все целы, господин, — узбек старательно поливал кончики пальцев противоядием из плоской фляжки, распространяя вокруг нестерпимое зловоние. Жертвы его царапин валялись тут же, с багровыми, вспухшими лицами, с вывалившимися языками. — Семнадцать трупов...

— Восемнадцать, — невозмутимо поправил фон Богль. — Один там, — он показал вверх.

Артур с такого расстояния не мог различить убитого турка, но поверил немцу на слово. Он расслабился, насколько возможно, внутренним зрением сканируя каменный мешок. Парни сработали на славу, наверху живых не было, гарнизон островка погиб. Холод пробирал до костей; воздух, казалось, можно было нарезать и хранить в морозилке. Внутри скалы не водились даже насекомые, птицы не залетали в расщелины, не вили гнезд на карнизах. Счетчик Гейгера молчал, наводнения и пожара не предвиделось...

Тогда что же погубит парней?

Дробиченко переминался с ноги на ногу, тоскливо оглядывая мертвецов. Очевидно, в глубине души, он все же не верил, что три человека разнесут оборону спецобъекта в считанные секунды.

— Ждем Сына, отдыхайте пока, — распорядился президент.

Позади гондолы зашуршали шаги. Фон Богль сунул вторую руку за пазуху, но тут же расслабился. Явился Прохор. Колдун даже не выгля-

дел запыхавшимся, он бодро подошел и встал в круг, поправляя одежду. На левой щеке его запеклась кровь, смуглую кожу стягивали грубые стежки. Колдун как-то неестественно прямо держал спину, точно нес на макушке кувшин. Ковалья слегка передернуло, когда он представил, как Прохор штопает разорванную скулу. Грубые нитки уже погрузились в мясо, скоро их начнет выталкивать, но лучше на это не смотреть...

— Я правильно понял — назад теперь выйдем? — спросил Артур.

Озерник осклабился. Коваль заметил блеск зубов; ему вдруг отчетливо представилось, как несколько минут назад эти зубы заживо рвали людей. Президент удивился: Озерники клялись, что, в отличие от сказочных вампиров, отдавали предпочтение прожаренной свинине и говядине...

Однако с Сыном что-то произошло.

К сожалению, времени не было на раздумья. Осталось нехорошее послевкусие, подложка запаха тухлого, волной тянущегося за молодым колдуном.

— Куда таперича? Веди, окаянный! — Митя тряхнул «джинна» за ворот.

Дробиченко покрутил головой, неуверенно осмотрелся и направился в дальний угол пещеры, к длинной палатке, куда полого спускался неровный пол.

— Герр Богль, прикрывайте нас на всякий случай, — попросил Артур, хотя немцу можно было и не напоминать.

— Тихо, тсс! — Дробиченко приложил палец к губам. В полумраке поблескивали золотые узоры на его халате. — Видите? Ну, там, внизу...

Он провел их за палатку, в которой прежде спали солдаты охраны. В палатке, при свете фонаря, Артур заметил немало интересного. На циновках скорчились два свежезаколотых трупа; один принадлежал солдату, а второй — морщинистому старичку в очках. Старичок в расшитом серебром, суконном башлыке лежал, уткнувшись лицом в стол, заваленный бумагами, с письменами, как минимум, на трех языках. Сбоку от стола, на лавке и прямо на дощатом полу слоями громоздились большие листы, исписанные, перечеркнутые, заполненные странными схемами, картами и чертежами. На соседней полке высились стопки книг, преимущественно словарей.

— Черт, вы убили Омара... — простонал Дробиченко.

— Так это... предупреждать надо, — покраснел Митя. — А чего он с саблей кидается?

— Он лучший толмач. Он перевел первые записи с ворот.

— С каких еще ворот? — спросили хором.

— Вот с каких! — Почти театральным жестом Дробиченко откинул задний полог палатки.

— Твою мать... — выдохнули все, включая немца.

Малахитовые ворота блестели под ногами.

Часть II

МАЛАХИТОВЫЕ ВРАТА

6

ТРОПИНКА В РАЙ

Острое чувство дежа вю.

Коваль никогда в прежней жизни не посещал Грецию, даже не пролетал над побережьем на самолете, и уж тем более не высаживался на расколовшихся островках. Волна памяти накатила совсем с другой стороны. Что там болтал Хранитель памяти Кристиан? От чего пытался предостеречь? Кажется, ему чудилось, что в Малахитовые врата заходить нельзя...

За палаткой в скале начиналась широкая трещина, не замеченная ими раньше. Под ногами глухо отзывалась ровная прохладная поверхность. На подставках за палаткой чадили факелы, между ними торчало массивное сооружение, напоминающее якорную лебедку, только вместо цепи был намотан эластичный канат с альпинистской сбруей на конце.

Коваль увидел не сразу. А когда увидел, понял, что закатить подобную инсценировку Карамазу не под силу. Даже с целью заманить русского эмира в подземную тюрьму.

Они стояли перед широченной дверью, аккуратно застеленной маскировочной тканью. Поверх ткани были рассыпаны мелкие камешки, создавая полную иллюзию привычного, для пещеры, шершавого, колючего дна. Озадачивало то, что дверь находилась именно в полу. Если бы она стояла, сквозь нее свободно проехали бы рядом два грузовичка.

Артура передергивало от холода, кольца кольчуги жгли тело сквозь нижнюю рубашу. Ветер постанывал в каменном колодце, закручивался жалобным вихрем, унося вверх чад факелов и души убитых защитников острова. По скользким стенам сочилась вода, неумолчные капли выступивали раздражающий, монотонный ритм. За толщей скалы вздыхала морская пучина.

— Глянь-ка, в щель нож не просунешь. Будто для красоты нарисована... — задумчиво произнес Карапуз.

— Господин, эта дверь есть обман. Дальше нет дороги,— поспешно добавил фон Богль.— Это есть шутка...

— Это не есть шутка,— усомнился президент.

— Но там — камень! Внизу — камень! — пивовар постучал каблуком. Карапуз и Махмудов согласно покивали.

Именно так отшельник Кристиан и описывал место, хотя внятно не мог пояснить, на какую же тропу выводят громадные двери. И для кого же, такого огромного, предназначен Вход. Или Выход, что еще больше запутывает ситуацию.

Зловредной чертовщиной тут пахло. Сын Красной луны Прохор стоял рядом, и даже улыбался слегка. Впрочем, Артур и без его помощи давно определил, что в последние годы Входом никто не пользовался. Толстый слой пыли покрывал малахитовые створки. А мурманский лентун раскачивался в рюкзаке президента, не подавая признаков тревоги.

— Навались, ребята! — скомандовал Артур.— Герр Богль, а вы последите за обстановкой.

Сообща, они кое-как сдвинули тяжеленный брезент, отсыпая в сторону камни и скручивая негнущуюся ткань. Двустворчатые ворота из отполированного малахита, в свете факелов, отливали инкрустацией, вставками из тусклого желтоватого металла и мелкими узорами, нанесенными тонким резцом. Ворота достигали в высоту метров восьми, в ширину чуть меньше. Створки держали по четыре металлических петли, каждая величиной со снаряд среднего калибра. Чутье подсказывало Артуру, что ворота только притворяются воротами, а на самом деле все несколько сложнее, и створки снаружи поднять никому не под силу.

Ворота в скале, ведущие вертикально вниз.

Бред. Но они существовали.

— Герр президент, камень уложен в камень, дороги вниз нет...

— Давно бы обвалились, из минерала-то... — рассудил узбек.

— Что скажешь, Озерник? — обернулся Артур к колдуну.— Бутафорские ворота, или есть дорога?

Сын Прохор неопределенно подвигал ртом.

— Ведовство забытое, туманное. Слухи ходят, что под горами уральскими колодцы стоят, куда тысячи лет назад ушел народ, по прозвищу «чудь». Вот так... Колодец обрывается пробкой, вроде как засыпан наглухо, ан узел там. Забыты веда, коими узел покорен...

— Какая чужь? Какой еще узел? — скривился Дробиченко.

— Да уж таковский узел,— Сын Прохор улыбнулся, на мгновение обнажив зубы. Ковалю показалось, что клыки выверта так и не приняли нормальный размер.— Уж таковский узел, как на веревке, ага. Рас-

тянешь веревочку, порты да рубахи на ней сушить повесишь, а узел свяжешь, ага, и нет тебе места. Хотя для кого как... — Озерник снова хихикнул, прикрывая рот. — Ведовство забытое, кто теперь узелки развяжет? Так и стоят колодцы, веревочка в узелке, не трется, не облетает, по ветру не трепыхается, ага...

— Бред несешь, любезный, — хмыкнул Дробиченко.

— Черт возьми, ты что, не понял? — Артур потряс недоумевающего «визиря» за плечо. — Он говорит... О-о-о, черт, меня добьет это варварство! Он говорит о скрутке времени и пространства, о «черной дыре»...

— О «черной дыре» в масштабе отдельно взятого колодца? — едко прищурился Дробиченко. В бывшем «визире» моментально проснулся ученый. — И сколько миллиардов джоулей, по-твоему, потребуется, чтобы удержать дыру? Тряхнем курсом физики, господин президент?

— Неизвестно, неизвестно... — Артур потер виски. Что-то крутилось на самом кончике языка. — Вероятно, не нужны никакие джоули...

— Тихо! — Митя застыл в журавлиной позе. — Слыхали? Стонет вроде...

Артур опустился на колени, приложил ладонь к шершавой холодной поверхности. Мельчайшие буквы, больше похожие на пиктограммы, где-то прописанные в строку, а где-то сложенные в узоры, подобные цветкам... Он попытался мысленно проникнуть внутрь, но ощутил то же самое, что и раньше. Бесстрастное, медлительное дыхание. Если кто-то и стонал, то за пределами его восприятия...

Он нашел Вход.

Сердце стучало все быстрее, как барабан обкутившегося шамана. Впервые за долгое время Артур ничего не мог поделать со своим организмом: радостное возбуждение рвалось наружу. Даже в пылу битвы он не терял контроля, а сию минуту расклеился.

Спустя восемь лет он вспомнил, о чем бормотал Кристиан, Хранитель памяти, умевший скользить по нити времен. Кристиан пил, да не забывал своей нужды, обучить молодого Клинка всему, что положено знать Качальщику для жизни в лесном сообществе. И много после, добившись высшей власти в стране, Артур запрашивал разрешение на аудиенцию у прорицателя, терпеливо слушал иногда несвязные, но завораживающие легенды о прошлом...

Случайно или благодаря высшему предопределению, в расколовшейся скале они наткнулись на самые древние ворота на Земле. Здесь гнезилось прошлое, которого не застал никто из рода гомо сапиенс, потому что это прошлое человеку не принадлежало, и память о нем, обрывочная, моталась по ветру вселенной, иногда застывая в силках снов. Хранители памяти умели плести силки для снов не только человеческих, ведь давно известно, что самые интересные сны принадлежат

совсем не людям. Но об этом — молчок, смеялся Кристиан, и тут же перескакивал на другую тему, не желая делиться сокровенным. Попадали в его силки сны настолько ветхие, что рассыпались прахом при первой же попытке их анализировать. Не сразу мог колдун расшифровать знамения, терялся, порой месяцами обдумывал, прежде чем с другими Качальщиками поделиться. Не все мог описать оскудевший за полтора века Большой смерти русский язык, некогда могучий и прекрасный... Потому и соглашался отшельник на беседы с президентом Кузнецом — сообщая они подбирали эпитеты, прикидывали на грубой бумаге образы, и, во многом благодаря словарному запасу президента, Кристиан озвучивал перед соплеменниками плоды дрем-травы...

Среди прочего мнились Кристиану ворота. Зеленые, покрытые резьбой, похожей на мельчайший арабский шрифт. Похож на арабский, но гораздо старше современного арабского; этим способом писали еще до того, как легли первые камни в основания пирамид, до того, как загомонили племена в Вавилоне, до того, как вытянулись мозаичные стены в храме богини Иштар... Поблескивали, манили створки врат, Кристиан их ясно различал — горизонтальные пластины, лежавшие в скале, а за сомкнутыми створками простирался рай. Малахитовые створки не сковырнуть, разве что расколотить бомбами, но тогда не нашлось бы под ними ничего, кроме каменной крошки. Даже хуже выйдет, убеждал Кристиан, так рвануть может, что земля стеной встанет, и вода океанская стеной встанет... Тем и хороши врата, что открывают дорогу, которой нет. Правда, с той дороги мнится, что нашего мира нет, вот так-то. С той дороги мнится, будто мир наш котенком, ежиком пугливым свернулся...

Сколько не бился брат отшельника, Исмаил, и другие Качальщики — так и не смогли вытянуть из прорицателя ничего путного относительно райских картин. Кристиан утверждал, что если надолго концентрируется на волшебных створках, то с ним кто-то начинает говорить. Говорили с ним разные голоса, и всякий раз выползал он из тумана забытья помятым, в слезах и соплях, и потом долго приходил в себя и зарекался возвращаться в мучительный сон. Однако снам не прикажешь...

Далеко Малахитовые врата, на юге, скрыты толщей земной. Раньше, в незапамятные годы, было их много, да порушились, а какие в глубину просели, вместе с островами. На островах ворота, да, это точно, на голых островах, где люди не появляются. Незачем людям, не для них построено...

Зачем, почему, кто построил таинственные Входы, Кристиан объяснить не мог. Раньше закладки первой пирамиды, и даже раньше закладки сфинкса, а уж он-то был высечен задолго до пирамид, и смысл имел совсем не тот, чтобы беречь сон египетских царей. Как раз сфинкс по-

мнил тех, кто построил Малахитовые врата, но сфинкс не умел говорить, а тысячелетия смыли с его брюха письмена...

Что же за вратами, не особо рьяно добивались у родака Качальщики, что там?

Сила великая, необоримая сила. Которую нельзя выпустить в мир.

Неужто грибы огненные? Так мы их и без тебя чуюм, в шахтах за соток верст находим...

Не грибы, отмахивался Кристиан, и не химия военная, и не зараза, не хвори в стальных баках. Там такое... такое... весь мир поборет, коли на ружу вырвется. Весь мир наизнанку, как ношенный носок, вывернет. Потому как за вратами не только мир счастливый, радостный ежиком свернулся, но и времечко свое свернул...

Тут Кристиан замолкал, точно натыкался в своих изысканиях на преграду, начинал плакать неудержимо. Размазывал слезы, дергал себя за бороду, мрачнел. Артур беседовал с другими лесными братьями о видах на урожай, о Слабых метках, не торопил нелюдимого старика. А тот, побряхтев, поелозив, подсаживался снова и затевал удивительную, нескончаемую повесть о своих астральных путешествиях в прошлое...

Кристиан ни разу на памяти Артура не обманул, вот в чем загвоздка. Поэтому и колотилось сердце, поэтому и места себе не находил, разглядывая зеленый, такой ласковый, переливчатый в свете факелов, камень.

Президент попытался сделать так, как поступал всегда перед закрытой дверью, будь то реальный кусок дерева или извилистая многоходовая задача: прикрыл глаза и послушал сердце. Так учили старики Хранители, так учили много лет травники, и умение это не было для новых современников Коваля чем-то выдающимся.

Он отдался на волю интуиции.

Иные времена наступили на земле. Времена, не поддающиеся статистике, точному учету и прогнозам через Интернет. Теперь человек не мог проверить истинность высказывания в справочниках. Когда от его выбора зависели судьбы, человек частенько поступал как гончая собака, идущая по «верхнему» следу. Так наставляли Клинкауральские кудесники — расслабить мышцы, отогнать мысли и не рассуждать о будущем. Приподнять нос по ветру, раздуть ноздри, втянуть в себя правду и ложь. В мире, свободном пока от машин и фабрик, правильно подготовленный человек мог получить ответ, открывать ему дверь или нет...

Шестое, седьмое, какое угодно чувство говорило, что визирь не врет. Дробиченко мог догадываться, мог предполагать, но в действительности он даже близко не подобрался к решению. Ни он, ни его сановный жулик-хозяин Карамаз...

Вспоминал Артур Кристиана, как тот бормотал вполголоса дивное.

...Мол, обитали до людей на лице матушки-земли иные расы — летучие и морские. По первости, морские разум обрели, все к тому шло. А как иначе, когда на суше вовсе обитать непригодно было, гадость, грязь всякая, да реки огненные из вулканов стреляли! Размножился морской народ, науки хитрые, подводные осилил, семейно остепенился, обрядами оброс, ритуалами, богов себе выдумал...

Кряхтел, кашлял Кристиан, не находя прилагательных, чтобы описать привидевшиеся ему красоты.

После морских разумных явились на Землю иные, те скорее на ящеров походили. Прожили немало и построили немало, обсерватории создавать научились, корабли первые заложили, семена сами в почву бросили...

Витают, мечутся по ветру времен обрывки памяти. Непросто, ох непросто пожилому Качальщику изловить их, заманить в свои силки. Шелуха всякая лезет, а важное — редко когда. Вслушивался в музыку столетий, вздрагивал от боли. Выходило так, что разумные ящеры мигом сгинули, друг с дружкой попрощаться не успели. Выходило так, что бежали они в последние годы своего существования. Бежали, побросав дома, побросав города в джунглях, побросав поля и прирученных диких ящеров. Но не успели. Сгинули разом, оставив людям окаменелости для музеев.

А дальше Кристиан сбивался и нес полнейшую чушь. Якобы после разумных земноводных народилась на планете третья раса, только описать их отшельник никак не мог. Словно тряпка перед ним темная, плотная экраном висела. Три попытки сделала матушка-земля до того, как людишек нарожала, или больше — неведомо. Как они выглядели, что успели постичь, добились ли государственности, знали ли колесо и литье металлов?

Неизвестно. Какой катаклизм слизнул последнего конкурента человека, непонятно.

От древнего мудрого народа остались только Малахитовые врата.

7

ПОВЕГ

— **П**осветите мне... — Расул озадаченно крутил головой так и сяк, пытаясь вникнуть в бесконечную узорчатую вязь, нанесенную неведомым резчиком на черную доску. — Это арабский... Нет, странно. Некоторые слова понятны, а в целом...

— В том-то и дело, что некоторые,— полушепотом отозвался Дробиченко.— Вы думаете, без вас тут лучшие толмачи Карамазы не побывали? Вы угробили старичка Омара, никто лучше его не работал с текстом. Несомненно, что доисламский период, ни разу не встречаются канонические восхваления Всевышнему...

— Хрен знает,— поделился Карапуз, безуспешно пытаясь отковырять ножом кусок шарнирной петли. Внешне она казалась вырубленной из потемневшего дерева.— Как дерево, а не дуб, похоже на янтарь, а не янтарь, это точно... И сталь не берет...

— И не возьмет,— тоном специалиста подсказал фон Богль.— Это не есть хольц, не есть древесина.

— И как открыть? — Коваль вопросительно поглядел на Дробиченко. Тот виновато развел руками.— Как же вы туда спускали добровольцев?

— Через замочную скважину.

— Что-о?

Дробиченко указал в самый центр лежащих ворот, где сходились гигантские створки. Там действительно имелось отверстие, формой повторяющее очертания человеческого тела, прикрытое полутораметровой крышкой. Металлическая крышка так плотно лежала в углублениях узоров, что об ее назначении можно было долго не догадаться.

Прежде чем навалиться на новое препятствие, чингис улегся животом на ворота, приложил ухо и долго прислушивался. Сын Прохор прилег рядом, его ноздри раздувались, по вискам тек пот. Он сжал кулаки, чтобы не так была заметна дрожь пальцев.

Нельзя было спастись человечиною, ой нельзя...

— Чудно как-то... — неуверенно заключил Карапуз.— Вроде понизу море должно отдавать, вода ж кругом, а не слышать...

Сверху посыпались мелкие камешки. Среди гулко безмолвия пещеры звук усилился многократно, превратившись в злое покаяние. Фон Богль немедленно вскинул револьверы, но так и не выстрелил. Наверху, в рваных просветах, заросших травой, на фоне синеющих фрагментов неба, копошились чайки. Пробитый в нескольких местах, цеппелин тихо покачивался на канатах, словно уставший слон. Свистел воздух в дырах, тени облаков скользили по тускло блестящей спине воздушного корабля, по гнутым ребрам шпангоутов.

— Поднимем дружно, хватайся! — Артур подобрал себе в турецкой палатке подходящий рычаг — ржавую древнюю винтовку.

Однако особых усилий не потребовалось. Здоровенный полумесяц, толщиной в дюйм, удивительно легко скользнул в сторону, провернувшись на шарнире.

— Что это? Бронза?

— Да нет, от бронзы бы мало что сохранилось... — Артур попробовал люк ножом. Как он и ожидал, на матовой поверхности не осталось и царапинки.

— Золото? — без интереса спросил Расул.

— Какой-то сплав, золото намного мягче.

Когда крышка сдвинулась, все инстинктивно отскочили в стороны. Все, кроме Озерника, тот, напротив, подался вперед, словно прижимаясь. Чингис вскинул свою новую игрушку — длинноствольный пулемет «Корд» с зажигательными патронами, фон Богль ошетинился дробовиками, но из проема скважины никто не выпрыгнул. Внутри разливалась чернильная темнота. Десантники не отрывали взглядов от распахнувшегося люка, поэтому никто не замечал изменений, происходящих с Прохором. Впрочем, внешне Сын выглядел обычно...

— Господин президент, кинуть факел? — Махмудов осторожно нагнулся над скважиной.

— Не кидайте ничего! — взмолился Дробиченко. — Им это может не понравиться...

— Им?!

— Смейтесь, смейтесь, но они там...

«Что угодно, только не бесы, не джинны, не черти, — размышлял Коваль, заглядывая в темное жерло скважины. — Технологии, рассчитанные на тысячи лет, а внешняя форма — для красоты, эстетическая причуда...»

Вслух сказал другое:

— Обратите внимание на форму дыры.

Даже тупица с полным отсутствием воображения заметил бы, что скважина предназначалась для человека.

— Ага! Как будто... голова, ноги, — сильным голосом откликнулся Сын Прохор. Колдун склонился над дырой, жадно втягивая ноздрями холодный воздух. — Позвольте, господин... Я спущусь первым.

— Нет, постой, мы должны вначале...

— Стой!

— Держи его!

Никто не успел отреагировать достаточно быстро. Озерник схватился за лямку троса и головой вниз нырнул во мрак. С бешеной скоростью закрутился барабан с ручкой, закачались вбитые в камни распорки.

— Остановите, задержите его!

— Прощка, назад!!

— Дьявол, на кой его понесло?

Общими усилиями вращение барабана остановили, но когда потянули трос, оказалось, что он болтается свободно.

— Вот собака! — Митя показал президенту отрезанный конец. — Отхватил канат, собака! Так я и знал, что нельзя было верить аспиду! Эй, Прощка, сукин сын, ты живой там?!

Звук словно ударился о твердую поверхность мрака и отскочил вверх.

— Темно, не видать... — Махмудов светил факелом; огонь растворялся в маслянистом непроницаемом мраке. — Зачем он прыгнул, господин?

— Хотел бы я знать... — поморщился Коваль.

— Зато он-то знал... — скривил рот «визирь».

— Что он знал?

— В любом случае, он ошибся, — мрачно хохотнул бывший «джинн». — Одно могу сказать — парень готовился заранее. Это меня пугает...

— Да не мог он заранее! Мы понятия не имели про ваши ворота... — начал Артур и осекся.

— Вот именно, — скривился визирь. — Это вы не имели, а он имел. И решил прыгнуть первым. Но это ничего не меняет. Очередность не играет никакой роли. Мы опускали туда троих в одной связке, а возвращались они с разбросом в несколько месяцев. И внизу друг друга не встречали... Скорее всего, ваш нетерпеливый приятель не вернется. Если только...

— Что только? — выдохнул Расул.

— Если только вонючее озерное отродье не отыскало формулу, верную формулировку...

— Постой, постой... — перебил Артур. — Как он может вообще там общаться? На каком языке? Там внизу что, переводчик?

— Нет «низа», и нет переводчика. Джинны говорят с любым человеком... — Дробиченко потер воспаленные глаза. — Я вам говорю, можете не ждать возле веревки. Раз он не вернулся сразу, не вернется теперь долго. Несколько месяцев, а то и лет. Или миллионов лет.

— Но мы не можем ждать его несколько лет... — растерялся Махмудов.

— Командир... господин президент, — поправился Карапуз. — Разрешите, я за ним слазую?

— Не разрешаю! Дробиченко, я верно понял? Вы считаете, что любой, опустившийся по канату в скважину, может попросить все, что захочет?

— Верно, куда вернее, — хмыкнул Дробиченко. — А потом можно прийти сюда через сто или тысячу лет, если гора снова не сомкнется, кинуть веревку, она задергается, и вылезут люди, спустившиеся сюда сегодня. Например, ваш колдун-недоучка. Попросить-то — дело ерундовое, а вот что откликнется, н-да...

— То есть его просьба исполнится лишь тогда, когда скинут веревку? Полный бред! А если спустить туда старушку? Ведь она не сумеет взобраться назад, а?

— Судя по всему... — визирь яростно почесал затылок. — Судя по всему, неважно, старушка или кабан здоровый. Канат — это атрибутика, символ запроса. Достаточно сдвинуть крышку и опустить в дыру любой предмет, выпрыгнет хоть слон.

— То есть... если мы сейчас снова опустим канат, то назад может вылезти совсем не Прохор?

— Я бы отметил, что вероятность появления Прохора крайне мала. Мало того, может вылезти совсем не человек.

Наперекосяк. Другое слово не подберешь. Артур даже не был взбешен, в конце концов, ничего страшного не произошло. Проявил парень героизм, первым кинулся навстречу, ешкин кот, неизведанному...

Только вот рожа у парня больно хитрая была! И как раньше недоглядели? Самое забавное, что в течение всего похода Озерники вели себя замечательно. И Дед, не дурак ведь, отлично сознавал, что на берегах Чудского озера осталось три деревни заложников, которых не спасут от ярости президента ни заговоры, ни надежно укрытая в подземельях нежить, ни сотни ядовитых снадобий, сваренных еще в бытность соборника Карина, обещавшего Озерным колдунам большую власть...

Ничто не спасло бы деревни от разбоя горожан в случае малейшей гадости, допущенной колдунами в миру. Понимал это Дед и не тешил себя иллюзиями, не успокаивал подписанными президентом бумагами на владение землей. А раз Дед не дурак, значит...

Значит, с Сыном Прохором беда.

— Это не он отрезал, — Расул вертел в руках лохматый конец каната. — Это сделали очень давно. Смотрите, нитки рассыпаются в руке...

Нитки действительно рассыпались.

— Как это давно? — засомневался Митя. — Он только что прыгнул, гад. Петли кожаные были, а теперь вон что... Придется вязать новую сбрую, так-то страшно. Эй, визирь, как туды посветить-то?

— Он не только что прыгнул, — тихо произнес Дробиченко. — Это для нас он прыгнул недавно, а для того, что за воротами... может, прошли тысячи лет.

— Тогда на кой нам туды лезть? — опешил чингис.

— Я вас не заставляю! — огрызнулся Дробиченко. — Я же сразу сказал, что явление следует изучить. Пойдемте, я покажу вам. Тогда расхочется прыгать...

— Сам ты явление, — обиделся на незнакомое слово узбек.

— А ну, тихо оба! В форме человека... — вслух размышлял Артур. — Это означает, что человек — он и есть ключ, понимаете? Ворота совсем не нужно открывать целиком...

— Смотря какой еще человек подойдет вместо ключа, — заметил Расул.

— Можя, всякий подойдет? — предположил Карапуз. — Вона, даже я пролезу!

— Не может быть, чтобы всякий, — покрутил головой Дробиченко. — Если бы всякий, ворота открылись бы. Там сказано, что ворота непременно откроются...

— Оно нам надо, чтоб открылись?..

— Ага, пакость какая вылезет...

— Зря, что ли, летели? Повернуться и забыть?

— Погодите. На минуточку, — перебил спорщиков Артур. — Прежде чем мы продолжим обсуждать этот бред. Ты раньше утверждал, что скважину и ключ создали не люди?

— Я и сейчас в этом уверен... Там не компьютер и не комната фокусов. Там внутри живет Бог. Люди кое-как стряпают миражи, деды, волхвы, вся эта шушера, расплотившаяся после катастрофы. Колдуны лесные, речные, мать их, озерные... Я не спорю, некоторые ловкачи делают вещи, которые не просто объяснить, но все они, без исключения, ползют на брюхе перед настоящей наукой!.. — Визирь понизил голос, будто из-за Малахитовых врат его кто-то подслушивал. — Но тут нечто иное, эта дырка... Если бы не Карамаз, я бы давно приказал ее забросать камнями, а скалу взорвать, к чертовой бабушке, динамитом!

— Отчего же имам так прикипел к местным аттракционам? — Коваль поймал себя на том, что неотрывно следит за канатом, опущенным в темноту. Все-таки президенту очень хотелось верить, что непутевый десантник Прохор вернется... — Или Карамаз надеется выпросить вторую молодость?

Дробиченко даже не улыбнулся.

— Как насчет власти над миром? Кроме шуток.

— Слушай, я Карина знаю чуть больше тебя, — усмехнулся Коваль. — Он, конечно, фантазер и власть обожает, но не идиот!

— Поэтому он и не спускается вниз.

— Хм... логично. Опасается побочных эффектов?

— В отличие от вашего темпераментного колдунишки, Карамаз видел, к чему приводят непродуманные просьбы.

— Ну хорошо... А ты? Ты не хочешь попросить фазенду с крепостными?

— А что я? — обнажил коронки Дробиченко. — Я не тупее крестьянина. Можно попросить, чтобы Америку стерло с лица Земли, или Россию, к примеру. Только джинны сделают все по-своему. У них реакция на наши жалкие потребности как у пожилых родителей на позднего ребенка, трехлетка. Пропасть возраста, разница интеллекта! Они играют в игру, может быть, ради статистики. Может быть, ждут того, кто попросит что-то реально стоящее... Из скважины никто не появляется, пока не скинешь веревку. Умно, с прицелом! Они там, внизу, как будто снимают

с себя ответственность. Спускаете веревку — получаете нечто, совсем не то, что ждали. Не желаете рисковать — не лезьте, закройте крышку.

— Гм... Так ты считаешь, что если человек не возвращается, просьба не вступает в силу?

— Очевидно, так. Впрочем, наверняка неизвестно. Зато точно известно, что джинны ни разу еще не выполнили обещанного буквально. То есть ни молодость, ни власть они не дадут, можно не сомневаться.

— А что давали? Я имею в виду, кроме возвращения людей?

— О, список бесконечен, — хихикнул визирь. — Сапфиры, размером с баскетбольный мяч, вылетали. Вино же единожды три дня хлестало фонтаном, все тут по колено залило. Мы уж боялись, не остановится, придется винопровод в Европу строить, хех! Замечательное, кстати сказать, вино, я такого никогда не пил. Очевидно, в незапамятное время, алкаш какой-то о фонтане мечтал...

— И что дальше? Пересох фонтан?

— Не пересох. Догадались снова веревку сбросить. Прервали выполнение задачи, улавливаете? Потом вытащили сети с рыбой, полные сети белуги, представьте себе! Не знали, куда ее девать. Рыба икрой набита... Покойников штук десять перетаскали, даже скучно. В золоте, в украшениях, с регалиями. Причем, каких только рас не встречалось. И черные, и желтые, и явные апачи...

— Откуда тут апачи? — поразился Коваль.

— Ага, вот видите! — обрадовался Сергей. — Такова она, пластика нашего мозга. Уже трупам в гробах не удивляемся, сапфирам не удивляемся. Индейцы меня тоже потрясли, а потом дошло. Это как дважды два! Должны быть еще ворота, в других точках планеты, в том числе были в доколумбовой Америке. Кто-то страстно мечтал увидеть своего врага в гробу, прыгнул в скважину с единственным желанием, и нате, получите, хех! Тысячи лет не прошло, а личный враг убит, свеженький, еще теплый, с пулей в башке...

— С пулей? — ухватился Артур. — Какая же доколумбовая Америка с пулями?

— Вот вам и обратная сторона нашего рожка изобилия, — ощерился Дробиченко. — Скорее всего, джинны выполнили просьбу. Только слегка подредактировали. Чтобы ухлопать одного неугодного вождя, наслали на город врагов, и те перебили всех мужчин. Я, конечно, точно не уверен. Это все домыслы. Гораздо занятнее ситуация с ящерами...

— А что... были ящеры? — заинтересовался Митя.

— Еще какие... беда в том, что их прибили почти сразу, не дождались меня. Кости там внизу, я показать могу...

— Почему же беда? Эти твари всегда опасные! Я уж знаю, встречал... — поежился Карапуз. — У нас Качальщики на Псковщине много дряни по лесам развели. Кусачие они, змеи, сволочи...

— Эти были в одежде,— коротко парировал Сергей.

После таких слов выпучили глаза все гости Малахитовых врат.

— В одежде вроде грубо сплетенных циновок,— подтвердил Сергей.— С карманами и даже с какими-то предметами в карманах. Похоже на костяные катушки ниток, с закрученными жилами. Нечто среднее между раскидаем и пращей...

— Ящерицы не могут крутить пращи,— авторитетно заявил Карапуз.

— Я тоже таких не встречал,— засомневался Расул.

— Разумные ящеры жили задолго до людей... По крайней мере, так считают Хранители памяти,— вставил Коваль.— Сергей, а если... если это машина?

— Если там машина, то ее построил не человеческий разум...

— Ты спускался туда? — приступил к изменнику фон Богль.

— Да нет же, нет, я же говорил правду. Клянусь, нет...

— Что случилось с людьми, которые спускались? Говори, придурок, только честно! Иначе скинем тебя вниз без страховки!

— Они... они... Отцепились и исчезли. Так же, как ваш ненормальный Сын. Отцепились, а канат пришлось подновлять. Он выглядел так, будто состарился на сотню лет.

— Ты сам веришь, что там замедляется время?

Дробиченко тяжело вздохнул.

— Еще в Катании я вам честно признался, что не умею управлять этой штукой. Пойдем, вам надо посмотреть. Когда сами увидите — поймете...

Коваль махнул Мите и Расулу. Парни запалили новые факелы. Из гондолы, боязливо приседая, семенил штурман с запасом масла для ламп. Он непрерывно крестился, косясь на ворота, на трупы турецких солдат и собак.

Оказалось, что в одном из темных углов начинался узкий извилистый проход, еще одна трещина, ведущая вглубь скалы. Пришлось зажечь дополнительные лампы, чтобы хоть как-то осветить путь. Между отвесными уступами, посеребренными инеем и вкраплениями руды, спустились вниз, шагов на тридцать. Стало заметно холоднее, дневной свет сюда не добирался. Внутреннее чувство подсказывало Ковалю, что они спустились ниже уровня моря. Здесь периодически ходили, Артур наметанным глазом узнавал следы людей. Где-то брошена недогрызенная косточка, где-то гильзы от патронов, расколотая кружка...

Шедший впереди фон Богль резко затормозил перед неровным выступом. Стены прохода расходились в стороны, образуя широкую подземную пещеру, с пологим сырым полом. Отовсюду сочилась вода, звенела капель, доносился едва уловимый рев водоворотов в островных шхерах.

— Там живые, герр президент...

— Я слышу... — Коваль услышал их раньше немца. Бились живые сердца, замедленно, устало, с трудом выталкивая остывающую кровь.

— Только не стреляйте,— попросил Дробиченко.— Они в клетках, не нападут...

Президент шагнул вперед, больше полагаясь на интуицию, чем на тусклое пламя светильника. В нос ударила вонь испражнений, пота, свалявшейся шерсти и гнилой рыбы. Нижняя пещера оказалась гораздо меньше, чем он предположил во время спуска. На дне скапливалось настоящее озерко с морской водой, выщербленные стены буквально потели солью, а прямо над головой, из сводчатого, покрытого трещинами, потолка, торчал толстый стальной штырь. Артур узнал в нем нижний конец причальной мачты, к которой привязали дирижабль.

Он тут же понял, что Малахитовые ворота никуда не могут вести. Если створки как раз над головой, то толщина «перекрытия» не больше метра.

Куда же провалился Прохор?..

— Вот они, ящеры...

У Ковалья внезапно возникло чувство невосполнимой потери. Человеку выпал редчайший шанс пожать руку собрату по разуму, силой волшебства переброшенному через миллион лет, а человек вместо этого весело разmozжил брату голову прикладом.

Единственное, что осталось от ящеров более-менее целым,— позвоночники и циновки, надетые на шеи на манер пончо. Головы разбили основательно. Слишком длинные для мелких прямоходящих динозавров передние конечности были переломаны в трех местах. Коваль слабо разбирался в анатомии хищных динозавров, точнее сказать, его понятия в этой области, до встречи с драконами Качальщиков, ограничивались просмотренным в детстве фильмом «Парк Юрского периода». Но челюсти убитых ящеров были явно коротковаты, а длинным пальцам на руках позавидовали бы пианистки.

— Их кинули собакам? — Он мог не спрашивать, и так, по следам зубов, все стало ясно.

На берегу озера ржавели три железные клетки, перед ними в беспорядке валялись тазы с испорченной рыбой, груда червивых фруктов, и стояло кресло сторожа. К креслу был прислонен длинный шест, с крюком на конце, но сам сторож, видимо, убежал наверх еще раньше, когда началась стрельба.

В первой клетке на мокрых опилках свернулся калачиком олень. Точнее, на оленя это существо походило лишь издали, благодаря ветвистым, серебряным рогам. В серебре мелкими звездочками путались драгоценные камни. Рога росли из человеческого, безволосого лба. Спу-

танные, засаленные волосы, начинавшиеся на холке, от границы короткой шерсти, закрывали подозрительно короткую морду зверя.казалось, что на уши оленя натянут черный женский парик...

— Он жадный и глупый, ваш Озерник,— глухо рассмеялся Дробиченко.— Эти тоже были жадные и глупые... Теперь угадajte, почему Карамаз до сих пор не прыгнул в замочную скважину и не попросил для себя власть над миром? Вот именно, ха-ха-ха! Потому что... — Визирь поднял повыше фонарь, и жуткие обитатели клеток зашевелились, застонали, запричитали человеческими голосами.— Потому что Карамаз-паша не может пока придумать, как правильно попросить...

8

УЗНИКИ ЖЕЛАНИЙ

— **Ж**ивая... это женщина! — не удержался фон Богль.

— Живая... — Сергей кое-как унял нервный смех.— Она умоляла, чтобы ее убили... Первую такую мы убили, застрелили. Страшно было на нее смотреть. После этого оленя у нас восемь человек охранников вплавь пытались сбежать...

Олениха попыталась подняться, но поскользнулась и со стоном растянулась в грязи. По пятнистой шкуре ползали клещи, в язвах на изодранных суставах копошились черви. Ноги ниже колен заканчивались миниатюрными женскими ступнями, на ногтях тонких пальчиков даже сохранился лак. Передние конечности выглядели не лучше, их не красили даже татуировки на щиколотках. Нежная кожа, до места, где она переходила в шерсть, превратилась в сплошной синяк. Олениха так и не смогла разогнуться. Израненные пятки сочились кровью, на боках, на продавленной спине вспухли следы кнута. Коваль насмотрелся на диких животных, побывал и в логове ладожских Озерников, но такого чудовищного симбиоза человека и лесного млекопитающего еще не встречал. Создавалось впечатление, будто у двух юных девушек вырвали ноги и срастили с оленьим туловищем.

Судя по тому, как несчастная самка тяжело ворочала головой, метровые рога действительно состояли из серебра. Питаться той гнилью, что ей просовывал сторож, бедное создание могло только лежа, царапая щекой подстилку из опилок. Когда она прекратила бессмысленное сражение с гравитацией и тяжело плюхнулась на бок, десантников ожидало еще одно неприятное открытие. Из свалявшейся шерсти на груди

животного торчал обвислый женский бюст. Не там, где оленихам положено иметь вымя, а выше передних ног, настоящая женская грудь, не меньше пятого размера, но ссохшаяся, потрепанная, в синяках.

Из оливковых глаз катились слезы. Олениха распахнула пасть и завыла, как могла бы завывать собака. Затем прервала вой и едва слышно произнесла несколько членораздельных фраз.

— Она просит пить! — подпрыгнул узбек. — Во имя милосердного и всепрощающего... Я плохо понимаю, но, кажется, она просит пить...

— Она говорит на курдском. Лучше застрелите, — сплюнул Дробиченко. — Я говорил Карамазу, чтобы не мучил их.

— А что она попросила там... внизу? — заинтересовался фон Богль. — Ну... до того, как вывернуться... Я верно назвал, герр президент? До того, как вывернуться оленем? Она разве имела мечту о рогах?

— Возможно, мечтала стать самой красивой... — Дробиченко уже не смеялся, теперь его пробирала икота. — Кто его разберет, о чем мечтала эта нищая деревенщина? Ее языка толком никто не разбирал. Думаете, я ее помню? Приволокли очередную толпу пленных, чумазных, диких... Вероятно, у нее была неказистая маленькая грудь, кривые ноги и ноль приданого на свадьбу. Вот так, все мечты сбываются...

— Ни хрена себе сбываются... — протянул Митя. — Ну а рога, рога? Глянь, в камнях, в алмазах...

Многочисленные драгоценные камни сверкали в отростках рогов, выпадали, оставляя черные каверны в серебре.

— Приданое, мать их, — нехорошо выругался визирь. — Видать, мечтала девка о камнях, о женихе богатом, а у ихних жен закон — все свое таскать с собой. То есть она камешки да серебро представить иначе не могла, кроме как на себе...

Коваль уже не слушал. Он разглядывал пленника второй клетки. Точнее — пленников. Или все-таки одного пленника, разделенного на много частей.

— О, черт, это что за пакость? — изумился Карапуз.

Из-за широкой спины чингиса выглядывал Расул. Его загорелое лицо выражало отвращение. Невозмутимый Богль в одиночку охранял периметр, успевая косить глазом на клетки.

За прутья изнутри держались шесть сморщенных человечков, похожих, как близнецы, и одинаково уродливых. Искусанные ногти, кисти, как птичьи лапки, в нарывах и цыпках. При появлении людей трое из шести повисли на прутьях, подставили жадные ладошки, заворчали слезливо. Каждый был ростом с пятилетнего ребенка, но походил на пожилого карлика. Одинаковые зеленые бешметы, огромные бородавчатые носы, сопли, висящие на жидких седых бородах, трясущиеся бульдожьи щеки. Одинаковые тощие ножки коле-

сом, с узловатыми, воспаленными коленными суставами, закутанные в дырявые шаровары.

И громадные, воспаленные гениталии, рвущиеся наружу из шелковых замызганных шаровар. Шестеро крошечных монстров с эрегированными членами. Заставка для порнофильма в жанре хоррор. Коваль, затаив дыхание, наблюдал, как изуродованные гномы предаются онанизму, бесконечно и уныло теребя негнущиеся жезлы, которым могла бы позавидовать любая порнознаменитость мужского пола. Выстрелив порцию семени, размазав по штанам, они вспоминали о еде, снова бросались к решетке, обдавая вонью непереваренной пищи, тянули липкие ручонки к перевернутой миске с рыбой. Судя по тому, где валялась еда, покинувший нижнюю пещеру сторож нарочно изводил пленников голодом. Словно издеваясь, он держал протухшую рыбу в сантиметре от места, куда могли дотянуться маленькие руки уродцев. От их обломанных ногтей на камнях у подножия клетки протянулись белые царапины.

Коваль старался дышать ртом. Надо было повернуться и идти дальше, поскорее покинуть кошмарный спектакль, но в коловращении тел за толстой решеткой было что-то завораживающее. Гномы висели, падали, онанировали, натывались друг на друга, снова расползались в стороны, жевали опилки, испражнялись, лезли на решетку, добирались до верха, срывались вниз... и так повторялось без конца. Один пытался рыть подкоп, бесполезно царапая влажную породу между прутьев. Порой на него накатывало бешенство, карлик рычал, скрежетал по решетке пеньками зубов, падал без сил, вывернув на сторону свой немислимый, заполненный кровью, орган...

— Опустили одного, вынули шестерых, — Дробиченко сплюнул в сторону; он говорил в нос, прикрываясь платком. — Самодеятельностью без меня занялись, осмелели, вот и результат. Кстати, ваш колдун чокнутый вполне может вернуться в таком же виде... Если все помыслы о бабах.

— Что значит «без тебя»? — не понял Артур. — Значит, каждую кандидатуру ты лично санкционировал?

— Этот мужик не из пленных... — Дробиченко шмыгнул носом, подтолкнул носком сапога к клетке вздувшуюся рыбину. — Перед оленем нам показалось, что нащупали верную тактику. Двое ребят вернулись назад, ну... под анашой. Целые, невредимые. Один приволок с собой мешок с семенами, небольшой такой. Короче, никто эти семечки не признал, и сам он не помнил, откуда взялись. А заказывали ему настрого просить средство от Желтых болот. Чтобы армия могла пройти по Италии и севернее. Там полоса сплошная, туманы и болота...

— Я в курсе, — перебил президент.

— Карамаз давил на нас с Людой, чтобы искали вакцину, мы синтезировали, без конца смешивали, но... Без нормальной лабораторной

базы вакцину не создашь — как ему объяснить? Китайцы продали сколько-то ампул, удалось загасить болота в самой Турции и здесь, в Греции, но мало. Тогда он вспомнил про Малахитовые врата. Это наше сверхоружие, такая пушка, что стреляет один раз. Карамаз вспомнил про врата потому, что о них как-то проведал эмир Саид. Эмир при первой встрече вел себя нагло, дал понять, что только они, на полуострове, — истинные мусульмане, а мы — шваль, предавшаяся пороку. А потом что-то произошло, и Карамаза с парнями пустили в страну. Ну, я уже рассказывал... Не только пустили, но прокатили, угостили, принимали во дворце, в Эр-Рияде. Эмир был сама любезность, обещал непременно помочь в священном походе на север. Обещал золота и верблюдов, дал и того и другого. Только патронов и железа не дал, ни единого ствола. А после хаммама стал раскручивать наших относительно ворот. Издалека речь повел, как медом по маслу накатывал. Такая штуkenция выходит, у них там, в пустыне, вроде как святой живет, периодически вещает. Ну вот, про ворота эмиру навещал, что, мол, находка пострашнее любого ядерного гриба... Эмир сразу смягчился, с Карамазом иначе заговорил. Предлагал совместно тему ворот разрабатывать, мол, джинны испокон веков дело с ними, с арабами, имели. Ясное дело, ничего Саиду не обломилось, хотя Карамаз ему сорок бочек арестантов наобещал. С вакциной, правда, эмир не помог, да у арабов вакцины и нет. Они своих больных СПИДом просто порубали в клочья в свое время, вот и вся вакцина. Зато Карамаз вернулся, окрыленный идеей, — просить у джинов средство от болот. И мы спустили на веревке пацана, хорошего пацана, не гопника, но тупого как валенок. Он под каннабисом об одном мечтал — о средстве против Желтой дряни...

Дробиченко снова сплунул, брезгливо отодвинулся от клетки. Ее обитатели затеяли драку за тухлую рыбину.

— Мы веревку держали постоянно в скважине. Как дернется — тянули. Иногда странные штуки доставали, но не оружие. Все тащили к Карамазу, у него в Стамбуле склад теперь. Людей доставали без голов. Все на месте у человека, даже в одежде, а головы нет... И ходит при этом, руками машет. Сразу зарубали, никто не решился таких связывать... Однажды вытянули этого, с семечками. Уже не верили, что вернется. Вернулся, засранец, правда постарел лет на десять, но ничего не помнит.

— И что с семенами? — подался вперед Артур.

— А что с семенами? — саркастически хмыкнул визирь. — Высадили в Италии, у самой границы болот, по прямой триста километров до Рима. Хорошо, догадались не испытывать в самой Турции... А благодаря Желтой напасти пришлось бы наступать в обход, с севера, половину армии в драках с дикарями-католиками потеряли бы... Карамаз тогда по-

клялся, что, если джинны не обманут, он отгрохает в Стамбуле новую Софию, а в Италии обратит в истинную веру пять тысяч дикарей. Либо всех прикончит.

— Как я догадываюсь, с семенами вышла та же история, что и с оленихой? Джинны снова пошутили?

— Да уж... — поежился Сергей. — Могло бы все кончиться куда хуже, если бы не огнеметы. Семена посеяли в мае, а в июне болото начало засыхать. Причем не край болота подсох, а разом ушла вся вода, образовалась пустыня, эдакое пятно, километров двадцать в поперечнике. В июле там задули настоящие самумы, подохла вся растительность. Из посаженных семян выросли миленькие, короткие такие цветочки, вроде эдельвейсов. А в почву проросли корни толщиной с водосточную трубу.

— Да, сильно...

— Не то слово, сильно. Я доложил Карамазу, что Желтые болота отступают. Болота действительно отступали, они просто пересыхали. Подошли черви, комары, рыбины с ногами. Выяснилось, что почва в некоторых местах промокла на глубину двадцати метров. Камни и глина превратились в подобие гипса, изъеденного термитами. После того как корневища наших чудо-семян высосали жидкость, все это стало видно. Я не соврал Карамазу, что болота гибнут, но также начал гибнуть виноградник и трава у границы болот. Мы устроили раскопки. Корневища наших невинных эдельвейсов вымахали до размеров баобабов и уходили на глубину, недоступную лопатам. Когда в трехстах метрах от бывшего Желтого болота пересох ручей, мы забили тревогу.

— И вызвали огнеметы?

— Мы их еле остановили, эти кустики. Можно сказать, что успели в последний момент. Еще немного, и они бы захватили всю Италию. Желтым топям настал бы конец, осталась бы голая пустыня, развалины городов и эдельвейсы... Правда, к северу их остановило Вечное пожарище, там когда-то рванула атомная станция. Да уж, радиация никого не жалует! Цветочки накапливали воду, а наружу не отдавали ничего. Подземные бутылочные деревья, целая роща... После этого мы не использовали пленных. Карамаз был здорово напуган. Вниз опустили девицу, родственницу одного вассального халифа. Ей пригрозили, что врежут всю семью, если попытается обмануть. Ей приказали думать и просить только об одном — о маленьком платочке.

— О платочке?!

— Да, о платочке. Карамаз забраковал сотню вариантов, наверное. Ему очень хотелось попросить у джиннов оружие, но эта девка могла ошибиться и взорвать всех нас, например. Тогда он плюнул на оружие и велел просить невинный платочек...

— И... что? — разинул рот Карапуз.

— И ничего,— отрубил витязь.— Она не вернулась. Два раза мы вытащили скелет. Без головы. Очень старый скелет, но не нашего человека.

— Как это не вашего?

— Очень просто. Мертвая старая женщина, татуированная, в платье, без головы.

— Ты про женщину не говорил! — напустился на визиря Махмудов. Тот отступил, съежился, снова ожидая побоев.

— Я обо всех не помню...

Они переместились к третьей клетке и затихли надолго. На прутьях скорчилась, свернулась щетинистым ежом темная горячая масса. Ближе двух метров находиться было тяжело, начинали слезиться глаза, могли затлеть волосы. Артур приказал поднять лампы и факелы повыше; странное существо забеспокоилось, чуточку шевельнулось, обдав непрошенных гостей невидимым языком жара. Коваль еле успел отвернуть лицо, заработав на локте и на затылке легкие ожоги.

— Матерь божья, это что за дрянь? — не вытерпел Карапуз. Он тряс рукой, дул на пальцы, случайно коснувшиеся решетки.

— Это то, что с натяжкой можно назвать оружием,— мрачно произнес Дробиченко.— Когда оно выпорхнуло из скважины, солдаты потыкали саблями. Было холодное, как кусок пластилина, дергалось слегка. И вот, выросло... Хорошо, догадались в клетку запереть, пока не разогрелось.

— И верно, похоже на пластилин...

— Что такое пластилин, герр президент?

— Это такое... такой материал, вроде глины,— объяснил Коваль.— Погоди-ка, а чем вы ее кормите?

— Почему «ее»? — удивился визирь.

— Потому что это женская особь,— медленно произнес президент.— Вы слышите, как бьется ее сердце? Она нас боится... И она очень голодная. Если ее не покормить, она скоро умрет...

Бурый комок переместился в дальний угол клетки. Он раздулся до величины детского пляжного мяча, потом шар вытянулся в тупое веретено, диаметром как колесо грузового автомобиля. Со всех сторон неровного шара свисали серые лохмотья, точно куски горелой резины. Артур обратил внимание, что камень между прутьев клетки блестел, словно был вылизан языком. Ни следов мокрой соломы, ни запаха, ни грязи.

И никаких следов глаз или ушей.

Стук сердца. Переменчивый сухой жар, скачущая температура, необъяснимый источник тепла внутри, и невозможный для белковых организмов способ существования...

— Голодная? Она голодная? — Дробиченко округлил глаза. — Этот резиновый еж, с позволения сказать, голодает уже полгода, и ничего с ним не делается... Оно не подпускает к себе, не реагирует на пули, не боится огня и воды. Оно не умнее кошки, если это вообще зверь...

— Она умнее кошки. Очень может быть, что она умнее тебя. Это женская особь, потому что способна к размножению, она носит в себе зародыши. Но здесь она не родит, не волнуйтесь. Для нее слишком агрессивная среда... — Коваль поднял руку. — Замолчите. Ну-ка тише все! Разве ты не слышишь?

Фон Богль переглянулся с Расулом, на всякий случай отодвинувшись подальше от клетки. Они и так помалкивали, а теперь вообще затаили дыхание. В пещере раздавалось лишь пыхтение онанирующих гномов и редкие вопли страдающей оленихи. Зато встрепенулся Митя Карапуз.

— Я слышу, командир... Она говорит... Точно говорит, словно жалобится...

—словно девочка... — отозвался Коваль. Он опустился на колени, и сантиметр за сантиметром, на всякий случай отвернув лицо, приблизился к раскаленным прутьям. Вблизи клетки гранит обжигал колени даже сквозь плотные штаны. Камни разогрелись, как в парной. Артур вслушивался, впитывал неровные, прерывистые импульсы тепла, идущие от неведомого живого существа.

— Фонарик надо бы, командир, — прошептал Карапуз.

— Давай лампу, только прикрой чем-нибудь!

— Да что вы там слышите, шайтан вас заберит? — не выдержал Дробиченко.

— Она объясняется с нами температурными перепадами, а нам нечем ответить, — Артур принял из рук чингиса масляный светильник и тряпку.

Он попытался максимально точно повторить последовательность тепловых толчков, исходящих от разлохмаченного «мяча». Как «ежи-хе» удавалось за доли секунды изменять температуру тела на сотню градусов, оставалось полной загадкой. Еще менее было понятно, откуда неведомая тварь черпала громадную энергию. Ежеминутно она выделяла в окружающий мир тепла больше, чем двигатели, установленные на дирижабле. Чтобы поддерживать подобный тонус в течение длительного времени, требовалась обязательная внешняя подпитка или внутренний источник, адекватный крошечному ядерному реактору. Коваль попытался представить себе, сколько тонн растительного или животного сырья надо сжигать за час, чтоб добиться таких внешних эффектов.

А «ежиха» ничего не ела по крайней мере полгода...

Артур убеждал себя, что это ничего не значит, что традиционные представления о метаболизме будут смешны и неуместны в мире, где

водятся такие чуда-юда, у которых сердце отбивает тринадцать ударов в минуту при температуре тела свыше ста градусов...

Некоторое время ничего существенного не происходило. Коваль сплевывал горькую слюну, усердно махал тряпкой перед трепещущим язычком огня. Он не успевал повторить серию импульсов, но не оставлял попыток. Контакт требовал терпения, как контакт с любым живым существом. «Ежиха» вела себя как посаженный в клетку, затравленный рысенок, что жметя в углу, пугая пленителей взмахами неловких когтистых лапок. То раздражалась чередой скоростных перепадов в режиме плюс-минус двадцать градусов, то внезапно понижала температуру по синусоиде. Тогда на ее поверхности, среди трепыхающихся отростков, можно было бы удержать руку, погладить... Но тут же синусоида резко взмывала вверх, и опять начиналась дерготня, скачки, крещендо на пределе терпения, когда уже, кажется, начинают дымить волосы...

Артур терпел, уже предвкушая, предчувствуя развязку. Так бывало неоднократно; при встрече боевого Клинка Хранителей с незнакомым зверем, не привыкшим подчиняться человеку. В лесу это мог быть шатун, нарочно вспугнутый из берлоги наставником, чтобы экзаменовать начинающего Клинка. Это могла быть рысь, стая рыжих волков из окрестностей Вечного пожарища или тигр-альбинос, по прозвищу «лапочка», одно из самых трудно поддающихся дрессировке созданий. И во все не оттого, что «лапочки» отличались особо буйным нравом при низком интеллекте. Например, обычный дракон приручался гораздо проще, чем белый тигр...

Интеллект.

Зачаточный, неуклюжий, но не в пример сильнее, чем у собаки или у шимпанзе. И чужой, до невозможности чужой. Интеллект, уже шестнадцать циклов... шестнадцать оборотов планеты... не принимавший сигналов сородичей, таких понятных, ласковых и близких, выхваченный из привычной среды, из сумрака низких, оранжевых туч, из рева ветров, из свиста песка над бурунами...

Коваль до дрожи, до спазмов в мышцах, ощутил вдруг атмосферу далекой планеты. Чудовищное давление у поверхности, рыжие, карминовые тучи, тысячелетиями нависающие над кипящими озерами, пояса гейзеров, стреляющие грязью, неистовый свист бури, терпкий запах озона от бесноватых молний... Этот мир не требовал слуха и зрения, там эти органы чувств не могли зародиться у будущих разумных обитателей. Этот мир не позволял распрямиться, погодные условия планеты пригибали к земле все живое, заставляя обрастать каменными мышцами, дышать медленно, размеренно. Кровь у «ежей» тоже разгонялась медленно, да быстрее и не требовалось, все равно сложные кислоты, связанные в подвижные цепочки, постоянно разлагаясь, выделяли мас-

су энергии. Аборигены поддерживали общение температурными всплесками, сбивались в плотные комки, замыкая единую фигуру, и лишь совместно они могли охотиться на...

Человеческим языком имя предмета охоты назвать не представлялось возможным. Представить его зрительно Коваль тоже не мог; кажется, это было нечто плоское, широкое, напоминающее ворсистый ковер, очень быстро передвигающееся по поверхности кипящей жидкости. Собственно, именно таким и мог бы стать мамонт на массивной планете, вращающейся вблизи своей звезды. Артур успел уловить момент, когда на планете наступал светлый цикл, — температура среды подскакивала на сотню градусов, радиация выжигала все новые, или ослабленные формы, электрические разряды пробегали по нервным окончаниям, знаменуя приход цикла питания. Это питание отличалось от питания в процессе охоты, здесь задействовалась энергетика звезды...

Планета крутилась невероятно близко, ближе, чем Меркурий к Солнцу. Светлый цикл длился долго, очень долго, «ежи» замирали, как замирали другие живые существа, все впитывали энергию, запасаясь на такой же долгий темный цикл. Коваль попытался войти в мозг чужака без посредства лампы, которая все равно не помогала. От первого же контакта заболели зубы на нижней челюсти, а поясницу пронзила острейшая колика...

Кажется, один светлый цикл превышал несколько земных веков. В зачаточном мозгу «ежихи» плавали отрывочные воспоминания о черной скважине в лежащих воротах, которая воспринималась среди ее сородичей не совсем так, как в среде первобытных земных дикарей. Не было слепого поклонения и попыток пролить на алтарь чужую кровь. Раскаленные аборигены видели во воротах возможность...

Вроде бы возможность осуществить цикл круглогодичного размножения. «Ежи» слишком быстро погибали, не успевая вырастить потомство за темный период, когда смертоносная активность звезды ослабевала. Им не требовались божества, им нужна была пещера с ровной, низкой по меркам планеты, температурой и сносным уровнем радиации, хотя бы на четыре цикла. Кажется, «ежам» вообще было не найти укрытий на поверхности, постоянных сухих пещер не существовало, в светлых циклах их заполняли озера расплавленных тяжелых элементов, от перепада температур крошились скалы. «Ежи» ощущали Малахитовые ворота, возникшие в глубоком каньоне, не как алтарь для поклонения, а как... как надежду на... Кажется, «ежи» собрались в огромном числе, чтобы...

Связь с мозгом «ежихи» прервалась. Ковалю, сколько он ни старался, не удавалось настроиться на общение, наложить условные мысленные волны, как это принято делать с земными зверюгами. «Ежиха» реагировала на него как тигр на вооруженного кнутом дрессировщика.

— Она умрет, очень скоро. Точнее, очень скоро по меркам ее мира, а у нас она будет умирать еще год или больше. Накормить мы ее не сумеем, этот организм расщепляет минералы, которых здесь нет. Хотелось бы знать, как ее угораздило вылететь в нашу скважину?..

— Может, проклял кто? — предположил Митя. Громадный чингис присел на корточки, выставив вперед ладони, прикрыл глаза. — Ишь как жалобит-то...

— Может, такая же сволочь, как Карамаз, а? — подхватил Расул. — Спустился гад такой по веревке и потребовал, чтоб врагов жгло огнем... Вот и жжет...

— Не исключено, что этот гад был вообще не из нашего муравейника, — откликнулся президент. — Что лишний раз доказывает правоту космоглобалистов. Мы все варимся в одном котле, и неувязки каждого легко отразятся в противоположном углу... Впрочем, вам еще рано... Короче, перед вами не оружие, можете себя не обнадеживать. Сергей, говоришь, раньше она не была такой горячей?

— Тепленькая была... — Дробиченко никак не мог оправиться от свалившейся на него информации. — А потом разогрелась, непонятно с чего...

— Понятно с чего... Она так умирает. Ну что, вернемся к нашим воротам, пока окончательно не затопило?

Шлепая по лужам, отряд торопливой змейкой прошествовал обратно, по крутым ступеням вверх, в главную пещеру.

— А как же эти, господин? — Шедший последним узбек указал на живых обитателей клеток. Больные приапизмом карлики уныло поскуливали, терлись о мокрые железные прутья, олениха свернулась клубком.

— Эти? — Все затихли. — Я думаю, что герр Богль проявит милосердие...

Немец поклонился, шагнул к клеткам, доставая на ходу револьвер.

— Убивать? Так ведь жалко...

Но Расулу никто не ответил. Президент уже думал о другом. Он проворачивал в мозгу итоги беседы с инопланетной узницей. В свое время Хранители научили молодого Клинка входить в контакт с животными, с птицами, общаться с ними эмоциями, не напрягая речевой центр. «Ежиха» мыслила совсем не так, как уральские лисы и кабаны, чувствовалось, что она вообще не привыкла рассуждать отдельно от коллектива своих сородичей. Артур не успевал за ее беспорядочными метаниями, но одно обстоятельство его поразило.

«Ежиха» понятия не имела, как оказалась на Земле. Но она очень хорошо разбиралась во времени. Возможно, внутри невольной пришельцы прятались несколько биологических часов. Коваль трижды задал во-

прос, который его крайне интересовал, и трижды получил утвердительный ответ. Теперь он знал, что, находясь внутри врат, временем можно управлять.

И что ключом может стать любой человек.

9

ЧЕЛОВЕК-КЛЮЧ

— Кого вы тут еще червивой рыбой кормите? — Коваль старался говорить спокойно. — Кто еще вернулся?

— Некоторые тоже... вернулись, — Дробиченко сглотнул. — Один раз вместо человека мы вытащили золотую статую. Толстую, уродливую статую. Стали пилить, он оказался внутри...

— Как это... внутри?

— Очень просто, внутри... — Сергей потер ладонью щеку, усмиряя нервный тик. — Я не рассказывал об этом раньше, потому что такие вещи надо показывать... Пошли, покажу.

— Так он здесь?

— А где ему быть?! — удивился Дробиченко. — Карамаз вначале мне тоже не поверил, а когда увидел — приказал с места не трогать...

Он привел их к маленькой палатке, стоявшей за дирижаблем, в самом темном углу, под грозившим обвалиться козырьком. На четырех столбах была растянута грубая ткань, под ней блестело золото. Янычары слегка присыпали статую каменной крошкой, словно не решились похоронить человека согласно обряду.

Словно не могли определить, человек это или нет.

Артур сразу заметил, что в подобную позу натурщика надолго не поставить. Казалось, человек распростерся ниц, слегка заваливаясь на правый бок, опираясь на напряженные локти, задрав над головой молитвенно сложенные ладони. Это был мужчина, чрезвычайно плотный, гипертрофированно плотный, но при этом вылепленный с удивительной точностью. Драгоценный металл отражал изгибы военного костюма, шнуры и пуговицы, даже подковы на подошвах сапог. Голова молящегося, размером с крупный арбуз, оставалась зарытой в щель.

— Ни хрена себе статуя... — Чингис потянулся пощупать.

— Помогите мне перевернуть, — Дробиченко ухватил гиганта за локоть.

Золотой великан упал на бок, обнажился испачканный живот. Лицо у статуи отсутствовало, вместо ожидаемой золотой маски на людей уставился череп.

Коваль забрал у Расулафакел, посветил вплотную. Череп был настоящий, оставалось непонятным, как он попал внутрь золотой оболочки, не расплавился и не обгорел. Толщина золотого слоя превышала четыре сантиметра, переднюю часть черепа, лицевую маску, просто кто-то отпилил. Фон Богль присвистнул.

— Герр президент, я слышал о таком колдовстве. За Песочной стеной, в Дойчланд...

— Черт подери, это не колдовство! — оскалил зубы Дробиченко. — Вначале мы отпилили ногу, только потом принялись за голову. Поглядите, разве не понятно?

Только теперь Артур заметил, что левая нога статуи отпилена до середины лодыжки. Из распила торчал обломок кости и рваные лохмотья штанины.

— Он попросил у джинна золота, ясно? — Дробиченко говорил сдвинутым шепотом, как будто берег сон погребенного в золоте мертвеца. — Попросил и получил. Все получают, кто просит... Один хотел кучу баб, и разделился на шесть ходячих членов, другой мечтал купаться в драгметаллах! Что-то сказал неправильно, не учел мелочь. Мы гадали, как такое может произойти. Верн о сформулировать желание практически невозможно, всегда останутся лазейки для хитрости. Это страшнее любого оружия, поэтому эмир не станет драться с Карамазом. Омар переводил... Главное — грамотно попросить, это указано через каждые десять строк, но разными способами. Это как...

— Как компьютер? — подсказал Артур.

— Пожалуй... что-то есть, — хмыкнул бывший «джинн». — Словно выбрасывает окно с предупреждением. Снова и снова предупреждает, а мы тупо читаем и лезем на те же грабли...

— Какие еще грабли? — заозирался Махмудов.

— Вы только одного такого вынули... в золоте?

— Хватает и одного...

— Да уж, еще и пилили! — крикнул Карапуз. — Я бы в момент пересрал...

— А потом вы расшифровали записи на створках, так? — напомнил Артур. — Что там еще написано?

Дробиченко вытер взмокший лоб.

— Омар успел расшифровать малую часть. Там непонятно... такое впечатление, что текст на левой створке полностью противоположен по смыслу тому тексту, что на правой. На левой створке сказано, что подняться в чертоги духов сможет лишь свободный от помыслов, или что-

то вроде того, а на правой, в том же столбце, сказано, что подняться не дано никому из свободных...

— А почему «подняться»? — удивился Митя.— Тут же вниз лезть придется...

— С этим как раз вполне ясно,— нахмурился Артур.— Это иносказательно, а может...

— Это не иносказательно,— поднял указательный палец Дробиченко.— Отсюда кажется, что падать предстоит вниз, а снизу — все наоборот... Так говорили добровольцы.

— Погоди! Так, значит, кто-то вернулся вменяемый?

— Обкурившиеся. Очень сильно пьяные. Таких было четверо. Сначала мы думали, что наркоманов джинны просто не любят. Те вспоминали, что падение вниз стало полетом вверх, вот и все...

Президент повернулся к Малахитовым вратам. Те лежали, неколебимые и невозмутимые, как само время. Дирижабль еле заметно раскачивался, вздыхая, как живое существо. Наверху вопили чайки. Коваль на миг прикрыл глаза, постарался мысленно окунуться в манящий мрак скважины.

Ничего, пустота.

Малахитовым вратам может быть миллион лет — или десять тысяч. Если внутри скважины неведомым образом закольцованное силовое поле удерживает в петле время и пространство, это можно понять. Проверить и разгадать принцип действия нереально, эти технологии человек не успел освоить перед Большой смертью. Но понять можно, разум способен к компромиссам.

Коваль закусил губу, чуть не застонав от напряжения.

Рог изобилия, воспетый поэтами, слюнявая мечта халявщиков от астрологии, алхимии и прочих гадательных псевдонаук. Итак, он существует, и, скорее всего, будет существовать вечно. Малахитовые врата наверняка можно разрушить, но разрушится лишь один вход из сотни или из сотни тысяч, а начинка, матрица, исполинская материнская плата, питающаяся распадом звезд и миллиардами нервных импульсов разумных существ, населяющих вселенную...

Что они хотели? Для чего строили машину, так издевательски, насмешливо обходившуюся со своими пользователями? Или, с точки зрения джинов, никакой издевки тут и не пахло? Каков запрос пользователя — такова реакция системы. Недостаток либо избыток входящих в алгоритм данных, и, как следствие,— неверный ключ.

Скважина в форме человека, по крайней мере, на Земле. Почему обязательно врата ждут конкретную особь, с голубыми, скажем, глазами и рыжей макушкой? Чушь...

Ключ есть в каждом, но не должен представлять собой серию загадок а-ля Баба Яга. Ключ — это уровень, уровень восприятия, образованности, развития цивилизации. Джинны не заперли вход в Сезам, они всего лишь установили пароль. Защиту от детей и дураков.

Теперь Артур знал точно, что он непременно спустится в скважину.

— Там и вправду не низ, а верх,— вставил фон Богль, непрерывно наблюдавший за распаханной скважиной.— Очень странное место, господин...

— Ага, так и тянет нырнуть... — Карапуз с трудом, словно преодолевая себя, отодвинулся от черной дыры.

— Что еще перевели? — не отставал от визиря Коваль.

— Слева сказано что-то вроде: «каждый вопрос имеет бесконечное число ответов», а справа — полная ахинея, вроде того, что только молчание достойно ответа...

— Отчего же... Никакой ахинеи пока не пахнет. И как вы инструктировали тех, кто лез сюда под анашой?

— Это не я предложил, честно, клянусь! Карамаз хотел, чтобы у них не было внятных желаний. Складывалась дурацкая ситуация... — Дробиченко снова затрясло.— Мы не имели права сообщать добровольцам правду. Даже свободные граждане, не то что пленные рабы, мигом бы потребовали себе у джинна какую-нибудь чушь, вроде королевства или ста тысяч рабов. Приходилось врать... Раз помню, и смех и грех... Один не стал отвязываться вниз и ни с кем там не разговаривал. Молчал. Рассказал потом, что там, внизу, кажется, будто, напротив,— находишься наверху. Он не просил ничего, но... Как оказалось, слишком настойчиво думать о чем-то тоже нельзя. Паренек мечтал о том, что в его засушливой деревне забудет ключ или ручей потечет. И ручей потек, Карамазу потом доложили. Смыло четыре деревни. Представьте теперь, что какой-то идиот попросит воды для всего континента...

— Что он там видел?

— Он видел джиннов, огромных людей в бутылках...

Коваль поймал ускользающий взгляд фон Богля. Оба одновременно вспомнили о просьбе Деда Саввы подарить мальцов из бутылей. Каким-то образом старый хрыч обо всем прознал заранее. Так и чесались руки его допросить!

— ...Джинны закованы, они не могут выйти, потому что утерян ключ. Кстати, насчет ключа есть и на воротах. Там все хитро запутано, но Омар считал, что речь идет о священном камне в Мекке. Якобы поблизости один из ключей находится...

— В Мекке нет ключей,— встрял Махмудов.— Правовверные не потерпят ничего лишнего возле Каабы.

— А сколько лет вашей уважаемой вере? — ухмыльнулся Дробиченко. — Откуда вам знать, как выглядели идолища, которые вышвырнул Мухаммад? Может, один из них, по форме, подошел бы к нашей дверке?!

— Вероятно, ваша первая мысль была истинна, — заметил Богль. — Вероятно, что ключ — это человек. Не есть идол, не есть прибор. Человек — не такой, как другие. Попыток много, а верный ключ один. Должен отличен быть, должен иначе строить мысли...

— Это идея мне по душе, — согласился Коваль. — Но ты не закончил про ваших добровольцев. Что стало с последними? Ведь вы свернули опыты не после ящериц?

— Последний вернулся месяц назад, но когда его вытащили, оказалось, что это не он... Другой человек, язык незнакомый. Гораздо старше, одет иначе, напуган. Ничего не смог нам объяснить... Его Кармаз потом забрал, к лошадям приставил. Да, говорили парни, что рехнулся бедняга...

Собственно, думать надо было раньше. Артур глядел на манящее отверстие, так похожее формой на пухлого коротконого человека, на загадочные витиеватые письма, покрывавшие окаменевшую древесину, и внутренне настраивался на боевую волну, возвращал себя в состояние Клинка...

Вот только воевать внизу было не с кем.

И за каким бесом туда нырнул Прохор? Попытается выпросить милостей для Озерников? Или налетит анафему на соборников? Или потребует смерти для президента? Ну... президент пока жив, стало быть, у Прохора другие задачи...

Артур расслабил мышцы, предельно замедлил дыхание, мысленно выпустил в полет несуществующую мушку. Он удерживал мушку пару минут, пока у нее со всех сторон не отросли глазки и ушки, и ноздри, и то, что люди древности называли тепловыми рецепторами... Он почуял их там, внизу. Они ждали, они или оно, но разделенное на множество разумных составляющих.

Они ждали ключ.

— Я спущусь первым, — сообщил Коваль. — Вы со мной идти не обязаны... Тихо, я сказал! Карапуз, если я не появлюсь через два дня, возвращаетесь на Сицилию. Пусть командующий эскадрой вскрыет пакет...

— Но... командир... то есть, господин президент!..

— Герр президент, я не могу вас отпустить!

— Никто не может запланировать время возвращения, — умоляюще сложил руки Дробиченко. — Пожалуйста, не надо так резко! Во всем обвинят меня, ваши солдаты будут говорить, что это я заставил президента прыгнуть в колодец...

— Если я правильно понял «ежиху», вопрос времени там вообще не стоит, — Коваль взялся за канат, крепче обмотал его вокруг пояса. —

Для конструкторов этой игрушки время — одна из переменных составляющих. Я не смогу вылезти раньше, чем туда залез, это понятно... Да и то, утверждение верно исключительно для исследованной части галактики... Что устались, травите потихоньку...

Артур выдохнул, последний раз поглядел в небо, перед тем как попробовать себя в качестве ключа от ворот. А потом шагнул в пустоту, и сразу же вдохнул запах собственного прошлого.

Оказывается, он уже здесь бывал. Он не ошибся — входов имелось множество, и один — через шкафчик номер шесть в подвале института крионики...

10

ШКАФ НОМЕР ШЕСТЬ

Шестой шкафчик гнил потихоньку в подвале института крионики, в едином ряду точно таких же, сцепленных алюминиевым уголком, убогих пеналов для переодевания. Три или четыре секции спустили на лифте в подвал и задвинули в одну из бывших холодильных камер в год смерти отца народов, когда родители старшего научного сотрудника Ковалю еще не произвели его на свет. С той далекой поры подвалы института загружались и освобождались, неоднократно затапливались и осушались, туда скидывали имущество арендаторов, горы списанной мебели и аппаратуры. На парадном крыльце, между потрескавшимися колоннами сменилось несколько табличек, здание вяло переходило из рук в руки, пока, наконец, раздобревшая нефтяная демократия не закрепила памятник исторического значения за НИИ. В подвалы свозили на грузовиках ненужный хлам из смежных научных учреждений, потерявших собственную базу, — благо левое крыло здания имело подземный пандус и ворота, со временем, опять же, заваленные снаружи...

Одним словом, ничего секретного, и уж тем более таинственного, отдающего запахом средневековых вампирических приключений. Ничего непонятного и необъяснимого для строгого взора коменданта.

Кроме шкафчика номер шесть.

Встреча Ковалю с непонятным произошла спустя шесть дней после того, как его принял на работу в пятый отдел сам профессор Телешов. На вечер пятницы было намечено совместное возлияние. По поводу бравурного изгиба карьеры и вхождения в дружную семью будущих спасителей человечества.

Где-то между девятой и одиннадцатой мензурками Денисов и Мирзоян повлекли теплое, послушное тело молодого коллеги к грузовому лифту.

— Ты все как следует запомнил? — допытывался Денисов, пока лязгающая платформа, затянутая железной сеткой, ползла к центру земли. — Ты не смейся, это не смешно. Все прошли через подвального, все с ним дружат. И Телешов, и даже, по слухам... — Он многозначительно потыкал пальцем в потолок. — Даже сам директор. Только они не сознаются, по статусу не положено.

— Сам понимаешь: как академик, с таким пузом, член самой лучшей партии планеты, признается, что носил молочко нечистому? — тихонько хохотнул Мирзоян.

— А комендант тоже молочко носит? Я видел коменданта, вахтеров видел, — покрутил головой Коваль. — Эти вохровцы еще Сталину служили. Не смешите мои тапочки, эти парни никому молоко не понесут!..

У коллег вытянулись физиономии. Артур мандражировал слегка; но уж очень не хотелось нарушать неписанные правила приличия.

— А, ладно, так и быть, охота вам потешиться!

Положа руку на сердце, он не спустился бы с парнями валять дурку в подвал, но женская половина коллектива отнеслась к вынужденной отлучке как-то слишком серьезно. Его даже поцеловали и погладили по голове. В самый разгар пятничного вечернего застолья, когда профессор Телешов волевым порядком запретил говорить о работе, разрежали, наконец, пышный йогуртовый торт, и тут Лида повторила вроде бы поднадоевший тост за новенького. Коллектив на секунду примолк, наполовину наполнили мензурки — кто вином, кто водочкой — глотнули, не чокаясь.

Лида сказала: «Чтобы новенький понравился...»

— Я буду стараться, и непременно вам понравлюсь! — выпятил грудь будущий аспирант.

— Не нам, не нам, — несколько смущенно замахали руками девушки. — Нам ты уже понравился... Алик, ну познакомьте же его!

Алик Мирзоян отставил бумажное блюдечко с десертом, переглянулся с Денисовым. Оба поднялись и повлекли Ковалья по мраморным лестницам в подzemелье. Видимо, в пятом отделе давно решили, чья очередь представлять новичка. Профессор оживленно жестикулировал на своем углу стола, остальные тоже вернулись к беседе. Никто даже не поинтересовался, куда пошли трое, зачем захватили из холодильника конфеты и общее, покупаемое в складчину, молоко.

Артур провернул в памяти все это гораздо позже, когда остался в подвале один...

В подвале свет не включали. Подхватив Артура под руки, боевые товарищи, сами не вполне твердо стоявшие на ногах, подсвечивая фона-

риком, добрались до нужной двери. Дверь скорее походила на люк правительственного бункера. На полу хлюпала вода, идти приходилось по разбросанным обломкам кирпича и доскам. Слабый свет доходил сюда из-за плавного поворота коридора, оттуда, где зияли дырами грузовые ворота. Внутри нужной кладовой оказалось совсем темно.

— Де-держи крепко! — икнул Толик Денисов, вручая Ковалю в темноте вскрытый пакет с молоком.

Мирзоян посветил фонариком.

— Вы что, серьезно? Зачем мы здесь? — слегка опомнился Артур, различив в глубине комнаты груду перевернутых скамеек, ряды ободранных шкафчиков и куски спортивных тренажеров.

— Дальше пойдешь один! — рубанул ладонью застоявшийся воздух Денисов. — Шкафчик номер шесть. Угостишь подвального молоком и оставишь конфет. Не забыл конфеты?

Артур пошарил в кармане халата. Конфеты не забыл. Конфеты поручили купить накануне, как бы для девушек отдела. Несколько штук Толик велел заныкать.

— Не переживай, впереди неглубоко, — напутствовал Мирзоян. — Не урони молоко и не споткнись, там валяются провода. Ты помнишь, что надо сделать?

Артур порылся в памяти. Отчего-то всплыли пунцовые женские губы, затем сомнительной крепости пуговка на халатике старшей лаборантки Лидочки, которая сидела с ним рядом на одной шатающейся скамейке и, приподнимаясь, всякий раз всецело приковывала внимание молодого специалиста...

Артур шагнул за порог, ледяная жесть тут же толкнула его в спину. Вокруг клубилась лохматая влажная темнота. На замок, впрочем, запирать не стали, и на том спасибо, оставили изрядную щель.

«Расплодили суеверия... Думают, что прикармливают диких котов, а на самом деле их молоко банально жрут крысы, — он улыбнулся в темноте и показал коллегам язык, зная, что они его наверняка не разглядят. Отсюда Толик смотрелся как черный силуэт на фоне слабо освещенной дверной щели. — Да бог с вами, начитались масонских книжек, но Телешов-то мог бы серьезнее быть... Мировое светило, член-корр, а туда же, грызунов плодить...»

— Сперва стучишь вежливо, — подсказал из щели Денисов. — Открываешь, наливаешь в блюдечко молока, рядом кладешь конфетки. Не кидаешь, а кладешь тихонько. Можешь ничего не говорить, а можешь поздороваться с подвальным. Посиди немножко, помолчи, сразу не беги. Только дверцу на замок, не забудь!..

— О чем помолчать?

— Ну... Я ему рассказал о себе.

— Обязательно меня тут запираешь?

— Никто тебя не запирает,— обиделся Денисов.— Но так всем спокойнее. Говорят, стеснительный он.

— Угу,— понимающе кивнул Артур.— Стеснительный.

Фонарь светил исправно. Большую часть помещения занимали скрепленные металлическими планками скамейки и ряды узких разделочных шкафчиков. Потолок оказался неожиданно высоким, сводчатым, кирпичным, в разводах и белом налете. За грудой скамеек отсвечивал угол огромного портрета, была видна лишь половина тяжелого мужского подбородка, к тому же перевернутого. Холст давно покрылся черными пятнами. На волглом раскрошившемся полу пролегали мокрые деревянные настилы. Но воздух тут был свежий, не затхлый.

— Вентиляция приличная, сосет как пылесосом,— будто читая мысли, прокомментировал издали невидимый Мирзоян.— Потому берем фонарь, а не свечку, задуть может.

Коваль медленно пошел вперед по доске. Про себя он решил, что если сейчас из груды хлама на него выпрыгнет рычащая фигура в простыне, то поступить придется немножко не по-джентльменски. Предстоит разбить «призраку» нос, и пусть в следующий раз сочинят шутку поостроумнее.

Но никто не напал. Добравшись до противоположной стены, он убедился, что нападавшему скрыться негде. Теоретически в узких шкафчиках мог бы бочком схорониться подросток или хрупкая девушка, но почти все дверцы либо провалились внутрь, либо были распахнуты настежь. На всякий случай Артур исследовал закрытые, каждую секунду ожидая, что ловкачи за его спиной захлопнут дверь или выкинут еще какой-нибудь фортель из арсенала пионерского лагеря.

Но Мирзоян и Денисов мирно рассуждали о преимуществах морских свинок перед кроликами.

— Тут заперто,— Артур подергал ржавый навесной замочек на шкафчике номер шесть.

— Отпирай,— как само собой разумеющееся, приказал из темноты Денисов.— Каждый отпирает своим ключом.

— Своим ключом?! — Ковалю стали надоедать их плоские шутки.

Он провел фонариком вдоль ряда шкафчиков. Замков больше не было нигде. Напротив угрюмо набычились почерневшие от старости верстаки. В немыслимой дали загудел мотор, поехал один из пассажирских лифтов. Затем в трубе зажурчала вода, раздался еще один неясный, тревожащий звук, словно напильником провели по зубьям двуручной пилы.

— Это трамвай на кольце,— пояснил Алик, как будто его об этом спрашивали.— Отсюда страшноовато пищит, да? Послушай, просто

возьми свою связку и постарайся подобрать ключ. Там легкий замок, обычно у всех получается.

Голос Мирзояна отдавался эхом откуда-то сверху. Оба шутника продолжали болтать в коридоре. Коваль скрипнул зубами, но полез в карман. Замок оказался старым, и совсем не «легким», он только внешне походил на дешевые китайские подделки. На его обратной стороне Артур прочел название завода и год выпуска. Тысяча девятьсот пятьдесят третий. Знаковая дата.

— А если мой ключ не подойдет?

Ответа он дождался не сразу. Мирзоян щелкнул зажигалкой, закурил. Ковалья внезапно затрясло, наверное, от холода выветрились последние следы слащавого винного опьянения. А еще он поднял тонну холодной пыли. Стоило пошевелить лучом фонаря, как над головой начинали хоровод пыльные осьминоги.

— Должен ключик подойти, ты же наш человек.

Артур положил фонарик на ближайшее перевернутое сиденье. Первые два ключа — от подъезда и бронированной двери на этаже — не подошли.

— Тут барахло свалено из актового зала, — тонкий голос Мирзояна доносился как из глубокого колодца. — Папа в шестьдесят девятом году начинал работы, еще помнит, как старые сиденья вместе с паркетом сдирали. А портреты Политбюро они каждый год подкрашивали и на демонстрацию катали...

Глаза почти привыкли к скудному освещению. Он увидел, что перевернутый двухметровый портрет действительно крепится на чем-то вроде трехколесного велосипеда. Так, значит, профессор Телешов, которого они почти любовно называли Папой, работал в здании задолго до открытия филиала Московской холодильной конторы?

Неожиданно легко провалился в скважину ключик от железного ящика, который Коваль держал в гараже.

— И что я найду внутри? Дохлую крысу?

— Здесь нет крыс.

Он сразу поверил. Крысы всегда выдают себя. Запахом, испражнениями, темными дорожками, протоптанными на каменных полах, крошечном опилке, гадкими звуками. В древнем сыром подвале, посреди Петроградской стороны, не было крысиных гнезд. Яд, раньше делали ядреные яды, с оттенком ностальгии отметил Коваль. Мама работала в аптеке, она рассказывала...

«Если там не крыса, стало быть, — другая мерзость. Жаба. Заспиртованный глаз. Кусок скелета. Следует громко испугаться...»

Ключ от гаражного сейфа не подошел, на связке оставался глупый поролоновый медвежонок с олимпийскими кольцами на брюшке и два последних ключа. От мотоцикла и от почтового ящика.

— А если не подойдет? — снова спросил Артур. Обострившимся во мраке чутьем он ощущал сладковатую вонь табака.

— Тебе придется уволиться,— сказал Денисов.

— Это кто ж меня уволит? — разозлился Коваль.— Уж не ты ли?

— Артур, не сердись, пожалуйста,— вступился за коллегу Мирзоян.— Никто тебе зла не желает, клянусь здоровьем ребенка...

Тут Артура проняло по-настоящему. Он понял, что оба не только не насмеются над ним, но вовсе не шутят. Оба верили, что в шкафу живет некто, питающийся молоком.

Замок распался. Коваль легонько постучал по набухшему дереву костяшками пальцев.

Из шкафчика номер шесть пахло, как и повсюду, кирпичной сыростью, заплесневелой чертежной бумагой. На полочке для ботинок стояло пустое блюдце, на задней стенке, на гвоздике висел длинный шерстяной носок. Больше ничего.

— Налил? Чего молчишь?

— Налил. А куда конфеты?

— Просто положи и закрывай.

Перед тем как запереть дверцу, он тщательно посветил внутрь, протянул руку и потрогал заднюю стенку. Стенка держалась прочно, ни в одном углу не было дыр, достаточных даже для мышонка. И дверца прилежала на удивление плотно.

В процессе Артура посетила занятная мысль — а в курсе ли профессор Телешов, какой хреню уже несколько лет заняты его подчиненные? И это люди, державшиеся на острие, так сказать, науки, герои, всерьез замыслившие потеснить старость, заморозить неизлечимо больных, отправить человечество к звездам...

Соблюдая этикет, он посидел минут пять молча.

Потом они заперли кладовку, поднялись в громяющей клетке, заперли лифт, сдали ключи на вахту и вернулись на третий этаж, к накрытому столу. Подняли изрядно мензурок, хотя могли бы пить из нормальных рюмок, но на кафедре снова входила в моду полувоенная, полумедицинская обстановка. Давно покинул молодняк завкафедрой профессор Телешев, завещав поскорее закругляться и не забывать о понедельник, затем проводили на такси милых кафедральных дам, вымыли посуду, покурили, вышли на крыльцо. Ребята попрощались, оставались только неразлучные Мирзоян и Денисов. Они топтались под мелким дождиком, раскручивали вечную нить спора о достоинствах и недостатках новейшего германского криопротектора, о перспективах для свежей партии крыс, о неверном переводе из французского журнала...

— На фига все это представление с подвалом? — не выдержал, наконец, Артур.

— Это не представление,— покачал широкой кучерявой головой Алик.

— А если бы я не открыл?

— При мне так было два раза,— сказал Денисов.— Долго не работали, сами быстро увольнялись.

— Ага! А те кто смог открыть, те не уходят? — подпустил яду Коваль.

— Ты видел внутри конфеты? — вопросом на вопрос ответил Мирзоян.

— Но ведь там никого нет,— Артуру вдруг стало лень спорить.

— Вот именно,— Мирзоян удовлетворенно растоптал окурочек.— Ты не видел конфет, которые принесли до тебя. Их никогда нет.

Тут Коваль обнаружил, что потерял свои ключи. Ту самую связку, с поролоновым олимпийским медвежонком, с которой копался в подвале. Он порылся в карманах, вывернул их содержимое. Дождь накатил нешуточный; несмотря на ранний сентябрь, Артуру совсем не улыбалось ночевать на лестничной клетке, а родители еще неделю собирались топтаться на дачном участке.

— Вернись, в раздевалке глянь,— посоветовал Толик.

— Вы меня не ждите,— отмахнулся Артур, ссылая назад мелочь, проездные и прочую мишуру.

— В нашем отделе, хоть на столе, хоть в раздевалке можешь что угодно оставить, через месяц на том же месте будет лежать! — клятвенно прижал руку к груди маленький Мирзоян.— У Телешева, всему институту известно, плохишей не водится!

Приятель проводил его к военизированному вахтеру. Тот угрюмо покачал головой, выражая недовольство безалаберной молодежью, но пропуск принял.

Артур снова зашагал по гулким коридорам. Во всем огромном здании института, кроме него и вахтеров, никого, похоже, не осталось. Вечером институт стал иным. Колонны, витые перила, тяжелые люстры, двери с бронзовыми петлями, гипсовые маски... Они словно посмеивались над нелепой дневной суетой. Мощные стены, построенные в годы кавалергардов и прекрасных фрейлин, по ночам шептались, жалуясь друг другу...

Артур резко покрутил головой, потер глаза, обнаружив себя застывшим посреди вестибюля второго этажа. Он точно заснул на ногах. Сверху, с трехметровой высоты глумливо кривилась гипсовая античная маска.

— На полочке, наверное, бросил впопыхах, впопыхах,— бормотал он себе под нос, нащупывая выключатель в верхней раздевалке.

На полочке ничего не было, кроме пачки салфеток и пакетика с сапожной щеткой. Артур не слишком опечалился и переместил район поиска в архив, где они всем отделом не так давно «заседали». Он обнаружил множество забытых мелочей — пудреницу, помаду, пакетик жвачки, перочинный нож,— но только не ключи. Коваль вернулся и крепя сердце полазил в раздевалке по ящикам сослуживцев.

Затем, все еще баюкая себя, спустился вниз, на вахту, и под роспись в журнале попросил ключи от «рабочего отсека». Так они называли комплекс помещений верхнего подвального этажа, где годом позже в первой капсуле анабиоза предстояло заснуть их первой подопытной собаке. В той самой раздевалке, где, спустя сто двадцать с лишним лет, он обнаружит мертвых, мумифицированных контролеров.

В тот вечер пост контролеров еще не ввели, а работам еще не присвоили гриф повышенной секретности. Когда Артур осмотрел все полки в раздевалке, а заодно ящики своего стола и приборную стойку, на улице окончательно стемнело. Хлесткий дождь полосовал стрельчатые окна, мраморные полы разносили по этажам шорох шагов. Со своего рабочего места Коваль мог наблюдать лишь железные крыши Петроградской стороны и мокрые облезлые верхушки тополей. В недрах корпуса раненой волчицей подвывала вентиляция.

— Внизу, трам-тарарам! — выругался окончательно протрезвевший деятель науки.

И тут же невольно понизил голос. Эхо выскочило в распахнутую дверь пятого отдела, запрыгало по потертым мраморным ступенькам, заметалось под арками. Артур выглянул наружу. Широченный коридор убегал в обе стороны, и с обеих сторон круто сворачивал в полумрак.

Сомнений не осталось. Он не забрал свою связку, после того как вскрыл дверцу шкафчика номер шесть в подземной кладовой. Собственно, он знал об этом с самого начала поисков, но боялся себе признать.

Несколько мгновений Артур всерьез рассматривал вариант ночевки на рабочем месте. Спать на жестком ему не привыкать, в отделе имелся чайник, радио, запас печенья и уборная. Однако Коваль вовремя вспомнил про вахту. Спустя час или два дежурный на пульте озабочится отсутствием зеленого огонька и начнет трезвонить по всем телефонам, допытываясь, когда поставим на охрану и долго ли еще намерены торчать...

Предстояло одному идти в подвал.

Одному, поздно вечером, ехать в подвал, где дремлет неизвестная сущность, обожающая конфеты «Коровка» и топленое молоко.

11

ОЩУЩЕНИЕ ПРИСУТСТВИЯ

Коваль направился к пассажирским лифтам, но вовремя вспомнил, что до самого низа они не ходят. До самого низа — либо по лестнице, но тогда опять плестись на поклон к вахтерам, выпрашивать ключи, объяснять...

Либо на грузовом лифте, который располагался в дальнем конце здания.

Артур забрался в сетчатую кабину и задвинул за собой жалюзи. Фонарик Мирзояна, реквизированный из стола коллеги, он крепко сжимал в кармане. Внезапно, впервые в жизни, его посетил острый приступ клаустрофобии. В кабине лифта, благодаря двум лампочкам, было намного светлее, чем на лестничной клетке, но очень хотелось выйти обратно.

Он нажал кнопку, и проволоочная махина вздрогнула, точно проснувшийся от тычка дрессировщика хищник. Тросы разматывались с противным, режущим слух скрежетом. Коваль подумал, что днем они так не скрипели. Кроме того, он ехал вниз слишком долго. За складчатыми ромбами жалюзи издевательски неторопливо проплывала сырая кирпичная кладка. Артур начал насвистывать, но во рту оказалось слишком сухо, из сложенных дудочкой губ вырвался только хрип. Ему показалось, что, по мере спуска, лампочки светят все слабее, и сам свет, вместо привычно-белого цвета, приобрел противный багровый оттенок. Коваль поднял повыше свою руку, закатал свитер. Нет, ему только показалось, рука как рука. Почему-то мелкие темные волоски на предплечье встали дыбом.

Лифт затормозил с низким утробным звуком. Так могло бы срыгивать подземное чудовище, подавившееся человеческим черепом. Непрошенными гостями прикатили вдруг воспоминания о тысячах заключенных, строивших питерские особняки, о замурованных в подвальные ниши несчастных каторжниках, которые умерли без причастия и отпевания, умерли, царапая отросшими когтями безжалостные камни, надрывая глотки в мольбе... Некоторое время Артур тупо глядел на кирпичную кладку, пока до него не дошло, что выход находится за спиной.

Он повернулся, вытащил фонарь, но не сразу сумел сдвинуть рычажок. Ладонь стала влажной, пришлось вытирать о джинсы. Свободной рукой Коваль взялся за решетку, но не торопился ее отодвинуть.

На нижней галерее царил абсолютный мрак.

До Артура запоздало дошло, что втроем они спускались, не зажигая света. Он вспомнил кое-как подвешенные плафоны, но понятия не имел,

где рубильник. Луч фонарика показался ему жалким подобием светлячка, он даже не доставал толком до противоположной стены галереи.

Артур задержал дыхание. Здесь вовсе не было тихо. Что-то позвякивало наверху, в шахте, постанывали от сквозняка стальные тросы, едва слышно скулил ветер, разгоняя лопасти вентиляторов. И капала вода.

Коваль вышел в коридор, светя себе под ноги. Он помнил, что где-то далеко впереди пол начинает незаметно подниматься, коридор закручивается вправо, к воротам. Днем оттуда докатывалось слабое свечение, сейчас было так темно, что можно смело закрыть глаза. Какого черта, сердито подумал он, в Питере же всегда светлые ночи. Почему нет хотя бы слабого света?

Рубильник он так и не нашел. Мало того, стоило отойти по хлипким настилам на несколько шагов, как в лифте погас свет.

Это реле, успокоил себя Коваль. Сработало реле, все в порядке. В галерее было чертовски холодно, но у него под свитером взмокла спина. Он стал вспоминать, горел ли свет в грузовой кабине, когда они с Денисовым садились в нее днем. Совершенно точно свет горел. Значит, наверху реле времени не срабатывало.

Скорее всего, никакого реле не существовало и в помине. Две рахитичные лампочки на грузовой платформе не могли оказать серьезного воздействия на экономику института, и уж явно не могли соперничать с моторами, круглосуточно нагонявшими мороз в холодильники вивария.

Лампы перегорели.

Или... их кто-то отключил.

«Если эти козлы нарочно заманили меня сюда...» Он тут же осекся, вспомнив, что никто не заставлял забывать связку. В конце концов, дверь в нужную кладовку находилась где-то рядом, это вопрос пяти минут...

Если только лифт не обесточен.

Потому что он сам отказался от идеи взять на вахте ключ от лестницы, и тяжелая стальная дверь, находившаяся где-то в темноте, подле лифта, заперта с той стороны. Если какая-то гнида обесточила лифт, ему придется провести здесь несколько больше времени, чем планировалось.

Например, до утра понедельника.

Артур никак не мог сглотнуть. Точно в пищеводе застрял мягкий комок, хотя он уже часа три ничего не держал во рту. Лучше не думать о сломанном лифте, лучше искать проклятую дверь. Как назло, двери одинаковые, тяжелые, обитые жостью, как...

Как в морге, подумал он. Хотя, откуда мне знать, как выглядят двери в морге? Скорее всего, там, наоборот, светло и вымыто до блеска.

И тут в поясной сумке затрещал телефон.

Настроенный на максимальную громкость, аппарат выдал оглушительную мелодию в замкнутой каменной трубе. Эхо заметалось по

закоулкам, противно передразнивая Моцарта, ткнулось в запертые кладовые и нехотя уgomонилось. Артур едва не выронил фонарь. Перехватил его в левую руку, выставил вперед, как единственное оружие, и полез под свитер.

Звонил Мирзоян.

— Нашел ключи, как дела?..

Артуру стало стыдно. Алик умел пошутить, но начисто был лишен способности издеваться. Голос долетал волнами, видимо, бетон перекрытий экранировал. Мирзоян звонил с перрона вокзала, в ожидании электрички, он снимал квартиру за городом.

— Все в порядке! — прокричал Артур.

— Адке... адке... — ответило эхо.

— А то — давай ко мне, я подожду...

— Не надо ждать, справлюсь.

— Ты что, все еще в конторе?

— Да... — Артур проклинал себя за недоверие к друзьям и за то, что не умеет ловко соврать. — Забегался тут, искал...

Он обернулся, едва не соскользнув с качающегося кирпича в ледяную лужу. Показалось, что со стороны лифта донесся слабый шорох.

— Эй, я подумал — ты их случайно не в подвале оставил? — не унимался Алик.

Артур перекинул телефон в левую руку, чуть не выронив его на бетон, посветил назад. Лампы в лифте так и не загорелись, зато он точно вспомнил, в какую из одинаковых дверей ему надо. Она находилась рядом, буквально в трех шагах. Такая же, как предыдущая, но чем-то неуловимо отличающаяся.

— Нет, — сказал Коваль. — Не в подвале.

— А, тогда хорошо. Один не спускайся...

«Почему хорошо? — хотел спросить Артур. — Почему, дьявол вас всех побери, нельзя забыть ключи в подвале? Что тут плохого?!»

Коваль перешагнул на соседний полузатонувший кирпич, дальше должно было стать суше. Начинался едва заметный подъем. Он не сомневался, что дверь отличается, только чем? Днем он топал за Аликом, выдыхая винные пары, и глядел больше под ноги.

— А то давай ко мне, — прокричал сквозь помехи Мирзоян. — Не ищи ты их, закажем завтра новые, я тебе сам помогу замок сменить.

— Уже нашел... — Артур скомкал прощание, торопясь, отключил трубу.

И сразу же ощутил гнетущее одиночество. Во время разговора он воспрял, словно сбросил оцепенение, а теперь оно возвращалось, как живое существо, кружило над головой, опутывая неосязаемыми липкими нитями. Он спрятал телефон, дотронулся до широкого торца две-

ри — и моментально отдернул руку. Теперь он знал, чем отличается нужная дверь.

Старая жесь была на несколько градусов теплее, чем позволяло неотапливаемое подземелье. Коваль вдохнул побольше застоявшегося воздуха и потянул за металлическую ручку. Он стоял на пороге иссиня-черного прямоугольника, почему-то не решаясь посветить внутрь, и чувствовал, как от слабого, почти незаметного ветерка колышутся волосы на макушке. Воздух внутри кладовой тоже нагрелся чуть сильнее, чем в коридоре. Нагрелся непонятно отчего.

Давно Коваль не пребывал в таком тревожном, возбужденном состоянии. Он в принципе с детства не особо боялся темноты, родители воспитывали его грамотно, не позволяя дурацким страхам взять верх над рассудком. Отец проводил строго атеистическую пропаганду, не раз подчеркивая, что выбирать веру следует в осознанном возрасте, а никак не с колыбели. Артур дрался с пацанами старше себя, ходил в спортивную школу, в институтские годы гонял по ночам на мотоцикле, ночевал на скалах в спальном мешке... Ничего героического, но не изнеженный нарцисс. Здоровый страх всегда присутствовал, но не мешал физическим экспериментам над собой.

До сегодняшнего пятничного вечера, когда родился страх нездоровый. Это был страх оказаться наедине с чем-то таким, что его натура отвергала абсолютно. Скажем, как он отвергал возможность существования гигантских моллюсков, якобы уволакивавших на дно целые корабли.

Коваль включил фонарик. Он увидел то же, что раньше: стулья, портреты, мотки проводов и секции раздевалки. Видимо, батареи подсели, рассеянный луч упорно не желал достигать нужной точки. Где-то там, у стены, на спинке перевернутой скамейки, должны были лежать ключи.

Артур перешагнул порог. Ему хотелось сейчас только одного — разглядеть в мутном пятне света блеск металла. Отступив на шаг от двери, он оглянулся. Вновь повторилось неприятное до колики в животе ощущение, которое он испытал, когда погасли лампы в лифте.

Ощущение присутствия.

Артур мысленно оформил то, что крутилось в голове все это время, с момента возвращения в здание. Мирзоян позвонил ему, но это ничего не значит. Он мог нарочно отвлечь, чтобы в темноте дать возможность другим без шума спуститься в подвал по лестнице. Они обесточили лифт, а теперь затаились, дожидаясь удобного момента, чтобы захлопнуть за ним дверь и начать завывать на манер стаи шакалов. Весьма вероятно, столь нетривиальным образом пятый отдел проверяет на чувство юмора всех аспирантов Телешева...

Артур резко шагнул назад, толкнул дверь, посветил в обе стороны. Никого. Он вытащил телефон, уже жалея, что отсоединился, нажал

кнопку повтора. Квадратный экранчик жалобно распахнулся, как сиреневый глаз. Связь отсутствовала и со второй, и с третьей попытки.

Он плюнул и отправился за ключами.

Ключи лежали именно там, где он их оставил. Выходило, что он не наврал Мирзояну и что никто не обманывал его. Артур, сам того не ожидая, почувствовал дикое облегчение на грани восторга. Предстояло преодолеть последние шесть метров мокрого пола, забрать связку и простить ребятам «масонское посвящение», а потом, спустя время, вместе похохотать, рассказать о том, как крался с замирающим сердцем...

Коваль уловил посторонний звук, когда оставалось протянуть руку, чтобы подобрать блестящую связку с брелком-медвежонком. Он застыл в нелепой позе, балансируя на одной ноге. Звук доносился из шкафчика номер шесть.

Единственный запертый на замок шкаф находился рядом, но Артур никак не мог разглядеть, висит ли в грубых жестяных петлях замочек. Лампочка фонарика моргнула и засветилась намного слабее, будто луч проходил сквозь плотную полосу дыма. Кроме того, стало заметно теплее, и не на градус-другой, а как минимум, градусов на десять — Артур изнемогал в шерстяном свитере. У него мелькнула мысль о простуде, о лихорадке, но тут повторилось недолгое шуршание. Относительно природы звука у аспиранта Ковалья сомнений не возникло.

Кто-то разворачивал конфету и громко чавкал.

Артур поводил фонарем, убеждаясь, что почти ослеп. Он не видел больше выцветших портретов политиков, не видел двери, через которую зашел, не видел подтекающего потолка. Затихла потолочная капель и журчание в трубах, не гремели на кольце трамваи. Мир внезапно сузился до сумрачного пузыря двух метров в диаметре. По стенкам пузыря бесновалась жаркая сухая тьма, а в центре, бессмысленно шевеля губами, согнулся он сам. Коваль стянул через голову свитер, закатал рукава рубахи, вытер мокрый лоб. Затем поднес руку вплотную к рефлектору фонарика, перебирая пальцами ключи на широком стальном кольце. Наконец он выбрал нужный и повернулся к светло-голубому узкому шкафчику.

— Ты не простишь себе, если не откроешь,— увещевал внутренний голос.— Ты будешь вечно мучиться, обзывать себя трусом за то, что боялся сделать всего одно движение...

— Там ничего нет,— упирался внутренний оппонент.— Конфеты могли погрызть мыши...

— Здесь нет мышей, не валяя ваньку,— ехидно захихикал голос.— Без всяких проверок ты знаешь, что здесь нет грызунов. Они не станут гнездиться в затопляемых подвалах. Там внутри, в шкафу, тебя кое-кто ждет. Ты думаешь, забытые ключи — это случайность? Прекрати себе

врать — и сразу станет легче. Он вернул сюда именно тебя, потому что ты не верил...

Замок раскрылся с сухим щелчком, похожим на выстрел. Коваль освободил дужки и медленно потянул дверцу. Руку с фонарем он держал на отлете. Если изнутри все-таки рванет крыса, надо быть наготове.

Внутри стояла пустая миска. Налитое днем молоко испарилось. Подле миски Артур насчитал три обертки от конфет «Коровка». Вязаный носок по-прежнему висел на задней стенке. Ничего ужасного не произошло, но Артура не покидало чувство, что кто-то живой находится совсем близко. Настолько близко, что вот-вот рядом с ухом раздастся чужое дыхание.

В подвале стало жарко, как в предбаннике. Мгновением спустя до будущего исследователя крионики дошло, что теплая струя исходит именно из открытого шкафчика с трафаретной цифрой шесть. Оттуда не просто тянуло теплом, оттуда шпарило, будто из распахнутого зева печки. Сердце стучало, точно близкая канонада, заглушая все остальные звуки. Он так и не сумел внятно себе ответить, на кой черт полез руками в ящик.

Задыхаясь от жара, он ощупал стенки изнутри. Ни щелей, ни скрытых дыр. Обертки от конфет, пустая сухая миска и чертовски теплый, почти горячий вязаный носок. Скорее даже не носок, а чулок. Из таких приличные детки в сказках выуживали рождественские серебряные монетки.

«Проще простого... Спустились сюда после меня, вылили молоко, забрали конфеты, устроили спектакль с привидениями...» Артур стал вспоминать, кто из сотрудников отдела покидал застолье, и тут оно нахлынуло...

12

ПОДВАЛЬНЫЙ

...Оно нахлынуло сразу со всех сторон, заполняя без остатка, повлекло за собой, как коварный водоворот крутит по дну зазевавшегося купальщика. Артур запомнил, что тянулся за шерстяным чулком, а тот вдруг начал стремительно отодвигаться. Артур тянулся, а чулок ускользал, вместе с гвоздиком, на котором висел, вместе с задней стенкой шкафчика. Стенка проваливалась в пустоту, ее нежно-голубой свет затмил вокруг все, куда-то пропала миска, пропал влажный бетон под

тонкой резиной кроссовок; вместо настороженной тишины приблизился, стал отчетливо различим мелодичный струнный перебор, и еще какие-то звуки, отдаленные, абсолютно не свойственные городу, но странно знакомые, вызывавшие приторную ностальгическую истому... Скрип колодезного ворота, шелест крыльев, уханье прирученных сов за невидимыми балками невидимого потолка, хриплые старческие шепоты, как будто старухи собрались у постели умирающего, сопение животного и плеск жадно лакаемой, прохладной воды. Что-то живое, жестко-волосатое, но не противное, а почти домашнее, незлобное, коснулось руки и ноги, отступило в сторону. Шепоты и перебор струн приблизились вместе с дымным запахом очага, сушеных растений; огонь оказался так близко, что едва не занялись брови и ресницы, Коваль прынул назад, но ни огня, ни углей он так и не увидел. Вокруг колыхалось дымное, ажурное марево, свет играл, переливался в гранях тысяч горячих тающих сосулек... Чего-то не хватало, малой капли ему не хватало, чтобы увидеть, чтобы навести резкость и охватить картину целиком.

Артур сразу догадался — играли не на гитаре, и не на балалайке, но точно утверждать было нельзя, поскольку невидимый музыкант хоронился за голубой завесой, да еще напевал. Напевал он, как мычал, что-то неуловимо-знакомое, щемяще-грустное, до того грустное, что слезы сами накатывались на глаза, и вытереть их не было никакой возможности... То ли «Камаринскую» замедленно играл, то ли замедленный восточный напев соединял со славянским древним, пьяным перебором. Артур уже плакал, не скрываясь, так светло и так понятно стало все вокруг, и голубые стены его нового дома неумолимо расширялись, рассеивались, обещая вот-вот явить истину, которой ему так не хватало, и загадочный музыкант уже почти нарисовался сквозь пыльное сиреневое марево, он улыбался, он был совсем не страшный, ласковый, понятный, но лица никак не разглядеть, виделись почему-то только смазанные контуры коренастой фигуры, то ли миниатюрной, не крупнее прикроватного ночника, то ли кряжисто-огромной; и два светящихся лимона в вышине... И не лимоны вовсе, а пронзительно-желтые глазные яблоки с вертикальными луковичками зрачков, и узловатые, похожие на ссохшуюся кору пальцы, нервно перебегающие по струнам гуслей. Ритмично опадающие шепоты стали еще ближе, треск костра вливался в оркестр вместе со стрекотом насекомых. Невидимая мелюзга вылетала из ниоткуда, путалась в волосах, скользила твердыми крылышками по лицу. А гусли должны быть деревянными, это Коваль запомнил с детства. Он задержался, пытаясь смахнуть с лица плотный слой того, что по нему ползало, мешало рассмотреть вблизи тревожащий источник струнного пения... Больше всего гусли походили на поганку, на корич-

невую, перезрелую поганку; по дряблomu пластинчатому стволу, в потоках слизи, копошились черви, а посреди корявой шляпки распахнулась черная пасть, поперек которой были распялены сочащиеся розовым жилы — в точности как струны, только без колков. Путаница в размерах так и не прекратилась, но стало ясно, что пасть огромна, туда без труда провалится человек, и музыкальный гриб не подавится, а только обрадуется жирному куску...

Сучковатые пальцы, теряя кусочки коры, легко пробежались по живым оголенным струнам «музыкальной поганки», та вздрогнула, внутри пасти чавкнуло, обдав бражной отрыжкой. Стенки сократились, показав на миг пурпурную сетку сосудов, внутренность как бы настоящего голодного горла, а вовсе не срез крахмальных тканей гриба, а по самому краю, сантиметром ниже натянутых жил-струн, обнажился ряд треугольных зубов. Музыка полетела яростно, призывая вприсядку, призывая разрыдаться на ходу и удариться оземь в молодецкой истоме, призывая наклониться у самого края шляпки, чтобы лучше слышать, чтобы до конца раствориться в исконном, квасном, домотканом, закружиться и завихриться в плясовой...

И в короткий, но оглушительно-замерший миг Артур успел увидеть. Или ему только показалось, что увидел? Туман вспыхнул и погас, льдистые огни отступили, за ними протянулись ряды грубо тесанных, почерневших бревен, с них свисали наискось пучки травы, ожерелья сушеных жаб и еще каких-то омерзительных, бородавчатых созданий, а поверх лимонными площадками таращились глаза хохлатых сов... На земляном покатам полу бесновались то ли коротышки женского полу, в бурых балахонах, то ли пародии на человека; кружили, подскакивали вокруг бурлящего над очагом котла, а вместо пятипалых конечностей из балахонов торчали древесные узловатые сучки. Чад и пар, пахучий, жирный, плыл слоями над лавкой, длинной, с расписной спинкой, укрытой шкурами. Он выбирался в перекошенное, полуотворенное окно, а за окном, разбавленное оранжевым перламутровым блеском, в салатную чащобу садилось близкое, полыхающее солнце. Всякий цвет казался отмытым в щелочи, подновленным, резал глаз, как бывает в рекламных заставках про новые модели телевизоров. Там что-то происходило, на вкось убегающей лужайке, там почему-то все было кривое, растянутое неправильно, — и лес рос не вверх, а вбок, и жгучее солнце ползло параллельно земле, а та выпукло изгибалась навстречу травяной росистой шерстью, словно дышащий живот. Ни одна линия не тянулась прямо, ни одна перспектива не была завершена, все скручивалось, свивалось, как домик улитки, как подсыхающая береста; даже вонь горячей браги, близкого зверя и запах медового клевера не висела ровно, а кружилась тонкими скрученными слоями... На лавке, развалясь, сидел некто, лицо

в тени, отсвечивая вертикальными зрачками, готовился опять тронуть струны гуслей, и под босыми его, коричневыми ступнями валялась грудой скрученная фольга и обертки от конфет «Коровка». Вот он уронил трехпалые, источенные жучком сучья на трепыхающиеся струны, вот нагнулся к самому лицу Ковалю, все ниже и ниже, словно принохивался, словно намеревался лизнуть...

— Голову выше держите, на свежий воздух его!

— Накрыть дайте чем, замерзнет...

— Вот тебе архаровец! Аспирантура, называется...

— Проверили внизу? Огня нигде нет?

— Это ж надо так нажраться! Водопроводчики наши, и то...

...Артур очнулся на кожаном топчане в каморке вахтеров. Его кололо от холода под тонким шерстяным одеялом и двумя ватниками. Свитер, рубашка, майка — сваялись грязным комком возле электрического обогревателя. Почему-то снова было светло, в форточку врывались гудки машин, треск пневматического молотка, болтовня прохожих. Возле топчана собрались комендант, двое вахтеров, незнакомая женщина в белом халате, все с тревожными, выпученными глазами, и... профессор Телешов. Папа вежливо слушал обличающие речи, глядел на Ковалю странно, одним глазом, как петушок, обнаруживший вкусного червячка.

— Я не нажирался... — с трудом разлепил губы Артур. — Я там ключи забыл.

— Ну, в моих услугах он точно не нуждается, — сказала тетка с выпученными глазами, подхватила сумку с красным крестом, засунула туда стетоскоп.

— Зачем меня раздели? — Артур, морщась, натягивал непросохшую рубашку.

Вахтеры переглянулись. Комендант почесал в затылке.

— Ты ж сутки в подвале пролежал... Сам разделся, такого красиво-го и нашли. Еще чуток — и замерз бы, на фиг, ну... Верно говорят, пьяному море по колено...

— Я не пил!

— Ага. Шефу своему «спасибо» скажи. Если б не он, до понедельника бы не чухнулись...

Красный от стыда, Коваль спустился к черной «Волге». Голова кружилась, во рту ощущался отвратительный привкус браги, хотелось вернуться в теплое одеяло и не шевелиться. Телешов молча завел машину, вклинился в жидкий субботний поток.

— Сигнализация, — сказал он, как будто продолжал давно начатую беседу. — Тебе повезло, что забыли поставить отдел на сигнализацию. Комендант на нас не катит бочку, потому что его подчиненный сам

уснул, не проверил. Только утром сменщик на обходе заметил открытую дверь. Меня с дачи вытащили...

— Простите, честное слово, я не был пьян...

— Ерунда,— поморщился Папа.— Я боялся, что воры или пожар. Хорошо, что грузовой лифт был внизу. Мы догадались, что кто-то спустился в подвал! — Профессор взял тоном выше, свирепо надавил на газ.— Тебя же предупреждали. Какого беса ты туда полез?

— Я искал ключи...

— Не притворяйтесь. Я спрашиваю: какого беса ты полез в шкаф?

Артур горестно вздохнул. Он понятия не имел, что ответить Папе, стоит ли ему рассказывать о своих глупых фантазиях или лучше воздержаться. Он смотрел сбоку на угловатый профиль Телешова, короткие седеющие усы и недоумевал, как человек, которого рвут на части университеты мира, может верить во всякое...

Несомненно, его спас именно Телешов. Завкафедрой оттащил своего незадачливого аспиранта от шкафчика, захлопнул дверцу и запер замочек, преградив дорогу, перекрыв поток... Как еще обозвать то, что едва не утянуло дурачка за собой?

— Я не помню, как разделся, было жарко. Я там видел... — хрипло начал Артур.

Телешов ударил по тормозам. «Волга» клюнула носом посреди полупустого Каменноостровского моста. Внизу, в свинцовых бурунах Невы, постукивали буксиры, хлопали паруса яхт.

— Мне неинтересно, что тебе в пьяном виде померещилось,— отчеканил профессор.— И никому не интересно. Мне не нужны больше несчастные случаи. Если только услышу, что ты пытался кому-то навязать свои бредни, мигом поставлю вопрос об увольнении... Это понятно?

— Понятно,— потерянно откликнулся Коваль, отметив про себя словечко «больше». Несчастные случаи больше не нужны. Значит, они были раньше, но никто не упомянул.

Или никто не знал. Спустился какой-нибудь настырный дурак в подвал и не вернулся. Поискали дома, на даче, у любовниц, заявили в милицию. А спустя неделю понес кто-нибудь из институтских молочко и обнаружил незапертую дверцу. Возможно, подле шкафчика номер шесть валялась одежда, но милиции об этом не сообщали.

«Интересно, как они договариваются, кому нести конфеты? — отвлекся Артур. На шефа он не злился.— Вместе с соседями из третьего корпуса и арендаторами в комплексе работают почти пятьсот человек. Нереально, чтобы все знали — и никто не вынес наружу...»

— Существуют некие суеверия, но они не для всех,— Телешов словно угадал вопрос своего бестолкового пассажира.— Мы же считаем,

что нас это касается, поскольку имеем желание чего-то добиться. Кого занимают лишь отсиживаемые до пенсии часы, того не касается...

— Я все понял,— сказал Коваль.— Скажите только одно. Вы уверены, что оно... Что он помогает?

— Нет, я не оккультист и не астролог,— резко оборвал Телешов.— Сказки меня занимают ровно в том объеме, в котором требуются моей внучке. Ей полтора года. Но вот что я тебе скажу... До войны в здании размещалась, естественно, совсем другая контора. Тоже НИИ, легкие сплавы, что-то такое, один из первых в этой области. Потом его эвакуировали, затем вернули, сменили вывеску. Если интересно — архивы открыты, все данные можно поднять... — Телешов замолчал, потрогал усы.

— И что? — затаил дыхание Коваль.

— Ничего особенного. Если не считать особенным отсутствие репрессий. Их будто стороной обошло, две кафедры. Великих открытий ребята не сделали, но на редкость удачные судьбы... Затем сплавы убрали, вместо них Никита из Москвы перебрал почвенников, те десять лет продержались и слились со своей Академией. Затем поместили там одну из закрытых лавок Средмаша. Тоже любопытно, хотя данные эти выкопать непросто. Шестнадцать человек из их конторы дотянули до девяностолетних юбилеев, трое — до ста. Что любопытно — все бывшие фронтовики, после ранений и контузий. Это мне сын... Неважно чей, короче, сын известного человека рассказал, после того, как мы эту площадку получили. А их свернули, ничего не поделаешь, деньги тогда у родного государства кончились, в девяносто втором. Мы-то за счет французских и германских грантов продержались, а им никто не помог...

— Я понял,— понурился Коваль.

— Ты не понял! — оборвал Телешов. Он повернулся и смотрел аспиранту прямо в глаза, не обращая внимания на объезжающие их машины.— Это все чушь, насчет грантов, немецкие деньги до нас даже не дошли, а французы помогли только оборудованием. И полгода мы без зарплаты сидели, пока меня этот... сын академика не повстречал. Он подсказал мне арендовать подвал целиком, чтобы чужие носа не совали. Развалиться кафедра могла, к чертовой матери, понимаешь?! Но не развалилась. То забудут нас от линии отключить. Три корпуса сидят без света, на картотеке в Ленэнерго, а нам — хоть бы хны, палим энергию. То японцы, непонятно с какой радости, сами нашли и денег дали, взамен на право стажировки. После администрация района подкинула, комсомольцы бывшие... Ты любопытный, это прекрасно. Я так почему-то и думал, что сунешь нос. Но никак не ожидал, что сразу, в этот же вечер. Только любопытство, пожалуйста, обрати на главную тему отдела. Были до тебя... А, все равно ведь начнешь к ребятам приставать! Работала тут одна... исследовательница, к счастью, не из моих студентов.

Приезжая девочка, из универа, почти случайно у нас оказалась. Все успокоиться не могла, вроде тебя. Как же так, глубокий анабиоз — и сельские домовые, непорядок. Девчонок не послушалась, пыталась в институт журналистов протащить, потом знахарей каких-то с рамками, с иконами... — Профессор изобразил крайнюю степень отвращения.

— И что она? Замерзла? — наугад ляпнул Коваль.

— Откуда мне знать? — с деланным равнодушием отозвался Телешов. — Пропала. Однажды в понедельник не вышла на работу. Искали. Не нашли.

— А шкафчик в понедельник оказался открыт?..

— Не стоит приписывать нам чернокнижных извращений, — отмахнулся профессор. — В подвал вообще спустились недели через две после ее исчезновения. Мне насчет замка никто не докладывал. Но милиция там была, и даже криминалисты, если так интересно... И ты меня очень разочаруешь, если предложишь там что-нибудь исследовать. Появлялись, Коваль, и до тебя «великие» исследователи, гнали волну, а в результате — пшик. И всегда будет пшик, хоть ты там весь первый канал телевидения посели...

Вот теперь Артура проняло. Они верили, они все верили, и крупные удачи относили на счет шкафчика номер шесть. Посему не пятьсот человек, а крайне ограниченный коллектив был посвящен. Может быть, вообще только их отдел. Артур решил не спрашивать...

— Простите, я не хотел навредить...

— Не навредил. На самом деле я за тебя рад... Все, не будем об этом! В понедельник прибывают трое наших коллег из Германии и оборудование. В восемь утра жду в рабочей одежде во дворе, будем разгружать капсулу. Где тебя посадить?

— Здесь. Я, пожалуй, пройдусь, — сказал Коваль и покинул автомобиль на середине моста.

Все закончилось.

В понедельник Артур закрутился и забегался, вместе с ребятами кантовал тяжеленную анабиозную капсулу, устал, как раб на галере. Он убедился, что Папа никому ничего не рассказал, и обрадовался. С каждым днем яркие, будоражащие кровь воспоминания сглаживались, теряли очертания, как дурной утренний сон, отступающий под натиском солнца. После сверхуспешной защиты, после первых совместных с Телешовым публикаций, после того как дворняга Редиска успешно выдержала двухмесячный сон в жидком азоте, и ее кровь не превратилась в мелкие кристаллы, происшествие с ключами ему самому стало казаться последствием неумеренного возлияния.

А спустя полгода к нему, как бы невзначай, подошел Денисов и попросил купить то, что полагается. Артур даже не стал переспрашивать,

он купил конфет и топленого молока, а потом они вместе спустились вниз. Там было сыро, скучно и пусто. Артур совершенно не нервничал, они покурили на перевернутой скамейке, даже не прекратив обсуждать диссертацию Мирзояна.

Хотя ее можно было и не обсуждать. Про сотрудников пятого отдела в институте ходили удивительные и завистливые слухи. Половина кандидатских у них сразу тянули на докторские, зимой никто не поддавался эпидемиям, и даже разводов не наблюдалось. А в остальном — такие же пахари, застревавшие в лабораториях сутками, суеверные по мелочам, фанатики своих направлений. Поздравляя подчиненных с Новым годом, профессор Телешов не забывал поднимать тост за полезные суеверия.

И никто ему не возражал.

13

РАБ ЛАМПЫ

Воспоминания об институтском подвале настолько резко обожгли его, что несколько секунд Артур ничего не соображал. Ощущения получались слишком схожие.

Ощущения перехода в иное состояние, не свойственное человеческой физиологии. Как будто приходилось осваивать жабры. И страшно, и невероятно интересно, но главное, что все равно понимаешь, — никогда не станешь тут, в глубине, своим. Слабым ручонкам без лап не придать неуклюжему телу нужный темп, слабые легкие нуждаются в частом отдыхе, слабые зубы неспособны рвать чешую и кости.

Красиво, завораживающе, а не для нас...

Воздух походил на скомканную газету, которой мыли окна. При каждом вздохе Артуру нестерпимо хотелось отряхнуть с лица мокрые крошки, он уже в третий раз дотрагивался ладонью, но натыкался лишь на собственную влажную щетину.

Дышалось тяжело, но вкусно, что-то цветочное...

Человек осваивал новый размер. Плоский мир развернулся, объемный мир свернулся в невидимый плоский лист. Мучительно хотелось кричать, резко двигаться, отгоняя наваждение.

Несколько секунд Коваль сдерживал дыхание, опасаясь нападения в темноте, переводя себя в боевой режим. Никто не нападал — здесь было совершенно пусто, пусто многие сотни лет. В застоявшемся воздухе

не ощущалось тонких вибраций, присущих человеку или другим теплокровным. Здесь происходило что-то странное с самим пространством; оно колыхалось вокруг сотнями бельевого веревка с простынями, мешая разглядеть перспективу.

...Он спускался на тросе, привязанный под мышками. Да, точно, спускался... Потом, кажется, он повис свободно, в плотной, маслянистой темноте, окутанный сложным ароматом левкоев, дыни, сухого дерева и жженой карамели. Запахи навалились резко, внезапно, точно разбойники из засады. Он вращался вокруг собственной оси, потеряв ориентацию, как червяк, ожидающий участи на крючке рыболова. Далеко-далеко в зените подмигивало окошко в форме коротконого человека, далеко-далеко внизу луч света из скважины ломался, дробился бесконечно, отражаясь от слоисто-охряного, блестящего...

Потом он окончательно запутался, где верх, а где низ, лево и право, и никакие навыки лесного ориентирования не помогали, убийственно-свежие ароматы дыни и левкоя запутывали, манили, усыпляли. Он махал конечностями, словно завязнув в киселе, на пределе слышимости различая низкое, раскатистое мычание, и, только приземлившись на что-то твердое, обжигающе-холодное, понял, что это было не мычание, а беспокойные, до предела замедленные, крики его товарищей.

Коваль вспомнил. Что-то подобное происходило с ним, кажется, во Франции или в Оренбургских степях. Возле Вечных пожарищ приходилось сталкиваться с временными перепадами, с локальным замедлением, но там это длилось крайне недолго...

Хха-ахх...

Как будто над ухом вздохнула гигантская змея. Артур еле сдержался, чтобы не броситься ничком вниз, просто еще не вполне сознавал, где верх, где низ, и от кого надо прятаться. Раздался второй вздох, стало заметно светлее, и Коваль увидел...

Больше всего оно походило на бабочку.

На громадную, распластанную по бронзовому зеркалу, бабочку. Крылья словно сотканые из плотной, многослойной паутины, сквозь которую просвечивали ветки сосудов и сгустки синеватых мышц. По краям крылья поросли бахромой, бахрома еле заметно шевелилась, напоминая трепет сонных ресниц или хищное покачивание плотоядных водорослей...

Ххаа-аахх...

Снова вздох, как ответ всем скорбящим.

Он не мог оторвать взгляда от пальцев бабочки. Пальцы, почти человеческие, но это издали. Длинные, не меньше полуметра каждый, гибкие пальцы с загнутыми крючком когтями, темно-коричневого цвета, по четыре на каждой крыло-руке. Подобия узких ладоней, вырастающих из верхних половинок крыльев...

Прибитые к зеркальной бронзе черными гвоздями.

Распятие!

Распятое насекомое, которое не насекомое вовсе и которое никак не может быть разумным, потому, что оно вовсе не похоже на человека, а еще потому, что распятие — это забава совершенно человеческая, и потому еще, что все это морок — и воздух вкуса мокрой газеты, и стоны, и плавание в невесомости... А плавание, надо заметить, не из приятных; Коваль уже долгое время ощущал позывы к рвоте и прилив крови к голове.

Ххха-ахх...

Артуру мучительно хотелось проморгаться, протереть глаза; словно невесомая дымка мешала увидеть все четко. Никак не удавалось точно определить размеры «объекта» и расстояние до него, а голова «бабочки» все время оставалась в тени, хотя тени падать было неоткуда. Секунду назад казалось, что достаточно протянуть руку, и можно коснуться трепещущей бахромы, и тут же тонкое страдающее тело уплывало в высоту. Гвозди, пришилившие хрупкое создание к зеркальной поверхности, могли быть толщиной с руку и, равным образом, оказаться не крупнее булавки.

Туловище «бабочки», на фоне мощных крыльев, поражало худобой, незавершенностью, переливчатой раскраской. Лохматое, заостренное книзу, как брюшко осы, и тут же две пары серых, прижатых, мускулистых ног, с почти человеческими ступнями...

Нет, не человеческими, а скорее обезьяньими, с такими же невообразимо длинными, гибкими пальцами!

Артур изо всех сил напряг зрение. Голые серокожие ноги летучего страдальца не висели безвольно вдоль тела, они были туго прикручены веревкой или проволокой. Настолько туго, что проволока проникла в глубь кожи, в глубь мохнатого брюшка, стала одним целым с истерзанным организмом, обросла мешком жировой ткани...

И вдруг картинка исчезла. Стало темно, а затем словно кто-то выключил невесомость...

Боль, дикая, непереносимая боль резанула Артура, прошла ржавым скальпелем по нервам. Он схватился за затылок, там раздувался могучий синяк, вдобавок появилась кровоточащая ссадина. Некоторое время Коваль тупо разглядывал кровь на ладони, не в силах припомнить, когда же успел стукнуться.

Очевидно, он рухнул на твердую, очень гладкую поверхность, чудом не разбив лицо. В последний миг инстинкты не подвели, Артур сгруппировался, поджал подбородок к груди, сразу перекатился на колени, больно ударившись, успев удивиться, что не контролирует тело. Теперь он отчетливо вспомнил, как спускался на тросе вниз, и очень скоро ему

стало казаться, что это вовсе не спуск, а подъем, но трос продолжал разматываться, а ноги не встречали опоры...

В висках стучало, рот заполнился кислым, как будто только что вырвали зуб. Он обнаружил, что лежит, скорчившись, в позе эмбриона, на широком пологом карнизе из очень твердого материала. Из того же материала были сделаны стены и потолок, хотя Артур точно не смог бы определить, где начинается потолок и где кончаются стены. Он лязгал зубами, от холода сводило конечности, словно угодил в нутро громадного холодильника. Трос с застешками исчез, исчез длинный нож, висевший раньше на поясе; вероятно, он соскользнул вниз, за край карниза...

Совсем близко, над ухом, снова раздался протяжный вздох. Человеческое существо так вздохнуть бы не сумело: Артуру показалось, что воздух застыл у него в гортани.

Про распятую бабочку он забыл, видение пронеслось, как скоротечный кошмар. Он обернулся, пересиливая ломоту в мышцах, недоумевая, куда подевался трос, а потом увидел веревку прямо перед собой, на уровне груди, с отвязанными лямками и расстегнутыми карабинами. Веревка парила, слегка покачиваясь в сметанообразной, цветочно-фруктовой атмосфере, но уплывала не вертикально вверх, как следовало бы ожидать, а строго горизонтально, параллельно невидимому в полумраке полу...

Пол еще долго оставался неясным, как и все помещение целиком. Артур с трудом ворочал шеей, глазами. Казалось, что целый день до этого тренировал глазные мышцы. Он пытался составить хотя бы общее впечатление о месте, куда угодил через замочную скважину, но впечатления сводились к простому, и оттого особенно пугающему, открытию...

Лампа.

Внутренности лампы, архаичного светильника, к великому счастью, свободного от горючих материалов. Вокруг, то есть везде: слева, справа, снизу, до самой фитильной заглушки, терявшейся в обрывках розоватого тумана, — внутренности расширились, будто невидимые рабочие раскатывали драпировки, окружавшие сцену. Крайне необычное ощущение, когда вокруг тебя, во всех направлениях, распадаются, удаляются горизонты. Причем ощущения не только и не столько зрительные. Вселенная внутри плоских Малахитовых врат стала больше вселенной, расположенной снаружи. Коваль представил себе вывернутую черную дыру, на обратной стороне горловины которой крошечной былинкой примостилась Солнечная система.

Артур готовил себя к чему-то подобному, поэтому сдержал крик. Он представил себе, с каким ужасом сталкивались пленники Карамаза, насильно брошенные в чрево «рога изобилия». Как пить дать, они моментом забывали все инструкции и угрозы, превращаясь в комки трясущейся

плоти. Как могла реагировать на стремления таких комочков сверхсистема? Разве мог суперкомпьютер воспринять их в качестве ключей?

Лампа величиной с футбольный стадион. Именно такая, сплюснутая, как на картинах, мутная, позеленевшая, с длинным носиком. Темнота таяла, точно под напором восходящего солнца отступали утренние сумерки, и Артур все отчетливее различал искривленный канал носика, похожий по размерам на спаренный тоннель метро... С другой стороны, вместо гладких бронзовых стен уступами взбегали нелепые, словно из прессованного песка сбитые, постройки, похожие одновременно на термитники и на индейские чумы.

Город...

Такие города могли бы строить египтяне времен первых династий, а до них — шумеры, а еще за двадцать тысяч лет — поджаренные солнцем бушмены подле водопада Виктория. Такие глиняные горловины, заливанные узкие тыквы с дырой в крыше, примитивные и необъяснимо совершенные в своем примитивизме. Между песочными жилищами не замечалось шевеления, кривые улочки освещались все сильнее, хотя солнце и не думало появляться. Свет прибывал из колоссального носика лампы, отражаясь от сияющих, вылизанных стен, барахтался мягко, котенком терся о кривые ступени мертвого городка, заглядывал в бойницы окон, похожие на пересохшие рты...

Лампа, мать твою, повторил президент.

Коваль сделал шаг, не видя при этом своих щиколоток; серая мгла колыхалась под ногами, как табачный дым. Он с ужасом убедился, что не решается сделать еще один шаг. Чувство равновесия окончательно изменило бывшему Клинку; рассерженный таким поворотом дел, он не сдержался и отчаянно ломанулся вперед. В следующий миг низ и верх снова резко поменялись местами, Артур сгруппировался, готовясь перевернуться в воздухе, как кошка, но опоздал самую капельку...

И снова, до молний на сетчатке, ударился затылком о замерзший то ли камень, то ли металл. А когда открыл глаза, глинобитный город висел над головой, окружал миллионами одинаковых кувшинообразных строений. Резко усилились цвета, очертились переходы, тона потеряли мягкость. Желтовато-бурые склоны, тропинки и площади убегали вверх, в дымчатый сумрак, там изгибались, замыкая тускло блестящий потолок, а может, и не потолок вовсе... Песочный городок разросся, вытянулся параболой, изгибаясь куда-то вверх и в стороны. Вместо двух-трех корявых переулков кварталы огибали теперь широкие улицы, мощенные белым камнем, вдали поднялись двух- и даже трехэтажные дома, впрочем такие же, бутылкообразные... Артур теперь находился на самом дне, на донышке лампы, и сколько ни силился, не мог рассмотреть в заоблачной дали замочную скважину...

Мир лампы обретал очертания, строился, громоздил сказочные конструкции, обрастал плотью поверх эфемерных иллюзий. Пахло пряностями, а еще чем-то горячим, сладким, щекотало в носу. Почему-то вспомнился дешевый китайский кабачок и бананы, жаренные в карамели. Коваль пытался проследить взглядом за убегающим пределом, пытался поймать место, где же город кончается, где последние смешные строения упираются в вогнутую границу «сезама», но зрение насмеялось, подкидывая очередной мираж...

Над бесконечным городом, над ватной тишиной, обратив к человеку внимательные фасеточные глаза, опять повисла распятая бабочка.

— Ххахх... — вздохнул призрак.

Совсем недавно Артур засмеялся бы в лицо тому, кто осмелился бы утверждать, что на земле существуют животные такого размера. И уж тем более — насекомые. Но сейчас смеяться ему вовсе не хотелось. Существо высотой с пятиэтажный дом не относилось ни к одному отряду насекомых. По строению тела ближе всего оно стояло к человеку.

Или человек стоял ближе к бабочке...

Падший ангел, пронеслось молнией, и, сразу же, распахнулась в мозгу новая вселенная. Искры хлынули наружу, река искр золотых затопила мозг, горячая, удивленная река. — Ппаатший...анкелл... — повторило искаленное создание, и шипящее эхо замечалось в бронзовом мире, усиливаясь, превращаясь в громыхание водопада, в рев селевого потока, — и стихло...

Артур кое-как уселся, потирая ушибы. Он удивился, что почти не вспоминает о соратниках, оставшихся наверху. По идее, они давно должны были спуститься за ним. Скорее всего — все они нанюхались наркотика...

Дальше мысли его оборвались, точно кто-то нажал выключатель. Поток искр заполонил каждый уголок мозга, затем искры сгустились, оформляясь в неясные пока образы. Эти образы мчались все быстрее, создавались и разрушались сложные конструкции, похожие на памятники, на воздушные танцы, на акробатические этюды неведомых существ...

Распятое существо снова тяжело вздохнуло.

Оно сканировало мозг человека, отбирало доступные для него категории, объемы и скорости передачи данных. Ежесекундно оно запрашивало человека, хочется ли ему произвести обмен, и, получив положительный ответ, закачивало ему в свободные участки мозга гигабайты данных. Падший ангел, повторял про себя Артур, чувствуя, как дыбом встают все волосы на теле. Ему вдруг жутко, до слез, до дрожи, захотелось упасть на колени. Наверное, примерно так ощущали себя первобытные люди, впервые встретившие джиннов.

Он уже не думал о своих спутниках, потому что впервые рассмотрел «лицо» распятого создания. До сего момента верхняя часть «бабочки» пряталась в тени, теперь словно растворилась белесая пелена. Над песчаным городом, над стерильными, словно вылизанными улицами, к нависающей стене лампы было приковано разумное существо.

Высокий лоб с залысинами, тянущимися до самого темени, серая морщинистая кожа, лишенная солнечного света, узкие скулы, рот, больше похожий на короткое рыльце, хоботок, и вместо носа — две впадины, закрытые мембранами.

«Бабочка» приоткрыла громадные глаза. Она продолжала переговариваться человеку, упавшему на колени, неслыханные для его мозга объемы информации. Вероятно, для распятого на бронзовой стене существа эти массивы были лишь крохотной толикой знаний, коротким приветствием, молниеносной шуткой, но у человека чуть не взорвалась голова.

Артур схватился за виски, чувствуя, как, один за другим, в глазах лопаются мелкие сосуды. Образы, рожденные мозгом Летучего, неслись все ускоряющимся потоком, с трудом проникая в окостеневшие, недоразвитые каналы человеческого восприятия. Там было все...

...Колющие мешковидные животные, неторопливо ползущие по крутым горным серпантинам.

...Сотни и тысячи мускулистых волосатых, с недоразвитыми маховыми крыльями, но с мощными верхними конечностями, роятся, перетаскивают камни, делая длинные прыжки через пропасть. За одну лишь ночь взлетают над островом ажурные башни, соединенные гнутыми мостиками, вырастают дворцы, пронизанные музыкой внутренних двориков, колонн и аркад...

...Яркие, отражающие лунный свет города, грозди шаров, неторопливо плывущие над черной водой, стада оживленных дельфинов, щебечущих с детьми, прилетевшими отдохнуть у воды. Морские разумные и воздушные разумные, такие разные и дружелюбные. Впрочем, дельфины не совсем похожи на дельфинов, к каким привык Артур.

...Взмахи крыльев над исполинскими сотами, доверху заполненными янтарным медом.

...Миллионы братьев, разгоняющих тьму трепетом светящихся глаз, ожидающих плодородного Отца...

...Стога соломы, тысячи стожков, и между ними, по колючим, скошенным травам, разбегаются неловкие фигурки людей. Бегут в разные стороны, падают ниц, а крылатая тень бабочки проносится на бреющем полете, цепляя вихрем косы женщин...

...Стройные дымы курильниц, пестрые ковры, и снова тысячеличные толпы припадают ниц к холодным ступеням, преклоняясь перед могуществом тех, кого они сами нарекли божественными именами...

...Холод и ветер, пронизывающий звон ледяных торосов, неумолимо ползущих с севера, черные воронки буранов, высасывающих последние силы...

...Голодные годы, пустые ячейки сот, паутина обвисших крыльев, жалобные крики братьев, погибающих под копытами мохнатых дикарей...

...Боль, боль отовсюду, поскольку не заслониться от чужих мыслей, не спрятаться от чужих открытых сознаний и жестокости. Нелепо вызывать к милосердию тех, кого вчера топтали, кого плодородный Отец лишил слуха и зрения... Тысячи сверхпрочных пузырей, на стапелях лихорадочно собираются космические грозди. Вереницы выючных животных, утопая в снегу, тащат на погрузку тюки с продовольствием. Вокруг загадительных тепловых полей бродят толпы замерзающих дикарей в шкурах, грызутся из-за трупов павших грузовиков, на коленях просят объедков...

...Зеленоватый пульсирующий свет в корабельных инкубаторах, колонии питающих бактерий, похожие на могучие трехмерные деревья, миллионы километров энергетической паутины, ритмичные вздохи хлорофиллового сердца. Бригады ремонтных жуков на кольцах Сатурна, монтирующих первые неземные... врата. Не совсем такие, как в греческих скалах,— серые, овальные лепестки. И все же это врата, только без скважины, вспомогательный модуль, запасная калитка. Компьютер запущен, две грозди намертво прикрепились к астероиду, теперь они будут ждать, пока основные силы экспедиции достигнут следующей планеты, тогда можно будет перейти сквозь портал легко и быстро, не тратя времени на перелет. Циклопическая биостанция выдает первые гигаватты энергии, собранные с полюсов, бабочки прощаются...

Артур обрел способность думать.

Разумная раса, упоминавшаяся в древних арабских хрониках, про нее сложено столько сказок... Или дети олимпийских богов, о которых поведали греки? Или это одни и те же существа, погибшие во времена потопа? Ведь погибли не все, и Библия донесла до нас искаженную память о горемычных одиночках, якобы сброшенных с неба владыкой...

Коваль осторожно ступил на улочку глиняного города. Стоило ему отвести взгляд, как бабочка пропала, изображение растаяло молниеносно. Теперь повсюду человека окружали жерла «термитников» и залитые овалы дверей. Посвисты ветра и сполохи зеленого сияния. Ароматы левкой и дыни.

Что там внутри?

Страшно толкнуть дверь в неведомое, когда не можешь угадать, что тебя ждет за ней. Закрытые двери не ассоциируются с чем-то ласковым и пушистым. Но здесь дверей не было. Только дверные проемы, гутали-

ново-черные, непрозрачные, хотя в доме-вигваме еще и окошки. До того мрачно внутри, что кажется: сунь пальцы — засосет...

Артуру почудилось, что стоит ему притронуться к стене ближайшего дома, как окружающее обернется миражом и рухнет. Он дотронется — и тут же узкие глиняные вигвамы осыплются мириадами песчинок, пылевым вихрем, а он очнется полуживой, с переломанными костями, в черной ледяной пустоте, на дне ущелья, куда так глупо позволил себя заманить...

Артур дотронулся до стены. Она была теплая и слегка вибрировала, как вибрировало бы индейское жилище при приближении стада буйволов. Глиняный город никуда не делся, темное жерло входа манило к себе все сильнее.

Артур нагнулся, принюхиваясь и... Нет, он не вошел внутрь, только заглянул, но этого оказалось достаточно, чтобы вселенная брызнула в глаза, как опрокинутая банка с акварелью...

14

БРОНЕПОЕЗД

— Овся, восемьдесят пудов?..

— Есть овес, восемьдесят!

— Корова вяленая, полутушами, семьдесят две?

— Есть семьдесят две!..

— Сухарей, пятьдесят мешков?

— Есть сухари!

...Куда он провалился? В будущее или в прошлое? Черт подери, он провалился в... собственное будущее. Главное — не паниковать.

Только не паниковать, хотя очень хочется заорать. Надо принять как данность — джинны выполняют желания. Куда он хотел попасть больше всего?

Правильно. Последнее время он только и мечтал о великом походе на восток страны, о новом завоевании Сибири, о реализации, черт подери, столыпинских планов. И вот, домечтался.

В шаге от него сидел в кресле точно такой же президент Коваль. Такой же, но кое-какие отличия мгновенно бросились Артуру в глаза. У того Ковалья, который отважно спрыгнул в скважину Малахитовых врат, никогда не было синих штанов и синего мундира.

Это что-то новенькое, действительно новенькое. Коваль в синем выглядел не то чтобы старше, но чуть толще и был...

Он никогда так коротко не стригся!

Стриженный Коваль поднялся и прошел насквозь, через Артура, не задев его и не заметив. Дело происходило в вагоне, очень богато отделанном, но раньше у него такого вагона не было. Очевидно, это и есть будущий бронированный состав, сборку которого заказали уральским металлургам! Белый тигр, развалившийся на ковре, сосредоточенно вылизывал лапу и тоже не замечал появления призрака. А за окнами вагона всю шла погрузка...

Артур как будто висел в очень плотном коконе или в пузыре. Пузырь позволял с натугой дышать, и слабая цветочная отдушка, ставшая уже привычной в громадной бронзовой лампе, не давала забыть, где явь, а где...

Смотря что считать явью, поправил он себя. Если судить по реакции тигра и человека, призраком был как раз он, незванный гость из прошлого... Впрочем, просто так ничего не происходит. Артур попытался вытянуть вперед руку и убедился, что кокон вокруг его неясно обрисованного, словно штрихами намеченного, тела, весьма гибок и подвижен. Одно небольшое усилие, и...

Он вовремя отдернул руку. В пальцах закололи мелкие горячие иголки. Еще немного, и он бы прорвал кокон. И что тогда? Заменял бы собой Коваль-старшего-из будущего? А куда девать прошлое, куда девать разрыв?

Коваль-будущий пронесся снова неподалеку, разглядывая какие-то бумаги. Артур подумал и решил отпустить себя. Расслабиться полностью и впитать это будущее. Неизвестно, чем кончится экскурсия, но второго такого случая может не представиться...

Дальше он только наблюдал.

...Погрузка в эшелон шла вторые сутки, то при ярком свете факелов, то под невеселым питерским солнышком, пробивавшимся сквозь весеннюю морось.

Коваль выглянул в щель между занавесок, невольно поежился. В потоках дождя фигурки грузчиков расплывались, пламя в масляных фонарях боролось с сыростью, из труб соседних вагонов струились дымки, дергались в небо и тут же, словно хвосты испугавшихся щенков, пригибались к земле. Аркады вокзала скупно освещались электрическими прожекторами, стационарных светильников пока не установили, слабые лучи дробились, задыхались в потоках ледяной воды. В ноздри бил запах креозота, квашеной капусты и керосиновых фонарей.

Мокрый, неприветливый март провожал эшелон.

Из Петербурга отправляли три состава. Первым должен был стартовать бронепоезд, грузившийся сейчас на соседнем пути. Там тоже бурлила работа, двери вагонов стояли нараспашку, непрерывной чередой,

словно муравьи, тянулись внутрь грузчики с поклажей. Два паровика, между ними восемь пассажирских вагонов для солдат и десять грузовых, обшитых броней. Там часть боеприпасов, тяжелое вооружение, дорожная техника. На передних платформах уложили рельсы, шпалы и щебенку, на крышах — тяжелые пулеметы, зенитки и четыре ракетных комплекса. Но самыми первыми, впереди паровозов, покатаются два рельсоукладчика, ведь никому не известно, что произошло с путями за Уралом...

— Топоры германские, длинные... Четырнадцать ящиков.

— В шестой вагон давай, к инструментам!

— Горох сушеный, четырехпудовые мешки, эти куда?

— Это напротив, в другой состав жратву...

— Вода чистая, бочки по сто литров, пломбированные — шестьсот двадцать...

— Ни хрена себе, ваше благородие, куды столько?

— Усачев, ядрить твою, болтай меньше! Вижу шестьсот двадцать, отсюда начинай затаскивать...

Это был неприкосновенный запас. С одним маленьким «но». НЗ рассчитывался только на военных и спецов. Гражданские переселенцы должны будут выкручиваться своими силами. Артуру эта ситуация живо напомнила брошюры с его институтской военной кафедры, где много было написано о спасении армии, но почти ничего о мирных жителях. Как-то само собой подразумевалось, что убыль гражданского населения предотвращать неразумно, и попросту глупо.

...Покачиваясь в невидимом пузыре, Артур, в который раз, с горечью убеждался, что брошюры военной кафедры написаны на века. При всем желании он не мог обеспечить безопасность будущим жителям Иркутска, Читы и Хабаровска. Почему-то при решении государственных задач безопасность сама собой отодвигалась в дальний угол...

— Мед гречишный, тридцать три бочонка...

— Вижу тридцать три!

— Сукно шинельное, вязанками...

— Погодь, куды прешь! В этот вагон только еду сказано!

«Идиотский, неразрешимый парадокс,— размышлял президент, вдыхая ставший уже тошнотворным дынный аромат.— Мы строим благополучие для народа, чиним дома, мостим дороги, отодвигаем пожарища, требуем у соседей прежних границ... Все для народа, а когда заходит речь о безопасности сотни детей, мы даже не можем обеспечить их водой...»

Строго говоря, на родине, в Питере, будущие переселенцы симпатий у президента не вызывали. Несколько сотен дезертиров, отщепенцев и бунтарей всех мастей, которым было предложено вместо срока на ка-

меноломнях и на ремонте метро собрать манатки и отправляться осваивать Сибирь. Единственным условием для всех согласившихся ставилось наличие семьи. Новые документы, наделы и помощь в становлении получали лишь те, с кем соглашались уехать жены.

У Ковалья не возникало сомнений, что сибирские и дальневосточные города заселены. Периодически Качальщики приносили вести о драках тамошнего населения с китайцами, с расплодившимися лесными племенами, а иногда доходили совсем уж забавные и дикие слухи об учреждении республик, ханств и мини-царств. Впрочем, эти царства и республики распадались с той же скоростью, с которой провозглашались. В уральские города, давно подчиненные питерской власти, периодически добирались искатели лучшей доли из Забайкалья, и даже с берегов Тихого океана. Некоторые из них еще помнили о славных деньках, когда существовал пакт вольных поселений, и московские караваны президента Ивана добирались до алтайских хребтов.

«Славные деньки!... Да уж, конечно, для лоботрясов и самостийных князьков! — Артур невольно скрипнул зубами, сам удивляясь внезапно проснувшемуся раздражению. — Как вбить им в тупые головы, сколько еще нужно их повесить и сослать, чтобы на постах оказались те, кто не считает времена развала страны славными деньками...»

Тут его праздные размышления грубо прервали. В президентском люксе появились новые лица. Тигр Лапочка заворчал, чуя посторонних, отвлекая хозяина от документов. В тамбуре охрана обыскивала посыльного из Эрмитажа.

— К господину президенту просятся двое... — Офицер щелкнул каблуками. С его плаща ручьем текла вода. — Там, у вокзала, в карете такси... Ненашенские, косоглазые, казахи чи китайцы...

Личный секретарь президента, Мишка Рубенс, привычно придал своей физиономии выражение недоумевающее, и одновременно свирепое, что означало крайнюю степень возмущения перед невоспитанным поведением курьерской службы.

— Господин советник, жетон у них, жетон Тайного трибунала показали... — забормотал курьер.

— Миша, прочитай,— скомандовал старший Коваль.

Он терпеливо ждал, пока конверт вскрыют, бумагу дадут понюхать натасканному на яды голубому псу. Герр Борк, с недавних пор возглавляющий Службу безопасности президента, старался невероятно, доводя порой идею безопасности до абсурда. Но президент терпел и к любому, самым фантастическим заскокам старого рубаки Борка относился с полной серьезностью. Так, например, после того как под полом этого самого вагона, переоборудованного уральскими умельцами, была найдена дурацкая заячья шкурка, немец чуть не придушил ответственных,

заставил взломать все полы и панели в президентском кабинете, «кают-компания» и связном вагонах, а в Петербурге посадил, в буквальном смысле слова на рельсы, под грузящийся состав, своих испытанных следопытов с болотными котами...

А когда Артур позволил себе усомниться в опасных свойствах упомянутой заячьей шкуры, которую он даже не видел, поскольку ее увезли вездесущие Качальщики, пивовар насупился, покачал головой и сказал только одно: «Береги вас ваш бог, герр президент...»

...Едва Коваль-старший взял в руки жетон Тайного трибунала, как отпала надобность читать послание. Он помнил этот номер, потому что сам вручал жетон.

— Проводите этих людей сюда, немедленно. Миша, завари зеленый чай и скажи, чтобы пирожков разогрели...

...Теперь Артур-младший знал, отчего ему было так тревожно. Ему даже полегче стало; это то самое, тысячи раз описанное чувство, которое одни называют интуицией, другие — присутствием ангела-спасителя, а третьи, например опытные Хранители, абсолютно уверены, что предвидение можно развить тренировками. Еще на эсминце, тренируя красных червей, он предчувствовал встречу с китайскими братьями...

...Они прошествовали к вагону в окружении квадратных, увешанных оружием гвардейцев,— низенькие старички с головами, закутанными в синие шерстяные накидки. Опытный глаз сразу различал взрывную силу, таящуюся в них. Они поднялись в вагон, и оба президентских тигра-альбиноса улеглись на полу кверху брюхом, на глазах изумленной охраны.

Старички прошли в гостиное купе, скинули накидки, остались в синих монашеских балахонах, деревянных сандалиях на босу ногу и оказались совсем не старыми. Один потолще, круглый, как солнышко, потрепал по пузу развалившегося тигра, поцокал языком, оценивая ван Дейка и Айвазовского; второй, тонкий, гибкий, плосколицый, с отсутствующим передним зубом, и китайским иероглифом на щеке, улыбнулся президенту.

— Рад видеть тебя, почтенный Вонг!

Тут Мишка Рубенс, заблаговременно вытолкавший охранников, сам чуть не упал в обморок, потому что президент сделал удивительную и ужасную вещь. Он встал перед китайцами на одно колено и поклонился, делая вид, что целует полу одежды.

— Я тоже рад тебе, послушник! — Настоятель храма Девяти сердец распахнул объятия.

Секретарь и по совместительству младший советник Рубенс попятился и, от греха подальше, чтобы окончательно не сойти с ума, побежал на кухню за пирожками.

Монахи с неподдельным интересом разглядывали парчовые занавески, оттоманки из императорских мебельных гарнитуров, обтянутые голубым бархатом, зеркала в пышных рамах с вензелями семьи Романовых, изящные фарфоровые статуэтки, которые собрала в салоне супруга Ковалья.

— Ты проделал огромный путь, настоятель! — Коваль выглянул в окно, будто хотел убедиться, что китайцев всего двое.

На перроне двумя шеренгами выстроились гвардейцы, никто больше не пытался подняться в вагон. Настоятелей было двое, и слава Всевышнему, потому что появление четверых означало для провинившегося послушника смерть...

Об этом не стоило даже вспоминать, учитывая полную бесполезность охраны. Китайские монахи продемонстрировали вежливость, предъявив жетон и письмо, а ведь могли бы, как русские Качальщики, ворваться без спроса, опрокинув охранников одним лишь Плевком Сатаны...

— Мы летели на Красном змее до заимки нашего доброго брата Кристиана. Добрый брат Кристиан оказал нам гостеприимство, дал сменных лошадей и карету...

— Отчего же вы не сообщили мне из Новгорода? Кристиан сказал вам, что телеграф работает?

— Ты не должен менять свои правила, послушник, — Вонг с коротким поклоном принял у секретаря поднос с пирогами и чайником. — Ты проходишь свой путь, а мы — свой...

Второй наставник что-то добавил по-китайски и засмеялся.

— Брат Хо говорит, что мы вместе служим великому равновесию, а когда равновесие нарушается, неважно, кто к кому приехал...

Брат Хо увлеченно разглядывал фарфоровых купидонов и пастушек, цокал языком, потирал руки, веселился, как мальчишка.

— Почтенный Вонг хотел бы умыться с дороги? Я велю затопить баню...

— С баней успеем, у нас много времени, — щербатый настоятель отвесил лучезарную улыбку.

— Много времени? — озадаченно переспросил Коваль-старший. — Прошу меня простить, но утром поезд отправляется...

— Это замечательно. Мы рады, что послушник Храма верен своему слову. Настоятели также верны своим обещаниям, брат. Однако нам нужно знать больше, брат. Если ты намерен по суше достичь Шанхая, настоятели должны знать все о твоих солдатах и о том, что ты везешь. Мы вместе хотим найти вакцину, но твои люди складывают в вагон семена ржи... Зачем семена ржи для вакцины? Расскажи нам, брат Кузнец...

...Артур задержался в своем гибком пузыре. Итак, он не ошибся, он собрал-таки экспедицию за смертельной вакциной. Он собрал, точнее — соберет несколько тысяч добровольных переселенцев. Или не слишком добровольных. Но зачем прикатили китайцы? И зачем джинны, или кто там управляет лампой, выбросили его именно в этот временной интервал? Ведь ему могли просто показать погрузку со стороны. От какой еще напасти его хотят предостеречь?

Или пытаются запугать?..

...Настоятель Вонг с удовольствием намазал на хлеб толстый слой меда и подмигнул Ковалю-старшему. Наставник Хо безмятежно разглядывал мушкеты и аркебузы, развешенные на стенах.

— Мы берем семена, чтобы посеять их, настоятель. Из столицы и южных губерний едут люди, которым жилось тяжело. Они хотят испытать себя на новом поприще. Мы построим им дома, оставим скотину и семена. Вдоль магистрали появятся обходчики и связисты. Железная дорога не может существовать без рабочих пути...

— Это хорошо, скотина и семена, — ласково покивал китаец. — Хорошо, когда правитель не забывает о благе подданных. Иногда случается так, что правитель старается для блага подданных, нарушая тем самым хрупкое равновесие... ты нам расскажешь о своих планах?

Коваль-старший отошел к дальней стене, которую скрывала драпировка. Он дернул шнурок, драпировка распахнулась, обнажив огромную пожелтевшую карту СССР.

— Ты верно заметил, настоятель. Я не очень хорошо понял, что ты хочешь услышать, но постараюсь коротко обрисовать ситуацию. Извини меня за сумбурную речь, я немного устал — мало сплю последние дни — и не готовился к вашему приезду...

— Это прекрасно. Твоя речь потечет от сердца, а не от листка бумаги.

«Чтоб ты чайной ложкой подавился, косоглазый! — мысленно пожелал Артур-младший, в то время как Коваль-старший соорудил самую горячую, самую радушную улыбку, на которую было способно его лицо. — Почему не сказать честно, мол, извини, братан, но мы передумали гоняться за Большой смертью, кишка тонка...»

Коваль взял указку, откашлялся, придавая себе академический вид. Китайцы уселись рядышком, словно отличники на первой парте.

— От Петербурга мы двинемся по главному ходу Транссиба... Следите: Вологда, Вятка, Пермь, Екатеринбург... В Вологде мы подождем эшелон из Ярославля, там будет еще восемь пустых пудманов. В Вятке к нам присоединится поезд с грузами из Нижнего Новгорода. Осенью мы завершили ремонт пути, теперь эта ветка в рабочем состоянии. Дальше... Еще два состава с переселенцами, солдатами и с пу-

стыми вагонами под вакцину подтянутся позже, из Пензы и Самары, они прикатят по так называемому южно-уральскому ходу и соединятся с нами в Екатеринбурге... Чтобы заработал этот участок магистрали, нам пришлось почти полностью разобрать дорогу на Сыктывкар и все сохранившиеся ветки вокруг бывшей столицы... А чтобы сбить эти семь составов, пришлось прошерстить всю европейскую часть. На лошадях подтаскивали, из кусков колесные пары собирали... Один из эшелонов не повезет ничего, кроме рельсов, шпал, щебня и вспомогательных материалов. Мы не знаем, в каком состоянии пути после Омска; вероятнее всего, придется на ходу прокладывать объездные ветки, чтобы пропустить маневровые паровозы с рельсоукладчиками. Их мы тоже берем с собой, четыре штуки, и запас угля. Спасибо немцам, удружили, пригнали три паровика, прямо как с конвейера, чистые, гладкие! Да, кстати, уголь покупаем в Донецке, оттуда уже вышли дрезины...

Президент кивнул выглянувшему из-за портьеры Рубенсу, чтобы тот не стеснялся, подавал к столу горячее. Китайцы к еде больше не прикоснулись, застыли, словно два миниатюрных памятника самим себе. Иногда Вонг переводил для брата Хо.

— ...Таким образом, семь составов соберутся на бывшей товарной станции Омска. Один паровик уже увез кран и батальон дорожных строителей, они едут медленно, проверяют пути и прокладывают кабель.

— Кабель? — Вонг вполголоса перевел товарищу. — Что такое кабель?

— Телефон, — с тихой гордостью заявил Коваль-старший. — Уехала бригада связистов, тянут телефонную линию по всему пути следования.

— В Омске ты собираешься ждать лето?

— В Омске мы собираем все семь эшелонов, заливаем воду, закупаем еду, но не только... Во-первых, как известно уважаемому настоятелю, во всех крупных промышленных городах как следует покуражились ваши братья, русские Качальщики... — Коваль-старший намеренно обронил шпильку в адрес бывших друзей, быстро скосил глаза в надежде заметить реакцию Вонга, но тот и ухом не повел. — Нам предстоит расчищать завалы, корчевать леса, вероятно даже, отстреливать диких зверей не только за пределами города, но и в самом Омске. Желтая зараза ползет быстро, нашей целью остается Шанхай, но если мы не приведем города в порядок, то не сможем вернуться — снова все зарастет... С Новосибиром связь иногда есть, иногда нет, они как бы подчинились столице, но по полгода дороги занесены... Впрочем, что я тебе рассказываю, настоятель, ты же сам в курсе! Когда-то туда добирались караваны, и тракты были вполне проезжими, от

книжников я слышал истории о караванах, что ходили по железной дороге...

— Многое изменилось,— без выражения вставил Вонг.

«Какого же дьявола он приперся? — в который раз взывал к небу Артур-младший.— Неужто пограничные столбы их так напугали? Так я же и раньше внятно говорил, что ни метра земли к северу от Амура не отдам...»

— Одним словом, базовой станцией нам придется сделать Омск. Губернатор там крепкий, толковый, хоть и из ссыльных... Мы планируем там сосредоточить большие запасы, из которых придется первые два года питать переселенцев, пока не обживутся...

— Ты говоришь о бандитах, которых выпустил из тюрем и хочешь поселить в тайге?

— Я говорю о смелых людях, готовых распахать тайгу, готовых обороняться против дикарей и зверья, готовых отстроить погибшие города. Нам нужны живые станции по всему пути, а не развалины...

— Почему ты не хочешь ехать севернее? — Вонг, казалось, уже забыл про ссыльных. Он легко вскочил с ковра, подобрался ближе, ногтем поводил по карте, шепотом повторил название давно сгинувших населенных пунктов.— Смотри, здесь не указана еще одна дорога...

— Я знаю, настоятель. В штабном вагоне на стене есть карта России за две тысячи двадцатый год, там она уже есть, это вторая транссибирская магистраль.

— Она намного позже построена, не так ли? — Вонг отхлебнул душистого чая, невинно предъявил узкие глазки.— Должно быть, северный ход гораздо лучше сохранился?

— Мы все-таки поедem по старому Транссибу... Я позволю себе напомнить уважаемому Вонгу. После несчастного случая, постигшего Председателя, почтенного Ло Цзясу, у руководства России нет уверенности, что комитет Гоминьдана контролирует весь Китай. К большому сожалению, в Поднебесной слишком много тех, кто не желает подчиняться Госсовету... Почтенный Председатель, в свое время, уверял меня, что Китай непременно будет соблюдать древние границы, однако злой рок унес этого достойного человека. Что же я слышу теперь, уважаемый Вонг? К нам стекаются данные, что китайские крестьяне переселяются за Амур целыми семьями и деревнями. Нам следует разобраться, желают эти люди принять российское гражданство, платить налоги в нашу казну...

— Или? — коротко спросил Вонг.

— Или им придется заплатить большие штрафы за порубки, за незаконный отстрел, за незаконное строительство. Имущество тех, кто не согласен жить по закону, будет конфисковано, а сами они будут возвращены китайскому правительству, как воры и разбойники... Настоя-

тель, не спросите ли у почтенного Хо, желает ли он малинки? Замечательное варенье, кровь горячит. А то вы мокрые оба, так и до простуды недалеко...

— Наставник Хо благодарит, он уже переел сладкого... — Вонг помедлил, потер переносицу и снова резко сменил тему беседы. — Наставник Хо спрашивает, отчего мирный человек ни разу не упомянул о помощи Хранителей меток? Не так давно мирный человек был убежден, что русские Хранители примут участие в походе к восточному океану.

На бюро заиграли старинные часы с пастушками и трубадурами. Наставник Хо разглядывал их, не моргая.

— И еще, брат Кузнец... Ты боишься за сохранность границ, хотя их некому охранять. А ты не боишься, брат, зацепить Слабые метки? Несколько тысяч человек, брат Кузнец, — это не два батальона, как ты планировал прежде. Смерд и огонь поползут по тайге. Прежде ты говорил только о вакцине...

— Зачем ты ходишь вокруг да около, настоятель? — Коваль-старший сохранял в голосе почтительность. — Тебе же давно донесли, что русские Хранители отказались мне помогать. Там, где могли справиться двадцать молодых Клинков, мне приходится рисковать жизнями сотен солдат. Раз уж мы идем на риск, то приведем в порядок окраины...

Вонг поднял руку, прерывая собеседника, быстро пошептался с соседом.

— Наставник Хо с большим уважением относится к тебе, брат Кузнец. Однако наставник Хо дважды, один, пешком, прошел путь от озера Ханку до древнего поселения Улан-Удэ. Наставник Хо говорит, что русский президент не представляет размеров опасности. Ты слышал о шагающих железных бурханах? Они подкрадываются бесшумно, на рассвете, и втаптывают в грязь деревни, не щадя никого: ни детей, ни домашнюю птицу, которую убивать просто глупо... Разве Качальщики не рассказали тебе, откуда взялся заяц, которого подкинули шаманы в вагон? Мой друг, наставник Хо видел места, где эти зайцы забираются на деревья, целые стаи стеноющих зайцев висят на ветках, потому что снизу за ними охотятся машины. Ты представляешь, как надо напугать зайца, чтобы он залез на дерево, брат?

— Машины?! Это уж слишком, — не выдержал Коваль-старший. — Извини, почтенный Настоятель, я готов верить в крокодилов с крыльями, но машины... Когда-то на Вечном пожарище в Германии мы встретили рой, и тоже приняли его за машину, поверили вначале, а потом, как всегда, от колдовства остался один пшик...

— Рой... Да, они встречаются за Байкалом. Это далеко не самое страшное. Мы с тобой вместе летали на Байкал, брат Кузнец, но не дальше.

«Теперь осталось, чтобы и вы дали деру...»

— Поэтому, почтенный Настоятель, мы берем с собой тяжелое вооружение...

— Иногда разумный человек поступает наперекор разуму,— словно соглашаясь с больным, закивал монах.— Чем грязнее оружие древних, тем сильнее встает на дыбы мать-земля...

Хо ухмыльнулся тонким розовым ротиком, как будто понимал русский язык.

— Храм послал почтенного Наставника, чтобы напугать меня?

— Разве послушника не напугал дохлый заяц? — в тон ответил монах.— Ты хотел увидеть его, но тебе не позволили. Как это понимать? Ведь ты же приказал своему чингису привезти онгон...

— Он не сумел, там какая-то заморочка с буддийскими монахами вышла...

Артур-младший чувствовал, что упускает в беседе нечто важное. Действительно, вначале он посмеялся над страхами Карапуза, затем потребовал доставить шкурку зайца-мутанта, намеревался даже отправить ее во вновь открытую кунсткамеру, но в потоке дел очередная угроза забылась...

— История там простая,— отрубил Вонг.— Онгон перехватили монахи из буддийского дацана и отвезли к русским Качальщикам. Несмотря на твой приказ.

Кажется, Коваль-старший растерялся.

— Почтенный Настоятель подозревает моих друзей в измене?

— Ни в коем случае. Но опасность слишком велика. Храм не может оставить послушника в столь затруднительном положении,— Настоятель величественно поднялся, похожий на маленькую статую.— Настоятель Храма, почтенный Бао, принял решение отправить нас к тебе в помощь. Настоятель Храма, почтенный Бао, подтвердил, что наши братья будут ждать русский поезд в Харбине. Севернее мы не пойдем, там японцы...

— Черт! — вырвалось у президента.— Извини, почтенный Вонг, я не хотел перебивать, но... У тебя верные сведения?

— У меня верные сведения, послушник. А почему это тебя так беспокоит? Океан далеко, Япония еще дальше.

— Это российская территория.

Вонг смежил щелочки глаз. Его напарник снова тихо бросил несколько фраз, рассмеялся, деликатно прикрыв рот, отправил туда пару маленьких пирожков. Снаружи, под аркадами вокзала, пронесся протяжный свист паровика, лязгнула железом смена караула, залаяли собаки.

— Вот видишь, послушник, как прав наш добрый друг, настоятель Хо. Иногда люди идут разными путями, но если цель у них одна, они непременно встретятся... — На тонких губах Вонга играла усмешка.

— Поправь меня, почтенный, если я скажу глупость,— Коваль-старший говорил нарочито медленно, видимо, чтобы успеть переварить то, что услышал, и то, что сообщили китайцы. Он подлил всем чая, подвинул варенье и мед и только после этого сформулировал следующую фразу.— Я хотел бы принести пользу Храму, я буду счастлив принести пользу всему китайскому народу. Сегодня на Дальний Восток отправляются скромные военные силы, мы едем за вакциной, которую почтенные настоятели помогут найти. Я очень хочу помочь китайским братьям, если их притесняют враги с моря, но что я отвечу своему народу, если вакцина не доедет до Урала? Я скажу моим людям: «Гордитесь своими сынами, они вступили в неравный бой, помогая китайским братьям, и погибли, охраняя границы. А скоро погибнем мы все, потому что Желтые болота придут под землей в наши города... Разве такие слова хотел услышать почтенный Вонг?

Президент поклонился.

— Я рад, что твоя речь по-прежнему ясна,— едва заметно улыбнулся китаец.— Мы вместе пойдем за вакциной, как братья. До этого я говорил с послушником Храма, а теперь я спрошу у президента страны. Вероятно, братья-Качальщики не донесли тебе новость, что множество корейских деревень горят? Значат ли твои слова, что ты построишь границу вдоль Амура и будешь спокойно смотреть, как островитяне режут корейских и китайских братьев?

Коваль-старший медленно разлил второй чайник, поджег палочку благовоний.

...Артур-младший покрылся испариной в коконе. Только что ему в неофициальной обстановке сделали предложение вступить в коалицию против Японии. Точнее, сделают такое предложение спустя сколько-то месяцев или лет люди, которым он не сможет отказать. В том будущем, которое демонстрировали джинны, война с халифатом, судя по всему, завершена. И вот — из одной напасти в другую — истерзанную страну втягивают в схватку на востоке... Шаг более чем серьезный, учитывая, какое расстояние преодолели монахи. С другой стороны, Артур-младший прекрасно помнил последние лекции того же Вонга по внутривосточной политической ситуации в Поднебесной. Ни о каком внятном союзе с единым правительством не могло быть и речи, пока мандарины, маоисты и мелкие банды с зараженных территорий режут друг друга...

— Президент России всегда будет выступать на стороне храма Девяти сердец,— осторожно сформулировал Коваль-старший.— От имени Большого Круга могу заверить — мы будем счастливы заключить договор о мире и помощи с китайским правительством...

Гости крикнули, переглянулись, улыбнулись. Коваль-старший тоже сотворил улыбку. Все трое прекрасно знали, что единого правительства

в Китае нет, и оно не скоро появится. Однако монахи не обиделись, равновесие не пострадало, никто не потерял лица. По крайней мере Артуру-младшему так показалось. С Настоятелями никогда нельзя быть до конца уверенным...

— Я не смогу обеспечить вам достаточный уют и уединение, — извиняясь, склонился президент. — Путь будет очень долгий...

Вонг широко улыбнулся.

— Нам не потребуется много места... Мне грустно сообщать послушнику, но Настоятель Бао провел четыре гадания разными способами. И все они указывают, что путь президента Кузнецова будет намного короче, чем он ждет.

— Иными словами... мы не доедем? — выдавил Коваль-старший.

— Мы доедем... — Китаец больше не улыбался. — Настоятель Бао гадал только на тебя.

— Что же вы предлагаете? Ждать нападения?

— Ты верно мыслишь, послушник, — Вонг бегло перевел суть беседы своему собрату, Хо утвердительно закачал стриженной шишковатой головой. — Мы не будем ждать нападения. Мы высадим тебя раньше.

...В этот момент вагон вздрогнул, и Артур-младший вздрогнул вместе с вагоном. События выстроились, сложились пестрым веером, игривой карточной колодой — и снова перемешались. Из перевернутой колоды торчала карта, и ему достаточно было протянуть руку. Внезапно он вспомнил статью в старом журнале по физике, где бытие представлялось на картинке в виде нарезанной кусочками, аппетитной, бесконечной колбаски. Каждый одинаковый кусочек колбаски символизировал событие в трехмерной системе координат, в разных временных точках. Сейчас Артур мог приложить усилие и выдернуть карту из колоды.

Безболезненно заменить себя самого в череде неизвестных событий. Достаточно рвануться посильнее, проявить истинное желание — и скачок через время станет реальностью. Война с турками завершится, он поведет караван на Восток, навстречу новой войне...

Это как пароль на следующий уровень игры...

Артур рванулся назад, безотчетно сжав колени, сложив руки крест-накрест на груди. Только назад, чтобы все шло своим чередом! И освобождаясь, радостно чувствуя полукружие выхода над головой, уже угадывая салатный мятущийся свет внутри лампы, неосторожно вспомнил другое свое желание...

Этого нельзя было делать. Нельзя загадывать желание, находясь внутри глиняного вигвама, который совсем не жилище древнего человека, а нечто совершенно иное, от человека невообразимо далекое...

Он провалился, но на сей раз гораздо глубже.

Провалился в собственную молодость.

15

ЧЕЛОВЕК ПОЕЗДА

...Это случилось так давно, что Артур уже начал забывать. Собственно, ничего особенного не случилось, но тогда ему очень хотелось, чтобы произошло именно с ним. В первые же месяцы после зачисления в штат петербургского института крионики молодого сотрудника буквально загоняли по командировкам. Впрочем, почти все командировки оказались познавательными и нужными, даже когда в компании с другими аспирантами приходилось таскать через всю страну тяжелые биксы с колбами или ящики с особо прочными, выполненными на заказ, металлическими креплениями.

Ему безумно мечталось повстречать Человека поезда.

Где живет Человек поезда?

Никто не видел его входящим или выходящим из вагона. Никто из проводников не вспомнит, чтобы хоть раз проверял его билет. Никто не вспомнит, чтобы он бродил по перронам вокзалов или покупал пиво в буфетах станций.

О нем говорят шепотом, но так часто, что порой в душе поднимается смутная детская обида, словно тебя упорно лишают заветной игрушки. Его видели и слышали многие, ты — никогда. Ты вынужден довольствоваться шлейфом теплых улыбок, задумчивых вздохов, а порой тебе даже демонстрируют нагретое местечко у окна и полупустой стакан с чаем.

А заветный Человек поезда снова ускользнул.

Чем питается Человек поезда?

Ни один директор вагона-ресторана не поклянется, что этот пожилой мужчина посещал его заведение. В каком-то смысле повара и официантки немного завидуют проводницам, потому что тем удавалось не только повидать загадочного старика, но, если повезет, подслушать его беседу.

Почему же они завидуют? Разве те, кто попал с Человеком поезда в одно купе, или проводники его вагона становятся счастливее? Разве можно с уверенностью сказать, что им улыбается удача или проходят застарелые хвори?

Пожалуй, нет. Артур не слышал ни об одном таком случае. Зато знакомый проводник, отъездивший на маршруте Омск—Тюмень без малого двадцать лет, поведал ему о совсем иных последствиях. Он припомнил, что взрослые люди плакали, а кое-кто выходил на промежуточных станциях, прерывая деловую поездку. Со слов проводника, были и та-

кие, кто после встречи с Человеком поезда полностью изменили свою жизнь. Хотя проверить это нельзя.

Но разве можно проверить библейские чудеса, смеялся проводник.

Некоторые из тех, кто встречал старика, неважно — женщины или мужчины — развелись. Раз и навсегда они разрубили семейные узлы, душившие их десятилетиями. Впрочем, кто их проверял? Некоторые командировочные добирались до пункта назначения, но на обратном пути выглядели так, словно не решали производственные задачи, а постились в монастыре, у святого источника. Бесконечные тревоги, сжимавшие их сердца и выгрызавшие язвы в их желудках, казались им теперь смешными. Знакомый проводник со временем научился замечать в толпе лица, светящиеся внутренним, приветливым теплом. Некоторые вытирали слезы, некоторые скромно улыбались в ответ на расспросы, и тогда становилось ясно, что в вагоне снова побывал Человек поезда. Повидавшие его граждане ничего не скрывали, они честно рассказывали, что покидают работу или переезжают навсегда на юг...

— Да, да, на юг,— часто кивая головой, улыбаясь до ушей, повторял мой знакомый проводник.— Причем навсегда уезжали на юг даже уроженцы столицы, а вы ведь понимаете, что такое в нашей стране была московская прописка...

О да, Коваль не хуже других был осведомлен о том, что значили в годы застоя квартира в Москве и московское снабжение. Естественно, всегда находились люди, готовые променять Мурманск на Гагры, но чтобы расстаться со столичными удобствами...

А они продавали недвижимость, машины и уезжали. Покупали себе домики в Судак или в Анапе, устраивались на полставки в совхозы, катались на лодках, удили рыбу и охотно писали открытки тем, кто продолжал вертеться в деловито-мусорной карусели. Знакомый проводник намекнул, кривя рот и моргая одним глазом, что если бы раньше из страны выпускали так же, как выпускают сейчас, то люди, встретившие Человека поезда, свалили бы куда южнее Крыма.

Впрочем, кто проверял? Возможно, и в годы застоя многие сумели побраться в земли обетованные...

Коваль спросил проводника за рюмочкой, видел ли он попутчиков Человека поезда, кто не изменился. Кто не бросил работу и не укатил к абрикосам и дыням. Проводник ненадолго задумался и сказал, что помнит троих. Про одного он рассказывать не будет, а другой даже не прекратил ездить в его вагоне. Только раньше возил в командировки толстые папки со сметной документацией, а сейчас играет на баяне.

— Ты не думай! — упредил смешки проводник.— Он классно играет, не халтурщик какой-то. Клянусь тебе, раз услышишь — мимо не пройдешь и рубля не пожалеешь! Он в детстве хорошо играл, призы на кон-

курсах получал, а потом пришлось идти на завод. Потому что старший в семье, мать больная. Он сам так рассказал... Пошел на завод, вырос до мастера, высшее заочно получил, стал инженером... и вот, семнадцать лет продавал по всей стране насосы высокого давления.

— Много же лет ему понадобилось, чтобы вернуться к баяну, — рассмеялся Артур. — Ну а третий товарищ? На барабане в поездах играет?

— Ты напрасно насмешничаешь, — укорил проводник. — Третий товарищ — это бывшая супруга бывшего начальника этого поезда. Отработала полжизни в станционном буфете, ничего, кроме стука колес да мата освободившихся уголовников, и не слыхала. Муж катался, погуливал от нее, да и вообще, жили как кошка с собакой. Один-единственный раз она поехала вместе с мужем, на похороны сестры. Уже дама в годах была, матрона, можно сказать. И надо же было так случиться, чтобы именно в ее купе подсел Человек поезда. А может быть, ничего случайного не произошло. Старик нарисовался на перегоне после Калачинска и распрощался, как всегда, незаметно. А жена начальника сестру свою похоронила и в ту же неделю собрала вещички, ушла от моего босса бывшего. Ага, он за ней гонялся потом, зарезать грозился! Не, на юг она не уехала, в монастырь ушла. В женский, конечно... Спустя года три я ее встречал, ездила регулярно, по делам их, монастырским. Добрая стала, улыбчивая, не сравнить с прежней, ага!..

Что же с ними сделал Человек поезда?

Возможно, он зомбировал их, опутывал магией и хитрыми путями вымогал деньги? Возможно, он один из ловких жуликов, которыми полны наши поезда, самолеты и концертные залы?

Но пожилой проводник в ответ на подозрительные расспросы только рассмеялся. Человек поезда никогда не играл в карты и не взял чужой копейки. Он не отказывался от чая со сладким угощением, максимум — мог иногда употребить рюмочку белой. Его интересовало только чужое внимание. Троицким пассажирам, случайно попавшим с ним в одно купе, гарантировалась бессонная ночь. Впрочем, находились и такие, кто засыпал, а проснувшись утром, искренне удивлялся воспаленным глазам соседей.

Да, да, встречались люди, не способные заметить Человека поезда.

Никто из сотрудников железной дороги точно не опишет, как выглядит этот мужчина. Одни утверждают, что он лысый, плотный и румяный, другие, напротив, угощали чаем тощего, сгорбленного деда. Одна впечатлительная проводница божилась, что возила Человека поезда дважды, и оба раза он предстал в облике неопрятного старика, с седыми патлами до плеч, в темном простеньком пальто и ботинках, завязанных разноцветными шнурками. Лица старичка она не запомнила, как не могли его запомнить и другие; впрочем, все сходились во мнении,

что Человек поезда имел глубокие глазные впадины, а, заглянув к нему в глаза, можно увидеть лишь самого себя, но долго смотреть не стоит...

В одном проводники были едины. Человек поезда чаще появляется после Омска и почти всегда поздно вечером. Причем вагон, который он себе облюбовал, может идти как в Европу, так и на восток. Все до единого места могут быть проданы, но для этого пассажира всегда найдется свободная полка.

Откуда он появляется? На каком полустанке сходит? Кто-нибудь видел его документы? Когда же он возник впервые? В какого бога он призывает верить? Оставляет ли людям свои телефоны?

— Какая разница, как он появляется и где сходит? — улыбался проводник. — Если мы понятия не имеем, откуда сами появляемся и где сойдем?

Научного сотрудника не смутили философские шутки.

— Конечно, ведь вы тоже наслушались! — сообразил Артур. — Он и вас совратил!

— Тогда зачем вы ищете Человека поезда, если считаете, что он меня совратил?

— Хочу его послушать.

— Но старика нельзя найти по заказу...

Однако Коваль не поверил. Года четыре подряд он ездил по этому маршруту и выслушал не одну душещипательную историю про удивительного деда. Он не задавался целью его разыскать, просто питерская контора поддерживала тогда плотные связи с Новосибирским научным центром, они вместе готовили первые капсулы анабиоза. Раз в месяц попадая в поезд, Артур не ленился задавать вопросы маленьким начальникам. Когда много ездешь, обрастаешь знакомствами, часто встречаешь одни и те же лица.

Коваль даже себе не признавался, что периодически находился на грани. Слишком много гадостей свалилось одновременно, гадостей такого плана, которые невозможно разгрести физическими усилиями или при помощи денег. Это надо было победить или... сдаться. А поход к богу атеист Коваль оценивал равнозначно капитуляции. Хотелось быть сильным внутри, но сила не приходила. Иногда за трое суток пути и время в командировке он не произносил больше пяти слов. Молча кивал соседям по купе, молча обменивался материалами с новосибирскими коллегами, покупал газеты и так же молча возвращался.

В круговерти он потерял смысл существования. В Петербурге вкалывал, как заведенный. Часто сотрудники пятого отдела не успевали закончить промежуточную фазу эксперимента и застревали в институте на всю ночь. Они мотались на симпозиумы, лихорадочно учили английский и немецкий, чтобы ориентироваться в публикациях. Они спорили, чертили диаграммы, сутками пропадали в химической лаборатории.

Внешне Артур вел себя вполне адекватно, разве что стал неразговорчив. Вероятно, его шеф, профессор Телешов, что-то замечал, но по работе ему придаться было не к чему. Коваль был одним из лучших его учеников. Время мчалось, он не успевал обрывать листки на календаре, но смысл так и не находил. Однажды честно признался себе, что панически стал бояться собственной кончины.

Ночами подающий грандиозные надежды научный сотрудник лежал без сна, уставившись в потолок, обливаясь потом. Лежал так неподвижно, что научился замечать движение минутной стрелки на будильнике. На книжной полке в ряд стояли Библия, Коран, Тора и буддийские трактаты. На разные лады они предлагали делать взносы в загробный кооператив. В три раза больше было книг с названиями «Как стать богатым, счастливым и здоровым». Но ни одна из книг не отвечала на вопрос «А на черта все это надо, если я все равно сдохну?».

Когда Коваль услышал о Человеке поезда, ему было все равно — шарлатан старик или нет. Показалось, что он сумеет помочь. Он не уговаривал слушателей внести пай на строительство райского шалаша, он помогал людям здесь и сейчас.

Но Человек поезда не показывался.

Артур стал думать, что его разыграли, озорник давно состарился и ушел на покой. А истории о внезапно прозревших пассажирах — всего лишь легенды, сочиняемые от скуки подвыпившими проводницами. Ведь когда лучшие годы превращаются в бесконечное биение колес о рельсы, когда тысячи раз провожаешь и встречаешь чужие озабоченные рожи, поневоле начнешь верить в дорожных волшебников. Артур отдавал себе отчет, что и сам живет не совсем верно, а как-то хаотично, несмотря на бурные научные перипетии, несмотря на явные успехи, которых они добились, несмотря на то что работа ему безумно нравилась.

Тут дело не в религии и не в отсутствии высоких идеалов. Неясное томление, коварный бес овладевал им, стоило скинуть под полку вместе с чемоданчиком ворох институтских проблем, стоило подарить себя и время свое таежным расстояниям. Коваль проверял неоднократно — это щекочущее чувство усиливалось в поезде дальнего следования, улиткой ползущего по размашистым сибирским равнинам. Стоило перестать чертить в блокноте схемы, стоило забросить мысли о работе, как запускала лапки в сердце горькая тоска...

...Артур снова повис в жарком эластичном пузыре. Снова внутри поезда, но не в изысканном президентском вагоне, а в примитивном купе. Вокруг все тряслось, позвякивало и постукивало, слегка несло из туалета, переругивались и смеялись в соседнем купе, кто-то, извиняясь, протискивался с чемоданом по коридору. За мутным окном проплывали

огни станции. Пугающая точность деталей, совсем непохоже на предыдущий морок или сон...

Он больше не висел в пузыре. Черт подери, он сидел на полке и действительно стучался затылком об откинутую лесенку. Он вдыхал запах курицы в фольге, развернутой и раскинувшейся на столике, он ощущал вязкий ледяной поток, струившийся по ногам из вентиляционной решетки...

Черт, черт! Он никого не замещал, он угодил в собственное тело!

Артур вскочил, болезненно приложившись плечом о раздвинутую металлическую лесенку. Тело слушалось совсем иначе, не так, как он привык. Из зеркала на двери на него смотрел взъерошенный худой юноша, с тонкой шеей и нервными губами. Испуганный, загнанный взгляд; джинсы, свитер невероятной расцветки — кофе с черными звездами.

Он поднес ладонь к зеркалу. Его кисть, широкая, но почти безволосая, с нелепым стальным колечком и совсем без шрамов. Он несколько секунд рассматривал внутренности купе у себя за спиной. Застеленные верхние полки, забытая влажность железнодорожных простыней, сложенных уголком, расплывчатые клейма по краям, две пузатые сумки с эмблемой Аэрофлота и многочисленными наклейками, следами авиарейсов. Коваль задрал свитер, задрал рубашу и майку. Незагорелая впалая грудь, перспективные, но дряблые плечи, безволосый пупок. Он повернулся к столику, взвесил на ладони раскрытый перочинный ножик. Подкинул, закрыв глаза, полагаясь на чутье лесного Клинка, и тут же пожалел о собственной глупости. Ладонь схватила воздух, а подброшенный к потолку нож вернулся и распорол кожу.

Черт возьми! Память в порядке, то есть память его опытной, взрослой личности, а все остальное — никуда не годно. Он в туловище бестолкового молодого тюфяка. Сексуальных сил — выше крыши, а в остальном — никчемная, неопытная и внешне несуразная личность. Артур отсосал кровь из ранки и попытался вернуться в лабиринт глиняных термитников тем же способом, что и раньше. Внутренне сжался, сконцентрировался, подался назад, но...

Ничего не вышло. За окном, преломляясь в ледяных узорах, поползли последние огни станции, и вплотную надвинулся сибирский морозный мрак.

Ничего не вышло и во второй раз. Он был заперт в своем тридцатилетнем организме и не находил путей к отступлению. Он ехал в командировку в рассеянных, хмурых чувствах, он втайне надеялся повстречаться с загадочным Человеком поезда. Организм запутался, абсолютно запутался в паутине будней, по причине отсутствия любви, целей и стимулов. Глупый аспирант собирался поужинать курицей где-то посреди сибирской равнины. Его изнеженные ноги мерзли в шерстяных носках и до-

машних шлепанцах, а зимние ботинки на меху хитрый командировочный прятал в ящике под полкой. А безмерно далеко, почти двести лет спустя, в миллионе космических миль полета планеты, усыпленное колдовством, дремало его настоящее тело.

Что произойдет, если с телом Коваль-старшего что-то случится? А что произойдет, если вот этим самым ножиком сейчас резануть по венкам?

Словно по наитию, словно схлынула пелена, Артур узнал эти сумки, этот дурацкий свитер и стальное колечко. Безумно давно, настолько давно, что странно даже, как он вспомнил... Артур попытался понюхать свитер, в носшибанул отчетливый резкий запах дезодоранта. За койкой на вешалке висела кожаная куртка, ее не вспомнил. Но судя по отсутствию другой верхней одежды, аспирант ехал в купе один. Вот только откуда и куда?

В динамиках, спрятанных в панели над окном, раздался треск, затем неожиданно громко запела Земфира. Хочешь, я убью соседей, вослед за ней повторил Коваль. Как странно, он сумел вытащить из тайников своей стариковской башки имя певицы...

Документы во внутреннем кармане. Паспорт, пропуска, кредитки, билет... Как он и подозревал, зимняя командировка, февраль две тысячи четвертого. До погружения в капсулу анабиоза оставалось меньше двух лет.

Удар по нервной системе оказался столь силен, что он был вынужден снова присесть. И очень вовремя, потому что состав притормозил. По многотонной железной гусенице пробежала первая дрожь, лязгнули суставы, ржавые сочленения, потянулись резиновые жгуты сухожилий.

Итак, он не может вернуться назад, потому что... Потому, что мечта пока не осуществилась. Другого оправдания затянувшемуся кошмару Коваль не находил. Он не может приказать джинну вернуть его в лампу, потому что затаенная, полузабытая мечта требует реализации...

И тут задергалась ручка на запертой двери купе.

Пришел Человек поезда.

Вместе с ним из коридора ворвались дыхание двадцатиградусного мороза, сиреневые огни станционных построек и пьяный перестук стаканов в соседнем купе. Он бочком вошел и по-свойски огляделся, как будто выбегал на минутку. Легко проскользнул к окошку и уютно устроился, обнимая ладонями возникший из ниоткуда, запотевший подстаканник.

Человек поезда улыбнулся. Коваль моментально вспомнил сбивчивые рассказы знакомого проводника. Улыбка попутчика обволакивала, располагала к долгому дружескому трепу, но нарисовать целиком его внешность Коваль бы не взялся.

— Завьюжит сегодня, — подмигнул старичок.

— Ага... — Артур проглотил слюну и робко устроился напротив.

В первые минуты в речи собеседника слышался легкий диалект, какой встречается иногда в глухих сельских областях: чуть затянутые последние гласные под ударением, и фразы вращаются, как тщательно протертые маслом подшипники. Позже Артур понял, что никакого акцента нет, этот человек нанизывал предложения удивительно легко и складно, словно угадывая, что именно хотят от него услышать.

— Оно и славно, что завьюжит,— ласково продолжал старичок.— И спать-то легче, и хлеба богаче поднимутся, а то средь зимы голые поля, непорядок...

Коваль промышал что-то бессвязное, но тут выручила проводница. Внесла поднос с вафлями, разогретой самсой и двумя стаканами душистого чая. Разнесся такой аромат, что сразу стало понятно — чай не пакектированный, а истинный целебный сбор, где и шиповник, и мята, и бергамот...

Ну неоткуда такому чаю было тут появиться!

— Угощайтесь, милые,— ележно расплылась проводница, и лучики улыбки побежали вокруг ее глаз.— От бригады поезда вам угощение, в подарок, счастливо и быстро чтоб добраться...

— Вот спасибо-то, Людочка! — всплеснул руками загадочный пассажир.

Коваль только теперь увидел, что чай в его стакане тоже был не казенным пятирублевым, а густым, заварным, из того же, видать, самовара.

Откуда он знал имя проводницы? Людочка, тетя лет под пятьдесят, совсем недавно в тамбуре свирепо разгонявшая заснеженных пьяненьких мужиков, расклеилась вдруг, застеснялась, неловко прикрыла рукой улыбку.

— А садись, садись с нами, Людочка! — приветливо сказал Человек поезда, двигаясь к самому окну.— Небось натопила, покормила всех, уложила, хлопотунья? Можно и отдохнуть слегка, так ведь?

Та помялась, порозовела, как тепличная помидорка, осторожно угнездилась с краю, оправляя форменную юбку.

— Так если вы не против, посижу маленько...

— Не против мы, отчего же против? — широко улыбнулся за двоих старичок.— Ты как, Артур?

— Совсем не против,— выдавил Коваль, соображая, когда же ловкий гость успел заглянуть в его документы.

Артур бестолково пялился на соседа у окна и никак не мог толком запомнить его внешность. А когда отвел взгляд, вцепился зубами в теплую самсу, хотя совсем не был голоден. Оказалось, что в вагоне установилась восхитительная сонная тишина, перемежаемая залившимся храпом из соседних купе. Проводница Людочка потянулась за чаем,

закутала ноги одеялом, как будто так и было положено. Коваль взял свой стакан, уже понимая, что все решено заранее. С этого момента предстояло бодрствовать втроем. Главное, что в прошлом, в его реальном институтском прошлом, такой встречи не было!

Джинн подстроил встречу. Джинн никогда не ошибается, исполняя желания. Главное — ничего не просить...

— Кто не хочет, тот не спит,— успокоил сомнения Артура Человек поезда.

Его чеширская улыбка повисла в косых лучах, падающих от станционных фонарей. Поезд пролетел богом забытую платформу. Старушка махала фонариком, беззвучно лаяла собака.

— Каждый спит до тех пор, пока не захочет проснуться,— Человек поезда отхлебнул чая, аппетитно крикнул, разломил ванильную вафлю.

— Я вас давно мечтал увидеть,— признался Коваль. Во сне ведь можно говорить что угодно, и никто тебя за это не накажет.

— Я тоже об этом мечтал,— искренне посетовал старик,— но ты спал, а будить нехорошо.

— Я не спал,— зачем-то уперся Артур.— Я у всех про вас спрашивал, каждый раз, когда садился в поезд. Я вовсе не спал!

— В том-то и завыка,— не рассердился и не обиделся старичок.— Спрашивал, тербил попусту, воздух тряс. А для чего? Для потехи. Потешиться хотел, посмеяться над глупостями, над суевериями. Сам ведь знаешь, земля суевериями полнится. Шестой шкафчик не забыл еще, в подвале-то?

Поезд слегка замедлил ход на подъеме, промелькнул очередной припорошенный полустанок. Плоские лучики света от фонарей забежали по потолку купе. Поскольку беседа протекала во сне, Артур отметил про себя, что должен был испугаться пронизательности дедушки, но не испугался.

О том, что случилось в подвале, не мог знать никто...

Ведь Человек поезда не работал в институте и, уж тем более, не мог ничего знать о нескольких минутах, проведенных Артуром в беспамятстве, наедине с распахнутой дверью. О минутах, обернувшихся сутками безвременья.

— Ты меня искал, а стоило бы кое-что другое поискать.— Человек поезда вкусно втянул в себя чай, довольно крикнул.— Разве не так? Последний год чего ищешь? Ну-ка, только честно!

— Глупо как-то,— сказал Коваль.— Последний год я мечусь, как дурак, и думаю, на кой хрен вламываю за копейки, не могу забыть любимую девушку, диссертация прошла на «ура», но никому наши разработки на фиг не нужны... И вообще, тревожно. Ничего я не ищу.

— Это называется «искать себя»,— кротко пояснил дедушка.

Проводница Людочка только вздохнула.

К великому удивлению, Человек поезда не разразился долгой нраво-учительной тирадой, как поступило бы большинство самоуверенных де-дов, а продолжал грызть вафли, прихлебывать чай и поглядывать в ок-но. Кажется, он даже что-то начал напевать. Артуру вдруг подумалось, что они с проводницей ошиблись, и джинн ошибся. Их сосед вовсе не тот, за кого себя выдает, точнее — не тот, за кого они его принимают...

— Весь вопрос в смерти,— заговорил старик. Заговорил совсем дру-гим голосом, не расслабленным и добродушным, как раньше.— Весь во-прос в смерти, как ты считаешь, Людочка?

— Это, уж и не знаю... — опешила женщина.— Как говорится, кост-лявая никого не минует...

— А ежели так, почто же ты, красавица, дядьке своему родимому в прописке отказала?

Артур никогда до того не видел, чтобы человек с такой скоростью побелел. У Людочки лицо стало одного цвета с простыней.

— Дядя родимый, старенький,— будто не замечая ее ужаса, продол-жал дед.— Из тюрьмы вышел, дом жена прежняя продала, обманула его. Сам больной, и пяти лет не протянет, и все вы об этом знаете... — Он звонко опустил стакан на столик, Артур с Людочкой едва не под-прыгнули от удара.— Стало быть, дядьку твоего костлявая стороной обойдет? Или нет? Молчишь? Видимо, заговоренный он, вечно жить в твоей хате собирается, коли ты не пустила его на четыре года и два ме-сяца...

Женщина в железнодорожном кителе закрыла лицо пухлыми ла-дошками и заплакала.

— А ты, Артур, как считаешь? — повернулся к Ковалю Человек поез-да, и Коваль его снова не узнал. В чертах его сквозила неизменность, но поверх этой неизменности словно бы витал ветер и поминутно сдувал рельеф иссеченной годами планеты, так похожей на человеческое ли-цо.— Можно так сказать, что весь вопрос в смерти?

— В конечном счете — да,— осторожно ответил будущий прези-дент.— Поскольку по ней сверяют жизнь...

Человек поезда его напугал. Коваль не ожидал, что он затеет разго-вор о самом больном.

Смерть.

Когда Человек поезда произнес это слово, у Артура слегка заныло под ложечкой. В мечтах он представлял встречу несколько иначе. Буду-щему президенту Кузнецу почему-то казалось, что загадочный пасса-жир светлыми и очень конкретными советами наставит на путь истин-ный, вероятно, снимет стресс, подкинет пару формул из серии «как стать нужным и великим»...

А он заговорил о самом страшном, о том, что нешуточно пугало той зимой. Внешне никто бы не сказал, что здоровенная дылда, косая сажень, улыбка до ушей, что эдакий недоросль от науки способен впасть в черную депрессию при мысли о смерти. А депрессия накатывала регулярно; видимо, научный сотрудник эмоционально застрял в подростковом возрасте.

— Ты вот ищешь, как от нее убежать,— рассудительно заметил Человек поезда.— Стало быть, по крайней мере, знаешь, для чего ищешь.

— Чтобы в старости не остаться у разбитого корыта,— немножко высокопарно заявил Коваль и почувствовал, что краснеет. К счастью, в купе было достаточно темно.— Чтобы не было мучительно больно за бесцельные годы, ну и так далее...

Он был вполне уверен, что родил нечто умное. Почему-то фразы из книг нам кажутся гениальными. Это называется «силой печатного слова».

— Враки все... — бесцеремонно отрезал дед, и в свете редкого станционного прожектора физиономия его вдруг показалась оскаленной африканской маской.— Зачем нам нужны ваши замороженные люди?

Он так и спросил. «Зачем нам?»

— Чтобы в будущем преодолеть неизлечимые болезни,— бодро солгал Артур.

— Враки. Болезни и без ваших мертвяков победят. Чего потолковей придумай.

— Чтобы человек мог летать к далеким планетам.

— А что, уже ракету такую построили? — без интереса осведомился сосед.

— Ну ладно, согласен,— сдался Коваль. И как-то незаметно осмелел.— Ракету пока не построили. Но все причины, которые я назову, будут частными. Существует одна общая причина — любопытство, и никуда от нее не спрятаться. Любопытство движет прогрессом, и все значимые открытия...

— Враки все... — беззлобно, как присказку, повторил Человек поезда.— Вы мечтаете заморозиться, чтобы сбежать от смерти. Только страх и движет вашим прогрессом. Ты сам-то представь: коли найдешь свой макропулос, что тогда? Все, кто одной ногой в могиле стоял, кинутся в азот. И что потом? Через сто лет хворые все жить захотят. Как же, они ведь деньги заплатили... Что молчишь?

— Если будет найдено лекарство от их болезней, людям дадут возможность еще пожить. А что тут плохого?

— Плохо то, что они снова заболеют. От старости. И снова захотят пожить.— Человек поезда прицелился, издавдала закинул в рот конфету.— Станет их в сто раз больше, потому что увидят люди, как можно поспать и проснуться. И через сто лет разморозить придется не тысячу,

а миллион раз по тысяче... Смерти вы боитесь, потому и мечетесь. Задушить внуков собственных хотите, смрадом ран своих, смрадом своего гноя. Артур, хочешь правду услышать? Вот слушай. Вы ее соберете, машину свою, не вы, так другие. Но после не пеняйте, что люди детей рожать откажутся совсем. Потому что от детей им один вред. Дети им мешать будут в светлом будущем. Тесно им с детьми и со внуками, бессмертие не терпит детей. Вы от смерти бежите, а сами к ней галопом мчитесь... Вот ты, красавица, скажи, сколько тебе было, когда своих родила?

— В девятнадцать первый раз рожала, — с готовностью откликнулась проводница. — А после, сына уж, так года через три.

— Ага! — мрачно обрадовался Человек поезда. — А тебе, парень, тридцатник скоро, и даже в планах страшно папочкой себя представить. По нынешним временам, и в тридцать пять не торопятся, а двоих поднять — так целая драма, и представить коломутно. Отчего же вы боитесь смерти, Артур, если сами к ней спешите? Зачем нам замороженные инсультные паралитики, Артур, когда их оживлять будет некому? Их оживит машина, вылечит и выпустит погулять на кладбище. Их не встретят внуки, потому что мертвецы не торопились заводить детей. Весь мир станет кладбищем, Артур...

— Страсти какие! — охнула проводница Людочка.

Коваль не нашелся что ответить. Потому что дед говорил о смерти, и потому что он был прав. Человек поезда сделал еще пару глотков, неспешно заговорил, подразумевая полное и внимательное молчание...

«...Я тогда помоложе был, чумовой, веселый, катался в общем вагоне на Целиноград... Да, да, красавица, как и ты, проводником гонял, уж больно по нраву мне работенка эта. С тех пор как чугунок изобрели, уж больно по душе все вместе — перестук, свистки, вонизма креозотная, люди новые... Иду, помню, с букетом кружек, через ноги перешагиваю, через звон гитарный продираюсь, сам на студентиков покрикиваю. Один вагон кое-как уложил, еще второй у меня, плацкарта, там публика привередливей, сама понимаешь... Вот, раскидал успешно молодежь, пересадил, помирил, а сам вынюхиваю, где бы свеженькой историей поживиться. Тут глянь — в уголочке самом, у окошка, вот как я сижу, гражданин в пальто двубортном, не снявши, шапчонка под рукой, портфельчик с бутербродами. Ну, что сказать? Канцелярский такой хомяк, да и только. Тогда освобожденных много ездило, под амнистию шли, но этот кадр явно не по той части. Я перед ним чай поставил, на руки-то взглянул, а он дряхлый, как фараон египетский.

И тут я глаза-то продрал. Такой свежатинки давно у меня не было! Да ради подобного экземпляра, скажу честно, мог бы, пожалуй, на месяц от поездок отказаться. Он того стоил. Уж такой у меня нюх. Разболтать надо только, потянуть из человечешки его смурное, запутан-

ное, освободить душу задавленную... Я когда вернулся, понял сразу, что окромя меня, его никто слушать не пожелает. Честно сказать, не просто речь разобрать, когда зубы выпали, щеки ввалились, а со связками у дедули вообще беда — хрипел да кашлял сквозь слезы. Разве нужны комсомольцам слезы? Разве тем, кто засекает целину и строит новые города, нужна память стариков?..

Так и получилось, что слушал его я один, хотя рядом горланила целая компания. И за стенками распевали песни ребята и девчата, все в куртках, увешанные значками, румяные и кудрявые. А я смотрел в глаза бродяги, они были прозрачными, как промытый за сотни лет горный хрусталь. В его глазах совсем не осталось цвета, они покоились в морщинистых ямах, слезы катились непрерывно, но щеки его были сухие и сморщенные, как плохо высушенная шкура. Его широкие руки дрожали и почти просвечивали насквозь, как прелые листья, а кровь в его венах порой замирала, и тогда бродяга покрывался потом. Он так и не снял пальто, хотя в вагоне было жарко. По крою, по следу от шеврона и петлиц я определил, что это не совсем гражданское пальто, а дореволюционная чиновничья шинель, засаленная до крайности, но на удивление крепкая. От пассажира несло нафталином, точно его вместе с шинелью выудили из бабкиного сундука. Шапку он не снимал, опасаясь распухать студентов своим желтым черепом, пятнистым, как спина леопарда. Шинель болталась на нем, как на огородном пугале; иногда он заходил в кашле, сгибался пополам, и мне тогда казалось, что бедолага переломится...

Но он не ломался. Он выполз оттуда, где никого, кроме него, уже не осталось.

Назовем его Нестор. Настоящее имя только все запутает и приведет к ненужным вопросам. Он родился... Не будем пока заикливаться на точной дате. Нестор назвал мне дату и очень удивился, что я поверил. Он чуть не выронил стакан с чаем. Он сказал, что я первый человек, который его заметил. И первый, который его захотел выслушать. Мы поговорили, долго говорили... Нестор ехал не на стройку коммунизма, и целина его занимала... ну как тебя, Артур, разведение жаб в неволе.

Я ответил Нестору, что это мое призвание, моя планида — слушать людей. Потому я и работаю в таком месте, где люди чаще говорят правду. Обычно люди врут или молчат, а правду доверяют незнакомым соседям в ночном купе. Очень жаль, что пассажиры поступают именно так; ведь их искренность нужна совсем другим, оставленным дома, людям, а никак не случайным попутчикам...

Но это так, к слову... Я отвлекся... Нестор угостился чаем, клубничкой из моих личных запасов, а в ответ рассказал мне много такого, за что могли в те годы и упрятать навсегда, и озолотить. Он ехал не на

стройку, и не в совхоз, а на поселение. Но не потому, что был сослан. Этого полуживого человека влекли мертвецы...»

Проводница Люда ахнула.

— Да, да, мертвецы,— как будто речь шла о чем-то приятном, посмаковал слово Человек поезда.— Нестор жил долго за счет мертвецов, только как — не признался. Однако не шибко визнавать-то и хотелось, честно говоря. Вот тебе хотелось бы знать, как из мертвеца жизнь высосать? — обратился он к Артуру.— Нет, верно? Ну кому такое приятно? Зато он мне признался в другом. Он сказал, что с большим удовольствием поведал бы свой секрет самым крупным начальникам и до Кремля бы не поленился дойти, если бы не дикие выходы нашей тогдашней власти. Впрочем, власть теперешняя немногим благороднее и к науке древней вовсе не тянется. Им синхрофазотроны да хромосомы подавай...

Человек поезда шумно втянул чай, улыбнулся Артуру, как медом растекся, но в глазах царапались льдинки.

— Этот Нестор, он от имени своего человеческого почти отвык, поскольку ни с кем дел не имел и не общался, а родню давно позабыл. Оказывается, издревле таких как он зовут Бродягами, да только никто не верит, что такие люди вообще есть. Проще ведь поверить, что у человека документы подделаны, чем возрасту в триста лет... Начальникам нашим, медицинским и партийным, открыться опасался, и правильно делал. Мигом бы в психиатрическую больницу увезли и до конца жизни спеленали. А конца жизниу него не предвиделось, вот какая незадача. Короче, ребята, прочитал Бродяга мне заклинание, долгое такое, вроде как в рифму, похожее на старинные песни. Часа полтора без перерыва читал, пока я не взмолился... Я из заклинания почти ничего не запомнил, а Нестор посмеялся надо мной. Оказывается, жить одному в таком немощем виде ему до того надоело, что решил он уехать в Казахстан, на поселение к староверам. Те жили обособленно, несколько деревень, еще при первых декретах Советской власти отделились, укатили в степи. Бродяга Нестор с ихним владыкой связался как-то и был приглашен. Чтобы детишек и взрослых обучить заклинанию. Так он рассудил, Нестор, что годика за три заставит детишек и молодняк заклинание свое выучить. Взрослые, те — нет, не осият, мозги закисли, а дети, пожалуй, сподобятся. А там и у них детки нарождаются, их тоже можно выучить. И пойдет по земле слава, что жизнь вечная дарована не коммунистам, а святым людям, добровольно обеты принявшим. А те, в свою очередь, дальше светоч бессмертия понесут и станут его раздавать только светлым, верующим да честным. И воцарится постепенно на земле нашей праведность и истина, поскольку незачем станет друг друга людям вечным обижать... Одним словом, Артур, все почти, как у вас, в институте крионики,— неожиданно резко закончил Человек поезда.

— Так... хорошее дело! — поразился Коваль. — А при чем тут наука?

— А при том, дорогой, что вы, подобно старцу Нестору, решили, что главное — ввязаться в бой. Главное — осчастливить всех подряд, не разбираясь, кому можно, а кому — не стоит подарки раздавать... Представь себе, что бы началось, если бы старец этот чокнутый добрался до своих староверов? Через двадцать лет — тысяча вечных умников, еще через двадцать — миллион, а сегодня вообще помирать бы перестали... Ведь вы этого хотите у себя там, в лабораториях столичных?

— Ты его убил? — спросил Коваль. — Ты поверил и убил его, так?

Человек поезда глядел без улыбки. По морщинам на его лице можно было составить карту страданий. В глубоких его глазах сталкивались ледяные торосы. Человек поезда никогда не был добрым и сладким, но пассажиры и проводники не врали, когда с пеной у рта рассказывали друг другу сладкие байки. Им так не хватало доброго волшебника.

— Я спас всех нас, — сказал Человек поезда.

— Неужто убили?! — проводница Люда схватилась за рот, словно боясь закричать.

— Так и убил, — рассеял ее сомнения Человек поезда. — А ты бы, Артур, как поступил?

— Не знаю, — честно признался Коваль.

За время рассказа под перестук колес и мелькание огней он почти позабыл, откуда здесь появился и куда едет. Он помнил только, что когда-то глупый юноша, начинающий и подающий надежды сотрудник, безнадежно и смешно охотился за мифическим пассажиром поезда. Охотился за старичком, способным двухчасовой беседой вывернуть душу собеседника наизнанку. И вот нашел, поймал, благодаря колдовству. Человек поезда не обманул ожиданий, о нет! Не было никаких сомнений, что он способен заставить кого угодно уволиться с работы и уехать на юг. Или развестись с опостылевшим супругом и на склоне лет отважиться на новый виток любви. Человек поезда был способен на многое. И как только Артур это понял, перед ним открылся выход. Точнее, способ покинуть очередное наваждение Малахитовых врат. Выход был недалеко, за окнами этого несуществующего экспресса, который мчался через несуществующую ночь. Артур мог покинуть вагон в любую секунду, поскольку загадки больше не существовало.

Человек поезда убил надежду.

Оказывается, еще в пятидесятые годы двадцатого столетия он легко, не сомневаясь, убил надежду человечества. Совершил гуманный акт, уничтожил единственного, возможно, сохранившегося колдуна, способного одолеть время.

— Я спас всех нас, — серьезно повторил Человек поезда. — А теперь я снова вижу, как вы ведете всех нас туда же...

Человек поезда сидел напротив, с хрустом разгрызал конфетки, прихлебывал чай, аппетитно причмокивал и улыбался. Ковалю невольно вспомнились Хранители силы. Те тоже умели так улыбаться, отвлекая взгляды собеседников на едва дрожащие, загнутые книзу уголки рта. А истинное выражение лица при этом расплывалось, теряло очертания. Но Хранители так поступали перед боем, а Человек поезда ни с кем драться вроде бы не планировал.

Он ждал ответа, а может быть, и не ждал вовсе, привыкший к людской неблагодарности. Рядом с Ковалем пыхла и утирала слезы взволнованная Людочка.

— А что если он тебе наврал? — спросил Коваль. — Что если бедному пенсионеру все почудилось, а ты его грохнул и теперь гордишься?

— А я тогда как же? — Человек поезда не обиделся. — Разве я тебе не доказательство?

— Ах вот оно что... Выходит, ты наврал? Ты запомнил стих?

— Только кусок, — Человек поезда развел руками, — кусочек малый... Так что никуда не денусь, помру, но лет на сорок меня еще хватит. Я же с шестого года, уже давно лежать должен под крестиком. Но ведь хитрость не в том, Артур. Хитрость в том, что я мог бы всю эту стихотворную ерунду Нестора употребить. Подпоил я его, подпоил как следует и вслед за ним стал записывать. А потом испугался и сам порвал.

— Чего ж такой робкий? — съязвил Коваль. — Укокошить деда не постеснялся, а заклинание присвоить духу не хватило?

Человек поезда легко поднялся, оставил пустой стакан. Коваль не успел моргнуть, как тот уже отодвинул дверь и глядел из коридора. Быстро, необыкновенно быстро перемещался Человек поезда.

— Духу не хватило? — переспросил он с горечью из коридора. — Нет, мне разума хватило. Принял бы тайну на себя, так не удержал бы точно, вырвалась бы...

— Что мне теперь делать? — как маленький, беспомощно спросил президент. — Ведь я тебя так ждал...

— И хорошо, что дождался, — усмехнулся ночной попутчик. — Теперь, ежели Бродягу встретишь, будешь знать, как поступить...

Человек поезда исчез, а вагон тут же ожил. Горланили песню, детский голосок просился в туалет, кто-то шумно доказывал преимущества «ленинградского» преферанса. Проводница Людочка взметнулась птицей, но Человека поезда и след простыл.

Артур думал, машинально прихлебывая чай. Вагонный чай оказался на удивление вкусным, пахучим, с солнечной долькой лимона, прижатой ко дну ложечкой.

— На какой станции он сошел? Откуда он ехал? — набросились на Ковалю попутчики. — Не оставил ли он проводнице билет? Как его найти, как угадать, когда он сядет в поезд? Почему вы улыбаетесь?

— Потому что я рад за вас,— ответил Коваль. Теперь он понял, отчего проводники раньше улыбались и отмалчивались в ответ на бестолковые расспросы.

Разве можно советовать другим повторять свой путь?

Он вышел в громяхающий тамбур, с интересом заглянул в традиционную жестяную банку для окурков, подвешенную на заледеневшем стекле. Там вполне натурально догорали две сигареты. Артур взялся за неповоротливую дверную ручку; мерзлая сталь обожгла пальцы. Кто-то продышал в стекле дырочку, там быстро перемещались вереницы огней, поезд подъезжал к переезду.

Бродяга? Кто такой Бродяга? Следует ли всерьез воспринимать информацию из призрачного эфира, из мира собственных фантазий, наверняка спровоцированных распыленным наркотиком?..

Бродяга...

Артур приказал двери открыться, и она открылась. Вьюга шарахнула в грудь с такой силой, что на долю секунды он усомнился. Но только на долю секунды. Он зажмурился, чувствуя, как сотни рассвирепевших колючих снежинок вонзаются в веки. Артур сказал себе, что досчитает до пяти, а потом откроет глаза и шагнет вперед. Он открыл глаза, и снежинок больше не было. Была чернота вокруг и прямоугольник освещенного тамбура, висящий в черноте.

Найти Бродягу. Найти Бродягу. Значит, это не сказка, и такие люди существуют! Легко сказать «найди!», будто других забот нет, будто он за этим сюда приходил...

А на кой ляд я его искал, Человека поезда, спросил себя Артур. Вот и нашел на свою голову... Может быть, за тем самым и искал. Может быть, и слава богу, что не нашел тогда, а то бы ринулся ловить по всему Казахстану...

Артур в последний раз оглянулся в тепло вагона, а потом оттолкнулся и полетел вперед...

16

ДРУЖИЩЕ ХУВАЙЛИД

...Чтобы секунду спустя, вывалиться кубарем из полукруглого проема термитника на прогретую белую дорожку. Сонный город колыхался медленными волнами, нависал и окружал со всех сторон, и каждый из тысяч входов обещал исполнение, по крайней мере, одной маленькой мечты. И было крайне соблазнительно заглянуть еще хотя бы в парочку

покинутых жилищ, прожить еще несколько мгновений сказки, встретить людей, о которых мечтало его подсознание...

Президент попытался встать, но вестибулярный аппарат еще не вернулся к норме. Тогда он прилег, пережидая головокружение, прикрыл глаза, а когда снова их открыл, перед ним висела огромная распятая бабочка.

Бабочка шевельнулась, посылая человеку вопрос. С человеком намеревались говорить.

Коваль вздохнул, уселся поудобнее и сказал: «Привет!»

— Приветствую тебя, о совершеннейший из тех, кто когда-либо ступал по земле.

Чуть слащавый, грудной, слегка вибрирующий мужской голос, какой в представлении Артура должен быть у оперных певцов и муэдзинов. Голос из ниоткуда, явно не из хоботка пятиметровой бабочки.

— Круто... — такого поворота Коваль не ожидал. — Слушай... Ты ко всем так обращаешься?

— Разве тебя не радует, о приятнейший из смертных?

— То есть ты каждого захваливаешь?

— Могу ли я поверить, что справедливейший из судей готов допустить унижение одних в пользу других?

— Ясно, можно не продолжать. Твоя программа позволяет подлаживаться под любого собеседника. А как быть с лингвистикой? Ты знаешь все языки во вселенной?

— Как можно воспринять речь существ, не пользующихся воздушной средой для распространения волны?

— Ну ты загнул... Стало быть, не всех. Э... гм. Зачем ты пугал меня?

— Могу ли я осмелиться тебя пугать, о храбрейший из витязей?

Артур постепенно начал привыкать. Если тот, кто с ним общался, — биоробот, компьютер или один из уцелевших Летучих — таким макаром острил, то имелся в этих островах какой-то подпольный, скрытый смысл. Во всяком случае, чего-то подобного президент ожидал. Он даже слегка испугался количества угаданных ходов.

Слишком много угаданных ходов.

Так недолго и партию прос... это самое.

— Стоп. «Витязь» — не арабское слово. Ты его спер в моей голове?

— Позволено ли жалкому слуге взять без спросу хотя бы пылинку с сапога повелителя?..

Убийственно пахло цветами. По бронзовым стенам лампы пробежали маленькие северные сияния, песочный город тонул в сумраке. Бабочка рокотала одновременно гневно и подобострастно. Смысл трепа, повторял себе Коваль, не забывать о смысловых вклейках. Он не говорит ничего зря, чертов робот, просто нагло пользуется моими школьными представлениями о Востоке...

— Ага... ты хочешь сказать, что я сам перевожу слова и... передаю тебе?

— Дано ли мне, о могущественный, самому высказывать достойные твоего величия мысли?

Хм, сказал себе президент. Компьютер, кукла чертова. Говорит как пишет, не подкопаться.

— Ты выражаешься так витиевато, потому что я подсознательно жду от тебя восточных изысков, да?

— Может ли робкий джинн осквернять твои уши грубыми ответами?

— Кто тебе сказал, что ты джинн? — Артуру показалось, что он придумал невероятно хитрый вопрос.

— Разве не величайший из великих нарек чистый дух небесного огня джинном?

— Нарек... Но не я же.

— Хватит ли мне дерзости поставить того, кто назвал меня так, впереди тебя по мудрости и прозорливости?

— Значит, ты называешь себя так, как удобно людям?

— Осмелюсь ли я в сотнях миров называть себя одинаково?

Вот собака бешеная, размышлял Коваль, рассматривая парящую в бронзовом свете бабочку. Больно ей, конечно же, не было, только идиот поймался бы на такую удочку. Но по сравнению с голографией двадцать первого века качество сногшибательное.

— Ладно, но я не могу называть тебя просто джинном. У тебя есть имя?

— Будет ли лучезарному удобно называть меня Хувайлид?

— Удобно? Гм... Как скажешь. Погоди, — спохватился президент. — Такое имечко я не смог бы сам придумать! Ты не мог его вытащить у меня из памяти, верно?

— Имею ли я право оскорбить властительного робким напоминанием, что мое жалкое имя Хувайлид он мог слышать в годы отрочества?

У Ковалья зародилось настойчивое желание швырнуть в джинна сапогом. Бабочка невозмутимо помаргивала шаровидными глазами, едва заметно шевелила полуметровыми пальцами. «Значит, что бы я ни спросил, я не услышу от него ничего нового? Тогда зайдем с другой стороны...»

— Почему ты показываешь мне это дурацкое распятие? Ты издеваешься надо мной?

— Разве отважился бы смиреннейший?..

— Прекрати нести чушь. Тебе прекрасно известно, что такое для христиан распятие. Какого черта вы подвесили бабочку, очень весело?

— Неужели мудрейший всерьез полагает, что вину человечества может принять на себя лишь человек?

— То есть... Поясни! — «Вот ты и попался!» — подумал Коваль. — Армянскими ответами не отделаешься!»

— Может ли так быть, чтобы светлейший из людей не верил в благородные мотивы Летучего народа?

— Ах вот как... Ты хочешь показать мне, что бабоч... Что Летучий народ уважает христианскую веру?

Голос Хувайлида зазвучал торжественно:

— Разве у достойнейшего сына своей веры есть повод усомниться?

— Кажется, я понял... Для мусульманина ты будешь выглядеть совсем иначе, верно? А для ящерицы — станешь большим тиранозавром, так?

— Разве могущественнейший из сынов своей расы может ошибиться?

Коваль опять задумался.

— Э-э-э... Пожалуйста, отвечай мне односложными утвердительными или отрицательными предложениями, но только не вопросами...

Молчание.

Коваль даже слегка растерялся.

— Ты слышал, что я просил?

— Да.

— На самом деле ты машина?

— Нет.

— Ты живой из... как там его... из Летучих?

— Нет.

— Блин, так стало еще хуже... Ты же понимаешь, что я хочу узнать, почему хитришь?.. Вот что, давай ты будешь отвечать утвердительно или отрицательно, но с добавлением минимального развернутого комментария в размере... мhm... около пятнадцати слов. Уфф! — Артур почувствовал глубокое уважение к собственной находчивости. — На Земле есть живые Летучие?

— Нет. Да. Ответ не укладывается в указанные рамки.

— И да и нет?! Вы прилетаете и улетаете?

— Нет. Летучий народ не пользуется пространственными перемещениями.

— Вы приходите через Малахитовые двери?

— Да.

— Эти ворота... Они ведь на самом деле не для того, чтобы кого-то выпустить наружу? Они ведь для того, чтобы впустить нас внутрь? — Коваль закончил вопрос с колотящимся сердцем. Пожалуй, он был самым важным за время аудиенции.

— Да. Нет.

— Как правильно, по науке, назвать врата?

— Испытываю недостаток терминов на языке общения. Пятимерный релятив-континуумный... (жужжание) портал номер... (жужжание) элеваторного типа... (жужжание).

— Зачем все так сложно? Вы нарочно зарыли лифт под скалой, чтобы люди не нашли?

— Нет. Предполагается, что портал недоступен для технических средств. Предполагается, что порталом могут воспользоваться разумные расы, достигшие уровня... (жужжание), способные к невербальной коммуникации хотя бы в пределах планеты.

— Стало быть, остров раскололся случайно?..— разочарованно протянул Коваль.

— Да.

Ну, о чем еще базарить, если тебя считают слепым котенком? Дьявол их разбери! Все кипящее ядро планеты — это их вотчина. Может быть, Земля — лишь одна из тысяч станций, обеспечивающих...

Обеспечивающих что?

— Так это вы препятствовали рытью сверхглубоких скважин?

— Да. На глубине одиннадцати километров пролегает верхний уровень охладительных цепей.

— Ну, теперь-то вам никто не помешает... Скажи, джинн, эти твои Летучие рады, что у человечества нет больше науки и шахт?

— Нет. Не рады.

— А вы знали, что так произойдет?

— Да. Нет. Деградация вашего разумного сообщества оценивалась с вероятностью шестьдесят четыре процента.

— Черт! Но если вы такие умные, почему нас не предупредили? Почему вы не контактировали с нами?

— Нет. Да. Имелись многочисленные безрезультатные попытки контактов по всей ширине диапазона мозговой активности.

— Но со мной же ты как-то общаешься?! Почему с другими не могли? Вас же искали, в тарелочки верили, в круги на полях!

— Текущий диалог стал возможен в результате резкого уменьшения популяции разумных особей и, как следствие,— возобновления утраченных навыков коммуникаций.

— Но ведь вы могли просто появиться, показать себя! Почему вы не остановили Вторую мировую войну?!

— Да. Нет.

— Ты не ответил мне. Почему вы не помогли предотвратить эпидемию СПИДа?

— Да. Нет.

— Ну хорошо, хорошо, я исправлюсь... Вы принципиально не вмешиваетесь в дела аборигенов?

— Да.

— Вот беда! Теперь ты мне скажешь, с кем я говорю?

Мгновенная пауза, и сразу же — едва заметная смена тональности. Джинн теперь говорил сдержанно, четко, словно вещал с преподавательской кафедры. Артур дышал ртом, чтобы окончательно не свихнуться от дыни и левкоя.

— Существуют шестнадцать вариантов ответа, отвечающих критерию истинности в пределах пятидесяти одного процента и более. Для верной формулировки испытываю недостаток научных терминов на языке общения.

— А ты будь проще!

— Я — Сезам.

— Не катит. Это для детского сада.

— Я — управляющий контур источников возмущений земной коры.

— Круто... Гм, если это правда, то действительно круто. Как же ты ее возмущаешь?

— Управляю процессом термоядерного синтеза ядра планеты.

Теперь надолго замолчал Артур, переваривая услышанное.

— Дружище Хувайлид, еще варианты ответа имеются?

— Да. Адаптивная поливекторная... (жужжание) белково-кластерная система взаимодействий...

— Э, хорошо! Пожалуйста, продолжать не надо. Просто скажи, тебя можно назвать разумным?

— Нет. Да. Я отображаю коллективное мнение плодородных Отцов.

— Они решили не вмешиваться, пока люди не поумнеют?

— Да. Колония плодородных Отцов не участвует в разрешении конфликтов в среде сообществ четвертого уровня.

— Гм... Это мы — четвертого уровня? В чем же выражается наш четвертый уровень? Телепатию пока не освоили, поэтому?

— Нет. Набор критериев составляет одну тысячу шесть штук обязательных.

— Так перечисли хотя бы главные, если дело не в телепатии! Назовешь?

— Да. Необходимо отсутствие государственных границ. Отсутствие паспортной системы. Отсутствие вооруженных армейских формирований. Отсутствие религиозных культов...

— Погоди, погоди... — шутиливо поднял руки Коваль. Бабочка послушно затихла. Гигантская голограмма плавно покачивалась на фоне рядов заброшенных термитников, на фоне сотен темных окошек, застывших, как распахнутые рты.

— Ну, допустим, насчет государства, это понятно. Но вера-то вам чем помешала? Или ваши, как их там, плодородные Отцы считают верующих идиотами? Так верующие, между прочим, и создали цивилизацию!

— Нет. Отцы не считают верующих людей идиотами. Однако отцы считают, что необходимая динамика развития способностей обеспечивается исключительно в обществах, свободных от религиозных догматов.

— Значит, на Землю вы больше не вернетесь? И воспитывать нас не станете?

— Нет. Данная планета используется как распределительный узел шестнадцатого энергетического каскада.

— Е-мое... Для чего же тогда врата?

— Да. Нет. Вероятность достижения интеллектуального порога восприятия за последние четыре цикла возросла на восемнадцать процентов.

— То есть мы не безнадежны?

— Да. Нет. Разумная община на данной планете продолжает оставаться перспективной.

— Но если все такие тупые, зачем ты разговариваешь со мной? Выполни уже какое-нибудь мое потаенное желание, нацепи мне рога и вышвырни назад!

— Нет. Данная потребность невыполнима. До периода Большой Смерти была бы выполнима.

— То есть... Ты знаешь, что такое Большая Смерть?

— Да. Термин мне знаком.

— То есть до Большой Смерти ты бы не стал со мной разговаривать?

— Да. Нет. Вероятность тридцать один процент.

— А нынче я поумнел?

— Да. Нет. Некорректный вопрос. Твои подсознательные мотивации лишь на девятнадцать процентов расходятся с сознательно внедренными установками.

— Это что... некая критическая величина? Ты можешь объяснить понятнее?!

— Да. Закрепились принципиально иные мотивации и алгоритм принятия решений.

— Давай еще проще... — простонал Артур.— Я чем-то лучше других?

— Да. Нет. Твоя внутренняя мотивация на девяносто четыре процента отвечает критерию Отцов колонии. Ты не преследуешь цели личного благосостояния.

— А что... Это так важно?

— Да. Статистическая выборка по данному portalу за последние четыре тысячи лет характеризует тебя как уникальное явление.

— И ты не станешь превращать меня в золотую бабу?

— Нет.

— А что ты со мной сделаешь?

— Да. Нет. Да. Некорректная формулировка.

— Вот что, давай договоримся! Ты будешь отвечать не «да» и «нет», но и все остальное, только без вопроса на вопрос и без этих восточных завихрений. Согласен?

— Согласен. В таком случае я выберу модель речи, оптимально отвечающую твоему личному восприятию.

— Так что ты со мной сделаешь, раз я не прошу ничего для себя лично?

— Ничего не сделаю.

— Зашибись! — Артур задумался. — И что мне это даст?

— Ты получишь возможность осуществить свое главное желание. Я приложу усилия. Помогу тебе один раз. Найти человека, которого ты ищешь.

— Но я не ищу никакого человека? Стоп... Или ты имеешь в виду Кармаза?

— Я имею в виду человека по имени Бродяга. Он нужен тебе, но без моей помощи ты его не найдешь. Эту помощь ты получишь. Отцы колонии сочли это разумным вмешательством.

Артур задумался. Очевидно, у джинна и близко не было в планах открывать сундуки с золотом или делиться коврами-самолетами.

Коваль сразу поверил, не задумываясь. Слишком грандиозно все это выглядело, чтобы не поверить.

— Давай уточним. Ты меня забросишь в нужную точку земного шара — и с возвратом?

— Век свободы не видать! Но возврата не гарантирую. И точности не гарантирую.

— Еще раз, чтобы потом не свалить дурака! Как ты это называл?

— Темпоральное сжатие в размере одного локального дня. При условии свободных мощностей. Флуктуационные сдвиги по вектору абсолютного времени не должны превышать четырнадцать миллисекунд, иначе наступит дестабилизация событийного контура.

— Этого мы не допустим! — твердо пообещал Коваль, задаваясь вопросом, что же именно он только что пообещал. — Погоди... А как насчет небольшой засухи или потопа?

— Исключено. Плодородные Отцы возражают против активного вмешательства.

— Ну, вы хитро устроились! Выходит, я один должен умирять арабов с помощью какого-то полоумного бродяжки? Один я не справлюсь...

— Ты приведешь других. Ты — ключ.

17

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Президент искал в песочном городе Озерника. Озерник был ему нужен для одного мелкого, не особо приятного, но важного дела. Джинн заявил, что у него прорва забот в других точках земной сферы, но Ко-

валю показалось, что подобное ловкое самоустранение тоже является частью игры. Коварный Хувайлид хотел, чтобы президент сам отыскивал сбежавшего колдуна.

Некоторое тревожное чувство подсказывало Ковалю, что ему может совсем не понравиться состояние Прохора. Что с Сыном могли произойти не самые лучшие события в его недолгой, но бурной жизни. Очень может быть, Прохору лучше было бы сгинуть в драке с янычарами...

Город простирался вокруг на миллионы, а может быть миллиарды километров, тенистые арки призывали войти, укрыться от бронзовых сполохов, сотни переулков, изгибаясь, уводили к крохотным площадям со звенящими арыками. Там журчала вода, остроконечные тени домиков подметали выбеленный известняк, пропахший дыней воздух колыбался маревом в сонной тишине. Черные амбразуры окон, прищурясь, глядели в спину. Несколько раз Артур оборачивался, резко, внезапно, пытаясь поймать движение, но скрученный в пространстве лампы городок был пуст. Он видел тысячи пустых хижин, тысячи порталов, когда-то распахнутые, наполненные стрекотом крыльев, мелодиями, смехом встречающих и провожающих. В некоторых из них селились мечты, в некоторых норовили спрятаться от реальности те, кто случайно шагнул в скважину врат, да так и не отважился выйти наружу через тысячи выходов. Несчастные, провалившиеся в лампу, бродили по переулкам, озирались, пока их не настигал великий страх, пока в свернутом мирке не наступала темнота. Тогда обессиленные создания забирались в первый попавшийся «термитник», и... все. Проваливались обратно, в одну из множества скважин. И не всегда на своей планете.

Коваль нашел молодого Озерника на широкой площади, от которой разбегались пять или шесть улочек. Посреди площади, вместо фонтанчика, находилось возвышение из желтого материала, подозрительно похожего все на тот же проклятый и воспетый поэтами, обожаемый человечеством металл. С колдуном происходило что-то неладное, хотя сам он, похоже, этого не замечал. Сын Прохор сидел на пятках, рассказывался, потерянно водил вокруг себя глазами, делал движения, будто собирал рассыпавшуюся крупу. Из разбитого рта текла кровь и слюна, глаза вращались в орбитах, как пластмассовые пуговицы в стеклянных глазках куклы-неваляшки...

Вот только сидел он вверх ногами. Точнее — сидел нормально, на пятках, но относительно Артура завис вверх ногами, в немыслимой для земной гравитации проекции, а рядом с колдуном, на тусклом металле, валялся его вещмешок и тоже не собирался падать. Колдун после приземления очутился как будто в иной вселенной, которую можно было наблюдать по недосмотру ответственных лиц.

— Я должен взять у него в мешке?

— Да. Зеркало.

— Зачем мне зеркало?

Молчание.

— Ой, извини. Я хотел спросить... Зеркало мне нужно, чтобы держать с тобой связь?

— Нет. Зеркало необходимо для коммуникации с представителями иных языковых групп.

— Ага... так бы сразу и говорил...

Последнюю сотню метров, а может и все три сотни, Артур взбирался в гору. Он оглядывался назад, и всякий раз хотелось ухватиться руками хоть за что-нибудь или опуститься на четвереньки и ползти дальше так. Он видел за собой крутой склон, настолько крутой, что непонятно было, как он еще не покатился назад. Склон был усеян дырявыми «бутылочными» домиками, а впереди, задрав голову, можно было различить точно такую же картину. Сколько бы Артур ни продвигался вперед, он постоянно «висел» в одной и той же точке, словно закрепившись на колоссальном волчке пространства Лобачевского, а жутковатое призрачное поселение сжимало его вместе с воздухом, прессовало со всех сторон.

Точно сворачивался трубочкой упавший с дерева лист, и Артур оказался в центре спирали. Глаза видели одно, вестибулярный аппарат ощущал совсем иное. Иногда Артуру казалось, что лучше закрыть глаза и идти, доверившись интуиции, как учили его Хранители, но тогда он мог бы упустить Озерника...

Сын Прохор первым его окликнул.

— А, наконец-то... Ты... дурак... тоже?..

Артур замер, внимательно наблюдая за руками колдуна. От Озерника, если он решил переметнуться, всего можно было ожидать. Страшнее всего — если вывернется. Артур не обманывался, ни малейших шансов в драке с тридцатилетним волкомедведем у него не было. Трудно сказать, как поведет себя при этом невидимый, неосязаемый джинн, вероятно, поможет, но если он чуточку промедлит...

Озерник уже ни на кого не смог бы напасть.

Его ноги по щиколотку и кисти рук оказались погружены в твердое золото. Вокруг застрявших рук на металле запеклась кровь. Очевидно, колдун, угодив в западню, метался неистово, выкручивал суставы и порвал кожу на лоскуты. Артур угадал — Озерник пытался обернуться, но застрял на середине превращения, не в силах дотянуться до заплечного мешка с нужными травами, валяющегося тут же, буквально в шаге...

На Артура глянули запавшие, багровые волчьи глаза без ресниц. Верхняя челюсть Прохора успела отрасти вперед, загибалась над нижней, с желтых клыков текла розовая слюна, короткий сероватый волос покрывал лицо, плечи выгнулись, разорвав кафтан.

Спереди кафтан как-то странно раздулся, точно Озерник держал на животе подушку. Коваль настороженно обошел бывшего соратника по кругу, но пока не смог разглядеть, что у того творится с животом.

— Зачем ты сбежал? — спросил президент. — Ты только навредил своим родичам.

— Что ты можешь знать, насекомое... — лязгнул зубами колдун. — Ты дурак... веришь людishкам... Они тебя первые продадут...

— Вы получили максимум привилегий, — напомнил Артур. — Чего тебе не хватает? Чего ты просил у джинна?

Озерник отвернулся и всхлипнул.

— Убирайся, Демон, — глухо огрызнулся он. — Тебе никогда не проснуться по-настоящему. Ты служишь мерзким насекомым... Деды вначале думали, что ты понимаешь, что ты умный, раз проснулся в хрустальном гробу... — Озерник неудачно пошевелил рукой, из трещин в коже тут же брызнула кровь.

— Чего я не понимаю? Подскажи мне тогда... — Артур краем глаза следил за окошками домов. Его не оставляло ощущение, что в спину постоянно кто-то пялится.

— Не понимаешь, и не поймешь. Ты жил до Большой смерти, а теперь всех заставляешь жить так же. Твои бывшие дружки Качальщики тебя уже ненавидят, скоро тебя возненавидят ковбои, когда у них перестанет родиться хлеб! Вонючие машины, паровики, снова нефть, снова химия... ты не понимаешь, что будущая жизнь — она в лесу. Будущее за Внуками, которых ты убиваешь. Твои псы растерзали Внуков на Ладоге, они охотятся за нами по всей стране. Дед правду говорит... — Колдун закашлялся, выплюнул розовый сгусток. — Сегодня ты нас обласкал, а завтра твои насекомые нас на вилы поднимут, за то что обращаться умеем, а остальных, кто для леса рожден, — тех сразу на костер...

Артур подошел чуть ближе и тут заметил синие, вспухшие предплечья, седую щетину на вытянутых скулах колдуна, пробивавшуюся сквозь шерсть, и резкий запах испражнений.

Озерник ходил под себя...

У Коваля внезапно словно включилось дополнительное зрение. Он поразился, как это сразу не заметил очевидного — Сына Прохора запаляли в золотую глыбу несколько дней назад, хотя они расстались недавно, наверно...

— Значит, вы продолжаете свои опыты? — устало поинтересовался президент. — Скрещиваете семя людское с семенем козликов и бычков? Что ты здесь-то искал?

Артур предпринял еще одну попытку заглянуть Прохору под нелепо свисающий живот, но черные губы Озерника приподнялись над клыками, вместо связной речи донеслось рычание. Впрочем, колдун быстро взял себя в руки.

— Мальцы... в бутылках... — Прохор скрипуче закашлялся. — Ты дурак... Кого ты слушаешь? Надо забрать мальцов, Дед умеет, Дед знает ворожбу...

— Он говорит об эмбрионах сетевых трансформаторов... — Голос из-за спины заставил Ковалю подпрыгнуть. Сердце едва не выскочило между ребрами, все-таки нервное напряжение было огромным.

Из сводчатой арки ближайшего «термитника» шагнул румяный старичок с козлиной бородкой, в пестренькой чалме и пестреньком же, долгополом узбекском халате. Тот же тембр голоса, что у «бабочки», только менее раскатисто и напыщенно.

— Ты... ты и есть Ху...

— Хувайлид, — любезно подсказал джинн. Его чалма была закручена совсем не так, как носят мусульмане, и вообще, обликом он скорее напоминал театрального актера, спустившегося с подмостков покурить. Невыразительные блеклые глазки, совершенно незапоминающееся личико, таких старичков до Большой смерти можно было встретить в каждой чайхане Ташкента.

— Если тебе удобнее, я вернусь к образу бабочки, — любезно предложил джинн.

— Э-э-э...нет, не стоит, мне так проще.

— Что тебе проще? — спросил Озерник. Он глядел на Ковалю сбоку, до предела вывернув шею, покачиваясь в своей окаменевшей сгорбленной позе, а на джинна будто не обращал внимания.

— Оставайся Хоттабычем, — разрешил Коваль.

— Эй, с кем ты болтаешь?! — сорвался на визг колдун.

— Он что, не видит?

— Он нас не хочет видеть и слышать, — старик в халате встал прямо напротив искривленной морды Озерника. Тот выгибался назад, едва не ломая себе суставы, пытаясь следить за Ковалем. — Когда он устанет бороться со своими желаниями, могут вернуться зрение и слух. Иногда так случается.

— Ты можешь освободить его?

— Нет. Я не держу его в плену. Его мозг был пленен намного раньше. Ты хочешь увидеть?

Кажется, джинн задал вопрос? Коваль не сразу отреагировал, какое-то время бестолково продолжал разглядывать дедушку-одуванчика. Тот безмятежно перебирал четки, покачивал сухонькой головкой.

— Ты... ты говоришь с этим бесом? С духом лампы, да? — задержался Озерник. — Как ты его слышишь? Эй, он не пощадит тебя, так и знай! Он посадит тебя на цепь, он заберет твои кишки!..

Артур сглотнул. Джинн терпеливо ждал, по его блестящему невозмутимому лицу пробегали зеленые сполохи. Чудовищный город-термитник щетинился вокруг тысячами голодных окон.

— Я хочу увидеть,— произнес Артур.

— Да. Смотри.

И выскобленные белые квадратики под ногами начали таять. Артуру непроизвольно захотелось отскочить назад, когда ступни повисли над бездной. Он мысленно сосчитал до десяти, убеждая себя, что бывало гораздо хуже, что главное не приложиться снова башкой, тем же самым разбитым местом, не то сотрясение обеспечено...

Перед ним разворачивались внутренности колоссального цеха. Свернутый листиком глиняный город остался на месте, но приобрел удивительную прозрачность. Президент, прикованный Озерник и их странный спутник оказались на шестиугольном выступе размером с половину волейбольной площадки. На одном из тысяч выступов, геометрически одинаковых, нависших над титаническим колодцем, уходящим в глубину Земли. Стены колодца, диаметром не меньше полукилометра, состояли из переплетения пульсирующих труб, разного цвета и диаметра, а внизу, на необозримой глубине, разливалось слабое зеленоватое свечение. Рокочущий гул долетал из шахты, будто тянули воздух мощные вентиляторы. Запах дыни и цветов не исчез, но ослаб, как и визуальный ряд; теперь сквозь приятные ароматы отчетливо пробивались технические нотки, запах горелого, чего-то кисловатого, похожего на разогретый пластик. Шахта подсвечивалась и сверху рядами плавающих в пустоте звездочек, уж прожекторами их точно назвать язык бы не повернулся. Гирлянды ярко светивших звездочек парили в прозрачных пузырях без всяких видимых веревок. Сквозь мельтешение огней рассмотреть крышку или продолжение трубы Артур не мог, сколько ни старался. Периодически мимо их балкончика вверх и вниз проносились странные конструкции, больше всего напоминавшие растительные формы, а уж никак не детали агрегатов. Слово громадные корни деревьев, или клубки замороженных щупалец, или горсти семян, каждое размером со слона. Причем «корни» чаще плыли вниз, а «семена», подсвеченные вереницей «звездочек», стремительно поднимались из глубины...

Впрочем, Артур тут же себя поправил насчет центра Земли. В здешнем иллюзионе все направления и даже вектор гравитации могли оказаться липовыми. Их шестиугольный балкончик плавно скользил вдоль розовых, зеленых, коричневых труб, в ряду таких же выступов, удивительно напоминавших...

Нет, он так и не вспомнил.

В центре каждого балкончика находилось возвышение из желтоватого металла, а может вовсе и не металла, но Озерник завяз в таком сгустке крепко. Балконы двигались по окружности шахты и ниже, и выше, поэтому Коваль получил возможность рассмотреть как следует то, что находилось ниже, у него под ногами. Золотистые выступы по центру

шестиугольников являлись ничем иным, как плотно пригнанными крышками. Под ними, в глубину шахты, свисали исполинских размеров бутылки, или, точнее сказать, наполовину пустые мешки, убийственно похожие на презервативы, слегка подрагивавшие, неистово горячие. Внутри каждого, в мутной голубоватой субстанции копошилось согнутое в позе эмбриона живое создание, то ли десятиметровый опарыш, то ли личинка исполинской мухи...

Мальцы в бутылках!..

— Никакое техническое приспособление не способно преобразовывать и удерживать энергию с такой эффективностью, как серийные организмы группы «гиф», — деловито пояснил джинн. — Они совмещают обе функции, преобразователя и мобильного накопителя. Серия «гиф» выращивается в гроздях на глубине сорок километров, затем проходит несколько стадий заполнения и поднимается в накопительные колодцы. Жизненный цикл серии «гиф» сбалансирован так, что каждые две секунды по локальному времени в шлейф передачи сбрасывают накопленную энергию четыре организма. Организм, на клапане питания которого мы находимся, будет готов к разряду через семь минут четырнадцать секунд.

До начала периода, который вы называете Большой смертью, некоторые ваши ученые разрабатывали схожие модели, но были осмеяны. Плодородные Отцы учли этот прискорбный факт. К сожалению, на большинстве планет, включенных Летучим народом в энергетическую цепь, научное развитие избирает техногенную модель. Человек, предавший тебя, мечтал получить в пользование хотя бы один системный трансформатор. В начале развития организмы группы «гиф» малы, их теоретически может поднять и унести человек.

— Что случится через семь минут? Озерника убьет током?

— Произойдет стыковка кокона с клапаном шлюза. За несколько миллисекунд шлюз осуществит прием-передачу, и организм будет отправлен обратно, в зону накопителей. Человек не сможет поддерживать жизнеспособность тела при температуре среды двести восемь градусов по Цельсию. Для того чтобы освободиться, твоему бывшему приятелю необходимо пересмотреть идеологическую доктрину. Он религиозен, и даже теперь продолжает молиться. Он не верит в рациональное объяснение событий. Я не могу ему помочь. Человек Прохор получил полный контакт с системным накопителем, его мечта осуществлена вполне.

Коваль сумел рассмотреть то, что он принял за обвисший живот Озерника. Снизу, из многометрового мешка, сквозь золоченую пробку, сквозь торчащие в ней конечности колдуна от личинки протянулись голубые жгутики. Они проросли Озерника насквозь, собрались у него в животе толстым пульсирующим комком, вытесняя прочие органы, расплющивая ребра. Еще немного, и Озернику предстояло умереть от уду-

шья; часть живого трансформатора, поселившаяся в нем, уже сдавила легкие.

— Отпусти его,— снова попросил Артур, чувствуя бесполезность и даже глупость своего заступничества.

— Нет. Да. Этот человек все мечтания сосредоточил на обладании серийным трансформатором. Он его получил, полностью и навсегда.

— Мне кажется, он давно мечтает освободиться...

— Нет. Он освободит тело, когда освободит мозг от преступных устремлений. Это непременно произойдет. Плодородным Отцам уже доложено, что в разумном сообществе на этой планете возникла группа третьего уровня. Эмпатически восприимчивая.

— Как это? — ухватился Артур.— То есть... вы считаете, что Озерники перспективнее нас?

— Да. Но они малочисленны. Вероятность их выживания на планете не более семнадцати процентов.

Коваль ощутил легкий укол стыда.

— Но они синтезируют уродов, нелюдей, понимаешь? Они тащат нас в леса, в пещеры. Ни науки, ни медицины, они тащат нас в звериные норы.

— Да. Хорошо. Один из путей постижения мира. Энергосберегающий, экологический. Разум многогранен, как вселенная.

Коваль чувствовал будто его перевернули вверх ногами и довольно долго трясли.

— Зеркало,— напомнил джинн.— У тебя не очень много времени.

Артур подобрал мешок, высыпал содержимое на горячие известковые плиты. Озерник зашипел, как брошенная на угли гадюка. Зеркало нашлось сразу, поцарапанное, затянутое по краям в потертую свиную кожу, тяжелая ручка в форме двух обнявшихся ящериц. Зеркальная поверхность присутствовала с обеих сторон.

Зеркало как зеркало, старое, обтертое по краям, в царапинах. Артур не представлял, как с его помощью можно наладить культурный обмен с иностранцами. На портативный переводчик оно совсем не походило.

— Ты мерзавец, насекомое,— зарычал Озерник.— рано или поздно Деды найдут меня и расколдуют...

— Ты же можешь его освободить! — напал Артур на хозяина лампы.

— Его никто не мучает, кроме него самого,— невозмутимо ответил Хувайлид.— Этот человек явился через те же ворота, что и ты, пятьдесят девять часов, шестнадцать минут и три секунды тому назад по локальному времени планеты. Его желания вняты и ограничены, но мозг развит и готов к переходу. Стань возле меня и посмотрив зеркало. Что ты видишь?

Артуру показалось, что он отвлекся на поиск зеркала на две секунды, но когда он поднял взгляд, титаническая подстанция исчезла. Вместе с ней исчез Озерник. Перед президентом снова горбатился жутко-

ватый глиняный город и перекатывал четки скромный дедушка в пестром халате.

— Я вижу себя... — осторожно начал Коваль. — Вижу дурацкие ваши улы, вижу тебя...

— Теперь переверни зеркало.

— Так и тут зеркало. Вижу то же... Ой! Хувайлид, это ты меня дуришь?

— Нет.

Артур дважды резко переворачивал зеркало. С одной стороны он видел привычную картину — себя, седого, небритого, в грязных морщинах, а позади — перебрасывающего четки, невозмутимого джинна. Интересно, эта программа умеет улыбаться?

Но с тыльной стороны зеркало столь же уверенно демонстрировало кусок «термитника», его собственную, уставшую рожу и... затылок джинна. Со светлой, более четкой стороны искажений не было, а на обратной... Хувайлид отошел еще дальше и теперь стоял вполоборота, заглядывая в оконце ближайшей пирамиды.

— Это не зеркало, — сказала изображение джинна в зеркале, и Коваль чуть не выронил таинственный прибор на твердое покрытие. Находящийся джинн все так же молча наблюдал, а его мелкий двойник в потемневшем стекле собрался без умолку болтать.

— Это не зеркало, — повторил джинн из глубины изображения. — Связь в экстремальной ситуации либо при лингвистических сложностях. Но практически я тебе не смогу помочь. Не смогу, нет. Зеркало сделали люди, такие же, как человек Прохор. Плодородным Отцам доложено, что существа третьего уровня сами освоили организм системы «Эрро»...

— Организм?! Что значит «освоили»? Они его у вас украли?

— Нет. Самостоятельная разработка. Оригинальная конструкция.

— Однако, нестыковочка! — съехидничал Коваль. — Выходит, что Озерники первыми за тысячелетия догадались о том, что вы ядро Земли превратили в электростанцию. Они сами сварганили живое зеркало, и вообще... перспективные. Чего ж ты со мной валандаешься, а Сына загнобил?

— Да. Нет... — Артуру почудилось, что на лице биоробота впервые мелькнуло что-то вроде растерянности. — Парадокс. Ты — ключ согласно критериям Отцов.

— И что же теперь?

— Ты — ключ. Отсутствие ложных мотиваций, соблюден основной критерий.

— Зачем ты мне все рассказываешь? Про энергию, про этих, про организмы?

— Плодородные Отцы разрешили начать эксперимент, он включает свободный доступ к информации. Но никакой практической помощи. Это невозможно.

— И что будет дальше? До какой поры ты мне собрался помогать?

— Эксперимент не ограничен во времени. Плодородные Отцы ожидали двадцать восемь тысяч стандартных планетарных лет. Теперь ты отправишься согласно пожеланию...

— Постой! Но это неправда! Я совсем не такой альтруист, как вы тут решили! Я мелочный и злопамятный. Я дарю жене вещи, отнятые у арестованных. Я посылаю людей на верную смерть. Меня ненавидят каторжане! С чего вы взяли, что помогать надо именно мне?

— Да. Нет. Ты не лучший, ты максимально приближен к оптимуму. В моей памяти хранятся данные о личностях, прошедших отбор на других планетах. В двадцати девяти процентах случаев прогноз по проекту «Эго» оправдался.

— Как оправдался? Ваши избранники, вроде меня, установили равенство и братство? Все негодяи разом сами попросились в тюрьмы, а кто не ощущал сил перевоспитаться, те бросились под поезд?

— Нет. Да. Моментальное изменение общественного строя не являлось целью,— казалось, джинна невозможно вывести из себя или хотя бы заставить повысить голос. Искусственный старичок излучал полнейшую безмятежность.— Я тебе говорил о перспективности так называемых Озерников. Ты подчинил себя идее служения, моя задача помочь тебе осознать верный путь. Избежать технического тупика. На восьми планетах эксперимент удачно завершен. Разумные сообщества вырвались из коллапса постоянной военной состязательности.

— Да, это немало... — задумался Коваль.— Если лидеры, которых вы сумели откопать, повернули миры к лучшему... Черт с ним, я готов. Но ты ведь и так знаешь мои планы, они далеки от пацифизма.

Хувайлид моментально превратился в деловитого провожающего.

— Ты выбрал первое действие. Для смещения вектора времени мощность достаточная. Твое возвращение произойдет через ближайший открытый портал. Желаю добра. Найдешь человека Бродягу и отвезешь к эмиру. Но я тебе окажу любезность. Маленькая экскурсионная программа.

— Погоди, я еще не выбрал!

— Нет. Ты выбрал давно.

Площадь вздрогнула, улочки вокруг зашатались вместе с домами, в лампе потемнело. Затем земля ударила в подошвы, барабанные перепонки заныли, глубокие трещины прорезали стены лампы, снаружи хлынул ослепительный свет.

Коваль невольно зажмурился, сглатывая слюну, чтобы выровнять давление на перепонки. Еще до того, как глаза открылись, он уже понял, что джинн выполнил обещание, отправил человека туда, куда тот безумно мечтал попасть.

Его зашвырнуло на Аравийский полуостров.

18

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Ослепительное небо.

Прокаленные зноем, истертые миллионами ног каменные плиты, замкнутые в зловещий квадрат двора. За высоченной стеной — следующий дворик, поменьше, тут же подобие зала заседаний, с легкими ажурными перекрытиями потолка, со сводчатыми, узкими окошками.

Где-то жарили мясо, не свинину и не говядину, мясо чуть подгорало. Где-то замешивали раствор, используя солому и навоз, где-то курились благовония, отбивая смрад больницы. Дурманивший аромат выпекаемых лепешек смешивался с терпкой вонью верблюжьей шерсти. Гомон голосов на незнакомом языке, тарактение повозок, резкие выкрики торговцев, тающая печальная мелодия струнного инструмента...

Звуки окружили его, заставили встряхнуться.

Почему-то Артур очутился не на земле, а в узком полутемном переходе, на верхнем торце пятиметровой стены. С обеих сторон располагались могучие стропила, здесь начиналась крыша, здесь было чуточку прохладнее, чем снаружи, здесь можно было смотреть вниз без опасения быть замеченными.

— Ты желал посетить общественное место, господин! — Бархатистый баритон джинна лился ниоткуда. Коваль вдруг осознал значение выражения «словно елеем намазанный». Голос Хувайлида, похоже, целиком состоял из этого самого елея...

— Куда ты меня закинул? — Артур осторожно высунулся из-за мощной двутавровой балки, удерживающей крышу. С одной стороны стены распахнулись шумные улицы города, с другой стороны — царила тишина и строгость. В первом внутреннем дворе прохаживался усатый парень в полувоенном парусиновом костюме, с дубинкой и пистолетом на поясе. Собственно, это был не двор, а скорее, зал заседаний под открытым небом, поскольку крыша едва прикрывала половину двора. Там в несколько рядов выстроились низкие скамейки, их укрывали циновки и

подушки. В уголке двора бил фонтанчик и висели рамки с изречениями на арабском языке.

— Тебя всегда увлекало, как вершится правосудие, — отозвался джинн. — Ты волен избрать иное место для раздумий. Здесь, внизу, внутренний двор суда и тюрьма...

— Мы пока останемся здесь... — Коваль во все глаза разглядывал Эр-Рияд.

Впервые за годы, проведенные в «новом» мире, он встретил кусочек былой цивилизации. И сразу же посочувствовал Сергею Дробиченко. Тот так мечтал пожить в городе с унитазами и радио...

Посреди зала, на задрапированном коврами возвышении, восседал сухонький дед в белой чалме и такой же белой одежде. Его жидкая седая бородка едва не стелилась по полу. Коваль невольно улыбнулся — дедушка напоминал старика Хоттабыча из старого советского кино.

Очень скоро выяснилось, что добренького мага седобородый напоминал только внешне. Он каркнул свирепо, полицейские привели и усадили на пол несколько женщин. Затем, через другую дверь, вошли зрители, все — смуглые мужчины, и тоже все в белом. Некоторые крутили меж пальцев четки, некоторые заглядывали в листки. На мягкие подушки так никто и не покусился, сдержанно толпились перед судьей.

Внезапно одна из теток, с растрепанными косами, в рваном балахоне принялась выть, затем вскочила и закричала что-то, жестикулируя свободной рукой. Полицейский с палкой кинулся к ней, в то же время тетке темпераментно ответил один из зрителей.

— Хувайлид, о чем они? — поинтересовался Коваль.

— Хайям обвиняют в том, что она громко смеялась при людях, — с готовностью ответил джинн. — Сейчас она ругается со своим мужем, Абдулькаримом. Это тот человек, с кудрявой бородкой.

Толстой Хайям досталось по спине и сзади по ногам. Она охнула и замолчала, потирая ушибленные места. Женщинам не дали сесть на скамейки с подушками, их отвели в сторону. Вдоль голой кирпичной стены проходила толстая деревянная балка, в которую были ввинчены крюки с короткими кожаными ремнями. Вылез толстомордый усач в форменной парусиновой рубаше с потными подмышками, в таких же парусиновых штанах, обтягивающих необъятный зад, и в тяжелых ботинках. Его погоны и шевроны на воротнике означали, видимо, небольшую, но гнусную властичку. Трое молодых полицейских при появлении начальника вытянулись. Тот дал команду, указав на молодую женщину в испачканной одежде. Ее подхватили под руки и поволокли к седобородому судье, а остальных приковали к балке за левые руки кожаными браслетами.

Толстая Хайям попыталась вскочить, начала что-то возмущенно доказывать полицейскому. Он сбил ее с ног, подскочили еще трое его то-

варищей, замелькали бамбуковые палки. Женщина рыдала, однако у Коваля возникло впечатление, что для нее это скорее балаган, нежели прамбула к наказанию. Хайям еще разок рыпнулась, плюнула в служителя закона. Толстомордый вскипел, огрел ее со всей силы, придавил ее лицо ботинком к полу, несколько раз проехался по заднице палкой.

— Вот суки,— выдохнул президент.— Наши крестьяне своих баб так не лупцуют, а он чужую жену... Гля, муж ее стоит, как телок, не рыпнется! Да я б ему за свою кишки вырвал!..

— Муж не станет вмешиваться,— пояснил джинн.— Этот, с черной бородой, он судья. Никто не смеет возражать судье.

— Почему же? Судья человек, и может допустить ошибку. Должно существовать право на обращение в высшую инстанцию. У них есть Большой круг?

Привязанные женщины тихонько стенали, то ли раскаивались, то ли тут было так положено. Только у троих лица покрывала чадра, пожилые обходились платками. Трое мужчин с палками прохаживались между скамейками, уделяя внимание особо буйным. У Коваля начало от жары ломить виски. Он вскользь подумал, что подступает старость, раз перепад климата оказал такое влияние.

— Здесь бесполезно жаловаться. Нельзя найти другой суд, потому что судят согласно шариату. Нельзя обращаться к власти и жаловаться на суд. Получится, что жалуешься на шариат. А шариат — это сам Коран... Так понятно?

— Куда понятнее... Ничего не меняется. Слушай, Хувайлид, если вы порицаете подобные порядки, какого черта не вмешаетесь?

— Да. Если господин позволит пошутить, я бы заметил, что порядки, установленные им, в его стране, достойны большего порицания.

Пока Артур размышлял, как бы достойно ответить, судья подобрал бумаги, принялся читать, долго и выразительно. Обвиняемые и зрители почтительно затихли, из-за раскаленной стены зала долетал далекий шум базара: выкрики торговцев, вопли ишаков и верблюдов, высокие, лопающиеся звуки, словно задевали струны металлической арфы. Солнце, казалось, спускалось все ниже, чтобы расплавить людям мозги. Тонкая кольчуга Артура, надетая под кожаную куртку, обжигала кожу.

— Хувайлид, что говорит судья?

— Эта молодая Джанан — воровка. Так говорит судья. Соседи торговца видели, как она взяла фрукты с его прилавка и не положила обратно...

Боковые двери распахнулись, ввели еще двух женщин. Их не стали привязывать, а поставили сбоку от судьи. Старичок в чалме нацелил на них остренький палец.

— Вызвали свидетельниц,— продолжал джинн.— Судья недоволен, потому что одна из свидетельниц ничего не может рассказать...

— На хрена такой свидетель, который молчит как рыба?

— Коран предписывает иметь двух женщин свидетелями. Это то же самое, что свидетельство одного мужчины...

Воровка заплакала, свернувшись в калачик. На ней позвякивали монеты, длинные серьги, браслеты перекатывались на руках. Артур подумал, что у богатой девицы явно не все дома, раз с такими цацками тырит на базаре персики.

— Хувайлид, продолжай. Что он говорит?

— Судья говорит, что закон требует отрубания руки, но женщину Джанан поймали впервые. Судья говорит, что Аллах милосерден, и мы тоже должны проявлять милосердие к тем, кто оступился, но готов исправиться. Женщине Джанан назначено наказание, сорок палок по ступням, пятьдесят плетей по ягодицам и денежный штраф в пользу пострадавшего...

— Это кто же пострадавший? — изумился Коваль.— Это вон тот жирняк обвисший?

Сбоку от свидетельниц, соблюдая дистанцию, поглаживал живот обворованный купчина. Коваль слушал вполуха. Он наблюдал, как отзывают от бревна «преступниц», одну за другой подводят к судье, подгоняют при этом палками, несомненно оставляя на теле синяки; как судья в считанные секунды принимает решения; как троим определили по несколько лет тюрьмы и тут же туда увели, минуя предварительные этапы и прочую бюрократию.

— Хувайлид, у меня подозрение, что тетки просто оговорили девушку. Я имею в виду ту, первую, что украла персики... Скажи, эта Джанан — она действительно стащила фрукты?

— Господин опять желает заглянуть за внешнюю суть вещей и событий? — зарокотал джинн.— Разве господин опять желает выйти из реки времени?

— Нет, только не это,— спохватился Коваль.— Ну, видишь ли... Я думал, что ты и так знаешь... э-э-э... без погружения.

— Разве моей матери вдули при зачатии божественный дух? — почти грустно спросил джинн.— Никому из нас не позволено заглянуть в мысли Всевышнего, никому из нас не позволено при взгляде на человека угадать, виновен он или нет. Если господин желает проникнуть...

— Нет! — рявкнул Артур.— Перестань паясничать, ради всего святого! Ты всего лишь кусок машины и не притворяйся оракулом. Дали тебе команду искать старательных дурачков, вроде меня? Лучше бы электростанцию построили... Скажи, их сейчас будут бить плетью?

— Да.

— Э-э... Ты можешь каким-то образом выяснить, снижается ли в Эр-Рияде от этого преступность? Хувайлид, ты слышал вопрос?

— Слышал, господин. Мой господин желает знать, насколько помогли исправлению преступников телесные наказания во времена моей молодости?

— Нет, господин говорит о сегодняшнем... А-а-а, черт! — Артур начал понимать. — Я не соображу, какое же преступление в смехе...

— Карима купалась вечером, сняла обувь и слишком высоко задрала гандуру. А потом размотала шаль, сняла гишуа и омывала лицо водой. Ее волосы видели мужчины в чайной. Карима тоже видела мужчин, но сделала вид, что не замечает. За безнравственное поведение она получила двадцать пять ударов по пяткам и десять плетей...

Сальва оскорбила мужа. Муж ее грубый человек, это всем известно, его тоже будут судить за побои, нанесенные второй жене. Сальва говорит, что хотела лишь защитить вторую жену от побоев, ведь той всего четырнадцать лет. Однако Сальва трижды поцарапала мужу лицо, это слышали и видели соседи...

— Довольно, — прервал Артур. — Мне уже ясно, что здесь собрали цвет преступного мира. Неужели их будут лупить при всех? Я не хотел бы смотреть...

— Господин желает покинуть город?

— Нет, нет, я передумал...

Половина двора со стены не просматривалась, президенту пришлось переместиться вдоль стропил, рискуя привлечь внимание стражи. Но пока он пробирался, помещение суда опустело. Многочисленная толпа зрителей-мужчин расходилась, благодушно посмеиваясь, как ни в чем не бывало, обсуждая торговые операции.

Во внутреннем дворе солнечные лучи падали отвесно, раскаляя камни до состояния жаровни. Широкий тряпичный козырек на столбах создавал ненадежную защиту; под тентом расставили несколько низких кресел. Туда переместился судья, жирный полицейский начальник и еще кто-то важный, в белой дишдаше с нагрудными карманами.

Женщин снова привязали к бревну. Помимо бревна, во дворе имелась вкопанная жесткая конструкция из толстых брусьев, напоминающая наклонную лестницу. Из темного провала возник человек в черном бурнусе, удлиненном кафтане, подпоясанном пестрым поясом, с какими-то приспособлениями в руках.

Палач, догадался Артур.

Стражи порядка подхватили первую из осужденных, заломили ей руки и, невзирая на отчаянные мольбы, поволокли к дыбе. Палач разложил на лавке плетки, палки из бамбука. Женщину перевернули буквально вверх ногами, оплели лодыжки веревками, затем палач проделал бы-

стрые манипуляции с дыбой, голые пятки оказались вздернуты и разведены в разные стороны. Чтобы жертва не могла отбиваться, ей стянули руки, и затем ее довольно бережно опустили на спину, на подложенную циновку. Женщина корчилась на спине и блеяла, как предназначенная в жертву овечка. Тощий судья мирно беседовал с усатым толстяком. Ожидающие своей очереди дамы тоскливо хныкали. Чахлые деревца и минареты колыхались в расплавленном воздухе.

— Еще немного... — Артуру уже не хотелось сбежать, напротив, хотелось досмотреть представление до конца. Садистских наклонностей он за собой наблюдал, тут играло роль нечто иное; президент жадно впитывал чуждую психологию, чуждые общественные основы. Эти люди, собравшиеся во внутреннем дворе тюрьмы, не искали новизны в мире, не искали свежих впечатлений, и уж тем более, не рассуждали о кризисе цивилизации, о роли личности в процессе, и о прогрессе вообще.

Они не нуждались в прогрессе.

Вероятно, они нуждались в неких универсальных стимулах для существования — в радости деторождения, в дружбе, в любви, наконец. А теперь он, русский, появился в этот оазис первозданного равновесия, да еще с самоварами своих brutальных идей, и будет тут копошиться, всем мешать и всех смущать...

Женщина завизжала, как поросенок под ножом. Она извивалась, пытаясь уберечь ступни, но палач обладал завидной меткостью. Черная палка опускалась с сухим, вибрирующим звуком. На пятнадцатом ударе голые ступни превратились в синяки, поверх общего лилового фона вздувались буграми более свежие гематомы. Воровка верещала и металась между брусьями, изрядно отбив себе бока.

Когда ее отвязали и поставили на ноги, женщина не смогла самостоятельно идти. Она сделала шаг, взвыла и повалилась в горячую пыль. Полицейские в белых гетрах подскочили к ней с двух сторон, но больше не били, оттащили несчастную в тень. Старый судья поднялся, грозя пальцем остальным, сжавшимся, забитым...

Следующей настала очередь молодой воровки Джанан. Женщину бесцеремонно протащили по пыльным камням; несколько раз она ухитрялась уцепиться за одежды подруг по несчастью, но полицейский, шедший сзади, бил ее по рукам.

Ее привязали к дыбе, но несколько иначе. Поставили на ноги, руки растянули вверх и в стороны. Затем вокруг женщины сгрудились трое. Коваль тянул шею, но из своего укрытия никак не мог рассмотреть происходящее. Над двориком тюрьмы повисло тягостное молчание, нарушаемое лишь прерывистым дыханием стражей порядка и сдавленными всхлипами наказуемой. Судья поудобнее устроился на подушке, мальчик подлил ему холодного чая в пиалу. Толстомясый полицейский что-

то говорил ему в ухо, оскалась. Прикованные к бревну женщины, похоже, впали в транс. Понурившись, глядели в землю. Рядом с Артуром, из скрытого в щелях балки гнезда, выпорхнула маленькая пестрая птичка и упорхнула по своим делам. Президент сжимал в руке зеркало, оттуда, из размазанной глубины, выглядывало отрешенное личико Хувайлида.

Артуру вдруг почудилось, что достаточно ущипнуть себя, вскрикнуть, дернуть за волосы — и все пройдет. Исчезнет мир расплавленных камней и бессмысленной жестокости, исчезнут Хранители, Озерники и джинны, исчезнут лысые псы, летуны и черные жеребцы. Вероятно, исчезнет Надя ван Дейк и дети, ведь она тоже окажется частью сновидения. Он потянется, улыбнется и проснется в капсуле глубокого анабиоза, в родном 2006-м году, во время первых испытаний. Над ним склонятся встревоженные друзья — Мирзоян, Денисов, прибежит профессор Телешов, будут спрашивать, почему он такой странный, как себя чувствует и чему улыбается.

А он будет улыбаться, не в силах прекратить. Просто оттого, что от Толика знакомо пахнет сигаретами и одеколоном, оттого, что за пультом колдует и улыбается ему симпатичная лаборантка, что за стенами института ревет машинами вонючая Петроградская сторона, по помойке во дворе корпуса лазают самые обычные кошки и собаки, и никто не слышал слова «Большая Смерть»...

— Господин не может сделать выбор? — Язвительный голосок джина с размаху вернул Ковалю обратно, в Азию. — Ты хотел повидать эмира Саида, и в то же время ты хотел найти безусловно надежное средство для войны с Халифатом. Ты должен выбрать!

Ничего не закончилось. Ничего не приснилось.

Рыдающую Джанан наконец привязали. На ней как-то хитро задрали платье, а вокруг тела обернули нечто вроде широкого войлока. Позади в войлоке оказалось специально вырезанное отверстие, оставляющее голыми белые ягодицы.

Палач взвесил на ладони плетку, примерился и нанес пробный удар. Женщина завизжала на такой высокой ноте, что Артур невольно поднял глаза, отыскивая вокруг насекомое или невозможный в этом мире самолет. Палач бил с оттяжкой, постепенно наращивая амплитуду ударов. При каждом его ударе преступница замолкала, набирая в грудь воздуха для следующей порции крика. Она повисала на привязанных руках, затем выгибалась дугой с такой силой, что вздрагивала тяжелая дыба. Ее белые ягодицы уже давно не были белыми и нисколько не походили на усладу мужских взоров. Кровь текла у нее по ногам, брызги разлетались при каждом движении, заливая помост, впитываясь в песок. Видимо, от боли воровка обмочилась, под ее пятками, на камнях, появилось темное влажное пятно. В какой-то момент она поперхнулась

собственной слюной, ее начало рвать. Экзекуцию остановили, облили Джанан водой, и судья кивнул, что можно продолжать.

Прочие преступницы прекратили шуметь, они следили за полетами плети, как заколдованные, не в силах шевельнуться. Мужчин охрана оттеснила от места казни ранее, они спокойно болтали, даже негромко посмеивались за стеной. Никто не расходился — скорее всего, ожидали разрешения судьи. Старикан не спускал глаз с казни, коротко кивал подобострастному шепоту толстого офицера.

Последним доводом в пользу дальнейшей войны для Артура послужило именно поведение зрителей в соседнем дворике. До этого, приобретя в союзники компьютер Летучего народа, он склонялся к мысли немедленно навестить эмира, запугать его или, наоборот, умаслить, и уговорить, чтобы Халифат не поддерживал Карамаза. Но, слушая, как поет плеть, как воют осмелившиеся засмеяться или обнажить макушку тетки, президент России передумал.

— Джинн, так что я там мечтал насчет оружия? — спросил он у зеркала. — Что ты предлагаешь? Прикатить сюда бомбу?

— Я предлагаю человека, — торжественно заявил джинн. — Твое оружие зовут Бродяга. Только я не могу гарантировать точность при посадке, над Сибирью сейчас искажения. Нужный нам человек живет где-то в лесу.

Коваль открыл рот, чтобы выразить решительный протест, но его уже швырнуло ногами вперед в темноту.

19

ЛЮДИ ГЯЗИ

Левая нога совсем замерзла. Мбуба подвинулся и уперся головой в мягкое и теплое. Мягкое шевелилось. Мбуба стал думать, что там такое, за головой. Пока он думал, стало щекотно на животе, замерзла уже правая нога. Но спать все равно хотелось сильнее, Мбуба опять подвинулся. Пришлось сильно упереться головой в большое и мягкое. После этого что-то тяжелое и холодное два раза ударило по затылку.

Чутье охотника подсказало — сейчас ударят еще раз, и еще. Так и случилось. Мбуба заорал и проснулся.

Головой он упирался в живот Злого Мбаты. Мбата тоже проснулся, несколько раньше, и теперь бил Мбубу по макушке обглоданной берцовой костью Мохнатого. Мбата вообще был молчалив, слов знал мало, но

умел объяснить доходчиво и кратко. Мбуба не стал драться, а пополз в сторону, волоча за собой свою замерзшую ногу.

Вокруг все просыпались, дрожа от холода. Мбуба оторвал большой кусок хвоста и удивился, какой невкусной и твердой стала еда. Спать с каждой ночью становилось все холоднее, четыре небесных огня назад не проснулись утром двое маленьких. Глупые женщины начали кричать, но Умный Моба сказал — их позвала Большая Крыса. Большая Крыса плачет под водой, потому что мы съели всех ее детей, теперь нужно отдать ей своих. Не все поняли Умного Моба, но Мбуба понял, он знает много слов. Он стал думать, и думал весь день, даже не пошел собирать грибы. А когда стало темно, он пришел к Моба и сказал:

— Мы съели всех крыс.

— Съели,— подтвердил Умный.

— Два небесных огня назад мы съели все вкусное над водой.

— Съели,— подумав, согласился Умный.

— Когда было тепло ночью, как днем, мы съели все грибы на кочках.

Умный кивнул. Он устал следить за мыслью.

— Одну жизнь жабы назад мы начали сильно хотеть кушать...

Моба пукнул под водой и посмотрел на маленького Мбубу ласково:

— Ты маленький, я — большой. Ты знаешь больше слов. Это хорошо.

Утром пойдешь собирать пиявок. Теперь буду спать. Уходи.

Мбуба ушел, вспоминая что-то умное, чего не успел сказать вождю. А потом встретил в темноте сестер и пошел с ними петь песню. Они пели песню, обнявшись, и было тепло, и жевали кору Веселого дерева. К утру Мбуба совсем забыл, что хотел сказать Умному.

Весь день они втроем собирали пиявок в Холодной Яме и относили старой Мембе. Никто не помнил старую Мембе молодой; говорили, что она родилась не в Теплой воде, а где-то далеко и прожила уже больше тридцати зим, больше, чем пальцев на руках и ногах. Умный Моба имел на этот счет иное мнение, он колотил всех, кто считал, что можно жить вдали от Матери-Крысы. И уж тем более, никто не может прожить больше двадцати семи зим. Потому что вытекают глаза, и кожа больше не держит кровь...

Когда ноги совсем заledenели, Мбуба вспомнил, что хотел сказать Умному, но второй раз решил не идти. Чутье охотника подсказало: не хочешь всю жизнь собирать пиявок — не ходи.

Теперь Мбуба сидел, прижавшись спиной к спине брата, и грыз невкусный хвост. Все, кто мог ходить, пошли за Умным Моба.

— Куда все идут? — спросил брат, засовывая в рот дохлую лягушку.

— Искать крыс.

— Крыс? Мы же поймали всех крыс...

— Хочешь пойти собирать пиявок?

умел объяснить доходчиво и кратко. Мбуба не стал драться, а пополз в сторону, волоча за собой свою замерзшую ногу.

Вокруг все просыпалось, дрожа от холода. Мбуба оторвал большой кусок хвоста и удивился, какой невкусной и твердой стала еда. Спать с каждой ночью становилось все холоднее, четыре небесных огня назад не проснулись утром двое маленьких. Глупые женщины начали кричать, но Умный Моба сказал — их позвала Большая Крыса. Большая Крыса плачет под водой, потому что мы съели всех ее детей, теперь нужно отдать ей своих. Не все поняли Умного Моба, но Мбуба понял, он знает много слов. Он стал думать, и думал весь день, даже не пошел собирать грибы. А когда стало темно, он пришел к Моба и сказал:

— Мы съели всех крыс.

— Съели, — подтвердил Умный.

— Два небесных огня назад мы съели все вкусное над водой.

— Съели, — подумав, согласился Умный.

— Когда было тепло ночью, как днем, мы съели все грибы на кочках. Умный кивнул. Он устал следить за мыслью.

— Одну жизнь жабы назад мы начали сильно хотеть кушать...

Моба пукнул под водой и посмотрел на маленького Мбубу ласково:

— Ты маленький, я — большой. Ты знаешь больше слов. Это хорошо.

Утром пойдешь собирать пиявок. Теперь буду спать. Уходи.

Мбуба ушел, вспоминая что-то умное, чего не успел сказать вождю. А потом встретил в темноте сестер и пошел с ними петь песню. Они пели песню, обнявшись, и было тепло, и жевали кору Веселого дерева. К утру Мбуба совсем забыл, что хотел сказать Умному.

Весь день они втроем собирали пиявок в Холодной Яме и относили старой Мембе. Никто не помнил старую Мембе молодой; говорили, что она родилась не в Теплой воде, а где-то далеко и прожила уже больше тридцати зим, больше, чем пальцев на руках и ногах. Умный Моба имел на этот счет иное мнение, он колотил всех, кто считал, что можно жить вдали от Матери-Крысы. И уж тем более, никто не может прожить больше двадцати семи зим. Потому что вытекают глаза, и кожа больше не держит кровь...

Когда ноги совсем заledenели, Мбуба вспомнил, что хотел сказать Умному, но второй раз решил не идти. Чутье охотника подсказало: не хочешь всю жизнь собирать пиявок — не ходи.

Теперь Мбуба сидел, прижавшись спиной к спине брата, и грыз невкусный хвост. Все, кто мог ходить, пошли за Умным Моба.

— Куда все идут? — спросил брат, засовывая в рот дохлую лягушку.

— Искать крыс.

— Крыс? Мы же поймали всех крыс...

— Хочешь пойти собирать пиявок?

— Нет.

— Тогда иди искать крысу.

— Крысы нету. И грибов нету. И лягушек.

— Тогда сиди тихо!

— Надо всем сказать, что крысы нету!

Мбуба выплюнул непрожеванные горькие волокна и поглядел на младшего брата. С голодухи быстрее меня соображать стал, сын паука, подумал он с нежностью. Чем меньше жрет, тем башка лучше работает. Был бы у нас алфавит, записал бы эту мысль...

А вслух ответил:

— Одноногий Мебебе много спрашивал. Ты видишь его?

— Нет.

— Был Большой Момо, были две женщины у Момо. Много спрашивали. Ты видишь Момо?

Брат повертел головой.

— Хо! — Мбуба срыгнул и почесал бороду. — Тут теплая вода. Тут живет Мать-Крыса. Старые жили, где Мать-Крыса. Мы живем. Маленькие будут жить, где Мать-Крыса. Мать не любит, кто много спрашивает. Хочешь много говорить — уходи от теплой Матери.

Мбуба сам удивился умности своих слов и надолго затих, глядя на черную поверхность болота. Молчал и младший. В животах у обоих урчало...

Огогоки пришли утром. Сначала все услышали стук. Умный послал Злого Мбата и еще троих, у кого имелись большие кости, посмотреть. Огогоков было много. Они ломали кусты, кидали их с кочки на кочку, и по кустам вели своих маленьких и женщин. Когда Злой рассказал, никто не поверил. Все перестали собирать хвощи и кору и пошли тоже смотреть. Смотрели долго, пока огонь на небе не прошел половину тропы.

Тогда старая Мембе сказала, что Огогоки идут отнять собранные грибы и сушеных пиявок. Глупый Младший брат испугался и заплакал, а Мембе сказала, что так уже было, и Старые бросали всю еду в Холодную яму, чтобы не досталась Огогокам.

— У нас тогда ведь тоже не будет еды? — спросил глупый Младший.

— Хо! — засмеялась Мембе, и Умный, и другие старые. — Только сын паука может отдать еду плохим. Лучше все скинуть в яму, и всем уйти к Матери-Крысе, чем отдать что-то плохим!

И все закричали, что лучше уйдут к Матери, и Умный прослезился от гордости за свой народ. Тут Мбуба заметил такое, что про пиявок забыли. Огогоки несли с собой плетеные корзины с живыми крысами внутри. В других корзинах они тащили толстых птиц Фа с маленькими и на ходу кормили их червями. Увидав такое дело, Моба позвал старых в са-

мое теплое место, туда, где Мать дышит через воду, и они стали говорить. Остальные слушали, сидя вокруг, а Огогоки стучали все ближе.

Наконец, Умный встал и сказал плохое:

— Огогоки идут отнять у нас Мать, наше Теплое место. Мы будем драться, а кто не будет — тот сын паука и не любит Мать.

Тут все стали кричать одновременно, а Одноглазый Мбико придумал нарвать поганок. Чтоб веселее было драться. И все побежали рвать поганки. Мбуба тоже съел три или четыре штуки, хотя знал, что кушать их никак нельзя; зато ему быстро стало весело, и он побежал за всеми убивать глупых Огогоков.

Он бежал рядом с обоими Младшими и смеялся над бестолковыми Огогоками. Кость Мохнатого несли по очереди. Внезапно оказалось, что больших костей на всех только четыре штуки, остальные куда-то потерялись или сломались. Мбуба немного удивился, поскольку еще утром Умный кричал, что костей у них больше, чем у всех людей Леса, вместе взятых. Умный часто повторял, что у них больше всех костей. Костями было удобно драться, но их нельзя скушать, поэтому обилие оружия никого особо не радовало. Еще Умный не забывал напоминать, что у них больше всего сушеных пивок и больше всех осоки. От сушеных пивок резало в животе, а осока вообще ни на что не годилась... Зато их было так много, что другие могли лопнуть от зависти.

Теперь Умный Моба сам слегка обалдел, оценив остатки вооружения, но отступить было поздно.

Добежали толпой до самой Черной трясины, и тут выяснилось, что Огогоки проходят мимо. Они по-прежнему валили кусты, тащили свои корзины, их растянувшийся народ уходил в туман, изгибаясь, как водяная змея. Умный Моба выплюнул недоеденную шляпку мухомора, остановился.

Из колонны врагов кто-то радостно помахал. Потом еще кто-то. Далеко, не видно. Женщина. Младший брат стал смеяться и махать в ответ. Видно, не ту поганку съел. Злой Мбата подошел и стукнул глупого костью по голове. Потом пошел стучать и других, поскольку многие начали махать и смеяться...

Огогоки остановились ночевать у края Высокой травы. Вечером от них пришла женщина и сказала, что она — дочь Большого Момо, которого выгнали давно за лишние вопросы, и в целом они устроились неплохо, только теперь отца зовут Огомомом, а ее — Огомка.

— Так не бывает, — заявил Одноглазый. — Никто не знает своего отца.

— Я знаю. У нас все знают, — удивилась Огомка.

— Зачем знать? — сердито спросил Мбико.

Девчонка растерялась:

— Ну... чтобы... чтобы любить...

— Мы любим Мать. Зачем нам знать отца? — Одноглазый победоносно высунул бороду из тины и оглядел остальных.

Все засмеялись. Мбуба смотрел на дочь Большого, вытаращив глаза. Он никогда не видел, чтобы люди прятали ноги в вывернутую крысиную шкуру. И голову тоже.

— Зачем тебе на голове?

— Вода сверху падает — а голова сухая.

— Зачем на ногах шкура?

— Ноги сухие. А зачем вы сидите в болоте?

Все поглядели друг на друга, удивляясь такой глупости.

— Мы здесь живем, тут наша Мать, — вежливо ответил Мбуба.

— Но вы сидите в грязи. Плохо, нельзя! — не унималась Огомка.

— Что такое «грязь»? — спросила Старая. Мбуба тоже не понял слово.

— Ну... Грязь — плохо. Все плохо. Воду пить нельзя. Толстые Фа не живут, крысы не живут. Грязь.

Все опять засмеялись, кроме Злого Мбата. Чувствовалось, ему очень хотелось садануть этой чистюле костью между глаз.

— Отец говорил — иди к моим людям. Скажи моим людям — идите вместе с нами!

— Куда идти? — внезапно проснулся вождь.

— С нами. Мы делаем тропу. В сухое место.

— У вас плохая тропа. Мы не пойдем.

— Почему плохая? — обиделась девчонка. — Все люди прошли.

— Очень глупо делаете, — терпеливо объяснил Моба. — Очень медленно.

— Если не ломать, не делать тропу — никогда не пройти!

— Хо! У нас своя тропа! Не надо рубить, ломать, сушить. Очень просто. Захотим идти — идем через Черную трясины.

— Но там не пройти. Очень плохая вода, маленькие будут тонуть. Пиявки плохие. Зачем идти плохо, если можно хорошо?

— Хо! Если захотим — пойдем там, через трясины, — Умный оглядел торчащие из болота лохматые головы. Все согласно забулькало. — Иди теперь. Скажи своим — у нас всегда будет своя тропа. А захотим — останемся тут!

Огомка закусил губу и поднялась. Мбуба следил, как она уходит, прыгая с кочки на кочку, хотел крикнуть ей вслед что-нибудь хорошее, но ничего не придумалось. Проглоченные с утра поганки туманили голову...

Утром пришел вождь огогоков — Сильный Ога. С ним — еще двое, и опять та же девчонка. Ога принес трех жирных крыс и трех птиц Фа. Съели быстро.

Умный показал себя великим вождем. Старая Мембе даже заплакала, когда он приказал принести в ответный подарок всех засушенных пиявок, а женщин отправил на Рыжие кочки за поганками. Мбубе показалось, что гости не очень обрадовались пиявкам. Грибы тоже есть не стали, сложили в корзину. Потом Огуга, женщина Сильного, говорила, как они ищут червей и кормят птиц Фа. А птицы Фа не летают, а живут в корзинах и дают маленьких птиц.

На это все долго смеялись, потому что и глупому понятно — червяков только цапли ищут. Зачем плести корзины и искать червей, если можно просто поймать толстых Фа? Зачем кормить маленьких птиц, если гораздо вкуснее просто съесть яйца? Так сказал Одноглазый, а Мбуба ничего не сказал, но подумал, что давно не встречал в округе ни одной дикой Фа. Огогоки тоже смеялись, все были добрые, потому что сытые.

— Зовите всех своих! — совсем подобрел Мобо. — Будем вместе смеяться.

— Нельзя! — ответили Ога и женщины. — Люди должны кормить крыс и рубить дорогу!

— Дорога — не Мохнатый, в лес не убежит! — подумав, сказал Мбата.

И все согласились. Вождю так понравились эти слова, что он приказал Мбубе их запомнить и впредь говорить каждому при удобном случае.

После Умный сказал позвать ловкого Мбиту, и Мбита показал чужим свои фигурки из красной земли. Чужие очень удивлялись и качали головами. Они не умели делать так.

Тогда Умный сказал женщинам петь, и сестры Мбубы стали петь, и пели долго, у Мбубы даже защипало в глазах от гордости. Чужие толком петь также не умели. Девчонка попыталась рассказать, как они разводят крыс, но ее никто не слушал.

Одноглазый сказал:

— Кушать все умеют, это неинтересно. А кто из вас умеет показать цаплю, или водяную змею, или паука-трупоеда?

Огогоки были сражены. Мбуба обсасывал птичью лапку и радостными, сытыми глазами смотрел на своих соплеменников. Младший брат с другими маленькими смешно показывали, как ходят цапля и паук, вождь огогоков прямо катался по траве от радости.

— Это тебе не лес валить, — говорили ему. — Это тебе не курей разводить!

Всем, кстати, понравилось слово «грязь», и решили впредь называть себя «люди Грязи». Было в этом слово что-то слезливое, что-то гордое и загадочное. Больше хороших слов Огогоки, правда, не принесли. Оказалось, что люди Грязи вообще знают слов гораздо больше. Впрочем, и

раньше было понятно, что люди Грязи умнее прочих; ведь ни у кого больше не было такого огромного болота.

Когда все пожевали коры Веселого Дерева, Мбуба сел в обнимку с Огогоками, и полночи учил их правильно говорить «отрыжка дохлой жабы» и «задница потного бобра». Чужие путали все слова, и было очень смешно.

Под утро Умный Мобо до того подобрел, что подарил Огогокам оставшиеся кости Мохнатого, и дубину из дерева, и весь запас шкурок. Тогда Ога, в ответ, велел принести еще мяса. Получилось очень кстати, потому что, пока веселились, еще двое маленьких от голода ушли к Матери-Крысе. Уже два дня никто не собирал даже хвощ и пиявок. Мбуба никогда так не веселился.

Когда огонь на небе в третий раз пошел по тропе, Сильный Ога встал и долго говорил. Он сказал, что никто в его племени не умеет так грустно и долго петь, и показывать змею не умеет. Никто не может делать птиц из красной земли и так красиво говорить о Грязи и о Матери. Тут Сильный Ога заплакал, а женщины тоже начали плакать.

Потом вождь взял себя в руки, высморкался в бороду и позвал всех за Огогоками на Сухую землю. Он сказал, что мяса хватит всем, и шкур на ноги и на голову. Только надо вместе работать. Последнее слово всем как-то сразу не понравилось, многие даже спрятались под воду. Когда Сильный объяснил, что это такое, стало вовсе неинтересно и скучно. Зато проснулся Злой Мбата, переевший Веселой коры. Все стали ждать, что он скажет умного.

— Всех пиявок не соберешь! — сказал Мбата и снова заснул. А Умный приказал Мбубе обязательно запомнить и эту мысль.

— У вас очень красивые женщины! — сказал на прощание вождь чужих. — Мои мужчины хотят позвать их к себе!

При этих словах сестры Мбубы застеснялись и поглубже зарылись в грязь. Вождь опять заплакал, то ли от избытка чувств, то ли коры за три дня переел, затем махнул рукой и увел своих людей.

Мбуба, наконец, смог спокойно заснуть. Во сне он пел, прыгал на четвереньках, подражал голосам птиц. Потом левая нога замерзла. Просыпаться не хотелось, Мбуба подвинулся, где теплее. Стала замерзать правая нога. Мбуба снова подвинулся, не открывая глаз, уперся головой в мягкое и теплое. Чутье охотника подсказало — сейчас стукнут, и не раз.

Так и случилось.

Получив по башке дубиной, Мбуба окончательно проснулся и стал смотреть по сторонам. В голове вертелась умная мысль, но никак не хотела приходить на язык. Мбуба знал, что мысль гораздо легче понимается, если ее удастся несколько раз повторить. Наконец, мысль пойма-

лась, и Мбуба немножко напугался. Потому что оказалось, что он думал о том, как бы уйти вместе с Огогоками.

У них не было Теплой Матери, они хуже пели и медленно думали, зато у них в корзинах сидели жирные птицы.

Вдруг что-то затрещало в осоке. Мбуба напугался до того, что забыл про холод. Он выбрался на кочку, набил за щеку хвоща и стал смотреть в сторону, куда ушли Огогоки. Но вместо Огогоков он сразу увидел такое, отчего хвощ застрял в горле и полез назад.

20

ВРИО ГУБЕРНАТОРА

На полузатопленной тропе, по которой вчера ушли враги, лежал окровавленный мужик. Чужой, не из Огогоков, не из Красноглазых, не из Толстых, и уж точно не из людей Грязи. У мужика были длинные седые волосы, заплетенные в косички, как делают маленькие девочки Красноглазых, зато почти совсем не было бороды. А еще он был одет, целиком одет в вывернутую шкуру Мохнатого. А может быть, совсем и не Мохнатого. Шкура на нем блестела, была разорвана во многих местах и странно, пугающе пахла. Пахла так, как не пахнет ничего в болоте. Еще на одежде спереди и с боков торчали блестящие шутовины, как потом выяснилось, очень твердые и колючие. Мбуба сразу порезался, едва дотронулся. Из мужика текла кровь.

Человек был жив. Непонятно, откуда он пришел и чего хотел. Мбуба побежал будить остальных.

Подобрались близко. Самым смелым оказался Одноглазый Мбико, он издали ткнул мужика в бок тонким прутиком. Тот замычал, подергал рукой, но не поднялся. Старая Мембе указала, откуда он пришел. Посреди Высокой травы остался проход, какой бывает после сеньи Клыкастых. Все очень удивились, потому что с той стороны Высокой травы плохая трясина, но человек не утонул. Затем охотникам мужика удалось перевернуть. Его лицо было почти черное, по нему ползали муравьи, но Старая сказала, что надо полить водой — и будет хорошо.

Полили водой, мужик чуть не захлебнулся. Однако Старая оказалась права, потому что стало гораздо лучше, чем прежде. Кожа у человека оказалась светлая, но темнее, чем у людей Грязи. Еще он был выше и шире даже самых высоких и сильных мужчин народа Грязи.

Умный Мобо вынул из бороды лягушку и сказал, что кожного человека надо убить. Все тут же согласилось со словами вождя. Убить — это просто и понятно. Злой Мбата оживился, приволок свою кость и собрался уже стукнуть волосатого мужика по башке, но тут Мбуба, неожиданно для себя, заступил Мbate дорогу.

Все удивились, а вождь Умный Мобо чуть не захлебнулся от удивления. Чужого следовало убить, пока он не убил кого-нибудь сам. Такое уже было, раза два, но помнили только Старые. Давно проходили мимо мужчины и женщина, заблудились, говорили на похожем языке. Тогдашний Умный спросил их, зачем пришли.

— Хотите отнять у нас Теплое место? — проникательно спросил Умный.

Мужчина и женщина оглядели чавкающее болото с жадностью, но снова притворились, что сбились с пути. Они сказали, что шли вдоль железной дороги, а потом свернули на дорогу земляную, потому что почуяли тепло.

— Вокруг вас на три дня мертвый лес, — сказал чужой мужик. — Мертвый и холодный, только рыжие кочки. А здесь тепло, здесь жарко, мы удивились и свернули. Как нам теперь выйти к железной дороге?

Охотники переглянулись и перемигнулись. Умный приказал окружить чужаков. Теперь все встало на свои места. Ясное дело, подлые враги задумали убить народ Матери-Крысы и забрать Теплое место...

А чужаки говорили смешное и страшное, будто бы человек живет семьдесят семь зим, а не двадцать семь. Будто бы нельзя жить в Теплом месте, потому что Мать-Крыса убивает своих детей, отнимает волосы, кожу и глаза. Будто бы за топью, за Рыжими кочками, есть длинная гора, на которой поют черные железные палки. Мужчина пытался объяснить, что такое «железный», но так и не сумел. Все над ним смеялись; сразу видно, что глупый человек. Мужик сказал: гора такая длинная, что не показать руками, и железные палки длинные, без конца. Если приложить к черной толстой палке ухо, она поет. Женщина сказала, что если идти по горе, между бесконечных железных палок долго, очень долго, вослед за небесным огнем, то можно прийти к другим людям.

Вождем тогда был другой Умный, не Мобо. Он сказал чужим людям, что они бестолковые обманщики. Всем известно, что на горе жить нельзя. На каменной горе нет Веселых деревьев, от которых хорошо, нет пиявок, которые лечат народ от всех болезней, нет даже крыс.

Чужакам не поверили, смеялись, хотели забрать у женщины еду. Мужчина убил четверых и выбил глаз Одноглазому Мбико. Потом обоих чужаков все-таки убили, и песню об этом славном подвиге до сих пор поют маленьким.

Теперь снова пришел чужой. Точнее, приполз с холода.

— Не надо убивать чужого,— сказал Мбуба.— Чужой пришел оттуда, где сухо.

Злой Мбата заворчал и поднял кость. С другой стороны надвигался Мобо с охотниками.

— Дурак! — сказал Мобо.— Зачем нам знать, где сухо, если у нас есть теплая Мать-Крыса? Нам надо забрать шкуры чужака, забрать те блестящие штуки, ими будет удобно ковырять червей на кочках.

Чужой мужик пошевелился и застонал, выплюнул немного воды. Оказалось, что у него есть с собой большой мешок, который вначале не заметили.

Мбуба сказал — нет, не надо убивать.

Мбуба после ночных переживаний все никак не мог прийти в себя. Ему то и дело мерещилось, будто он гуляет вдоль Высокой травы, и ноги сухие, и на сухих ногах — вывернутые крысиные шкурки. А вместе с Мбубой гуляет сухая Огомка и кормит его жирными птицами Фа. А потом они, все так же вместе, ломают палки, кидают листья и делают дальше сухую тропу. Палок и листьев очень много, может быть, придется ломать ветки не одну жизнь жабы, но где-то там, впереди, За Черной трясинной их ждет сухое место, сухое и... страшно выговорить, теплое.

Но ведь Теплое место может быть только одно — там где дышит Мать! Так Мбуба привык думать с детства, а детство прошло не очень давно.

Мбубе было очень страшно, потому что мысль заявила одновременно в голову и на язык. Если бы такая мысль заявила к нему вчера, Мбуба бы нарвал поганок, прожевал хорошенько, и хворь бы отступила. Потому что старики всегда так учат: пришла лишняя мысль — скорее проглотить поганку!

— Хочешь, дам по башке? — спросил отступника Злой Мбата.

— Иди, собирай пиявок, не то утоплю,— по-доброму посоветовал Одноглазый.

— Не хорошо убивать чужого, чужого надо лечить,— набычился Мбуба.

Впервые он выступил один против охотников, против самого Моба, и от осознания этого факта Мбубе стало совсем плохо. Словно что-то хрястнуло внутри, крякнуло, чмокнуло и порвалось.

Охотники вылезали на кочки, обступали с трех сторон. Мбуба споткнулся, вплотную отступил к раненому. Тот пытался, плевался с закрытыми глазами и шевелил рукой. Вот он залез рукой внутрь своей шкуры, вытащил белое, звонко раздавил в пальцах и высыпал похожее на пыльцу себе прямо в рану.

Раны у него были страшные, мясо висело наружу, вокруг мяса кружилась облака гноса. Мбуба уже понял, что раны нанес не Клыкастый,

не Пятнистый, а скорее Ворчун, которого еще называют Хозяином Рыб. Он живет далеко, возле реки, к Теплому месту не подходит. Но Мбуба видел, что происходит с теми, кого Ворчун бьет лапой. Зверь встает на задние лапы, задирает пасть и орет. Лапой из человека можно вырвать кусок вместе с ребрами...

Мбуба загляделся на раненого и чуть не схлопотал по голове. Отскочил, но дальше бежать стало некуда. Охотники окружили, они втягивали ноздрями запах вкусного. У чужого с собой на животе был мешочек, там вкусное. Злой Мбата поднял свое острое орудие. Мбуба зажмурился, прикрывая голову руками, приготовился уйти к Большой Крысе.

Он не боялся. Жрать все равно было нечего.

И тут кто-то позади него сказал:

— Ни хрена себе, вышел в тамбур покурить...

Мбуба подпрыгнул, и охотники тоже подпрыгнули. А Умный Моба, который, как и положено вождю, руководил облавой из воды, провалился с головой в цветущую жижу.

Мужик в вывернутой коже уже не лежал, а сидел. Левой рукой он зажимал рану, а в правой держал несколько блестящих острых палочек. Мужик сплевывал воду и очень внимательно глядел на вооруженных Мбику, Мбата и других.

— Елки-палки! — поморщился раненый, отряхивая воду с седой головы. — И как вы в такой вонище купаетесь? Здесь что, грязелечебница, блин?

Мбуба обрадовался, что мужик говорит на языке людей Грязи, хотя слова не все понятные. Но тут, одно за другим, произошло три значительных события.

Охотники закричали, как делали всегда, загоня Мохнатого, и разом бросились на чужого.

Чужой неуловимо быстро переместил в пальцах блестящие палочки, небесный огонь отразился в них, а секунду спустя испуганный Мбуба остался на тропе один. Охотники упали и дергали ногами. Мбата лежал навзничь с палочкой в глазу. Умный Моба плавал ничком, и красное разливалось лужей вокруг него. Одноглазый держался за шею, блестящая палочка пробила его шею насквозь, он упал на колени, говорил что-то, но неслышно. Потом упал в воду. Четверо ударили, булькая и загребая в тине.

— Ну что, заступился за своего президента? — спросил белоголовый мужик. — Молодец, зачтется.

Он встал на одно колено, больно оперся Мбубе на плечо, затем поднялся во весь рост.

— Я не хочу жить в Грязи, — зачем-то сказал Мбуба, потирая занывшее плечо. — Я хочу, где тепло и сухо.

— Правильно, старина,— кивнул чужой.— И я хочу, где тепло и сухо. Может, вместе поищем? Вот только клинки мои соберем...

— Я не старина,— обиделся Мбуба.— Старая только Мембе, еще был старый Момо, но он ушел.

— Не старина? — Чужак покачнулся и снова, громадным своим весом, обрушился на Мбубу.— Сколько же тебе... пацан?

— Восемнадцать зим,— гордо сказал Мбуба.

— Ты за кого меня держишь? — покрутил головой человек с тяжелым именем «президент».— Ладно, давай ныряй за ножами. Смотри, не порежься...

Мбуба послушался. Он и сам не понимал, почему слушается этого страшного, избитого зверями великана. Чужой угнездился на кочке, вылил воду из кожи, надетой на ногах, распишал клинки по кармашкам. Затем стянул кожаную рубашу и остался в странной блестящей шкуре, тоже порванной, но несильно. Позже Мбуба вызубрил, шкура называлась «кольчуга». Рваную кожу он забрал себе.

Мбуба порезался только два раза, пока вынимал клинок из горла Мбики. Затем чужой мужик потянул с шеи веревку с мешочком. Из мешочка снова посыпал рану, часть порошка проглотил. Мбуба почуял резкие запахи трав.

— Жарко тут у вас... — устало выговорил президент.— Потому идохнете за пару лет — зараза... Ничего, пацан, это вы еще Желтых болот не видали...

Потом они долго молчали. Мбуба не мешал чужаку дремать. Люди Грязи попрятались. Никто больше не выбегал с дубинами и с глупыми идеями. Иногда булькали пузыри, вздыхала далеко Мать-Крыса, ее дети шуршали в колючей траве. Иногда было слышно, как роют землю Клыкастые и пищат их маленькие. Над логовом Матери-Крысы воздух плясал, тянулись вверх серые струйки. Когда небесный огонь почти спрятался за Рыжими кочками, Мбуба подумал, что скоро дни совсем уступят темноте, а болото покроется льдом. Останется только Теплое место, где под водой дышит Мать.

— Ладно, загостился я у вас... — Чужой хлопнул себя по колену и, крихтя, засобиравшись в путь.— Эй, приятель, тут долго сидеть нельзя, отравя. Понимаешь, что тебе говорят? Кстати, тебя друзья не прихлопнут вечером? Может, со мной, за компанию, а?

Мбуба вспомнил вдруг сестер и пожалел, что не родился женщиной. Он бы тогда смог уйти с мужчинами Огогоков в теплые и сухие края. Правда, пришлось бы делать что-то неприятное. Мбуба никак не мог вспомнить колючее слово, которое всем так не понравилось...

— Я не могу, где холодно,— сказал он.— Где холодно — все умирают.

— Умирают такие, как вы! Ленивые уроды, которым нравится сидеть в грязи,— рассердился седой мужик. Он выжал свои волосы, замотал их в грубую косичку и укрепил на голове.— Вы скоро все тут подохнете, потому что работать не любите...

Мбуба обрадовался. Мужик произнес именно то слово, пугающее и колющее, которое говорили Ога и Огомка.

Работать.

Слово было колющее, но Мбуба обрадовался.

— Пошли, пошли, а то одному мне тяжело,— президент тяжело разогнулся, закашлялся, держась за грудь. Пальцы и кольчуга стали красные. Чужак поманил Мбубу, знаками показывая, что надо помочь.— Нам бы к железке выйти, знаешь, где железная дорога?

Мбуба подумал. Слова складывались знакомо, что-то он слышал...

— Какой тут город близко? — продолжал допрашивать президент.— Понимаешь? Город? Дома, машины, церкви... Иркутск? Улан-Удэ слышал? Чита?..

Мбубу точно подкинуло.

— Чи-та,— повторил он.— Чи-та, Чи-та.

— Ага, что-то искрануло?

— Далеко, плохо, холодно,— Мбуба неожиданно для себя разговаривал.— Далеко после Высокой травы. Звери страшные. Люди злые. Больно кидают огнем, не любят Мать-Крысу. Там ловили моего брата, как птицу Фа... — Он показал, как ловили, большой сетью. Слов для дальнейшего рассказа не хватило. Мбуба так разволновался, вспомнив вдруг старшего брата, что слезы навернулись.

— Это нам знакомо,— кивнул президент.— Выходит, они там, в Чите, на вас, как на рябчиков, охотятся? Ничего удивительного, позиционируете себя как... Впрочем, не бери в голову. Пацан ты крепкий, сообразительный, власть законную уважаешь. Слушай, может, тебя губернатором Байкала назначить? Сразу должность не обещаю, ВРИО пока побудешь. Насчет жалованья, думаю, договоримся... Ты как, хочешь быть губернатором?

— Хочу,— сказал Мбуба.

И подставил плечо.

ПОСТРИГ БЕЛОГО МОРТУСА

21

ДИКОЕ ПРИЧАСТИЕ

Он родился зимой 1755-го, в год, когда императрица Елизавета Петровна, с подачи любимчика Шувалова, подписала указ об основании Московского университета, а Сенат засел сочинять новое уголовное Уложение...

В тот год Британия и Франция завязли в позиционных боях за южноафриканские территории, женевский часовщик Жан Вашерон основал одну из известнейших часовых фабрик, а уроженка Бордо Мари Бризар заложила основу ликерной империи...

В тот год Батырша поднял башкиров, но ловкими действиями российского правительства, татарскими грамотами к степнякам, вкупе с казацкими саблями, удалось вытеснить смутьянов за Яик и надолго стравить их с киргизами...

Иммануил Кант защитил три диссертации в родном университете, получил право преподавать и опубликовал свою теорию зарождения Солнечной системы из пылевого облака...

В тот год тридцатиметровое цунами обрушилось на Лиссабон, уничтожив город до основания...

Великие фигуры рождались в разбуженной России.

...Бродяга с нежного возраста трепетал при слове «смерть», при самом невинном его упоминании. Вполне вероятно, известную роль в этом сыграли бездетные, пугливые тетушки, обитавшие в двухэтажном особняке его папеньки. Папенька верой и правдой служил императорской короне, а тетки крутили столики при свечах, хором визжали, заглядывая в чашку с кофейной гущей, шептались с безобразными калекami и странницами. Любимого племянника потчевали апокалиптической литерату-

рой, «откровениями» явных психопатов и псевдомасонской белибердой. Удачно, что девятилетний Бродяга открыл для себя щедрую отцовскую библиотеку, проторил туда путь и смог разбавлять кликушеские словопрения родни сочинениями вполне крамольными. В силу перманентных военных кампаний полковнику было не до ребенка, а его мать парализовало при родах младшей сестренки.

Он боялся смерти, но не так, как сверстники-подростки. Боялся до одурения, до резей в животе. Бродяга почти не участвовал в шумных забавах, штудировал науки в имении, в размашистом псевдоантичном доме, благо средства отца позволяли учителей завозить из Москвы. Тщательно обходил кухню с ее острыми ножами и булькающими кастрюлями, поздно начал ездить верхом. Когда подрос, не напрашивался со взрослыми на охоту, избегал диких зверей, а также собак, карнавалов с петардами, катаний на лодках, стрельбы по мишеням, рыбных блюд, петухов, поездок в старопрестольную, портных с иглами, грозы...

Впрочем, существовала у вселенской его трусости иная, неведомая почти никому сторона. Почти никому, за исключением двух чудных товарищей детства, крепостного Илюхи, конюшего сына, и старшего сына ка управителя имения, наполовину немца. На первый взгляд выглядело нелепым, что эти трое сблизились, но только на первый взгляд.

Они играли в палачей.

Поначалу рвали крылья жучкам, затем, когда годков одиннадцать Бродяге стукнуло, принялись умертвлять всякую мелочь — жаб, мышат, кротов. Затейнее всего казнить было тех, кто боль свою оплакивал, кто верещал да вырывался. Бродяга цепенел при экзекуциях, сам руками почти не притрагивался, потел, как в бане. После спать не мог, горячечно ворочался, но отказаться от забав по своей воле не получалось. Запомнил надолго, как воробушков умерщвляли, из гнезда выпавших. Бродяга зубы сжал, глядя, как лапки хилые конюхов сын рубит. Тот увлекся, припевал, приговаривал, с носа капля свисала, золотушные ушки подрагивали. Кости воробушков хрустели жалобно потом под каблучком.

Что-то ухало у Бродяги тяжело в низу живота, томление по членам разлилось. Нравилось ему и тошнило в одно и то же время.

Случилось казнь настоящую ему подглядеть, хотя заперли его те тушки. К управителю беглых доставили, связанных. С тряпками в глотках, рожжами вниз ворочались на дерюгах, дышали хрипло, чисто волки матерые. Челядь кругом угрюмая собралась, снег валил, люди зябко кутались, дети пищали; но управляющий расходиться не велел. Бродяга через балкон, по морозу, в будуар матушки покойной перебрался, а от туда — на кухню, и окошко себе в узорах продышал.

Сердечко рвалось, ожидалось дело звериное.

Конные толпу, как масло ножом, прорезали. Галуны, перевязи, блеск палашей. Зачитал худой грамоту, шея вздрагивала, как у цыпленка, чуть из шинели не выпрыгивал. Чудище многоногое, дышавшее в сотню грудей, разом всколыхнулось, бабы вякнули.

Кнутом бить...

Кнутом бить. А после, ежели обстоятельства вскроются, для окончательного дознания сволокут в город, поелику подозрение есть на убийства. Вот так, ограбил кто-то купцов на мызе и зарезал.

Стегали на псарне, привязывая поочередно к столбам. Бродяга крался следом за толпой, утопая в снегу, набрал воды за голенища. Узнал обоих беглых, и тем сильнее затрясло его. Старший, обросший, с вывернутой рваной губой, прежде молоко в барский дом с утра приносил. Теперь дрыгался, за кисти и лодыжки прикрученный, столб раскачивал, крыша едва с псарни не обвалилась. Бродяга смотрел жадно, рот раскрыв, после аж губы потрескались. Смотрел, наглядеться не мог, как по белой спине вытягивается змеиный витой мускул, рвет за собой багровый лоскут кожи, вместе с веером капелек, вместе с воплем нутряным.

Самого вместе с голым мужиком передергивало.

Суки благородные в протопленных вольерах круги наматывали молча, чуя кровь, а снаружи мороз слезы на бабьих щеках в лед обращал. Управляющий покачивался маятником, руки за спину заложив...

Бродяга почувствовал смерть старшего из беглецов еще до того, как об том прознали служивые. Точно кольнуло слева в груди, но не больно, а сладко.

Ему понравилось.

Младшего из беглых мужиков завернули в тулуп, утащили, а старшего оставили тут же, лицо закрыв. Сгрудились шумно, кто-то выстрелил воздух, закричал: «А ну-ка, живо отседова!»... Бродяга стучал зубами, чуть не по пояс в снегу, он слушал, как у того, черного, под тряпкой трепыхнулось замершее было сердце.

Сделал шаг. Сердечко колотило, как барабаны на гвардейских маневрах. Не стоило туда ходить. Темная куча, укрытая тряпьем, и крест-накрест торчащие конечности в рваных гнилых сапогах. Из дыры в левом торчала синяя мозолистая ступня.

Бродяга перебирал ножками, как карась, влекомый за губу рыбацкой десницей. Где-то в омуте времен тетушки выкликали его имя, заливались дворовые псы, голосила старуха. Он подобрался вплотную, потянул скользкую задубевшую попону. Мертвец лежал неловко, боком, будто отдохнуть за чаркой собрался. Снежинки таяли на впалой костлявой груди, нательный крест путался в седых волосах. Пурпурные бо-розды, оставленные кнутом, обнимали тело, как раскраска африканской лошади зебры.

Бродяга уповал, что это еще не все.

Неведомо откуда, скатилось липкое такое убеждение. И точно, сердце беглого убийцы опять трепыхнулось, как малиновка в силке. Бродяге бы заорать, призвать взрослых, приказать в тепло доставить, а он только сжимал коленки и напряжно глядел смерду в лицо. Зрачки у того закатились, бельмы являя, веревка на руках кожу до мяса перетерла. Вдруг мужик скривил рот, облачко пара выпустил.

Бродяга затаил дыхание.

Позади уже заметили его, с ахами, с охами обоз целый поспешал. Бродяга на колени упал, склонился ближе. Запах псины, дрожжей стоялых, лука ударил в ноздри, земля качнулась. И тут мертвец слово выдал, одно только, на дальнейшее силенок не хватило. Приподнял веки, зрачки как булавки, встретился взором неживым с Бродягой, улыбнулся славно...

— Явлен... — прошептал он и запрокинул бороду.

Вот теперь сердце, побоями и голодухой измочаленное, встало окончательно. Слюна потянулась струйкой в розовый снег, а Бродяга внезапно ощутил мощнейший спазм между ног, испугавший его до зубовного скрежета. А за тем спазмом — еще и еще, так что даже на коленях стоять неважноту стало, и влажно сделалось в портах. Он на бок так и плюхнулся, рядом с мертвецом, только недолго пролежал. Сию секунду сцапали поперек живота, закрутили в доху и понесли, как трофей, к дому.

И было славно, уютно до самой вечерни.

Бродяга сидел в дедовой шубе, пятки — в горчишной воде, сосал мед из сот, плевал воском и гадал, что же прозрел вор и убивец в крайний свой миг. Почему вдруг «явлен»? Кто явился? Чем он таким поделиться захотел, что даже не сразу преставился и лекаря обдурил?

У Бродяги забрезжила надежда, что, возможно, «там» явится и ему кто-то. Может, ангел, а вдруг вовсе и напротив...

Никому он не рассказал. А ночью проснулся вдруг потный, приснилось, что лежит с тем холопом забитым заодно в саях, лицом к лицу, и пошевелиться не может. И сковало будто всего, а не проснуться никак. Только вдруг подымает покойничек веки, а под веками глаз-то нету, глаза птицы давно склевали. Однако ж не черно там, в глазницах пустых, а вроде сияния, вроде скважин замочных глаза стали, а за скважинами десятки черных свечей полыхают...

— Явлен... — выговорил мужик и вроде бы выдохнул второе слово, но неотчетливо. Бродяга взвился, прислушиваясь, чуть не вплотную навалился, но мертвец уж начал меняться. Губы осыпались, как листочки скукоженные, внутрь запали, десны черные обнажив с культяпками зубов, а вместо языка в глотке черви белые закопошились, такие же черви, как в котенке замученном, и разом наружу дернулись, прямо к Бродяге...

Отрок с кровати выпал, ноги не держат, до горшка еле добрался, чуть не опозорился. На лампадку крест сотворить намеревался, да не тут-то было. Плетью ручонка повисла. И выплыло из дремы слово. Причастие. Будто причастился сегодня. Только не взаправду, по-хорошему, по божьему закону, а дико как-то.

Не отмыться теперь...

22

АНАТОМ

Котенка он не со злобы замучил. От одной лишь справедливой любознательности, сам себя так после убеждал. Товарищи глупые просто бесились, любо им было на страдания смотреть, а он-то знал, чего ищет. Тот самый миг уловить мечтал, где сходится бытие с небытием, поймать как-то, запомнить, чтобы страх уменьшить.

Но страх не уменьшался. Смерть дышала ему в затылок.

В храме Блаженного, на иконы креститься долго не решался, руку осторожно держал. Сам заметил, что у аналая тяжело дышаться стало, на паперть выскакивал, старух пугая, рот разевал. Воздуха не хватало. Теткам заявил твердо, что молиться с того дня будет один, в собственной часовне. За часовней они соорудили с Илюхой-конюхом кладбище для зверушек, ими же убиенных. Товарищей своих по играм странным вопрошать пытался, почему так легко убить, и не разверзлись небеса над ними, не видать ни столпов огненных, ни десницы карающей. Да разве могли бестолковые ему ответить? Они, пожалуй, и не понимали, чего вздорный барчук хнычет.

На тринадцатую осень он дошел сам. Дошел — и ужаснулся, какая бездна под ногами раскинулась. Ведь ежели буря не просто так, ежели господь кару ему назначил, стало быть, есть и за чертой бытие, есть и геенна для таких, как он, неправедных, неверующих... Сполз на колени, под разбитое окно, шептал путано, обещал, что больше ни одной жизни не возьмет, даже в монастырь пострижется, лишь бы в светлый чертог путь заказан не был...

Обманывал только себя.

Ему чертовски хотелось взять жизнь, но не кошачью...

Бродягу никто из домочадцев не считал особо трусливым или нуждающимся в помощи психотерапевта. Тогда еще слова такого не изобрели. Ну, тихий вырос, книгочей, аккуратный, вдумчивый, чего еще же-

вать? Отцу докладывали про успехи сына в науках, робко добавляя, что не мешало бы молодому барину задуматься о службе, либо об университете столичном, либо заграничный какой вояж предпринять. Отец пожимал плечами, он служил, кутил, охотился,— а в сыне при встрече узнавал умершую жену. Может, он и рад был как-то направить отпрыска, подтолкнуть, но вся его решимость разом испарялась, стоило завести разговор.

Никому бы не признался бравый полковник, что ребенок пугает его. Ребенок на «вы» обращался, вежливо про баталии с турками выпрашивал, про осады крепостей, про порядки при дворе. Полковник, хоть твердолобостью и отличался, замечал, что сын витает, да только не в эмпиреях романтических, а где-то совсем в иных сферах...

— Отчего солдату не страшно быть убитым? — вопрошал Бродяга.

— Как не страшно, всякому страшно,— крутил ус родитель.

— Отчего же страшно, ежели пав в баталии героем, непременно в божье царство угодишь? — не моргая, настаивал сын.

Полковнику становилось жарко и тесно в вороте.

— Ну... Божье избавление еще когда наступит, а радостей телесных испить... гм... тоже...

— А может ли быть такое, что рая нет и ада нет, а есть лишь мрак?

— Не может! — кряхтел запутавшийся отец.— Все в руце дающего... Жития разве не читал? Про угодников святых? То-то! Верить следует, а не хранцузской дребеденью глаза портить!

— Но если верить,— бросил вслед уходящему отцу Бродяга,— то тогда стоило бы всем разом поехать с армейским обозом и кинуться туркам на штыки.

— То есть как... на штыки? — слегка обалдел полковник.— Это к чему такая смута?!

— И вовсе не смута, папенька. Ведь тогда все, кому тяжело и печально жить, разом бы в царство христово угодили. В петлю лезть, вестимо, грех большой, а супостата погубить, да самому дух испустить — это ли не счастье?

— Смерти искать — завсегда грех!

— Однако вы на смерть сотни и тысячи солдат послали. Анны удостоились именно за то, что, смерть презрев, отважно первым на реду вражеский ворвались. Стало быть, папенька, вы как в петлю бросились? Стало быть, на вас грех самый больший?

Отец краснел, бледнел, раздувал щеки и, в конечном счете, отсылал за советами к попу.

Повзрослев, Бродяга отца больше не тревожил. Еще пуще он страшился неожиданного разоблачения и могущих последовать репрессий. Ему представлялось заточение в психиатрическую лечебницу, побои

санитаров, бритье головы, решетки на окнах, смирительные одежды и крысы, грызущие одеяло. Единственный казус занимал его. Что станет, когда он умрет? Как же это вообще возможно, чтобы и дальше жалили шмели, играли зарницы, хохотали девки на мостках, а его бы вдруг не стало?! И дальше будут звонко и упоительно расточать вечернюю благодать колокола, на пасху будут выпекаться пышные, изюмные дворцы, и кружить будут по льду розовые, стройненькие дамы в кринолинах...

От невозможности охватить взглядом катастрофический сей этюд Бродяга затыкал рот подушкой и выл, выл, выл...

Усадьба располагалась на самых подступах к Москве, подле Серпуховского тракта. Частенько в гости с него сворачивали сослуживцы отца, ученые родственники по графской линии матушки и церковные чины. Вопрос о жизни и смерти отрок неоднократно задавал, получая вместо ответа вразумительного обрывки проповедей либо, от рубак отчаянных,— смешные утешения эпикурийского оттенку, мол, пей-веселись, и будь что будет...

Люди точно сговорились не замечать очевидного. При первой попытке тетюшек сблизить племянника с выгодной соседкой, адмиральской дочкой, он довел девушку до слез. Вопросал о предметах нелепых, о чуме, о наводнениях, рассказывал о несчастных, коим довелось в гробу проснуться...

Бродяга вдруг уехал в Москву, втихаря поступил в медицинский, чем весьма поразил и расстроил благородных родственников. Он поступил туда наперекор глухому ужасу, клубящемуся в душе, пытаясь заключить с ужасом подобие пари. Робость никуда не делась, стала еще острее.

Особо тяжело пришлось на вскрытиях, проводимых профессурой при значительном стечении учащегося народа. Пока еще Бродяга сам не держал в руках отрезанные части человека, он как-то крепился. Но после первых же практических опытов осознал полную свою неспособность к хирургии. Убедился вдругорядь, что мертвая плоть его не интересуется, равно как и живая. Притягивал его лишь переходный миг, момент краткий между тьмой и светом... К счастью, дом состоятельного батюшки был всегда открыт для непутевого студента.

К времени неудавшегося студенчества относится вторая встреча Бродяги с его судьбой...

Толпой задорной, сами себя подбадривая, будущие анатомы наведались в госпиталь, где российская хирургия делала первые осознанные шаги. Анестезия в те годы сводилась к дюжим ручищам санитаров, ремням и стакану водки. Тоскливо вдыхая застойную вонь, слушая о способах и последствиях ампутаций, Бродяга неожиданно столкнулся глазами с пожилым солдатом, кавалером-орденоносцем, мечущимся во

время перевязки под руками лекарей. Изжелта-серый, мореный, солдатик явно был не жилец, о чем Бродяга заметил себе вскользь, намереваясь вслед за коллегами двигаться дальше. Он уже перешагнул через несколько пар ног в проходах, морщась от воя и причитаний, не особо вслушиваясь в бульканье профессора-немца, когда раненый кавалер приподнялся, перстом на него указуя, и потребовал:

— Не оставь, родимый...

Товарищи Бродяги не уразумели, к кому сие воззвание относится, благо полно раненых в бреду металось, иных даже привязывали, не позволяя срывать бинты. Бродяга же понял сразу, руки его похолодели, сердце ударило полковым барабаном, он повернулся на девяносто градусов и, как намагниченный, попер, переступая через однорукие, безглазые, безногие обрубки в уланской, драгунской, кирасирской форме, через кротких девушек в крахмальных чепцах, через заплыванные тазы с кусками тряпок и серой человеческой кожи.

Он помирает, помирает, помирает...

Билось в висках только это. Тем временем черницы солдатику сменили повязки, вынесли из-под него судно, положили головой повыше и переступили уже к следующему, что лежал лицом вниз и кровью плевал непрерывно. Казалось бы, этот раненый гораздо ближе стоит к бездне, и параллельным проходом среди коек подбирался уже к нему, подхватив рясу, долгополый со своим инструментом, но Бродяга наверняка чуял, кому первому в этой громадной зале надлежит шагнуть...

Он поспел вместе с солнечным лучом. Вместе склонились они сквозь пыль и боль к тусклым глазам солдатака...

— Вы меня изволили? — начал Бродяга. — Чего хотел, голубчик?

Он путался, не соображая, на «ты» можно, или в особых условиях мужика стоит на «вы» позвать, и корил себя за тугодумность и за внезапно пропавший вопрос. А вопрос следовало задать незамедлительно, ибо вздрогнул уже воздух над бритой, порезанной макушкой ветерана, и начало подыматься к распахнутому окну нечто вроде облачка, только Бродяге и видимого, застилая туманом взор...

— Есть ли там что? — зашептал он, превозмогая клекот сердца и, теперь уже преотлично знакомую, сладчайшую истому в паху, понятия причем не имея, как ее остановить. На сей раз ударило не в пример горячее, совсем не так, как восемь лет назад. Припечатало к полу, рухнул, кадыком дергая, вмиг мраком зала больничная окуталась.

— Светлый... — улыбнулся орденосец и умер.

Бродяга очнулся на клумбе, лошадь рядом травку пощипывала. Рождался вопрос. Тот совсем уж запредельным казался, озвучить-то боязно. Одно дело — себя за штурвалом пиратского брига, в треуголке, с пистолем мнить, и совсем другое...

Совсем другое — на жизнь чужую тут, в сонном отечестве, покуситься.

Мучился он не столько от прискорбной измышленной жестокости, сколько от понимания, что не всякая жизнь ему надобна. Жестокие сцены его отвращали, вследствие чего Бродяга себе психические болезни не приписывал, а только раздумывал и так и эдак, сопоставляя, изнуряясь бессонницей.

Он хотел поймать смерть такую же точно, со словом отворяющим на устах, не разумея, правда, что же слова сии отворяют. Поймать же смерть, находясь вдали от соборований, от госпиталей и поля боя, вероятности почти не было. В то же время он с нарастающей тревогой ощущал в себе способность угадать носителя «отворяющего слова» и среди живых, вполне здоровых и юных.

Как бы тогда дожидаться гибели такого человечка?

Трепетала душа при мысли...

Бродяга тихо сходил с ума.

Он отдавал себе отчет, что единственной, всепоглощающей страстью становится желание приблизиться к смерти. Приблизиться туда, где люди шатаются на зыбком мостке, готовясь породить тайное слово, лишь для него предназначенное.

Что же делать? Неужели и впрямь проникать в больницы солдатские? Глупости это, сам сознавал, что глупости. Особо тяжело сделалось, когда сам себе признаться в грешных мыслях сумел. До того мерзко заскребло на душе, что едва уксусу не хватанул. Признал себе, что есть оно, чутье, а коли чутье есть, то совсем незачем по больницам сразу ловить...

Можно и так... Живых караулить. Вот только ждать ли их смерти естественной?

Опасаясь сумасшествия, он посетил пару монастырей, побеседовал с настоятелями, известными проповедниками, стремясь укротить свой страх. На какой-то момент мания его отступала, чтобы наутро вцепиться в мозг с удвоенной силой. Он спрашивал священника, указуя на смеющихся девочек в люльке, как такое может быть, что всякая божья тварь тянется к веселью, к жизни, не ведая, что уготован саван и черви. Он спрашивал жадно, какой же тогда смысл в библиотеке, в неразрезанных томах, в глобусе ярком, с тварями океанскими, в английском телескопе, так и не вынутом из ящика, в музыкальном автомате, виданном в кондитерской петербургского Невского проспекта...

Где смысл радостей, если впереди — ночь вечная?

В какой-то момент он, очевидно, окончательно бы рехнулся, имея от роду всего двадцать лет, если бы не события печальные и как нельзя более отвечавшие его безумным предчувствиям.

Мор.

23
ЧУМА

Ранней весной 1771-го усадьба перешла на осадное положение, и очень вовремя. Первым же утром, когда из Москвы донесся истеричный колокольный звон, заперли ворота и не пустили назад даже слуг своих... Очень вовремя не пустили, и благо, что запасались на зиму достаточно. Пусть рыдали снаружи, пусть матери к деткам пустить умоляли, тетки Бродяги проявили железную стойкость. Наблюдали с чердака за пожарами в слободах, пищали держали у окон, картечью заряженные, молились вместе каждой ночью. Летом вмиг две деревни выкосило, одни кошки мявкали да псы подвывали. В Москве стреляло, грохотало. После уж прознали, что у Варварских ворот Китай-города бунт затеялся, архиепископа зарубили, стражу; богородицу кликали, поджигали, бесились...

Когда эпидемия пошла на убыль, Бродяга отважился на вылазки. Он увидел солдатские заставы, перегородившие дороги, костры, куда ворохом кидали одежду, чаны с уксусом на пустых базарных площадях, шеренги колодников в просмоленных балахонах, в адских масках. Он встречал вереницы телег, обкуренных дымом, и трупы на них, сложенные вповалку, как мясные туши, людей с черными голодными глазами и черными бубонами на руках. Он смотрел, как навстречу этим телегам из ворот больниц и просто из подворотен крючьями волокут по грязи трупы. Он увидел, что за месяц стало с ближними их родовыми деревнями, где лаяли теперь ночами шелудивые псы и страшно кричали, распухшие от молока, коровы. Он встречал полные свечами ночные церкви, где охрипшие попы вздрагивали седыми, спутанными бородами, бились лбами об пол. Колокольный звон тоже бился, бился над рвами с шипящей известью...

Обратно возвращался скоро, взбаламученный ум не выдерживал зрелищ небесного гнева, как окрестили мор старухи-приживалки. Перед конюшней скидывал в костер одежду, забегал в баню, потом сидел долго, успокаивая сердце после парной, зажмурился крепко, читал наизусть молитвы. Иногда падал на колени в часовенке и плакал горячо, допытываясь у бога, зачем красота женская, зачем античные скульптуры, зачем новый иконостас, если впереди лишь яма с известью...

Однажды ранним утром нашел то, что искал. Как ему показалось, совершенно случайно попал к службе в собор и встретил там старца Исидора. Покойных еще отпевали чохом, но уже слегка замедлилась жуткая река. На площади, позади жидкой толпы побирušек, поддерживаемый двумя чернецами, вздрагивал кривым тельцем дремучий отшельник. Бродяга вначале прошел мимо, краем, поставил пару свечей. Затем на

обратном пути, по обыкновению не крестясь, а лишь кивнув маковкам, столкнулся с горящим взглядом и остолбенел. Старец, казалось, весь состоял из бороды и глаз, что жгли, как уголья. Немоощен был телом, но духом кипуч, неукротим.

— Подь сюда,— негромко подозвал отшельник.— Пошто толчесси среди смрада, аки бродяга? Я ведь тебя третий раз вижу. Жаден до смерти ты, бродяга. Все у тя есть, сытно ешь, мягко спишь, черни полон двор, а не лежится на печи... Чай, бродяжить тянет?

Так его впервые назвали Бродягой. Старцу было наплевать на приличия, на дворянские титулы и звания. Он существовал на задворках одного из уральских монастырей, по слухам, втихую поддерживал обряды языческие, но в округе авторитетом пользовался неимоверным. В Москву привозим был трижды, после уговоров долгих и богатых даров на монастырское содержание, и всякий раз коротко пользовал детей аристократов, а сказывали даже, что и к августейшим персонам допущен был...

— Я смерти боюсь,— признался Бродяга.— Чую зерно ее в человеке, в ком спит, а в ком уж проклюнулось. Оттого боюсь еще больше...

Совершенно чужому человеку, полусумасшедшему схимнику открылся. И полегчало сразу. Впервые полегчало, потому что старец не отвернулся, не плюнул под ноги, не замахал крестом истово.

— Боисси? — хихикнул старичок.— Чего ж вылез на белый свет? Сидел бы себе, у теток под юбками, на реку бы глядел, на прачек, прости господи...

Бродяга вздрогнул. Как раз вчера он пытался читать в библиотеке, и по давней привычке, взглядывал на пустые мостки. Деревня почти вся полегла, некому стирать было...

— Не умирать боюсь, а смерти,— удивляясь собственному многоречию, пояснил Бродяга.— Хочу понять, для чего жизнь дадена, коли страх вечный грызет...

— Аль согрешить много успел? — усмехнулся в бороду Исидор.— Честно глаголь, зарезать кого хочца?

— Нет, нет, как можно...

Бродяга чуть не сел в лужу. Отшельник трепал языком грубо, по-мужицки, совсем не как святой человек.

— Можно, все можно,— покивал удрученно старец, зевнул широко, не прикрывая рот.— Чего уставился, я золотых яиц не несу. Кабы можно не было, не душили бы друг дружку, разве не так?

— Значит, вы тоже считаете... — задохнулся Бродяга,— что дозволение на грехи имеется?

— Ни хрена,— опустил его на землю дед.— Никаких дозволений. Ты сам и есть свое дозволение. И нет тебе спасу, кроме как постриг Белого мортуса принять...

И махнул чернецам, чтоб несли его к воротам.

— Что за постриг? — опомнился Бродяга. — Никогда не слышал...

— А ты много чего не слыхивал, — отмахнулся Исидор. — Грамотный больно, а чего грамота ваша? Буковки одни, а... Ну-ка, подсадите меня, братцы...

Позади, за воротами, уже развернулась карета с золоченым гербом на дверце, с лакеями на запятках. Исидора подняли двое в париках, с закрытыми, впрочем, лицами, бережно понесли, монахи кротко топали следом. Бродяга ахнул, прочитав герб.

— Стойте, погодите! — Он неловко побежал за лакеями, заглядывая Исидору сбоку в помятое лицо. — Умоляю вас! Все что угодно, служить к вам пойду, постригусь, деньги, только объясните, как же это...

— Что «как же это»? — блеюще передразнил старик.

— Как же так, чтобы никаких дозволений? Сами руку целовать даете, и сами же ересь проповедуете...

— Стой, — тихо рыкнул Исидор. Монахи замерли. — Ересь не то, что в уши, а то, что в души. Сам ведаешь, бродяга, а врешь... В чем моя ересь? Да только в том, что твердо знаю, а ты мечешься. И Христу готов клониться, и лизать подошвы идолищу готов, пакостник. И убить готов...

— Неправда, я не за себя радею, — в отчаянии воскликнул Бродяга. Он понял тайным чувством, что если упустит сейчас схимника, то все, увезут во дворец, не встретятся больше... — Я смерть загадкой понимаю, которую Господь нам загадал. Стало быть, и отгадка имеется...

— Врешь, — одними губами произнес старец. — Вечно жить хочешь. За то готов удавить весь род людской.

— Пошто напраслину... Я руку ни на кого...

— Это до времени, — отмахнулся дед. — Чую, пару раз уже прелести запретной вкусил? Шо рожу воротишь? Не дрожи, я сам такой был. Сдохнешь, бродяга, али достанут тебя... До конца-то формулу ишо никто не составил, — опять одними губами, почти беззвучно, предостерег дремучий отшельник.

У Бродяги закружилось, сбилось перед взором — сырая площадь, лепешки навоза, наглые галки над колокольной, ободранные дети ниц перед пузатыми господами в треугольных поярковых шляпах и шерстяных чулках...

— Этого бродягу со мной! — вдруг приказал старец.

Лакеи робко переглянулись, у Бродяги холодом заныло внизу живота. Из кареты брезгливо глянул короткий, жабьего вида человечек в буклях и кружевах.

— Кто будешь?

— Такой-то, такой-то! — почти по-военному отрапортовал Бродяга, невольно вытягиваясь во фрунт.

— Не гляди, сиятельство, что в отрепьях шлепает,— вступился старец.— Не врет он, так и есть, полковничий сын...

Бродягу несколько покорило, что за него просит простолюдин. Похожий на жабу вельможа укрыл лицо платком, отвернулся, махнул соглашательски, устало. Все в империи устали за последний месяц.

В карете Исидор молчал, как истукан, глазами только зыркал. Закатили во двор, мелькнули факелы, шпоры, ограда чугунная. У Бродяги еще пуще заныло в животе, когда на окошке складочку отдернули. Попутчик их, блестя орденами, одышливо сопя, вылез, соскочил на коврик.

— Жди тут,— просто сказал Исидор и раздавил какую-то гниду в бороде.— С их сиятельствами маненько потолкую, уж больно просили за хворыми детками присмотреть, а там, бог даст, затемно и поедем...

Бродяга послушно ждал Исидора в карете. За три часа одиночества он многое обдумал и принял решение. Хитрый старец поймал его в ловушку собственных слов. Он умолял, кричал «все что угодно», и нате вам — придется платить по счетам.

Исидор вернулся угрюмый, еще больше высохший, очи пленкой, как у змея, затянулись, тени скулы облегли.

— С богом! — только и сказал, в тулуп завернулся и уснул.

Во мраке, после часа тряски по колдобинам, вдруг встали. Старец проснулся, ожил, захрипел.словно удивился, заметив подле незнакомого человека. Бродяга ерзал неловко, стесняясь отросшей щетины, нечистого мужицкого кафтана. Хотел спросить о здравии, да язык словно присох к гортани.

— Ты чего, бродяга? — спросил Исидор.— Неужто в перинку не хочца? Отседова до перинки верст семь, не боле. Давай, чайку похлебай с нами и гони. Коника твоего позади привязали, овса щас дадим, и поедешь с богом...

— А как же... как же постриг? — Бродяга не мог поверить, что его обманули. Уста старца одно обещали, а глаза хитрые, грозные — совсем иное. Монашек отворил дверцу, студеный ветер над облучком фонарик раскачивал. И вправду узнал Бродяга поворот знакомый, за верстовым столбом. И огоньки под горкой сладко моргали. Он понял вдруг — нельзя выходить. Выскочить из кареты легче легкого, только этого и ждут, сунут нож под ребро — и готово дело, к утрecu волки так обглодают, что свои не признают...

— Я что угодно, какую угодно сумму соберу, лишь бы причаститься, лишь бы стать этим самым... мортусом...

— Цыц, не кидай слова, коих не смыслишь! — негромко прикрикнул Исидор.— Какой тебе постриг... Но, но, не реви, корова! Вижу я, от тебя в миру всем одна морока. Так и быть, заберу к себе. Только помни —

насовсем заберу. Людишки мрут, соборовать некому... Чай, смекнул уже, чем платить за избавление от дрожи-то придется?

Бродяга окаменел. Монахи разом перекрестились, зашелестели «Отче наш», посмотрели отрешенно, насквозь, точно идола черного дерева из отцовского кабинета.

— Белый мортус косую гонит прочь, покудова стих не составит, — сипло произнес Исидор. — Я свой стих до конца слушать уж не хочу, надоело...

— Так вы тоже?..

— Тоже, тоже...

— Неужто жить надоело? — не выдержал Бродяга. — Грех так...

— А ночами души человечьи пить не грех? — подался к нему старец. Монахи тоже привстали, как псы цепные, готовые за хозяина глотку рвать. — Как первая строка стиха сложится, почитай, ты в капкане. Нет жизни боле... Я отказался, сам. Сколько еще смогу, так проживу, человечьим веком, благодати принесу в мир. Смекаешь, бродяга? Двести лет, почитай, я не мог отказаться, все мнилось, что это и есть главное... А впрочем, ты ведь так и думаешь, что с тебя взять?

Старик глядел из темноты сурово, похожий на лик с иконы.

Двести лет, билось в висках, двести лет...

— А что ж главное, коли не жизнь? — глухо спросил Бродяга.

— Два пути есть у мортусов, бродяга, — продолжал дед, словно не расслышал вопроса. — Либо стих свой мирно составлять, тогда побегут годы шумно, а потом замрут, как лягуха под снегом замирает. Многие со стихом дадено Белому мортусу, целить может, на годы вперед видит, металл в земле мастерам дарит... Многие дадено, но так же и назад спрошено. Все, что дадено, вдвое возвертать приходится...

— Кому воз... вращать?

— Как кому? — искренне удивился Исидор. — Вестимо, людям. Больше нет господ у тебя...

Бродяга чуть не подавился. Подобную ересь от человека, которому князья доверяют болящих чад, он услышать никак не ожидал. Вместе с тем и тянуло к человеку этому опасному неимоверно...

— Это ж как, нет господ? — дуряя слегка от столь опасной полемики, выпалил Бродяга. — В святой обители обретаетесь, а господа нашего...

«Господа хулить вздумали?» Это он не договорил, спохватился.

— Дурак, — сказал Исидор и глаза кротко возвел.

— А второй?.. — Бродяга от волнения слово «путь» выговорить не смог. Он вообще ничего не понимал, кроме одного, — каким-то чудом с детства открылся ему дивный дар, смерть укрощать...

— Второй... — нехорошо рассмеялся Исидор, и Бродяга вновь ощутил себя на краю гибели. Никакие не монахи, подумалось ему, оборотни клятые, волками смотрят.

— Черным мортусом перекинуться легче всего, — подтверждая худшие подозрения Бродяги, спокойно заметил отшельник. — Рождаются все одинаковы, чисты и невинны, а после, ты глянь, пакость какая... Черный видит хуже, оттого голоден, не ждет стиха, сам убивать начинает. И чем больше загубит народу, тем слепше деется... Вникаешь, бродяга?

— Вникаю.

— Ни хрена ты не вникаешь, прости господи... Ты думаешь, шо я с тобой лясы точу, делать нечего? Белого хочу вырастить, а не Черного... Ошибусь — беда на Русь опять придет, сколько уж можно...

— Так разве я Черный?

— Нет, покудова... Ты как, креститься не можешь?

— Не могу...

— Эхма... В храме худо? Водича святая жжет?

— Дышать тяжело, теснит словно, — честно пожаловался Бродяга. — Про воду не думал...

— Мокий, притвори, чай не май на дворе, — сварливо обратился старец к одному из своих помощников.

Тот поспешно захлопнул дверцу. У Бродяги слегка отлегло от сердца.

— Оставить тебя тут не можно, — вздохнул Исидор. — Тьма египетская от тебя народится, уж было так... Либо снова грех тяжкий на душу брать, либо учить придется. Дурень ты, ничего не понял! Я такой же дурак был... Мнишь костлявую одолеть? Только ведь, как стих вратет в тебя, так жизнь и высосет, опомниться не успеешь. Помяни мои слова — жизнь не ради любования дадена, работать надо...

24

ПОСТРИГ

Ему было двадцать, когда навсегда покинул усадьбу, любимых тетешек, служивого отца и все планы на благоустроенную московскую жизнь. Он начал бродяжить, но совсем не так, как ожидал.

На второй же день по приезде Исидор велел переодеть гостя в черное, остричь коротко и взял с собой в город.

Они ездили к умирающим.

Старик делал свое дело, исповедовал. Бродяга поначалу зажимался, захлопывался, как моллюск, и страдал до рвоты. Находиться подле смертельно больного, всматриваться в восковые, угнетенные, повязанные платками лица старух, вдыхать слезы безутешные — это все вгоня-

ло его в ступор. Но Исидор знал свое дело славно, выбивал клин клином. Ничего на первых порах не требовал, харчами не баловал, одно лишь настрого заповедал — от родных покойника не прятаться, говорить с ними, ласкать да слушать. Первое дело — слушать человека, пускай себе клянёт небо, рыдает или смеется...

Походя, играючись, в одно касание, Исидор лечил детей от смертельных хворей, вроде колтунов, заикания, бородавок. К взрослым ездил редко, сам тоже принимал неохотно, уж больно много энергии высасывало из него целительство, а подкачки-то более не было, сам отказался. Впрочем, никому впрямую не отказывал, на памяти Бродяги человек сорок буквально с того света вытащил.

Эпидемии по уральским губерниям стихали быстрее, чем в старопрестольной; вероятно, сказывались особенности сухой зимы или разница в чистоте воды, однако до первого снега Бродяга вместе со старцем исповедал и похоронил человек триста. Это тех, кто не от старости помер. Подсчитать пытался — и сбился в ужасе. Где-то на двадцатом покойнике он привык. Он стал осязать старуху с косой совершенно иначе, его домашние представления рухнули, и вместе с представлениями рухнула тоска по бабушке, по любимым теткам и болезненному, дремотному городу.

Оказалось, что его фобия никому не интересна, что не надо искать сочувствия и соратников, потому что здесь его не поймут. Здесь горюют, но не так, как собирался горевать он, недоучившийся студент, состоявшийся военный и никому не нужный поп. Исидор не зря зло шутил, что таких никчемных мир от себя не пускает...

Исидора звали часто. Шла молва, будто от старика особая благодать исходит, и что исповедоваться лучше ему, нежели деревенскому батюшке, а еще лучше, если старец соблаговолит к трапезе остаться и прочих членов семьи послушает. Ни советов, ни утешений особых от него не ждали, к этому Бродяга давно привык. Божились, что в семьях, где Исидор проводил кого-либо в последний путь, да еще и осенил, там хвори отступали, и двойни чаще нарождались. И уж точно никого к погосту в ближайшие пару зим не понесут...

Бродяга отрастил гриву, бороду, ладони его задубели от рубки дров, а плечи — от коромысла, щеки ввалились, зубы пожелтели. Исидор кушать запрещал, зато велел жевать чеснок и траву, от цинги полезную. Кормили в монастыре не густо, зато в богатых домах, куда брал с собой старец, Бродяга отъедался. Легче жить, однако, не становилось. Раз чуть бес не попутал, случайность спасла. Послал старец с монахами за дровами, тремя подводами выехали затемно, чтобы к обеду возвратиться. Колыхалась рань зябкая, мычали полусонные стада, монахи скрючившись, ноги подобрав, молча вдоль реки ехали, к броду.

Ничего не предвещало беды.

На переправе лошадей напоили, снова двинулись, а как солнце выглянуло — подобрали баб двоих, с девчонкой. Деревенские, но не забытые бабенки, бойкие, смешливые, из вольных. Бродяга до того молча на последней подводе валялся, в небо взор вперив, травинку жевал. Чернецы болтали сказки, порой истории захватывающие всплывали, хоть и с чужих слов, да только Бродягу не трогало.

Его давно ничто стороннее не трогало.

Когда бабы с девчонкой подсели на телегу, для монахов ничего не изменилось — как жевали горбушки, злословя лениво, так и продолжали. Бродягу обдало вдруг холодом, словно из парной выпал на колющий снег. Задышал тяжело, чувствуя, как капкан внутри напрягся, в ушах зазвенело. Звон далекий нарастал, катился, уже гремело и трясло, точно привязали его всего, целиком к языку колокольному, и раскачивали, и лупили им о бронзовое нутро тусклого великана...

Девчонке ведомо было. Следующее слово для его стиха, для его бессмертия грядущего.

Он соскочил с телеги, медленно обогнал, улыбнулся, чтобы себя не выдать, незаметно стряхнул пот. Лица ребенка он даже не видел, не сумел бы описать, какова она, во что наряжена, сколько ей годков. Вероятно, лет семь или восемь, не больше. Бродягу прошиб пот, когда он понял, что способность его развилась и усилилась. Он наверняка знал, что из трех особ женского полу именно эта, махонькая, в женскую силу покуда не вошла, а здоровьем, как назло, могла с медвежонком поделиться. Что-то у ней свербило, может зуб молочный, либо заноза, но до багрово-черной полосы далеко ей было, ой как далеко. Багровый горизонт Бродяга наблюдал при желании в каждом встречном, у одних он почти незаметен был за сизой, облачной как бы, дымкой, у других полыхал настырно, проморгаться хотелось от мрачного пламени...

Девчонке суждено было топтать земную твердь еще долго, очень долго. Бродяге показалось, что воздух стал густым, как сметана, забулькал, застрял в трахее. Хуже новости не придумаешь. Девчонка неслась слово и собиралась нести его лет шестьдесят, а то и больше...

Он тогда еще не умел с полувздоха определять положенный человеку срок.

Повозки застопорились в узком месте, пропуская почтовую карету с охраной. Поздоровкались, помахали ручками. До полосатых столбов заставы с полверсты осталось. Монахи спешили, кто по кустикам, кто снесь развернул обстоятельно, кто прилег, завернувшись. Илья разогнал уже колесницу, хмарь подымалась с лугов, жужжали слепни. Бабы спрыгнули тоже, похватили мешки, но повернули не к городку, а назад, к реке, к переправе. Позже оказалось — помыть ноги надумали да обувь надеть, чтобы в городе совсем уж за простушек не держали.

Бродяга никого и ничего не слышал, смотрел на девочку. Худосочная, с косицей, под косынку повязанной, в сарафанчике льняном. В руках опорки крепко сжимала, видать, настрого велели обувь беречь, не спортить. Подпрыгивая, она спускалась по влажному песку к броду. Там, под игристыми перекатами реки, метались стаи мальков и рассасывались, как неровные шрамы, следы тележных колес.

Бродяга встал за бабами в трех шагах, куст ракиты его прикрывал. Он видел, что к противоположному, обрывистому берегу неспешно катится повозка, рядом вприпрыжку бежит жеребенок. Возница вдруг натянул поводья, кобыла встала, потянулась губами к орешине...

«Что она такое? — пылая, рассуждал Бродяга. — Ничто, пустая моль, мотылек жалкий... Кто заплачет, кроме матери ее, если мотылька не станет? Никто, пожалуй, да и мать долго горевать не будет. Небось четверо, а то и пятеро по лавкам прыгают, обычное дело дитя схоронить... Боже, помоги мне, останови меня, как же спастись от напасти, Боже?!»

Бродяга не мог оторвать глаз от тонюсенькой ее шейки, от проема между лопатками, от бьющейся жилки, от пушка на левой щеке. Не более двух сажений до нее, до прихваченного узлом затылка оставалось.

Вот еще ближе, присела, жучка рогатого перевернула на песке. Крестьянок уже скрывала стена шелестящих кустов, на том берегу мужичок вовсе отвернулся, исчез за обрывом.

Нет свидетелей, никто не увидит, никто не услышит!

Бродяга до крови укусил себя за руку.

На другой стороне реки возница с переправой не спешил, кормил лошадку из торбы. Жеребенок сосал ее, помахивая хвостом. Бабы вдали уселись на бревнышке, лузгали семечки, неторопливо тянули разговор, словно горлицы ворковали. Девчонка, отшвырнув прутик, пошлепала в сторону, в самые заросли, в осоку. Откуда-то вынула тряпичную куклу, прижала к груди, спела той колыбельную, затем на сухом мху положила, якобы пеленку младенцу меняя.

Уйдет — второй раз не воротишь...

Девочка ведала слово, слово редкое, ценное, как джокер на остатнем раскладе, могущий перевернуть небрежно весь ход игры. Слово, замыкающее строфу...

Надо было только позволить ей провалиться за багровую черту. Он успел бы, ухватил, верил в это истово. Только врезать легонько булыжником, окатышем речным, много ли дитю надо? А мать и не заметит, мать еще нарожает, вон какая крепкая!

— Эй, покатили, что ли? — За спиной Бродяги жевал луковицу с са-лом молоденький послушник. — Игумен осерчает, коли опоздаем. Тебя ждем, обыскались...

И в тот же миг лучик солнца дерзко вырвался из туч, разбился на осколки и словно бы вызвал к движению доселе застывшие предметы. Всполошились кряквы в камышах, стаяй взлетели вороны над дальней колокольней, заржали лошади. У Бродяги подогнулись колени.

— Спаситель, спаситель, не оставил меня... — хрипел он, забыв молитвы, забыв благодарность словесную, изливаясь в умиленном раскаянии.

Девчонка обернулась, вздрогнула, заметив вблизи мужчин: одного юного монашка испуганного, другого — смурного, корявого, вовсе страшного, стоящего на коленях, с перекошенным ртом. Бросила куклу, промчалась по воде, притаилась за юбкой матери...

Сама не ведая, что уцелела чудом.

25

СПАСЕН

— **Д**иавол испытывал? — спросил от порога Исидор, когда с дровами вернулись.

Бродяга заплакал, слезы утирал рукавом, носом шваркал, все текли и текли...

— Ниче, зарастет, — подытожил старец, выслушав сбивчивую повесть о несостоявшемся убийстве. — В знаки не верую, извиняй. Сам осилил бесов, за то благодари заступников небесных... Ниче, случилось и хуже! Спасся седни — к завтраму сильнее станешь, вот и весь сказ.

— Отец, а как не повстречаюсь с ней более? — отважился Бродяга. — Чую я, не просто слово, а особое ведала...

— Дурак, — скривил рот Исидор. — Ну, дурак же! Чутье острое, а разума — ни на грош. А ну, сказывай без утайки, отчего не прибил девку? Нешто пожалел? Мне честно говори, в очи гляди, ну!

— Так это... Не пожалел! — угрюмо отмахнулся Бродяга. — Можешь отлупить меня, отец, но я их никого не жалею...

— Ой ли? — сощурился старец. Гнева, впрочем, не явил.

— Редко когда подступит, редко... — задумался Бродяга. — И эту, на реке, не пожалел бы. Я, отец, вот хоть смейся, весь род человеческий тогда пожалел...

— Говори, говори.

— Да что говорить? — смутился Бродяга. — Как-то и не растолкуешь... Глядя на нее, будто уверился, что все мы не просто так рожаем-

ся и мрем, что есть высшая разгадка, есть она... Иначе, ежели разгадки бы не нашлось, так никто бы и не нарождался. Вот что остановило, не жалость...

— Белый мортус, как есть Белый,— удовлетворенно крикнул старец.— Не о себе печется, слава те, господя...

...Умирала мещанка, сорока шести лет, от огня внутреннего, лечению неподвластного. Исидор велел стоять за дверью, с пером наготове, а можно и без пера. Остальных сородичей разогнал, чтоб не мешались под ногами.

— Эта, как пить дать, преставится,— едва потрогав лоб больной, заметил старец.

Бродяга задрожал. Понял, что тощая тетка сегодня помрет наверняка, в который раз ошпарив страхом. И понял, что сегодня начнется нечто.

Придет третье слово стиха, его стиха. Без греха придет, по закону написаному.

Шепот за дверью прервался, больная захаркала. Исидор отчетливо, не напрягая голоса, как он умел, окликнул. Бродяга толкнулся внутрь, не зная, чего ожидать. Следом сунулась девка с кувшином, глаза любопытные. Исидор замахал на нее черной пятерней, мигом смылась.

— Меня вынеси отсель, а сам слушай,— велел старик, и за локоть, точно клещами, ухватил.— Остатнее слово за тобой... мортус.

Бродяге казалось, что потолок сучками вдруг пророс и вниз и тянется к нему, насквозь прорубить тянется.

Мортус...

— Да как же?..— взвился он.— Не положено мне, отец...

Больная тяжело застонала; платок на ее груди — словно в крови вытирали. Капли пота на прозрачном лбу висели горошинами.

— Остатнее слово твое, мне не говори. Мне она, что надоть, донесла.

— Спасибо, родимый... — прохрипела женщина. Глаза ее влажными провалами упирались в потолок.

Бродяга вынес деда из натопленной спальни, вернулся, притворил дверь. Писать, однако ж, не пришлось. Спустя минут семь женщина дугой выгнулась, кровью плюнула, затем подняла медленно руку и, перстом в темноту указуя, одно лишь слово произнесла:

— Княже...

Бродяга выбрался, шатаясь. Сила враз ушла, кровь от головы отлила, по ногам мурашки забегали. Вроде дверью за собой звучно не хлопал, а лампы в горнице погасли. Вбежавшая сестра покойной опрометчиво в глаза ему глянула — и отшатнулась, по стене сползла. Девка за ней свечи несла, взвизгнула, назад пялась. Исидор шикнул, брови сдвинул.

— Ага, проняло... Затвори уста, окаянный. Вымолвишь — прокляну. И себя погубишь, и безвинных...

— В глазах темно... — пожаловался Бродяга, когда уже правили назад. Присыпало снежком помаленьку, воздух хрустко колосся, дышало небо близким морозом.

— Тпру! — сказал лошади старец.

Бродяга скатился с телеги в окаменелую грязь. Снова и снова видел перст скрюченный, небо агатом отдавало, в ушах — грохот дальний, будто гроза за лесом сторонилась. Никак он не мог проморгаться, темень приступила. Вроде впрямую на огонь смотрит, а мнится, будто ви-траж голландский огонь заслоняет.

— Слепну я, отец... Что за напасть?

— Радость тебе, а не напасть, дурак. Жив остался, а скулишь, как пес. Теперича слушай, бродяга. Знак седни тебе явлен был, навроде яр-лыка малого. Знак не от светлого, от иного, строка первая сложилась. Как слова переставить — твое дело. Захотишь отринуть напасть — милости прошу. Всенощную отстоишь, до зари ишо неделю службы отстоишь, попостишься, можа и полегчает...

— Что полегчает? Как отравы наелся...

— Не отравы. Постриг принял. Благодать тебе сошла, только не от Христа, от иного. Прости мя, Господи, что всеу имя твое упомянул. Не желей, бродяга. Печать у тебе во лбе ишо раньше горела, сразу тебя признал.

— Да что за печать такая? — Бродяга стонал в подмерзшей луже, держался за глаза, за виски. Лошадка прижимала уши в испуге, сторонилась его, будто волка чуяла.

— Мортуса Белого печать... Мало кто об ем слышан. Книги чаро-дейские от греков завезли, да при Грозном еще спалили, вишь, умники. Спать легко, а как потом с нечистью управляться, а? Вот славно, что кусок от книги одной, называть не буду, изустно заучили. Потому мало кому ведомо...

— Это я нечисть, что ли? — обиделся Бродяга.

— Ты дурак просто, — успокоил Исидор, плотнее закутываясь в драный полушубок. — Нечисть — это, не к ночи сказано, например, Черный мор-тус. Тот жизнь сосет, да одной ему постоянно мало. У детей малых сосет, у старых, болезных, кто при себе соки жизни удержать не может, слабые кто... Слушай меня, Бродяга. Я ишо отроком голопузым бегал, приезжал к нам в обитель старец Гаврила с Ильмень-озера. Чудной был человек, но как есть святой, птиц собирал на поляне. Это я сам видел. Птиц собирал на длани и по муравке мог пройти, цветов стопами не сгибая. Он про книги запретные ведал, व्यюношем выучил, изустно передать дальше хотел, да не мог. Не мог сыскать ни по селам, ни средь затворников отрока, кто бы па-мять добрую имел, да к тому тяготение к науке. Было так, что и плевали вослед, и от патриарха псы подметные приползали, погубить хотели...

— Так он тебя сыскал?

— Меня взял, долго учил. По гроб буду ему свечи ставить. Научил много, теперь голова худая стала, забываю... И про мортусов научил. Черные опасны зело, может, от них чума с язвой и идут, тут не проверишь. И разглядеть их простым глазом никак не можно...

— Колдуны это?

— Не всегда. Старец Гаврила на Отрепьева указывал, на самого даже Грозного. Змей тот был, даром что книги жечь велел... Сами прочитали, заклатья тайные постигли, а с другими делиться не блазнилось им. Но те далече, сгинули уж, хоть все не по сроку. Либо казнены, либо отравлены, всяко не своей смертью ушли, и слава богу! Истинным божьим людем давалось зрение великое. Находили Черных даже в утробах материнских, вот как, там и жгли, ага... Да ты не дрожи, Бродяга. Белый мортус не таков, он хучь и родился с ярлыком, а все ж таки без пострига в силу не войдет. Белого одна рана допекает — люто он смерти страшится, и через страх свой может тварям божьим навредить. Пустой внутри Белый мортус, ты уж не обижайся, но пустой. Веры христовой не удержит, да и другой веры никакой. Слоняется так и мучается, пошто жизнь дадена, коли правды в ней ни на грош, а в закате — могила? Оставлять без присмотра Белого мортуса никак нельзя, хоть вепрем и не кидаются. Но разбойничков, лихих людишек из них немало вышло, сказывают. Случайно аль по родству предсмертное слово услышит — и с того момента изнутри вывертом оборачивается. На каторгах самые бойкие иваны, знашь, кто? Вестимо, Белые мортусы, завсегда заправляют да хозяйничают в делах паскудных. Почему так? Да потому, что пустые внутри, не держит их ничего от резни, от убийства да лихоимства...

Бродяга слушал, затаив дыхание, на себя слова грозные перекладывал. Мурашки по коже от ужаса бегали, словно в зеркало сатанинское заглянул. А ведь иверно, не раз ему в дремоте являлось, что будто бы нету никаких законов, кроме законов его собственных. Где предел его праву и где предел праву иному, от Бога даденному?

Прочитал как-то про упыря трансильванского, про то, как тот жил, удаленно, размашисто, кровью путь свой поливая. Злодей был, конечно, для геенны созданный, а все ж вызывал подвигами своими мрачными в душе трепет приятный.

По наивности своего домашнего воспитания, Бродяга не догадывался оборотиться к примерам злодейств не столь отдаленных, расположенных под самым носом...

— Виноват я перед Гаврилой шибко, — жаловался старик. — Вот помру скоро, а не сыскал себе парня в обучение. Те что сами просились, отворачивались после, бежали... — Он подставил руку для поцелуя проходившим мимо бабам.

— Прости, отец, зябко! — Бродяга подобрался к телеге, стуча зубами, мокрый, взъерошенный. — Дозволь, поедем? Замерзну...

— Сиди тихо! — равнодушно прикрикнул старец. — Никуда не поедем, покудова не ослобонит тебя. Куды тебе в обитель — сгоришь, и золы не останется...

— Как же? Что ж, мне теперь и в церковь нельзя? Вроде прокаженного? — Бродяга в испуге рассматривал грязные свои руки.

— Погодь малехо, все можно будет. Слушай, Бродяга, на ус мотай, другой раз не повторю. Ничего так просто не дается. Сложишь вторую строку — отработаешь сполна. Сложишь третью — вдвое больше отработаешь. А ерепениться начнешь, обленишься — до земли пахотой согнет... Да садись уже, поедем...

— А если я... — Бродяга облизал губы. Вопрос повис острым валуном на краю обрыва.

— Да не бойся, договаривай, — Исидор чмокнул вожжами. — Хотел спросить — если перекинешься, убивать ради бессмертия начнешь? Тогда — беда великая. Черного мортуса не остановить, покуда в крови не захлебнется...

26

БРОДЯГА

Он потерял короткую память на третий месяц бродяжничества. Старец таскал слушать каждого умирающего, хотя Бродяга отчетливо сознавал, что практически все они — «пустышки».

Обрывки стиха несли единицы, но возлюбить следовало каждого.

Возлюбить грязных крестьян было столь непросто, что ночами Бродяга выл, уставившись на луну.

— Уйдешь? — спрашивал утром Исидор, безошибочно, по набухшим подглазным мешкам, по серой коже определяя бессонную маету

На седьмой месяц вдруг принял постриг в монастыре, имя взял, на которое откликнулся, но жить продолжал вне стен, подле духовного отца. Тот чах, слабел все боле, с трудом разминая по утрам двухсотлетние кости. Было ему годов даже поболее, но поминать об том не любил. С тех пор как прекратил стих слагать, дряхлел на глазах. Паломники к нему косяком валили, не успевал всех благословить, монахи уносили на одеяле почти бездыханного.

Когда к Бродяге постучался первый проситель о заступничестве перед Богом, он не запомнил. Вначале онемел, ослабел ногами от такой просьбы, затем устыдился, что угостить в крохотной избенке нечем...

Летом пошло легче, после того, как в острог съездил. Троих там послушал перед смертью, но только четвертый слово донес. Старый каторжанин с рваными ноздрями, чуть не всю жизнь провел по каторгам. Лежал неделю, к стене отвернувшись, никого слушать не хотел, а в Бродяге сразу близкого признал. Ухватил за локоть горячно и помер, слово вымолвив.

После острога намерен был в монастырь возвращаться, когда вдруг понял, что тянет совсем в другую сторону. На юг. До Астрахани дошел и еще южнее, вдоль моря спустился, почти к персидским владениям. Везде кое-как пропитание находил, хоть и не стоял на папертях. Слушал, помогать вызывался бесплатно или за корм, деньги возвращал сразу. По горным тропам намаявшись, к донским станицам двинул, там в компании странников время провел, ни с кем, впрочем, близко не сходясь. Наступил день, когда отважился сам предложить лекарские свои свойства. Помнил, как старец нарочито колдовал, раздувая страхи близких, щеки дул, слова латинские в кучу ссыпал, вполовину из молитв, вполовину из стишков римских, в сундучке истлевших. Бродяге казалось постыдным так дурить православный люд, он волхвом древним не прикидывался, оттого прослыл суровым и справедливым божьим человеком.

Сам об эдаких словесных регалиях не знал. Думки все к одному сводились — годы бегут, торопятся, а формулы нет, как не было. Тем удивительнее стала для Бродяги встреча со старым случайным знакомцем из Серпухова; тот в совсем пожилого человека превратился, ходил с одышкой, переваливаясь, волосенки редкие серебром отливали.

Внезапно он уразумел, что не стареет, как другие.

Но радости не почувствовал, словно иссяк источник. Не осталось радости в груди, не осталось ничего, кроме горячего желания продолжать стих. Будучи в лавке, заглянул равнодушно в календарь, отвел глаза, затем снова пригляделся и не поверил.

Десять лет, как один день...

27

НОЖ ГОДУНОВА

В последний путь старца Исидора проводили зимой 1792 года.

...Год звенящий, тревожный, пороховой. В Царском Селе Кваренги вышагивал с карандашом, впереди мастеров-каменщиков, намечая фундамент будущего дворца для внука венценосной Екатерины. Внук

пока играл в живых солдатиков и не догадывался о печальной своей судьбе...

В Париже чернь ворвалась во дворец Тюильри, Конвент провозгласил Францию республикой, австрийские войска перешли границу, а комиссары, под «Марсельезу», подняли лозунг «Отечество в опасности!»...

На другом полушарии, в тени могучего платана, под городской стеной, двадцать четыре вольных брокера ударили по рукам, чтобы не считать деньги по кофейням. Позднее, 17 мая стали отмечать как день основания Нью-йоркской фондовой биржи...

В том же году российская императрица затеяла травлю московского «Ордена злато-розового креста» и горели в кострах книги розенкрейцеров, якобы направлявших неокрепшего Павла в сторону дружбы с Пруссией...

Для Бродяги этот год означил иную веку.

Перед самой кончиной Исидора, как почуяли, к отшельнику наведались трое. По первому взгляду признал в них Белых мортусов, древних, гораздо старше наставника, хотя внешне каждый годков на семьдесят пять тянул. Глаза их выдавали, и то не каждому, а человеку понимающему — жадные глаза. На погост сани с покойничком лошаденка провезла, так все трое вздыбились, взглядами проводили. То есть снаружи никак по ним не заметно: благообразные, степенные старички, но Бродяга-то чуял — жар из них прет. И горизонт багряный внутри у каждого не вдали полыхал, как у рядовой божьей твари, а повсюду, водопадом огненным изливался.

Старики приехавшие не лыком шиты, мощь дрожала в каждой великая. Монахи любопытные сунулись ближе рассмотреть, так те не препятствовали, но понять дали, что растопчут. Лениво так намекнули, вроде как, наблюдай, детинушка, да не зарывайся, не то, пыхнем гневом, мозги через уши вытекут...

Бродяга сразу поверил. Припал благоговейно к пластам знаний, которые мудростью обозвать бы не смог, ибо сызмальства поучали его, что мудрость в ином. Белые мортусы глядели на мир холодно и отстраненно, не напрягаясь на тяготы, отвлекавшие их от собственного благоденствия. Старцы нисколько не пеклись о сиюминутном, мирском: о постройке дома, о вкладах в биржу голландскую, об угодах церковных либо о расширении монастырских промыслов. Деньги их занимали как лишний вес в кармане, от которого следовало возможно быстрее избавиться. Получали щедро от богатых, копеечно — от нищеты и почти сразу раздавали, не пересчитывая. От рассуждений мрачных бурчало у Бродяги в животе, а денег он привык бояться. Смешно считать деньги тому, кто не считает годы.

Игнатию, кажется, принадлежали заводы в Тамбовской губернии, но он и думать о них забыл, отписал давно забытому своему наследнику...

Кстати, о наследниках. Дети, и даже внуки, у старичков, в свое время, родились. Поскольку, в отличие от Бродяги, путь свой природный оба позже установили, и покорились ему. Со временем, естественным образом, пришлось мортусам домочадцев покинуть, раствориться пришлось на просторах, дабы не смущать бесконечным присутствием дряхлеющих наследников. Тема продолжателей рода хоть и не табуировалась, однако ж среди старцев не приветствовалась никак, и Бродяге коротко об том намекнули.

Давно уж пора было старцам в могиле лежать, да заклатья не пускали, стих на свете сберегал. Удерживал стих смертушку, да не совсем. Приглядевшись внимательнее, Бродяга заметил, что багровые озера, внутрих каждого кипящие, понемножку наружу сочатся. В красках не описать явления, и слов он толком подобрать не умел, да только видел неоспоримое.

Никто из мортусов до финала стих так и не собрал, хотя старики десятки строф ведали и ежечасно повторяли. Тонкими, кипящими каплями вытекало из стариков бессмертие, испарялось тут же, на воздухе, угодив во время текучее. Поймав очередного смертника, выхватывали мортусы ловко из него словечко, затыкали пробойну в багровом котле, на год-другой задерживали приступ костлявой, затем вновь прорывала она оборону, радостно впивалась в слушников...

С охраной те трое прикатали, с парнями. Только у Игнатия отрок непростой, вроде самого Бродяги, а может, только показалось. Остальные — те вовсе обычные, темные, веры истовой, зато дюжие, положиться на таких можно.

Игнатий, Довлат и третий, согбенный, с Исидором день и вечер провели. Дальше дороги их разбегались, мортус ведь не может на месте, иначе времечко мимо него побежит. Обогнать времечко никому не дано, так хоть рядом пристроиться... Пошептались, никого не пуская, затем Бродягу призвали.

Смотрели строго. Игнатий спросил, сколько слов собрал уже. Бродяга, потупившись, ответил скромно, что восемь, две строки сложились. Старцы переглянулись. Исидор лежал, вытянувшись, в меха зябко закутался, поперек груди кошка лапки распустила.

— А скольких вылечил?

— Да дюжины три наберется... — за Бродягу ответил Исидор. — Кости неплохо сращивал. Я его на рудники брал, когда вода подмыла, там задавленных много откопали. Идут людишки к ему, идут... Скромнен, терпелив, подношений не берет, а что оставят — братии...

— Когтей не точит?

— Да навроде не замечен.

— Мясо парное не ворует? На бойню не тянет, дитя?

— Нет, клянусь, нет...

— На луну не воешь, дитя? — деловито осведомился Давлат.

— Нет уж, бог миловал... — поежился Бродяга.

— Некогда ему выть, гоняю... — усмехнулся Исидор.

— А дальше кто гонять будет? — просто спросил Игнатий.

Вот оно как, встрепнулся Бродяга. Боятся они, что перекинусь, что душить пойду...

— Где слово ждать, заранее чуешь?

— Не сподобился пока...

— Рано ему, — вступился опять Исидор. — Дитя ишо, сорок годков с малым всего...

Бродяга вздрогнул. Он забыл, сколько ему лет, а точнее — не считал. Давно считать перестал, некогда. Днями гонка бесконечная, а ночами — со свечой стих кромсать. Потом спать как убитый, и снова — в бега, к бедствиям, к смертям... Он не заметил, как уплыло время. То самое время, неуловимая река, из-за которой он так часто плакал в детстве.

Стих был важнее, стих надрывал душу.

— Ликом бел, строен, крепок, — вроде как похвалил пришлый старичок. — Стих-то на память каждый вечер гоняешь, так?

— Повторяю.

— Угу, заметно, поспеваешь за времечком покудова...

Бродяга вспыхнул от радости.

— Черных встречал? — спросил третий, согбенный.

— Нет пока...

Бродяга не забыл наставления Исидора. Старец неоднократно упоминал, что Черных мортусов раз в десять больше по земле русской шарится. Оно и понятно, убийством легче своего добиться. Помнил он также, что Черные себя добрыми делами не отягощают, посему выявить их среди обычных негодяев сложно, да и век их часто недолог. Вот такой парадокс, несмотря на возможности, Черные мортусы гибнут почти с той же частотой, что и рождаются.

— Ты помнишь, дитя, что, встретив Черного мортуса, надлежит убить его? — тихо спросил Игнатий.

— Помню... — сглотнул Бродяга.

— Отчего ж дрожишь? — Игнатий пошевелил кустистыми бровями.

— Так убить же...

— Отнять жизнь у Черного — трижды лучше, нежели младенца от горячки спасти, — рассудительно заметил Довлат. Он сидел в углу, дул на чайники в кружке. — Иначе Черный заберет то, что нам положено, один за многих заберет. Ты знаешь, что Черные мортусы не стареют?

Бродяга открыл рот и снова закрыл. Его словно обожгло плетью. Об этом Исидор не говорил. Бродяга давно смирился с грустной явью, что

младость его и зрелые, но бодрые еще лета пролетят в поиске и непрестанном целительстве. Можно на людишек хоть самой лютой злобой исходить, а изволь у ложа смертного за ручку их держать, и хворых целовать, и слова еще утешающие подбирать...

Только тогда, раз на сотню смертников, встретится алмаз сокрытый, изречет слово тайное. И ничего Бродяге другого не уготовано, ни жены ласковой, ни деток малых, ни закровов полных, ни стран далеких, ни службы государевой. Ничего, кроме жизни вечной, но в обличье старческом, немощном. Может быть, ноги откажут, как у Исидора, или глаза, или кости перед дождем ныть начнут так, что сам смерти попросишь...

Черные мортусы не стареют. Он еще раз повторил про себя, ужасаясь открытию и догадываясь, что не зря открытие сие именно сегодня ему преподнесли.

Проверить вздумали, мелькнуло в голове у Бродяги. Спаси и сохрани, произнес он про себя, но тут же осекся, припомнив, что бог христианский его вряд ли выручит. Исидор не возбранял молиться, сам посты блюл, но за годы ни разу от него Бродяга славословия в адрес Господа не услышал.

— Сам разбирайся,— хмуро советовал старец.— Доживешь до моих лет, поймешь. Не поймешь — стало быть, дурака пригрел я...

Вот и сейчас Бродяга потел под пристальными взглядами старцев, чувствуя себя полным дураком.

— Две строки, неплохо,— прошамкал согбенный старичок.— Вскоро, пожалуй, в силу войдет, расправит крылышки-то...

— Тады ищи-свищи,— задумчиво отозвался Довлат.— Игнат, Лисовского помнишь? Хрен ухватишь таперича...

— Ну дык, а я об чем? — потемнел Игнатий.— И Ивана упустили, и Малюту, гада... Скока яду успели выпустить, аспиды!

— Болотников тоже, и Лисовский,— поддакнул согнутый дед.— Лютовали бы и дальше, да на злато шибко зарились, хе-хе! А воренка я, помню, сам душил, ажно в груди полегало...

— Отчего не верят мне, отец? — повернулся Бродяга к спасителю своему.

Исидор выпростал отощавшую, костистую руку, не глядя, дотянулся до сундучка, вынул из-под книг длинное, в кожу, перевязанное бечевой. Еще не размотал, но Бродяга догадался. Нож широкий, загнутый, с зубцами по лезвию. Такими ножами у нас не режут, и в лавках кузнечных не торгуют. В рукояти камень синий, словно его лапа воронья держит, и письмена вдоль клинка.

Магометанский нож.

— Пошли,— проскрипел Игнатий.— Вроде стемнело уж...

Другие старцы тоже поднялись, закашляли.

— Куда... пошли? — Бродяга темноты бояться почти разучился; за годы никто на их нищее житье не покушался, и, кроме благодарности, люди к Исидору других чувств не испытывали. Когда Бродяга уезжал один, то вообще забывал всякие страхи, кроме одного, — не успеть к покойнику...

— Подними меня, — приказал Исидор.

Выбрались на свежий воздух. Благодать окрест разливалась, слогом прозаическим не описать. Волновались рощи в сумраке, как стыдливые девицы, готовились сменить осенний наряд. Восходили цветочные ароматы, вздыхали лошади; под горкой негромко, на три голоса, запевали бабы. Чисто запевали, прозрачно, словно ключ сквозь камень пробился...

— Запрягай, — кивнул Довлат своему мальцу. Тот кинулся проворно, сдернул с лошадей попоны, зазвенел сбруей.

Бродяге зябко сделалось, будто простуду подхватил. Недоброе ожидалось, чуял без слов.

Нож из головы не лез.

Уселись, ехали молча. Все вниз, да вниз, к городу. На переправу, однако, не свернули, а покатили снова вверх, по холмам, меж ночных костров, меж усыпающих стад, дымков деревень, запахов куриной хлебки, жженого хлеба ибракки...

— Тута, — Игнатий тронул возницу за плечо.

Бродяга вернулся из тяжких дум своих. На здешней поляне вытоптанной, испокон веков, торговцы и крестьяне ночевали, дожидаясь торгового дня и пропуска в город. Игнатий уверенно шел впереди, остальные поспешали за ним, мальцы поочередно несли на закорках ослабевшего Исидора. Бродяга держался, чтоб не застонать. Точно на закланье влекли его, агнца несчастного.

Почуял он, почуял гадость, точно яйцом тухлым откуда-то потянуло. Только не тухлятиной разило, да и не запах вовсе это был, если честно признать. Пахло, напротив, вкуснотой позабытой, поскольку старый Игнатий остановился перед веселым костерком. Там мяско в котелке плавало. В круге из четырех груженных подвод, прихлебывая из плошек, сидели, развываясь, мелкие купчишки, у которых не было лишней гривны за постой. Разговор вели неспешный, благо ночь сладко кутала, к беседе располагала.

Бродяга смотрел не на торгашей, азартно ловащих ложками мясо в душистом кипятке. На дальней телеге, под тулупами, обнимая ребенка, дремала чернобровая, черноокая, крепкая женщина. Судя по говору мужчин, прибыли они из донской, станичной вольности. Ребенок — мальчик, лет четырех, почти не заметен под вывороткой. Тщедушный, но в кости, в суставах крепкий, изворотливый не по годам, вороватый, сердечко здо-

ровое, дыхание чистое, поджарый, как косуля. Да и внешне на дитенка косульего похож, глаза влажные, раскосые, а зубы торчат вперед.

Черный мортус...

Мальчик нес на будущее не слово для стиха. Внутри него смерть еще не проклюнулась, не полыхало багровым, не вскипало озеро, пожирающее часы и годы. Внутри младенца, посреди свежих, незамутненных представлений, посреди наивных радостей, зачинался кокон крохотный. Не разросся покудова в паутину, что весь мозг пропитать должна, что соки добрые сбраживать после станет и всякое внешнее добро перевернет для мортуса, как в злом зеркале кривом...

Бродяге в темноте протянули нож.

— Как же?.. — попробовал протестовать он. — Как же грех такой? Отец, за что меня так?

— Везет тебе, дурню, — сухо рассмеялся Исидор. — Мне вот, в твои годы, четверых безвинных порешить пришлось...

Мужики у костра мигом подскочили, оружие нашаривая. Пошаливали в округе, оттого почивать в чистом поле без ружья никто не отваживался. Женщина на телеге тоже всполошилась, поднялась, прижимая теплое тельце ребенка.

— Откель сталь у ты, ведаешь? — усмехнулся за спиной невидимый Игнатий. — Бориске Годунову сталь енту с кровушкой в вино ставили... хе. Знатный булат, ржа не берет... Убей Черного, немало душ христианских спасешь!

— Наверное-то знать не можете! — визгливо выкрикнул Бродяга.

Торговцы, кто с пистолетом, кто с кнутом, отложили ложки, обошли костер, обступили гостей насторожено. Огонь полоскался на лезвии в руке Бродяги, вспыхивал глаз в рукояти.

— Дурак ты, — привычно осадил Исидор. — Кабы знать наверное, где кости сложишь, рассудком бы все помутились.

Третий из старцев, друзей Исидора, согбенный, выполз бочком на поляну. В ноги поклонился ближайшему из торгашей, здоровому, бородавтому мужику. Тот в растерянности опустил длинный, инкрустированный пистолет. Старец же вспорхнул легко, словно и не нагибался, перстом толкнул детину в лоб, шепнул скоренько, невнятно.

Бородатый выронил оружие, повернулся, будто в удивлении, и упал бочком. Мягко упал, травы не потревожив. Сотрапезники и приятели его только глаза выпучили, а дедок уже следующего настиг. Так же в лоб толкнул, прошамкав: «Спи, спи, хороший...»

Игнатий мигом очутился подле костерка, нежно взял под ручку высокого парня в исподней рубахе. Тот замахнулся кнутом, да так и разжал ладонь. Не успел еще кнут змеей у ног свернуться, как парень дрых уже, стоя и прихрапывая, задрал кадык, жидким волосом поросший.

Товарищ длинного проворнее оказался, курками щелкнул, на Игнатия ствол навел и, назад отступая, рот распахнул для крика. Видать, пробрало мужика изрядно при виде трех немощных разбойничков. Так и отступал спиной, пока в телегу с мешками не воткнулся. У самых босых ног черноокой молодки, что ребеночка качала. Бродяга зажмурился поневоле, ожидая выстрела и смерти Игнатия неминуемой. Старец же, улыбаясь, увещевал купца негромко, точно ручеек по камешкам, речь его лилась, и ружье уже отводил ловко...

Женщина так и не вскрикнула. Застыла, точно заколдованная. Пятого купца уложил бережно Довлат.

— Шахматы, шах... и кто кого! — Исидор закашлялся. — Черные пожрут Белых, коли не опередить...

Мальчик проснулся, вылез у матери из-за пазухи, поглядел Бродяге в глаза. Никуда больше, только на него, точно ждал расправы.

— Черный... — прохрипел Бродяга и поднял нож.

28

ШАХМАТЫ

Шахматы на том не закончились.

Троих зарезал скиталец спустя время. Не жалел, хотя сам нарочно не ловил. Все трое в Петербурге встретились. Правду предрек Исидор, в силу столица входила, тянулось к ней воинство темное. Не жалел Бродяга об убитых, каждый раз словно кровь быстрее по жилам струилась, подтверждая, что он орудием выбран, и судьей, и прокурором...

О паспортах особо печься приходилось, дабы на возраст внимания не обращали. Старый — он и есть старый, блаженного к тому же стал играть помаленьку — ни к чему ему было привлекать внимание. Пусть лучше за дурака держат. Ездил теперь далеко от столиц, по Дону, по Уралу мотался. За границу, впрочем, так и не выбрался. Не то чтобы скучно или паспорт не мог выправить.

А не так в Европах людишки мрут. Живут иначе и мрут иначе. Чуял Бродяга, ему и доказательств не надо было. И, поразмыслив, не пошел за русской армией в Париж, хотя звали, и место в обозе для старца нашлось бы непременно. И в дальнейших войнах участия счастливо избегал.

В России смертей хватало.

Бродяга порой кружил, возвращался туда, где раньше хлебосольно угощали, где бурлило, где хохот девок помнил, гиканье игривых детей на бережках, крестные ходы шумные...

Лишь ветер вечный свистел в ракитах, да криками грачей оживлялись вспаханные просторы. Бродяга наблюдал тусклым глазом за ходом облаков, вздыхал, принюхивался к ветру, выбирая дорогу. Не особо напрягаясь, он различал теперь людей за несколько верст, различал, что за людишки, полу какого, возраста и на что гожие. Болезных враз определял, темные душонки тоже; впрочем, все почти темным отдавали. На пальцах перечесть, сколько раз он встречал в странствиях своих мужей честных, светящихся изнутри. Разбойников не боялся, зверье от него само шарахалось. Во дворы, к цепным псам, не оборачиваясь входил, чем ввергал хозяев в оторопь. Скажем, на ночлег попроситься либо водицы испить. Стукал калиткой и пер, спокойно глядя сквозь выскочившую челядь. Труссы приседали, слабые в коленках. Собаки и вовсе прятались. Несли Бродяге безропотно еду самую сладкую, квасы, чай; холопы баню топили...

Чуяли смертную силу Белого мортуса.

Лечил, ободрял, наставлял, как по писаному. На ноги поднял сколько, уж не сосчитать. Вослед бежали, кланяясь, ступни лобызали, порой богатства все приносили, скотину закладывали, лишь бы поехал к дитяте хворому...

Хохотал внутри Бродяга. Наверняка богаче всех кесарей мира стать бы мог, ежели Исидора приказ бы нарушил. Но не имал ничего лишнего. Только то, что на одни плечи накинуть мог и в один рот положить.

Столетие свое встретил равнодушно, да и вспомнилось-то по случаю торжеств московского университета и молебнов во светлую память Михайло Ломоносова.

Потерял вообще всякий счет времени.

В родное поместье возвращался, впрочем, дважды, но много позднее, когда никто его уже не смог бы признать. Окаменел, как Исидор и предсказывал. Некого спросить стало, ушел Исидор, с почестями, с плачем, а других Белых мортусов Бродяга видеть не желал. Ночами иногда прихватывали видения дивные, соблазны являлись, но долго не держались. Слышал Бродяга о монахах, что секли себя нещадно, в пустынях плоть терзали, на воде месяцами сохли, и все ради чего? Ради победы над слабым телом.

Не испытывал он подобных невзгод.

Насчет шахмат, впрочем, не забыл.

Последний раз посетил имение в, славной памяти, восьмьсот двенадцатом году, буквально спустя месяц после исхода врага из тлеющей еще Москвы. Бродяга равнодушно созерцал разор в селе и в графском доме, испоганенные залы, превращенные давно в лазареты. Лазареты переходили от одного войска к другому, не меняя, кажется, сестер милосердия. Равнодушно, вслед за льстивым незнакомым священником,

прошествовал в обугленную часовню, зевнул на развалинах псарни, где когда-то впервые причастился вечности...

Его занимал только стих, ничего более.

Стих пока не сложился, хотя уже готовы были шесть строк. Иногда Бродягу охватывал трепет, при мысли, что он не успеет или обессилеет, состарившись. Финал же такой, как у старца Исидора, его не привлекал вовсе. Испытывал он к почившему спасителю своему самые уважительные чувства, но слабости оправдать никогда не мог.

Нет, уж он-то не отступится, он свое возьмет!

Делегацию знатную из синода прислали, кланялись, медоточили, призывали в Петербург. Кем же там осяду, рассудил Бродяга. Никак ему не улыбалось при дворе почетным шутom в рясе обозначиться, а к тому дело шло.

Не поехал бы в столицу, отказал бы архимандритам, тем более что голод великий на Волге намечался. Бродяга предвестия его заранее, за два года встречал, да никому не говорил.

А зачем пророчествовать? Будто кому полегчает, будто изыщут зерно в камнем засохшей почве. Господь рассудил, кому жить, а кому на корм червям, и быстрее в чертог небесный, так как же Господа послушаться?

Разучился он жалеть.

Но, проторчав до петухов у окна, во флигеле собственного дома, отважился и дал согласие на переезд. Вспомнил про шахматы, про кровь убиенных младенцев вспомнил. Никто ведь не знал, что в сундучке, от Исидора по наследству перешедшем, хранится. Чувал Бродяга, пригодиться еще может. Правду сказал Исидор, никогда не обманывал. Обагрив руки кровью, вместо раскаяния, просветлился Бродяга и веселее по жизни зашагал.

В спину старцем великим, святым даже, подобострастно окликали. Смущался сперва, неуютно казалось, даже бороду хотел сбрить. После, раз в зеркало глянул — точно ведь старец.

Стих твердил по три раза за день, поскольку память сдавать помаленьку начала. Отказывала память, выпадали даты, лица редкие выпадали, которые не прочь бы упомянуть. Жил не худо, ловкие мастера справили третий уже документ, с новым именем и годом рождения. Без лишнего размаху при монастыре обретался, но прислугу держал, стол порядочный, баньку свою, выезд, приемную для просителей. Дурацкой нищеты, как у наставника Исидора, не признавал, угнетение лишнее плоти блажью полагал, уж никак Богу не угодной.

Мастера хитрые, по наследству друг дружке фальшивые делишки передавая, Бродяге бесплатно бумаги творили. За то он им предсказывал кой-чего, тоже безвозмездно, и всегда верно. Не могла полиция ловких мастеров поймать, как ни старалась.

Пожалуй, этим криминальная деятельность его надолго ограничилась. Он рыскал по Петербургу, ведь город славный для мортусов Петр выстроил. Сырой, промозглый, хвори сквозь гранит так и сочились. По ночам зубы стучали, вода по мостовым плескала. Трижды Черных встречал и дважды уничтожал ловко. Все сотворил, как Исидор наставлял. Только ножом, и только на улице — не положено Белому в хате сталь обнажать. Если честно, то Черных встретил больше, но те выросли, издали волком зыркали, и глиста черная внутри них подросшая уже была. Чувствовал Бродяга, что Исидор прав — со взрослым Черным мортусом не потягаться. Отползал, скалясь, стороной обходил. Оттого что зло — оно всегда сильнее.

На третий раз он легко к гадам подступиться не сумел, министерская семейка оказалась. Сынков обоих в карете вывозили, до гимназии и обратно. Отец их в статских советниках ходил и напуган был здорово недавними бомбометателями. Самый разгул народовольчества пришелся, но Бродяге до бомбистов, до газет и народного гнева дела не было. Только стих его занимал.

Ужас грыз всякий раз, и зависть неистовая в душе поднималась, когда встречал карету тайного советника, лакеев хмурых при регалиях, адъютантов подозрительных, что зыркали исподлобья на прохожих, а ладонь в перчатке держали на палаше. Из деток советника Бродягу младший занимал, одиннадцати лет. Не только руки чесались, зудом весь исходил, стоило увидеть младшего, стройненького, в форме. Мог бы, конечно, охрану раскидать, не руками, а ловкостью иного рода, уже давно за собой силу знал. Мог бы погром устроить в доме вельможи — но невидимкой не мог обернуться. Засекли бы старца непременно, в городе огромном глаз полно...

Он придумал.

Те же ребята, что паспорта готовили, помогли дело шито-крыто справить, свели святого старичка, любимого в больницах и приютах, с бомбистами.

Вечером в ямщицком трактире на Лиговском ожидал его темный человек, глазки скользкие, картуз мятый, нож в сапоге. Поманил за собой, долгонько пробирались дворами. Бродяге смешно стало, не выдержал, прыснул, когда леший в картузе условленно в оконце стучал. Тот обернулся, хорьком ощерился, веселья не разделил. Внутри квартиры накурено, хоть плыви сквозь дым, все носятся с бумажками, в проходной, на длинном столе — самовар ладят, тут же — патроны, порошок в банке, барышня пухлогубая, щекастая, за грудой книг. Бродяге все еще смешно было, когда подскочили двое, студенты, сурьезные, как святые с иконок.

— Перовская... — представилась барышня. — А-а-а, вы и есть тот самый замечательный доктор? — проницательно поглядела.

Бродяга вдруг смутился: какой там доктор? Впрочем, его отвлекли тут же, за деньгами подошли. Присвистнули, затихли, когда пачки на стол вывалил. Бродяга огляделся уже внимательнее, не только студенты, имелись и трепанные, битые мужчины постарше.

— Морозов, Желябов... — представились нервно интеллигенты, в очечках, с бородками. Бродяга слегка растерялся, туда ли он попал, ведь убийцев косорылых ожидал встретить.— Наслышаны о вас, грандиозно. Спасибо.

От бокового стола, от комплекта металлических деталей поднялся молчаливый человек, коротко поклонился.

— Кибальчич...

— Друзья, да что ж вы полным именем, как можно? — укорил из кухни усатый, с папироской.

— Ну полно, Василек, полно,— отмахнулся нервный Морозов.— Такие средства швырять шпикам не по карману... Извините нас, батюшка.

Бродяга хотел возразить, и смех словно проглотил — второй раз пальцем в небо тычут. То дохтуром, то попом обозвали. А, впрочем, наплевать, лишь бы подсобили с Черным... Нелепое чувство он меж ними испытывал, особенно на барышню гладкую, пухлогубую глядя.

Скорая кончина ей никак не шла.

Отмахав больше столетия, Бродяга впервые близко словно бы ощущал людей, чуждых ему, словно бы они и не современники ему вовсе, а соскочившие со стен портреты благородных рыцарей и дам. Назначение каждой минуты они понимали наоборот, не так, как он.

Бродяга панически стремился к жизни, только и мыслил, что о стиге, затем и Черного прихлопнуть мнил, а они не цеплялись за земное, себя к кончине приучили, изготовились к каторге и виселице. Смерть голубоглазой барышни Бродяга чуял так же, как аромат карамельных сластей, от нее исходивший. Недолго ей осталось.

У него на секунду возникла шальная мысль схватить дитя несмышленное за руку, встряхнуть, призвать к бегству. И должно быть, прислушались бы строгие, нервные эти люди, ибо слава о нем шла как о прорицателе и заговорщике болезней. То есть наверняка бы прислушались и поверили.

Но он промолчал. Потому что барышня и так все знала. Бродягу передернуло, точно сквозняком ледяным обдало. Сотню лет преодолел как по лезвию, а этим, молодым,— словно наплевать. Страшно вымолвить — словно жизнь не самое ценное, что творцом дадено...

— Отчего же такой выбор? — недоуменно выступил бородатый, блестя очками.— Вовсе не по жандармской линии чин, да и к тому же... Впечатление, извините, словно здесь наемная шайка. Зачем вы так?..

И понесся бы дальше, гордо раздуваясь, да его пухлогубая осадила, отвлекла.

— Извините,— сказал усатый басом,— плохие новости, товарищей наших на юге арестовали. Мы слышали про вас, но не ожидали... Видимо, это знак свыше. Постараемся придумать... Прошу, чая не желаете?

...Разыграли картинку славно, под грабеж. Прижали экипаж на Фонтанке. Слабая граната полетела под брюхо лошади, затем подскочили трое, размахивая револьверами. Ранили служаку на запятках, кучер бросил вожжи, кинулся в бег. Одна лошадь билась с распоротым животом, вторую несильно посеколо осколками, она взбрыкнула, поволокла карету юзом.

Советница запищала, сыновей к себе прижимая. Бродяга торопился от экипажа народников, по льду скользил. Бомбисты выволокли советника, манишкой в грязь, пенсне на роже разбили. Беднягу еще в карете контузило, да вдобавок он линзами порезался. Подслеповато моргал, на коленях в луже качаясь, кровь растирая. Даже не уразумел толком, что за ересь ему зачитывают.

Уже свистели, гоготали на Невском, студент на козлах махал своим товарищам, чтоб поспешали. Старший из бандитов бросил советнику бумажку с приговором в лицо, дважды выстрелил. Сорвались с места. Бродяга ужом нырнул в атласную теснину кареты, подивиться успел вкусному французскому парфюму, ножом ткнул Черного мортуса в грудь. Убить не страшился, знал уже, что такие нелегко с жизнью расстаются. Мог, конечно, убить ласково, остановить сердце мог. Но тогда слова заветного уже не дождешься, упорхнет вместе с астралом...

Советница полезла на него, выставив кулачки. Бродяга оценил трезво — баба грузная, воевать с такой несподручно. Он нагнул револьвер вниз, пальнул ей в платье, наугад, туда, где носки туфель под платьем. Женщина подпрыгнула, Бродяга тут же руку ей сжал, спать приказал. Старший отпрыск советника вбил острый задом в щель между седущей и дверцей, на рожицу белее снега стал, с дымящегося дула глаз не сводил.

Экипаж народников рванул с места. Бродягу окликнули пару раз, но вылезать за ним не стали. Развернулись, пронеслись мимо галопом, грязь в окна швыряя. Где-то тетка завывала, топот нарастал, Бродяге слышалось бряцание шашек городских о брусчатку. Советницу он усыпил одним прикосновением; пышной копной осела она, складки кружевные облаком вздыбив. Склонился над пареньком русым. Тот, запрокинувшись, лежал, дышал часто, кулачок к дырке в груди прижимая. Смотрел вверх, сквозь матерчатый потолок кареты, сквозь низкое суровое небо. Бродяга сотни раз встречал такой взгляд, затухающий, последний. Сердце еще бьется, но боль выскочила из человека, уступая место благодати вечной. Бродяга склонился к устам юного мортуса, прислушался.

— ...Изваянием... — выдавил мальчик, и все для него кончилось.

Бродяга плащом прикрылся, шустро метнулся в подворотню, к резервному экипажу. В висках счастье билось. Успел, успел, ах как славно все устроил...

Отпустил возницу заранее, дабы не вычислили дружки-народники, прыгнул во мраке вечернем. Легко по набережной шагало, воздух он полной грудью вдыхал, и колени почти не болели. Пока не мог сочинить, куда слово новое вставить, но, кажется, в последнюю строку ложилось идеально.

Об убитом отроке не вспоминал. О стихе думал, как всегда. Мальчиков таких завтра дюжину к нему принесут, родичи в ногах станут валяться, чтоб исцелил. Идиоты! Не разумеют, что исцелить Белый мортус может только тех, кто сам тщится здоровье получить или вернуть. А таких мало!...

Бродяга не переставал удивляться, до чего мало воли в человеках. Вроде дышать хочет всякая зверушка, цепляется, нос высовывает, а человек, венец творения, по образу и подобию сотворенный, и не может себя заставить, скажем, водку не пить. А когда им глаголешь, что надо, к примеру, зимой одежды скинуть, да босиком по снегу, чтоб дрянь болючая в землю сползла, еще и спорят, упираются! Растолкуй им, отчего именно так, а не иначе! К примеру, отчего полста пчелиных укулов вытерпеть надобно или почему одним отваром почечным, горьким до косяга, неделю питаться требуется. Им подавай микстурки сладкие, немецкие, да блины жирные — вот и вся больница...

За что им жизнь, никчемным?

Да и на что им жизнь? Сколько раз спрашивал, пыхтят только, библейские разумности затвердили и повторяют...

Потому с чадами юными так вольготно: они не супротивятся помощи. Детишки больные не вызывали у Бродяги раздражения, слушались его безропотно. Их хотелось спасать, воля их спасению не противилась. И вообще... Бродяга никому этого не говорил, благо не нашлось бы ему собеседника, но все чаще приходил к мысли, что дети до периода брожения — они словно из иного материала скроены.

Они к иному стремятся, нежели родители их, а после — как подменяют их...

Давно Бродяга не чувствовал себя так бодро, молодечески. Тем сильнее было его разочарование в сложившемся вечере, когда подле арки ворот монастырских приметил замызганную донельзя карету, с полуживой четверкой лошадей.

Екнуло сердце, старец замедлил и без того неспешные шаги.

Кучера он видел впервые. Хотя тысячи людишек мимо глаз текли, не оставляя в памяти зарубок, но нужных людей он помнил. Кучер новенький, а вот экипаж уже встречался. Бродяга обошел его, приблизился. Что толку хорониться, ежели по его душу приехали?

— Явился, дитя? — глухо спросили из темноты. На окошке кареты показалась сморщенная, пергаментная рука, больше похожая на птичью лапу.

Бродяга ахнул. Игнатий!

Сколько ж лет прошло, а все бродяжит? Посчитал кое-как, выходило, что не меньше четырех столетий отшагал по Земле один из бывших наставников, приятель Исидора. Страшным и странным показалось ему такое совпадение, что в один день Черного изловил, слово вырвал и тут же гостя дорогого встретил.

— Вот уж воистину гость дорогой! — Бродяга подался навстречу объятиям.

Обнявшись, проливая слезы, стояли на студеном ветру два длинно-бородых, невероятно старых человека. Бродяга всматривался, точно игрушку свою детскую подобрал или дагерротип матушкин. Уже не чаял, что нежности столько проснется. Ведь все время один, сам с собой. Давно Белые к нему не заглядывали, давненько...

— Цыть, ребра не ломи! — шутливо пригрозил Игнатий. Только тут заметил Бродяга, насколько Белый мортус отощал. Кажись, очи проворные, желтые, да крест на морщинистой шее — вот и все, что под шубой осталось. Тело мелкое в меху вовсе терялось.

— Некогда чай пить, — строго заявил пустынный на запоздалое радушие. — Почивать тоже не стану, земля под ногами горит... Э, да ты, смотрю, как пьяный седни. Похвалы достоин, дитя; верно я угадал? — глянул хитро, бочком. — Ладно, вот что. Лихие времена настают, дитя. Аль сам не чуешь, как трещит?

Бродяга вздрогнул.

Трещало, правду сказал Игнатий. Трещало не первую уже ночь. Вначале Бродяга внимания не обращал, на сырость в стенах списывал. Потом ночевать у купчихи довелось, в Шувалово, так там тоже, еще отчетливей затрещало. Искал он источник звука, и хозяйке бестолковой попенял. Но купчиха, да и челядь вся ее ничего не слышали.

Тогда он понял, что звук премерзкий — для него. Но что он означает? Вот бы кто поведал.

— В Симбирск еду, — пошептал беззубо Игнатий. — Там недавно Черный народился, гадалки сказывают, допрежь не было такого. Что-то мы неверно сделали, идет век Черных, прорва их народилась, словно жаба икру наметала... Послушай совета, спасайся в Сибирь, дитя...

И уехал, только фонари мигнули.

Бродяга озяб, провожая. Что говорил Игнатий — неважно. Оба чуяли, что больше не свидятся, что не успеть старому мортусу стих собрать.

Черная эпоха упырем кралась по Руси.

29

ГРИГОРИЙ

Бродяга не сразу послушался, хозяйствовал в Петербурге до 1915-го. Кошмарный и плодovitый год для планеты выдался.

В тот год в ущелье Кемах озверевшие курды, направляемые богатыми эфенди Османской империи, вырезали полтора миллиона армян...

А на другом конце планеты маленький человек в потешных туфлях и рваном котелке поставил свои лучшие фильмы...

В апреле месяце в районе Ипра немцы выпустили в направлении французских окопов 180 тонн ядовитого газа...

Это был год великого отступления русских армий, и одновременно — великого подъема духа и военной промышленности империи...

Черные мортусы тянулись к крови соотечественников. Затаившись в сытной Европе, в теплых запечных углах, грабили втихую банки, почты и биржи, готовились, копили силы. А главный их написал в том году страшное свое пророчество о возможности построения социализма в отдельно взятой стране...

Бродяга тянул до последнего.

Уж больно завлекательно становилось, костлявая хохотала в лицо, пыжилась, и чем больше пыжилась, тем сильнее Бродяга себя внутри ощущал. Эшелоны с ранеными стучали по рельсам, пересвистывались на товарных станциях. От кладбищ потянуло сырой землей и поповскими благовониями, звенел невский воздух от разноголосицы зауспокойных хоров и визгов патриотов. Новшества по технической части Бродягу занимали на час, он привык к трамваю, к телефону, к электрическим лампам, один из первых в городе завел авто с шофером. Правда, выезжать стеснялся, но деньги у больных уже брал, чуть не по таксе.

Окреп потому что.

Окреп, и обнаглел. Было такое.

Уловил момент пограничный, когда по рукам получил. Покупал второй уже дом, на Каменноостровском, с садиком внутренним, с гаражом, с конюшней во дворе. Жильцы приличные все, верхние этажи генерал снимал, банкир. С банкиром коротко довольно сошелся, насколько вообще Бродяга мог с кем-нибудь сойтись. Так или иначе, до пятидесяти тысяч вложил старец в бумаги ценные, железнодорожные, по совету сановного жильца, и еще в два раза больше, противу первой цифры, в Транссибирский путь вкладывать собирался.

И вдруг забыл слово...

Распустил прислугу, авто больнице подарил, переехал в скромную квартирку, подле Нарвских ворот, стал снова принимать с шести утра до полуночи и брал скромно, натурой. Очереди выстраивались, на снегу, у костров мужики спали, в санях...

И отпустило. Вспомнил слово, уложил, как в лузу шар, легко и гладенько.

Однако ж, наука. Скромнее надоть, верно в Библии сказано, от гордыни всяческие беды проистекают. А вскоре случилось с Бродягой непредвиденное, едва он не погиб, но спас его человек, сам на погибель империи явившийся...

Поскольку Бродяга по городу ходил редко, почитай, на улицы зимой не вылезал, то и новости до него криво доходили. Да на кой хрен они, новости, когда он сквозь стены слышал, как трещит? На кой знать ему о положении на фронтах, об убийствах министров, о рабочих Советах, о гапоновской вылазке, о развале очередной Думы...

Трещало сквозь стены, сквозь пол потрескивало, точно жернова кружили. Да только скал никаких не наблюдалось, само время вокруг Бродяги сжималось. Рвались связи, вспомнил он из книги, связь времен рвется. Фраза вылупилась, а откуда взялась — уже не припомнил. Да и не до того было, четверо пациентов лежало постоянно по лавкам в прихожей, дюжие молодцы еле успевали самых наглых отпихивать. Опять же, околоточный явился, харя красная, сабля по порогам гремит.

— Их благородие очень просят уговорить народ, чтобы перед домом огней не жгли и ночевок не подстраивали, а не то разгонять придется насильно!..

Уговорил Бродягу выйти на двор. Тот как чуял с утра, даже с ночи, что сегодня не резон выползать. Дома, за ставенками закрытыми, за охраной плечистой отсидеться бы не грех.

Недоброе ждало на улице.

Не взглянул Бродяга в окошко как следует, поверил полиции. А следовало бы внимательней быть к бегающим глазкам околоточного, чай, не первый год жил на Земле. Лады, сказал Бродяга, прикрыл простыней чахлую девку, над которой руки держал, и подставил спину лакею под шубу. Ноги тяжело гнулись, суставы по ночам спать не давали, убегало время в дырку незаметную, не успевал удержать. Мертвецов много случалось, а слова нужные — все реже и реже. Прав наставник был, чем старше, тем колесо быстрее крутить приходилось, прямо как белке бешеной.

Во дворе его окликнули.

Бродяга медленно поворотился, козырьком ладонь приложив, холодным потом покрываясь. Вмиг отодвинулось все, сгнуло в тумане: и бурчащие вонючие странники, и конные жандармы на проспекте, и

герани жухлые на окнах напротив. Видел одно — автомобиль. Длинный открытый автомобиль замер поперек проезда, на противоположной стороне улицы, в тени, блестел, ослабившись блестящей решеткой радиатора. Мотор не глушили, пыхало бензином, мальцы голодраные у колес крутились, спицы трогали. За рулем сидел усатенький, чисто крыса ученая, в крагах, в кожаной кепке. Дальше еще трое помещались: один — широкий, на свинку похож, розовый, глазки смеются, богато одет; другой — молодой, изящный, в костюмчике английском, с тросточкой, зевал скучающе, папироску потягивал.

Бродяга шагнул. Он уже узнал третьего, самого скромного с виду.

Тот его и позвал с крыльца. Позвал, единого слова не вымолвив. Не потребны ему слова были. Бродяга с тоской подумал, что жизни теперь спокойной не будет. Этот вот зря бы не приехал. Три раза от «этого» приходили корявые послания, чуть ли не на салфетках изложенные, с приглашениями посетить квартиру на Гороховой, отобедать вместе. Читал Бродяга и выкидывал, настрого указав дюжим молодцам близко «этого» не подпускать.

Третий пассажир ловко выбрался наружу: борода торчком, волосы зализаны, одет неброско, по-мужички. Не лицо — морщина сплошная, возраста не угадаешь, под старика играет. А вот очи не жалкие, замирать очи заставляют.

— Что же ты, милый, хороший? — спросил морщинистый мужик, склонившись набок, являя ласковость полнейшую. — Что же не ответишь мне?

— Не о чем говорить, — издалека откликнулся Бродяга.

Шорох прокатился, мигом признали бородатого, и точно похолодало вдоль проспекта, точно поземкой улыбки и смех выдуло.

— Ох, зазря ты так, милый, — ласково протянул мужик, прихлопнув дверцу машины. — Пойдем, посидим, что-ли. Воняет от железа, никак не привыкну, воротит...

Бродяга послушно поплелся за моложавым старцем, угнездились на скамеечке под сиренью.

— Григорий Ефимович, мы поедем? — лениво потянулся молодой хлыщ из машины. — Вырубова велела не опаздывать...

— Ай, князь, погодит Анечка. Позволь маненько от вонючки отойти, со святым человеком посидеть... — извиняясь, произнес тот, кого называли Григорием. И, доверительно к Бродяге склонясь, продолжил: — Мало, что воняет мотор, весь день тошнит от него, так еще шофера из сыскного подсадили. Вон, дурак-то, Хвостов, даром что министр, со мной ездит, подпевает, а сыскаря подсадили. Они там думают, Григорий — блаженный...

— Что тебе надо? — простонал Бродяга. — У нас с тобой дел нет.

— А ведь я теперь знаю, кто ты,— невозмутимо продолжал Григорий.— От преподобного выведал, давеча в Лавре у него обедали. Ты из Белых, из страдальцев, ага...

— Тихо, тихо же! — оборвал Бродяга, озираясь. Ему показалось, что ненавистный собеседник слишком громко последнюю фразу выкрикнул. Мог бы, конечно, силушку напрячь, сбить спесь с деревенщины, а то и пришибить обманщика насовсем. Мог бы, но...

Григорий не был мортусом.

Убить можно только Черного мортуса, да и то пока он в зрелость не вошел. Даже случайное убийство стороннего человека могло уничтожить Белого мортуса за неделю. Добрейший учитель Исидор сто раз предупреждал, приводил Бродяге ужасающие примеры. Как у одного удачливого Белого цыганенок кошель увел и, по случайности, под железный наконечник посоха угодил. Помер цыганенок, а Белый мортус другодень с ума сошел, потому что стих весь позабыл, за сотню лет собранный...

Григорий смотрел, улыбался. Не мортус, не выверт, не блаженный. Нельзя было с ним рядом покой вкушать; его либо любить требовалось, горячо, самозабвенно верить в него, либо ненавидеть.

Бродяга ненавидел. С того самого раза, как первый раз, в Лавре, у преподобного, повстречались. Тогда божий человек Григорий за руку горячо ухватил, взглянул пристально — так, что мурашки по коже. Этими самыми мурашками напугал Бродягу сильнее, чем словами. Давно уверился мортус, что напугать его ничем нельзя, а вот поди ж ты...

— Звали ведь тебя, милый, во дворец, к мальчику? — пропел тогда в Лавре божий человек.— Ты не ходи, не надо...

Бродягу вторично передернуло. О том, что его втайне намерены были пригласить к больному наследнику престола, ведомо во всей столице было троим, максимум четверым. Сама Александра Федоровна была не в курсе замыслов фрейлин. Бродяга еще и колебался, взваливать ли на себя такую ношу. Ибо положительный результат лечения непременно привел бы к ненужной вовсе славе, к дальнейшим обязательствам и слежке. Отказаться твердо тоже, в общем-то, неприличным казалось, ибо приходили от государыни дважды, подолгу наблюдая, как он лечит, и обмануть бы не позволили...

— Ересь несешь, дитя! — осадил тогда божьего человека Бродяга. А сам кулаки за спину спрятал, так и чесалось нос тому грубый разбить.— Какой еще мальчик? Да ты, вообще, кто будешь, дитя?

— Я-то буду Григорий, пришлый из святой Руси,— непонятно ответил мужичонка.— И мальчика, бог даст, исцелю, и тебе помогу. Только не ходи ко дворцу, погубишь себя... Тебе ль не знать, что насильно нельзя лечить? Нету в мальчике воли к жизни, только высосет тебя...

— Если нет воли, как же ты пользоваться его собрался? — едко спросил Бродяга.

— Там воля к иному есть, — кротко ответил странник. — Я, милый, Сибирь вдоль-поперек прошагал, в степях такие обитатели посещал, что тебе и не снилось. Мне господь являлся, дарствовал милость великую... Вижу ясно, что станется с каждым, да не скажу. Тебе скажу — не ходи к мальчику, соври складно, Бог простит.

И отошел тихонько.

Бродяга тогда послушался. Что-то неистовое, праведное таилось в говорящих глазах сибирского мужичка. После мужичок славой оброс, газетенки надрывались, помоями его поливая, да только Бродяга газетам не верил. Он и без газет странную двоякость чувствовал. Одновременно ненависть — и тягу послушать мужичка еще раз. Давно так не случалось, чтобы Бродяге что-то интересно стало, кроме стиха. Крутились ведь вокруг гадалки, предсказатели, карты раскидывали, звали столики крутить — всех Бродяга отметал. А этого Гришу запомнил.

Теперь ждал, чего скажет, раз уж сам пожаловал.

— Уезжай, пока пятки не подпалило, — нутряным голосом, почти не разжимая губ, веско произнес Григорий. — Ты услугу мне оказал, отступился от мальчика, а я добро помню. Мне мало кто добро делает. Вьются вокруг, аки коршуны когтистые, отщипнуть кусок пожирнее норовят. Думают, Гришка блаженный, за всякую тварь перед Александрой Федоровной заступится...

— С чего бы мне уезжать? — пробурчал Бродяга. — Я долгов не занимал...

— Слушай, один раз скажу, после не свидимся, —дохнул перегаром Григорий. — Мне не жить долго, чую, скоро уже венец приму... А ты спасайся, беги, мертвяков на твою долю всюду станется. Скоро, скоро придут Черные, придушат тебя ночью. Сам знаешь — твоя силушка, она при ясном дне, при солнышке раскрывается, а эти закут ищут, закут и мрак. Ночь им станет подруга, милый... Числом возьмут, нахрапом. Для них ничего святого не будет.

— Да как я уеду? — сердито растерялся Бродяга. — Митрополит верит мне, в больницах ждут... А тебе-то какая радость угождать? Чай, поперек дороги не стою, в святые не лезу... — вырвалось некрасиво; сказал и прикусил язык. Вышло так, словно журнальные басни собирал.

Сибирский мужичок покачнулся грустно, страдание в лице изобразил. Либо притворялся умело, либо и вправду почти святость обрел, мелькнуло в голове у Бродяги.

— Видение мне было, — не шевеля губами, заговорил Григорий. — Тебя вдали видел, с улыбкой, но в тревоге. Тебя видел, и с тобой царь белый, будущий спаситель. Крепкий, белолицый, власы в косицы спле-

тены, на престол венчанный, да только не из Романовых... Тихо, тихо, самому страшно! Не спасешься сейчас — не спасешь потом государя, а вместе с ним и всю святую Русь проворонишь...

Нагнулся к самому уху, произнес невнятное, страшное. Мол, с белым царем компания еще веселая будет. Синий карлик да девка при оружии...

Из мотора снова окликнули. Шофер порычал двигатель, дети отпрянули с визгами.

— Григорий Ефимович, умоляю! — сложил пухлые ручки Хвостов. — Анне Александровне снова к вечеру нехорошо станет...

— Прощай, — не подавая руки, отвернулся Григорий. — Каждый свой крест несет... Бродяга.

Услышав имя свое запретное, Бродяга столбом застыл.

— Много ли времени у меня? — выкрикнул в спину.

Не поворачиваясь, Григорий два пальца показал.

Весной шестнадцатого года, не дожидаясь агонии, Бродяга укатил в Читу.

30 ЧИТА

Черные бал на Руси правили, и не хватало сил с ними справиться. Тот же Исидорушка говаривал, что в прежние века редко когда равновесие сбивалось, успевали Белые мортусы Черных в колыбелях перерезать, избавляли Русь-матушку от проходимцев, родства непомнящих. Зато уж когда сбивалось равновесие, кровь рекой лилась, мор и глад бревном Русь утюжили...

Ужас беспрестанный, тоска лютая терзали потомков витязей. Насколько уж далек Бродяга от политики был, и то захлестнуло, изгадило всего, от носу до пят. Бродяга забирался все восточнее, а по пятам за ним, мутной волной катило бесправие, рассыпая трухой мирную, сытную жизнь миллионов православных.

Суды честные обернулись вдруг клыкастыми ревтрибуналами, выговорить-то тошно. Повсюду тряпки красные повисли, а прочтешь, что на тряпках написано, — удавиться впору. В самой захолустной вотчине новые князья повылазили и свирепее стократ прежних мздоимцев за вымя народное взялись.

Кто был ничем — тот ничем и остался.

Кто подлецом гулял, тот выбился в начальство.

Бродяга тягостно обозревал смуту бесконечную, внутренне все больше тревожась, — когда же сохнет гидра? Когда же образумятся люди, восстанут против очевидной бессмыслицы, против пьяного сна, захлестнувшего страну?

Не образумились. Раз а три Бродяга сам на волоске висел, губернское, а затем уездное ЧК вплотную подбиралось. Монастыри громили, дьяконов прямо у стен родных расстреливали, мочились на поверженные кресты, иконы жгли.

Бродяга бороду сбрил, в который раз сменил документы, пристроился на иждивение в дом инвалидный. Не скопил толком ничего, прежние сбережения по ветру вместе с банками разлетелись, да, впрочем, он и не горевал. С Богом отношения всегда непросто у него строились, подтащивало в церквях Бродягу, от святой воды воротило, однако гонения перенести он спокойно не мог. Вразумился быстро, что старец Игнатий в Симбирске дела не закончил. Не добрался, стало быть, до ирода рыжего, погиб в дороге, хотя опыта ему не занимать. Однако очень скоро такие пошли трясения, что не до убийца симбирского стало. Лезло и лезло, чисто пруссаки, со всех щелей, отребье голимое, страх потерявшее.

Одно хорошо — покойников искать не приходилось. После восемнадцатого года Бродяга даже слегка растерялся — словно ржавым серпом русский народ выкосило. Холера догоняла тиф, расстрельные команды складывали стеллажи трупов вдоль плетней, деревеньки целиком в леса, к атаманам разбегались. К нему шли и шли по старинке. За шесть революционных лет, не напрягаясь, собрал Бродяга три строчки заклатья.

Немыслимо.

После, за закрытыми ставнями, поклоны бил и не знал, кого благодарить. То ли Его, то ли иного, не называемого к ночи. За сто пятьдесят лет такого не собралось, как за месяцы красного террора. И шпион германский, рыжий отошел на задний план. Как водится, не прожил Черный мортус долго, неосторожен, жаден слишком оказался. Гораздо опаснее был наследничек кавказский, о котором до смерти рыжего мало говорили.

Бродяга же о нем пронюхал задолго. Тот Черный кавказец народился, как скала над миром, как гроза всему сущему; а вослед за ним, тут же, змеиным клубком, прихлебатели посыпались. Лизали ему сапоги, попутно в слизь, в дрань народ перетирая, да сами же мортусам на корм шли.

Эпоха черная сгустилась, продыху не стало. Бродяга метаться устал, хотя жизнь в нем ярко бурлила, через край плескала. Когда потянули колючую проволоку, повезли в тридцатых эшелоны скотных вагонов, у него седой волос выпал, каштан завился снова, как в юности далекой. Десны окрепли, кровоточить перестали, глазам зоркость вернулась, в руки сила пришла.

Не удержался, хотя естество психическое сопротивлялось. Пристроился вольным рабочим в лагерь, при лазарете. Кого еще такой тяго-

той заманишь? Устал Бродяга метаться, отупел вконец, предсмертные жалобы слушая.

Аспиды окружали, brave наружи, кровь с молоком, хари не перецелуешь, гимнастерки плечами распирает, а внутри трухлявые. Гнусь внутри, гниль смрадная, выпала при родах душа у людишек этих. Бродяга внешне смирился, ему ли не знать, как скоро хари улыбочивые портретами на крестах кладбищенских заменятся...

Только вот барышню-бомбистку и приятелей ее чаще вспоминал. Уйдет, бывало, за грибочками в тайгу, приляжет на травке, и тут же навязчиво лица их в башке закрутятся.

Лица, а не хари, как у этих...

Белых мортусов раза четыре встречал, раскланивались, обнимались со слезами. А Черные в спину глазищами жгли, только успевай отскакивать. Бродяга в деревеньке, у поселения ссыльного обретался, нож царский в половице держал, в другом оружии не нуждался. Что сотворить могли со стариком, которому по документам девяносто стукнуло? Дальше Читы и сослать-то глупо...

Тем более в оружии не нуждался, что на двухсотом рубеже знания новые открылись. Внезапно многое объяснилось, о чем Исидорушка и другие старцы говорили, а он по младости пропускал мимо. От людей недобрых одним взглядом наострился отбиваться, память им враз отшибал. Черные, кстати, в один момент насторожились, как псы прибитые, зубы казали, а близко не подходили.

Убить мог Бродяга теперь. В секунду, без увещаний. И позабыть стих не боялся. Потому что Черных жизнь мало стоила. Сами они в других и в себе одинаково жизнь не ценили, нисколько. Такого на святой Руси со времен смуты не было, чтобы жизнь дешевле краюхи стала...

Двухсотую свою годовщину Бродяга встретил, пожалуй, не равнодушно, а в страхе великом. Прав вещей Игнатий оказался, да и редко мортусам небеса лгут. В 1955 году вроде бы полегчало, разжал зверь пасть, в которой народ задыхался. Славный год прокатился...

После Никиты полегше стало, а Черные мортусы, семя змеево, сами себя поистребили здорово. Кровью их земля на сажень пропиталась и, точно насытилась, замерла. Бродяга врачевал, как до революции, путая порой седьмое имя свое с прежними, десяток младенчиков Черных на совести имея, стих сложив едва на треть.

Окаменел окончательно.

Ни песни, ни шутки более не трогали, на пустословие минуты не тратил. Что нового могли сообщить ему люди? Все одно и то же, мелкие их, жадные устремления, завистливая злоба взаимная, никчемные желания. Кресло в районе потеплее захватить, товарища загнობить, чтоб не мозолил глаза достатком, чужой кусок прихватить, да пожирнее. И не просто

прихватить, чтоб деткам досталось, а тут же сожрать, не раздумывая! Потому как, не сожрешь сразу — наутро сам бос и гол окажешься...

Скверно жили.

В нем же плескалось неумно, горело огнем одно — успеть, подхватить стих! Не пропадало желание жить, никуда не пропадало. Принимал больных, отовсюду катили, хотя рекламы не давал, сарафанная реклама устоялась, да и то невпроворот дел. Летели отовсюду: из столицы, из других стран даже, ехали поездами, автобусами, на своих машинах, вереницей за селом скапливаясь. Бродяга догадывался, что на нем неплохо руки греют и совхозные начальнички, и милицейские чины, и партийцы городские, не говоря уж о мелких дуриках, что в помощники набивались. Этих во все годы с избытком вокруг вертелось. То домчинить кинутся, то обеды поставлять, то постой гостям обеспечивать и в три шкуры с несчастных драть. Иные в ученики себя записали, с тетрадками в избу прошмыгнуть норовили, под разными предложениями, иные даже книжонку выпустили, и не одну, где якобы методы лечения раскусили, и тайны великие страждущим всем за пару целковых продавали. С угрозами тоже порой забегали, но реже и реже, скисла власть.

Все труднее Бродяге хвори стали поддаваться. Со скользкими людишками и болезни соскальзывать с рук начали. Бывало, опустит руки на грудь занемогшей женщине, а внутри нее, вместо жажды к счастью, чувствует пустоту. Еще родня суетится, рублики мятые для нее собирает на проезд, на подарки старцу-чудодею, а сама болящая от права на жизнь отказалась. Как таких несчастливцев врачевать? Только сердце от них болело, и кисло во рту делалось. Вроде богатели помаленьку людишки, да счастливее не становились. Пели о счастье, а сами выли, в петли вешались, кровников со свету сживали...

Утречком, по росе, навстречу алым первым сполохам, выползал Бродяга, и слезы подступали. До чего сладко, до чего вольготно и празднично можно было существовать на щедрой, красивой и вечной сибирской земле!

И до чего люто, скаречно, подло вели себя обитатели ее. Транжирили скудные деньки свои, как забулдыга, что швыряет последнюю горсть мелочи кабатчику, оправдывая себя тем, что обречен на погибель при любом раскладе...

Наступил день, когда Бродяга услышал нечто, похожее на рокот дальних речных порогов. Ночами, вместо глухого, неясного бормотания, различать стал непрерывный, холодящий душу гул. Уже не перека ты на горных студеных ручьях мерещились, а широкий, вздувшийся пологом брызг водопад.

Как-то утром, зимой, получив очередное слово, понял, что дальше так не может. Следовало передохнуть, разобраться в собственных ощущениях. Кликнул шофера, охрану, поваренка и укатил в лес, к запасной своей дачке.

Ревело в ушах.

Водопад стал гораздо ближе. Теперь не сплошным рокотом рисовался, а выдавались наружу отдельные всплески, бормотания, точно выкрики, визги. Бродяга кожей ощущал, как вздрагивал вокруг него воздух, как смолистый, медовый аромат тайги принял в себя тревожную, сырую составляющую.

Он не выдержал грызущей тоски, в рубахе одной разбудил челядь. Те переминались, моргали робко, словно провинились. Никто ничего не слышал. Да как же, досадовал Бродяга, если щекой к срубам приложишься, и вот оно, потряхивает мелко!

Но не дано было другим.

В ванне спустилось озарение, на четвертый день одиночества. Это был не водопад. Это обещанный Армагеддон надвигался, закат племени двуногих. Не вода по скалам грохотала, радуги семицветные, на потеху детворе, рождая. Это сыпались в пропасть безвременья миллионы заблудших душ.

Бродяга выбрался из пены, прошлепал, сутулясь, по коврам, неловко ткнул мокрым пальцем в пульт от плазменной панели. Штуковина, губернатором края подаренная, стенку от окна до окна занимала.

«...Первые двенадцать контейнеров с американской вакциной третьего поколения разгружены сегодня на военном аэродроме, вблизи Читы,— зачитывала по бумажке юная дикторша.— Теперь, с достижением межправительственного соглашения, появляется надежда, что эпидемию удастся остановить...»

Бродяга не понимал новые русские слова. Слова резали слух, скрабаи душу как грубый наждак. Он отвернулся к календарю, который заботливо перелистывала для него прислуга.

14 февраля 2024 года.

До катастрофы оставалось меньше трех лет.

31

ВОСЬМОЙ ГОРОДОК

Теперь он не боялся шума. Он понял, что шум и дрожание производит само время, трещащее по швам, проседавшее под грузом опостылевшего человечества.

Бродяга возлагал на приближавшуюся беду немало надежд. Смертей должно было навалиться столько, что последние строфы составятся

без труда, только успевай запоминать. С другой стороны, его с каждым днем все сильнее тревожило, что же будет с ним, если людишек не останется вовсе.

Получалось, что собирать стих для себя одного — тошненько...

Теперь он чаще смотрел новости. Он понял, отчего люди умирали раньше, чем прекращали дышать и ходить. То самое, с чем он не мог бороться, называлось длинно и запутанно, синдромом иммунодефицита. Чаще всего оно никак себя не проявляло, не полыхало конкретной точкой, жгутом воспаления, внутренним жаром. Оно отталкивало его руки, как невидимая пружина, как гуттаперчевая клетка, внутри которой чудовище продолжало жрать зараженного человека. И таких случаев вал нарастал.

Бродяга гадал, где же светлоликий царь с седыми косицами. Точно в царе том спасение для оскудевшей души хоронилось.

Потом гадать стало некогда. На улицах возникли солдаты в масках, а в больничных дворах — штабеля трупов. Бродяга еле успел бежать из пригорода, забился в глухомань, в заранее припасенную зимнюю дачку, где постоянно обитали сторожа, верующие старички. Ему смутно припоминались эпидемии прошлого, с кострами, колокольным звоном, шеренгами молящихся, с иконами наперевес.

Нынче все изменилось. Голоса по радио утверждали явную ложь, и слушать их было, все равно что впускать гадюку в дом. Но голоса принадлежали тем, кто командовал империей. Они обещали, что скоро наступит полное спасение, а со стороны города стучали пулеметные очереди. Из города потянуло гарью, ночами небо алело от пожаров, а на постой кучками и поодиночке просились беглецы. Оборванные, злобные, бились в ворота, сулили поджечь, умоляли вынести воды. Охрана особняка отвечала предупредительной стрельбой, берегли патроны.

Бродяга слышал, как отстреливали коров и скручивали головы домашней птице. Эти подлые людишки оказались умнее старца. И раньше-то, веками, жили как в последний день, гуляли до последнего рубля, вызывая у него почти рвотное отвращение, а нынче выяснилось, что правы были голодранцы.

Как в последний день...

Только так, не иначе. Потерялся смысл в накоплении богатств, когда любое утро могло стать последним. Холоп и князь гуляли с одинаковым босяцким размахом, до последнего рубля.

До бессознательного, которым так гордятся...

Спустя две недели затворничества умерла домоправительница его дачи. За женщиной скончался муж, и пошло косить без разбору. Сторожа разбежались, прихватив оружие, они верили в самую новую, по слухам, — чудодейственную вакцину. Однако четверо засели с Бродягой в

доме, сохраняя верность чудотворцу, преданные ему не за жалование, а за прежние его заслуги. Готовились держать круговую оборону на втором этаже, в крайнем случае, выпустить старца через подземный отнорок, а самим отстреливаться до последней пули. Но отстреливаться до последней пули не пришлось.

Бродяга раньше их всех уловил, что «водопад» накрыл город, страну, да и всю планету. Тихо стало, тихо везде. Радио замолчало, телевизор показывал китайский канал, да и то сплошную музыку, от соседей не кричали, не стреляли.

Он предпринял вылазку и встретил только котов, перевернутые машины и тлеющие сады. Вдоль центральной аллеи дачного поселка рассыпались разбитые телевизоры, покореженные плееры, кухонная техника. Залежи пластика покрывал блестящий налет из перемолотого хрусталя и фарфора. В канавах смердели раздутые трупы. Дымом заволокло горизонт, метался пух из подушек, стонали ошалевшие кошки, чернели останки стен. Из трех десятков домов уцелело всего пять.

Зачем поджигали? Зачем не поленились разбить даже стекла в сараях? Кому мстили?

Бродяга понял, что уходить нельзя. За последующие два месяца он похоронил, а точнее, сбросил в колодец всех своих приживалок, всех четверых.

Каждый, словно в благодарность, принес ему по заветному слову.

Промчала зима, на редкость мягкая, сердобольная. Детишки бы пораздавались хмурому безветренному небу, полепили бы баб из лежалого, впитавшего снега, погоняли бы в санях по узким сугробным коридорам...

Бродяга выходил, махал недолго лопатой, пока сердечко позволяло. Слышал вой ветров, скулеж зимних лисиц, хруст наста под копытами сохатого семейства. В глубине промерзшей почвы, под килотоннами снега, не прекращался треск; рушились шахты, сминались рукотворные пещеры, заполнялись водой. Мать-земля, освободившись от господства детишек, вонзавших ей иглы под кожу, готовилась к новой жизни.

Готовилась породить много нового...

Наступило утро, когда он отважился на дальнюю вылазку. Отыскал велосипед, но очень скоро понял, что тощие стариковские ноги не смогут крутить педали. Автомобиль так и не освоил; пришлось двигаться к городу пешочком.

Читу не узнал. Вначале думал — что с глазами? Неужто сгорел дотла город? Быть того не может, чтоб дома высотные рухнули!..

Долго понять не мог, издалека глядел, как вороны над завалами кружат, как молодые деревца с треском, сквозь железо и кирпич лезут. Когда дошло до Бродяги, не выдержал, на колени упал.

Истинно, конец света наступал, коли на глазах плавно, как в торфяную топь, целиком кварталы сползали. Много позже он услышал от

лесных колдунов выражение «звонящий узел», и узнал, что под Читинской товарной станцией, после разлива нефти, собрались три Слабые метки. Словно лужа невидимая под площадями и домами разливалась, пожирала все новые куски жилых и заводских территорий. Впрочем, какие там жилые!.. Бродяга по сопке кругом город обошел, едва десяток живых душ учуял. Ингода разливалась, будто кипятком плескала в укрепленные берега, срывала мостки, зимовавшие суденышки закинула на крыши гаражей и магазинов. Опоры передач стояли обломанные, точно бураном скрутило. Потом ветер стих, и вдвое быстрее зашелестела зеленая поросль. Бродяге почудилось, как волнуется земля под ногами, это Слабые метки начинали последний, жуткий свой хоровод, затягивая обломки цивилизации в подземные, базальтовые жернова. Наружу, там, где простирались мощенные белым камнем проспекты, лезла из люков, из раскрытых щелей зеленая вонючая марь, несла в себе тучи ядовитого гнуса, туман и болезни.

Бродяга дышал полной грудью. Он был стар, но силен, как никогда раньше. Пока брел по взбесившимся улицам, между кряхтящих, оседающих девятиэтажек, напали на него дважды. Первый раз Бродяга увидел, как трое лупили одного ногами, катали по раскрошившемуся асфальту. Тот верещал, драться уже не мог, но прижимал к груди сверток. Среди нападавших была молодая женщина, но Бродяга не сразу ее отличил от мужиков, столь одинаково изгваздались они в болоте и обросли, как неандертальцы. Женщина и прикончила лежащего противника, несколько раз проткнула ему шею огрызком трубы. Мужик со свертком выгнулся, плюнул фонтаном крови в рожи своим учителям и затих.

Троица набросилась, как волчата, вырвали сверток. Теперь Бродяга видел, что там несколько упаковок импортных сухарей, его охранники, царство им небесное, тоже с удовольствием грызли такие ванильные хлебцы. Убийцы тоже заметили старца, напряглись, съежились...

«Словно волчата», — оценил Бродяга. Он не хотел уходить, потому что истекавший кровью звереныш, не особенно отличавшийся от своих, более удачливых, приятелей, нес в груди заветное слово.

Бродяга не смел преступить запрет на убийство. Он ждал, пока три звериные морды вытянутся перед ним, совсем рядом, пока на него не повеяло смрадом их ртов и гениталий, пока коротконогий, с топориком, не зашел трусливо сзади, не кинулся под колени.

Они рванули к нему слаженно, молча, как привыкли уже нападать, и так же слаженно, молча, разлетелись, царапая затылками асфальт, от одного его взгляда. Тут же стошнило всех троих, вывернуло наизнанку. Мортус так им приказал, что будет тошнить до вечера, до полного обезвоживания.

Не убийство, милосердная кара. Впрочем, он их не за сухари, не за нападение на товарища наказывал. Белому мортусу было наплевать на разборки детишек, но на него руку поднимать твари не смели. Бродяга перешагнул через корчащегося в рвоте налетчика, опустился подле раненого.

— Царь белый... — всхлипнул разодранным горлом звереныш и помер. Лет семнадцать, про себя равнодушно отметил Бродяга и тут же спохватился. Два слова разом, редкость неслыханная!

Царь белый...

А ведь и точно, царя ждать предстояло. Вот что мешало Бродяге покинуть Читу. «Царь белый» легло в стих чисто, сказочно просто легло, а он-то гадал, откуда сложный оборот такой отыщет! И засветилось закливание долгое, засияло в шестнадцать граней нетронутым бриллиантом. Не совсем еще верно свет божий в нем преломлялся, но основная, каторжная работа завершилась.

Бродяга заплакал. Промокая глаза, заспешил дальше, обходя поваленные столбы, перевернутые автобусы, куски ценной мебели, разбитые рояли, сброшенные откуда-то сверху...

Оказалось, что уцелевших в городе порядочно, но Бродяга рано радовался. Те кто уцелел, вели себя очень странно. Он видел ненормальных, пробивавших топорами опрокинутые цистерны с соляркой, видел вопящих теток, режущих руки о витрины с золотом. Видел целое шествие, с факелами, противогазами, с повязками на руках. Высокий мужик с подвязанной левой рукой взобрался на кабину лежащего на боку КамАЗа и жестикулируя правой, призывал «резать китаезов, от которых и пошла вся зараза». Толпа факельщиков отвечала ему пьяными воплями. Двоих китайцев они приволокли заранее, связанных, жалких, привязали их к днищу опрокинутого полуприцепа, суетились вокруг с бензином.

Бродяга не остановился. Потом встретил трупы многих самоубийц. Бродяга раздумывал, мысли его катились тяжело, как колеса состава, трогającego в гору. Самоубийц он не понимал никогда, даже не пытался вникнуть в их объяснения. Всегда находились такие, кто трактовал суицид уделом людей волевых, но для Бродяги это были тяжело больные. Единственным исключением, тревожившим его дух, стало поведение незабвенной пухлогубой барышни-бомбистки. Как ни старался, не мог мортус позабыть активистку «Земли и воли». Вот ведь, тоже, можно сказать, самоубийца...

По бетонке выбрался к воротам со звездами. Здесь было опрятнее, распускались на клумбах одичавшие цветы, собирали мед пчелы, и жилые пятиэтажки не сгорели.

«Чита-8». Военный городок.

Бродяга протиснулся через КПП и зашагал по главной улочке городка, между нелепых стендов с образцами военной формы. Через час он нашел место, где предстояло жить дальше.

Уткнулся в похожее на египетский мавзолей, прямоугольное, застекленное спереди здание, с надписью по фасаду: «Дворец культуры. Ночной клуб».

Он обернулся и поманил тех двоих оборванцев, что крались за ним от площади. Вероятно, они покушались на полупустую сумку с едой. В сумке Бродяга нес немного сала, сухари, луковицу, вареные яйца. Оборванцы застыли в отдалении, изготовившись к драке. Бродяга посмотрел в пустые глаза, он был поражен. Один из звероподобных дикарей носил драные генеральские брюки с лампасами и китель без рукавов. На груди его гордо сверкали десятки десантных значков, вперемешку с медалями. Второй, гораздо старше, обросший, кутался в женскую соболью шубу, зато держал в руках заряженную двустволку. Бродяга всегда определял безошибочно, заряжено оружие или нет.

Он повернулся и вошел в клуб. Внутри пахло неожиданно вкусно. Пылью, тканью, начищенным паркетом. Бродяга догадался, в чем дело. Из зрительного зала почти нечего было таскать. Здесь не водилось еды, здесь зимой было холодно спать, здесь сложно держать оборону против других двуногих.

Бродяга прочел эти соображения, и еще многое другое в головах преследователей своих прочел, когда они проникли за ним в зал. В зале висела гулкая, трагичная тишина, ощущаемая, как эпитафия на могиле искусства. Пыль кружила в редких световых лучах, ударявших с потолка, крысиные норы под полом были раздавлены колебанием почв вместе с пометами.

Лучшего места не найти!

Бродяга неторопливо прошествовал между пустыми рядами кресел к сцене. Потрогал запахнутый занавес, уселся на краю, свесил ноги и достал пожитки. Он показал кравшимся за ним аборигенам сухари и вскрытую консервную банку со скумбрией. Тот, что носил женскую шубу, заворчал и поднял ружье.

Бродяга пожал плечами и приступил к еде. Спасибо доброй помощнице, управлявшей всеми его личными вопросами,— во рту Бродяги, взамен давно выпавших зубов, стояли новейшие американские имплантанты. За пологом занавеса он с удивлением обнаружил жилую комнату, со шкафом, столом и широкой постелью. Декорации последнего спектакля, которые с осени некому было убрать. В левой кулисе валялись два трупа, обглоданных собаками, пыль взлетала в воздух свалывшимися комьями, часть кресел в зале, поливаемых дождем сквозь дыру в потолке, прогнила насквозь.

Предстояло провести серьезную уборку, нечистот Белый мортус не терпел. Зато он с удовлетворением представил, как в театр начнут стекаться нуждающиеся в помощи, как он снова начнет исцелять и получать в ответ слова. Слова, снова и снова слова, потому что хрупок, ненадежен был выстроенный в памяти бриллиант...

Он щелкнул пальцами, приказал дикарям сложить оружие и приступать к уборке. Рыжий в генеральских погонах заартачился и был жестоко наказан. Бродяга показал ему, будто в животе изнутри грызет и еще и терзает будет до ночи. Катался нечестивец по полу, кровь и слезы выхаркивая, выл, раздирая себе брюхо вшивое ногтями. Бродяга же торопясь кушал, думал о своем. Ему еду приходилось долго разжевывать, изуродованные титаном десны ныли.

После те двое, как и остальные, кого он подобрал и выдрессировал, еще раз еще кидались, проверяя, не дал ли старик слабину, и ему приходилось размазывать мерзавцев по стенке. Но Бродяга не удивлялся и не обижался. За триста почти лет выучил наверняка, что порода людоедская не меняется, хоть в какой кафтан обряди. Ждал от холуев неверующих только удара в спину, терпел.

Если верно Григорий нагадал, царь белый всем им веру вернуть должен...

Чита-8 прекратила тонуть. Звонящий узел сам собой распался, ведь не было еще Качальщиков, не выросли. Много позже повстречал Бродяга людишек разумных, колдунов лесных, но близко не сошелся, хотя звали к себе. Разве может бог олимпийский коротко со смертными сойтись?

Он царя ждал.

И дождался.

Бродяга сидел на сцене, в креслах, меж трех очагов, сооруженных по его приказу людьми атаманши Варьки. Варька верховодила четвертый год, похоронив папашу. Папаша ее помер на руках Бродяги с тремя арбалетными стрелами в груди после штурма Храма. Бродяга предупредил его, чтоб не трогал Храм и заговорщиков, небось сами бы с голодухи повылезали. Но папаша Варьки мечтал править в «восьмерке» единолично, отступники ему были как кость в горле. Вот и наварлся, и сам погиб, и сына погубил. Приняла Варька командование.

Бродяге было глубоко наплевать, кто из них считает себя князем Чита-8. Князья, атаманы и самопровозглашенные губернаторы менялись с мультипликационной быстротой, не успев порой даже толком сочинить обряд инаугурации и пообещать избирателям новую жизнь. Одно время Бродяга возлагал серьезные надежды на Варькиного двоюродного деда, папу Малиновского. Тот подчинил дикие племена, живущие к западу, заключил мирные союзы с тремя таежными военными поселками, где жили ракетчики, и наладил торговлю с Улан-Удэ, а оттуда — и с

уральскими городами. Папа сумел уговорить мамочек без насилия рожать каждый год. Лучший кусок им от добычи отрезал, потому и поднялась молодая поросль, не так, как в соседних поселках, где старики одни баловали. А уж Варькино поколение девок, к радости всеобщей, почти все родящее стало. При папе Малиновском торговый караван, впервые после Большой смерти, достиг Москвы, возвратился оттуда со знатной прибылью и верительными грамотами от президента Ивана. Президент Иван на Сибирь ручонки не замахивал, признавал предел своей власти, но предлагал папе Малиновскому добровольно принять пост губернатора всей Восточной Сибири, от Читы до Владивостока. Папа посмеялся наивности московских властей. Его скромная власть распространялась во круг города километров на семьдесят; дальше орудовали вконец одичавшие буряты, изгнанные из города китайцы и еще невесть кто.

Страшные вещи шепотом рассказывали охотники у костров охранения. Якобы раскинулись гиблые мари там, где раньше завсегда сухота стояла, засасывало человека вместе с конем на два счета да светилося желтым по ночам. За перевал соваться боялись, хотя зверья ценного развелось там немерено. А что толку, если среди бела дня люди пропадали, без звука, без крови. На мишек грешили, на тигра даже, но те всегда след оставляют. То есть звук был, навроде свиста. Так свистуном и прозвали. Кто говорил — нечисть развелась, лешаки из дупел повылазили, где, как мишки, тыщу лет лапы сосали, а кто божился, что бабы каменные, тунгусами зарытые, эту самую нечисть извергают.

Свистуна живьем так никто и не приметил, а вот с тигрой встречаться приходилось. Ведь невозможно в обороне сидеть, в складах военных жратвы не наберешься, а лето сибирское коротко, мало земля родит. С тиграми встречались, да примечали среди полосатых, нет-нет да белая тварь встретится, чисто альбинос, с шеей длинной, и лапами, как почти у ящери. Не верили сперва, пока не одолели одного. Бродяга нарочно от камина любимого оторвался, спустился поглядеть. Аж передернуло от вида жуткого...

А еще, шастали по болотам синекотие дикари, словно мертвяки, язык позабывшие, вконец обнаглевшие, в стаи сбивались. Охотники утверждали, что восточнее, к Якутску, вообще зарево колышется над землей, вроде полярного сияния или пожара, не обжигает, но забредать туда не стоит. Забрeдeшь ненароком, за зверем непуганым погонишься, тут тебя и прихватит! Сердечко задергается, отбивая двести ударов в минуту, дышать станет нечем, коленки ослабнут. Иной, кто покрепче, выкрутится, выползет, седой весь, сразу лет на десять постаревший.

Выползет, если дорогу назад вспомнит. Лихие там дорожки, по топи бескрайней, перелески все одинаковыми кажутся. Одинаковые, да с отличием. Бог ведает, что там со временем, под сиянием дeется; может,

вообще, в другую сторону течет, и годков через пятьсот Китеж-град из тумана покажется, сияющий, свежестроенный, прозрачный, словно росой умытый...

А пока там — смерть.

Папа Малиновский заслал в Москву второй караван, и на этом торговое сообщение с Европой прервалось. Спустя два года третий караван, укрепленный взводом военных, не добравшись сотни километров до Улан-Удэ, наткнулся на Желтое болото. Тогда погибли многие, просто ушли ночью, повинаясь зовущей песне глубин, побросали оружие. Командиры спохватились на второй день, когда от каравана осталось не больше половины людей. Решили не возвращаться, идти в обход, по насыпи железнодорожной магистрали.

В Читинский городок доползли по весне три человека. Точнее, их подобрали охотники. Трое из сотни. Их почти сразу приволокли к Бродяге, чтобы хоть как-то поддержал жизнь, чтобы услышать правду. Караванщики умерли, продержались неделю. Двое так и не пришли в разумное состояние, бормотали о железном звере с шипом во лбу. Будто зверь убивал людей, как бабочек, прокалывал насквозь и таскал на шипе, издавая вопли...

На востоке папе Малиновскому тоже не повезло. Партия отчаянных парней, согласившихся торить путь к океану, пропала. Почувяв, что у губернатора не осталось военных, мигом воспряли противники. Папу закололи в здании городской библиотеки, которую он забрал под резиденцию, надолго затеялась смута.

Пожалуй, за десятки лет «замороженного» безвременья Бродяга нашел кому посочувствовать. Малиновский ему глянулся, невзирая на жестокости и пьянство. Да и то сказать — а где на Руси без водки и звериного боя власть ставится? И вот, не стало папы, порезали друга дружку немало, гарнизонные после власть держали, вояки то есть, затем их вырезали китайцы, затем китайцев вырезал папа Варьки со своими, называвшими себя казаками. Эх-хе, качал головой Бродяга, видали б вы, застреленцы, настоящих казаков!

Он ждал царя белого, ни с кем не спорил.

Как и предугадывал, понесли очень скоро мясо и злаки, молоко и шкурки, дрова и водку, все понесли, чем даровиты огороды и сопки Читинские. Придумал хитро, как себя поставить среди банд. Цену ломил высокую, особенно когда после вооруженной стычки, бегом к нему, на носилках раненых таскали. Не начинал врачевать, пока оплату не приносят, жестко постановил. Закона не стало, так хоть в одном пусть закон будет, так Бродяга решил. И вызвал к себе немалое уважение. Что дарили — тут же раздавал, по бедным и сироткам. От глупой щедрости уважение снова терял, кто же будет дурака-то уважать? Однако щедро-

стью отвлек интерес мародеров. Во всей Чите и окрестностях, на два дня пути, знали, что у Деда из восьмого городка поживиться нечем, что щедро награждает сирых, себя не жалуя.

Вокруг клуба ходили без шума, без крика.

Как святого, правда, уже не почитали, от прежней веры пшик остался, но совещаться по всякой малости к нему бегали и неоднократно принять мирской пост упрашивали. И русские, и китайские мандарины, сбившие банды крупные, по тысяче ножей и больше. Китайцы с юга накатывали, по холодам, уговаривали с собой, в Тибет.

Бродяга хохотал только.

Начальники доморощенные злились.

— Чего ржешь-то?

— Да как мне не смеяться, дитя? Ты мнишь себя великим человеком, четырех жен завел, законы пишешь, а играешься, как дитя малое...

Князьки районов, главари улиц зубами скрипели, не решаясь слова перевернуть. Памятно было, как налетали дикарские банды, как заманивали их в устье перегороженной аллеи, ложным отступлением заманивали. Выходил Бродяга один против толпы и, руками впереди себя дернув, всех укладывал, вместе с лошадьми, собаками, медведями и прочей живностью. Точно воздух гармоникой сжимался и выстреливал гулко, прорезал толпу, дальше, нарастая, катил, срывая все, что плохо лежит, убегал по склонам вверх, деревца пригибая. Кровь у дикарей из ушей хлестала, валились на колени, головы зажимая, а Бродяга поворачивался, уходил во чрево театра своего, шаркая, сутулясь. Ни разу не остался досмотреть, оценить, как городские парни за ним работу мокрую завершают.

Или железо из врагов вытряхал, когда настроение магнитное складывалось. Гвозди из сапогов вытягивало, ружья с ремней заплочных срывало, патроны и наконечники стрел сквозь прорехи карманов выпрыгивали, уstraшая неприятеля больше, чем артиллерийские редуты вокруг города.

Приезжали на черных жеребцах Хранители, вежливо говорили, кланялись. Городок вымирал, когда колдуны на околице объявлялись; всех сдувало в погреба, в лес, даже сторожевых на вышках. Хранители все равно находили атаманов, терпеливо ждали, накручивая пчелиное облако, пока к ним не выходили переговорщики. Колдуны не требовали провиант, золото или оружие, их интересовала только бесплатная рабочая сила. Дикари, а попросту рабы. Атаманы скрипели зубами, в бесильной злобе пригибались под гудящим пчелиным облаком, однако противиться не смели, выделяли отряды для поимки болотных людей. Пчелы — это ерунда, по сравнению с Плевком сатаны.

Китайцы, дурные, накинулись как-то внезапно, сотней на двоих Качальщиков, когда те у реки коней поили. Точнее, думали, что внезапно.

Выскочили с гиком из высокой травы, ножами порхая, а седобородый старичок у воды, не вставая, перекатился и плюнул.

Заживо, на бегу, человек сорок зажарил.

Напарник его, тоже в белом и в косичках, жеребца расчесывал, по колени в воде стоя. В седло запрыгнул, рукавом махнул, дунул — только черная паленая яма осталась от отряда Железного Дэна, лес еще не делю тлел.

Китайские воры надолго покинули Читу, а Качальщики потребовали у горожан сорок невольников, запас семян и два пуда трав, какие росли только на здешних болотах. Заявились к Бродяге, чинно попили шиповника, отдали дань варенью. С собой уже не звали, наслышаны были, что на Урал не пойдет. В деревушках Качальщиков умирали редко, болели того реже, Бродяга зачах бы скоро без смертей.

Он ждал царя.

Быть хотелось вместе с волчьими стаями, что кружили у крайних домов. Глядел вниз, на огоньки свечные, на керосинки самодельные, на дворики. Там хозяйки белье полоскали, детей грудью кормили, мужчинам своим помогали мыться, на головы мыльные сверху поливали. Хохотали, плакали, дрались, мирились, рожали в муках, хоронили, обнимались, детей лупцевали, скотину резали...

Они жили.

Все у Бродяги было, и ничего не было. Он позабыл, для чего царя ждет, да и не был уже уверен, что именно царя. Хватался за нитки истончившейся памяти, наматывал в кулак и вроде держал твердо, ан нет! Просачивались образы, расплетались, тускнели...

Он дождался.

32

ЦАРЬ БЕЛЫЙ

В то утро Бродяга проснулся — и сразу уловил изменение в восходящих токах воздуха.

Царь статный, седобородый, лицом молодой, но не белый, а напротив, медный, загорелый, вошел в лес, который раньше был парком. Царь был серьезно ранен медведем, гнил изнутри, но волей могучей сдерживал гной.

Бродяга, еще не вполне поверив, отбросил шубу, заковылял к окну. С некоторых пор он полюбил греться на втором этаже, перед стеклянной стеной, открывающей ему восточную часть городка.

Царь спустился в парк с востока. Бродяга не мог ошибиться — этот зрелый, отощавший мужик ступал и вел себя, как истинный властитель, хотя шел босиком. Он ласково улыбнулся хозяйшкам, выгонявшим коров, приласкал, не глядя, увязавшихся голодных кобелей, кинул яблоко сидевшему на дереве мальчишке. Кобеля стайные, до одури злые, ходока не тронули, улеглись. У Бродяги морозно на спине сделалось. Такая повадка со зверьем только лесным колдунам, Качальщикам, была свойственна.

Затем белый царь, не ускоряясь и не замедляя шаг, приблизился к сторожевой башне. Влево и вправо от башни, заслоняя подступы к Старому городку, бывшему кварталу офицерских «хрущевок», тянулись надолбы из неструганых бревен.

Бродяге не надо было присутствовать рядом, чтобы рассмотреть царя. Лицо его старца и не занимало сильно, вот изнутри оценить человека — это занятно. Он подумал, что если путник с седыми косами — тот, о ком он думает, то парней Варьки на заставе он легко обведет вокруг носа.

Иначе — какой же он властитель?

С царем прилепал еще один, ноги перепончатые, хворый, необычный, того Бродяга издали разглядеть не мог, но чуял болезнь нелепую. Сердечко у мелкого колотилось, как у птицы, в кулаке зажатой. Долго с таким боем сердца на белом свете не продержаться, да птицы и не живут долго. Мелкий жрал — не в коня корм, и дрых по три часа, сжигал себя на корню.

Мелкий нес заветное слово, да не одно. К Бродяги слюна пропала во рту, когда прислушался да пригляделся. Нельзя такого огольца упустить, никак нельзя, авось помрет...

Высокий улыбчивый мужик погромел кольцом у сторожевых ворот. Не стал бочком обходить, подметил Бродяга, хотя мог бы пролезть точнее, через буреломы.

— Чего долбишь? — угрюмо спросили мужика изнутри. — Вишь, припрутся и долбят...

Потом сторожа выглянули и сообразили, что человек только что пришел из тайги. Чужой человек, раненый, незаметно чтобы с оружием, и с ним, на пару, лысый урод, из этих, из синих, болотных...

Мама родная!

— Мне нужно пройти к лекарю, к врачу, — вежливо доложил мужик с косичками. — Я ранен, и я хорошо заплачу. Проводите меня...

После слов «хорошо заплачу» сторожа загоготали, а синекожий абориген с ворчанием спрятался за спину своего рослого покровителя.

— Откуда сам взялся?

— Из Петербурга, — не повышая голоса, ответил гость. Нарочно говорил тихо, чтобы заставить вояк примолкнуть. И ведь примолкли, прислушались. — Мне срочно нужен травник. Есть у вас травники?..

— А? Чего? Чего вякнул-то?

— Глянь-ко, сапоги какие справные!

— И рубаха железная!

— Эй, парень, кто тебя рвал? Косолапый, чай?

— Ты с «девятки», аль с «шестерки»? С шестого городка, что ль? Тебя спрашивают!

— Я из Петербурга,— терпеливо повторил мужик.— Проводите меня к травнику.

Его словно не слышали.

— Где уroda подобрал? — распотешились добры молодцы. Сытые, распаренные, вылезли поразмяться по утреннему холодку. Хоть какое-то развлечение наметилось, все не давить вшей! Вокруг города дикарей давно не видали, колдуны почти всех к себе в тяготу перетаскали, обороняться стало не от кого, разве что волков бить.

Теперь Бродяга лучше рассмотрел спутника царя. Он слышал, что в марях обитают уродцы, но впервые встретил такого живьем. Охотники рассказывали о десятках мелких племен, о людях, которые плодились быстрее кроликов, но с той же скоростью умирали, и потому не успевали осилить никакую науку. Кожа у несчастного отливала голубым, сосуды змеились среди влажных прыщей и редкого седого волоса. Широкая борода лопатой закрывала половину разбойничьей рожи, глаза торчали, как у рыбыны, а узловатые ручки едва не волочились по земле. Бродяга вспомнил виданную когда-то картинку, еще в эпоху действующих телевизоров показывали облученных обезьян.

Спутник русского царя явно пострадал от чего-то похожего. Бродяга внутренне расслабился. Смерти уродца недолго ждать, не выдюжит сердечко при таком ритме, сорвется...

— Эй, мужик, покажь, что в мешке? — попытался кто-то заливчато пнуть мешок, свободно висящий на плече царя, да, к потехе остальных, промахнулся, плюхнулся задницей в бурьян.

Вскочил красный, оторопевший, второй раз всерьез кинулся. И снова промахнулся, на сей раз рожей в стену бревенчатую влетел. От стены отлип и в сантиметре от носа увидел лезвие.

Стражники разом стихли.

А меднолицый, голубоглазый этот, сам-то на колдуна смахивал повадкой, только в сторону шагнул незаметно и с петелек манжетных клиночки достал, поиграл на солнце. Тут Варькины ребята притихли, задевать не посмели. Такие же клиночки метательные у Качальщиков, не к ночи помянуты, видали.

Без звука пропустили в город, а сами Варьке кинулись докладывать.

Бродяга засмеялся у себя в клубе, изрядно напугав прислугу. Заметались, впервые смех старческий его услышав. Он связал воедино дале-

кий татакающий звук, приснившийся несколько дней назад, и сегодняшнее явление. Никто, кроме Бродяги, не слышал, как стучит поезд. Для четырех тысяч жителей Читы-8 железная дорога служила лишь рубиконом, условной границей, за которой вольготно охотились парни Железного Дэна и бурятские кланы.

Бродяга следил, как странная парочка ковыляет по проспекту. Раз два спросили дорогу, собрав позади себя небольшую толпу. Голубоглазый мужик в кожаной куртке поверх кольчуги и брезентовых штанах заметно прихрамывал, опираясь на плечо своего вонючего приятеля.

Белый царь шел босиком, не обращая внимания на рассыпанные всюду острые осколки. Как и следовало ожидать, направлялся к очагу культуры.

— Фекла, кипяток готовь, — не оборачиваясь, приказал Бродяга. — Степан, тех троих, язвенных, вниз отнесите, а тут свежую постель стели...

— Да как же? — растерялись служки. — Куды мы их? Внизу-то, после стрельбы с бурятами, все занято...

— Плохо слышал, Степан? — искры метнул Бродяга, мигом повергнув «младший персонал» в трепет. — Так, полы мыть с мылом. Проверю, хреново помоеете — языками лизать заставляю. Печку сюда, холста, спирт живо, обормоты!

Вниз глянул. Там обоих путников снова остановили. На сей раз Варькин внутренний патруль. Бродяга минуту колебался, не вступить ли, затем остыл. Против правил не попрешь, нейтралитет он обязан держать до последнего...

— Этого... этому не положено, — огромный мужик в ватнике, подпорасанный двумя портупелями, твердо загородил дорогу синекожему коротышке.

— Это мой друг, — голубые глаза смотрели безмятежно и доброжелательно, как будто и не было только что стычки. — Он вам не опасен. Скажи, приятель, ты здесь старший? — Лесной мужик безошибочно уперся взглядом в десятника Коляна.

Тот поежился, ощутив себя вдруг голым посреди толпы. Колян был почти на голову выше и вдвое шире пришлого, но почувствовал себя очень неуверенно.

— Ну я...

— Фамилия?

— Чего-о? — Десятник выпучил глаза. С ним еще никто так нагло, в присутствии ребят, не смел базарить. Варька, атаманша, конечно, могла и наорать, она баба бешеная, но чтоб чужой!

— Я спрашиваю, как твоя фамилия, солдат? — ледяным тоном повторил лесной пришелец. — Меня зовут Артур Кузнец, я свое имя не скрываю и хочу знать твое. Ты несешь дежурство пьяный, это раз. У тебя не-

чищенное оружие, грязная одежда и с собой ты носишь самогон. В таком виде ты не имеешь права патрулировать улицы.

Услышали все, человек тридцать набежали к клубу. Женщина, незадолго до того вызвавшаяся проводить президента к целителю, затряслась и бочком засеменила в сторону. Патрульные ошалело переглянулись. Их было четверо, каждому не больше тридцати, кровь бурлила, у каждого топоры, ножи. Десятник гордо носил на поясе пистолет, у длинного Волоши за плечом качался автомат.

— А хобот у слона не хочишь занюхнутъ? — оскалился длинный Волоша, ища одобрения у командира. Он сплюнул, попал чужаку на голую ногу. Тот заявился босиком, ну прям как настоящий болотный мертвяк, и пытается учить, когда им водку пить!

Уже тянулись пальцы к ножам, уже заискрило в непросохших, с вечера, головушках, предвкушение потехи, но... потеха иная получилась.

Голубоглазый дернул кистью, прихватив двумя пальцами длинного Волошу за мизинец. Тот взвыл тонко, зайцем заверещал, на бок, в грязь заваливаясь.

— Сука, пусти, пусти, сука...

Босоногий путник коротко ткнул пальцем Волоше куда-то под горло; тот больше не поднялся. Громадный Колян опомнился, махнул своим топором, но только публику насмешил и чуть башку другому своему подчиненному не снес. Босоногий странник пропустил руку десятника над собой, тут же повис на ней, поджав ноги, выворачиваясь, увлекая громилу вниз.

Колян очнулся, приложившись затылком к острым камням. Хотел вскочить, но одно стальное жальце уперлось в глаз, а второе прокололо штаны между ног.

Тут синекожий дикарь, о котором все забыли, неожиданно себя проявил. Короткой тупой дубинкой дважды, взад и вперед, как поршнем, толкнул в пах двоим воякам; те мигом сдулись, осели, пузыри пуская.

— Медленно снимай с пояса нож, — приказал Коляну царь. — Теперь медленно расстегни штаны. Снимай... Снимай, я сказал!

Когда десятник, пунцовый от стыда, лишился нижней части одежды, гость города приказал соратникам связать его и в таком виде доставить к атаманше Варьке. А Варька уже подъезжала сзади, с тремя парнями дюжими, те за пушки, за арбалеты схватились, но атаманша отмахку дала.

Варька на парней цыкнула, сама глядела на белого царя, как ни на кого до сих пор не глядела. Ни слова не произнесла, однако губки трепетали. Как диковину какую, пришлого изучала, шею вытянув. И ведь ничего особенного, если сердцевину не почуют, мужик как мужик. Влюбилась, дуреха, прошептал Бродяга, и в тысячный раз подумал о

неведомых никому путях, predeterminedных свыше. Чтобы девка эта бешеная, кровь не с молоком, а, пожалуй, с брагой, да в кого-то втюрилась? Здесь, в Сибири, бабы покруче мужиков росли, не то что коня, а, пожалуй, табун остановят, и топором сутками махать способны... Варвара встретила с царем белым глазами, тот поклонился вежливо, подождет. Народ вокруг примолк, но Варька разумно себя показала. Уже ясно, что сулила встреча с метателем ножей, ни к чему позориться перед своими. Лишний раз Бродяга в уме девки бедовой убедился. Не позволила первому позыву власть над собой взять...

Белый царь шагнул на ступени Дома культуры. Никто не заметил, как сверху, сквозь грязное стекло усмехнулся старец. Все сходилось, как шепнул когда-то в Петербурге Григорий. На ушко шепнул, неслышно. Мол, ты, Бродяга, царю послужишь, и веселая компания. Да, компания веселая подбиралась. Девка больная, психопатка, и урод синий.

Читинцы меж тем хохотали, над патрульными потешались.

Бродяга не потешался. Потом мужик в рваной кольчуге поднял взор, они встретились глазами, и Бродяге смеяться сразу расхотелось. Он вспомнил, что еще нашептал Григорий насчет белого царя-самодержца.

Избавление тот нес. Избавление от проклятой жизни.

33

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ

Артур увидел дряхлого дедушку, по виду — неизлечимо больного, с трудом влачащего последние дни. Дедушка походил на уставшее дерево, покрытое коростой, изъеденное жучком, давно потерявшее корни. Старика хотелось пожалеть, накормить и приголубить. Он сидел в глубоком кресле, скорее похожем на походный трон, со скамеечкой для ног, укрытый ворохом медвежьих и собольих шкур. Подле, на стопке ковров, щерились три волкодава.

Пока Артур оглядывал залу, дедушка в кресле не пошевелился. Он словно дремал, свесив набок сморщенную, птичью головку, усеянную бородавками, пигментными пятнами и останками зеленоватых волос.

— Так ты и есть — новый русский царь? — неожиданно сильным, высоким голосом осведомился старец.

— Если ты имеешь в виду будущую династию, то я не царь, — выкрутился Артур. — Мой сын на престол не сядет. А ты — Бродяга?

— Так меня звали когда-то. Ты был Клинком?

— Я учился у Хранителя силы Бердера. Ты слышал о таком?

— Вот как... Мне говорили о тебе Качальщики, я не верил...

— Они здесь? — подпрыгнул Коваль. — Ты можешь свести меня с ними? В залу, коротко переступая, внесли корыто с горячей мыльной водой.

— Кровь в тебе гниет. Не лечить сейчас — помрешь, — сменил тему мортус.

— Не удивил... А ты не похож на травника.

— А я и не травник.

— Я просил указать мне дорогу к...

— Тебе нужна помощь, ты ее получишь.

Бродяга поднялся с кресла, коротко глянул в окно. Внизу Варька, крепкая, грудастая, розовая, заводя себя яростью, отчитывала понурившихся патрульных. Простой люд не расходил, глазел.

— Так ты знал, что я появлюсь именно здесь?

— Тряпки скидывай, — распорядился Бродяга. — Коли наговоры ведаешь, знать бы должен, что от когтей раны наговорами не снимешь...

— Эта женщина внизу... Она здесь верховодит?

— А, приметил? Да уж, девка ладная, как раз по тебе...

— Отчего по мне? — нахмурился Артур. — Если такой зоркий, мог бы заметить, что я женат...

Но в окно еще раз высунулся, сам на себя удивляясь. Вроде и не красавица, да и не время ухлестывать, выжить бы в передрыге, а зацепила. И вправду зацепила. И не торопилась уезжать.

— Одно другому не помеха, — пробурчал старец. — Коли суждено, никуда друг от дружки не денемся, язви их в душу... Раздевайся, что ль?

Артур оглядел двух бабушек с полотенцами и мочалками наготове, вдохнул хвойный аромат, поднимавшийся из корыта, и решительно потянул завязки кольчуги...

...Спустя трое суток он готовился уходить. Сидел у зеркала, укрытый до пояса не слишком чистым одеялом, недоверчиво ощупывал грудь. Следов от когтей практически не осталось, а после отваров, поднесенных бабусями, хотелось выпрыгнуть в окно или зашагать по потолку. Кровь бурлила, сила не находила выхода. Только бесцеремонное зеркало подсказывало, что молодость давно прошла.

— Хранитель меток мне когда-то рассказывал о таких, как ты... — Артур с трудом перевел дух, добравшись до дна литрового ковша с отваром. — Если честно, не особо верилось в вечных старцев... Скажи, тебе самому разве не хотелось встретить прежних своих друзей?

— У меня нет друзей... — Морщинистая кора на лице мортуса чуть дернулась. Слезящимися глазами он неотступно смотрел вдаль. Тучи гнуса кружили возле окон, залетать им мешали клубы дыма из расставленных вдоль стен горшков. — Искал бы дружбы, остался бы в столице...

— Постой, постой... — опомнился Коваль. — Мне вот что непонятно. Ты тут столько лет торчишь только потому, что умирают быстро?

— А, эти-то? — Бродяга бородой небрежно указал на синюшного дикаря, жмущегося к костру. — Конешна, а как иначе? Быстро мрут, и тридцати годов не живут, отцов не помнят...

— Живут мало оттого, что химии наглотались, — мрачно заметил Артур. — Странно вообще, что выжили...

— Ась? — наклонил ухо старец. — Странно, говоришь? Ничо странного, так повинно быть. Человека чтоб сгубить, бесам сто шкур спустить надобно. Человеке — тварь живучая, так и лезет, так и лезет...

— А нормальные люди вокруг Читы есть? Не зараженные?

— Ась? Нормальные? — Бродяга пожевал полустертыми протезами. — Китайцы, буряты когда наведаются, но близь не входят, робеют... Видал, вокруг ограды оберегов сколько навешали? А этих-то полно, мелюзги всякой... Иные слова промолвить не могут, к таким не пользу. А те что говорят — тех навещаю, дитяток лечу, да...

— Но тебе же выгодно, чтобы они умирали?

— Ась? — Старик словно засыпал на ходу. — Отчего умирают? Дык надоели мы матушке-земле, хуже редьки горькой. Замучилася с нами, непотребными...

Коваль разглядывал пустые стены клуба. Щуплый дикарь Буба чуть ли не стонал от восторга, вплотную приблизившись к огню. Сквозь его синюю, прыщавую кожу проступали сосуды.

«Долго не протянет, стареет на глазах», — подумал Артур. Коваль передернуло от ужаса, когда он представил себе, каково пройти жизненный путь за двадцать пять лет. Сгореть, как бикфордов шнур, не успев запомнить родителей, не набрав знаний предыдущих поколений, не выучив даже все слова, которые гуляли в племени...

— Не жилец твой Буба... — словно расслышав мысли президента, проскрипел Бродяга. — Не горюй, другого найдешь...

— А ты уверен, что собрал всю свою поэму? — полюбопытствовал Коваль.

— Ни в чем я не уверен... — искренне поделился мортус. — Время — штука скользкая, сквозь пальцы утекает.

— А что будет, когда соберешь? — спросил президент. — Ты станешь бессмертным?

— Боюсь... — прошамкал старик. — Не успеть боюсь...

— Боишься?! Столько лет живешь, не отвык еще бояться?

— А тебе рази помереть не страшно? — Мортус повернулся всем телом, задышал тише.

— Страшно, еще как, — кивнул президент. — Но так, как ты жить — я бы с тоски помер.

— А как надо жить? — озаботился мортус, затрясся мелко. — Ну-ка, ну-ка, поделись, а то я молодой, не нюхал порошу. Как жить, под пули лезть, вот как дурочка та? — Бродяга имел в виду молодую атаманшу городка.

— Мне девка эта шальная все равно ближе, чем ты, — Коваль посмотрел за окно, на бывший гарнизонный плац, где атаманша, уперев кулаки в бедра, зычно материла подчиненных. — Она слышит, она видит, она живет, старик. А что видишь ты?

— Знаешь, почему тебя не прибили? — сменил тему Бродяга. — Глянул ты Варьке, не велела стрелять. А могли бы и пулнуть, во как...

— Я заметил.

— Что ты заметил, дитя? Она ведь теперь тебя так просто не выпустит. Мужики толковые в городке в цене.

— Выпустит, куда денется... — Коваль поймал себя на том, что издали любит Варьку. Кажется, атаманша ни минуты не сидела на месте. То руководила выгрузкой дров, то снаряжала бригаду копателей на углубление рва, то чихвостила патрульных. — А не выпустит, с собой возьму!

— Ты ж говорил, женат, а президент? — хихикнул старец.

— Жену не променяю, — улыбнулся Коваль, цепко вглядываясь в мини-парад на плацу. — Семью никогда не променяю, а вот генералов толковых у меня мало...

— Не бросит она Читу... — покачал головой мортус. — Да и не верит никто, что отсюда выбраться можно. Мари кругом, там дрянь всякая...

— В том-то и дело, — встрепнулся Артур. — Ты ведь лучше их всех знаешь, что болота кругом сжимаются. Если не прорываться, городок погибнет. Знаешь, а сидишь! Кстати, остались еще такие, как ты?

Бродяга пожал плечами.

— Черные, может, есть, такие как... неважно. Ежели к трону бы не лезли раньше времени, составили уже стих, это точно...

— Завидуешь им?

— Им легче, вот что. Легше им стих собрать. Поздно понял я...

— Так еще не поздно? — зло подначил Коваль. — Силищи-то в тебе за десятерых! Что тебе стоит всех местных по克罗шить? Глядишь, стихок и составит, на Олимп вознесешься!

Бродяга невесело хохотнул.

— Потешаться изволишь? Я на белое обречен, человеке. Сколь угодно ненавидеть могу людишек, зубами скрипеть, а слова не добыю... Токмо через покаяния, через мирные проводы, через ласку благодать мне дается...

Старик кутался в шубу, его тощие ноги казались отеками из-за нескольких пар вязаных шерстяных носков. Глубокие морщины его

коричневых щек навсегда пропитались дымом костра, глаза затянуло пленкой, как у змеи.

«Сколько же ему лет? Даже подсчитать непросто... Я бы рехнулся, повесился бы тут один! Живет, живет, ничем не болеет, ни зверь его не берет, ни огонь, ни пуля... Живет, собирает свой стишок и уже забыл, для чего живет... Так, по инерции...»

— И долго тебе еще последние слова собирать? — спросил Артур.

Бродяга почесался, промычал неопределенно, отправил в рот пригоршню ягод.

— Слушай, мне надо дойти до Байкала, — приступил с другой стороны Артур. — Одному трудно, лошади нет, и грудь еще не заросла. Там, в Улан-Удэ, буддийский дацан, школа, слышишь? Там мне помогут, найдут дракона, найдут друзей. Я в тайге не боюсь, но здесь не тайга, а черт знает что...

— Пошто врешь-то?

— Не вру... — опешил Коваль.

— Ай, молод еще мне башку дурить, — старик приподнял палец, крепко по имени Лука тут же подсыпал ягод. — Ведомо мне, что ты за мной пришел... Вот только не уверен, идти ли с тобой.

— Отчего же не уверен?

— Оттого что ты сам не ведаешь, куда нам надо. Нагадали мне, что царь белый явится, верно нагадали. Да только не такого царя я ждал. Царь — он над будущим властен, хоть немного, да властен. А ты, как слепой котенок, в ведре барахтаешься.

Артур только крикнул. Вот уже второй... ну, не второй человек, так второй собеседник ему пеняет на хаос государственного планирования, и вообще... на хаос идеологии, скажем так.

— Слушай, отец, меня на президента не учили, — сказал Коваль. — Я ведь не идиот. Понимаю, что из стороны в сторону порой носит, то либеральничаю, то волком кидаюсь. А что делать прикажешь, когда каждый надурить норовит? Ворье сплошное, а кто не вор — тот тюфяк, к управлению не годный. И так кручусь, язык набок, а ты еще призываешь пророком стать?

— Пророком тебе не дадено, а чутье у тебя и так неплохое, — Бродяга рассмеялся, снижая накал спора. — Вот ты за мной пришел, даже сам не поймешь, как в тайгу свалился. Где твои Малахитовые врата?

— На востоке... — вздохнул Артур. — Я бы точную засеку оставил, не сбился бы, кабы не медведи. Пещера там низкая, очень большая. Меня как будто выплюнуло наружу, очухался среди костей, среди кишок непереваренных. Холод собачий, еще и стукнулся обо что-то, света нет... Видимо, эти врата давно привалило, там от скважины до потолка с метр расстояние. Только с мыслями собрался — на тебе, медведи...

— Так он не один был? — изумился старец.

— Если бы один. Мамаша с двумя здоровенными сынками. Я одному из них прямо в пасть вылетел, напугал беднягу до смерти...

— Так ты всех троих убил?

— Медвежат убил, но один меня здорово зацепил... И мамашка с охоты прет, тут уже не до засеки стало, унести бы ноги. Сутки от нее уходил...

— Ты ж это... Ты ж вроде Клинком обучен, сам говорил. Я вот все спросить тебя хотел, как же с топтыгиным не сладил?

— Потому и не сладил, что при ней детей ее прикончил... — Коваль скривился, как от зубной боли. — Так что эти ворота найдем вряд ли. К тому же там явная отравка, радиация, и вода в болотах желтоватая... не нравится мне это. Кони не пройдут, это точно, я по кочкам жердины клал. А на руках я тебя не дотащу.

— Однако ж ты вышел! Как вышел, если бы чутья не было?

— К людям выбрался, это точно, но второй раз туда ни за какие коврижки не сунусь. Радиация там, и насекомые такие... Хорошо, что травы с собой, на теле носить привык, так и те извел на заразу...

— Стало быть, проверить слова твои нельзя. Вроде есть ворота, а вроде и нет...

— Зря язвишь, Бродяга. Другие ворота у озера Байкал есть, только змей нужен, или команду нанять, чтоб тропу пробили. До Улан-Удэ доведи меня, а там я разберусь.

— Так говоришь, будто я уже согласился. Приткий ты, однако...

— Если не согласишься, пойду один. Все равно сюда вернусь, на паровике, когда магистраль потянем. Тогда никуда не денешься, ковер до твоего Дома культуры расстелю...

— Ох, насмешил... ну, спрыгну я, и что?

— Не знаю, — честно признался Коваль. — Но ты должен как-то урегулировать вопрос с арабами. Напугать их, или напротив, соблазнить... Мне ж не разорваться одному!

— Да уж, тебя и так хотят убить, я знаю, — коротко вставил старик. От неожиданности Артур лишился дара речи.

— Кто хочет убить?

— Слышал я, китайцы с монголами побратались. До поры, конечно... — Бродяга осторожно вынул из очага кружку на длинной ручке, разлил чай по пиалам. Запахло ароматными лесными травами, ягодой; у Артура чуть слюнки не потекли. — Побратались вроде, кто их, косоглазых, разберет? Их-то много осталось, не повымерли, как русские-то. Вот монголы-то империю назад задумали строить, и буряты с ими, ханов выбирают...

— Кто тебе сказал, шаманы нашептали? — нахмурился Артур.

— Заранее ничего знать не можно,— рассудительно заметил коричневый старик, подвигая гостю очередную дымящуюся пиалу.— Сказывали людишки лихие, мол, наслали буряты шаманов своих, чтобы президента сгубить... Да только сбег президент, не словили, хе-хе...

— А тебе все равно? — начиная закипать, осведомился Артур.— Тебе наплевать, что будет со страной?

— Ты лишка-то не спытай, надоешь быстро,— осадил Бродяга.— Страна, государь, дума, учредительное, сенат... Я дряни этой наслукался во как, человече... — Он выразительно постучал по горлу, там, где извивался высохший червяк кадыка.— Мне без разницы, что вы там грызетесь... Потопчи с мое землю, поймешь, что нету смысла ни в чем. Да и врешь ты мне...

— Где же вру?

— Не монахов ты ищешь, не змея. Что-то иное, в земле запрястано. И от меня тебе надо темного добиться...

— Почему ж так сразу — темного?

— Мне игры ваши — что забавы дитячи,— устало поморщился Бродяга.— Темного ты хочешь. Хочешь, чтобы я себя Черным мортусом проявил, врагов твоих за море распугал. Только что мне до них, а?

«Хрен старый, такого действительно не напугаешь, надо помягче...»

Мбуба урчал у костра, как кошка. На подоконнике расхаживали вороны, долбили клювами сухой шиповник. Сосны шумели в проемах окон, заглядывали в комнаты.

— Извини,— Коваль поднес с губам аппетитное варево, втянул ноздрями пряный цветочный аромат.— Мне очень нужна помощь. Ты ведь знаешь, как безопасно пройти к Байкалу. В Улан-Удэ у меня есть верные люди. Пойдем вместе, разберемся с халифами, я верну тебя в Питер, проживешь по-человечески.

— Зачем мне это? — криво улыбнулся старик.— Здесь я хвори отгоняю, собираю стих. Зачем мне в город? Мне ничего не нужно, человече... Все, что мог иметь Крез, я уже имел. Вон оно, злато, камешки, рассыплю... Тут, под нами, казначейство, теперя крысы жируют, хе-хе... Вот она ваша власть, бабы ваши, парусники... Чего уставился, как кабан голодный? Не нравлюсь — вали отседова, места много... Что ты мне предложить можешь? Турка воевать? А, то-то...

Артур мелкими глотками допил чай. Он ясно чувствовал, что Бродяга нарочно провоцирует на грубость, сам втайне дожидаясь какого-то важного аргумента в пользу похода.

Джинн не сказал, зачем нужен Бродяга. Предстояло догадаться. Либо уговорить старца к сотрудничеству, чтобы тот сам сделал встречное предложение.

Еще через день он потерял надежду.

Бродяга был непреклонен.

...На улице Артура уже ждал маленький Буба. Он не возражал против исчезновения буквы «М» из своего нехитрого имени. Гораздо больше синекожего сына болот занимал новенький рюкзак, подаренный Бродягой. Буба сидел на ступеньках, перебирал многочисленные подарки, по большей части съедобные, а вокруг, соблюдая трусливую дистанцию, толпились дети Читы-8. Уже прокатился слух, что если синекожего потрогать, то к утру покроешься волдырями.

— Подожди, Кузнец, поговори со мной...

Артур еще не успел обернуться, но уже знал, кто там сзади. Огольцов как ветром сдуло. Варвара, атаманша, круглая, сама похожая на молодого медвежонка, ступала тихо, только с виду неповоротливая, неловкая. Грамотно рассудила, что личного друга Бродяги лучше не злить, лучше потерпеть странное двоевластие. Никуда не денется, уедет...

И вот излеченный, заштопанный человек, которого за глаза стали называть Белый царь, уезжает. Старец велел выделить ему и болотному чуду коней, боевых псов, отсыпать пороха и стрел.

— Ты уже уезжаешь, Кузнец?

— Я вернусь к вам, Варвара. Мы приедем из Петербурга на поезде. Привезем машины, привезем семена и скот.

— Ты не дойдешь до Байкала. Наши лучшие охотники погибли...

— Что ты предлагаешь, Варвара?

Круглолицая девушка закусил губу. Ее мозолистые широкие руки лежали на рукоятках сабли и пистолета. Атаманша не отпускала оружия даже во сне. На долю секунды Артур попытался представить Варвару без одежды. Без одежды, но с пистолетами. Забавно...

— Чему ты улыбаешься, Кузнец?

— Тебе. Ты мне нравишься, — не задумываясь, произнес он и заметил густой румянец, расплзающийся по ее щекам. — Буба, запрягай! Помнишь, как я тебя учил?

— Я поеду с вами, — Варька махнула рукой, паренек в треухе бегом подвел ей двух коней. Одного увешенного поклажей, другого — налегке, с двумя обрезами, укрепленными на седле.

— А как же твои люди? — поразился Артур. — Ты же не можешь просто так бросить город?

— Я не бросила. Ночью курень собирала. Братку моего выбрали.

— То есть... Ты больше не атаман Читы?

— А ты не врешь? — вопросом на вопрос ответила девушка. Варвара стояла прямо у них на дороге, мешая Бубе выносить пожитки.

— Насчет чего?

— Я спорила с мужиками... — Варвара говорила глухо, прятала глаза. — Тебя предлагали убить, издалека, отравленной стрелой. Тут все

испугались, сказали сначала, что ты пришел меня прогнать, чтобы править тут. Ты умеешь приказывать собакам, такого у нас не видели. Такое только Бродяга умеет, и шаманки, но шаманки живут в лесу. Я мужикам тебя убивать не велела... Бродяга мне волосок твой дал. Я пошла к шаманке Тулеевой, пороса ей зарезала. Пока тебе раны зашивали, Тулеева камлала, волосок твой нюхала, в котел кидала. Тулеева сказала — этого человека нельзя нам убить. Убьем его — он опять вернется, огонь на нас найдет, всю тайгу пожжет. Шаманка в ногах у меня валялась, просила, чтобы мы тебя не трогали. Я пошла к Бродяге. Он сказал, что ты — белый царь, что тебя нельзя прогнать. Скажи, ты действительно царь всей страны?

— Не царь. Президент... Впрочем, для вас это одно и то же.

— Я поеду с тобой, иначе не выйдешь. Звала наших мужиков, никто не хочет. Боятся.

— А ты не боишься?

— Мне шаманка нагадала жизнь. Двух детей нагадала... — Варвара снова покраснела, отвела взгляд.

Коваль открыл рот... и почел за лучшее промолчать. Его собиралась защищать девчонка, это стоило записать для истории. Кроме того, его собиралась защищать девчонка, нелепо втюрившаяся в него.

— Я верю Бродяге, я верю шаманке... Зачем тебе старик?

— Мы ведем войну... Это сложно. Он может помочь спасти многих.

— Да, он умеет спасать. Но он не хочет с тобой идти.

— Я не могу его заставить. Я вернусь сюда на паровике. Мы починим дорогу, я вернусь за ним. Может быть, старик согласится ехать в вагоне.

Варька удовлетворенно кивнула.

— Все так... Шаманка никогда не врет. Тулеева сказала, что старый лекарь не идет с тобой на войну, потому что чувствует смерть. Ты принес ему смерть, Кузнец.

У Артура нестерпимо чесались руки вытащить зеркало, в котором прятался Хувайлид, и шарахнуть о ближайший булыжник. Похоже, джинн так и не избавился от пагубного черного юмора. Зашвырнул президента из Греции в Сибирь, и нет чтоб в город, а прямо в лапы голодному медвежонку! Еле справился со зверем, чуть от потери крови не помер, потом дикари хотели на салат пустить... Страшно представить, что сейчас творится в греческой пещере, возле Малахитовых врат. Ребята, наверное, с ума сходят, потеряли его окончательно...

А может статься, прошло уже несколько месяцев, или даже лет, война давно закончилась, Карамаз захватил Украину, в Питере в думе перестреляли друг друга и выбрали нового президента...

Зеркало честно отражало рваные тучи и темно-зеленый мох надвигающихся сопков. Подлый джинн, судя по всему, ковырялся со своими электрическими личинками.

Лошадь Бубы ступила в распахнутую калитку городка. На заостренных кольях забора блестели капли свежей смолы, стрелки на башне шептались, показывали пальцами. Бородатые стражники салютовали отставной атаманше, готовясь немедленно воткнуть на место тяжелое бревно. Вдоль улиц, двумя колоннами, безмолвно стояли жители Читы-8. Откуда-то все узнали, что страшный человек уезжает и с ним уезжает Варвара.

— Тебе лучше остаться,— предпринял последнюю попытку Артур.— Они теперь ненавидят нас, за то, что мы тебя забрали...

— Они трусы,— жестко бросила девушка.— Трусы! Паршивые псы!! — Она остановила коня в воротах, презрительно сплюнула в сторону часовых. Здоровенные мужики попятились, пряча взгляды.

— Стойте!!

Мгновенно аллея пришла в движение, словно кто-то отпустил кнопку «пауза». Люди загомонили, точно вспугнутые галки. Хором залаяли собаки, под Бубой встала на дыбы лошадь. Синий дикарь от неожиданности выпустил стремяна и кувыркнулся в пыль. Но никто над ним не смеялся, десятки глаз смотрели в другую сторону. Со стороны Дома культуры донесся дробный стук копыт. Четверка широкогрудых мохнатых жеребцов, закованных в латы, рысью влекла громыхающий тяжелый экипаж. Артур не сразу сообразил, что же ему напоминают глазницы выбитых фар...

К воротам мягко подкатила кабина роскошного американского тягача. Это был белый монстр из семейства Кенвудов, на сносной резине, в устрашающих байкерских картинках, с вертикально торчащей, хромированной трубой, с решетками на окнах, со спальным отделением, кухней и двумя пулеметами. Один ствол торчал из задней стенки жилого отсека, другой свободно покачивался на турели поверх двигателя. На широченном бампере, укутанный с головы до ног частую кольчугу, важно восседал один из подручных Бродяги. Он держал в руках вожжи и хлыст, управляя конями. Позади, на платформе полуприцепа была задом наперед укреплена кабина грузовика поменьше, ободранная, оббитая снаружи броней. Из вырезанного в кабине верхнего люка наполовину высовывался еще один парень в кольчуге и шлеме. Два длинных почерневших ствола под его руками выдавали огнемет.

Судя по реакции горожан, сей устрашающий экипаж они увидели впервые. Стражники попрятались за створками ворот и выглядывали оттуда, как вспугнутые сурки из нор. Отчаянные мальчишки перешептывались за спинами матерей. Стало слышно, как позвякивают на тяжелых кольчужные пластины. Благодаря шипам на неуклюже согнутой броне, лошади походили на фантастических ежей.

Дверца в кабине тягача распахнулась, толпа ахнула.

— Бродяга... — От волнения у Варвары пропал голос.

Старец коротко постригся, переоделся в толстые штаны, болотные сапоги и широкую брезентовую попону. Судя по его скованным движениям, под попоной почти наверняка скрывалось нечто понадежнее.

— Что устался, дитя? — улыбнулся старец одним лишь краем рта. — Давайте уж оба сюда залезайте. Чай, удобнее тут, покуда дорожка позволит. А синему своему, болотнику, вели коней позади привязать, пущай с Лукой в башне хоронится. Ну, долго ждать-то?!

— Отец... отец...

— Отец, как же так, на кого оставляешь? — захныкали в толпе.

— Не покинь, спаситель, как мы без тебя?

— Что ж променял нас на этого?

«Еще немного — они опомнятся и перекроют нам выезд», — отстраненно подумал Коваль, незаметно освобождая ноги из стремян. Он заметил, что Варвара уже держится за притороченный за спиной арбалет.

— Я вас не променял, — старец хлопнул кулаком по металлу. — А только мне теперь, братцы, самому спаситель надобен.

— Ты с нами, Бродяга? — не в силах сдержать радость, заулыбался Артур.

— Не дай тебе бог обмануть меня! — наставил на него острый палец старик. — Ежли не окажется там Малахитовых врат, о которых мне песни пел, — проклянущу, мало не покажется! Мне гулять некогда!..

— Мне тоже некогда, — согласился Артур и галантным движением подсадил оробевшую атаманшу в кабину.

Лука хлестнул лошадей. Бронированные тяжеловесы рванули с места. Буба запрыгнул на платформу.

— Вот и славненько, — проскрипел за пазухой президента джинн. — Экипаж в сборе, от винта!

— Ах ты сука! — с чувством произнес Артур. — И все это время ты притворялся, что нет связи?

— С кем это ты? — изумился Бродяга.

— Что с тобой, Кузнец? — отодвинулась Варвара.

Огромные колеса Кенвуда подпрыгивали на шоссе. Лошадки резво несли к лесу. На запад вела прекрасно сохранившаяся бетонка.

— Тут такое дело... — кашлянул Артур, доставая зеркало. — Короче, все равно придется познакомиться. Как бы помягче вас подвести?.. Вот ты, Варвара, бабочек любишь? Тогда чур не орать...

Конец четвертой книги

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

1. Обратный отсчет	5
2. Подземелье мертвецов	11
3. Голубоглазая смерть	17
4. Город лысых псов	24
5. Чужой среди своих, или О важности огневой подготовки	30
6. Пленник Эрмитажа	38
7. Семейка Рубенс	44
8. Новая русская нечисть	54
9. Караван	61
10. Зеленая атака и дети Красной луны	70
11. Драконы Чингисов	76
12. О пользе ПВО	83
13. Дорожная демократия	89
14. Тот, кто раскачивает землю	99
15. Рабочий журнал	105
16. Как трудно стать чекистом	113
17. Жизнь после смерти	116
18. Застава шептунов	120
19. Пчелиный эскорт	125
20. Надя Ван Гог	130
21. Хранители равновесия	136
22. Враги и союзники	144
23. Как писать книги	153
24. Начало большой политики	160
25. Клинок и порядок	165
26. Хотеть в Париж не вредно!	174
27. Знакомство с инквизицией	180
28. Новые опричники	186
29. Уголь маркиза Карабаса	191
30. О пользе домашних животных, или Проделки летуна	197
31. Байкер поневоле	202
32. Спор без выигрыша	209
33. Новый друг лучше старых трех	216
34. Проснувшийся демон	220

35. Право на лево	229
36. Тайна старой бочки	234
37. Хищник против терминатора	242
38. Разочарованный странник	247
39. Меньшее зло	257
40. Правды и законы	266
41. Десять лет спустя	272

БРАТСТВО КРЕСТА

Часть I. Мертвые земли

1. Конец мирных дней	283
2. Стоны западных ветров	292
3. Варшавский союзник	298
4. Поющий автобан	309
5. Первая потеря	322
6. Ночные пивовары	334
7. Имам и джинны	342
8. Кабаны и ахары	354
9. Смерть в ползущих горах	364
10. Великаны Красного леса	376
11. Когти железной птицы	382
12. Песни хрустальных гробниц	392
13. На шашку с голой пяткой	405
14. Париж стоит мессы	419
15. Свинья со свистулькой	428
16. Мертвые простят живых	442
17. Наследники Зорро	446
18. Рыжая ведьма	459
19. Свадьба на поминках	465

Часть II. Конец красной луны

20. Право сильного	475
21. Юбилейные игры	485
22. В ожидании осени	496
23. Сказки озерного края	504

24. В гостях у Сатаны	510
25. Конец красной луны	522
26. Старые песни о правде	532
27. На пороге мести	539
28. Казань — город хлебный	546
29. Пиары и консенсусы	557
30. Эсминец «Клинок»	569

ПО СЛЕДАМ БОЛЬШОЙ СМЕРТИ

Часть I. Храм девяти сердец

1. Зов Желтых болот	577
2. Тайный обоз	584
3. Катакомбы шептунов	592
4. Битва за госрезерв	601
5. Сорвавшаяся сделка	610
6. Наемники и добровольцы	618
7. Наследники Гоминьдана	625
8. Храм девяти сердец	634
9. Холодное сердце Ляо	642
10. Жалкая душонка	653
11. Четвертая дорога	661
12. В гостях у сытой королевы	669
13. Золотые ворота Гоа	676
14. Игрушки толстого Ли	686
15. Кольцо длиной в тринадцать лет	697
16. Девушки и мандарины	703
17. Цзюнь-Цзы	711

Часть II. Торг за полушку

18. Горячая зима 2142	723
19. Слово и дело	735
20. Первая ведьма	738
21. Ночь в Эрмитаже	744
22. Первая проигранная партия	756
23. Путь компромисса	761

24. Зеленая столица	767
25. Перемирие на крови	774
26. Мы с тобой одной крови	782
27. Родео без правил	789
28. Вторая проигранная партия	795
29. Воздушный флот Карамаза	803
30. Торг за полушку	809
31. Январские чистки	818
32. Миноносец в строю	826
33. Конец Британской эскадры	829
34. Сигонелла	834

ДЕМОН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Вместо предисловия. Ооскал дохлого зайца	841
--	-----

Часть I. Битва за два моря

1. Гибель шестого флота	854
2. О пользе инквизиции	867
3. Экипаж машины боевой	880
4. Сапфировый дождь	893
5. Сын пьет кровь	904

Часть II. Малахитовые ворота

6. Тропинка в рай	913
7. Побег	918
8. Узники желаний	927
9. Человек-ключ	937
10. Шкаф номер шесть	942
11. Ощущение присутствия	950
12. Подвальный	955
13. Раб лампы	962
14. Бронепоезд	970
15. Человек поезда	983
16. Дрежище Хувайлид	999
17. Незванный гость	1006

18. Последний довод	1016
19. Люди грязи	1023
20. Врио губернатора	1030

Часть III. Постриг белого монтуса

21. Дикое причастие	1036
22. Анатом	1040
23. Чума	1045
24. Постриг	1050
25. Спасен	1054
26. Бродяга	1058
27. Нож Годунова	1059
28. Шахматы	1066
29. Григорий	1074
30. Чита	1079
31. Восьмой городок	1083
32. Царь белый	1093
33. Кому на Руси жить	1098

Литературно-художественное издание

Виталий Сертаков

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

БРАТСТВО КРЕСТА

ПО СЛЕДАМ БОЛЬШОЙ СМЕРТИ

ДЕМОН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Ответственный редактор *П. В. Разуваев*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *О. К. Савельевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. ул. Заречная д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская, д. 11, лит. А.
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

АЛЕКСАНДР МАЗИН

ВПЕРВЫЕ ВСЕ ЧЕТЫРЕ РОМАНА
В ОДНОЙ КНИГЕ!

ДРАКОН

Знаменитая тетралогия — под одной обложкой. Сотни тысяч читателей Александра Мазина считают эпическое фэнтези «Дракон Конга» лучшим из написанного автором.

ВАЛЕРИЙ БОЛЬШАКОВ

ВПЕРВЫЕ ВСЕ ЧЕТЫРЕ РОМАНА РУССКОГО ЦИКЛА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

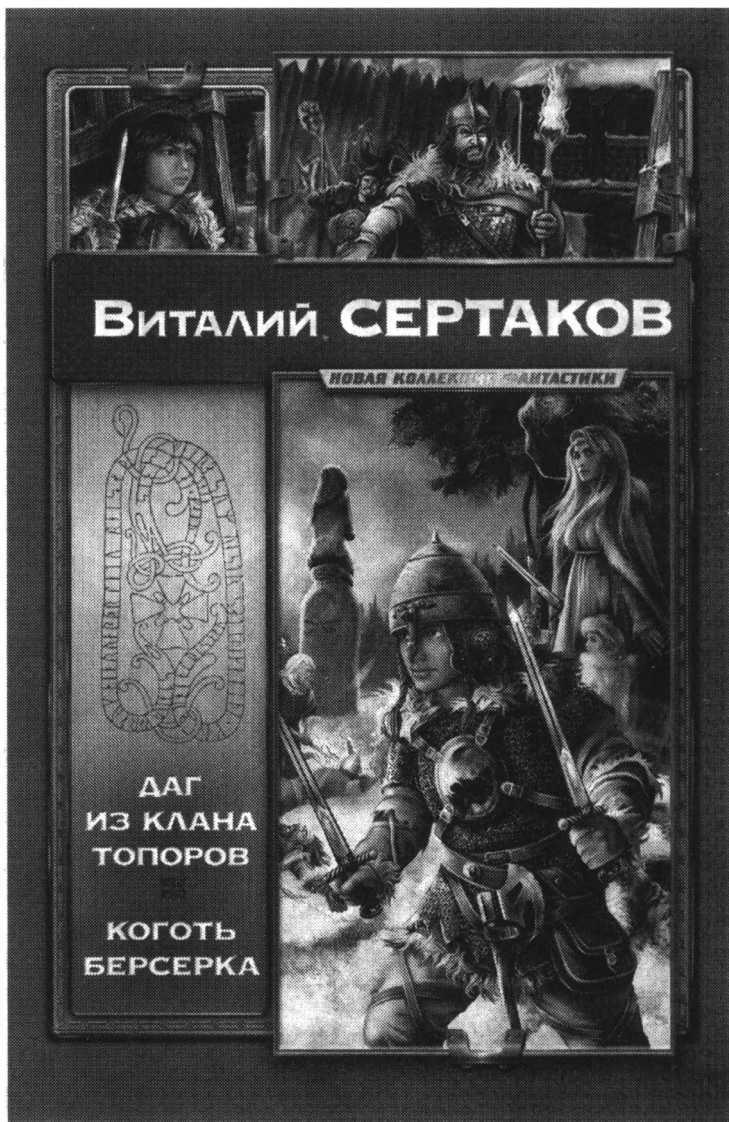

ВОИН

Олег Сухов, кузнец и «игровик», случайно стал жертвой темпорального эксперимента и вместе с молодым доктором Шуркой Пончиком угодил прямо в девятый век... Где их обоих моментально определили в рабское сословие. Однако жить среди славных варягов бесправным трэлем — это не по Олегову нраву...

Так начинается личный квест Олега Сухова, кузнеца, воина и нашего современника. Сначала — в дружине конунга Рюрика, потом — еще один прыжок во времени — и новый виток, который выводит Сухова в главные «спецназовцы» византийского императора...

Тетралогия «Воин» — лучший цикл известного писателя Валерия Большакова в жанре исторической фантастики.

Суровый мир древних викингов не терпит чужих. Маленькому Дагу повезло. Его не убили. И не сделали рабом. Его усыновил богатый свейский кузнец Олав Северянин. Дагу из клана Топоров не суждено стать кузнецом. В семь лет он уже знает, что станет воином. Херсиром-вождем.

Он должен был стать великим воином, но его похитили. Финская колдунья увезла его на север, чтобы юный Даг из племени Топоров стал колдуном, которому нет равных. Однако Дагу дорога колдуна не по вкусу. Он хочет стать воином. Лучшим из лучших. Но прежде ему предстоит узнать, что самые лучшие, самые страшные, самые беспощадные воины севера — это воины-«оборотни». Берсерки...

МИР УРШАДА

Этот мир — чужой. Костры инквизиции и работорговля, упыри в ночном небе над спящими городами и миражи, уводящие путников в ад. Здесь не знают милосердия и не ждут пощады. Но где-то остался потерянный рай — земля любви и гармонии, «Четвертая Твердь». Там живут в мире люди и боги. На поиски этой земли отправляются Женщина-Гроза, неистовая Марта Ивачич, и Рахмани Саади — человек, побравативший с огнем. А в дороге их направит магический Камень Пути, подарок Уршада — безликого демона...

ЗОВ УРШАДА

Мир Уршада, породивший Ловца Тьмы Рахмани и Женщину-Грозу Марту Ивачич. Эти двое оживили драгоценный Камень Пути, который привел их на таинственную «Четвертую Твердь»... оказавшуюся нашей Землей. Привел не куда-нибудь в джунгли Амазонки, а прямо в Санкт-Петербург.

Рахмани и Марта желают встретиться с императором «Четвертой Тверди». И готовы бороться с любыми трудностями. А если «трудности» возражают, то в ход идет оружие и магия. И горе тем, кто вовремя не уберется с дороги!

ДЕТЕКТИВ С ЛЫСКОЙ ГОРЫ

Алекс Каховский предпочел бы раскрывать преступления, не выходя из своего кабинета. Но детективов и волков, как всем известно, кормят ноги. А в мире ведьм и чудовищ ему вдобавок приходится то и дело пускаться в дело меч и арбалет.

И все же детектив Алекс считает, что жизнь прекрасна. Во-первых, потому что вокруг столько симпатичных женщин, во-вторых, он все еще жив. Что при его профессии и характере можно считать признаком большой удачливости.

СПЕЦНАЗ ЛЫСКОЙ ГОРЫ

Его дом — на полпути между Лысой Горой и Княжеским Замком.

Его любовница — ведьма.

Его друзья — гвардейцы Великого Князя.

Его враги... Не стоит завидовать его врагам, даже если у них есть танки и ракеты средней дальности.

Знакомьтесь: Алекс Каховский. Герой. Работа такая.

О грядущем Конце света слыхали?

Это из его биографии.

Эта история началась с девушки. С очень необычной девушки, которую Алекс увидел в трамвае. Не удивительно, что он захотел с ней познакомиться. Удивительное началось потом. Лишь один опрометчивый шаг — и Алексу открылась другая реальность.

Да, мир устроен совсем не так, как полагают те, кто привык не замечать странности и увидев необъяснимое говорить: померещилось.

Это их выбор. Выбор большинства.

Но Алекс уже пересек грань. Он не знал, что сделал выбор. Он не знал, что Превращение уже началось. Теперь у него только два пути: довести дело до конца или — погибнуть. И он еще не знает, какую жуткую цену придется заплатить Черному Клану за Превращение.

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

БРАТСТВО КРЕСТА

ПО СЛЕДАМ БОЛЬШОЙ СМЕРТИ

ДЕМОН ПРОТИВ ХАЛИФАТА

ISBN 978-5-17-072890-9

9 785170 728909